
VE RI
TAS

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CLXXXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).
1876.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распо ряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіо графіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у нас и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицком переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часов утра. Иногородные также адресуются исключительн въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнал без пересылки или доставки двѣнадцать рублей, с доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пят десятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тр надцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ том числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ начал каждаго мѣсяца. Сверхъ того желающіе могутъ пріобрѣ тать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе г ды, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875-й (последні съ Мартовской книжки) платя за экземпляръ шест рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесят копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе город

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Редакторъ **Е. Ѳеоктистовъ.**

(Вышла 1-го февраля)

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на 3-й стр. обёртки

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЯНВАРЬ.

1876.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CLXXXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.
1876.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (11-го октября 1875 года). *Объ открытіи учительской семинаріи въ селѣ Елисаветинѣ, Уфимской губерніи.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи учительской семинаріи въ селѣ Елисаветинѣ, въ Уфимской губерніи, и соглашаясь съ заключеніемъ министра по сему дѣлу, *мнѣніемъ положилъ*:

1) Открыть въ селѣ Елисаветинѣ, Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губерніи, учительскую семинарію для приготовленія учителей въ русскія начальныя училища, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія: а) примѣнить къ сему учебному заведенію Высочайше утвержденные 17-го марта 1870 г. положеніе и штатъ Молодечнянской учительской семинаріи съ увеличеніемъ лишь размѣра казенныхъ стипендій до 90 руб. на каждаго казеннокоштнаго воспитанника и б) назначить въ Елисаветинскую семинарію врача, съ содержаніемъ по 800 руб. въ годъ, считая въ томъ числѣ жалованья 450 руб. и столовыхъ денегъ 350 руб. и съ присвоеніемъ сему врачу VIII класса по должности, VIII разряда по шитью на мундирѣ и правъ на пенсію по правиламъ о медицинской службѣ.

2) На содержаніе упомянутой вновь открываемой учительской семинаріи ассигновать къ отпуску изъ государственнаго казначейства, начиная съ будущаго 1876 г., по *шестнадцати тысячъ двѣсти десяти* рублей ежегодно, со внесеніемъ этой суммы въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ такое мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

2. (18-го октября 1875 года). *О правахъ на пенсіи должностныхъ лицъ земскихъ учительскихъ семинарій и школъ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правахъ на пенсіи должностныхъ лицъ земскихъ учительскихъ семинарій и школъ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Къ директору, преподавателямъ наукъ и законоучителю Курской земской учительской школы примѣнить ст. 173 и 174 устава о пенсіяхъ (Св. Зак., т. III, изд. 1857 г.) и, на семъ основаніи, упомянутымъ лицамъ, если они до поступленія на службу въ школу состояли на службѣ съ содержаніемъ отъ казны или изъ государственнаго земскаго сбора и пользовались правами на пенсію, сохранить таковыя права и пенсіи производить, по выслугѣ ими установленныхъ сроковъ, частію изъ государственнаго казначейства, частію изъ суммъ мѣстнаго земства, по разчету числа лѣтъ, въ продолженіи коихъ названныя лица получали содержаніе изъ казны или изъ государственнаго земскаго сбора и изъ суммъ мѣстнаго земства; въ томъ же случаѣ, когда лица сіи по службѣ, предшествовавшей ихъ поступленію въ Курскую учительскую школу, получали содержаніе не изъ казны или государственнаго земскаго сбора, а изъ другихъ источниковъ, напримѣръ, изъ суммъ опекунскаго совѣта или городскихъ доходовъ и т. п., то и часть пенсіи за эту ихъ службу относить на сіи источники.

II. При опредѣленіи размѣра пенсій поименованнымъ въ предыдущей статьѣ лицамъ, изъ указанныхъ въ оной источниковъ, принимать въ основаніе оклады жалованья должностныхъ лицъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія 3-го разряда по штатамъ 17-го апрѣля 1859 г., то-есть, производить пенсіи: директору въ размѣрѣ 800 руб., учителямъ наукъ—600 руб. и законоучителю—400 руб. въ годъ. Затѣмъ пенсіи назначать по дѣйствующимъ правиламъ особеннаго пенсіоннаго устава, изданнымъ для служащихъ по учебной части министерства народнаго просвѣщенія, равно и особыхъ, касающихся сего предмета положеній, съ тѣмъ, между прочимъ, чтобы:

1) права означенныхъ лицъ на пенсіи были разсматриваемы и утверждаемы министерствомъ народнаго просвѣщенія и

2) при назначеніи пенсіи тѣмъ изъ сихъ лицъ, кои на службу

въ учительскую школу Курскаго земства перейдутъ изъ общей гражданской или военной службы, время, проведенное на этой службѣ, причиталось бы къ службѣ въ школѣ по пропорціи 7 : 5.

III. Въ случаѣ желанія Курскаго земства, чтобы падающая на его средства часть пенсіи вышеупомянутымъ лицамъ была выдаваема изъ кассъ министерства финансовъ, обязать земства слѣдующія за эту часть деньги вносить въ мѣстное губернское казначейство, согласно съ существующими по названному министерству правилами о производствѣ пенсій изъ постороннихъ источниковъ.

IV. Назначеніе единовременныхъ пособій директору, преподавателямъ наукъ и законоучителю предоставить усмотрѣнію Курскаго губернскаго земскаго собранія.

V. Предоставить министерству народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, удовлетворять подобныя настоящему ходатайства земствъ другихъ губерній, на точномъ основаніи изложенныхъ въ предшествующихъ статьяхъ условій.

Государь Императоръ такое мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

3. (25-го октября 1875 года). *Объ учрежденіи стипендій при Томской гимназіи.*

Генералъ-губернаторъ Западной Сибири сообщилъ министерству народнаго просвѣщенія, что нижніе чины: Томскаго воинскаго управленія, Томскаго губернскаго баталіона и Барнаульской мѣстной команды, лица, служащія при Томской губернской гимназіи, и нѣкоторые изъ чиновниковъ и гражданъ г. Томска, собрали капиталъ въ 4.826 руб., для учрежденія, на счетъ процентовъ съ онаго, трехъ стипендій Имени Государя Императора, въ память двадцатилѣтняго благополучнаго царствованія Его Величества: одной — въ 190 руб., для содержанія въ пансіонѣ Томской гимназіи воспитанника, и двухъ — по 25 руб. для приходящихъ учениковъ гимназіи, на плату за право ученія по 15 руб. за каждаго и на выдачу каждому учебниковъ на 10 руб.

По всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе капитала въ 4.826 руб., такъ и на учрежденіе изъ процентовъ съ онаго трехъ стипендій при Томской гимназіи, съ наименованіемъ оныхъ „стипендіи Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II“.

При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

4. (25-го октября 1875 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Московской третьей гимназіи.*

Бывшій воспитанникъ Московской третьей гимназіи Константинъ Трапезниковъ, окончившій полный курсъ въ 187⁴/₅ учебномъ году, представилъ директору этой гимназіи три тысячи руб. для употребленія ихъ по назначенію директора. Въ донесеніи объ этомъ министерству народнаго просвѣщенія начальство Московскаго учебнаго округа просило объ учрежденіи на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго Трапезниковымъ капитала одной стипендіи его имени при названной гимназіи.

По всеподданнѣйшему, вслѣдствіе сего, докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе капитала въ три тысячи руб., такъ и на учрежденіе изъ процентовъ съ онаго при Московской 3-й гимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ ея: „стипендія бывшаго воспитанника 3-й Московской гимназіи Константина Трапезникова".

5. (24-го октября 1875 года). *О продленіи существовавшаго до 3-го мая 1875 года порядка выдачи евреямъ дополнительныхъ свидѣтельствъ на званіе меламда.*

По силѣ 3-го пункта Высочайше утвержденнаго, 4-го мая 1859 г., положенія бывшаго комитета объ устройствѣ Евреевъ, о правилахъ для обученія дѣтей Евреевъ, меламдамъ (домашнимъ учителямъ), неопороченнымъ въ поведеніи или законопротивныхъ поступкахъ и незамѣченнымъ въ особомъ проявленіи фанатизма, разрѣшено было продолжать выдачу ежегодныхъ свидѣтельствъ на основаніи порядка, учрежденнаго бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Уваровымъ. По истеченіи же десяти лѣтъ, выдачу дозволительныхъ свидѣтельствъ положено ограничить только прежними меламдами, а вновь поступающихъ опредѣлять не иначе, какъ изъ обучавшихся въ раввинскихъ училищахъ или въ общихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ 1875 же году опредѣлено привести въ полное дѣйствіе указъ 7-го іюня 1855 г., послѣдовавшій въ исполненіе Высочайше утвержденнаго 3-го мая 1855 г. положенія того же комитета объ ограниченіи опредѣленія въ раввины и учители еврейскихъ

предметовъ, по которому чрезъ 20 лѣтъ домашними учителями могутъ быть исключительно только Евреи, обучавшіеся въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Это Высочайшее повелѣніе 4-го мая 1859 г. вошло во 2-е примѣчаніе къ ст. 1410, по прод. 1863 г., Зак. о сост. т. IX Св. Зак. (изд. 1857 г.).

По случаю истеченія въ семъ году срока, послѣ коего дозволяется быть меламдами исключительно Евреямъ, обучавшимся въ раввинскихъ училищахъ, или въ общихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, вслѣдствіе просьбъ Евреевъ и по соображеніямъ министерства народнаго просвѣщенія признано было необходимымъ облегчить для Евреевъ условія по образованію для полученія званія меламда и по этому предмету внесено было управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайство въ комитетъ министровъ.

Комитетъ министровъ, по разсмотрѣніи настоящаго дѣла, предоставивъ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія войдти, по возбужденному вопросу объ измѣненіи изданнаго въ 1855 году закона о меламдахъ, съ представленіемъ въ установленномъ законодательномъ порядкѣ, положилъ испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на продленіе на два года, то-есть, по 3-е мая 1877 года, существовавшаго до 3-го мая 1875 года порядка выдачи Евреямъ дозволительныхъ свидѣтельствъ на званіе меламда, съ тѣмъ, чтобы подлежащими вѣдомствами безотлагательно приняты были необходимыя мѣры къ строгому соблюденію сего порядка, на точномъ основаніи Высочайшаго повелѣнія 4-го мая 1859 года.

Государь Императоръ таковое положеніе комитета министровъ Высочайше утвердить соизволилъ.

6. (25-го октября 1875 года). *О продоставленіи министру народнаго просвѣщенія права учреждать при университетахъ должности сверхштатныхъ ассистентовъ, лаборантовъ и помощниковъ прозекторовъ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при университетахъ должностей сверхштатныхъ ассистентовъ, лаборантовъ и помощниковъ прозекторовъ, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Въ видахъ доставленія университетамъ возможности усиливать личный составъ профессорскихъ помощниковъ предоставить министру

народнаго просвѣщенія право учреждать во всѣхъ университетахъ, по мѣрѣ надобности, должности: сверхштатныхъ ассистентовъ, сверхштатныхъ лаборантовъ и помощниковъ прозекторовъ, съ производствомъ имъ вознагражденія, по мѣрѣ возможности, изъ свободныхъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ, или изъ спеціальныхъ средствъ университетовъ, и съ присвоеніемъ имъ тѣхъ же правъ и преимуществъ по службѣ, какія предоставлены штатнымъ должностямъ, а ассистентамъ—правъ, присвоенныхъ лаборантамъ, и

2) Лицамъ, имѣющимъ занять означенныя должности, правъ на пенсію не предоставлять; но въ случаѣ занятія сими лицами впослѣдствіи штатныхъ должностей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ по учебной части, время, проведенное ими въ означенныхъ сверхштатныхъ должностяхъ,—не болѣе однако 6-ти лѣтъ,—зачитать имъ на пенсію, и для сего изъ получаемаго ими отъ университетовъ содержанія удерживать 2% въ пенсіонный капиталъ.

Его Императорское Величество таковое мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

7. (25-го октября 1875 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Московскомъ университетѣ.*

Управляющій Ломжинскою казенною палатою, статскій совѣтникъ Щепкинъ, представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія *двѣ тысячи* руб. билетами государственнаго банка на учрежденіе изъ процентовъ сего капитала при Московскомъ университетѣ одной стипендіи имени его родителей.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Московскомъ университетѣ, изъ процентовъ означеннаго капитала, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендіею покойнаго профессора и инспектора Московскаго университета Павла Степановича Щепкина и жены его Клавдіи Николаевны", при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было благодарить жертвователя.

8. (25-го октября 1875 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Харьковской 2-й гимназіи.*

Проживающій въ Харьковѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вернадскій, желая сохранить память умершаго сына своего Николая, воспитывавшагося въ Харьковской 2-й гимназіи, представилъ дирек-

тору этой гимназіи *четыре тысячи* руб. шестипроцентными закладными листами Полтавскаго земельнаго банка, каждый съ купонами съ 2-го января 1876 года по 1-е іюля 1882 года, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала учреждена была при названной гимназіи одна стипендія имени сына его Николая Вернадскаго.

Вслѣдствіе донесенія объ этомъ начальства Харьковскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе капитала въ 4.000 рублей, такъ и на учрежденіе изъ процентовъ съ онаго одной стипендіи при Харьковской 2-й гимназіи, съ наименованіемъ ея: „стипендія Николая Вернадскаго".

9. (25-го октября 1875 года). *Объ учрежденіи стипендіи при университетѣ св. Владиміра.*

Умершій въ отставкѣ маіоръ Шевяковъ, по духовному завѣщанію, утвержденному Волынскою палатою уголовнаго и гражданскаго суда, отказалъ университету св. Владиміра *шесть тысячъ* рублей билетами государственнаго банка, на учрежденіе при университетѣ св. Владиміра, изъ процентовъ означеннаго капитала, одной стипендіи для студентовъ недостаточнаго состоянія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при университетѣ св. Владиміра, изъ процентовъ означеннаго капитала, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендіею Ивана Борисовича Шевякова".

10. (25-го октября 1875 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Новгородской Николаевской женской гимназіи.*

Новгородская городская дума, по случаю совершившагося 5-го сентября сего года пятидесятилѣтія служенія въ священномъ санѣ высокопреосвященнаго Исидора митрополита Новгородскаго, С.-Петербургскаго и Финляндскаго, внесла въ городской общественный банкъ 500 руб., предположивъ на проценты съ этого капитала учредить при Новгородской Николаевской женской гимназіи, на вѣчныя времена, одну стипендію имени высокопреосвященнаго Исидора, о чемъ Новгородскій губернаторъ и входилъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляю-

щаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на приведеніе означеннаго ходатайства въ исполненіе.

11. (4-го ноября 1875 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Харьковскомъ университетѣ.*

Вдова полковника Яковлева, согласно духовному завѣщанію сестры ея, вдовы штабсъ-капитана Синельникова, утвержденному Острогожскимъ окружнымъ судомъ, представила въ министерство народнаго просвѣщенія наличными деньгами *шесть тысячъ рублей*, на учрежденіе при Харьковскомъ университетѣ, изъ процентовъ сего капитала одной стипендіи имени жертвовательницы и мужа послѣдней штабсъ-капитана Синельникова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, въ Ливадіи, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Харьковскомъ университетѣ, изъ процентовъ означеннаго капитала, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендіею Евдокима Николаевича и Клеопатры Григорьевны Синельниковыхъ".

12. (4-го ноября 1875 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Харьковскомъ университетѣ.*

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Вернадскій, желая сохранить память умершаго сына своего Николая, представилъ въ правленіе Харьковскаго университета пять тысячъ рублей, въ процентныхъ бумагахъ, на учрежденіе при Харьковскомъ университетѣ, изъ процентовъ сего капитала, одной стипендіи имени сына его Николая Вернадскаго.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ этомъ, въ Ливадіи, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Харьковскомъ университетѣ, на счетъ процентовъ означеннаго капитала, одной стипендіи съ наименованіемъ оной „стипендіею Николая Вернадскаго", при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователя.

13. (16-го ноября 1875 года). *О переводѣ существующей въ г. Николаевскѣ на Амурѣ прогимназіи въ г. Владивостокъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ Ливадіи, Высочайше соизволилъ на пе-

реводъ существующей нынѣ въ г. Николаевскѣ на Амурѣ прогимназіи изъ сего города въ г. Владивостокъ.

14. (16-го ноября 1875 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Кіевскомъ реальномъ училищѣ.*

Товарищество Кальникскаго свеклосахарнаго завода, въ память заслугъ на поприщѣ сахарной промышленности пайщика и директора-распорядителя правленія этого товарищества, швейцарскаго уроженца Фридриха Енни, пожертвовало капиталъ въ 6000 руб., состоящій изъ пятипроцентныхъ государственныхъ банковыхъ билетовъ, который и внесенъ въ Кіевскую городскую кассу, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала учреждена была при Кіевскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени Енни.

Вслѣдствіе донесенія о томъ кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе капитала въ *шесть тысячъ* руб., такъ и на учрежденіе изъ процентовъ съ онаго при Кіевскомъ реальномъ училищѣ одной стипендіи, съ наименованіемъ ея „стипендія швейцарскаго уроженца Фридриха Енни".

При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

15. (16-го ноября 1875 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Новороссійскомъ университетѣ.*

Лица, служившія при сооруженіи Харьково-Николаевской желѣзной дороги, представили въ правленіе Новороссійскаго университета собранный между собой, по добровольной подпискѣ, капиталъ въ *шесть тысячъ восемьсотъ пятьдесятъ* рублей, заключавшійся въ билетахъ Херсонскаго земскаго банка, на учрежденіе при означенномъ университетѣ, для недостаточныхъ студентовъ, одной стипендіи имени строителя означенной дороги, покойнаго тайнаго совѣтника барона Унгернъ-Штернберга.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Новороссійскомъ университетѣ, изъ процентовъ означеннаго капитала, одной стипендіи, съ наименованіемъ оной „стипендіею тайнаго совѣтника, барона Константина Константиновича Ун-

гернъ-Штернберга", при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

24-го октября 1875 г. (№ 12). *Производится*: помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа, управляющій Екатерининскою больницею въ Москвѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ивановъ* — въ тайные совѣтники, по случаю совершившагося въ текущемъ году 100-лѣтняго юбилея сей больницы.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: доценту Императорскаго Дерптскаго университета, доктору *Бунге* — по 1-е декабря 1876 года.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Чистяковъ* и лаборантъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Шмидтъ*, первый — по 16-е августа 1876 года и послѣдній — по 1-е іюля того же года, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшенныхъ имъ двухмѣсячныхъ заграничныхъ отпусковъ.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по удостоенію комитета гг. министровъ вслѣдствіе представленія по министерству народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, въ 22-й день истекшаго ноября, медали съ надписью „за спасеніе погибавшихъ", на владимірской лентѣ, для ношенія въ петлицѣ: золотыя бывшимъ ученикамъ Немировской гимназіи, сыну коллежскаго ассесора Нарцизу *Шиманскому* и дворянину Казиміру *Длускому* и ученику Моршанскаго уѣзднаго училища, сыну Моршанскаго 2-й гильдіи купца Владиміру *Никитину* и серебряную ученику Тверской гимназіи, сыну титулярнаго совѣтника, Владиміру *Голенищеву-Кутузову*.

IY. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (1-го августа 1875 г.). *Положеніе о стипендіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Ивановича Садокова при Нижегородской губернской гимназіи.*

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. По случаю совершившейся 22-го февраля 1875 года 30-ти лѣтней служебной дѣятельности на учебно-воспитательномъ поприщѣ директора Нижегородской губернской гимназіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Ивановича Садокова, чиновники и преподаватели той гимназіи, Нижегородскаго Александровскаго института, Маріинской женской гимназіи и лица другихъ учебныхъ заведеній и вѣдомствъ и городскаго общества, желая выразить ему глубокое уваженіе и искреннюю признательность за его неутомимыя заботы о ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ, составили, чрезъ добровольную подписку, капиталъ въ шестьсотъ рублей и учредили изъ процентовъ съ онаго, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 29-го іюля 1875 года, на вѣчныя времена, въ Нижегородской губернской мужской гимназіи стипендію имени директора гимназіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Садокова.

§ 2. Означенный капиталъ долженъ храниться въ губернскомъ казначействѣ, оставаться неприкосновеннымъ и заключаться въ банковыхъ билетахъ тѣхъ учрежденій, гдѣ болѣе установлено %.

§ 3. Стипендія должна состоять въ ежегодной платѣ, въ продолженіи всего гимназическаго курса, за право ученія въ Нижегородской гимназіи одного ученика, заслуживающаго того по своимъ отличнымъ успѣхамъ и поведенію, который и именуется стипендіатомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Садокова.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ самому дѣйствительному статскому совѣтнику Константину Ивановичу Садокову, а по смерти его оно переходитъ къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Сумма, оставшаяся отъ ежегодныхъ взносовъ за право ученія стипендіата, хранится въ губернскомъ казначействѣ и должна быть выдана стипендіату, по окончаніи имъ гимназическаго курса, въ пособіе для отправленія его въ университетъ.

2. (5-го сентября 1875 г.). *Положеніе о стипендіяхъ имени директора училищъ Астраханской губерніи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Петермана, при Черноярскомъ уѣздномъ училищѣ.*

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1) На проценты съ капитала ста шестнадцати рублей, собраннаго по подпискѣ служащими въ Черноярскомъ уѣздномъ училищѣ и въ приходскихъ училищахъ Черноярскихъ, Енотаевскихъ и Царевскомъ, вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, учреждены при Черноярскомъ уѣздномъ училищѣ, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 27 день августа 1875 г., двѣ стипендіи, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіи имени директора училищъ Астраханской губерніи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Андрея Богумиловича Петермана", въ память 25-лѣтія его служебной дѣятельности.

2) Сумму 116 рублей, какъ основной капиталъ, училищный совѣтъ долженъ вложить въ какое либо государственное кредитное учрежденіе на приращеніе процентами, или пріобрѣсти выгодныя государственныя процентныя бумаги.

3) Изъ получаемыхъ ежегодно приращеній педагогическій совѣтъ вноситъ плату за ученіе за 2-хъ стипендіатовъ, а остальныя деньги, по своему усмотрѣнію, употребляетъ или на покупку книгъ и классныхъ принадлежностей для стипендіатовъ, или на выдачу имъ пособій, или оставляетъ эти деньги въ училищѣ на непредвидимые расходы для стипендіатовъ, или, наконецъ, причисляетъ ихъ къ стипендіальному капиталу, если со временемъ увеличиваемая плата за ученіе можетъ потребовать увеличенія стипендіи.

4) Стипендіатовъ предоставляется избирать педагогическому совѣту училища и утверждать директору училищъ Астраханской губерніи Петерману при его жизни, а послѣ окончательное утвержденіе предоставляется совѣту училища.

5) Стипендіатами допускаются дѣти бѣдныхъ родителей, выдержавшіе испытаніе на поступленіе въ Черноярское уѣздное училище (или въ какое оно преобразуется) изъ приходскихъ мужскихъ: Черноярскаго, Енотаевскаго и Царевскаго училищъ и обучающіеся въ Черноярскомъ уѣздномъ училищѣ и выдержавшіе экзаменъ на поступленіе въ слѣдующіе классы уѣзднаго училища съ хорошей аттестаціей.

6) Стипендіату, оставшемуся въ томъ же классѣ уѣзднаго училища на другой годъ, стипендія можетъ быть сохранена только по уважительнымъ причинамъ, о которыхъ судитъ окончательно совѣтъ училища. Равнымъ образомъ педагогическій совѣтъ училища и лишаетъ недостойнаго стипендіата права на стипендію.

3. (23 октября 1875 г.) *Положеніе о стипендіи имени бывшаго предсѣдателя Орловскаго окружнаго суда Александра Алексѣевича Лопухина при Орловской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

Въ средѣ лицъ судебнаго вѣдомства Орловскаго окружнаго суда, по поводу полученія бывшимъ пресѣдателемъ того суда г. Лопухинымъ другаго назначенія, а именно: предсѣдателя С.Петербургскаго окружнаго суда, возникла мысль выразить ему свое расположеніе, соединивъ воспоминаніе о немъ съ дѣломъ общественной благотворительности, въ слѣдствіе чего составилась подписка, давшая въ итогѣ 1000 р., которые и внесены въ Орловскій общественный банкъ, въ чемъ банкомъ выданъ билетъ за № 9182. Участвовавшія въ подпискѣ лица выразили желаніе, чтобы на проценты съ этого капитала образована была при Орловской мужской гимназіи стипендія, выдаваемая ежегодно, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи, въ видѣ единовременнаго пособія, одному изъ бѣднѣйшихъ гимназистовъ, окончившему курсъ, при поступленіи его въ университетъ, при чемъ было бы отдаваемо предпочтеніе дѣтямъ лицъ судебнаго вѣдомства или лицамъ, поступающимъ на юридическій факультетъ, и, наконецъ, съ сохраненіемъ за Александромъ Алексѣевичемъ Лопухинымъ пожизненнаго права избранія стипендіата изъ числа лицъ, удовлетворяющихъ вышеозначеннымъ условіямъ, съ тѣмъ однако, чтобы заявленіе объ избранномъ имъ кандидатѣ было ежегодно дѣлаемо имъ педагогическому совѣту гимназіи не позднѣе окончанія выпускнаго экзамена; въ случаѣ же, если бы въ числѣ лицъ, поступающихъ въ университетъ, по окончаніи курса въ Орловской гимназіи, не оказалось нуждающихся въ пособіи, то чтобы таковое выдавалось одному изъ бѣднѣйшихъ гимназистовъ Орловской гимназіи, по усмотрѣнію совѣта гимназіи.

2. Означенный капиталъ, одна тысяча рублей, передается въ собственность Орловской мужской гимназіи, причисляется къ категоріи

неподвижныхъ, съ благотворительною цѣлію пожертвованныхъ капиталовъ этого заведенія и хранится въ Орловскомъ общественномъ банкѣ, по билету вѣчнаго вклада этого банка.

3. Учреждаемой означенными жертвователями стипендіи присвоивается, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 5 октября 1875 года, наименованіе: „стипендія имени бывшаго предсѣдателя Орловскаго окружнаго суда Александра Алексѣевича Лопухина".

4. На означенную стипендію, выдаваемую ежегодно, предназначаются всѣ проценты съ указаннаго капитала (1.000 руб.), причитающіеся за годичный періодъ времени изъ Орловскаго общественнаго банка.

5. Кандидатами на полученіе учреждаемой стипендіи могутъ быть бѣдные гимназисты, окончившіе курсъ въ Орловской мужской гимназіи и поступающіе въ университетъ, преимущественно изъ дѣтей лицъ судебнаго вѣдомства, или же преимущественно поступающіе на юридическій факультетъ, а въ случаѣ неимѣнія таковыхъ въ заведеніи по окончаніи какого-либо учебнаго года, вообще бѣднѣйшіе ученики того же заведенія.

6. Право назначенія кандидатовъ на полученіе стипендіи, а равно право полученія изъ Орловскаго общественнаго банка процентовъ за годъ и выдача оныхъ по назначенію, принадлежитъ педагогическому совѣту Орловской мужской гимназіи, а право избранія, изъ назначенныхъ послѣднимъ кандидатовъ, стипендіата—пожизненно принадлежитъ бывшему предсѣдателю Орловскаго окружнаго суда Александру Алексѣевичу Лопухину, къ которому совѣтъ, черезъ директора гимназіи ежегодно, не позднѣе окончанія въ гимназіи выпускнаго экзамена, и препровождаетъ списокъ кандидатовъ на стипендію, для избранія имъ изъ нихъ стипендіата. Въ случаѣ же неимѣнія въ гимназіи по окончаніи какого-либо учебнаго года, кандидатовъ изъ гимназистовъ, окончившихъ курсъ, педагогическій совѣтъ выдаетъ въ томъ году стипендію одному изъ бѣднѣйшихъ гимназистовъ вообще, котораго бы класса онъ ни былъ, по собственному усмотрѣнію. По собственному же усмотрѣнію педагогическій совѣтъ гимназіи выдаетъ стипендію, по окончаніи какого-либо учебнаго года, и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не получитъ въ теченіе мѣсяца, со дня доставленія списка кандидатовъ на стипендію Александра Алексѣевича Лопухина, отвѣта отъ послѣдняго объ избраніи имъ изъ кандидатовъ стипендіата, или же когда совѣту гимназіи будетъ неизвѣстно ни

мѣсто жительства, ни мѣсто служенія Александра Алексѣевича Лопухина.

По смерти Александра Алексѣевича Лопухина, право избранія стипендіата изъ лицъ, удовлетворяющихъ означеннымъ выше условіямъ, выраженнымъ жертвователями, переходитъ навсегда къ педагогическому совѣту мужской гимназіи.

4. (6-го ноября 1875 г.). *Положеніе о стипендіи, учрежденной при 3-й Московской гимназіи, бывшаго воспитанника оной Константина Трапезникова.*

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) На счетъ дохода 3.000 руб., внесенныхъ г. Трапезниковымъ въ знакъ благодарности къ заведенію, давшему ему образованіе, учреждена съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 25-й день октября 1875 г., при 3-й Московской гимназіи одна стипендія, которая именуется: „стипендія бывшаго воспитанника 3-й Московской гимназіи Константина Трапезникова".

2) Съ этою цѣлью три тысячи рублей обращаются въ бумаги, приносящія доходъ, который и составляетъ стипендіальную сумму.

3) Стипендія предназначается для бѣдныхъ учениковъ православнаго исповѣданія, отличающихся удовлетворительными успѣхами и хорошимъ поведеніемъ.

4) Для полученія стипендіи отъ ученика требуется, чтобы отмѣтки въ двухъ главныхъ предметахъ были не менѣе 4 и въ остальныхъ не менѣе 3.

5) Если ученикъ, пользующійся стипендіею, въ теченіе полугодія будетъ аттестованъ за свои занятія ниже указаннаго минимума, то подвергается смѣщенію со стипендіи, если отсталость произошла по собственной его винѣ. Пониженіе отмѣтки по поведенію до 3 безусловно ведетъ къ лишенію стипендіи.

6) Назначеніе стипендіи, равно какъ и смѣщеніе съ нея, принадлежитъ педагогическому совѣту.

7) Въ случаѣ выхода въ тиражъ погашенія пріобрѣтенныхъ доходныхъ бумагъ, гимназія обязана позаботиться о замѣнѣ ихъ новыми.

8) Если отъ стипендіальной суммы по какимъ-либо причинамъ образуется свободный остатокъ, то онъ употребляется на усиленіе сти-

пендіи, чрезъ пріобрѣтеніе новыхъ доходныхъ бумагъ или на выдачу пособія стипендіату по окончаніи имъ гимназическаго курса.

5. (7-го ноября 1875 г.). *Положеніе о стипендіи имени директора Самарской гимназіи, статскаго совѣтника Александра Ивановича Соколова.*

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. Граждане города Самары, сочувствующіе великому дѣлу отечественнаго образованія, желая почтить благотворную дѣятельность на педагогическомъ поприщѣ директора Самарской гимназіи, статскаго совѣтника Соколова, собрали по подпискѣ капиталъ въ пять сотъ руб. съ тѣмъ, чтобы проценты на оный были употреблены на учрежденіе, на вѣчныя времена, при Самарской гимназіи стипендіи имени статскаго совѣтника Александра Ивановича Соколова.

§ 2. Капиталъ этотъ долженъ оставаться на вѣчныя времена неприкосновеннымъ и храниться, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, или въ государственномъ банкѣ, или въ другомъ какомъ-либо кредитномъ учрежденіи, гдѣ окажется болѣе выгоднымъ по количеству выдаваемыхъ процентовъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала выдаются одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Самарской гимназіи, отличающемуся примѣрнымъ поведеніемъ и хорошими успѣхами, безъ различія сословій и вѣроисповѣданій.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ при жизни статскому совѣтнику А. И. Соколову, а затѣмъ педагогическому совѣту Самарской гимназіи.

§ 5. Воспитанникъ Самарской гимназіи, пользующійся означенной стипендіей, долженъ именоваться стипендіатомъ статскаго совѣтника Александра Ивановича Соколова.

§ 6. Если успѣхи и нравственность ученика, пользующагося стипендіею, окажутся не совсѣмъ удовлетворительными, то при жизни А. И. Соколову, а затѣмъ педагогическому совѣту предоставляется право лишать такого ученика стипендіи и на мѣсто его избирать другаго.

§ 7. Стипендіатъ можетъ быть освобождаемъ отъ платы за право ученія въ продолженіи всего гимназическаго курса.

§ 8. Пользованіе стипендіей не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ для стипендіата по окончаніи имъ образованія.

6. (7-го ноября 1875 г.). *Положеніе о стипендіи имени Николая Вернадскаго при второй Харьковской гимназіи.*

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. При второй Харьковской гимназіи, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 25-й день октября 1875 г., учреждается стипендія имени Николая Вернадскаго изъ процентовъ съ капитала закладныхъ листовъ Полтавскаго земельнаго банка въ *четыре тысячи* руб., пожертвованныхъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Вернадскимъ.

§ 2. Стипендія предназначается одному изъ недостаточныхъ учениковъ, безъ различія вѣроисповѣданія и званія.

§ 3. Назначеніе стипендіата предоставляется жертвователю на время пребыванія его въ Харьковѣ, а потомъ совѣту гимназіи; причемъ преимущество должно быть оказываемо родственнику или однофамильцу жертвователя, въ случаѣ же ненахожденія таковаго въ гимназіи, уроженцу Черниговской или Тамбовской губерніи.

§ 4. Оставленіе стипендіата въ одномъ и томъ же классѣ на второй годъ лишаетъ его стипендіи.

7. (7-го ноября 1875 г.). *Положеніе о стипендіяхъ тайнаго совѣтника Григорія Сергѣевича Аксакова, учрежденныхъ при Самарской гимназіи.*

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. Въ ознаменованіе полезной и благотворной дѣятельности бывшаго самарскаго губернатора, тайнаго совѣтника Григорія Сергѣевича Аксакова, Самарская городская дума, съ Высочайшаго соизволенія, учредила при Самарской гимназіи десять стипендій его имени, на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго означенною думою въ 3.572 руб. сер.

§ 2. Капиталъ этотъ долженъ оставаться на вѣчныя времена неприкосновеннымъ и храниться въ Самарскомъ общественномъ банкѣ.

§ 3. На проценты съ означеннаго капитала вносится плата за ученіе десяти бѣднѣйшихъ учениковъ, преимущественно дѣтей гражданъ города Самары.

§ 4. Стипендіями пользуются только воспитанники, отличающіеся хорошими успѣхами и примѣрнымъ поведеніемъ, безъ различія сословій и вѣроисповѣданія.

§ 5. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту Самарской гимназіи.

§ 6. Воспитанники, пользующіеся стипендіей съ означеннаго капитала, должны именоваться стипендіатами тайнаго совѣтника Григорія Сергѣевича Аксакова.

§ 7. Стипендіатъ, получившій впослѣдствіи обезпеченіе въ матеріальномъ отношеніи, теряетъ право на стипендію.

§ 8. Пользованіе стипендіей не влечетъ за собою никакихъ обязательствъ для стипендіата по окончаніи имъ своего образованія.

8. (11-го ноября 1875 г.). *Правила о стипендіи Евдокима Николаевича и Клеопатры Григорьевны Синельниковыхъ.*

(Утверждены г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. Вдова штабсъ-капитана Клеопатра Григорьевна Синельникова, по духовному завѣщанію своему, утвержденному Острогожскимъ окружнымъ судомъ, отказала въ пользу Харьковскаго университета *шесть тысячъ* руб. на учрежденіе при ономъ, изъ процентовъ сего капитала, одной стипендіи имени жертвовательницы и мужа ея Евдокима Николаевича Синельникова.

§ 2. Означенная стипендія, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 4 ноября 1875 г., именуется „стипендіею Евдокима Николаевича и Клеопатры Григорьевны Синельниковыхъ“.

§ 3. Стипендія эта предоставляется, при хорошемъ поведеніи и успѣхахъ въ наукахъ, бѣднымъ студентамъ, безъ различія факультетовъ, дворянамъ Воронежской, Екатеринославской и Полтавской губерній, по очереди съ каждой губерніи.

§ 4. Избраніе стипендіата принадлежитъ совѣту университета, при существованіи же нѣсколькихъ конкурентовъ, при соблюденіи вышеизложенныхъ условій, происходитъ по старшинству балловъ на послѣднемъ испытаніи, а при равенствѣ ихъ по жребію.

§ 5. Могущіе образоваться по какой-либо причинѣ остатки отъ суммы, опредѣленной на годовое содержаніе стипендіата, причисляются къ основному капиталу.

9. (11-го ноября 1875 г.). *Правила о стипендіи Николая Вернадскаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. При Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ учреждает-

ся, на счетъ процентовъ съ капитала въ *пять тысячъ* руб., пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Васильевичемъ Вернадскимъ, одна стипендія въ память умершаго сына его, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 4-го ноября 1875 г., именуется „стипендіею Николая Вернадскаго".

§ 2. Стипендія эта назначается одному изъ недостаточныхъ студентовъ, безъ различія вѣроисповѣданія, званія, факультета и курса.

§ 3. Назначеніе стипендіата предоставляется жертвователю на время пребыванія его въ Харьковѣ, а потомъ совѣту университета, при чемъ преимущество должно быть оказываемо исключительно родственнику или однофамильцу жертвователя, а въ случаѣ ненахожденія таковаго въ университетѣ, уроженцу Московской, Тамбовской или Черниговской губерніи.

§ 4. Оставленіе стипендіата въ одномъ и томъ же курсѣ на второй годъ не должно лишать его стипендіи, съ тѣмъ, однако, чтобы это не повторилось въ теченіе дальнѣйшаго его пребыванія въ университетѣ.

10. (18-го ноября 1875 г.). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Иванова при Смоленской гимназіи.*

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

1) На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго Смоленскимъ Обществомъ взаимнаго кредита капитала въ *двѣ тысячи триста восемь* руб., отчисленнаго вѣчнымъ вкладомъ изъ $6^1/_2$ годовыхъ процентовъ съ 1-го апрѣля 1875 г. по вкладному билету за № 146, хранящемуся въ правленіи Общества, учреждена съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 1-го іюля 1875 г., одна стипендія при Смоленской мужской гимназіи „имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сергѣя Сергѣевича Иванова".

2) Стипендія выдается во время пребыванія стипендіата въ гимназіи въ размѣрѣ *ста пятидесяти* руб. въ годъ.

3) Въ случаѣ поступленія стипендіата, по окончаніи имъ гимназическаго курса, въ университетъ, стипендія должна производиться ему по *триста* руб. въ годъ до окончанія университетскаго курса. Для образованія полной университетской стипендіи, въ указанномъ количествѣ, Смоленское общество взаимнаго кредита обязано въ ближайшіе за симъ годы, то есть, до окончанія первымъ стипендіатомъ

гимназическаго курса, отчислить новый капиталъ въ *двѣ тысячи триста восемь* руб.

4) Выборъ стипендіата изъ уроженцевъ Смоленской губерніи предоставляется дѣйствительному статскому совѣтнику Иванову, если же имъ таковой указанъ не будетъ, то совѣту Смоленскаго Общества взаимнаго кредита.

5) Настоящая стипендія на пользующагося ею никакихъ обязательствъ не налагаетъ.

11. (22-го ноября 1875 г.). *Положеніе о стипендіи имени управляющаго почтовою частію Казанской губерніи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Журавлева въ Казанской второй гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Члены Казанскаго биржеваго комитета, въ числѣ 70 человѣкъ, значущихся въ особомъ подписномъ листѣ, желая доставить высшее образованіе одному изъ сиротъ, сыновей бѣдныхъ родителей, служившихъ въ почтовомъ вѣдомствѣ, или изъ сыновей, находящихся при родителяхъ, но не имѣющихъ средствъ къ воспитанію, собрали по подпискѣ тысячу рублей и на эти деньги учредили, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 27-го августа 1875 г., при Казанской второй гимназіи стипендію имени управляющаго почтовою частію Казанской губерніи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Журавлева.

2. Означенные тысяча рублей должны быть внесены въ Казанскій общественный банкъ, а билетъ на эту сумму хранится у директора Казанской второй гимназіи, съ тѣмъ, чтобы получаемые съ этой суммы проценты, въ количествѣ 60 руб. въ годъ, были употребляемы: 30 руб. за право ученія, а 30 руб. на учебныя пособія (книги) и на необходимое платье.

3. Стипендіею исключительно пользуются дѣти лицъ почтоваго вѣдомства: а) круглые сироты и не имѣющіе отцовъ и б) дѣти бѣдныхъ родителей, не имѣющихъ средствъ къ воспитанію, благонравнаго поведенія, оказавшіе хорошіе или по крайней мѣрѣ достаточные успѣхи на пріемномъ испытаніи во 2-й Казанской гимназіи. Въ случаѣ нѣсколькихъ равноправныхъ мальчиковъ, изъявившихъ желаніе получить стипендію, послѣдняя назначается по жребію.

4. Стипендіатъ, не перешедшій въ другой классъ въ теченіе одного учебнаго года по лѣности, или слабымъ способностямъ, или же въ продолженіе 2-хъ лѣтъ по болѣзни, лишается права на стипендію.

5. Право избранія дѣтей, для предоставленія имъ стипендіи на вышеизложенныхъ основаніяхъ (пункты 3—4), или замѣны ихъ другими, сохраняется за управляющимъ почтовою частію въ Казанской губерніи, а по выбытіи его изъ службы за его преемниками.

6. Если стипендіатъ, по окончаніи гимназическаго курса, не поступитъ въ высшее учебное заведеніе, то долженъ поступить на службу въ почтовое вѣдомство, если тамъ окажется вакансія, и прослужить за предоставленное образованіе не менѣе четырехъ лѣтъ, или внести употребленныя на его воспитаніе деньги.

7. Если стипендіатъ, по окончаніи гимназическаго курса, пожелаетъ поступить въ университетъ или другое высшее учебное заведеніе, то имѣетъ на это право, и съ окончаніемъ курса въ высшемъ заведеніи освобождается отъ обязательной службы по почтовому вѣдомству.

12. (27-го ноября 1875 г.) *Положеніе о стипендіи въ Кіевскомъ реальномъ училищѣ имени швейцарскаго уроженца Фридриха Енни.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. На проценты съ капитала шести тысячъ рублей, пожертвованнаго товариществомъ Кальникскаго свеклосахарнаго завода и заключающагося въ 5% билетахъ государственнаго банка, учреждается при Кіевскомъ реальномъ училищѣ стипендія имени швейцарскаго уроженца Фридриха Енни.

2. Стипендія эта предоставляется одному изъ учениковъ Кіевскаго реальнаго училища, сыну недостаточныхъ родителей, христіанскаго вѣроисповѣданія и русскаго подданства.

3. Выборъ стипендіата предоставляется Фридриху Енни, а послѣ него общему собранію пайщиковъ Кальникскаго товарищества, а въ случаѣ закрытія товарищества — попечителю учебнаго округа.

4. Выдача стипендіи производится родителямъ стипендіата или лицу, на попеченіи коего онъ находится, по полугодно впередъ, въ размѣрѣ трехсотъ рублей въ годъ, за вычетомъ изъ нихъ 30 рублей платы, слѣдующей училищу за право ученія.

5. Въ случаѣ выбытія изъ училища стипендіата ранѣе окончанія полугодія, за которое выдаются деньги на его содержаніе, лицо, получившее эти деньги, обязано возвратить ихъ въ училище по разчету за все время, оставшееся до конца полугодія.

6. Остатки отъ процентовъ съ основнаго капитала 6.000 рублей, не израсходованные на содержаніе стипендіатовъ, остаются при ка-

питалѣ и по накопленіи въ достаточномъ количествѣ обращаются въ процентныя бумаги для составленія суммы, изъ которой долженъ производиться дополнительный взносъ въ училище платы за право ученія, въ случаѣ увеличенія ея сверхъ 30 рублей, и можетъ быть выдаваемо стипендіату, въ случаѣ надобности, по опредѣленію педагогическаго совѣта училища, пособіе на учебныя принадлежности, на лѣченіе или же единовременное пособіе при выходѣ изъ училища, по окончаніи полнаго курса, въ размѣрѣ не болѣе ста рублей.

7. Во все время пребыванія въ училищѣ стипендіатъ подчиняется всѣмъ постановленіямъ и правиламъ его.

8. Во все время пребыванія въ училищѣ стипендіатъ въ первыхъ четырехъ классахъ долженъ быть поведенія по крайней мѣрѣ хорошаго, а въ высшихъ классахъ непремѣнно отличнаго и по всѣмъ преподаваемымъ обязательнымъ предметамъ долженъ оказывать хорошіе или по крайней мѣрѣ удовлетворительные успѣхи.

9. Стипендіату, оставшемуся въ томъ же классѣ на второй годъ, можетъ быть сохранена стипендія только въ томъ случаѣ, если причины неуспѣшности его будутъ признаны педагогическимъ совѣтомъ училища вполнѣ уважительными.

10. Стипендіатъ, не выполнившій вышеозначенныхъ условій относительно поведенія и успѣховъ своихъ, лишается, по опредѣленію педагогическаго совѣта училища, стипендіи.

11. Пожертвованный капиталъ и не израсходованные остатки отъ процентовъ съ него должны храниться въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ при суммахъ Кіевскаго реальнаго училища и право полученія процентовъ съ него для выдачи стипендіату принадлежитъ начальнику училища.

13. (29-го ноября 1875 г.) *Циркулярное предложеніе г. попечителямъ учебныхъ округовъ, по вопросу о повѣрочныхъ испытаніяхъ воспитаниковъ духовныхъ семинарій при поступленіи въ университетъ.*

Журналомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія отъ 17-го января 1873 г., № 52, мною утвержденнымъ, постановлено, между прочимъ: 1) чтобы съ весны 1876 г. воспитанники духовныхъ семинарій, прошедшіе полный семинарскій курсъ и удостоенные званія студента, для полученія права на поступленіе въ университетъ, подвергались въ гимназіяхъ испытанію зрѣлости изъ обоихъ древнихъ и русскаго языковъ, а воспитанники, оставляющіе съ тою же цѣлію

семинарію, не выслушавъ спеціальнаго семинарскаго курса, таковому же испытанію изъ обоихъ древнихъ языковъ, математики и русскаго языка, наравнѣ и въ одно время съ воспитанниками гимназій, на основаніи правилъ объ испытаніяхъ, утвержденныхъ мною 8-го декабря 1872 г., и 2) чтобы въ переходное время до 1876 г. предметами повѣрочнаго испытанія въ университетахъ для воспитанниковъ духовныхъ семинарій, желающихъ поступить въ университетъ, были назначаемы оба древніе и русскій языки и математика, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ былъ подвергаемъ болѣе строгому, противъ бывшаго до того времени, испытанію лишь изъ трехъ изъ числа вышепоименованныхъ предметовъ, по ближайшему усмотрѣнію университетскихъ совѣтовъ, смотря по факультетамъ, поступить въ которые изъявятъ желаніе воспитанники духовныхъ семинарій.

Такъ какъ послѣдняя изъ вышеизложенныхъ мѣръ оказалась, по имѣющимся свѣдѣніямъ, довольно дѣйствительною для огражденія университетовъ отъ поступленія въ нихъ слишкомъ слабо подготовленныхъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій и притомъ отъ самихъ университетскихъ совѣтовъ зависитъ сдѣлать ее еще болѣе дѣйствительною, то оставляя постановленіе совѣта министра народнаго просвѣщенія относительно повѣрочнаго испытанія воспитанниковъ духовныхъ семинарій, желающихъ поступить въ университеты, во всей его силѣ, я признаю возможнымъ продолжить пріемъ этихъ воспитанниковъ въ университеты на существовавшихъ въ послѣдніе три года основаніяхъ, впредь до пересмотра уставовъ всѣхъ вообще духовно-учебныхъ заведеній и до дальнѣйшихъ по сему предмету распоряжаній, о чемъ и имѣю честь просить ваше превосходительство предложить совѣту ввѣреннаго вамъ университета къ исполненію и руководству.

V. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

22-го ноября 1875 года. (№ 15). *Утверждаются*: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Матюшенковъ* — въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 21-го октября 1875 года, ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Буличъ*—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 15-го ноября 1875 года, ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Мадлеръ* — деканомъ

историко-филологическаго факультета сего университета, на три года, съ 11-го сентября 1875 года, ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Эргардтъ* — деканомъ медицинскаго факультета сего университета, по 17 сентября 1878 года, доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ ботаники *Волковъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ ботаники, со 2-го октября 1875 года, исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ русской словесности *Яковлевъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ русскаго языка, второй прозекторъ Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ медицины коллежскій ассесоръ *Розенбергъ* — первымъ прозекторомъ сего университета, со 2-го ноября 1875 года, учитель Воронежской гимназіи коллежскій совѣтникъ *Захаровъ*—директоромъ вновь открываемой учительской семинаріи въ городѣ Воронежѣ, съ 6-го ноября 1875 года, потомственный почетный гражданинъ *Тюмневъ* — почетнымъ попечителемъ Рыбинской мужской прогимназіи на три года.

Назначается: потомственный почетный гражданинъ *Лепешкинъ*— членомъ попечительства при Московскомъ реальномъ училищѣ, на три года.

Опредѣляется на службу изъ отставныхъ: коллежскій совѣтникъ *Колосовскій*, съ назначеніемъ исправляющимъ должность директора народныхъ училищъ Тамбовской губерніи, съ 12-го ноября 1875 г.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія: кандидатъ Императорскаго Новороссійскаго университета Василій *Соловьевъ*, со 2-го ноября 1875 года.

Оставляются на службѣ: *по 19-е октября 1876 года:* директоръ Слуцкой гимназіи, статскій совѣтникъ *Фурсовъ*; *по 7-е января 1878 года*: директоръ Харьковской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тихоновичъ*; *на пять лѣтъ*: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Григоровичъ*, съ 27-го августа 1875 года, директоръ народныхъ училищъ Вологодской губерніи, статскій совѣтникъ *Левицкій*, съ 31-го августа 1875 года, профессоръ православнаго богословія въ Императорскомъ университетѣ св. Владиміра, протоіерей *Ѳаворовъ*, съ 24-го сентября 1875 года, профессоръ православнаго богословія Императорскаго Московскаго университета, протоіерей *Сергіевскій*, съ 22-го октября 1875 года, ординарный про-

фессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, тайный совѣтникъ *Бунге*, съ 31-го октября 1875 г.

Увольняются въ отпускъ за границу: экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета *Вейраухъ*, старшій учитель Дерптской гимназіи *Гижицкій* и учитель Варшавской первой мужской гимназіи, надворный совѣтникъ *Роде*—на зимнее вакаціонное время 187$^5/_6$ учебнаго года, лаборантъ Императорскаго Московскаго университета, надворный совѣтникъ *Коропчевскій*—на два съ половиною мѣсяца, по болѣзни. Почетный попечитель Кременчугскаго Александровскаго реальнаго училища, коллежскій секретарь *Капнистъ*—на четыре мѣсяца по болѣзни.

Увольняются: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Перемежко*—отъ должности декана медицинскаго факультета сего университета, согласно прошенію, ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бульмерингъ* и ординарный профессоръ Дерптскаго ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ *Унтербергеръ*—отъ службы, первый, за выслугою срока, съ 7-го октября 1875 года, и послѣдній, согласно прошенію, съ 25-го октября 1875 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: законоучителямъ народныхъ школъ священникамъ: Ананьевскаго уѣзда, с. Николаевки (Ганское), Θеодоту *Журaковскому*, м. Валегоцулова, Іакову *Севериновскому*, и Елисаветградскаго уѣзда, сел. Константиновки Семіону *Сикорскому*—за безкорыстно-усердное отношеніе ихъ къ дѣлу преподаванія; члену Яранскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, священнику села Михайловскаго, Яранскаго уѣзда, Іоанну *Дьячкову* и потомственному почетному гражданину *Боброву* — за усердіе къ дѣлу народнаго образованія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено: изданные *Ханомъ*, въ переводѣ съ англійскаго, восемь романовъ Вальтеръ Скотта, подъ заглавіями:

1) *Вэверлей или шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ.* Съ 2-мя карти-

нами, гравированными на стали, и 50-ю политипажами въ текстѣ. Спб. 1874. Цѣна 3 руб. 50 коп.

2) *Гай Маннерингъ или астрологъ.* Съ 2-мя картинами, гравированными на стали, и 50-ю политипажами въ текстѣ. Спб. 1874. Цѣна 3 руб. 50 коп.

3) *Антикварій.* Съ 2-мя картинами, гравированными на стали, и 45-ю политипажами въ текстѣ. Спб. 1874. Цѣна 3 руб. 50 коп.

4) *Робъ-Рой.* Съ 2-мя картинами, гравированными на стали, и 50-ю политипажами въ текстѣ. Спб. 1874. Цѣна 3 руб. 50 коп.

5) *Айвенго.* Съ 2-мя картинами, гравированными на стали, и 50-ю политипажами въ текстѣ. Спб. 1874. Цѣна 3 руб. 50 коп.

6) *Ламмермурская невѣста.* Съ 2-мя картинами, гравированными на стали, и 35-ю политипажами въ текстѣ. Приложеніе: Серъ Вальтеръ Скоттъ, его жизнь и литературные труды. Съ 19-ю политипажами въ текстѣ. Спб. 1875. Цѣна 3 руб. 50 коп.

7) *Кенильвортъ.* Съ 2-мя картинами, гравированными на стали, и 53-мя политипажами въ текстѣ. Спб. 1875. Цѣна 3 руб. 50 коп.

8) *Пуритане.* Съ 2-мя картинами, гравированными на стали, и 43-мя политипажами въ текстѣ. Спб. 1875. Цѣна 3 руб. 50 коп.— одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки гимназій (мужскихъ и женскихъ), реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

Изданіе: *Природа.* Популярный естественно-историческій сборникъ. Москва. 1875. Книга 1-я, съ 3-мя хромолитографіями, 3-мя фотолитографіями, ксилографическимъ рисункомъ и 104-мя политипажами въ текстѣ. Книга 2-я, съ 2-мя хромолитографіями, портретомъ и 68-ю политипажами въ текстѣ—одобрить для библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ, а также для наградъ ученикамъ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: изданныя Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ *„Книжки для школъ"*, №№ 124 и 125, а именно *Лили или рубиновый крестикъ.* Съ нѣмецкаго. Москва. 1876. Ц. 4 к., *Серебряный стаканъ или гово-*

ри всегда правду. Ц. 2 к., и *Воскресные разказы*, №№ 18, 19 и 20. Цѣна по 2 коп. за № — допустить для библіотекъ начальныхъ училищъ.

Составленную и изданную *А. Н. Хребтовымъ* книгу: *Хивинскій походъ*. Четыре чтенія для войскъ и народа, избранныя коммисіей для печати изъ числа произнесенныхъ въ Соляномъ городкѣ. С.-Петербургъ. 1875 г. Цѣна 50 к.—допустить для библіотекъ начальныхъ училищъ.

Составленную *И. П. Рождественскимъ* рукопись: *Обученіе письму-чтенію*. Способъ соединеннаго письма-чтенія. Азбука съ прописями и картинками въ текстѣ—допустить, по представленіи авторомъ печатнаго экземпляра, къ употребленію въ школахъ.

Составленныя *В. Водовозовымъ* книги: *Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ*. Часть I, изд. 8-е. Спб. 1875 г. Цѣна 40 коп. *Книга для учителей, заключающая объясненія на книгу для первоначальнаго чтенія въ начальныхъ школахъ*. Изд. 4-е. Спб. 1875. Цѣна 60 коп. и *Русская азбука для дѣтей*. Изд. 2-е. Спб. 1875 г. Ц. 30 коп. — признать заслуживающими одобренія, книгу же подъ заглавіемъ *Руководство къ русской азбукѣ*. Практическіе уроки бесѣдъ звуковаго разбора, чтенія, письма и чтенія въ первый годъ занятій. Изд. 1-е. С.-Петербургъ. 1875 г. Цѣна 20 к. — допустить въ библіотеки народныхъ школъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 16-го день ноября 1875 г., Высочайше соизволилъ на постановку въ Прибалтійской учительской семинаріи въ г. Ригѣ портрета бывшаго попечителя Дерптскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Жерве.

— Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ 21-го минувшаго октября осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Бѣловѣжское народное училище Пружанскаго уѣзда, Гродненской губерніи, и въ награду мальчикамъ-ученикамъ училища далъ 25 руб., а также, въ сопровожденіи гг. Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго генералъ-губернатора и начальника Гродненской губ., — Новоберезовское народное училище, Бѣльскаго уѣзда. Поздоровавшись съ дѣтьми, Его Высочество изволилъ слушать пѣніе тропаря

„Спаси, Господи, люди Твоя“ и народнаго гимна „Боже Царя храни“; затѣмъ, выслушавъ пропѣтыя учениками, по предложенію Его Высочества, Херувимскую пѣснь и народную „Ахъ ты воля моя“, Его Высочество въ награду мальчикамъ далъ 25 рублей. Высокаго посѣтителя дѣти провожали восторженно-радостными криками „ура“ и вышедши на крыльцо, пропѣли на прощанье „Славься, славься, нашъ Русскій Царь“.

Правила о преміи тайнаго совѣтника Буняковскаго.

Утверждены конференціею Императорской Академіи наукъ въ засѣданіи физико-математическаго отдѣленія 4-го ноября 1875 г.

§ 1. Премія Буняковскаго образуется изъ процентовъ съ капитала, собраннаго посредствомъ добровольныхъ приношеній по случаю празднованія 50-ти лѣтняго докторскаго юбилея вице-президента Императорской Академіи наукъ, академика тайнаго совѣтника В. Я. Буняковскаго [1]).

§ 2. Основной капиталъ преміи остается неприкосновеннымъ на вѣчныя времена и возрастаетъ отъ причисленія къ нему нѣкоторой части процентовъ или же отъ могущихъ впредь поступать добровольныхъ приношеній. Проценты съ капитала употребляются исключительно на преміи или же на увеличеніе капитала.

§ 3. Капиталъ преміи Буняковскаго состоитъ въ вѣденіи Императорской Академіи наукъ.

§ 4. Премія Буняковскаго присуждается чрезъ каждые три года и состоитъ изъ 500 рублей.

Примѣчаніе. Въ послѣдствіи времени, размѣръ преміи можетъ, по усмотрѣнію Академіи, быть увеличенъ, когда состояніе основнаго капитала представитъ къ тому возможность.

---

[1]) По случаю исполнившагося въ 1875 г. (19-го мая) пятидесятилѣтія со времени полученія В. Я. Буняковскимъ степени доктора въ Парижскомъ университетѣ, друзья и почитатели заслуженнаго математика, желая принести дань уваженія къ его ученымъ заслугамъ и ознаменовать этотъ день общеполезнымъ дѣломъ, открыли, съ Высочайшаго соизволенія, подписку для сбора добровольныхъ приношеній, на выбитіе въ честь г. Буняковскаго медали и на учрежденіе денежной преміи за лучшія сочиненія по части математики. Этимъ способомъ собрано 4439 р. 50., изъ которыхъ 790 р. 64 коп. употреблено на изготовленіе медалей, какъ для поднесенія самому г. Буняковскому и членамъ его семейства, такъ и для раздачи лицамъ, участвовавшимъ въ подпискѣ. Остальная сумма, 3648 р. 86 к., обращена на составленіе капитала преміи.

§ 5. Премія Буняковскаго назначается за важныя открытія, обогащающія какую либо часть математическаго анализа. Премія можетъ быть присуждаема и за сочиненія по высшей математикѣ, содержащія въ себѣ изложеніе, въ возможно-полномъ видѣ, какой либо самостоятельной ея отрасли.

§ 6. На соисканіе преміи принимаются только оригинальныя, написанныя на русскомъ языкѣ, сочиненія, которыя вышли въ свѣтъ въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, предшествовавшихъ конкурсу. Рукописи вовсе не допускаются къ соисканію.

§ 7. Премія ни въ какомъ случаѣ не раздѣляется между авторами двухъ или нѣсколькихъ сочиненій.

§ 8. Въ случаѣ, если ни одно изъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій не удостоится награды, сумма преміи причисляется къ основному капиталу.

§ 9. Дѣйствительные члены Академіи наукъ не имѣютъ права на полученіе преміи.

§ 10. Право на полученіе преміи принадлежитъ только самому автору удостоеннаго сочиненія, а въ случаѣ смерти автора, его законнымъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателю.

§ 11. Ближайшее присужденіе преміи будетъ происходить въ 1878 году, а затѣмъ въ 1881, 1884 г. и т. д.

§ 12. Сочиненія, назначенныя на конкурсъ, должны быть доставлены въ Академію не позже 1-го мая того года, въ которомъ будетъ происходитъ присужденіе преміи.

§ 13. Члены коммисіи, назначаемой на основаніи § 14 настоящихъ правилъ, имѣютъ право включать въ конкурсъ и такія печатныя сочиненія, которыя не были представлены на соисканіе самими авторами.

§ 14. Премія присуждается физико-математическимъ отдѣленіемъ Академіи, которое назначаетъ изъ среды своей коммисію для разсмотрѣнія соискательныхъ сочиненій. Коммисія можетъ, если признаетъ нужнымъ, поручить разсмотрѣніе того или другаго изъ конкурсныхъ сочиненій ученому, и не принадлежащему къ ея составу.

§ 15. Тайный совѣтникъ В. Я. Буняковскій считается пожизненно предсѣдателемъ коммисіи.

§ 16. Такъ какъ премія одна и ни въ какомъ случаѣ не раздѣляется (по § 7), коммисія можетъ предложить къ увѣнчанію только одно сочиненіе. Въ случаѣ же раздѣленія голосовъ въ самой коммисіи поровну между двумя сочиненіями, — заключеніемъ коммисіи

считается то, на сторонѣ котораго объявилъ себя предсѣдатель коммисіи.

§ 17. Донесеніе коммисіи и ея заключеніе читаются въ засѣданіи отдѣленія, которое въ слѣдующемъ за тѣмъ засѣданіи своемъ постановляетъ окончательное рѣшеніе о присужденіи преміи.

§ 18. Присужденіе преміи въ отдѣленіи производится баллотировкою, причемъ требуется не менѣе $^{2}/_{3}$ голосовъ всего числа членовъ, присутствующихъ въ засѣданіи.

§ 19. Донесеніе о сочиненіи, которому присуждена премія, доводится до всеобщаго свѣдѣнія въ публичномъ собраніи Академіи 29-го декабря, и затѣмъ печатается въ ея изданіяхъ.

§ 20. Право дѣлать, въ случаѣ надобности, измѣненія въ настоящихъ правилахъ предоставляется одной лишь Академіи.

— Вслѣдствіе представленія г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа и согласно ходатайству совѣта университета св. Владиміра, г. министръ народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 22-го ноября сего года за № 12527 разрѣшилъ раздѣлить каѳедру физики въ означенномъ университетѣ на двѣ самостоятельныя каѳедры: физики экспериментальной и физики теоретической, замѣнивъ послѣднею положенную по уставу каѳедру физической географіи.

— Вслѣдствіе представленій начальствъ Кіевскаго и Московскаго учебныхъ округовъ, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ взимать съ начала будущаго $187^{5}/_{6}$ учебнаго года плату за ученіе въ гимназіяхъ Полтавской и Орловской съ учениковъ приготовительнаго класса по *двадцати* руб., а съ учениковъ прочихъ классовъ по *тридцати* руб.; въ гимназіи же Московской 2-й съ учениковъ приготовительнаго класса по *тридцати* руб., а прочихъ классовъ по *сорока* руб. въ годъ съ каждаго ученика.

Открытіе училищъ.

16-го сентября 1875 года послѣдовало открытіе Тульскаго реальнаго училища. По предварительному испытанію принято: въ первый классъ 40, во второй 26 и въ третій 17, а всего 83 ученика.

— 2-го ноября 1875 года, послѣ совершенія молебствія, открыта въ городѣ Тихвинѣ трехклассная женская прогимназія. Ко дню открытія поступило въ I классъ 15 учениць; прочіе два класса еще не открыты.

— 1-го ноября 1875 года открыта учительская семинарія въ городѣ Острогѣ, Волынской губерніи, въ которую принято 22 воспитанника.

— 11-го ноября 1875 года открыта въ селеніи Преславлѣ, Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи, учительская семинарія, въ которую принято 18 воспитанниковъ.

— Открыты слѣдующія двухклассныя начальныя народныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія: въ заводахъ Суксунскомъ и Михайловскомъ, Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи, преобразованныя изъ одноклассныхъ: первое—29-го сентября, а второе — 2-го октября 1875 года, и въ день открытія поступило 108 учениковъ въ Суксунское и 225 учениковъ въ Михайловское училище; 30-го октября — Михайловско-Васильевское, Тверскаго уѣзда, учащихся 104 мальчика и 33 дѣвочки; 4-го октября—въ с. Разсказовѣ, Тамбовскаго уѣзда; 28-го октября—Кутосфильское, Орловской губерніи, Крамскаго уѣзда, учащихся 97 мальчиковъ; образцовыя училища: 1-го октября—Дьяконовское двухклассное училище, Курскаго уѣзда, въ составѣ одного класса; 5-го октября — Наумовское одноклассное училище, Бѣлгородскаго уѣзда, и 12-го октября — Крупецкое двухклассное училище, Путивльскаго уѣзда, въ составѣ одного класса. Ко дню открытія въ Дьяконовскомъ училищѣ было представлено 60, въ Наумовскомъ — 39 и въ Крупецкомъ — 60 учениковъ; 29-го октября—въ с. Саксагани, Екатеринославской губерніи, Верхнеднѣпровскаго уѣзда; 1-го октября—въ посадѣ Новая Прага, Херсонской губерніи, Александрійскаго уѣзда, учащихся 52, въ томъ числѣ 9 учеництъ; одноклассныя училища: 24-го октября въ с. Масіовецъ, Подольской губерніи, Летичевскаго уѣзда, и 1-го октября—въ с. Лебединѣ, Кіевской губерніи, Чигиринскаго уѣзда.

ПОПРАВКА.

Въ декабрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1875 года, въ опредѣленіи Ученаго комитета (стр. 120 I отд.) книга: „Природа и жизнь“, научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста. Изд. М. Малышевой и А. Пѣловой, цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 25 коп.—рекомендована для учительскихъ библіотекъ какъ среднихъ, такъ и низшихъ учебныхъ заведеній; слѣдуетъ читать: для *ученическихъ* библіотекъ тѣхъ заведеній.

НИКОЛАЙ СПАФАРІЙ И ЕГО АРИѲМОЛОГІЯ.

(Матеріалы для исторія конца XVII вѣка).

I.

Очеркъ жизни Спафарія.

Николай Гавриловичъ Спафарій былъ молдавскій бояринъ и родственникъ Александра Дуки, бывшаго молдавскимъ господаремъ въ 1667 и въ 1672 годахъ. Въ Молдавія онъ назывался Николаемъ Милеску, а прибавочное прозвище Спафарій (Spatar Nicolas Milescu), обратившееся на Руси въ фамилію его, по всей вѣроятности, было званіемъ его по должности спатаря или спаѳара, какую онъ занималъ въ своемъ отечествѣ.

Живя въ Молдавіи, Спафарій испыталъ на себѣ всѣ невыгоды тамошняго тягостнаго положенія дѣлъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Молдавія подпала подъ власть Турокъ, и особенно со времени прекращенія, въ половинѣ XVI вѣка, національной династіи Драгошитовъ, исторія этой страны представляетъ цѣпь злоупотребленій, бывшихъ неисчерпаемымъ источникомъ бѣдствій для Молдавскаго народа. Тронъ господаря покупался въ Константинополѣ съ публичнаго торга, цѣною золота; а это золото съ избыткомъ выручалось угнетеніемъ народа и истощеніемъ страны, предоставленной личному произволу правителей. Но и сами господари, грабя подвластный народъ, въ свою очередь чувствовали надъ собою тяжелую руку турецкаго деспотизма: изъ прихоти султанъ могъ лишить ихъ не только трона, но и самой жизни. Господари вступали въ тайныя сношенія съ сѣверными государствами (Польшею, Трансильваніей и др.), вмѣшательство коихъ порождало войны, а театромъ войнъ служила истощенная Молдавія. При этомъ бояре, вслѣдствіе придворныхъ интригъ, дѣлились на два оппозиціонные лагеря: одни были явными врагами султана, другіе

переходили на его сторону; въ концѣ концовъ страна подвергалась опустошенію, а затѣмъ снова возникали прежнія злоупотребленія и безпорядки.

При такомъ безотрадномъ положеніи дѣлъ Спафарій жилъ въ Молдавіи до 1672 года. Около этого времени властолюбивый Петръ Дорошенко, домогавшійся гетманства надъ всею Украйной, успѣлъ склонить султана Магомета IV къ войнѣ съ Польшей. Польскій король Михаилъ Вишневецкій, зная отношенія Молдавіи къ Турціи, прибѣгнулъ къ обыкновенному въ то время образу дѣйствій, а именно вступилъ въ тайныя сношенія съ Молдавскимъ господаремъ, который и рѣшился измѣнить султану. Но замыселъ Поляковъ не удался: разрозненныя политическія партіи окружали тронъ господаря, и султанская партія одержала верхъ. Спафарій, принадлежавшій къ этой послѣдней, донесъ Портѣ о тайномъ трактатѣ своего родственника съ королемъ Польскимъ. Господарь отрѣзалъ Спафарію носъ и изгналъ его, какъ измѣнника, изъ отечества; между тѣмъ и самъ былъ низложенъ и долженъ былъ покинуть Молдавію. Спафарій удалился къ Бранденбургскому курфирсту Фридриху-Вильгельму, который принялъ его весьма благосклонно; а господарь удалился въ Польшу подъ покровительство своего союзника. Узнавъ о мѣстопребываніи своего врага, господарь побудилъ Польскаго короля сообщить курфирсту, что Спафарій — лазутчикъ султана и государственный измѣнникъ, вслѣдствіе чего Спафарій долженъ былъ оставить свое убѣжище и отправиться въ Россію [1]).

Въ 1672 году Спафарій является уже въ Москвѣ, и какъ человѣкъ весьма умный, ловкій и ученый, притомъ въ совершенствѣ владѣвшій молдавскимъ, греческимъ, латинскимъ и италіанскимъ языками, а также достаточно знавшій и русскій языкъ, вскорѣ успѣваетъ заслужить благоволеніе знаменитаго въ то время покровителя иностранцевъ, князя Василія Васильевича Голицына: при содѣйствіи послѣдняго онъ получаетъ должность переводчика эллино-греческаго языка въ посольскомъ приказѣ [2]).

---

[1]) *Устряловъ*, Ист. царств. Петра Великаго, II, 323; *Пекарскій*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, 333—345; Румынскія господарства *Палаузова*, стр. 81—114; *Бантышъ-Каменскій*, Исторія Малой Россіи II, 139; Словарь достопам. людей Русск. земли, V, 75; Пам. диплом. сношеній др. Россіи съ державами иностр., IV, 893.

[2]) Словарь достоп. л. Русск. земли, V, 76; ср. Доп. къ акт. ист., т. VI, № 43. *Бергъ*, Царствованіе царя Алексѣя Михайловича, I, 286.

Окончивъ, въ годъ своего пріѣзда въ Россію, вмѣстѣ съ подъячимъ посольскаго приказа Петромъ Долгово такъ называемую „Государственную большую книгу" [1]), Спафарій получилъ, по указу государя, квартиру на Симоновскомъ подворьѣ. Въ концѣ мая этого года, когда Алексѣй Михайловичъ отпускалъ изъ Москвы въ Палестину ученаго Газскаго митрополита Паисія Лигарида, этотъ послѣдній заявилъ въ своей челобитной царю, что онъ *приказываетъ* переводчику Николаю Спафарію, между прочимъ, *переписывать* писанныя имъ, Паисіемъ, по царскому указу, двѣ книги „Росписи святѣйшимъ бывшимъ Іерусалимскимъ и Антіохійскимъ патріархомъ"; но это *приказаніе* было отмѣнено указомъ отъ 24-го мая 1672 г., въ которомъ сказано: „книги, которыя митрополитъ писалъ, беречь" вмѣстѣ съ хоромами и всѣми службами Паисія на Симоновскомъ подворьѣ и жить Спафарію въ митрополичьихъ хоромахъ до пріѣзда Паисія, а въ отпускѣ, данномъ монастырскому приказу 30-го мая, прибавлено: „и *переводить* греческія и латинскія книги, и *писать* греческой и словенской и латинской *лексиконъ*" [2]). Такое назначеніе ясно показываетъ, что Спафарій въ это время ужь успѣлъ зарекомендовать себя не какъ простой переписчикъ, а какъ свѣдущій переводчикъ и какъ ученый дѣятель, одинъ изъ тѣхъ иностранцевъ, которые въ то время являлись въ Москву по мысли восточныхъ патріарховъ Паисія Александрійскаго и Макарія Антіохійскаго, убѣждавшихъ Алексѣя Михайловича завести училища греческія и славянскія и преподававшихъ Русскому народу свое благословеніе обучаться наукамъ на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ [3]). По поднесеніи царю Государственной большой книги" въ маѣ 1672 г., Спафарій, по указу Алексѣя Михайловича и при помощи подъячаго Петра Долгово, началъ въ томъ же году строить двѣ такія же „Государственныя книги", съ дополненіями противъ прежней, и окончилъ работу къ

---

[1]) Доп. къ акт. ист. VI, стр. 198. Изъ общей челобитной Спафарія и Долгово видно, что Спафарій участвовалъ въ составленіи всѣхъ трехъ «Государственныхъ книгъ» (см. ниже еще двѣ); а такъ какъ первая Государственная книга строилась въ 1672 г. отъ января до мая включительно, что̀ доказывается челобитными золотописцевъ, работавшихъ надъ этою книгою (Доп. къ акт. истор., I, № 43, III, IV и V), то слѣдуетъ положить, что Спафарій пріѣхалъ въ Россію между январемъ и маемъ 1672 г.

[2]) Доп. къ акт. ист., VI, № 54, III, II и V.

[3]) Исторія Русской церкви. Періодъ патріаршества. Рига, 1847, 115 и 116 и. рки. М. син. библ. II, 3, № 338 л. 52.

сентябрю 1673 г. [1]); въ томъ же 1672 г. онъ составилъ „Арнеологію" и окончилъ ее также къ началу 1673 г. [2]); въ томъ же 1672 году, по указу царя, началъ онъ строить „Хрисмологіонъ" и окончилъ эту книгу къ январю (4-й мѣсяцъ по сентябрьскому счисленію отъ сотворенія міра) слѣдующаго года [3]). По всей вѣроятности, къ 1673 г. относится составленіе имъ книги „Мусы, или о седми свободныхъ художествахъ (ученіяхъ)" [4]); тогда же было изготовлено и „Избраніе на престолъ Михаила Ѳеодоровича" [5]); въ 1673 г. начатъ былъ имъ переводъ книги „о Сивиллахъ" и оконченъ къ началу 1674 г. [6]). Въ это время полезная дѣятельность Спафарія возбуждаетъ къ нему благоволеніе царя: Спафарій былъ награжденъ за въѣздъ въ Россію серебрянымъ кубкомъ съ кровлей [7]), и не смотря на то, что преслѣдованія противъ него Молдавскаго господаря продолжались и въ Россіи [8]), онъ все-таки занимался изданіемъ книгъ: въ 1674 г. строитъ „Василіологіонъ", и окончивъ его въ началѣ сентября 1675 г. [9]), продолжаетъ начатый, вѣроятно, также въ 1674 г., переводъ съ латинской книги подъ названіемъ: „Родословная великихъ князей и государей царей Россійскихъ, которые родословились со окрестными великими государи". Книга эта прислана была въ томъ же году изъ Вѣны и должна была составлять въ тогдашней литературѣ свѣжую новость [10]). Наконецъ, въ 1674 г. Спафарій переводитъ какую-то „Книгу въ лицахъ и съ реченіемъ, сочиненную Макаріемъ патріархомъ Антіохійскимъ" [11]).

---

[1]) Доп. къ акт. ист., VI, № 43, III, V, XIII, XIV и XV.

[2]) Обзоръ Р. дух. литературы. Харьковъ. 1859, II, 232; ср. ниже гл. II.

[3]) Доп. къ акт. ист., VI, № 43, VII, IX, XVII, XXIV и XXV; Опис. ркп Рум. музея № 465; Опис. рукоп. Толстаго, I, № 56.

[4]) Доп. къ акт. ист., VI, № 43, IX, XXIV; XXV; Опис. рукоп. Толстаго II, № 118.

[5]) Доп. къ акт. ист., т. VI, № 43, IX, X, XI, XVI, XXV.

[6]) Доп. къ акт. ист., VI, № 43, IX, XXIII, XXV.

[7]) Оп. ркп. Рум. музея стр. 790.

[8]) Памятники дипл. сношеній др. Россіи съ державами иностр., IV, 893.

[9]) Доп. къ акт. ист., VI, № 43, XXIII, XXIV и XXV. По поднесеніи Василіологіона царю и по взнесеніи въ Верхъ, 8-го—10-го сентября, въ посольскомъ приказѣ полученъ царскій указъ «строить двѣ книги Василіологіона противъ прежней книги Василіологіона жъ».

[10]) Доп. къ акт. ист., VI, № 43, XXV.

[11]) Исторія о невинномъ заточеніи боярина Артемона Сергіевича Матвѣева. Изд. 2-е, *Н. Новикова*, М. 1785 г., стр. 39.

Между тѣмъ, заслуживъ особенное вниманіе къ себѣ Артамона Сергѣевича Матвѣева, какъ дѣльный сотрудникъ при постройкѣ „Государственныхъ книгъ" [1]), Спафарій сближается съ своимъ начальникомъ, какъ съ другомъ: часто бесѣдуетъ съ нимъ, читаетъ разныя книги, а особенно духовнаго содержанія, и учитъ сына его Андрея Артамоновича „по гречески и по латинѣ литерамъ малой части", слѣдовательно, такъ или иначе входитъ въ кругъ современныхъ ему педагоговъ [2]).

Неутомимая дѣятельность Спафарія обратила на него особенное вниманіе и самого царя, что̀ ясно выразилось въ томъ порученіи, какое Алексѣй Михайловичъ далъ Спафарію. Это порученіе было первое офиціальное посольство Спафарія въ Китай.

Алексѣй Михайловичъ, получая донесенія о распространеніи нашихъ колоній въ Пріамурскомъ краѣ и сознавая выгоды пріобрѣтенія тамъ владѣній, поощрялъ эти колоніи награжденіемъ подвиговъ завоевателей, посылкою партіями служилыхъ людей и московскихъ правительственныхъ лицъ въ тотъ край на водвореніе [3]). Русскіе поселенцы заводили торговыя сношенія съ Китайцами и собирали ясакъ съ покоренныхъ инородцевъ, мало по малу расширяя кругъ собиранія ясака отъ платившихъ его прежде на неплатившихъ, считавшихся подвластными китайскому правительству. Но такъ какъ слѣдовало опасаться, что сборъ ясака побудитъ Китайцевъ къ непріязненному противодѣйствію русской колонизаціи, то Алексѣй Михайловичъ не разъ посылалъ въ Китай гонцовъ, которые обязаны были изъявлять богдыхану дружественныя чувства Русскаго царя. Но всѣ эти посольства, болѣе или менѣе неудачныя, не имѣли офиціальнаго характера [4]). Наконецъ, 4-го марта 1675 г., отправленъ былъ въ Китай Спафарій, въ качествѣ посланника, а въ случаѣ необходимости, съ грамотой и на характеръ посла [5]).

Ближайшимъ поводомъ къ этому посольству было слѣдующее обстоятельство: въ 1667 г. тунгузскій князекъ Гантемиръ (или Гантимуръ), проигравъ тяжбу по несправедливости китайскаго суда, при-

---

[1]) Тамъ же, стр. 38.

[2]) Тамъ же, стр. 11, 12, 38 и 193; ср. ниже гл. II.

[3]) *Ежемѣсячныя сочиненія* 1757 г., сентябрь, стр. 198—199; *Берхъ*, Царств. Алексѣя Михайловича ч. I, 285 и II, 97—99.

[4]) *Ежемѣс. сочиненія* 1757 г., сент., стр. 200; *Берхъ*, Царств. Алексѣя Михайловича, I, 91—92; Исторія Росс. іерархіи, ч. II, 444.

[5]) Акты историч., IV, 251; *Берхъ*, Царств. Алексѣя Михайловича, I, 286.

нялъ вмѣстѣ съ подвластными ему инородцами русское подданство. Вслѣдствіе того китайское правительство прислало въ 1670 г. къ Нерчинскому воеводѣ Данилу Арминскому грамоту, которою требовалась выдача перебѣжчика Гантемира. „Вы подумайте", говорилось въ грамотѣ,—„кто платитъ великому государю ясакъ и сбѣжитъ, то развѣ вы не ищете его по десяти, по двадцати и по сту лѣтъ". Въ отвѣтъ на эту грамоту изъ Нерчинска отправлены были четыре казака въ Пекинъ къ богдыхану съ предложеніемъ безпрепятственной международной торговли и союза. Казаки привезли отъ богдыхана грамоту къ царю, въ которой, между прочимъ, требовалось, „чтобъ государевы Албазинскіе служилые люди Китайскихъ украинныхъ земель не воевали и худа никакого не дѣлали", и это полагалось въ основаніе мира между обоими государствами [1]).

Спафарію поручено было, прикрываясь невѣдѣніемъ о распространеніи около Амура нашихъ колоній и неимѣніемъ переводчиковъ для прочтенія богдыхановой грамоты [2]), заключить съ китайскимъ правительствомъ торговый договоръ [3]). Для этого Спафарій обязанъ былъ условиться 1) о языкѣ грамотъ, 2) о присылкѣ китайскихъ посланниковъ въ Москву, 3) о продажѣ вещей, находящихся при посланникѣ, и о покупкѣ взамѣнъ ихъ китайскихъ товаровъ, 4) о назначеніи для взаимныхъ проѣздовъ изъ обоихъ государствъ водянаго пути, 5) о размѣнѣ или выкупѣ военноплѣнныхъ и перебѣжчиковъ, 6) о присылкѣ въ Москву разныхъ рѣдкостей и драгоцѣнныхъ камней, хранившихся въ китайскихъ государственныхъ хранилищахъ, 7) о титулахъ въ грамотахъ, 8) объ ежегодномъ отпускѣ изъ Китая въ Россію серебра и шелку въ опредѣленномъ количествѣ и опредѣленнаго качества, 9) о продолженіи международной торговли, и чтобъ китайскіе купцы ѣздили въ Россію, 10) объ отпускѣ двухъ инженеровъ для постройки каменныхъ мостовъ, и 11) о скрѣпленіи мира и дружественнаго согласія трактатомъ, съ приложеніемъ государственныхъ печатей съ той и съ другой стороны.

По разсмотрѣніи этихъ условій сперва въ трибуналѣ, завѣдывающемъ посольскими дѣлами, а потомъ въ совѣтѣ князей и министровъ, китайское правительство положило слѣдующія рѣшенія по пунктамъ: По первому пункту: какъ при китайскихъ, такъ и при русскихъ гра-

---

[1]) Ист. Россіи въ ц. Ал. Мих. *Соловьева*, III, 324—325.

[2]) *Бернъ*, Ц. Ал. Мих., II, 100; *Сибирскій Вѣстникъ*, 1823 г., ч. III, стр. 34.

[3]) Наука и лит. въ Р. при П. В., т. I, стр. 343.

мотахъ присылать вмѣстѣ съ грамотами латинскій переводъ. По второму пункту: хотя бѣлый царь (то есть, Алексѣй Михайловичъ) и прислалъ нынѣ чрезъ своего посланника дань, но таковые привозы даней не утвердительны (подъ данью китайское правительство разумѣло подарки, назначенные Алексѣемъ Михайловичемъ богдыхану); если жь онъ впредь будетъ посылать дань ежегодно, тогда завѣдующій посольскими дѣлами монгольскій трибуналъ, по разсмотрѣніи, долгъ имѣетъ взойдти докладомъ къ богдыхану о томъ, должно ли будетъ съ нашей (китайской) стороны отправить посланника, или нѣтъ. По третьему пункту: продать вещи и купить позволяется безпошлинно. По четвертому пункту: поелику мы не знаемъ, который путь для Русскихъ удобнѣе и ближе, то если бѣлый царь желаетъ привозить дани и искать благоволенія богдыхана, въ такомъ случаѣ объ утвержденіи какого пути онъ просить будетъ, трибуналъ, изготовивъ нужныя предписанія, долгъ имѣетъ взойдти докладомъ. По пятому пункту: поелику бѣлый царь на посланный къ нему указъ (такъ Китайцы называли свою грамоту) о Гантемирѣ ничего не отвѣчалъ, то трактованіе объ этомъ пунктѣ отложить до отвѣта. По шестому пункту: для пріѣзжающихъ изъ внѣшнихъ государствъ на поклоненіе и съ данями нѣтъ другихъ обыкновеній, какъ въ изъявленіе высочайшей милости щедро награждать; но такъ какъ именно указывать на вещи не въ обыкновеніи, то объ этомъ пунктѣ и трактовать болѣе нечего; наше же государство ни въ какихъ вещахъ не нуждается. По седьмому пункту: въ соотвѣтствіе просьбы выполнить слѣдуетъ, и для того сенатъ, написавъ возносительный титулъ, долгъ имѣетъ послать его въ Россію вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ указа о Гантемирѣ. По восьмому пункту: всякое внѣшнее государство, присылающее посланниковъ для испрошенія благоволенія съ данями, единственно въ изъявленіе высочайшей милости, щедро награждается; но хотя бы съ нашей стороны награда и не была послана, то и тогда нѣтъ обыкновенія, чтобы внѣшнее государство, ограничивая количество и качество вещей, просило; слѣдовательно, и объ этомъ пунктѣ трактовать болѣе не нужно. По девятому пункту: внѣшніе народы, снискивая благоволеніе богдыхана, пріѣзжаютъ сюда съ данями, а притомъ производятъ и свои торги; а какъ нѣтъ обыкновенія, чтобы нашего государства люди куда-либо посылаемы были для торговъ, то и объ этомъ пунктѣ болѣе трактовать не слѣдуетъ. По десятому пункту: поелику дѣла о перебѣжчикахъ еще не рѣшены, то нашихъ людей въ Россію послать нельзя. По одиннадцатому пункту: когда

Россійскій бѣлый царь возвратитъ нашихъ перебѣжчиковъ, когда ежегодно присылать будетъ для испрошенія благоволенія съ данями посланниковъ, и наконецъ, когда онъ снова чрезъ докладъ о томъ просить будетъ богдыхана, тогда управляющій посольскими дѣлами монгольскій трибуналъ, по внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, объ удовлетвореніи снова долгъ имѣетъ доложить богдыхану [1]).

Надменность китайскихъ обычаевъ противъ права всѣхъ народовъ, удивлявшая Спафарія и заставившая его однажды на аудіенціи у богдыхана съ не совсѣмъ вѣжливою ироніей отнестись къ владыкѣ Небесной имперіи, ясно проглядываетъ въ этомъ отвѣтѣ на предложенія Спафарія.

Называя подарки иноземныхъ царей данями, свои грамоты къ нимъ—указами, а посольства въ Китай—поклоненіемъ богдыхану, Китайцы вынуждали Спафарія, стоя на колѣняхъ, получать подарки отъ богдыхана Алексѣю Михайловичу. Спафарій не выполнилъ ихъ обычая, и въ возмездіе за непослушаніе посланника, богдыханъ рѣшительно отказался дать отвѣтную грамоту Алексѣю Михайловичу съ титуломъ, приличнымъ великому государю, не смотря на то, что Спафарій, вынужденный на униженіе, ожидалъ ея на богдыхановомъ дворѣ, стоя въ грязи, подъ дождемъ, на колѣняхъ, болѣе двухъ часовъ [2]). Между тѣмъ китайскими министрами рѣшено было растолковать свитѣ посланника, что грамоты съ нимъ не посылается единственно по невѣжеству посланника, и что въ прежней грамотѣ, невѣдѣніемъ смысла которой, за неимѣніемъ переводчиковъ, отзывался Спафарій, написано было единственно только о выдачѣ Гантемира съ прочими перебѣжчиками; предполагалось также объявить свитѣ, что посольства и торговля дозволены будутъ, если на границѣ сохранится тишина, и между двумя государствами соблюдется согласіе; въ противномъ же случаѣ всякое сообщеніе пресѣчется, и прибытіе посланниковъ рѣшительно будетъ безполезно. Тогда же было предписано пограничному китайскому начальству о томъ, чтобы торги между китайскими и русскими подданными совершенно были прекращены [3]).

Такимъ образомъ посольство Спафарія мало подвинуло впередъ вопросъ о торговлѣ Россіи съ Китаемъ. Правда, самъ Спафарій сдѣ-

[1]) *Сибирскій Вѣстникъ*, 1823, ч. III, стр. 29—82.

[2]) Словарь дост. людей Р. земли, ч. V, 1836, стр. 83—85.

[3]) *Сибирскій Вѣстникъ* 1823, ч. III, 97—99.

лалъ довольно выгодный коммерческій оборотъ, воспользовавшись разрѣшеніемъ безпошлинной продажи и покупки въ Китаѣ: онъ выслалъ изъ Китая въ Москву соболей, яхонтовъ, лаловъ и другихъ китайскихъ товаровъ по московской цѣнѣ на 4487 р. 20 алтынъ, а вмѣстѣ съ разными китайскими товарами, которые закупила въ Китаѣ свита посланника, въ Россію было вывезено товаровъ на 9042 р. 20 алтынъ, не смотря на крайнія стѣсненія при покупкѣ со стороны Китайцевъ [1]). Но этотъ оборотъ былъ все-таки единовременный, и слѣдовательно, не составлялъ важнаго результата посольства.

Спафарія, однакожь, не покидала надежда возбудить международныя торговыя сношенія: на возвратномъ пути онъ оставилъ у селенгинскаго казака государевыхъ товаровъ 7 сороковъ соболей, 2 пуда безъ 2-хъ фунтовъ кости рыбья зуба, 2 верблюда, да своего товару 12—15 юфтей красныхъ кожъ, около пуда кости рыбья зуба, около 300 лановъ китайскаго серебра и др., съ тѣмъ чтобъ удостовѣриться, пустятъ ли въ Китай торговать Русскихъ людей, и для того, „чтобы провѣдать новый путь“ [2]). По возвращеніи въ Россію, Спафарій предлагалъ князю В. В. Голицыну открыть легко и удобно сношенія Россіи съ Китаемъ [3]).

Независимо отъ этихъ условій, предложенныхъ Спафаріемъ Китайскому правительству, ему поручено было тайно: 1) узнать о мнѣніи Китайцевъ, какое они имѣютъ о Гантемирѣ; 2) развѣдать о распространеніи китайскихъ селеній около р. Амура, и 3) обстоятельно описать страны, прикосновенныя къ Россіи [4]).

По первому пункту вопросъ предрѣшили сами Китайцы, потому что изъ ихъ отвѣтовъ на предложенія Спафарія ясно было, что Китайцы весьма дорожили перебѣжавшимъ Гантемиромъ. Гантемиръ въ свою очередь выразилъ истинную преданность русскому правительству, въ чемъ убѣдился и самъ Спафарій, принявшій отъ Гантемира челобитную, въ которой, между прочимъ, послѣдній просилъ, чтобъ ему изъ Москвы были высланы панцыри, тогда какъ извѣстно, что инородцамъ продавать или дарить панцыри воспрещалось по закону [5]). Что касается

---

[1]) *Вѣстникъ Европы* 1827, декабрь, стр. 172 и 173; Словарь *Бантышъ-Каменскаго* 1836, V, 81.

[2]) *Вѣстникъ Европы* 1827, декабрь, 172.

[3]) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. I, 343.

[4]) Дополн. къ Дѣян. П. Великаго, т. XIII, 244; *Берхъ*, Ц. Ал. Мих., II, 100.

[5]) *Вѣстникъ Европы*, 1827, декабрь, 192. Впослѣдствіи Гантемиръ вполнѣ оправдалъ довѣріе къ нему русскаго правительства: онъ остался навсегда рус-

втораго и третьяго пунктовъ, то извѣстно, что Спафарій во время своего посольства имѣлъ у себя подъ руками, между прочимъ, „Чертежъ всему Московскому государству", взятый, конечно, для пополненія географическихъ свѣдѣній [1]). Извѣстно также, что Спафарій написалъ свои путевыя замѣтки въ сочиненіи, которое въ разныхъ рукописныхъ редакціяхъ имѣетъ разныя названія, но чаще всего носитъ слѣдующее: „Книга исторія, а въ ней писано о началѣ Китайскаго государства, и описаніе, сколько имѣетъ во владѣніи государствъ, странъ и земель, градовъ большихъ и меньшихъ городковъ и крѣпостей, селъ и рѣкъ великихъ, и озеръ, и горъ и что̀ въ которой странѣ, или во градѣ, и въ селахъ родится, и какія есть угодія и вещи драгія и узорочія. Въ ней же писано о китайскихъ царехъ и о пятинадесяти частехъ Китайскаго государства и о начальныхъ людѣхъ, и о всемъ Китайскомъ народѣ, и о вѣрѣ ихъ, и о многолюдіи, и о богатствѣ, гдѣ что сыщется". Предъ описаніемъ р. Амура идетъ послѣсловіе къ предыдущимъ главамъ, гдѣ указано время написанія этой книги — лѣто 7186, совпадающее съ годомъ возвращенія Спафарія въ Москву. Впослѣдствіи въ 1731 г., посланный въ Китай графъ Савва Рагузинскій, въ своей секретной информаціи о Китаѣ, съ похвалой отозвался о сочиненіи Спафарія: „Кромѣ нѣкоторыхъ фаболъ, что̀ можетъ быть самъ не видѣлъ и какъ отъ другихъ слышалъ, писалъ" [2]). Важнымъ результатомъ поѣздки Спафарія въ Китай считаютъ то обстоятельство, что Албазинъ остался въ рукахъ русскаго правительства до временъ Петра Великаго [3]).

Исполнивъ возложенное на него Алексѣемъ Михайловичемъ порученіе, Спафарій прибылъ въ Москву 5-го января 1678 г., когда на престолъ вступилъ уже Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Онъ представилъ статейный списокъ, въ которомъ далъ отчетъ о выполненіи возложеннаго на него порученія. Вскорѣ затѣмъ Спафарій былъ позванъ къ

скимъ подданнымъ и принялъ православную вѣру. Въ 1700 г. богдыханъ Канхи предлагалъ Гантемиру богатые дары, склоняя его къ возвращенію въ Китай; но Гантемиръ, отвергнувъ дары, остался вѣрнымъ новому своему отечеству. Внукамъ Гантемира въ 1710 г. пожаловано дворянство, отведены близъ Нерчинска земли и опредѣлены на содержаніе хлѣба и деньги. *Спб. Вѣстникъ* 1823, III, 30 и 31.

[1]) *Вѣстникъ Европы* 1827, декабрь, стр. 170 и 180.

[2]) Наука и литература при П. Великомъ, т. I, 342.

[3]) *Берхъ*, Царств. Ал. Мих., I, 287 и 8; ср. *Сиб. Вѣстн.* 1823, ч. III, 83—97 и *Вѣстн. Евр.*, 1827, декабрь, 169, 178, 180, 181, 182.

суду по челобитьямъ разныхъ лицъ, вступавшихъ съ нимъ въ отношенія по поводу его путешествія въ Китай. Спафарія обвиняли въ неумѣніи вести посольскія дѣла, въ превышеніи власти тѣмъ, что онъ именемъ царя отказалъ Китайцамъ въ выдачѣ имъ Гантемира съ ясачными людьми и поступился богдыхану сборомъ дани съ неясачныхъ инородцевъ, подвластныхъ китайскому правительству; въ деспотическомъ обращеніи съ лицами, сопровождавшими его въ Китай (Ѳедоромъ Ливановымъ и Игнатіемъ Миловановымъ); во взяточничествѣ—взиманіи въ почесть и въ вымоганіи соболей съ казаковъ, дворянъ и торговыхъ людей, шедшихъ съ нимъ въ Китай, подъ предлогомъ замѣны плохихъ государевыхъ соболей, назначенныхъ въ подарокъ богдыхану, „добрыми",—въ подмѣнѣ данныхъ спутниками добрыхъ соболей плохими и въ продажѣ всѣхъ остальныхъ, въ безотчетной затратѣ всѣхъ лошадей и верблюдовъ, взятыхъ у Нерчинскихъ казаковъ и ясачныхъ Гантемировыхъ людей въ подводы для путешествія на р. Наунъ, составлявшую китайскую границу; въ продажѣ вина и табаку непосредственно самимъ Спафаріемъ и посредствомъ ближайшихъ къ его особѣ спутниковъ; въ покупкѣ, на вырученныя продажею вина и табаку деньги, соболей, которые онъ привезъ въ Москву; въ потворствѣ воровству человѣку своему Данилѣ; въ тайныхъ сношеніяхъ съ китайскими боярами, при которыхъ онъ высылалъ Сибирянъ изъ палатки и снималъ своихъ часовыхъ и т. д. Возникъ крайне запутанный процессъ, рѣзкими чертами характеризующій, съ одной стороны, ловкую интригу противъ Спафарія китайскихъ вельможъ, а съ другой—вообще духъ вѣка: среди истцовъ являлись такія лица, которыя говорили, что они сопровождали Спафарія, между тѣмъ какъ они вовсе не участвовали въ посольствѣ; розыскамъ не было конца, а въ то же время мало обращалось вниманія на недомолвки; напримѣръ, по поводу розыска о затратѣ лошадей на китайской границѣ не были допрошены тѣ десять человѣкъ, которыхъ Спафарій, по отъѣздѣ съ границы въ Пекинъ, оставилъ тамъ для присмотра за лошадьми, и др. [1]). Неизвѣстно, чѣмъ кончился процессъ Спафарія, такъ какъ сохранилась только часть относящихся до него документовъ; но вѣроятно, Спафарій былъ оправданъ, потому что изъ сохранившихся актовъ видно, что Спафарій большею частію довольно ловко отражалъ взводимыя на него обви-

---

[1]) *Вѣстн. Европы*, 1827, декабрь 161—195.

ненія. Притомъ, еслибъ обвиненія не оказались по суду ложными, едва ли бы Спафарію возможно было остаться переводчикомъ при посольскомъ приказѣ.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ процесса, мы опять встрѣчаемъ Спафарія въ званіи переводчика при этомъ приказѣ, но уже съ латинскаго языка; онъ сохранилъ это званіе, не смотря даже на то, что покровитель его Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ былъ въ это время удаленъ изъ Москвы, и клеветники, при обвиненіи Матвѣева въ чернокнижіи, указывали на Спафарія, какъ на главнаго чернокнижника, обучавшаго чернокнижію самого Матвѣева и сына его Андрея Артамоновича. Очевидно, что клеветникамъ при этомъ нуженъ былъ самъ бояринъ Матвѣевъ, а не Спафарій: первый неоднократно просилъ въ своихъ челобитныхъ сдѣлать ему очную ставку съ докторомъ Стефаномъ и Спафаріемъ, или дознаніе отъ послѣднихъ о томъ, занимались ли они вмѣстѣ съ нимъ чернокнижіемъ, и сообщить ему отвѣтъ, оправдаютъ ли они его, или не оправдаютъ своими показаніями; но всѣ просьбы и мольбы его оставались до поры до времени безъ отвѣта и не имѣли никакого вліянія на Спафарія, который до 1700 г. остается переводчикомъ при посольскомъ приказѣ [1]).

Имя Спафарія первый разъ послѣ процесса встрѣчается 2-го іюля 1679 г., когда съ нимъ была послана память изъ посольскаго приказа въ ямской о выдачѣ государева жалованья, 60-ти рублей, переводчику Семену Лаврецкому за службу его при посольствѣ Ивана Васильевича Бутурлина къ Римскому цесарю Леопольду [2]). Въ 1681 г. (17-го мая), въ 9-й день по пріѣздѣ Лихудовъ въ Москву, Спафарій, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ и Іоанномъ Алексѣевичами, съ племянникомъ патріарха Іоакима и другими лицами присутствуетъ въ патріаршей крестовой палатѣ на соборѣ при спорѣ Лихудовъ съ Яномъ Бѣлободскимъ о таинствѣ евхаристіи [3]). Въ 1684 г. (29-го января) Спафарій переводитъ, въ параллель съ другими двумя переводчиками, записку въ посольскій приказъ цесарскаго секретаря Яна Эбергарта Гевеля. Замѣчательно, что Гевель не удовлетворяется ни однимъ изъ этихъ переводовъ своей записки. Въ переводѣ Спафарія онъ нахо-

[1]) Исторія о невинн. заточ. бояр. Матвѣева. М. 1785, стр. 11—13, 37—39, 134, 135, 192, 193 и др.

[2]) Памятники дипл. снош. др. Россіи съ державами иностранными, т. IV, 893.

[3]) Описаніе ркп. М. син. библ., II, 3, № 299, л. 465, № 338 л. 818, № 339 л. 81, см. также № 293.

дитъ выраженіе, которое „не токмо латинскому реченію противно, но и къ разуму неприлично“ [1]). Въ 1689 году Спафарій назначается въ приставы къ де-ла-Невилю, тайному агенту французскаго министерства, знакомится съ нимъ довольно коротко, разказываетъ ему о своемъ путешествіи въ Китай и характеризируетъ предъ нимъ современные нравы Русскихъ [2]). Въ 1691 г. Спафарій, вмѣстѣ съ Семеномъ Лаврецкимъ и Степаномъ Чижинскимъ, въ качествѣ переводчика латинскаго языка, коментируетъ титулъ *интернунція* въ проѣзжей грамотѣ, выданной Римскимъ цесаремъ Леопольдомъ своему послу Ягану Курцу,—для того чтобъ на аудіенціи у царей принять посла сообразно съ качествомъ его титула [3]). Въ 1694 г. мы находимъ Спафарія въ хлопотахъ па пользу просвѣщенія русскаго юношества: онъ заготовляетъ къ печати греческія и латинскія азбуки для славяно-греко-латинской академіи и ходатайствуетъ о высылкѣ съ востока въ Московскую типографію справщиковъ, „понеже трудъ надъ книгами великій“. Представители востока, въ свою очередь, выставляютъ Спафарія Русскимъ на видъ какъ ученый авторитетъ: такъ, племянникъ Іерусалимскаго патріарха Досиѳея, архимандритъ Хрисанѳъ, по удаленіи изъ славяно-греко-латинской академіи Лихудовъ, совѣтуетъ патріарху Адріану, въ сомнительныхъ случаяхъ, относительно опредѣленія учителей въ Академію на мѣсто Лихудовъ, „спросить Николая Спафарія, яко ученаго человѣка и правдиваго“ [4]). Въ 1696 г. (20-го декабря) Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи отправляютъ къ цесарю Леопольду грамоту съ предложеніемъ крѣпчайшаго союза

---

[1]) Вотъ самый переводъ записки: «Назначилъ сего ради священное цесарское величество, государь мой милостивѣйшій, къ царскимъ величествамъ вашимъ пословъ своихъ, которые внутреннѣйшую въ томъ дѣлѣ цесарскую милость явнѣе и свѣтлѣе протолковати будутъ, задержатся они въ толико на рубежахъ, яко да тѣ препоны, которыя межъ царскихъ величествъ вашихъ со славнымъ Польскимъ королевствомъ еще остались къ постановленію и подтвержденію присного мира согласія именемъ священного цесарскаго величества межъ прилагающими должностьми дружно да отложатся и отимутся». Выраженіе «*межъ прилагающими должностьми*» не понравилось Гевелю, «понеже его цесарское величество то чинитъ не по должности своей, но по ревности и любви христіянской, желая, чтобъ тѣ препоны, которые между обоихъ сторонъ ихъ царскихъ величествъ обрѣтаются, примирителными благопріятіи впредь отставлены и отложены были». Пам. дипл. снош., VI, 317 и 318.

[2]) Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 343.

[3]) Памятники дипл. сн. др. Россіи съ держав. иностр., VII, 682.

[4]) Исторія Моск. сл.-гр.-лат. академіи *С. Смирнова*, 37.

противъ Турецкаго султана и Крымскаго хана и къ этой грамотѣ присоединяютъ латинскій переводъ ея, сдѣланный Спафаріемъ вмѣстѣ съ Семеномъ Лаврецкимъ [1]).

Въ 1697 г. возникъ вопросъ, какъ титуловать тогдашняго папу Иннокентія XII. По этому поводу сдѣлана была историческая выписка изъ дѣлъ, а затѣмъ государь далъ указъ — спросить переводчиковъ, какъ пишутъ къ папѣ Англійскій, Датскій и Шведскій короли, и велѣть имъ справиться о томъ съ латинскими и нѣмецкими печатными книгами. Весьма интересенъ отвѣтъ на этотъ указъ, данный Спафаріемъ съ тремя другими переводчиками: „Какъ-де къ папѣ Римскому Англинской и Дацкой и Свѣйской короли въ грамотахъ своихъ его титло пишутъ, и пишутъ ли тѣ короли отъ себя о чемъ къ нему напѣ, или и ни о чемъ не пишутъ, и того-де имъ переводчикамъ знать не почему; да и въ книгахъ-де латинскихъ и въ нѣмецкихъ о его папиныхъ титлахъ они ни въ которыхъ, какъ тѣ короли къ нему пишутъ, не читали и не слыхали; а въ книгахъ духовныхъ печатныхъ латинскихъ и нѣмецкихъ, спорныхъ о вѣрѣ, Люторы и Калвины поругаются имени его папину и называютъ его папу антихристомъ и иными ругательными именами, а противъ того Римляне папежской вѣры называютъ ихъ Калвиновъ и Люторовъ еретиками и отпадшими отъ ихъ папежской вѣры“. Послѣ такого отвѣта, могущаго служить характеристикою тогдашней односторонности ученаго образованія, Петръ Алексѣевичъ самъ составилъ титулъ папскій и далъ указъ записать этотъ титулъ въ посольскомъ приказѣ въ книгу [2]). Въ послѣдній разъ въ бумагахъ нашихъ встрѣчается свѣдѣніе о дѣятельности Спафарія въ 1700 году. 28-го ноября этого года царь Петръ Алексѣевичъ отправилъ грамоту къ Венеційскому князю съ извѣщеніемъ объ отпускѣ, согласно прошенію, обратно въ Венецію восьми человѣкъ корабельныхъ мастеровъ; вмѣстѣ съ этою грамотою посланъ туда и латинскій переводъ ея, составленный Спафаріемъ [3]). Дальнѣйшая жизнь и дѣятельность Спафарія неизвѣстны.

II.

Общія замѣчанія о Спафаріевой „Аримологіи“.

При обзорѣ 28-ми-лѣтней дѣятельности Спафарія въ Россіи (отъ 1672 до 1700 г.), неоднократно приходилось намъ указывать на та-

[1]) Памятники дипл. снош. др. Россіи съ держ. иностранными, VII, 1016.
[2]) Памятн. дипл. снош. др. Россіи съ держ. иностранными, VIII, 632—634.
[3]) Тамъ же, 1358.

кіе факты, которые обнаруживаютъ, что современники смотрѣли на него какъ на переводчика и какъ на ученаго дидаскала, и что самъ Спафарій, считаясь офиціально переводчикомъ посольскаго приказа, въ то же время стремился примкнуть къ формировавшемуся въ то время педагогическому сословію, или кружку изъ иностранцевъ, появлявшихся изъ за границы вслѣдствіе пробудившейся въ Россіи потребности въ образованіи. Такъ, по выѣздѣ въ Россію, онъ первымъ дѣломъ составляетъ греко-латино-славянскій лексиконъ; а въ такихъ лексиконахъ появилась необходимость именно вслѣдствіе открытія при типографіи училища (съ 1673 г.), а затѣмъ впослѣдствіи славяно-греко-латинской академіи [1]). Затѣмъ мы видимъ, что онъ занимается элементарнымъ обученіемъ древнимъ языкамъ сына боярина Матвѣева. Послѣ поѣздки въ Китай, онъ готовитъ для школъ греческія и латинскія азбуки. Архимандритъ Хрисанѳъ, желая удовлетворить патріарха Адріана относительно просьбы его о присылкѣ въ Заиконоспасскую академію учителей съ востока, предлагаетъ пока, до присылки, избрать русскихъ учителей и при этомъ указываетъ патріарху на Спафарія, какъ на декана, для руководства при избраніи ихъ на каѳедры академіи. Наконецъ, румынскія хроники (Когальничано) указываютъ, будто Алексѣй Михайловичъ опредѣлилъ Спафарія учителемъ царевичу Петру. Это извѣстіе, конечно, не достовѣрно [2]); но оно на чемъ же нибудь да основывалось, и весьма вѣроятно, на томъ обстоятельствѣ, что Спафарій дѣйствительно былъ вообще не прочь отъ учительской профессіи въ Россіи. Обширныя по тогдашнему времени свѣдѣнія и знаніе древнихъ языковъ соединялись въ немъ съ практическимъ тактомъ; понявъ изъ судьбы Лихудовъ, сколь важно въ Россіи вліяніе Грековъ, онъ съумѣлъ, своими радушными отношеніями къ пришельцамъ изъ Греціи, пріобрѣсти себѣ ихъ расположеніе, и вотъ Греки рекомендуютъ его во главу академіи, какъ проводника такъ-называемаго *византизма*. Съ другой стороны, пользуясь покровительствомъ князя В. В. Голицына и А. С. Матвѣева, жившихъ на западный покрой, Спафарій сочувственно относится къ дѣятельности вліятельнаго въ то время придворнаго учи-

---

[1]) Необходимо замѣтить, что къ этому же времени относится составленіе еще двухъ славяно-греко-латинскихъ лексиконовъ: ректора Чудовскаго патріаршаго училища Епифанія Славеницкаго († 1675) и Ѳедора Поликарпова (изд. въ 1704 г.), въ 1694 г. занявшаго въ Заиконоспасской академіи вмѣстѣ съ Н. Семеновымъ каѳедры Лихудовъ.

[2]) Исторія царств. Петра Великаго. *Н. Устрялова*, т. II, стр. 323.

теля—*западника* Симеона Полоцкаго, старается, какъ увидимъ ниже, подражать ему, и плодомъ этихъ стремленій является слухъ о мнимомъ назначеніи Спафарія придворнымъ преподавателемъ. Такимъ образомъ, Спафарій въ своихъ педагогическихъ стремленіяхъ является на рубежѣ между двумя вліяніями—византійскимъ и западнымъ, латино-польскимъ [1]).

Но всего, до сихъ поръ сказаннаго, было бы весьма недостаточно, чтобы вывесть такое заключеніе о Спафаріѣ, еслибы предъ нами не лежала его книга, извѣстная въ библіографическихъ извѣстіяхъ о немъ подъ именемъ „Ариѳметики“ и составленная не по указу царя, какъ всѣ прочія его книги, а по собственной инціативѣ автора.

Спафарія наши ученые считаютъ переводчикомъ одной изъ первыхъ ариѳметикъ въ Россіи. Въ первый разъ это мнѣніе высказано было преосв. Филаретомъ въ „Обзорѣ духовной литературы“ (Харьковъ, 1859, I, 232); говоря о переводческой дѣятельности Спафарія, пр. Филаретъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Въ 1672 г. переведена имъ (Спафаріемъ) Ариѳметика и къ ней присовокуплена Иѳика, или примѣры царственныхъ добродѣтелей (рукопись Чудова монастыря, № 159). Затѣмъ, основываясь на этомъ извѣстіи, покойный академикъ Пекарскій въ сочиненіи „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“ (т. I, 264) говоритъ: „Въ рукописяхъ конца XVII столѣтія встрѣчается курсъ математики, подъ заглавіемъ: „Книга сія, глаголемая по эллински и по гречески ариѳметика, а по нѣмецки альгоризма, а по русски цифирная счетная мудрость—одна изъ большихъ изъ седми мудростей“. Кто и когда именно перевелъ или передѣлалъ на русскій языкъ этотъ курсъ, теперь неизвѣстно. Есть свѣдѣніе, что переводчикъ польскаго приказа Николай Спафарій перевелъ въ 1672 году ариѳметику, которая нынѣ хранится въ рукописяхъ Чудова монастыря подъ № 159; но что̀ это за переводъ, и имѣетъ ли онъ что-нибудь общее съ названнымъ выше курсомъ—остается не разслѣдованнымъ..... Г. Востоковъ“, продолжаетъ Пекарскій, — „въ Описаніи рукописей Румянцевскаго музея (№ XII) говоритъ объ означенномъ курсѣ, что онъ написанъ Малороссіяниномъ или какимъ-нибудь южнымъ Славяниномъ“. Такимъ образомъ академикъ Пекарскій не рѣ-

[1]) Замѣчательно, что и переводческая дѣятельность его также распадается, хотя не одновременно, и можетъ быть, случайно, на двѣ части: сперва онъ становится переводчикомъ съ эллино-греческаго языка, а послѣ поѣздки въ Китай—съ латинскаго.

шаетъ окончательно вопроса объ Альгоризмѣ; но сближая извѣстіе объ Ариѳмологіи Спафарія, сообщенное пр. Филаретомъ, съ мнѣніемъ объ Альгоризмѣ Востокова, Пекарскій, предположительно заключаетъ, что Альгоризма есть та самая Ариѳметика, которую перевелъ Валахъ [1]) родомъ Спафарій. Такимъ образомъ, Спафарій представляется однимъ изъ ученыхъ, распространявшихъ въ XVII вѣкѣ въ Россіи математическія знанія. Между тѣмъ изъ собранныхъ нами данныхъ оказывается, что онъ вовсе не былъ математикомъ.

Между немногими принадлежащими намъ рукописями есть сочиненіе подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

„Ариѳмологіа, сирѣчъ: численословъная книга: Внеиже изчислѣнiи описꙋетсѧ вѣщи достопамѣтныѧ, і кведению весма нꙋждные: впользꙋ любомꙋдрымъ тщателемъ ꙋпражняющимся впрочитаніи і во ꙋченiи кнiжнемъ іздадесѧ, і на три части разделисѧ, іхже первая исчисляетъ вещи, ониx же самое бж҃ественное писаніе і ст҃ая церьковъ наꙋчаетъ. вторая, онихъ же философи любомꙋдръствꙋю . третия же, вниxъ же ѳеическое содержится учение“ [2]). Въ послѣсловіи рукописи сказано: „Совершисѧ и приведесѧ новая сиѧ кніжица арифмологія ѿ мꙋдраго мꙋжа Николая Спафария влѣто ҂зрпа сепътеврия въ кѕ. днь нынеже ѿ млажаішихъ сыновъ ветхия денми премудрости і многшими“... (Здѣсь переходъ на 148 л., который утраченъ).

Изъ предисловія и послѣсловія этой рукописи ясно: 1) что она есть дублетъ той Ариѳметики съ Ѳеикою Спафарія, которая, по указанію пр. Филарета, находится въ Чудовомъ монастырѣ; 2) что чудовская Ариѳметика, равно какъ и наша Ариѳмологія, не есть Альго-

---

[1]) Неизвѣстно, почему гг. Пекарскій и Соловьевъ (Исторія Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, III, 325) называютъ Спаѳарія, первый — Валахомъ, а второй — Грекомъ. Берхъ (Царств. царя Алексѣя Михайловича, 1831, I, 286), Бантышъ-Каменскій (Словарь достоп. людей Русск. земли, ч. V, 75) и Устряловъ (Исторія царствованія Петра Великаго, II, 323) согласно называютъ Спаѳарія *Молдаваникомъ*.

[2]) Рукопись эта въ восьмушку, безъ перваго и послѣдняго листа, заключаетъ въ себѣ 148 не нумерованныхъ листовъ, писана полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, отъ начала до конца одною рукою, кромѣ весьма немногихъ мѣстъ, гдѣ текстъ исправленъ если не другою рукою, то по крайней мѣрѣ, чернилами другаго цвѣта. Книжица эта побывала, между прочимъ, и въ рукахъ дѣтей, что видно изъ дѣтскихъ росчерковъ въ началѣ и въ концѣ книги, также двоякаго рода чернилами, но болѣе свѣжими, чѣмъ тѣ, которыми написана самая рукопись.

ризма, и что ни та, ни другая не заключаютъ въ себѣ свѣдѣній по Ариѳметикѣ.

Въ Ариѳмологіи вполнѣ выразился характеръ тѣхъ дидактическихъ сочиненій, которыя были любимыми книгами Русскаго народа не только въ XVII вѣкѣ, но и значительно раньше и даже позже этого вѣка. Съ пробужденіемъ потребности къ образованію, предки наши не столько нуждались въ такихъ спеціально научныхъ книгахъ, какъ Альгоризма, сколько въ такихъ, изъ которыхъ можно было бы въ короткое время узнать какъ можно болѣе необходимыхъ вещей. Наука, въ строгомъ смыслѣ слова, въ то время у насъ не существовала. Едва кончалось изученіе букваря съ часословомъ и псалтыремъ, приправленное затѣйливыми, высокопарными сентенціями дидаскала, представляющими безсистемныя, отрывочныя свѣдѣнія изъ разныхъ наукъ, и особенно изъ семи мудростей, свѣдѣнія, съ колоритомъ, почерпнутымъ изъ псалтыря и часослова, въ видахъ разъясненія „силы Писанія", и чтобъ ученики могли учить „всѣ книги" (Стоглавъ, гл. 26),—какъ „взору учащагося" дѣйствительно представлялось „все богатство свѣдѣній и книгъ тисненыхъ и письменныхъ, великихъ и малыхъ, славныхъ и неславныхъ; затѣмъ все, относящееся до царской власти, все, что касается службы гражданской и судебныхъ дѣлъ „во всѣхъ судебныхъ палатахъ", все, что относится до дѣлъ духовнаго вѣдомства, до народа и „до поселянъ"; всѣ „дѣла и крѣпости", ихъ порядокъ и производство" [1]); словомъ, предъ ученикомъ открывался весьма широкій путь къ чтенію и самообразованію. Начетчики, подобные виршеслагателю Симеону Полоцкому, занимали иногда видныя мѣста (напримѣръ, Іоаннъ Максимовичъ, архіепископъ Черниговскій и Новгородъ-Сѣверскій) [2]) и пользовались въ народѣ уваженіемъ, хотя среди нихъ появлялись и такіе, о которыхъ Ѳеофанъ Прокоповичъ говоритъ: „Писаніе толковати тщится, отъ книгъ будто отеческихъ свидѣтельства произноситъ, но и безъ всякаго свидѣтельства своимъ умысломъ и простымъ разказомъ поучаетъ" [3]); а пчелы, цвѣтники, азбуковники и разнообразные „славные и неславные *сборники*", иногда даже и „лстивые соборники сельскіи" ста-

---

[1]) О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка, соч. *Д. Мордовцева*. М. 1862 г., стр. 42 и 43.

[2]) Наука и литература при П. В., т. II, стр. 150.

[3]) Предисловіе къ «Истинному оправданію правовѣрныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ»; Наука и литература при П. В. т. II, № 559.

новились любимыми книгами у народа, да не мало уважались, вѣроятно, и въ высшихъ сферахъ. Такъ, напримѣръ, въ 1681 году царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, посѣтивъ приказъ книгъ печатнаго двора, зашелъ въ книгохранительню и велѣлъ къ себѣ доставить, между прочимъ, книгу „Собраніе многихъ вещей", рукописный греческій сборникъ, доставшійся типографіи по смерти Паисія Лигарида [1]). Въ описи библіотеки Ѳедора же Алексѣевича значатся: и двѣ книги латинскіе, а на нихъ подпись: 181 году марта въ 5 день взяты изъ посольскаго приказу; одна изъ нихъ подписана: „Собраніе многихъ вещей письменная"; въ числѣ книгъ, принятыхъ по указу Ѳедора Алексѣевича, „изъ его комнаты въ его государеву мастерскую палату (то есть, верхнюю типографію) у Петра Бисерова" 12-го апрѣля 1683 года, числится книга подъ заглавіемъ: „Много собраніе о различныхъ вещехъ" въ красномъ сафьянѣ. Эту книгу вмѣстѣ съ другими Иванъ Милославскій, марта 27-го 1683 г., отнесъ въ хоромы Софіи Алексѣевны [2]).

Между тѣмъ современники, стремившіеся къ очищенію нравственныхъ понятій народа, заботливо хлопотали о томъ, что „всѣмъ священнымъ сущимъ и *людиномъ* вѣдѣти нуждися десять заповѣди въ древлемъ завѣтѣ богопреданыя, и въ новомъ подтвержденыя, и изучати я изустно, и хранити непрезорно, къ сему же и церковныя заповѣди блюсти и знати извѣстно седмь святыя тайны церковныя и право о нихъ мудрствовати, по преданію восточныя церкве, и стрещися отъ грѣховъ смертныхъ, паче же отличительныхъ, вопіющихъ къ Богу на творящія ихъ" [3]). Спафарій откликнулся на эти разнообразныя стремленія современниковъ: его Ариѳмологія именно есть энциклопедія разнообразныхъ вещей, достопамятныхъ и къ вѣдѣнію, а можетъ быть, и веденію, весьма нужныхъ въ то время.

Прежде чѣмъ говорить подробно объ этомъ трудѣ Спафарія, необходимо опредѣлить общій характеръ русскихъ энциклопедическихъ сборниковъ XVII вѣка, а это можно сдѣлать, опредѣливъ отношеніе ихъ къ другимъ литературнымъ произведеніямъ этого столѣтія.

Грепія, бывшая для Россіи источникомъ религіи и вмѣстѣ обра-

[1]) *Православное Обозрѣніе* 1870 г., январь, статья г. *Безсонова*: «Юрій Крижаничъ».

[2]) *Отеч. Зап.* 1854 г., декабрь, стр. 126. Ср. также Очеркъ литерат. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ. *А. Пыпина*, стр. 18, 45, 103, 135, 169 и др. Наука и литература при П. В., т. II, стр. 663.

[3]) Опис. рук. Моск. синод. библ., II, 3, № 338, стр. 817.

зованности, наложила религіозную печать на всю русскую образованность. Главнымъ представителемъ образованности было духовенство; все, что̀ выходило изъ-подъ пера этого сословія, имѣло характеръ проповѣди, религіозно-нравственнаго наставленія; всѣ прочія знанія были только вспомогательными средствами для проведенія идей религіозныхъ, занимали въ ряду знаній второй планъ и на столько имѣли вѣсъ и значеніе, на сколько могли удовлетворять главной цѣли, религіозности нашихъ предковъ. Въ XVII вѣкѣ струя свѣтской образованности, западная, подъ вліяніемъ кіевскихъ ученыхъ, стала сильнѣе пробиваться въ струю образованности восточно-религіозной, византійской. Хотя литература оставалась по прежнему преимущественно духовнаго содержанія, а въ ней главнымъ руководствомъ— отцы восточной церкви, но все же ея содержаніе становится шире и разнообразнѣе, ибо принимаетъ въ себя гораздо болѣе свѣдѣній изъ свѣтской образованности. Поучая паству христіанскимъ истинамъ, проповѣдникъ, въ параллель съ доказательствами изъ Священнаго Писанія и изреченіями отцовъ церкви, выставляетъ на видъ и другія, заимствованныя изъ міра свѣтской образованности — изъ космографій и бестіаріевъ; приводитъ мнѣнія и изреченія языческихъ философовъ и для нагляднаго представленія отвлеченной религіозной истины облекаетъ ее въ миѳическую одежду. Иногда свѣтскій элементъ до того широко вторгался въ струю духовнаго элемента самой проповѣди, что поглощалъ въ себя послѣдній: изъ проповѣди возникало своего рода энциклопедическое произведеніе [1]. Слушая проповѣдника, паства поучалась истинамъ христіанской вѣры, и вмѣстѣ съ ними, выносила изъ храма свѣтскую, и можно сказать, даже языческую образованность.

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ числѣ переводныхъ произведеній XVII вѣка появляются «Поученія о братолюбія и нищелюбіи во святѣй Божіей церкви, едино суть отъ писанія божественнаго, второе отъ святыхъ учителей, третіе отъ житія повѣстей святыхъ и отъ извѣстныхъ и славныхъ человѣкъ и учителей церко́вныхъ собрана»; такихъ поученій 50 (Оп. рук. Моск. Синод. библ., II, 2 № 160). Или вотъ какого рода сравненія встрѣчаются въ сборникѣ поученій Антонія Радивиловскаго, извѣстномъ подъ именемъ «Огородка Маріи Богородицы», изд. 1676 г.: Іисусъ Христосъ сравнивается съ Аполлономъ (стр. 789), жертвоприношенія Іисусу Христу — съ жертвоприношеніями Египтянъ (стр. 783); Духъ Святый — съ виномъ (стр. 814); Пресвятая Богородица — съ богинею Діаною (стр. 548), съ кристалломъ водянистаго цвѣта (стр. 620 и 621), съ водою (стр. 835), съ сапфиромъ (стр. 751); 9 хоровъ ангельскихъ—съ 9-ю музами (стр. 789);

Если духовныя сочиненія, при своемъ религіозномъ колоритѣ, имѣли характеръ энциклопедичный, то на оборотъ, свѣтская наука и самыя энциклопедіи получали религіозный характеръ: въ основу и цѣль ихъ становилось религіозно-нравственное образованіе. Если возникали вопросы философскіе, политическіе, историческіе, всѣ они при своемъ разрѣшеніи сходились въ одной спеціальной точкѣ зрѣнія, богословской. По замѣчанію г. Пыпина, „извѣстныя намъ сочиненія бояръ и дьяковъ позднѣйшаго времени таковы, что, не зная ихъ сочинителей, мы не колеблясь признали бы ихъ духовными лицами“. Дѣйствительно, вотъ какъ, напримѣръ, начинается одинъ изъ составленныхъ въ исходѣ XVII вѣка Азбуковниковъ:

Духовніи мои о Господѣ и любезная братіа,
Собравшіися здѣ духовнаго ради наказанія,
Ушеса ваша усердно ко мнѣ приклоните,
О мудрости слову примѣрно внемлите,
Которая, изначала дній съ Богомъ бѣ и есть и будетъ,
Сія въ чистыхъ душею и тѣломъ человѣцѣхъ пребудетъ,
Сія хощетъ въ ваша благочестивыя сердца вселитися,
Въ вѣчное селеніе съ Отцемъ и Сыномъ и Духомъ Святымъ водворитися.

Затѣмъ изображено большое Ѧ. а подъ нимъ начинается самый Азбуковникъ: „Азъ есмь альѳа и Ѡ, начатокъ и конецъ, глаголетъ

дьяволъ—со змѣемъ, называемымъ «Дипсасъ» (стр. 838); міръ — съ корчмаремъ (стр. 849 и 850), Василій Великій и Григорій Богословъ—съ Перуномъ (стр. 883) и т. п. Тамъ же на всякомъ шагу, вмѣстѣ съ текстами Священнаго Писанія, цитуются философы, историки, приводятся отрывки изъ бестіаріевъ, травниковъ, сказокъ, народныя пословицы, легенды и т. п. Кстати замѣтить, что и въ искусствѣ живописи, тѣсно связанномъ съ духовною литературой и воспитанномъ у насъ также подъ покровомъ церкви, встрѣчались такія же явленія, какъ и въ литературѣ: художникъ писалъ икону, а въ обстановкѣ изображаемаго на иконѣ являлось то, что̀ не относилось прямо къ церкви и представляло скорѣе плодъ свѣтской образованности. Такъ, напримѣръ, на иконахъ, въ ряду святыхъ, можно было встрѣтить языческихъ мудрецовъ, философовъ и сивиллъ (Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, архим. *Макарія*, 1860 г., ч. II, стр. 41 и 42. Ср. Оп. слав. рук. М. син. библ., II, 3. № 322. Сб. конца XVI вѣка, л. 69; ibid. № 330. Сб. XVI вѣка, л. 171—189); архистратигъ Михаилъ изображался съ аршиномъ въ рукахъ (Огородокъ Маріи Богородицы, стр. 408); притча о блудномъ сынѣ (напримѣръ, въ соборѣ св. Николая Чудотворца, въ бывшемъ Медвѣдскомъ монастырѣ, въ Новой Ладогѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ снятый старинный иконостасъ), страшный судъ (стѣнная живопись въ Новг. Знам. соборѣ) на иконахъ имѣли въ обстановкѣ событія изображенія, навѣянныя современною жизнью или служащія плодомъ фантазіи, стремящейся къ миѳу.

Господь, сый, и бѣ, и грядый, Вседержитель. Всяка премудрость: отъ Господа и съ нимъ есть во вѣки. Прежде всѣхъ создася премудрость, и разумъ мудрости отъ вѣка; самъ Богъ превѣчный созда ю, и видѣ, и почте ю, и проліа ю на всѣ дѣла своя со всякою плотію по данію Его и дарова ю любящимъ Его". Въ такомъ духѣ написана вся глава.... Всѣ похвалы мудрости, конечно, взяты большею частію изъ Священнаго Писанія [1]). Въ 1648 году въ Москвѣ была перепечатана граматика Мелетія Смотрицкаго (изданная сначала въ Эвьѣ 1619 г., а потомъ въ Вильнѣ, 1629 г.). Во введеніи въ эту книгу граматикѣ придается чисто-религіозный интересъ: издателю хочется доказать, что граматика изучающимъ ее принесетъ жизнь вѣчную, такѣ какъ она была собесѣдницею отцовъ церкви отъ юности и во вся дни житія ихъ. Бояринъ Матвѣевъ, передовой свѣтскій человѣкъ XVII вѣка, обвиненный въ томъ, будто Спафарій училъ его вмѣстѣ съ сыномъ чернокнижію, въ своихъ челобитныхъ такъ опредѣляетъ свое научное образованіе: Учимся (то-есть, онъ самъ и сынъ его Андрей Артамоновичъ) и учились и впредь учитися будемъ до кончины живота нашего, чему законъ Божій повелѣваетъ и слово его пресвятое, еже рече во святомъ Евангеліи: Испытайте писанія, въ немъ же обрящете животъ вѣчный". Характеристичны въ этомъ случаѣ и многія другія опроверженія Матвѣева на клеветы обвинителей: въ судебно-гражданскомъ вопросѣ онъ находитъ религіозную точку зрѣнія, доказываетъ истину своей невинности Священнымъ Писаніемъ и изреченіями отцовъ церкви [2]). Не менѣе характеризуетъ направленіе наукъ въ XVII вѣкѣ приведенный выше рапортъ переводчиковъ посольскаго приказа, данный въ 1697 году на указъ Петра Великаго о справкѣ относительно титула папы, и изъ котораго видно, что переводчикамъ былъ извѣстенъ только одинъ источникъ для разрѣшенія дипломатическаго вопроса—*духовно-полемическія сочиненія*.

Подъ этимъ-то религіозно-византійскимъ угломъ воззрѣнія на науку и образованность составлялись и наши энциклопедіи: пчелы, цвѣтники и тому подобные сборники. Содержаніемъ ихъ была смѣсь правилъ и изреченій, заимствованныхъ изъ Евангелія, Апостола, изъ

---

[1]) О русскихъ школьныхъ книгахъ, *Д. Мордовцевъ*, стр. 41.

[2]) Исторія о невинномъ заключеніи боярина Арт. Серг. Матвѣева, М. 1785, стр. 192 и 193, а также во многихъ другихъ мѣстахъ. Ср. также Оп. рукоп. М. син. библ., II, 2. № 121, об. 3 до 5 л.

притчей Соломоновыхъ и другихъ книгъ Ветхаго Завѣта, изъ книгъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Іоанна Дамаскина, Григорія Нисскаго, Нила Великаго, Іоанна Лѣствичника, Діонисія Ареопагита, Ефрема Сирина, Исидора, епископа Испанскаго, Исихія, пресвитера Іерусалимскаго, изъ Макарія Скитскаго и др. и въ то же время изъ разныхъ греческихъ и латинскихъ писателей: Плутарха, Аристотеля, Менандра, Клитарха, Діодора Сицилійскаго, Демокрита, Эпиктета, Софокла, Эврипида, Геродота, Аристипа, Сократа, Ксенофонта, Діогена, Исократа, Платона, Демосөена, Анакреона, Өеофраста, Плинія и др., а равно изъ разныхъ средневѣковыхъ бестіаріевъ, травниковъ и тому подобныхъ книгъ [1]). Откуда бы, такимъ образомъ, ни заимствовалась эта смѣсь, она всегда получала византійско-религіозный оттѣнокъ, потому что всегда была „избраніемъ душеполезныхъ вещей“ и „словомъ сладкимъ“. Самыя слова *пчела* и *цвѣтъ* (цвѣтникъ), служившія чаще другихъ названіями энциклопедій, были истолкованы въ XVII вѣкѣ въ религіозномъ вкусѣ посредствомъ сравненія пчелы, собирающей медъ съ цвѣтовъ, съ святыми апостолами и учителями церковными, собирающими *науку* съ мысленнаго *цвѣта*, Христа Спасителя [2]).

Отсюда ясно, что какъ у западниковъ-схоластиковъ въ проповѣдяхъ XVII вѣка подъ общимъ религіознымъ колоритомъ является энциклопедичность свѣдѣній, такъ на оборотъ, энциклопедичности свѣдѣній въ сборникахъ придается религіозный характеръ. Разница между тѣми и другими произведеніями только въ формѣ изложенія: энциклопедіи могли быть возведены въ поученія, и напротивъ того, изъ проповѣдей могли быть извлечены, за недостаткомъ источниковъ, только тѣ свѣдѣнія, которыя относились къ быту свѣтскому, нерелигіозному. Какъ на примѣръ въ первомъ родѣ мы можемъ указать на переведенный Арсеніемъ Сатановскимъ сборникъ „О градѣ царскомъ“, содержащій въ себѣ поученія на цѣлый годъ [3]); другой примѣръ представляется въ собраніи пословицъ, своего рода энциклопедическомъ произведеніи XVII вѣка: собиратель пословицъ въ предисловіи къ

[1]) Описаніе рукоп. Рум. музея № 368; Описаніе памятниковъ сл.-р. литературы, хранящихся въ публ. библ. Германіи и Франціи М. 1841, № 61; Описаніе рукописей граөа Толстаго, М. 1825, отд. II, № 181; Описаніе сл. рукоп. Моск. синод. библ., №№ 312—315, 324, 325 и 326. *Пыпина*; Очеркъ лит. ист. стар. повѣстей и сказокъ, стр. 18 и др.

[2]) Огородокъ Маріи Богородицы, стр. 765.

[3]) Исторія Россіи *Соловьева*, т. 13, стр. 185 и 186.

своему собранію замѣчаетъ: „Аще ли речетъ нѣкто о писанныхъ здѣ, яко не суть здѣ отъ божественныхъ писаній, таковый до (да) вѣсть, яко *писана многая согласна Святому Писанію*, точію безъ украшенія, какъ мірстіи жители простою рѣчію говорятъ“ [1]). Примѣръ противоположный встрѣчается въ одномъ, принадлежащемъ намъ, рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка: составитель сборника пытался сдѣлать спеціальныя извлеченія изъ книги „Ключъ разумѣнія“ Іоанникія Галятовскаго (изд. въ Кіевѣ въ 1659 г.): о птицахъ (грифъ, журавль, ластовицы, моназодіата, алкіонъ, порфѣріонъ, харабрій), въ свою очередь заимствованныя Галятовскимъ изъ Корнелія, Плинія, Гомеру, изъ бестіаріевъ Эліана и Альберта Великаго,—объ одиннадцати звѣздахъ, взятыя Галятовскимъ изъ планидника Гроссера, — о громѣ и молніи, о вѣтрахъ перенесенныя въ Ключъ изъ Плинія и Сенеки, и т. д.

Итакъ, на рубежѣ двухъ направленій, западнаго и византійскаго, боровшихся между собою, являются сочиненія съ характеромъ примиренія этихъ двухъ направленій: это—энциклопедіи, соединяющія въ себѣ издавна совокупность обоихъ направленій и издавна любимыя книги народа по тому самому, что византійскою своею стороной онѣ удовлетворяли нравственно-религіозному настроенію читателя, а западною служили, на сколько возможно было, пытливости ума, стремившагося къ реальному ознакомленію съ природою. Къ этому-то послѣднему роду и принадлежитъ Ариѳмологія Спафарія: энциклопедичность содержанія, въ совокупности съ религіознымъ характеромъ, составляютъ духъ ея, и это видно прежде всего изъ раздѣленія ея, предъявленнаго любомудрымъ читателямъ въ предисловіи.

При дидактической цѣли и при стремленіи дать Ариѳмологіи возможно-широкое обращеніе въ народѣ, она изложена своеобразнымъ методомъ, вѣроятно, не необдуманно употребленнымъ съ цѣлію понравиться народному вкусу. Все содержаніе Ариѳмологіи состоитъ изъ множества мелкихъ группъ; каждая группа состоитъ изъ отрывочныхъ мыслей, соединенныхъ въ одно цѣлое подъ одну общую мысль, при чемъ количество отрывочныхъ мыслей „изчисленіемъ описуется“, то-

---

[1]) Ист. хрест. *Ѳ. Буслаева*. М. 1861, стр. 1417. Сюда же можно отнести поученіе или наставленіе Акима Надину, помѣщенное въ румянцевской рукописи ветхаго завѣта (XV вѣка, № 27), слово Григорьево, Васильево и Іоанново (апокр. бесѣда 3-хъ святителей) и другія энциклопедическія произведенія, относящіяся къ апокрифической литературѣ.

есть, считается; напримѣръ, *три* начальницы страстей: славолюбіе, сластолюбіе, сребролюбіе; или: *шесть* всѣмъ общая суть: а҃ храмы или церкви, в҃ палаты судебныя, г҃ училища, д҃ торжища, є҃ часы, ѕ҃ бани; или: *три* сія весьма суть смѣятельная: а҃ глаголати со своимъ образомъ, в҃ братися съ сѣнію своею, г҃ совѣта творите со безумнымъ. Или: сихъ *пять* не забуди, да не вѣруете: а҃ не устранному, в҃ коню каковый онъ есть, г҃ женѣ многоглаголателней, д҃ слузѣ гордому, є҃ краю или брегу глубокому. Отъ этого-то исчисленія отрывочныхъ мыслей, соединенныхъ подъ одною общею и закрѣпленныхъ при ней численною формулой, и самая энциклопедія получила названіе Ариѳмологіи.

Идея передачи знаній при помощи численныхъ формулъ, или иначе, при помощи пригвожденія отдѣльныхъ мыслей къ извѣстному числу, къ извѣстной единицѣ, сродна духу человѣческому: она указываетъ на стремленіе его такъ или иначе привести къ единству явленія міра физическаго и духовнаго. А посему въ культахъ разныхъ народовъ идеи нѣкоторыхъ количествъ считаются даже священными. Помощію численной формулы связываются цѣлыя произведенія. Въ сборникѣ духовныхъ стиховъ Кирѣевскаго есть чрезвычайно любопытный стихъ—Евангелистая пѣснь, изложенная въ формѣ загадокъ или вопросовъ и отвѣтовъ. Вопросы въ ней основываются на таинственномъ значеніи чиселъ: „повѣдайте, что̀ есть единъ?“—„повѣдайте, что̀ есть два?“ и т. д. до двѣнадцати; при каждомъ новомъ отвѣтѣ повторяются прежніе, такъ что послѣдній отвѣтъ, въ концѣ пѣсни, есть полное разрѣшеніе вопросовъ. Вотъ это опредѣленіе чиселъ до двѣнадцати:

Дванадесять апостоловъ;
Единъдесять праотецъ;
Десять Божьихъ заповѣдей;
Девять въ году радостей;
Восемь круговъ солнечныхъ;
Семь чиновъ ангельскихъ;
Шесть крылъ херувимскихъ;
Пять ранъ безъ вины Господь терпѣлъ;
Четыре листа̀ евангельски;
Три патріарха на землѣ;
Два тавля Моисеовыхъ;
Единъ Сынъ Маріинъ,
Царствуетъ и ликуетъ
Господь Богъ надъ нами.

Приводя въ параллель нашей пѣснѣ латинскую пѣсню, которая открывается тѣми же вопросами: dic mihi quid unus?—dic mihi quid

duo? и проч. и сходна съ нашимъ стихотвореніемъ по самому единству предмета, г. Пыпинъ (въ своемъ Очеркѣ исторіи старинныхъ повѣстей, стр. 144 и 145), согласно съ Виллемарке, изъ собранія котораго заимствована латинская пѣсня (*Villemerqué*, Barzaz-Breiz, 4-е изд., I, 25—27) полагаетъ, что въ той и другой пѣснѣ сохранился мотивъ друидическаго ученія, то есть, объясненіе чиселъ до двѣнадцати, и что при друидическомъ мотивѣ, положенія языческихъ вѣрованій древней бретонской пѣсни были замѣнены въ латинскомъ памятникѣ свѣдѣніями изъ христіанской исторіи и ученія для того, чтобы сильнѣе дѣйствовать на развитіе новыхъ понятій въ народѣ, столько привязанномъ къ своей національности.

Не менѣе интересно приложеніе численной формулы въ апокрифической бесѣдѣ 3-хъ святителей: „Іоаннъ рече: кая *два* сопостати борются?... Василій рече: кто *дважды* смерть вкуси?... Григорій рече: кто смерть *трижды* днемъ вкушаетъ? Вопросъ: что есть *шесть* стояше, *два* глаголаста, *единъ* литаше, *двѣнадцать* дивляхуся? и т. д. [1]). Такое же приложеніе встрѣчается по мѣстамъ и въ Луцидаріусѣ: „Ученикъ вопросилъ: кои быша тѣ *четыре* составы? Ученикъ вопросилъ: како міръ сей раздѣлися? Учитель рече: сей міръ раздѣленъ на три части. Ученикъ вопросилъ: како есть сія третья часть раздѣлена, на ней же мы обитаемъ? Учитель рече: на три же части, иже нарицаются первая Азія, вторая Европа, третья Африка" и т. д. [2]). Что есть *четыре* статьи—сухо, порече, мокро, студено, ими же весь міръ состоится? даетъ Соломону загадку Южская царица [3]).

Различіе въ приложеніи мотива численной формулы между Евангелистою пѣснью и отрывками изъ другихъ произведеній народной литературы, приведенными здѣсь, въ сущности не далеко: въ Евангелистой пѣсни сама численная формула становится символомъ общей мысли, подъ которую подходятъ мысли частныя; въ другихъ произведеніяхъ численная формула, составляя часть общей мысли, содѣйствуетъ наглядныхъ образомъ скрѣпленію логической связи между общею и частными мыслями.

Переходя отъ народной литературы къ собственно книжной письменности, замѣчаемъ, что и здѣсь методъ приложенія численной формулы для удобнѣйшей передачи познаній также употреблялся съ

---

[1]) По принадлежащему мнѣ списку XVIII вѣка.
[2]) По принадлежащему мнѣ списку XVIII вѣк.
[3]) *Пыпинъ*, Очерки лит. ист. стар. пов. и сказ. русск. стр. 116.

давнихъ временъ. Такъ, напримѣръ, въ древнихъ Патерикахъ и Прологахъ нашихъ встрѣчается „Слово о нравѣхъ добрыхъ", приписываемое аввѣ Моисею и заключающее въ себѣ какъ-бы програму добродѣтелей и пороковъ, съ которою должно сообразовать жизнь: оно именно изложено въ группахъ, скрѣпленныхъ общею мыслію вмѣстѣ съ численною формулой А҃ (четыре): напримѣръ: „А҃ нравы добрыя", а затѣмъ идетъ исчисленіе нравовъ; „А҃ нрави сия імѣти трьбѣ есть"—исчисленіе; „А҃ нрави суть помагающе новому подвижнику"—исчисленіе; „А҃ми дѣлесы душа оскврьняеть"—исчисленіе дѣлъ и т. д. Такихъ группъ составляющихъ нравственную таблицу, П. А. Лавровскій, при изслѣдованіи Пролога, относящагося къ XIII столѣтію, приводитъ девять. Въ каждой изъ нихъ цифра А҃ играетъ роль, такъ сказать, мнемотехническаго гвоздя, при помощи котораго частныя мысли группы, тѣснѣе сближаясь съ общею, становятся болѣе удобными для запечатлѣнія группъ въ памяти [1]). Нѣчто подобное „Слову о нравѣхъ добрыхъ" представляетъ „Выданіе о добронравіи" Яна Занчица, переведенное въ XVII вѣкѣ съ польскаго. Въ немъ такое же дѣленіе по группамъ; но здѣсь численная формула присутствуетъ скрыто, подразумѣвается, и можно съ вѣроятностію сказать, что въ оригиналѣ она была [2]).

Но яснѣе всего численная формула, какъ мнемотехническій способъ къ облегченію усвоенія памятью энциклопедическихъ свѣдѣній, получила свое приложеніе въ китайскихъ школахъ [3]). По словамъ

---

[1]) *Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей росс.* 1858, кн. 4. Описаніе семи рукописей Имп. Спб. публичной библіотеки, *П. А. Лавровскаго* и Описаніе ркп. М. синод. библ. II, 2 № 153; ср. № 321, по прежн. катал. 935, л. 259 об.

[2]) *Ѳ. Буслаевъ.* Историч. Хрестоматія стр. 1415 и 1416; 1428 и 1429.

[3]) Кстати замѣтимъ, что въ Китаѣ числа *три* и *пять* имѣютъ приложеніе какъ категорія или (по выраженію источника, изъ котораго мы почерпаемъ настоящее свѣдѣніе) какъ «риторическое стеченіе многихъ доказательствъ, помощію которыхъ обыкновенно объясняютъ» «древнія книги»; напримѣръ, говорятъ: «Сан-Кан-Пу означаетъ три существенныя и первобытныя должности, привергающія человѣка къ человѣку: отца къ сыну, государя къ подданному, мужа къ женѣ. Сан-Тсу, три колѣна: отецъ, сынъ и внукъ. Сан-Тси, три степени родства: со стороны отцовой, со стороны матерней и со стороны жениной. Сан-Уэи, три воздержанія: отъ беззаконныхъ забавъ во младости, отъ тяжбы въ среднемъ возрастѣ, отъ скупости въ пристареніи и проч.... У-Тшангъ, пять всегда; сирѣчь: человѣколюбіе, правосудіе, учтивство, благоразуміе, искренность. У-Ло, пять щастій: долголѣтняя жизнь, богатство, безмятежность состоянія, добродѣтель, благій конецъ жизни; также: пять страстей, пять подстреканій плоти, пять запаховъ, пять муковъ, пять цвѣтовъ, пять стихій, напослѣдокъ, пять кон-

Гюка, „le premier livre q'on met entre les mains des élèves est un ouvrage trés-ancien et très-populaire; on le nomme San-dze-king, ou livre sacré trimetrique... Les cent soixante et dix-huit vers que contient le San-dze-king forment une sorte *d'encyclopedie*, où les enfants trouvent un résumé concis, un *tableau* admirablement bien fait de toutes les connaissances qui constituent *la science chinoise*. On y traite de la nature de l'homme, des divers modes d'éducation, de l'importance des devoirs sociaux, des nombres et de leur génération, des *trois* grands pouvoirs, des *quatre* saisons, des *cinq* points cardinaux, des *cinq* éléments, des *cinq* vertus constantes, des *six* espèces de céréales, des *six* classes d'animaux domestiques, des *sept* passions domanantis, des *huit* notes de musique, des *neuf* degrés de parenté, des *dix* devoirs relatifs, des études et des compositions académiques, de l'histoire générale et de la succession des dynasties. Enfin l'ouvrage se termine par des réflexions et des exemples sur la nécessité et l'importance de l'étude" [1]).

Прослѣдивъ такимъ образомъ широкое распространеніе мотива численной формулы, мы выводимъ слѣдующее: то, что въ народно-поэтическомъ творчествѣ является естественнымъ мотивомъ, вылившимся изъ жизни народнаго духа, то въ нѣкоторыхъ русскихъ переводныхъ книжныхъ произведеніяхъ, а особенно въ китайскомъ Сан-дзе-Кингѣ представляется искусственнымъ, болѣе или менѣе намѣренно придуманнымъ мнемотехническимъ методомъ. Затѣмъ, такъ какъ методъ изложенія Ариѳмологіи Спафарія совершенно аналогиченъ съ методомъ изложенія китайскаго Сан-дзе-Кинга, и менѣе аналогиченъ онъ съ „Словомъ о нравѣхъ добрыхъ (хотя, какъ увидимъ ниже, Спафарій имѣлъ подъ руками и пользовался этимъ словомъ при составленіи своей энциклопедіи), мы заключаемъ, что у Спафарія, при изложеніи Ариѳмологіи, не обошлось безъ подражанія Сан-дзе-Кингу, съ которымъ онъ могъ такъ или иначе познакомиться еще до пріѣзда своего въ Россію; а отсюда болѣе понятнымъ становится то обстоятельство, почему не кому другому, а Спафарію, изгнаннику изъ родной земли, о которомъ пропущена была и на Русь молва, что онъ — человѣкъ, измѣнившій своему отечеству, предо-

цевъ вселенной: сѣверъ, югъ, востокъ, западъ, средина. Ученые китайскіе, произнося Сан-Гоангъ У-Ти, разумѣютъ всевысочайшаго изъ трехъ Господа пяти, а сіе знаменуетъ Шанг-Тія, существо всевышнее. Извлеченія изъ Записокъ Китайцевъ, о которыхъ подробно см. въ Приложеніи къ нашей статьѣ.

[1]) *Пыпинъ*. Очеркъ литерат. ист. стар. повѣстей и сказокъ русск., стр. 357 и 358; *Гюк*. L' Empire Chinois, 2-me ed. Paris, 1854, т. I, p. 126—127.

ставлено было почетное дипломатическое дѣло установленія отношеній Россіи съ Китаемъ: вѣроятно, кромѣ практической ловкости Спафарія, Русскому правительству извѣстно было о его знакомствѣ съ Китаемъ, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ литературнымъ произведеніямъ этой страны.

Но заключеніе наше, пожалуй, можно было бы назвать весьма шаткимъ, еслибы мы ограничились только аналогіей метода: слѣдя далѣе, мы замѣчаемъ, что, какъ Сан-дзе-Кингъ въ отрывочныхъ группахъ представлялъ въ миніатюрѣ всю китайскую науку, питавшуюся, какъ извѣстно, пятью главными книгами со всею ихъ обстановкою, состоящею изъ толкованій на нихъ — такъ и Спафарій, въ своей Ариѳмологіи, рѣшился представить въ сжатой формѣ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя можно было назвать тогдашнею русскою наукой: представленное раздѣленіе Ариѳмологіи на три части, при чемъ заявлено, что въ первой онъ будетъ говорить о вещахъ, о которыхъ Божественное Писаніе и святая церковь глаголетъ, во второй — о тѣхъ, о которыхъ философы любомудрствуютъ, а въ третьей—иѳическое ученіе, раздѣленіе это нельзя назвать голословнымъ, какъ увидимъ ниже изъ подробнаго изслѣдованія источниковъ, откуда Спафарій черпалъ содержаніе Ариѳмологіи. Словомъ, Спафарій отнесся къ Сан-дзе-Кингу точно также, какъ латинскіе проповѣдники въ своей пѣсни, сохранившейся у Виллъмарке, отнеслись къ бретонской друидической пѣснѣ, то-есть, онъ и методъ, и источникъ пріискалъ въ русскомъ народномъ быту точно такой же, какъ изобрѣтатель Сан-дзе-Кинга въ китайскомъ народномъ быту; иначе сказать: Ариѳмологія есть ловкая *передѣлка* Сан-дзе-Кинга на русскіе нравы, передѣлка какъ нельзя болѣе удачная именно потому, что аналогическія явленія уже до того были въ русской литературѣ и письменной, и любимой устной. При этомъ необходимо замѣтить слѣдующее: извѣстно, что книжные люди XVII в., „навыкши писанія, мнили себя быти учителями“, любили похвастаться начитанностью, потолковать о своей мудрости предъ темными людьми и поспорить о ней съ подобными себѣ. Любимая форма, въ которой они проявляли свою книжную мудрость, была форма вопроса: „аще творишися мудръ, скажи ми слову сему силу?“ „протолкуй ми“ и т. п. На черту распространенія образованія между прочимъ и этимъ способомъ намекается и въ самой Ариѳмологіи: „Чрезъ трехъ бываютъ ученіи“, говорится тамъ: а҃ чрезъ обыкновеніе, в҃ чрезъ заповѣди законныя, и г҃ чрезъ *любопреніе*“. Затвердивъ достопамятную группу Ариѳмологіи, начетчикъ,

Гюка, „le premier livre q'on met entre les mains des élèv ouvrage trés-ancien et très-populaire; on le nomme San-dz livre sacré trimetrique... Les cent soixante et dix-huit vers q le San-dze-king forment une sorte *d'encyclopedie*, où les enfants résumé concis, un *tableau* admirablement bien fait de to naissances qui constituent *la science chinoise*. On y traite de l'homme, des divers modes d'éducation, de l'importan sociaux, des nombres et de leur génération, des *trois* g des *quatre* saisons, des *cinq* points cardinaux, des *cin cinq* vertus constantes, des *six* espèces de céréales, d'animaux domestiques, des *sept* passions domanantis de musique, des *neuf* degrés de parenté, des *dix* dev études et des compositions académiques, de l'histoire succession des dynasties. Enfin l'ouvrage se termine et des exemples sur la nécessité et l'importance de [1]

Прослѣдивъ такимъ образомъ широкое расп численной формулы, мы выводимъ слѣдующее: поэтическомъ творчествѣ является естественным шимся изъ жизни народнаго духа, то въ нѣко реводныхъ книжныхъ произведеніяхъ, а особенн дзе-Кингѣ представляется искусственнымъ, бо ренно придуманнымъ мнемотехническимъ мет какъ методъ изложенія Ариѳмологіи Спафарія ченъ съ методомъ изложенія китайскаго Сан-д логиченъ онъ съ „Словомъ о нравѣхъ добрых ниже, Спафарій имѣлъ подъ руками и поль при составленіи своей энциклопедіи), мы за рія, при изложеніи Ариѳмологіи, не обошлос дзе-Кингу, съ которымъ онъ могъ такъ еще до пріѣзда своего въ Россію; а отсюда вится то обстоятельство, почему не кому д гнаннику изъ родной земли, о которомъ п молва, что онъ — человѣкъ измѣнившій

цевъ вселенной: сѣверъ, ... западъ произнося Сан-Гоангъ У-Т... всевы пяти, а сіе знаменуетъ Шан... всевы Китайцевъ, о которыхъ ... Прав

[1]) *Пыпинъ*. Очеркъ ...
и 358; *Huc*. L' Empire C...

...амъ, лиша-
...черпнуты, и
...о многія изъ
...ь между книж-
...ты, переходили
...акимъ образомъ
...ти XVII вѣка;—
...л, съ которыхъ со-
...какимъ была Аріе-
...втора ея, по нашему
...ъ ему дѣятелей, на-
...іи, несравненно выше
...олоцкаго, дѣятельность
...не охарактеризована. А
...іи, тамъ, гдѣ оказалось
...ников заимствованы свѣ-
...очники, въ остальномъ же
...раллели изъ другихъ памят-

Н. Кедровъ.

(*...ѣдуетъ*).

по̀ желанію, тотчасъ могъ примѣнить ее на практикѣ, озадачить ею нѐ просвѣщеннаго: для этого ему стоило только превратить общую мысль группы въ вопросъ, въ загадку: „протолкуй мнѣ — колико весьма суть смѣятельная?" Или: „какія два наполняема тща пребываютъ?" Или: „какія два многоцѣнная, но, не полезная?" и т. п., и группа могла принять любимый народный покрой загадки. Съ другой стороны, сгруппировка отрывочныхъ мыслей Ариѳмологіи иногда представляетъ, по выраженію старинныхъ риторикъ, rerum alioqui diversarum in una re convenientiam, при чемъ una res становится какъ-бы родомъ, а diversae res — видами, хотя эта una res нерѣдко составляетъ не существенный родовой признакъ, слѣдовательно, недостаточный для того, чтобы быть родовымъ; а diversae res на столько различны, что понятія собственныя становятся въ уровень съ понятіями переносными, понятія изъ міра физическаго — съ понятіями изъ міра нравственнаго: отъ этого группа дѣлается афоризмомъ, притчею, стало быть,—опять принимаетъ любимый народный покрой. На этомъ основаніи между группами Ариѳмологіи есть такія, которыя, какъ увидимъ ниже, прямо изъ притчей Соломона и Іисуса, сына Сирахова, перенесены въ Ариѳмологію. Но оставивъ и это въ сторонѣ, мы въ Ариѳмологіи находимъ то великое достоинство, что будучи школьною энциклопедіей (такъ какъ она назначена для упражняющихся „въ *прочитаніи* и *во ученіи* книжнемъ"), она отличается отъ азбуковниковъ отсутствіемъ темныхъ суевѣрныхъ понятій, такихъ напримѣръ, какія встрѣчаемъ въ толковой азбукѣ, помѣщенной вмѣстѣ съ толкованіемъ на Псалтирь св. Афанасія Александрійскаго въ числѣ рукописей Московской синодальной библіотеки [1]) или отрывки изъ Бесѣды трехъ святителей, помѣщенные въ старинной азбукѣ [2]).

Изъ всего сказаннаго ясно, что Ариѳмологія преднамѣреннымъ методомъ изложенія и выборомъ содержанія можетъ быть поставлена въ ряду лучшихъ энциклопедій конца XVII вѣка. Но чтобы точнѣе опредѣлить свойства содержанія Ариѳмологіи, необходимо указать самые источники, откуда оно черпалось, дѣйствительно ли они всѣ въ совокупности взятые составляли тогдашнюю русскую науку. Хотя

---

[1]) См. Опис. рукоп М. син. библ., II, 1, № 69; ср. Русскій расколъ старообрядства *Щапова*, стр. 453, отрывки изъ Бесѣды трехъ святителей, привед. по сборнику Солов. б-ки № 925.

[2]) См. *С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1862, № 185.

свѣдѣнія въ Ариѳмологіи, растасованныя по мелкимъ группамъ, лишаются колорита тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ они почерпнуты, и тѣмъ труднѣе точно опредѣлить всѣ эти источники, что многія изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ разныхъ группахъ, получивъ между книжными людьми XVII в. и ранѣе характеръ ходячей монеты, переходили изъ книги въ книгу, изъ сборника въ сборникъ и такимъ образомъ сдѣлались общимъ достояніемъ русской образованности XVII вѣка;— тѣмъ не менѣе весьма важно опредѣлить тѣ цвѣты, съ которыхъ собирался медъ книжной мудрости въ такой сотъ, какимъ была Ариѳмологія, а особенно потому, что дѣятельность автора ея, по нашему мнѣнію, лица вліятельнаго въ кругу современныхъ ему дѣятелей, начетчика, стоящаго, судя по замыслу Аріомологіи, несравненно выше знаменитѣйшаго изъ начетчиковъ Симеона Полоцкаго, дѣятельность этого лица до сихъ поръ еще достаточно не охарактеризована. А посему, при описаніи содержанія Ариѳмологіи, тамъ, гдѣ оказалось возможнымъ прослѣдить, изъ какихъ источниковъ заимствованы свѣдѣнія, мы будемъ указывать на эти источники, въ остальномъ же будемъ, по возможности, представлять параллели изъ другихъ памятниковъ русской письменности.

Н. Кедровъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ[1].

О народномъ богатствѣ.

Въ „Домостроѣ“ говорилось исключительно о частномъ хозяйствѣ. Понятія о солидарности экономическихъ интересовъ всѣхъ согражданъ въ „Домостроѣ“ нигдѣ не встрѣчается. Посошковъ, напротивъ того, хорошо понимаетъ, что матеріальное обезпеченіе каждаго отдѣльнаго лица обусловливается главнымъ образомъ экономическимъ благосостояніемъ цѣлаго общественнаго организма. Онъ уже говоритъ объ отношеніи частнаго богатства къ народному. У него замѣчается теплое сочувствіе къ общественнымъ интересамъ. Такія мысли проглядываютъ уже въ „Отеческомъ завѣщаніи“. Въ главѣ „О земледѣльствѣ“ сказано: „Возложа надежду свою на Бога, иди въ земледѣльную работу: и аще цѣну велику или малу возмеши, работу всею правдою безъ лѣности и безъ лукавъства не день къ вечеру гони, но дѣло къ концу приводи, и какую работу работати, не будеши, работай не такъ, каковъ обычай имутъ поденьщики, но работай такъ, какъ ты можешь про себя работать и за таковую твою усердную работу господинъ твой, у него же ты будеши работати аще и ничего при твоей братьи излишняго тебѣ не дастъ, обаче и впредь такожде работай какъ самъ себѣ и за тую твою нелицемѣрную работу Богъ тебѣ воздастъ и на семъ свѣтѣ и на ономъ. То себѣ вѣждь, сыне мой, аще и до поту поработаеши, отъ того не умреши, но еще и здравѣе будеши, понеже и суровая пища сладка тебѣ будетъ“ [2]).

Хотя тутъ преобладаютъ религіозныя соображенія, а съ другой стороны, опять таки замѣтенъ нѣкоторый коммерческій расчетъ („Богъ тебѣ воздастъ на семъ свѣтѣ“), тутъ по крайней мѣрѣ встрѣ-

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за октябрь 1875 года.

[2]) Отеческое завѣщаніе, стр. 176.

чается высокое понятіе о добросовѣстности работника, о трудѣ вообще.

Извѣстно, какъ во время крѣпостнаго права „лицемѣрный" трудъ дорого обходился народу, въ какой мѣрѣ барщина тормозила развитіе народнаго богатства; извѣстно, какъ и въ настоящее время при поденной платѣ рабочимъ производительность ограничивается потерею времени, нерадѣніемъ рабочихъ. Посошковъ лучше многихъ современниковъ умѣлъ цѣнить экономическое значеніе времени, хотя и не зналъ англійской поговорки „time is money". Александръ Гумбольдтъ по случаю изобрѣтенія стенографіи замѣтилъ однажды, что время есть капиталъ, цѣна котораго возвышается по мѣрѣ возвышенія цивилизаціи. На низкихъ степеняхъ культуры время не цѣнится вовсе: на востокѣ торговцы, продавая ничтожные предметы, теряютъ много времени, ожидая по нѣскольку часовъ болѣе выгоднаго момента для продажи; разносчики самыхъ ничтожныхъ по цѣнѣ товаровъ не принимаютъ въ расчетъ потерю празднаго времени. Негры обыкновенно не знаютъ числа прожитыхъ ими годовъ; въ Турціи почти вовсе нѣтъ часовъ, тогда какъ въ Англіи, напримѣръ, гдѣ умѣютъ цѣнить время, даже въ скромныхъ сословіяхъ, мальчики весьма часто носятъ карманные часы. Чѣмъ менѣе въ Россіи умѣли цѣнить время, тѣмъ просвѣщеннѣе оказываются на этотъ счетъ взгляды гуманнаго и бережливаго Посошкова. Въ „Отеческомъ завѣщаніи" онъ пишетъ въ главѣ „О судействѣ" слѣдующее наставленіе, и для нашего времени довольно полезное: „А въ праздничную пору, аще придутъ къ тебѣ приказные люди, или и посторонніе, поклонъ отдать ради праздника, то ты поклонъ и поздравленіе пріявъ, и самъ ихъ поздрави, и тоя же минуты и отпусти ихъ, чтобы у тебя въ домѣ и четверти часа не медлили, но шли бы куды кому потребно. Сего бо много бываетъ, что придетъ на часъ токмо поклонъ отдать, а тотъ господинъ не речетъ имъ, дабы они шли кому куды потребно; то аще и великую нужду имѣютъ, а пойтить не смѣютъ, и тако часъ другой простоятъ напрасно. У многихъ господъ повычай такой бываетъ, аще кто пріидетъ поклонитися, да пойдетъ въ иное мѣсто такожде поклонитися, и за то гнѣваются, и того ради поклонники стоятъ яко связаны. И отъ таковаго излишняго стоянія тѣмъ людямъ чинитъца пакость великая, а у кого стоятъ, тому грѣхъ не малой" [1]).

---

[1]) Отеч. завѣщаніе, стр. 242 и 243.

Гораздо опредѣленнѣе говоритъ Посошковъ объ экономическомъ вредѣ траты времени въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ", въ которомъ съ негодованіемъ жалуется на невниманіе чиновниковъ и судей къ интересамъ народа. Въ главѣ „О правосудіи" сказано: „Не велико, кажется, что изъ города въ уѣзды посылаютъ солдатъ по дворянъ и по иныхъ всякихъ чиновъ людей, и дѣла прямаго аще и на алтынъ нѣтъ, а по кого пошлютъ, то самое легкое дѣло, что рубли два-три убытку сдѣлаютъ, а иному рублевъ и десять учинятъ убытку, и тѣмъ людей Божіихъ весьма убытчатъ. Хотя малая какая справка приказная, то не хотятъ подождать до иного времени, но какъ сдумаютъ, такъ и посылаютъ безсрочно; и того отнюдь не чинятъ, чтобъ послать о томъ еже взять писменное вѣденіе, или о чемъ надлежитъ взять на письмѣ отповѣдь; но только то у приказныхъ людей вытвержено, что поволоки со всякою отповѣдью въ городъ. И аще кто живетъ отъ города въ верстахъ во стѣ-другомъ, то и путь рубли по два-три убытку будетъ; а въ распутную пору, то будетъ рублевъ и пять-шесть истраты. А кто сотъ въ пяти-шти случится, то и съ десятью рублями врядъ изняться. А приказные люди людскихъ убытковъ не изчисляютъ, а людская—ни во что. А если въ дѣловую пору пришлютъ, то и безъ хлѣба сдѣлаютъ; и отъ таковыхъ посылокъ вельми много людемъ пакости чинится, а судьи о семъ попеченія нималаго не имѣютъ, чтобъ имъ людей государевыхъ въ чемъ поберечь, и до убытка какого не допустить. А кто хощетъ прямо Его Императорскому Величеству порадѣть, то людей его паче себя надлежитъ беречь, чтобъ въ убожество не приходили и того ради ни малаго бы убытку имъ не учинили. Всякому судьѣ надобно недреманно смотрѣть за всѣми непрестанно, то и смекать, какъ бы правду прямую учинить, и чтобъ никого не озлобить и не разорить. Истинно не имѣютъ нималаго попеченія, чтобы въ чемъ людей отъ убытку поберечь!"

Затѣмъ слѣдуютъ жалобы на неудобный способъ контроля надъ цѣловальниками, которыхъ для этой цѣли принуждаютъ издалека пріѣзжать въ Петербургъ, проживать тамъ по нѣскольку недѣль и понапрасну тратить время и деньги на такое пребываніе въ столицѣ. Предложивъ иной способъ контроля такихъ финансовыхъ чиновниковъ, принадлежавшихъ обыкновенно къ купеческому сословію, Посошковъ продолжаетъ: „Въ нѣмецкихъ земляхъ вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей; и того ради у нихъ купече-

скіе люди и богаты зѣло. А наши судьи нимало людей не берегутъ, и тѣмъ небереженіемъ все царство въ скудость приводятъ, ибо въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царству тому не можно слыть богатому. Я сего не могу знать, что то у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочатъ, только прочатъ имѣніе себѣ, и то на часъ, а государству такъ они прочатъ, что ни за что многія тысячи рублевъ теряютъ. Буде по какой причинѣ возьмутъ пожитки чьи на государя, то взявъ властно что въ огонь бросятъ, ибо взявъ ихъ, положатъ въ палату, да держатъ въ заперти годъ или больше, да станутъ цѣнить; то коя шуба соболья была рублевъ сотъ въ пять, ажно вынутъ—гной одинъ, что и пяти рублевъ не стоитъ. И если бы о семъ предѣлъ положить спцевый: аще у кого подъ судомъ тако учинятъ, то сгноенные пожитки доправить на тѣхъ начальникахъ, кои то учинятъ, то стали бы беречь и не хотя. Такого ради ихъ управленія тѣ пожитки съ сего свѣта губятъ напрасно, въ невозвратную погибель. А надобно судьямъ вельми сего смотрѣть, чтобы ничто, ничье, нигдѣ даромъ не пропадало; понеже все, что есть въ народѣ богатства—богатство царственное, подобнѣ и оскудѣніе народное оскуденіе царственное" [1]).

Тутъ нѣкоторымъ образомъ смѣшивается понятіе о народномъ богатствѣ съ понятіемъ о богатствѣ государственномъ. Но вѣдь и физіократы сначала указывали не столько на народное и общественное, сколько на государственное богатство, опредѣляя извѣстное положеніе: „Pauvre paysan—pauvre royaume, pauvre royaume—pauvre roi". Заслуга Посошкова заключается въ указаніи на тѣсную связь между народнымъ благосостояніемъ и финансовымъ интерсcомъ, и онъ объ этомъ предметѣ говоритъ весьма краснорѣчиво, между прочимъ, слѣдующее: „Въ собраніи царскаго сокровища надлежитъ прямо и здраво собирати, чтобъ никаковыя обиды ни на кого не навести; казна бы царская собирати, а царства бы его не разоряти. Худой тотъ сборъ, аще кто казну царю собираетъ, а людей разоряетъ; ибо аще кто государю своему тщится служити, то паче собранія надлежитъ ему людей отъ разоренія соблюдать, то то собраніе и споро, и прочно будетъ; къ сему же и собраннаго надобно блюсти, дабы даромъ ничто нигдѣ не гинуло. Охраненіе добрый товарищъ собранія: аще бо охра-

[1]) Соч. Пос., стр. 69—72.

ненія гдѣ не будетъ, трудно тутъ собирателю собирати. Якобы утлаго сосуда не можно наполнити, тако и собранія казны: аще собраннаго не будутъ блюсти, не споръ тотъ сборъ будетъ" [1]).

Весьма достойно вниманія то обстоятельство, что у Посошкова встрѣчается уже довольно ясное понятіе народно-экономическихъ выгодъ урочной рабочей платы. Въ двухъ мѣстахъ въ его сочиненіяхъ говорится объ этомъ предметѣ. Предлагая во главѣ „О правосудіи" „отставить судьямъ и всѣмъ приказнымъ людемъ государево жалованье" и „учинить имъ окладъ съ дѣлъ, почему съ какого дѣла брать за работу", Посошковъ замѣчаетъ: „По таковому новоизложенному уставу давать вси будутъ охотно, а приказные люди будутъ дѣла дѣлать охотнѣе и волочить уже не будутъ: потому что буде сдѣлаютъ въ уреченное время, то приметъ себѣ мзду противъ указу полную, а буде по уреченному числу не сдѣлаетъ, то возьметъ половину, а буде же гораздо заволочитъ, то и всея своея лишится мзды. И того ради всякій подъячій будетъ съ попеченіемъ дѣлать, а челобитчикамъ будетъ вельми полезно.... „И такого ради устава и волокитъ никакому дѣлу чинить не будутъ; но всякой для себя поспѣшать будетъ" [2]). Цѣлью такого способа вознагражденія подъячихъ, какъ видно, было сбереженіе времени. Сбереженіе аммуниціи при дачѣ жалованья военнымъ людямъ Посошковъ имѣлъ въ виду, предлагая слѣдующее: „Таковымъ солдатамъ", то-есть, тѣмъ, которые умѣютъ стрѣлять въ цѣль,—„мнится мнѣ, не худо бы предъ рядовыми солдаты и жалованья прибавить: рядовому солдату въ годъ жалованья 16 рублевъ, а тѣмъ, которые будутъ изъ фузей съ руки въ 20-ти саженяхъ по шапкѣ бить безъ погрѣшенія, то таковымъ, видится, можно дать и по 20 рублевъ въ годъ, дабы на то смотря и иные острились на такоежъ умѣніе. А буде въ таковой же мѣрѣ будутъ по цѣли подвижной убивать безъ погрѣшенія, и таковымъ, видится, можно и по 25 рублей на годъ дать; понеже таковой солдатъ заслужитъ за два или за три человѣка не умѣющихъ". На все это Посошковъ обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ потому, „чтобъ даромъ пороха не жечь и свинцу на вѣтеръ не метать, но весь тотъ припасъ шелъ бы въ дѣло" [3]). Въ „Донесеніи боярину Головину" Посошковъ еще подроб-

[1]) Соч. Пос., стр. 209.
[2]) Соч. Пос., стр. 82.
[3]) Тамъ же, стр. 37; сравн. стр. 267 и Отеческое завѣщаніе, стр. 201.

нѣе опредѣляетъ плату воинамъ, сообразно съ умѣніемъ стрѣлять. Онъ предлагаетъ „учинить жалованье умѣющимъ солдатамъ разное. Кои умѣть будутъ съ руки стрѣлять по шапкѣ стоящей и никогда не грѣшить, и такому, чаю, что мочно бъ по рублю или по два, при прежнемъ жалованьѣ прибавить. А кой по шапкѣ жъ будетъ бить, не на одномъ мѣстѣ стоящей, но подвижимой, и никогда жъ не грѣшитъ, и таковому и предъ тѣмъ прибавка жъ бы учинить: а кой по малой цѣли, якобъ по яйцу, будетъ бить безоблыжно, и томуназпаче вящшее жалованье учинить; а кой удалецъ будетъ такой, что въ малую цѣль въ подвижную будетъ бить безизмѣнно, и таковому и гораздо доведется лишнее дать, чтобъ на то зря, другъ предъ другомъ ратовали и въ наученіи подвизались“ [1]).

Къ этимъ же соображеніямъ о рабочей платѣ, соотвѣтствующей ле извѣстному количеству времени, а самымъ результатамъ труда, коичеству и качеству труда, можно отнести и вышеприведенное замѣчаніе въ „Отеческомъ завѣщаніи“, въ которомъ „укрушецъ хлѣба“ равняется тремъ поклонамъ, полушка—шести поклонамъ, денежка—двѣнадцати поклонамъ и т. д. [2]).

Особенно подробно и мѣтко о выгодахъ урочной работы Посошковъ говоритъ во главѣ „О царскомъ интересѣ“, объясняя какимъ образомъ должно быть устроено кораблестроеніе. Тамъ сказано: „И аще бы и то исправить сицевымъ порядкомъ: выбрать къ тѣмъ дѣламъ правителей добрыхъ, кои бы не алтынники были, и приказать имъ осмотрѣть разумно и смѣтить, колико на коей работѣ тримѣсячные работники въ бытность свою сдѣлали, и новопришедшимъ работникамъ ту работу изъявить, и неколикую часть къ тому приложить по дѣлу смотря, и сказать имъ такъ: аще толикое число сдѣлаете хотя въ одинъ мѣсяцъ, то и отпущены съ тримѣсячныя работы будете. И сдѣлавъ урокъ хотя на государеву же работу наймутся, хотя по мірскимъ работамъ будутъ наниматься, а буде не охотятъ наниматься, то шли бы въ домы свои. И тѣмъ управителямъ сказать указъ за жестокимъ штрафомъ и съ наказаніемъ, чтобы аще и въ одинъ мѣсяцъ ту трехмѣсячную работу отработаютъ, то ничего бы съ нихъ не брали, и не волоча ихъ ни дня, и отпускъ имъ чинили. И аще такъ уставится, то крѣпко можно надѣятися,

[1]) Соч. Пос., 268.
[2]) Отеч. зав., 207.

что многіе будутъ трехмѣсячную работу въ одинъ мѣсяцъ обработывать. И кои работники урокъ свой обработаютъ хотя скоряя мѣсяца. а отпуски давать имъ тримѣсячные, потому что они трехмѣсячную свою работу сработали. А если въ отпускѣ трехмѣсячныя работы не написать, то откуда они посланы, станутъ на нихъ данныхъ денегъ спрашивать назадъ. И буде и не всѣ коего города работники, но отберутся артелью, трехмѣсячную уреченную имъ работу отдѣлаютъ. то тое артель и отпустили бы безъ задержанія; и на то смотря будутъ и другіе работники поспѣшать. А кои не похотятъ уроками дѣлать, и тѣ пусть всѣ три мѣсяцы работаютъ; и аще тако устроится. всякія дѣла поспѣшнѣе будутъ отправляться. У буде впроки тако устроить, то всѣмъ работникамъ охотнѣе будетъ на работу ходить. и дѣла будутъ отправляться поспѣшнѣе; потому что, отдѣлавъ свой урокъ, будутъ хотя на той же работѣ изъ найму работать. И не токмо въ однихъ черныхъ работахъ надлежитъ учинить, но и въ художныхъ дѣлахъ, какъ въ Русскихъ, такъ и въ иноземцахъ, такожде надобно учинить, чтобы всякая работа давать имъ уроками же. А мѣсячное имъ жалованье надлежитъ отставить и давать по задѣлік коегождо ихъ, то всякія дѣла скоряе будутъ дѣлатися". Въ подтвержденіе правильности такого общаго взгляда Посошковъ приводитъ частный случай въ оружейной палатѣ при сидѣньи Алексѣя Александровича Курбатова [1]).

Мы полагаемъ, что столь ясное пониманіе различія между поденнымъ и урочнымъ трудомъ, столь мѣткое указаніе на выгоды послѣдняго и для государственнаго, и для народнаго, и для частнаго хозяйства въ началѣ XVIII вѣка могло считаться рѣдкимъ исключеніемъ не только въ Россіи, но и на западѣ. Экономисты лишь довольно поздно стали указывать на выгоды поштучной платы, хотя на практикѣ давно оказалось, въ какой мѣрѣ выгодно такое распредѣленіе работъ и сколько лишняго времени убивается понапрасну обыкновенною поденною или помѣсячною работою. Не даромъ англійскіе ученые были того мнѣнія, что развитіе благосостоянія Англіи значительною долею обусловливалось преобладаніемъ поштучной платы [2])

Впрочемъ, и самъ Петръ зналъ, что во многихъ случаяхъ урочная работа идетъ успѣшнѣе. Такъ, напримѣръ, онъ однажды писал

[1]) О скуд. и бог., стр. 216—218.
[2]) *Roscher*, System der Volkswirthschaft., I, 63,

по случаю постройки канала: „Принять солдатъ для строенія канала и раздѣлить эту работу поурочно и сказать, которые скоряе свой урокъ отдѣлають, тѣ немедленно и отпустятца... дабы они лучше работали и не бѣжали“ [1]).

И Посошковъ, и Петръ желали болѣе успѣшнаго, болѣе быстраго, болѣе усерднаго и ревностнаго труда въ Россіи. Въ главѣ „о правосудіи“, въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“, Посошковъ замѣчаетъ: „А сего всѣмъ правителемъ паче собранія смотрить, чтобы ничто нигдѣ даромъ не пропадало, и никакіе бъ люди даромъ хлѣба не ѣли, но вси бы трудилисъ и плодъ приносили“. Петръ для достиженія этой цѣли надѣялся на регламентацію, на строгій надзоръ, на полицейскія мѣры. Совершенно также и Посошковъ предлагалъ усилить дѣятельность чиновниковъ, надзирателей. Но, по мнѣнію Посошкова, именно эти люди сами недостаточно трудились, относились къ своимъ обязанностямъ съ нерадѣніемъ и не заботились о благѣ государства, не умѣя цѣнить государственный и казенный интересъ. Онъ пишетъ: „Вси бо люди и управители нарицаются Царскому Величеству радѣтели и слугами вѣрными наричутъ себя, а если здравымъ окомъ посмотришь на нихъ, то всѣ ихъ радѣнія вопреки явятся прямому радѣтелю: не то, что чего собраннаго беречи, но и не собраннаго смотрить, чтобы ничто нигдѣ не тратилось, и дней бы своихъ никто даромъ не терялъ. И всякія собранныя вещи не токмо въ царскихъ сокровищахъ, но и во всемъ мірѣ за богатыми и за убогими прилежно смотрѣть, чтобы ничего нигдѣ не тратили; то такой человѣкъ прямой будетъ царственному богатству собиратель. И всякому правителю во своей провинціи или канцеляріи, аще кто восхощетъ Государю своему порадѣти, не надобно ему много пить и въ прохладу жить, и по лѣсамъ зайцовъ ловить, но о томъ все свое попеченіе имѣть, како бы скорѣе дѣло вершить; и чтобъ въ приказѣ и въ тюрьмѣ лишнихъ дней не сидѣли и хлѣба бы напрасно безъ работы не ѣли, но всѣ бы были у дѣлъ своихъ; кои по винѣ достойны смерти, то тѣхъ не для чего томить, даромъ хлѣбъ въ нихъ тратить, но надлежитъ ихъ вершить.... А кои люди подлежатъ какого наказанія, то таковыхъ не надлежитъ и дня единаго въ тюрьмѣ или въ приказѣ держать, чтобъ онъ дней своихъ даромъ не терялъ; и коихъ надлежитъ послать на рудокопные дѣла и на иныя черныя работы,

[1]) Указъ господину Самарину въ *Чтеніяхъ Моск. Общ.* 1874. II. Смѣсь, 12—19.

то и тѣхъ долго держать не для чегожъ, но запятнать вѣчнымъ или временнымъ пятномъ, отсылать ихъ кои куды надлежитъ не мотчавъ, чтобъ они даромъ хлѣба не ѣли".

О праздности.

Весьма подробно Посошковъ излагаетъ, какая чувствительная потеря для народнаго богатства заключается въ праздной жизни арестантовъ и колодниковъ. „По тюрьмамъ", пишетъ онъ,—„насажено у судей множество людей, и тѣ тюремные сидѣльцы ничего же не дѣлаютъ, только сидятъ, лежатъ, да хлѣбъ ядятъ яко червіежъ. И сія дѣла, яко нищихъ, тако и тюремщиковъ, не надобно судьямъ въ презрѣніе полагать, но и вельми надобно пещися, и не токмо однимъ судьямъ, но и подьячимъ, чтобъ дней своихъ никакіе люди даромъ не теряли, и хлѣба бъ даромъ не ѣли. Богъ не на то хлѣбъ намъ далъ, чтобы намъ его яко червію съѣвъ, да во тлю претворити. Но надобно хлѣбъ ядши дѣлать прибытокъ Богу и царю своему, и всей братьѣ и себѣ; дабы не уподобитися непотребному червію, иже токмо во тлю претворяетъ, а пользы ни малыя людямъ кромѣ пакости не содѣваетъ. Въ Россіи во всѣхъ городѣхъ и въ селѣхъ и деревняхъ нищихъ и тюремныхъ сидѣльцовъ, чаю, что наберется тысячъ десятка два-три или больше, и каждой годъ хлѣба они съѣдятъ на худой конецъ что тысячъ пятьдесятъ четвертей или шестьдесятъ. И если положить на человѣка съ хлѣбомъ и съ харчемъ и съ одеждою ихъ на самый малой окладъ по шти рублевъ на годъ коемуждо человѣку, то такими тунеядцами казны на кійждо годъ въ тлю претворится близъ дву-сотъ тысячъ рублевъ; и такая великая гибель чинится вся отъ нерадѣнія судейскаго" [1]).

Какъ видно, Посошковъ въ этомъ отношеніи вполнѣ раздѣлялъ убѣжденія правительства, которое не разъ принимало мѣры для извлеченія матеріальныхъ выгодъ изъ рабочихъ сихъ арестантовъ. Извѣстно, что на многихъ общественныхъ постройкахъ, напримѣръ, при устройствѣ гавани въ Рогервикѣ или Балтійскомъ Портѣ, работали колодники. Но правительство, также какъ и Посошковъ, было недовольно медленнымъ ходомъ судопроизводства и требовало отъ судей ускоренія въ рѣшеніи участи арестантовъ. Такъ, напримѣръ, 4-го апрѣля 1722 года состоялся указъ „о недержаніи въ тюрьмахъ колодниковъ за казенные долги, объ отсылкѣ оныхъ въ работу на галеры"; въ

[1]) Соч. Пос., 105—107.

этомъ указѣ виновникамъ замедленія грозили, что „имъ учинено будетъ то жъ, что надлежало учинить колодникамъ" [1]). Особенно же часто встрѣчаются указы объ отправленіи женъ и дѣтей умершихъ должниковъ казны или въ галерную работу, или „въ прядильный домъ", объ отправленіи „виновныхъ бабъ и дѣвокъ" на частные мануфактурные заводы и т. п. [2]). Подобную цѣль имѣлъ синодскій указъ отъ 11-го сентября 1722 года „о пріученіи монахинь къ рукодѣліямъ и ремесламъ". Предписывалось обучать ихъ пряденію, шитью, низанью или другому рукодѣлію по выбору монахинь же „въ два или три мѣсяца безъ отлагательства, дабы въ праздности не пребывали" [3]).

Петръ Великій, самъ работавшій неусыпно, принималъ довольно сильныя мѣры противъ нищихъ, число которыхъ было такъ громадно, что даже Посошковъ, считавшій нищету чѣмъ-то въ родѣ религіознаго призванія и дававшій разные совѣты сыну на тотъ случай, если послѣдній сдѣлается нищимъ, замѣчаетъ въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи о просившихъ милостыню: „А сіе весьма надлежитъ отставить, чтобы по улицамъ перекованнымъ колодникамъ ходя милостыни (не?) собирать. Нынѣ, истинно, стыдное дѣло, что въ нищихъ, да въ колодникахъ, пройти не возможно!" [4]). Посошковъ недоволенъ распоряженіемъ правительства, запрещающимъ давать милостыню: „А и нынѣшній указъ о нищихъ учиненъ не весьма здраво потому: велѣно штрафовать тѣхъ, кои милостыню подаютъ. И тѣмъ никогда не унять, да и не возможно унять и то положеніе и Богу не безъ противности: Богъ положилъ предѣлъ, что давать милостыню, а судьи наши за то штрафуютъ: а имъ штрафовать давальцовъ не надлежитъ" [5]). Затѣмъ Посошковъ точнѣе опредѣляетъ содержаніе этого указа, обвиняя чиновниковъ въ произвольномъ толкованіи его: „Но надлежало по тому указу Его Императорскаго Величества нищихъ всѣхъ перехватить и допросить, чьи они крестьяне, или посадскіе, или какіе иные люди. И чьи они скажутся, то надлежало ихъ разсылать на тѣ мѣста, откуда они пришли; а они то оставя, давальцовъ штрафуютъ". Вѣроятно, Посошковъ говоритъ здѣсь объ указѣ 6-го апрѣля 1722

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 3928.
[2]) Тамъ же, № 3140, 3306, 3113, 3336, 3808.
[3]) Тамъ же, № 4089.
[4]) О скуд. и бог., стр. 109.
[5]) Тамъ же, стр. 103—104.

года: „Смотрѣть на крѣпко, дабы по прежнимъ указамъ бродящихъ нищихъ не было. А ежели гдѣ таковые явятся, и таковыхъ ловить и приводить въ полицеймейстерскую канцелярію, а изъ оной молодыхъ на урочные годы употреблять къ казеннымъ работамъ, а старыхъ отсылать для опредѣленія въ госпиталь, въ синодъ, а къ кому оные пристаютъ и съ таковыхъ имать штрафъ" [1]). Очевидно, послѣднее замѣчаніе повело къ такимъ недоразумѣніямъ и имѣло слѣдствіемъ наказаніе дававшихъ милостыню. Слово „нынѣшній" указъ подтверждаетъ наше предположеніе, что Посошковъ имѣлъ въ виду именно это распоряженіе правительства. Посошковъ писалъ свою книгу „О скудости и богатствѣ" три года и кончилъ ее въ началѣ 1724 г. Поэтому составленіемъ третьей главы этого сочиненія онъ могъ заниматься именно въ то время, когда былъ обнародованъ указъ 6-го апрѣля 1722 года [2]).

Впрочемъ Посошковъ могъ имѣть въ виду и указы прежнихъ годовъ, въ которыхъ запрещалось давать милостыню. Въ декабрѣ 1705 года бояринъ Мусинъ-Пушкинъ по указу великаго государя приказалъ: „нищихъ, которые являются на Москвѣ и ходятъ по рядамъ и по улицамъ и сидятъ по перекресткамъ, просятъ милостыню пришлые изъ городовъ и изъ богадѣленъ ловить, и деньги, сколько у нихъ сыщется, брать поимщикамъ себѣ, а ихъ приводить въ монастырскій приказъ и читать имъ наказаніе и всякаго чина людямъ заказывать, чтобъ тѣмъ бродящимъ нищимъ милостыни никто не давалъ, а кто хочетъ милостыню подавать, пусть даетъ въ богадѣльни: а кто не послушается и будетъ подавать милостыню бродячимъ нищимъ, такихъ хватать, приводить въ монастырскій приказъ и брать съ нихъ пеню по указу: изъ этихъ пенныхъ денегъ половина идетъ въ монастырскій приказъ, а другая тому подъячему, который станетъ такихъ людей приводить въ приказъ, и для того послать изъ монастырскаго приказа подъячихъ съ солдатами и приставами по улицамъ" [3]).

Такое же, неслыханное въ прежнее время запрещеніе подавать милостыню повторяется и въ указѣ 25-го февраля 1718 года, но тутъ всѣмъ подавателямъ милостыни грозятъ еще большею денежною пенею: „А буде которые люди станутъ такимъ нищимъ мило-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 3945.

[2]) Этотъ указъ обнародованъ 25-го апрѣля.

[3]) См. *Соловьева*, Ист. Россіи, т. XVI, стр. 19.

стыню подавать, презрѣвъ сей его великаго государя именный указъ, и ихъ присмотря по томужъ приводить въ монастырскій приказъ и имать на нихъ штрафу, первой по 5, другой по 10 рублевъ, и для присмотру вышепомянутыхъ бродящихъ неистовыхъ монаховъ и нищихъ мужеска и женска полу и для подавцевъ милостыни опредѣлить изъ монастырскаго приказу, изъ московскаго гарнизона нарочныхъ поимщиковъ изъ какихъ чиновъ пристойно" [1]).

Не мудрено, что такія распоряженія не нравились сторонникамъ домостроевскихъ понятій. Въ древней Руси говорили, что „въ рай входятъ святою милостыней", что „нищій богатымъ питается, а богатый нищаго молитвой спасается"; существовало множество поученій „какъ подобаетъ милостыню творити", „о управленіи души и о разсмотрѣніи милостыни", „о холодности къ нищимъ". При царскомъ дворцѣ въ Кремлѣ существовали особые нищіе, подъ именемъ *богомольцевъ верховныхъ*, которые отъ царя получали не только пищу, но даже жалованье и форменную одежду. При монастыряхъ состояли цѣлыя слободы нищихъ [2]). Въ Москвѣ нищіе имѣли днемъ свое постоянное пребываніе на мостахъ, на перекресткахъ, на кладбищахъ, у церквей; нищіе были, такъ сказать, людьми церковными. Въ „Домостроѣ" встрѣчается такое наставленіе: „нищихъ, и маломожныхъ и скорбныхъ и странныхъ пришельцевъ призывай въ свой домъ и по силѣ накорми и напой". Въ 1678 г.у патріарха кормлено было нищихъ 2500 человѣкъ; цари и царицы кормили и поили нищихъ цѣлыми сотнями [3]). Не мудрено, говоримъ мы, что при господствѣ внѣшне-благочестивыхъ и патріархальныхъ обычаевъ подобныя распоряженія правительства не одобрялись людьми, которые, подобно Посошкову, были воспитаны въ понятіяхъ Домостроя. Самъ Посошковъ въ своемъ „Завѣщаніи къ сыну" во многихъ мѣстахъ училъ давать милостыню. Такъ напримѣръ, онъ писалъ: „А аще во время твоего яденія пріидетъ къ тебѣ нищій просити милостыню: то даждь ему лучшій кусокъ, кой тебѣ угоденъ: а хужшаго отнюдь не давай, дабы тебѣ вмѣсто милости, Бога на гнѣвъ не привести, понеже подаваемая милостыня въ руцѣ Богу подается. А аще Бога любиши, то лучшее ему подаси, а аще худшее Богу подаси, то ты ложь еси, и любиши

---

[1]) П. С. З. № 3172.
[2]) См. Нищіе на святой Руси, стр. 58, 66, 78, 79.
[3]) Тамъ же, 82—83.

себя паче, нежели Бога [1]). Въ какой мѣрѣ Посошковъ милостыню считалъ необходимымъ средствомъ спасенія видно изъ слѣдующаго совѣта: „Егда изыдеши изъ дому своего, то... изо чпага своего изми три пѣнязя, велики или малы, и каковы тебѣ первые попадутъ нищіе, кто каковъ ни будетъ, аще старъ или младъ или увѣченъ или и здравъ, не разбирая даждь первымъ, близъ тебя случившимся. И аще узриши и весма древна или дряхла идуща или сидяща: а предъ нимъ тебѣ случатся млади и здравы, и ты не разбирай между ними, даждь тѣ три пѣнязя первымъ случившимся тебѣ, а потомъ аще восхощеши, даждь увѣчному особый пѣнязь, въ прибавку первымъ" и проч. [2]).

Защищая нищихъ въ нѣкоторомъ отношеніи, Посошковъ все-таки желаетъ принятія мѣръ противъ праздношатающихся. Онъ предлагаетъ по случаю вышеупомянутаго указа слѣдующія распоряженія относительно нищихъ: „И сію статью правильнѣе-бъ такъ учинить: кои хворы и увѣчны и престарѣлые, тѣмъ бы учинить покой, а кои ходятъ здоровые крестьяне и крестьянки и дѣти ихъ, и тѣхъ, если повелѣно будетъ, всякаго чина людямъ хватать хотя въ городѣхъ, хотя въ деревнѣ, какой человѣкъ ни увидитъ нищаго здороваго, то хватя бы его, привелъ въ приказную палату и записалъ, гдѣ его взялъ, и записавъ, отдалъ бы ихъ изъ приказу тому, кто его привелъ. А буде онъ не возьметъ, то кто его востребуетъ, отдавалъ бы вовсе, чей бы онъ ни былъ. А буде никто не возьметъ, то отсылалъ бы ихъ къ каковымъ дѣламъ государевымъ. То дворяне лишь заслышутъ, часу не будутъ мѣшкать—заберутъ къ себѣ, и по міру ходить уже не будутъ пускать. И такимъ способомъ однимъ годомъ или и меньше нищіе бродить не будутъ и по улицамъ ходить не станутъ. А иные и посадскіе такіе люди есть лежебоки, что живутъ своими домами, а не хотя ни торговать, ни работать, ходя по міру милостыню собираютъ; а иные сковавшись ходятъ будто тюремные сидѣльцы, и набравъ милостыни, да дома лежа ѣдятъ. А иные и сами промышляютъ, а дѣтей своихъ посылаютъ милостыни просить. И таковымъ нищимъ, освидѣтельствовавъ, надлежитъ и наказаніе дать не оскудное, чтобы даромъ хлѣба не ѣли. А буде кто промысломъ своимъ прокормить себя не можетъ, то шелъ бы на поденную работу, или бы пошелъ въ люди жить, а дѣтей бы своихъ роздалъ мастеровымъ

---

[1]) Отеческое завѣщаніе, стр. 173.

[2]) Тамъ же, стр. 174.

людямъ въ наученье, и научась мастерства, могли и отца своего кормить; а скитаясь по міру иного ничего не научатся, только что воровать и тунеядцами быть. И таковые люди уподобились червію, что ничего не дѣлаютъ, а хлѣбъ въ свѣтѣ грабятъ даромъ" [1]).

Изъ этихъ замѣчаній видно, въ какой мѣрѣ распространено было зло нищенства не только между крестьянами, но и въ среднемъ сословіи. Посошковъ, понимая народно-экономическій вредъ этого явленія, относился къ нищимъ, способнымъ работать, ни чуть не снисходительнѣе правительства, которое и до вышеупомянутыхъ указовъ по временамъ принимало довольно крутыя мѣры противъ множества нищихъ. Въ древней Руси масса неимущихъ, захребетниковъ, бобылей, бѣглыхъ, погорѣлыхъ, ослѣпшихъ, спившихся, увеличивалась отъ постоянныхъ разгромовъ, пожаровъ, моровыхъ повѣтрій и набѣговъ Татаръ. Сверхъ того, приходили еще греческіе монахи для сбора милостыни и пожертвованій, особенно со времени взятія Константинополя Турками [2]). Разумѣется, было много и такихъ людей, у которыхъ нищенство было вѣрнымъ и доходнымъ промысломъ [3]). Царь Иванъ Васильевичъ Грозный возсталъ противъ такихъ дармоѣдовъ на Стоглавомъ соборѣ и велѣлъ ихъ всѣхъ повыгнать изъ богадѣленъ. Стоглавый соборъ жаловался на чрезмѣрное множество нищихъ. Воровство и грабежъ, свидѣтельствуетъ Флетчеръ, были часты отъ этого множества бродягъ и нищихъ, которые, неотступно требуя милостыни, говорили всякому встрѣчному: дай мнѣ или убей меня! Нищими занимался соборъ 1681 года. Царь Өеодоръ Алексѣевичъ въ указѣ 1682 года говоритъ, что по улицамъ бродятъ и лежатъ нищіе, притворные воры; прося подъ окнами милостыни, подмѣчаютъ, кто и какъ живетъ, чтобъ послѣ обокрасть, малыхъ ребятъ съ улицъ крадутъ и руки и ноги имъ ломаютъ, и на улицы ихъ кладутъ, чтобы люди, на нихъ смотря, умилилися, и больше имъ милостыни давали. Царь между прочимъ повелѣлъ нищихъ дѣтей учить наукамъ и мастерствамъ [4]).

Во время двоевластія Іоаннъ и Петръ (въ 1691 году) указали: „извѣстно имъ, Великимъ Государямъ, что на Москвѣ гулящіе люди,

---

[1]) Соч. Пос., стр. 104—105.

[2]) Нищіе на св. Руси, 5.

[3]) См. сказку о слѣпцѣ-нищемъ, имѣвшемъ пять сотъ рублей. Нищіе на св. Руси, 48.

[4]) Нищіе на св. Руси, 83.

подвязавъ руки, також и ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпы и хромы, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя милостыни, а по осмотру они всѣ здоровы, и тѣхъ людей имать и... отдавать помѣщикамъ и вотчинникамъ, а буде тѣ люди съ сего указу впредь объявятся на Москвѣ въ томъ же нищенскомъ образѣ и притворномъ лукавствѣ, и тѣмъ за то притворное лукавство учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ и ссылать въ ссылку въ дальніе сибирскіе города“ [1]). Повторяя этотъ указъ, прибавляли: безмѣстныхъ чернцовъ и черницъ, поповъ и діаконовъ, чтобъ они по улицамъ не бродили и по кабакамъ не водились, приводить въ стрѣлецкій приказъ [2]).

Мѣры, принимаемыя противъ нищихъ, становятся съ теченіемъ времени все строже и строже. Въ 1712 году послѣдовало такое запрещеніе: „Нищимъ по міру на Москвѣ мужеска и женска пола и робятамъ и старцамъ и старицамъ милостыни не просить и по мостамъ не сидѣть, а быть имъ въ богадѣльняхъ по прежнему и смотрѣть изъ монастырскаго приказу накрѣпко, буде гдѣ по улицамъ и по мостамъ для прошенія милостыни нищіе явятся, тѣхъ ловить и приводить въ монастырскій приказъ; а въ монастырскомъ приказѣ чиня наказаніе, отослать въ богадѣльни и въ монастыри, а которые по міру жъ будутъ ходить, а въ богадѣльняхъ они нигдѣ не записаны, и тѣхъ ловя, потому жъ въ монастырскомъ приказѣ учиня жестокое наказаніе, отсылать въ прежніе мѣста, откуда кто пришелъ“ [3]).

Все это не помогало. Въ указѣ 25-го февраля 1718 года говорится о „неистовыхъ“ монахахъ и нищихъ, которые являются на Москвѣ и ходятъ по рядамъ и по улицамъ и сидятъ на перекресткахъ; по этому поводу приказано, „имая ихъ, приводить въ монастырскій приказъ, а милостыни отнюдь имъ не давать“ [4]). Между разными полицейскими распоряженіями 25-го мая и 20-го іюня 1718 года повторяются подобныя же распоряженія [6]).

Даже въ Духовномъ Регламентѣ Петра Великаго говорится съ негодованіемъ о „бездѣльникахъ“ нищихъ [5]).

---

[1]) П. С. З., № 1424.
[2]) П. С. З., № 1489.
[3]) П. С. З., № 2470.
[4]) П. С. З., № 3172.
[5]) П. С. З., № 3203, 3213.
[6]) Нищіе на св. Руси.

Вотъ въ какомъ положеніи находился вопросъ о нищихъ, когда Посошковъ въ своемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ" предлагалъ мѣры для искорененія этого зла. Онъ думалъ достигнуть этой цѣли тѣми же средствами, о которыхъ мечталъ Петръ, заводившій при монастыряхъ пріюты, богадѣльни, школы, работные дома, прядильни и пр. Ни Петръ, ни Посошковъ не могли думать, что всѣ эти мѣры окажутся не цѣлесообразными даже до настоящаго времени.

Въ какой мѣрѣ Посошковъ умѣлъ цѣнить потерю рабочихъ силъ для народнаго богатства, чрезъ множество праздношатающихся, видно изъ слѣдующихъ сдѣланныхъ имъ предложеній во главѣ „о разбойникахъ": „И ради размноженія таковыхъ дѣлъ (то-есть, промышленныхъ предпріятій) учинить бы указъ, чтобъ нищихъ, по улицамъ скитающихся, и молодыхъ, и средовыхъ хватать, и записавъ въ приказѣ имать къ тѣмъ дѣламъ, и молодыхъ робятъ мужескаго полу и женска научить прясть, а подрослыхъ—ткать, а иныхъ бѣлить и лощить; то бы они научась были бы мастерами. Я чаю, что мочно тѣхъ гуляковъ набрать тысячъ десятокъ-другой, и построя домы мастерскіе, научa тѣхъ гуляковъ-тунеядцевъ, мочно ими много дѣлъ управить" [1]). А въ другомъ мѣстѣ, предложивъ разныя мѣры для усиленія промышленности, Посошковъ продолжаетъ: „Кто изъ своея охоты заведетъ такія дѣла, царству потребныя, изъ своего иждивенія, и тѣмъ людямъ такожде указы бы дать, чтобы имъ повольно было гулящихъ робятъ мужеска пола и женска имать и учить, и научa, владѣти имъ вѣчно, чьи бы они до поимки ни были, крестьяне или дворовые люди, быти имъ тутъ вѣчно. И сицевымъ порядкомъ нищіе, бродяги и тунеядцы всѣ изведутся, и вмѣсто уличнаго скитанія всѣ будутъ промышленники; и егда совершенно научатся и обогатятся и будутъ сами мастерами, а царство отъ ихъ промыслу будетъ богатитися и славою разширятися" [2]). Для этого былъ необходимый строжайшій полицейскій надзоръ; поэтому Посошковъ, во главѣ „о правосудіи", предлагаетъ: „А по кабакамъ надобно смотрѣть, чтобъ ярыжки голые безъ работы не жили тутъ; а буде кои для работы годны, то брать на нихъ крѣпости, чтобы имъ никакимъ дурнымъ не промышлять, и зернію не играть, и пристани никакимъ лишнимъ людемъ не держать, чтобы безъ работъ никакой человѣкъ не былъ. А кромѣ при-

[1]) «О скуд. и бог., стр. 149.

[2]) Тамъ же, 151.

каза всякому командиру во своей командѣ смотрѣть накрѣпко, чтобы никто нигдѣ даромъ не шатался, и робяты молодые, кромѣ праздничныхъ дней отнюдь бы по улицамъ ни козлами, ни кубарями, ни иными какими играми не играли, а и въ мужествѣ сущіи никаковыя вещи напрасно не тратили и яицами не билися; и никакаго чина люди и дворяне безъ письменнаго указу хлѣба бы въ вино не переводили, и за крестьянами своими сами бы смотрили, и прикащикамъ и старостамъ накрѣпко бы заказали, чтобы никакой крестьянинъ гулякомъ не былъ ни лѣтомъ, ни зимою; не токмо большіе, но и малые робята даромъ не шатались бы, но оные учились бы грамотѣ, а иные рукодѣлію, каковое водится во крестьянѣхъ, учились бы; буде кой топоромъ еще не сможетъ владѣти, тобы прясть училисъ, и научась, шли бы на полотняные дворы, и тамъ бы зимою изъ найму или изъ хлѣба работали, а лѣтомъ полевую работу работали. И аще въ юности навыкнетъ работать, то и подъ старость гулякомъ не будетъ" [1]).

Очевидно, мѣры, предлагаемыя Посошковымъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ административнымъ распоряженіямъ Петра Великаго, строившаго рабочіе домы для праздношатающихся и заводившаго ремесла а также и взглядамъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ экономистовъ XVIII вѣка, напримѣръ, предложеніямъ австрійскаго ученаго Іонненфельса (род. въ 1733 г.) ограничивать или даже запрещать всѣ занятія непроизводительныя или похожія на праздность, какъ то показываніе звѣрищевъ и т. п. [2]).

Посошковъ—самъ крестьянинъ—не имѣлъ особенно высокаго понятія о наклонности рабочаго класса къ труду. Онъ считалъ необходимыми строгія мѣры для того, чтобы заставить мужиковъ работать прилежнѣе. Въ введеніи къ сочиненію „О скудости и богатствѣ" сказано: „Надлежитъ же и о крестьянствѣ вспомянуть, чтобъ и ихъ отъ разоренія и обидъ предохранить, и въ лѣности бъ пребывать имъ не попускать, дабы отъ лѣности во всеконечную скудость не приходили; аще бо кои крестьяне живутъ и въ хлѣбныхъ мѣстахъ, обаче и тѣ бы зимою даромъ не лежали, но трудились бы, овые въ лѣсахъ, овые жъ въ домовыхъ рукодѣльяхъ, и иніи жъ въ подводахъ съѣздили; а лежа своего припасеннаго хлѣба, не потрудився, не ѣли бъ, и дней бы своихъ даромъ не теряли; а у коихъ крестьянъ лошадей

[1]) О скуд. и бог., стр. 107—108.
[2]) *Roscher*, Gesch. d. Nationalökonomik, 539.

добрыхъ нѣтъ, и въ подводы наняться не на чемъ, тѣ шли бъ въ людейскія работы и работали бы изъ найму или изъ хлѣба, а даромъ бы не жили"[1]). Во главѣ „о крестьянствѣ" Посошковъ называетъ „лѣность" крестьянъ одною изъ главныхъ причинъ „скудости крестьянскаго житія". Помѣщики должны, какъ полагаетъ Посошковъ „смотрѣть за своими крестьянами, чтобы они кромѣ недѣльныхъ и праздничныхъ дней не гуляли, но всегда бы были въ работѣ, то никогда крестьянинъ весьма не оскудѣетъ. А буде кой крестьянинъ станетъ лежебочить, то бы таковыхъ жестоко наказывали, понеже кой крестьянинъ изгуляется, въ томъ уже пути не будетъ, но токмо уклонится въ разбой и во иныя воровства"[2]). О разбойникахъ же и ихъ экономическомъ вредѣ Посошковъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „Аще ихъ весьма не истребити, то царству нашему Россійскому ни коими дѣлы обогатитися не возможно"[3]).

Но не въ одномъ крестьянскомъ сословіи Посошковъ обличалъ „лежебоковъ"; совершенно согласно со взглядами Петра, не желавшаго, чтобы „кадеты" знатныхъ фамилій были праздны, а приказывавшаго, чтобы всѣ принуждены были „хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ"[4]), и Посошковъ строгими мѣрами надѣялся привлечь всѣхъ праздныхъ къ труду. Во главѣ „о правосудіи" онъ предлагалъ устройство сложной системы доносовъ на всѣхъ „лежебоковъ", то есть на тѣхъ лицъ, которыя уклоняются отъ службы или отъ какой-либо работы[5]).

Петръ понималъ тѣсную связь, существующую между частнымъ трудомъ и общественнымъ благосостояніемъ. Говоря о занятіяхъ „кадетовъ" онъ замѣчаетъ: „Все, что оные сдѣлаютъ вновь для своего пропитанія, государственная польза есть"[6]). Еще точнѣе выражаетъ эту мысль Посошковъ при слѣдующихъ случаяхъ. Говоря въ „Отеческомъ Завѣщаніи" „о судѣйствѣ" и указывая на зло „волокиты" въ судебныхъ дѣлахъ, Посошковъ говоритъ, что доходы казны съ тяжебныхъ дѣлъ далеко не столь выгодны, какъ согласіе истцовъ и отвѣтчиковъ: „Въ миру живучи всячески сами будутъ въ полности, и госу-

[1]) О скуд. и бог., стр. 7.
[2]) О скуд. и бог., стр. 171.
[3]) Тамъ же, стр. 6.
[4]) Указъ о порядкѣ наслѣдованія въ движимыхъ и недвижимыхъ имуществахъ 23-го марта 1714 г. П. С. З., № 2782.
[5]) См. О скуд. и бог., 95.
[6]) П. С. З., № 2789.

дарю прибыли отъ нихъ больше сойдется: потому купецкой человѣкъ, съ торгу своего болши приказныхъ пошлинъ прибыли принесетъ, а мастеровой болши сработаетъ, а въ привозной тяжбѣ и болшой волокитѣ всѣхъ своихъ пожитковъ лишаются" [1]).

Разказывая въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ", въ главѣ „о правосудіи", случай произвольнаго дѣйствія судьи Ивана Мякитина съ однимъ ученикомъ стекляннаго дѣла Иваномъ Семеновымъ, который по ничтожному дѣлу долго просидѣлъ въ тюрьмѣ, Посошковъ продолжаетъ: „И такимъ судейскимъ милосердіемъ пять лѣтъ безъ одного мѣсяца просидѣлъ въ тюрьмѣ, и всѣ тѣ пять лѣтъ погибли. А если бы онъ Мякитинъ не алтынничалъ, да по указу учиня ему наказаніе, свободилъ, то бы онъ ста два-три прибыли въ царствѣ сдѣлалъ бы, а сидя въ тюрьмѣ, хлѣбъ ѣлъ лежа, и тотъ хлѣбъ пропалъ даромъ" [2]). Изъ этой аргументаціи видно, что Посошковъ не только имѣлъ въ виду интересъ казны, но и народное богатство, хотя еще для этого послѣдняго понятія у него не встрѣчается особеннаго термина. Также и Петръ, говоря о „государственной пользѣ", не ограничивался понятіемъ о финансовыхъ выгодахъ, а мечталъ о всецѣломъ народно-экономическомъ организмѣ. И Посошковъ, и Петръ, какъ представители вѣка просвѣщеннаго абсолютизма, понимали, что народъ есть цѣль, а государство лишь средство, что поэтому не столько финансовыя соображенія, сколько полицейско-экономическія должны находиться на первомъ планѣ. Однако понятія о государственномъ и народномъ хозяйствѣ смѣшивались у Петра и у Посошкова. Не даромъ наука о хозяйствѣ сперва имѣла названіе „политической" экономіи, а затѣмъ только получила названіе „народной" (wealth of nations, Nationalökonomie). Чисто государственное хозяйство, то есть, управленіе финансами, въ глазахъ Посошкова никогда не могло быть дѣломъ столь великимъ и сложнымъ, какъ работа правительства о благосостояніи народа. Въ началѣ сочиненія „О скудости и богатствѣ" онъ говоритъ: „По моему мнѣнію сіе дѣло невеликое и весьма нетрудное, еже царскія сокровища наполнити богатствомъ, за еже царь, яко Богъ, еже восхощетъ во области своей можетъ сотворить; но то великое многотрудное есть дѣло, еже бы народъ весь обогатить; понеже безъ насажденія правды, и безъ истребленія обидниковъ, и воровъ,

[1]) Отеческое завѣщаніе, стр. 232.
[2]) О скуд. и бог., 111.

и разбойниковъ, и всякихъ явныхъ и потаенныхъ грабителей, никоими мѣрами народу всесовершенно обогатитися не возможно" [1]).

Такимъ образомъ, вся отвѣтственность лежитъ на правительствѣ, законодательная и административная дѣятельность котораго должна обнимать всѣ отрасли производства, распредѣленія и потребленія богатства, полицейскій надзоръ котораго надъ всѣми подданными долженъ быть неусыпнымъ, строгость котораго, по мнѣнію Петра и Посошкова, не должна знать предѣловъ.

О сбереженіи.

Не только производство должно было, по мнѣнію Посошкова, находиться подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства, но и потребленіе. Принимая на себя отвѣтственность за благосостояніе всеобщее, привлекая всѣхъ и каждаго къ участію въ трудѣ, администрація должна была предохранять всѣхъ и каждаго отъ всякой лишней траты, проповѣдывать бережливость въ потребленіи, предписывать, какъ подданные должны питаться, одѣваться и пр.

Въ „Домостроѣ" ни на одинъ вопросъ въ области хозяйства не обращалось столько вниманія, какъ на сбереженіе. Весьма часто тамъ повторяются наставленія о томъ, что ничто не должно пропадать даромъ, теряться или портиться; наставленія, какъ должно беречь обрѣзки, лоскутки и остатки, запасы въ житницахъ, въ сушильнѣ, въ погребахъ, въ кладовыхъ и т. д., наставленія, какъ женѣ носить платья и рубашки и убрусы не измявъ, не запачкавъ, не испортивъ. А далѣе преподается ученіе и о томъ, какъ „жить по приходу расходъ и всегда себя смѣчать... а кто станетъ жить иначе, на люди глядя, не по силамъ, и займуя или неправеднымъ имѣніемъ, и та честь будетъ съ великимъ безчестіемъ и съ укоризною, и съ понопеніемъ" и пр..

Посошковъ находитъ потребленіе въ Россіи во многихъ случаяхъ неправильнымъ, и жалуется на то, что многое пропадаетъ, особенно вслѣдствіе нерадѣнія чиновниковъ, ни сколько не имѣющихъ въ виду „царскій интересъ". Такимъ образомъ, говоритъ онъ, и казна теряетъ, и народное богатство.

Одежда.

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы увидимъ, что Посошковъ былъ меркантилистомъ и поэтому считалъ вообще потребленіе за-

[1]) О скуд. и бог., стр. 3.

граничныхъ товаровъ, которые можно замѣнить русскими, вреднымъ для народнаго хозяйства. При этомъ онъ обращаетъ особенное вниманіе на непрочность этихъ товаровъ. Такъ, напримѣръ, уже въ „Завѣщаніи Отеческомъ" Посошковъ ратуетъ противъ обшивныхъ пуговицъ: „И ты сыне мой, всячески тщися дѣтямъ своимъ одежды чинить не отъ высокихъ цѣнъ: елико себя ради, паче же ради царственнаго пополненія, дабы наше Россійское царство, отъ излишняго наряда, не отончевало: и тоя же ради царственныя прибыли дѣтямъ своимъ обшивныхъ пуговицъ ни шелковыхъ, ни шерстяныхъ, ни самыхъ золотыхъ не покупай, понеже обшивные пуговицы переводъ деньгамъ, потому что они въ скорыхъ числахъ пропадаютъ, и взвороту отъ нихъ и пула не будетъ, а Нѣмцы вѣлми похваляютъ тыя часовыя пуговицы. А ты, сыне мой, на ихъ нѣмецкія басни не смотри, дѣлай дѣтямъ пугвицы, либо серебряные, либо мѣдные. То хорошо, чтобы пугвицы портищевъ пять-шесть износили: а обшивныхъ пуговицъ на одно портище пятья будешь перемѣнять, и придутъ тебѣ дороже серебряныхъ, а износя всѣ бросишь. А серебряные кои плотно здѣланы — колко кафтановъ ни переносишь, а деньги въ головахъ" [1]). Равно и въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ" Посошковъ ратуетъ противъ „иноземческихъ" пуговицъ и обнаруживаетъ при этомъ случаѣ подробное знаніе предмета, замѣчая: „И того ради годствуетъ принимать пуговицы мѣдныя плотныя, кои паяны не оловомъ, или кои и безъ пайки да насажены на деревянные болвашки, или оловянныя серебромъ посеребряны на жестяныхъ чашкахъ. Также кои вмѣсто стальныхъ привозятъ визмутовыя пуговицы, то и такихъ принимать не надобножъ для того, что онѣ непрочны. А принимать самыя прочныя, съ коими бы мочно было кафтана два-три износить; буде и стеклянныя черныя, да сдѣланы на желѣзныхъ самыхъ плотныхъ ушкахъ, то таковыя мочно брать, потому что онѣ весьма потребны, платья не дерутъ, а къ носкѣ прочны, цѣна имъ не высокая; буде станутъ ушки дѣлать у нихъ гораздо плотны, то онѣ портищъ пять-шесть переносятъ" [2]).

Какъ видно, Посошковъ имѣлъ ясное понятіе о солидности въ потребленіи; онъ умѣлъ цѣнить выгоду постояннаго капитала, посредствомъ котораго сберегается извѣстное количество капитала оборотнаго. Знакомый съ различными отраслями промышленной техники.

---

[1]) От. Зав., стр. 58.

[2]) О скуд. и бог.. 125.

онъ былъ въ состояніи давать умные совѣты своимъ согражданамъ, склоннымъ тратить деньги на непрочные товары для украшенія одежды.

Затѣмъ Посошковъ желаетъ, чтобы Русскіе не покупали столько шелковыхъ и другихъ матерій, лентъ, платковъ „потому что въ нихъ никакого проку нѣтъ, только денежная напрасная трата"; шелковые платки онъ совѣтуетъ замѣнить льняными, иностранныя вина — русскими напитками и пр.

Иностранцы-путешественники говорятъ о страсти Русскихъ къ нарядамъ. Въ старину любили носить дорогія матеріи, украшая ихъ жемчугомъ, драгоцѣнными камнями, позументами и пр. Юрій Крижаничъ „первою причиною нужамъ и убожеству" считаетъ „буйность въ строехъ" и продолжаетъ: „Рубачи ся нашиваютъ златомъ и свилою (шелкомъ); сапоги ся шьютъ мѣдными нитьми: мужи носятъ бисеръ: таково несподобіе нигдѣ въ Европѣ ся не дѣетъ. Наигорши черняки (мужики) носятъ свилную пратежь. Черняцкихъ женъ нѣсть разознать отъ наипреднѣихъ боярынь. Бисера земля не носитъ, а всѣ до наименѣго хотятъ бисеръ носить. Красилъ земля не родитъ: а всѣ до наименѣго хотятъ крашеныя сукна носить" [1]). Подобные же отзывы встрѣчаются въ сочиненіяхъ Флетчера, Петрея, Олеарія и пр. Не мудрено поэтому, что патріоты, какъ напримѣръ, Крижаничъ и Посошковъ, считали необходимымъ принятіе мѣръ противъ роскоши въ одеждахъ. Крижаничъ говоритъ: „А наипаче годило бы ся преповѣдать (то-есть, запретить) простымъ людемъ уживать (употреблять) свилы (шелкъ), злата пряденаго и преднихъ (лучшихъ) сверлатныхъ суконъ: дабы ся разознавалъ станъ болярскій отъ простаковъ. Велико бо неподобіе быть ся кажетъ, да маловерстенъ писецъ ходитъ въ единаковыхъ свитахъ съ начальнымъ бoляриномъ" [2]).

Посошковъ этому же вопросу посвящаетъ нѣкоторую часть главы „о художествѣ". „Паки и сіе мнѣ мнится", пишетъ онъ, — „не весьма право посадскіе люди многіе украшаютъ себя паче мѣры своей, а женъ своихъ и дѣтей и наипаче того со излишествомъ украшеній, и въ томъ украшеніи излишнемъ себя истощеваютъ. Паки мнѣ мнится — не худо бы расположить, чтобы всякій чинъ свое бы опредѣленіе имѣлъ: посадскіе люди все купечество собственное свое платье носили, чтобы оно ничѣмъ ни военному, ни приказному согласно не было. А

---

[1]) Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, I, 154.

[2]) Русск. госуд., I, 141.

нынѣ ни коими дѣлы по платью не можно познать, кто какого чина есть, посадскій или приказный или дворянинъ или холопъ чей, и не токмо съ военными людьми, но и съ царедворцы распознать не можно. А мнится мнѣ быть то самое прямое дѣло, чтобы не то что отъ царедворцовъ или отъ солдатъ, но и между собою надлежитъ имъ различіе имѣть. Первая статья купецкаго чина, кіи высше тысячи рублевъ, даже до десяти тысячъ пожитки у себя имѣютъ, тіи бо носили на верхнихъ кафтанахъ отъ сукна кармазиннаго, кой купуется выше дву рублевъ, а камзолы луданые и стофные и прочія шелковыя парчи, кои безъ золота, безъ атласа и безъ испещренія разныхъ цвѣтовъ, а разноцвѣтныхъ парчей купечество и на малыхъ своихъ дѣтей не надѣвали бы; пуговицы носили бы серебреныя позолоченыя, а позументовъ бы и снуровъ золотыхъ и серебряныхъ, ни пуговицъ обшивныхъ, отнюдь бы не было и на малыхъ ихъ дѣтяхъ; а покроемъ надлежитъ, мнится, всему купечеству имѣть: верхніе кафтаны были бъ ниже подвязки, чтобъ оно было служиваго платья длиннѣе, а церковнаго чина покороче, а штаны бы имѣли суконныя и триповыя, а камчатныхъ и парчевыхъ отнюдь бы не было у нихъ, а на ногахъ имѣли бы сапоги, а башмаковъ тотъ чинъ отнюдь не носили ж бы, а на головахъ бы носили лѣтомъ шляпы, и носили бы ихъ аще и пуховыя. а полъ по служивому маниру не заворачивали бы, а зимою носили бы шапки съ околыши лисьими и разсомашными, а собольихъ бы отнюдь не носили. Собольи шапки носили бы гости, да гостинныя сотни, кіи выше десяти тысячъ имутъ у себя пожитку. А среднія статьи, кіи имутъ у себя пожитки ото ста рублевъ даже до тысячи. то тіи бы носили сукна англійскія, кіи около рубля покупается аршинъ, а камзолы китайчатые и суконные носить, а пуговицы серебряныя бѣлыя и мѣдныя, паяныя мѣдью и серебромъ посеребреныя; а на головахъ лѣтомъ носили бы шляпы безъ заломовъ, а зимою шапки лисьи и бобровыя, а покроемъ особымъ отъ первостатейнаго купечества, а на ногахъ — сапоги. А нижная статья, кіи отъ десяти рублевъ имѣютъ пожитка только до ста рублевъ, тіи бы носили сукна русскія крашеныя лазоревыя и иными цвѣтами, хотя валеныя, хотя не валеныя, только бы были крашеныя, а не крашеныя носили бы работные люди и крестьяна".

Такимъ образомъ, Посошковъ надѣется, „что чинъ отъ чина явенъ будетъ, и всякъ свою мѣрность будетъ знать", и „что у всякаго чина денежныя истраты излишнія не будетъ". За то Посошковъ желаетъ, чтобы богатые одѣвались роскошно: „У кого пожитку

на тысячу рублевъ есть, тотъ бы себя не ругалъ, но, благодаря Бога, носилъ бы достойное платье по пристоинству своему. А нынѣ много есть, что тысячи двѣ-три имѣютъ, а ходитъ въ сѣромъ кафтанѣ; а у инаго и ста рублевъ нѣтъ, а онъ носитъ платье противъ тысячника; а по прямому, у кого пожитка большаго нѣтъ, тотъ бы не тщеславился, но всякъ бы свою мѣрность зналъ. И аще у кого пожитку выше тысячи рублевъ, и онъ платье по своему достоинству противу своего клевретства носить не будетъ, и кто, вѣдая его пожитокъ, донесетъ о немъ, то всѣ его пожитки переписать, и аще явятся тысячи на двѣ или на три, то оставить ему ста на два или на три; потому что онъ самъ себѣ того возжелалъ, а излишнее все, аще и выше того будетъ, взять на великаго государя, а доносителю изъ взятаго пожитку выдать десятая доля. А буде у кого по смѣтѣ явится ни съ большимъ на тысячу рублевъ, тому въ пеню не ставить; аще что другое или третіе явится излишняя, и кто доносилъ, нѣтъ ему ничего. А буде сотъ пять излишняя будетъ, то излишняя пять сотъ или и больше взять на государя, а ему оставить тысячу рублевъ или сотъ пять-шесть. А кто выше своей мѣры платье себѣ сдѣлаетъ, и по доношенію тое платье снять, и дать тому, кто на него о томъ непристойномъ платьѣ обличитъ его, и учинить ему наказаніе, чтобы впредь такъ онъ и иные не дѣлали, и себя бы не убытчали. И аще сіе дѣло не великое, а царственному обогащенію будетъ великая помога: никто излишняго тратить не будетъ“.

Такая склонность къ опекѣ и регламентаціи можетъ казаться странною; однако, не трудно доказать, что на этотъ счетъ Посошковъ раздѣлялъ убѣжденія многихъ современниковъ. Разумѣется, мелочность въ полицейскихъ распоряженіяхъ, предлагаемыхъ Посошковымъ, доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Онъ хочетъ „во одеждахъ такъ бы хорошо устроить, что не то, чтобъ по верхнему платью или по исподнему, но и по рубашкамъ всѣ бы были знатны, кто какого званія есть“ [2]). Но все это не можетъ считаться новымъ. Въ Россіи допетровской по шапкѣ можно было узнавать происхожденіе и достоинство. Высокія шапки означали знатность породы и сана. Какъ бы великолѣпно ни одѣлся посадскій, онъ не смѣлъ надѣть высокой шапки и даже въ самыхъ колпакахъ—обыкновенной народной шап-

---

[1]) О скуд. и бог., 128—131.
[2]) О скуд. и бог., стр. 131—132.

кѣ, вышина соразмѣрялась съ знатностью носившаго шапку [1]). Вездѣ, гдѣ на сословныя отличія обращалось вниманіе, встрѣчались подобныя правила. Еще недавно у насъ только купцамъ первой гильдіи дозволялось ѣздить четвернею, тогда какъ купцы второй гильдіи не имѣли на то права. Въ древнемъ Вавилонѣ степень знатности обозначалась длиною посоха, носимаго каждымъ безъ исключенія. Указомъ короля Французскаго отъ 1294 года запрещалось всѣмъ лицамъ, имѣющимъ доходы ниже 6000 ливровъ, употреблять золотые или серебряные сосуды; горожане не имѣли права ѣздить въ экипажахъ; одни лишь герцоги, графы и бароны, имѣющіе 6000 ливровъ доходу, могли заказывать себѣ четыре одежды въ продолженіе года, однако не болѣе, остальные люди менѣе этого; число блюдъ въ каждомъ сословіи было опредѣлено [2]). Къ концу среднихъ вѣковъ въ Германіи дозволялось рыцарямъ носить золотыя вещи, тогда какъ употребленіе этого металла запрещалось оруженосцамъ; рыцари имѣли право носить одежду изъ камки, оруженосцы должны были употреблять другую матерію, а въ случаѣ дозволенія оруженосцамъ носить камку, употребленіе бархата было имъ запрещено. На сеймѣ въ Фрейбургѣ въ 1498 году дозволялось рыцарямъ, дворянамъ и докторамъ носить на шляпѣ двѣ унціи золота, не болѣе; остальнымъ было дозволено носить двѣ унціи серебра, не болѣе. Въ Венеціи и въ Феррарѣ женское платье въ XVI вѣкѣ не должно было стоить болѣе пятнадцати червонцевъ, женскій уборъ не болѣе пятидесяти червонцевъ. Крестьянки не имѣли права носить шелкъ, жемчугъ, золото и серебро; всѣмъ женщинамъ запрещалось имѣть шлейфъ длиннѣе полуаршина и т. д. [3]). Въ регламентѣ о платьяхъ, изданномъ въ Германской имперіи въ 1577 году, прямо сказано, что ограниченіе роскоши въ одеждахъ имѣетъ лишь цѣлью опредѣлить различіе между сословіями. Многіе примѣры доказываютъ, что всѣ эти остатки средневѣковыхъ нравовъ и воззрѣній уцѣлѣли и при всемъ просвѣщеніи позднѣйшихъ столѣтій. Въ Германіи въ 1699 г. лицъ, принадлежащихъ къ сословію прислуги, и не смотря на запрещенія, носившихъ кружева, позументы, шлейфы и т. д., приводили въ ратушу, гдѣ полицейскіе служители снимали съ нихъ эти предметы. Даже въ са-

---

[1]) *Костомаровъ*, Очеркъ домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа, стр. 71—72.

[2]) *Blanqui*, Histoire de l'écon. politique, I, 226.

[3]) *Henne-am Rhyn*, Kulturgeschichte der neueren Zeit, I, 594.

момъ концѣ XVIII вѣка въ Гильдесгеймѣ посадскимъ и крестьянскимъ людямъ было запрещено, подъ штрафомъ денежной пени пяти талеровъ, носить золото и серебро, бархатъ, шелкъ, кружева и ситецъ. Въ Саксоніи низшій классъ не имѣлъ права носить заграничное сукно и т. д. Во Франціи при открытіи собранія государственныхъ сословій въ 1789 г. депутаты трехъ сословій—дворянства, духовенства и третьяго сословія, рѣзко отличались другъ отъ друга костюмами.

Именно въ то время, когда писалъ Посошковъ, правительство въ Россіи считало своимъ правомъ и своею обязанностью заботиться о мелочахъ одежды частныхъ людей. Петръ Великій сперва, чтобы пріучить Русскихъ къ западнымъ обычаямъ, а позже—слѣдуя правиламъ меркантилизма, и наконецъ — съ цѣлью предохранять подданныхъ отъ лишнихъ денежныхъ тратъ издавалъ постоянно законы о платьѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1718 году онъ приказалъ: „Позументовъ убавить, или и вовсе заказать, ибо въ обычай входить начало, что много носятъ, отъ чего не только убытокъ партикулярнымъ, но и государству, ибо Англичане богатѣе насъ, а позументовъ не носятъ“ [1]).

Посошковъ не былъ сторонникомъ западныхъ обычаевъ; онъ не носилъ нѣмецкаго платья; во многихъ мѣстахъ „Отеческаго Завѣщанія“ онъ ратуетъ противъ ношенія париковъ [2]). За то онъ вполнѣ сочувствовалъ Петру, какъ меркантилисту, былъ вообще сторонникомъ регламентаціи и опеки, и подобно ему, желалъ учить частныхъ людей вести домашнее хозяйство раціонально и бережливо.

Какъ религіозныя, такъ и общеэкономическія соображенія заставляютъ Посошкова ратовать противъ роскошной одежды монаховъ. Онъ находитъ, что „монахомъ шелковыя одежды носить неприлично, а сіе весьма непристойно, еже носятъ они рясы луданыя, атласныя и штофныя“; онъ сожалѣетъ, что „монахи по всей Россіи на всякій годъ тысячъ десятка по два-три въ томъ украшеніи истратятъ, и тая трата самая непотребная“ [3]).

---

[1]) См. *Соловьева*, Ист. Росс., XVI (изд. 2-е), стр. 203. Указы о платьѣ см. въ Полн. собр. зак. №№ 1598, 1741, 1887, 1999, 2015, 2075, 2874, 2929, 3127, 4041, 4256, и пр.

[2]) См. Отеч. зав., стр. 57, 149, 150, 161, 166.

[3]) О скуд. и бог., 132 и 133.

Писчая бумага.

Отчасти основываясь на правилахъ меркантилизма, отчасти проповѣдуя бережливость вообще, Посошковъ желаетъ убѣдить своихъ соотечественниковъ употреблять писчую бумагу осторожнѣе. Хотя уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ существовала въ Россіи писчебумажная фабрика [1]), но по большей части товаръ потреблялся заграничный, и вотъ экономистъ-патріотъ находитъ расточительность своихъ соотечественниковъ безумною. Уже въ „Отеческомъ Завѣщаніи" онъ пишетъ, давая сыну на случай, что тотъ когда-нибудь сдѣлается „старымъ подъячимъ", разныя наставленія, между которыми встрѣчается и слѣдующее: „Указывай имъ (молодымъ подъячимъ), чтобы они писали мелкимъ и уписистымъ письмомъ, и словами не размѣтистыми, чтобы истраты лишніе бумаги не было, понеже отъ размѣтистаго писма изъ Руси тысячъ по десятку и по другому на кійждо годъ пропадаетъ богатства напрасно. А по моему мнѣнію не велми бы часто было, еже бы на страницѣ дестевой писать по сороку строкъ, а въ записныхъ книгахъ менши бы пятидесяти строкъ отнюдь не надлежало писать, а по прямому разсужденію, не худо бы и въ шестьдесятъ строкъ въ записные книги писать. И аще тако обыкнутъ молодые подъячіе писать мелко и уписисто, то бумаги и половины у насъ въ Руси изходити уже не будетъ,—гдѣ было издержати по прежнему обыкновенію десять стопъ, а по сицевому манеру довлѣетъ и четырехъ стопъ. И егда мало на нее расходу будетъ, то и цѣны съ нее сбудетъ. Коя стопа покупаетца нынѣ по полтора рубли, а тогда и за рубль съ радостію будутъ отдавать. И облюдая лишную истрату бумаге, за молодыми подъячими смотри, чтобы они ни на какую бездѣлицу бѣлые бумаги не тратили. А буде у коего подъячего увидиши какіе бездѣлки пометные пишуща... то ты учини ему великое страхованіе, чтобы онъ въ предь бумаги и малаго лоскутка даромъ не тратилъ... и буде узриши кто колико бумаги на бездѣльные дѣла издержалъ: доправь на немъ десятерицею: и аще онъ не на государевой бумаги, но на свои денги, купя тратилъ ее, то и тутъ безъ штрафованья не отпусти ему вины. А и самъ ты такой безъдѣлицы не чини, чтобы тебѣ бумага безъ надобные потребы тратить" и пр. [2]). Въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ" также говорится

[1]) *Kilburger*, Kurtzer Unterricht v. russ. Hndl, *Büschings Magasin*, III, 244.
[2]) См. Отеч. зав., стр. 212—213; ср. стр. 209.

объ этомъ же предметѣ: „И писать бы не токмо крѣпостныя, но и приказныя всякія письма, писали бы строкъ до пятидесяти и больше на страницѣ. Сіе вельми дивно, что во всемъ свѣтѣ пишутъ мѣлкимъ письмомъ, а у насъ всѣ окрестныя государства бумаги напасти не могутъ. И аще зрится дѣло не велико, что бумаги беречь, а по моему мнѣнію оно не весьма мало; потому что отъ крупнаго письма и отъ небреженія тысячъ по десятку ни за одну деньгу изъ царства пропадаетъ. У Нѣмецъ аще она и дома дѣлается, а и жители тамошніе богатѣе насъ, обаче бумагу вельми берегутъ; они не токмо бумаги, но и всякой вещи берегутъ, и того ради они и богаты, что умѣютъ бережно жить. А мы паки сами не осмотримъ, и всякія вещи, не токмо изъ инаго царства принесенныя, но аще и домашнія вещи беречь не станемъ, то никогда богаты не будемъ. И ради подкрѣпленія отъ излишнихъ дачъ приказнымъ людямъ и о излишнихъ тратахъ пищія бумаги напечатать листы, и у всѣхъ коллегій и у канцелярій тѣ листы прибить, дабы всѣ люди прочитали и никакихъ бы излишнихъ тратъ ни себѣ, ни людямъ не дѣлали. Пчела-муха весьма не велика, и собираетъ она медъ не корчагами, но самыми малыми крупицами; обаче множество ихъ собираютъ многія тысячи пудъ; тако и собираніе богатства царственнаго; аще вси люди будутъ жить бережно и ничего напрасно тратить не будутъ, но всякія вещи будутъ отъ погибели хранить, то тое царство можетъ весьма обогатиться“ [1].

Лѣсъ.

Предлагая разныя мѣры въ отношеніи къ инородцамъ, Посошковъ во главѣ „о крестьянствѣ“ совѣтуетъ слѣдующее: „Да крестьяномъ же и Мордвѣ указъ великаго государя сказать, чтобы между собою жили любовно, другъ друга ничѣмъ не обидѣли, и лѣсу бы, кой родится въ строеніе, на дрова отнюдь бы не рубили. А и при степныхъ мѣстахъ молодаго лѣса на дрова и въ своихъ лѣсахъ отнюдь бы не рубили, а рубили то деревье, кое уросло, а въ строеніе хоромное непригодное, и кое деревье повалилось, то бы обирали, а молодой лѣсъ, когда подростетъ и будетъ толстиною въ заборинку, то тогда бы рубили на всякія домовыя потребы. А гдѣ въ степныхъ мѣстахъ засядетъ лѣсъ молодой, то осенью вышедъ тамошніе жители травы сажень на пять-шесть вкругъ того лѣса по вся̀ годы ока-

[1]) О скуд. и бог., 84 и 85.

шивали, чтобъ вешнею порой степной пожаръ къ нему не дошелъ и не выжегъ бы. Видѣлъ я по степямъ много такихъ поростниковъ, иные въ человѣка вышиною, а иные сажени и въ двѣ были, да всѣ погорѣли и пропали. Ащебъ не пожаръ, то при степныхъ мѣстахъ лѣсабъ великіе были. Паки былъ я на Черни и Мценкѣ и видѣлъ тамъ, что рубятъ на дрова самый молодой лѣсъ толстиною въ гороховую тычину, и въ одинъ возъ срубятъ деревъ сто и больше, а въ томъ же лѣсу видѣлъ и валежнику лежитъ и стоячія деревье есть такое, что изъ одного дерева будетъ возовъ десять и больше. И пока старой лѣсъ было бъ подбирать, а тотъ бы молодежникъ подросъ и имъ же бы всѣмъ пригодился. А кая степь гораздо гола, и лѣса удалѣли, то тамошнія жители всякой бы къ своей деревнѣ занялъ десятинъ десятокъ другой, и вспахавъ бы, осенью наметалъ бы сѣменъ лѣснаго, березоваго, и липоваго, и кленоваго, и осиноваго, и дубоваго и вязаго, и орѣховъ спѣлыхъ четверикъ-другой тутъ же разметать. И какъ тотъ сѣянный лѣсъ взойдетъ, отъ пожару бы берегли. И первый годъ надобно его и пополоть, чтобы степная трава не заглушила его, и сѣянные орѣхи лѣтъ въ шесть или въ семь съ плодомъ придутъ, и въ десять лѣтъ орѣхами обогатѣютъ; на добрыхъ земляхъ вельми они плодовиты будутъ. И тако бы всякъ у своей деревни такъ устроилъ, то бы и лѣсомъ и орѣхами всѣ довольны были, хотя сперва и скучно покажется, а послѣ самимъ слюбится" [1]).

Посошковъ, какъ видно, опередилъ своихъ современниковъ, преподавая въ этомъ мѣстѣ нѣкоторыя важнѣйшія начала раціональнаго лѣснаго хозяйства. Въ русской литературѣ до Посошкова нѣтъ почти никакихъ слѣдовъ подобныхъ мыслей. Мало того: самъ Петръ смотрѣлъ на эти вопросы съ менѣе высокой точки зрѣнія, хотя и вполнѣ заслуживаетъ названія перваго лѣсовода въ Россіи.

До Петра не было издано никакого общаго постановленія о лѣсахъ, никакого памятника, который показывалъ бы заботу правителей о лѣсномъ хозяйствѣ. Всѣ путешественники прежнихъ столѣтій согласно говорятъ о лѣсистости Московскаго государства. По ихъ словамъ, вся Московія представляла почти одни лѣсныя пространства; близъ самой Москвы водились лоси и кабаны, и проѣзжая изъ Астрахани въ Москву, а потомъ черезъ Тверь и Новгородъ въ Ригу, путешественники почти повсюду находили непрерывные лѣса,

[1]) О скуд. и бог., 177 и 178.

среди которыхъ изрѣдка встрѣчались разсѣянныя небольшія поселенія [1]). Тѣмъ болѣе достойно вниманія, что знаменитый Сербъ Юрій Крижаничъ въ составленномъ имъ спискѣ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ Россія нуждается, говоритъ и о „добромъ лѣсѣ ко граженію" [2]). Такой отзывъ Крижанича о недостаткѣ строеваго лѣса въ Россіи, быть можетъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Крижаничъ развѣ въ Галиціи, чрезъ которую онъ проѣзжалъ, или на берегахъ Босфора, гдѣ онъ находился когда-то, видѣлъ лучшіе лѣса. За то Крижаничъ, предлагавшій множество экономическо-полицейскихъ мѣръ, нигдѣ не даетъ какихъ-либо совѣтовъ для охраненія лѣсовъ, а развѣ только косвеннымъ образомъ, слегка, затрогиваетъ этотъ предметъ, говоря о приготовленіи поташу. Такъ, напримѣръ, онъ замѣчаетъ, что „пепелъ приноситъ землѣ корысть", но что „при выжиганію пепела ея разоряетъ медовный урожай. За то треба есть преповѣдать, да никому не будетъ вольно пепела выжигать въ таковыхъ мѣстахъ, гдѣ ся пчелы ведутъ—безъ господарева допущенія. А на господаря пепелы выжигать въ Башкирехъ измѣнимыхъ, и на Подолью, и индѣ, гдѣ Русскимъ людемъ не будетъ убытка, колико будетъ зможно" [3]). Какъ видно, Крижаничъ желалъ ограничить приготовленіе поташа не ради сбереженія лѣсовъ, какъ желало этого правительство вскорѣ послѣ Петра [4]), а только ради охраненія пчеловодства.

Петру Великому былъ нуженъ лѣсъ для кораблестроенія, лѣсъ извѣстныхъ породъ, самыхъ крупныхъ размѣровъ и совершенно здоровый. Деревья, представляющія такія качества, не могли встрѣчаться часто, даже и при тогдашнемъ изобиліи лѣсовъ. Вотъ почему Петръ обратилъ строгое вниманіе на охраненіе корабельнаго лѣса [5]). Таково главное значеніе указовъ 1701 года „о неразчисткѣ лѣсовъ подъ пашню и сѣнные покосы за 30 верстъ отъ рѣкъ, удобныхъ къ сгонкѣ лѣсу" [6]); запрещенія 1703 года рубить заповѣдные лѣса, годные на корабельное строеніе, подъ страхомъ смертной каз-

---

[1]) См. статью *Зобова*, Петръ Великій, какъ первый лѣсоводъ въ Россіи, въ *Лѣсномъ журналѣ*, 1872, августъ, стр. 2.

[2]) Русск. госуд., I, 154.

[3]) Тамъ же, I, 44.

[4]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, XIX, 287.

[5]) *Зобовъ*, l. c., 3.

[6]) П. С. З., № 1845.

ни „безъ всякія пощады, кто бъ ни былъ“ [1]); запрещеніе 1712 года рубить заповѣдные лѣса толщиною выше „шти вершковъ“ подъ страхомъ жестокаго наказанія и ссылки на каторгу въ вѣчную работу [2]). Такихъ указовъ было публиковано множество. Во всѣхъ говорится о строгомъ надзорѣ, о страшныхъ наказаніяхъ. Иногда такіе указы прибивались къ столбамъ въ деревняхъ, читались въ церквахъ „приходскимъ людямъ, чтобъ въ томъ невѣденіемъ никто не отговаривался“ [3]). Изъ нѣкоторыхъ грамотъ видно, что строгія наказанія были часто приводимы въ исполненіе [4]). Такъ какъ заповѣдныя пространства лѣсовъ не были ничѣмъ ограничены въ натурѣ, и потому народъ не могъ знать, гдѣ дозволено и гдѣ не дозволено рубить, то Петръ велѣлъ (въ 1720 г.) по Невѣ и Финскому заливу, отмѣривъ отъ береговъ указныя разстоянія, провести межи въ три сажени шириной и построить на нихъ, для страха, чрезъ каждыя 5 верстъ, по висѣлицѣ. Въ Петербургѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Гостиннаго двора, была большая березовая роща, и въ ней Петръ строго воспретилъ всякую рубку; не смотря на то, жители Петербурга, въ томъ числѣ и чиновные, начали рубить въ ней; Петръ велѣлъ десятаго изъ виновныхъ повѣсить, а всѣхъ остальныхъ наказать кнутомъ; Екатерина упросила Петра не наказывать никого смертью, и наказаніе было смягчено: вмѣсто смерти пошли въ дѣло кнутъ, шпицрутены, каторга [5]). Не смотря однако на всю строгость, эти указы нарушались довольно часто [6]).

Однако, почти всѣ узаконенія Петра Великаго относительно лѣсовъ имѣютъ исходною точкою кораблестроеніе [7]). Лѣсъ важенъ былъ не самъ по себѣ, не какъ источникъ народнаго благосостоянія, — онъ нуженъ былъ государству для потребностей флота, для войны. Породы, необходимыя для этой цѣли, запрещено было рубить безусловно; остальныя же породы, не нужныя государству, предоставлялись

---

[1]) П. С. З., № 2017.

[2]) П. С. З., № 2607.

[3]) См. напримѣръ, П. С. З., № 3548.

[4]) Тамъ же, № 3509. *Веберъ*, Neuverändertes Russland, I, 458, жалуется на дороговизну дровъ въ столицѣ вслѣдствіе этихъ мѣръ.

[5]) *Шелгуновъ*, Исторія русскаго лѣснаго законодательства, стр. 57.

[6]) Какъ видно, напримѣръ, изъ № 3057.

[7]) Такіе указы въ П. С. З., №№ 2890, 2895, 3149, 3329, 3391, 3437, 3440, 3467, 3548, 3552, 3593, 3744, 3820, 3902, 3918, 3957, 4028, 4060, 4135, 4176, 4374, 4510, 4590, 4594.

въ общее достояніе, и право частной собственности на лѣса не признавалось. Выдѣливъ для себя, что нужно, а остальное отдавъ на волю всѣхъ, государство уже не заботилось о лѣсномъ хозяйствѣ въ настоящемъ смыслѣ этого слова [1]).

Посошковъ, стоя въ этомъ отношеніи выше Петра, является защитникомъ молодаго лѣса, между тѣмъ какъ Петръ обращаетъ вниманіе только на крупный лѣсъ, годный на кораблестроеніе. Петръ совѣтовалъ употреблять на дрова молодой лѣсъ; и даже такой молодой лѣсъ, который находился въ частныхъ имѣніяхъ, Петръ считалъ собственностью всѣхъ и каждаго, какъ это видно, напримѣръ, изъ указа, даннаго въ декабрѣ 1719 года, въ которомъ дозволено было всѣмъ и каждому рубить дрова въ чьихъ бы то ни было дачахъ, отъ рѣки Славянки по обѣ стороны Невы до Шлиссельбурга, а чтобы лѣсовладѣльцы не препятствовали рубщикамъ, то послѣднимъ велѣно было ѣздить въ лѣсъ компаніями, не меньше 20 человѣкъ; лѣсовладѣльцамъ же Петръ грозилъ взятіемъ данной имъ земли въ казну, если они въ дачи свои для рубки лѣсовъ и дровъ пускать не будутъ [2]).

Извѣстно, что приготовленіе лаптей наноситъ страшный вредъ липовымъ лѣсамъ. Въ Россіи еще въ настоящее время ежегодно дѣлается множество милліоновъ паръ лаптей. На каждую пару употребляется отъ двухъ до четырехъ молодыхъ деревъ, имѣющихъ вершокъ или полтора вершка толщины и около сажени вышины. Для каждаго крестьянина носящаго лапоть, уничтожается около 50—70 деревъ [3]). Такъ какъ и въ настоящее время понятіе о народно-экономическомъ вредѣ этого рода обуви еще весьма мало распространено въ Россіи, то мы не имѣемъ права удивляться тому, что Петръ Великій, столь строгій въ отношеніи къ корабельнымъ лѣсамъ, не подозрѣвалъ вреда въ истребленіи молодыхъ липъ для приготовленія лаптей. Въ указѣ января 1721 года,—значитъ около того самаго времени, когда Посошковъ писалъ о пользѣ охраненія молодаго лѣса, Петръ указалъ во всемъ государствѣ липовые лѣса рубить всякихъ чиновъ людямъ невозбранно и никому не запрещать рубить липовый лѣсъ и драть лыкъ на лапти; „отъ запрещенія", говоритъ Петръ, „уѣзднымъ людямъ чинется разореніе" [4]).

[1]) *Зобовъ*, l. c., 5.
[2]) См. П. С. З., № 3467.
[3]) *Горловъ*, Статистика Россіи, стр. 114, *Военно-статистическій сборникъ*.
[4]) П. С. З., № 3719.

Впрочемъ, встрѣчаются и такія распоряженія и указы Петра, изъ которыхъ видно, что онъ понималъ сбереженіе лѣсовъ не только ради пользы флота, но и ради сбереженія вообще. Такъ, напримѣръ, было приказано поташъ дѣлать изъ остаточнаго лѣсу, а именно изъ сучья [1]). Въ концѣ проекта о Петербургской академіи наукъ записано Петромъ: „Надобно изъ Голландіи вызвать мастеровъ, которые бы изъ старыхъ бочекъ умѣли дѣлать поташъ бережливо" [2]). Изъ отрубковъ и сучьевъ велѣно дѣлать пушечныя колеса, косяки, спицы, станки пушечные [3]). Далѣе было запрещено изъ сосноваго дерева дѣлать выдолбленные гробы, „а дѣлать хотя и сосновые только изъ досокъ сшивные, а долбленые и выдѣланые дѣлать гробы изъ еловыхъ и березовыхъ и ольховыхъ лѣсовъ" [4]). Священникамъ строго запрещалось хоронить кого-либо въ дубовыхъ гробахъ, такъ какъ „дерево дубъ къ не потребнымъ и не нужнымъ дѣламъ рубить весьма запрещено" [5]). Но и тутъ забота правительства относится только къ тѣмъ породамъ, которыя считались годными для кораблестроенія. За то въ „инструкціи оберъ-вальдмейстеру" встрѣчаются нѣкоторыя правила, имѣющія народно-хозяйственное, общеполезное значеніе. Такъ напримѣръ, предписывается „дубъ срубя въ лѣсу растирать въ доски и брусья пилами, а не распиловавъ, изъ лѣса не вывозить,.... гдѣ при заводахъ уже лѣсъ опустошенъ, то запустить изъ мелкагѡ, и пока выростетъ не рубить", огня ни подъ какими деревьями не раскладывать и пр. [6]). Учрежденіе вальдмейстеровъ положило начало стройно организѡванной системѣ охраненія лѣсовъ, хотя только оберъ-форстмейстерская инструкція, данная при Павлѣ I, и можетъ считаться настоящимъ началомъ раціональнаго лѣсоводства въ Россіи. Къ тому же взгляды Петра на лѣсоводство не могли не имѣть вліянія на такихъ лицъ, которыя вообще были способны сдѣлаться его учениками. Такъ,

---

[1]) П. С. З., № 2672.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ, въ *Современникѣ*, 1847 г., III, ч. 54.

[3]) П. С. З., № 2913. См. письма Петра къ Салтыкову и Головину въ сочиненіи *Задлера*: Die geistige Hinterlassenschaft Peters des Grossen, стр. 106. Что касается до № 3903 въ П. С. З. о береженіи остатковъ кораблей, яхтъ и галеръ, то судя по тому, что этотъ указъ данъ воеводамъ Переяславскимъ, тутъ преобладали не столько экономическія, сколько историческія соображенія.

[4]) П. С. З., № 4158.

[5]) П. С. З., № 4377.

[6]) П. С. З., № 4379.

напримѣръ, Татищевъ заботился о сохраненіи лѣса; онъ запрещалъ сожигать сухую траву въ избѣжаніе лѣснаго пожара; чтобъ избѣжать траты лѣса на доски, предположили завести пильныя мельницы и выписали для нихъ мастеровъ изъ Казани [1]).

Мы видѣли, какъ Посошковъ, не ограничиваясь совѣтами относительно сохраненія лѣса, предлагалъ даже сѣять лѣсъ. И Петръ Великій самъ выбралъ по Петергофской дорогѣ мѣсто въ 200 шаговъ длины и 50 ширины и засадилъ его дубками [2]). Впрочемъ Посошковъ, надѣясь на возможность разведенія лѣсовъ „въ степныхъ мѣстахъ", былъ уже чрезъ мѣру оптимистомъ. Степи, по мнѣнію знаменитѣйшихъ авторитетовъ, всегда были безлѣсными, и развѣ въ прежнее время существовали на краю степей большіе и болѣе частые лѣсные оазисы [3]). Вопросъ о возможности разведенія лѣсовъ въ степныхъ мѣстахъ по настоящее время остается открытымъ.

Принимая въ соображеніе, что раціональное лѣсное хозяйство въ Россіи начало развиваться только гораздо позже Посошкова, благодаря стараніямъ такихъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, Палласъ, Шторхъ и др., — принимая въ соображеніе, что знаменитые путешественники временъ Екатерины II, какъ, напримѣръ, Гюльденштетъ, Лепехинъ и др., обратили вниманіе на тѣ же самые недостатки въ обращеніи населенія съ лѣсами, которые вызвали сужденія по этому предмету Посошкова,—принимая въ соображеніе, что даже на западѣ наука о раціональномъ лѣсоводствѣ развилась успѣшно лишь послѣ эпохи Посошкова, и что тамъ между простолюдинами и въ настоящее время недостаточно распространены правильныя понятія о благоразумномъ управленіи лѣсами [4]),—должно отдать полную справедливость „крестьянину села Покровскаго", что онъ въ своихъ краткихъ замѣткахъ, относящихся къ этому предмету, обнаруживаетъ мѣткость въ политико-экономическихъ сужденіяхъ и пониманіе важнѣйшихъ интересовъ общенароднаго хозяйства.

---

[1]) Еще Крижаничъ жаловался на неупотребленіе пилъ въ Россіи, см. Русск. Госуд., I, 51. О мѣрахъ Татищева см. статью *К. Н. Бестужева-Рюмина* въ журналѣ *Древняя и Новая Россія*, I, 14.

[2]) *Зобовъ*, l. c., 4.

[3]) См. соч. *Веселовскаго* «О климатѣ Россіи» главу о перемѣнѣ климата.

[4]) О весьма многочисленныхъ случаяхъ нарушенія правилъ лѣсной полиціи въ Германіи см. соч. *Рошера*: Nationalökonomie des Ackerbaues, и пр.

Орѣхи.

Посошковъ понималъ значеніе лѣса какъ народнаго капитала; онъ, такъ сказать, изъявилъ желаніе, чтобы потребители довольствовались процентами капитала, не нарушая цѣлости послѣдняго. Онъ имѣлъ понятіе о будущности и потому старался убѣдить своихъ соотечественниковъ въ необходимости сбереженія, терпѣливаго выжиданія, благоразумнаго обращенія съ богатыми дарами природы. Именно отъ лѣсовода должно ожидать такого понятія о будущности, которымъ отличается цивилизованный человѣкъ отъ дикаря. Дикарь утромъ готовъ за рюмку водки продать теплое одѣяло, забывая, что онъ вечеромъ того же дня будетъ нуждаться въ послѣднемъ. Стоящій на высокой степени культуры хозяинъ думаетъ не только о себѣ, но и о потомствѣ. Монтескье, желая характеризовать варварство, приводитъ примѣръ человѣка, который чтобы воспользоваться плодомъ дерева срубаетъ послѣднее. Палласъ жалуется на Крымскихъ Татаръ, которые для починки ничтожнаго колеса уничтожаютъ большія деревья. Посошковъ вѣрно судилъ о нерадѣніи и небрежности своихъ соотечественниковъ, прибавляя къ своему совѣту о разведеніи лѣсовъ: „сперва скучно покажется завести, а послѣ слюбится".

Соображенія Посошкова въ отношеніи къ орѣхамъ также хорошо характеризуютъ практическій умъ и раціональность образа мыслей его, какъ и неблагоразумное отношеніе къ этому предмету большинства народа. „И о орѣхахъ", говоритъ онъ,—„не худо бы учинить и заповѣдь, чтобъ никто прежде Семенова дня ихъ не щипалъ, но дали бы имъ созрѣть, чтобы ядра наполнились; и аще гдѣ на угревинѣ и прежде Семена дня наполняется ядромъ, обаче прежде Семенова дни никто бъ не дерзалъ ихъ щипать, но и щипали бы послѣди Семенова дни въ то время, егда они будутъ сыпаться, и щипали бы согласясь и съ совѣту своего сотскаго, чтобы какъ семейнымъ, такъ и безсемейнымъ безобидно было. И таковыхъ спѣлыхъ орѣховъ одинъ четверикъ лучше четверти недоспѣлыхъ. Нынѣ многіе щиплютъ ихъ взахватъ зеленые, а соспѣть отнюдь не дадутъ, и тѣмъ они прочихъ своихъ сосѣдей оголоживаютъ, а себѣ хлѣба отъ нихъ не наживаютъ; потому что было взять спѣлыхъ орѣховъ за четверикъ, а онъ и за четверть едва то возьметъ, и тѣмъ царскаго величества интересу чинятъ уронъ; понеже спѣлыхъ четверикъ гривны по четыре и выше продаютъ, а зеленыхъ и за четверть того не даютъ. И гдѣ было за

спѣлые орѣхи пошлины взять рубль, а съ зеленыхъ и гривны не прійдетъ; а кто и скупитъ, не обрящетъ въ нихъ пользы, потому что ни въ нихъ ѣды, ни въ нихъ масла. Только купя орѣховники мѣшаютъ ихъ съ добрыми и людей обманываютъ; закрасятъ съ лица спѣлыми, и въ томъ себѣ грѣхъ пріемлютъ. Въ спѣлыхъ же орѣхахъ есть и царственная прибылица; понеже идутъ они во иныя земли, въ Персиду да въ Шведы и во иныя мѣста, а неспѣлые не за что гинутъ.... А буде кто учинится тому изложенію противенъ, и прежде Семена дни нащиплетъ хотя малое число, то взять штрафу 5 рублевъ да его же высѣчь батогами. А будетъ кто привезетъ орѣховъ на продажу сырыхъ или сухихъ, а щипаны будутъ недоспѣлые и ядромъ орѣхи будутъ неполные, то взять тѣ орѣхи на государя; а кто ихъ привезъ, взять штрафу за всякой четверикъ по рублю, или какъ о томъ уложено будетъ. А буде гораздо зелены, что и въ половину ядра нѣтъ, то взять на немъ штрафъ сугубый, а орѣхи высыпать лѣтомъ въ грязь, а зимнею порою въ прорубь. А буде кто поймаетъ кого прежде Семена дни въ лѣсу или и на дорогѣ или въ деревнѣ со свѣжими щипанными орѣхи, то тѣ орѣхи отдать тому, кто поймалъ, а кто пойманъ, на томъ доправить штрафу за всякой четверикъ по рублю; а буде меньше четверика, то по количеству орѣховъ, да егожъ высѣчь батогами, дабы впредь такъ не дѣлали" [1]).

Мы видимъ, что предложеніе Посошкова относительно орѣховъ нѣсколько сходно съ его предложеніями въ отношеніи къ сохраненію лѣса. Однако, предлагая мѣры противъ собиранія „недоспѣлыхъ" орѣховъ, Посошковъ опять обращаетъ вниманіе на финансовыя выгоды, не ограничиваясь одними народно-экономическими соображеніями. Говоря объ орѣхахъ какъ о предметѣ вывозной торговли, и сравнивая цѣнность „сырыхъ" орѣховъ съ цѣнностью спѣлыхъ, Посошковъ доказываетъ, что онъ умѣлъ цѣнить чувствительную потерю для народнаго хозяйства чрезъ неблагоразумное преждевременное собираніе плодовъ.

Рыба.

Весьма достойны вниманія предложенія Посошкова относительно рыбной ловли. „Подобнѣ", пишетъ онъ, „и рыбной ловлѣ надлежитъ чинить, чтобъ крестьяне отъ неразумѣнія своего царскому интересу тщеты не чинили; ибо въ коихъ озерахъ и рѣкахъ снятоваго рода

[1]) О скуд. и бог., стр. 178—180.

нѣтъ, то въ тѣхъ водахъ отнюдь мелкія рыбы не годствуетъ ловить. А крестьяне, не разумѣя снятоваго рода, вмѣсто снятковъ ловятъ молодую рыбу — щучепокъ, язиковъ и плотичекъ, а наипаче ловятъ недорослыхъ окуньковъ, и не токмо дать ей годъ мѣсто перегодовать, но и самые зародышки рыбныя ловятъ, еже меньше овсянаго зерна, и тѣмъ ловомъ въ рѣкахъ и въ озерахъ рыбу переводятъ.... И въ таковомъ несмысліи крестьянскомъ не токмо царской интересъ пропадаетъ, но и у ловцовъ тѣхъ прямая покормка пропадаетъ. И нынѣ многіе жалуются на рыбу, глаголя: плохъ де ловъ сталъ быть рыбѣ; а отъ чего плохъ сталъ, того не выразумѣютъ: ни отъ чего иного плохъ сталъ быть ловъ, токмо отъ того, что молодую рыбу выловятъ, то не съ чего и большой быть.... И аще Его Императорскому Величеству порадѣть и запретить накрѣпко со штрафомъ и съ наказаніемъ, чтобы отнюдь никто, кромѣ самородныхъ снятковъ, недорослей рыбы не ловили, то вельми рыбы во озерахъ и въ рѣкахъ умножится. И мнится мнѣ, надлежитъ запретить сице: буде кто мелкихъ щученковъ или лещиковъ или плотичекъ и окуньковъ недорослыхъ, кромѣ самородныхъ снятокъ, привезъ на торгъ аще сырыхъ или и сушеныхъ, то ту рыбу взять на государя и отдать солдатомъ или нищимъ по богадѣльнямъ; а кто привезъ, на томъ взять штрафъ за каждой четверикъ, по чему уложено будетъ; то однимъ годомъ сія статья утвердится, и никто недорослой рыбы ловить не будетъ. Обаче надлежитъ прежде во всѣ городы послать указы, чтобъ отнюдь недорослой рыбы не ловили и неводовъ частыхъ, кромѣ снятовыхъ, не дѣлали, а на другое лѣто всѣхъ штрафовать за презрѣніе того указа. А буде кто наловитъ недорослой рыбы про себя аще и малое число, и аще кто съ тою рыбою поймаетъ и приведетъ къ суду, то доправить на немъ, кто ее ловилъ, штрафъ надлежащій по изложенію; изъ того штрафа четвертую долю вынявъ, отдать тому, кто его привелъ къ суду, а рыбу ему жъ отдать; и за такимъ штрафомъ и про себя ловить не будутъ. И въ таковомъ установленіи годы въ три или въ четыре такъ рыбы умножится, что весь народъ рыбою насытится. И аще тотъ уставъ и впредь не нарушится, то во вѣки вѣковъ не оскудѣетъ. И аще она при нынѣшней цѣнѣ вдвое или втрое дешевле будетъ, обаче въ пошлинномъ сборѣ будетъ десятерицею больше; потому что въ продажѣ рыбы будетъ великое множество" [1]).

---

[1]) О скуд. и бог., стр. 180—182.

Этими разсужденіями Посошковъ затрогиваетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ народнаго хозяйства въ Россіи. Въ первой половинѣ XVIII вѣка, онъ ужь обращаетъ вниманіе на необходимость введенія раціональныхъ началъ въ рыболовство, — вопросъ, на который правительство обратило серьезное вниманіе только въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, когда состояніе русскаго рыболовства было подвергнуто тщательному изученію и вызвало изданіе нѣсколькихъ законоположеній. Можно удивляться, что аргументація, которую предлагаетъ Посошковъ, и которая во многихъ отношеніяхъ совпадаетъ съ мыслями знаменитаго нашего ученаго, знатока рыбоводства и рыболовства, К. М. Берга, является у насъ какъ бы рѣдкимъ исключеніемъ, и что законодательство для введенія раціональнаго устройства рыбной ловли началось такъ поздно. Впрочемъ и первые зачатки его относятся въ эпохѣ Петра Великаго. Еслибы развитіе такихъ мыслей и правительственныхъ мѣръ шло удачнѣе, рыбная ловля занимала бы гораздо болѣе видное мѣсто между народными промыслами въ Россіи; но и въ настоящее время она находится на той же степени развитія, на какой она находилась два-три столѣтія тому назадъ. А между тѣмъ Русскіе, какъ говоритъ г. Бэръ, имѣютъ столько же охоты къ рыболовству, сколько искусства въ этомъ промыслѣ. Оттѣснивъ прежнихъ жителей береговъ большихъ рѣкъ: Двины, Мезени, Печоры, Волги, Урала и проч., они заняли берега и всюду производили рыбную ловлю успѣшнѣе прежнихъ жителей. Каспійское море сдѣлалось de facto русскимъ моремъ больше рыболовною промышленностью народа, чѣмъ силою оружія. На крайнемъ сѣверѣ выборъ Русскими мѣстъ настоящаго жительства доказываетъ, что они предпочитали выгоднѣйшія мѣста для рыболовства и мореплаванія—устья рѣкъ и бухты—другимъ мѣстностямъ. Берега Чудскаго озера, заселенныя прежде, какъ показываетъ самое имя его, Финскими народами, нынѣ почти всѣ заняты русскимъ населеніемъ. Эсты производятъ рыбную ловлю худшими снарядами и съ меньшею настойчивостію, чѣмъ Русскіе, и кромѣ того меньше умѣютъ пользоваться путями сбыта. Далѣе на морскомъ берегу Прибалтійскихъ губерній превосходство русскаго рыболовства ощутительно. Во время Сѣверной войны при Петрѣ Великомъ русскія войска, посланныя въ Германію, увидѣли много озеръ въ Восточной Пруссіи. И вотъ зимою 1721 года и въ слѣдующихъ

годахъ въ этомъ краѣ явились артели русскихъ рыбаковъ и занимались тамъ рыбною ловлею гораздо успѣшнѣе туземцевъ [1]).

Однако эти успѣхи Русскихъ тѣсно связаны съ тѣмъ неудобствомъ, на которое обращаетъ вниманіе Посошковъ. Русскій рыбакъ ловитъ рыбу безпощадно, не заботясь о будущемъ. Говоря вообще, рыбаковъ справедливо упрекаютъ за эту безпощадность, но она зависитъ отъ самого свойства этого промысла. Рыболовы только пользуются дарами природы, не дѣйствуя за одно съ ея производительною силой, и если тотъ или другой рыболовъ простираетъ успѣхъ своего промысла въ ущербъ ея производительной силѣ, то послѣдствія его поступковъ окажутъ свое дѣйствіе лишь чрезъ долгое время. Безпощадность такая встрѣчается и у рыбаковъ другихъ народовъ, напримѣръ, у шведскихъ — на берегу моря; но при неистощимости обилія рыбы въ морѣ безпощадное рыболовство совершенно естественно и не можетъ имѣть дурныхъ послѣдствій. По озерамъ же и рѣкамъ, конечно, должно бы быть иначе, потому что вредныя слѣдствія здѣсь неизбѣжны. Между тѣмъ изъ рыболововъ материковыхъ странъ Европы русскіе рыбаки, вѣроятно, меньше всѣхъ другихъ стѣсняются мыслями о послѣдствіяхъ въ будущемъ, заботясь лишь о прибыли въ настоящемъ. На это обстоятельство жалуется Посошковъ, и оно же вызвало мѣры противъ русскихъ рыболововъ, явившихся, какъ выше упомянуто, въ Восточной Пруссіи. Въ этомъ краѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перваго появленія Русскихъ послѣдовало запрещеніе отдавать рыбныя ловли въ аренду иностранцамъ, такъ какъ было замѣчено, что арендаторы употребляютъ частыя сѣти, и потому выловленныя ими озера надобно оставлять на много лѣтъ въ покоѣ, чтобъ они впослѣдствіи опять могли доставлять значительный уловъ. Эти сѣти были, безъ всякаго сомнѣнія, такія же, какія донынѣ употребляются у насъ на Пейпусѣ и на другихъ озерахъ Прибалтійскаго края, равно какъ и въ большей части сѣверной Россіи; мѣшокъ (или мотня) вяжется въ нихъ такъ мелко, что 16 петель составляютъ только квадратный дюймъ [2]).

Борьба человѣка съ міромъ животныхъ за существованіе имѣла слѣдствіемъ совершенное истребленіе нѣкоторыхъ животныхъ, какъ

---

[1]) См. Матеріалы для исторіи рыболовства въ Россіи и въ принадлежащихъ ей моряхъ. Академика *Бэра* во II т. *Ученыхъ записокъ Имп. Ак. Н. по I-му и III-му отд.*, стр. 489—496.

[2]) См. Матеріалы ак. *Бэра*, стр. 496—497.

напримѣръ, пингвина (Alca impennis), птицы аодо, морской коровы. Другія животныя, какъ напримѣръ, зубры, лоси, бобры, каменные бараны, сдѣлались сравнительно рѣдкими. Главную долю въ истребленіи морской коровы или копустинки (Rhytnis) имѣли русскіе промышленники. Благодаря безпощадной и неутомимой дѣятельности Русскихъ даже въ отдаленномъ Беринговомъ морѣ, въ теченіе какихъ-нибудь 27 лѣтъ (1741—1768) совершенно перевелся родъ сѣверныхъ морскихъ коровъ. Кажется, уже въ 1768 г. былъ убитъ послѣдній экземпляръ этого животнаго, жившаго въ морѣ и имѣвшаго по 200 пудовъ вѣсу [1]. Противъ такого образа дѣйствій ратуетъ Посошковъ.

До настоящаго времени весьма часто слышатся жалобы на уменьшеніе рыбы и на существованіе такихъ способовъ ловли, которые не только стѣсняютъ общую промышленность, но и служатъ къ истребленію рыбы въ самомъ ея зародышѣ. И на Волгѣ [2], и въ Сибири [3], и въ Чудскомъ озерѣ и въ другихъ мѣстахъ, благоразумные ловцы жалуются на безпощадно мелкій ловъ. Рыбаки думаютъ только о томъ, какъ бы поймать какъ можно больше рыбы. Изобиліе лосося въ Селенгѣ истощилось вслѣдствіе легкаго сбыта этой рыбы въ Иркутскъ [4]. Еще въ прошломъ столѣтіи число крестьянъ и мѣщанъ, приходившихъ на Чудское озеро, чтобы поселиться тамъ съ цѣлью производить въ немъ рыболовство, непрестанно возрастало. Но уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія это стремленіе значительно ослабѣло; теперь же переселенія эти, можно сказать, совершенно прекратились. За то возростаетъ число тѣхъ, которые изъ прибрежныхъ селеній Чудскаго озера ищутъ себѣ работы и промысловъ на сторонѣ. Въ рыболовныхъ деревняхъ около Чудскаго озера, еще лѣтъ за тридцать тому назадъ, строились очень хорошіе каменные дома, чего теперь уже не бываетъ [5]. Причину такого упадка должно видѣть въ тѣхъ самыхъ обстоятельствахъ, на которыя жалуется Посошковъ: это именно употребленіе чрезвычайно мел-

---

[1]) Etwas uber Fische und Fischereien von *K. E.* von *Baer*. St.-Petersburg, 1865 (изъ Мѣсяцеслова на 1866), стр. 6—8. Странно, что Шторхъ въ своемъ сочиненіи Historisch-statistisches Gemälde, II, 119, говоря въ самомъ концѣ столѣтія объ этомъ животномъ, не упоминаетъ объ истребленіи его.

[2]) Изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи, изд. министер. госуд. имущ. С.-Пб. 1860, II, стр. 40.

[3]) *A. v. Middendorff's* Sibirische Reise, Bd. VI, т. 2, стр. 1362.

[4]) Тамъ же, стр. 1362.

[5]) См. Изслѣдованіе о рыболовствѣ, I стр. 4, а также стр. 39,— о значительномъ уменьшеніи улова въ Чудскомъ озерѣ съ XVI вѣка.

кихъ ячей въ мотнѣ, умышленный ловъ приплода. Въ Чудскомъ озерѣ еще недавно многіе рыбаки употребляли сѣти изъ простаго холста и тѣмъ уничтожали молодой приплодъ. Поэтому и Посошковъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, и правительство въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія считали необходимыми полицейскія мѣры для предохраненія рыбы отъ совершеннаго истребленія, а именно ограниченіе лова рыбы опредѣленіемъ извѣстнаго для того времени года, назначеніе мѣры ячей въ рыболовныхъ сѣтяхъ и учрежденіе строгаго за рыболовствомъ надзора.

Значеніе такого надзора доказывается примѣромъ Рейна. Рѣка эта считалась весьма рыбною, пока существовалъ строгій надсмотръ почти вдоль всего ея теченія. Во время французской революціи учрежденіе это было уничтожено, какъ стѣсняющее личную свободу. Каждый получилъ право ловить, какъ онъ заблагоразсудитъ. Но эта неограниченная свобода повела лишь къ тому, что много рыболовныхъ заведеній совершенно рушились. Все это видно изъ печатныхъ безпристрастныхъ отчетовъ [1]). Германскіе народы, по замѣчанію Бэра, съ давнихъ поръ дѣйствовали гораздо осмотрительнѣе Русскихъ. У нихъ уже весьма рано явились законы, предписывавшіе бережливость въ ловѣ рыбы. Въ 1030 году шотландскіе бароны постановили законъ, которымъ запрещалось ловить выводковъ лососи, и самый ловъ большихъ лососей ограниченъ былъ опредѣленною порою. Подобный законъ явился въ 1285 году и въ Англіи. Въ XIV вѣкѣ законы о бережливомъ рыболовствѣ быстро слѣдовали одинъ за другимъ во Франціи. Запрещалось употреблять мелкія сѣти, чтобы не вылавливать мелкой рыбы (1312 г.). Въ постановленіяхъ Карла Великаго даже говорится о „pisciuaria manufacta"; подъ этимъ выраженіемъ можно разумѣть только искусственные пруды. Между постановленіями Тевтонскаго ордена встрѣчается запрещеніе употребленія рыболовнаго снаряда, такъ называемаго „niewat" („nevod", „nywod") очевидно — потому, что имъ вылавливалась и крупная и мелкая рыба, и что онъ, вѣроятно, былъ похожъ на волоковый снарядъ того же названія, употребляемый нынѣ въ сѣверной Россіи и т. д. [2]). Не

---

[1]) Изслѣдованія о сост. рыбол., II, стр. 66.

[2]) См. Materialien zu eine Geschichte des Fischfanges in Russland. Von akademiker *Baer*, стр. 36 — 39, или русск. изд. 1. с., 503 — 506, 517. Старинный нѣмецкій законъ запрещаетъ всякій стукъ и шумъ отъ ударовъ палками, метлами во время метанія икры.

смотря на такія мѣры и на западѣ давно почувствовалась сильная убыль въ запасахъ рыбы, какъ видно между прочимъ изъ слѣдующаго примѣра. Еще полторасто лѣтъ тому назадъ въ Германіи лососина была такъ дешева, что прислуга, нанимаясь, выговаривала себѣ условіе получать это блюдо не чаще трехъ разъ въ недѣлю [1]). Въ настоящее же время рыбныя блюда обыкновенно считаются предметами роскоши.

Мы видѣли, что Посошковъ въ отношеніи къ вопросу о сбереженіи лѣсовъ стоялъ выше Петра. То же самое можно сказать о мнѣніяхъ, выраженныхъ Посошковымъ относительно сбереженія рыбы. Въ Россіи, какъ мы уже сказали законодательство на этотъ счетъ развивалось весьма медленно. До Петра Великаго нѣтъ никакого слѣда заботъ поддержать неистощимость воднаго богатства. Древнѣйшій сводъ законовъ Ярослава I, дополненный Владиміромъ Мономахомъ, Русская Правда, такъ коротка и такъ исключительно направлена къ огражденію правъ лицъ и собственности, что въ ней нельзя и ожидать такихъ постановленій. Въ Судебникѣ Іоанна IV ничего не сказано о рыболовствѣ. Между тѣмъ право собственности на рыбныя ловли уже образовалось, и рыба, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, перестала быть ничьею собственностью, res nullius какъ выражается римское право. Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича нѣсколько разъ говорится о правѣ на рыбныя ловли и объ откупѣ водъ; но сбереженіе рыбы въ водахъ еще не принимается въ соображеніе: развѣ понять въ этомъ смыслѣ запрещеніе ловить въ чужихъ водахъ, чѣмъ, очевидно, впрочемъ ограждалось только право собственности. Таковы же были всѣ слѣдующіе указы до 1704 года. Началомъ законодательства съ цѣлью сохраненія рыбы можетъ считаться указъ 8-го января 1704 г. Тутъ впрочемъ главнымъ образомъ имѣется въ виду умноженіе государственныхъ доходовъ отъ рыболовства. Этимъ указомъ предписывалось всѣ рыбныя ловли у частныхъ людей и во владѣніи монастырей отдавать на откупъ отъ казны; для этого повелѣно было сдѣлать имъ описи и оцѣнки. Въ этомъ указѣ въ первый разъ является мысль о сбереженіи рыбы, или по крайней мѣрѣ о полезномъ и напрасномъ ея уловѣ. Тамъ сказано между прочимъ: „И строить тое рыбу съ тѣхъ рыбныхъ ловель по прежнимъ обыклостямъ, чтобъ никакими мѣрами той рыбѣ отнюдь никакой траты не было“; а въ концѣ указа слѣдуетъ запрещеніе: „чтобъ впредь самоловами рыбы ни гдѣ ни кто отнюдь не ловили, для того, что

[1]) *Roscher*, Ansichten der Volkswirthschaft—Ueber den Luxus.

за такими снастьми рыбѣ и мелкой, а не только что великой, вверхъ пройтить не возможно, и за тѣмъ въ верховьѣ рыбѣ бываетъ оскуденіе, а въ Низовыхъ городахъ мелкая рыба всегда пропадаетъ даромъ; а будетъ кто станетъ ловить, и тѣмъ людямъ быть въ жестокомъ наказаньѣ безо всякія пощады и въ ссылкѣ на каторгу" [1]). Самоловомъ называется снарядъ, состоящій изъ длинной веревки, по длинѣ которой, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, идетъ множество тонкихъ и недлинныхъ нитей съ острыми крючками на концахъ. Но на эти крючки не насаживается приманка, какъ на обыкновенныя удочки: ихъ острія сами собою вонзаются въ рыбу, когда она, пробѣгая мимо задѣваетъ ихъ [2]). Правительство однако не особенно серьезно думало о сбереженіи рыбы и скорѣе заботилось о своихъ финансовыхъ выгодахъ, какъ видно изъ указа 1-го января 1705 года, въ которомъ употребленіе самолововъ разрѣшено арендаторамъ, если они прибавятъ къ арендной суммѣ ообенную плату. Тутъ также говорится о вредѣ самолововъ, не дающихъ пройдти вверхъ ни крупной рыбѣ, ни мелкой, и имѣющихъ слѣдствіемъ „оскудѣніе рыбѣ въ верховьѣ, а въ низовыхъ городахъ мелкая рыба всегда пропадаетъ даромъ"; но вообще не употребленіе самолововъ, а лишь снарядовъ такихъ „безъ наддачъ" считается преступленіемъ, за которое виновнымъ грозятъ жестокимъ наказаніемъ безъ всякой пощады, ссылкою на каторгу и проч. [3]). Очевидно, тутъ правительство жертвовало народно-экономическими выгодами для интересовъ казны. Другихъ слѣдовъ такой мысли о сбереженіи рыбы мы не нашли въ законодательствѣ Петра Великаго [4]).

Тѣмъ достойнѣе вниманія намъ кажется то обстоятельство, что наблюденія и предложенія Посошкова во многихъ отношеніяхъ совершенно сходны съ новѣйшими результатами науки и законодательствомъ новѣйшаго времени. Укажемъ на нѣкоторыя черты такого сходства. Посошковъ считаетъ вредною ловлю мелкихъ рыбъ особенно

---

[1]) П. С. З., № 1956.

[2]) Матеріалы *Бэра*, стр. 499.

[3]) П. С. З., № 2007. Въ указахъ, относящихся къ ловлѣ другихъ животныхъ также не замѣтна точка зрѣнія бережливости въ пользованіи дарами природы, см. напримѣръ, распоряженіе относительно ловли лосей въ П. С. З., № 2799, или инструкцію о ловлѣ птицъ около Астрахани въ П. С. З., № 3185.

[4]) Шторхъ, въ девяностыхъ годахъ XVIII вѣка, l. c., II, 183, говоритъ о вредѣ употребленія сѣтей съ мелкими ячеями въ Чудскомъ озерѣ; но правительство не принимало никакихъ мѣръ противъ этого зла.

въ такихъ водахъ, гдѣ нѣтъ „снятоваго рода"; а изъ замѣчанія его, что крестьяне не различаютъ снятковъ отъ другихъ рыбъ, видно, что ловля мелкихъ снятковъ, по его мнѣнію, не можетъ считаться особенно вредною. Подобно тому и г. Бэръ на основаніи спеціальныхъ и продолжительныхъ наблюденій на Чудскомъ озерѣ доказалъ, что хотя съ одного острова Талапска (на Чудскомъ озерѣ) ежегодно отправляется около 5000 милліоновъ штукъ сушеныхъ снятковъ, количество этой рыбы въ озерѣ не только не уменьшилось, а даже умножилось въ продолженіе времени [1]).

Посошковъ ратуетъ противъ ловли молодыхъ щучекъ, язиковъ, плотичекъ, окуньковъ не „перегодовавшихъ". И г. Бэръ выразилъ мнѣніе, что не слѣдуетъ ловить рыбы до метанія ею хотя бы и разъ только икры [2]). И Посошковъ, и г. Бэръ занимались тщательнымъ счетомъ мелкихъ рыбъ. Посошковъ насчитываетъ въ одной ложкѣ 88 „рыбеночковъ", а г. Бэръ нашелъ, что въ одномъ фунтѣ сушеныхъ снятковъ находится среднимъ числомъ 840 штукъ. Посошковъ находитъ не разумнымъ, что рыбаки жалуются: плохъ-де ловъ сталъ быть рыбѣ, „а ни отъ чего иного плохъ сталъ быть ловъ токмо отъ того, что молодую рыбу выловятъ, то не съ чего и большой быть". Г. Бэръ, доказывая, что ощущается убыль крупной рыбы, замѣчаетъ, что рыбаки пожелали бы лучше всего словить сразу весь запасъ рыбы, не понимая, что если запасъ не долженъ истощиться, не слѣдуетъ брать болѣе годоваго производства рыбы [3]).

И г. Бэръ, и Посошковъ, признавая ловлю молодыхъ снятковъ менѣе вредною, оба говорятъ, что все-таки не слѣдуетъ ловить слишкомъ мелкихъ снятковъ [4]). Посошковъ называетъ такую ловлю „несмысленною", „безпутною"; Бэръ замѣчаетъ, что рыбаки дѣлаютъ все возможное для уничтоженія запасовъ рыбы въ водѣ [5]). Посошковъ надѣется, что запрещеніе ловить „недорослой рыбы" будетъ тотчасъ же имѣть слѣдствіемъ, что „вельми рыбы въ озерахъ и въ рѣкахъ умножится". Въ одномъ изъ отчетовъ Бэра указывается на то обстоятельство, что когда закономъ 1846 года ограничили отчасти ловлю рыбы около Астрахани, то уловъ судака до того улучшился,

---

[1]) См. статью въ Мѣсяцесловѣ на 1866 годъ, стр. 31 и 32.

[2]) См. статью *Бэра* въ Мѣсяцесловѣ на 1866 г., стр. 26.

[3]) См. статью *Бэра* въ Мѣсяцословѣ на 1866 годъ, стр. 31, 37.

[4]) *Baer*, l. c. 31.

[5]) *Baer*, l. c. 34.

что въ два слѣдующіе года онъ былъ значительнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ двухлѣтіи отъ 1832 до 1846 года [1]). Посошковъ надѣется, что „въ таковомъ установленіи (штрафовъ за ловлю молодыхъ рыбъ) годы въ три или въ четыре такъ рыбы умножится, что весь народъ рыбою наситится". Новѣйшая наука занималась точнымъ изслѣдованіемъ числа икрянокъ въ каждой рыбѣ и доказала, что еслибы всѣ икрянки могли достигнуть совершеннаго развитія, чрезъ нѣсколько лѣтъ всякое водохранилище и даже самое море должны бы были переполниться рыбою [2]).

Рыболовный уставъ, нѣкоторыя постановленія котораго предлагаются Посошковымъ, также весьма сходенъ съ Высочайше утвержденными 23-го ноября 1859 года правилами объ ограниченіи лова рыбъ въ Псковскомъ и Чудскомъ озерахъ, денежные штрафы, предлагаемые въ проектѣ положенія объ устройствѣ рыбной ловли на Чудскомъ и Псковскомъ озерахъ, встрѣчаются и въ предложеніяхъ Посошкова. И здѣсь, и тамъ предлагается вознагражденіе доносчика и тѣхъ лицъ, которыя содѣйствовали при поимкѣ виновнаго [3]). Разумѣется, успѣхи науки, спеціальность наблюденія, геніальность и ученый тактъ г. Бэра дали ему возможность указать на множество обстоятельствъ, о которыхъ вовсе не упомянуто Посошковымъ. Сюда относится положеніе, что истощеніе рыбныхъ запасовъ въ морѣ далеко не столько вѣроятно или даже почти невозможно, и что поэтому нѣтъ надобности въ томъ строгомъ полицейскомъ надзорѣ надъ морскимъ рыболовствомъ, въ какомъ нуждается рыбная ловля въ рѣкахъ и озерахъ; сюда относятся разсужденія о значеніи растеній, находящихся близъ рыбныхъ ловель для сохраненія запасовъ рыбы, также доказательства, что извѣстныя измѣненія въ сельскомъ хозяйствѣ могутъ оказать еще болѣе вредное вліяніе на запасы рыбы, чѣмъ „несмысленная" или „безпутная" ловля „сеголѣтокъ". Тѣмъ не менѣе тѣ отрывочныя замѣчанія у Посошкова, которыя относятся къ рыболовству, показываютъ въ немъ необыкновенную способность къ наблюденіямъ, пониманіе главныхъ техническихъ началъ дѣла и правильный взглядъ на общее народно-экономическое значеніе этого вопроса.

[1]) Изслѣдованія о состояніи рыболовства, II. 39.

[2]) *Бэръ*, въ Изслѣдов. о сост. рыбол., I, 25.

[3]) См. подобныя правила въ шведскомъ регламентѣ 1852 г. въ Изслѣдованіи о сост. рыбол., I, 82—88., стр. 69 и 70.

И въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ затрогиваются политико-экономическіе вопросы, отчасти тѣ самые, какіе обсуждаются въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“. Однако назидательный характеръ сочиненія, писаннаго для сына Посошкова, преобладаетъ и въ разсмотрѣніи чисто свѣтскихъ отношеній. Въ каждомъ предметѣ указывается на его религіозную сторону. Нравственныя обязанности человѣка стоятъ у автора „Завѣщанія“ на первомъ планѣ. Такъ, напримѣръ, въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ говорится о сохраненіи лѣса въ слѣдующемъ тонѣ: „Вѣждь яко не безъ грѣха есть еже безъ потребы древеса растущіи посѣкати, или ломати: но аще восхощеши ради каковые себѣ забавы сломити древцо, и ты тыя вѣтви ломай, кіи побочные сучцы, или отрасли: и то есть яко у птицы дѣти, а самые матки, то есть средины, кая прямо вверхъ возростаетъ, яко матки у дѣтокъ не отъемли, не сломи его безъ потребы, и возраста его не пресѣщай,—егда бо оно возрастетъ, тогда оно будетъ на потребу человѣку. Егда же и на прямую потребу будеши съсѣкати: аще на дрова, то ты такой лѣсъ и сѣцы, которой къ строенію непотребенъ, а угоднаго лѣса къ строенію нѣкогда тебѣ же, или твоему брату годиться, а аще доброе древо, которое годно на строеніе, а ты съсѣчеши его на сожженіе, то ты своему брату сотвориши обиду“, [1]).

Смыслъ такого наставленія сходенъ съ ученіемъ о сбереженіи лѣса въ позднѣйшемъ сочиненіи Посошкова. Точка зрѣнія однако совершенно иная, я именно духовная. Таковы же и другія наставленія, въ родѣ того, что сынъ, ѣздя верхомъ, и курицу, и пса на дорогѣ не долженъ тѣснить, что сынъ „своею ѣздою насѣявшему ниву, великую обиду учинитъ, егда бо конь на кое мѣсто ступитъ“ [2]) и т. п: Побужденіемъ для такого сбереженія служитъ не экономическая польза, а мысль о томъ, что курица или песъ—„тварь Божія“, и что „Богъ насадилъ древеса на потребу человѣкомъ, а не на ругакіе, ни на играніе, и Богъ восрастилъ многими лѣты: а ты его въ едину минуту съсѣчеши или сломиши безъ потребы, то ты самъ себѣ помысли: можеши ли ты его сотворити, а аще чего не можеши сотворити, то не требѣ ти того и губити“. Авторитетомъ для такихъ соображеній въ „Отеческомъ Завѣщаніи“ служатъ многія постановленія Ветхаго Завѣта, между тѣмъ какъ аргументація на счетъ этихъ самыхъ во-

[1]) Отеч. Зав., 18.
[2]) От. Зав., 16, 18.

просовъ въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ построена на соображеніяхъ чуждыхъ религіи.

Такая же разница между обоими сочиненіями одного и того же автора бросается въ глаза и въ отношеніи къ другимъ вопросамъ—о солидности и честности въ промышленныхъ предпріятіяхъ, о значеніи постояннаго капитала, обусловливающаго извѣстнаго рода сбереженіе. Въ „Отеческомъ Завѣщаніи“, въ главѣ „о художествѣ“ отецъ наставляетъ сына, какъ онъ долженъ поступать въ качествѣ ремесленника. Будетъ ли онъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, онъ долженъ свое дѣло дѣлать „безъ всякаго фальшиства“, то-есть, онъ не долженъ примѣшивать мѣди или „плохова серебра“ къ золоту и т. п. Затѣмъ говорится: „И аще будеши оружейнымъ мастеромъ, то на ружье отбирай самое желѣзо мягкое и чистое, чтобы неплънасто (sic) было, и чтобы внутри ствола не проварки и малыя бы не было, потому что отъ того чинятъца великія бѣды . . . понеже за плохость желѣза и за невыварку много ружья разрываетъ и держащихъ е самихъ убиваетъ . . . Государь взыщетъ убитаго на тебѣ же и за плохость мастерства, и за неразсмотрѣніе въ желѣзѣ подпадеши смерти“ и пр. [1]).

Совсѣмъ иначе объ этомъ же предметѣ говорится въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“. Въ главѣ „о царскомъ интересѣ“ говорится о кораблестроеніи слѣдующее: „Лѣсные припасатели великую и неизчислимую гибель чинятъ кораблямъ, понеже лѣса готовятъ трапореховатые; и аще и одинъ брусъ въ коемъ кораблѣ въ причинномъ мѣстѣ изгодится трапореховатый, то корабль весь погубитъ, а если въ коемъ кораблѣ брусовъ десятокъ-другой трапорехихъ случится, то такого корабля и почитать кораблемъ нельзя. Корабль добрый и здоровый подобенъ городу, а изъ трапореховатаго лѣсу состроенный хуже хворостиннаго плетня. Плетень аще собою и некрѣпокъ, обаче военные люди будутъ въ немъ сидѣть, то непріятель его даромъ не возьметъ, а корабль, изъ дряблаго дуба сдѣланный, и безъ бою отъ трясенія воднаго пропадетъ, и людей въ себѣ и безъ непріятеля всѣхъ погубитъ. На такое великое и нужное корабельное дѣло надобно бы выбирать лѣсъ самый добрый и здоровый зеленецъ, а кое дерево, видится аще и здорово, а отъ древности оно покраснѣло, и такого дерева отнюдь въ корабельное строеніе не надлежитъ класть, того ради что и оно непрочно; а которое дерево почало уже трапорешить, то такое, кромѣ дровъ, никуда негодно. А видѣлъ я въ

[1]) Отеч. Зав., 187—188.

Санктпетербургѣ такіе лѣса, привезенные къ корабельному дѣлу, что и расколоть прямо не умѣть, но ломится кусьемъ, а и тесать станешь, то и щепы не отщеплишь, чтобъ ей не разломаться на двое или и трое, и такого деревья ни близко къ корабельному дѣлу не потребно привозить. И по моему мнѣнію: въ корабельномъ дѣлѣ паче огня трапореховатаго того дерева подобаетъ бояться; потому что корабль со всѣмъ уборомъ станетъ, чаю, тысячъ въ сотницу, а отъ небольшихъ трапореховатыхъ деревъ пропадешь, и коя казна въ немъ и будетъ, вся погибнетъ, къ томужъ еще и людей въ себѣ множество погубитъ". Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя техническія замѣчанія о тѣхъ свойствахъ, которыя долженъ имѣть дубъ годный къ кораблестроенію, о способѣ контроля при рубкѣ лѣса для этой цѣли, о наказаніяхъ за неисправность въ такихъ случаяхъ и т. п. При этомъ экономическая точка зрѣнія преобладаетъ: часто встрѣчаются цифры: „корабль изъ здороваго дуба лучше двадцати трапореховатыхъ"; корабль изъ здороваго дерева „жить можетъ лѣтъ пятьдесятъ и больше, а изъ трапореховатаго дерева сдѣланный корабль не переживетъ и пяти лѣтъ; и работа, и казна вся въ немъ посоренная даромъ пропадетъ". Затѣмъ Посошковъ разказываетъ нѣкоторые случаи нарушенія экономическихъ интересовъ казны и народа чрезъ непрочность матеріала или несолидность работы и въ заключеніе предлагаетъ разныя мѣры, надзоръ и наказанія, для устраненія такой „пакости".

Посошковъ такимъ образомъ является обличителемъ зла глубоко вкоренившагося. Онъ стоитъ за честность, за солидность; какъ горячій патріотъ, онъ не можетъ равнодушно смотрѣть на расточительность гибельную для народнаго богатства, на лишнюю трату капиталовъ, времени и труда. Онъ находитъ, что работа при обыкновенной организаціи ея идетъ дурно. О работникахъ на верфяхъ въ Петербургѣ онъ говоритъ, что „работы ихъ видѣть нечего и смотрѣть ихъ на ту работу моркотно: потому что гонятъ день къ вечеру, а не работу въ отдѣлкѣ". Онъ жалѣетъ объ экономическихъ потеряхъ вслѣдствіе несолидности употребляемаго на разные предметы матеріала. Онъ обвиняетъ многихъ, въ томъ числѣ иноземцевъ, находившихся въ русской службѣ, въ сребролюбіи, въ недобросовѣстной эксплоатаціи казны, въ совершенномъ невниманіи къ интересамъ народнаго богатства. Онъ чувствуетъ, что подвергнетъ себя страшной опасности такимъ обличеніемъ. „И о семъ моемъ изъявленіи „пишетъ онъ,—„они, чаю, что будутъ на меня гнѣваться, и если увѣдаютъ о мнѣ, что не на похвальбу имъ написалъ, всячески будутъ тщатися, како бы меня

спровречи". И въ другомъ мѣстѣ: „Страшенъ ми сей глаголъ, что дерзнулъ о такомъ великомъ дѣлѣ писати, но превельная моя горячесть понудила мя на сіе дѣло: Богъ бо ми свидѣтель, что не ради какого поисканія или прибытка желаю себѣ, но токмо ради любви, юже имѣю къ Его Императорскаго Величества самодержавію. Ибо я отъ юности своея бѣхъ таковъ, и лучше ми каковую либо пакость на себѣ понести, нежели видя что не полезно, умолчати" [1]).

Таковы мысли Посошкова относительно народнаго богатства вообще, относительно труда, сбереженія и нѣкоторыхъ началъ общественнаго и государственнаго экономическаго быта.

А. Брикнеръ.

---

[1]) О скуд. и бог. 210—216.

ДЖУЗЕППЕ ПИТРЭ И ЕГО БИБЛІОТЕКА НАРОДНЫХЪ СИЦИЛІЙСКИХЪ ПРЕДАНІЙ.

Въ статьѣ, написанной мною по поводу италіанскихъ народныхъ сказокъ и появившейся на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ 1868 году [1]), мнѣ пришлось говорить о наличной въ то время литературѣ, посвященной изученію италіанской народной поэзіи и быта, и указать на нѣкоторые ея пробѣлы. Въ общихъ чертахъ положеніе дѣла представлялось тогда слѣдующее: нѣсколько хорошихъ (по времени) сборниковъ народныхъ пѣсенъ, издатели которыхъ задавались, впрочемъ, не научными (народно-психологическими, діалектическими и т. п.), а скорѣе эстетическими цѣлями; почти полное отсутствіе трудовъ, посвященныхъ разработкѣ реальныхъ древностей, доживающихъ среди народа свой незапамятный вѣкъ, и ни одного сборника сказокъ; немногое сдѣланное въ послѣднемъ направленіи, принадлежало почти исключительно иностранцамъ. На сколько съ тѣхъ поръ все измѣнилось къ лучшему, можно судить изъ слѣдующаго: не только изданные въ послѣдніе годы сборники пѣсенъ отличаются болѣе строгимъ научнымъ направленіемъ (напримѣръ, сборники Casetti и Imbriani, Ferraro, Gianandrea, Bernoni), но и появились въ короткій промежутокъ времени замѣчательныя собранія народныхъ сказокъ, на которыя своевременно обратила вниманіе европейская наука. Я имѣю въ виду изданія Имбріани, къ сожалѣнію, слишкомъ мало доступныя публикѣ, Де-Губернатиса, Бернони, Коронеди-Берти, наконецъ,— Питрэ, который является, подобно Имбріани, въ одно и то же время и собирателемъ пѣсенъ, и отличнымъ знатокомъ народной сказки. Но его за-

[1]) Т. CXL (XII), стр. 282—359, под заглавіемъ: «Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса».

дача еще шире: онъ затѣялъ въ одномъ трудѣ обнять всѣ данныя, на которыхъ предстоитъ создаться наукѣ о психической жизни народа. Питрѐ любитъ называть эту науку демопсихологіей; его Библіотека народныхъ сицилійскихъ преданій — это матеріалъ для демопсихологіи Сициліи, а въ извѣстномъ смыслѣ и всей Италіи. Нельзя сказать, чтобы задача подобнаго сборника была не по силамъ одному человѣку; но она требуетъ громадной затраты времени и средствъ, которыми рѣдко располагаетъ частное лицо. А Питрѐ—медикъ и живетъ своимъ трудомъ; его Библіотека создалась въ часы досуга и цѣною лишеній, которыя лично для него искупились воспитавшейся въ немъ любовью къ народу и народной поэзіи.

Я имѣю намѣреніе при другомъ случаѣ подробно разобрать труды Питрѐ, и тогда остановлюсь не только на вопросахъ принципа и метода, столь важныхъ въ наукѣ „демопсихологіи", но и на частныхъ вопросахъ, невольно вызываемыхъ областнымъ характеромъ Библіотеки и этнографическими и географическими отношеніями Сициліи. Въ гипотезѣ литературнаго и сказочнаго общенія востока и запада Сицилія Византійцевъ, Арабовъ, Норманновъ и Свевовъ не можетъ не играть извѣстной роли. А пока моя задача—познакомить въ общихъ чертахъ съ содержаніемъ и направленіемъ Библіотеки Питрѐ. Она еще не кончена, но уже теперь обнимаетъ пять томовъ.

Первые два тома [1]) представляютъ сборникъ народныхъ сицилійскихъ пѣсенъ, всего 1006 нумеровъ, расположенныхъ по извѣстнымъ группамъ и рубрикамъ [2]), съ замѣчаніемъ, гдѣ какая пѣсня записана. Въ началѣ перваго помѣщенъ обстоятельный „Критическій этюдъ по поводу народныхъ сицилійскихъ пѣсенъ" (Studio critico sui canti popolari siciliani) и весьма полезная библіографія италіанской народной пѣсни, дополненія къ которой можно найдти во второмъ томѣ. Въ концѣ послѣдняго находится сицилійско-италіанскій глоссарій, облегчающій пользованіе текстомъ пѣсенъ для людей, незнакомыхъ съ ихъ діалектомъ.

---

[1]) Canti popolari siciliani, raccolti ed illustrati da *Giuseppe Pitrè*, preceduti da uno studio critico dello stesso autore. 2 vv.—Palermo, Pedone Lauriel, 1870—1871.

[2]) I. *Cansuni e ciuri* (то-есть, fiori): 1. Красота женщины; 2. Желаніе, надежда; 3. Любовь, поцѣлуи; 4. Пѣсня, серенады и т. д.; 8. Бракъ; 9. Разлука и т. д.—II. *Ninni o cansuni di la naca* (колыбельныя пѣсни).—III. *Jocura* (дѣтскія пѣсни). — IV. *Orazioni, rusarii cosi di Diu* (молитвы). — V. *'Nnimini* (загадки).—VI. *Arii.*—VII. *Storii, parti e orazioni.*—VIII. *Contrasti o parti* — IX. *Satiri.*—X. *Cansuni murali.*—XI. *Mutetti di lu paliu.*

Третій томъ Библіотеки содержитъ рядъ опытовъ и изслѣдованій по народной поэзіи (Studi di poesia popolare), главнымъ образомъ сицилійской. Для насъ въ особенности интересны статьи о народныхъ пѣвцахъ (I poeti del popolo Siciliano) и ихъ поэтическихъ состязаніяхъ (Pietro Fullone e le sfide popolari siciliane). Дѣло идетъ не объ „археологической" народной поэзіи, передающейся изъ рода въ родъ по преданію, не о *сказителяхъ* въ общемъ смыслѣ этого слова, а объ импровизаторахъ. Импровизаторъ большею частью человѣкъ изъ народа, впечатлительный, съ живою фантазіей и отлично владѣющій стихотворною формой. Пѣсня какъ будто прирождена ему: за работой, въ часы отдыха, онъ поетъ; его можно слышать и въ кузницѣ, и въ виноградникѣ, и въ полѣ, и на городской площади. Иногда онъ останавливается среди работы, чтобы вступить въ поэтическое состязаніе съ своимъ товарищемъ; соперникъ всегда найдется. Народъ заслушивается ихъ по цѣлымъ часамъ, поджигая, поощряя, подпаивая виномъ обоихъ поэтовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ творя надъ ними строгій критическій судъ: ни одному изъ состязающихся не позволятъ искать риѳмы, не пропустятъ даромъ хромого стиха. Питрэ нѣсколько разъ присутствовалъ при подобныхъ преніяхъ, и его поразила легкость и быстрота, съ какою импровизуются цѣлыя октавы, какъ будто онѣ заучены, а не вылиты экспромптомъ. Лицо поэта видимо искажается и наливается кровью, глаза блестятъ, ротъ нервно искривленъ, а стихъ выходитъ торжественный и строгій, какъ вся фигура импровизатора. Такія поэтическія импровизаціи нерѣдко пріурочиваются къ большимъ церковнымъ празднествамъ: въ Аволѣ (въ провинціи Сиракузы), въ день св. Конрада, собирается въ церкви толпа народа, и нѣсколько молодыхъ людей импровизуютъ канцоны, содержаніе которыхъ составляютъ чудеса святаго. Канцоны эти могутъ поспорить съ лучшими изъ моего сборника, говоритъ Питрэ; толпа тотчасъ же подхватываетъ ихъ и поетъ у себя дома, на полевыхъ работахъ. Нельзя не остановиться на этомъ примѣрѣ перехода личнаго поэтическаго произведенія въ достояніе народа. Онъ особенно важенъ для методики изученія народной пѣсни. Говоря о бѣдности творчества въ современной тосканской пѣснѣ, Кардуччи [1]) нападаетъ на сентиментальныхъ защитниковъ чистокровности народной музы: „Чѣмъ внимательнѣе будутъ изучать тосканскую народную поэзію, тѣмъ яснѣе

---

[1]) *G. Carducci*, Studi letterari: Musica e poesia nel mondo elegante italiano del secolo XIV, p. 418—419.

станутъ ея отношенія къ поэзіи искусственной; источники лучшихъ ея пѣсенъ восходятъ къ тѣмъ далекимъ временамъ, когда италіанское искусство не совершило еще своего разрыва съ народнымъ чувствомъ". Эти лучшія пѣсни живутъ теперь, лишь по преданію, наравнѣ съ другими, отражающими современную, простонародную безталанность и упадокъ общественнаго строя. При подобномъ смѣшеніи возможна ли, безъ глубокаго изученія литературной исторіи, какая-либо характеристика народа (и не одного италіанскаго) по народнымъ пѣснямъ?

Перехожу къ послѣднимъ вышедшимъ пока томамъ Библіотеки (IV-му—VII-му). Они заняты сборникомъ народныхъ сициліанскихъ сказокъ, повѣстей, мѣстныхъ и историческихъ преданій [1]), всего въ пяти серіяхъ и прибавленіи 300 нумеровъ, не считая варіантовъ; въ концѣ помѣщены еще 6 нумеровъ албанскихъ сказокъ, записанныхъ въ албанскихъ колоніяхъ Сициліи. Если въ послѣднемъ отношеніи сборникъ Питрэ предлагаетъ дополненіе къ албанскимъ сказкамъ Гана, то, съ другой стороны, онъ въ нѣкоторой мѣрѣ отмѣняетъ извѣстный сборникъ сицилійскихъ сказокъ г-жи Гонценбахъ. Методъ изданія тотъ же, что̀ и при пѣсняхъ: тексты передаются въ ихъ діалектической формѣ, особенности которой истолкованы въ глоссаріи и въ небольшомъ очеркѣ граматики, помѣщенномъ въ первомъ томѣ, въ которомъ я обращаю вниманіе на этюдъ, посвященный народной сказкѣ вообще (Delle novelle popolari, pp. XIL—CXLV). При большинствѣ сказокъ сообщается ихъ библіографія, обличающая въ собирателѣ большую начитанность къ относящейся сюда литературѣ [2]). Было бы легко предложить здѣсь кое-какія дополненія къ этой библіографіи, но это едва ли было бы полезно въ краткомъ обзорѣ Библіотеки, которымъ я намѣренъ ограничиться. Лучше остановлюсь на частностяхъ.

Сказки, преданія и т. п. расположены у Питрэ по серіямъ, болѣе или менѣе отвѣчающимъ ихъ разнообразному содержанію; въ этомъ распредѣленіи можно бы, въ немногихъ случаяхъ, пожелать большей точности. Такъ, третья серія обнимаетъ преданія историческаго свойства; нѣкоторыя изъ нихъ въ высшей степени замѣчательны по той устойчивости, съ какою народъ сохранилъ воспоминаніе о далекихъ

[1]) Fiabe, novelle, racconti ed altre tradizioni popolari siciliane.

[2]) Дополненія къ библіографіи см. въ т. IV, Lettera di *Vittorio Imbriani* a. G. Pitrè, pp. 367—418, и въ Aggiunte del raccoglitore, pp. 419—450.

вѣкахъ. Таковы разказы о зломъ и добромъ Вильгельмахъ (= Вильгельмъ I и II), о Фридрихѣ II и Сицилійскихъ вечерняхъ и т. п. Какимъ образомъ помѣщенъ рядомъ съ ними разказъ подъ № CCII— остается непонятнымъ. Нечего и говорить, что выведенныя въ немъ лица (генералъ, капитанъ, фурьеръ и т. п.) принадлежатъ позднѣйшему пересказу. Древнѣе другихъ сказокъ, быть можетъ, разказъ о „королѣ Сициліи"; но этимъ въ сущности и ограничивается все, что въ этой сказкѣ можетъ быть названо историческимъ колоритомъ. Питрэ находитъ ея содержаніе правдоподобнымъ и думаетъ, что не трудно будетъ отыскать ея историческое, фактическое основаніе. Вотъ вкратцѣ самая сказка.

У одного короля Сициліи былъ сынъ. Ему стукнуло двадцать-два года, а онъ и не думаетъ жениться. По уговору отца онъ беретъ за себя дочь одного принца. Сыграли свадьбу; вернулся царевичъ изъ церкви и закручинился. Молодая спрашиваетъ его, какая тому причина, и онъ объясняетъ ей: у него явилось желаніе дать другъ другу зарокъ — если кто изъ нихъ умретъ, другой долженъ сойдти въ могилу и три дня сторожить умершаго. На томъ и поклялись. Черезъ годъ умираетъ жена царевича, Терезина, и царевичъ спускается въ склепъ, вооруженный саблей и пистолетами, зажигаетъ факелы и плачетъ надъ покойницей. Причетнику церкви (sagristanu) онъ сказалъ, чтобы тотъ по прошествіи трехъ дней, прислушался: если онъ постучитъ въ склепъ, пусть отопретъ ему, если нѣтъ, это будетъ значить, что онъ болѣе не вернется. Прошла первая ночь; на вторую царевичъ слышитъ въ гробѣ стукъ: появляется страшный змѣй со змѣенышами и бросается на усопшую. Царевичъ пріободрился, выпалилъ и положилъ змѣя на мѣстѣ; змѣеныши разбѣжались, но вскорѣ вернулись съ травой, которую прикладываютъ къ ранамъ убитаго змѣя. Тотъ ожилъ и тотчасъ же убѣжалъ. По указанному имъ пути царевичъ выводитъ на свѣтъ Божій свою жену, которую воскрешаетъ при помощи оставленной змѣями травы. По дорогѣ онъ срываетъ ея цѣлый пучекъ, и вмѣстѣ съ женой отправляется въ Парижъ. Здѣсь они живутъ нѣкоторое время; царевичъ отправляется странствовать, а въ это время его жена приглянулась какому-то капитану-Неаполитанцу; при помощи одной старухи онъ проникаетъ въ жилище красавицы, спрятанный въ ящикѣ, и ночью увозитъ ее на кораблѣ. Между тѣмъ, возвращается мужъ; не найдя жены, онъ садится на корабль и отправляется въ Неаполь, гдѣ становится солдатомъ. Здѣсь онъ узнанъ своею бывшею женой, которая показываетъ его своему любовнику капитану. Же-

лая избавиться отъ соперника, послѣдній приглашаетъ къ столу своихъ капраловъ и фурьеровъ; царевичу-фурьеру поваръ капитана кладетъ по его приказанію въ карманъ серебряный приборъ, который у него и найденъ. Царевичъ осужденъ и разстрѣлянъ; но онъ упросилъ одного своего пріятеля солдата положить ему, мертвому, въ ротъ и раны цѣлющей травы, вслѣдствіе чего онъ оживаетъ. Отправившись въ далекія страны, онъ тѣмъ же средствомъ исцѣляетъ дочь короля, лежавшую при смерти, и сдѣланъ въ награду за то генералиссимусомъ. Это даетъ ему возможность залучить къ себѣ капитана измѣнника, который уличенъ въ воровствѣ тою же уловкой, какую самъ употребилъ относительно царевича. Измѣнникъ и его любовница сожжены.

Питрэ́ оставилъ эту интересную сказку безъ обычныхъ библіографическихъ замѣчаній. Я укажу съ своей стороны лишь на № 16 въ собраніи Гриммовъ и на извѣстную былину о Потокѣ или Потыкѣ Михайлѣ Ивановичѣ. Послѣдняя нерѣдко обращала на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей, но вопросъ о ней остается, мнѣ кажется, по прежнему открытымъ [1]). Для рѣшенія его будетъ, быть можетъ, не безполезно сличить главныя черты былины съ разказанною выше сицилійской сказкою. Невѣста Потыка говоритъ ему:

Хотя ты на мнѣ и женишься,
И кто изъ насъ прежде умретъ,
Второму за нимъ живому во гробъ идти.

Въ сказкѣ подобный зарокъ предлагается мужемъ. Черезъ полтора года, или на третій годъ, жена Потыка преставилась, и онъ опускается вмѣстѣ съ нею въ могилу. Въ полночь являются всѣ гады змѣиные, а потомъ пришелъ большой змѣй; Потокъ ссѣкаетъ ему голову, которой мажетъ тѣло жены, и она пробуждается отъ смерти. Иногда вмѣстѣ съ змѣемъ является еще змѣенышъ или даже двѣнадцать змѣенышей: богатырь давитъ змѣеныша подъ каблукомъ, дабы побудить змѣя принести живой воды, отъ которой оживаютъ и змѣеныши, и жена Потока. Упомянутая нѣмецкая сказка предлагаетъ такой варіантъ: Завидя змѣя, подползающаго къ трупу жены, мужъ разсѣкаетъ его на три части; тогда другія змѣи подползаютъ къ убитой съ тремя зелеными листьями во рту, кладутъ ихъ на разрубленные члены, и они сростаются. Мужъ прилагаетъ то же средство къ своей усопшей женѣ, отчего та оживаетъ. Замѣтимъ, что въ русской бы-

[1]) Я разсмотрю его въ статьѣ: «Западныя отношенія русскихъ былинъ.»

линѣ Потыкъ, сходя въ могилу, беретъ съ собою конецъ веревки, привязанной къ колоколу, въ который и звонитъ, когда желаетъ выйдти на Божій свѣтъ; вспомнимъ сходную черту сицилійской сказки: наказъ царевича причетнику. Далѣе, какъ и въ сицилійской сказкѣ, жена измѣняетъ Потыку въ то время, какъ онъ отсутствуетъ, либо отправился въ страну дальнюю. Что и сицилійская сказка поняла увозъ жены, въ сущности, какъ ея измѣну, ясно изъ ея дальнѣйшаго развитія. Я продолжаю сличать ее съ былиною. Потыкъ отправляется за похищенною женой, переодѣтый каликою перехожимъ; измѣнница узнала его и думаетъ его извести, поднеся ему зельица забыдущаго. Царевичъ сицилійской сказки также идетъ искать жену, становится солдатомъ; жена узнала его и сама указываетъ на него своему любовнику, который прибѣгаетъ къ извѣстной хитрости, заимствованной изъ библейскаго разказа объ Іосифѣ. Это разногласитъ съ былиной, но не съ русскими преданіями о Потыкѣ вообще. Въ духовномъ стихѣ о Сорока каликахъ со каликой ихъ атаманъ называется: то Касьяномъ *Михайловичемъ*, то *Михайломъ* Косьяновичемъ, то *Михайломъ Потыкомъ*. Женѣ Владиміра онъ приглянулся, и когда онъ не захотѣлъ удовлетворить ея страсти, она велитъ засунуть въ его сумку Владимірову чашу, чѣмъ, какъ извѣстно, и мотивируется слѣдующее затѣмъ наказаніе Потыка. Съ Потыкомъ духовнаго стиха и его воздержаніемъ отъ „женскаго блуда", можетъ быть, не безполезно сравнить ту подробность сицилійской сказки, что царевичъ является, не смотря на уговоры отца, воздерживающимся отъ брака.

Сличеніе былины и сказки приводитъ меня къ заключенію, вопервыхъ, что въ той и другой сохранились разрозненные члены, disjecta membra, одного и того же эпическаго разказа, который, быть можетъ, не трудно будетъ возстановить; что, вовторыхъ, былина о Потыкѣ, въ сущности,—сказка, и что искать въ ней миѳическаго содержанія возможно будетъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы предварительно рѣшить вопросъ, въ какой мѣрѣ и границахъ народныя сказки могутъ служить почвою для миѳологической экзегезы.

Относительно одной части народныхъ сказокъ, именно—о животныхъ, вопросъ поставленъ теперь отрицательно,—по крайней мѣрѣ, въ извѣстной области, гдѣ національно-миѳологическая гипотеза была до сихъ поръ преобладающею. Я имѣю въ виду недавно появившуюся статью Мюлленгофа о Рейнгартѣ-лисѣ [1], гдѣ этотъ ученикъ Лахманна

[1] *Müllenhoff*, Ueber Reinhart Fuchs, въ *Zeitschrift für deutsches Alterthum* № F VI, I, p. 1—9.

и Гримма́, оставивъ теорію, выставленную послѣднимъ относительно германскаго животнаго эпоса, явно склоняется къ теоріи историческаго заимствованія сказаній. Съ этой точки зрѣнія всякій новый сборникъ животныхъ сказокъ становится интереснымъ, прибавляя новое звено къ верениңѣ послѣдовательныхъ переходовъ. Тѣмъ интереснѣе, по отношенію къ историческому и этнографическому положенію Сициліи, пятая серія въ сборникѣ Питре́, содержащая именно животныя сказки. Ихъ немного, и не всѣ онѣ одинаковаго достоинства. Я остановлюсь лишь на одной изъ нихъ, носящей названіе: Кумъ волкъ и кумушка лиса (Cumpari Lupu e cummari Vulpi). Ея содержаніе сообщается по тремъ варіантамъ (№ CCLXXV и варіантъ; № CCLXXVII: La vurpi).

Однажды рыбакъ нашелъ посреди дороги лису, притаившуюся мертвою Онъ взялъ ее, перекинулъ черезъ плечо и понесъ домой. По дорогѣ она выбрасываетъ одну за другой сардины изъ корзины рыбака; затѣмъ соскочила и была такова. Собравъ разбросанныя сардины, она принялась ихъ ѣсть. Подходитъ волкъ и спрашиваетъ:—„Гдѣ ты взяла эти рыбы?“ „Да вотъ гдѣ: взяла кувшинъ, привязала его ко хвосту, заплыла далеко въ море, а тамъ открыла крышку и опустилась на дно — ловить рыбу“. Волкъ выпрашиваетъ себѣ у лисы кувшинъ и отправляется на ловлю. Плыветъ и оборачивается, выжидая знака лисы—когда ему опуститься. А та велитъ плыть дальше́ и дальше. „Ну, теперь и опускайся“, говоритъ она́. Волкъ опустился и потонулъ. „Такъ лукавая лиса освободилась отъ негоднаго волка“ (№ CCLXXVII).

Въ варіантѣ къ № CCLXXV волкъ не утонулъ, и слѣдуетъ еще разказъ, какъ злостно подшутила надъ нимъ лиса въ другой разъ. Въ № CCLXXV (гдѣ нѣтъ подробности о рыбной ловлѣ) эта издѣвка лисы передается подробнѣе. Она представилась больною. „Кумушка, какъ поживаешь“ спрашиваетъ волкъ.—„Да вотъ хвораю, хочу отправиться въ Палермо, а идти не въ мочь“.—„Успокойся, кумушка, я понесу тебя“. Посадилъ ее на хвостъ и понесъ. Волкъ былъ хромой, а лиса ѣдетъ на немъ и припѣваетъ.

Pianu, pianu, pianu,
E lu ruttu porta a la sanu;

то есть: тише́, тише, тише, немощный здороваго везетъ (битый небитаго). Волкъ всякій разъ спрашиваетъ ее, что это она приговариваетъ; лишь послѣ третьей припѣвки лиса объясняетъ ему, какъ она надъ нимъ издѣвалась, и убѣгаетъ.

Вмѣсто объясненія, я предложу сличить съ этою сицилійскою сказкой—первую въ собраніи русскихъ сказокъ А. Н. Аѳанасьева: Лисичка сестричка и волкъ (2-е изд., т. I, 1, а).

Я уже сказалъ, что библіотека Питрэ еще не кончена. Слѣдующіе томы будутъ содержать, между прочимъ: дѣтскія игры, народные праздники, сицилійскія пословицы, которыя авторъ предполагаетъ сравнить съ пословицами другихъ областей Италіи. Нѣкоторыми частями матеріала, собраннаго для слѣдующихъ томовъ, Питрэ успѣлъ уже воспользоваться, и онѣ стали извѣстны публикѣ въ отдѣльныхъ монографіяхъ: таковы двѣ его статьи о купальскихъ огняхъ (I fuochi di San Giovanni), о деревьяхъ въ народныхъ сицилійскихъ повѣрьяхъ и т. п. Къ такимъ монографіямъ принадлежитъ и слѣдующая: О пятницѣ въ народныхъ италіанскихъ повѣрьяхъ. Происхожденіе ея, равно какъ и появленіе на страницахъ русскаго журнала, объясняются слѣдующимъ образомъ. Занимаясь изслѣдованіемъ русскихъ и западныхъ преданій о пятницѣ, которое появится въ моихъ „Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды", я обратился къ г. Питрэ съ просьбой доставить мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія объ италіанско-сицилійской св. Венерѣ, нашей св. Параскевѣ, и вмѣстѣ сообщить, что̀ ему извѣстно о пятничныхъ обрядахъ и повѣрьяхъ, до сихъ поръ живущихъ въ Италіи. Г. Питрэ не только сообщилъ мнѣ, что зналъ о чествованіи св. Венеры, но и прислалъ цѣлую статью о пятницѣ, которую любезно посвятилъ мнѣ. Я привожу ее далѣе, въ русскомъ переводѣ, удаливъ изъ нея лишь элементъ личныхъ отношеній; италіанскій текстъ явится позднѣе въ одномъ изъ томовъ Библіотеки Питрэ. Всѣмъ интересующимся развитіемъ русскихъ народныхъ и вообще славянскихъ вѣрованій, въ которыхъ пятничный циклъ играетъ видную роль, статья Питрэ принесетъ новый и полезный матеріалъ сравненія.

Александръ Веселовскій.

Пятница въ народныхъ италіанскихъ повѣрьяхъ.

(Письмо Дж. Питрэ).

Вы предложили мнѣ собрать и сообщить вамъ нѣсколько замѣтокъ о народно-италіанскихъ обычаяхъ и повѣрьяхъ, касающихся пятницы. Къ сожалѣнію, я не могъ тотчасъ же исполнить ваше желаніе; дѣлаю это теперь, какъ могу, воздерживаясь отъ какой бы то ни было оцѣнки фактовъ, собранныхъ мною по предмету столь нич-

тожному въ глазахъ толпы, и столь важному для всякаго, изучающаго исторію прошлыхъ народовъ въ суевѣріяхъ, обычаяхъ и преданіяхъ народовъ нынѣ живущихъ. Ученый аппаратъ и дешевая критика не всегда служатъ признакомъ знанія, и мнѣ кажется, я не ошибусь, думая, что вамъ пріятнѣе будетъ получить отъ меня извѣстное количество данныхъ, добросовѣстно собранныхъ, чѣмъ рядъ личныхъ соображеній, которыя часто не способствуютъ разъясненію истины, а только затемняютъ ее.

Но приступлю къ дѣлу. То, что̀ вы зовете „религіей пятницы", распространено по всей Италіи, отъ Джирдженти до Сузы, точно также какъ въ Испаніи, Франціи, Германіи и другихъ мѣстностяхъ Европы. Въ пятницу, день страданія Іисуса Христа (точно также, какъ и въ середу) не предпринимается ни одно путешествіе; иначе повстрѣчаешься съ какимъ нибудь несчастіемъ. У насъ есть на то пословица, встрѣчающаяся на разныхъ діалектахъ:

Nè di vennari, nè di martiri
Nun ti moviri, nè ti partiri

(въ Сициліи: ни въ пятницу, ни въ среду не двигайся, не ѣзди).

Giorno di venere, giorno di Màrte
Non si sposa e non si parte.

(Тоскана и Римъ: Ни въ пятницу ни въ среду не женятся и не отправляются въ путь).

Nè di vènnere nè di martere
Non se spusa nè se papte

(въ Неаполѣ) и т. д.

Въ Палермо ни одинъ капитанъ торговаго судна не рѣшится выбраться въ море—въ пятницу; нужно ждать полночи субботы, чтобы выѣхать изъ Палермо. Однажды, когда капитанъ Д'Анна пренебрегъ этимъ обычаемъ, онъ дорого за то поплатился: во время путешествія поднялась столь сильная буря, что онъ едва не погибъ вмѣстѣ со своимъ кораблемъ. Этотъ случай по преданію передается приморскими жителями.

Пятница посвящена отдыху и молитвѣ. Въ одной рукописи неизвѣстнаго автора, сохраняющейся въ городской библіотекѣ Палермо, значится, что по пятницамъ и середамъ не слѣдуетъ кроить платья, потому что подвергаешься опасности ихъ окоротить и испортить всю

кройку [1]). Въ Венеціи говорятъ, что такая одежда не долго носится, или не прочна [2]), какъ и всякое другое дѣло не прочно и недолговѣчно, если начнется въ одинъ изъ этихъ дней, хоть бы напримѣръ дождикъ, грозившій перейдти въ ливень [3]). Исключеніе составляетъ для Венеціи игра въ карты [4]), а въ Тосканѣ игра въ лотто, которая въ эти дни бываетъ особенно счастлива для тѣхъ, кто всю ночь видѣлъ сны, не просыпаясь до утра [5]).

Исходя изъ того принципа, что въ этотъ день не слѣдуетъ начинать никакого дѣла [6]), было бы опрометчиво совершать свадебные обряды. Изъ приведенныхъ выше пословицъ ясно видно, что свадьбы, совершенныя въ пятницу, несчастны, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ тѣ, которыя случатся въ мѣсяцахъ маѣ и августѣ, несчастливыхъ по народному повѣрью. Свадьба, совершенная въ пятницу, не предвѣщаетъ семейнаго счастья; одна невзгода будетъ слѣдовать за другой, или человѣкъ будетъ жить въ нищетѣ, либо будетъ хворымъ. Если не помретъ одинъ изъ супруговъ [7]), то у нихъ не будетъ потомковъ, а если будутъ дѣти, то недолговѣчныя [8]). Мѣсяцъ и годъ, начинающіеся съ пятницы, считаются несчастливыми, они предвѣщаютъ засухи, сильныя грозы по деревнямъ, войны, голодъ и народныя бѣдствія [9]).

Смѣяться по пятницамъ значитъ оскорблять божество. Если не объяснить этотъ запретъ религіозною идеей, столь тѣсно претворившеюся въ сознаніе массъ, что народъ даже не въ состояніи предста-

---

[1]) Miscellanee raccolte da vincenzo Auria; Superstizioni di questi nostri paesi. MS. помѣченный Qq. A. 28.

[2]) D. g. Bernoni, Credenze popolari veneziane p. 13. (Venezia, tip Antonelli 1874).

[3]) N. Castagna, Raccolta di proverbi italiani (Napoli, Nobile 1870) По поводу поговорки: Pioggia di venerdì non dura un dì (Дождь въ пятницу не длится и одного дня) собиратель дѣлаетъ замѣтку, требующую комментарія: «потому что въ этотъ день пострадалъ Іисусъ Христосъ» (?)

[4]) Bernoni l. c. стр. 53.

[5]) Il libro delle paure, ovvero Raccolta di stregonerie e pregiudizi popolari. Libretto interessante per conoscere il vero dal falso, p. 41. Firenze, tipogr. Salani.

[6]) *C. Rossi*, Superstizioni e Pregiudici, ossia veglie contadinesche esposte in forma dialogica per il popolo, p. 141. (Milano, Agnelli, 1874); *G. Tigri*, contro i Pregiudici popolari, le superstizioni и т. д. p. 127 (Torino, Paravia 1870); *Pardi*, Scritti vari, vol. III: Errori e Pregiudizi popolari (Palermo, 1873).

[7]) Венеціанцы говорятъ: Venere curto termine (пятница—короткій срокъ), *Bernoni*, l. c. p. 17

[8]) Bernoni, ib.

[9]) Il libro delle paure и т. д., стр. 41.

вить ее себѣ внѣ фактовъ, осуществляющихъ ее въ жизни,—то все же остается за пятницей представленіе чего-то таинственнаго, невыразимаго, чего-то такого, что само собою должно воздержать отъ веселья и разгула. Не даромъ говорятъ: кто смѣется въ пятницу, будетъ плакать въ субботу [1]): поговорка, нынѣ безсознательно повторяемая, но тѣмъ не менѣе внушенная первоначально тѣмъ особымъ пониманіемъ пятницы, о которомъ говорено было выше.

По пятницамъ не слѣдуетъ наряжаться и прихорашиваться, потому что Богу это не нравится. Иные могутъ заключить изъ этого запрета, что онъ внушенъ памятью о страданіяхъ Спасителя; но одна народная легенда связываетъ этотъ обычай съ событіями земной жизни Спасителя, предшествовавшими его крестной смерти. Въ самомъ дѣлѣ, народъ разказываетъ, что когда Учитель (il Maestro, то-есть, Іисусъ Христосъ) странствовалъ по свѣту со своими апостолами, онъ сѣлъ отдохнуть и попросилъ напиться у одной женщины, которая въ то время разчесывала себѣ волосы; та грубо отказала ему въ этомъ, послѣ чего Учитель сказалъ: „Да будутъ прокляты тѣ косы, которыя разчесываютъ по пятницамъ".

Mmaliditta chidda trizza
Chi di Vènnari si'ntrizza!

Онъ отправился далѣе, встрѣтилъ женщину, мѣсившую тѣсто для хлѣба, и обратился къ ней съ той же просьбой. Та напоила его, и Учитель сказалъ, благословляя: „Да будетъ благословенъ тотъ хлѣбъ, который мѣсится по пятницамъ".

Biniditta chidda pasta
Chi di Vènnari si'mpasta!

Этотъ разказъ извѣстенъ и внѣ Сициліи, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующей поговорки, языкъ которой носитъ на себѣ печать діалекта:

Maledetta quella treccia
Che di venerdì si streccia,
Benedetto quello pane
Che di Venerdì si spiana [2]).

Обычай не рядиться и не прихорашиваться въ пятницу уже изчезаетъ въ народѣ и соблюдается лишь людьми, отличающимися особенной религіозностью.

---

[1]) *Castagna*, l. c. p. 226.
[2]) *Castagna*, l. c. p. 227.

Возвращаясь къ суевѣріямъ, связаннымъ съ пятницею, замѣтимъ, что дѣла и сдѣлки, заключенныя въ этотъ день, не удаются, и заключающій ихъ понесетъ убытокъ [1]). Въ этотъ день жилецъ боится принять отъ хозяина ключъ отъ квартиры, имъ нанятой, да и самъ хозяинъ не охотно отдаетъ его [2]).

Если подобнаго рода суевѣріе привязалось къ обыденнымъ, или даже радостнымъ событіямъ жизни, то легко представить себѣ, что оно только усиливается въ примѣненіи къ событіямъ печальнаго свойства. Болѣзнь, начинающаяся въ пятницу, — несомнѣнное несчастіе, предтеча смерти. Если больной и выздоровѣетъ, то лишь на время, и смерть должна скоро воспослѣдовать [3]). Если въ этотъ день кто хоронитъ покойника, или только отнесетъ крестъ въ домъ умершаго, то три человѣка изъ этого семейства умрутъ въ теченіе года непремѣнно. Для такого рода бѣдняковъ одно только и есть спасеніе: надо обвязать хлопчатою бумагой распятіе надъ гробомъ покойнаго, и бѣдствіе минуетъ тотъ домъ [4]).

Однимъ словомъ, нѣтъ дня болѣе ужаснаго: въ пятницу нечего надѣяться на что-либо хорошее, счастливое; въ этотъ день какъ будто не улыбнется и небо.

Но если пятница—несчастный день для всякаго житейскаго начинанія, какъ бы незначительно оно ни было, то по отношенію къ рожденіямъ—это день счастливый. Благословенна та женщина, которая родитъ въ пятницу, и счастливъ бываетъ человѣкъ, родившійся въ этотъ день. Въ Ровиго говорятъ, что онъ рождается безъ желчи, другими словами, что онъ будетъ человѣкъ добрый, привѣтливый, неспособный къ ненависти. „Chi nasse de venere, nasse senza fiel". То же въ сициліанскомъ повѣрьи: онъ будетъ сильный, мужественный, хитрый, даже пройдоха. Lu natu di vènnari, иначе vinnirinu, предназначенъ для исполненія самыхъ трудныхъ предпріятій и будетъ счастливъ на войнѣ. Его сила такова, что онъ безъ вреда для себя можетъ брать въ руки самыхъ ядовитыхъ змѣй и бороться съ лунатиками съ цѣлью — поранить ихъ на столько, чтобъ изъ ихъ тѣла выступила кровь: этимъ они избавляются отъ лунатизма [5]). Такой же

---

[1]) Il libro delle paure, p. 41; *Rossi*, 141.

[2]) *Rossi*, стр. 141—142.

[3]) *Bernoni*, стр. 226.

[4]) *Rossi*, ibid.

[5]) Лунатиками (lunatici), либо страдающими лунатизмомъ (mal di luna), зо-

сверхъестественной силой обладаетъ, наравнѣ съ венериномъ, человѣкъ, родившійся въ ночь на праздникъ св. Павла. Венерину нечего бояться: если онъ находится въ опасности, онъ выйдетъ изъ нея здравъ и невредимъ, либо собственною храбростью, либо присущею ему сверхъестественною силой. Случится ли ему поссориться съ кѣмъ-нибудь, онъ не постоитъ за словомъ и говоритъ открыто, какъ человѣкъ, увѣренный въ своемъ дѣлѣ; если слова не помогаютъ, онъ прибѣгаетъ къ насилію и всегда торжествуетъ. Болѣе того: у него есть способность прозрѣвать такія вещи, которыхъ не видитъ глазъ простого смертнаго, и предсказывать будущее. Отсюда другое названіе для венерина: ciaràulu, названіе, обыкновенно обозначающее человѣка, предвидящаго будущее, тайновѣда. Когда женщина изъ простого народа въ спорѣ съ своею кумой захочетъ задать ей тону, то не долго думая, говоритъ, что родилась въ пятницу, и такимъ образомъ ставитъ въ тупикъ свою соперницу: пусть и не думаетъ обзывать ее бранными словами; сосѣди знаютъ ихъ обѣихъ и знаютъ, кто изъ нихъ спорщица и сплетница, и кто честная женщина; черное очернить нельзя; ясное небо не боится грозы—и далѣе въ томъ же стилѣ. Если же кума думаетъ повредить ей, доброй и честной женщинѣ, колдовствомъ, то напрасно трудится: она родилась въ пятницу, а подобные счастливые люди ограждены отъ колдовства и дурного глаза, противъ нихъ безсильны вѣдьмы и знахарки и всѣ тѣ люди, что по народному повѣрью занимаются волшебствомъ, приготовляютъ фильтры, наузы и т. д. Недавно, проходя по улицѣ коллегіи di Maria al Borgo, здѣсь въ Палермо, я случайно наткнулся на такую сцену: двѣ женщины спорили между собою, громко говоря другъ съ другомъ о своихъ сыновьяхъ и дочеряхъ и о какомъ-то бракѣ, предположенномъ между ними и не состоявшемся. И вотъ одна изъ нихъ захотѣла окончательно поразить другую и сказала: „Напрасно хочешь ты повредить ему! Мой сынъ родился въ пятницу, и ты ничего ему не учинишь“ (ammàtula, ammàtula, mè figghiu è vinnirinu e'un cci aviti chi cci fari!). Есть еще такое повѣрье о венеринѣ, что духи не имѣютъ надъ нимъ власти, и что онъ не будетъ горбатымъ.

вутся люди, подверженные нервнымъ припадкамъ; народъ вѣритъ, что по ночамъ они пріобрѣтаютъ инстинкты волка (lupinàrii или lupi ma nàri), сохраняя притомъ человѣческій образъ: тогда-то именно и слѣдуетъ ихъ поранить до крови, и они перестаютъ выть. См. объ этомъ въ моей статьѣ: Деревья въ народныхъ сицилійскихъ повѣрьяхъ (Gli alberi nelle tradizioni popolari siciliane).

Такъ какъ я заговорилъ о колдовствѣ, то будетъ у мѣста замѣтить, что пятница считается днемъ особенно удобнымъ для вѣдьмъ. Въ одной венеціанской книжкѣ, озаглавленной: „Le Strighe", говорится, что середа и пятница хороши для вѣдьмъ, особенно послѣдняя (el mercore e'l venare i xe i giorni boni per le strighe, ma megio xe'l venare ai tre boti) [1]). Три столѣтія тому назадъ вѣдьмы и нечистые духи въ образѣ козла собирались по пятницамъ вокругъ знаменитаго орѣховаго дерева подъ Беневентомъ (noce di Benevento) и предавались пляскѣ. Объ этомъ повѣрьи говорится въ одномъ интересномъ и рѣдкомъ историческомъ описаніи этого дерева: „Они собираются въ указанномъ мѣстѣ, по извѣстнымъ, опредѣленнымъ днямъ, между прочимъ въ пятницу, какъ будто затѣмъ, чтобы въ этотъ день, ознаменованный страданіемъ Господа нашего Іисуса Христа, ихъ грѣховныя дѣла казались еще болѣе ужасными" [2]).

Въ нѣкоторыхъ коммунахъ Лигуріи вѣрятъ, что у родильницы, которая пойдетъ за благословеніемъ въ церковь въ пятницу, никогда не будетъ болѣть поясница (mal di reni): свѣдѣніе, не безъинтересное для повитухъ [3]). Извѣстныя молитвы, сказанныя въ пятницу, освобождаютъ души отъ чистилищныхъ мукъ. Такова слѣдующая венеціанская молитва, которую необходимо трижды и безъ ошибки произнесть къ ряду, чтобъ избавить три души отъ чистилищнаго огня [4]):

Ancuò xè Venare,

El dì che xè morto'l nostro Signor.
«Tute le fogie de alboro se comovono,
Tute quele che nel mondo si ritrovano,
Tanto la granda, quanto la picola».
Cussì disse el nostro Signor streto ligato,

---

[1]) *Bernoni*, Le strighe, Leggende pop. venez. p. 4. Venezia, tip. Antonelli, 1874.

[2]) «Hanno di più per congregarsi in detto luogo alcune giornate destinate, come fra l'altre quella del Venerdì, forsi (sic) perchè le celeragini che si commettono siino maggiori per esser quel giorno memorabile della passione di nostro Signor Giesù Christo». Della superstitiosa noce di Benevento. Trattato historico del Sig. *Pietro Piperno* ecc., pag. 34. In Napoli, per *Giacomo Goffaro* 1640.

[3]) *Rossi*, стр. 147.

[4]) *Bernoni*, Preghiere popolari veneziane (Venezia, Antonelli, 1873) p. 16.—Сегодня пятница, день, когда пострадалъ нашъ Господь. «Всѣ листья дерева потрясаются, всѣ, что ни есть на свѣтѣ, большіе и малые». Такъ проговорилъ нашъ Господь, будучи крѣпко привязанъ (ко кресту), окровавленный пятью святыми ранами. Говоритъ Святая Дѣва Марія: «Милый Сынъ, велико твое страданіе».—«Милая мать, вѣрно твое слово».

E co le santissime sue çinque piaghe imangtinato.
Dise la Beatissima Vergine Maria:
— Oh, caro Figliuolo, vostra pena è molto granda!
— Oh, cara Madre, la vostra parola è pur vera.

Сравните съ этимъ отрывокъ слѣдующей молитвы на пятницу (Orazion del Venare):

Quei cani Giudei ve l'à ligato
Sul monte Calvario i l'à menato,
La corona d'oro i ga livato,
E quela de spini i ga presentato.
Chi tre volte al Venare le dirà,
Le pene de l'Inferno no tocarà;
E chi tre volte al Venare la farà dire,
De mala morte non potrà morire[1]).

Нѣкоторыя пятницы въ году пользуются въ народѣ особымъ уваженіемъ: такова, напримѣръ, страстная пятница. Не удивительно поэтому, что набожные люди подвергаютъ себя въ этотъ день особымъ лишеніямъ и усиленному воздержанію (trapasso), выражающемуся, напримѣръ, тѣмъ, что въ теченіе цѣлыхъ сутокъ они питаются лишь небольшимъ количествомъ хлѣба и воды; замѣтимъ, что такое воздержаніе вовсе не внушается духовенствомъ, а возлагается на себя произвольно, отъ избытка благочестія. Иные ограничиваютъ въ этотъ день свою пищу ломтемъ хлѣба съ соленою сардиной (acciuga), или чѣмъ-нибудь подобнымъ; пьяницы воздерживаются отъ вина, женщины легкаго поведенія прекращаютъ свой промыселъ. Во всѣхъ коммунахъ къ югу отъ Палермо, напримѣръ, въ Piana de Greci, S. Giuseppe Jato, Parco и др. вѣрятъ, что въ пятницу ни одинъ разбойникъ не осмѣлится грабить или убивать, изъ набожнаго ли страха, или изъ боязни, что преступленіе будетъ открыто. Потому путешествовать въ этотъ день безопасно: можно идти хоть на край свѣта, никто не тронетъ вашего волоса Что бы италіанскимъ министрамъ заразиться этимъ пятничнымъ суевѣріемъ, и принеся покаяніе, не налагать въ этотъ день новыхъ податей! Въ этотъ день, по сицилійскому повѣрью, постятся даже птицы, доказательствомъ чему поговорка, которую матери твердятъ своимъ дѣтямъ-лакомкамъ: La vennari e santu dijúnanu macàri l'uceddi. Тра-

[1]) «Псы Іудеи связали его и повели на Голгоѳу, сняли съ него золотой вѣнецъ и поднесли терновый. Кто эту молитву трижды въ пятницу скажетъ, не причастенъ будетъ адскихъ мукъ; а кто велитъ трижды сказать ее въ пятницу, не умретъ злою смертію».

панскія женщины въ Палермо сохраняютъ въ теченіи цѣлаго года яйца, снесенныя ихъ курами въ страстную пятницу. И теперь еще существуетъ въ Палермо аристократическое „Братство Бѣлыхъ“ (Compagnia dei Bianchi), основанное въ 1541 году, главное назначеніе котораго: напутствовать и утѣшать до послѣдней минуты осужденныхъ на смерть. Въ числѣ многихъ важныхъ льготъ и преимуществъ, предоставленныхъ братству королевскими постановленіями, было, между прочимъ, и право миловать одного преступника въ годъ, и притомъ исключительно въ страстную пятницу. Эта привиллегія часто отнималась и предоставлялась снова, и снова отнималась, между прочимъ, по поводу одного знаменитаго бандита, котораго братство освободило, а онъ, лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя, попался въ другихъ еще болѣе тяжкихъ преступленіяхъ [1]). Говоря объ обществѣ Бѣлыхъ, нельзя не упомянуть, что до 1684 года нѣкоторые изъ его членовъ, избранные начальникомъ, ходили каждую пятницу по городу, собирая милостыню на панихиду по душахъ казненныхъ преступниковъ. На собранныя такимъ образомъ деньги служилась заупокойная обѣдня (messa cantata di Requiem), соединенная съ торжественнымъ поминовеніемъ усопшихъ членовъ братства [2]).

У меня не было ни времени, ни возможности внимательнó пересмотрѣть мое собраніе не изданныхъ сицилійскихъ пословицъ, состоящее нынѣ изъ 17-ти тысячъ карточекъ; но уже изъ бѣглаго обзора я могъ заключить, что пятничный день вообще и нѣкоторыя пятницы въ особенности играютъ въ пословицахъ не послѣднюю роль Одна изъ нихъ говоритъ:

> Vènnari Zuppiddu,
> Cui nun si càmmara, sàcusu è d'iddu!

то есть, кто не скоромничаетъ въ *хромую* [3]) пятницу, то есть, въ

---

[1]) См. Biblioteca storica e letteraria della Sicilia di *G. Di Marzo*: Diari della città di Palermo vol. I, p. 92 (Palermo, Pedone-Zauriel, 1870).

[2]) *Pietro Corseri* (псевдонимъ P. G. Costa'ы), Le vittorie delle fenici penanti. Palermo 1684.

[3]) Zuppiddu, ит. zoppetto, cammaràrisi гл. страд. залога возвратной формы = ѣсть молоко или мясо, вообще скоромничать по днямъ, въ которые церковь полагаетъ поститься; sàcusu, родъ восклицанія: горе! увы! и т. п. (maledizione! guai! и т. п.).

пятницу, предшествующую масляной, тому это во вредъ, или ему же хуже. Сравните другую пословицу:

Lu Vènnari Zuppiddu,
Cui nun ha dinari, mali è pr'iddu,

„Хромая пятница: у кого нѣтъ денегъ, тому приходится худо". Отсюда легко заключить, что хромая пятница представляетъ какъ бы противоположность со страстною. Въ одной изъ неизданныхъ рукописей Villabianca, находящихся въ городской библіотекѣ Палермо, я нашелъ слѣдующую замѣтку:

Lu Vènnari di natura
Comu agghiorna accussì scura,

то есть, пятница „di natura" какъ начнется, такъ и кончится. Я не знаю, и никто не могъ мнѣ объяснить, что̀ означаетъ это изреченіе, и къ какой именно пятницѣ оно относится [1]).

Мартовскія пятницы чествуются преимущественно передъ пятницами другихъ мѣсяцевъ и окружены суевѣрнымъ почетомъ. Я только напомню, что въ Марсалѣ (въ Сициліи) въ эти пятницы ходятъ ловить эхиднъ, чтобы дѣлать изъ нихъ такъ называемый Lazzu di la schinancia. Изготовляется онъ такимъ образомъ: поймавъ эхидну, сжимаютъ ее подъ головою веревкой и тянутъ, пока голова не отвалится отъ туловища. Тогда обшиваютъ чѣмъ-нибудь веревку, служившую для этой операціи, обвязываютъ ее вокругъ шеи больного, страдающаго горломъ, а къ ней привязываютъ въ холщечномъ мѣшечкѣ голову эхидны, которая и служитъ амулетомъ.

Къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ выше о суевѣрномъ культѣ пятницы, я присоединю другія народныя легенды и повѣрья, привязавшіяся къ этому дню и болѣе или менѣе распространенныя по всей Италіи. Извѣстно италіанское преданіе о Малхѣ, будто бы ударившемъ Іисуса Христа, за что̀ онъ на вѣки осужденъ гдѣ-то подъ землею вращаться вокругъ столба. Легенда эта принадлежитъ къ числу тѣхъ многихъ, которыя заимствовали свой сюжетъ изъ евангельскихъ

---

[1]) (Мнѣ кажется, что разумѣется не какая-нибудь отдѣльная пятница—vènnari *di natura*—а пятница вообще, и что замѣтка принадлежитъ къ числу тѣхъ народныхъ метеорологическихъ, которыя привязались какъ къ другимъ днямъ и праздникамъ, такъ и къ пятницѣ. Можетъ быть, слѣдуетъ такъ понять и перевести примѣту: пятница, по своей природѣ, какъ начнется, такъ и кончится, то есть, погода? А. В.).

разказовъ и до сихъ поръ вращаются въ европейскомъ простонародьи. Сицилійская сказка [1]) называетъ этого Малха — Маркомъ отчаявающимся, „Marcu dispiratu", и повѣствуетъ о немъ слѣдующее: онъ былъ изъ тѣхъ Евреевъ, которые бичевали Господа; такой гадкій, гадкій, что и сказать трудно [2]). Когда Іисуса Христа повели въ домъ Пилата, этотъ Маркъ далъ ему желѣзною рукавицей такую пощечину, что выбилъ всѣ зубы. За это кощунство Господь осудилъ его вращаться подъ землею вокругъ колонны, не останавливаясь ни на мгновеніе. Эта колонна стоитъ посреди круглаго покоя, вокругъ нея ходитъ и ходитъ Маркъ, не зная ни покоя, ни отдыха. Говорятъ, что отъ этого хожденія земля притопталась и опустилась, а колонна кажется болѣе высокою, чѣмъ была; потому что Маркъ ходитъ тутъ съ той самой поры, какъ пострадалъ на крестѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Говорятъ, что этотъ Маркъ не знаетъ покоя отъ угрызеній совѣсти, и отчаявается, бьется о колонну руками и головой, и топчетъ ногами и жалуется — и все же не можетъ умереть, потому что Господь рѣшилъ дожить ему до суднаго дня. Въ объясненіе легенды прибавимъ теперь слѣдующее народное повѣрье: каждую пятницу, въ 21-мъ часу [3]), когда раздается звукъ колокола, напоминающій о смерти Спасителя, отчаяніе Марка усиливается, крѣпче прежняго онъ ударяетъ своею желѣзною рукавицей о колонну, и вздыхаетъ, и выходитъ изъ себя, и такъ тоскуетъ, что и представить себѣ трудно.

Въ Палермо народные пѣвцы (cantastorie) поютъ по пятницамъ вечеромъ легенды о крестной смерти Спасителя, что доставляетъ имъ скудный заработокъ. Самая извѣстная изъ этихъ легендъ—это „Часы страданія", lu Roggiu de la passione (roggiu-orologio), названная такъ потому, что содержаніе ея составляетъ разказъ о послѣднемъ днѣ земной жизни Спасителя, разказъ, слѣдящій за событіями съ часу на часъ. Вотъ октава изъ этой прекрасной пѣсни: въ ней сообщаются событія послѣднихъ трехъ часовъ:

Li *diciannovi* ch'era misu 'n cruci
Vidennu la sò matri 'n tanti affanni
Ch'era misa a li pedi di la cruci:

[1]) *Pitrè*, Fi be, novelle etc. v. III № CXX, стр. 46; ib. примѣч. на стр. 47.

[2]) См. сицилійскую поговорку: у него лицо, что у еврея Марка (Havi 'na facci di lu judeu Marcu).

[3]) По италіанскому счету, то есть, въ 3-мъ часу пополудни.

«Donna, pri figghiu ti lassu a Giuvanni»...
E a li *vinti* prijau lu Patri duci
Ca pirdunassi a tutti li tiranni;
Acqua a li *vintun'* ura addimannau:
Happi feli ed acitu e trapassau [1]).

Другая народная легенда, связанная съ событіями крестнаго дня, то есть, съ пятницей, начинается такъ:

Quannu la santa Matri caminava
Lu duci Figghiu sò circannu jia:
Lu sangu santu la via cci 'mparava
Ca pri li strati spargiutu l'avia.
Un pocu arrassu la trumma sunava,
Maria allatu la trubba si nni jia:
Ha'ncuntratu 'na donna pri la strata,
Idd'era la Vironica chiamata [2]).

Легенда эта сходна въ нѣкоторыхъ подробностяхъ съ другими италіанскими, поющимися внѣ Сициліи: такова, между прочимъ, монферратская пѣснь, изданная недавно въ собраніи Ferraro [3]).

Этимъ не ограничиваются преданія и пѣсни, привязавшіяся къ пятницѣ, либо относящіяся къ ней: многія другія поются и сказываются въ Сициліи, какъ можно видѣть изъ собраній народныхъ пѣсенъ, изданныхъ Vigo [4]) и мною [5]).

Пятница посвящена не только памяти страданій Спасителя, но и св. Венерѣ, св. Франциску di Paola, поминовенію душъ казненныхъ преступниковъ и т. д. Чтобъ убѣдиться, какимъ народнымъ культомъ

---

[1]) «Въ *девятнадцатомъ* часу его пригвоздили ко кресту. Видя свою горюющую мать у подножія креста (Онъ сказалъ ей): Я оставляю тебѣ на мѣсто сына—Іоанна... На *двадцатомъ* часу онъ помолился сладчайшему Отцу, да проститъ онъ всѣмъ тиранамъ; на *двадцать первомъ* попросилъ воды, ему дали оцта и желчи, и онъ испустилъ духъ свой». Сл. *Pitrè*, Canti popolari siciliani, v. II, n. 961.

[2]) «Ходила Пресвятая Мать, искала своего милѣйшаго Сына, дорогу ей указывала Божественная кровь, пролитая по пути. Вдалекѣ звучала труба, и Марія пошла на ея звукъ. Повстрѣчала по дорогѣ одну женщину: звали ее Вероникою» и т. д. Ib. Canti, II, n. 963.

[3]) Canti popolari monferrini № 109; сличи. ib. № 110 (Torino, Loescher, 1870).

[4]) *L. Vigo*, Raccolta amplissima di canti popolari siciliani, p. 522 (Catania 1870—1875).

[5]) Vol. I, № 452 и vol. II, въ отдѣлѣ: Leggende e storie.

окружена св. Венера, стоитъ только оставить Палермо и отправиться въ Acireale, на Этну, гдѣ эта святая пользуется особымъ уваженіемъ. Я не останавливаюсь на разказѣ о жизни, смерти и чудесахъ этой святой, житіемъ которой вы болѣе меня занимались. Скажу только, что въ Сициліи она нашла горячихъ поклонниковъ и восторженнаго біографа [1]), что имя ея было перенесено на одну гору, которая и до сихъ поръ такъ называется. Въ пятницу же совершаются путешествія къ св. Франциску di Paola и произносятъ въ честь его извѣстныя молитвы: и это не въ одной Сициліи, но и по всей Калабріи, гдѣ находились монастыри св. Франциска di Paola, паолоттовъ (paolotti), которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ паолоттами св. Винченцо de'Paoli. Начало этихъ религіозныхъ обычаевъ объясняется, будто бы, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ пятницу родилась св. Венера и скончался св. Францискъ. Въ моей статьѣ „о душахъ казненныхъ преступниковъ" (Le anime de'corpi decollati nelle tradizioni popolari siciliane) я говорилъ о странствованіяхъ, предпринимаемыхъ въ пятницу набожными жителями Палермо къ церкви, находящейся на берегу рѣки Oreto; къ сказанному тамъ я не могу прибавить ничего новаго. Въ этотъ день тамъ бываетъ большой праздникъ, и многія женщины, помолившись за упокой душъ казненныхъ, которыя онѣ наивно считаютъ чудодѣйствующими, отправляются къ ихъ кладбищу и прислушиваются съ цѣлью узнать, исполнится-ли то, чего онѣ желаютъ и о чемъ молились душамъ казненныхъ.

Я не хочу распространяться здѣсь о *всѣхъ* повѣрьяхъ и примѣтахъ, которыя отмѣтили этотъ священный и таинственный день въ представленіи сицилійскаго населенія и вообще всего италіанскаго народа; иныя мнѣ не извѣстны, о другихъ я умалчиваю, считая ихъ не особенно важными по сравненію съ тѣми, которыя сообщены были выше. Сказаннаго достаточно, чтобы дать понятіе о культѣ пятницы, какъ онъ развился въ средѣ италіанскаго простонародья. Сказавъ о простонародьи, я, можетъ быть, сказалъ слишкомъ мало, потому что тѣ же суевѣрія живутъ среди людей, сознательно сторонящихся отъ Гораціевой plebvcula и кичащихся тѣмъ, что хлебаютъ супъ не деревянною ложкой. Отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ бываютъ несвободны и великіе люди: отъ суевѣрія пятницы не могъ осво-

---

[1]) *Gravina* и *Croyllas*, Vita di S-a Venera.

бодиться ни Вольтеръ, ни Руссо, ни Наполеонъ I, который не рѣшался въ этотъ день дать битву, либо объявить войну.

Обобщая факты народнаго суевѣрія, выработавшіеся въ культъ пятницы, я нахожу ихъ источникъ въ христіанской религіи и особенно въ разказѣ о крестной смерти Спасителя. Извѣстно, что языческая теогонія, измѣнившись подъ вліяніемъ христіанства, породила цѣлый рядъ повѣрій, обычаевъ и народныхъ преданій. Церковь не могла, да и не должна была разшатать до основанія старое зданіе и ограничилась тѣмъ, что внушила новообращеннымъ, что̀ было возможно и имъ понятно. Въ результатѣ получилось, что старыя вѣрованія либо остались совсѣмъ не тронутыми, либо отчасти измѣнились, иныя въ цѣломъ, но такъ, что на всѣхъ легъ какой-то общій переходный типъ, колеблющійся между старымъ и новымъ, при чемъ перевѣсъ остался на сторонѣ перваго. Теперь, если вспомнить, что христіанская пятница замѣнила праздникъ языческой Венеры, будетъ понятно глубокое, характерное отличіе обычаевъ и повѣрій, освятившихъ этотъ день съ одной стороны въ старомъ римскомъ мірѣ, съ другой— въ новомъ, христіанскомъ. День, посвященный богинѣ красоты и любви, день преимущественно мірскихъ воспоминаній, долженъ былъ претить послѣдователямъ новой религіи, у которыхъ было постоянно на памяти, что въ этотъ же день пострадалъ Богочеловѣкъ, за котораго каждый изъ нихъ готовъ былъ пролить послѣднюю каплю крови. Отсюда новое пониманіе этого дня: его считаютъ святымъ, избѣгая всего, что̀ могло бы нарушить эту святость. Слѣдствіемъ этой реакціи были извѣстныя намъ пятничныя суевѣрія: воспрещеніе браковъ, пренебреженіе тѣла и нарядовъ, запретъ въ этотъ день отправляться въ путь или начинать какое-либо особенно важное дѣло, и съ другой стороны — стремленіе и наклонность ко всякому благочестивому дѣлу и набожному подвигу, въ связи съ памятью о божественныхъ страданіяхъ. Если нѣмецкій Freitag, когда-то посвященный богинѣ Фреѣ и отвѣчающій dies Veneris романскихъ народовъ, считается кое-гдѣ наиболѣе удобнымъ для браковъ и для сожительства, какъ говоритъ Кунъ и Шварцъ и Симрокъ [1]), то въ этомъ слѣдуетъ ви-

[1]) *Kuhn* und *Schwarz*, Norddeutsche Sagen, Märchen und Gebräuche. Leipzig. 184.—*Simbrock*, Handbuch der deutschen Mythologie. (Замѣчу мимоходомъ, что повѣрье о пятницѣ, какъ днѣ счастливомъ для браковъ, далеко не общепринятое А. В.).

дѣть слѣды языческаго вѣрованія, не поддавшагося вліянію христіанства.

Я ограничусь этими немногими обобщеніями, не входившими въ мой планъ, и буду доволенъ, если сообщенныя мною новыя данныя послужатъ на пользу этой, еще мало разработанной, части народной психологіи. „Развитіе народнаго суевѣрія въ Италіи еще ждетъ своего историка", писали вы въ предисловіи къ вашему Paradiso degli Alberti. На этомъ словѣ, которое намъ, Италіанцамъ, должно служить предостереженіемъ, я окончу мою замѣтку.

СНОШЕНІЯ РОССІИ СЪ ИНОСТРАННЫМИ ДЕРЖАВАМИ ПРЕДЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЮ ВОЙНОЮ 1812 ГОДА [1].

V. Сношенія съ Пруссіей.

Въ то время, какъ на восточныхъ окраинахъ Европы, на сѣверѣ въ Швеціи и на югѣ въ Турціи, выражались стремленія къ самостоятельной политической дѣятельности, вся западная Европа томилась подъ игомъ деспотической власти императора Французовъ. Иго одинаково было всюду, но его разно чувствовали и иначе переносили въ разныхъ мѣстностяхъ. Ближайшія къ Россіи, сосѣднія и бывшія нѣкогда великими державами, Пруссія и Австрія, утративъ самостоятельное политическое значеніе, сохранили однако память о немъ, возбуждавшую желаніе возвратить то, что было утрачено. При видѣ Россіи, принявшей въ это время рѣшительное положеніе самостоятельной и свободно дѣйствующей державы, въ нихъ еще болѣе усиливалось это желаніе. Но въ то же время чувство своей слабости и безсознательный страхъ передъ роковою силою Наполеона удерживали всякій порывъ ихъ къ разумно-свободной дѣятельности. Но въ отношеніи къ Пруссіи, находившейся подъ зоркимъ и подозрительнымъ надзоромъ императора Французовъ, ослабленной, разоренной и угрожаемой близкимъ присутствіемъ его военныхъ силъ, такая дѣятельность была и невозможна. Не многія лица изъ высшихъ слоевъ общества, побуждаемыя ненавистью къ нему и желавшія освободить Германію отъ иностраннаго ига, требовали союза съ Россіей; имъ сочувствовалъ народъ, но онъ не имѣлъ свободы дѣй-

[1] *Продолженіе.* См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за декабрь 1875 года.

ствія; большая же часть высшихъ сословій и правительственныя лица Пруссіи подчинились вліянію Франціи и видѣли въ союзѣ съ Наполеономъ единственной способъ продлить, а можетъ быть, и обезпечить въ будущемъ существованіе Пруссіи. Обѣ партіи естественно въ равной мѣрѣ опирались въ своихъ дѣйствіяхъ на короля и обѣ одинаково жаловались на его нерѣшительность. Но если по ограниченнымъ по природѣ способностямъ Фридриха-Вильгельма и нельзя было требовать отъ него силы воли сообразной съ чрезвычайными обстоятельствами, то и самое положеніе, въ которомъ находилась Пруссія въ его время, оправдывало его нерѣшительность, усиленную грустнымъ настроеніемъ духа, въ которомъ онъ находился постоянно послѣ смерти своей супруги, сильно поддерживавшей партію враждебную Франціи [1]). Лишенный ея совѣтовъ и поддержки, король естественно долженъ былъ подчиниться наибольшему вліянію противной партіи, взгляды которой оправдывались, по видимому, положеніемъ дѣлъ.

Еслибы Россія рѣшилась дѣйствовать наступательно, перенести театръ военныхъ дѣйствій на Вислу, занять герцогство Варшавское и Восточную Пруссію, то безъ сомнѣнія, Пруссія могла бы соединиться съ нею и даже была бы вынуждена къ тому силою обстоятельствъ, которыя на всякій случай давали ей возможность оправдать свой образъ дѣйствій передъ ея грознымъ побѣдителемъ. Но Россія не хотѣла начинать войны съ Франціей. Постоянно заявляя Европѣ, что союзъ ея съ Наполеономъ составляетъ полное ручательство въ соблюденіи всеобщаго мира, императоръ Александръ употреблялъ всѣ, согласные съ достоинствомъ имперіи, способы отклонить нареканіе на его политику въ возбужденіи новой войны. Но именно такой образъ дѣйствій Россіи и ставилъ въ крайне затруднительное положеніе Пруссію. Она была окружена войсками Наполеона и его союзниковъ, крѣпости ея по Одеру и Данцигъ были въ его рукахъ и онъ безъ согласія прусскаго правительства увеличивалъ въ нихъ гарнизоны, налагая на Пруссію новую тяготу содержать ихъ на свой счетъ, требовалъ проложенія новыхъ военныхъ дорогъ въ ея областяхъ,— настаивалъ на своевременной уплатѣ контрибуціи, распоряжался своими чиновниками въ ея таможняхъ, забиралъ и жегъ англійскіе

[1]) Королева Луиза скончалась 19-го іюля новаго стиля 1810 г. въ Шарлотенбургѣ.

товары въ ущербъ ея подданныхъ. Средоточіе внутренняго управленія Пруссіи находилось, собственно говоря, въ французскомъ посольствѣ; графъ Сенъ-Марсанъ былъ настоящимъ намѣстникомъ Пруссіи, а королевская власть должна была дѣйствовать тайно, стараясь скрывать отъ него свои распоряженія. Единственное утѣшеніе для прусскаго правительства состояло въ томъ, что графъ Сенъ-Марсанъ принадлежалъ къ числу немногихъ оставшихся въ правительствѣ Наполеона дипломатовъ, какъ Талейранъ, графъ Нарбоннъ и др., не утратившихъ старыхъ преданій и облекавшихъ грубое самовластіе своего повелителя въ мягкія и учтивыя формы дипломатическихъ приличій. Не смотря на то, положеніе короля было таково, что онъ опасался принимать русскаго посланника, и это обстоятельство было принято во вниманіе нашимъ кабинетомъ. Графу Ливену даже собственноручныя письма императора къ королю поручалось передавать черезъ третьихъ лицъ, еслибы требованіе съ его стороны личнаго свиданія съ королемъ могло возбудить подозрѣніе французскаго посланника. Императоръ Французовъ ежечастно могъ наводнить Пруссію своими войсками и даже захватить королевское семейство, прежде нежели русскія войска могли прійдти на помощь. Въ этой помощи, вѣроятно, и не сомнѣвался король; но окружавшія его лица, расположенныя къ Франціи, естественно могли его убѣдить, что эта помощь не можетъ быть своевременна при оборонительномъ положеніи, которое приняла Россія, лишивъ себя тѣмъ самымъ возможности сблизить съ Пруссіей свои войска и переступить свои границы. Надѣясь на отдаленную помощь, нельзя подвергать себя ежечасно угрожавшему бѣдствію.

Эти люди совершенно увлекли короля въ свои виды, но ихъ тщательно скрывали отъ нашего посланника. Король, выражая иногда свое расположеніе къ Россіи и императору Александру, просилъ сейчасъ же нашего посланника не сообщать о его разговорѣ съ нимъ ни графу Гольцу, ни барону Гарденбергу. Графъ Румянцевъ недоумѣвалъ насчетъ дѣйствительныхъ взглядовъ прусскаго кабинета и поручалъ графу Ливену разузнать и сообщить о взглядахъ прусскихъ государственныхъ людей, канцлера и министра иностранныхъ дѣлъ. Баронъ Гарденбергъ, послѣ откровенныхъ разговоровъ съ нашимъ посланникомъ, просилъ его не сообщать ихъ графу Румянцеву. Дружба Россіи и Пруссіи принимала въ это чрезвычайное время особенное направленіе, исполненное взаимнаго недовѣрія. Но это недовѣріе со стороны Пруссіи основывалось только на томъ, что Россія не можетъ

подать ей своевременной помощи, что она недостаточно сильна, чтобы противостоять Наполеону, и сама лишаетъ себя способовъ, упорно продолжая войну съ Турками, наконецъ, что Русское правительство можетъ ошибиться въ выборѣ главнокомандующаго войсками. Недовѣріе Россіи имѣло болѣе основанія. Она подозрѣвала, что страхъ вынудитъ Пруссію, не смотря на увѣренія въ своей дружбѣ и на желаніе союза съ Россіей, совершенно предаться въ руки Наполеона. Послѣдствія и оправдали вѣрность этого предположенія.

Въ началѣ 1811 года вся Европа была уже увѣрена, что война между Россіей и Франціей неизбѣжна, и что Наполеонъ начнетъ ее съ открытіемъ весны, къ чему дѣйствительно клонились всѣ его распоряженія. Плохой оборотъ его дѣлъ въ Испаніи отсрочилъ потомъ на годъ начало этой войны; но въ это время никому и на мысль не приходило, чтобы неуспѣхъ могъ сопровождать военныя дѣйствія Наполеона. Немногіе полагали, что его распоряженія не имѣютъ цѣлію собственно войну съ Россіею, но предпринимаются въ видѣ угрозы, какъ военная демонстрація. Такъ думалъ канцлеръ графъ Румянцевъ и бывшій военный министръ Пруссіи, человѣкъ наиболѣе преданный мысли о необходимости союза съ Россіей для дѣйствій противъ Наполеона, генералъ Шарнгорстъ. „Наполеонъ ведетъ войну въ Испаніи", говорилъ онъ нашему посланнику,—„и она занимаетъ бо́льшую часть его войскъ. Число его войскъ, находящихся въ Германіи, слишкомъ недостаточно, чтобъ ожидать войны съ этой стороны. Поэтому на подкрѣпленія, которыя онъ сюда отправляетъ, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на демонстрацію противъ Россіи вслѣдствіе какихъ-либо несогласій съ нею въ переговорахъ или какъ на мѣру предосторожности, вызванную какими-нибудь дѣйствіями съ ея стороны". Но Россія не можетъ, по его мнѣнію, придавать важнаго значенія этой демонстраціи, пока Пруссія еще свободна отъ всякихъ обязательствъ и можетъ соединить съ нею свои силы. На это-то обстоятельство онъ совѣтовалъ обратить особенное вниманіе, потому что императоръ Наполеонъ пріиметъ съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы воспользоваться силами Пруссіи въ свою пользу. „Вы знаете чувства короля", говорилъ онъ графу Ливену;—„но знаете также, что весьма многіе иначе расположены къ Россіи. Число ихъ значительно увеличилось послѣ послѣднихъ произшествій, отчаяніе почти овладѣло всѣми съ того времени, какъ опасность приблизилась, и нѣтъ ничего въ виду, что могло бы защитить отъ нея. Россія не можетъ быть равнодушна къ тому—будетъ

или нѣтъ существовать Пруссія, которая можетъ оказать ей пособіе даже военными силами. О нихъ, можетъ быть, имѣютъ у васъ неправильное понятіе, и я полагаю даже, что есть люди, которые стараются выказать ихъ незначительными. Надобно приблизить ваши войска къ границамъ и особенно заключить миръ съ Турками. Пріобрѣтеніе двухъ областей за Днѣстромъ можетъ ли идти въ настоящее время въ сравненіе съ защитою Пруссіи?" [1]). Всеобщее отчаяніе, о которомъ говорилъ Шарнгорстъ, охватило и короля; онъ опасался за судьбу своей страны, которая снова должна была сдѣлаться поприщемъ военныхъ дѣйствій и испытать всѣ бѣдствія войны, и выражалъ свои опасенія графу Ливену. На сообщеніе объ этомъ состояніи духа короля, графъ Румянцевъ отвѣчалъ нашему посланнику, что Русскій императоръ понимаетъ всю важность опасеній короля за свои владѣнія, когда общественное мнѣніе, которое и онъ раздѣляетъ, увѣрено, что императоръ Наполеонъ замышляетъ войну противъ Россіи; но государь еще далеко въ этомъ не увѣренъ. Но еслибы даже и началась эта война, то онъ увѣренъ, что Прусскій король не будетъ дѣйствовать противъ него. Убѣжденіе его въ этомъ случаѣ непоколебимо; оно основано какъ на той горячей дружбѣ, которую ему во всѣхъ случаяхъ выражалъ этотъ государь, такъ и на томъ, что въ этомъ заключаются выгоды самой Пруссіи. Возможно ли, чтобы Пруссія забыла свои собственныя выгоды до такой степени, чтобы повѣрила, что Франція можетъ доставить ей какую либо пользу или увеличить ея владѣнія, Франція — самый злѣйшій и единственный ея врагъ въ настоящее время и еще надолго? Какую пользу можетъ извлечь Пруссія, содѣйствуя своими военными силами ослабленію Россіи, тогда какъ это, можетъ быть, единственная держава, которая составляетъ противовѣсъ Франціи, и которая одна можетъ умѣрить ея властолюбіе. Это властолюбіе уже по собственному ея признанію не хочетъ признавать никакихъ границъ, если справедливо, что она собирается объявить, что Италія, Швейцарія и часть Испаніи присоединяются къ Французской имперіи. Его величество съ охотою готовъ выразить свое убѣжденіе, что для блага Русской имперіи, онъ считаетъ не только необходимымъ сохраненіе Пруссіи и Австріи, но и усиленіе ихъ [2]).

Но если графъ Румянцевъ и полагалъ, что для императора Напо-

[1]) Депеша графа Ливена 26-го января (7-го февраля) 1811 г. изъ Берлина.

[2]) Отношеніе графа Румянцева къ графу Ливену 7-го февраля 1811 г.

леона нѣтъ никакой выгоды начинать войну съ Россіей и былъ правъ какъ теоретикъ, то императоръ Александръ лучше понималъ характеръ своего противника, способнаго увлекаться страстями, не умѣряемыми никакими нравственными началами, и потому считалъ войну съ нимъ неизбѣжною, хотя, конечно, не могъ предвидѣть — начнется ли она именно весною 1811 г. или позднѣе. Поэтому онъ не ограничился простымъ заявленіемъ, что собственныя выгоды Пруссіи требуютъ того, чтобъ она не дѣйствовала противъ Россіи, но въ то же самое время далъ собственноручное наставленіе нашему посланнику при Берлинскомъ дворѣ о томъ, какъ онъ долженъ поступать въ этомъ случаѣ. Поручая ему лично или черезъ третьихъ лицъ, со всею осторожностію, доставить собственноручное свое письмо королю, онъ писалъ: „Въ случаѣ войны съ Франціей, содѣйствіе Пруссіи было бы для насъ чрезвычайно полезно. Но для того, чтобы достигнуть этой цѣли, вы должны дѣйствовать съ крайнею осторожностію. Мы не увѣрены, рѣшится ли король сообщить содержаніе письма императора своему министру (то-есть, графу Гольцу), или кому либо изъ лицъ своего правительства, напримѣръ: канцлеру (то-есть, барону Гарденбергу); поэтому вы поступите благоразумнѣе, если будете ожидать, чтобъ они начали переговоры съ вами объ этомъ важномъ предметѣ. Но по вашимъ донесеніямъ намъ извѣстенъ образъ мыслей генерала Шарнгорста въ отношеніи къ намъ и внушаетъ намъ полное довѣріе. Поэтому вы можете начать съ нимъ разговоръ объ этомъ важномъ предметѣ и какъ стараться понять его личный взглядъ, такъ и узнать его мысли на счетъ возможныхъ дѣйствій Прусскаго кабина. Въ томъ случаѣ, еслибы по приказанію короля, баронъ Гарденбергъ или Гольцъ начнутъ съ вами переговоры по этому предмету, то постарайтесь убѣдить ихъ прежде всего, до какой степени необходимо, чтобъ эти переговоры хранились въ глубокой тайнѣ. Затѣмъ объясните имъ, что мы рѣшились всѣми мѣрами избѣгать разрыва съ Франціей и ни въ какомъ случаѣ не будемъ зачинщиками войны. Постарайтесь, чтобъ они поняли, что эта война или доставитъ возможность Пруссіи вознаградить всѣ ея потери, если усилія союзныхъ войскъ увѣнчаются успѣхомъ, или продолжитъ на долгое время рабство всей Европы. Намъ необходимо, чтобы Пруссія честно и откровенно выразила свои виды и намѣренія, и вы употребите всѣ возможныя старанія, чтобы достигнуть этой цѣли“ [1]).

---

[1]) Projet d'instruction pour le c-te de Lieven; 7-t fevrier 1811.

Но этой цѣли чрезвычайно трудно было достигнуть при господствѣ французской партіи при дворѣ и въ правительствѣ, и при слабости характера короля. Берлинскій кабинетъ велъ двойную политику, и слѣдовательно, не могъ *честно* и *откровенно* выразить свои взгляды. Свои сношенія съ Франціей онъ тщательно скрывалъ отъ нашего посланника и даже отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ государственныхъ людей, какъ напримѣръ, отъ генерала Шарнгорста, который одинъ только и могъ сообщить о нихъ свѣдѣнія гр. Ливену. Страхъ приближавшейся войны, которая, какъ полагали тогда въ Берлинѣ, должна была начаться немедленно, послужилъ поводомъ къ тому, что французская партія одержала верхъ. Еще въ маѣ 1811 г., воспользовавшись нѣсколькими благосклонными словами, сказанными герцогомъ Бассано прусскому посланнику, король предписалъ генералу Крусемарку „предложить императору Наполеону заключить оборонительный и наступательный союзъ, въ силу котораго во всѣхъ войнахъ, какія бы ни предприняла Франція — въ Германіи или на границахъ Пруссіи, и которыя не будутъ чужды выгодъ этого государства, она предоставитъ въ распоряженіе императора Наполеона вспомогательный корпусъ войскъ, сообразный со своими средствами. О численности этого корпуса можно договориться особо. Съ своей стороны, императоръ Наполеонъ долженъ обезпечить цѣлость и неприкосновенность теперешнихъ прусскихъ владѣній и обязаться помогать Пруссіи во всѣхъ случаяхъ, когда обратится она съ просьбой о помощи. Его высокому содѣйствію предстоитъ ввести въ этотъ союзъ государства Рейнской конфедераціи и герцогство Варшавское. Прусскія вспомогательныя войска будутъ дѣйствовать въ видѣ отдѣльнаго корпуса, подъ начальствомъ прусскаго генерала, который будетъ находиться въ распоряженіи императора. Этотъ корпусъ будетъ по преимуществу употребляемъ для защиты Пруссіи и ея границъ, но сообразно съ общимъ планомъ военныхъ дѣйствій. Въ этомъ отношеніи онъ будетъ находиться подъ непосредственнымъ начальствомъ императора или главнокомандующаго всѣми его войсками. Передъ началомъ каждой войны будетъ постановленъ особый договоръ о движеніи войскъ сообразно съ требованіями обстоятельствъ; но до тѣхъ поръ французскія войска могутъ пользоваться въ прусскихъ владѣніяхъ только тѣми военными дорогами, которыя опредѣлены уже существующими соглашеніями. Но средства Пруссіи такъ истощены, что она не могла бы покрыть тѣхъ издержекъ, которыя наложили

бы на нее вновь принимаемыя ею на себя обстоятельства, еслибъ императору Наполеону не было угодно облегчить ей возможность исполнить эти обязательства. Но принимаемыя мною обязательства," говорилось далѣе въ предписаніи Прусскаго короля,—„тогда только сдѣлаются прочными, когда будутъ основаны на полномъ и взаимномъ довѣріи, на которое и считаю себя въ правѣ разчитывать, доказывая мою постоянную преданность его императорскому величеству тѣмъ, что до сихъ поръ неуклонно слѣдовалъ его политической системѣ, и еще болѣе тѣмъ, что предлагаю ему союзъ. Заключенный на предлагаемыхъ основаніяхъ союзъ устранитъ всѣ поводы къ недоразумѣніямъ, и въ такомъ случаѣ я позволю себѣ надѣяться:

„1) что его императорское величество обратитъ вниманіе на мое справедливое требованіе о возвращеніи крѣпости Глогау, которая, по смыслу заключенныхъ договоровъ, должна быть очищена по внесеніи первой половины контрибуціи, въ настоящее время уже уплаченной. Не по недостатку довѣрія я возобновляю это требованіе въ то время, когда болѣе тѣсныя узы готовы соединить существенно мои выгоды съ выгодами императора, а потому, что содержаніе французскихъ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ по Одеру сопряжено съ огромными для меня издержками. Этотъ налогъ до такой степени превышаетъ средства Пруссіи, до такой степени не совмѣстимъ съ издержками, которыя потребуются для вновь принимаемаго мною на себя обязательства, что если его императорское величество облегчитъ отъ этой тяготы мое государство, то покажетъ свое довѣріе и доброе расположеніе ко мнѣ;

„2) что въ томъ случаѣ, когда вспомогательный корпусъ должно будетъ привести въ военное положеніе, императоръ убавитъ въ соразмѣрности требованія уплаты контрибуціи и совершенно прекратитъ ихъ, лишь только начнется война; Пруссія не можетъ вынесть этихъ издержекъ единовременно съ уплатою тяжелой контрибуціи;

„3) наконецъ, что императоръ не будетъ настаивать на исполненіи постановленіи договора 8-го сентября 1808 г. о томъ, чтобы не увеличивать прусскаго войска, что̀ становится уже необходимымъ въ виду предстоящей защиты государства;

„4) что касается до пріобрѣтеній, территоріальныхъ или иныхъ, на которыя можетъ разчитывать Пруссія за свое содѣйствіе Франціи, то въ этомъ случаѣ я полагаюсь на правосудіе и дружбу моего августѣйшаго союзника. Въ одномъ только я желалъ бы, чтобы напередъ

состоялось соглашеніе: географическое положеніе Пруссіи таково, что большая часть ея владѣній можетъ сдѣлаться театромъ войны или во всякомъ случаѣ подвергнуться сопряженнымъ съ нею затрудненіямъ; поэтому я желалъ бы обезпечить на этотъ случай надежное мѣстопребываніе для моего семейства. Я льщу себя надеждою, что императоръ не только согласится самъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и употребитъ свое вліяніе, гдѣ будетъ нужно, чтобы съ этою цѣлію, нейтрализировать часть Силезіи, пограничную съ Австріей, гдѣ я и могъ бы найдти мѣстопребываніе съ своимъ семействомъ во все продолженіе войны" [1]).

Въ приведенномъ письмѣ Прусскаго короля къ своему посланнику при французскомъ дворѣ заключается уже полное содержаніе предлагаемаго Наполеону договора о союзѣ. Такимъ образомъ, въ то самое время, какъ король медлилъ отвѣтомъ Русскому императору, своему другу, на предложеніе о союзѣ, не отклоняя его, однакоже, онъ вполнѣ обдумалъ и предложилъ союзъ его противнику, императору Французовъ. Хотя Пруссія и была совершенно окружена войсками Наполеона, и хотя послѣдній имѣлъ возможность принудить ее дѣйствовать за одно съ нимъ, однакоже предложеніе короля было выгодно для Франціи потому, что добровольный союзъ во всякомъ случаѣ могъ быть надежнѣе вынужденнаго. Какъ же отнесся императоръ Французовъ къ этому предложенію?

Императоръ Наполеонъ ненавидѣлъ Пруссію, по собственному его признанію, и хотѣлъ, вопреки своимъ выгодамъ, совершенно ее уничтожить; но въ это время онъ принялъ за правило не отвергать дружелюбныхъ заявленій Пруссіи, не довѣряя имъ въ то же время. Рабски увлекаясь страстями своего повелителя, его министерство иностранныхъ дѣлъ дѣйствовало въ томъ же направленіи. Въ концѣ 1810 г. Шампаньи, по его приказанію, представилъ ему особый докладъ объ отношеніяхъ къ Пруссіи. „Современное состояніе Пруссіи", писалъ онъ,—„не смотря на ея чрезвычайную слабость, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Министръ, предпринявшій возстановить обломки этой почти не существующей монархіи, собственно говоря, не обладаетъ ни достаточною силою характера, ни обширнымъ умомъ, ни ревностною дѣятельностью, которыя могли бы замѣнить слабость

[1]) Письмо короля къ Круземарку 2/14-го мая 1811 г. Mémoires d'un homme d'Etat, III, стр. 314 и 315.

короля. Этотъ государь, по смерти супруги, погруженъ въ какое-то нравственное усыпленіе, изъ котораго тщетно его желаютъ исторгнуть. Подъ его именемъ правитъ Гарденбергъ, а Гарденбергомъ управляетъ партія, которой онъ полагаетъ быть главою, но въ сущности онъ только опасное орудіе въ ея рукахъ". По своимъ убѣжденіямъ и прежней дѣятельности, прусскій канцлеръ Гарденбергъ считался врагомъ Франціи и защитникомъ союза съ Россіей. Но не съ этой точки зрѣнія опасалось его вліянія французское министерство. Оно знало, что при тогдашнемъ положеніи Пруссіи канцлеръ ея, не смотря на личныя убѣжденія, при слабости короля и силѣ французской партіи, вынужденъ будетъ дѣйствовать въ видахъ императора Наполеона. Орудіемъ какой же опасной партіи оно его считало? „Эта партія", продолжаетъ герцогъ Кадорскій, — „господствуетъ уже на сѣверѣ Германіи, ея дѣятельность стѣсняется тамъ лишь присутствіемъ французскихъ войскъ. Она старается распространить свое вліяніе на Вѣну и даже на Баварію и управлять общественнымъ мнѣніемъ. Она овладѣла университетами, учеными обществами, мистическими союзами и всѣми мечтательными умами, которые перемѣшиваютъ политическіе замыслы съ химерами иллюминатовъ и въ прежнее время, при отцѣ теперешняго короля, имѣли большое значеніе при Берлинскомъ дворѣ. Происшествія, измѣнившія потомъ все положеніе Европы, дали этой сектѣ только новое направленіе. До того времени она мечтала управлять народами во имя королевской власти; теперь же, какъ кажется, она стремится къ тому, чтобъ уничтожить ее и овладѣть довѣріемъ народовъ. Обширный переворотъ непрерывно подготовляется во всей Германіи, и ненависть къ Французамъ помогаетъ успѣшному его распространенію. Хотя немного, но есть, однакоже, нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ, знающихъ объемъ и тайную цѣль этого страннаго заговора, котораго тайные проповѣдники скрываются подъ именами докторовъ, совѣтниковъ, философскихъ писателей и постепенно подготовляютъ всеобщій взрывъ. Даже въ государствахъ Рейнскаго союза и при дворахъ, наиболѣе преданныхъ политикѣ Франціи, даже министры этихъ государей содѣйствуютъ этимъ замысламъ, не подозрѣвая, что они сами будутъ жертвами этого движенія. На основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній, получаемыхъ съ разныхъ сторонъ посланниками вашего величества, можно предполагать, что существуетъ намѣреніе возбудить и соединить всю Германію въ общее революціонное движеніе противъ Франціи и са-

мыхъ правительствъ германскихъ, и что послѣдствія этого движенія трудно и предвидѣть".

Вотъ съ какой точки зрѣнія Пруссія обращала на себя вниманіе французскаго правительства. Однимъ изъ главныхъ вождей этого движенія оно считало барона Штейна, и ему ужь удалось удалить его отъ участія въ дѣлѣ управленія. Но оно видѣло его продолжателей и преемниковъ въ лицахъ графа Стадіона въ Австріи и барона Гарденберга въ Пруссіи и полагало, что за одно съ ними готовы были дѣйствовать и многіе другіе. Этихъ вождей народнаго движенія въ Германіи оно подозрѣвало въ желаніи склонить политику Пруссіи къ союзу съ Россіей. Имъ оно приписывало намѣреніе для достиженія этой цѣли женить овдовѣвшаго Прусскаго короля на русской великой княжнѣ, о чемъ носились слухи въ то время. Такой союзъ, при содѣйствіи общественнаго мнѣнія въ Россіи, которому противодѣйствуетъ лишь графъ Румянцевъ, казался французскому правительству возможнымъ и опаснымъ. Оно полагало, что Россія откладываетъ его заключеніе только до тѣхъ поръ, пока не заключитъ мира съ Турками. „Если такія *предательскія* намѣренія", продолжаетъ министръ иностранныхъ дѣлъ Франціи, — „входятъ, дѣйствительно, въ виды прусской политики, то ея миролюбивыя заявленія не могутъ возбуждать *удивленія*: таковъ всегда языкъ страха и безсилія. Но предполагая, однакоже, вопреки всякой вѣроятности, что заискиванія вступить въ соглашеніе съ Россіей составляютъ только попытки нерѣшительнаго и робкаго министра, и что предложенія его Франціи совершенно искренни, все-таки представляется вопросъ: какія выгоды можетъ намъ доставить Пруссія въ качествѣ союзника и какими опасностями можетъ она угрожать въ качествѣ врага?"

Положеніе дѣлъ представлялось въ это время французскому министерству иностранныхъ дѣлъ въ такомъ видѣ, что главною цѣлью усилій Франціи должно быть изгнаніе Англичанъ изъ Пиренейскаго полуострова. Пока эта цѣль не будетъ достигнута, нельзя приступить къ окончательному достиженію второй, то есть, къ строгому соблюденію континентальной системы на всемъ материкѣ Европы. Поэтому слѣдуетъ избѣгать всякой важной ссоры на сѣверѣ Европы. Но дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, слѣдуетъ предвидѣть возможность заключенія мира между Россіей и Оттоманскою Портою. „Хотя", говоритъ герцогъ Кадорскій, — "дѣйствія французской политики въ Константинополѣ и даютъ поводъ предполагать, что Россіи не удастся въ скоромъ времени заключить этотъ миръ, тѣмъ не менѣе, партія, желаю-

щая мира, беретъ значительный перевѣсъ въ Петербургѣ. При этомъ дворѣ, исполненномъ интригъ, все можетъ измѣниться въ одинъ день. Графъ Румянцевъ не смѣетъ или не хочетъ ей противодѣйствовать. При такомъ положеніи дѣлъ возможно, что при молчаливомъ содѣйствіи Англіи, мирные переговоры въ Молдавіи закончатся скоро, и потребуется не болѣе 20 часовъ, чтобы подписать договоръ на барабанѣ, какъ это было въ Кайнарджи. Тогда Россія выведетъ свои войска отъ Турціи, расположитъ ихъ эшелонами по польской границѣ отъ Бродъ до Мемеля, можетъ войдти въ соглашеніе съ Англіей, отступитъ отъ континентальной системы, откроетъ Балтійское море для англійской торговли для того, чтобы поднять свой курсъ, увѣряя притомъ постоянно, что желаетъ поддерживать мирныя отношенія къ Франціи. Въ такомъ случаѣ вашему величеству прійдется или оставить мысль о томъ, чтобы вынудить Англію отказаться отъ насильственныхъ мѣръ на моряхъ, или снова перенести войну на Одеръ и Вислу. Въ этомъ-то случаѣ, который рано или поздно долженъ осуществиться, Пруссія пріобрѣтаетъ значеніе. При самомъ первомъ признакѣ войны съ Россіей ваши войска перейдутъ Эльбу и направятся на Берлинъ, — будемъ ли мы въ союзѣ, или во враждѣ съ Пруссіей. Какъ союзникъ, что можетъ дать намъ Прусскій король? Тридцать или сорокъ тысячъ войска, питающаго враждебныя къ намъ чувства, и которыя онъ едва въ состояніи содержать на средства своего государства? Но если онъ будетъ нашимъ врагомъ, то отношенія совершенно измѣняются. Въ вашихъ рукахъ находятся крѣпости Глогау, Кюстринъ, Штетинъ, и вы, не покидая Парижа, однимъ страхомъ можете выгнать оттуда прусскій дворъ за Вислу. Вслѣдствіе этого одного всѣ средства Бранденбургской марки, Помераніи и даже Силезіи, останутся въ полномъ распоряженіи французскихъ властей, которыя, дѣйствуя въ нихъ какъ въ странахъ завоеванныхъ, доставятъ намъ весьма важныя выгоды. Конечно, вѣроятно, что прусское войско можетъ быть увеличено на нѣсколько тысячъ. Бѣдность, грабежъ, ненависть къ Французамъ привлекутъ подъ знамена, можетъ быть, до 50 тысячъ; но Нѣмцамъ, Полякамъ и Вестфальскому королю можно предоставить богатое вознагражденіе въ Силезіи и Бранденбургѣ за ихъ содѣйствіе Французамъ. При союзѣ же съ Пруссіей сдѣлалось бы невозможнымъ увеличить владѣнія Вестфальскаго короля. Это желаніе вознагражденій и увѣренность, что Пруссія изчезнетъ съ европейской

карты, удвоитъ ревность и жертвы естественныхъ союзниковъ Франціи".

Какъ общій выводъ изъ всѣхъ этихъ соображеній, герцогъ Кадорскій представлялъ, что союзъ съ Пруссіей безполезенъ для Франціи во время мира и отяготителенъ при войнѣ съ Россіей. „Мудрость вашего величества", говорилъ герцогъ, — „уже рѣшила важную мѣру—присоединеніе Голландіи, за которою послѣдуетъ и присоединеніе Ганзейскихъ городовъ. Уже приняты всѣ мѣры, чтобъ оно совершилось прежде, нежели будутъ подписаны предварительныя условія мира между Россіей и Турціей. Когда границы имперіи будутъ простираться до Балтійскаго моря, Пруссія будетъ совершенно окружена владѣніями имперіи или ея союзниковъ. Французскіе гарнизоны будутъ постоянно занимать лучшія изъ ея крѣпостей внутри страны, семьдесятъ милліоновъ, просроченныхъ уплатою контрибуціи, истощатъ всѣ ея средства, ея порты будутъ заперты нашими таможенными чиновниками для всякой торговли съ Англичанами. Въ такомъ положеніи къ чему намъ нуженъ союзъ съ нею и какую опасность можетъ причинить намъ ея безсильная ненависть?" Вообще, по мнѣнію Шампаньи, надо поддерживать теперешнія съ нею отношенія и тщательнѣе наблюдать за народнымъ въ ней движеніемъ и не отвергать, но и не заключать безполезнаго союза, который можетъ возбудить опасенія Россіи, и можетъ быть, вынудитъ ее, преждевременно для выгодъ Франціи, разорвать съ нею союзъ [1]).

При такомъ взглядѣ на значеніе Пруссіи въ общей системѣ французской политики въ это время, Тюльерійскій кабинетъ, очевидно, долженъ былъ отвергнуть предложенія Прусскаго короля. Онъ, дѣйствительно, ихъ отвергъ, но объяснивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что отвергаетъ изъ опасенія возбудить подозрѣніе Петербургскаго кабинета въ то время, когда Франція находится еще въ союзѣ съ Россіей и желаетъ поддержать его. Не лишая Пруссію надежды на заключеніе этого союза въ будущемъ, при могущемъ послѣдовать разрывѣ съ Россіей, Тюльерійскій кабинетъ не переставалъ, однакожь, угнетать Пруссію, постоянно настаивая на уплатѣ контрибуціи, насчитывая значительные проценты за просрочки, безъ ея согласія усиливая свои гарнизоны въ ея крѣпостяхъ и тѣмъ увеличивая ея издержки на ихъ со-

[1]) Графъ Шампаньи, Rapport à S. M. Imperiale et Royale, Fontainebleau 16-me Novembre 1810, сообщенный нашему правительству Чернышевымъ при письмѣ къ канцлеру $^{5}/_{17}$-го іюля 1811 г. изъ Парижа.

держаніе. Когда обращали его вниманіе на своевременную уплату условленной части контрибуціи, онъ отвѣчалъ, что Пруссія никогда не уплатитъ всей контрибуціи и останется постоянно въ долгу у Франціи. На ея посланника Наполеонъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія и при дипломатическихъ пріемахъ никогда не говорилъ съ нимъ ни слова, не смотря на всѣ заискиванія генерала Круземарка, и въ то же время осыпалъ изысканными учтивостями австрійскаго графа Шварценберга для того, чтобъ еще болѣе оттѣнить свое презрѣніе къ Пруссіи. При каждомъ случаѣ Наполеонъ издѣвался надъ королемъ Прусскимъ. Въ разговорахъ съ нашими дипломатическими чиновниками, жалуясь на то, что графъ Румянцевъ подозрѣваетъ его въ тайныхъ происках въ Константинополѣ, затрудняющихъ намъ заключеніе мира съ Турціей, онъ говорилъ, что такъ неприлично было бы дѣйствовать такому могущественному государю, какъ императоръ Французовъ, что онъ открыто принялъ бы сторону Турокъ; такъ могутъ дѣйствовать только мелкіе нѣмецкіе государи, какъ напримѣръ, Прусскій король. Эти выходки противъ короля, конечно, имѣли и другую цѣль, кромѣ желанія выказать презрѣніе къ Пруссіи: они могли оскорблять и его могущественнаго друга, Русскаго императора. „Король прусскій", говорилъ Наполеонъ графу Шувалову по случаю нашего протеста по Ольденбургскому дѣлу, — сказалъ, что Россія поступаетъ слишкомъ легкомысленно, обнародуя подобные манифесты. Бѣднякамъ", прибавилъ онъ, смѣясь,—„близко касается это обстоятельство, они очутятся между двухъ огней", въ случаѣ разрыва съ Россіей и войны съ нею [1]).

Дѣйствительно, Пруссія находилась между двухъ огней и это положеніе вынуждало ея политику или дѣйствовать рѣшительно, или кривить душою. Изнуреніе страны, слабость военныхъ силъ, всеобщій страхъ, внушенный грознымъ побѣдителемъ, слабость характера короля и незначительное число изъ окружавшихъ его лицъ, которыя совѣтовали бы ему сопротивляться Наполеону, препятствовали Пруссіи вступить рѣшительно въ союзъ съ Россіей и склоняли ея политику на сторону Франціи. Но съ одной стороны, презрительное отношеніе къ ней Французскаго императора, отклонившаго союзъ съ нею, а съ другой — опасеніе раздражить Россію и, можетъ быть, вызвать ее на вооруженное занятіе Восточной Пруссіи, а въ то же время и чувство дружбы короля къ Русскому императору, поставили въ двусмыс-

---

[1]) Письмо графа Шувалова къ императору изъ Парижа $^{3}/_{15}$-го мая 1811 г.

ленное положеніе ея политику. Король, опасаясь принимать русскаго посланника, постоянно сносился съ нимъ черезъ третьихъ лицъ, къ которымъ питалъ особую довѣренность. Связавъ себѣ руки предложеніемъ, сдѣланнымъ имъ Франціи, онъ скрывалъ его отъ графа Ливена и хотя выражалъ въ то же время желаніе заключить союзъ съ Россіей, но отклонялъ исполненіе этого намѣренія и придумывалъ различныя къ тому затрудненія. Главнѣйшее изъ нихъ состояло въ томъ, что Пруссія можетъ вступить въ союзъ съ Россіей не иначе, какъ съ увѣренностью, что къ ихъ союзу присоединится и Австрія; а между тѣмъ король не довѣрялъ политикѣ Вѣнскаго кабинета. Въ концѣ февраля онъ прислалъ къ графу Ливену полковника Врангеля объявить, что до него дошли достовѣрныя свѣдѣнія о неискреннихъ дѣйствіяхъ Австріи въ ея сношеніяхъ съ Россіей, что онъ убѣжденъ, что въ случаѣ разрыва съ Франціей, Австрія не соединится съ Россіей и Пруссіей, и что все, чего возможно ожидать отъ нея, будетъ состоять лишь въ томъ, что она останется спокойною. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ снова прислалъ того же посредника заявить нашему посланнику, что онъ получилъ депеши изъ Вѣны отъ барона В. Гумбольдта, который писалъ ему, что онъ счелъ нужнымъ поближе узнать взглядъ Вѣнскаго кабинета на настоящія отношенія Россіи и Франціи. На вопросы Гумбольдта графъ Меттернихъ отвѣчалъ, что онъ считаетъ войну неизбѣжною, и полагаетъ, что обѣ стороны уже рѣшились воевать между собою. На вопросъ прусскаго посланника о томъ, какъ въ случаѣ этой войны намѣрена дѣйствовать Австрія, графъ Меттернихъ отвѣчалъ, что она рѣшилась оставаться спокойною и уже ни въ какомъ случаѣ не дѣйствовать за одно съ Россіей. „Эти извѣстія до такой степени напугали короля", говорилъ баронъ Врангель,—„что онъ считаетъ свое положеніе крайне затруднительнымъ, если нельзя уже болѣе разсчитывать на Австрію". Врангель увѣрялъ нашего посланника, что онъ употребляетъ всѣ средства, чтобы поддержать короля въ добромъ расположеніи къ Россіи, но „что его положеніе такъ затруднительно, что можетъ принудить его принять иное рѣшеніе" [1]).

Въ такомъ расположеніи духа нашелъ короля и полковникъ Чернышевъ, который въ это время пріѣхалъ въ Берлинъ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Парижъ. Узнавъ о его пріѣздѣ, король назначилъ ему

---

[1]) Депеши графа Ливена къ графу Румянцеву 22-го февраля (6-го марта) и $^{18}/_{30}$-го марта 1811 г.

свиданіе, о которомъ, въ своемъ отчетѣ государю, полковникъ Чернышевъ писалъ: „Я нашелъ короля въ чрезвычайномъ безпокойствѣ и нерѣшительности". Лишь только Чернышевъ явился, король описалъ ему самыми мрачными красками современное положеніе своего государства, особенно съ того времени, какъ новые отряды французскихъ войскъ начали входить въ его предѣлы, для усиленія гарнизоновъ въ крѣпостяхъ. „Во всѣхъ возможныхъ случаяхъ", говорилъ онъ ему,—„при разрывѣ Россіи съ Франціей, Пруссія будетъ первою жертвой и я увѣренъ, что она изчезнетъ съ карты Европы".

Желая успокоить въ нѣкоторой степени тревогу короля, Чернышевъ отвѣчалъ, что Русскій императоръ не вызываетъ войны, не желаетъ ея и готовъ все сдѣлать, чтобъ отклонить ея бѣдствія. Объяснивъ всѣ усилія нашего кабинета, предпринятыя въ этомъ смыслѣ, Чернышевъ замѣтилъ, что еслибы даже и началась война, то императоръ, никогда не упуская изъ вида выгодъ Пруссіи, конечно, поспѣшилъ бы къ ней на помощь.

„Конечно", отвѣчалъ король,—„но это будетъ уже поздно. Судьба поставила столицу Пруссіи на аванпостахъ государства, такъ, что она всегда можетъ быть окружена со всѣхъ сторонъ. „Бываютъ", прибавилъ онъ,—„тяжелыя, ужасныя обстоятельства, которыя лишаютъ возможности дѣйствовать согласно съ естественною необходимостію и собственными желаніями". Эти слова короля, также, какъ и заявленія Врангеля нашему посланнику, были, очевидно, сказаны съ намѣреніемъ предупредить русскій кабинетъ на счетъ возможности заключенія Пруссіею союза съ Наполеономъ.

„Потомъ", доносилъ Чернышевъ императору,—„король выразилъ живѣйшее желаніе, чтобы ваше величество употребили всѣ способы привлечь Австрію на свою сторону и заставить ее дѣйствовать за одно съ Россіею. Онъ говорилъ, что это единственный способъ спасти его и развязать ему руки. Я довелъ до его свѣдѣнія, что въ этомъ отношеніи ваше величество дѣйствуете неуклонно, и кажется, можете предполагать, что если Австрія и не будетъ дѣйствовать за одно съ нами, то во всякомъ случаѣ не будетъ дѣйствовать и противъ насъ. На это король сказалъ мнѣ, что то же самое пишетъ ему его посланникъ изъ Вѣны; но его донесенія даютъ однакоже поводъ къ опасеніямъ, потому что Вѣнскій кабинетъ еще находится въ нерѣшительномъ состояніи, и что образъ мыслей графа Меттерниха еще не выразился ясно и опредѣленно. Я тѣмъ болѣе могу вѣрить донесеніямъ прусскаго посланника въ Вѣнѣ, что онъ враждебенъ французской си-

стемѣ и слѣдовательно, замѣтилъ бы расположеніе Австріи къ ней. Но я былъ уже предваренъ въ отношеніи барона Гумбольдта, человѣка весьма умнаго, но строптиваго, и потому отвѣчалъ, что въ настоящемъ случаѣ можно представлять себѣ обстоятельства или въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ, или слишкомъ въ черномъ. Кажется, въ эту послѣднюю крайность впалъ баронъ Гумбольдтъ. Вообще мнѣ показалось, что король находится въ ужасно-нерѣшительномъ состояніи; кажется даже, что если послѣдуетъ разрывъ, то будетъ поступать такъ, какъ поступитъ Австрія" [1]).

Сообщеніе Берлинскому кабинету нашего протеста по Ольденбургскому дѣлу способствовало въ это время къ усиленію тревоги, господствовавшей при прусскомъ дворѣ. Министерство иностранныхъ дѣлъ, дѣйствовавшее въ лицѣ Гольца, совершенно въ видахъ Франціи, отнеслось къ нему недружелюбно, усматривая въ немъ вызовъ съ нашей стороны къ разрыву съ Франціей, и совѣтовало согласиться на вознагражденіе герцогу Ольденбурскому, предлагаемое Наполеономъ. Это обстоятельство подало нашему посланнику поводъ требовать свиданія съ барономъ Гарденбергомъ, отъ котораго онъ надѣялся вмѣстѣ съ тѣмъ узнать объ отношеніяхъ къ намъ Берлинскаго кабинета.

Графъ Ливенъ, прочитавъ прусскому канцлеру всѣ бумаги, касавшіяся Ольденбургскаго дѣла, говорилъ, что императоръ Александръ употребляетъ всѣ средства, чтобъ отклонить войну, но нельзя поручиться, чтобы Наполеонъ желалъ того же. Напротивъ, есть много поводовъ предполагать, что онъ противнаго мнѣнія. Заявленіе нашему посланнику въ Парижѣ, что онъ намѣренъ увеличить до 15 тысячъ гарнизонъ въ Данцигѣ, предписаніе членамъ Рейнскаго союза, чтобъ ихъ военные контингенты находились въ готовности къ движенію по первому указанію, и подкрѣпленіе гарнизоновъ въ крѣпостяхъ по Одеру, кажется, могутъ служить безошибочными признаками желанія императора Французовъ начать войну съ Россіей. „То же подтверждаетъ", прибавилъ баронъ Гарденбергъ, — „и его требованіе провести черезъ Пруссію двѣ новыя военныя дороги въ Штетинъ".

Воспользовавшись этимъ замѣчаніемъ, графъ Ливенъ подробно развилъ мысль, что Наполеонъ „постепенно и незамѣтно овладѣетъ всѣми способами Пруссіи. Король, исполняя безпрекословно всѣ требованія Франціи, окажется наконецъ совершенно въ распоряженіи императора Наполеона; его обезславленныя войска станутъ подъ зна-

---

[1]) Письмо Чернышева изъ Парижа 9/21-го марта 1811 г.

мена своего угнетателя; народъ, разоренный уже многолѣтними бѣдствіями, вынужденъ будетъ на новыя пожертвованія для своего врага и для собственной погибели. Изъ самостоятельнаго государя король превратится наконецъ въ простаго вассала злѣйшаго изъ своихъ враговъ. Для Пруссіи предстоятъ три способа дѣйствія: или соединиться съ нами, или съ Французами, или ни съ-тѣми, ни съ другими..."

„Этотъ послѣдній способъ", прервалъ его Гарденбергъ, — „былъ бы самымъ худшимъ, короля Прусскаго ожидала бы судьба Гессенскаго курфирста. Соединиться съ Россіей—вотъ единственно возможный способъ дѣйствія для короля; такъ онъ и поступитъ. Но для этого необходима полнѣйшая взаимная довѣренность между нами, и нужно условиться въ средствахъ безпрепятственно привести въ исполненіе такое намѣреніе. До сихъ поръ Франція не обращалась еще къ намъ съ предложеніями; графъ Сенъ-Марсанъ не дѣлалъ даже никакого намека и не возбуждалъ вопроса о нашихъ приготовленіяхъ. Быть можетъ, императоръ Наполеонъ считаетъ наши силы ничтожными; можетъ быть, онъ не довѣряетъ намъ и разчитываетъ, что лучше имѣть насъ врагами, или наконецъ, онъ хочетъ усыпить насъ..."

„Это послѣднее предположеніе", прервалъ въ свой чередъ нашъ посланникъ, — „было бы самымъ опаснымъ для Пруссіи", и старался доказать ему, сколько нужно употребить благоразумія и внимательности, чтобы не упустить того мгновенія, когда король еще можетъ дѣйствовать свободно, и чтобы обезпечить, какъ его личность, такъ и силы Пруссіи отъ внезапнаго рѣшительнаго дѣйствія со стороны Франціи".

„Въ томъ-то и заключается вся трудность", отвѣчалъ баронъ Гарденбергъ, — „чтобъ уловить это мгновенье".

„Ваша опытность и дарованія", отвѣчалъ графъ Ливенъ, — „ручаются въ этомъ случаѣ, что вы во время опредѣлите это мгновеніе и воспользуетесь имъ съ должною рѣшимостью".

Польщенный этими словами нашего посланника, прусскій канцлеръ началъ объяснять гр. Ливену, что въ этомъ отношеніи уже приняты всѣ мѣры, и что только поэтому онъ могъ съ нѣкоторою рѣшительностію вести переговоры о четырехъ тысячахъ французскихъ войскъ, вступившихъ въ Пруссію безъ предварительнаго соглашенія съ ея правительствомъ, и даже сказалъ французскому уполномоченному, что не слѣдуетъ ставить короля въ отчаянное положеніе, иначе онъ съумѣетъ спасти свою честь или погибнуть со славою. „Эти слова", продолжалъ Гарденбергъ, — „а равно и наши военныя приготовленія,

которыя, безъ сомнѣнія, извѣстны Наполеону, могутъ вызвать его гнѣвъ; можемъ ли мы въ этомъ случаѣ надѣяться на помощь Россіи?" спросилъ онъ въ заключеніе. „Я съ тою цѣлію и вызвалъ васъ на переговоры", отвѣчалъ графъ Ливенъ,—„чтобы объяснить вамъ, что собственныя выгоды Пруссіи требуютъ, чтобъ она вошла въ тѣсный союзъ съ Россіей. Если мы остановимся на этомъ началѣ, то можетъ ли быть вопросъ о томъ, защититъ ли Россія своего союзника. Россія сдѣлаетъ болѣе; она не побуждаетъ васъ торопиться въ этомъ случаѣ, полагая, что для васъ же выгоднѣе, какъ можно отдалять разрывъ между Россіей и Франціей, потому что ваше же государство сдѣлается первоначальнымъ поприщемъ войны. Если благоразуміе предписываетъ вамъ не упускать того мгновенія, когда король еще въ состояніи дѣйствовать свободно, то ваши собственныя выгоды предписываютъ вамъ равномѣрно не ускорять рѣшенія о вашей судьбѣ и независимости".

Повторяя, что судьба Пруссіи зависитъ отъ ея добрыхъ отношеній къ Россіи, Гарденбергъ долго распространялся о ея бѣдственномъ положеніи и объ еще большихъ бѣдствіяхъ, которыя предстоятъ ей, когда начнется война, а потомъ перешелъ къ отношеніямъ нашимъ къ Австріи и войнѣ съ Турками. „Еслибъ я былъ министромъ Русскаго императора", говорилъ онъ,—„то первою моею заботою было бы уговорить его какъ можно скорѣе окончить эту войну". Привлечь Австрію къ союзу съ Россіей онъ считалъ необходимымъ для успѣха совокупныхъ дѣйствій Россіи и Пруссіи. Когда графъ Ливенъ сталъ увѣрять его, что наши отношенія къ Австріи какъ нельзя болѣе дружественны, баронъ Гарденбергъ вдругъ спросилъ его: „Правда ли, что начальство надъ русскими войсками будетъ ввѣрено барону Бенигсену; говорятъ, его спрашивали о состояніи его здоровья и требовали журналъ его послѣдней кампаніи. Онъ мой соотечественникъ", прибавилъ Гарденбергъ,—и я на столько хорошо знаю его, что могу навѣрное сказать, что такое назначеніе будетъ ему не по силамъ и не по способностямъ" [1]).

Положеніе канцлера Пруссіи было таково, что, разставаясь съ нашимъ посланникомъ послѣ этого свиданіи, онъ просилъ его ничего не сообщать объ этомъ разговорѣ графу Гольцу, увѣряя, что послѣдній не знаетъ тайныхъ видовъ прусскаго кабинета. Франція дѣйстви-

---

[1]) Депеши графа Ливена къ графу Румянцеву 25-го марта (6-го апрѣля) и 31-го марта (12-го апрѣля) 1811 года изъ Берлина.

тельно не дѣлала въ это время никакихъ попытокъ привлечь Пруссію къ союзу, но ихъ дѣлала, и притомъ настоятельно напрашиваясь на союзъ, сама Пруссія. Едва ли баронъ Гарденбергъ, какъ человѣкъ честный и преданный мысли о необходимости союза съ Россіей, позволилъ бы себѣ не только скрыть, но и прямо отрицать переговоры объ этомъ съ Тюльерійскимъ кабинетомъ; по всей вѣроятности онъ и самъ находился въ томъ же положеніи, въ какое ставилъ прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ, стараясь скрыть отъ него свои отношенія съ нашимъ посланникомъ. Онъ, вѣроятно, и не зналъ въ это время о переговорахъ, которые Круземаркъ велъ по порученію короля съ французскимъ кабинетомъ. Но ему, конечно, извѣстна была нерѣшительность короля и вліяніе на него защитниковъ союза съ Франціей, съ одной стороны, а съ другой—его дружба съ Русскимъ императоромъ и ненависть къ Наполеону, и онъ думалъ управлять прусскою ладьею, неспособною уже къ самостоятельному движенію, слѣдуя на срединѣ между этими двумя теченіями, до той поры, пока сочтетъ нужнымъ вступить въ одно изъ нихъ, то есть, до того времени, когда уже будетъ поздно, и одно изъ этихъ теченій само увлечетъ за собою слабую Пруссію. Такую политику, согласную съ положеніемъ и личнымъ характеромъ прусскаго канцлера, не отличавшимся особенною твердостію, одобрилъ однакожъ и русскій посланникъ. Это одобреніе можетъ быть объяснено тѣмъ положеніемъ, которое приняла Россія въ отношеніи къ Франціи. Императоръ былъ увѣренъ въ неизбѣжности войны, но не желалъ ни вызывать ее какими-либо дѣйствіями съ своей стороны, ни дѣйствовать наступательно. Но такая политика барона Гарденберга не только не могла имѣть успѣха, но и не могла долго продолжаться. Послѣ того, какъ предложеніе о союзѣ генерала Круземарка было отклонено французскимъ правительствомъ, Прусскій король, быть можетъ, приписывая неудачи личности своего посланника, къ которому не былъ расположенъ Наполеонъ, рѣшился отправить къ нему въ качествѣ довѣреннаго лица князя Гацфельда, котораго склонность къ Франціи не подлежала сомнѣнію. „Князь Гацфельдъ—Французъ съ головы до ногъ“, говорилъ нашему посланнику баронъ Гарденбергъ, который былъ противъ этого посольства,—„и графъ Гольцъ далъ ему наставленія въ смыслѣ заключенія союза съ Франціей“. Но и эта попытка осталась безуспѣшною; французское правительство заявило Гацфельду, что считаетъ безполезнымъ вступать въ какія бы то ни было соглашенія съ Пруссіей, чтобы не возбудить чрезъ это подозрѣній Россіи. Прусскій канцлеръ, какъ кажется, только

вслѣдствіе посольства князя Гацфельда и узналъ, что его правительство домогается вступить въ союзъ съ Наполеономъ. Радуясь, что предложеніе не было принято, онъ въ то же время старался доказать нашему посланнику необходимость показывать видъ, что Пруссія дѣйствительно желаетъ союза съ Франціей, и въ этомъ смыслѣ уже самъ писалъ къ генералу Крузенарку. Но въ то время, когда князь Гацфельдъ отправился въ Парижъ, въ Берлинѣ уже разнеслись слухи, что король вступилъ въ союзъ съ Наполеономъ. Эти слухи дошли, конечно, и до графа Ливена; но онъ не хотѣлъ имъ вѣрить и особенно не вѣрилъ участію въ этомъ дѣлѣ барона Гарденберга. Дѣйствительно прусскій канцлеръ немедленно его увѣдомилъ, что эти слухи не имѣютъ никакого основанія. То же самое вслѣдъ затѣмъ сообщилъ ему и графъ Гольцъ. Но графъ Ливенъ, хотя и не вѣрилъ этимъ слухамъ, однакоже не могъ не обратить на нихъ вниманія и потому чрезъ маіора Врангеля просилъ объясненій у самого короля. На другой день король прислалъ къ нашему посланнику въ Берлинъ барона Врангеля объявить, что никакого новаго договора съ Франціей не было заключено, и что даже никакого не было предложенія въ этомъ смыслѣ съ ея стороны, что послѣ Тильзитскаго мира въ первый разъ только графъ Лористонъ передалъ ему привѣтъ со стороны Наполеона. „Король увѣренъ даже", говорилъ Врангель, — „что Наполеонъ не имѣетъ намѣренія заставить его подписать подобный договоръ; но еслибы король былъ къ тому вынужденъ, то счелъ бы своимъ долгомъ прежде всего увѣдомить о томъ Русскаго императора".

Если баронъ Гарденбергъ, по невѣдѣнію, до самаго возвращенія князя Гацфельда изъ Парижа не сообщалъ нашему посланнику о попыткахъ Пруссіи вступить въ союзъ съ Франціей, то король имѣлъ слабость ужь умышленно скрывать о нихъ передъ нашимъ правительствомъ. Конечно, императоръ Александръ и нашъ кабинетъ могли повѣрить, что Наполеонъ принудилъ короля подписать подобный съ нимъ договоръ; но имъ не могло прійдти и на мысль, чтобы сама Пруссія домогалась союза съ непримиримымъ своимъ врагомъ, противъ единственной дружественной съ нею державы въ Европѣ. Графъ Ливенъ, послѣ сообщеній, сдѣланныхъ ему Гарденбергомъ, по возвращеніи Гацфельда, писалъ даже графу Румянцеву, что онъ „глубоко убѣжденъ, что Пруссія будетъ дѣйствовать заодно съ нами. Ея содѣйствіе для насъ чрезвычайно важно, какъ и ваше сіятельство полагаете, потому что постоянно предписывали мнѣ дѣйствовать въ

этомъ смыслѣ". Но въ тотъ же самый день, какъ онъ это писалъ, у него былъ баронъ Врангель, и сообщивъ ему приведенныя извѣстія отъ имени короля, вошелъ въ подробныя разсужденія о томъ ужасномъ положеніи, въ какомъ находится король, утверждая, что ему ничего иного не остается дѣлать, какъ безусловно покориться волѣ императора Наполеона, по невозможности ему сопротивляться и по неизвѣстности, въ которой онъ находится въ отношеніи къ намѣреніямъ и средствамъ, приготовленнымъ Русскимъ императоромъ для отпора нашествію Французовъ. Онъ увѣрялъ даже, что королю вовсе не извѣстно число нашихъ войскъ. Генералъ Шарнгорстъ, съ своей стороны, выразилъ нашему посланнику опасенія, чтобы короля не склонили на совершенно противную намъ сторону. Когда графъ Ливенъ говорилъ ему, что ходятъ слухи, что король заключилъ уже союзъ съ Наполеономъ, онъ отвѣчалъ положительно, что не заключено еще никакого договора. „Еще ничего не испорчено", говорилъ онъ,—но клика, окружающая короля, Кёкерицъ, Калькрейтъ, Гольцъ и Витгенштейнъ, для того, чтобы сохранить хоть тѣнь существованія, готовы предать короля въ руки Франціи". Онъ говорилъ, что не полагается ни на кого изъ окружающихъ короля, не исключая даже Врангеля, кромѣ лишь маіора Бойена, начальника отдѣленія въ военномъ министерствѣ. Что касается барона Гарденберга, то Шарнгорстъ былъ увѣренъ, что онъ держится „хорошихъ началъ". Но и канцлеръ прусскій говорилъ нашему посланнику въ томъ же смыслѣ, заявляя, что король собирается описать въ письмѣ къ Русскому императору свое ужасное положеніе. „Изъ этихъ словъ", писалъ графъ Ливенъ къ графу Румянцеву,—„я понялъ, что положеніе Пруссіи считаютъ опаснымъ, потому что 20 тысячъ войскъ собрано въ Саксоніи, 12 тысячъ, какъ гарнизонъ—въ Магдебургѣ, 15 тысячъ въ Мекленбургѣ, до десяти тысячъ въ крѣпостяхъ по Одеру и особенно по причинѣ неизвѣстности, что̀ дѣлать, когда начнется война между Россіей и Франціей. Мнѣ извѣстно, что австрійское правительство дало сюда знать, что оно не полагаетъ, чтобы возгорѣлась война, и что оно постарается сохранить нейтралитетъ; но оно не можетъ обязать себя не воевать съ Россіей. Однакоже Гарденбергъ увѣрялъ меня, что король не заключитъ союза съ Франціей и сохранитъ за собою свободу рѣшиться впослѣдствіи на дѣйствіе, которое сочтетъ полезнымъ для своего государства" [1]).

---

[1]) Депеша Ливена къ графу Румянцеву 8/20-го, 11/23-го, 16/28-го апрѣля, 22-го апрѣля (4-го мая), 12/24-го мая и 11/23-го апрѣля 1811 года.

Австрія была дѣйствительно болѣе знакома, чѣмъ Пруссія, съ видами французской политики. Императоръ Наполеонъ въ это время отложилъ намѣреніе начать войну съ Россіей въ этомъ году, и снова началъ увѣрять въ искреннемъ желаніи покончить всѣ недоразумѣнія путемъ мирныхъ переговоровъ. Опасность, передъ которою трепетала Пруссія, отдалилась, и она могла нѣсколько свободнѣе вздохнуть и хладнокровнѣе обсудить свои выгоды. На этомъ обстоятельствѣ основывались надежды прусскаго канцлера склонить короля къ союзу съ Россіей. Но его усилія не имѣли успѣха. „Положеніе Пруссіи", говорилъ Гарденбергъ Ливену при свиданіи съ нимъ въ концѣ августа,—„со дня на день будетъ становиться затруднительнѣе, если Русскій императоръ замедлитъ принудить короля не только не принять окончательное рѣшеніе, которое уже принято безповоротно, но и опредѣлить наконецъ время, когда слѣдуетъ привесть ихъ въ исполненіе (то есть, заключить союзъ съ Россіей). Необходимо объяснить ему ту опасность, которой онъ себя подвергаетъ, если упуститъ то мгновеніе, когда онъ можетъ еще свободно располагать собою и защитить свое лицо. Постоянно присылаемыя подкрѣпленія въ крѣпости по Одеру угрожаютъ, что ему будетъ уже трудно и почти невозможно оставить Берлинъ, когда онъ рѣшится на это. Но и къ этому послѣднему средству для своего спасенія онъ не можетъ прибѣгнуть до тѣхъ поръ, пока онъ не узнаетъ, на что̀ рѣшился нашъ дворъ, на войну или на миръ, потому что если онъ оставитъ Берлинъ, то этотъ поступокъ будетъ служить явнымъ свидѣтельствомъ, что король рѣшился принять сторону Россіи. Въ такомъ случаѣ онъ подвергаетъ, съ одной стороны, свое государство мщенію Наполеона, а съ другой—помѣшаетъ самой Россіи, если она имѣетъ въ виду покончить пререканія съ Франціей путемъ мирныхъ переговоровъ. Я долженъ вамъ сказать, что удаленіе за Одеръ король считаетъ такимъ средствомъ, къ которому онъ прибѣгнетъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ, и которое ему непріятно, потому что скажутъ, будто онъ оставилъ своихъ подданныхъ въ тяжелое время, а это въ свой чередъ произведетъ дурное впечатлѣніе во всей Германіи. Король лучше желалъ бы отступить во главѣ своихъ войскъ".

Такимъ образомъ рѣшеніе опредѣлить время, когда слѣдуетъ заключить миръ съ Россіей, которое онъ незадолго принималъ на себя, оказалось ему не по силамъ, и онъ просилъ уже, чтобъ эту обязанность принялъ на себя Русскій императоръ, пользуясь дружбою къ нему Прусскаго короля. Но очевидно, дѣлая подобное предложеніе, онъ

считалъ это дѣло выше своихъ силъ только по независимымъ отъ него обстоятельствамъ, потому, что неизвѣстно было на что̀ рѣшилась Россія, на войну или на миръ. Безъ сомнѣнія, еслибы Русскій императоръ принялъ на себя эту обязанность, то по необходимости долженъ бы открыть своему союзнику какъ виды своей политики, такъ и всѣ средства, которыми онъ можетъ располагать на случай войны. Что жь относилось до этой войны, то она казалась все болѣе и болѣе неизбѣжною. Мирнымъ заявленіямъ Наполеона, которымъ, можетъ быть, и повѣрилъ на нѣкоторое время Берлинскій кабинетъ, противорѣчили постоянныя военныя приготовленія и особенно рѣчи русскому посланнику 15 (27)-го августа, разнесшіяся по всей Европѣ и произведшія тревогу. Если позднее время года, приближавшаяся осень, давало поводъ предполагать, что въ этомъ году война не начнется, то всѣ были увѣрены въ ея неизбѣжности на слѣдующій 1812 годъ. На это указывала и перемѣна въ политикѣ императо̀ра Наполеона въ отношеніи къ Пруссіи.

Герцогъ Бассано и самъ императоръ начали оказывать болѣе вниманія прусскому посланнику въ Парижѣ. Поводомъ къ тому послужили новыя наставленія, полученныя отъ барона Гарденберга генераломъ Круземаркомъ. „Если желаніе не возбуждать подозрѣній Россіи", писалъ прусскій канцлеръ своему посланнику,—„послужило причиною къ тому что императоръ Наполеонъ не хотѣлъ войдти ни въ какія объясненія о предложеніи короля въ маѣ мѣсяцѣ заключить союзъ съ Франціей, то это обстоятельство не можетъ имѣть уже прежняго значенія въ настоящее время, когда военныя приготовленія Франціи противъ Россіи достигли до такихъ размѣровъ и все болѣе и болѣе увеличиваются, и когда самъ императоръ по великодушію своему не скрываетъ уже отъ Петербургскаго кабинета возможную цѣль этихъ вооруженій. Страхъ возбудить его подозрѣнія можетъ ли въ настоящее время еще останавливать императора заключить болѣе тѣсный союзъ между Франціей и Пруссіей, составляющій предметъ искреннихъ желаній короля? Смотрѣть ли на него какъ на демонстрацію для поддержанія спокойствія на сѣверѣ, или какъ на дѣйствительное содѣйствіе при разрывѣ двухъ имперій? Во всякомъ случаѣ не обѣщаетъ ли онъ выгодъ для Франціи? На основаніи этихъ соображеній король вновь рѣшается обратиться съ предложеніемъ къ императору Наполеону и надѣется, что въ настоящее время онъ пожелаетъ войдти въ переговоры съ нимъ о союзѣ". Можетъ быть, баронъ Гарденбергъ, начиная вновь переговоры, полагалъ только успо-

коить Наполеона на счетъ видовъ Пруссіи, и выигравъ время, заключить потомъ союзъ съ Россіей; но главною причиною, вызвавшею на новую попытку Берлинскій кабинетъ, былъ страхъ, который и выразился въ этомъ же сообщеніи прусскаго канцлера. „Не денежныя затрудненія, какъ онѣ ни велики", писалъ онъ генералу Круземарку,—„составляютъ главную заботу короля, но политическое наше положеніе, котораго финансовыя затрудненія составляютъ только необходимыя послѣдствія. Все вооружено вокругъ насъ. Съ одной стороны, русскія войска двигаются около нашихъ границъ, а съ другой, — войска Варшавскаго герцогства, хотя и предназначаемыя противъ Россіи, могутъ, однакожь, одинаково быть употреблены и противъ Пруссіи. Саксонскія войска помѣщены на самыхъ нашихъ границахъ и въ два перехода могутъ достигнуть королевской столицы. Одинъ Данцигъ заключаетъ въ своихъ стѣнахъ цѣлую армію. Вмѣсто 10.000 человѣкъ, какъ было условлено договорами, Франція постепенно довела свои гарнизоны въ трехъ крѣпостяхъ на Одерѣ до 23.000, и ихъ содержаніе стоитъ Пруссіи ежемѣсячно огромной суммы въ 250.000 талеровъ. Въ настоящее время, когда я пишу, гарнизонъ въ Штетинѣ доведенъ уже до 26 слишкомъ тысячъ человѣкъ. Представьте себѣ, генералъ, до какой степени долженъ быть встревоженъ король, когда во всѣхъ осаждающихъ, такъ сказать, насъ войскахъ господствуетъ общее мнѣніе, что Пруссія будетъ уничтожена. Питая искреннюю довѣренность къ его императорскому величеству, король, конечно, самъ лично можетъ отклонить отъ себя подозрѣнія, вытекающія изъ этихъ слуховъ, но онъ не можетъ предотвратить того, чтобы мнѣніе, громко выраженное даже самими генералами въ предѣлахъ его государства, не сдѣлалось наконецъ общимъ мнѣніемъ. Что̀ можетъ онъ сдѣлать, когда изъ Парижа не принимаютъ никакихъ мѣръ для того, чтобы смягчить и остановить вліяніе этого мнѣнія, гибельнаго какъ для внутреннихъ дѣлъ Пруссіи, такъ и для внѣшнихъ ея сношеній. Можетъ ли онъ, при той неизвѣстности, въ которой оставляетъ его Франція, безъ всякой помощи, не смотря на неоднократныя предложенія короля и желаніе предоставить въ пользу Франціи всѣ свои средства на условіяхъ, на которыхъ весьма легко прійдти къ соглашенію,— можетъ ли онъ, повторяю, не обращать никакого вниманія на отчаянное положеніе своего народа и не принимать мѣръ для его защиты? Увѣренность въ безопасности, доведенная до крайности, заслуживала бы порицанія, и самъ императоръ, котораго дружбу и уваженіе болѣе всего желаетъ пріобрѣсти король, не одобрилъ бы его.

Дѣйствительно, мы вооружаемся, потому что обстоятельства настоятельно обязываютъ къ тому короля, и потому еще, что гораздо лучше, какъ я и сказалъ Сенъ-Марсану, умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ позорно погибнуть. Но мы вооружаемся для Франціи, которая можетъ имѣть въ насъ вѣрнаго союзника, добровольно вступивъ съ нами въ договоръ, если предпочитаетъ она наше свободное содѣйствіе той борьбѣ, которой грозитъ намъ война съ нею, и которая со стороны короля будетъ борьбою отчаянною" [1]).

Хотя эти наставленія баронъ Гарденбергъ сообщалъ своему посланнику для личнаго свѣдѣнія и соображенія, не уполномочивая его самого начинать рѣчь о переговорахъ, а предоставляя ему только ожидать повода къ тому со стороны французскаго министерства, — но онъ повторилъ ихъ Сенъ-Марсану, онъ зналъ, что послѣдній сообщилъ ихъ своему правительству, и надѣялся, что при содѣйствіи Сенъ-Марсана они будутъ приняты съ большею благосклонностію, нежели прежде. Дѣйствительно, этотъ вопль отчаянія былъ услышанъ; герцогъ Бассано подавалъ надежду барону Круземарку, что Франція готова заключить союзъ съ Пруссіей, что онъ работаетъ уже надъ этимъ дѣломъ, наконецъ, что оно готово и будетъ представлено имъ императору въ Антверпенѣ во время поѣздки его въ Голландію въ сентябрѣ мѣсяцѣ и оттуда прямо будетъ сообщено въ Берлинъ. Сенъ-Марсанъ увѣрялъ Гарденберга, что императоръ Наполеонъ потому только до сихъ поръ отклонялъ предложеніе Пруссіи, что вопросъ объ его отношеніяхъ къ Россіи еще не рѣшенъ, но онъ скоро разрѣшится, и тогда посланникъ самъ сдѣлаетъ предложенія, которыя, безъ сомнѣнія, вполнѣ будутъ для нея удовлетворительны [2]). Отложивъ нашествіе на Россію до лѣта 1812 г., Наполеонъ вынужденъ былъ этимъ обстоятельствомъ измѣнить свою политику въ отношеніи къ Пруссіи, клонившуюся къ совершенному ея уничтоженію, какъ отдѣльнаго самостоятельнаго европейскаго государства. Онъ долженъ былъ дать ей надежду сохранить свое существованіе, рѣшившись заключить съ нею союзъ, съ тою цѣлію, чтобы не довести ея дѣйствительно до отчаянія, къ которому она уже была такъ близка, и не заставить броситься въ руки Россіи, къ чему былъ склоненъ по личнымъ чувствамъ король, и къ чему стре-

---

[1]) Письмо барона Гарденберга къ генералу Круземарку 30-го августа н. ст. Mémoires d'un homme d'état, III, стр. 315 и 316.

[2]) Депеша Ливена [5]/[17]-го сентября.

мились хотя немногіе изъ прусскихъ государственныхъ людей. Онъ долженъ былъ предупредить это событіе, которое могло вызвать разрывъ съ Россіей прежде, нежели онъ считалъ возможнымъ начать войну, и побудить даже Россію къ наступательнымъ дѣйствіямъ, которыя онъ также желалъ отклонить. Ему нужно было, съ одной стороны, отвлечь Пруссію отъ союза съ Россіей, съ другой — показать Россіи, что къ войнѣ съ нею можетъ вынудить его только ходъ дѣлъ, независимый отъ его желанія сохранить миръ и союзъ съ нею. Для достиженія первой цѣли онъ выразилъ согласіе заключить союзъ съ Пруссіей, для достиженія второй — счелъ нужнымъ сильно возстать противъ тайныхъ вооруженій Пруссіи въ виду того, чтобы не возбудить подозрѣній русскаго кабинета. Конечно, онъ давно имѣлъ свѣдѣнія объ этихъ вооруженіяхъ, какъ и догадывался прусскій канцлеръ, но предполагая начать войну въ 1811 году, не обращалъ на нихъ вниманія, потому, вопервыхъ, что они не могли быть значительны, а вовторыхъ, потому особенно, что Пруссія не могла ихъ окончить во время. Еслибы война началась въ 1811 г., то всѣ свои приготовленія въ этомъ отношеніи она не успѣла бы довершить, и они не имѣли бы никакого важнаго значенія въ отношеніи военныхъ дѣйствій, а между тѣмъ истощили бы еще болѣе и безъ того уже скудныя средства Пруссіи, что̀ совершенно соотвѣтствовало видамъ Наполеона. Но они получали совершенно иное значеніе въ томъ случаѣ, когда война съ Россіей отлагалась до будущаго года: Пруссія выигрывала время для довершенія своихъ вооруженій и могла значительно увеличить число своихъ войскъ. Въ нихъ не нуждался въ такомъ количествѣ Наполеонъ, располагая уже громадными силами, но онъ опасался ихъ, еслибъ они соединились съ русскими войсками противъ него. Ему не нуженъ былъ ни союзъ съ Пруссіею, ни ея военное содѣйствіе; она и такъ уже находилась въ его распоряженіи, окруженная со всѣхъ сторонъ его войсками, и пошла бы за нимъ по его мановенію; но ему нужно было отклонить возможность ея союза съ Россіей, и потому онъ подалъ ей надежду на союзъ съ Франціей, о которомъ умолялъ его король, и кромѣ того, ему хотѣлось лишить Россію союзника, обладавшаго все-таки значительными силами.

Герцогъ Бассано, вслѣдствіе сообщеній французскаго посланника изъ Берлина, начавъ рѣчь о союзѣ съ Пруссіей съ генераломъ Круземаркомъ и давая ему надежду на заключеніе этого союза, въ то̀ же время выразилъ мысль, что императоръ Наполеонъ былъ крайне удив-

ленъ, узнавъ о вооруженіяхъ Пруссіи, вопреки заключенныхъ съ нею договоровъ. То же самое повторилъ и Сенъ-Марсанъ барону Гарденбергу и нѣсколько дней спустя объявилъ ему волю императора Наполеона, что Пруссія должна прекратить всякое увеличеніе условленнаго договорами числа войскъ и всѣ вооруженія въ крѣпостяхъ, потому что такого рода дѣйствія не согласны съ видами Россіи, которая желаетъ поддержать миръ. При свиданіи съ нашимъ посланникомъ въ это время въ Парижѣ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, на его замѣчаніе, что Пруссаки укрѣпляютъ Шпандау и Кольбергъ, собираютъ войска въ Помераніи, отвѣчалъ, что французское правительство съ удивленіемъ узнало о военныхъ приготовленіяхъ Прусскаго короля и предписало Сенъ-Марсану предъявить требованіе, чтобъ они немедленно были пріостановлены.

„Эти вооруженія могутъ угрожать Россіи", замѣтилъ князь Куракинъ.

„Столько же, какъ и Франціи", отвѣчалъ герцогъ Бассано,—„но мы ихъ не боимся. Впрочемъ", прибавилъ онъ,—„Прусскому королю не слѣдовало бы забывать, что только дружбѣ къ нему императора Александра онъ обязанъ, что по Тильзитскому договору возвращены ему и тѣ изъ его владѣній, которыя находятся теперь въ его власти".

Грубую выходку Наполеонова министра иностранныхъ дѣлъ, выражавшую прямо глубокое презрѣніе къ Пруссіи и косвенно насмѣшку надъ Россіей, понялъ нашъ посланникъ и не оставилъ безъ отвѣта.

„Кому же неизвѣстно", отвѣтилъ князь Куракинъ, — „что Пруссія совершенно находится во власти императора Наполеона, который всегда можетъ немедленно наводнить ее своими войсками, по крайней мѣрѣ западную ея половину, если только по ходу дѣлъ онъ сочтетъ это для себя выгоднымъ. Но если вопросъ о войнѣ будетъ рѣшенъ, то и для насъ важно, чтобы войска наши могли немедленно занять Кенигсбергъ и сѣверную часть Пруссіи, не останавливаясь ни передъ какими обѣщаніями такого безсильнаго двора, какъ Берлинскій, который трепещетъ за свое существованіе и напередъ обѣщаетъ такъ явно подчиниться господству Франціи, потому что еслибы мы положились на нихъ, то первые поплатились бы за это довѣріе впослѣдствіи. Поспѣшивъ предупредить Французовъ, занявъ сѣверную Пруссію, мы достигнемъ по крайней мѣрѣ той цѣли, что перенесемъ

туда поприще войны, бѣдствіямъ которой подверглись бы въ противномъ случаѣ наши области, Литва и Курляндія" [1]).

Это мнѣніе о политикѣ Пруссіи, выраженное нашимъ посланникомъ герцогу Бассано въ октябрѣ мѣсяцѣ 1811 года, давно входило въ его политическія убѣжденія. Еще въ началѣ этого года, въ то время, когда политика Россіи надѣялась на сочувствіе и даже содѣйствіе Австріи и Пруссіи, кн. Куракинъ писалъ гр. Румянцеву, что они будутъ увлечены вліяніемъ Франціи, если нашъ дворъ не употребитъ особыхъ усилій удержать ихъ въ союзѣ съ собою; въ концѣ же этого года онъ полагалъ уже, что Пруссія совершенно для насъ потеряна [2]).

При двойной политикѣ, которую вела въ это время Пруссія, оба извѣстія изъ Парижа одинаково возбудили тревогу ея канцлера. Взявъ въ свои руки переговоры о союзѣ съ Франціей, онъ разчитывалъ, что Наполеонъ, съ презрѣніемъ относившійся къ Пруссіи, не станетъ договариваться съ нея, какъ равный съ равнымъ, какъ съ самостоятельною державою. Между тѣмъ онъ изъявилъ согласіе на заключеніе союзнаго договора, а въ то же время настоятельно требовалъ прекращенія вооруженій. Сенъ-Марсану предписано было не только заявить объ этомъ прусскому министерству, но и самому королю, и наблюсти на мѣстахъ посредствомъ чиновниковъ своего посольства, чтобъ это требованіе было дѣйствительно исполнено. Хотя король и выразилъ удивленіе и неудовольствіе, что согласіе на союзъ, который онъ самъ предлагалъ Франціи, сопровождается такою угрозой, однакожь исполнилъ требованіе Франціи. При свиданіи съ графомъ Ливеномъ въ это время, баронъ Гарденбергъ выразилъ крайніе безпокойство. „Положеніе короля", говорилъ онъ ему, — „становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Хотя мы ожидаемъ сообщенія условій союза отъ Франціи, но они еще не получены, и мы желали бы затянуть дѣло; но если эти условія будутъ получены, то насъ могутъ принудить къ немедленному заключенію союза. Въ такомъ случаѣ можете ли вы заявить", спрашивалъ Гарденбергъ русскаго посланника, — „что при настоящемъ положеніи дѣлъ тѣсный союзъ Пруссіи съ Франціей можетъ быть заключенъ иначе, какъ съ

---

[1]) Депеша князя Куракина графу Румянцеву 29-го октября (10-го ноября) 1811 года.

[2]) Депеша князя Куракина графу Румянцеву $^{6}/_{18}$-го февраля 1811 г. и письмо къ нему же полковника Чернышева отъ того же числа изъ Парижа.

враждебными цѣлями противъ Россіи, что поэтому такой союзъ возбудитъ безпокойство Русскаго императора, и онъ сочтетъ его враждебною противъ него мѣрою и признакомъ войны".

„Не можете ли вы найдти другихъ предлоговъ отказать Франціи?" отвѣчалъ графъ Ливенъ;—„я не имѣю полномочій сдѣлать вамъ такое сообщеніе".

„Я предвидѣлъ вашъ отвѣтъ", замѣтилъ ему баронъ Гарденбергъ,— „и потому прошу немедленно отправить нарочнаго въ Петербургъ и просить наставленій на этотъ случай [1]).

Смущеніе прусскаго канцлера подѣйствовало и на нашего посланника; онъ дѣйствительно немедленно сообщилъ нашему кабинету о такомъ положеніи дѣлъ; а въ то же время барону Гарденбергу удалось уговорить короля отправить тайно особаго уполномоченнаго въ Петербургъ войдти въ ближайшія отношенія съ нашимъ правительствомъ. Выборъ палъ на генерала Шарнгорста, который оставилъ Берлинъ подъ видомъ осмотра войскъ и подъ чужимъ именемъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ сентября мѣсяца. Вслѣдствіе переговоровъ съ нашимъ канцлеромъ и военнымъ министромъ была заключена имъ, отъ лица Прусскаго короля, *военная конвенція* съ Россіей, которой сущность состояла въ слѣдующемъ:

Императоръ всей Россіи и король Прусскій при современномъ состояніи Европы, принимая за основаніе своей политики, употребляютъ всѣ мѣры къ тому, чтобъ избѣжать войны съ Франціей, но считаютъ однако же долгомъ озаботиться о безопасности и сохраненіи своихъ государствъ. Съ этою цѣлію ихъ уполномоченные заключили и подписали военный договоръ на слѣдующихъ условіяхъ:

Для избѣжанія разрыва съ Франціей не увеличивать войскъ и не сосредоточивать такъ, чтобъ это могло внушить ей опасенія, а равно не считать поводомъ къ войнѣ частныя столкновенія между офицерами и движенія французскихъ войскъ небольшими отрядами. Но за разрывъ мирныхъ отношеній, за которымъ должна немедленно послѣдовать война, считать: 1-е) всякое враждебное дѣйствіе французскихъ войскъ съ явною цѣлію вторженія въ одну изъ областей Прусскаго или Русскаго государствъ; 2) значительное увеличеніе войскъ Франціи или ея союзниковъ на Эльбѣ и Одерѣ; что касается до увеличенія французскихъ войскъ за Эльбою, то само по себѣ онъ не можетъ счи-

---

[1]) Депеши графа Ливена графу Румянцеву 11/23-го сентября, 12/24-го сентября и 23-го сентября (5-го октября) 1811 г.

таться поводомъ къ началу войны, но лишь поводомъ къ сосредоточенію войскъ; однако же значеніе этого увеличенія войскъ можетъ быть опредѣлено другими современными ему обстоятельствами; чтобы судить о нихъ съ надлежащею точностію, обѣ договаривающіяся стороны должны всѣми способами узнавать о движеніяхъ непріятеля и сообщать свѣдѣнія о нихъ одна другой; 3) вторженіе и занятіе одной изъ областей Пруссіи подъ какимъ бы предлогомъ оно ни послѣдовало (ст. 1—3).

Если послѣдуетъ одно изъ этихъ происшествій, то русскія войска немедленно двинутся на помощь Пруссіи, но не иначе какъ по предъявленіи начальниками прусскихъ войскъ собственноручнаго предписанія короля. Но если обстоятельствами король будетъ поставленъ въ такое положеніе, что ему невозможно будетъ дать такое предписаніе, то въ такомъ случаѣ и для ускоренія дѣйствій постановлено, чтобы генералъ-маіоръ Іоркъ, командующій войсками въ Пруссіи, вошелъ въ сношеніе съ графомъ Витгенштейномъ, подъ начальствомъ котораго находится правое крыло русскихъ войскъ, и извѣщалъ обо всемъ, что̀ происходитъ на Вислѣ и Одерѣ, а равно въ Данцигѣ и герцогствѣ Варшавскомъ. Получивъ извѣщеніе отъ генерала Іорка объ одномъ изъ такихъ обстоятельствъ, которое условлено считать за поводъ къ открытію военныхъ дѣйствій, графъ Витгенштейнъ немедленно двинетъ свои войска въ предѣлы Пруссіи для соединенія съ прусскими войсками и извѣститъ другія части русскихъ войскъ о своемъ движеніи, сообразно съ которымъ и они приблизятся къ границамъ. Эти соединенныя войска предназначаются для дѣйствій противъ непріятельскихъ силъ на Вислѣ и въ герцогствѣ Варшавскомъ. Но сверхъ того, Русскій императоръ придвинетъ корпусъ войскъ къ границамъ близь Таурогена, въ виду того, что непріятель, по всѣмъ вѣроятіямъ, сдѣлаетъ покушеніе на Кенигсбергъ, чтобъ овладѣть приготовленными тамъ военными средствами. Онъ можетъ употребить съ этою цѣлію многочисленные гарнизоны Торна и Данцига. Корпусъ русскихъ войскъ, черезъ пять дней по полученіи приказанія, перейдетъ границу между Таурогеномъ и Тильзитомъ, и соединясь съ прусскими войсками, будетъ прикрывать Кенигсбергъ. Если главнокомандующимъ прусскими войсками будетъ назначенъ принцъ крови, то Русскій императоръ сообразно съ этимъ назначитъ для начальства своими войсками старѣйшаго изъ генераловъ. Въ противномъ случаѣ всѣми соединенными войсками начальствовать будетъ графъ Витгенштейнъ, и въ его распоряженіи

будутъ находиться прусскія войска, подъ начальствомъ генерала Іорка. Но во всякомъ случаѣ, въ продолженіе войны, командующій этимъ корпусомъ будетъ находиться подъ главнымъ начальствомъ главнокомандующаго всѣми русскими арміями. Сверхъ того, Русскій императоръ нарядитъ вооруженную флотилію, которая была бы достаточна для того, чтобъ обезпечить плаваніе между Мемелемъ, Пиллау и Кольбергомъ и господствовала бы надъ Фришгафомъ, и которая начала бы свои дѣйствія немедленно по открытіи войны. Прусскій же король, съ своей стороны, обязывался по возможности укрѣпить дороги, отъ Торна и Данцига къ Кенигсбергу и переходы черезъ рѣки, какъ Пасаргу и Фрашингъ, чтобы замедлить движеніе Французовъ и тѣмъ дать возможность сосредоточиться и приблизиться къ русскимъ войскамъ; равно привесть Кенигсбергъ въ такое положеніе, чтобъ онъ былъ въ безопасности отъ нечаяннаго нападенія и могъ обороняться хотя бы нѣкоторое время. Наконецъ, въ продолженіе времени отъ заключенія конвенціи до открытія военныхъ дѣйствій, обѣ договаривающіяся державы обязывались, по мѣрѣ увеличенія военныхъ приготовленій, увеличивать и свои средства для обороны (ст. 4—11).

Касательно военныхъ дѣйствій, въ конвенціи было постановлено, что хотя вообще способъ веденія войны и общій планъ военныхъ дѣйствій условлены заранѣе договаривающимися державами, тѣмъ не менѣе нельзя опредѣлить каждое движеніе въ частности, не зная намѣреній непріятеля, котораго нападенія рѣшено ожидать. Но соображаясь съ настоящимъ положеніемъ и силою войскъ, какъ Русскій императоръ, такъ и Прусскій король, обязуются, лишь только начнется война, принять всѣ мѣры къ тому, чтобъ отклонить возможность частныхъ неудачъ и препятствовать непріятелю быстро подвигаться впередъ. Съ этою цѣлію необходимо по возможности противопоставлять большія силы, сравнительно съ непріятельскими, и какъ можно далѣе впередъ отодвинуть операціонную линію. Общій же планъ военныхъ дѣйствій состоялъ въ томъ, что русскія войска, лишь только война сдѣлается неизбѣжною, съ возможною быстротою двинутся къ Вислѣ, чтобы предупредить тамъ непріятеля и сосредоточить значительныя силы. „Такъ какъ это можетъ считаться", сказано въ конвенціи, — „самымъ счастливымъ послѣдствіемъ первоначальныхъ военныхъ дѣйствій при настоящемъ положеніи дѣлъ, то по этой причинѣ безполезно и даже опасно льстить себя напередъ надеждою, что можно достигнуть еще большихъ успѣховъ смѣлыми дѣйствіями, но само

собою разумѣется, что при неуклонномъ слѣдованіи принятой системѣ войны, военныя дѣйствія противъ непріятеля будутъ развиваться далѣе, по мѣрѣ того, какъ будутъ способствовать обстоятельства, которыхъ предвидѣть невозможно". Дѣйствующія войска должны были состоять изъ 17 полныхъ дивизій русскихъ и 80 тысячъ Пруссаковъ; но прусскія войска частью были разбросаны по королевству незначительными отрядами, частію же не были еще окончательно сформированы. Поэтому условлено было, чтобъ они по возможности были сосредоточены и поставлены подъ защиту крѣпостей или укрѣпленныхъ лагерей.

Относительно частныхъ движеній войскъ было постановлено, что лишь только начнется война, русскій корпусъ войскъ изъ 18 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и 2 казачьихъ полковъ перейдетъ границу и двинется или на Прегель, или къ Кенигсбергу, смотря по обстоятельствамъ, и соединясь съ прусскими войсками, будетъ дѣйствовать, прикрывая Кенигсбергъ. Въ то же время другіе пять дивизій русскихъ войскъ, ближайшія къ границамъ, двинутся въ герцогство Варшавское. Если непріятель отдѣлитъ часть своихъ войскъ, находящихся въ герцогствѣ, къ Кенигсбергу, то русскія войска будутъ превышать числомъ непріятеля. Если же, что впрочемъ невѣроятно, они не обратятся къ Кенигсбергу, и подвижные корпуса Данцигскаго гарнизона двинутся въ Варшавское герцогство, то соединеныя русскія и прусскія войска, оставивъ часть силъ, чтобы наблюдать за дѣйствіями остальнаго Данцигскаго гарнизона, который можетъ угрожать Кенигсбергу, приблизятся къ лѣвому крылу русскихъ войскъ и будутъ дѣйствовать совокупно съ ними. Въ продолженіе этого времени прусскія войска будутъ дѣйствовать такъ: бригады Іорка и Стутергейма должны прикрывать дороги къ Данцигу и Торну, такъ чтобъ одна могла помогать другой, и задерживая движеніе непріятеля, способствовать соединенію съ ними русскаго вспомогательнаго корпуса. Войска Прусскаго короля, находящіяся въ Маркахъ, должны сосредоточиться въ крѣпостяхъ Грауденцѣ или Колбергѣ, и только въ случаѣ невозможности исполнить это движеніе, идти въ Силезію. Остальныя же, раздробленныя на мелкія части и разбросанныя по государству, смотря по обстоятельствамъ, должны двигаться къ Вислѣ и соединиться съ главною арміей или сосредоточиться у Кольберга и дѣйствовать противъ лѣваго крыла непріятеля, затрудняя ему движеніе къ Вислѣ, или наконецъ, въ случаѣ крайности, всѣ эти войска должны войдти въ Силезію. И въ этихъ об-

стоятельствахъ они могутъ оказать пользу, послуживъ основаніемъ для образованія особой силезской арміи, что̀ представляется возможнымъ, если принять въ соображеніе значительное населеніе этой области, ея средства и настроеніе жителей. Цѣль этой арміи должна состоять въ томъ, чтобы, войдя въ сообщеніе съ правымъ крыломъ русскихъ войскъ, дѣйствовать противъ непріятельскаго праваго крыла. По этой конвенціи Прусскій король обязывался оставаться въ Берлинѣ до тѣхъ только поръ, пока могъ считать это пребываніе безопаснымъ для себя и своего семейства. Но по мѣрѣ приближенія къ столицѣ французскихъ войскъ онъ долженъ былъ немедленно оставить ее, что̀ будетъ согласно съ его же собственнымъ заявленіемъ французскому правительству (ст. 12—20 [1]).

Въ то время, какъ уполномоченный Прусскаго короля заключалъ эту конвенцію съ нашимъ кабинетомъ, канцлеръ получилъ депеши графа Ливена, который извѣщалъ о требованіи Наполеона, чтобы Пруссія прекратила вооруженія и въ то же время открыла бы переговоры съ нимъ о заключеніи союза, и что Берлинскій дворъ находится въ неизвѣстности на счетъ принятыхъ Россіей рѣшеній въ отношеніи мира или войны съ Франціей. Отвѣчая на эти сообщенія, графъ Румянцевъ передавалъ замѣчанія самого императора, выраженныя имъ при чтеніи депешъ графа Ливена. „Еще въ то время", писалъ онъ,— „когда императоръ узналъ, что король сдѣлалъ распоряженія объ увеличеніи укрѣпленій Шпандау, онъ мнѣ сказалъ, что считаетъ эту мѣру, которая не можетъ принести большой пользы, опасною въ томъ отношеніи, что она можетъ обратить на себя вниманіе императора Наполеона на тайныя вооруженія Пруссіи, произведенныя ею съ такимъ успѣхомъ. Его величество предсказывалъ мнѣ, что эти работы начаты понапрасну, что ихъ не успѣютъ окончить, прежде чѣмъ Франція потребуетъ ихъ уничтоженія, и придравшись къ тому, потребуетъ еще новыхъ жертвъ со стороны Пруссіи". Сообщая графу Ливену, что, по мнѣнію императора Александра, Пруссія должна уступить требованіямъ Франціи въ отношеніи къ вооруженіямъ, дѣйствительно, несогласнымъ съ договорами, Румянцевъ въ то же время писалъ, что извѣстіе о предложенномъ, будто бы, Франціей союзѣ съ Пруссіей „произвело тяжелое впечатлѣніе на Русскаго импера-

---

[1]) Convention signée à Petersbourg le 5/17 Octobre 1811. Она подписана со стороны Россіи графомъ Румянцевымъ и Барклаемъ де-Толли, со стороны Пруссіи—генераломъ Шарнгорстомъ.

тора. Франція, оставаясь вѣрною своему образу дѣйствій, не остановится передъ тѣмъ, чтобы принесть новую коронованную жертву. Она не только не будетъ удовлетворена этою полною покорностью ея волѣ, но подъ видомъ и предлогомъ союза окончательно уничтожитъ Прусскую монархію. Поставивъ ее, въ силу этого договора, въ полную свою зависимость, она раздробитъ и совершенно уничтожитъ ея военныя силы и тогда поступитъ съ Прусскимъ королемъ также, какъ поступила съ Гессенскимъ курфирстомъ. „Не могу скрыть отъ васъ, графъ", писалъ русскій канцлеръ, — „что императоръ, разсуждая объ этомъ предметѣ и увлекаясь чувствами искренней дружбы къ королю, выразилъ опасеніе, что такой союзный договоръ, во всякомъ случаѣ невыгодный для Пруссіи, не отдалилъ бы отъ него сердца его подданныхъ. Они не могутъ не замѣтить, что его воля направлена къ тому, чтобы заглушить въ нихъ благородное и горячее желаніе видѣть независимымъ свое отечество; а безъ этого желанія населеніе не можетъ составить народа (sans laquelle tout peuple cesse de former une nation)".

Но всѣ эти соображенія канцлеръ сообщалъ для личнаго назиданія нашего посланника, поручая ему самому рѣшить вопросъ: можно ли сообщить или не сообщить ихъ барону Гарденбергу? Если же онъ сочтетъ нужнымъ сообщить, то во всякомъ случаѣ, ему поручалось не выражать ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго неудовольствія съ нашей стороны. „Неудовольствія и не существуетъ", писалъ онъ,— „его величество любитъ короля и желаетъ ему счастія, котораго онъ достоинъ по своимъ добродѣтелямъ".

Такимъ образомъ, въ русской политикѣ того времени можно замѣтить какъ бы два теченія. Одно вытекало изъ увѣренности, что императоръ Наполеонъ рѣшился воевать съ Россіей, и вызывая ее на мирные переговоры, только желалъ выиграть время и стремился къ тому, чтобы, не дѣйствуя наступательно, воспользоваться этимъ временемъ и подготовить какъ всѣ средства для обороны, такъ и союзниковъ. Другое выходило изъ предположенія, что, дѣлая военныя приготовленія, императоръ Наполеонъ не думаетъ начать войну съ Россіей, не выгодную для него самого, но хочетъ попугать ее войной, и такимъ образомъ, принудить къ уступкамъ въ мирныхъ переговорахъ. Императоръ Александръ былъ представителемъ перваго направленія, а его канцлеръ — втораго. Усиленное исканіе союза съ Пруссіей, котораго желалъ прусскій канцлеръ, не входило въ виды графа Румянцева въ это время, чтобы не возбудить негодованія На-

полеона и не дать ему новаго повода обвинить Россію въ желаніи вызвать его на войну. Но въ этомъ случаѣ уклончивый и нерѣшительный характеръ того отношенія, которое Румянцевъ отправилъ къ графу Ливену, кажется, можетъ быть объясненъ иными причинами. Румянцевъ говоритъ, что въ этомъ документѣ нашъ посланникъ „найдетъ, нѣкоторымъ образомъ, тѣ *наставленія*, которыхъ по обстоятельствамъ еще невозможно ему дать", — вѣроятно, потому, что переговоры съ Шарнгорстомъ только что были начаты, и конвенція не была еще заключена. Но въ томъ же отношеніи, представляя на личное соображеніе графа Ливена сообщаемыя имъ свѣдѣнія, Румянцевъ, однакоже, положительно поручаетъ ему выразить барону Гарденбергу „удивленіе, что онъ говоритъ, будто бы, въ Берлинѣ недостаточно извѣстны намѣренія Россіи". Поэтому Румянцевъ поручаетъ Ливену „выразить и увѣрить Гарденберга, что, вопервыхъ, Россія не желаетъ войны, но что она приготовила всѣ средства для того, чтобы вести ее и не опасаться, что она начнется; вслѣдствіе этого она употребитъ всевозможныя старанія, чтобъ избѣгнуть войны какъ по государственнымъ соображеніямъ, такъ и по человѣколюбію; вовторыхъ, что она рѣшилась всякое вторженіе Французовъ въ Пруссію считать объявленіемъ ей войны, и тогда она немедленно возьмется за оружіе" [1]).

Пока продолжались переговоры съ генераломъ Шарнгорстомъ о подробностяхъ военныхъ дѣйствій въ союзѣ съ Пруссіей, императоръ, зная по депешамъ Ливена, что Франція завязала переговоры съ Пруссіей о союзѣ съ нею, и опасаясь, что это слабое государство способно поддаться насилію, отправилъ къ нему проектъ союзнаго договора съ Россіей слѣдующаго содержанія:

„Е. в. императоръ Русскій и е. в. король Прусскій, одушевляемые одинаковымъ желаніемъ сохранить миръ въ Европѣ, постоянно доказывали при каждомъ случаѣ это желаніе со временъ Тильзитскаго мира. Не смотря на то, намѣренія императора Наполеона въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе представляются сомнительными:

„1) вслѣдствіе несоблюденія многихъ условій Тильзитскаго договора, немедленно послѣ его заключенія и въ настоящее время вслѣдствіе удержанія въ своей власти крѣпости Глогау, не смотря на то, что Прусскій король уплатилъ условленную часть контрибуціи;

---

[1]) Нота граѳа Румянцева граѳу Ливену 24-го сентября 1811 г. изъ Петербурга.

„2) чрезъ занятіе и присоединеніе къ Франціи герцогства Ольденбургскаго въ нарушеніи прямаго смысла XII-й статьи Тильзитскаго договора;

„3) чрезъ усиленіе гарнизоновъ въ прусскихъ крѣпостяхъ противъ числа, условленнаго договорами, и

„4) чрезъ постоянное увеличеніе вооруженій и количества французскихъ войскъ на сѣверѣ Германіи, въ Варшавскомъ герцогствѣ и чрезъ приведеніе въ военное положеніе войскъ Саксоніи и Вестфальскаго королевства.

„Эти дѣйствія достаточно убѣждаютъ высокія договаривающіяся стороны въ томъ, что намѣренія Французскаго императора враждебны имъ обѣимъ. Поэтому е. в. Русскій императоръ и е. в. король Прусскій, въ видахъ благоразумной предупредительности, сочли долгомъ заключить договоръ, который, доказывая ихъ народамъ и всему міру ихъ искреннія желанія избѣгнуть бѣдствій войны, имѣлъ бы цѣлью только оградить себя въ случаѣ нападенія непріятеля на одно изъ договаривающихся государствъ. Вслѣдствіе сего обѣ договаривающіяся высокія стороны торжественно объявляютъ:

„1) что не имѣютъ иной цѣли, кромѣ поддержанія мира въ Европѣ; никакіе честолюбивые виды объ увеличеніи своихъ владѣній не входятъ въ ихъ соображенія, равно какъ и всякія другія, которыя могли бы нарушить общее спокойствіе;

„2) если, не смотря на всѣ ихъ старанія достигнуть этой цѣли, на одну изъ договаривающихся сторонъ или на обѣ вмѣстѣ будетъ учинено нападеніе императоромъ Наполеономъ или государствами Рейнскаго союза, или войсками Варшавскаго герцогства, то Русскій императоръ и король Прусскій торжественно обѣщаютъ помогать другъ другу всѣми своими силами и употреблять всѣ усилія къ успѣшному окончанію этой рѣшительной для судьбы всей Европы войны;

„3) всякое вторженіе въ границы того или другаго государства и всякое движеніе войскъ французскихъ или Рейнскаго союза въ значительномъ числѣ черезъ Пруссію въ герцогство Варшавское, будетъ принято за объявленіе войны;

„4) начавъ войну, высокія договаривающіяся стороны обязуются не прекращать ея иначе, какъ по обоюдному согласію;

„5) всякое предложеніе императора Наполеона, клонящееся къ тому, чтобъ обезсилить основаніе этого договора или ему воспрепятствовать, будетъ отвергнуто, и ни одна изъ договаривающихся сто-

ронъ не скроетъ отъ другой сдѣланныхъ ей предложеній съ цѣлью отторгнуть ее отъ этого союза" [1]).

Въ то время, какъ нашъ посланникъ получилъ этотъ проектъ договора, Берлинскій кабинетъ снова находился въ тревогѣ. Императоръ Наполеонъ повторилъ свое требованіе о прекращеніи вооруженій не только съ большею настойчивостью, но и съ оскорбительнымъ для Пруссіи условіемъ. Оказывая явное недовѣріе къ ея правительству, онъ требовалъ, чтобъ одному изъ чиновниковъ французскаго посольства въ Берлинѣ предоставлено было освидѣтельствовать на мѣстахъ, дѣйствительно ли прекращены работы въ крѣпостяхъ и сборъ распущенныхъ солдатъ. Баронъ Гарденбергъ съ негодованіемъ сообщилъ объ этомъ условіи графу Ливену и увѣрялъ, что прусское правительство никогда на это не согласится. Между тѣмъ на другой же день нашъ посланникъ узналъ, что секретарь французскаго посольства Лефевръ уже отправился изъ Берлина для исполненія этого порученія. Прусскій канцлеръ возлагалъ вину въ этомъ случаѣ на графа Гольца, но конечно, онъ такъ поступилъ не иначе, какъ съ согласія самого короля. Еще до прибытія генерала Шарнгорста изъ Петербурга, Сенъ-Марсанъ уже получилъ наставленія отъ Тюльерійскаго кабинета и вступилъ въ переговоры о союзѣ съ барономъ Гарденбергомъ. Но едва открылись эти переговоры, какъ генералъ Шарнгорстъ привезъ заключенную имъ конвенцію, а вслѣдъ затѣмъ, и графъ Ливенъ передалъ прусскому канцлеру проектъ союзнаго договора съ Россіей. Баронъ Гарденбергъ обрадовался, получивъ эти документы, какъ увѣдомлялъ нашъ посланникъ графа Румянцева, и увѣрялъ даже потомъ, что и король изъявлялъ свое удовольствіе по этому поводу. Дѣйствительно, опираясь на эти документы, прусскій канцлеръ составилъ подробную записку о политическомъ положеніи Пруссіи и представилъ ее королю. Въ этой запискѣ, чтобъ опредѣлить съ какою изъ державъ, съ Франціей или Россіей, слѣдуетъ Пруссіи вступить въ союзъ, баронъ Гарденбергъ отвѣчаетъ напередъ на слѣдующіе вопросы: 1) полезенъ-ли вообще союзъ Пруссіи съ Франціей, 2) предлагаемыя Франціей условія союза способны ли утвердить его, или сами въ себѣ уже заключаютъ его разрушеніе, 3) обладаетъ ли король еще свободою выбора, съ какою изъ державъ заключить союзъ, съ Россіей или Франціей, и, наконецъ, 4) какія, при настоящихъ обстоятельствахъ.

[1]) Черновой проектъ этого договора писанъ рукою самого императора Александра.

могутъ произойдти послѣдствія союза съ тою или другою державою?

Отвѣчая на первый вопросъ, Гарденбергъ говоритъ: „Огромныя силы Наполеона, его стремленіе къ владычеству надъ всею Европою, доказанное многочисленными опытами, коварство, съ которымъ Франція не исполняетъ своихъ обѣщаній и даже нарушаетъ договоры, лишь только найдетъ ихъ условія почему-либо для себя неудобными, явное стремленіе захватить подъ свою власть всѣ морскіе берега, чтобъ англійской морской силѣ противопоставить еще большую и взять въ свои руки торговлю всѣхъ европейскихъ государствъ, географическое положеніе Пруссіи, отъ котораго зависитъ, что всѣ эти обстоятельства наибольшею тягостью упадутъ на нее, различіе характеровъ короля и Наполеона, между которыми невозможно ни взаимное довѣріе, ни полное согласіе въ видахъ, память о нанесенныхъ бѣдствіяхъ и униженіяхъ, ненависть къ Франціи лучшей части народа и войскъ,— всѣ эти обстоятельства въ совокупности достаточны для того, чтобъ отклонить мысль о союзѣ съ Франціей". Притомъ этотъ союзъ не возможенъ; въ отношеніи къ Пруссіи онъ превратился бы въ полное ея подчиненіе Франціи. „Говорятъ", продолжаетъ Гарденбергъ, — „прежде всего надо думать о томъ, чтобы спасти свое существованіе, предоставивъ все другое будущимъ лучшимъ временамъ. Но я спрашиваю: можно ли дѣйствительно достигнуть этой цѣли посредствомъ союза съ Франціей? Судьба Этруріи, Испаніи, Португаліи, Голландіи и еще прежде Сардиніи показываетъ, чего могутъ ожидать отъ Наполеона его союзники". Особенное положеніе Пруссіи еще съ большею вѣроятностію заставляетъ опасаться такихъ же послѣдствій. Если Наполеонъ не разрушаетъ Рейнскаго союза, то потому только, что послѣдній вполнѣ подчиненъ его власти и потому, можетъ быть, что не считаетъ разрушеніе его своевременнымъ въ виду своей цѣли. Не остановился же онъ присоединить къ Франціи владѣнія герцога Ольденбургскаго, также члена Рейнскаго союза?

Переходя ко второму вопросу, баронъ Гарденбергъ разсматриваетъ предлагаемыя Франціей условія союзнаго договора и находитъ, что онѣ клонятся къ тому, чтобы вполнѣ подчинить Пруссію французской власти. Дѣйствительно, такова и была цѣль этого договора. Условія союза, которыя Прусскій король сообщилъ своему посланнику въ Парижѣ въ маѣ (2/14-го 1811 г.) мѣсяцѣ, были отклонены французскимъ правительствомъ. Въ это время императоръ Французовъ считалъ себя всесильнымъ, и ему не приходило и въ голову, при той ненависти,

которую онъ питалъ къ Пруссіи, входить въ договоры съ ея королемъ, какъ равному съ равнымъ. Онъ требовалъ, чтобы Пруссія или вступила въ составъ Рейнскаго союза, и слѣдовательно, вполнѣ подчинилась бы его волѣ, или заключила бы съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ, безъ опредѣленія срока и на всѣ возможныя случайности. Требуя участія и содѣйствія Пруссіи въ своихъ завоевательныхъ подвигахъ, Наполеонъ не облегчалъ ея затруднительнаго положенія, но усиливалъ его еще болѣе. Онъ не убавилъ контрибуцій и настоятельно требовалъ ихъ уплаты, не возвращалъ крѣпостей, которыя послѣ уплаченной уже части контрибуціи долженъ былъ возвратить, не дозволялъ увеличивать свыше 42.000 число войскъ и не обѣщалъ никакихъ вознагражденій за содѣйствіе Пруссіи въ его войнахъ. Только два условія имѣли видъ уступки въ пользу Пруссіи: нейтрализація Силезіи, гдѣ могло бы на случай войны найдти убѣжище прусское королевское семейство и развалины государственнаго управленія Пруссіи, и обезпеченіе обладаніемъ тѣми областями, которыя оставались еще подъ властію Гогенцоллерновъ. Но первое условіе требовало напередъ согласія другой изъ воюющихъ сторонъ, то-есть, Россіи; второе, укрѣпляло на непредвидѣнное время обрѣзанную завоеваніями Наполеона незначительную область королевства. Пруссія въ томъ видѣ, какъ оставилъ ее Фридрихъ Великій, постоянно считала свою область недостаточною и стремилась къ новымъ пріобрѣтеніямъ. Колебаніе ея политики во время войнъ Наполеона основывалось на томъ, что она желала, за свое содѣйствіе той или другой сторонѣ, пріобрѣсти Ганноверъ. Но послѣ несчастныхъ войнъ съ Французами, вмѣсто увеличенія своей области утративъ половину прежнихъ своихъ владѣній, могла ли она примириться съ такимъ положеніемъ? Естественно, что баронъ Гарденбергъ не могъ совѣтовать заключить союзъ съ Франціей на такихъ условіяхъ потому, что неминуемымъ послѣдствіемъ такого союза было бы „полное подчиненіе Франціи, которое угрожало опасностью для Пруссіи и даже совершеннымъ ея уничтоженіемъ".

Но сверхъ того, переходя къ разрѣшенію третьяго вопроса, Гарденбергъ доказываетъ, что король, вслѣдствіе добровольно данныхъ имъ Русскому императору обѣщаній, утратилъ уже свободу выбора въ томъ, съ кѣмъ — съ Франціей ли, или съ Россіей заключить ему союзъ. „До 4/16-го іюля этого года", говоритъ онъ, — „то-есть, до возвращенія князя Гацфельда изъ Парижа, руки короля не были связаны, и онъ могъ свободно дѣйствовать въ этомъ случаѣ. Но, когда на пред-

ложеніе короля заключить союзъ, князь Гацфельдъ не привезъ прямаго отвѣта, и слѣдствіемъ его посольства оказались пустыя увѣренія, а между тѣмъ наше положеніе съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе, тогда король, тщательно вникнувъ въ положеніе дѣлъ и взвѣсивъ всѣ представленныя ему вѣрными его слугами доводы за и противъ этого союза, *самъ*, совершенно самостоятельно (höchselbst)—(я долженъ указать на это обстоятельство съ откровенностію, какъ я привыкъ поступать) рѣшилъ, въ случаѣ войны *вступить въ союзъ съ Россіей*. Съ этого времени всѣ дѣйствія были направлены къ этой цѣли: съ усиленною дѣятельностью производились вооруженія, генералъ Шарнгорстъ посланъ былъ въ Петербургъ заключить военный договоръ на такихъ условіяхъ, чтобы король могъ расчитывать на сильную помощь со стороны Россіи. Король снабдилъ наставленіями генерала на этотъ случай и въ собственноручномъ письмѣ къ императору Александру (4/16-го іюля) положительно заявилъ о своемъ рѣшеніи. Онъ совѣтовалъ только, по возможности, поддерживать миръ, окончить войну съ Турками, не отдавать Пруссію на жертву огромныхъ силъ Наполеона и оказать ей сильную помощь, ссылаясь въ этомъ на тѣ предложенія, которыя будутъ представлены Шарнгорстомъ. Если эти совѣты и не вполнѣ были приняты, и даже существенныя подробности отклонены, если долго пришлось ожидать извѣстій о всѣхъ частныхъ условіяхъ воѣннаго договора, то во всякомъ случаѣ императоръ Александръ не оставилъ короля въ неизвѣстности въ отношеніи къ главному вопросу. Донесенія Шёлера свидѣтельствуютъ, съ какою радостію императоръ узналъ о рѣшеніи короля; съ генераломъ Шарнгорстомъ были открыты переговоры, и самъ императоръ, въ письмѣ къ королю отъ 27-го сентября, изъявилъ готовность вступить въ союзъ съ Пруссіей. Императоръ писалъ: договоръ скоро будетъ подписанъ; но и до этого времени король можетъ быть увѣренъ, что всякое враждебное дѣйствіе противъ Пруссіи Россія пріиметъ какъ объявленіе войны ей самой, и если откроется война, то безъ взаимнаго согласія она не заключитъ мира. Письмо императора имѣетъ такую же обязательную силу, какъ и самый договоръ. Все, чего ни требовалъ король, было немедленно исполнено: графъ Ливенъ дѣйствовалъ согласно съ его желаніемъ и предъявилъ проектъ союзнаго договора, который онъ былъ уполномоченъ подписать. Наконецъ, Шёлеръ увѣдомилъ, 18-го октября, объ отъѣздѣ Шарнгорста, и что онъ заключилъ договоръ, согласный съ желаніями короля. Императоръ да-

валъ обѣщаніе по первому требованію короля двинуться со всѣми своими войсками".

Въ заключеніе приведенныхъ соображеній баронъ Гарденбергъ говоритъ: „Король утратилъ уже право выбора между Россіей и Франціей: оставаясь вѣрнымъ данному слову, онъ долженъ заключить союзъ съ Россіей. Еслибъ императоръ Александръ отказалъ въ помощи королю и объявилъ бы, что намѣренъ вести только оборонительную войну, какъ это казалось прежде, то король могъ бы считать себя свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ. Но когда императоръ обѣщаетъ Пруссіи помощь всѣми своими силами, то нельзя уже найдти повода отказаться отъ данныхъ ему обѣщаній".

Отвѣчая затѣмъ на послѣдній вопросъ, Гарденбергъ говоритъ, что послѣдствія союза, какъ съ тою, такъ и другою державой будутъ тяжелы для Пруссіи, вслѣдствіе ея географическаго положенія, но не въ равной мѣрѣ. При союзѣ съ Россіей Пруссіи пріийдется встрѣтить первый напоръ огромныхъ силъ Наполеона, и большая часть ея областей сдѣлаются первымъ поприщемъ военныхъ дѣйствій. Если Россія будетъ побѣждена, то Пруссіи грозитъ совершенное уничтоженіе. Но не та же ли опасность грозитъ ей и при союзѣ съ Франціей, но только въ иномъ видѣ? Въ случаѣ побѣды Наполеона Пруссія окажется въ полной отъ него зависимости. „Его двусмысленныя отношенія къ ней, доказанныя многими опытами и обличаемыя теперь предложенными имъ условіями союза, приводятъ къ тому заключенію, что ни одной древней династіи онъ не оставитъ на извѣстной степени могущества. Или Пруссія должна будетъ вполнѣ ему подчиниться, или онъ ее уничтожитъ. Заключая союзъ съ Россіей, Пруссія, конечно, должна встрѣтить первый напоръ войны; но она будетъ имѣть надежду на помощь союзниковъ — Россіи и Англіи, а можетъ быть и нѣкоторыхъ другихъ. Положеніе дѣлъ совсѣмъ не такъ дурно, какъ было въ 1806 г. передъ Іеной и Ауерштетомъ. Въ продолженіе войны Пруссія будетъ получать пособія деньгами, оружіемъ и другими военными принадлежностями. Свободная торговля въ тѣхъ областяхъ, которыя не будутъ заняты непріятелемъ, также доставитъ выгоды. Я сознаюсь, что успѣхъ сопряженъ съ великими трудностями, но достигнуть его возможно. Стоитъ хорошо воспользоваться одною побѣдой, и все измѣнится; Наполеону пріийдется бороться съ гораздо большими затрудненіями, нежели въ 1806 и 1807 годахъ. Если жь успѣхъ увѣнчаетъ дѣло, тогда Пруссія пріобрѣтетъ

существенныя выгоды: возвратитъ утраченную ею самостоятельность, и можетъ быть, потерянныя области".

Въ заключеніе изложенныхъ соображеній баронъ Гарденбергъ совѣтовалъ королю, не упуская времени, тайно заключить союзъ съ Россіей и точно также тайно начать переговоры съ Англіей о вспоможеніяхъ на тотъ случай, когда начнется война; не прерывая приготовленій къ войнѣ, въ то же время стараться отклонить все, что̀ могло бы нарушить миръ и продолжать и затягивать переговоры съ французскимъ посланникомъ; но въ то же время рѣшиться оставить Берлинъ, гдѣ какъ самъ король, такъ и его семейство, подвергались опасности попасться въ плѣнъ Наполеону.

Эту записку [1]) баронъ Гарденбергъ подалъ королю въ то время, какъ, по его же словамъ, *съ часу* на *часъ* ожидали возвращенія изъ Петербурга генерала Шарнгорста. Не долго спустя, послѣдній дѣйствительно пріѣхалъ въ Берлинъ и привезъ военную конвенцію, заключенную имъ согласно съ наставленіями, полученными отъ короля, и подписанную имъ со стороны Пруссіи, а графомъ Румянцевымъ и военнымъ министромъ Барклаемъ-де-Толли, съ одобренія императора, со стороны Россіи. Эта конвенція должна была подкрѣпить записку барона Гарденберга, вывести короля изъ колеблящагося положенія и вынудить къ окончательному рѣшенію. Между тѣмъ прусскій канцлеръ, продолжая переговоры о союзѣ съ французскимъ посланникомъ, избѣгалъ свиданія съ графомъ Ливеномъ, черезъ третьихъ лицъ сообщалъ ему короткія извѣстія о переговорахъ и ничего не отвѣчалъ на предложенія Россіи. Прождавъ 15 дней послѣ открытія этихъ переговоровъ, въ то время, когда баронъ Гарденбергъ уже представилъ свою записку королю, и генералъ Шарнгорстъ возвратился въ Берлинъ, графъ Ливенъ, чтобы выйдти изъ неизвѣстности о ходѣ дѣлъ, рѣшился написать письмо къ прусскому канцлеру и выразить удивленіе, что такъ долго не отвѣчаютъ на предложенія нашего кабинета. „Нашъ кабинетъ", писалъ онъ ему, — со всею поспѣшностію сообщилъ мнѣ всѣ наставленія, которыхъ желалъ самъ король. Я извѣстилъ нашъ кабинетъ, что французскія предложенія о союзѣ получены въ Берлинѣ, и съ тѣхъ поръ прошло 15 дней, а я нахожусь въ совершенной неизвѣстности о томъ, какъ приняты королемъ послѣднія сообщенія

[1]) Denkschrift über der Nothwendigkeit und über die Gefahren eines offentiv- und Defensivbündniss mit Napoleon. 2-го ноября (21-го октября) 1811 г. Leben v. Fürst. Hardenberg v. *Klose*. Hal'e, 1851, стр. 334—349.

нашего кабинета, которыхъ онъ самъ такъ желалъ. Императоръ, полагаясь на увѣренія е. в. короля въ его дружбѣ къ нему и въ твердой рѣшимости не входить ни въ какіе договоры съ Франціей, конечно, можетъ быть совершенно спокоенъ въ этомъ случаѣ, потому что выгоды Пруссіи совершенно тождественны съ выгодами Россіи въ настоящее время. Но моему государю любопытно знать, въ какой степени предложенія Франціи согласны съ ея настоящими отношеніями къ Россіи. Безъ сомнѣнія, онъ не повѣритъ, чтобы король, его другъ, могъ оставить его въ невѣденіи о такомъ важномъ дѣлѣ, и можетъ приписать это преступной небрежности съ моей стороны". Желая избавиться отъ подобнаго подозрѣнія, Ливенъ просилъ барона Гарденберга почтить его немедленнымъ отвѣтомъ [1]).

Баронъ Гарденбергъ немедленно отвѣчалъ нашему посланнику, но такимъ неопредѣленнымъ письмомъ, которое вовсе не было отвѣтомъ на его вопросъ. „Я льщу себя надеждой", писалъ онъ,—„что вы не меня обвиняете въ замедленіи объясненій, которыя вы имѣете право ожидать. Это совершенно не зависѣло отъ меня; я же, съ своей стороны, не промедлю ни минуты сообщить ихъ вамъ, когда буду имѣть возможность". Затѣмъ прошла еще недѣля, какъ наконецъ прусскій канцлеръ пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе (17-го іюля) нашего посланника. Онъ прочиталъ ему, конечно—не вполнѣ, предложенія Пруссіи французскому кабинету, сдѣланныя въ маѣ мѣсяцѣ, новыя предложенія этого правительства и замѣчанія на нихъ Пруссіи. Затѣмъ— „канцлеръ мнѣ сказалъ", писалъ графъ Ливенъ нашему правительству,—„что на предложенныхъ Пруссіей условіяхъ, очевидно, союзъ не будетъ принятъ Франціей, слѣдовательно, Пруссія еще не готова къ тому, чтобы заключить союзъ, да и вообще въ этой негоціаціи много такихъ вопросовъ, которые послужатъ поводомъ затянуть ее надолго. Впрочемъ", говорилъ канцлеръ, — „еслибы Франція согласилась на всѣ наши требованія, то король поручилъ мнѣ условиться съ вами въ составленіи отвѣта на предложеніе вашего кабинета". Этотъ странный отвѣтъ, безъ сомнѣнія, поразилъ нашего посланника: Пруссія до такой степени была увѣрена въ дружбѣ къ ней Россіи, что полагала даже, что въ угоду ей Россія будетъ бить сама себя своими руками, и что представитель ея правительства въ Берлинѣ поможетъ прусскому кабинету составить отвѣтъ, въ которомъ Прус-

---

[1]) Письмо графа Ливена къ барону Гарденбергу 27-го октября (8-го ноября); отвѣтъ Гарденберга 28-го октября (9-го ноября) 1811 г.

сія объявить, что, вступая въ союзъ съ Франціей, она становится врагомъ Россіи. Баронъ Ливенъ уже съ самаго начала переговоровъ прусскаго канцлера съ Сенъ-Марсаномъ замѣчалъ двусмысленное поведеніе съ нимъ прусскаго правительства. Слова барона Гарденберга открыли ему наконецъ истину. Онъ отвѣчалъ ему, что вовсе не считаетъ нужнымъ входить въ разсмотрѣніе бумагъ, относящихся до переговоровъ Пруссіи о союзѣ съ Франціей, но желаетъ имѣть отвѣтъ короля на представленный имъ проектъ союзнаго договора съ Россіей и удивляется, что до сихъ поръ его не получилъ. „Я не имѣю никакихъ объ этомъ приказаній короля", отвѣчалъ баронъ Гарденбергъ. Прусское правительство, кажется, полагало, что особенная дружба съ державою позволяетъ дѣйствовать не только враждебно въ отношеніи къ ней, но и неучтиво.

Не смотря на этотъ отвѣтъ и зная, конечно, то затруднительное положеніе, въ которомъ находилась Пруссія, тотъ паническій страхъ, который ощущала какъ и вся почти Европа при имени Наполеона, а также слабость и нерѣшительность характера короля, графъ Ливенъ подробно Гарденбергу выразилъ свой взглядъ на предположенный Пруссіей союзъ съ Франціей. „Проектъ союза, представленный вамъ французскимъ правительствомъ", говорилъ онъ, — „разчитанъ на то. чтобы воспользоваться какъ территоріей государства, такъ и всѣми средствами Пруссіи для войны противъ Россіи. Какія же въ этомъ случаѣ можетъ возлагать король надежды на Францію? Именно теперь онъ долженъ поспѣшить заключеніемъ союза съ Россіей на основаніи того проекта договора, который я сообщилъ, и въ которомъ заключаются тѣ условія, которыя предлагалъ самъ король. Откладывая это дѣло, король подастъ поводъ думать въ Петербургѣ, что онъ дѣйствительно склоненъ къ заключенію союза съ Франціей. Я, съ своей стороны, этого не предполагаю; но я считаю нужнымъ обратить на это ваше вниманіе. Уступчивость короля только можетъ убѣдить Наполеона, что онъ можетъ располагать всѣми средствами Пруссіи и рѣшитъ его начать войну. Быть можетъ, онъ только и желаетъ убѣдиться въ этомъ, чтобы начать эту войну. Слѣдовательно, король желая сохраненія мира, дѣйствуетъ совершенно противоположно своимъ видамъ и выгодамъ".

Баронъ Гарденбергъ отвѣчалъ, что таковъ и его личный взглядъ но король полагаетъ, что стоитъ ему только заключить союзъ съ Россіей, чтобы вызвать Францію на войну и потерять свою корону „Но я желаю знать", продолжалъ графъ Ливенъ,—„доволенъ ли ко

роль конвенціей Шарнгорста и представленнымъ мною проектомъ союзнаго договора, желаетъ ли онъ заключить этотъ договоръ, или ужь измѣнилъ свое мнѣніе?"

„Нѣтъ", отвѣчалъ Гарденбергъ,—„мнѣнія короля неизмѣнны; но онъ затрудняется рѣшиться на это и пріискиваетъ причины, чтобъ оправдать то неопредѣленное положеніе, отъ котораго не имѣетъ силы отрѣшиться. Онъ говоритъ, что въ настоящее время онъ вовсе не считаетъ себя обязаннымъ заключать тотъ договоръ, который онъ предлагалъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда Россія не показала особаго къ тому расположенія. Съ тѣхъ поръ до октября мѣсяца прошло много времени, и положеніе его значительно ухудшилось. Притомъ онъ предлагалъ союзъ на тѣхъ условіяхъ, чтобы Россія заключила миръ съ Турціей, привлекла на свою сторону Австрію и могла бы занять Польшу. Ни одно изъ этихъ условій не исполнено. Король полагаетъ, что успѣхъ въ войнѣ будетъ на той изъ воюющихъ сторонъ, которая будетъ властвовать въ Польшѣ; между тѣмъ даже изъ договора, подписаннаго Шарнгорстомъ, нельзя быть увѣреннымъ, чтобы Россія обезпечила себѣ овладѣніе Польшей и чтобъ ея войска могли во-время подоспѣть на помощь Пруссіи и спасти ее. Притомъ первый корпусъ, предназначаемый для перехода за границу, весьма малочисленъ, и планъ дѣйствій не простирается далѣе Вислы".

Гарденбергъ, начавъ рѣчь съ заявленія, что не имѣетъ никакихъ порученій со стороны короля отвѣчать на вопросъ нашего посланника о томъ, какъ отнесся король на предложенія Россіи о союзѣ, высказалъ въ теченіе разговора, что король положительно отвергаетъ ихъ и на основаніи какихъ причинъ. Но эти причины показались нашему посланнику пустыми придирками и, онъ началъ опровергать ихъ значеніе одну за другою, и наконецъ, вынудилъ прусскаго канцлера выразиться откровеннѣе, что только слабость характера короля отклоняетъ его отъ заключенія союза съ Россіей. Гарденбергъ сказалъ ему о запискѣ, которую представлялъ королю, и обѣщалъ сообщить ее графу Ливену. Но изъ разговоровъ съ барономъ Гарденбергомъ, нашъ посланникъ замѣтилъ, что была и еще причина, по которой король не былъ доволенъ русскимъ проектомъ союзнаго договора, а именно: въ ней нѣтъ обѣщанія вознагражденій и пріобрѣтеній для Пруссіи. Даже въ то время, когда дѣло шло единственно о спасеніи существованія Пруссіи, ея не покидала мысль о пріобрѣтеніяхъ и выгодахъ.

Баронъ Гарденбергъ, можетъ быть, не теряя еще надежды откло-

нить короля отъ союза съ Франціей или отъ желанія продлить хорошія отношенія къ нашему посланнику, предложилъ ему написать свои возраженія противъ тѣхъ причинъ, на которыя упирается король, не соглашаясь вступить въ союзъ съ Россіей, но только не въ видѣ *оффиціальной ноты*, а *конфиденціальнаго* письма. Графъ Ливенъ не замедлилъ исполнить его желаніе, не позволяя себѣ, конечно, упускать даже ничтожнаго способа для того, чтобъ исполнить возложенное на него правительствомъ порученіе.

„Короля, по видимому, останавливаютъ", писалъ онъ прусскому канцлеру,—„заключить союзъ съ Россіей такія соображенія, которыя не трудно опровергнуть: 1) наша война, еще продолжающаяся съ Турками; 2) наши не совсѣмъ искреннія отношенія къ Австріи; 3) незначительное наше вліяніе на Польшу, и 4) опасеніе заключить съ нами союзъ въ виду того впечатлѣнія, какое онъ произведетъ на Францію. На первое соображеніе я отвѣчу, что въ настоящее время мы находимся гораздо ближе къ заключенію мира съ Турками, нежели были въ то время, когда король предложилъ намъ союзъ. Не могло бы быть выгодно и для Пруссіи, еслибы Россія должна была заключить унизительный миръ съ Турками, уступивъ имъ всѣ свои завоеванія. Мы заботились о выгодномъ для насъ мирѣ. Турки, съ своей стороны, поощряемые нашими врагами, употребили всѣ свои силы и убѣдились, наконецъ, что мы можемъ успѣшно отражать ихъ даже незначительнымъ количествомъ войскъ. Что касается до втораго соображенія, то Австріи неизвѣстны тайныя сношенія Россіи съ Пруссіей,—почему же не предположить, что, можетъ быть, точно такія же существуютъ сношенія между Вѣной и Петербургомъ, которыя могутъ быть неизвѣстны въ Берлинѣ. По третьему соображенію отвѣчать также не трудно: Россія могла увеличить свое вліяніе на Польшу не иначе, какъ занявъ эту страну своими войсками. Это было бы началомъ войны, которую желаетъ предотвратить Пруссія. По четвертому не могу не замѣтить, что еслибъ императору Наполеону сдѣлалась извѣстна военная конвенція, заключенная между Россіей и Пруссіей, то она произвела бы на него точно такое же впечатлѣніе, какъ и союзный договоръ, и послужила бы ему точно такимъ же поводомъ жаловаться на Пруссію. Въ этой конвенціи, конечно, идетъ рѣчь только о военныхъ дѣйствіяхъ, и противъ ней говорятъ, что она не обнимаетъ всѣхъ этихъ дѣйствій и ограничивается только указаніемъ на первоначальныя, которыя должны простираться только

до Вислы. Но возможно ли опредѣлять напередъ дальнѣйшія военныя дѣйствія? Едва ли и возможно ихъ предвидѣть“ [1]).

Это письмо, если даже и было показано королю, не могло произвести никакого на него вліянія послѣ отвергнутой имъ записки барона Гарденберга. Переговоры съ Франціей продолжались по прежнему, и Пруссіи хотѣлось выговорить нѣкоторыя облегчительныя условія; Франція же не отвѣчала, стараясь только не прерывать переговоровъ, но и не заключать преждевременно союзнаго договора. Только въ январѣ мѣсяцѣ 1812 г. баронъ Круземаркъ получилъ слѣдующее письмо отъ герцога Бассано: Любезный баронъ! Настало время произнести приговоръ о судьбѣ Пруссіи. Я не скрою отъ васъ, что для нея это вопросъ жизни или смерти. Въ Тильзитѣ намѣренія императора въ отношеніи Пруссіи были весьма строги. Эти намѣренія такими же и остались и могутъ измѣниться только въ томъ случаѣ, если Пруссія сдѣлается нашею вѣрною союзницею. Время дорого, обстоятельства важны“ [2]). Въ то же время Сенъ-Марсанъ рѣшительно объявилъ прусскому правительству, что императоръ Наполеонъ не согласится на увеличеніе числа прусскихъ войскъ и на плату деньгами за продовольствіе французскихъ войскъ и не возвратитъ прусскихъ крѣпостей до окончательнаго морскаго мира, то есть, до мира съ Англіей. „Если вы хотите“, говорилъ онъ прусскому канцлеру, — „я пошлю въ Парижъ вашъ проектъ союзнаго договора съ этими условіями; но я увѣренъ, что императоръ Наполеонъ сейчасъ же отзоветъ меня изъ Берлина“. Эта угроза оказала дѣйствіе, и король немедленно рѣшился утвердить договоръ въ томъ видѣ, какъ предложила его Франція, и такимъ образомъ передалъ Пруссію совершенно въ руки Наполеона [3]).

Скрывая еще свои дѣйствія отъ Русскаго императора, онъ отправилъ съ письмомъ къ нему своего адъютанта барона Кнезебека въ Петербургъ. Но императоръ получилъ извѣстіе о рѣшительномъ оборотѣ прусской политики на сторону Франціи еще до его пріѣзда и сообщилъ объ этомъ барону Шёлеру, который тогда управлялъ прусскимъ посольствомъ въ Петербургѣ, но находился въ полномъ не-

---

[1]) Письмо графа Ливена къ барону Гарденбергу 9/21-го ноября 1811 г.; депеши графа Ливена къ графу Румянцеву 24-го октября (5-го ноября) и 10/22-го ноября 1811 г.

[2]) Mémoires d'un homme d'etât, т. III, 334.

[3]) Депеши графа Ливена къ графу Румянцеву 13/25-го и 16/28-го января 1812 г.

вѣдѣніи о дѣйствіяхъ своего правительства. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя ненавидѣли Наполеона и стремились къ тому, чтобы вовлечь Пруссію въ тѣсный союзъ съ Россіей. Получивъ эти извѣстія отъ императора, Шёлеръ отвѣчалъ ему письмомъ. „Я не въ силахъ", пишетъ онъ, — „выразить вашему величеству то впечатлѣніе, которое произвело на меня чтеніе сообщенныхъ вами мнѣ писемъ. Послѣ недавняго разговора съ вами, сообщенныя извѣстія были для меня громовымъ ударомъ съ безоблачнаго неба. Неминуемая гибель короля, окончательное разрушеніе моего отечества, изгнаніе всѣхъ тѣхъ, которые постоянно слѣдовали чувствамъ долга и чести, вотъ послѣдствія, которыя прежде всего представились моей, убитой горемъ, душѣ и разрушили въ ней всякую надежду". Заключеніе Пруссіей союза съ Наполеономъ точно такое же произвело впечатлѣніе на всѣхъ тѣхъ, которые, по выраженію Шёлера, „слѣдовали чувствамъ долга и чести". Баронъ Штейнъ, узнавъ объ этомъ союзѣ, писалъ изъ Праги въ Лондонъ къ графу Мюнстеру: „Пруссія во второй разъ обманула ожиданія всѣхъ честныхъ и благомыслящихъ людей: она безусловно предалась во власть своему злѣйшему врагу, собственными руками приготовляя себѣ могилу" [1]). „Но", писалъ далѣе баронъ Шёлеръ императору, — „я нѣсколько ободрился, пообдумавъ обстоятельства". Прусскаго уполномоченнаго ободрили письма, полученныя имъ отъ генерала Шарнгорста и маіора Бойена. Первый писалъ ему, что дѣло еще не рѣшено окончательно, что онъ употребитъ послѣднія усилія, чтобъ уговорить короля оставить Берлинъ и переѣхать въ Бреславль, какъ для собственной безопасности, такъ и ради безопасности своего семейства. Это средство считали послѣднимъ всѣ лица той партіи, къ которой принадлежалъ Шарнгорстъ, и на него единственно возлагали надежду въ это время. „Въ дѣйствіяхъ короля замѣтна нерѣшительность", писалъ нашъ посланникъ къ графу Румянцеву, — „а не шаткость убѣжденій. Не перестаю увѣрять ваше сіятельство съ глубокимъ убѣжденіемъ, что онѣ совершенно согласны съ видами Россіи, и ни въ какомъ случаѣ добровольно онъ не вступилъ бы въ союзъ съ Франціей; по слабости его характера, по страху вызвать войну, который питаютъ въ немъ его окружающіе, или по малодушію, или изъ личныхъ выгодъ, или по глупости, онъ приходитъ въ ужасъ

---

[1]) Письмо барона Штейна 7/19-го апрѣля 1812 г.; *Пертцъ*, Das Leben des M. F. v. Stein, т. III, стр. 49.

при одной мысли, что его выѣздъ изъ Берлина рѣшитъ участь государства. Еслибъ онъ согласился, наконецъ, оставить свою столицу, то вся возможная для него рѣшимость возникла бы непремѣнно вслѣдствіе этого поступка". Но кромѣ страха за участь Пруссіи, была и другая причина, удерживавшая короля отъ этого дѣйствія. „Трудно себѣ представить", писалъ также графъ Ливенъ,— до какой степени король—рабъ своихъ привычекъ". Рѣшимость оставить привычный въ своей столицѣ образъ жизни и обыденныя занятія ужасали слабаго короля, почти столько же, какъ и участь его государства. Усиленныя настоянія императора Александра, послѣ Эрфуртскаго свиданія, заставили его оставить Кенигсбергъ [1]), гдѣ онъ поселился было по заключеніи Тильзитскаго мира, и возвратиться въ Берлинъ. Такія же настоянія считали необходимыми и для того, чтобы вынудить его оставить Берлинъ и переѣхать въ Бреславль. Въ этомъ именно смыслѣ писалъ къ Шöлеру и маіоръ Бойенъ. Онъ просилъ прусскаго уполномоченнаго убѣдить императора Александра написать письмо къ королю и „строго и рѣшительно именемъ дружбы указать ему, какой опасности онъ подвергаетъ себя, свое семейство и самые драгоцѣнные интересы вѣрнаго своего народа". Бойе увѣрялъ, что такое письмо можетъ произвести большое вліяніе на короля, если только оно будетъ немедленно къ нему отправлено. „Что касается до меня, государь", прибавлялъ, съ своей стороны, Шелеръ, — „то я убѣжденъ, что ваше величество можете съ успѣхомъ противодѣйствовать тѣмъ опаснымъ совѣтамъ корыстолюбія и страха, которымъ подчиняется король, и спасти его. Россія въ этомъ случаѣ должна подражать поведенію Франціи въ отношеніи къ другимъ державамъ и всѣмъ тѣмъ, кто будетъ дѣйствовать за одно съ нею, предлагать важныя выгоды, обязуясь торжественно доставить ихъ и обезпечивая всѣми способами, которыми она можетъ располагать, но въ то же время угрожая безграничною ненавистью и самымъ жестокимъ мщеніемъ всѣмъ, кто будетъ дѣйствовать противъ нея. Можетъ быть, предлагая такой образъ дѣйствій, я нарушаю долгъ почтенія и обязанности въ отношеніи къ моему государю, но моя глубокая преданность къ особѣ вашего величества и жестокое убѣжденіе, что это единственный способъ спасти мое отечество и короля, достойнаго лучшей участи, могутъ извинить меня".

Едва-ли не былъ правъ прусскій уполномоченный, что на поли-

[1]) Депеша графа Ливена графу Румянцеву $^{10}/_{22}$-го ноября 1811 г.

тику его отечества въ это время можно было дѣйствовать только насиліемъ, какъ и дѣйствовалъ императоръ Наполеонъ, или возбужденіемъ своекорыстныхъ видовъ; но онъ ошибался, предлагая императору Александру подобный образъ дѣйствій, несогласный ни съ благородствомъ его личнаго характера, ни съ политическими видами Россіи, не желавшей дѣйствовать наступательно, безъ добровольно заключеннаго съ нею союза со стороны Пруссіи. Русскій императоръ, конечно, рѣшился бы помогать союзнику и другу, но не спасать его насильственно и противъ его воли и желанія.

Но политическіе единомышленники прусскаго уполномоченнаго, предлагая еще средства не допустить ихъ отечества къ союзу съ Наполеономъ, сваливая всю вину на короля и забывая, что къ этому союзу увлекала его многочисленная партія Пруссаковъ, едва-ли вѣрили сами въ успѣхъ этихъ средствъ. И Шарнгорстъ, и Бойенъ оканчивали свои письма къ Шелеру порученіемъ передать Русскому Императору ихъ усердную просьбу принять ихъ въ русскую службу, въ случаѣ окончательнаго разрыва Пруссіи съ Россіей.

Генералъ Шарнгорстъ сердился на посольство Кнезебека въ Петербургъ. Извѣщая о немъ Шелера, онъ выражалъ негодованіе, что Кнезебекъ не отказался отъ такого порученія. Онъ называлъ его человѣкомъ „двоедушнымъ, лживымъ и интриганомъ, который считаетъ себя умнѣе всѣхъ другихъ". „Вѣроятно", писалъ Шелеръ, передавая этотъ отзывъ императору, — „генералъ также описалъ Кнезебека и графу Ливену; но я считаю долгомъ заявить вашему величеству, что хотя я не могу очистить моего товарища отъ всѣхъ обвиненій, но полагаю, что генералъ Шарнгорстъ обрисовалъ его уже слишкомъ темными красками. Впрочемъ, государь, Кнезебеку не удастся, конечно, убѣдить васъ въ справедливости той нелѣпой мысли, что, въ видахъ поддержанія мира, Россія должна обезоружиться немедленно, — хотя это и составляетъ цѣль его посольства" [1]).

Такъ предувѣдомило само прусское посольство Русскаго императора о посольствѣ Кнезебека, который пріѣхалъ въ Петербургъ нѣсколько дней спустя послѣ этого письма (2-го февраля). Черезъ два дня послѣ пріѣзда онъ получилъ позволеніе явиться къ императору и представить ему письмо прусскаго короля.

„Что вы мнѣ скажете, баронъ Кнезебекъ?" спросилъ его императоръ, лишь только онъ вошелъ въ его кабинетъ.

[1]) Письмо Шелера къ императору Александру I, 29-го января 1812 г.

Прусскій уполномоченный вручилъ государю письмо короля и вкратцѣ изложилъ его содержаніе. Король желалъ сохраненія мира и полагалъ, что того же желаетъ и императоръ. Но соединеніе огромныхъ силъ со стороны Россіи близъ ея границъ, военныя приготовленія и движеніе войскъ со стороны Франціи — думалъ король, — непремѣнно приведутъ къ войнѣ, если обѣ державы не войдутъ въ миролюбивые переговоры, которыхъ, съ своей стороны, желаетъ императоръ Наполеонъ. Поэтому онъ просилъ, чтобъ императоръ Александръ или облекъ достаточными полномочіями своего посланника при Тюльерійскомъ дворѣ, или послалъ особаго уполномоченнаго, чтобы полюбовно достигнуть соглашенія по всѣмъ вопросамъ, послужившимъ поводомъ къ пререкaніямъ между двумя державами. Король позволялъ себѣ обратиться съ такимъ совѣтомъ къ императору, какъ вслѣдствіе дружбы, такъ и настоящаго положенія Пруссія, на которую прежде всего обрушатся всѣ бѣдствія войны, если даже она и не сдѣлается главнымъ поприщемъ военныхъ дѣйствій.

„Никто болѣе меня“, отвѣчалъ ему императоръ, — „не желаетъ сохраненія мира. Правда, что мои войска придвинуты къ границамъ, но я былъ къ этому вынужденъ тѣмъ, что Франція все болѣе и болѣе усиливалась на Вислѣ, продолжала занимать сильными гарнизонами Данцигъ, Штетинъ, Кюстринъ, не возвратила вамъ Глогау, укрѣпила Торнъ, Прагу, Модлинъ, Ченстоховъ. Сосредоточеніе русскихъ войскъ было послѣдствіемъ вооруженій Франціи, а не угрожающею мѣрою со стороны Россіи. Напротивъ того, это — мѣра оборонительная; мои войска не переходятъ границъ. Кажется, я достаточно доказалъ Европѣ мое расположеніе къ миру, не выставляя ольденбургскій вопросъ какъ причину войны и храня молчаніе по случаю занятія Гамбурга и Любека. Я готовъ поступить точно также и по случаю занятія Помераніи. Россія строго соблюдаетъ договоры; поэтому съ ея стороны не представляется никакихъ поводовъ къ объясненіямъ. Впрочемъ, желая представить новое доказательство моихъ миролюбивыхъ намѣреній, я дѣйствительно хотѣлъ послать особаго уполномоченнаго въ Парижъ, послѣ заключенія мира съ Турками, чтобы снова показать, что, не смотря на измѣненіе политическихъ дѣлъ, мои мирныя намѣренія остаются неизмѣнными; но эти новые переговоры возбудили бы только новыя притязанія со стороны Франціи и новыя пререканія, и притомъ я имѣю причины думать, что это посольство не было бы пріятно императору Наполеону“.

Генералъ Кнезебекъ старался увѣрить государя, что, напротивъ,

Наполеонъ будетъ очень доволенъ, но что это посольство принесетъ пользу въ томъ только случаѣ, если состоится немедленно, ибо двѣ великія державы не могутъ оставаться во всеоружіи долго одна противъ другой. Такое положеніе неизбѣжно приводитъ къ войнѣ, и можно опасаться даже, что военныя дѣйствія могутъ начаться прежде, нежели этотъ уполномоченный выѣдетъ изъ Петербурга.

При этомъ свиданіи генералъ Кнезебекъ не упомянулъ о главномъ вопросѣ, отъ рѣшенія котораго зависѣла война или миръ Россіи съ Франціей, о закрытіи русскихъ портовъ для нейтральной торговли. Но спустя нѣсколько дней, при совѣщаніи съ канцлеромъ, который точно также, какъ и императоръ, сказалъ ему, что Россія не имѣетъ о чемъ объясняться съ Франціей, онъ началъ рѣчь объ этомъ вопросѣ и представилъ ему даже особую о немъ записку. Поэтому, при второмъ свиданіи съ Кнезебекомъ, императоръ уже самъ началъ говорить объ этой торговлѣ. „Я строго исполняю", говорилъ онъ,—„всѣ условія договоровъ. Россія не имѣетъ никакихъ сношеній съ Англіей и не ведетъ никакой съ нею торговли. Еще недавно были конфискованы четыре корабля, которые, по ихъ бумагамъ, оказались подозрительными. Очень можетъ быть, что кто-нибудь и встрѣтилъ обозъ съ товарами съ этихъ кораблей. Онъ могъ казаться большимъ, потому что много нужно небольшихъ русскихъ телѣгъ, чтобы помѣстить грузъ даже одного корабля. Спросите купцовъ, спросите помѣщиковъ—до какой степени стѣснена наша торговля къ ущербу Россіи. Стѣснять ее еще болѣе, запрещая нейтральную торговлю и безъ того весьма незначительную, невозможно. Я, какъ государь, имѣю обязанности въ отношеніи къ моему народу, и я не могу не соблюдать ихъ".

Генералъ Кнезебекъ замѣтилъ, что континентальная система, которой цѣль состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть свободы морей, страдаетъ отъ торговли Россіи съ Американцами, и это положеніе дѣлъ непремѣнно вызоветъ войну.

„Во всякомъ случаѣ", отвѣчалъ императоръ,—„не я буду зачинщикомъ войны, потому что я не обязывался препятствовать нейтральной торговлѣ. Народъ имѣетъ свои права, которыя я долженъ принимать во вниманіе, и первое изъ нихъ есть право на существованіе. Уступать въ этомъ случаѣ, имѣя на-готовѣ войска, было бы слабостью. Теперь безполезно даже было бы посылать уполномоченнаго въ Парижъ: императоръ Наполеонъ принялъ такое грозное положеніе, что эта попытка показалась бы исканіемъ мира изъ страха

войны". — Въ это время получены были извѣстія о сосредоточеніи саксонскихъ войскъ у Губека и движеніи Баварцевъ.

„Положеніе Европы", отвѣчалъ Кнезебекъ,—„въ настоящее время таково, что вынуждаетъ отложить всѣ второстепенныя соображенія и стремиться къ достиженію одной великой цѣли — поддержанію мира. Такъ, и ваше величество, по свойственному великодушію, безъ сомнѣнія, будете дѣйствовать, и въ этомъ случаѣ никакой поступокъ не можетъ быть ниже вашего достоинства. Можно ли почесть слабостью такую попытку поддержать миръ со стороны государя, у котораго подъ рукою 300.000 войска"? Обращая вниманіе государя на гибельныя послѣдствія войны, генералъ замѣтилъ, что она начнется при самыхъ неблагопріятныхъ для Россіи обстоятельствахъ, которыя онъ и началъ вычислять одно за другимъ: „Война съ Турціей еще продолжается, Наполеонъ владѣетъ линіями по Вислѣ и Одеру, Россія должна защищать огромное протяженіе своихъ границъ, не имѣя крѣпостей"...

„Все это справедливо", прервалъ его императоръ, — „я не скрываю отъ себя своего положенія. Вы забыли еще прибавить, что я лично не могу равняться съ такимъ военнымъ геніемъ, какъ Наполеонъ, что у меня нѣтъ такого полководца, котораго я могъ бы противопоставить ему. Я сообразилъ всѣ эти обстоятельства, и они всѣмъ извѣстны и могутъ убѣдить Европу, что я не желаю войны и никогда не буду зачинщикомъ; но на случай нападенія я все приготовилъ, чтобы защищаться долго и упорно. Я не хочу показать слабость характера передъ моимъ народомъ, а это именно была бы слабость еслибъ я теперь отправилъ уполномоченнаго въ Парижъ искать мира. Впрочемъ, Россіи не о чемъ давать объясненій, да притомъ и князь Куракинъ облеченъ достаточными полномочіями, чтобы выслушать все, что̀ можетъ предложить намъ императоръ Наполеонъ".

Генералъ Кнезебекъ почувствовалъ, конечно, выслушавъ императора, что его порученіе окончено и — не удалось.

„Но еслибы самъ императоръ Наполеонъ прислалъ уполномоченнаго или поручилъ войдти въ переговоры графу Лористону, согласились ли бы ваше величество на это?" спросилъ онъ, и услышавъ утвердительный отвѣтъ, рѣшился выѣхать изъ Петербурга.

На прощальномъ свиданіи (14-го марта) императоръ повторилъ ему все, что̀ говорилъ прежде, прибавивъ: „Самымъ лучшимъ доказательствомъ моихъ миролюбивыхъ желаній можетъ служить то обстоятельство, что я не началъ войны весною прошлаго года. Тогда я

былъ готовъ къ войнѣ на столько же, на сколько и теперь. Подвинувшись къ Эльбѣ, я вынудилъ бы Пруссію соединиться со мною и не встрѣтилъ бы достаточныхъ силъ, которыя могли бы остановить движенія моихъ войскъ. Я не считаю себя полководцемъ; но выгоды этого образа дѣйствій бросаются всѣмъ въ глаза. Еслибъ я и теперь рѣшился дѣйствовать наступательно, я тоже могъ бы еще имѣть выгоды. но я этого не сдѣлаю, и вы можете сказать вашему государю, что я буду ожидать пушечнаго выстрѣла на моихъ границахъ".

Личныя ли нравственныя качества императора, или политическія соображенія, основанныя на знаніи характера государства, съ которымъ онъ желалъ заключить *добровольный* союзъ, отклонили его отъ намѣренія вовлечь Пруссію *насильственно* въ союзъ съ Россіей,— но во всякомъ случаѣ его поступокъ соотвѣтствовалъ достоинству Россіи. Насильственный союзъ Пруссіи съ Россіей, безъ сомнѣнія, въ случаѣ неудачи военныхъ дѣйствій, окончился бы также, какъ и союзъ ея съ Франціей въ началѣ 1813 г., то-есть, измѣною своему союзнику.

Генералъ Кнезебекъ послѣ первыхъ еще свиданій съ императоромъ „съ сердцемъ, пораженнымъ глубокою скорбью", по его выраженію, написалъ къ нему письмо, въ которомъ, повторяя все то, что говорилъ на словахъ, особенно старался доказать, что открытіе мирныхъ переговоровъ съ Франціей не можетъ причинить вреда Россіи. „Я предполагаю, государь", писалъ онъ,—„что императоръ Наполеонъ рѣшился на войну: въ такомъ случаѣ не начнется ли война, если даже и вы не войдете ни въ какія объясненія? Не найдетъ ли онъ поводовъ къ войнѣ и безъ новыхъ переговоровъ съ тѣмъ уполномоченнымъ, котораго вы отправите къ нему? Едва ли возможно въ этомъ сомнѣваться. Напротивъ того, отказъ отправить этого уполномоченнаго подастъ ему поводъ къ жалобамъ, которыхъ важность онъ не преминетъ выставить передъ всею Европою. Неотправленіе уполномоченнаго не помѣшаетъ начаться войнѣ въ предположенномъ случаѣ. Но, если это предположеніе, государь, ошибочно, если императоръ Наполеонъ искренно желаетъ объясниться по Ольденбургскому дѣлу, то посылка довѣреннаго лица для переговоровъ, снабженнаго достаточными полномочіями вести переговоры и подписать договоръ, можетъ предотвратить войну, также, какъ непосылка можетъ повести къ ней. И почему же можно угадать, что не представляется именно этотъ случай? Если вообразить себя на мѣстѣ императора Наполеона, то онъ находится въ положеніи человѣка, который знаетъ, что онъ сдѣлалъ

непріятный для другаго поступокъ. Если оскорбленное имъ лицо избѣгаетъ объясненій и въ то же время вооружается, то онъ естественно долженъ предполагать, что эти вооруженія предназначаются противъ него, и самъ приготовляется. Не достигнувъ объясненій, безъ сомнѣнія, онъ въ скоромъ времени сдѣлается открытымъ врагомъ. Эти разсужденія приводятъ къ такому заключенію: если императоръ Наполеонъ желаетъ войны, то посылка уполномоченнаго въ Парижъ не причинитъ никакого вреда; но если это предположеніе невѣрно, отказъ послать его можетъ привести къ войнѣ, не смотря на то, что ваше величество и вся Европа желаютъ избѣжать ея. Изъ молчанія ничего не можетъ послѣдовать добраго, но непремѣнно вредъ, и оно представляется несогласнымъ ни съ вашимъ великодушіемъ и откровенностію, ни съ политикою великой державы, какова Россія. Что новые переговоры послужатъ поводомъ императору Наполеону къ новымъ притязаніямъ противъ Россіи и къ новымъ спорамъ, это — только предположеніе. Еслибы дѣйствительно таковы были цѣли императора Наполеона, то эти притязанія онъ выразилъ бы во всякомъ случаѣ, пошлете ли вы, или не пошлете уполномоченнаго въ Парижъ. Посылка не увеличитъ вреда, но можетъ, напротивъ, уменьшить его, если выборъ уполномоченнаго будетъ удаченъ, и если онъ отправится немедленно, пока Франція еще не успѣла сосредоточить и привести въ движеніе всѣ свои силы, что безъ сомнѣнія случится въ началѣ весны, въ половинѣ марта или въ апрѣлѣ" [1]).

Кнезебекъ, не зная тѣхъ порученій, съ которыми Русскій императоръ намѣревался послать въ Парижъ графа Нессельрода, могъ, конечно, удивляться и не понимать, почему новые переговоры не только не поведутъ къ мирнымъ соглашеніямъ между Россіей и Франціей, но произведутъ окончательный разрывъ и поведутъ къ немедленному открытію военныхъ дѣйствій. Намѣреніе отправить въ Парижъ особаго уполномоченнаго находилось въ связи съ заключеніемъ мира съ Турками и союза съ Пруссіей. Но переговоры съ уполномоченными Порты тянулись, не приводя къ рѣшительнымъ заключеніямъ, а Пруссія явно становилась на сторону Франціи. Между тѣмъ, еслибъ императоръ Наполеонъ отвергъ предлагаемыя Россіей условія,

---

[1]) Письмо г. Кнезебека къ императору Александру $^{12}/_{24}$-го февраля 1812 г., С.-Пб.; донесеніе Круземарка Прусскому королю 23-го марта н. ст. 1812 г.; *Fain*, Manuscrit de 1812, т. I, прилож. къ 1-й гл., стр. 129—139; гр. *Местръ*, Correspond. politique, т. I, стр. 55—56.

что не могло подлежать сомнѣнію, то необходимымъ этого послѣдствіемъ было бы вступленіе русскихъ войскъ въ Восточную Пруссію и затѣмъ въ герцогство Варшавское. Поэтому-то письмо также мало могло подѣйствовать на императора, какъ и словесныя убѣжденія Кнезебека, и казалось бы, что прощальное свиданіе еще болѣе должно было *поразить грустью его сердце* и доказать ему рѣшимость императора не уступать притязаніямъ Наполеона; но онъ не потерялъ надежды на сохраненіе мира, какъ писалъ въ отчетѣ своему королю. Эта странная надежда основывалась на непонятной, при тогдашнемъ положеніи Пруссіи, самоувѣренности, не личной, но народной. „Императоръ Александръ", писалъ Кнезебекъ своему государю, — „безъ сомнѣнія, искренно желаетъ мира. Вѣроятно, объясненія съ Франціей начнутся на основаніи тѣхъ извѣстій, которыя привезетъ Чернышевъ. То *направленіе, которое приняла политика вашего величества въ это время*, *должно имѣть огромное вліяніе* какъ на рѣшимость императора Александра, такъ и на общее мнѣніе въ Россіи, и конечно, перевѣситъ обѣщаніе выгодъ въ случаѣ войны, если Швеція будетъ на ея сторонѣ. Все зависитъ отъ тѣхъ условій, которыя Франція предложитъ для соглашенія. Миръ сохранится, если эти условія будутъ таковы, что императоръ безъ униженія своего достоинства можетъ заявить ихъ народу, не опасаясь нареканій, и если они будутъ совмѣстимы съ благосостояніемъ государства, которое весьма много зависитъ отъ торговли, — сохранится потому, что ни императоръ, ни окружающія его лица, ни народъ не желаютъ войны". Безъ сомнѣнія, отъ этихъ условій зависѣло бы сохраненіе мира, но конечно, угрожающее положеніе, которое принимала Пруссія въ отношеніи къ Россіи, едва ли могло оказать какое-нибудь вліяніе на дѣйствія Русскаго императора, рѣшившагося ожидать нашествія непріятеля въ границахъ своей имперіи. Но могъ ли императоръ Наполеонъ предложить Россіи такія условія, на которыя она могла бы согласиться, не утративъ своего значенія великой и независимой державы?

Но если взгляды прусскаго дипломата на политическое положеніе дѣлъ и отличаются особенною близорукостью, то его мнѣніе о характерѣ предстоявшей войны было совершенно вѣрно и согласно съ предвѣщаніями какъ французскихъ посланниковъ при нашемъ дворѣ, такъ и всѣхъ иностранцевъ, видѣвшихъ Россію въ это время. „Но если начнется война", доносилъ онъ Прусскому королю, — „то она будетъ ужасна, Русскіе будутъ драться съ ожесточеніемъ. Военныя силы Россіи должны быть значительны. Русскій вообще храбръ; госу-

дарство, встрѣтивъ нашествіе врага въ своихъ границахъ, и народъ, возбуждаемый священниками,—что непремѣнно случится,—придадутъ этой войнѣ значеніе народной и религіозной и сдѣлаютъ ее продолжительнѣе, нежели она могла бы быть, еслибъ императоръ рѣшился вести ее внѣ своихъ границъ. Я не считалъ себя въ правѣ скрыть эти соображенія отъ вашего величества; надо быть здѣсь, чтобъ убѣдиться въ ихъ истинѣ, и я ссылаюсь на всѣхъ, кто былъ здѣсь во одно время со мною. Мѣстность страны представитъ много затрудненій, которыя трудно преодолѣть. Болота, большіе лѣса, малочисленное народонаселеніе, плохія большія дороги, ни одной большой рѣки, которая благопріятствовала бы движеніямъ, вообще страна безплодная, все это будетъ затруднять движенія и не позволитъ сосредоточивать на долгое время большія силы на одномъ мѣстѣ. Необходимо будетъ разбрасывать ихъ отдѣльными корпусами, чтобъ обезпечить имъ продовольствіе, а это обстоятельство представитъ, съ одной стороны, значительныя выгоды для обороняющихся, а съ другой — непреоборимыя препятствія для наступающихъ,—препятствія, которыя въ состояніи уничтожить самыя геніальныя предпріятія, особенно если обороняющіеся будутъ опустошать страну по мѣрѣ отступленія въ напередъ избранныя позиціи и съ благоразуміемъ защищать ихъ шагъ за шагомъ. Эти выгоды понимаютъ въ Россіи, о нихъ прямо говорятъ, и я полагаю, что таковъ и будетъ способъ войны; но едва ли на комъ-нибудь остановился выборъ главнокомандующаго".

Кнезебекъ выѣхалъ изъ Петербурга въ тотъ же день, 24-го февраля (7-го марта), и въ то же самое число прусское министерство подписало союзный договоръ съ Франціей, присланный изъ Парижа за подписью уже герцога Бассано. Договоръ, предназначенный къ извѣстности, былъ только *оборонительный* между королемъ и императоромъ Наполеономъ „противъ всякой изъ европейскихъ державъ, которая напала бы на владѣнія одной изъ договаривающихся сторонъ" и обезпечивающій цѣлость ея владѣній (ст. 2-я и 3-я). На каждый же случай, когда новымъ союзникамъ пришлось бы совокупно дѣйствовать въ исполненіе этого договора, предполагалось заключать *особое* соглашеніе. Но этотъ случай ужь имѣли въ виду. Въ тотъ же день подписанъ былъ другой *тайный* трактатъ, въ которомъ постановлено, что первый договоръ будетъ не только оборонительнымъ, но и *наступательнымъ*, съ тѣмъ лишь условіемъ, что Пруссія не обязана принимать участія въ войнахъ Франціи за Пиренеями, въ Италіи и Турціи. Казалось бы, этимъ договоромъ обезпечивалось содѣйствіе Пруссіи въ

войнѣ Франціи съ Россіей. Не смотря на то, въ тотъ же день прусское правительство подписало еще три договора также тайные, первый—о мѣрѣ содѣйствія Франціи въ войнѣ съ Россіей, второй—объ образѣ дѣйствій въ отношеніи къ Англіи, и третій—о продовольствіи французскихъ войскъ во время ихъ похода черезъ Пруссію; этотъ послѣдній трактатъ долженъ былъ окончательно разорить жителей этой страны [1]).

Скрывая вообще свои дѣйствія отъ нашего посланника, прусскій кабинетъ не могъ однакоже утаить отъ него посольство Кнезебека. Баронъ Гарденбергъ счелъ нужнымъ заявить о томъ графу Ливену, говоря, что король рѣшился послать генерала въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобъ объяснить Русскому императору, что онъ „болѣе всего желаетъ сохранить его довѣренность и дружбу, представить печальное положеніе Пруссіи, конфиденціально сообщить о безуспѣшныхъ его попыткахъ склонить Австрію къ союзу противъ Франціи, объявить, что онъ вынужденъ былъ уступить требованіямъ послѣдней и просить его—не нарушать мира". Справедливо было только послѣднее обстоятельство, то-есть, желаніе убѣдить Русскаго императора подчиниться также безусловно волѣ Наполеона, какъ подчинилась Пруссія. О всѣхъ другихъ предметахъ не было и помину въ переговорахъ Кнезебека съ нашимъ правительствомъ. Впрочемъ, такъ говорилъ баронъ Гарденбергъ нашему посланнику, какъ канцлеръ Пруссіи. Но при этомъ же свиданіи онъ говорилъ ему: „Какъ частный человѣкъ, я совершенно раздѣляю вашъ образъ мыслей, въ чемъ могла убѣдить васъ моя записка, которую вы читали. Она не произвела ни малѣйшаго впечатлѣнія на короля; его дѣйствіями въ настоящее время руководитъ только *страхъ*. Я предвижу время, когда короля оставятъ всѣ порядочные люди, и окружатъ его люди продажные и покорные Франціи. Я также оставилъ бы его; но при смерти королевы я далъ ему клятву никогда его не оставлять. Но это не можетъ продолжаться долго; меня постараются удалить. Скоро, быть можетъ, я буду вынужденъ просить убѣжища у васъ. Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этой просьбѣ, зная мои чувства и убѣжденія".

Конечно, это признаніе прусскаго канцлера не оставляло въ нашемъ посланникѣ уже никакого сомнѣнія относительно того направленія, которое приняла политика Берлинскаго кабинета; но прошло около мѣсяца послѣ этого свиданія, какъ король прислалъ къ нему маіора Врангеля

[1]) Mémoires d'un homme d'état, т. III, стр. 334.

объявить, что Пруссія заключила союзный договоръ съ Франціей. „Но этотъ договоръ", говорилъ онъ,—„не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго Россіи. Онъ заключенъ съ тою цѣлію, чтобы спасти существованіе Пруссіи и опредѣлить проходъ французскихъ войскъ чрезъ его владѣнія". Король продолжалъ скрывать отъ нашего посланника значеніе своего союза съ Наполеономъ въ отношеніи къ Россіи даже въ то время, когда оно сдѣлалось извѣстно всей Европѣ, и когда онъ самъ поручилъ тому же маіору Врангелю объявить графу Ливену, что уже нѣтъ никакой надежды на поддержаніе мира, потому что Наполеонъ окончательно рѣшился воевать съ Россіей.

Выслушавъ Врангеля, графъ Ливенъ просилъ его передать его признательность королю за эти заявленія, но въ то же время сказать, что онъ считалъ себя достойнымъ большей довѣренности и откровенности съ его стороны, потому что не только ему, но и всему дипломатическому корпусу извѣстно, что договоромъ, заключеннымъ Пруссіей съ Наполеономъ, опредѣлено число прусскихъ войскъ, которыя будутъ воевать вмѣстѣ съ его войсками противъ Россіи" [1]).

Баронъ Гарденбергъ объяснялъ политику Берлинскаго кабинета исключительно страхомъ короля за существованіе своего королевства. Но король отличался слабостію характера и постоянно находился подъ вліяніемъ окружавшихъ его лицъ. Обѣ партіи могли пользоваться и пользовались этимъ страхомъ, какъ орудіемъ для своихъ видовъ и цѣлей, и если побѣдила одна другую, то это служитъ доказательствомъ, что она была сильнѣе и многочисленнѣе. Дѣйствительно, людей вліятельныхъ въ прусскомъ правительствѣ, желавшихъ союза съ Россіей, было весьма не много, да и изъ нихъ нѣкоторые вынуждены были дѣйствовать вопреки своихъ убѣжденій, какъ и самъ прусскій канцлеръ. Сенъ-Марсанъ, кажется, былъ правъ, когда доносилъ своему правительству, „что король и его министръ ревностно желали заключить союзъ съ Франціей, видя въ немъ единственное средство спасти государство и улучшить его состояніе въ будущемъ. Они видятъ въ немъ не только мѣру, вызванную временными обстоятельствами, но вообще основаніе для прусской политики. Таково мнѣніе барона Гарденберга, и послѣ многочисленныхъ съ нимъ разговоровъ я убѣдился, что онъ твердо его держится. Всѣ безпокойства Пруссіи только и заключались въ опасеніи, что ей не удастся заключить

[1]) Депеша графа Ливена графу Румянцеву 20-го января (1-го февраля) и 20-го февраля (3-го марта) 1812 года.

этого союза. Это было единственное оружіе, которымъ могли воспользоваться наши враги, еслибы воспользовались они во-время и увлекли въ союзъ собою короля, внушивъ страхъ народу. Это опасеніе изчезло. Король и его министры только и думаютъ о томъ, чтобы добросовѣстно слѣдовать системѣ Франціи и помогать видамъ императора Наполеона всѣми средствами, находящимися въ ихъ распоряженіи. То вниманіе и готовность, которую выказываютъ при всякомъ даже незначительномъ случаѣ, могутъ служить тому доказательствомъ. Народъ, который вообще всегда здраво смотрѣлъ на обстоятельства, радуется тому направленію политики, которое приняло его правительство. Конечно, я не хочу сказать, чтобы не находилось лицъ, которыя имъ недовольны и жалуются на обстоятельства, не хочу сказать, чтобы въ случаѣ неудачъ не выразился духъ оппозиціи и не пріобрѣлъ послѣдователей; но я увѣренъ, что Пруссія—такая же вѣрная союзница Франціи, какъ Саксонія и Баварія; быть можетъ даже, она считаетъ этотъ союзъ въ политическомъ отношеніи выгоднѣе, нежели эти двѣ державы" [1]).

Таковъ дѣйствительно былъ взглядъ прусскаго правительства на союзъ съ Франціей, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя лица считали его вынужденнымъ обстоятельствами и не питали къ нему сочувствія. Къ числу ихъ принадлежали баронъ Гарденбергъ и самъ король. „Я убитъ горемъ, государь", писалъ онъ Русскому императору, рѣшившись, наконецъ, объявить ему объ этомъ союзѣ,—„когда думаю, какое направленіе вынудила меня принять необоримая необходимость. Но я огорчаюсь еще болѣе, думая, что ваше величество, которое всегда отдавали справедливость моимъ чувствамъ, откажете мнѣ въ ней въ настоящее время". Говоря, что только крайняя необходимость вынудила его „пожертвовать влеченіями его сердца", король подробно излагаетъ обстоятельства, предшествовавшія заключенію имъ союза съ Франціей. „Ваше величество, вспомните", писалъ онъ,—„съ какою подробностію я излагалъ вамъ, въ нашихъ послѣднихъ разговорахъ въ Петербургѣ, то положеніе, въ какомъ я буду находиться въ Берлинѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятельскими войсками, даже во время мира. Оставивъ Кенигсбергъ и переѣхавъ въ Берлинъ для пользы моего государства и уступая вашимъ совѣтамъ, я не могъ скрывать отъ себя, что съ этого времени я долженъ буду считать себя въ

---

[1]) Депеша Сенъ-Марсена герцогу Бассано 18-го апрѣля 1812 г. изъ Берлина. *Fain*, Manuscrit de 1812, ч. I, приложеніе къ I гл., стр. 114 и 115.

совершенной зависимости отъ Франціи, и въ случаѣ ея войны съ Россіей, по несчастію, долженъ буду слѣдовать за нею. Когда доброе согласіе между двумя имперіями начало разрушаться, припомните, государь, сколько разъ я заклиналъ васъ письменно и поручалъ графу Ливену сообщить вамъ, чтобы вы употребили всѣ способы для избѣжанія войны, которая могла начаться при самыхъ неблагопріятныхъ для васъ условіяхъ, и которая, лишь только Австрія отказалась бы отъ участія, вынудила бы Пруссію на ужасное рѣшеніе соединиться съ Франціей. Ваше величество полагали, что выгоды вашей имперіи требовали приготовлять огромныя вооруженія, умалчивая о причинахъ и о цѣли этихъ приготовленій, которыя я постоянно считалъ самымъ вѣрнымъ средствомъ вызвать войну. Годъ тому назадъ, быть можетъ, простыми переговорами и уваженіемъ къ общимъ выгодамъ Европы можно было предотвратить эту ужасную борьбу, которая скоро начнется. Теперь, когда обѣ державы вооруженныя стоятъ одна противъ другой, трудно начать переговоры и достигнуть соглашенія. По мѣрѣ того, какъ приближался разрывъ, мое положеніе становилось затруднительнѣе и плачевнѣе. Въ крайнихъ обстоятельствахъ, когда мои владѣнія могли быть наводнены со всѣхъ сторонъ враждебными войсками, когда силы и средства, которыми я могъ еще располагать, могли быть уничтожены, прежде нежели я могъ бы ихъ соединить, когда ваше величество, твердо слѣдуя предпринятой системѣ не дѣйствовать наступательно, отнимали у меня всякую надежду на скорую и достаточную помощь, когда разрушеніе Пруссіи было бы началомъ войны съ Россіей, я долженъ былъ уступить обстоятельствамъ, и прежде всего — спасти свое государство отъ немедленнаго разрушенія. Вы можете быть увѣрены, государь, что я не скрываю отъ себя ужасныхъ послѣдствій войны для моего государства, ни той опасности, которая можетъ угрожать ему впослѣдствіи; но для меня оставался только выборъ между двухъ золъ. Ближайшая опасность должна была имѣть вліяніе на мои рѣшенія, и каковъ бы ни былъ исходъ настоящихъ происшествій, будущее обѣщаетъ мнѣ возможность сохранить мое существованіе въ виду взаимныхъ выгодъ Россіи и Франціи, когда онѣ будутъ хорошо поняты и въ надеждѣ на драгоцѣнную для меня вашу дружбу. Нѣтъ нужды говорить вамъ, государь, чего мнѣ стоило рѣшиться поступить такъ, какъ я поступилъ; но я утѣшаю себя мыслью, что исполнилъ первѣйшую обязанность—относительно сохраненія государства, пожертвовавъ самыми дорогими мнѣ чувствами. Это одно успокоиваетъ мою совѣсть. Пожалѣйте обо мнѣ, государь, но не обвиняйте меня. Я поз-

волю себѣ сказать, что и ваше величество сами бывали въ такомъ положеніи, когда разумъ вынуждалъ лучше покориться жестокимъ обстоятельствамъ, нежели погибнуть, хотя бы и со славой, и когда вы принимали хотя и благоразумныя рѣшенія, но которыя дорого стоили вашему великодушному сердцу. Какой оборотъ не приняли бы событія, моя непоколебимая привязанность къ особѣ вашего величества не измѣнитъ своихъ свойствъ. Если начнется война, мы не сдѣлаемъ болѣе зла одинъ другому, чѣмъ сколько потребуютъ строгія правила войны, и не будемъ забывать, что мы — друзья, и что прійдетъ время, когда мы будемъ союзниками. Уступая непреоборимой необходимости, мы сохранимъ однакоже свободу и искренность нашихъ чувствъ" [1]).

Нельзя позволить себѣ заподозрить искренность этого письма, написаннаго съ такимъ чувствомъ и съ такою откровенностію, а оно въ свой чередъ, доказываетъ, что король иначе дѣйствовать не могъ. Съ одной стороны страхъ, который овладѣлъ всею Европою въ виду роковой, какъ-бы стихійной силы императора Франціи, не признающей ни нравственности, ни права и справедливости, страхъ, который на слабую, хотя и благородную душу дѣйствовалъ сильнѣе, и котораго дѣйствіе усиливало вліяніе общественнаго мнѣнія большинства правительственныхъ людей Пруссіи, съ другой—положеніе, принятое Россіей, не рѣшавшеюся дѣйствовать наступательно и силой привлечь въ свой союзъ Пруссію, совершенно объясняютъ образъ дѣйствій Прусскаго короля. Онъ не желалъ дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ, и это объясняетъ въ свой чередъ, почему онъ скрывалъ отъ нашего кабинета свои переговоры съ Франціей до послѣдней минуты; но его кабинетъ сознательно дѣйствовалъ противъ Россіи, увлекая за собою своего главу барона Гарденберга: онъ былъ враждебенъ Россіи и ожидалъ великихъ благъ отъ императора Наполеона.

Послѣдствія союза Пруссіи съ Франціей обнаружились весьма скоро: генералу Іорку дано было знать, чтобъ онъ не руководствовался болѣе тѣми наставленіями, которыя были даны ему правительствомъ въ виду военной конвенціи, заключенной Шарнгорстомъ съ Россіей; король запретилъ привозъ колоніальныхъ произведеній изъ Россіи (25-го апрѣля); французскія войска наводнили Пруссію и начали грабить ее,

---

[1]) Письмо короля къ императору Александру I изъ Потсдама, 10/31-го марта 1812 года.

какъ завоеванную страну; въ Берлинъ, Шпандау, Пиллау и Кенигсбергъ введены французскіе гарнизоны; управленіе Берлиномъ поручено французскому генералу, и король принужденъ былъ почти бѣжать въ Бреславль [1]).

---

[1]) Mémoires d'un hommes d'état, т. III, стр. 335; депеша графа Ливена къ графу Румянцеву 30-го января (11-го февраля) 1812 г.

А. Поповъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ [1]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Императоръ.

При опредѣленіи существа императорской власти необходимо имѣть въ виду, что въ 1871 г. видоизмѣнилось только *названіе* главы германскаго союзнаго государства. При существованіи сѣверогерманскаго союза, глава союзнаго государства носилъ названіе *президента*. Новая императорская власть унаслѣдовала всѣ права прежняго президента Сѣверо-Германскаго союза, видоизмѣнивъ лишь свое названіе. Зная историческое происхожденіе германскаго императорства, нельзя не видѣть, что оно не имѣетъ, вопервыхъ, ничего общаго съ старымъ германскимъ императорствомъ, то есть, съ властью императора священной Римской имперіи Германскаго народа, вовторыхъ, во власти нынѣшняго Германскаго императора даже трудно открыть общія характеристическія черты каждаго, а тѣмъ болѣе монархическаго главы государства.

Если при опредѣленіи существа союзнаго совѣта нѣмецкіе юристы колеблются и высказываютъ противоположныя мнѣнія, то еще болѣе различій взглядовъ существуетъ относительно нынѣшней власти императорской. Юристы затрудняются пріурочить ее къ тому или другому типу государственной власти. Во власти Германскаго императора можно найдти черты президента республики. По отношенію къ законодательной дѣятельности онъ поставленъ приблизительно въ такое же положеніе, какъ президентъ Сѣверо-Американскихъ Шта-

---

[1]) *Окончаніе*. См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за ноябрь 1875 г.

товъ къ конгрессу. Но президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ имѣетъ задерживающее veto; Германскій императоръ не имѣетъ этого права, за исключеніемъ нѣкоторыхъ лишь случаевъ, опредѣленныхъ въ конституціи. Съ другой стороны, императорская власть, по самому своему типу, весьма мало подходитъ подъ условія союзнаго государства въ правильной его формѣ. Глава союзнаго государства есть лицо, поставленное внѣ отдѣльныхъ государствъ. Президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ не принадлежитъ спеціально ни къ одному изъ штатовъ. Онъ представляется главою цѣлой націи. Напротивъ, императорская власть въ Германіи пріурочена къ самому могущественному изъ государствъ союза—Пруссіи. Далѣе, эта императорская власть въ извѣстныхъ отношеніяхъ напоминаетъ общія начала монархическаго установленія, напримѣръ, въ томъ отношеніи, что за нею признается начало неотвѣтственности, не признаваемое въ республиканскихъ федераціяхъ; она наслѣдственна въ одной династіи и проч. И такъ, императорская власть въ Германіи, взятая сама по себѣ, представляетъ чрезвычайно много характеристическихъ особенностей, которыя не соотвѣтствуютъ опредѣленному государственному типу и объясняются исключительно практическими потребностями прежняго Сѣверо-Германскаго союза, а теперь новой Германской имперіи, и еще болѣе тѣми условіями, при которыхъ возникло новое союзное государство.

Существо главы союзной власти опредѣляется 11 ст. конст., которая гласитъ: „Президентство (das Präsidium) принадлежитъ Прусскому королю, который пользуется титуломъ Германскаго императора". Слѣдовательно, императорская власть тѣсно связана съ званіемъ прусскаго короля. Если, такимъ образомъ, прусскій король есть въ тоже время Германскій императоръ, то отсюда само собою слѣдуетъ, что порядокъ преемства императорскаго достоинства опредѣляется постановленіемъ прусской конституціи, то есть, признается начало агнатическаго наслѣдованія, срокъ совершеннолѣтія въ 18 лѣтъ и т. д. Но признавая вполнѣ необходимость подчиненія преемства императорской власти прусскимъ основнымъ законамъ, нельзя, однако, не согласиться съ нѣкоторыми юристами, что далеко не всѣ постановленія прусской конституціи могутъ быть примѣнены къ условіямъ преемства власти императорской. Таковы постановленія о регентствѣ въ случаѣ малолѣтства прусскаго короля [1]). Это регентство принад-

[1]) Прусск. конст. §§ 54—58.

лежитъ ближайшему агнату, то есть, лицу, имѣющему ближайшее послѣ этого короля право на престолъ. Если нѣтъ лицъ, могущихъ принять на себя регентство, выборъ регентства принадлежитъ прусскому ландтагу. Впредь до избранія регента, отвѣтственность за управленіе государствомъ лежитъ на прусскомъ министерствѣ. Нѣкоторые писатели, напримѣръ Тудихумъ и Гельдъ, высказываются въ томъ смыслѣ, что и постановленія о регентствѣ обязательны для Германскаго императорства. Противъ такого мнѣнія высказываются Моль [1]) и Рённе. Нельзя не согласиться, что толкованіе Тудихума и Гельда противорѣчитъ прямому смыслу Германской конституціи. 11 ст. говоритъ, что императорство принадлежитъ прусскому королю и ни слова не упоминаетъ о регентствѣ, да и странно было бы поставить регентство въ зависимость отъ желанія прусскаго ландтага, а тѣмъ болѣе оставить управленіе имперіею на отвѣтственности прусскаго министерства. Регентство не предусмотрѣно Германскою конституціею, и этотъ недостатокъ требуетъ восполненія его законодательнымъ порядкомъ.

Обратимся затѣмъ къ юридическому положенію императора и содержанію его власти.

Главѣ Германскаго союзнаго государства присвоенъ титулъ императора. Но даетъ ли этотъ титулъ право вообще на всѣ тѣ международныя преимущества, которыя связаны съ императорскимъ достоинствомъ? Можетъ ли Германскій императоръ занимать по отношенію къ европейскимъ государямъ то положеніе, какое имѣютъ дѣйствительные императоры? Моль отрицательно рѣшаетъ этотъ вопросъ. Онъ говоритъ, что хотя глава союза и носитъ титулъ императора, но онъ не есть императоръ въ томъ смыслѣ, какъ глава всякаго централизованнаго государства, носящаго названіе имперіи. Онъ остается тѣмъ же, чѣмъ былъ прусскій король во времена существованія Сѣверо-Германскаго союза, то есть, президентомъ союзнаго государства, и въ этомъ смыслѣ врядъ ли ему могутъ быть присвоиваемы международныя преимущества, какъ императору. Если онѣ теперь de facto и присвоиваются ему, то это надо отнести скорѣе къ международной вѣжливости, чѣмъ къ послѣдствіямъ юридическихъ правъ и обязанностей.

Затѣмъ, такъ какъ императорское достоинство соединено съ прус-

---

[1]) *Моль*, назв. соч., стр. 280—330.

скою короной, то отсюда слѣдуетъ, что императорская власть не есть учрежденіе, выдѣляющееся изъ массы остальныхъ германскихъ государей. Вслѣдствіе этого императоръ не имѣетъ особаго содержанія отъ имперіи. Въ Германіи нѣтъ имперской гражданской росписи (liste civile). Германскій императоръ пользуется содержаніемъ, какъ прусскій король. Далѣе, прусскій король, какъ Германскій императоръ, не можетъ имѣть императорскаго двора, создавать имперскаго дворянства, императорскихъ орденовъ и т. п. Германское законодательство содержитъ въ себѣ лишь нѣкоторыя исключенія, по которымъ императоръ пользуется извѣстными личными прерогативами, какъ таковой, а именно уголовное уложеніе опредѣляетъ особыя наказанія за посягательство на жизнь, свободу и честь Германскаго императора [1]).

Права императора не представляютъ особой системы. Императоръ не можетъ быть названъ въ собственномъ смыслѣ главою государства уже потому, что самая Германія есть союзное государство, что императорской власти вообще, во всемъ ея объемѣ, принадлежатъ лишь нѣкоторыя права, изъ которыхъ часть осуществляется Германскимъ императоромъ. Поэтому дѣятельность его представляется до извѣстной степени ограниченною.

По отношенію къ законодательной власти императоръ не имѣетъ тѣхъ правъ, какими обыкновенно пользуются главы монархическихъ государствъ. Въ иныхъ случаяхъ онъ имѣетъ меньше правъ, чѣмъ президентъ республики, въ другихъ—ему принадлежатъ бо́льшія права, напримѣръ, созваніе парламента, отсрочка его, роспускъ. Но затѣмъ императорская власть не пользуется даже задерживающимъ veto, 5 ст. конст. прямо постановляетъ, что для силы закона достаточно согласія союзнаго совѣта и рейхстага. Если императоръ и имѣетъ право участія въ законодательныхъ вопросахъ, то въ качествѣ прусскаго короля, которому принадлежитъ 17 голосовъ въ союзномъ совѣтѣ. Съ другой стороны, союзному канцлеру принадлежитъ veto относительно законопроектовъ, касающихся дѣлъ военныхъ, таможенныхъ и финансовыхъ, изчисленныхъ въ 35 и 38 ст. имп. конст. Въ случаѣ раздѣленія голосовъ въ союзномъ совѣтѣ, голосъ президента даетъ перевѣсъ, если онъ выскажется за сохраненіе существующаго порядка. Императору принадлежитъ только то право, которое

---

1) Герм. уг. ул. ст. 80, 91 и 95.

вообще предоставляется исполнительной власти — право обнародованія законовъ, но въ виду несуществованія veto, это скорѣе обязанность, чѣмъ право.

Здѣсь мы опять сталкиваемся съ чрезвычайно важнымъ для Германіи вопросомъ: обязанъ ли императоръ обнародовать неконституціонные законы, получившіе большинство и въ союзномъ совѣтѣ, и въ рейхстагѣ? Огромное большинство германскихъ юристовъ высказалось въ утвердительномъ смыслѣ. Вестеркампфъ, Тудихумъ, Рённе стоятъ за то, что императоръ обязанъ обнародовать всякій законъ. Мартицъ и Моль держатся противнаго мнѣнія. Но затѣмъ рождается вопросъ: кто же явится судьею неконституціонности закона—самъ ли императоръ или императоръ съ союзнымъ канцлеромъ? Германская конституція умалчиваетъ объ этомъ. Она ничего не говоритъ и о другомъ, не менѣе существенномъ вопросѣ: какія средства даетъ конституція факторамъ законодательной власти — союзному совѣту и рейхстагу—принудить императора издать утвержденный законъ? При разрѣшеніи этого вопроса, легко рѣшить первый. Императоръ, находя законъ неконституціоннымъ, имѣетъ возможность не обнародовать его, ибо ни рейхстагъ, ни союзный совѣтъ не имѣютъ принудительной власти по отношенію къ главѣ союза.

Императору предоставляется довольно обширное право изданія собственныхъ *распоряженій*. Однако, послѣднія нуждаются въ контрасигнированіи ихъ имперскимъ канцлеромъ. Ст. 17 гласитъ: „Распоряженія и приказы императора издаются отъ имени имперіи и нуждаются для своей дѣйствительности въ скрѣпѣ имперскаго канцлера, который чрезъ это принимаетъ на себя отвѣтственность за нихъ". Императоръ въ этомъ смыслѣ является не отвѣтственнымъ главою союза—это принципъ конституціонной монархіи;—отвѣтственнымъ лицомъ признается имперскій канцлеръ. Ему принадлежитъ также обнародованіе всѣхъ распоряженій союзнаго совѣта.

Въ тѣсной связи съ приведенными правами стоитъ надзоръ за исполненіемъ имперскихъ законовъ. Ст. 17 говоритъ, что императору принадлежитъ право изготовленія и обнародованія законовъ, а также наблюденіе за приведеніемъ ихъ въ исполненіе. Отсюда, само собою слѣдуетъ, что къ императору могутъ поступать жалобы или донесенія на неисполненіе имперскихъ законовъ въ той или другой части государства. Ему же принадлежитъ иниціатива дѣла въ случаѣ явнаго нарушенія законовъ, когда необходимость заставляетъ прибѣгнуть къ

союзной экзекуціи. Постановленіе о ней дѣлается союзнымъ совѣтомъ; исполненіе лежитъ на императорѣ.

Административныя права. Въ области управленія императору принадлежитъ поддержаніе внутренняго порядка во всей имперіи. Въ случаѣ, если общественному спокойствію союза будетъ грозить опасность, онъ можетъ объявить въ каждой части ея *военное положеніе* (ст. 68). Въ этомъ отношеніи, до изданія имперскаго закона, императору предоставлено примѣняться къ прусскому закону, изданному по этому предмету 4-го іюня 1851 г.

Затѣмъ императоръ является въ нѣкоторыхъ случаяхъ вообще главою государства. Ему принадлежитъ право назначенія всѣхъ *имперскихъ должностныхъ лицъ*, начиная съ имперскаго канцлера, назначаемаго по непосредственному его усмотрѣнію. Прочія дожностныя лица нерѣдко назначаются имъ по представленію союзнаго совѣта или его комитетовъ.

Самыя большія права принадлежатъ императору относительно *войска и флота.* Онъ является главнокомандующимъ арміи и флота. Ему принадлежитъ, слѣдовательно, не только распорядительная власть въ отношеніи армейской и флотской администраціи, но и право непосредственнаго командованія, право изданія спеціальныхъ военныхъ приказовъ по арміи и флоту, не нуждающихся въ скрѣпѣ канцлера, какъ это доказываютъ Рённе и Моль.

Императоръ пользуется также правомъ *международныхъ* сношеній. По ст. II онъ представляетъ имперію въ международномъ отношеніи. Это—единственное лицо, съ которымъ иностранныя правительства могутъ вести сношенія. Отсюда право объявленія войны, заключенія мира, союзовъ и другихъ договоровъ съ иноземными государствами и право посольствъ, словомъ—всѣ тѣ права, которыя содержатся въ самомѣ понятіи международнаго верховенства. Но далеко не всѣ изъ этихъ правъ осуществляются императоромъ непосредственно.

Вопервыхъ, для объявленія войны императоръ нуждается въ согласіи союзнаго совѣта, исключая того случая, когда союзной территоріи грозитъ непосредственная опасность, когда на нее произведено нападеніе. Въ этомъ случаѣ онъ не связанъ согласіемъ союзнаго совѣта. Напротивъ, заключеніе мира зависитъ отъ одного императора [1]). При заключеніи договоровъ съ иностранными государствами

---

[1]) Моль удивляется, почему въ правѣ объявленія войны императоръ стѣсненъ, а въ заключеніи мира свободенъ. Онъ основательно доказываетъ, что то

императоръ ограниченъ въ томъ отношеніи, что если договоры эти касаются предметовъ, подлежащихъ законодательной власти имперіи [1]), то для дѣйствительности ихъ необходимо согласіе союзнаго совѣта и утвержденіе рейхстага.

IV.

Органы исполнительной власти.

Единственнымъ должностнымъ лицомъ имперіи, о которомъ говоритъ конституція, является *имперскій канцлеръ*, назначаемый и увольняемый по непосредственному усмотрѣнію имеератора. Имперскій канцлеръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ единственное отвѣтственное предъ союзнымъ совѣтомъ и рейхстагомъ лицо за всѣ дѣйствія исполнительной власти. Слѣдовательно, на немъ собственно держится все имперское управленіе. Въ его скрѣпѣ нуждается каждый актъ, исходящій отъ императорской власти. Слѣдовательно, онъ до нѣкоторой степени ограничиваетъ императора. Съ другой стороны, онъ единственный отвѣтственный представитель предъ рейхстагомъ и союзнымъ совѣтомъ. Онъ—основаніе, вершина и конецъ всей исполнительной власти.

Отсюда ясно, что Германская имперія, желающая быть конституціоннымъ государствомъ, не имѣетъ существеннаго условія такого государства—отвѣтственнаго министерства. Одинъ имперскій канцлеръ есть его исполнительная власть. Этого мало. Въ первоначальномъ проектѣ Германской конституціи не было рѣчи объ отвѣтственности исполнительной власти даже въ той скромной формѣ, въ какой она существуетъ теперь. Аусфельдъ и Шульце еще въ 1866 г. внесли предложеніе объ учрежденіи отвѣтственнаго министерства. чрезъ которое президентъ проявлялъ бы свою власть.

Судьба поправки Аусфельда-Шульце, равно какъ и другаго предложенія Мюнстера и Твестена, внесеннаго чрезъ два года послѣ пер-

---

и другое права одинаково важны и неразумное пользованіе ими одинаково невыгодно для государства. Замѣтимъ, что аналогическое постановленіе содержится и въ американской конституціи, по которой президентъ можетъ объявлять войну съ согласія сената, а заключать миръ самостоятельно, ибо съ американской утилитарной точки зрѣнія объявленіе войны дороже заключенія мира.

[1]) Ст. 4.

ваго, замѣчательно потому, что оно довольно ясно опредѣляетъ значеніе Германской имперіи съ точки зрѣнія конституціоннаго государства. Весьма поучительно остановиться на преніяхъ, вызванныхъ вопросомъ объ отвѣтственномъ министерствѣ и особенно на конституціонной теоріи самого г. Бисмарка.

Въ 1867 году отвѣтственное министерство казалось или невозможнымъ или преждевременнымъ даже такимъ поклонникамъ конституціонныхъ учрежденій какъ извѣстный Гнейстъ. Не говоримъ уже о Зибелѣ, поставившемъ себѣ въ особенную заслугу выясненіе „исключительной" природы союза, устройство котораго не можетъ быть сообразовано съ „конституціоннымъ шаблономъ". Возраженія противниковъ поправки Аусфельда-Шульце были весьма разнообразны. Одни доказывали невозможность отвѣтственнаго министерства вообще; другіе, допуская принципъ отвѣтственности союзной администраціи, признавали практическое значеніе только за *политическою*, но не *юридическою* отвѣтственностію, и не считали нужнымъ формулировать такую единственно возможную отвѣтственность особымъ постановленіемъ.

Въ такомъ смыслѣ высказался депутатъ *Веберъ* [1]). По его мнѣнію, принципъ неотвѣтственности главы государства и отвѣтственности его министровъ есть безспорное начало нѣмецкаго государственнаго права. Ни въ какомъ большомъ нѣмецкомъ государствѣ министръ не можетъ объявить, что онъ не принимаетъ на себя отвѣтственности за ту или другую мѣру, какъ основанную на личномъ повелѣніи короля. Но въ чемъ состоитъ цѣль отвѣтственности министровъ? Она не можетъ имѣть другой цѣли, какъ устраненіе министерства, низверженіе ненавистной системы; для устраненія министерства достаточно одной отвѣтственности—именно политической; если она и будетъ дополнена отвѣтственностью юридическою, то послѣдняя все-таки имѣетъ мало значенія. Она не стоитъ той бумаги, на которой написана. Эта политическая отвѣтственность должна существовать и должна быть выражена въ конституціи. Въ этомъ отношеніи ораторъ согласенъ съ своими предшественниками. Они требуютъ юридической отвѣтственности и полагаютъ, что безъ нея не мыслима отвѣтственность вообще. Но если политическая отвѣтственность будетъ обезпечена за рейхстагомъ, то ему будетъ дана воз-

---

1) *Бецольдъ*, II, 686—690.

можность устранять министерство, возможность, которая не увеличится отъ юридической отвѣтственности. Въ чемъ же заключаются средства устраненія министерства? Они состоятъ въ свободѣ преній, въ правѣ интерпелляціи (запросовъ), въ правѣ адрессовъ и т. д. Если этими средствами министерство не можетъ быть устранено, то никакая юридическая отвѣтственность не поможетъ дѣлу.

По мнѣнію другихъ ораторовъ (напримѣръ, Финке), учрежденіе отвѣтственнаго министерства умалило бы право союзнаго совѣта, слѣдовательно, и право союзныхъ правительствъ, что̀ было бы несогласно съ духомъ новой конституціи и представлялось бы нарушеніемъ договоровъ, на которыхъ основанъ союзъ. Отвѣтственное министерство могло бы вѣдать только. предметы, предоставленные непосредственно президентству, то-есть, прусской коронѣ. Такихъ предметовъ два: международныя сношенія и военное управленіе. Но предписанія, исходящія отъ короны, нуждаются въ скрѣпѣ канцлера, чрезъ что и устанавливается его отвѣтственность. Отвѣтственность эта не имѣетъ характера отвѣтственности юридической, но устанавливаетъ полную возможность политической. Этого и достаточно, по крайней мѣрѣ, на первый разъ. Затѣмъ организація подробностей управленія и отвѣтственности преждевременна. Нужно, говоритъ Финке, оставить старую нѣмецкую привычку заниматься меблировкой дома, прежде чѣмъ онъ выстроенъ [1]).

Конечно, самое большее впечатлѣніе способна была произвести рѣчь Гнейста [2]), который служитъ такимъ же посредникомъ между англійскими учрежденіями и своимъ отечествомъ, какимъ въ свое время служилъ Монтескье для Франціи. Онъ началъ съ заявленія о полной необходимости *юридической* отвѣтственности министровъ. „Юридическая отвѣтственность министерства", сказалъ онъ, „необходима, чтобы вообще опредѣлить отношеніе между закономъ и распоряженіемъ. Отрицать принципіально отвѣтственность — значитъ отрицать само правомѣрное государство".

Послѣ этихъ словъ должно было надѣяться, что Гнейстъ будетъ говорить въ духѣ защитниковъ предложенія Ауссфельда-Шульце. Но ожиданія эти не оправдались. За началомъ рѣчи слѣдовало *но*, и притомъ *но* довольно рѣшительнаго характера.

---

[1]) *Бецольдъ*, II, 696—704.

[2]) Тамъ же, II, 708—712.

Слѣдуетъ признать, продолжалъ Гнейстъ, основательнымъ возраженіе, что конституцію нельзя *начать* съ юридической отвѣтственности министровъ. Такимъ закономъ можно заключить ее, дать ей необходимую санкцію. Для установленія министерской отвѣтственности необходимо прежде всего опредѣлить кругъ дѣятельности министровъ, необходимо прежде всего создать административное право (Verwaltungsrecht), право, которое состояло бы не въ одной, ничего не выражающей статьѣ: „министру поручается исполненіе закона". Необходимо, чтобы прежде всего установились и опредѣлились реальныя функціи администраціи. При отсутствіи административныхъ правъ, при отсутствіи подробныхъ законовъ о дѣятельности и задачахъ исполнительной власти, министры будутъ отвѣтственны не предъ закономъ, но предъ каждымъ, кто ими недоволенъ. Союзный совѣтъ можетъ воспользоваться оружіемъ такой отвѣтственности для интересовъ партикуляризма; рейхстагъ — для выгодъ даннаго большинства; установится господство партій и политическая отвѣтственность сдѣлается вопросомъ не права, а силы. Исполнительная власть союза еще должна быть образована въ будущемъ и постепенно. Въ данную минуту рейхстагъ имѣетъ дѣло съ начатками, съ зародышемъ государственнаго устройства. Поэтому ораторъ считалъ всѣ предложенія о министерской отвѣтственности преждевременными.

Соображенія о „преждевременности", такъ ярко выраженныя Финке и Гнейстомъ, имѣли свое значеніе въ 1867 году. Но утратили ли они его въ 1869 году, когда Твестенъ и Мюнстеръ внесли свое предложеніе объ отвѣтственномъ министерствѣ? Отвѣтомъ на это, до извѣстной степени, служатъ пренія, возбужденныя означенными депутатами.

Предложеніе Мюнстера и Твестена имѣло въ виду учрежденіе *пяти* министерствъ, которыя соотвѣтствовали бы главнымъ отраслямъ союзнаго управленія, именно: 1) иностранныхъ дѣлъ, 2) финансовъ, 3) военнаго, 4) морскаго и 5) торговли и путей сообщенія.

Твестенъ, рѣчью котораго открылись пренія [1]), началъ съ заявленія, что союзная конституція, принятая въ 1867 году, представляется чѣмъ-то временнымъ и незаконченнымъ. Такою незаконченностью отличаются болѣе всего постановленія объ исполнительной власти. По мнѣнію оратора, настало время создать общіе и органическіе законы объ этомъ предметѣ. Сѣверо-германскій союзъ уже составляетъ

---

[1]) *Бецольдъ*, III, 1132—1139.

истинное государство. Но основаніемъ каждаго государства является хорошо устроенная правительственная власть, а она-то и существуетъ до сихъ поръ „въ отрывкахъ", такъ сказать. Въ свое время существовали основательныя сомнѣнія относительно того, должно ли дать этой власти форму организованнаго министерства или нужно искать другихъ путей. Но теперь такое мнѣніе не можетъ имѣть мѣста. Затѣмъ ораторъ обратился къ разбору всѣхъ возраженій, представлявшихся въ свое время противъ идеи союзнаго министерства. Одни говорили, что чрезъ учрежденіе такого министерства умалятся обезпеченныя конституціею права союзнаго совѣта. Но, по мнѣнію Твестена, союзный совѣтъ есть установленіе, главнымъ образомъ, законодательное; его административныя права исключительны и точно опредѣлены конституціею и не составляютъ никакой системы [1]). Союзное управленіе слагается изъ массы дѣлъ, которыя могутъ быть сосредоточены въ рукахъ министерства безъ всякаго ущерба правамъ совѣта. Такой актъ внесетъ только больше постоянства и порядка въ управленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ упрочится и сила новаго государства. Рѣчь идетъ не о противуположеніи либеральнаго консервативному, государства централизованнаго государству союзному, но объ основѣ всякаго конституціоннаго государства. Графъ Бисмаркъ, продолжалъ ораторъ, заявилъ въ 1867 году что „союзный канцлеръ, какъ прусскій министръ, не можетъ раздѣлить своей отвѣтственности съ другимъ министерствомъ; онъ несетъ на себѣ отвѣтственность по всѣмъ дѣламъ и, съ конституціонной точки зрѣнія, все равно одинъ или многіе отвѣтственны". По мнѣнію оратора, практически это „не все равно". Когда отвѣтственность лежитъ на одномъ лицѣ — она фиктивна и номинальна. Фактически одинъ не можетъ отвѣчать за все. Коллегіальное министерство есть плодъ практической необходимости. Дѣло не въ названіи, но въ *положеніи* начальниковъ отдѣльныхъ частей. Если отвѣтственность лежитъ на одномъ — всѣ прочіе безмолвствуютъ и безропотно подчиняются его приказаніямъ. Такая личная диктатура не можетъ быть постояннымъ установленіемъ. Она необходима въ минуты великихъ историческихъ кризисовъ, но не въ нормальномъ положеніи государства.

Такова была тема, основательно и подробно разработанная въ рѣчи

---

[1]) Эта мысль Твестена не совсѣмъ вѣрна. Напротивъ, «права союзнаго совѣта» еще долгое время будутъ сильнымъ аргументомъ противъ сторонниковъ имперскаго министерства.

Твестена. Дурна или хороша была его аргументація, но она отличалась объективнымъ характеромъ, отрѣшалась, по возможности, отъ злобы дня; стало быть, она требовала такихъ же принципіальныхъ возраженій, независимыхъ отъ личныхъ и временныхъ соображеній. „Объектированію“ вопроса содѣйствовала и рѣчь депутата *Унру* (Unruh), старательно объяснявшаго, что предложеніе Твестена-Мюнстера не есть выраженіе какого-либо недовѣрія къ союзному канцлеру [1]). Унру еще разъ остановился на мысли, что учрежденіе министерства вызывается тѣмъ фактомъ, что новый союзъ есть дѣйствительное *государство*, нуждающееся въ правильно организованной администраціи. Не лишена остроумія слѣдующая параллель, проведенная имъ между фантастическимъ франкфуртскимъ правительствомъ 1849 года и нынѣшнимъ союзнымъ правительствомъ. Во Франкфуртѣ былъ „блюститель имперіи“, но не было имперіи; былъ военный министръ, но не было нѣмецкой арміи; былъ министръ юстиціи безъ судебнаго вѣдомства; министръ финансовъ—безъ фондовъ и денегъ; морской министръ—безъ флота; былъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, попытавшійся отправить посланника въ Парижъ, гдѣ онъ по просту не былъ принятъ генераломъ Кавеньякомъ. „Мы находимся, сказалъ Унру, въ обратномъ положеніи; у насъ есть все: есть армія, съ бюджетомъ въ 60 милліоновъ, но нѣтъ военнаго министра. У насъ есть прекрасный *прусскій* военный министръ, но онъ не министръ союза: онъ не есть военный министръ по отношенію къ контингентамъ прочихъ государствъ союза; его вліяніе можетъ быть только *косвенное*, а именно этого я и не желаю. Мы должны установить новые налоги, мы должны справляться съ относительно большимъ бюджетомъ и не имѣемъ отвѣтственнаго за него министра финансовъ“.

Рѣчь Унру закончилась соображеніями общаго конституціоннаго свойства. Ораторъ намекнулъ на то, что безъ отвѣтственнаго министерства умалится и значеніе рейхстага. Онъ низпадетъ на уровень законодательнаго корпуса французской имперіи, а это будетъ не въ выгодахъ самого правительства, ибо такой рейхстагъ не въ состояніи будетъ поддержать его ни во внутреннихъ, ни во внѣшнихъ сношеніяхъ.

Горячій характеръ преній, масса лицъ, сочувствовавшихъ предложенію Твестена-Мюнстера (оно было подписано 102 депутатами), согласіе по этому вопросу лицъ разныхъ партій, прогрессиста Тве-

[1]) *Бецольдъ*, III, 1141—1147.

стена, консерваторовъ Мюнстера и Ветуси-Гука [1]; либерала Шульце-Делича [2]), націоналъ-либерала Ласкера [3]),—все это предвѣщало сильный отпоръ со стороны союзнаго канцлера. Онъ нашелъ, правда, союзниковъ въ лицѣ Бланкенбурга [4]) и члена союзнаго совѣта отъ Саксоніи Фризена [5]), но ихъ рѣчи не могли произвести подавляющаго впечатлѣнія. Бланкенбургъ указалъ на нѣкоторое противорѣчіе между графомъ Мюнстеромъ и Твестеномъ, на противорѣчіе Мюнстера съ самимъ собою и много говорилъ о „медіатизаціи" союзныхъ государствъ, грозящей имъ съ учрежденіемъ министерствъ. Рѣчь Фризена коснулась вопроса о министерствѣ только со стороны его удобства въ данную минуту. Канцлеръ рѣшился сразиться съ авторами предложенія по всѣмъ пунктамъ. Въ этомъ состоитъ интересъ его рѣчи.

„Авторы предложенія, говорилъ онъ, указываютъ на массу невыгодъ нынѣшняго положенія, къ числу которыхъ они причислили и застой въ законодательствѣ. Но я не вижу, почему эти неудобства могутъ быть устранены учрежденіемъ пятаго колеса нашей и безъ того сложной правительственной машины, то-есть, коллегіальнаго и отвѣтственнаго министерства. При первомъ чтеніи, проектъ произвелъ на меня впечатлѣніе недовѣрія, выраженнаго всѣмъ союзнымъ установленіямъ рейхстага. Но когда я прочелъ подписи, то мнѣ трудно было повѣрить, чтобы многіе изъ подписавшихъ были воодушевлены недовѣріемъ къ президенству или къ союзному совѣту. Я нашелъ здѣсь имена многихъ лицъ вполнѣ росположенныхъ къ правительству. Но съ другой стороны, предложеніе, клонящееся къ существеннымъ перемѣнамъ въ союзномъ устройствѣ, очевидно было вызвано недовольствомъ нынѣшнею дѣятельностью правительства, слѣдовательно и союзнаго канцлера. Иначе, хоть одно изъ 102 подписавшихся лицъ почтило бы меня довѣріемъ и узнало бы мое мнѣніе о проектѣ".

Такимъ образомъ исходною точкою рѣчи князя Бисмарка явилась все таки презумпція „недовѣрія", которую такъ старались устранить Твестенъ, графъ Мюнстеръ и графъ Бетуси-Гукъ. „Въ предложеніи, говорилъ онъ, звучитъ короткое и энергическое заявленіе (которое я

---

[1]) Рѣчь Ветуси-Гука у *Бецольда*, III, 1159—1165.
[2]) Тамъ же, III, 1176—1182.
[3]) Тамъ же, 1187—1193.
[4]) Тамъ же, 1147—1155.
[5]) Тамъ же, 1155—1165.

никакъ не могу назвать выраженіемъ довѣрія) одного изъ нашихъ сотрудниковъ, бывшаго депутата *Гагена* [1]): долой это министерство, долой канцлера — конечно не меня, какъ плоть и кровь, но какъ учрежденіе".

Предыдущіе ораторы, особенно Твестенъ, продолжалъ князь, изображали хаотическое, по ихъ мнѣнію, состояніе нынѣшняго управленія, прямо зависящее отъ канцлерской „диктатуры". Для устраненія такого хаоса требуется отвѣтственное министерство, отвѣтственное не за то только, за что отвѣтствуетъ канцлеръ, то-есть за дѣйствія президентства, но за акты союзнаго совѣта. Такая постановка вопроса должна ограничить компетенцію совѣта. „До сихъ поръ мѣсто такихъ союзныхъ министровъ занимаетъ не канцлеръ, какъ это ошибочно понимаютъ, но *комитеты союзнаго совѣта*. Нашъ министръ финансовъ есть финансовый комитетъ совѣта; по указаніямъ его совѣтъ контролируетъ финансовое управленіе и контролируетъ, полагаю я, вполнѣ надежно". Канцлеръ приглашалъ желающихъ убѣдиться въ этомъ чрезъ провѣрку кассъ, книгъ и бюро. „Подобнымъ же образомъ дѣятельность военнаго министерства сосредоточивается въ военномъ комитетѣ, во главѣ котораго находится прусскій военный министръ... Точно также мы имѣемъ свой счетный и торговый комитеты. Всѣ эти установленія, учрежденныя для того, чтобы за союзными правительствами было обезпечено въ совѣтѣ мѣсто и участіе, согласное съ ихъ суверенитетомъ и договорами, послѣ принятія означеннаго предложенія сдѣлаются излишними. Столь-же излишнимъ будетъ и все канцлерское управленіе (Bundeskanzler-Amt), которое не можетъ быть подчинено коллегіальному управленію. Я вижу изъ предложенія, что вы желаете разчленить означенное управленіе на особыя части и обратить эти бюро въ министерства, равныя канцлеру".

Итакъ опасность грозитъ союзному совѣту и должности канцлера. Князь остановился прежде всего на правахъ совѣта; изъ всѣхъ его возраженій остановимся на болѣе общихъ, пропуская тѣ, которыя имѣли только временное значеніе [2]).

Канцлеръ не отрицалъ, что предложеніе Твестена-Мюнстера не

[1]) Депутатъ *Гагенъ*, какъ извѣстно изъ нашего историческаго очерка, далъ сигналъ къ прусскому «конфликту» 1862 года.

[2]) Возраженія эти касались вопроса о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ учрежденіе министерства на южныя государства, тогда еще не присоединенныя къ Германіи.

противорѣчитъ *буквѣ* союзной конституціи; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы оно не противорѣчило ея *духу*. Формально конституціонно было бы предложеніе, внесенное въ Американскій конгрессъ объ уничтоженіи сената, объ ограниченіи правъ отдѣльныхъ штатовъ и о возведеніи президента въ санъ наслѣдственнаго монарха, но оно было бы противно духу конституціи. Также должно судить и о предложеніи Мюнстера-Твестена. Оно умалитъ права отдѣльныхъ государствъ союза. Чѣмъ же, спрашивается, вызвали союзныя правительства этотъ смертный приговоръ своему закономѣрному участію въ совѣтѣ? Дѣйствовали ли они въ партикуляристическомъ духѣ? Бездѣйствовали ли они? Обнаруживали ли они незаконное сопротивленіе? Не дѣйствовали ли они, наоборотъ, въ лучшемъ, патріотическомъ духѣ? Канцлеръ объявилъ, что онъ не будетъ содѣйствовать попыткѣ умалить конституціонныя права союзныхъ правительствъ.

Затѣмъ канцлеръ перешелъ къ самому трудному и щекотливому вопросу, именно къ отношенію предполагаемаго министерства къ своей собственной власти. Онъ высказался съ тою откровенностію, какою обыкновенно отличаются его рѣчи.

Приступъ къ вопросу былъ особенно оригиналенъ. „Депутаты жалуются, таковъ былъ смыслъ его словъ, что дѣла идутъ медленно и что особенно дѣло германскаго единства подвигается туго. Въ виду этого они должны были бы облечь канцлера дѣйствительно диктаторскою властью, а не связывать его по рукамъ и ногамъ учрежденіемъ коллегіальнаго министерства“.

Идея коллегіальнаго министерства противна канцлеру не только въ виду *данныхъ* обстоятельствъ, но *вообще* и *безусловно*. Это мѣсто канцлерской рѣчи особенно замѣчательно.

„Господа, говорилъ онъ, тотъ кто былъ министромъ и стоялъ во главѣ министерства, кто былъ принужденъ принимать рѣшенія подъ своею отвѣтственностію, тотъ, подъ конецъ, устрашается не отвѣтственности, но необходимости убѣждать семь человѣкъ въ томъ, что желаемое имъ дѣйствительно правильно. Эта работа потруднѣе чѣмъ управленіе государствомъ. Всѣ члены министерствъ имѣютъ свои почтенныя и твердыя убѣжденія, и чѣмъ они почтеннѣе и тверже въ своей дѣятельности, тѣмъ труднѣе совладать съ ними. Каждый изъ нихъ окруженъ рядомъ спорливыхъ совѣтниковъ, имѣющихъ каждый свои убѣжденія и министръ-президентъ долженъ, если онъ имѣетъ на то время, убѣждать отдѣльнаго совѣтника, имѣющаго вліяніе на своего начальника по данному вопросу. Убѣдить человѣка само по

себѣ очень трудно; можно кое-какъ уговорить, подкупить его, можетъ быть, внѣшними средствами личной любезности, какою обладаешь и эти усилія нужно повторять разъ семь и больше. Я признаю — въ этомъ я отличаюсь отъ всѣхъ, говорившихъ сегодня и твердо убѣжденъ, что мой опытъ даетъ мнѣ право настаивать на моемъ сужденіи — *коллегіальное устройство министерства есть политическое заблужденіе и ошибка*, отъ которой каждое государство должно бы отдѣлаться поскорѣе, и я далекъ отъ того, чтобы содѣйствовать перенесенію этого ошибочнаго учрежденія въ союзъ; я полагаю, напротивъ, что Пруссія сдѣлала бы громадный шагъ впередъ, еслибы она приняла начало союза и имѣла *одного* отвѣтственнаго министра. Въ чемъ состоитъ эта отвѣтственность, господа? Здѣсь было сказано, что она будетъ *создана* коллегіями. Я говорю, что она *исчезаетъ* со введеніемъ коллегіи".

Послѣ этихъ словъ, конечно, дальнѣйшія разсужденія были бы безполезны. Но соображенія канцлера о коллегіальномъ министерствѣ вообще были усилены его разсужденіями о своей должности спеціально.

„Мнѣ кажется, говорилъ онъ, что все предложеніе у многихъ его участниковъ имѣетъ свое происхожденіе въ ложномъ пониманіи положенія союзнаго канцлера. Означенные господа принимаютъ канцлера за союзнаго министра. Союзный канцлеръ есть чиновникъ президентства (Präsidialbeamter) — онъ несетъ отвѣтственность за дѣйствія президентства. Въ законодательствѣ его участіе равняется нулю; въ законодательствѣ я дѣйствую какъ *прусскій* уполномоченный въ союзномъ совѣтѣ и представляю тамъ прусскіе голоса. Эти прусскіе голоса подаются подъ отвѣтственностію *прусскаго министерства*. Инструкція прусскихъ уполномоченныхъ составляется въ прусскомъ министерствѣ, также какъ саксонскихъ — въ саксонскомъ; послѣдняя исходитъ отъ е. в. короля саксонскаго, а моя, въ послѣдней инстанціи, не отъ президентствъ союза, а отъ е. в. короля прусскаго. Эту узкую основу отвѣтственности за дѣйствія президентства я долженъ (если дать предложенію г. Твестена самое невинное и дѣловое толкованіе, при чемъ союзный совѣтъ сохранитъ свое) раздѣлить съ извѣстнымъ количествомъ министровъ, ближайшимъ образомъ на томъ основаніи — которое я вполнѣ признаю — что я понимаю не все изъ того, что совершается подъ моею отвѣтственностію. Но не находимся ли мы всѣ, болѣе или менѣе, въ такомъ же положеніи, а именно не должны ли вы составить себѣ сужденіе о всемъ объемѣ всѣхъ министерствъ и всего

прусскаго управленія, сужденія, которое обыкновенно должно быть выражено съ большею скоростью и увѣренностію, чѣмъ сужденіе министерства? Не должны ли вы, при бюджетѣ, при тщательной ревизіи и оцѣнкѣ закона о промыслахъ [1]) при обсужденіи всѣхъ расходовъ и законовъ—знать все?". Распространившись о дѣйствительной невозможности „знать все", какъ депутату, такъ и министру, г. Бисмаркъ заключилъ эту часть своей рѣчи слѣдующими словами:

„При невозможности знать все, помагаетъ только довѣріе къ лицамъ, понимающимъ частности, къ лицамъ, за дѣйствія и назначеніе которыхъ министръ остается отвѣтственнымъ. Я не думаю, чтобы вообще нашелся министръ большаго государства, который бы могъ прочесть половину, четверть всего того, что онъ по закону долженъ подписать; я считалъ бы завидно малозанятымъ товарищемъ того, кто могъ бы прочесть четверть того, что ему слѣдуетъ подписать. Вы не облегчите меня коллегіей *и я не такой канцлеръ, чтобы принять къ себѣ товарища. Я опираюсь на мое конституціонное право. Я принялъ должность союзнаго канцлера такъ, какъ она была учреждена и товарищъ, въ самый день своего появленія, былъ бы моимъ преемникомъ*".

Конецъ этой рѣчи былъ посвященъ предостереженію также весьма оригинальному въ устахъ г. Бисмарка, предостереженію отъ излишняго стремленія къ *централизаціи*, которое просвѣчиваетъ, будтобы, въ проектѣ союзнаго министерства.

„Посмотрите, восклицалъ князь, на великое, богатое и могущественное явленіе Сѣвероамериканскихъ штатовъ; считаютъ-ли тамъ централизованное государство палладіумомъ свободы, основаніемъ здороваго развитія? Посмотрите на Швейцарію съ ея кантональнымъ устройствомъ! Посмотрите на картину, представляющую, если я не ошибаюсь, наибольшую аналогію съ нами, на старое устройство Нидерландовъ, на генеральные штаты, гдѣ самостоятельность провинцій была обезпечена въ высокой степени!.. Централизація есть болѣе или менѣе актъ насилія и не можетъ быть осуществлена безъ перелома, противнаго по крайней мѣрѣ духу конституціи, и этотъ переломъ, будь онъ прикрытъ и оправданъ по формѣ, оставитъ внутреннія раны и сколько времени это мѣсто будетъ истекать кровью—этого не знаетъ и не можетъ провѣрить ни одинъ человѣкъ; тогда, можетъ статься, союз-

[1]) Законъ о промыслахъ (Gewerbeordnung) обсуждался въ 1869 году.

ному канцлеру будетъ предоставлено исправить эти недуги законодательнымъ порядкомъ".

Знаменитая рѣчь заключала въ себѣ все: и упрекъ за недовѣріе, и обвиненіе въ неконституціонности предложенія, и угрозу отставкой и предостереженіе отъ грядущихъ бѣдствій, которыя прійдется устранить ему-же, канцлеру.

Рѣчь *Ласкера*, какъ бы нарочно припасенная подъ конецъ, отличалась примирительнымъ характеромъ и была произнесена какъ бы спеціально для канцлера. Дѣйствительно, послѣдній высказалъ свое удовольствіе въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ. Конечно, онъ не *примирился* съ проектомъ—чего не могли не замѣтить сторонники предложенія. Они отказались отъ собственнаго торжества. Предложеніе было принято рейхстагомъ 111 голосами противъ 100. Но затѣмъ оно было взято назадъ.

Канцлеръ остался единственнымъ отвѣтственнымъ сановникомъ Имперіи.

Должность его опредѣляется слѣдующимъ образомъ. На основаніи 15 ст. конституціи, онъ назначается императоромъ. Вслѣдствіе этого онъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ тому, что̀ исходитъ отъ самого императора. На него возложено ближайщее завѣдываніе внѣшними сношеніями; онъ есть органъ имперскаго надзора. Предсѣдательствуя въ союзномъ совѣтѣ, онъ является делегатомъ императора. Вслѣдствіе этого канцлеръ можетъ быть и не быть прусскимъ министромъ. Затѣмъ чрезъ него производится сношеніе съ рейхстагомъ (ст. 16): всѣ постановленія, состоявшіяся въ союзномъ совѣтѣ и подлежащія утвержденію рейхстага, передаются чрезъ канцлера. Независимо отъ этого къ должности его присоединено чрезвычайно много иныхъ обязанностей. На основаніи закона 9-го іюня 1871 г., Эльзасъ-Лотарингія, присоединенная въ качествѣ имперской земли, отдана въ непосредственное управленіе императора, который дѣйствуетъ здѣсь чрезъ канцлера. Приказы императора, за исключеніемъ состоявшихся по арміи и флоту, требуютъ контрасигнированія канцлера именно потому, что онъ есть лицо, чрезъ которое дѣйствуетъ императорская власть. Понятно само собою, что канцлеръ, какъ имперское должностное лицо, отвѣтственъ только предъ имперскими властями, то есть, союзнымъ совѣтомъ и рейхстагомъ. Но самая форма этой отвѣтственности въ высшей степени условна, уже въ силу того, что эта отвѣтственность канцлера не опредѣлена законодательнымъ

порядкомъ. Вотъ почему нѣкоторые юристы, напримѣръ, Рённе, Моль, Тудихумъ и др., говорятъ о *моральной* отвѣтственности канцлера.

При сосредоточеніи въ рукахъ канцлера такой массы разнообразныхъ дѣлъ, понятно само собою, что, такъ сказать, силою вещей были вызваны къ жизни самыя разнообразныя имперскія учрежденія, которыя должны были раздѣлять съ канцлеромъ его труды. 12-го августа 1867 г. декретомъ президента (прусскаго короля) учреждено управленіе имперскаго канцлера (Reichskanzleramt). Это учрежденіе имѣетъ цѣлью вѣдать дѣла, подлежащія управленію и надзору имперскаго канцлера и отнесенныя союзною конституціею къ предметамъ союзной власти. Предметы эти суть: а) внутреннее управленіе союза; б) изготовленіе предложеній союзному совѣту, и в) различные исполнительные акты. Въ настоящее время это управленіе чрезвычайно разрослось. Оно состоитъ собственно изъ канцеляріи имперскаго канцлера, хотя это есть нѣкоторое самостоятельное учрежденіе; при немъ состоитъ нѣсколько установленій; другія находятся отъ него въ зависимости. Самое управленіе состоитъ изъ президента (эту должность исправляетъ г. Дельбрюкъ), 4-хъ докладывающихъ совѣтниковъ (референдаріевъ), 4-хъ помощниковъ и канцелярскихъ служителей. При управленіи состоитъ имперское почтовое управленіе, подъ начальствомъ почтъ-директора, въ завѣдываніи котораго дѣйствуютъ всѣ другія почтовыя учрежденія. Почтовое управленіе называется „Генеральный почтамтъ германской имперіи"; имъ управляетъ генералъ-почтмейстеръ. Подъ его завѣдываніемъ состоятъ два генеральныхъ инспектора почтъ.

Въ канцлерское управленіе входятъ также „Главное управленіе телеграфовъ германской имперіи" и особый отдѣлъ для завѣдыванія дѣлами Эльзасъ-Лотарингіи. Въ зависимости отъ управленія находятся главное имперское казначейство, въ которое переименовано прусское государственное казначейство, затѣмъ счетный судъ германской имперіи, въ который переименована прусская счетная палата, — коммисія по кредитной части, учрежденная 19-го іюня 1868 г., бюро для завѣдыванія имперскими податями и таможенными сборами и наконецъ учрежденіе для управленія мѣрами и вѣсами, возникшее 17-го августа 1868 г. По внѣшнимъ дѣламъ имѣется также особое управленіе—„Иностранное управленіе германской имперіи". Оно было учреждено 1-го іюня 1870 г. и находится въ непосредственной зависимости отъ имперскаго канцлера. Его образуютъ два отдѣленія. Первое завѣдуетъ собственно внѣшними сношеніями

германской имперіи, вообще сношеніями съ иностранными посланниками, ихъ легитимаціею, личнымъ составомъ посольствъ, денежною частью и т. д. Второе отдѣленіе вѣдаетъ дѣлами частнаго международнаго права, различными частными вопросами права государственнаго и консульствами.

Въ числѣ административныхъ учрежденій, мы не назвали морскаго и военнаго управленій. Мы видѣли, что многія имперскія учрежденія развились изъ прусскихъ. Но изъ послѣднихъ не всѣ стали имперскими. Къ числу ихъ относится управленія военное и морское. Оба эти учрежденія до настоящаго времени находятся въ рукахъ соотвѣтствующихъ прусскихъ министерствъ, именно вслѣдствіе того, что императоръ (прусскій король) считается главнокомандующимъ арміею и флотомъ, почему и ближайшее завѣдываніе дѣлами военной и морской администраціи ввѣрено прусскимъ установленіямъ. Такой порядокъ вещей признается изслѣдователями германскаго государственнаго права довольно ненормальнымъ по той причинѣ, что армія и флотъ содержатся на счетъ общихъ имперскихъ средствъ.

Едва ли не самое замѣчательное учрежденіе, организованное союзнымъ законодательствомъ, есть учрежденіе союзнаго торговаго суда (12 іюня 1869 г.). Союзный торговый судъ играетъ довольно большую роль въ германской государственной жизни не только потому, что онъ удовлетворяетъ потребностямъ германскихъ торговыхъ людей, которые уже давно чувствовали необходимость въ общемъ вексельномъ уставѣ и судѣ, но и потому, что это есть единственный самостоятельный союзный судъ, вслѣдствіе чего его компетенція, по многимъ практическимъ соображеніямъ, распространяется и на другіе предметы, не подходящіе подъ понятіе чисто торговыхъ дѣлъ. Онъ восполняетъ отчасти отсутствіе правильно-организованнаго союзнаго суда. Судъ этотъ помѣщается въ Лейпцигѣ и состоитъ изъ президента, вице-президента и опредѣленнаго числа совѣтниковъ (19). Они считаются имперскими должностными лицами и получаютъ содержаніе отъ имперской казны. Въ случаѣ надобности судъ можетъ быть раздѣленъ на отдѣленія, по постановленію союзнаго совѣта. Но до настоящаго времени этого не произошло.

Законъ 11-го мая 1871 г., касающійся опредѣленія правъ авторскихъ, сдѣлалъ союзный судъ верховною инстанціею по разсмотрѣнію исковъ о правахъ авторской собственности. Торговый судъ является также послѣднею (3) инстанціею по дѣламъ, подлежащимъ въ 1-й инстанціи союзнымъ консуламъ. Въ силу закона 7-го іюня 1871 г.

ему подлежать дѣла по вознагражденію за вредъ и убытки, причиненные желѣзными дорогами. Онъ есть верховный судъ для Эльзасъ-Лотарингіи. Такимъ образомъ компетенція его безпрерывно расширяется.

Послѣднее учрежденіе, которое играетъ также довольно важную роль въ Германіи, есть союзное учрежденіе по дѣламъ туземства. Для уразумѣнія существа этого учрежденія, необходимо припомнить, что законъ 1870 г. установилъ общія правила о пріобрѣтеніи мѣстнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и имперскаго туземства, что за тѣмъ право осѣдлости влечетъ за собою и право вспомоществованія въ той общинѣ, гдѣ данное лицо имѣетъ осѣдлость. Отсюда само собою возникаетъ рядъ сложныхъ вопросовъ въ виду того, что каждая община по возможности желаетъ ограничить кругъ тѣхъ лицъ, которымъ она должна помогать. Вопросъ о принадлежности лица къ составу извѣстной общины рѣшается названнымъ выше учрежденіемъ. Оно находится въ Берлинѣ и состоитъ изъ предсѣдателя и 4-хъ членовъ. Эти лица назначаются императоромъ, по предложенію союзнаго совѣта. Дѣла рѣшаются коллегіально по большинству голосовъ.

Останавливаясь на общемъ характерѣ германской конституціи, нельзя не замѣтить, во 1-хъ, что она далеко не удовлетворяетъ всѣмъ тѣмъ идеаламъ, въ особенности идеалу союзнаго государства, которые выработались исторически въ Швейцаріи и Сѣверной Америкѣ и выяснены политическою наукою. Причина многочисленныхъ уклоненій въ разныя стороны, вслѣдствіе которыхъ Германская имперія то подходитъ близко къ централизованному государству, то къ союзу государствъ и рѣдко—къ идеалу союзнаго государста, заключается въ монархическомъ характерѣ огромнаго большинства отдѣльныхъ Германскихъ государствъ и въ томъ положеніи, въ какое издавна стала Пруссія къ остальной Германіи. Здѣсь не лишне вспомнить приведенныя выше слова Зибеля, что учрежденіе Германской имперіи вполнѣ соотвѣтствуетъ реальнымъ силамъ, исторически развившимся въ Германіи. Эти силы суть Пруссія, мелкія второстепенныя государства и наконецъ общественное мнѣніе. Важнѣйшая часть принадлежитъ Пруссіи. Ея монарху присвоена императорская власть и обезпечено въ союзномъ совѣтѣ сильное вліяніе. Въ ея рукахъ сосредоточено командованіе войскомъ и флотомъ. Значительныя права предоставлены и созному совѣту, чрезъ который всѣ Германскія государства принимаютъ участіе въ законодательствѣ и

администрація имперіи и только очень малая доля правъ предоставлена общественному мнѣнію, то-есть рейхстагу.

Что касается управленія имперіею, легко замѣтить, что въ ней чрезвычайно много условій для развитія единоличнаго начала. Въ дѣйствительности исполнительная власть сосредоточена здѣсь въ рукахъ имперскаго канцлера. Одинъ изъ французскихъ публицистовъ, вѣрно и беспристрасно судившій о конституціи Сѣверо-германскаго союза, Шербюлье сказалъ, что германская конституція написана однимъ человѣкомъ и для одного человѣка. Дѣйствительно, единоличное управленіе имперскаго канцлера есть фактъ, противъ котораго трудно что возразить. Императорская власть дѣйствуетъ чрезъ канцлера. Декреты императора нуждаются въ его контрасигнированіи. Но конституція ничего не говоритъ объ отвѣтственности имперскаго канцлера за тѣ распоряженія, которыя онъ издаетъ въ силу присвоенной ему власти. Въ союзномъ совѣтѣ имперскій канцлеръ опираясь на 17 голосовъ, всегда можетъ располагать большинствомъ, а оппозиція рейхстага, въ виду отсутствія закона объ отвѣтственности канцлера и существованія вполнѣ независимыхъ отъ него имперской арміи и бюджета, врядъ-ли когда можетъ осуществиться. Словомъ, въ настоящее время германское управленіе представляетъ многія черты того, что мы привыкли называть военною диктатурою. Можетъ быть, это объясняется рѣчью г. Мольтке, видѣвшаго необходимость военнаго положенія Германіи въ боязни и не любви къ ней европейскихъ государствъ; во всякомъ случаѣ фактъ несомнѣненъ: Германія наиболѣе хорошо организована въ военномъ отношеніи. Въ какой мѣрѣ осуществятся тѣ конституціонные зародыши, которые содержатся въ германской конституціи, когда сдѣлается отвѣтственною исполнительная власть имперіи, когда явятся отвѣтственныя министерства и разовьется бюджетное право рейхстага,—все это вопросы, которые разрѣшатся, конечно, не въ нынѣшнее время, когда, въ виду борьбы съ католическою церковью, исполнительная власть требуетъ себѣ все больше и больше правъ.

Во время печатанія этого очерка, послѣдовали нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ имперскаго управленія. Такъ „непосредственная имперская земля“ Эльзасъ-Лотарингія получила зачатки самостоятельнаго мѣстнаго управленія. Какой плодъ дастъ это преобразованіе, покажетъ будущее.

А. Градовскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Опыт фонетики резьянских говоров. И. Бодуэна-де-Куртенэ. Варшава. Петербургъ, 1875 г.

Резьянскій катихизис, какъ приложеніе къ «Опыту фонетики резьянских говоров» съ примѣчаніями и словарем. Издал И. Бодуэн-де-Куртенэ.

Молодой филологъ, котораго имя читается при двухъ выписанныхъ мною заглавіяхъ, обнаруживаетъ рѣдкую въ нашемъ ученомъ мірѣ дѣятельность. Кончивъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, г. Бодуэнъ, послѣ 4-хъ-лѣтняго пребыванія за границей, занимаетъ теперь каѳедру въ Казани. Уже его первое и до сихъ поръ главное сочиненіе „О древнемъ польскомъ языкѣ до XIV-го столѣтія" свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ трудолюбіи и основательной филологической подготовкѣ автора, стоящей совершенно въ уровень съ современными успѣхами языкознанія. Читателямъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* имя г. Бодуэна знакомо по нѣсколькимъ критическимъ статьямъ, помѣщеннымъ въ этомъ изданіи за послѣдніе годы, каковы, напримѣръ, разборы „Обще-славянской азбуки" Гильфердинга и книги Новаковича „Физиологиjа гласа и гласови српскога језика".

Новый трудъ г. Бодуэна „Опыт фонетики резьянских говоров" былъ плодомъ его путешествія по славянскимъ землямъ и доставилъ ему степень доктора при здѣшнемъ университетѣ. Имя маленькаго славянскаго народа Резіянъ, составляющаго съ небольшимъ 3.000 душъ, конечно, извѣстно у насъ очень немногимъ. Живетъ онъ въ странѣ, прилегающей къ сѣверному берегу Адріатическаго моря, въ горахъ за рѣкою Сочей или Изонцо, отличается сравнительно нѣкоторою патріархальною чистотою нравовъ, и говоритъ языкомъ, сохраняющимъ многія исконныя особенности. Первый изъ Русскихъ посѣтилъ Резіянъ въ 1841 году академикъ И. И. Срезневскій, и тогда

же напечатано было въ Часописи Чешскаго музея письмо его къ Ганкѣ объ этомъ народѣ. Благодаря нынѣшнему изслѣдованію И. А. Бодуэна, г. Срезневскій вспомнилъ дневникъ, веденный имъ во время тогдашняго путешествія, но остававшійся съ тѣхъ поръ въ рукописи, и напечаталъ его недавно въ академическомъ изданіи съ любопытными приложеніями, между которыми находится и сейчасъ упомянутое письмо его къ чешскому ученому. Въ самомъ дневникѣ онъ живо разсказываетъ свои встрѣчи съ простодушными туземцами, описываетъ ихъ бытъ и нравы. Помѣщенныя имъ подъ строкою замѣтки г. Бодуэна показываютъ, что съ того времени многое измѣнилось даже и въ этомъ тихомъ уголкѣ земли. Впрочемъ, географическое и статистическое описаніе Резіянской долины г. Бодуэнъ обѣщаетъ сообщить въ особой статьѣ; теперь же онъ въ своей книжкѣ разсматриваетъ, съ большою подробностію, только языкъ населенія. Въ предисловіи онъ откровенно сознается, что въ началѣ своихъ наблюденій надъ мѣстными говорами онъ слѣдовалъ отчасти ошибочнымъ пріемамъ. „Находясь под вліяніем какой-то лихорадочной жадности", говоритъ онъ, „я старался прежде всего записать по возможности болѣе, не принимая в соображеніе того разумнаго правила, что для науки всего желательнѣе и полезнѣе даже небольшое количество совершенно вѣрных и несомнѣнных фактов и основанных на них выводов, нежели громадная куча наскоро замѣченных явленій и обусловленных ими предположеній иногда весьма проблематическаго свойства". За то „постоянное упражненіе, вслѣдствіе внимательнаго вслушиванія в малѣйшіе оттѣнки произношенія различных, не только славянских, но тоже романских и германских, говоров развило во мнѣ", продолжаетъ авторъ, „даже без достаточных теоретических познаній, извѣстнаго рода опытность и ловкость, благодаря которым, под конец моих изысканій, я записывал діалектическіе матеріалы, какъ мнѣ кажется, почти безукоризненно".

При всемъ томъ, скромный авторъ самъ не вполнѣ доволенъ результатами своихъ изслѣдованій и полагаетъ, что для пополненія оставшихся пробѣловъ и исправленія вѣроятныхъ промаховъ ему нужно было бы еще разъ провѣрить свои наблюденія на мѣстахъ: по его убѣжденію, такія вторичныя поѣздки вообще необходимы для діалектологовъ. Резіяне же, какъ мы узнаёмъ далѣе изъ самаго изслѣдованія, вообще говорятъ очень скоро и невнятно.

Трудъ г. Бодуэна раздѣляется на три части: первая посвящена описанію резьянскихъ звуковъ вообще, вторая — разсмотрѣнію этимо-

логическихъ отношеній этихъ звуковъ, третья—общимъ заключеніямъ и выводамъ. Мы не послѣдуемъ за авторомъ во всѣхъ подробностяхъ его наблюденій, представляющихъ совершенно спеціальный интересъ, но не можемъ не замѣтить, что между ними есть нѣкоторыя чрезвычайно-любопытныя. Отъ вниманія его не ускользнули и тѣ измѣненія, которыя отличаютъ современное резьянское нарѣчіе отъ прежняго. Такъ его поразило, между прочимъ, исчезновеніе звука h передъ гласными въ столбицкомъ говорѣ. „Характеристично в этом отношеніи", разсказываетъ онъ, „негодованіе одного семидесятилѣтняго старца из Столбицы против молодых людей его же деревни, которых он вовсе не в состояніи понять вслѣдствіе именно невыговариванія ими произносимаго им и его сверстниками согласнаго h. Так например, одна молодая женщина спросила его „réte nát?" и он только послѣ догадался, что это должно было означать: „hréte hnát?" (идете гнать? то есть скот). Старик объявлял этот, по его мнѣнію, предосудительный обычай молодых „бравурой", то есть, желаніем пофрантить и порисоваться".

Что касается отношенія резьянскихъ говоровъ къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, то г. Водуэнъ находитъ всего болѣе сходства между ними и говорами южныхъ сосѣдей Резьянъ, то есть, Сербовъ и Хорватовъ смежныхъ округовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ въ языкѣ первыхъ на одну характеристическую особенность, на основаніи которой можно считать ихъ говоры совершенно особой группой въ области сербо-хорватскаго нарѣчія. „Эта исключительно резьянская принадлежность состоит в законѣ гармоніи гласных, которая основывается на противоположности, с одной стороны, тёмных и ясных гласных, с другой же стороны, на противоположности гласных широких и узких... Эта особенность проявляется в каждом без исключенія малосложном резьянском словѣ, если не в положительном, то по крайней мѣрѣ в отрицательном смыслѣ и слѣдовательно проникает весь звуковой организм резьянских говоров".

Такъ какъ подобное построеніе словъ составляетъ главную фонетическую особенность финскихъ и вообще туранскихъ языковъ, и кромѣ того большинство Резьянъ отличается совершенно не славянскими физіономіями, то авторъ высказываетъ предположеніе, что они представляютъ смѣсь Славянъ съ какимъ-то отпрыскомъ туранскаго племени или, точнѣе говоря, состоятъ изъ смѣси Славянъ съ ославянившимися Туранами. „Резьянскіе же говоры, сообразно племенному происхожденію их носителей, являются славянскими говорами, под-

вергшимися сильному туранскому вліянію". Въ подкрѣпленіе этой гипотезы, впрочемъ, никакъ не выдаваемой авторомъ за рѣшительный выводъ, онъ указываетъ и на сознаніе нѣкоторыхъ болѣе образованныхъ Резьянъ. Такъ, напримѣръ, учительница мѣстнаго женскаго училища въ Раванцѣ, говоря съ нимъ о трудностяхъ письменной передачи резьянскихъ звуковъ, высказала мнѣніе, что „ta únђarska gramátika ba bíla najbújša za nàš lańgàč", то есть: венгерское правописаніе было бы самое подходящее для нашего языка. Но вообще между Резьянами и даже внѣ ихъ земли очень распространено, хотя и ни на чемъ не основанное, преданіе, будто родоначальники нынѣшнихъ Резьянъ прибыли изъ Россіи и что поэтому Резьяне суть Русскіе и говорятъ русскимъ языкомъ. Это мнѣніе, вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ какому-нибудь мѣстному ученому, который такъ истолковалъ случайное сходство названія своего племени съ именемъ Русскихъ. На это повѣрье Резьянъ указалъ уже и акад. Срезневскій въ своемъ дневникѣ.

Справедлива ли догадка г. Бодуэна объ элементахъ резьянскаго нарѣчія и вообще въ какой степени всѣ частныя замѣчанія его вѣрны, объ этомъ судить не считаю себя въ правѣ безъ спеціальнаго знакомства съ предметомъ его наблюденій. Могу говорить только о его методѣ и высказанныхъ въ его новомъ трудѣ свѣдѣніяхъ и соображеніяхъ. Съ этой стороны, нельзя не отдать полной справедливости изслѣдованію г. Бодуэна, свидѣтельствующему о совершенно правильныхъ пріемахъ его многостороннихъ наблюденій Можно только усомниться, не слишкомъ ли пространно у него изложены всѣ мельчайшія подробности подмѣченныхъ имъ явленій, и не лучше ли бы онъ поступилъ, если бъ въ окончательномъ результатѣ своихъ изысканій ограничился болѣе рѣзкими и крупными чертами, отнеся остальное въ приложенія, какъ матеріалъ, послужившій ему основаніемъ для его выводовъ. При менѣе обширныхъ размѣрахъ, его изслѣдованіе, конечно, выиграло бы въ интересѣ и наглядности. Позволю себѣ замѣтить, что и въ филологическихъ трудахъ нельзя пренебрегать способомъ изложенія, при которомъ они могутъ становиться болѣе удобочитаемыми даже для спеціалистовъ. Въ заключеніе нельзя пройти молчаніемъ, что хотя слогъ г. Бодуэна вообще безукоризненъ, однакожъ изрѣдка встрѣчаются у него выраженія не совсѣмъ согласныя съ духомъ русскаго языка. Впрочемъ, подобныя частныя неисправности формы, конечно, скоро исчезнутъ изъ сочиненій г. Бодуэна

при его дальнѣйшей дѣятельности въ чисто-русской средѣ и его рѣдкихъ филологическихъ дарованіяхъ.

Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. *Е. Бѣлявскаго*, преподавателя 5-й Московской гимназіи. Москва 1875.

Попытка г. Бѣлявскаго ввести въ кругъ учебной грамматики сравненіе съ классическими языками входитъ въ область вопроса, раздѣляющаго нынче весь германскій педагогическій міръ на два противоположные лагеря. Вопросъ этотъ весьма обстоятельно разсмотрѣнъ въ изданной 1874 года въ Мюнхенѣ брошюрѣ г. Жолли (Jolly): „Schulgrammatik und Sprachwissenschaft". Недавно его коснулся и критическій отдѣлъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ статьѣ г. Гельбке [1]). Нельзя было не порадоваться, что здѣсь вопросъ рѣшается точно такъ же, какъ и въ изслѣдованіи г. Жолли, то-есть, въ пользу введенія результатовъ сравнительнаго языкоученія въ гимназическій курсъ преподаванія древнихъ языковъ. Само собою разумѣется, что при этомъ необходимо соблюденіе извѣстныхъ границъ сообразно съ цѣлію и со степенію интереса, который можно предполагать къ такому методу въ учащихся по возрасту ихъ и развитію. Надлежащая въ этомъ отношеніи мѣра прекрасно выдержана въ греческой грамматикѣ Курціуса, въ первый разъ возымѣвшаго и осуществившаго идею подобнаго примѣненія успѣховъ науки слова къ потребностямъ школы.

У насъ прочное основаніе сравнительному методу въ русской грамматикѣ положено Ф. И. Буслаевымъ, труды котораго составили эпоху въ исторіи преподаванія отечественнаго языка. Съ его почина изученіе церковно-славянскаго языка стало итти въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ параллельно съ русской этимологіей, и благодаря „Исторической грамматикѣ" начали появляться учебники, развивающіе то же содержаніе въ меньшихъ размѣрахъ и въ болѣе доступной для учениковъ формѣ. Значеніе, какое дано въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ древнимъ языкамъ, подало г. Бѣлявскому счастливую мысль расширить область сравнительнаго метода въ славяно-русской грамматикѣ, поло-

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, октябрь 1875: «О примѣненіи результатовъ сравнительнаго языкознанія къ преподаванію граматики древнихъ языковъ въ гимназіяхъ».

живъ въ основу его формы греческія и латинскія [1]). Называю эту мысль счастливою потому, что ничто такъ не объясняетъ предметовъ ученія, какъ открываемая между ними связь; этимъ только способомъ то, что само по себѣ казалось бы случайнымъ и непонятнымъ, пріобрѣтаетъ смыслъ и законность; то, что иначе усвоивалось бы только памятью, освѣщается соображеніемъ и входитъ въ сознаніе. „Древній церковно-славянскій языкъ, объясняя формы русскаго языка, въ то же время указываетъ на близкое родство этого послѣдняго съ древними классическими языками. Родство это обнаруживается не только въ корняхъ и образованіи словъ, но и во всѣхъ оттѣнкахъ измѣненій словъ. Въ другихъ новыхъ языкахъ измѣненіе частей рѣчи такъ далеко уклонилось отъ первоначальнаго своего вида, что сближеніе въ этомъ отношеніи новыхъ языковъ съ древними классическими дѣлается, по крайней мѣрѣ въ учебникѣ, невозможнымъ. Славянскіе языки болѣе другихъ новѣйшихъ языковъ сохранили первобытныя формы и поэтому удобнѣе могутъ быть сближаемы съ древними классическими языками". Изъ этихъ словъ, которыми начинается предисловіе г. Бѣлявскаго, мы узнаемъ весьма вѣрную исходную мысль новаго руководства, назначаемаго, какъ онъ далѣе объясняетъ, главнымъ образомъ — для IV класса гимназій, съ тѣмъ однакоже, чтобы не вполнѣ усвоенное по недостатку времени въ этомъ классѣ проходилось въ высшихъ при чтеніи памятниковъ древней русской литературы.

Новый элементъ проведенъ въ грамматикѣ г. Бѣлявскаго весьма сдержанно и, на первый случай, достаточно для цѣли уясненія состава и формъ языка. Сравненіе съ древними языками оказало здѣсь самое значительное вліяніе на способъ дѣленія существительныхъ по склоненію. Помощію своего метода авторъ убѣдился, что славяно-русское склоненіе существительныхъ почти тожественно съ такимъ же склоненіемъ въ классическихъ языкахъ: такъ какъ тамъ склоненія различаются не столько по окончаніямъ падежнымъ, сколько по основамъ, то онъ, принявъ то же начало, нашелъ всего удобнѣе раздѣлить церковно-славянскія и русскія имена сущ. также на три

[1]) Изданная лицеемъ цесаревича Николая превосходно составленная Латинская грамматика въ соединеніи съ русскою заключаетъ въ себѣ также сравненія по одному изъ древнихъ языковъ съ русскимъ, но она не проводитъ методически сличенія формъ того и другого, а указываетъ вообще на встрѣчающіяся въ обоихъ сходныя грамматическія явленія.

склоненія, и къ первому изъ нихъ отнесъ имена съ основой на а, какъ на самый чистый гласный звукъ. Начать съ склоненія на а ему казалось тѣмъ болѣе нужнымъ, что оно въ русскомъ языкѣ имѣло сильное вліяніе на прочія склоненія, которыя во многихъ падежахъ потеряли свою основную гласную и приняли основу склоненія на а. Нельзя не признать справедливости этихъ соображеній. Дѣленіе глаголовъ на спряженія и основанія дѣленія, по замѣчанію г. Бѣлявскаго, также весьма сходны въ греческомъ языкѣ. Особенное вниманіе обратилъ онъ на слова, имѣющія такъ называемыя неправильныя окончанія; они наиболѣе представляютъ остатки древности и одинаковое съ греческими и латинскими словами образованіе, часто даже одни и тѣ же корни.

Предположивъ, что по его руководству преподаваніе должно начаться ученіемъ о буквахъ и звукахъ, послѣ чего слѣдуетъ перейти къ парадигмамъ склоненій и спряженій, г. Бѣлявскій отдѣлилъ всѣ парадигмы отъ самыхъ объясненій. Этимъ онъ достигъ весьма важной выгоды въ томъ отношеніи, что при такомъ способѣ ему легче было избѣгнуть той сухости, какою страдаетъ изложеніе въ бо́льшей части грамматикъ. Здѣсь объяснительная часть, при надлежащей сжатости и стройномъ расположеніи, своею удобопонятностью способна заинтересовать достаточно-подготовленнаго ученика. Такимъ образомъ надо отдать полную справедливость умѣнью автора обращаться съ своимъ матеріаломъ. Что касается степени знанія и разумѣнія, обнаруженныхъ имъ при самой разработкѣ его, то и съ этой стороны новый учебникъ является въ весьма благопріятномъ для него свѣтѣ. Въ книгѣ этого рода мы, конечно, не можемъ непремѣнно требовать результатовъ самостоятельныхъ изслѣдованій или новыхъ филологическихъ открытій. Хорошо уже, если авторъ, ознакомившись съ важнѣйшими учеными трудами по своему предмету, извлекаетъ изъ нихъ все то, что съ пользою можетъ быть употреблено для педагогической цѣли. Хотя для законовъ славяно-русской этимологіи главнымъ источникомъ г. Бѣлявскому, очевидно, служила Историческая грамматика г. Буслаева, однакожъ нельзя не замѣтить у него и знакомства съ новѣйшими трудами по русской филологіи. Притомъ и старый матеріалъ во многихъ частяхъ разработанъ имъ самостоятельно. Такъ, отдѣлъ о звукахъ, при всей своей краткости, представляетъ у него въ основномъ ихъ распредѣленіи болѣе вѣрное пониманіе, нежели какое мы находимъ въ большей части нашихъ грамматикъ. Это можно сказать особенно о его правильномъ дѣленіи гласныхъ на твердые и мягкіе.

Жаль однакожъ, что онъ въ системѣ русскихъ звуковъ употребляетъ безъ дальнѣйшаго поясненія иностранную букву j, которую вслѣдъ за большинствомъ филологовъ считаетъ согласною (а не полугласною) и по примѣру нѣмецкихъ славистовъ сопровождаетъ въ концѣ слова *еромъ* [1]). Такъ, напримѣръ, чтобъ уяснить род. падежъ множ. ч. именъ муж. р. на ь онъ пишетъ въ скобкахъ: конь-j-ъ или коне-j-ъ (стр. 47). Подобныя непроизносимыя начертанія едва ли достигаютъ своей цѣли въ учебникѣ. При указаніи на усиленіе звука е въ о и въ jo (стр. 12) условіемъ этого перехода показано только удареніе, но забыто другое, столь же существенное въ большей части случаевъ условіе, то-есть, твердость послѣдующаго звука, напримѣръ, въ словѣ *плеть* такой переходъ невозможенъ, но онъ оказывается въ формѣ *плётка*. Въ фонетической терминологіи авторъ разбираемаго руководства держится общеупотребительныхъ у насъ, хотя и не выдерживающихъ критики названій, напримѣръ, *звучные* и *отзвучные*, *придыхательные* и т. п. [2]), при чемъ онъ, конечно, можетъ, въ оправданіе свое, опереться на довольно сильные авторитеты. Замѣчаніе, что буква *ѣ* большею частью удерживаетъ на себѣ удареніе (стр. 8), напримѣръ, *дѣти*, *сѣверъ*, *нѣмецъ*, высказывалось, правда, и другими, но оно положительно невѣрно, если, по крайней мѣрѣ, не ограничить его дополненіемъ: „въ первообразныхъ словахъ", какъ легко усмотрѣть изъ слѣдующихъ близкихъ къ приведеннымъ словъ: *дѣтина*, *сѣверянинъ*, *нѣмецкій*. Кстати, объ удареніи: по общему у насъ обычаю, г. Бѣлявскій почти вовсе оставляетъ его безъ вниманія при объясненіи законовъ языка: можетъ быть, онъ вмѣстѣ съ своими предшественниками полагаетъ, что удареніе къ ученію о формахъ не относится; думаю, напротивъ, что грамматика наша до тѣхъ поръ не вступитъ на истинный путь, пока не внесетъ ударенія, какъ существеннаго элемента, въ теорію русскихъ флексій. Флексіею г. Бѣлявскій (стр. 25) называетъ „измѣняемую по склоненію или спряженію часть слова", но едва ли не справедливѣе назвать такъ самое это измѣненіе, какъ дѣлаетъ г. Буслаевъ (см. его Учебникъ русской грамматики. М. 1874. § 28).

Вотъ еще нѣсколько частныхъ замѣчаній. Между суффиксами

---

[1]) Мнѣніе мое объ этомъ предметѣ будетъ подробнѣе изложено въ приготовленномъ мною 2-мъ изданіи Филологическихъ разысканій.

[2]) Что неудобно какіе бы ни было звуки называть *звучными* и находить *придыхательные* въ языкѣ, гдѣ вообще нѣтъ придыханій, объ этомъ, кажется, можетъ быть только одно мнѣніе.

существительныхъ мы находимъ въ грамматикѣ г. Бѣлявскаго, „*тл* (*о*) (= лат. tr — um, греч. τρ-ον), при чемъ звукъ *т* передъ *л* отпадаетъ", и въ примѣръ того приведены: *рало*, *вертло*, *било*, *шило*, *мыло*. Знаю, что это мнѣніе выражается не въ первый разъ (г. В. Миллеръ относитъ и слово *миръ* къ тому же суффиксу); но позволяю себѣ сильно сомнѣваться въ справедливости такого взгляда на составъ подобныхъ словъ. Относительно ц.-сл. сущ. *рало* трудно сказать что нибудь положительное (Я. Гриммъ сближаетъ съ этимъ словомъ нѣм. arl), но въ *русскихъ* именахъ такого образованія нельзя не видѣть просто обращенныхъ въ сущ. причастныхъ формъ ср. рода: западно-славянская вставка въ такихъ именахъ звука д передъ л не что иное, какъ фонетическое явленіе. Когда д или т есть въ корнѣ, то эти звуки и у насъ не выпадаютъ передъ суффиксомъ *ло*, напримѣръ, *сѣдло*, *метла*.

Суффиксъ для означенія дѣтей *ищ*, замѣчаетъ г. Бѣлявскій, перешелъ въ русскомъ языкѣ въ суффиксъ именъ отечественныхъ *ич*, приставляемый обыкновенно къ суффиксамъ прилагательныхъ *ов*, *ев*.— Суффиксъ *ич* образуетъ не одни отечественныя имена въ тѣсномъ смыслѣ, но, присоединяясь и къ нарицательнымъ, означаетъ вообще происхожденіе лицъ мужескаго пола, напримѣръ, *поповичъ*, *королевичъ*, *родичъ*, *дѣдичъ*, *отчичъ*, *москвичъ*; притомъ онъ присоединяется часто, какъ видно изъ этихъ примѣровъ, не къ однимъ прилагательнымъ на *ов*, *ев*, но и прямо къ основѣ имени существ., даже иногда женскаго рода, какъ показываетъ слово *рабыничь* въ лѣтописи. Эту форму умѣстно было бы сравнить съ гр. ιτης δης, ιδεος, съ лат. ita, icus, itius, на которыя указалъ еще Павскій (*Ф. Н.* II, § 76).

По обозрѣніи окончаній множ. ч. всѣхъ склоненій, авторъ новой грамматики (стр. 52) обращаетъ вниманіе на сходныя въ нихъ формы и выводитъ справедливое заключеніе: „Слѣдовательно, во множ. числѣ окончанія, указывающія склоненіе и родъ, хотя тоже съ исключеніями, находятся только въ именит. сред. рода: *а*, *я* и въ род. муж. рода: *овъ*, *евъ*". Здѣсь надобно было прибавить еще одно очень важное замѣчаніе, именно, что и именит. множ. числа въ сущности не имѣетъ окончаній, строго различаемыхъ по родамъ, ибо, какъ звуки *ы*, *и* часто придаются въ этой формѣ именамъ средняго р. (солнцы, яблоки), такъ и, наоборотъ, имена муж. р. чуть ли не по большей части оканчиваются въ ней на а́, я́. При этомъ слѣдовало бы конечно указать и на законъ, дѣйствующій въ послѣднемъ случаѣ и относящійся къ ударенію. Тутъ есть три неизмѣнныя правила: 1) именит.

падежъ тѣхъ именъ муж. р., у которыхъ удареніе падаетъ на падежное окончаніе: *столъ*, *столà* и т. д., не можетъ въ имен. множ. оканчиваться иначе, какъ на ы́. 2) Не могутъ оканчиваться на á, я́ и тѣ двух- и трехсложныя имена съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ въ именит. падежѣ ед. ч., которыя не перемѣняютъ акцента и во флексіяхъ; итакъ *стака́нъ*, *стака́ны*. 3) Напротивъ, на á, я́ въ именит. падежѣ множ. числа оканчиваются такія имена муж. р., которыя въ прямой формѣ ед. ч. носятъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, а также и многія односложныя, принадлежащія къ вседневной рѣчи: *пòваръ*, *поварà*, *мàстеръ*, *мастерà*, *гòлосъ*, *голосà*, *учи́тель*, *учителя́* [1]) и проч. Можетъ быть, авторъ не хотѣлъ только въ этомъ курсѣ касаться ударенія и полагалъ отнести ученіе о немъ къ другому, высшему курсу грамматики; но въ этомъ взглядѣ и заключается существенное недоразумѣніе, потому что у насъ формы флексій неразрывно связаны съ удареніемъ или отсутствіемъ его въ окончаніяхъ.

Вслѣдъ за приведенными строками г. Бѣлявскій объясняетъ средство узнавать по род. падежу множ. ч. родъ именъ, неупотребительныхъ въ единственномъ. Есть однакожъ случаи, въ которыхъ этотъ способъ не можетъ оказать помощи, какъ, напримѣръ, относительно имени *сани*, род. множ. *саней*. Авторъ по примѣру прежнихъ грамматиковъ, причисляетъ это имя просто къ женскому роду, но есть признакъ для доказательства этого: надо образовать уменьшительную его форму, и тогда родъ ясно окажется: *санки*, *санокъ* (а не санковъ). При этомъ припоминается общее правило, о которомъ наши грамматики обыкновенно умалчиваютъ: при образованіи увелич. или уменьшительнаго родъ имени не измѣняется, не смотря на окончаніе суффикса. Вотъ почему имена *домишко*, *домище*, *домина*, *мальчишка*—муж. р. Исключеній почти нѣтъ; къ числу немногихъ принадлежатъ: *сидѣлка*, *веселка*, *дрянцо́* (но есть и форма: *дрянца*).

При исчисленіи суффиксовъ, служащихъ къ образованію прилагательныхъ, всѣ наши грамматики грѣшатъ тѣмъ, что не отдѣляютъ самыхъ распространенныхъ изъ нихъ отъ тѣхъ, которые имѣютъ болѣе частное примѣненіе. Отъ этого случилось, что г. Бѣлявскій (§ 120) совершенно упустилъ изъ виду самый главный изъ первыхъ, именно суффиксъ *н*, который и въ Исторической грамматикѣ г. Буслаева упоминается только мимоходомъ въ числѣ другихъ. Между тѣмъ онъ образуетъ наибольшее число качественныхъ прилагательныхъ и по спо-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ въ моихъ Филологическихъ разысканіяхъ, стр. 304.

собу присоединенія къ основамъ представляетъ множество любопытныхъ видоизмѣненій. Чтобы не входить здѣсь въ слишкомъ большія подробности, удовольствуюсь только примѣрами разныхъ категорій образованія посредствомъ суффикса *ный*: черный, важный, сильный, сердечный, чудесный, погребальный, хвалебный, сравнительный, огненный, чувственный. Къ образованію прилагательныхъ отъ иноязычныхъ словъ преимущественно служитъ этотъ же суффиксъ: элементарный, идеальный, деликатный, серіозный и проч. и проч. Онъ же въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при дополнительныхъ слогахъ образуетъ прилагательныя относительныя: гостиный, лебединый, серебряный, нитяный (Суффиксъ *яный* приведенъ и г. Бѣлявскимъ, но не какъ видоизмѣненіе другого болѣе общаго окончанія). Значеніе относительнаго прилагательнаго суффиксъ *н* сообщаетъ особенно подъ удареніемъ: роднóй, степнóй, временнóй. Далѣе онъ же, въ формѣ *ній*, образуетъ прилагательныя, означающія отношеніе къ пространству или времени: верхній, нижній, средній, древній и проч.

Упоминая объ окончаніяхъ прилагательныхъ, выражающихъ принадлежность лицу (§ 120, пунктъ 3), г. Бѣлявскій (опять по примѣру всѣхъ нашихъ грамматиковъ) вовсе умалчиваетъ о двойныхъ или двучленныхъ суффиксахъ *ов-скій* и *ин-скій*, служащихъ къ образованію прилагат. относительныхъ, всего чаще личныхъ [1]), напримѣръ: поповскій, петровскій, маріинскій, днѣпровскій, шемахинскій, мартовскій. Двучленный суффиксъ *овскій*, такъ же какъ и отдѣльныя части его (т. е. *овъ* и *скій*) послужилъ къ образованію множества русскихъ родовыхъ именъ, напримѣръ: Соколовъ, Соколовскій; гораздо рѣже встрѣчается въ русскихъ именахъ этой категоріи суффиксъ *инскій* (Кузьминскій, Ильинскій), хотя одно окончаніе *инъ* также весьма обыкновенно: *Свиньинъ*, *Пушкинъ*.

Въ статьѣ объ образованіи видовъ отъ глаголовъ первообразныхъ (§ 153) слишкомъ мало обращено вниманія на особый разрядъ глаголовъ, въ примѣръ которыхъ г. Бѣлявскій привелъ: *ползти*, *ползать* и *плыть*, *плавать*. Въ нихъ выставилъ онъ только то отличіе, что они, принимая примѣту *а*, „не заключаютъ въ себѣ понятія о давности", которое, по мнѣнію его, свойственно глаголамъ многократнаго вида: *ѣдать*, *пѣвать* и проч. Въ первыхъ, прибавляетъ онъ, „понятіе о многократности дѣйствія переходитъ въ понятіе о дѣйствіи въ разныхъ направленіяхъ, потомъ о постоянныхъ занятіяхъ

---

[1]) См. мои *Филологическія разысканія*, стр. 555.

предмета, и, наконецъ, понятіе о дѣйствіи предмета переходитъ въ нихъ въ понятіе о свойствѣ: змѣя *ползетъ* (дѣйствіе), змѣя *ползаетъ* (свойство)". Здѣсь, вопервыхъ, не указанъ существенный признакъ значенія такихъ глаголовъ: всѣ они означаютъ не дѣйствіе вообще, а именно *движеніе*, движеніе способами разными итти, ходить; бѣжать, бѣгать; плыть, плавать; ползти, ползать; катить, катать; летѣть, летать; валить, валять; ронить, ронять и пр. Вовторыхъ, различіе этихъ формъ состоитъ совсѣмъ не въ различіи вида, а образуетъ совершенно особую категорію двоякихъ понятій: единство или разнообразіе направленія составляетъ, конечно, одну изъ чертъ этого различія, но что касается постоянства занятія и свойства, то это значеніе можетъ принадлежать и всѣмъ глаголамъ несовершеннаго вида. Въ выраженіи: *змѣя ползаетъ* сказуемое не болѣе означаетъ постоянство занятія или свойство, какъ въ такихъ фразахъ: „животное движется, дерево растетъ, земледѣлецъ пашетъ" и т. п. Особенность *двоякихъ* глаголовъ *движенія* заключается въ томъ, что они въ одной формѣ означаютъ движеніе не только въ одномъ направленіи, но и въ *одинъ пріемъ*, а въ другой формѣ движеніе то въ разныхъ направленіяхъ, то безъ опредѣленной цѣли, то повторяющееся (учащательное), хотя и въ одномъ направленіи; напримѣръ, встрѣтивъ кого-нибудь на улицѣ, я спрошу его: *куда ты идешь*? а не *куда ты ходишь?* но могу спросить: „куда ты въ это время каждый день *ходишь* по этой дорогѣ?" Тутъ разумѣется одно направленіе, но имѣются въ виду разные пріемы (краты) и дѣйствіе повторяющееся. Далѣе, особенность этихъ глаголовъ состоитъ еще въ томъ, что они въ обѣихъ формахъ имѣютъ и настоящее и сложное будущее: я иду, я хожу; я буду итти, я буду ходить [1]), чего не представляютъ глаголы, различающіеся по видамъ, напримѣръ: бросить и бросать, хватить и хватать. Слѣдовательно, въ первообразной формѣ своей двоякіе глаголы движенія должны быть разсматриваемы не въ главѣ о видахъ, а какъ совершенно отдѣльный разрядъ славянскаго глагола;

---

[1]) Впрочемъ это свойство принадлежитъ и нѣкоторымъ другимъ глаголамъ, которые означаютъ не движеніе, а нѣкоторыя дѣйствія, относящіяся къ зрѣнію и слуху, напримѣръ видѣть и видать, слышать и слыхать, блестѣть и блистать, свистѣть и свистать. Но очевидно, что между обѣими формами этихъ глаголовъ нѣтъ того опредѣленнаго различія, какъ между глаголами движенія. Поэтому *Востоковъ* (Р. Грам. § 59) и *Павскій* (Ф. Н., III, § 22) напрасно соединили тѣ и другіе въ одну категорію, назвавъ ихъ: первый — опредѣленными и неопредѣленными, и второй—однообразными и разнообразными.

образованіе видовъ отъ нихъ опять не подходитъ подъ общія правила, и въ этомъ отношеніи они также должны занимать свое особое мѣсто.

Говоря о дѣленіи глаголовъ на спряженія, г. Бѣлявскій, по старому обычаю нашихъ грамматиковъ, повторяетъ правило, что 1-е спряженіе отличается отъ 2-го по 2-му лицу единст. числа (§ 167, п. 2). Какъ причину принятія 2-го лица ед. ч. признакомъ отличія обоихъ спряженій (на *ешь* и *ишь*), г. Бѣлявскій приводитъ то, что этотъ признакъ *неясно виденъ* въ 1-мъ лицѣ: для бо́льшей ясности принято 2-е лицо ед. ч. Но что̀ если это различіе еще *яснѣе* видно изъ другаго лица? Не придется ли въ такомъ случаѣ отдать преимущество этому лицу? Такою формой является у насъ, какъ въ семитическихъ языкахъ, 3-е лицо, но не единств., а множ. числа. Доказать это не трудно. Возьмемъ сначала 2-е лицо ед. ч. По формамъ *можешь*, *берешь* (самимъ по себѣ) еще не узна́ешь 1-го лица ед. ч., ибо такъ же оканчиваются глаголы *мажешь, порешь*; но если взять формы *могутъ*. *берутъ*, *мажутъ*, *порютъ*, то 1-е лицо несомнѣнно образуется по этому: сто́итъ только отбросить *тъ*. Такимъ образомъ получается форма; остается опредѣлить удареніе: указаніемъ ударенія служитъ неопредѣленное наклоненіе. На сходство ударенія въ 1-мъ лицѣ ед. ч. наст. врем. и неопр. наклоненія непремѣнно нужно обратить вниманіе въ учебникѣ, какъ на явленіе весьма характеристичное: *писа́ть, пишу́*, *дрема́ть*, *дремлю́*, *люби́ть*, *люблю́*, то́гда какъ другія лица того же времени въ исчисленныхъ здѣсь и очень многихъ другихъ глаголахъ отступаютъ отъ этого ударенія. Не сходятся въ этомъ отношеніи указанныя двѣ формы только въ такихъ глаголахъ, у которыхъ неопред. накл. односложное (напримѣръ, красть, краду, класть, кладу), или которые оканчиваются на чь (беречь, берегу); но число тѣхъ и другихъ не велико, и отличіе ихъ ударенія не трудно уразумѣть [1]).

Въ § 207 показаны глаголы, которые по однѣмъ формамъ относятся къ первому спряженію, по другимъ — ко второму. Здѣсь, въ пунктахъ 6-мъ и 7-мъ, приведены глаголы *дышать* и *слышать* съ такимъ замѣчаніемъ, что въ разговорномъ языкѣ первый принимаетъ иногда формы 2-го спряженія (дышишь), а второй—формы 1-го спряженія (слышешь). Если это бываетъ только иногда, то значитъ, что

---

[1]) Подробнѣе это развито въ моихъ Филолог. разысканіяхъ (С.-Пб. 1873) въ статьѣ: «О спряженіи глагола и важности въ немъ ударенія».

и наоборотъ, иногда, а можетъ быть и часто, слышится въ обоихъ случаяхъ правильная форма. Но которая же форма правильна? Конечно та, которая соотвѣтствуетъ общему закону спряженія, то-есть, форма на ишь (въ окончаніи *ать* послѣ шипящихъ, *а* замѣнило *ѣ*, а *ѣ* есть только видоизмѣненіе *и*: крич*ать*, какъ смотр*ѣть*,—ишь). Слѣдовательно, лучше было бы обратиться къ общему явленію, по которому въ глаголахъ окончаніе въ живой рѣчи слышится неправильно: не въ двухъ приведенныхъ глаголахъ только, но и во множествѣ другихъ произносятъ *ешь* вмѣсто *ишь*, и *уть*, *ють* вмѣсто *ать*, *ять*, и наоборотъ, напримѣръ, многіе говорятъ и ошибочно пишутъ: онъ скажитъ, онъ пріѣдитъ, они хлопочатъ, надѣятся. Въ чемъ же сущность этого явленія? Въ неопредѣленности нашихъ неударяемыхъ гласныхъ: подобно тому, какъ смѣшиваются въ произношеніи *а* и *о*,—смѣшиваются равнымъ образомъ *е* и *и*, и это не въ однихъ глаголахъ: такъ же точно многіе ошибаются, когда пишутъ: цвѣточикъ, малинькій и т. п. Итакъ на это явленіе должно быть указано не въ той или другой, случайно выбранной, формѣ, а при общемъ разсмотрѣніи звуковъ, или въ отдѣлѣ правописанія.

Въ главѣ объ архаическомъ спряженіи нѣкоторыхъ глаголовъ (дамъ, ѣмъ,—вѣсть) опущенъ глаголъ *создать* съ его неправильными, но замѣчательными личными формами: *создамъ*, *создашь*. Надо было, сверхъ того, особо остановиться на глаголахъ: страдать—страждутъ, жаждать (вм. жадать)—жаждутъ, здать—зиждутъ, гнать—женутъ, въ спряженіи которыхъ не одни ученики частехонько ошибаются, такъ что, напримѣръ, слышатся такія формы: *изженить*, *зиждить*, *зыблить* (послѣднія двѣ попали даже въ словарь Даля).

Въ указаніи состава и происхожденія словъ книга г. Бѣлявскаго вообще очень исправна. Вотъ, однакожъ, два указанія, въ справедливости которыхъ позволяю себѣ усомниться:

1) Въ предлогахъ *подлѣ* и *возлѣ* суффиксомъ означенъ слогъ *лѣ*. Древнія формы: подълъ (также подолъ, подолѣ, поздолѣ), подлъгъ (польск. podług), въдьлѣ, въдолѣ (польск. vedle, vedług) открываютъ намъ въ основѣ этихъ предлоговъ корень дл (сущ. долъ, длина), чѣмъ объясняется и составъ словъ *по-длинный*, *по-длинникъ*, *по-длинно*. Такъ и первоначальная форма предлога *возлѣ*, какъ замѣтилъ Миклошичъ, должна быть: *възьдлѣ*.

2) Нарѣчія *вонъ* и *внѣ* раздѣлены такъ: *в-он-ъ*, *в-н-ѣ*, и при послѣднемъ поставлено въ скобкахъ *въ онъ*. Конечно, г. Бѣлявскій не первый такимъ образомъ разлагаетъ эти частицы, но едва ли не осно-

вательнѣе Поттъ, а за нимъ и Миклошичъ [1]), сближаютъ ихъ съ санскр. winâ, древне-прусск. winna почти того же значенія. Этимъ замѣчаніемъ я не хочу сказать, чтобы слѣдовало вводить въ учебники подобныя сравненія, но лучше вовсе не объяснять происхожденія словъ, нежели давать объясненіе невѣрное или даже сомнительное.

Указавъ на эти частности въ грамматикѣ г. Бѣлявскаго, повторю въ заключеніе то, что высказано уже въ началѣ настоящей замѣтки, то-есть, что этотъ трудъ обращаетъ на себя вниманіе какъ по новой идеѣ, положенной въ основу его, такъ и по ея исполненію.

Я. Гротъ.

Изслѣдованія г. Затыркевича въ области до-монгольскаго періода русской исторіи.

Книга г. Затыркевича носитъ очень заманчивое заглавіе: „О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе строя русскаго государства въ домонгольскій періодъ". Она украшена эпиграфомъ изъ Дарвина. И заглавіе и эпиграфъ наводятъ на мысль, что авторъ задумалъ написать что-то новое. Это новое печаталось на страницахъ изданія Общества исторіи и древностей россійскихъ, которое, въ теченіе долголѣтняго своего существованія, такъ много сдѣлало и для обнародованія памятниковъ нашей старины и для ихъ ученой обработки. Это заставляетъ думать, что изслѣдованіе г. Затыркевича не только ново, но и признано почтеннымъ Обществомъ заслуживающимъ вниманія читающей публики. Изъ обзора самаго сочиненія нельзя не придти къ заключенію, что авторъ употребилъ на него не мало труда. Онъ перечиталъ не только всѣ отечественные памятники, относящіеся къ изслѣдуемой имъ эпохѣ, но и очень многіе изъ времени позднѣйшаго. Въ его примѣчаніяхъ находимъ ссылки на Геродота, Страбона, Цезаря, Тацита, Ибнъ-Даста, Масуди, на современныя описанія жизни первобытныхъ народовъ Кавказа, Америки, Австраліи и пр. Начитанность автора, какъ въ русской исторической литературѣ, такъ и въ исторической литературѣ западныхъ народовъ, также весьма значительна. Въ обработкѣ своего матеріала, авторъ проявилъ большую пытливость ума. Онъ нигдѣ не довольствуется добытыми уже результатами нашей исторической науки, а вездѣ

---

[1]) Etymologische Forschungen, т. I, стр. 472 и 718, и словарь *Миклошича*, гдѣ находимъ еще форму *вѣноу*.

ищетъ новыхъ путей, вездѣ предлагаетъ новыя рѣшенія. Отступленія автора отъ существующихъ воззрѣній касаются не одного какого-либо вопроса и не мелкихъ частностей, о которыхъ въ каждой литературѣ и при всякомъ состояніи науки возможны споры; его нововведенія обнимаютъ всѣ существеннѣйшіе вопросы нашей исторіи и выходятъ далеко за предѣлы избраннаго имъ времени. Если доводы г. Затыркевича основательны, онъ начинаетъ новый періодъ въ обработкѣ нашей исторіи. Мы ничего не имѣемъ противъ такого направленія мыслей автора; мы готовы привѣтствовать въ немъ это стремленіе къ новой повѣркѣ основныхъ воззрѣній нашей исторической литературы: безъ критики нѣтъ и науки. Но дѣло, конечно, не въ новизнѣ и оригинальности воззрѣній, а въ ихъ основательности. Доказалъ ли г. Затыркевичъ свои нововведенія? можемъ-ли мы считать ихъ прочнымъ пріобрѣтеніемъ науки?

Нижеслѣдующій обзоръ его книги будетъ служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ. При составленіи нашего обзора, мы не ставили, однако, себѣ задачей исчерпать все содержаніе „Борьбы": такой трудъ далеко вышелъ бы за предѣлы журнальной статьи. Мы будемъ останавливаться только на важнѣйшихъ ея положеніяхъ. Для ближайшаго же ознакомленія читателя съ особенностями разбираемаго изслѣдованія, мы будемъ приводить характеристическія мысли автора его собственными словами, обозначая ихъ вносными знаками.

I.

Задача первой главы [1]) объяснена авторомъ въ концѣ ея, на стр. 49—54.

Она условливается тѣми ошибками, въ которыя, по мнѣнію автора, впали всѣ наши изслѣдователи древнѣйшаго періода русской исторіи. Они, во 1-хъ, не различаютъ городскаго населенія отъ населенія открытыхъ мѣстностей; во 2-хъ, они не признаютъ сословій въ древней Россіи и не допускаютъ завоеванія, въ силу чего они не могутъ допустить и борьбы между сословіями и народами, которая, по мнѣнію г. Затыркевича, и составляетъ движущее начало нашей исторіи; въ 3-хъ, „по міровоззрѣнію всѣхъ нашихъ изслѣдователей, говоритъ г. Затыркевичъ, Русскій народъ только одинъ разъ проявилъ свою жизнь и дѣятельность,—это во времена Рюрика, установивши нѣмец-

[1]) Исторія разселенія и общественнаго состоянія народовъ на Востокѣ Европы до временъ Рюрика, стр. 1—54.

кую власть; а затѣмъ обратился въ мертвый матеріалъ, надъ которымъ работали идеи византійскія, татарскія и нѣмецкія". „Это воззрѣніе, заключаетъ авторъ, отрицающее движеніе впередъ, коренится въ ложномъ представленіи состоянія народовъ на востокѣ Европы до временъ Рюрика. Еслибы наши изслѣдователи пришли къ заключенію, что до времени Рюрика обитали на востокѣ не крестьяне земледѣльцы однороднаго цѣлаго, но жили *два населенія*, *два племени*, населеніе *пришлое* и *населеніе бродячее* и *кочевое*... тогда нужно было бы рѣшить вопросъ: что̀ сталось съ этими двумя населеніями, выступившими на борьбу другъ съ другомъ?" (52—54) [1]).

Отсюда задача первой главы: различить въ періодъ до Рюрика бродячее, кочевое и городское населеніе и описать ихъ образъ жизни и устройство.

Въ рѣшеніи этой задачи, авторъ отступаетъ отъ всѣхъ принятыхъ въ наукѣ русской исторіи воззрѣній.

Онъ думаетъ (стр. 9), что *первоначально* западная равнина современной Россіи была заселена славянскими племенами, которыя находились „въ бродячемъ звѣроловномъ состояніи" и не имѣли городовъ; что города между Славянами стали появляться позднѣе, между VI и IX ст.; своимъ возникновеніемъ обязаны они *вторичному* наплыву Славянъ съ запада (10). Эти *вновь пришедшіе* Славяне являются „какъ завоеватели; они насильно вторгаются въ земли, населенныя бродячими Славянами и другими народами Чудскаго и Латышскаго нарѣчій, также бродячими, и покоряютъ ихъ своей власти" (12). Такимъ образомъ, среди бродячаго населенія поселяется городское, рѣзко отъ него отличающееся своею образованностью (37); это—*осѣдлое* населеніе. Здѣсь же онъ называетъ его *чуждымъ* бродячему, или, какъ на стр. 15, не имѣющимъ, *по происхожденію*, ничего общаго съ населеніемъ открытыхъ мѣстностей.

На чемъ же основываетъ авторъ эти свои выводы?

Онъ основываетъ ихъ во 1-хъ, на не имѣщихъ исторической досто-

---

[1]) Заключительная фраза первой главы, цѣликомъ нами выписанная, даетъ понятіе о точности языка и о логическихъ пріемахъ автора. «Населеніе» и «племя» онъ употребляетъ какъ понятія тожественныя. Далѣе, населенію «пришлому» онъ противополагаетъ «бродячее и кочевое», тогда какъ понятіе пришлаго населенія, не заключая въ себѣ никакого указанія на образъ жизни, не можетъ находиться ни въ отношеніи согласія, ни въ отношеніи противоположенія къ понятію населенія бродячаго или кочеваго. По смыслу всей главы вмѣсто «пришлаго», здѣсь должно стоять городское населеніе.

вѣрности сказаніяхъ о древнихъ строителяхъ городовъ: Славнѣ и Кіѣ, пришедшихъ будто бы съ береговъ Чернаго моря (стр. 11). Іоакимъ, на авторитетъ котораго опирается г. Затыркевичъ, говоритъ только о князѣ Славнѣ, создавшемъ великій градъ Славянскъ, г. же Затыркевичъ прибавляетъ къ этому еще и Руса, строителя г. Русы, Іоакиму неизвѣстнаго, по крайней мѣрѣ на сколько мы знаемъ содержаніе его лѣтописи по извлеченію Татищева, на которую и ссылается здѣсь авторъ. Нельзя не пожалѣть, что г. Затыркевичъ не заглянулъ еще на стр. 426 того же Татищева. Приведя здѣсь сказаніе степенной книги о 5-ти братьяхъ: Славенѣ, Русѣ, Болгарѣ и пр., Татищевъ говоритъ: „Колико сей сказатель, или паче враль, вѣроятія достоинъ, я толковать оставляю, но довольно того, что онъ никакого древняго свидѣтельства на то не показалъ". Для той же цѣли авторъ разбираемаго нами сочиненія пользуется и извѣстіемъ начальной лѣтописи о Вяткѣ и Радимѣ, пришедшихъ „отъ Ляховъ". Но такъ какъ Несторъ ничего не говоритъ о построеніи городовъ этими выходцами, то г. Затыркевичъ находитъ нужнымъ дополнить его и утверждаетъ, что „Вятко и Радимъ строили города по берегамъ рѣкъ Оки и Сожи".

Во 2-хъ, на сопоставленіи извѣстія начальной лѣтописи о Древлянахъ, Сѣверянахъ, Радимичахъ и Вятичахъ, жившихъ въ лѣсахъ, какъ звѣри, съ другими извѣстіями, изъ которыхъ видно, что жители городовъ строили домы, занимались земледѣліемъ, ремеслами и торговлей. „Уже это одно рѣзкое различіе въ образованіи, говоритъ авторъ, показываетъ, что между городскимъ населеніемъ и населеніемъ открытыхъ мѣстностей не было ничего общаго по происхожденію, хотя бы мы и не имѣли о томъ положительныхъ свѣдѣній исторіи" (15). Но отъ различія въ образѣ жизни горожанъ и сельчанъ, еслибы оно и могло быть проведено строго (далѣе мы увидимъ, что и самъ авторъ не проводитъ его), конечно, еще никакъ нельзя заключать о разномъ ихъ происхожденіи.

Вотъ и всѣ доказательства автора. Затѣмъ онъ переходитъ къ характеристикѣ образа жизни и устройства первоначальнаго „населенія, занимавшаго лѣса и степи, и пришлаго осѣдлаго" (15).

Изъ этого противоположенія населенія осѣдлаго населенію, занимающему лѣса и степи, читатель вправѣ вывести, что одно населеніе было осѣдлое, другое *не осѣдлое*. На дѣлѣ же оказывается, что и то и другое—осѣдлое, такъ какъ одинаково занимается земледѣліемъ и живетъ въ селахъ. Такова послѣдовательность автора.

...„Основаніемъ общественнаго устройства *бродячихъ* народовъ и

славянскаго и чудскаго нарѣчій, говоритъ онъ, служила тѣсная связь между родственными семействами. Всѣ родственныя семейства... находились подъ властью одного или нѣсколькихъ *естественныхъ* родоначальниковъ..." (15). „Но связь родственная, продолжаетъ авторъ, не была единственною основой общественнаго устройства бродячихъ народовъ. На ряду съ союзами родственными существовали союзы съ *чисто-политическимъ* и *общественнымъ значеніемъ*... Такое общество, подобно родственному союзу, называлось у Славянъ однимъ и тѣмъ же именемъ—*родомъ*; ибо въ то время родомъ называлась всякая вообще толпа людей, за исключеніемъ дружины. Но этотъ родъ съ избирательными, или наслѣдственными старѣйшинами, не былъ союзомъ родственнымъ. Это было общественное цѣлое... для преслѣдованія *разнообразныхъ цѣлей общежитія*".

И такъ, бродячіе народы ведутъ не патріархальный только образъ жизни, но имъ извѣстны *чисто политическіе союзы*, *преслѣдующіе разнообразныя цѣли общежитія*. Утверждая это, авторъ впадаетъ въ неразрѣшимое противорѣчіе съ тѣмъ, что высказалъ двѣ страницы выше, гдѣ онъ, безъ всякой оговорки, принялъ свидѣтельство Нестора о томъ, что Древляне, Сѣверяне и др. бродячіе народы жили въ лѣсахъ, какъ звѣри.

Теперь другой вопросъ: на чемъ основано мнѣніе автора о существованіи у бродячихъ Славянъ и Чуди этихъ искусственныхъ родовъ? Утверждая, что въ составъ рода входятъ лица, не принадлежащія къ нему по крови, и что они могутъ играть роль даже старѣйшинъ рода, г. Затыркевичъ приводитъ въ доказательство нѣсколько строкъ изъ чешской пѣсни о Забоѣ, Славнѣ и Людекѣ, однако, безъ всякихъ объясненій. На эту ссылку замѣтимъ, что „Чужой", о которомъ упоминаетъ чешская пѣсня, есть иноплеменный завоеватель, нѣмецъ. Отсюда, конечно, никакъ не слѣдуетъ, что онъ членъ или старѣйшина рода въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ г. Затыркевичъ. Другая ссылка, въ томъ же примѣчаніи, указываетъ на „ятвяжскихъ *начальниковъ*, изъ которыхъ одни носятъ славянскія имена, а другіе—имена чуждыя славянскому языку". Эта ссылка относится къ XIII вѣку, когда у Ятвяговъ были уже города, а потому есть болѣе основаній думать, что упоминаемые лѣтописью Ятвяги входили въ составъ не бродячаго, а городскаго населенія. Впрочемъ, за кого бы мы ихъ ни приняли, мы все еще не имѣемъ никакого основанія видѣть въ этихъ начальникахъ родовыхъ старшинъ въ смыслѣ г. Затыркевича.

Г. Затыркевичъ продолжаетъ описаніе устройства и образа жизни

бродячихъ. „Они живутъ небольшими поселеніями, которыя въ древней Россіи называются *селами* или весями“ (15). Они владѣютъ *пахатными* и *усадебными* землями (16). Кромѣ старѣйшинъ у нихъ есть жрецы, которые у Славянъ называются волхвами и кудесниками. У нихъ есть священныя мѣста, куда они собираются для религіозныхъ празднествъ и торговыхъ сдѣлокъ (29). „Земли, занимаемыя родомъ, считались общею исключительною собственностью всѣхъ свободныхъ семействъ цѣлаго рода. Всѣ члены рода владѣли сообща рѣками, лѣсами и пр. Не только земли и воды, утверждаетъ, авторъ, находились въ общемъ пользованіи рода, но и всѣ *женщины* считались *общею исключительною собственностью* своего рода (27).

Въ примѣръ того, какъ авторъ доказываетъ эти свои положенія, мы приведемъ два его примѣчанія: 28 и 35. Оба они имѣютъ отчасти одну цѣль: доказать, что земля составляла общую собственность рода. Въ примѣч. 28 онъ ссылается на купчія крѣпости 14-го, 15-го и даже 16-го вѣковъ. Въ примѣч. 35, вслѣдъ за ссылкой на Германцевъ и Американцевъ, читаемъ: „это дѣйствительно такъ было, что видно изъ того, что *жители погостовъ*, на которые раздѣлено было бродячее населеніе, до *позднѣйшаго времени* владѣли сообща рыбными ловлями, лугами, лѣсами и такъ далѣе“.

Такимъ образомъ, погосты позднѣйшаго времени (то есть, 15-го и послѣдующихъ вѣковъ) и тѣ роды, которые г. Затыркевичъ усматриваетъ до Рюрика,—одно и тоже! При этомъ свидѣтельство Рус. Пр. (стр. 200) о дѣлежѣ наслѣдства братьями, которое во всякомъ случаѣ ближе къ до-рюриковской эпохѣ, чѣмъ погосты позднѣйшаго времени и купчія крѣпости 14, 15 и послѣд. вѣковъ, авторъ пропускаетъ молчаніемъ.

Эту часть своего труда г. Затыркевичъ заключаетъ такимъ образомъ: „Изъ всего сказаннаго видно, что общественное устройство звѣроловов ъдревней Руси представляетъ смѣсь порядка народоправнаго съ порядкомъ *феодально-іерархическимъ*, общественныхъ отношеній политическихъ, основанныхъ на потребности безопасности, съ отношеніями соціальными, экономическими и духовными“ (30).

Вторая половина приведеннаго вывода можетъ быть отнесена ко всякому общественному быту, ибо гдѣ же мы не встрѣтимъ *смѣси* отношеній политическихъ, экономическихъ и духовныхъ? Что же касается первой, то мы совершенно недоумѣваемъ, что разумѣетъ авторъ подъ феодализмомъ, если онъ умѣлъ усмотрѣть феодальный порядокъ въ устройствѣ своихъ родовъ? Одинъ изъ существенныхъ

признаковъ феодализма—поземельная связь государя и его слугъ: государь раздаетъ принадлежащія ему въ собственность земли на условіи исполненія въ его пользу извѣстныхъ обязанностей. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ бытѣ, описанномъ г. Затыркевичемъ. У него собственниками являются всѣ свободныя семейства рода; они сами владѣютъ и пользуются своими землями.

Такимъ образомъ, выводъ г. Затыркевича вовсе не характеризуетъ описанный имъ бытъ и обнаруживаетъ крайне смутныя понятія автора о феодальныхъ порядкахъ.

Перехожу къ тому, что говоритъ авторъ о городѣ и горожанахъ. Города, по его мнѣнію, были „небольшими укрѣпленіями, не имѣвшими постояннаго населенія. Населеніе жило или возлѣ городскихъ стѣнъ, или же въ поселеніяхъ, которыя назывались *селами* и усадищами" (37). Такимъ образомъ, городское населеніе тоже живетъ въ селахъ, какъ и бродячее [1]). Затѣмъ, также какъ и бродячее, оно раздѣляется на роды. Роды эти также, какъ и роды бродячихъ народовъ, не были кровными союзами. „Съ переселеніемъ Славянъ на великую равнину восточной Европы, утверждаетъ авторъ, кровныя связи окончательно потеряли въ родѣ всякое значеніе". Во главѣ такихъ родовъ стоятъ: мужи, бояре, старѣйшины и князья; члены рода называются: людьми, челядью и чадью.

Въ примѣръ того, какъ доказываетъ авторъ эти свои положенія источниками, укажу на 57 и 58 примѣчанія. Второе изъ этихъ примѣчаній должно доказать, что мужи, бояре и князья стоятъ во главѣ *искусственныхъ* родовъ. Мы находимъ здѣсь слѣдующія выписки изъ лѣтописей: „Кій княжаше въ родѣ своемъ". „И послаша Древляне лучшіе мужи, числомъ 20". „И послаша старѣйшихъ и бояръ" и т. д. Примѣчаніе 58 должно доказать, что въ *городахъ* каждый родъ занималъ особое мѣсто жительства. Здѣсь читаемъ: „Послѣ изгнанія Варяговъ „вста родъ на родъ". Бяста бо два брата въ Лясѣхъ, Вадимъ и Вятко; и сѣдоста Вадимъ на Сожю, а Вятко по Оцѣ". И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы не усматриваемъ никакой связи между примѣчаніемъ и текстомъ.

Помня задачу автора, помня его утвержденіе, что городское населеніе *чуждо* не городскому, что оно отличается отъ него своимъ *происхожденіемъ*, читатель имѣетъ основаніе думать, что въ составъ

---

1) На стр. 92 авторъ даже и прямо заявляетъ, что населеніе, жившее окрестъ городовъ, было въ одно и то же время и городскимъ, и сельскимъ населеніемъ.

городскихъ родовъ вовсе не входятъ бродячіе люди. Г. Затыркевичъ разубѣждаетъ его въ этомъ. „Переселяясь изъ восточной Европы, говоритъ онъ, славянскіе родоначальники старались увеличивать число людей, находившихся подъ ихъ властью, и съ этою цѣлью наполняли толпу принадлежавшихъ имъ людей сбродными дружинами, составленными изъ разныхъ бродячихъ и кочевыхъ народовъ". Но и это еще не все. Черезъ три строки читаемъ: „Такимъ образомъ, *строителями славянскихъ* городовъ *были собственно не Славяне, но сбродныя дружины*" (38)...

Если бродячіе народы вошли въ составъ сбродныхъ дружинъ и построили города, то читатель, кажется, вправѣ думать, что бродячее населеніе не чуждо городскому, и что городское, хотя отчасти, по общаго съ нимъ происхожденія. А если такъ, то что же сталось съ *рѣзкимъ различіемъ* (37) между городскимъ населеніемъ и бродячими народами, взаимная борьба которыхъ должна составлять движущее начало (52—53) нашей исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего изслѣдованія г. Затыркевича?

Кромѣ бродячихъ народовъ и населенія городовъ, авторъ различаетъ еще въ эпоху до Рюрика кочевое населеніе. Мы думаемъ, однако, что сказаннаго нами довольно для характеристики первой главы, а потому, не передавая всего, что говоритъ авторъ о бытѣ кочевыхъ, ограничимся приведеніемъ нѣсколькихъ строкъ, любопытныхъ какъ образчикъ своеобразной логики автора. На стр. 31-й читаемъ: „Какъ у бродячихъ, такъ и у кочевыхъ народовъ существовало дѣленіе на *племена*, *роды* и *родственные союзы*, и во главѣ каждаго большаго и малаго союза стояли особые старѣйшины. *Такъ*, у Половцевъ, раздѣлявшихся на множество отдѣльныхъ народцевъ, существовали *рабы*, *простой народъ*—челядь или чадь, и *два высшихъ господствующихъ сословія*". То, что говорится о Половцахъ, есть, очевидно, отдѣльный примѣръ на общее положеніе, высказанное въ предшествующемъ предложеніи. Такимъ образомъ, существованіе у Половцевъ рабовъ, простаго народа и двухъ высшихъ сословій служитъ доказательствомъ тому, что кочевой народъ Половцы дѣлился на племена, роды и родственные союзы.

II.

Вторая глава [1]) посвящена обзору послѣдствій *вторичнаго завое-*

[1]) Варяго-русское населеніе и первоначальныя его отношенія къ боярамъ и князьямъ городовъ старо-славянскихъ (стр. 55—90).

ванія восточной половины Европы королями и вождями Скандинавіи, Варяго-руссами (55).

По мнѣнію автора, „первоначально населенія варяго-русское и славянское жили другъ возлѣ друга совершенно обособленно, составляя два особыхъ общества. И то, и другое общество имѣло своихъ *особенныхъ начальниковъ и управлялось совершенно отдѣльно и самостоятельно*: въ обществѣ русскихъ господствовалъ князь варяго-русскаго происхожденія съ своими должностными лицами и дружинниками; въ обществѣ славянскомъ—*воевода-князь* славянскаго происхожденія съ своими боярами и тіунами". Это первоначальное обособленіе мало по малу сглаживается. „Но въ до-монгольскій періодъ сліяніе двухъ обществъ еще не совершилось окончательно" (88—89).

Этимъ взглядомъ опредѣляется задача второй главы: характеризовать устройство варяго-русскаго населенія и показать его отношеніе къ славянскому.

Мысль не новая, но въ развитіи ея авторъ далеко отступаетъ отъ всего, что до сихъ поръ было высказано въ нашей литературѣ. Сторонники норманнскаго вліянія на нашъ древній бытъ въ доказательство своей мысли указываютъ обыкновенно на скандинавскія слова, встрѣчающіяся въ нашемъ древнемъ языкѣ, и на сходство нѣкоторыхъ институтовъ древне-русскаго права съ скандинавскими. Для возможности такихъ сравненій они изучаютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, скандинавскія древности. Эти пріемы г. Затыркевичъ находитъ совершенно излишними. Трудный вопросъ этотъ представляется ему очень простымъ. Онъ не находитъ ни малѣйшаго затрудненія приписать варяго-русское происхожденіе всѣмъ тѣмъ разрядамъ лицъ, которые находились въ какихъ-либо служебныхъ отношеніяхъ къ князьямъ Рюриковичамъ; а для нѣкоторыхъ (напримѣръ, для купцовъ) не требуется даже и этого. Такимъ образомъ, къ варяго-русскому населенію относятся: всѣ лица, составлявлявшія княжескій дворъ. Сюда: холопы и рабы, отроки и дѣтскіе, тивуны, старѣйшины, старосты, ключники и пр. (стр. 57 — 58). Далѣе, служилые люди. Сюда: подручные князья, мужи, огнищане и пр. (63). Наконецъ, просто свободные люди. Сюда: „сословіе Руссовъ", купцы, гриди, житьи люди (65—72). Все это Варяги! „Дворовые люди, по мнѣнію автора, состояли почти исключительно изъ лицъ несвободнаго, рабскаго происхожденія—*челяди, людей*" (57) [1]).

[1]) Отсюда, кажется, можно еще заключить, что, по его мнѣнію, *челядь* и *людіе* одно и тоже.

Утверждаемое имъ кажется ему до такой степени естественнымъ, что онъ не чувствуетъ никакой потребности приводить доказательства. Это видно изъ его примѣчаній. Напримѣръ, отнеся въ текстѣ *купцовъ* къ варяго-русскому населенію, въ примѣчаніи онъ приводитъ 1 ст. Рус. пр. акад. сп.: „Аще будетъ русинъ, либо гридинъ, либо купчина“ и т. д. И только! (Пр. 49). Или, сказавъ въ текстѣ, что холопы варяго-русскаго происхожденія, въ примѣчаніи къ этому мѣсту онъ пишетъ: „Въ дог. грам. в. к. Рязанскаго съ братьями 1446 г.: а что мое село..., а сидятъ въ немъ мои холопы Шипиловы“... (5 пр.). Изъ дальнѣйшаго, въ этомъ же примѣчаніи, видно, что авторъ сдѣлалъ 5-е примѣчаніе вовсе не для того, чтобы доказать, что княжескіе холопы суть Варяги, а только для того, чтобы доказать, что у князей были холопы.

Далѣе. Многое утверждаемое г. Затыркевичемъ въ отдѣльности о каждомъ изъ перечисленныхъ разрядовъ лицъ также не можетъ быть разсматриваемо какъ пріобрѣтеніе нашей исторической науки. Напримѣръ, рабы и холопы у него не одно и тоже. „*Холопы* составляютъ послѣдній разрядъ дворовыхъ людей, это чернорабочіе. Выше ихъ стоятъ *рабы*, это ремесленники. Они пользовались *большимъ почетомъ* при дворѣ; за ихъ убійство назначалась плата въ 3 и 5 разъ бо́льшая“ (57)... Въ доказательство онъ ссылается, между прочимъ, на 1 ст. Р. пр., тр. сп., по которой „за повара 40 гр.“, но изъ этой статьи вовсе еще не слѣдуетъ, что поваръ былъ рабъ. А еслибы онъ дѣйствительно и былъ рабъ, то это еще не значитъ, что онъ не былъ въ то же время холопомъ. За ремесленника и за ремесленницу дѣйствительно взимается высшій урокъ, чѣмъ за простаго раба, но не потому, конечно, что *они рабы, а не холопы*. Въ Рус. пр. слово *рабъ* даже вовсе не употребляется; рабы мужескаго пола обозначаются словомъ *холопъ*; наоборотъ, для обозначенія женщинъ несвободныхъ употребляется слово *раба*.

О гридяхъ читаемъ: „Между гридями и дружинниками въ Руси существовало такое же различіе, какъ между аллодіальными собственниками и вассалами на западѣ Европы“ (69). Это положеніе разумѣется у г. Затыркевича само собой, а потому онъ не приводитъ никакихъ доказательствъ.

О дружинникахъ на 69 стр. читаемъ: „Дружинники *обязаны* были *постоянно служить* своему князю и исполнять всѣ его повелѣнія“... Служба, слѣдовательно, по мнѣнію автора, обязательна. Въ подтвержденіе этого взгляда, совершенно отступающаго отъ общепринятаго

въ нашей литературѣ, авторъ не находитъ нужнымъ приводить доказательствъ. На стр. 64 встрѣчаемъ другое мнѣніе автора о томъ же предметѣ: „Въ теченіе всей древне-русской жизни, говоритъ онъ, свободные слуги (то есть, дружинники, что видно изъ предшествующаго) отличаются отъ слугъ, находившихся подъ властью дворскаго. Первые имѣли право свободнаго перехода отъ одного князя къ другому, вторые же лишены были этого права". Это уже не обязательная служба, а свободная, пока нравится. Но и здѣсь ошибка относительно слугъ подъ дворскимъ. Свое мнѣніе о нихъ авторъ основываетъ на княжескихъ договорахъ XIV вѣка и послѣдующихъ (пр. 44). Въ этихъ договорахъ читаемъ: „А которые слуги къ дворскому... тѣхъ въ службу не принимать". Это вовсе не значитъ, что они не имѣли права отъѣзда. Совершенно наоборотъ, условіе договора показываетъ, что слуга подъ дворскимъ имѣлъ право отъѣхать, но что это право князьямъ не нравилось. Для противодѣйствія праву отъѣзда слугъ подъ дворскимъ, князья договариваются: „не принимать ихъ на службу". Отсюда: договоромъ стѣснено не право отъѣзда, а возможность поступить, по отъѣздѣ, къ князю участнику въ договорѣ; но ко всякому третьему, не связавшему себя такимъ же договоромъ, можно поступить.

Рядомъ съ варяго-русскимъ обществомъ стоитъ славянское. Его образуютъ князья и бояре славянскихъ городовъ съ ихъ искусственными родами. Во главѣ этого общества стоитъ особый начальникъ. До Владиміра Св. онъ называется *воеводой*, а послѣ то *тысяцкимъ*, *то воеводой* (83). Первоначально власть этихъ воеводъ *наслѣдственна*, а потомъ они назначаются князьями (84). Вотъ доказательство наслѣдственности воеводской власти, стр. 84: „Власть воеводъ, говоритъ авторъ, по всей вѣроятности, первоначально была наслѣдственна: Свѣнельдъ воеводствуетъ въ Кіевѣ при Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ и Ярополкѣ". И такъ, по мнѣнію автора, на вѣроятную наслѣдственность воеводской власти указываетъ то обстоятельство, что одинъ и тотъ же воевода былъ при нѣсколькихъ князьяхъ, смѣнившихъ другъ друга!

„Славянское населеніе, утверждаетъ далѣе авторъ (85), и при Варяго-руссахъ сохранило свои взаимныя связи, основанныя на *іерархіи* личныхъ *зависимыхъ отношеній*". И затѣмъ онъ указываетъ на то, что бояре дѣлились на *большихъ* и *меньшихъ*.

Въ понятіе „іерархіи зависимыхъ отношеній" входитъ, конечно, понятіе власти, начальствованія. Изъ того, что источники упомина-

ютъ о меньшихъ и о большихъ боярахъ, еще не слѣдуетъ, что первые были подъ начальствомъ вторыхъ. Слѣдовательно, связь членовъ славянскаго населенія, „основанную на іерархіи личныхъ зависимыхъ отношеній", надо еще доказать. Авторъ же не даетъ никакихъ доказательствъ, кромѣ приведенной уже мною ссылки на большихъ и меньшихъ.

Сдѣланное авторомъ въ концѣ главы заключеніе о томъ, что славянское общество „управлялось *совершенно отдѣльно и самостоятельно*", не оправдывается самымъ содержаніемъ этой главы. Славянскіе князья и бояре не только платятъ, по мнѣнію автора, дань Варягамъ-побѣдителямъ, но на нихъ лежитъ еще и *военная повинность* (76—77).

Такимъ образомъ, всѣ отдѣльныя положенія этой главы, отступающія отъ существующихъ въ нашей наукѣ воззрѣній, авторомъ не доказаны. Общій же выводъ, сдѣланный имъ въ концѣ главы (88 — 89), идетъ гораздо далѣе его отдѣльныхъ положеній и также бездоказателенъ.

III.

Въ третьей главѣ [1]) авторъ беретъ на себя задачу показать происхожденіе и первоначальное устройство промышленнаго городскаго населенія, или „городскаго сословія въ настоящемъ смыслѣ этого слова" (91).

Необходимость такой задачи вытекаетъ изъ того, что Славяне и Варяги въ городахъ не жили; въ существованіи же особаго городскаго сословія, и при томъ съ древнѣйшихъ временъ, авторъ не сомнѣвается. Откуда же оно взялось?

Образовалось оно, по мнѣнію автора, двумя путями.

Вопервыхъ, оно составилось „изъ бѣглыхъ рабовъ, преступниковъ и промышленныхъ людей, пришедшихъ въ славянскіе города изъ разныхъ городовъ Юга, Сѣверо-Востока и Запада" (92). „Такимъ образомъ, возникло сбродное промышленное *сословіе*, не принадлежавшее ни къ обществу русскому, ни славянскому... Это сбродное, свободное населеніе на правительственномъ языкѣ того времени извѣстно было подъ общимъ именемъ *изгоевъ*" (93).

На чемъ же это мнѣніе основано?

---

[1]) Образованіе новаго промышленнаго населенія въ городахъ старо-славянскихъ и первоначальное его устройство. Стр. 91—107.

„Первая статья Русской Правды, говоритъ авторъ въ доказательство своего положенія (прим. 5), написанная до Ярославичей, вычисляетъ слѣдующіе разряды людей; *принадлежавшихъ къ городскому состоянію*: княжихъ мужей и тіуновъ, Руссовъ, Славянъ и изгоевъ. Такъ какъ промышленное сословіе, о которомъ идетъ рѣчь, не принадлежало ни къ Руссамъ, ни къ Славянамъ, ни къ дружинѣ, то *само собой слѣдуетъ*, что изгоями Русская Правда называетъ *именно это сословіе*".

„Чтобы получить свой выводъ, авторъ долженъ былъ дополнить Русскую Правду. Онъ утверждаетъ, что Русская Правда перечисляетъ людей, *принадлежащихъ къ городскому состоянію*. Разъ допустивши это, само собой, конечно, слѣдуетъ, что изгои принадлежатъ къ городскому состоянію. Но Русская Правда, перечисляя Русь, Славянъ, изгоевъ и пр., вовсе не говоритъ, что это городскіе жители, и на основаніи этого памятника, слѣдовательно, никакъ нельзя утверждать, что изгои—„городское населеніе въ собственномъ смыслѣ этого слова".

„Что дѣйствительно въ древней Россіи, продолжаетъ авторъ, изгоями назывались промышленные люди, не принадлежавшіе ни къ какому обществу, ни къ русскому, ни къ славянскому, это видно также изъ слѣдующаго: 1) на латышскомъ языкѣ слово isgois означаетъ вышедшій, 2) въ уставѣ Всеволода сказано: изгои трои: поповъ сынъ и пр." и т. д. Надо ли опровергать это, надо ли доказывать, что „поповъ сынъ, не умѣющій читать и писать" и причисленный къ изгоямъ, не входитъ еще, по этому одному, въ составъ „городскаго промышленнаго и торговаго населенія?

Въ сдѣланной мною выпискѣ изъ 5 прим. авторъ называетъ изгоевъ *сословіемъ*. А на 93 страницѣ, къ которой это примѣчаніе и относится, читаемъ: „Составляя особенный разрядъ городскаго населенія,...изгои *не были соединены* въ одно общество, *въ одно сословіе*. На основаніи родовыхъ и племенныхъ отличій они дѣлились на нѣсколько мелкихъ общинъ".

Итакъ, изгои—„сословіе" и „не сословіе". Они „не одно сословіе", потому что дѣлятся на мелкія общины. На этомъ же основаніи можно утверждать, что у насъ не было (одного) крѣпостнаго сословія, потому что оно дѣлилось на мелкія общины. Итакъ—противорѣчіе и отсутствіе точнаго понятія о томъ, что́ такое сословіе и какое различіе между сословіемъ и общиной.

Но довольно объ изгояхъ.

Другой путь возникновенія промышленнаго городскаго населенія— есть поселеніе князьями и боярами ихъ дворовыхъ людей возлѣ городскихъ стѣнъ для занятія земледѣліемъ и промышленностью.

Переходя къ описанію устройства промышленнаго населенія, авторъ, кажется, ограничивается описаніемъ устройства только этого второго вида промышленныхъ людей, которыхъ онъ называетъ посадскими. Описаніе положенія посадскихъ также не отличается вѣрностью источникамъ.

„Посадскіе люди, утверждаетъ г. Затыркевичъ, первоначально были *крѣпостнаго или рабскаго состоянія*" (101, 105). Авторъ вездѣ употребляетъ эти два понятія какъ однозначущія: рабы и крѣпостные у него одно и то же. Доказывать это онъ не находитъ нужнымъ, это разумѣется у него само собой. А между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что рабство есть учрежденіе исконное, крѣпостные же возникли у насъ только послѣ прикрѣпленія крестьянъ. Говорить о крѣпостныхъ до этого времени нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

Посадскихъ людей авторъ называетъ рабами или крѣпостными потому, что „во всѣхъ актахъ и писцовыхъ книгахъ *людьми* называются только лица не свободнаго состоянія, рабскаго" (Прим. 49).

Это доказательство выбрано очень неудачно. Слово „люди" для обозначенія рабовъ начинаетъ употребляться только въ памятникахъ московскаго періода и при томъ всегда съ прибавкой: „чьи либо люди", напримѣръ, „боярскіе люди". Отсюда никакъ еще не слѣдуетъ, что и „посадскіе люди" суть рабы. Въ памятникахъ же предшествовавшаго времени, о которомъ и пишетъ г. Затыркевичъ, слово „людіе" обозначаетъ всегда свободныхъ. Такъ въ договорѣ Игоря съ Греками, въ Русской Правдѣ, въ лѣтописяхъ. Напримѣръ, въ 3 ст. Троицкаго списка Русской Правды читаемъ: „Аже кто убіетъ *княжа мужа* въ разбои, а головника не ищють, то виревную платити, въ чьей же верви голова лежить, — то 80 грив.; пакиль *людинъ*, то 40 грив." Здѣсь словомъ людинъ обозначены всѣ свободные, кромѣ княжихъ мужей. Изъ сравненія этой статьи съ 1-ю видно, что людинъ есть обобщеніе Русина, купца, Словенина и пр.

Рѣшивъ вопросъ о посадскихъ людяхъ въ томъ смыслѣ, что они рабы, авторъ спрашиваетъ: „имѣли ли они право пріобрѣтать рабовъ и земли въ частную собственность?" (101). Одна уже постановка вопроса показываетъ, какъ смутны понятія автора о рабѣ. На основаніи Русской Правды несомнѣнно, что рабъ не признавался субъектомъ правъ и собственности не могъ имѣть. Не смотря на это,

г. Затыркевичъ рѣшаетъ поставленный имъ вопросъ утвердительно на томъ основаніи, что *кіевскіе посадскіе люди* въ 1067 г. требуютъ отъ своего князя, чтобы онъ выступилъ для отраженія Половцевъ, пустошившихъ кіевскую волость: у нихъ, слѣдовательно, по кіевской волости были села. А Кіевскіе посадскіе люди, какъ уже авторъ доказалъ, суть люди рабскаго состоянія. Слѣдовательно, у лицъ рабскаго состоянія есть поземельная собственность!

Но этого мало. На стр. 100 читаемъ: „Все сказанное нами объ отношеніи *князя къ боярамъ вполнѣ относится и къ посадскимъ людямъ*, находившимся подъ непосредственной властью князя. Подобно боярамъ, посадскіе люди обязаны платить князю дань и подчиняться его судебной власти въ томъ *ограниченномъ* видѣ, въ какомъ подчинялись ей и бояре....."

Итакъ, отношенія князя къ посадскимъ людямъ (то-есть, рабамъ) таковы же, какъ и его отношенія къ боярамъ. Что же значитъ послѣ этого положеніе автора, въ которомъ онъ утверждаетъ, что посадскіе люди суть люди рабскаго состоянія?

И это еще не все. На 98 стр. читаемъ: „Съ размноженіемъ посадскихъ, съ увеличеніемъ ихъ *богатства и политическаго значенія*, въ городахъ являются церкви, торговыя площади" и т. д. Лица рабскаго состоянія пользуются уже богатствомъ и политическимъ значеніемъ.

Какъ же примирить все это? Не относятся ли эти не уживающіяся рядомъ положенія къ разнымъ временамъ: то-есть, сперва посадскіе находятся въ рабскомъ состояніи, а потомъ освобождаются и пріобрѣтаютъ политическое значеніе? Авторъ рѣшительно не допускаетъ такого выхода изъ затрудненія. На 105 стр. онъ говоритъ, что посадскіе были въ рабскомъ состояніи при первыхъ варяго-русскихъ князьяхъ. На стр. 102 читаемъ: „Что дѣйствительно посадскіе люди еще въ *первобытномъ крѣпостномъ состояніи* владѣли землей, на это указываетъ слѣдующее". Затѣмъ приводится выписанный уже мною выше случай изъ княженія Изяслава Ярославича отъ 1067 года. Такимъ образомъ, при Изяславѣ Ярославичѣ посадскіе люди еще въ первобытномъ крѣпостномъ состояніи.

И такъ, при одномъ и томъ же князѣ и первобытное крѣпостное состояніе посадскихъ и торговая площадь на посадѣ, которая появляется съ увеличеніемъ богатства и политическаго значенія посадскихъ.

На 106 стр. читаемъ: „Но уже на первыхъ страницахъ русской

исторіи посадское населеніе въ двухъ главныхъ городахъ Руси, въ Новгородѣ и Кіевѣ, освобождается отъ крѣпостной зависимости...." И далѣе, какъ на примѣръ такого освобожденія, авторъ указываетъ на убіеніе при *Владимірѣ* „старцами градскими и людскими" Варяга-христіанина. Итакъ, при Владимірѣ Святомъ посадское населеніе Кіева уже освободилось, а изъ предшествовавшаго мы знаемъ, что авторъ разсматриваетъ время Изяслава Ярославича, внука Владимірова, какъ такое, въ теченіе котораго кіевскіе посадскіе были еще въ *первобытномъ крѣпостномъ* состояніи (102).

Такимъ образомъ, не успѣетъ авторъ высказать какое-либо положеніе, какъ уже забываетъ его и утверждаетъ нѣчто съ нимъ не согласное.

IV.

Въ четвертой главѣ [1]) авторъ дѣлаетъ обзоръ устройства послѣдняго сословія—сельскаго.

Смердовъ, согласно съ существующими у насъ воззрѣніями,—онъ считаетъ сельскимъ населеніемъ. Но здѣсь и оканчивается совпаденіе его взглядовъ съ общепринятыми. Всѣ подробности, утверждаемыя имъ о смердахъ, принадлежатъ ему одному и, къ сожалѣнію, опять бездоказательны.

Смерды, по мнѣнію г. Затыркевича, произошли отъ первобытныхъ *бродячихъ* народовъ (107). Въ примѣчаніи же (1) къ этому мѣсту читаемъ: „Что смердами назывались люди, принадлежавшіе къ *извѣстному племени*, это лучше всего видно..." и т. д.

Такимъ образомъ, примѣчаніе немедленно вступило въ противорѣчіе къ текстомъ. Если смерды—остатки бродячихъ, то они никакъ не могутъ принадлежать къ одному *извѣстному племени*, такъ какъ, по мнѣнію автора, „бродячіе народы"—разноплеменнаго происхожденія: между ними есть и Славяне, и Чудь (15), и Ятвяги.

„Эти бродячіе, еще задолго до временъ Рюрика, были покорены князьями и боярами городовъ старославянскихъ" (строителями городовъ). Послѣ вторичнаго покоренія Русской земли Варягами власть славянскихъ бояръ надъ смердами переходитъ къ князьямъ Рюриковичамъ, но только отчасти, „такъ какъ бояре во многихъ мѣстностяхъ до *позднѣйшихъ временъ* сохранили государственную власть надъ бродячимъ населеніемъ" (108—109).

[1]) Борьба пришлаго осѣдлаго населенія съ бродячими народами и образованіе новыхъ городовъ и сельскаго сословія до появленія Монголовъ. Стр. 107—136.

Итакъ, у бояръ славянскихъ не только до Рюрика, *но и послѣ—самостоятельная государственная* власть надъ смердами. Подъ самостоятельною государственною властью бояръ, конечно, надо разумѣть не то, что они въ качествѣ княжихъ мужей управляли и судили смердовъ, а власть, принадлежавшую имъ независимо отъ князей Рюриковичей.

Мысль совершенно новая.

Чѣмъ же авторъ доказываетъ ее? Въ примѣчаніи (5-мъ) читаемъ: „Что бояре *владѣли свободнымъ сельскимъ* населеніемъ, смердами, судили его и собирали съ него дани еще при Владимірѣ, при его сыновьяхъ и внукахъ, это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: 1) въ 980 году, когда Владиміръ овладѣлъ Кіевомъ, то рѣша Варязи Владиміру: „се градъ нашъ, и мы пріяхомъ е, да хочешъ имати окупъ на нихъ по 2 гривнѣ отъ человѣка". И рече имъ Володимеръ: „пождите, да же вы куны соберуть, за мѣсяцъ. Ждаша за мѣсяцъ".

Можно ли повѣрить, что г. Затыркевичъ находитъ въ этомъ мѣстѣ нѣчто похожее на доказательство своей мысли о томъ, что у бояръ была самостоятельная, независимая отъ князя государственная власть надъ свободнымъ сельскимъ населеніемъ? А между тѣмъ онъ находитъ это, конечно, при посредствѣ цѣлаго ряда совершенно произвольныхъ предположеній. „Откуда, спрашиваетъ онъ, собирали куны жители города Кіева? Почему нужно было цѣлый мѣсяцъ, чтобы они успѣли собрать куны? Съ своихъ собственныхъ дворовыхъ людей, отвѣчаетъ онъ, жившихъ возлѣ города, *бояре* могли собрать куны въ нѣсколько дней. Куны до позднѣйшихъ временъ собирались не съ жителей городовъ и пригородныхъ селъ, но съ свободнаго сельскаго населенія, жившаго по погостамъ". Этимъ оканчивается первое доказательство

Итакъ, мѣсяцъ нуженъ былъ для того, чтобы *бояре* имѣли время собрать куны съ свободнаго сельскаго населенія...

Что собирать поѣдутъ *бояре—это предполагается.* Что у этихъ бояръ *самостоятельная власть*, это *тоже предполагается*, тогда какъ это-то и требуется доказать.

Остальныя доказательства тоже произвольны. Не исчерпывая всѣхъ, остановлюсь на послѣднемъ: „Изъ устава (церковнаго) Владиміра видно, говоритъ авторъ, что боярамъ принадлежали судебная и карательная власть надъ свободнымъ населеніемъ"... Но и здѣсь требуется еще доказать, что это была *самостоятельная* ихъ власть, а не перенесенная отъ князя, какъ до сихъ поръ всѣ думаютъ. Уставъ говоритъ только, что извѣстныя дѣла должны подлежать не суду

князя и бояръ, а суду церковному. Изъ этой отмѣны боярскаго суда княжескимъ уставомъ всего менѣе можно заключить о самостоятельности боярскаго суда.

На стр. 113 авторъ знакомитъ насъ съ устройствомъ погостовъ. „Первоначально, говоритъ онъ, когда погосты исключительно населены были только смердами, жившими на своихъ собственныхъ земляхъ, всѣ члены погоста связаны были *родовыми и родственными* (какая же разница?) узами, владѣли сообща всею землей и водой погоста и находились подъ начальствомъ своихъ родовыхъ или племенныхъ старѣйшинъ. О *такихъ* погостахъ, всѣ члены которыхъ соединены были въ одно общество *кровными* узами и общею поземельной собственностью, упоминается въ граматахъ XV столѣтія".

Итакъ всѣ члены погоста соединены *кровными* узами и это съ незапамятныхъ временъ и даже до XV вѣка.

Что такъ было съ незапамятныхъ временъ, этого авторъ ничѣмъ не доказываетъ; но за то онъ дѣлаетъ нѣсколько ссылокъ на памятники XV вѣка. Въ одной изъ такихъ граматъ (А. И. I, 17), на которую онъ самъ ссылается, между прочимъ, читаемъ: „а который Двинянинъ слободчанинъ почнетъ жити на землѣ Терпилова погоста, а той потянетъ потугомъ въ Терпиловъ погостъ". Изъ этого мѣста, г. Затыркевичемъ не выписываемаго, слѣдуетъ, что на землѣ Терпилова погоста можетъ поселиться каждый слободской человѣкъ Двинской области на условіи тянуть повинности вмѣстѣ съ другими жителями Терпилова погоста. Въ виду этого свидѣтельства мы должны или отвергнуть мысль г. Затыркевича о кровномъ родствѣ всѣхъ жителей Терпилова погоста, или допустить, что не только они были въ родствѣ другъ съ другомъ, но и со всѣми слободчанами Двинской области, что едвали возможно. По крайней мѣрѣ, онъ и самъ не рѣшается этого утверждать.

Обложеніе смердовъ сборами и повинностями, частью въ пользу славянскихъ князей и бояръ, частью въ пользу Варяго-руссовъ, было слѣдствіемъ перваго завоеванія; *окончательнымъ* же слѣдствіемъ втораго, говоритъ авторъ, было „*отчасти совершенное* истребленіе смердовъ, отчасти обращеніе ихъ въ дворовыхъ людей и земледѣльцевъ, поселенныхъ на владѣльческихъ земляхъ". Такимъ образомъ возникаютъ *новые города*, которые „до позднѣйшихъ временъ по большей части были небольшія земледѣльческія поселенія, составлявшія *частную* собственность князей, *бояръ*, *княжихъ мужей* и ихъ *женъ*... (20—27) и только своими укрѣпленіями отличались отъ селъ".

Что князья и ихъ жены владѣютъ городами (старыми и новыми) на правѣ частной собственности, это давно было высказано въ нашей литературѣ. Но что на такомъ же правѣ владѣютъ городами бояре, княжіе мужи и ихъ жены, это мысль совершенно новая. Доказательства приведены въ 51 примѣчаніи, ихъ очень немного. Я выпишу лучшее: „Бояре ростовскіе называютъ жителей Владиміра своими холопами". Мѣсто нашей лѣтописи, въ которомъ встрѣчается приведенное выраженіе, давно всѣмъ извѣстно. Но изъ него никто и никогда не думалъ выводить, что Владимірцы составляли собственность ростовскихъ бояръ, были дѣйствительно ихъ рабами, по той же простой причинѣ, по которой изъ словъ воеводы Кіевскаго князя Святополка, обращенныхъ къ Новгородцамъ: „что придосте съ хромцемъ симъ, о вы плотницы суще? а поставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ", никто и никогда не выводилъ, что Новгородцы дѣйствительно были плотниками бояръ кіевскаго князя.

V.

Въ пятой главѣ [1]) авторъ останавливается на борьбѣ русскихъ князей съ *кочевыми* народами, Печенѣгами, Торками и Половцами, вторгавшимися въ предѣлы Кіевскаго и другихъ южныхъ княженій.

Вотъ выводъ, къ которому онъ приходитъ. „Такимъ образомъ, заключаетъ г. Затыркевичъ свой обзоръ столкновеній русскихъ князей съ кочевниками, хотя кочевники, вслѣдствіе борьбы съ осѣдлымъ населеніемъ, *обращены были въ осѣдлое состояніе* и вошли въ составъ русскаго государства, но, по мѣрѣ того, какъ это государство расширялось на счетъ степей, кочевники наполнили русскую землю и сдѣлались въ ней *господствующимъ* населеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ государство, основанное князьями Рюрикова дома, изъ государства варяго-русскаго обратилось въ государство *варварское*: варвары наполнили русскіе города и села и покрыли своими слободами и вежами русскую землю; варвары служили при дворахъ князей и владѣли русскими городами и селами; варвары защищали русскую землю отъ набѣговъ кочевниковъ; варвары раздавали княжескіе столы и отнимали ихъ по своему произволу. Сами русскіе князья... изъ вождей осѣдлаго населенія обратились въ *вождей кочевыхъ народовъ* (зачѣмъ же это было нужно, если сами „кочевники обращены были въ

---

[1]) Борьба осѣдлаго населенія съ кочевыми народами и образованіе южнорусскаго государства и южно-русской народности. Стр. 136—185.

осѣдлое состояніе?"). Со временъ Святослава князья русскіе раздѣлялись на сторонниковъ Варяговъ и славянскаго населенія. Но уже по смерти Владиміра, Святополкъ и Мстиславъ *не имѣютъ ничего общаго ни съ Варягами, ни съ славянскимъ населеніемъ*" (155).

И далѣе: „Такимъ образомъ, кочевники *завоевали* всю русскую землю и, *принявши* въ ней осѣдлое состояніе, *отчасти* же обратившись въ городское и сельское ея населеніе, отчасти сдѣлавшись господствующимъ сословіемъ, положили такимъ образомъ основаніе новой народности—народности южно-русской, и новому государству — государству русскому... Слѣдовательно, русское государство до-монгольскаго періода, въ которомъ впервые *почти всѣ славянскіе города восточной Европы соединились въ одно политическое цѣлое*, основано не Варяго-руссами,—но *кочевыми* народами, господство которыхъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока и завоеватели и завоеванные не слились въ одинъ народъ" (157).

Не смотря на всю новизну этого воззрѣнія, авторъ не беретъ на себя труда опредѣленнымъ образомъ указать, какой *именно кочевой народъ впервые* соединилъ въ одно политическое цѣлое почти всѣ славянскіе города и въ какое *именно время* совершилось это важное въ нашей исторіи, но до сихъ поръ ни кѣмъ не замѣченное, событіе. Авторъ говоритъ объ основаніи кочевыми народами политическаго единства славянскихъ городовъ какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ и всѣмъ извѣстномъ, а потому и не нуждающемся въ какихъ-либо точныхъ опредѣленіяхъ. Онъ очень ошибается, конечно. Чтобы заставить насъ отказаться отъ господствующаго въ нашей литературѣ взгляда на отношенія русскихъ князей къ кочевникамъ южныхъ степей, г. Затыркевичу слѣдовало точно указать: кто изъ нихъ, когда и что́ именно завоевалъ и доказать это на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ.

Не возводя своей мысли до значенія точнаго историческаго факта, г. Затыркевичъ, однако, дѣлаетъ попытку обставить ее нѣкоторыми доказательствами. Эти доказательства давно извѣстны нашимъ изслѣдователямъ и приводятся въ каждомъ историческомъ трудѣ, съ тою только разницею, что ни одинъ изъ нашихъ историковъ не находилъ возможнымъ на основаніи ихъ дѣлать тѣ выводы, къ которымъ пришелъ г. Затыркевичъ. Сюда относятся указанія источниковъ на то, что князья въ своихъ междоусобныхъ войнахъ пользовались иногда услугами кочевниковъ и даже принимали ихъ въ со-

ставъ своихъ дружинъ. Но и здѣсь авторъ находитъ возможнымъ передѣлывать и пополнять источники. Приведу одинъ примѣръ.

Г. Затыркевичъ придаетъ особенно важное значеніе, съ своей точки зрѣнія, битвѣ у Листвена. По его мнѣнію, она „*окончательно утвердила власть* князей Рюрикова дома въ Приднѣпровьи, *создавъ политическое преобладаніе князей Приднѣпровья* надъ князьями сѣвернорусскими“ (140).

Кстати замѣчу, что битва у Листвена никакъ не могла создать политическаго преобладанія князей Приднѣпровья надъ князьями сѣверными, ибо происходила между Мстиславомъ черниговскимъ и Ярославомъ кіевскимъ и новогородскимъ, который столько же былъ сѣвернымъ, сколько и приднѣпровскимъ княземъ.

Кто же одержалъ побѣду у Листвена? Г. Затыркевичъ утверждаетъ, что „въ битвѣ подъ Лиственомъ Варяги, приведенные Ярославомъ изъ за моря, потерпѣли рѣшительное пораженіе *отъ Козаръ и Косоговъ* Мстислава“ (139).

Итакъ, побѣду у Листвена одержали не Славяне, а варвары, Казары и Косоги. Утверждать это необходимо для г. Затыркевича, такъ какъ южно-русское государство основано варварами. Теперь понятно то значеніе, которое придаетъ онъ побѣдѣ у Листвена: окончательное утвержденіе власти князей Рюрикова дома въ Приднѣпровьи есть дѣло Казаръ и Косоговъ!

Но что говорятъ источники?

Начальная лѣтопись, подъ 1024 г., сохранила подробное описаніе этой битвы. Противъ Варяговъ Ярослава Мстиславъ вывелъ Сѣверянъ и дружину. Сѣверянъ онъ поставилъ „въ чело противо Варягомъ“, а дружину по краямъ. Сѣверяне первые начали бой, тѣлами ихъ было усыпано поле битвы. Объ участіи Казаръ и Косоговъ лѣтописецъ не говоритъ ни слова. Откуда же взялъ ихъ г. Затыркевичъ?

Годомъ раньше, когда Мстиславъ двинулся изъ Тмутаракани къ сѣверу, на Ярослава, онъ пошелъ „съ Казары и Косоги“. Гдѣ были черезъ годъ эти Казары и Косоги, мы не знаемъ. Можетъ быть, часть ихъ и вошла въ составъ дружины Мстислава, но это еще не даетъ права утверждать, что они побѣдили Варяговъ, а не Сѣверяне. Во всякомъ случаѣ въ битвѣ у Листвена большую службу сослужили Сѣверяне, чѣмъ дружина, которая осталась цѣла.

Такими-то средствами думаетъ г. Затыркевичъ доказать варварское происхожденіе южно-русской народности и новаго государства.

VI.

Въ шестой главѣ [1]) авторъ останавливается на вопросахъ государственнаго устройства, а частью и управленія, не исчерпывая, однако, ни тѣхъ, ни другихъ. Нѣкоторыя его положенія составляютъ только повтореніе того, что было имъ высказано выше; другія—встрѣчаются здѣсь въ первый разъ. Въ виду этого, я остановлюсь только на тѣхъ мысляхъ VI главы, которыхъ я не имѣлъ случая коснуться прежде.

Еще въ I главѣ (51 стр. и сл.) авторъ высказалъ убѣжденіе въ существованіи у насъ сословій съ древнѣйшихъ временъ. Съ первой главы онъ постоянно говоритъ о сословіяхъ.

Это воззрѣніе автора далеко не раздѣляется всѣми его предшественниками. Нѣкоторые изъ нихъ думаютъ, что сословія (въ точномъ смыслѣ этого слова) возникаютъ у насъ только въ Московскомъ государствѣ. Высказывая такую мысль, они употребляютъ слово сословіе въ научномъ его значеніи, а не въ томъ неопредѣленномъ, въ которомъ оно разумѣется въ общежитіи. Понятіе сословія въ научномъ смыслѣ опредѣляется слѣдующими двумя признаками: 1) это разряды лицъ, различающіеся одинъ отъ другаго своими правами; 2) эти разряды должны быть замкнуты, хотя и не безусловно, то есть, переходъ изъ одного разряда въ другой не долженъ зависѣть отъ одной только воли лица. Гдѣ нѣтъ одного изъ этихъ признаковъ, тамъ не можетъ быть и рѣчи о существованіи сословій въ настоящемъ, техническомъ смыслѣ слова. Въ разговорномъ же, ненаучномъ языкѣ слово сословіе употребляется для обозначенія всякаго разряда лицъ, своими занятіями отличающагося отъ другихъ; говорятъ, напримѣръ, о сословіи учителей, военномъ и пр.

Что же разумѣетъ г. Затыркевичъ подъ сословіемъ? Онъ нигдѣ не даетъ общаго опредѣленія этого понятія. Но на 167 стр. онъ высказываетъ нѣчто, изъ чего можно составить себѣ представленіе о его взглядѣ на сословія.

„Второй разрядъ людей осѣдлаго состоянія, говоритъ онъ, составляли разнаго рода промышленныя сословія позднѣйшаго образованія: княжескіе посадскіе люди, изгои, гриди и купцы варяго-русскаго происхожденія, сословія, отличающіяся отъ бояръ не своими

[1]) Строй русскаго государства во время Святополка, Мономаха и Мстислава (стр. 166—206).

правами, не образомъ жизни и занятіями, но своимъ происхожденіемъ и общественнымъ положеніемъ".

Итакъ, сословія г. Затыркевича правами не различаются. Они различаются происхожденіемъ и общественнымъ положеніемъ. Первый признакъ сводится къ племенному различію. Что разумѣть подъ вторымъ, это и понять трудно. Какая можетъ быть разница въ общественномъ положеніи людей, если они не различаются „ни правами, ни образомъ жизни, ни занятіями? Вся разница въ этомъ случаѣ сводится къ различію размѣровъ состоянія (богатства) и личныхъ душевныхъ качествъ (одинъ предпріимчивъ, заслуживаетъ общее уваженіе, другой нѣтъ и т. д.). Такимъ образомъ, признаками сословій у г. Затыркевича служатъ: 1) племенное различіе и 2) различіе богатствъ и личныхъ душевныхъ качествъ. Но какъ связать эти два признака въ одно цѣлое, это остается тайной. Читатель, кажется, вправѣ вывести отсюда, что у г. Затыркевича нѣтъ опредѣленнаго взгляда на сословія. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что сословность домонгольской Россіи составляетъ одно изъ основныхъ положеній его изслѣдованія.

Къ своимъ прежнимъ воззрѣніямъ на отношенія служилыхъ людей къ князю, авторъ прибавляетъ здѣсь новыя, также невѣрныя.

Подтвержденіе старой ошибки находимъ на 177 стр., гдѣ читаемъ: „всѣ служилые люди обязаны были служить постоянно князю".

Новую ошибку находимъ на 190—191 стр. Здѣсь читаемъ: „Равнымъ образомъ и всѣ служилые люди со всѣми принадлежавшими имъ людьми и землями подчинялись не областной власти, но власти личной того князя, которому служили". Въ доказательство авторъ въ 45 примѣчаніи говоритъ: „Во время княженія въ Кіевѣ Изяслава бояре его жили въ селахъ Черниговскаго княжества, которое въ это время было уже въ рукахъ Святослава", и затѣмъ ссылается на договорныя граматы XIV и XV в. Первая ссылка ничего не доказываетъ, ибо изъ того, что бояре кіевскаго князя жили въ селахъ черниговскихъ, еще ничего нельзя вывести о подчиненіи этихъ селъ кіевскому князю. Договоры же XIV и XV вѣковъ прямо противорѣчатъ тому, что утверждаетъ г. Затыркевичъ. Договорами вездѣ утверждается территоріальное начало. Сюда относится, между прочимъ, слѣдующая статья договоровъ: „А кто живетъ твоихъ бояръ въ моемъ удѣлѣ (говоритъ одинъ князь другому) и тѣхъ мнѣ блюсти, какъ и своихъ, а дань взяти, какъ и на своихъ". Сюда же: „судъ по землѣ и по водѣ".

Безъисходныя противорѣчія встрѣчаемъ у автора по вопросу объ отношеніи служилыхъ людей къ тѣмъ областямъ, въ которыя они посылались для управленія.

На стр. 178 читаемъ: „Наибольшую часть общинъ своего княжества князь отдавалъ во владѣніе и управленіе своей женѣ, своимъ дочерямъ и своимъ мужамъ".

Что же значитъ здѣсь владѣніе? На стр. 187 читаемъ: „Надъ уступленными имъ землями... княжны и княгини имѣли не только права владѣльческія, частныя, но и многія изъ правъ государственныхъ". Отсюда, кажется, можно заключить, что подъ владѣніемъ авторъ разумѣетъ отношенія частнаго, гражданскаго права и поэтому долженъ быть причисленъ къ категоріи писателей, не различающихъ „кормленія" отъ „помѣстья". Совсѣмъ другое мнѣніе высказываетъ авторъ на стр. 183. Здѣсь онъ утверждаетъ, что „посадники были только представителями княжеской власти". Итакъ, ихъ власть не имѣетъ частнаго характера. Что же значитъ владѣніе, ибо онъ и здѣсь повторяетъ, что города даются посадникамъ для владѣнія и управленія? Слово „владѣніе" такъ и остается невыясненнымъ. Но этимъ не исчерпываются неясность и противорѣчія автора. На 63 стр. онъ утверждаетъ, что „мужи, получившіе въ кормленіе тотъ или другой городъ, становились владѣтельными князьями низшихъ разрядовъ". Это уже совершенно оригинальное мнѣніе, принадлежащее самому автору; чѣмъ же оно доказывается? Въ примѣчаніи къ нему читаемъ: „И избра отъ нихъ мужи добры, смышлены и храбры и раздая имъ грады"... „А Ярополкъ посадники свои посади въ Новѣгородѣ"... и т. д. (35). Ни одна изъ этихъ ссылокъ не доказываетъ, что мужи становились владѣтельными князьями; но для насъ важно, что ссылка прямо упоминаетъ посадниковъ, слѣдовательно, по 63 стр. и они становятся владѣтельными князьями. Согласно съ этимъ, право князя назначать посадниковъ авторъ называетъ „правомъ отчужденія власти" (271), а на 183 страницѣ посадники только чиновники князя. И это въ одно и то же время, такъ какъ оба положенія одинаково подкрѣпляются ссылками на XI и XII вѣка.

VII.

Изъ обзора предшествовавшихъ главъ можно было уже убѣдиться, что многія изъ положеній г. Затыркевича, не имѣющія ни малѣйшаго основанія въ нашихъ источникахъ, возникли въ головѣ автора единственно въ силу желанія его видѣть въ исторіи образова-

нія русскаго государства тѣ же явленія, которыя давно подмѣчены французскими и нѣмецкими учеными въ исторіи образованія западныхъ государствъ. Сюда относится, напримѣръ, противоположеніе гридей дружинникамъ, какъ аллодіальныхъ владѣльцевъ—вассаламъ: сюда же взглядъ на служилыхъ людей, какъ на владѣтельныхъ князей и пр.

Всѣмъ извѣстенъ фактъ возстанія городовъ въ западной Европѣ и важныя его послѣдствія для исторіи западно-европейскихъ государствъ. Г. Затыркевичъ никакъ не хочетъ помириться съ тѣмъ, что у насъ не было такого же возстанія въ разсматриваемую имъ эпоху. И вотъ онъ пишетъ VII главу, посвященную борьбѣ „между сословіями: боярствомъ, посадскими людьми и дружинниками" (207) [1]).

Что наши бояре до-монгольскаго періода не составляли господствующаго сословія съ тѣми правами, какими обладали западные феодалы; что у нашихъ посадскихъ, поэтому, не могло быть никакого побужденія освобождаться отъ господства бояръ и возставать противъ нихъ,—это всѣмъ извѣстно. Отсюда понятно, съ какими непреодолимыми затрудненіями долженъ бороться г. Затыркевичъ, чтобы провести свою мысль.

Не находя никакихъ указаній въ источникахъ на борьбу бояръ и посадскихъ, какъ двухъ враждебныхъ сословій, интересы которыхъ взаимно противоположны, г. Затыркевичъ старается демонстрировать свою мысль на случаяхъ изгнанія князей народомъ. Борьба сословій сосредоточивается у него, такимъ образомъ, на призваніи и изгнаніи князей, при чемъ бояре и посадскіе постоянно составляютъ два враждебные лагеря: если князь пользуется поддержкой бояръ, то его непремѣнно не любятъ посадскіе и стараются изгнать, и наоборотъ.

Въ нашей литературѣ давно уже было указано на то, что призваніе и изгнаніе князей есть по преимуществу дѣло партій. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что партіи эти были чисто сословныя и всегда составлялись изъ бояръ на одной сторонѣ, и посадскихъ на другой. Наоборотъ, гораздо болѣе основаній думать, что начало сословности было также чуждо этимъ партіямъ, какъ и вообще нашему древнему до-московскому быту. Такъ какъ бояре и посадскіе не сложились у насъ въ теченіе княжескаго періода въ два сословія (въ научномъ смыслѣ этого слова), интересы которыхъ были бы взаимно противоположны, то понятно, что они не могли имѣть побужденій и въ вопросѣ

---

[1]) Возстаніе бояръ и посадскихъ людей (стр. 206—260).

призванія князей всегда дѣйствовать какъ двѣ враждебныя партіи. Насколько противоположность бояръ и посадскихъ мало бросалась въ глаза самимъ современникамъ, видно изъ того, что лѣтописи, говоря о призваніи или изгнаніи князей, въ большинствѣ случаевъ вовсе не различаютъ бояръ и посадскихъ, упоминаютъ вообще — Кіевлянъ, Полочанъ, Суздальцевъ, Ростовцевъ, Новогородцевъ и пр. Одно изъ самыхъ подробныхъ описаній событій, сопровождавшихъ избраніе князя, приписываетъ боярамъ выдающуюся роль. Я разумѣю случай избранія сѣверовосточными городами Ростиславичей, по смерти Андрея. Но и здѣсь нѣтъ основанія думать, что на сторонѣ Ростиславичей были только бояре. За нихъ стояли, какъ бояре, такъ и горожане Ростова и Суздаля. Въ этомъ случаѣ столкнулись враждебно не два сословія, бояре и посадскіе, а два старыхъ города, Ростовъ и Суздаль, съ новымъ, Владиміромъ. На сторонѣ ростовскихъ и суздальскихъ бояръ были и всѣ Ростовцы и Суздальцы. Это видно изъ подлинныхъ выраженій лѣтописца. „И послашася (Владимірцы) къ Ростовцемъ и къ Суздальцемъ, являюще имъ обиду свою (на Ростиславичей); они же (то есть Ростовцы и Суздальцы) словомъ суще по нихъ, а дѣломъ далече суще, а боляре князю тою держутся крѣпко“. Здѣсь прямо боярамъ противополагаются Ростовцы и Суздальцы вообще, которые, какъ и бояре этихъ городовъ, были противъ Владимірцевъ.

Чтобы доказать свою мысль о сословной борьбѣ въ до-монгольскій періодъ, г. Затыркевичъ придаетъ такое значеніе выраженіямъ источниковъ, какого они вовсе не имѣютъ. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Владиміръ Мономахъ и его племя, по мнѣнію г. Затыркевича, были любимы простымъ народомъ, за то не пользовались расположеніемъ бояръ (210). Согласно съ этимъ, г. Затыркевичъ утверждаетъ, что Мономахъ былъ избранъ на Кіевскій столъ—простымъ народомъ (209). Въ источникахъ же говорится, что Владиміра призвали „Кіяне“. Такимъ образомъ, слово „Кіяне“, авторъ читаетъ—простые люди. Избраніе же Андрея Суздальскаго авторъ приписываетъ боярамъ (250). Но и здѣсь источники говорятъ объ избраніи Андрея всѣми Ростовцами, Суздальцами и Владимірцами. И такъ, выраженіе „Ростовцы и Суздальцы“, совершенно равное выраженію „Кіяне“, авторъ читаетъ уже не простые люди, а бояре. Точно также избраніе преемника Андрею „Переяславцами, Ростовцами, Суздальцами и всею дружиною“—онъ приписываетъ боярамъ же (251). Трудно привести примѣръ болѣе произвольнаго толкованія источниковъ.

Какъ Владиміръ Мономахъ любимъ простымъ народомъ и не лю бимъ боярами, такъ Всеволодъ Ольговичъ любимъ боярами и не лю бимъ простымъ народомъ (210). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту автор между прочимъ говоритъ: „По Татищеву, Всеволодъ Ольговичъ, же лая отдать столъ Кіевскій Игорю, созываетъ на совѣщаніе всѣх кіевскихъ бояръ, которые обѣщали исполнить его волю" (13). Что бы ни говорилъ Татищевъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ унич тожить свидѣтельства лѣтописи по Ипатьевскому списку. Здѣсь ж переговоры о передачѣ стола Игорю ведутся со всѣми Кіевлянами а не съ одними боярами. „Всеволодъ же, говоритъ лѣтописецъ, призв къ себѣ Кіяне и нача молвити..." А нѣсколько далѣе: „и созва Кіян вси; они же вси цѣловаша къ нему крестъ..." Г. Затыркевичу н угодно, вмѣсто „Кіяне", читать здѣсь бояре, а потому онъ предпо читаетъ вовсе обойдти это свидѣтельство.

Сведя вопросъ о сословной жизни къ призванію и изгнанію кня зей, авторъ придалъ этому послѣднему явленію нашей древней исто ріи совсѣмъ не свойственную ему окраску.

Онъ говоритъ, напримѣръ, „о революціонномъ движеніи городовъ" (225), о стремленіи городовъ освободиться отъ власти князей Рюри кова дома" (225), о „возстаніи городовъ противъ княжеской власти" и пр. (257).

Дурные князья дѣйствительно изгонялись въ древней Россіи, н возстанія противъ княжеской власти въ принципѣ, стремленія вообщ освободиться отъ князей, подобнаго стремленію западноевропейских городовъ освободиться отъ власти феодальныхъ господъ, — у нас не было. Князь всегда считался необходимымъ элементомъ государ ственнаго устройства. Въ погонѣ за несуществующими сходствами въ развитіи нашей и западно-европейской исторіи, авторъ совсѣм упустилъ изъ виду особенности древне-русскаго быта.

VIII.

Въ восьмой главѣ [1]) авторъ собираетъ вмѣстѣ всѣ послѣдстві возстанія городовъ.

Такъ какъ никакого возстанія посадскихъ людей (въ настоящем смыслѣ этого слова) ни противъ князей, ни противъ бояръ, у нас

---

[1]) О вліяніи возстанія городовъ на общественное и политическое состоянi городскаго и сельскаго населенія и на отношеніе къ нему княжеской власти Стр. 210—307.

не было, то все содержаніе этой главы представляется совершенно фантастическимъ.

Не перечисляя всѣхъ послѣдствій возстанія, я ограничусь однимъ примѣромъ, съ цѣлью показать, что ученые пріемы автора и въ VIII главѣ тѣ же, что и въ предшествовавшихъ.

„Возстаніе городовъ, говоритъ онъ, освободило посадскихъ людей отъ крѣпостной зависимости" (272).

Что это за крѣпостная зависимость?

На 273 стр. читаемъ: „Съ другой стороны, даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ происходили возстанія посадскаго населенія, освободились отъ крѣпостной зависимости только тѣ посадскіе люди, которые считались издавна лично свободными, которые находились не въ рабской, а только въ крѣпостной зависимости".

Итакъ, подъ крѣпостными авторъ разумѣетъ людей лично свободныхъ.

Мы затрудняемся понять, что могло бы это значить.

Крѣпостные, какъ они у насъ сложились по закрѣпленіи крестьянъ, не были лично свободными. До эпохи прикрѣпленія у насъ вовсе не было крѣпостныхъ. Крѣпостные—лично свободные, понятіе совершенно новое и на нашъ взглядъ совершенно необъяснимое.

Мы позволимъ себѣ сократить нашъ обзоръ.

Глава IX и послѣдняя составляетъ въ первой своей половинѣ продолженіе VIII и перечисляетъ нѣкоторыя новыя послѣдствія возстанія,—а во второй авторъ останавливается на условіяхъ образованія главенствующаго государства сѣвера.

„Политическое могущество князя Кіевскаго", читаемъ на 308 стр., „прежде всего пришло въ упадокъ потому, что возстаніе городовъ сдѣлало великокняжеское достоинство и Кіевскую область спорными между князьями".

Вотъ новое послѣдствіе возстанія. Началомъ же возстанія городовъ г. Затыркевичъ считаетъ изгнаніе Изяслава Ярославича изъ Кіева, по поводу нежеланія его идти противъ Половцевъ и возведеніе на кіевскій столъ Всеволода Полоцкаго, совершившееся въ 1067 году (212—215).

Итакъ, не случись этого факта, Кіевская область и великокняжеское достоинство не были бы спорными.

Надо ли доказывать, что причина спорности Кіевской волости вовсе не въ возстаніи городовъ, еслибы мы и признали фактъ возстанія въ томъ смыслѣ, какъ этого желаетъ г. Затыркевичъ. Кому

неизвѣстно, что изъ за обладанія Кіевскою волостью совершались убійства и велись войны еще прежде 1067 г.? Изъ за Кіевской области Святополкъ убиваетъ Бориса и Глѣба, изъ за той же причины и Мстиславъ предпринимаетъ движеніе изъ Тмутаракани на сѣверъ.

Далѣе, на той же стр. читаемъ: „Земля Кіевской области.... по порядку престолонаслѣдія, принятому Ярославомъ и его сыновьями, по смерти Изяслава должна была перейдти къ его братьямъ, а послѣ смерти послѣднихъ—къ его сыновьямъ. Этотъ порядокъ престолонаслѣдія, подтвержденный на Любецкомъ съѣздѣ, нарушенъ былъ и т. д.".

Оба положенія автора, заключающіяся въ приведенномъ мѣстѣ, не вѣрны.

Вопервыхъ, въ завѣщаніи Ярослава, на сколько оно намъ извѣстно, ничего не говорится о томъ, кто долженъ наслѣдовать по смерти его сыновей. На основаніи этого акта, слѣдовательно, никакъ нельзя утверждать, что „по порядку престолонаслѣдія, принятому Ярославомъ", послѣ брата наслѣдуетъ братъ. Въ переговорахъ, происходившихъ между кіевскими и черниговскими князьями въ XII в., мы имѣемъ даже прямое указаніе на то, что Ярославъ вовсе не узаконялъ перехода столовъ къ братьямъ помимо сыновей. Въ 1195 г. (Ипат.) Владиміровичи требуютъ отъ Ольговичей, чтобы они не искали подъ ними Кіева и Смоленска. Требованіе свое они подтверждаютъ ссылкой на Ярославово завѣщаніе: „како насъ раздѣлилъ дѣдъ Ярославъ по Днѣпръ, а Кыевъ вы не надобѣ". Весьма важная ссылка, показывающая, что съ представленіемъ о Ярославовомъ завѣщаніи вовсе не вязалась мысль о переходѣ столовъ отъ брата къ брату, а наоборотъ, соединялось понятіе о твердыхъ границахъ (по Днѣпръ) владѣній потомковъ Ярославовыхъ. Ольговичи, противъ которыхъ приводилась эта ссылка, не говорятъ, что она не вѣрна; не говорятъ, что они имѣютъ право на Кіевъ по Ярославову завѣщанію, а указываютъ на договоры и свое право добывать. „При вашемъ животѣ не ищемъ, говорятъ они, ибо обязались договоромъ не искать, а по васъ, кому Богъ дастъ".

Вовторыхъ, Любецкій съѣздъ вовсе не подтвердилъ порядокъ перехода волостей отъ брата къ брату. Совершенно наоборотъ, онъ выставилъ начало: „кождо да держитъ отчину свою". Такимъ образомъ, Любецкимъ съѣздомъ были осуждены предшествовавшіе насильственные переходы столовъ отъ Изяслава къ Святославу и т. д.

Въ заключеніе своего изслѣдованія авторъ бросаетъ взглядъ на

условія образованія „новой феодальной монархіи“. Подъ этимъ оригинальнымъ названіемъ надо, кажется, разумѣть Московское государство. Вотъ какъ это случилось. „Не всѣ служилые люди, говоритъ онъ, были надежною опорой для княжеской власти. Старшая дружина князей по богатству и общественному положенію ничѣмъ не отличалась отъ городской патриціанской аристократіи, свободнаго боярства и постоянно смѣшивалась съ послѣднимъ“ (344). Эту картину единства бояръ и старшихъ дружинниковъ авторъ дополняетъ еще слѣдующимъ: „Народъ, городская знать и служилые люди старшихъ разрядовъ постоянно измѣняли князьямъ“... 345. „Постоянно остаются имъ вѣрными только дворяне, отроки и дѣтскіе, вообще—придворные слуги“. 345.

„При такомъ положеніи дѣлъ“, продолжаетъ г. Затыркевичъ, „князья поняли, что единственное средство для усиленія ихъ власти состоитъ въ увеличеніи числа мелкихъ служителей“. 346.

„Для такого увеличенія придворныхъ служителей, казалось, не представлялось никакихъ препятствій. Еще оставались во множествѣ независимые бродячіе и кочевые народы“... 346.

„Поэтому на сѣверо-востокѣ.... и стала зарождаться новая феодальная монархія, верховная власть которой опиралась на множество мелкихъ служилыхъ людей землевладѣльцевъ“ (то-есть, бродячихъ и кочевыхъ). 349.

Таковы условія образованія новой феодальной монархіи. Сѣверо-восточное государство, какъ и южно-русское, обязано своимъ происхожденіемъ бродячимъ и кочевымъ народамъ! Это единственный пунктъ, въ которомъ авторъ постоянно остается себѣ вѣренъ: отъ первой и до послѣдней страницы его изслѣдованія бродячіе и кочевые народы неизмѣнно являются у него движущимъ началомъ нашей исторіи.

Но на ряду съ этимъ взглядомъ онъ высказываетъ и другой, отнимающій у перваго всякое право на существованіе.

На страницѣ 342 авторъ приписываетъ слѣдующія стремленія всѣмъ боярамъ и дружинникамъ: они стремятся служить князю за хорошія кормленія, расширить его власть, уничтожить многокняженіе и охранить семейныя выгоды своего князя. Хотя эти стремленія всѣхъ бояръ и дружинниковъ плохо вяжутся съ тою характеристикой бояръ и старшихъ дружинниковъ, которую мы только что прочли на 345 страницѣ его изслѣдованія, тѣмъ не менѣе авторъ находитъ возможнымъ сдѣлать такой общій выводъ: „всѣ бояре и дружинники...

стремились создать единодержавную, наслѣдственную монархію... Такимъ образомъ, весь ходъ историческаго развитія древней Руси привелъ къ образованію зачатковъ, изъ которыхъ долженствовала сложиться феодальная монархія".

Если всѣ бояре и дружинники стремятся создать феодальную монархію, то, конечно, она могла возникнуть и безъ содѣйствія кочевыхъ и бродячихъ народовъ, которымъ едвали даже могла нравиться идея феодальной монархіи. Но уже таково пристрастіе г. Затыркевича. У него ничего не дѣлается безъ бродячихъ и кочевыхъ народовъ.

Заблужденія г. Затыркевича не лишены своей доли поучительности. Не смотря на обиліе ссылокъ на русскія лѣтописи и другіе отечественные источники, сочиненіе его написано не по источникамъ.

Въ своихъ выводахъ авторъ руководствовался не содержаніемъ нашихъ памятниковъ, а желаніемъ во что бы то ни стало найдти въ ходѣ нашей исторіи тѣ же черты, которыя наблюдаются въ ходѣ исторіи западно-европейскихъ государствъ. Мы не будемъ отрицать, что въ развитіи нашей исторіи встрѣчаются многія аналогическія явленія съ явленіями исторіи западно-европейскихъ народовъ. Мы согласимся и съ тѣмъ, что эти сходства не вполнѣ еще раскрыты нашею историческою наукой. Но къ сближеніямъ этого рода нужно приступать съ большою осторожностью, а г. Затыркевичъ отнесся къ поставленной имъ задачѣ, вѣрность которой нельзя не признать, слишкомъ смѣло. Раскрываемая имъ аналогія сводится къ слѣдующему:

Новыя западно-европейскія государства основаны народами, которыхъ Римляне называли „варварами"; и вотъ г. Затыркевичъ выступаетъ съ теоріей варварскаго происхожденія русскаго государства. Оно основано, по его мнѣнію, не Славянами, а „варварами, Косогами, Торками, Половцами и другими кочевыми и бродячими народами". Въ западной Европѣ наблюдается противоположность аллодовъ и леновъ, и ту же противоположность онъ усматриваетъ и у насъ. Тамъ разные органы управленія, графы и герцоги, сдѣлались владѣтельными князьями; и у насъ г. Затыркевичъ находитъ посадниковъ — владѣтельныхъ князей. На западѣ, въ періодъ господства феодальной системы, сельское и городское населеніе одинаково было не свободно и находилось подъ безусловною властью феодальныхъ господъ. И для древней Россіи г. Затыркевичъ проводитъ мысль „о рабскомъ и крѣпостномъ состояніи" посадскихъ людей. Въ Европѣ эта зависимость повела къ возстанію городовъ, положившему начало город-

ской свободѣ и нѣкоторому улучшенію, хотя очень слабому, быта сельскаго населенія; и у насъ г. Затыркевичъ отыскалъ возстаніе городовъ и съ тѣми же послѣдствіями: освобожденіемъ посадскихъ и нѣкоторымъ улучшеніемъ быта сельчанъ.

Таковы сближенія г. Затыркевича. Этою погоней за чисто внѣшними сходствами и объясняется вся оригинальность воззрѣній автора. Ей въ жертву принесъ онъ и дѣйствительный смыслъ нашихъ источниковъ и характеристическія особенности нашего историческаго развитія.

В. Сергѣевичъ.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1874 годъ, представленный г. министру народнаго просвѣщенія директоромъ Библіотеки, статсъ-секретаремъ *Деляновымъ*. С.-Петербургъ. 1875.

Въ этой книгѣ содержатся подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи нашего важнѣйшаго древлехранилища въ теченіе 1874 года. Извлекаемъ изъ этого изданія (печатаемаго въ маломъ количествѣ экземпляровъ) нѣкоторыя данныя, какъ относительно обогащенія Библіотеки новыми пріобрѣтеніями, такъ и относительно пользованія обширными ея сокровищами.

Въ теченіе 1874 года Библіотека сдѣлала слѣдующія пріобрѣтенія:

Въ видѣ цѣлыхъ коллекцій поступили: 1) Собраніе рукописей, купленныхъ у капитанъ-лейтенанта Н. П. Протопопова и принадлежавшихъ, почти въ полномъ составѣ, Алексѣю Алексѣевичу Николеву; въ этомъ собраніи заключается 148 рукописей, исключительно масонскаго и мистическаго содержанія, писанныхъ въ концѣ прошлаго вѣка или въ нынѣшнемъ столѣтіи; сочиненія, помѣщенныя въ этихъ рукописяхъ, по большей части, переведены съ иностранныхъ языковъ, и только немногія принадлежатъ русскимъ авторамъ; но за то собраніе это представляетъ собою почти полный объемъ той мистической литературы, которая была въ ходу у русскихъ масоновъ конца XVIII и начала XIX вѣковъ; въ числѣ авторовъ и переводчиковъ русскихъ встрѣчаются имена Сковороды, И. В. Лопухина, С. И. Гамалѣи и И. Е. Шварца. — 2) Собраніе вымѣненныхъ у Румянцевскаго музея на дублеты Императорской Публичной Библіотеки книгъ кирилловской печати, частію не имѣвшихся въ Библіотекѣ, частію замѣнившихъ ея неполные экземпляры; въ этомъ собраніи содержится 106 книгъ, отъ

конца XV до половины текущаго вѣка, въ томъ числѣ Краковскій „Шестодневъ“ 1491 года, Венеціанскій „Служебникъ“ 1570 года, изданія Острожскія, Виленскія, Почаевскія, Львовскія, Кіевскія, Московскія и др. — 3) Собраніе глаголическихъ рукописей и печатныхъ книгъ, купленное у покойнаго славянскаго ученаго Берчича; въ этомъ собраніи 8 рукописей и 29 книгъ; не смотря на ограниченные размѣры этой коллекціи, она замѣчательна, вопервыхъ, потому, что она—единственная въ Россіи (до сихъ поръ въ Публичной Библіотекѣ имѣлась только одна глаголическая рукопись—такъ называемое Зографское евангеліе, XII вѣка), и вовторыхъ, по внутреннему содержанію: нѣкоторыя рукописи въ коллекціи Берчича, хорватскаго письма, восходятъ къ XIII и даже къ XII вѣкамъ; что касается печатныхъ книгъ, то онѣ принадлежатъ къ XVI—XVIII столѣтіямъ и изданы въ Венеціи, Тюбингенѣ и Римѣ. Вмѣстѣ съ этою коллекціей поступила въ библіотеку и одна рукопись на церковно-славянскомъ языкѣ, писанная кириллицей и принадлежавшая Требиньевскому монастырю; она — молдо-влахійскаго письма и писана полууставомъ XVI вѣка; содержитъ въ себѣ собраніе церковныхъ поученій.—4) Собраніе восточныхъ рукописей, составленное въ Средней Азіи и пожертвованное почетнымъ членомъ Библіотеки генералъ-адъютантомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ; къ сожалѣнію, большинство рукописей нѣсколько попорчено, потому что во время пересылки изъ Ташкента въ Петербургъ ящикъ съ рукописями попалъ въ воду; рукописи эти, по большей части новаго письма, разсматриваются и подробно описываются вольнотрудящимся въ Библіотекѣ, доцентомъ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ османскаго языка В. Д. Смирновымъ; въ теченіе 1874 г. имъ описано 32 рукописи на арабскомъ, персидскомъ и джагатайскомъ языкахъ, содержанія религіознаго, историческаго и литературнаго. — 5) Весьма обширная и цѣнная коллекція книгъ, принадлежавшая покойному почетному лейбъ-медику, тайному совѣтнику И. И. Персону и пожертвованная его дочерьми; книги этой коллекціи, числомъ до 3.000, большею частію медицинскаго содержанія; по разборѣ этого собранія и по отдѣленіи дублетовъ, въ составъ Библіотеки включено 1880 сочиненій, въ 3.000 томовъ. — Сверхъ этихъ обширныхъ и цѣльныхъ коллекцій, въ Библіотеку было подарено еще нѣсколько собраній книгъ, разнообразнаго содержанія; изъ числа этихъ приношеній значительнѣйшія по числу томовъ суть слѣдующія: отъ д. ст. сов. Г. К. Рѣпинскаго—188 томовъ, отъ Вѣнскаго книгопродавца Браумюллера—180 т., отъ почетнаго корреспондента Библіотеки А. Н.

Неустроева—152 т., отъ Іенскаго университета—121 т., отъ д-ра Т. Вейзе въ Дерптѣ,—82 т., отъ почетнаго члена Библіотеки И. Е. Бецкаго—71 т., отъ министерства государственныхъ имуществъ—67 т., отъ колл. асс. И. И. Балицкаго—61 т., отъ Чешскаго музея въ Прагѣ—57 т., отъ Боннскаго университета—53 т., отъ Ростокскаго университета—51 томъ. Наконецъ, по закону Библіотека продолжала получать, въ двухъ экземплярахъ, всѣ выходящія въ предѣлахъ Имперіи книги, брошюры, современныя изданія, ноты, географическія карты, гравюры и пр.

Между единичными пріобрѣтеніями Библіотеки отчетъ поименовываетъ 39 произведеній печати, русскихъ и иностранныхъ, особливо замѣчательныхъ по рѣдкости, важности содержанія или цѣнности. Назовемъ изъ нихъ одно—большую гравюру, въ листъ, неизвѣстнаго гравера, представляющую пріемъ русскаго посла, стольника Потапкина, Людовикомъ XIV въ Версали, 24-го апрѣля 1681 года; это—единственный до сихъ поръ извѣстный экземпляръ, купленный Библіотекой у книгопродавца Тросса въ Парижѣ (за 110 франковъ).

Кромѣ того, Библіотека сдѣлала въ 1874 году нѣсколько единичныхъ пріобрѣтеній по отдѣлу рукописей, частію получивъ ихъ въ даръ, частію пріобрѣтя покупкой. Изъ 31 нумера поименованныхъ въ отчетѣ, упомянемъ нѣкоторые: а) корректурный экземпляръ Иліады Гомера, въ переводѣ Н. И. Гнѣдича, съ поправками его, А. И. Красовскаго и М. Е. Лобанова; экземпляръ принадлежалъ В. Г. Бѣлинскому, а подаренъ И. С. Тургеневымъ; б) письмо графа А. А. Аракчеева къ его брату Петру Андреевичу, изъ Петербурга, отъ 3-го апрѣля 1812 года, въ которомъ пишущій высказываетъ свои мысли по поводу ареста Сперанскаго (подарено П. И. Ламанскимъ); в) хронографъ, переведенный съ греческаго іеромонахомъ Арсеніемъ Грекомъ и архимандритомъ Діонисіемъ Грекомъ, скорописью XVII в. на 508 листахъ, по видимому — подлинный экземпляръ трудившихся; также нѣсколько сборниковъ поучительнаго и историческаго содержанія.

По Высочайшему повелѣнію были переданы въ Библіотеку обдѣланные въ красный шагреневый сафьянъ съ мѣдными наугольниками складни, составленные изъ двухъ рамокъ, въ которыхъ подъ стеклами помѣщенъ изящно исполненный оттискъ на сафьянѣ же, выпуклыми и вдавленными буквами, всей первой суры Алкорана и первыхъ трехъ стиховъ второй суры.

Вообще, въ теченіе 1874 года въ Библіотеку поступило: а) пе-

чатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листовъ 13.850 сочиненій въ 18.065 томахъ (въ томъ числѣ: по закону цензурнымъ вѣдомствомъ доставлено, въ двухъ экземплярахъ, 8.280 сочиненій въ 9.776 томахъ; по распоряженіямъ разныхъ учрежденій 910 сочиненій въ 1119 том., частныхъ приношеній 1.510 соч. въ 1.951 т., куплено самою Библіотекой 3.150 соч. въ 5.219 т.); б) рукописей и автографовъ 315 (въ томъ числѣ частныхъ приношеній 121, куплено Библіотекою 194); в) картъ и плановъ — 256; г) эстамповъ и фотографій — 918; д) нотъ — 963.

Кромѣ произведеній печати и рукописей, Библіотека обогатилась однимъ художественнымъ пріобрѣтеніемъ, а именно — портретомъ графа М. М. Сперанскаго, который былъ снятъ съ него въ 1821 году, передъ отъѣздомъ его изъ Сибири въ Петербургъ. Портретъ этотъ, подаренный К. Г. Рѣпинскимъ, украшаетъ собою шкафъ, въ которомъ помѣщены бумаги Сперанскаго, принесенныя въ даръ Библіотекѣ его дочерью.

Библіографическія работы въ Библіотекѣ въ 1874 году состояли: въ каталогизаціи вновь поступавшихъ книгъ, рукописей и пр.; въ составленіи систематическихъ каталоговъ по нѣкоторымъ отдѣленіямъ, также въ составленіи новыхъ инвентарей по отдѣленіямъ богословскому и восточному, въ разборѣ дублетовъ, въ изданіи каталога книгъ, находящихся въ читальной залѣ, и въ новомъ устройствѣ галлереи портретовъ Петра I, которое сдѣлалось необходимымъ вслѣдствіе накопленія въ Библіотекѣ такихъ портретовъ великаго императора, какихъ прежде въ ней не имѣлось.

Наконецъ, пользованіе Библіотекой въ 1874 году представляется въ слѣдующемъ видѣ: всѣхъ билетовъ для занятій выдано 11.448 лицамъ; въ числѣ ихъ было: лицъ военно-сухопутнаго вѣдомства — 761, морскаго — 51, гражданскаго — 903, духовнаго — 477, ученаго и учебнаго — 3.313, медицинскаго — 1.219, художниковъ и разнаго рода техниковъ — 527, другихъ лицъ мужскаго пола — 3.217, лицъ женскаго пола 980. Читателей было: въ общей читальной залѣ 120.508, въ журнальной комнатѣ 44.387, а всего 164.895. Вытребовано книгъ изъ отдѣленій: старопечатныхъ на церковно-славянскомъ языкѣ — 104 т., на русскомъ — 20.916 т., на иностранныхъ — 11.539 т.; изъ библіотеки при читальной залѣ 180.380 т., въ томъ числѣ на русскомъ языкѣ 156.072 т., на иностранныхъ языкахъ 24.308 т. Общее число взятыхъ посѣтителями для чтенія книгъ было 371.721 томъ. Отказано было: въ отдѣленіяхъ по 6.200 требованіямъ (въ томъ

числѣ на 50% русскихъ книгъ); изъ библіотеки при читальной залѣ по 8.929 требованіямъ; изъ журнальной комнаты по 2.967 требованіямъ русскихъ и по 432 требованіямъ иностранныхъ періодическихъ изданій, а всего по 3.399 требованіямъ. Изъ числа потребованныхъ читателями сочиненій, вовсе не имѣвшихся въ Библіотекѣ, вновь выписано изъ-за границы болѣе 300 названій.

Рукописей выдано въ чтеніе 883; 32 лица получили разрѣшеніе заниматься въ отдѣленіи рукописей. Посѣтителей, обозрѣвавшихъ Библіотеку, было 4.733.

ОБЪ ОБУЧЕНІИ ГРАМОТѢ.

I.

Лучшіе способы обученія грамотѣ. — Методъ буквослагательный и методъ звуковой въ современной русской педагогической литературѣ.

Письмо и чтеніе служатъ краеугольнымъ камнемъ начальной школы. Чѣмъ болѣе сознавалась необходимость образованія, тѣмъ болѣе заботились объ усовершенствованіи методовъ изученія письма и чтенія. Методика первоначальной школы уже имѣетъ свою исторію. Буквослагательные способы знающими людьми уже болѣе не практикуются; они замѣнились нынѣ такъ называемою звуковою методою, методою письма-чтенія.

Мы не имѣемъ въ виду излагать всѣ методы обученія чтенію и письму въ ихъ исторической послѣдовательности. Предметъ этотъ требуетъ особаго спеціальнаго труда и достаточно разработанъ въ послѣднее время г. Бунаковымъ въ его книгѣ „Родной языкъ" (Спб. 1872 г. стр. 36—41), и въ статьѣ г. Миропольскаго „Обученіе русской грамотѣ", помѣщенной во 2-мъ томѣ „Руководства къ преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ" (Спб. 1874). Каждый, ознакомившійся съ этою исторіей, согласится съ нашимъ заключеніемъ, что болѣе другихъ удовлетворяющая современнымъ педагогическимъ требованіямъ будетъ звуковая метода обученія грамотѣ въ начальной школѣ, метода „письма-чтенія", какъ мы ее назвали. Мы считаемъ лучшимъ удержать здѣсь только два дѣленія въ различіи методовъ обученія чтенію и письму—буквослагательный и звуковый (на степени настоящаго своего развитія, какъ методъ письма-чтенія), какъ всѣмъ понятныя, чѣмъ принимать болѣе подробное дѣленіе методовъ обученія грамотѣ, представленное, напримѣръ, въ статьѣ г. Миропольскаго, могущее многихъ изъ нашихъ началь-

ныхъ учителей совершенно сбить съ толку. Буквенные способы, говоритъ г. Миропольскій, въ основѣ которыхъ лежитъ изученіе буквъ азбуки, раздѣляются на а) буквосочетательный и б) буквоpазлагательный; слоговые способы, въ основѣ которыхъ лежитъ изученіе слога, раздѣляются на а) буквосочетательный и б) буквоpазлагательный; слоговые способы, въ основѣ которыхъ лежитъ изученіе слога, раздѣляются на а) словосоставительный и б) словоразлагательный; звуковые способы, въ составѣ которыхъ лежитъ изученіе звуковъ — на а) синтетическій, б) аналитическій и в) синкретическій. Избираемый нами предпочтительно предъ другими методъ письма-чтенія относится, по г. Миропольскому, къ первому моменту развитія синкретическаго метода обученія грамотѣ. Не только у насъ, но и заграницей, въ особенности въ Германіи, звуковая метода обученія чтенію и письму заразъ предпочитается многимъ другимъ. Но въ Германіи рядомъ съ ней, если не по достоинству, то по извѣстности, стоитъ еще звуковой аналитическій способъ, который разработывали, по примѣру Жакото, Зельтвамъ, Шольцъ, Прейсъ и др. Самъ Дистервегъ считалъ звуковой аналитическій способъ обученія грамотѣ заслуживающимъ вниманія, хотя не сказалъ о немъ своего рѣшительнаго слова.

У насъ же этотъ способъ почти неизвѣстенъ, если не считать плохую переработку его г.г. Золотовымъ и Студитскимъ, которая не давала яснаго и точнаго понятія о дѣлѣ, почему, несмотря даже на искусственную поддержку, этотъ способъ не могъ привиться въ нашихъ школахъ. Изложеніе сущности аналитическаго способа обученія грамотѣ находится въ означенной выше статьѣ г. Миропольскаго, стр. 429 — 434. Наконецъ, есть еще третій новый способъ обученія чтенію—Фогеля-Беме, переработанный у насъ г. Паульсономъ въ его „Способѣ обученія грамотѣ по первой учебной книжкѣ Паульсона, Спб. 1873, изд. 3-е“. Къ сожалѣнію, разработка этого способа еще не закончена и къ тому же у насъ еще нѣтъ, какъ справедливо замѣтилъ баронъ Корфъ, достаточно подготовленныхъ учителей для практическаго употребленія его въ школѣ. Тѣмъ не менѣе, можно ожидать, что этотъ послѣдній способъ обученія грамотѣ, только болѣе усовершенствованный, современемъ можетъ взять верхъ надъ всѣми другими. Этотъ способъ тѣсно соединяетъ между собою вообще всѣ предметы первоначальнаго обученія (знакомство съ реальнымъ міромъ, черченіе, письмо, чтеніе, родной языкъ, начала ариѳметики и геометріи); предметы эти образуютъ какъ бы одинъ учебный организмъ,

цѣлостно и всесторонне дѣйствующій на развитіе учениковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и трудъ Фогеля не будетъ послѣднимъ словомъ въ исторіи методики обученія грамотѣ. Педагогика есть наука жизни по преимуществу, и какъ жизнь вѣчно стремится впередъ, такъ и педагогика не останавливается въ своемъ развитіи. Недостатки методы Фогеля-Бёме, въ передѣлкѣ г. Паульсона, заключаются, по нашему мнѣнію, въ слѣдующемъ: 1) Г. Паульсонъ, хотя и слѣдуетъ звуковой методѣ, но учитъ своихъ учениковъ названію буквъ, что̀ отвергается нынѣ почти всѣми единогласно, особенно въ началѣ обученія чтенію. Эти названія могутъ только затруднять начинающихъ дѣтей; кромѣ того онѣ совершенно излишни. Произношеніе буквы и ея названіе — два совершенно различныя понятія. Въ рѣдкихъ случаяхъ произношеніе и названіе буквы совпадаютъ, напримѣръ, знакъ *а* по̀ русски произносится *а* и называется *а*. Знакъ густаго губнаго придыханія по русски называется эфъ, по славянски фертъ, хотя не произносится такъ ни на томъ, ни на другомъ языкѣ. Изъ *ф* и *и* мы составляемъ слогъ *фи*, а не эфи, какъ слѣдовало бы ожидать по названію первой буквы. Изъ свистящаго звука *с* и *а* всякій ребенокъ безъ труда составитъ *са*, но почему *с* (то есть эсъ) и *а* выговаривается *са*, а не *эса*, это для него долгое время останется загадкой. Если возможно познакомить учениковъ съ названіемъ буквъ, то не ранѣе окончанія изученія чтенія. Тогда же умѣстно будетъ, заставляя складывать по нѣскольку разъ подвижныя азбуки, научить порядку, въ которомъ стоятъ буквы въ алфавитѣ. Особенно это важно для будущихъ занятій тѣхъ учениковъ, которые, изучая иностранные языки впослѣдствіи, должны будутъ умѣть пользоваться лексиконами. Порядокъ же буквъ во всѣхъ алфавитахъ, за малыми исключеніями, одинъ и тотъ же, то-есть, латинскій. 2) Знакомясь съ отдѣльными вещественными предметами во всѣхъ отношеніяхъ, доступныхъ дѣтскому пониманію, ученики рисуютъ, по способу Фогеля-Бёме, каждый такой предметъ и пріобрѣтаютъ черезъ го свѣдѣнія изъ геометріи. Посмотримъ же, напримѣръ, у г. Паульсона какія свѣдѣнія изъ геометріи пріобрѣтутъ ученики при рисованіи осей. Рисованіе начинается съ того, что учитель укрѣпляетъ модели осей на видномъ мѣстѣ, подлѣ классной доски (?) и говоритъ ученикамъ: „Теперь попробуемъ нарисовать оси,—сперва переднюю. Съ чего слѣдуетъ начать? (Съ подушки.) Съ какой именно стороны? (Съ нижней.) Какою чертою означимъ мы нижнюю сторону подушки? (Лежневою). Такъ. Теперь что̀ слѣдуетъ нарисовать? (Верхнюю сторону.)

Такой же длины? (Нѣтъ, короче.) Такъ ли я ее нарисовалъ? (Слишкомъ высоко.) Ну, раздѣлимъ нижнюю черту на двѣ равныя части. Составляетъ ли вышина подушки половину ея длины? (Нѣтъ, она ниже.) Раздѣлимъ же длину на три равныя части. Равна ли такая часть вышинѣ? (Равна.) Ну, на такомъ разстояніи и нарисуемъ верхнюю сторону. Такъ ли? (Нѣтъ, длинна; надо снять немного.) Съ одной только стороны? (Нѣтъ, съ обѣихъ.) Какими чертами означимъ мы плечи? (Выемками, дугами)" [1]). Какая же доля геометріи усвоивается здѣсь учениками? Можно ли даже серьезно назвать усвоенныя здѣсь свѣдѣнія относящимися къ геометріи? Съ какими геометрическими формами знакомятся здѣсь ученики? Прибавимъ при этомъ, что если ученики и научатся, далѣе, на слѣдующихъ урокахъ, рисуя раму или чашу, различать прямые углы, кругъ, то все-таки возможно-ли будетъ сказать, что ученики начальной школы научились чрезъ то геометріи? Такое заключеніе будетъ скорѣе самохвальствомъ со стороны учителя и учениковъ, ни къ чему хорошему не ведущимъ. Если ученикъ, напримѣръ, знаетъ, что на небѣ есть солнце, луна, звѣзды, облака и т. п., будетъ ли это означать, что онъ знаетъ немного изъ астрономіи и физической географіи? 3) Занятія ариѳметикой, по способу Фогеля-Бёма, занимаютъ въ книгѣ Паульсона тоже немного мѣста. Дошедши до числа 4, г. Паульсонъ соскучился неумѣстными замѣтками изъ ариѳметики и не продолжалъ этихъ занятій далѣе, заявивъ, что элементарный способъ обученія ариѳметикѣ въ подробности уже изложенъ имъ въ изданномъ имъ руководствѣ: „Ариѳметика по способу нѣмецкаго педагога Грубе", и данныя въ немъ упражненія легко могутъ быть приспособлены къ содержанію преподаваемаго дѣтямъ учебнаго матеріала самимъ учителемъ. Но ариѳметика по Грубе и безъ того проходится въ каждой начальной школѣ! Что же изъ такого смѣшенія ариѳметики съ письмомъ-чтеніемъ будетъ выходить особенно новаго и полезнаго? Обыкновенно, какъ только оканчивается урокъ по письму-чтенію, сейчасъ же начинается другой—изъ ариѳметики по Грубе. 4) Гимнастика и пѣніе исключены самимъ г. Паульсономъ изъ числа упражненій, входящихъ въ составъ способа Фогеля-Бёме, на томъ основаніи, что у насъ нѣтъ вовсе элементарныхъ учителей, хоть сколько-нибудь знакомыхъ съ этими предметами. Предметы эти, говоритъ г. Паульсонъ,

[1]) Способъ обученія грамотѣ по первой учебной книжкѣ г. Паульсона, изд. 3-е. Спб. 1873, стр. 40.

войдутъ въ составъ первоначальнаго ученія тогда только, когда у насъ будутъ учительскія семинаріи, и когда эти заведенія дадутъ намъ учителей, дѣйствительно свѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ. Между тѣмъ, страницей выше, г. Паульсонъ самъ себѣ противорѣчитъ, утверждая, что и нынѣшній учитель, если не окончательно облѣнился и отупѣлъ, а сохранилъ хоть нѣкоторую долю энергіи и любви къ своему дѣлу, усвоитъ способъ Фогеля-Бёме безъ особенныхъ затрудненій. 5) Г. Паульсонъ выпускаетъ подборъ словъ съ знакомыми звуками — упражненіе при начальномъ изученіи чтенія существенно необходимое. Примѣры словъ для звуковыхъ упражненій, отыскиваніе знакомаго звука въ началѣ, въ серединѣ и въ концѣ слова самимъ ученикомъ,—самое существенное упражненіе въ изученіи звуковаго способа грамоты. Здѣсь всего сильнѣе затрогивается самостоятельная дѣятельность ученика. 6) Копировку названія предмета, особенно въ началѣ изученія чтенія, когда оно совершается болѣе механически, предлагаемую способомъ Фогеля-Бёме, мнѣ кажется, тоже нельзя съ полнымъ успѣхомъ защищать. Письмо элементовъ буквъ должно идти ранѣе, написаніе же цѣлаго слова должно заканчивать собою урокъ. Когда изъ данныхъ элементовъ ученики въ состояніи составить слово, выучившись сливать звуки, тогда только сознательно ученики могутъ писать цѣлое названіе слова. Не смотря на то, что неизвѣстныхъ частей въ каждомъ новомъ словѣ будетъ представляться не много, механическаго срисовыванія слова не должно быть въ раціональномъ обученіи дѣтей грамотѣ. Копировку названія предмета только тогда возможно допустить, когда она будетъ совершаться дѣтьми вполнѣ сознательно и когда она будетъ изощрять догадливость дѣтей.

Мы съ намѣреніемъ остановились на способѣ обученія чтенію Фогеля-Бёме, извѣстномъ у насъ въ переработкѣ г. Паульсона, какъ болѣе распространенномъ (первая учебная книжка Паульсона издана была до 1873 г. въ количествѣ 14.000) и имѣющемъ будущность. Этотъ способъ нуждается еще въ новыхъ переработкахъ, чтобы могъ успѣшнѣе конкурировать съ другими. Представленныхъ нами здѣсь доказательствъ на первый разъ считаемъ достаточно.

Изъ всѣхъ методовъ обученія грамотѣ, въ настоящее время, не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію звуковой, и при томъ соединяющій вмѣстѣ обученіе чтенію и письму; онъ считается самымъ пригоднымъ и необходимымъ. Поднятый въ недавнее время въ нашей литературѣ споръ о преимуществахъ звуковаго и буквослагательнаго

методовъ обученія грамотѣ, выразившійся въ практическомъ изученіи того и другаго при Московскомъ комитетѣ грамотности, и въ цѣломъ рядѣ статей, по поводу мнѣній графа Толстаго о преимуществѣ буквослагательнаго метода въ извѣстной его статьѣ „О народномъ образованіи" (въ *Отеч. Зап.* 1874 г.), послужилъ до нѣкоторой степени въ пользу вывода о лучшемъ методѣ обученія грамотѣ. Графъ Толстой, напримѣръ, не обратилъ должнаго вниманія на историческое значеніе ъ и ь и на характеръ слiянiя согласныхъ звуковъ съ гласными; онъ думаетъ совершенно ошибочно, будто при слiянiи согласныхъ съ гласными выбрасываются звуки ъ или ь, то есть, согласная буква въ отдѣльномъ произношеніи имѣетъ при себѣ звуки ъ или ь, которые при сліяніи съ гласными отбрасываются [1]), но звуки ъ и ь не имѣютъ никакого звуковаго значенія и служатъ въ письмѣ лишь знакомъ твердаго или мягкаго выговора согласной, потому не можетъ быть никакой аналогіи, предполагаемой и защищаемой графомъ Толстымъ, въ пріемахъ сліянія способовъ буквослагательнаго и звуковаго. Противники графа Толстаго увлеклись, главнымъ образомъ, преимуществомъ звуковаго метода предъ методомъ графа Толстаго по отношенію къ умственному развитію учениковъ, участію ихъ сознанія въ обученіи, и совершенно упустили изъ виду исторію и фонетику языка, вслѣдствіе чего не опровергли главнаго основанія, приводимаго графомъ Толстымъ въ подкрѣпленіе своего взгляда, что, принявъ систему звуковаго метода, мы встрѣчаемся, будто бы, съ тѣми же неудобствами при сліяніи согласныхъ съ гласными, какъ и при методѣ буквослагательномъ: въ первомъ случаѣ мы должны будемъ откидывать ъ и ь, во второмъ звукъ е (бе, ве, ре). Буквослагательная метода затрудняетъ обученіе чтенію и дѣлаетъ его болѣе продолжительнымъ, потому что вводитъ въ слоги и слова такіе звуки, какихъ въ дѣйствительности не су-

---

[1]) «По новому способу буквы называютъ: *бъ*, *въ*, *гъ* и т. д., и при складахъ научаютъ прямо соединять согласный звукъ съ гласнымъ, предполагая, что *бъ* есть только согласный звукъ. Но ученикъ точно также долженъ откидывать полугласную ъ, оканчивающую каждую букву, ибо предположеніе, что *бъ* есть одинъ согласный звукъ — невѣрно. По нѣмецки еще можно предположить, что *f* есть отдѣльный согласный звукъ, но по русски *ф* долженъ быть или *фъ*, или *фь*. Такъ что этимъ способомъ, ничего не выигрывая при складахъ и только путая ученика, очень много теряютъ при заучиваніи буквъ, ибо произношеніе *съ*, *къ* и т. п. почти невозможно». Азбука графа Толстаго, книга 1-я, Спб. 1872 г. стр. 169.

ществуетъ; не даетъ ничего для умственнаго развитія ребенка и дѣйствуетъ только на память; наконецъ, страшно скучна какъ для учителя, такъ и для ученика. Звуковая метода имѣетъ то преимущество передъ буквослагательною, что даетъ дѣтямъ не названія буквъ, а только одни дѣйствительные звуки, изъ которыхъ составляются слоги и слова. Выкидывая лишній, затрудняющій обученіе, элементъ, т. е. названіе буквъ, мы ускоряемъ изученіе процесса чтенія.

Очень возможно, что еще долгое время у насъ будутъ защищать буквослагательный способъ изученія грамоты, но окончательный ударъ защитникамъ его уже нанесенъ, а потому ихъ голоса будутъ становиться съ каждымъ годомъ слабѣе и слабѣе. Въ настоящее время каждому, занимавшемуся этимъ вопросомъ, ясно, что другаго выбора между буквослагательнымъ и звуковымъ методомъ, какъ въ пользу послѣдняго, быть не можетъ. Споры возможны только о подробностяхъ достоинства тѣхъ или другихъ пріемовъ звуковаго метода, а не о преимуществѣ его передъ буквослагательнымъ. Рѣшительное слово для звуковаго метода—будетъ-ли онъ распространяться или нѣтъ—зависитъ также отъ практики: почти вездѣ, гдѣ встрѣчаются мало-мальски подготовленные учителя, тамъ вводится и звуковой методъ. Преимущества звуковаго метода состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ методической правильности; отъ предмета идутъ къ обозначенію его, а не наоборотъ; 2) въ точномъ различеніи звуковъ отъ знаковъ или буквъ, слѣдовательно, въ ясномъ сознаніи того, какъ надо писать произнесенное, то есть, въ пониманіи сущности правописанія, и въ томъ, что 3) онъ самымъ правильнымъ образомъ способствуетъ развитію дѣтей.

„Я не потому предпочитаю звуковую методу", говоритъ Ушинскій, „что дѣти по ней выучиваются скорѣе читать и писать, но потому, что, достигая успѣшно своей спеціальной цѣли, метода эта въ то же время даетъ самодѣятельность ребенку, безпрестанно упражняетъ вниманіе, память и разсудокъ дитяти и, когда передъ нимъ потомъ раскрывается книга, то оно уже значительно подготовлено къ пониманію того, что читаетъ, и главное въ немъ не подавленъ, а возбужденъ интересъ къ чтенію". Съ этими словами слѣдуетъ вполнѣ согласиться.

Обыкновенно называютъ изобрѣтателемъ звуковаго метода педагога Стефани, въ началѣ нынѣшняго столѣтія (1804), хотя Ратихій употреблялъ его и ранѣе. Для насъ важно то, что этотъ методъ, по происхожденію своему, не русскій, а нѣмецкій. Всѣ болѣе извѣстные

методы, вводимые у насъ въ послѣднее время подъ русскими именами Золотова, Студитскаго, Корфа, Паульсона, Бунакова, Ушинскаго и др., не русскіе, а нѣмецкіе. Въ этомъ убѣдится каждый, ознакомившійся съ исторіей методики чтенія. Не нужно ли намъ, поэтому, хотя для защиты своей національности, изобрѣсти свой собственный, русскій? Нельзя ли будетъ также, въ противоположность этимъ нѣмецкимъ методамъ, пересаженнымъ на русскую педагогическую почву, методъ графа Толстаго назвать русскимъ, по преимуществу? Но методъ графа Толстаго—тоже нѣмецкій, потому что когда у насъ господствовало ученіе буки-азъ-ба, въ Германіи уже учили, какъ учитъ нынѣ графъ Толстой: бе-а-ба. Въ принятіи чужаго хорошаго и вѣрнаго еще нѣтъ ничего оскорбительнаго для національнаго самолюбія.

II.

Съ какой грамоты слѣдуетъ начинать обученіе чтенію?—Съ печатныхъ или письменныхъ буквъ слѣдуетъ начинать обученіе чтенію?—Съ гласныхъ или согласныхъ?—Сліяніе звуковъ.—Порядокъ изученія буквъ.—Полугласная й.—Наростаніе согласныхъ.—Предлоги.—Книга Бунакова «Обученіе грамотѣ»,—«Родное слово» Ушинскаго. — «Письмо-Чтеніе. Руководство для учащихъ». — Требованіе, обращенное къ учителю, ведущему обученіе чтенію.—Правильное произношеніе словъ по принятому у насъ говору.

Первый вопросъ, предстоящій для разрѣшенія при изученіи грамоты, заключается въ томъ, съ какой грамоты начинать обученіе: 1) съ русской или церковно-славянской? Этотъ вопросъ самъ собою разрѣшается, когда узнаемъ цѣль чтенія. До тѣхъ поръ безполезно чтеніе, пока посредствомъ его не будутъ пріобрѣтаться знанія: слѣдовательно, задача чтенія—воспринимать ту мысль, которую прочтемъ въ книгѣ, усвоивать ее и дѣлать какъ бы своею. А очевидно, что скорѣе усвоится и поймется то, что̀ выражено знакомымъ намъ языкомъ,—языкомъ, на которомъ мы говоримъ отъ колыбели: вотъ почему должно начинать обученіе съ русскаго языка. Славянскій же языкъ, хотя родственный намъ, но не употребителенъ въ разговорѣ,

[1]) Мы не говоримъ здѣсь о начальныхъ урокахъ въ школѣ, которые должны заключаться въ объясненіи окружающей ученика классной обстановки, а также умалчиваемъ о предметныхъ урокахъ, сопровождающихъ дальнѣйшее ученіе; необходимость такихъ уроковъ никѣмъ болѣе не оспаривается и всѣми признается почти единогласно, что рѣдко случается. Во время этихъ уроковъ ученики пріучаются писать элементы буквъ, палочки, круглые знаки и т. п. и непремѣнно подъ тактъ.

поэтому мы встрѣчаемъ въ немъ много непонятныхъ для насъ выраженій и тѣмъ болѣе непонятныхъ для дѣтей; онъ неудобенъ и не понятенъ еще потому, что слова въ немъ пишутся подъ титлами, что дѣтей весьма затрудняетъ. Но въ народныхъ школахъ родители иногда требуютъ, чтобы дѣтей ихъ начинали обучать съ церковно-славянскаго языка, и требуютъ болѣе всего на томъ основаніи, что въ старину такъ учили, да и въ церкви служба совершается на этомъ языкѣ,—значитъ, дѣти ихъ лучше будутъ понимать церковную службу: для родителей лестно, когда дѣти читаютъ на клиросѣ и по усопшимъ. Противъ подобныхъ заявленій должно вооружиться терпѣніемъ, объяснить, кому слѣдуетъ, вышесказанныя основанія, а главное доказать свою правоту успѣхомъ ученія грамотѣ русской, замѣтивъ при этомъ, что выучившись русскому языку, дитя можетъ весьма скоро читать и славянскій, при чемъ гораздо лучше будетъ понимать его.

Второй вопросъ для начинающаго учить грамотѣ будетъ слѣдующій: съ чего начинать учить чтенію и письму, съ печатныхъ или письменныхъ буквъ? Слѣдуя указанію барона Н. А. Корфа, многіе учителя начинаютъ учить чтенію и письму съ печатныхъ буквъ. „Письмо-Чтеніе, руководство для учащихъ" (Спб. 1873), принятое въ начальныхъ школахъ Нижегородской губерніи, начинаетъ съ рукописнаго шрифта. Баронъ Корфъ въ своей книгѣ „Русская начальная школа" говоритъ: „Тѣмъ, что ученики пишутъ печатною азбукой, достигаются слѣдующія цѣли: а) дѣти заучиваютъ не по два очертанія для каждой буквы, какъ было бы, еслибы заставлять ихъ писать диктуемое слово письменными буквами, но только одно печатное очертаніе, чтò вполнѣ соотвѣтствуетъ педагогическому закону: по одной трудности заразъ; б) дѣти, совершенно не подготовленныя къ письму, не выводятъ круглыхъ очертаній, которыя могли бы ихъ затруднить, но, изображая печатный шрифтъ, заняты изображеніемъ отвѣсныхъ, наклонныхъ и горизонтальныхъ черточекъ, изъ которыхъ состоятъ печатныя буквы, то-есть, подготовляются къ письму въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; в) ученики, не знакомясь еще съ буквами, которыми люди пишутъ, но, подготовляя къ изображенію ихъ глазъ и руку, не тратятъ на эти пріуготовительныя работы времени, такъ какъ упражненіемъ въ письмѣ печатнымъ шрифтомъ достигается собственно механизмъ письма, состоящій въ умѣньи изобразить извѣстные звуки на бумагѣ" [1]). Всѣ эти доводы

[1]) Русская начальная школа, бар. Корфа, изд. 1870, стр. 208 и 209.

едва-ли достаточно доказываютъ необходимость и полезность излишней, по нашему мнѣнію, для дѣтей работы—писанія печатнымъ шрифтомъ.

„Письмо-Чтеніе—руководство для учащихъ“ рекомендуетъ, напротивъ, начинать обученіе грамотѣ съ чтенія и письма рукописнаго, а не печатнаго шрифта, что 1) сразу поставило бы обученіе письму въ надлежащую рамку; 2) нисколько бы не повредило и обученію чтенію, потому что изъ нестрочныхъ буквъ, съ которыхъ начинаютъ обученіе чтенію, только не болѣе 7-ми буквъ отличаются отъ начертанія печатнаго шрифта, и эти семь буквъ не придется показывать на первыхъ урокахъ. Вторая и третья причины, приводимыя барономъ Корфомъ въ защиту письма печатнымъ шрифтомъ, еще менѣе убѣдительны: въ пользу печатнаго шрифта баронъ Корфъ выставляетъ: 1) что дѣти, начиная писать этимъ шрифтомъ, не выводятъ круглыхъ очертаній, а въ его руководствѣ къ обученію грамотѣ на второмъ же урокѣ дѣтямъ приходится писать *о* и *к*; развѣ это не круглыя очертанія? 2) что упражненіемъ въ печатномъ шрифтѣ достигается собственно механизмъ письма, состоящій въ умѣньи изобразить извѣстные звуки на бумагѣ; но этотъ механизмъ еще легче и разумнѣе достигается упражненіемъ въ рукописномъ шрифтѣ, и при этомъ дѣти избавляются отъ совершенно излишней работы (писаніе печатнымъ шрифтомъ), которая по справедливости можетъ быть поставлена на ряду съ упражненіемъ въ письмѣ церковно-славянскомъ: этимъ письмомъ иные учители любили занимать учащихся въ уѣздныхъ училищахъ и даже въ гимназіяхъ [1].

Мы придерживаемся того мнѣнія, что необходимо сразу знакомить учениковъ и съ печатнымъ и съ рукописнымъ шрифтами, потому что, за малыми исключеніями, оба шрифта совершенно одинаковы и, слѣдовательно, при изученіи ихъ не представляются двѣ трудности заразъ, чего хотѣлъ избѣгнуть баронъ Корфъ. Въ книгахъ гг. Бунакова (Обученіе грамотѣ по звуковому способу) и Паульсона (Способъ обученія грамотѣ) совершенно вѣрно введены въ употребленіе при изученіи письма-чтенія и печатный, и рукописный шрифты. Многолѣтній опытъ показалъ, что мнѣніе о затрудненіяхъ, будто бы встрѣчаемыхъ при совмѣстномъ сообщеніи рукописныхъ и печатныхъ буквъ, ни на чемъ не основано, или основано на одностороннемъ экспериментѣ, состоявшемъ, вѣроятно, въ томъ, что

---

[1]) Письмо-Чтеніе. Руководство для учащихъ. Спб. 1873 изд. 2-е, стр. 4.

дѣтямъ сообщались если не оба алфавита вдругъ, то во всякомъ случаѣ значительное число буквъ того и другаго разомъ. Но если буквы сообщаются постепенно, то одновременное знакомство съ рукописными и печатными буквами не только не затрудняетъ дѣтей, но, напротивъ, облегчаетъ имъ запоминаніе ихъ: сравнивая формы печатныхъ буквъ съ формами рукописныхъ, дѣти скорѣе усвоиваютъ существенные признаки этихъ формъ, тогда какъ безъ этого сравненія они иногда очень долго узнаютъ буквы только по случайнымъ ихъ признакамъ. Къ тому же рукописныя буквы произошли отъ печатныхъ, и послѣднія, слѣдовательно, вовсе не такъ рѣзко отличаются отъ первыхъ по своей формѣ, чтобы дѣти не въ состояніи были признать ихъ сходство. Правда, нѣкоторыя печатныя буквы весьма мало похожи на соотвѣтствующія имъ рукописныя: но такихъ очень не много и, во первыхъ, нѣтъ вовсе надобности давать ихъ съ самаго начала, а во вторыхъ, смѣтливому сколько-нибудь учителю не трудно найдти средство для сближенія и такихъ формъ [1]).

Что касается послѣдовательности знакомства учениковъ съ рукописнымъ и печатнымъ начертаніемъ буквъ, то гораздо проще знакомить учениковъ сначала съ послѣднимъ изъ нихъ и потомъ уже съ первымъ: ученику легче писать букву, когда онъ уже болѣе или менѣе ознакомится съ употребленіемъ ея въ чтеніи по книгѣ или подвижной азбукѣ, нежели то и другое дѣлать вмѣстѣ.

Начинать ли изученіе азбуки съ гласныхъ буквъ или съ согласныхъ—рѣшается различно. Гласные звуки легче произносятся, но не всѣ легки для письма. Если изученіе азбуки начать съ гласныхъ буквъ, то непремѣнно слѣдуетъ измѣнить ихъ порядокъ и букву „*о*" или „*и*", напримѣръ, изучить ранѣе, чѣмъ букву „*а*", такъ какъ первыя легче послѣдней для письма. Такъ какъ въ каждой школѣ имѣется „Родное Слово" Ушинскаго и такъ какъ — можно предполагать — долго еще эта книга будетъ считаться необходимою для дѣтей, а въ настоящее время ей нѣтъ равной по достоинству, то изученіе гласныхъ, принятое въ этой книгѣ и обставленное надлежащими педагогическими пріемами, можетъ быть защищаемо пока съ большею пользой для учащихся дѣтей, чѣмъ другой порядокъ изученія азбуки. Но повторяю, такое изученіе не можетъ считаться вполнѣ выдерживающимъ критику и не можетъ быть приня-

---

[1]) Ср. Наша педагогическая литература, г. Миропольскаго, въ *Журналѣ М. Н. П.* 1870, іюль, стр. 115, 116, 117.

то, какъ безусловный образецъ. Одни говорятъ, что г. Ушинскій, изучая съ дѣтьми гласные звуки особо, безъ связи ихъ съ согласными, замедляетъ этимъ успѣхъ дѣла. Если подъ послѣднимъ понятіемъ разумѣть быстроту въ изученіи грамоты, то съ этимъ, пожалуй, можно будетъ согласиться. Но быстрота въ изученіи грамоты не составляетъ еще главнаго условія раціональной методы. Пріемы, рекомендуемые г. Ушинскимъ для звуковыхъ упражненій съ гласными, могутъ способствовать къ развитію догадливости въ дѣтяхъ; своимъ разнообразіемъ и неожиданностью перемѣнъ они превосходно упражняютъ вниманіе цѣлаго класса и заставляютъ дѣтей быть готовыми на отвѣты, предлагаемые учителемъ. Почему же такое преподаваніе можетъ замедлить успѣхъ дѣла? Почему оно не должно быть предпочитаемо быстротѣ изученія грамоты? Приводимъ здѣсь выдержку изъ урока г. Ушинскаго—изученіе гласныхъ звуковъ. Учитель говоритъ: „замѣтьте теперь, дѣти, какой звукъ я скажу“ и произноситъ громко и протяжно *а*. „Ваня! скажи тоже, Митя и т. д.“ Учитель требуетъ, чтобы ученики произносили звукъ громко, отчетливо, не переходя ни въ *о*, ни въ *е*“. Учитель. Теперь я произнесу другой звукъ—*о*. Повтори его ты и т. д. Вотъ мы знаемъ теперь два звука: *а* и *о*. Сколько звуковъ мы знаемъ, Вася? Какой первый? Какой второй? Скажите сначала первый, потомъ второй, сначала второй, а потомъ первый. Говорите черезъ человѣка: одинъ—*а*, слѣдующій—*о*. Третій опять *о*, и т. д. Первая скамейка—первый звукъ! и т. д.“. „За первыми двумя звуками, учитель знакомитъ тѣмъ же способомъ съ третьимъ звукомъ—*и*. Этотъ звукъ имѣетъ ту особенность, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи трудно добиться его чистаго произношенія. Когда дѣти отвѣчаютъ вѣрно, быстро, отчетливо, тогда учитель переходитъ къ новымъ упражненіямъ.

„Учитель. Какіе вы знаете звуки? Первый? второй? третій? А вотъ я вамъ скажу цѣлое слово—волъ! Какой здѣсь звукъ: *а*, или *о*, или *и*? Воо-олъ! Ученики наиболѣе способные угадаютъ съ перваго раза. Если же никто не угадаетъ, то учитель долженъ сказать самъ. За третьимъ, четвертымъ словомъ всѣ начнутъ отгадывать, но сначала, конечно, не безъ ошибокъ. Для этихъ упражненій нужно брать односложныя слова и притомъ такія, въ которыхъ гласныя произносятся чисто. Вотъ нѣсколько такихъ словъ: котъ, полъ, конь, колъ, сонъ, соль, шагъ, макъ, шаръ, ракъ, садъ, тазъ, бичъ, линь, миръ, сигъ, чижъ“. „Въ томъ же порядкѣ слѣдуетъ знакомить дѣтей съ остальными гласными; но уже не по три, а по одной разомъ. Первое знакомство

должно быть съ тремя буквами, на томъ основаніи, чтобы дитя могло сравнивать звуки или буквы въ письмѣ, потому что только это сравненіе укореняетъ ихъ въ памяти. Если же вы хорошо укрепили въ дѣтской памяти первыя три буквы, или первые три звука, то продолжайте строить понемногу на этомъ прочномъ основаніи. Каждая новая буква и каждый новый звукъ, поступая въ число твердо замѣченныхъ, быстро усвояется дѣтьми; но дайте имъ опять разомъ три буквы или звука, и вы рискуете, что дѣти позабудутъ и то, что уже выучили. Это педагогическое правило, основанное на психологіи, приложимо не къ одному изученію азбуки, а вообще ко всякому изученію, гдѣ дѣйствуетъ такъ называемая механическая память. При каждомъ новомъ звукѣ, поступающемъ въ память дѣтей, вы повторяете всѣ прежніе, привязывая къ нимъ новый (это же самое должно дѣлать и при изученіи буквъ). За первыми тремя буквами, я совѣтую усвоивать *е*, *у*, *ы*, оставляя покуда *я*, *ю*, потому что это собственно двоегласныя буквы; протянувши *я*, вы слышите на концѣ *а*, а протянувши *ю*, вы слышите *у*,—что сбиваетъ дѣтей; такъ что эти звуки слѣдуетъ изучать въ двухсложныхъ словахъ, гдѣ дѣти могутъ сравнить и различить близкіе одинаковые звуки, напримѣръ, въ словѣ яма. Звукъ *ы* у насъ часто смѣшиваютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ звукомъ *и*, такъ что учителю придется потрудиться, чтобы усвоить дѣтямъ пониманіе различія между этими двумя звуками. Но при этомъ пусть онъ не забываетъ, что языкъ и слухъ формируются постепенно и что разомъ тутъ ничего не сдѣлаешь. Для отысканія звуковъ *е*, *у*, *ы*, я предлагаю слѣдующія односложныя слова: на звукъ *е*: день, щель, мѣдь, лещь, мѣлъ, лѣсъ, бѣгъ, лѣнь, жесть, печь, цѣль; на звукъ *у*: дубъ, жукъ, гужъ, зубъ, куль, лугъ, лучъ, сухъ, супъ, шумъ; на звукъ *ы*: быкъ, дымъ, пыль, мысль, быль, сынъ, тынъ, сычъ. Всѣ эти слова слѣдуетъ перемѣшивать такъ, чтобы дѣтямъ безпрестанно приходилось угадывать разные звуки, а не одинъ и тотъ же сряду“ [1]).

Правило педагогики требуетъ отъ обученія, чтобъ оно переходило отъ легчайшаго къ труднѣйшему. Гласные звуки произносятся легче согласныхъ, а потому слѣдуетъ начинать съ нихъ. Но это замѣчаніе вызывало слѣдующее возраженіе. Всякое начальное обученіе должно быть по возможности конкретнымъ, то-есть, цѣльнымъ, живымъ. Но что осмысленнаго найдетъ для себя ребенокъ въ комбинаціяхъ *ая*,

[1]) Родное Слово, Ушинскаго (Книга для учащихъ).

оя, *аю*? Чтобы примириться съ нашимъ отзывомъ о предпочтеніи гласныхъ буквъ въ началѣ изученія азбуки согласнымъ, слѣдуетъ сдѣлать уступку и не вводить на первыхъ же урокахъ комбинаціи изъ гласныхъ буквъ, не имѣющія смысла. Комбинаціи же *ау*, *ею*, *ея*, имѣютъ смыслъ, хотя относятся и къ гласнымъ буквамъ. Если мы предпочитаемъ начинать изученіе азбуки съ гласныхъ буквъ, то выигрываемъ въ томъ отношеніи, что приготовляемъ матеріалъ, пригодный для послѣдующихъ упражненій ученика. Иначе, имѣя въ распоряженіи своемъ одну или двѣ гласныя буквы, учитель по неволѣ долженъ ограничиться весьма незначительнымъ числомъ словъ, составляемыхъ изъ изучаемыхъ буквъ.

За изученіемъ гласныхъ буквъ, по способу, указанному Ушинскимъ, слѣдуетъ изученіе слiянія согласныхъ звуковъ съ гласными, какой-бы методѣ мы ни слѣдовали. Звуковой способъ представляетъ, конечно, менѣе затрудненій въ этомъ отношеніи, чѣмъ буквослагательный, съ своими двойными или тройными складами; но изученіе слiянія звуковъ пройдетъ и при этомъ способѣ не безъ затрудненій. Какъ же, спрашивается, ихъ избѣжать? Вотъ пріемъ, рекомендуемый для изученія слiянія звуковъ г. Бобровскимъ въ его „Руководствѣ къ обученію чтенію-письму по звуковому способу“ (М. 1873): „взявъ въ одну руку *с*, въ другую—*а* (изученные ранѣе отдѣльно, прибавимъ отъ себя для поясненія и въ комбинаціи *ас*, но послѣдняя, строго говоря, не можетъ быть названа слiяніемъ звуковъ, а вѣрнѣе сдвиганіемъ ихъ) и обративъ ихъ лицевою стороною къ ученикамъ, учитель заставляетъ учениковъ произнести ихъ поочередно. Затѣмъ, оставляя передъ учениками букву *с*,—букву *а* держитъ за нею такъ, чтобы они не видѣли ея, и говоритъ: „произнесите этотъ знакъ и тяните голосомъ, пока не увидите другого, а когда увидите, произнесите его“. При этомъ учитель медленно подвигаетъ букву *а* сзади и прибавляетъ ее къ *с*. Медленность въ этомъ случаѣ полезна потому, что дѣти крайне заинтересованы увидѣть скорѣе этотъ спрятанный знакъ и, замѣтивъ его, быстро произносятъ. Если же учитель поспѣшитъ показать имъ *а*,—то не возбудитъ тѣмъ вниманія учащихся. Смѣемъ увѣрить учителя, что употребляя эти пріемы съ терпѣніемъ и настойчивостью, онъ непремѣнно достигнетъ того, что ученики поймутъ слiяніе этихъ двухъ звуковъ и будутъ читать не ссс-а=са, а прямо безъ перерыва голоса ссса или ссо“. „Достигнувъ этого, учитель составляетъ слово *оса* и, отодвинувъ *о* отъ слога *са*, заставляетъ учениковъ произнести ихъ отдѣльно, а потому употребляетъ тотъ

же пріемъ „сдвиганія", чтобы облегчить дѣтямъ чтеніе этого слова. Потомъ они складываютъ его изъ подвижныхъ буквъ, произнеся предварительно знаки послѣдовательно другъ за другомъ" [1]).

Здѣсь мы должны будемъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Звуковая метода имѣетъ преимущество относительно слиянія звуковъ предъ буквослагательною. При звуковой методѣ не можетъ въ сліяніи звуковъ встрѣчаться тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаются при буквослагательной. Наибольшая трудность въ послѣдней предстоитъ при складахъ на е, ѣ и я. При складахъ на е и ѣ трудность будетъ состоять въ томъ, что по буквослагательному способу тутъ *е* дано ученику два раза, и онъ будетъ затрудняться въ откидываніи не нужнаго *е* болѣе, чѣмъ всякой другой гласной. Другая трудность будетъ состоять въ томъ, что такъ какъ *е*, *ѣ*, *ю* и *я* выговариваются какъ ье, ьѣ, ью и ья въ началѣ слова, то ученикъ будетъ складывать иногда: бе, е—бье; бе, ю—бью; бе, я—бья. Всѣхъ этихъ очень существенныхъ и важныхъ затрудненій не встрѣчается при употребленіи звуковой методы. Употребляемый нами съ пользою пріемъ для слиянія звуковъ оказался слѣдующій. Мы заставляли ученика произносить врознь двѣ буквы, *м* и *а*, напримѣръ, и потомъ говорили ему, чтобы онъ произносилъ ихъ скорѣе; послѣ трехъ или четырехъ упражненій въ болѣе скоромъ сопоставленіи этихъ двухъ звуковъ выходилъ одинъ слитный звукъ *ма*.

Послѣ изученія первыхъ сліяній звуковъ слѣдуетъ обратить вниманіе, какъ вести изученіе сливающихся звуковъ, въ какомъ порядкѣ? Приглашаемъ взглянуть на слѣдующую таблицу, въ которой представлена послѣдовательность буквъ при обученіи грамотѣ составителями различныхъ руководствъ.

Паульсонъ—о, и, с, а, н, д, у, г, п, л, р, ю, м, н, ч, ш, е, т, й, к, в, ц, ф, ь, х, ъ, щ, ы, з, я, б, ю, ж, ё, ѣ, э, і, ѳ.

Ушинскій—а, о, и, і, е (ѣ, э), у, ы я, ю, й, ё, с, л, в, ш, н, г, т, м, п, д, ц, ъ, ь, з, р, к, х, б, ж, ч, щ, ф, ѳ.

Шарловскій—о, и, ч, с, у ш, п, а, л, г, н, в, ы, т, р, з, с, м, я, д, б, к, щ, ц, э, х, ж, ф, ѳ, ѣ, й, ю, ъ, ь, ё, і.

Орбинскій—а, о, с, л, ш, и, р, ы, ѣ, е, ц, ч, ж, з, в, м, ф, ѳ, у, х, щ, я, н, г, к, д, т, э, п, б, ю, ъ, ь, й.

---

[1]) Руководство къ обученію чтенію-письму по звуковому способу, С. Бобровскаго. М. 1873 г., стр. 31 и 32.

Резенеръ и Волковъ—а, м, ш, с, и, у, ч, х, ж, р, в, п, б, т, л, г, к, з, н, о, е, ѣ, э, ч, ь, й, я, ю, ы, г, щ, ф, ѳ.

Корфъ—а, м, ш, о, к, у, р, и, і, ж, ч, с, д, б, г, в, л, н, п, т, ѳ, ф, х, ц, щ, ы, е, ѣ, э, ё, ю, я, ъ, ь, й.

Какой бы порядокъ ни былъ принятъ, сообразно съ нимъ и должны быть подбираемы слова, на основаніи которыхъ ученики узнаютъ отдѣльные звуки. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы буквы полугласныя ъ и ь не являлись на первыхъ урокахъ (хотя не слѣдуетъ также откладывать ихъ изученіе до конца азбуки); чтобы въ первыхъ словахъ, которыя дѣтямъ придется разлагать, звуки явственно разлагались и означались буквами не сливающимися при связномъ письмѣ, и чтобы буквы, состоящія изъ болѣе простыхъ и легкихъ чертъ (*и*, *с*), предшествовали буквамъ болѣе сложнымъ (*м*, *ф*).

Сокращать и растягивать время упражненій будетъ зависѣть совершенно отъ учителя, но, во всякомъ случаѣ, онъ долженъ держаться того правила, что никакъ не слѣдуетъ приступать къ ознакомленію учениковъ съ новыми буквами, пока они не усвоили себѣ въ совершенствѣ предыдущихъ и не научились свободно читать всевозможныя слова, составленныя изъ сочетаній ихъ.

Изъ помѣщенной выше таблицы видно, что порядокъ размѣщенія алфавита составляетъ спорный вопросъ. Здѣсь всего болѣе вводится личнаго вкуса и личнаго мнѣнія. Научное размѣщеніе звуковъ, по степени ихъ трудности въ произношеніи, на основаніи, напримѣръ, физіологическихъ данныхъ, еслибы и было возможно, то имъ остались бы довольны только тѣ учители, которые отдѣляютъ чтеніе отъ письма, а не сливаютъ оба эти процесса, какъ слѣдуетъ дѣлать, въ одно цѣлое. При соединенномъ же обученіи чтенію и письму затрудненіе въ размѣщеніи алфавита увеличивается еще отъ того, — не трудна ли будетъ данная буква для изображенія ея письменно? Легкая для произношенія буква можетъ быть трудною для письма, и наоборотъ. По этому вопросу не можетъ быть никакого удовлетворительнаго рѣшенія.

„Не слѣдуетъ элементарное обученіе грамотѣ, говоритъ Диттесъ, дѣлать повсюду однообразнымъ; разныя комбинаціи подробностей и пріемовъ въ методѣ письма-чтенія вполнѣ возможны и могутъ имѣть мѣсто. Тѣ начальные учители, которые слѣдуютъ генетической методѣ въ изученіи буквъ, то-есть, переходятъ отъ буквы къ буквѣ сообразно трудности или легкости ихъ начертанія и сходства, являются педантами, потому что опытъ учитъ насъ, что дѣти и при менѣе

систематическомъ обученіи легко подвигаются впередъ и безъ труда научаются читать и писать, легко усвоивая буквы крупнаго шрифта, не окончивъ еще прописныя" [1]).

Нѣтъ причины долго откладывать съ дѣтьми знакомство съ полугласною *й*: эту полугласную возможно будетъ ввести въ дѣло тотчасъ, какъ скоро учениками выучено столько буквъ, что возможно будетъ составлять сравненія изъ словъ въ родѣ слѣдующихъ: мои, мой; твои, твой; свои, свой; сарай, сараи; клеи, клей; рои, рой; заика, зайка. Ученикамъ слѣдуетъ объяснить, что звукъ *и* въ словахъ мой, твой, свой и др. такъ коротокъ, что сливается съ предыдущимъ *о* въ одинъ звукъ ой, что ай, ой, ей составляютъ одинъ звукъ, изображаемый только двумя буквами.

Особенное вниманіе при обученіи грамотѣ слѣдуетъ обратить на наростаніе согласныхъ, представляющихъ для начинающихъ читать не мало затрудненій (*ш*мель, *ст*рахъ, *вск*рыть и т. п.). Намъ кажется, что при наростаніи согласныхъ слѣдуетъ сначала упростить сліяніе звуковъ, заставивъ произносить одну согласную съ слѣдующею за нею гласною, потомъ, когда первый слогъ обозначился ясно, прибавить къ нему вторую согласную и, затѣмъ, третью. Сдѣлать изъ сложной задачи нѣсколько простыхъ—значитъ удачно разрѣшить такую задачу. Если сліяніе звуковъ между одною согласною и одною гласною изучено на предварительныхъ упражненіяхъ вѣрно, то прибавленіе одного лишняго звука передъ согласною не можетъ встрѣтить особыхъ затрудненій. Кто умѣетъ сложить *ро*, тотъ не затруднится съ прибавкою третьяго звука *т* къ двумъ предыдущимъ произнести *тро*; сложивши же *тро* легче перейдти къ слѣдующей комбинаціи, образующейся съ прибавкою новаго звука *с*,—*стро* (въ словѣ строгій, напримѣръ). Для начинающихъ не слѣдуетъ только при каждой подобной комбинаціи прибавлять болѣе одной трудности за разъ.

Одну изъ главныхъ трудностей для правильнаго чтенія и писанія на русскомъ языкѣ составляютъ предлоги. Всякій ученикъ при чтеніи проглатываетъ короткіе предлоги, какъ о, у, съ, къ, въ, и отъ этого теряетъ смыслъ читаемаго, а при писаніи соединяетъ предлоги съ тѣми словами, какія стоятъ послѣ. Прежде всего слѣдуетъ сказать ученику, что коротенькія слова—о, въ, къ, и т. п.—такія же особен-

[1]) Methodik der Volksschule. Auf geschichtlicher Grundlage. Von D-r F. Dittes. Leipzig. 1874. S. 159.

ныя слова, какъ и самыя длинныя. Большею частью, понявъ, что бываютъ коротенькія, особенныя слова, ученикъ начинаетъ при писаніи дѣлать обратную ошибку, то есть, отставляетъ предлоги отъ глаголовъ и нарѣчій: на-питься, и даже съ-нѣгъ. Для избѣжанія этихъ ошибокъ нужно обратить вниманіе ученика на то, что отъ примѣненія того или другаго предлога — различно измѣняются послѣдующія слова. Для этой цѣли нужно дать ученику много примѣровъ на каждый изъ употребительнѣйшихъ предлоговъ, и главное—заставить его самого составить изреченія на заданные предлоги. Напримѣръ, скажи мнѣ что нибудь, гдѣ бы было слово на, или къ, и съ, и т. п.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, касающихся обученія чтенію, перейдемъ къ выбору руководительной книги для ученика при обученіи азбукѣ. Намъ кажется, что книга Бунакова „Обученіе грамотѣ", съ ея приложеніями („Уроки чтенія"), можетъ служить въ настоящее время хорошимъ руководствомъ для обученія азбукѣ. Она отвѣчаетъ многимъ требованіямъ, которыя обязательны при раціональномъ изученіи азбуки. Въ современной педагогикѣ, напримѣръ, обученіе грамотѣ и „наглядное обученіе" составляютъ нераздѣльное цѣлое. Г. Бунаковъ не упустилъ этого изъ виду. Сначала у него идетъ разговоръ учителя съ дѣтьми о предметѣ, находящемся передъ ихъ глазами и доступномъ ихъ непосредственному наблюденію; въ случаѣ необходимости, дѣйствительный предметъ замѣняется изображеніемъ его, картинкою. Нѣкоторые разговоры только длинны и слишкомъ учены. Потомъ г. Бунаковъ отъ изученія предмета обращается къ слову, къ названію предмета, и разлагаетъ его на звуки. Далѣе идетъ разговоръ о звукахъ, сравненіи и разнообразномъ сочетаніи ихъ, подборъ словъ съ знакомыми звуками, изображеніе ихъ печатными буквами и писаніе элементовъ слова подъ тактъ.

Если намъ скажутъ, почему мы рекомендуемъ книгу г. Бунакова, когда считается лучшею книгой для дѣтей „Родное Слово" Ушинскаго, на это отвѣтимъ, что г. Бунаковъ дополняетъ содержаніе и исправляетъ недостатки книги Ушинскаго, и то, что у послѣдняго оставлено безъ дальнѣйшаго развитія и находится, такъ сказать, только въ зародышѣ, у г. Бунакова подробно развито и приведено въ систему. У Ушинскаго на изученіе азбуки назначается пять, шесть страничекъ; у г. Бунакова—цѣлая книжка. Г. Бунаковъ въ главномъ не только не противорѣчитъ Ушинскому, но развиваетъ далѣе его

мысль. Послѣ пріобрѣтенія умѣнья читать, „Родное Слово“, какъ первая послѣ азбуки книжка для чтенія — незамѣнимая книга.

Пріемы изученія по звуковой методѣ — бесѣда о предметѣ, изученіе его звуковъ и письмо ихъ — въ настоящее время, по своей раціональности, входятъ въ нашихъ школахъ во всеобщее употребленіе. Они составляютъ содержаніе нѣсколькихъ азбукъ, хотя не въ каждой, ихъ можно встрѣтить всѣ вмѣстѣ. Изъ такихъ азбукъ съ звуковыми упражненіями особенаго вниманія заслуживаетъ „Письмо-чтеніе. Руководство для учащихъ, изд. 2. 1873 г.“ Эта книга переработана по книгѣ Любена и представляетъ уроки чтенія и письма по звуковому методу. Каждый урокъ, по мысли Любена, долженъ состоять изъ трехъ частей: а) бесѣды о предметѣ; б) разложенія слова на звуки, и в) рисовка звука. Такимъ урокомъ, который вполнѣ отвѣчалъ бы этой программѣ, слѣдуетъ назвать, къ сожалѣнію, только первый—(объ ухѣ), другіе же содержатъ въ себѣ такія краткія указанія, которыя неизвѣстно даже, какъ будутъ поняты нашими неумѣлыми учителями.

„е“.

«Письмо-чтеніе, имѣетъ, кромѣ того, тотъ важный недостатокъ, что разлагаетъ не слова на звуки, а слоги на звуки. Послѣдніе не имѣютъ ровно никакого значенія. Напримѣръ, ис, си, со, сои и т. п. Учить въ такомъ порядкѣ соединенію звуковъ, значитъ учить, по старому, складамъ. Во 2-хъ, до 27-го урока это руководство не употребляетъ знаковъ ъ и ь, слѣдовательно, зная всѣ буквы, ученикъ не въ состояніи будетъ сложить словъ: кладь, цѣпь, кровь, тронь, уголь, и не будетъ знать разницы между этими словами и другими: кладъ, цѣпъ, кровъ, тронъ, уголъ. Звуки ъ и ь не могутъ быть отбрасываемы произвольно, потому что у насъ нѣтъ словъ безъ нихъ ни въ одной книгѣ. Переходъ къ нимъ, послѣ долгаго промежутка времени, когда намѣренно скрывали ихъ употребленіе и пріучали учениковъ обходиться безъ нихъ и писать: нож, муж, сторож, один раз, будетъ болѣе затруднительнымъ, чѣмъ выучить съ перваго же раза писать: ножъ, мужъ, сторожъ, одинъ разъ и т. п. Лучшія страницы „Письма-чтенія“ принадлежатъ предисловію. Образцовый урокъ Любена, состоящій изъ бесѣды о словѣ „ухо“, разложенія этого слова на звуки и его изображенія заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны начинающаго педагога.

Уроки г. Бунакова: оса, колосъ, утка, песокъ, лиса, сорока, мука,

мясо, вода, ледъ, мыло, соль, человѣкъ, люди, кожа, голова, лицо, глаза, руки и ноги, ротъ, губы, зубы, шея, туловище, Ѳома, Филиппъ—представляютъ постепенное развитіе рекомендуемой нами методы „письма-чтенія", проведенное практически и совершенно согласно съ основною идеею. Раздѣленіе г. Бунаковымъ учебнаго матеріала на концентрическіе курсы, вмѣсто обычнаго повторенія, мы признаемъ, впрочемъ, довольно искусственнымъ. Въ рукахъ неумѣлаго учителя концетрическіе курсы могутъ служить только помѣхою. Въ этихъ урокахъ къ сожалѣнію, мало обращено вниманія на письмо звуковъ по темпамъ. Для пополненія этого пробѣла слѣдуетъ пользоваться каждый разъ стр. 6 „Письма-чтенія". Здѣсь, по числу тактируемыхъ частей, звуки распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Въ 1 тактъ: іег,
— 2 такта: ипрунльчвсадбѵз,
— 3 такта: шцткмяыъюэѳф,
— 4 такта: щѣх,
— 5 тактовъ: ж.

Знакомя такимъ образомъ съ „Письмомъ-чтеніемъ", слѣдуетъ на первыхъ порахъ дать уразумѣть ребенку знаки, изображающіе запятую и точку, что пропущено г. Бунаковымъ безъ вниманія; во вторыхъ—назначить нѣсколько уроковъ на поясненіе мягкихъ и твердыхъ окончаній, въ словахъ одноозвучныхъ преимущественно, напримѣръ, братъ, брать, конь, сокъ, воръ, корь, глубь, дубъ, ранѣе, чѣмъ это дѣлается обыкновенно; ознакомить съ раздѣлительными ъ и ь (ѣсть—съѣсть, ледъ — льетъ); ознакомить съ употребленіемъ й, иначе затрудняется чтеніе самыхъ простыхъ словъ, и, наконецъ, побольше дать упражненій на тройные склады (классъ, крикъ, трутъ и т. п.) Послѣднее замѣчаніе относится къ стр. 5 и 6 первой книжки, составленной г. Бунаковымъ для дѣтей, знающихъ только 12 буквъ.

Справедливо замѣчено было, что учить слѣдуетъ только тому, что самъ знаешь хорошо. Относя это замѣчаніе къ обученію чтенію, слѣдуетъ требовать отъ учителя умѣнья хорошо читать. Потому на педагогическихъ курсахъ, назначаемыхъ для народныхъ учителей, классъ чтенія для самихъ учителей я считаю совершенно необходимымъ. Этотъ классъ можетъ устроиться такитъ образомъ, что лучшіе чтецы изъ самихъ учителей, по выбору руководителя, читаютъ назначенную статью, а остальные слушаютъ и потомъ воспроизводятъ способъ чтенія первыхъ; нужно, чтобы при этомъ имѣли мѣсто за-

мѣчанія и бесѣды, способствующія развитію и разъясненію способа лучшаго метода чтенія.

Въ предѣлахъ начальнаго чтенія умѣнье правильно произносить и писать буквы имѣетъ особенную важность. Какъ научить ученика произносить слова по принятому у насъ говору и въ чемъ заключаются главнѣйшія измѣненія между письмомъ слова и его произношеніемъ—это очень важный вопросъ. Главнѣйшія изъ этихъ измѣненій слѣдующія: 1) о въ а, 2) б въ п, 3) в въ ф, 4) з въ с, 5) г въ х, 6) г въ к, 7) ч въ ш, 8) д въ т, 9) я въ е, 10) ж въ ш, 11) тся и ться въ ца, 12) к въ х, 13) г въ в, 14) а въ о, 15) с въ з, 16) и въ ы, 17) ій въ ой, 18) а въ е, 19) ый въ ой 20) ій въ ей. Ученикъ еще прочтетъ иногда правильно (если угадаетъ удареніе) слово, пишущееся не такъ какъ оно выговаривается; но всякій ученикъ напишетъ: мнѣ хочеца, малако, а не „хочется", „молоко", и потому надобно обратить его вниманіе на различіе письма и произношенія. Заставляйте ученика читать упражненія четвертаго отдѣла азбуки графа Л. Н. Толстаго (IV, стр. 31—59), выговаривая верхнюю букву, обращайте его вниманіе на то, какъ слово пишется и какъ выговаривается и какъ не должно писаться, и тамъ, гдѣ это возможно, въ примѣрахъ, и вы достигнете желаемаго результата—научить ученика правильному общепринятому въ образованномъ кругу чтенію. Азбука графа Толстаго остается все таки необходимою книгой для руководства самого учителя, а составленная авторомъ хрестоматія безспорно должна считаться лучшею въ этомъ родѣ изъ всѣхъ имѣющихся на русскомъ языкѣ. Графа Л. Н. Толстаго отличаетъ передъ другими талантъ, а его не пріобрѣтешь никакими усиленными занятіями. Нельзя не пожалѣть, что графъ Толстой принялся за составленіе своей азбуки съ предвзятою идеею и не оцѣнилъ должнымъ образомъ выгоды новаго способа обученія грамотѣ. Съ его любовью къ дѣлу народнаго образованія, съ его талантомъ и отличнымъ педагогическимъ тактомъ, онъ могъ бы затмить собою всѣхъ нашихъ педагоговъ.

Н. Овсянниковъ.

Нижній Новгородъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАНЯТІЯ ВЪ ÉCOLE DES CHARTES И ВЪ ÉCOLE DES HAUTES ÉTUDES ВЪ ПАРИЖѢ.

Въ письмѣ своемъ изъ Геттингена я обѣщалъ заняться характеристикой метода историческихъ упражненій въ Ecole des chartes. Не смотря на недостаточность въ то время моего знакомства съ этою школой, я уже и тогда выразилъ предположеніе, что въ ней дѣло поставлено гораздо раціональнѣе и систематичнѣе, чѣмъ въ историческихъ семинаріяхъ при Геттингенскомъ университетѣ; теперь же, по прошествіи цѣлаго года наблюденій, надѣюсь представить достаточныя доказательства въ пользу моего вывода.

По своему возрасту Ecole des chartes не старѣе нѣмецкихъ историческихъ семинарій. Если послѣднія обязаны своимъ существованіемъ главнымъ образомъ Л. Ранке, устроившему въ 20 годахъ семинарію при Берлинскомъ университетѣ, то и дѣйствительное существованіе Школы грамотъ не восходитъ далѣе 1822 г. Правда, мысль объ ея учрежденіи высказана была нѣсколько ранѣе, возникали различные проэкты, но они не приводились въ исполненіе. Ecole des chartes можно даже, пожалуй, назвать преемницей знаменитой конгрегаціи св. Мавра, уничтоженной во время революціи. Съ уничтоженіемъ конгрегаціи прекратились и всѣ начатыя ею ученыя изданія памятниковъ и ихъ обработки по исторіи Франціи. Наполеонъ желалъ возобновить продолженіе научныхъ изданій, но возстановленіе самой конгрегаціи считалъ почему-то невозможнымъ. Вести дѣло изданія при недостаткѣ лицъ, хорошо подготовленныхъ къ изученію памятниковъ, не было никакой возможности. Императоръ мечталъ о замѣнѣ бенедиктинцевъ-монаховъ бенедиктинцами міранами, и вотъ въ это-то время въ пер-

вый разъ составленъ былъ барономъ Жерандо проэктъ учрежденія École des chartes. Естественно, что этотъ проэктъ, какъ первый опытъ, былъ плохо развитъ, и Наполеонъ, одобривъ его идею, не утвердилъ однако самого проэкта. Это было въ 1806—7 году. Послѣдовавшія затѣмъ политическія замѣшательства, перевороты, войны отвлекли вниманіе правительства отъ проэкта Жерандо, да и самъ авторъ не рѣшался напомнить о немъ до 1819 г. Представленный имъ новый проэктъ имѣлъ уже болѣе тѣсныя, но за то и болѣе опредѣленныя рамки. Хотя и этотъ проэктъ опять не былъ утвержденъ, но за то при Academie des inscriptions были открыты курсы для небольшаго числа стипендіатовъ, которые должны были учиться подъ руководствомъ профессоровъ читать и копировать средневѣковые памятники. День изданія указа объ открытіи этихъ курсовъ справедливо считается днемъ рожденія École des chartes (22-го февраля 1822 г.) [1]. Первое время курсы шли крайне неудовлетворительно: трудно было найдти желающихъ посѣщать ихъ, такъ какъ впереди слушателямъ не указывалось никакого опредѣленнаго назначенія; самое обученіе простому чтенію и копировкѣ граматъ не могло удовлетворять любознательности студентовъ и наводило на нихъ скуку. Эти существенныя неудобства курсовъ хорошо понялъ Гизо, принявшій тогда портфель министра народнаго просвѣщенія. Онъ пересмотрѣлъ старые проэкты Жерандо, вошелъ въ сношеніе съ институтомъ и общими усиліями создалъ болѣе прочную организацію École des chartes. Теперь рѣшено было воспитанникамъ школы предоставлять мѣста въ архивахъ и библіотекахъ, гдѣ они могли бы приложить къ дѣлу свои свѣдѣнія, вынесенныя изъ школы; вмѣсто простаго чтенія и копированія памятниковъ рѣшено было пріучить студентовъ къ умѣнью оцѣнивать ихъ, комментировать во всевозможныхъ отношеніяхъ и издавать. Для достиженія послѣдней цѣли рѣшено было основать при École des chartes особый журналъ, гдѣ профессора и студенты могли бы помѣщать свои работы по памятникамъ. Идеи Гизо до сихъ поръ служатъ основаніемъ организаціи школы, хотя практическое ихъ выполненіе и не сразу удалось. Студенты, вышедшіе изъ школы послѣ этихъ реформъ (1829—30 г.), неоднократно жаловались, что имъ

---

[1]) L. Gautier. Quelques mots sur l'étude de paleographie. Paris, 1864. Авторъ въ началѣ даетъ бѣглый очеркъ исторіи École des chartes; большія подробности и документы можно найдти въ Bibliotheque de l' École des chartes, разбросанные по различнымъ книжкамъ этого журнала.

отказываютъ въ мѣстахъ архивистовъ и библіотекарей; правительство, съ выходомъ Гизо изъ министерства, скупилось на отпускъ необходимыхъ средствъ на изданіе журнала, и Bibliothèque de l'École des chartes стала выходить лишь съ 1839 г.; въ самомъ распредѣленіи курсовъ въ школѣ не было прочности и систематичности, такъ что въ 1846 г. понадобилась новая реорганизація École des chartes; только съ этого года и можно считать начало существованія школы въ ея настоящемъ видѣ.

Цѣлію школы граматъ выставляется—приготовить ученыхъ библіотекарей и архивистовъ. которые не были бы простыми хранителями поручаемыхъ имъ сокровищъ, но умѣли бы или сами пользоваться ими для науки, или, покрайней мѣрѣ, привести ихъ въ такое положеніе, чтобы каждый ученый изслѣдователь могъ легко найдти все то, надъ чѣмъ онъ намѣренъ работать. Самый драгоцѣнный матеріалъ въ этомъ случаѣ представляютъ всякаго рода письменные памятники: граматы, акты, рукописи всевозможныхъ произведеній. Чтобы разсортировать ихъ по извѣстнымъ рубрикамъ, прежде всего нужно ихъ прочесть и понять. Бо̀льшая часть памятниковъ написана на латинскомъ и старофранцузскихъ нарѣчіяхъ; значитъ, чтобы понять памятники, нужно знать эти языки. Далѣе, архивы и библіотеки переполнены актами, изданными различными административными, судебными, церковными учрежденіями; чтобы понять содержаніе подобныхъ актовъ, нужно имѣть свѣдѣнія объ исторіи этихъ учрежденій, объ употреблявшихся въ нихъ формахъ письмоводства. Наконецъ, въ библіотекахъ и архивахъ хранится много вещественныхъ памятниковъ древности: печатей, монетъ, различныхъ произведеній орфеврери и т. п. И тутъ опять хранитель обязанъ умѣть оцѣнить каждый изъ подобныхъ предметовъ и раздѣлить ихъ по извѣстнымъ отдѣламъ. Сообразно со всѣмъ этимъ и самые курсы въ École des chartes, подготовляющей такихъ ученыхъ хранителей, раздѣлены на три года; на первомъ курсѣ имъ читаютъ палеографію и классификацію архивовъ и библіотекъ; на второмъ—романскія нарѣчія и дипломатику, на третьемъ—исторію административныхъ и судебныхъ учрежденій и археологію Впрочемъ это идеальное дѣленіе на курсы не вполнѣ соблюдается на практикѣ: классификація архивовъ и романскія нарѣчія читаются на первомъ и на второмъ курсѣ; исторія администраціи отдѣлена отъ исторіи суда и притомъ читается не на третьемъ курсѣ, а на второмъ.

Отъ этихъ общихъ предварительныхъ замѣчаній относительно

École des chartes я обращусь теперь къ характеристикѣ самого метода занятій въ ней; я буду держаться естественнаго порядка по курсамъ и начну съ перваго.

На первомъ курсѣ въ École des chartes читались при мнѣ: палеографія, романскія нарѣчія и классификація архивовъ и библіотекъ. Палеографію преподавалъ Леонъ Готье. Въ ученомъ мірѣ онъ извѣстенъ своимъ обширнымъ трудомъ о средневѣковомъ французскомъ эпосѣ и изданіемъ пѣсни о Роландѣ. Оба эти труда увѣнчаны преміей. Леону Готье предоставлено, такъ сказать, ввести новыхъ студентовъ въ кругъ занятій школы, познакомить съ ея цѣлью, методомъ, значеніемъ, и нужно отдать ему честь — онъ мастерски выполняетъ свою задачу. Онъ хорошо понялъ, что имѣетъ дѣло съ юношами, которые совершенно незнакомы съ тѣмъ дѣломъ, за изученіе котораго принимаются, и потому не стѣсняется руководить ихъ во всемъ, контролируетъ ихъ занятія со строгостію, употребляемою въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ даже прямо началъ съ того, что приказалъ студентамъ нарѣзать клочки бумаги въ $^1/_{16}$ долю листа, на которыхъ они должны отмѣчать всѣ его объясненія по поводу читаемыхъ граматъ. Совѣтъ, дѣйствительно, въ высшей степени практичный: отмѣчать въ одной общей тетради всѣ его указанія относительно способовъ написанія извѣстныхъ буквъ по вѣкамъ, извѣстныхъ способовъ сокращенія словъ и т. п. было бы крайне неудобно; пришлось бы самому запутаться въ своей тетради, тогда какъ бумажки всегда можно расположить въ какой угодно системѣ. Самый курсъ Л. Готье былъ чисто практическій. Онъ прямо далъ въ руки студентамъ снимки съ граматъ XI вѣка, какъ написанные болѣе четкимъ и яснымъ уставнымъ письмомъ, и заставилъ ихъ читать подъ своимъ руководствомъ. Въ École des chartes находится большое количество подобныхъ снимковъ и притомъ въ достаточномъ числѣ экземпляровъ, такъ что каждый читалъ по своему экземпляру. Читать всѣ должны были поочередно, причемъ требовалось строгое вниманіе, ибо всякій долженъ былъ продолжать съ того, на чемъ остановился его сосѣдъ. Сперва на долю каждаго доставалось прочесть одну, двѣ строки, а потомъ, когда извѣстный навыкъ былъ уже пріобрѣтенъ, читали и больше и притомъ останавливались не въ концѣ строки, а въ концѣ извѣстной фразы памятника. Первую грамату читали безъ всякаго предварительнаго приготовленія и потому естественно затруднялись даже на самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ сокращеніяхъ; Готье немедленно разрѣшалъ недоумѣніе и тотчасъ же указывалъ глав-

ныя правила, которыхъ придерживались въ средніе вѣка при сокращеніи словъ. Онъ писалъ на доскѣ примѣры сокращеній въ падежныхъ и глагольныхъ окончаніяхъ, перечислялъ слова, которыя не пишутся иначе, какъ сокращенно (напримѣръ: deus, dominus, sanctus, noster и т. п.). Особенно много было ему хлопотъ съ сокращеніями тѣхъ словъ и частицъ, которыя представляютъ большое сходство въ написаніи (напримѣръ: per, pro, quod, quia, quam, quoniam, non, nec, nisi и т. под.). Въ продолженіе перваго мѣсяца ему приходилось указывать на ихъ различіе чуть не на каждой лекціи, а первое время—даже по нѣскольку разъ въ одинъ часъ. Гораздо легче усвоивали студенты сокращенія окончаній словъ (ibus, orum, us, tur и пр.). Не мало хлопотъ стоило Готье пріучить студентовъ читать числительныя въ датахъ граматъ и въ перечняхъ различныхъ суммъ и переводить римскія календарныя даты, употреблявшіяся въ средніе вѣка, на современный способъ выраженія. Онъ писалъ на доскѣ таблицы календарей и указывалъ способъ счета по нимъ сравнительно съ настоящимъ, перечислялъ монеты, употреблявшіяся въ средніе вѣка во Франціи и даже приносилъ нѣсколько экземпляровъ ихъ изъ нумизматическаго кабинета.

Какъ скоро грамата была прочтена, Готье приступилъ къ анализу, указалъ на части, которыя можно отмѣтить въ ней (invocation, suscription, exposition, souscription и пр.) и на ихъ не одинаковое значеніе для оцѣнки памятника. Всѣ эти замѣчанія студенты должны были записывать на бумажки; Готье строго требовалъ этого; иногда его объясненія переходили даже въ простую диктовку студентамъ, съ повтореніемъ по нѣскольку разъ одной и той же фразы. Послѣднее, скажу мимоходомъ, было дѣломъ очень и очень не лишнимъ: почтенный профессоръ говоритъ и даже диктуетъ слишкомъ быстро, чтобы можно было успѣть записать за нимъ.

На первомъ урокѣ Готье поступалъ съ студентами, какъ съ дѣтьми, не умѣющими шагу ступить безъ его помощи; на второмъ было уже не то. Онъ заранѣе говорилъ, какую грамату намѣренъ читать въ слѣдующій разъ и требовалъ, чтобы студенты подготовились. Экземпляры граматы находились въ библіотекѣ, гдѣ каждый могъ заранѣе прочесть и анализировать ихъ, какъ умѣлъ, на основаніи правилъ, сообщенныхъ ему на первомъ урокѣ. Такъ какъ съ каждымъ урокомъ количество сторонъ, съ которыхъ можно изучать грамату, все увеличивалось, то и приготовленіе къ уроку постепенно дѣлалось все болѣе и болѣе разнообразнымъ. Скоро вмѣсто одной граматы

приходилось прочесть двѣ, три, а подъ конецъ—даже шесть, восемь. Граматы уставнаго письма мало по малу замѣнились скорописными романскаго и готическаго алфавита; къ граматамъ на латинскомъ языкѣ прибавились граматы на старофранцузскомъ и провансальскомъ съ ихъ діалектами. Въ перемежку съ граматами стали читать снимки съ рукописей средневѣковыхъ поэтическихъ и прозаическихъ произведеній. Чѣмъ ближе къ XV вѣку, тѣмъ все труднѣе и труднѣе становилось читать памятники: писцы перемѣшиваютъ буквы алфавитовъ, придумываютъ новыя формы сокращеній, часто не придерживаясь никакихъ опредѣленныхъ правилъ; при поспѣшности письма они пропускаютъ слова, дѣлаютъ граматическія ошибки, сливаютъ слова вмѣстѣ, такъ что требуется хорошеее знакомство съ формами тогдашняго письмоводства, чтобы разобрать всѣ ихъ каракули. Помимо этихъ трудностей письма, студенту приходилось справляться и съ трудностями языка памятника и анализа его содержанія. Если грамата была латинская, онъ долженъ былъ умѣть перевести ее на французскій языкъ; если старофранцузская, то на современный. Готье высказывалъ даже желаніе, чтобы студенты пріучались къ переводу латинскихъ граматъ на старофранцузскій и на оборотъ, но особенно не настаивалъ на этомъ. Латинизованныя собственныя имена лицъ и мѣстъ нужно было передавать въ современной ихъ формѣ. Этимъ, однако, дѣло приготовленія далеко не оканчивалось. Если грамата была королевская, нужно было справиться о времени жизни короля и о главныхъ событіяхъ его правленія; если сеніоріальная, то о судьбѣ фамиліи, которой принадлежала она; если епископская или монастырская, то о судьбѣ лицъ, отъ имени которыхъ издана грамата. Студентамъ заранѣе были указываемы книги, гдѣ они могутъ навести нужныя справки, даже способъ производить ихъ. Во время подготовки къ лекціи словари Дюканжа, Литре, различныхъ романскихъ нарѣчій, Gallia christiana не выходили изъ рукъ студентовъ. За этими чисто историческими справками слѣдовали географическія: нужно было въ словаряхъ департаментовъ и на картѣ пріискать тѣ мѣста, какія попадались въ памятникахъ,—хронологическія: нужно было провѣрить, точно ли обозначенъ годъ, такъ какъ счетъ въ средніе вѣка начала года былъ не вездѣ одинъ и тотъ же,—археологическія: относительно различныхъ техническихъ названій должностей, пошлинъ, повинностей, налоговъ, костюмовъ и пр. Студентъ долженъ былъ всегда имѣть отвѣтъ на готовѣ, хотя вопросъ предлагался и не особенно часто. При такомъ многостороннемъ приготов-

ленія къ уроку, на долю профессора выпадало подъ конецъ курса лишь поправлять ошибки, пополнять пробѣлы, систематизировать памятники, назначаемые для чтенія. Желая перейдти отъ одного вѣка къ другому, отъ граматъ одного діалекта къ граматамъ на другомъ, Готье всегда устраивалъ нѣчто въ родѣ экзамена. Онъ приносилъ съ собою извѣстное количество граматъ, неизвѣстныхъ студентамъ, и заставлялъ ихъ читать при себѣ, разумѣется, безъ приготовленія. Тутъ на долю каждаго приходилось прочесть всю грамату; другой студентъ долженъ былъ слѣдить за ошибками читавшаго и, по окончаніи чтенія, указать на нихъ. Профессоръ былъ доволенъ, если дѣлалось не болѣе двухъ-трехъ ошибокъ. Кромѣ чтенія и перевода и нѣкоторыхъ филологическихъ замѣчаній отъ студента ничего болѣе не требовалось при подобныхъ экзаменахъ.

При такого рода занятіяхъ студенты въ теченіе академическаго года, имѣя всего двѣ лекціи въ недѣлю, успѣли выучиться очень порядочно читать памятники до XVI вѣка. Помимо подготовленія къ лекціямъ, желающіе могли читать средневѣковые памятники или въ фотографическихъ снимкахъ, цѣлые томы которыхъ всегда готовы къ ихъ услугамъ въ библіотекѣ школы, или въ національномъ архивѣ, куда имъ былъ открытъ свободный доступъ для занятій. Имѣя въ недѣлю всего 5 лекцій, студентъ дѣйствительно можетъ работать самостоятельно, пользуясь указаннымъ ему методомъ.

Курсъ Леона Готье былъ настоящимъ введеніемъ въ изученіе древностей французской исторіи. Готье давалъ однѣ чисто элементарныя свѣдѣнія, филологическія, дипломатическія, юридическія, археологическія. Ему не было ни времени, ни нужды входить въ подробныя объясненія. Всѣ его замѣчанія отличались чисто словарною краткостію и точностію и совершенно напоминали тѣ свѣдѣнія, какія можно извлечь изъ справочныхъ книгъ. Онъ давалъ и отмѣчалъ факты, не заботясь ни объ ихъ происхожденіи, ни о связи, ни о значеніи въ ряду другихъ. Перечисляя, напримѣръ, по поводу слова servicia, различныя формы барщины, онъ и не думалъ останавливаться на вопросѣ о происхожденіи крѣпостныхъ отношеній и ихъ постепенномъ видоизмѣненіи въ средніе вѣка. Онъ касался лишь тѣхъ сторонъ средневѣковаго быта, на которыя наталкивался случайно. При выборѣ граматъ для чтенія онъ руководился одними исключительно палеографическими цѣлями. Такимъ образомъ къ концу года у студентовъ скоплялось множество разнообразныхъ фактовъ, но въ систему безъ пробѣловъ можно было привести однѣ замѣтки о по-

степенномъ видоизмѣненіи формъ письма въ средніе вѣка; за то у нихъ были теперь въ запасѣ данныя, истинную цѣну которыхъ они поймутъ на другихъ курсахъ.

Если Л. Готье изучалъ съ студентами письмо средневѣковыхъ памятниковъ, то Монтеглонъ, читавшій классификацію архивовъ и библіотекъ, указывалъ имъ, какъ слѣдуетъ хранить и сортировать ихъ. Въ его курсъ входило, такъ сказать, изложеніе способа веденія хозяйства въ архивахъ и библіотекахъ: онъ указывалъ, какъ слѣдуетъ располагать въ залахъ книжные шкафы, чтобы они, по возможности, занимали меньше мѣста и лучше были освѣщены, какъ слѣдуетъ устраивать картоны для храненія граматъ; какъ обращаться съ тѣми граматами, при которыхъ есть хрупкія восковыя печати; какъ слѣдуетъ хранить планы, карты, не помѣщающіеся по своей величинѣ въ обыкновенныхъ шкафахъ. Такъ какъ способъ сохраненія документовъ не рѣдко зависитъ отъ того, на какомъ матеріалѣ они написаны, въ какомъ видѣ сложены или перевязаны, то профессоръ останавливался на вопросѣ объ исторіи употребленія для письма папируса, пергамена, бумаги, указывалъ на различные способы ихъ приготовленія, на способъ привѣшиванія и прикладыванія печатей къ актамъ, на способъ перевязки рукописей, задѣлываніе lettres de cachet и пр. Разъ шкафы и картоны устроены и расположены въ залѣ извѣстнымъ образомъ, нужно распредѣлить по нимъ книги и документы въ систематическомъ порядкѣ и при этомъ составить описаніе документовъ, съ помощію котораго легко было бы найдти все нужное. Разумѣется, всѣ эти правила и совѣты имѣли чисто практическое значеніе лишь при устройствѣ новаго помѣщенія для архива и библіотеки; если же зданіе было уже давнее, то приходилось примѣняться къ нему въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть; такъ точно, если каталоги уже составлены, то при переработкѣ ихъ тоже нельзя упускать изъ виду прежнюю нумерацію, на основаніи которой уже многіе работали въ архивѣ и дѣлали свои отмѣтки; иначе вмѣсто увеличеніи удобствъ получится совсѣмъ противное. Очевидно, курсъ Монтеглона не можетъ быть въ строгомъ смыслѣ отнесенъ къ числу историческихъ, и если я нѣсколько коснулся его, то лишь потому, что онъ стоитъ въ тѣсной связи съ другими и играетъ видную роль въ дѣлѣ подготовленія ученыхъ архивистовъ.

Гораздо важнѣе въ историческомъ отношеніи курсъ П. Мейера по исторіи романскихъ нарѣчій. П. Мейеръ, безъ сомнѣнія, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду современныхъ романистовъ. Редактируе-

мый имъ журналъ „Romania“ переполненъ его замѣтками о всевозможныхъ памятникахъ средневѣковой литературы и рецензіями о работахъ по нимъ. Его курсъ имѣлъ полупрактическій характеръ: съ одной стороны онъ систематично излагалъ исторію развитія романскихъ нарѣчій послѣ паденія западной римской имперіи, съ другой — онъ на самыхъ памятникахъ, на тѣхъ же литографическихъ снимкахъ, указывалъ на постепенное видоизмѣненіе старофранцузскаго языка по вѣкамъ и діалектамъ. И для него студенты должны были приготовлять граматы, но уже имѣя въ виду исключительно ихъ языкъ. Письмо граматъ, ихъ подлинность, содержаніе—тутъ были стороннимъ дѣломъ; подложная грамата даетъ такой же прекрасный матеріалъ для изученія языка, какъ и подлинная, современная ей по происхожденію. Помимо граматъ, П. Мейеръ читалъ съ студентами и снимки съ другихъ памятниковъ, написанныхъ на народномъ языкѣ. Онъ не пренебрегалъ и латинскими документами, если въ нихъ можно было найдти слѣды народнаго языка, народной конструкціи, народнаго способа произношенія и пр. Благодаря обстоятельному курсу П. Мейера, студенты могли привести въ порядокъ и пополнить массу филологическихъ фактовъ, накопившихся у нихъ при чтеніи граматъ съ Л. Готье.

Точно такимъ же полупрактическимъ характеромъ отличался и курсъ по дипломатикѣ. Его читалъ Малатри (Mas-Latrie), извѣстный своимъ трудомъ о хронологіи въ папскихъ документахъ и работами объ источникахъ крестовыхъ походовъ [1]). Курсъ дипломатики, какъ и курсъ П. Мейера, служилъ опять къ систематизаціи и пополненію дипломатическихъ фактовъ, собранныхъ во времи чтеній граматъ съ Л. Готье. Если на лекціяхъ палеографіи студентамъ указывали, по поводу той или другой даты, какъ считать время въ средніе вѣка, то теперь имъ сообщали цѣлую исторію календаря со всѣми его перемѣнами по вѣкамъ и народамъ; если прежде, по поводу подписи граматы канцлеромъ, замѣчалось, что это было способомъ придать граматѣ значеніе подлинной и предупредить поддѣлку, то теперь перечислялись въ систематическомъ порядкѣ всѣ мѣры предосторожности, какія употреблялись въ средніе вѣка противъ поддѣлокъ документовъ; если

---

[1]) Chronologie des papes et tables des années de leur pontificat, 1852; Histoire de l'île de Chypre sous le regne des princes de la maison de Lusignan. 3 vol. 1861; Traités de paix et de commerce et documents divers concernant les relations des chretiens avec les Arabes de l'Afrique au moyen age. 1865.

прежде обращали вниманіе студентовъ на печати при граматахъ и объясняли способъ и цѣль ихъ прикладыванія, то теперь имъ сообщалась полная исторія сигиллографіи; если прежде по поводу того или другаго собственнаго имени указывали студентамъ, какъ видоизмѣнялось написаніе его по вѣкамъ, то теперь имъ давалась исторія ономатологіи и главныя ея правила и т. д. Обыкновенно Малатри дѣлилъ свой урокъ на двѣ части: теоретическую и практическую. Первую половину часа онъ употреблялъ на систематическое изложеніе своего курса, вторую—на чтеніе граматъ, наглядно подтверждающихъ его положенія. Какъ истый дипломатъ, онъ много обращалъ вниманія на умѣнье составить резюме граматы (regesta), чѣмъ Леонъ Готье почти никогда не занимался.

До сихъ поръ студенты были подъ постояннымъ контролемъ профессоровъ: ихъ учили читать граматы, понимать смыслъ словъ и ихъ филологическое образованіе, отличать подлинныя граматы отъ подложныхъ по различнымъ внѣшнимъ признакамъ, но всѣ эти занятія были, такъ сказать, лишь подготовительными; студентамъ недоставало еще хорошаго пониманія содержанія граматъ, а оно невозможно безъ знанія средневѣковаго быта. Разумѣется, при случаѣ Леонъ Готье старался сказать нѣсколько словъ о томъ, кто такіе были канцлеры, сенешали, бальи, маршалы, архидіаконы, епископы; въ чемъ заключалась существенная разница между высшимъ и низшимъ судомъ; какими налогами и пошлинами облагали короли и сеніоры своихъ вассаловъ и крѣпостныхъ; но всѣ его замѣчанія на этотъ счетъ скорѣе были простымъ констатированіемъ фактовъ, чѣмъ обстоятельнымъ разъясненіемъ средневѣковаго быта во всевозможныхъ его проявленіяхъ. Справочные словари Шерюеля, Лаланна и др. опять далеко не то, что систематическое изложеніе исторіи развитія политическихъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій. Студенту при занятіяхъ въ архивѣ легко могъ попасться актъ, не имѣвшій никакой аналогіи съ тѣми, которые приходилось ему читать подъ руководствомъ профессоровъ на первыхъ двухъ курсахъ, и онъ могъ стать втупикъ предъ его значеніемъ. Уже одни эти чисто апріорическія соображенія показываютъ, на сколько важны были для студентовъ курсы по исторіи политическихъ и административныхъ учрежденій и по исторіи права, къ характеристикѣ преподаванія которыхъ я теперь намѣренъ обратиться.

Исторію политическихъ и административныхъ учрежденій читалъ Э. Бутарикъ. Въ наукѣ онъ извѣстенъ своими трудами о Филиппѣ

Красивомъ, о военныхъ учрежденіяхъ въ среднія вѣка и изданіемъ актовъ парламента 1254—99 г. Его курсъ уже гораздо ближе подходитъ къ тѣмъ, какіе обыкновенно читаются въ нашихъ или нѣмецкихъ университетахъ. На долю студентовъ оставалось лишь слушать и записывать; приготовляться же къ уроку пришлось не больше двухъ-трехъ разъ въ теченіе года; именно когда онъ читалъ съ ними капитулярій о виллахъ, завѣщаніе Филиппа-Августа и одинъ изъ судебныхъ ордонансовъ Людовика IX; но и тутъ характеръ приготовленія былъ уже совсѣмъ иной: памятники читались не въ снимкѣ, а въ печатномъ изданіи; отъ студента не требовалось почти ничего, кромѣ простаго перевода, такъ какъ комментированіе текста бралъ на себя самъ профессоръ. Тѣмъ не менѣе и Бутарикъ не упускалъ изъ виду главной цѣли школы—поставить студентовъ на собственныя ноги при занятіяхъ въ архивѣ. Говоря, напримѣръ, объ устройствѣ Парижскаго парламента, онъ не преминулъ указать, въ какой формѣ издавали свои приговоры chambre des enquêtes (per arestum curiae) и grand' chambre (per judicium curiae), какъ контролировала провинціальныхъ сборщиковъ и вела свои отчеты chambre des comptes. Иногда, если оставалось время по окончаніи лекціи, Бутарикъ приносилъ изъ библіотеки изданія граматъ и заставлялъ студентовъ читать ихъ и опредѣлять, къ какой категоріи административныхъ или судебныхъ актовъ онѣ относятся. Можно пожалѣть объ одномъ, что въ подобныхъ чтеніяхъ граматъ не было опредѣленной системы, вслѣдствіе чего они нерѣдко казались излишними. Несравненно интереснѣе, да пожалуй и полезнѣе, были бесѣды профессора съ студентами и экскурсіи въ архивъ. Отъ времени до времени, окончивъ какой нибудь запутанный отдѣлъ курса, напримѣръ, о феодальной провинціальной администраціи, или феодальной финансовой системѣ, Бутарикъ посвящалъ часъ на нѣчто въ родѣ репетиціи. Каждому изъ студентовъ онъ предлагалъ вопросъ, напримѣръ, о значеніи сенешалей въ правленіе первыхъ трехъ династій, о прямыхъ или косвенныхъ налогахъ при третьей династіи и т. п. Путемъ этихъ бесѣдъ ему удавалось частію убѣдиться, на сколько студенты поняли прочитанное имъ, частію бросить новый свѣтъ на извѣстныя явленія при помощи иной постановки вопроса. Во время этихъ бесѣдъ дѣйствительно можно было видѣть, съ какимъ трудомъ усвоивались студентами запутаныя средневѣковыя административныя, судебныя и финансовыя отношенія. Не менѣе практичны были и экскурсіи въ національный архивъ. Тутъ на дѣлѣ можно было убѣдиться въ богат-

ствѣ и безконечномъ разнообразіи историческихъ актовъ. Бутарикъ объяснялъ расположеніе архива по отдѣламъ; въ каждомъ отдѣлѣ онъ открывалъ на удачу какой нибудь картонъ и показывалъ образчики извѣстныхъ актовъ, отмѣченныхъ имъ еще на лекціяхъ. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ и курсъ Бутарика все-таки можно причислить къ разряду полупрактическихъ.

Чисто теоретическимъ характеромъ отличались лишь курсы для студентовъ послѣдняго года — по исторіи права въ средніе вѣка и по археологіи. На нихъ студенты играли уже вполнѣ пассивную роль: тутъ не было ни приготовленія, ни бесѣдъ, ни экскурсій, нужно было просто слушать лекціи и дѣлать свои замѣтки на бумажкахъ. Если таковъ былъ характеръ курсовъ съ внѣшней стороны, за то съ внутренней, со стороны содержанія, они опять вполнѣ соотвѣтствовали всѣмъ остальнымъ. Исторію права въ средніе вѣка во Франціи читалъ Тардифъ, извѣстный изданіемъ нѣсколькихъ томовъ documents inédits. Вмѣсто исторіи права въ собственномъ смыслѣ, онъ читалъ исторію средневѣковой судебной процедуры, мотивируя эту перемѣну тѣмъ, что для будущихъ архивистовъ всего важнѣе значеніе средневѣковыхъ актовъ, между которыми акты судопроизводства занимаютъ одно изъ главныхъ мѣстъ. Сообразно съ этимъ, профессоръ сравнительно мало говорилъ о процедурѣ времени Меровинговъ и Каролинговъ, когда она вся была изустная, когда даже письменныя доказательства мало цѣнились, если не было въ живыхъ отмѣченныхъ на нихъ свидѣтелей; за то съ большою подробностію онъ остановился на процедурѣ феодальной. Онъ подробно характеризовалъ всѣ фазы процесса и употреблявшагося при этомъ письмоводства (libellus, mémoires, rapport, sentence, arrestum, judicium, lettres d'intimation и пр.). Строгій формализмъ, господствовавшій тогда въ процедурѣ, повелъ къ созданію множества техническихъ словъ и выраженій, по которымъ сразу можно опредѣлить назначеніе извѣстнаго акта. Достаточно встрѣтить выраженія: avant faire droit или faisant droit, чтобы отличились по нимъ jugement interlocatoire отъ jugement définitif. Всѣ эти разнообразныя формы бумагъ процесса были разъяснены Тардифомъ съ замѣчательною обстоятельностію. Не было, кажется, техническаго выраженія, на которомъ бы онъ не остановился, измѣненія смысла, котораго по вѣкамъ онъ не указалъ бы. Рядомъ съ истинно-французскимъ умѣньемъ говорить ясно, послѣдовательно, Тардифъ рѣзко выдѣлялся изъ среды остальныхъ профессоровъ желаніемъ сообщать студентамъ данныя по литературѣ предмета. Его изложе-

ніе не было такимъ догматическимъ, какъ у другихъ профессоровъ; онъ всегда разбиралъ существующія мнѣнія относительно того или другаго вопроса и затѣмъ уже высказывалъ свое.

Совершенно особнякомъ отъ другихъ курсовъ въ École des chartes стоитъ курсъ археологіи. Всѣ остальные профессоры по преимуществу занимались письменными памятниками и помогали другъ другу при объясненіи ихъ студентамъ, до вещественныхъ же имъ почти не было никакого дѣла, развѣ иногда говорили они нѣсколько словъ о монетахъ, печатяхъ, гербахъ; значитъ, вся масса вещественныхъ древностей падала на долю директора школы, Кишера̀, читавшаго археологію. И нужно отдать ему справедливость: не осталось почти отдѣла, котораго бы онъ не коснулся съ большею или меньшею подробностію. Кишера̀ чуть ли не единственный извѣстный мнѣ французскій профессоръ, который не любитъ попусту тратить слова, изъ его лекціи—фразы не выкинешь. Рядомъ съ замѣчательнымъ искусствомъ изложенія, Кишера̀ отличается умѣньемъ художественно рисовать на доскѣ тѣ предметы, о которыхъ онъ говоритъ. Онъ постоянно старался характеризовать типы преметовъ, господствовавшіе въ ту или другую эпоху. Развитіе архитектуры лежало въ основѣ всего. Онъ анализируетъ въ каждомъ памятникѣ древности двѣ стороны: строеніе и орнаментовку, которыя одинаково способствуютъ къ опредѣленію времени происхожденія памятника. Достаточно взглянуть на матеріалъ, изъ котораго построена извѣстная церковь, на способъ устройства въ ней сводовъ оконъ, на расположеніе колоннады, чтобы сказать приблизительно, къ какой эпохѣ она относится. А если къ этому прибавить внимательное изученіе способа украшенія колоннъ, цвѣтныхъ стеколъ, дверей, тогда опрѣделеніе древности памятника будетъ почти несомнѣннымъ. Разъ изучены типы, господствовавшіе въ архитектурѣ (романскій, готическій или стрѣльчатый съ подраздѣленіемъ на лучистый и пламеневидный) въ продолженіе среднихъ вѣковъ, какъ опредѣленіе древности различныхъ произведеній орфевреріи (реликвіаріи, чаши, кресты, подсвѣчники и пр.), иконописи (мозаичной и на стеклѣ), чекана (монеты, печати, жетоны) было значительно облегчено, ибо и на ихъ формѣ, особенно на орнаментовкѣ, ясно выражалось вліяніе господствовавшихъ въ извѣстное время архитектурныхъ типовъ. Менѣе оно замѣтно на костюмѣ и оружій, употреблявшихся въ средніе вѣка. Такимъ образомъ весь курсъ Кишера̀ клонился къ тому, чтобы указать студентамъ, какимъ образомъ можно опредѣлить древность того или другаго вещественнаго памятника. По окончаніи почти каждаго урока,

онъ показывалъ студентамъ нѣсколько снимковъ съ памятника и при этомъ снова обращалъ ихъ вниманіе на главные признаки, характеризующіе время памятника.

До сихъ поръ я говорилъ о томъ, какъ профессоры занимаются съ студентами или руководятъ ихъ упражненіями, но едва упоминалъ о томъ, какъ работаютъ сами студенты, независимо ни отъ чьихъ приказаній и указаній; а между тѣмъ въ этомъ проявляется одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ École des chartes. Еслибы студенты ограничивались единственно слушаніемъ лекцій, приготовленіями къ нимъ, то они далеко не ушли бы. Какъ бы хорошо ни было правило, совѣтъ, но они скоро забываются, если мы не пытаемся тотчасъ же испробовать ихъ пригодность на дѣлѣ. Чѣмъ самостоятельнѣе совершаются подобнаго рода опыты, тѣмъ они плодотворнѣе по своимъ послѣдствіямъ. Чтобы производить ихъ, прежде всего нужно время, а потомъ — необходимыя средства для работы. Тѣмъ и другимъ воспитанники École des chartes снабжены въ избыткѣ. На первыхъ двухъ курсахъ у нихъ по 5 лекцій въ недѣлю, на третьемъ — четыре.. Такимъ образомъ у студента остается много свободнаго времени, которымъ онъ можетъ располагать, какъ ему вздумается. Тутъ уже все зависитъ отъ личныхъ наклонностей и вкусовъ, а что развитію ихъ не мѣшаютъ, видно изъ предоставленія студентамъ полной свободы въ выборѣ темы для своей диссертаціи. Стоитъ только просмотрѣть сборникъ печатныхъ тезисовъ, защищенныхъ студентами при оцѣнкѣ ихъ рукописныхъ диссертацій, чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ. Тамъ можно найдти работы по филологіи, исторіи литературы, праву, археологіи и пр. Многія изъ нихъ напечатаны и пользуются вполнѣ заслуженною извѣстностію, иныя удостоены премій академіи. Уже одни эти внѣшнія обстоятельства могутъ быть порукою, что работы ведутся вполнѣ самостоятельно. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго при тѣхъ удобствахъ для занятій, какими пользуются воспитанники школы. Библіотека—въ ихъ полномъ распоряженіи. Правда, она не слишкомъ обширна, особенно по части современной научной литературы, но за то въ ней есть всѣ важнѣйшія собранія средневѣковыхъ памятниковъ, а главное—каждый чувствуетъ себя въ ней, какъ у себя дома. Нужно студенту справиться о литературѣ какого-нибудь интересующаго его вопроса, систематическій каталогъ всегда готовъ къ его услугамъ; интересуется ли онъ какимъ-нибудь современнымъ писателемъ, онъ можетъ узнать перечень его сочиненій по каталогу алфавитному.

Съ помощію этихъ двухъ каталоговъ легко найдти всякую книгу въ библіотекѣ (разумѣется, если она есть) не обращаясь ни къ чьей помощи. Каждый, по буквамъ отдѣловъ и по нумераціи, легко отыщетъ нужный томъ, можетъ самъ взять его, самъ же долженъ и поставить книгу на мѣсто. На домъ книги не выдаются, за то въ библіотекѣ позволяется работать ежедневно съ 10-ти часовъ утра до 4-хъ. Если къ этому прибавить, что студентамъ École des chartes открытъ свободный доступъ для занятій во всѣ архивы, библіотеки, музеи, то будетъ совершенно понятно, почему изъ нихъ образуются лучшіе представители современной французской исторической литературы.

Какъ, повидимому, ни широко и разнообразно поставлено дѣло изученія исторіи въ École des chartes, все-таки въ немъ замѣтны пробѣлы, и притомъ очень крупные. Среди предметовъ, читаемыхъ въ ней, недостаетъ двухъ: исторіографіи среднихъ вѣковъ и средневѣковой литературы. Что касается послѣдней, то она до извѣстной степени затрогивается въ курсѣ П. Мейера; прежде онъ даже, кажется, читалъ ее, по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстна его вступительная лекція въ курсъ провансальской литературы, читанная имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ школѣ, но за то нѣтъ и слѣдовъ занятія въ ней средневѣковыми анналами, хрониками, житіями. До извѣстной степени этотъ пробѣлъ пополняется въ École des hautes études, къ характеристикѣ которой я и намѣренъ теперь обратиться.

Престранное учрежденіе — эта École des hautes études: она не имѣетъ студентовъ, принадлежащихъ собственно ей одной; она не требуетъ никакихъ правъ, никакихъ экзаменовъ отъ своихъ воспитанниковъ, но за то и не даетъ имъ никакихъ привиллегій при выходѣ; у ней нѣтъ своего помѣщенія: кое-какъ пристроилась она къ Сорбоннѣ и выпросила себѣ нѣсколько заднихъ комнатъ въ библіотекѣ. И тѣмъ не менѣе она существуетъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ и даже не безъ успѣха, какъ показываютъ ея отчеты и изданія. Я знакомъ лишь съ однимъ отдѣломъ ея, съ историческимъ, и относительно его смѣло можно сказать, что онъ существуетъ единственно благодаря студентамъ École des chartes. Въ началѣ года заглядывали въ него и воспитанники École normale и словеснаго факультета въ Сорбоннѣ, но постоянными посѣтителями все-таки остались одни студенты École des chartes. Ихъ ревности дѣйствительно нельзя не удивляться: у нихъ свои лекціи иной разъ оканчиваются въ 4 часа, а къ половинѣ 5-го нужно уже поспѣть въ École des hautes études

на курсы исторіи, между тѣмъ, какъ разстояніе между двумя школами по крайней мѣрѣ 20 минутъ быстрой ходьбы.

Въ École des hautes études я посѣщалъ курсы гг. Моно и Жири. Первый читалъ обзоръ источниковъ для исторіи Франціи до XIII вѣка и занимался разборомъ источниковъ третьяго крестоваго похода, второй же—исторію возникновенія коммунъ на сѣверѣ Франціи. Всѣ эти три курса могутъ быть болѣе или менѣе отнесены къ полупрактическимъ.

Моно поставилъ дѣло очень просто: въ Парижѣ есть спеціальныя заведенія для изученія грамать и права, гдѣ желающіе заняться ими, конечно, найдутъ всѣ нужныя имъ указанія, но за то нѣтъ заведенія, гдѣ читался бы обзоръ источниковъ для исторіи Франціи, нѣтъ даже книгъ, спеціально посвященныхъ исторіографіи; желающій заняться ею принужденъ будетъ собирать матеріалъ, разбросанный по предисловіямъ къ различнымъ изданіямъ памятниковъ, по многочисленнымъ томамъ Histoire litteraire de France. Чтобы пополнить этотъ важный пробѣлъ, онъ и рѣшился съ одной стороны прочесть курсъ исторіографіи, а съ другой — на практикѣ показать, какъ слѣдуетъ обращаться съ хрониками, анналами и житіями.

Моно — ученикъ Вайца, и это отразилось какъ на его курсѣ, такъ и на методѣ практическихъ его занятій. Онъ особенно хлопочетъ о томъ, чтобы дать какъ можно болѣе библіографическихъ указаній. По поводу каждой хроники, каждаго житія, онъ входитъ во всѣ подробности относительно того, во сколькихъ и въ какихъ рукописяхъ они дошли до насъ, гдѣ эти рукописи хранятся, подъ какимъ нумеромъ; гдѣ, когда, кѣмъ и какъ онѣ изданы; нѣтъ ли объ нихъ отдѣльныхъ монографій или статей въ періодическихъ изданіяхъ. Отъ его вниманія не ускользали никакія самыя мелкія анналистическія замѣтки, разбросанныя по многочисленнымъ изданіямъ французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, италіанскимъ; для всѣхъ ихъ онъ находилъ мѣсто въ своемъ обзорѣ. Словомъ — полнота матеріала, которой обыкновенно требуетъ Вайцъ отъ своихъ учениковъ, очевидно поставлена у Моно необходимымъ условіемъ при подготовкѣ курса. То же самое нужно сказать и объ его руководствѣ практическими занятіями надъ источниками для исторіи третьяго крестоваго похода. По методѣ Вайца, онъ отдѣлилъ критику источниковъ отъ критики фактовъ и началъ съ первой. Прежде всего онъ сообщилъ студентамъ свѣдѣнія объ изданіяхъ источниковъ третьяго крестоваго похода, а потомъ поручилъ каждому студенту прочесть хронику

или житіе, и написать о ней рефератъ, въ родѣ тѣхъ, какіе читалъ самъ Моно въ своемъ курсѣ. Когда такимъ образомъ были пересмотрѣны всѣ источники, Моно обратился къ сличенію ихъ извѣстій относительно крестоваго похода, подвергая при этомъ критикѣ всевозможные факты.

Что касается до Жири, то онъ недавно еще кончилъ курсъ въ École des chartes и при мнѣ впервые дѣлалъ опытъ превращенія изъ ученика—въ руководителя. Совершенно естественно, что въ методѣ его занятій еще не было прочности и опредѣленности; онъ, напримѣръ, колебался, слѣдуетъ ли ему сперва самому сообщить данныя объ устройствѣ коммунъ, а потомъ въ подтвержденіе своихъ выводовъ прочесть съ студентами нѣсколько коммунальныхъ граматъ, или же полезнѣе будетъ сперва прочесть граматы, а потомъ обобщить, разъяснить и подтвердить добытыя изъ нихъ данныя; поручая студенту пересмотрѣть извѣстное житіе или хронику, гдѣ говорится между прочимъ и о коммунальномъ движеніи, онъ не могъ съ полною опредѣленностію указать, чего именно онъ ожидаетъ отъ реферата, и потому не разъ выходило, что студентъ распространялся о томъ, что̀ мало было интересно для цѣли профессора и, наоборотъ, опускалъ необходимые для него факты. Не смотря на этотъ недостатокъ устойчивости въ методѣ занятій, въ самой критикѣ документовъ, фактовъ, видѣнъ одинъ изъ талантливѣйшихъ будущихъ представителей французской исторической науки, достойный воспитанникъ École des chartes.

Ө. Фортинскій.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Дерптскаго университета въ 1874 году: личный составъ преподавателей; вакантныя каѳедры; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; награды медалями; ученые труды преподавателей и служащихъ; удостоеніе учеными степенями и званіями; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій.—О состояніи и дѣйствіяхъ въ 1874 году Харьковскаго ветеринарнаго института.

Въ Дерптскомъ университетѣ къ 1-му января 1875 года состояло на лицо штатныхъ преподавателей: по богословскому факультету: ординарныхъ профессоровъ—5, доцентовъ—1; по юридическому: ординарныхъ профессоровъ—10, экстраординарныхъ—2, прозекторъ—1, ученый аптекарь—1, доцентовъ—3; по историко-филологическому: ординарныхъ профессоровъ—7, экстраординарныхъ—1, доцентовъ—3, лекторовъ—4; по физико-математическому: ординарныхъ профессоровъ—8, экстраординарныхъ—1, доцентовъ—2, астрономъ наблюдатель—1. Сверхъ того состояли: 1 профессоръ богословія для студентовъ православнаго исповѣданія, 1 преподаватель началъ архитектуры и 6 учителей искусствъ. Всего наличныхъ штатныхъ преподавателей было: ординарныхъ профессоровъ—36, экстраординарныхъ—4, профессоръ богословіи для студентовъ православнаго исповѣданія—1, прозекторъ—1, астрономъ-наблюдатель—1, ученый аптекарь—1, доцентовъ—9, преподаватель началъ архитектуры—1, лекторовъ—4, учителей искусствъ—1, итого—64. Сверхъ штата состоялъ помощникъ профессора специальной патологіи и клиники. Приватъ-доцентовъ было—4: 1—по каѳедрѣ специальной патологіи, 1—по акушерству, 1—по химіи и 1—по сельскому хозяйству и сельско-хозяйствен-

ной химіи. Изъ числа положенныхъ по уставу каѳедръ оставались вакантными: русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще, съ 1-го октября 1873 года, латышскаго языка и одна доцентура.

Въ 1874 году факультеты имѣли засѣданій: богословскій—9, юридическій—14, медицинскій—16, историко-филологическій—16 и физико-математическій—10. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ, сверхъ общепринятыхъ мѣръ, какъ-то стипендій и пособій, освобожденія отъ взноса гонорара, присужденія медалей за научные труды, изданія отличнѣйшихъ изъ нихъ на счетъ суммъ университета и такъ далѣе, по всѣмъ отраслямъ отдѣльныхъ факультетовъ происходили бесѣды, репетиціи, практическія упражненія въ письменныхъ работахъ, и во всѣхъ этихъ занятіяхъ студенты участвовали въ весьма значительномъ количествѣ. Результаты научныхъ занятій студентовъ внѣ лекцій, сверхъ испытаній, обнаружились въ письменныхъ трудахъ, изъ которыхъ нѣкоторые отличались особенною основательностію, полнотою и самостоятельностію. Таковы труды: Эрнста *Кроля*—„Die Criminalverjährung nah gemeinem Recht mih Berücksichtigung des Strafgesetzbuchs für das deutsche Reich des Code d' instruction criminelle und der Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ", Рихарда *Рютца*—Das Verbrechen des Nothzucht (stuprum violentum) „Антона *Бухгольтца*—„Beiträge zur Geschichte der Vogtei in Riga", Іоанна *Куртца*—„Ueber Entziehung von Alkalien aus dem Thierkörper", Ренатуса *Капеллера*—„Untersuchungen über das Casein", Людвига *Миквица*—„Vergleichende Untersuchungen über die Physiologische Wirkung der Salze der Alcalien und alcalischen Erden", Роберта *Конне*—„Untersuchungen über die pharmacologischen Wirkungen des Digitoxin, Digitalin und Digitalein", Георгія *Земмера*—„Ueber die Faserstoffbildung in Amphibien—und Vogelblut und die Entstehung der rothen Blutkörperchen der Säugethiere, Іосифа *Песке*—„Beiträge zur Kenntniss der feineren Baus der Wirbelthierleber, Эдуарда *Леммана*—„Ueber das Amygdalin in den Fruchtkernen der Kirschen, Pflaumen, Pfirsiche und Aepfel und über den Blausäure liefernden Bestandtheil der Faulbaumrinde und der Kirschlorbeerblätter", Эдуарда *Гебгардта*—„Commentatio epigraphica", Александра *Ѳедорова*.—„О происхожденіи русскихъ народныхъ заговоровъ, Константина *Винклера*—„Zur Anatomie der Araucaria Brasiliensis" и Гейнриха *Бюриха*—„Die Doppelsalze des Cer".

За представленныя сочиненія нижеслѣдующіе студенты награж-

дены золотыми медалями: юридическаго факультета Карлъ *Берібомъ*— „Систематическое изложеніе устройства сельскихъ обществъ въ Германіи", медицинскаго факультета: Леонидъ *Бухгольтцъ*—„О жизненныхъ условіяхъ бактерій и сродныхъ съ ними низшихъ организмовъ", Эдуардъ *Гиршсонъ*—„Сравнительное изслѣдованіе важнѣйшихъ, встрѣчаемыхъ въ торговлѣ, сортовъ галбанума и аммоніаковаго гумми"; историко-филологическаго: Эдвинъ *фонъ-Гершельманъ*—„De graecitate Polybii quaestiones"; и Эрнстъ *Бреде* — „Исторія понятія χάφαρις"; физико-математическаго: Александръ *Лагоріо* — „Микроскопическій анализъ восточно-балтійскихъ горныхъ породъ" и Гейнрихъ *Бюрихъ*— „О двойныхъ соляхъ цера".

Въ 1874 году преподаватели и другія лица вѣдомства Дерптскаго университета напечатали и приготовили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: Ал. *фонъ-Эттингенъ*— „Die Moralstatistik, zweite neu bearbeitete Auflage", „Ueber die Socialwissenschaft der Zukunft" въ Baltische Monatsschrift; *Гарнакъ*— „Liturgische Beiträge"; *Фолькомъ* — „Die Bedeutung der semitischen Philologie für die alttestamentliche Exegese", „Ueber den mosaischen Schöpfungsbericht" въ Dorpater Zeitschrift für Theologie und Kirche; *Ф. Мюлау* — 41 статью по библейской географіи въ Handwörterbuch des biblischen Alterthums von Rhiem; *Бульмерингъ* — „Theorie, Praxis und Codification des Völkerrerhts", „Ueber Asylrecht" въ Rechtslexicon von Holtzendorff, „Ueber Auslieferungsverträge тамъ же, „Ueber Neutralitätsgesetze" тамъ же, и кромѣ того еще 12 другихъ статей по международному праву въ Rechtslexicon von Holtzendorff и различныя статьи въ Baltische Monatsschrift für Landwirthschaft, Gewerbfleiss und Handel; *Энгельманъ*—подробную критику сочиненія профессора Никитскаго „Очеркъ внутренней исторіи Пскова" въ отчетѣ Академіи наукъ о присужденіи премій графа Уварова; Осв. *Шмидтъ* — „Beitrag zur Quellenkunde des Hilchenschen Landrechtsentwurfs" въ Dorpater Zeitschrift für Rechtswissenschaft; *Эрдманъ* — „Eine Entscheidung des Senats über den Zwangscours der Creditbillete" тамъ же, „Ueber das Studium der Rechtswissenschaft vor dem Stuhle der Laien und der Vertreter der anderen Wissenszweige"; *Бетхеръ*— „Ueber die Durchschneidung der Bogengänge des Gehörlabyrinths und die sich daran knüpfenden Hypothesen" въ Archiv für Ohrenheilkunde, „Zur Genese des perforirenden Magengeschidürs" въ Dorpater Medicinische Zeitschrift; *Гольстъ* — „Conception während Behandlung mit intranterinen" въ Archiv für Gynäkologie, „Geschichte eines Uterus-

myom" тамъ же; *Драгендорфъ* — „Zur Volksmedicin Turkestans, 3-e Abhandlung" въ Neues Repertorium für Pharmacie, „Ueber Nachweisung fremder Bitterstoffe im Biere" въ Archiv für Pharmacie, „Die chemische Werthbestimmung einiger starkwirkender Droguen" и обработалъ свое сочиненіе „Die Ermittelung von Giften" для русскаго перевода, напечатаннаго на счетъ военнаго министерства; *Фогель*— „Krankheiten der Lippen und der Mundhöhle" въ Handbuch der speciellen Pathologie und Therapie von Ziemssen"; *Бергманъ*—„Lehre von den Kopfverletzungen" и „Die Resultate der Gelenkresection im Kriege"; Ал. *Шмидтъ*—„Ueber die Beziehungen des Taserstoffs zu den farblosen und den rothen Blutkörperchen und über die Entstehung der letzteren" въ Archiv von Pflüger, „Untersuchungen über die Milch" и „Untersuchungen des Eiereweisses und des Blutserum durch Dialyse"; *Бемъ*— „Ueber Wiederbelebung nach Vergiftung" въ Centralblatt für medicinische Wissenschaften, „Arbeiten aus dem pharmakologischen Institut der Universität Dorpat" въ Archiv für Experimentelle Pathologie und Pharmakologie; *Стида*—„Studien über den Bau der Cephalopoden, das centrale Nervensystem der Tintenfische" въ Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie, и „Ueber den Bau der centralen Nervensystems der Axolotl" тамъ же; *Паукеръ*—„Spicilegium Addendorum lexicis latinis", „Nachträge zu и Beiträge zur lateinischen Lexicographie und Wortbildungsgeschichte", „Anhang zu Beiträge zur lateinischen Lexicographie und Wortbildungsgeschichte. I — III", „Ergänzungen zum lateinischen Lexicon, II и III" въ Zeitschrift für oesterreichische Gymnasien", „Zweiter Nachtrag zu Ergänzungen zum lateinischen Lexicon" тамъ же, „Emendationes in Theodoro Prisciano" тамъ же, Fortsetzung der Ergänzungen zum latenischen Lexicon". 2 Art. nebst Index (mit addenda) zu der ganzen Reihe, тамъ же, „Peculium, vocabulare Ovidianum et Propertianum", тамъ же; *Мейеръ*—„Besprechung von Bezzenberger Untersuchungen, über die gothischen Adverbien und Partikeln", въ Zeitschrift für vergleichende Sprachvorschung von Kuhn", „Besprechung von Leopold Schröders über die formelle Unterscheidung der Redatheile im Griechischen und Lateinischen", въ Göttingenschen gelehrte Anzeigen; „Besprechung von Jeitteles: Auswahl aus Ulfilas gothischer Bibelübersetzung", тамъ же; *Брикнеръ* — „Россія при Петрѣ Великомъ по извѣстіямъ двухъ нѣмецкихъ писателей", въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, „Замѣчательныя богатства лицъ въ Россіи, экономическо-историческое изслѣдованіе Е. Карновича", тамъ же, „О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ

Посошкову", въ Русскомъ Вѣстникѣ, „Іоаннъ Антоновичъ и его родственники", тамъ же, „Domostroi, ein russisches Hausbuch", въ Russische Revue; *Тейхмюллеръ* — „Studien zur Geschichte der Begriffe", „Anzeige dieses Werkes nebst Ergänzungen", въ Göttingensche gelehrte Anzeigen, „Pädagogische Beurtheilung des deutschen Lesebuchs von Franz Sintenis und Otto Hermannsohn", въ Rigasche Zeitung; *Петерсенъ* — „De Cerere Phigalensi atque de Dipoeno et Scyllide disputatio"; *Лексисъ* — „Einleitung in die Theorie der Bevölkerungsstatistik"; *Гаусманъ* — „Miscellen zur Geschichte des XVI Jahrhunderts", въ Verhandlungen der gelehrten estnischen Gesellschaft, „Besprechung von Bibliothèque Impériale Publique de St.-Pétersbourg. Catalogue de la section de Russica", въ Göttingensche gelehrte Anzeigen, „Biographie des Bischofs Albert von Livland", въ Allgemeine deutsche Biographie; *Миндингъ* — „Ueber die mittlere Krümmung der Flächen", въ изданіяхъ Академіи Наукъ; *К. Смидтъ* — „Hydrologische Untersuchungen. VI — der Aral und Kaspi — See; VII — die Dwina und das Weisse — Meer", тамъ же; *Гревингъ* — „Zur Archäologie des Balticum und Russlands", въ Archiv für Anthropologie; доценты: *К. Рейгеръ* — „Ueber die Behandlung der Kniegelenkentzündungen", въ Deutsche Zeitschrift für Chirurgie, „Ueber die Entwickelung der Extremitäten des Menschen, insbesondere der Gelensflächen", въ Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien", „On the cortilages and synovial membranes of the joints", въ Journal of Anatomy and Physiology; *Рюль* — „Recension von Baer: Reden und Aufsätze. Th. 3", въ Neue Jahrbücher für Philologie; *Вейраухъ* — „Ueber die Formen, in denen die Lösungen einer disphantischen Gleichung enthalten sind", въ Schlömilch-Zeitschrift für Mathematik, „Zur Determinantenlehre", тамъ же, и „Dorpater Meteorologische Beobachtungen, Jahr 1872 und 1873"; ученый аптекарь *Мазингъ* — „Ueber die Harze des Lärchenschwammes", въ Archiv für Pharmacie.

Публичныя лекціи читали профессоры: Ал. Эттингенъ — „Прирожденна ли совѣсть" и „О свободѣ и правѣ", Фалькъ — „О Моисеевомъ преданіи о сотвореніи міра", Мюлау — „О новѣйшихъ открытіяхъ въ странѣ древняго Моава", Эрдманъ — „О государствѣ и церкви" и „Объ изученіи правовѣдѣнія предъ судомъ неспеціалистовъ и представителей другихъ научныхъ областей", Г. Эттингенъ — „О сравнительномъ достоинствѣ разнаго рода операцій на глазныхъ векахъ", Бетхеръ — „О происхожденіи круглой желудочной язвы", „О врожденныхъ безобразіяхъ и уродствахъ съ удвоенными организмами или

частями", „Объ ограниченномъ воспаленіи роговой оболочки глаза" и „О прорѣзываніи полукружныхъ каналовъ", Бергманъ—„Объ окончательныхъ результатахъ операцій отнятія сочлененій", „Объ излеченіи прострѣльной раны сердца", „О патологическомъ удлинненіи костей", „О хирургической казуистикѣ" и „Объ операціи петлеваго содлиненія стопы", Ал. Шмидтъ—„О развитіи цвѣтныхъ кровяныхъ тѣлецъ", „О безцвѣтныхъ кровяныхъ тѣльцахъ", Бёмъ—„О дѣйствіи синильной кислоты", „О ядахъ и дѣйствіи ядовъ", „О средствахъ оживленія дѣятельности сердца", Стида—„О сохраненіи труповъ и анатомическихъ препаратовъ", „О превращеніи и измѣненіи поколѣній", „Объ образованіи ткани костей", Гофманъ—„Объ изслѣдованіи сахарнаго мочеизнуренія (Diabetcs)", Мейеръ — „О нижненѣмецкой рукописи XVI вѣка", Брикнеръ—„Для характеристики императрицы Екатерины II", „О русскихъ богачахъ XVIII вѣка", „Италія въ началѣ новѣйшей исторіи" и „Естественная исторія претендентовъ", Петерсенъ—„О греческомъ храмѣ" и „О раскопкахъ Шлиманна въ Троѣ", Гаусманнъ—„О войнахъ Плеттенберга противъ Россіи", „О спискахъ съ историческихъ документовъ въ Дерптскомъ архивѣ" и „О лифляндской лѣтописи Кельха, изданной Лоссіусомъ", К. Шмидтъ—„О вѣнской выставкѣ и объ успѣхахъ химическихъ отраслей промышленности въ послѣднемъ столѣтіи" и „О металлахъ", Гревингъ—„О черепахъ Ливовъ и Эстовъ", Гельмлингъ—„Объ ученіи о волнообразномъ движеніи", „Объ элементарной механикѣ" и „О новѣйшихъ открытіяхъ въ области теоріи свѣта", Арт. Эттингенъ—„Объ ученіи о теплородѣ", „О свѣтѣ и о цвѣтахъ", „О свѣтовыхъ ощущеніяхъ" и „О галванизмѣ и примѣненіи его къ техникѣ"; доценты: К. Ригеръ—„О способѣ Листера для леченія ранъ", Мазингъ—„Объ италіанской культурѣ", Рюль—„Ремесла въ древности" и „О Саванаролѣ", Висковатовъ—„О типахъ и характерахъ русской народной и искусственной литературы", приватъ-доцентъ Кесслеръ—„О развитіи вторичныхъ глазныхъ пузырей и стекляновиднаго тѣла".

Совѣтъ Дерптскаго университета имѣлъ въ теченіе 1874 года 18 засѣданій. Утверждены въ степени доктора: государственнаго и международнаго права—Витольфъ *Зальсскій*; химіи—Густавъ *Бунге*, медицины—Іоаннъ *Куртцъ*, Іоаннъ *Тальбергъ*, Эрнстъ *Фрей*, Александръ *Зеленковъ*, Вильгельмъ *Иршикъ*, Евгеній *Гаарманъ*, Фердинандъ *Ланге*, Ренатусъ *Капеллеръ*, Людвигъ *Миквицъ*, Евгеній *Фриккеръ*, Евгеній *Кондрацкій*, Робертъ *Коппе*, Густавъ *Риминейдеръ*, Петръ *Энко*, Юлій *Оеркъ*, Георгій *Земмеръ*, Іосифъ *Песке* и Оскаръ

Петерсенъ. Въ степени магистра: сельскаго хозяйства—Вольдемаръ *фонъ-Книримъ*, фармаціи—Эдуардъ *Леманъ* и Іоганъ *Христофсонъ*. Затѣмъ удостоены степени кандидата: по богословскому факультету—1, по юридическому—10, по историко-филологическому—10, по физико-математическому—8, всего—29; званія дѣйствительнаго студента: по богословскому факультету—4, по юридическому—6, по историко-филологическому—2, по математическому—1, всего—13; степени лекаря—11, званія уѣзднаго врача—3, провизора—23, аптекарскаго помощника—44, зубнаго врача—4, повивальной бабки—24. Для приготовленія къ испытанію на степень магистра древне-классической филологіи командированъ за границу, на два года, кандидатъ богословія, докторъ философіи *Обласинскій* на счетъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1874 году въ университетскомъ судѣ производились дѣла о двухъ дуэляхъ и о насиліи противъ караула; участвовавшіе въ нихъ студенты переданы уголовному суду.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на 1874 годъ ассигновано было—212.144 руб. 45 коп., а именно: на содержаніе личнаго состава—135.923 руб., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы—54.650 руб., на стипендіи и пособія студентамъ—14.000 руб., на награды и пособія—2.000 руб., на издежки при чтеніи публичныхъ лекцій по техническимъ наукамъ—971 руб. 45 коп., на содержаніе хирургической клиники дополнительныхъ—4.000 руб., спеціальныхъ средствъ имѣлось въ приходѣ 6.926 руб., именно: сбора со студентовъ въ пользу университета—5.540 руб., сбора съ нихъ же за матрикулы—1.386 руб.

Студентовъ къ 1-му января 1874 года состояло на лицо—701; въ теченіе года вновь поступило—235, въ томъ числѣ: изъ другихъ универтитетовъ—9, изъ гимназій—142, изъ духовныхъ семинарій—2, аптекарскихъ помощниковъ—39, вторично поступившихъ—43; въ теченіе года выбыло: до окончанія курса—112, по окончаніи курса—89; затѣмъ къ 1-му января 1875 года находились на лицо—735, которые были распредѣлены по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на богословскомъ—85, на юридическомъ—181, на медицинскомъ—294, на историко-филологическомъ—92 (въ историко-филологическомъ разрядѣ—68, въ разрядѣ камеральныхъ наукъ—24), на физико-математическомъ—83 (въ математическомъ разрядѣ—31, въ разрядѣ естественныхъ наукъ—52). Постороннихъ слушателей къ 1-му января 1874 года состояло—5, въ теченіе года прибыло—23, выбыло—28, къ 1-му января 1875 года не оставалось ни одного. Изъ общаго числа

936 студентовъ въ 1874 году освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій—182, что составляетъ 19²/₅%. Слушавшихъ за уменьшенную плату не было. Стипендіатовъ состояло: казенно-коштныхъ—49 на 9.650 руб., Виленскаго евангелическо-реформатскаго синода—на 533 руб. 33 коп., частныхъ—22 на 2.987 руб. 78 коп., всего 73 стипендіата на сумму 13.171 руб. 10 коп.

Учебныя вспомогательныя учрежденія Дерптскаго университета къ 1-му января 1874 года находились въ слѣдующемъ положеніи. Въ университетской библіотекѣ состояло: русскихъ и иностранныхъ книгъ 76.574 названія въ 117.790 томахъ на сумму 330.596 руб., русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій—367 названій въ 9.421 томахъ на 25.989 р., рукописей — 715 нумеровъ на 2.132 руб., картъ, рисунковъ, портретовъ, чертежей — 5.641 листъ на 8.597 руб., диссертацій—55.600 нумеровъ на 5.560 руб.; библіотекой пользовались 522 студента. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ: книгъ и эстамповъ — 1.109 названій въ 1.229 томахъ, вмѣстѣ съ періодическими изданіями на сумму 12.763 руб., древностей и снимковъ — 7.175 нумеровъ на 15.059 руб., монетъ и моделей—7.380 нумеровъ на 7.622 рубля. Въ математическомъ кабинетѣ: книгъ—126 названій въ 192 томахъ на 551 руб., періодическихъ изданій—5 названій въ 100 томахъ на 498 руб., инструментовъ и аппаратовъ — 131 на 2.210 руб. Въ физическомъ кабинетѣ: книгъ—66 названій въ 167 томахъ на 258 руб. 50 коп., періодическихъ изданій — 14 названій въ 285 томахъ на 511 руб. 82 коп., таблицъ и картъ—6 нумеровъ въ 14 экземплярахъ на 17 руб. 92 коп., инструментовъ и аппаратовъ—936 нумеровъ въ 1.049 экземплярахъ на 9.875 руб. 72 коп. Физическими изслѣдованіями и упражненіями занимались: въ 1-мъ семестрѣ—3, а во 2-мъ 2 студента. Въ лабораторіи при кабинетѣ занимались: въ 1-мъ семестрѣ—37, во 2-мъ—31 студентъ, а именно новые студенты квалитативнымъ, старшіе — квантитативнымъ анализомъ, преимущественно въ области минералогической химіи, затѣмъ практическимъ изслѣдованіемъ различныхъ аналитическихъ методовъ, приготовленіемъ препаратовъ для анализа. Въ минералогическомъ кабинетѣ: книгъ — 552 названія въ 662 томахъ на 1.148 руб. 50 коп., періодическихъ изданій—33 названія въ 362 томахъ на 593 руб., картъ, рисунковъ, моделей и т. п. — 49 нумеровъ въ 124 экземплярахъ на 495 рублей 50 коп., аппаратовъ, инструментовъ, мебели—112 нумеровъ на 4.026 руб., минераловъ—8.488 нумеровъ на 7.267 руб. 75 коп., горныхъ породъ—7.952 нумера на 2.515 руб. 25 коп., окаменѣлостей—19.965

нумеровъ на 9.844 рублей. Практическими упражненіями, состоящими въ измѣреніи кристалловъ и опредѣленіи минераловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей, занимались 25 студентовъ. Въ зоологическомъ музеѣ: книгъ—59 названій въ 174 томахъ на 497 руб. 67 к., коллекцій животныхъ, яицъ, гнѣздъ и т. п.—15.539 нумеровъ на 12.892 рублей. Въ ботаническомъ кабинетѣ и ботаническомъ садѣ: книгъ—296 названій въ 471 томѣ на 661 руб. 67 коп., сушеныхъ растеній—27.300 нумеровъ въ 151.000 экземпляровъ на 4.000 рублей, инструментовъ и аппаратовъ—8 нумеровъ на 487 руб. 82 коп., гипсовыхъ, восковыхъ коллекцій, моделей и т. п.: плодовъ—335, деревьевъ и лѣсныхъ продуктовъ—941, препаратовъ въ спиртѣ—135, моделей—118, микроскопическихъ препаратовъ—125 нумеровъ въ 2.003 экземплярахъ на 400 руб., оранжерейныхъ растеній—2.281 нумеръ въ 3.852 экземплярахъ на сумму около 3.500 руб., деревьевъ и кустовъ—345 нумеровъ въ 1.087 экземплярахъ на сумму около 1.000 руб., кустарниковъ и травъ—2.528 нумеровъ въ 3.016 экземплярахъ на сумму около 1.500 руб. Садъ доставлялъ довольно матеріала для демонстрацій, упражненій въ анализѣ и для микроскопическихъ изслѣдованій. Въ этихъ изслѣдованіяхъ участвовали 9 студентовъ, а въ демонстраціяхъ, упражненіяхъ въ анализѣ и другихъ изслѣдованіяхъ 83 студента. Въ экономическомъ и технологическомъ кабинетѣ и лабораторіи для сельско-хозяйственной химіи: книгъ—118 названій въ 165 томахъ, съ періодическими изданіями на 1.341 руб. 27 коп., препаратовъ—701 нумеръ на 1.135 руб., моделей—161 на 1.504 руб., инструментовъ и аппаратовъ—323 на 4.458 руб. 50 коп. Въ каждомъ семестрѣ занимались 4 студента научными изслѣдованіями по сельско-хозяйственной химіи. Въ астрономической обсерваторіи: книгъ—819 названій въ 1.139 томахъ на сумму 1.971 50 коп., періодическихъ изданій—84 названія въ 670 томахъ, картъ, атласовъ, эстамповъ—42 нумера, всего на 8.130 руб., инструментовъ и аппаратовъ—152 нумера на 30.719 руб. Въ практическихъ изслѣдованіяхъ участвовали въ 1-мъ семестрѣ 6 студентовъ. Въ фармацевтическомъ институтѣ: книгъ—51 названіе въ 85 томахъ, періодическихъ изданій—10 названій въ 241 томѣ, тѣхъ и другихъ на 937 р. 89 коп., аппаратовъ и инструментовъ—486 нумеровъ въ 2.334 экземплярахъ на 11.576 руб. 62 коп., препаратовъ и реагенцій—2.538 нумеровъ въ 3.820 экземплярахъ на 3.120 руб., москотильныхъ товаровъ—1.100 нумеровъ въ 1.604 экземплярахъ на 650 руб., сосудовъ—6.442 экземпляра на 675 руб. 17 коп. Въ практическихъ упраж-

неніяхъ по химіи участвовали 129 студентовъ, научными работами большаго объема занимались 13 лицъ. Въ анатомическомъ театрѣ: книгъ, рисунковъ и т. п. — 180 нумеровъ на 1.005 руб. 28½ коп., статуй и моделей—6 нумеровъ на 93 руб. 43 коп., мебели, инструментовъ, аппаратовъ—228 нумеровъ на 6.030 руб. 50 коп., препаратовъ по анатоміи человѣка: по остеологіи—333 нумера на 693 р. 65 коп., по синдесмологіи—80 нумеровъ на 75 руб. 10 коп., по міологіи—3 нумера на 5 руб. 75 коп., по ангіологіи — 104 нумера на 270 руб. 90 коп., по неврологіи—58 нумеровъ на 148 руб. 20 коп., по спланхнологіи — 185 нумеровъ на 160 руб. 30 коп., препаратовъ по сравнительной анатоміи: скелетовъ — 381 нумеръ на 3.381 руб. 50 коп., череповъ—239 нумеровъ на 893 руб. 40 коп., другихъ препаратовъ по остеологіи — 220 нумеровъ на 123 руб. 55 коп., препаратовъ въ спиртѣ—1.477 нумеровъ на 2.055 руб. 45 коп. Изслѣдованіями труповъ занимались 35 студентовъ. Въ физіологическомъ институтѣ: книгъ—123 названія въ 150 томахъ на 323 руб. 8 коп., періодическихъ изданій — 9 названій въ 87 томахъ на 293 р. 46 к., картъ, рисунковъ и т. п.—7 нумеровъ на 39 руб. 62 коп., препаратовъ—4 нумера на 145 руб., аппаратовъ — 262 нумера на 4.558 р. 15 коп. Спеціальными научными изслѣдованіями (о створаживаніи молока и о происхожденіи цвѣтныхъ кровяныхъ тѣлецъ у млекопитающихъ) занимались 2 студента. Въ патологическомъ институтѣ: книгъ—97 названій въ 131 томѣ на 248 руб., періодическихъ изданій — 3 названія въ 131 томѣ на 90 руб., препаратовъ — 1.463 нумера на 2.388 руб., аппаратовъ и инструментовъ—144 нумера на 1.260 руб. Спеціальными изслѣдованіями по патологіи, именно изслѣдованіями подкожно-сѣтчатой гліемы и саркомы поверхностныхъ жилъ, о врожденныхъ безобразіяхъ или уродствахъ съ удвоенными организмами или членами, о студенистомъ ракѣ на грудной железѣ, занимались 3 студента; вскрытій труповъ было 54. Въ фармакологическомъ институтѣ: книгъ — 7 названій въ 7 томахъ на 100 руб., періодическихъ изданій—5 названій въ 26 томахъ на 99 руб. 22½ коп., москательныхъ товаровъ и препаратовъ — 971 нумеръ на 1.070 рублей 80 коп., аппаратовъ и инструментовъ—158 нумеровъ на 1.845 руб., мебели—49 нумеровъ на 711 руб. 48 коп. Спеціальными научными изслѣдованіями, именно: о дѣйствіи соединеній аммоніака, о дельфининѣ, объ алькаліяхъ и щелочныхъ земляхъ, о нервахъ сердца, объ извлеченіи щелочей, объ остаточномъ количествѣ воздуха жизненной емкости—занимались 6 студентовъ. Въ рисовальномъ заведеніи: кар-

тинъ, рисунковъ, эстамповъ, литографированныхъ картинъ, фотографій и т. п.—3.649 нумеровъ на 5.420 руб. Въ центральномъ музеѣ отечественныхъ древностей: книгъ и періодическихъ изданій — 407 названій въ 463 томахъ; картъ, эстамповъ, рисунковъ и т. п. — 87 листовъ, всего на 919 руб. 50 коп., древностей — 2.721 нумеръ. Въ медицинской клиникѣ: книгъ — 563 названія въ 645 томахъ на 1.667 руб. 65 коп., періодическихъ изданій — 3 названія въ 55 томахъ на 378 руб., аппаратовъ — 31 нумеръ на 702 руб. 17 коп. Больныхъ въ клиникѣ: къ 1-му января 1874 года не было, въ теченіе 1874 года принято—230, выздоровѣло — 63, выпущено получившихъ облегченіе или неизлечимыхъ—130, умерло—35, къ 1-му января 1875 года состояло—2. Въ хирургической клиникѣ: книгъ — 923 названій въ 362 томахъ на 1.165 руб. 99 коп., періодическихъ изданій—6 названій въ 56 томахъ на 498 руб., фотографій—127 листовъ на 102 руб., аппаратовъ и инструментовъ—1.460 нумеровъ на 4.000 руб., препаратовъ — 394 нумера. Больныхъ было: къ 1-му января 1874 года — 13, въ теченіе года принято — 295, выздоровѣло—165, выпущено—91, умерло 24, къ 1-му января 1875 года осталось—28. Практикантовъ имѣлось: въ 1-мъ семестрѣ—32, во 2-мъ 37, всего—69. Наиболѣе важныхъ операцій произведено—30. Въ офталмологической клиникѣ: книгъ—415 названій въ 510 томахъ, періодическихъ изданій — 8 названій въ 105 томахъ, всего на 1.025 руб. 18 коп., инструментовъ и аппаратовъ — 412 нумеровъ на 1.538 руб. 71 коп., препаратовъ—9 на 27 руб. 50 коп. Больныхъ было: отъ 1874 года не оставалось, въ теченіе 1875 года поступило—169, выздоровѣло—127, выбыло — 42. Практикантовъ было: въ 1-мъ семестрѣ — 4, во 2-мъ—13, всего 17. Въ акушерской клиникѣ: періодическихъ изданій—13 названій въ 208 томахъ на 589 руб., аппаратовъ и инструментовъ—397 нумеровъ на 1.997 руб., препаратовъ—188 нумеровъ. Больныхъ къ 1-му января 1874 года оставалось—1, въ теченіе года поступило—107. выздоровѣло—77, выбыло — 31, затѣмъ къ 1875 г. не оставалось ни одного. Практикантовъ состояло: въ 1-мъ семестрѣ — 17, во 2-мъ — 21, всего — 38. Въ университетскомъ отдѣленіи окружной лечебницы: книгъ и атласовъ—4 названія въ 6 томахъ на 12 руб., картъ и таблицъ—8 нумеровъ на 12 руб., инструментовъ и аппаратовъ—84 нумера въ 150 экземплярахъ на 1.252 руб. 63 коп., мебели—31 нумеръ въ 49 экземплярахъ на 154 руб. 19 коп. Больныхъ къ 1-му января 1874 года не оставалось, въ теченіе года поступило—132, выздоровѣло —66, выбыло—39, умерло—10, къ 1875

году оставалось 17. Практикантовъ состояло: въ 1-мъ семестрѣ — 5, во 2-мъ — 3, всего 8. Въ упражненіяхъ по судебной медицинѣ участвовало: въ 1-мъ семестрѣ—16, во 2-мъ—17 студентовъ. Вскрытій труповъ и судебно-медицинскихъ изслѣдованій произведено было—28.

— По штату Харьковскаго ветеринарнаго института положено 10 преподавателей, на лицо осталось къ 1-му января 1875 года—8; вакансій было 2: ординарнаго профессора и доцента.

Совѣтъ института имѣлъ въ теченіе года 23 засѣданія. Для усиленія учебной дѣятельности и поощренія студентовъ, просившимъ и заслуживавшимъ по успѣхамъ и поведенію назначены отъ института стипендіи; кромѣ того, какъ стипендіатамъ и своекоштнымъ студентамъ, такъ и воспитанникамъ 2-го разряда, отличнымъ по поведенію и успѣхамъ, опредѣлены были пособія изъ остатковъ стипендіальной суммы, а нѣкоторые были уволены отъ платы за слушаніе лекцій. Занятія студентовъ и другихъ учащихся заключались въ слѣдующемъ: I. Студенты 1-го и 2-го курса въ теченіе обоихъ семестровъ посѣщали лекціи вспомогательныхъ предметовъ, положенныхъ по уставу, въ Харьковскомъ университетѣ совмѣстно со студентами 1-го и 2-го курсовъ Харьковскаго университета и слѣдующихъ существенныхъ предметовъ ветеринаріи въ аудиторіяхъ института: курсъ анатоміи лошади и энциклопедію ветеринаріи, 2-й же курсъ въ 1-мъ семестрѣ предметы полугодовые—анатомію остальныхъ домашнихъ животныхъ, теорію подковыванія, фармакогнозію, и годовые—скотоводство и физіологію; во 2-мъ семестрѣ семестровые—фармацію, общую патологію съ семіотикой и феноменологіей съ лекціями физіологіи и скотоводства. Послѣ выдержанія испытаній и перехода въ 3-й курсъ подвергались полулекарскому испытанію изъ слѣдующихъ вспомогательныхъ предметовъ: физики, ботаники, зоологіи и химіи минеральной, органической и физіологической, и изучали въ этомъ курсѣ слѣдующіе существенные предметы: годовые—теоретическую хирургію, частную патологію съ терапіей, фармакологію, патологическую анатомію, и семестровые — діэтетику, общую терапію и оперативную хирургію. Кромѣ того, ежедневно посѣщали институтскія клиники хирургическую и терапевтическую, гдѣ были помощниками кураторовъ, студентовъ 4-го курса; въ институтской аптекѣ упражнялись въ приготовленіи лекарствъ и, наконецъ, назначались младшими дежурными въ клиникахъ. Студенты 4-го курса теоретически изучали: одинъ годовой предметъ—ученіе о повальныхъ и заразительныхъ болѣзняхъ, и семестровые: въ 1-мъ полугодіи—судебную ветеринарную медицину, родовспомогательную на-

уку и экстерьеръ; во 2-мъ семестрѣ, кромѣ ученія о повальныхъ болѣзняхъ, изучали еще ветеринарную полицію и практически безъ перерывовъ были кураторами больныхъ какъ поступающихъ въ институтскія клиники, такъ и амбулянтныхъ. Клиническія занятія студентовъ 4-го курса въ 1-мъ семестрѣ состояли въ слѣдующемъ: поступающіе больные изслѣдуются кураторомъ подъ руководствомъ клиническаго профессора; діагностика же, прогностика и самый планъ леченія постановляются тѣмъ же профессоромъ; во 2-мъ семестрѣ поступающіе больные представляются профессору кураторомъ, при чемъ имъ же назначается и планъ леченія; въ случаяхъ же исключительныхъ и особенно сложныхъ и запутанныхъ, клиническій профессоръ не перестаетъ руководить, какъ и въ 1-мъ семестрѣ. Кромѣ этихъ занятій, студенты 1-го курса со 2-го семестра и во весь учебный годъ 2-го и 3-го курса занимаются: 1) въ анатомическомъ театрѣ подъ руководствомъ прозектора упражненіемъ въ приготовленіи анатомическихъ препаратовъ, 4-го же курса — изготовляютъ препараты для окончательныхъ испытаній изъ практической анатоміи; 2) въ лабораторіи патологической анатоміи — микроскопическими изслѣдованіями органовъ погибшихъ въ клиникѣ больныхъ животныхъ; при чемъ кураторъ погибшаго больнаго, всегда студентъ IV курса, сообщаетъ преподавателю патологической анатоміи полную исторію болѣзни павшаго субъекта, послѣ чего, подъ непосредственнымъ руководствомъ профессора патологической анатоміи, дѣлается вскрытіе трупа въ присутствіи цѣлаго курса, и какъ онъ, такъ и его товарищи занимаются изслѣдованіемъ всѣхъ частей трупа; 3) въ кузницѣ, при институтѣ состоящей, студенты III-го курса, подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ ученаго кузнеца, занимаются приготовленіемъ подковъ для копытъ здоровыхъ и патологическихъ, а во 2-мъ семестрѣ студенты IV-го курса сами изготовляютъ подковы и сами же пригоняютъ къ копытамъ, что̀ и составляетъ окончательный экзаменъ изъ этого предмета; 4) въ химической лабораторіи, вполнѣ открытой, при фармацевтической лабораторіи института съ начала $18^{74}/_{75}$ академическаго года, студенты II-го курса, а нѣкоторые и изъ III-го курса, подъ руководствомъ лаборанта фармаціи, занимаются упражненіями въ химическомъ анализѣ. Наконецъ, студенты трехъ первыхъ курсовъ слушаютъ сельское хозяйство въ аудиторіяхъ института, излагаемое особымъ доцентомъ. Изъ экзаменаціонныхъ списковъ, полученныхъ отъ ректора Харьковскаго университета, видно, что студенты I-го и II-го курсовъ, посѣщавшіе

лекціи въ университетѣ по вспомогательнымъ предметамъ и подвергавшіеся тамъ же испытаніямъ, оказали очень хорошіе успѣхи, и изъ 86 человѣкъ I-го курса не удостоенныхъ перевода во II-й курсъ оказалось 18, а изъ II-го курса въ III-й изъ 53 человѣкъ перешло 48. II. Оставленные при институтѣ для окончанія образованія воспитанники 2-го разряда, не изучающіе вспомогательныхъ предметовъ, въ тѣ же полугодія, что и студенты III-го курса, изучали вмѣстѣ съ ними существенные предметы, назначенные для студентовъ, и съ начала года совмѣстно съ студентами III-го курса посѣщали клинику и аптеку. III. Воспитанники фельдшерской школы занимались слѣдующимъ: воспитанники I-го курса въ первомъ полугодіи слушали: изъ закона Божія—священную исторію, изъ русскаго языка—первую часть граматики и первую часть ариѳметики; латинскій языкъ — до спряженій; изъ существенныхъ предметовъ: семестровые—теорію кованья и фармацію, годовой — анатомію лошади; во 2-мъ семестрѣ продолжали: общеобразовательные: изъ закона Божія—катихизисъ, по русскому языку—синтаксисъ, по ариѳметикѣ—2-ю часть до тройнаго правила включительно, а изъ латинскаго языка — оканчивали 1-ю часть граматики; изъ существенныхъ предметовъ слушали: семестровые — скотоводство, фармакогнозію, физіологію и продолжали годовой—анатомію. Во II-мъ курсѣ въ первомъ полугодіи изучали русскую и латинскую граматику и существенные предметы: гигіену, скотоводство, фармакологію, патологію частную и теоретическую хирургію и экстерьеръ, и практически занимались въ дѣланіи простыхъ хирургическихъ операцій и въ родовспомогательныхъ пріемахъ; въ III-мъ курсѣ въ 1-мъ полугодіи занимались письменными практическими упражненіями на русскомъ языкѣ и продолжали начатыя въ истекшемъ полугодіи: частную патологію и теоретическую хирургію; практически занимались въ операціяхъ и въ пособіи при родахъ; во 2-мъ полугодіи слушали эпизоонологію. Кромѣ того, съ 1-го полугодія I-го курса до окончанія наукъ практически занимались въ кузницѣ, со 2-го полугодія I-го же курса до конца 6-го семестра въ аптекѣ—приготовленіемъ лекарствъ; со 2-го полугодія II-го курса до окончанія курса—въ клиникахъ. Занятія въ клиникахъ были двоякаго рода: до 6-го полугодія фельдшерскіе ученики были помощниками кураторовъ-студентовъ IV курса, а съ начала 6-го полугодія становились уже и сами кураторами больныхъ. Кромѣ исчисленныхъ занятій, студенты IV курса, подъ руководствомъ клиническаго профессора, директора института, вслѣдствіе появленія, какъ въ Харь-

ковѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, на рогатомъ скотѣ чумы и поступленія въ клиники института до 20 штукъ больныхъ, занимались провѣркою положенія въ наукѣ о возможности зараженія больными здоровыхъ субъектовъ различными способами; для этого пріобрѣтено было 6 совершенно здоровыхъ, годовалыхъ степной расы субъектовъ. Опытъ начался съ 28-го октября; здоровыхъ подвергли зараженію слѣдующими способами: а) помѣщенію въ тотъ станокъ, гдѣ прежде лежало больное чумою; б) покрывали здоровое тѣми попонами, которыми были укрыты больныя; в) было впрыснуто подъ кожу нѣсколько капель (до 10-ти) слизи, отдѣляющейся у больныхъ изъ полостей, выстланныхъ эпителіальною перепонкою; г) было впрыснуто подъ кожу нѣсколько капель крови, взятой изъ сердца погибшей отъ чумы коровы; д) изъ кожи павшей штуки вырѣзанъ кусокъ въ формѣ канатика и продѣтъ чрезъ складку кожи у здороваго субъекта, и е) здоровое животное было поставлено на разостланную на полу кожу, снятую съ павшаго отъ чумы субъекта. Всѣми этими способами зараженіе произошло полное, убѣдившее слушателей въ возможности передачи этой болѣзни всевозможными способами и путями. Весь ходъ болѣзни у каждаго зараженнаго субъекта тщательно былъ наблюдаемъ кураторами и малѣйшія перемѣны въ состояніи здоровья и болѣзненныхъ явленіяхъ записывались въ особыя скорбныя исторіи о каждомъ испытуемомъ животномъ. Выздоровѣвшія послѣ прививной чумы штуки оставлены были при клиникѣ и имъ вновь имѣетъ быть привита заразительная лимфа, для удостовѣренія, дѣйствительно ли субъектъ, перенесшій чуму, въ другой разъ ею не заболѣваетъ.

Изъ числа преподавателей Харьковскаго ветеринарнаго института изготовили *слѣдующіе* учено-литературные труды: профессоръ-директоръ *Мельниченко* — докладъ 4-му съѣзду русскихъ сельскихъ хозяевъ, бывшему въ Харьковѣ въ 1874 году, служившій отвѣтомъ на предложенный съѣзду Петровскою земледѣльческою и лѣсною академіею вопросъ: „Какія мѣры предосторожности слѣдовало бы принять хозяйствамъ въ случаѣ появленія чумы рогатаго скота въ окрестностяхъ и какія рѣшительныя мѣры въ случаѣ появленія ея уже въ хозяйствѣ", и профессоръ *Полюта* — „Леченіе азіятской холеры въ алгидномъ періодѣ", „Къ симптоматологіи алгиднаго періода холеры" и „Общая терапія алгиднаго періода азіятской холеры (по сравнительной патологіи)".

Учащихся къ 1-му января 1874 года состояло на лицо—192, въ

теченіе года вновь поступило студентами—72, выбыло—35, въ томъ числѣ по окончаніи курса—13, не окончившихъ курса—22, уволено за невзносъ платы за слушаніе лекцій — 7; затѣмъ къ 1-му января 1875 года оставалось—222, изъ нихъ: студентовъ института — 191, воспитанниковъ 2-го разряда—18 и фельдшерскихъ учениковъ—13. Изъ наличнаго числа студентовъ и обучавшихся въ фельдшерской при институтѣ школѣ было: 18 казенныхъ стипендіатовъ, 11 пансіонеровъ конноваводскаго вѣдомства, 1 стипендіатъ Кубанскаго казачьяго войска, 1 стипендіатъ намѣстника Кавказскаго, 15 стипендіатовъ разныхъ земствъ и 176 своекоштныхъ. Въ теченіе года, вслѣдствіе просьбъ, освобождено отъ платы — 14, отсроченъ взносъ платы — 3, приняты на казенныя стипендіи — 8. Удостоено ученыхъ степеней и званія: магистра ветеринарныхъ наукъ—1, ветеринара—17 и ветеринарнаго помощника—12.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

11/23-го декабря 1876.

I.

Я уже извѣщалъ васъ, что г. Альберъ Дюмонъ, управлявшій въ теченіе двухъ лѣтъ нашею археологическою школою въ Римѣ, назначенъ теперь директоромъ французской школы въ Аѳинахъ; мѣсто его въ столицѣ Италіанскаго королевства занялъ г. Жефруа, одинъ изъ профессоровъ Сорбонны и членъ Института. Декретомъ 20-го ноября (нов. ст.) римская наша школа подверглась существенному преобразованію: отнынѣ она должна имѣть своею задачею практическую подготовку членовъ Аѳинской школы для работъ, предстоящихъ имъ въ Греціи и на Востокѣ, а также изслѣдованіе памятниковъ и книгохранилищъ Италіи, исполненіе ученныхъ порученій, возлагаемыхъ на нее Институтомъ и различными комитетами министерства. Во главѣ ея находится директоръ, избираемый въ эту должность по двумъ спискамъ (изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ по два кандидата), составленіе коихъ принадлежитъ Академіи Надписей и отдѣленію высшаго преподаванія совѣщательнаго комитета. Директоръ назначается на шесть лѣтъ, но по истеченіи этого срока можетъ быть оставленъ въ должности. Школа состоитъ изъ воспитанниковъ перваго курса школы Аѳинской и собственно изъ членовъ римской школы (число коихъ простирается до шести). Мѣста эти должны быть предоставляемы кандидатамъ высшей Нормальной школы, Школы хартій, историко-филологическаго отдѣленія Школы высшихъ наукъ, а также вообще молодымъ людямъ, съ успѣхомъ выдержавшимъ экзаменъ на докторскую степень или обратившимъ на себя вниманіе своими учеными занятіями. Отъ кандидатовъ Нормальной школы требуется званіе экстраординарнаго профессора, отъ кандидатовъ Школы хартій— дипломъ архивиста палеографіи, а отъ кандидатовъ Школы высшихъ

наукъ—дипломъ объ окончаніи курса съ отличіемъ. Члены римской школы назначаются министерскимъ декретомъ на годъ: для этого они должны, въ началѣ лѣта, представить министру свои ученые труды, которые препровождаются для разсмотрѣнія въ Академію Надписей. Отъ отзыва же Академіи объ ихъ дѣятельности зависитъ, чтобы пребываніе ихъ въ Римѣ не ограничивалось однимъ годомъ, а было продолжено даже до двухъ лѣтъ.

Новый директоръ римской школы, г. Жефруа, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ нашихъ ученыхъ: кафедру его въ Парижскомъ факультетѣ займетъ г. Фюстель де-Куланжъ, авторъ „Общины античнаго міра“ и „Исторіи политическихъ учрежденій древней Франціи“.

Въ упомянутомъ мною декретѣ 20-го ноября особенное вниманіе обратило на себя то постановленіе, въ силу коего и воспитанникамъ Школы высшихъ наукъ открытъ нынѣ доступъ къ римской школѣ. Впервые такимъ образомъ существованіе ея удостоилось нынѣ оффиціальнаго признанія. Хотя г. Дюрюи учредилъ ее уже нѣсколько лѣтъ назадъ и хотя она успѣла подготовить нѣсколько замѣчательныхъ молодыхъ ученыхъ, къ ней все-таки относились не совсѣмъ доброжелательно; дипломы, раздаваемые ею, пользовались лишь нравственнымъ авторитетомъ; воспитанникамъ ея было очень трудно добиться каѳедры въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а потому и неудивительно, что наполнялась она по большей части иностранцами. Теперь слушатели этой школы имѣютъ по крайней мѣрѣ въ виду командировку въ Римъ на казенный счетъ. Счастье улыбнулось ей и въ другомъ отношеніи. Въ прошломъ своемъ письмѣ я сообщалъ вамъ о намѣреніи Парижскаго муниципальнаго совѣта ассигновать значительную сумму въ пособіе главнѣйшимъ изъ нашихъ столичныхъ учебныхъ заведеній: сумма эта въ настоящее время ассигнована и на долю Школы высшихъ наукъ приходится изъ нея 50.000 фр.

Въ Парижѣ открылся на дняхъ новый католическій факультетъ, а именно факультетъ словесный. Говорили, что клерикальная партія не щадила никакихъ усилій, чтобы заручиться содѣйствіемъ нѣкоторыхъ профессоровъ здѣшняго правительственнаго факультета, но повидимому усилія эти не увѣнчались успѣхомъ: только двое изъ нихъ приняли сдѣланныя имъ предложенія. Деканомъ новаго факультета назначенъ г. Огюстъ Низаръ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Дезире Низаромъ, бывшимъ профессоромъ Сорбонны и членомъ французской Академіи; онъ уже очень старъ, былъ когда-то инспекторомъ училищъ и не составилъ себѣ извѣстности своими сочиненіями. Пре-

подаваніе философіи поручено бывшему профессору Клермонскаго факультета, г. Ронделе; другія каѳедры распредѣлены слѣдующимъ образомъ: исторія — аббатъ Дангларъ, географія — аббатъ Дюранъ, греческая литература—г. Гюиль, латинская литература—г. Меньянъ, литература французская — аббатъ Деминьо: вы видете, что все это далеко не громкія имена въ нашемъ ученомъ мірѣ.

Г. Греаръ, завѣдующій отдѣленіемъ низшихъ училищъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, представилъ недавно префекту Сенскаго департамента подробный докладъ о состояніи означенныхъ училищъ. Документъ этотъ, вышедшій изъ подъ пера человѣка весьма компетентнаго, не могъ не возбудить интереса. Ограничусь нѣкоторыми, болѣе или менѣе любопытными, выдержками изъ него:

По ревизіи 1872 года считалось въ Парижѣ 105.330 дѣтей обоего пола отъ 2 до 6 лѣтъ, изъ коихъ 27.291 были помѣщены въ пріюты, содержимые на средства казны или частныхъ лицъ; по той же ревизіи число дѣтей 6—14 лѣтняго возраста простиралось до 186.693, изъ коихъ 157.335 посѣщали школу. Впрочемъ, по этимъ цифрамъ нельзя еще судить о всѣхъ дѣтяхъ, которыя получаютъ начальное образованіе: многіе изъ нихъ воспитываются дома или въ лицеяхъ и вообще въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также въ школахъ муниципальныхъ, въ школѣ коммерческой, въ коллегіи Шапталя и т. д. Принимая во вниманіе все это, г. Греаръ полагаетъ, что изъ 186.693 дѣтей 6—14 лѣтняго возраста 168.377 получаютъ въ различной степени образованіе, а 18.316 вовсе лишены его. Г. Греаръ дѣлаетъ этотъ выводъ, какъ замѣчено выше, на основаніи переписи 1872 года, но, по его же словамъ, число дѣтей, посѣщающихъ школы, возросло съ тѣхъ поръ на 9%. Онъ отзывается съ большими похвалами о прилежаніи учениковъ, даже принадлежащихъ къ бѣднѣйшимъ кварталамъ города. Конечно, происходитъ это отчасти и отъ того, что въ Парижѣ не отвлекаютъ, какъ въ селахъ, маленькихъ дѣтей отъ учебныхъ занятій домашними работами и къ тому же школы вездѣ находятся по близости. Вообще, въ упомянутомъ мною отношеніи, Парижъ можетъ быть поставленъ на ряду съ Женевскимъ кантономъ, гдѣ господствуетъ обязательное обученіе.

Въ докладѣ, изъ котораго я заимствовалъ эти свѣдѣнія, много говорится о дѣтскихъ пріютахъ, о вечернихъ школахъ для подмастерьевъ, о школахъ для взрослыхъ, а также о школахъ рисовальныхъ, которыя принадлежатъ къ лучшимъ учрежденіямъ нашего столичнаго муниципалитета.

II.

Изъ литературныхъ новостей я долженъ упомянуть о книгѣ, которой можно заранѣе предсказать блестящій успѣхъ, а именно о новомъ произведеніи г. Тена подъ заглавіемъ: „Les origines de la France contemporaine". Талантливый авторъ его занимался спачала философіею, но послѣдній трудъ его по этому предмету (De l'intilligence) появился уже шесть лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ себя исключительно исторіи. Изучая современную Францію, непримиримые раздоры ея партій и ученій, продолжающійся въ ней антогонизмъ стараго и новаго порядка, онъ вознамѣрился изслѣдовать самые источники этого явленія и указать, какимъ историческимъ путемъ сложился теперешній политическій и гражданскій бытъ страны. Г. Тенъ не принадлежитъ ни къ легитимистамъ, ни къ бонапартистамъ, ни къ республиканцамъ; по твердому его убѣжденію народъ, относительно своихъ учрежденій, является именно такимъ, какимъ создала его сама природа и исторія. „Политическій и соціальный строй, усвоиваемый народомъ, говоритъ онъ, зависитъ не отъ свободнаго его выбора, а условливается его характеромъ и всѣмъ его прошедшимъ; необходимо, чтобы въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ онъ примѣнялся къ основнымъ чертамъ той почвы, на которой хотятъ его утвердить; въ противномъ случаѣ онъ распадется самъ собою. Вотъ почему, если мы хотимъ обезпечить въ нашей странѣ успѣшное развитіе тѣхъ или другихъ учрежденій, намъ нужно тщательно изучить самихъ себя и чѣмъ болѣе разовьется въ насъ самосознаніе, тѣмъ вѣрнѣе угадаемъ мы, что̀ именно пригодно для насъ. Нужно, слѣдовательно, измѣнить обычные методы и уразумѣть себя, какъ народъ, прежде чѣмъ сочинять тѣ или другія конституціи. Конечно, первая изъ этихъ задачъ несравненно труднѣе и потребуетъ гораздо болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ послѣдующая. Сколько потребуется изслѣдованій, наблюденій и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ по всѣмъ областямъ дѣятельности и мышленія, сколько многообразнаго и вѣковаго труда, чтобы выяснить вполнѣ настоящее значеніе великой націи! Но это единственно надежное средство не впасть, вслѣдствіе ни на чемъ не основанныхъ умозаключеній, въ сочинительство ложныхъ конституцій: что касается до меня, то я не рѣшился бы усвоить себѣ ту или другую политическую доктрину, не изучивъ предварительно Франціи.

„Что такое современная Франція? Чтобы отвѣчать на этотъ во-

просъ, надо знать, какъ сложилась Францiя, или, другими словами, прослѣдить за зрѣлищемъ ея постепенной формацiи. Подъ конецъ прошлаго вѣка, подобно насѣкомому въ перiодъ сбрасыванiя кожи, она подверглась превращенiю. Старинная организацiя ея распадается: сама Францiя раздираетъ драгоцѣннѣйшiя ея ткани и впадаетъ какъ бы въ смертельныя конвульсiи; затѣмъ, послѣ цѣлаго ряда потрясенiй и тяжкой летаргiи она поднимается снова, но организацiя ея уже не такова, какою была прежде: вслѣдствiе глухаго внутренняго переворота явилось новое существо вмѣсто стараго. Въ 1808 году всѣ основныя его черты вполнѣ опредѣлились; уже тогда установилось въ зародышѣ все то, что поражаетъ насъ теперь,—политическiя революцiи, соцiальныя утопiи, различныя роли духовенства, дворянства буржуазiи и низшихъ слоевъ народа, правильное развитiе или уклоненiе отъ надлежащаго пути философiи, литературы, искусства. Вотъ почему всякiй разъ какъ стараемся мы уразумѣть наше настоящее положенiе, взоры наши невольно обращаются къ страшному кризису, посредствомъ котораго старый порядокъ вещей породилъ революцiю, а революцiя—теперешнюю Францiю".

Приступая къ своему труду, г. Тенъ занялся самыми тщательными и подробными изслѣдованiями. Онъ не ограничился тѣмъ, что изучилъ богатую литературу XVIII и XIX вѣковъ, а ознакомился со множествомъ неизданныхъ документовъ, хранящихся въ Нацiональной Парижской библiотекѣ, въ департаментскихъ архивахъ, а также въ архивахъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Онъ и посвятилъ книгу свою „гг. библiотекарямъ и архивистамъ Нацiональной библiотеки и нацiональныхъ архивовъ въ знакъ уваженiя и признательности". Вышедшiй нынѣ первый томъ раздѣленъ на слѣдующiя главы: 1) общественный строй старой Францiи; 2) нравы и характеры; 3) революцiонный духъ и доктрины; 4) постепенное распространенiе революцiонныхъ ученiй; 5) народъ предъ революцiею. Авторъ поставилъ себѣ задачею сохранять самое строгое безпристрастiе: онъ начинаетъ съ того, что выставляетъ на видъ громадныя услуги, оказанныя странѣ королевскою властью, а также дворянствомъ, привилегiи котораго служили лишь справедливою наградою за все, что было совершено имъ, но съ теченiемъ времени, по мѣрѣ того, какъ слагался новый общественный бытъ, сдѣлались не только безполезны, но даже вредны. Едвали не самыми блестящими страницами въ сочиненiи г. Тена нужно считать тѣ, которыя посвятилъ онъ литературѣ и философiи въ XVIII вѣкѣ. Здѣсь вполнѣ проявились талантъ и

мастерство изложенія, доставившія столь блестящій успѣхъ его „Исторіи англійской литературы".

Большимъ успѣхомъ въ нашей публикѣ пользуются книги, въ которыхъ экспериментальный методъ естественныхъ наукъ прилагается въ изслѣдованію вопросовъ, стоявшихъ доселѣ совершенно въ сторонѣ отъ этихъ наукъ. Книгопродавецъ Вальеръ издаетъ обширную коллекцію „Международная ученая библіотека" и точно такую же коллекцію предпринялъ книгопродавецъ Рейнвальдъ подъ названіемъ „Библіотека современнаго научнаго знанія". Эта послѣдняя, поставившая себѣ задачею знакомить публику съ результатами новѣйшихъ изысканій по біологіи, антропологіи, сравнительной миѳологіи, лингвистикѣ, этнографіи и т. п., и которою завѣдуютъ многіе изъ членовъ нашего Антропологическаго общества, какъ, напримѣръ, гг. Брока̀, Мортилле, генералъ Фадербъ, обѣщаетъ много любопытнаго. До сихъ поръ появились два ея тома. Одинъ изъ нихъ посвященъ біологіи, а другой, подъ заглавіемъ „Лингвистика", вышелъ изъ подъ пера г. Абеля Говелака. Имя этого автора не безъизвѣстно въ ученой литературѣ: онъ принадлежалъ къ числу главныхъ редакторовъ *Revue de linguistique* и *Revue d'anthropologie*, а лѣтъ пять тому назадъ издалъ „Опытъ граматики зендскаго языка". Новый трудъ его начинается нѣсколькими общими соображеніями о лингвистикѣ, филологіи, этимологіи, затѣмъ слѣдуетъ переходъ къ различнымъ формамъ языковъ, при чемъ на первомъ планѣ стоятъ индоевропейскія нарѣчія; г. Говелакъ является въ своихъ изысканіяхъ ревностнымъ приверженцемъ Шлейхера.

Г. Мишель Бреаль издалъ, наконецъ, Tabulae Eugubinae, надъ которыми онъ трудился такъ долго. Ученая критика не замедлитъ, конечно, высказать свое мнѣніе объ этомъ изслѣдованіи, о которомъ самъ г. Бреаль, въ предисловіи своемъ, выражается слѣдующимъ образомъ: „Въ изложеніи я усвоилъ такую манеру, что и авторъ, и читатель какъ будто вовсе не знакомы съ древне-умбрійскимъ нарѣчіемъ и сообща стараются разобрать надписи. Отъ читателя я требую только вниманія и знакомства съ классическими языками. Что касается до спеціалистовъ, то надѣюсь, что и они прочтутъ не безъ пользы мою книгу: мнѣ не приходило въ голову, идя по слѣдамъ моихъ предшественниковъ, высказывать, во что бы то ни стало, новые взгляды и если я вынужденъ былъ отвергнуть различныя гипотезы, утвердившіяся въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, то не иначе, какъ послѣ самой тщательной и строгой повѣрки ихъ. Относительно

многихъ пунктовъ у меня было столь же мало данныхъ, какъ задолго предъ симъ у Ауфрехта и Кирхгофа, и мнѣ оставалось только вооружиться тою же сдержанностью и осторожностью, которыя обнаруживали упомянутые мною ученые; въ этомъ случаѣ я охотно примирился съ мыслію, что въ моемъ переводѣ надписей заключается не мало пробѣловъ". Къ книгѣ г. Бреаля приложенъ подробный коментарій и граматика древне-умбрійскаго нарѣчія.

Недавно основанное Общество изученія памятниковъ старинной французской литературы дѣйствуетъ весьма успѣшно. Число его членовъ не только во Франціи, но включая сюда и другія страны, простирается болѣе чѣмъ до 350; у него образовался уже небольшой капиталъ; оно приступило теперь къ изданію своихъ биллютеней, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые изъ его членовъ приготовляютъ весьма любопытные труды: такъ, напримѣръ, г. Гастонъ Пари отдалъ въ печать сборникъ народныхъ пѣсенъ XV вѣка, къ которому будутъ приложены и ноты.

Нынѣшнею зимою потеряли мы нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ. Среди этихъ утратъ нужно прежде всего упомянуть о двухъ чиновникахъ Парижской національной библіотеки, гг. Панье и Ратери. Первый изъ нихъ былъ еще очень молодъ (онъ умеръ 33 лѣтъ), но уже пріобрѣлъ себѣ репутацію отличнаго знатока романскихъ нарѣчій; вмѣстѣ съ г. Гастономъ Пари принималъ онъ дѣятельное участіе въ превосходномъ изданіи поэмы о св. Алексѣѣ, которое удостоилось преміи Академіи Надписей и считался однимъ изъ главныхъ учредителей общества изученія памятниковъ старинной французской литературы и Общества изученія исторіи города Парижа. Товарищъ его, г. Ратери, родившійся въ 1807 году, принадлежалъ къ числу основательнѣйшихъ изслѣдователей исторіи нашей литературы; изъ трудовъ его пользовались особеннымъ вниманіемъ монографія о вліяніи италіанской литературы на французскую, ученое изданіе сочиненій Рабле и мемуаровъ д'Аржансона. Г. Ратери былъ хорошо извѣстенъ всѣмъ обычнымъ посѣтителямъ Національной библіотеки. Умеръ также г. Филонъ, авторъ многочисленныхъ историческихъ сочиненій, какъ напримѣръ, „Исторіи Европы въ XVI вѣкѣ" (1838 г.), „Исторіи римскаго сената" (1844) и „Исторія аѳинской демократіи" (1863 года). Сынъ его былъ воспитателемъ молодаго принца Наполеона. Collège de France понесъ весьма чувствительную потерю въ лицѣ оріенталиста, г. Седильо, издавшаго нѣсколько изслѣдованій объ

астрономія древнихъ восточныхъ народовъ, а также „Исторію Аравитянъ".

Французская академія обладаетъ достаточнымъ капиталомъ для годичныхъ премій, но недавно одинъ изъ здѣшнихъ богачей завѣщалъ ей сумму, приносящую ежегодно 4.000 фр., и она постановила учредить на эти деньги новую премію преимущественно для изслѣдованій по части французской филологіи. Конечно, это очень хорошо, но занятія филологіею получатъ у насъ надлежащее развитіе лишь тогда, когда будутъ основаны для нея нѣсколько каѳедръ при факультетахъ. Вотъ на что жертвователямъ слѣдовало бы обратить вниманіе.

Въ Академіи Надписей г. Бреаль занялъ мѣсто покойнаго Брюне де-Преля, а въ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ кресло г. Ремюза́ досталось г. Вулье. Этотъ послѣдній извѣстенъ дѣльными сочиненіями по философіи, главнымъ образомъ о Декартѣ и его времени. Французская академія избрала преемникомъ Гизо̀ г. Жюля Симона, который, въ тотъ самый день какъ состоялось назначеніе его въ академію, былъ также избранъ сенаторомъ.

Л. Л—ръ.

М. П. ПОГОДИНЪ.

(некрологъ).

Врагъ отрицательности узкой,
Всегда онъ въ уровень шелъ съ вѣкомъ:
Онъ въ человѣчествѣ былъ Русской,
Въ наукѣ былъ онъ человѣкомъ.

Ѳ. Тютчевъ.

8-го декабря, въ три часа по полудни, скончался въ Москвѣ, на 76-мъ году жизни, Михаилъ Петровичъ Погодинъ, знаменитый русскій историкъ и одинъ изъ старѣйшихъ и достойнѣйшихъ представителей русской науки и литературы. Потеря глубоко прискорбная, тѣмъ болѣе, что Михаилъ Петровичъ, не смотря на свой преклонный возрастъ, сохранялъ до послѣднихъ дней всю живость своихъ дарованій, весь пылъ своей души, и отличался такою энергіей умственной дѣятельности, какою не обладаютъ многіе, гораздо младшіе его годами....

Здѣсь не мѣсто входить въ описаніе и оцѣнку разнообразной дѣятельности покойнаго; но довольно напомнить лишь нѣкоторыя черты ея, чтобъ исполниться искренняго и глубокаго уваженія къ его незабвенной памяти.

Уроженецъ Москвы, питомецъ Московской гимназіи и Московскаго университета, изъ котораго онъ вышелъ въ 1821 году, Погодинъ въ Москвѣ же началъ и свою учено-литературную дѣятельность, и службу—сперва въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, а съ 1826 года – въ университетѣ, гдѣ состоялъ профессоромъ русской исторіи по 1844 годъ. Тамъ же, въ Москвѣ, жилъ онъ и въ послѣдствіи, хотя и состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Академіи Наукъ, по отдѣленію русскаго языка и словесности. Первые литературные труды Погодина, проникшіе въ печать, относятся ко времени студенчества, а

первымъ самостоятельнымъ ученымъ трудомъ его была магистерская диссертація „О происхожденіи Руси“, вышедшая въ свѣтъ въ 1825 году. Съ тѣхъ поръ открылся огромный, безконечный рядъ его изслѣдованій, разсужденій, замѣтокъ, очерковъ, изданій и другихъ трудовъ по русской исторіи. Погодинъ началъ свои труды на этомъ поприщѣ подъ вліяніемъ строгой Шлецеровской критики и животворнаго духа Карамзина, который, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, успѣлъ еще выразить одобреніе и поощреніе его первымъ историческимъ занятіямъ. Послѣ того Михаилъ Петровичъ безпрерывно продолжалъ эти занятія, то самъ производя изслѣдованія и добывая точные результаты, то лишь собирая, разыскивая и печатая новые матеріалы, то критикуя чужія мнѣнія, ставя новые историческіе вопросы, указывая новыя стороны въ вопросахъ уже возбужденныхъ, поощряя и одобряя новыя ученыя силы. Широко разбрасывалась дѣятельная мысль Погодина, но русская исторія, изученіе русской жизни въ ея прошедшемъ всегда было его господствующимъ интересомъ, которому онъ оставался неизмѣнно, беззавѣтно преданъ.

По живости своей природы Погодинъ не могъ однако довольствоваться одними трудами учеными; онъ испытывалъ свои силы въ изящной словесности и неоднократно выступалъ на поприще журнальной дѣятельности. Не обладая хужественнымъ талантомъ, онъ не оставилъ по себѣ ни одного замѣчательнаго литературнаго произведенія, въ тѣсномъ значеніи этого слова; за то, какъ журналистъ и публицистъ, Погодинъ сдѣлалъ чрезвычайно много. Воспитанный подъ живыми впечатлѣніями и воспоминаніями славной эпохи 1812 года и войны за освобожденіе Европы отъ Наполеонова ига, Погодинъ явился дѣятелемъ нашей періодической литературы въ то время, когда наша словесность, озаренная высокимъ геніемъ Пушкина, впервые стала выразительницею нашего народнаго сознанія. Вопросы о народности въ литературѣ и о необходимости изученія русской жизни затрогиваются уже въ первомъ журналѣ Погодина, конца двадцатыхъ годовъ, въ *Московскомъ Вѣстникѣ.* Затѣмъ, непосредственное знакомство съ славянскимъ міромъ, съ одной стороны, расширило кругозоръ Погодина, а съ другой—укрѣпило его въ томъ направленіи, которое отдаетъ преимущество народному началу въ цивилизаціи надъ космополитизмомъ, и этому началу онъ оставался вѣренъ во всю свою жизнь, во всей своей публичной дѣятельности, хотя въ то же время никогда не былъ врагомъ и западно-европейской образованности. Одаренный умомъ живымъ и впечатлительнымъ, а главное —

драгоцѣннымъ чутьемъ русской жизни, и особенно тѣхъ ея элементовъ религіозныхъ и нравственныхъ—которые всего менѣе поддаются точному опредѣленію, Погодинъ лучше, цѣльнѣе, чѣмъ кто другой изъ высшихъ представителей нашей интеллигенціи, успѣлъ сочетать результаты своихъ изысканій о прошломъ Россіи и всего Славянства съ явленіями современной дѣйствительности, соединять старое съ новымъ и объяснять одно другимъ въ ходѣ нашего государственнаго, общественнаго и умственнаго развитія. Онъ же одинъ изъ первыхъ въ Россіи постигъ значеніе идеи единенія Славянскихъ племенъ между собою, и прежде всего съ Россіей Отзывчивый на всѣ серьезные общественные вопросы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ говорить о нихъ такъ ясно, умѣлъ смотрѣть на нихъ съ такихъ сторонъ, что возбуждалъ равное сочувствіе и въ представителяхъ высокаго образованія, и въ простыхъ русскихъ людяхъ. Поэтому-то онъ и пользовался широкою популярностью въ родной Москвѣ, да и во всей Россіи.

Прибавимъ еще одну черту: какъ въ ученыхъ трудахъ народное чувство нерѣдко подсказывало ему неясный по историческимъ источникамъ смыслъ историческаго явленія, какъ въ дѣятельности публициста онъ всегда являлся воодушевленный самымъ горячимъ и благороднымъ патріотизмомъ, такъ и въ личныхъ сношеніяхъ чрезвычайная общительность и сердечность его не только привлекали къ нему всѣхъ, кто его зналъ, но и возбуждали во многихъ мысль, любовь къ умственнымъ занятіямъ и особливо интересъ къ изученію родной старины и роднаго быта. Много такихъ тружениковъ, въ разныхъ концахъ Россіи, обязаны ему первымъ ободреніемъ и поощреніемъ.

Множество ученыхъ и литературныхъ трудовъ и изданій, основаніе каѳедры по его мысли славянскихъ нарѣчій въ русскихъ университетахъ, установившееся нынѣ общеніе русскаго общества съ славянскимъ міромъ, наконецъ Погодинское древлехранилище, пріобрѣтенное Императоромъ Николаемъ Павловичемъ для Публичной Библіотеки въ Петербургѣ, служатъ и навсегда останутся драгоцѣнными памятниками славной дѣятельности Михаила Петровича Погодина на пользу русскаго просвѣщенія. Остается только пожелать, чтобы поучительная жизнь и труды его нашли себѣ достойнаго и правдиваго историка.

ОТДѢЛЪ

КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПОДЛОЖНЫЕ СТИХИ ВЪ СОЧИНЕНІИ ІУДЕЙСКАГО ФИЛОСОФА АРИСТОВУЛА.

Вслѣдствіе неоднократныхъ выселеній іудеевъ изъ Палестины въ Египетъ во время первыхъ Птоломеевъ, въ Александріи образовалось, какъ извѣстно, значительное іудейское общество, скоро усвоившее языкъ, нравы и образованность Грековъ. Изъ представителей этой образованности между египетскими іудеями преданіе сохранило имя философа Аристовула, принадлежавшаго къ школѣ перипатетиковъ и жившаго, по всей вѣроятности, во времена Филометора (180—145 г. до Р. Х.). Климентъ Александрійскій и Евсевій передаютъ нѣсколько отрывковъ изъ его сочиненія, которое было, по ихъ словамъ, посвящено царю и, повидимому, содержало въ себѣ толкованіе Моисеева закона. Одинъ изъ сообщаемыхъ Евсевіемъ отрывковъ изъ этого сочиненія (Praepar. Evang. XIII. 12) интересенъ, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что въ немъ приводятся нѣсколько стихотвореній подъ именами древнихъ греческихъ поэтовъ, именно одно стихотвореніе, состоящее изъ сорока одного стиха, подъ именемъ Орфѣя, изъ такъ-называемаго ἱερὸς λόγος; другое, содержащее девять стиховъ, подъ именемъ Арата, писавшаго во времена Птоломея Филадельфа; затѣмъ нѣсколько отрывочныхъ стиховъ подъ именами Гомера, Гезіода и Лина. Главное содержаніе орфеевскаго и аратовскаго стихотвореній составляетъ прославленіе Божества и Его значенія въ мірѣ. Въ отрывочныхъ стихахъ воспѣвается святость и важность седьмаго дня.

Что многія изъ этихъ стихотвореній составлены или по крайней мѣрѣ передѣланы кѣмъ-либо изъ лицъ, не принадлежавшихъ къ языческому обществу, это давно уже согласно признается учеными. Подделка слишкомъ очевидна, чтобы ее можно было оспаривать. Такъ поэтъ, которому принадлежитъ орфическое стихотвореніе, утверждая,

что никто изъ смертныхъ не видалъ Бога, дѣлаетъ исключеніе въ пользу одного лица, которое называетъ отпрыскомъ изъ древняго племени Халдеевъ и которому приписываетъ особое астрономическое знаніе [1]). Подъ этимъ мудрецомъ, очевидно, разумѣется кто-либо изъ предковъ еврейскаго народа, по всей вѣроятности, Авраамъ, такъ какъ и у другихъ писателей, относящихся къ этому же періоду, Аврааму обыкновенно усвояется особое астрономическое знаніе и онъ представляется даже учителемъ другихъ народовъ по астрономіи [2]). Въ томъ же стихотвореніи есть очень прозрачный намекъ и на Моисея съ его двумя скрижалями закона [3]). Въ двухъ отрывочныхъ стихахъ, изъ которыхъ одинъ приписывается Гомеру, другой — Лину, говорится о завершеніи всего въ седьмой день [4]), что заставляетъ предполагать знакомство поэта съ библейскимъ разказомъ о шести-

---

[1]) Euseb. Praep. Evang. XIII. 12. Поэтъ, сказавъ, что самого Бога не видитъ ни онъ самъ (то-есть, поэтъ), ни тѣмъ болѣе остальные люди, продолжаетъ:

22. Οὐ γὰρ κέν τις ἴδοι θνητῶν μερόπων κραίνοντα,
Εἰ μὴ μουνογενής τις ἀπορρὼξ φύλου ἄνωθεν
Χαλδαίων. ἴδρις γὰρ ἔην ἄστροιο πορείης,
25. Καὶ σφαίρης κίνημ' ἀμφὶ χθόνα ὡς περιτέλλει,
Κυκλοτερές γ' ἐν ἴσω, κατὰ δὲ σφέτερον κνώδακα:

[2]) Такъ, напримѣръ, Euseb. Praep. Evang. IX. 17, Евполемъ говоритъ объ Авраамѣ: εὐγενείᾳ καὶ σοφίᾳ πάντας ὑπερβεβηκότα, ὃν δὴ καὶ τὴν 'Αστρολογίαν καὶ Χαλδαικὴν εὑρεῖν... εἰς Φοινίκην ἐλθόντα κατοικῆσαι, καὶ τροπὰς Ἡλίου καὶ Σελήνης, καὶ τὰ ἄλλα πάντα διδάξαντα τοὺς Φοίνικας εὐαρεστῆσαι τῷ βασιλεῖ αὐτῶν... συζήσαντα δὲ τὸν 'Αβραὰμ ἐν Ἡλιουπόλει τοῖς Αἰγυπτίων Ἱερεῦσι, πολλὰ μεταδιδάξαι αὐτοὺς, καὶ τὴν 'Αστρολογίαν. Или Ibid. 18: Артапонъ говоритъ объ Авраамѣ τοῦτον δὲ... πανοικίᾳ ἐλθεῖν εἰς Αἴγυπτον πρὸς τὸν τῶν Αἰγυπτίον βασιλέα Φαρεθώνην, καὶ τὴν 'Αστρολογίαν αὐτὸν διδάξαι... τόν δὲ Ἄρραμον τὴν ἀστρολογικὴν ἐπιστήμην παιδευθέντα πρῶτον μὲν ἐλθεῖν εἰς Φοινίκην, καὶ τοὺς Φοίνικας 'Αστρολογίαν διδάξαι, ὕστερον δὲ εἰς Αἴγυπτον παραγενέσθαι.

[3]) Раскрывъ нѣкоторыя черты божественнаго величія и всемогущества, поэтъ продолжаетъ:

36. Ὡς λόγος ἀρχαίων, ὡς ὑλογενὴς διέταξεν,
'Εκ θεόθεν γνώμαισί λαβὼν κατὰ δίπλακα θεσμόν.

Нѣкоторые вслѣдъ за Скалигеромъ вмѣсто ὑλογενής хотятъ читать ὑδογενής, такъ какъ по библейскому разказу Моисей дочерью Фараона былъ взятъ изъ воды.

[4]) Стихъ подъ именемъ Гезіода читается такъ:

Ἕβδομον ἦμαρ ἔην, καὶ τῷ τετέλεστο ἅπαντα.

Лину приписывается слѣдующій стихъ:

Ἑβδομάτῃ δὴ οἱ τετελεσμένα πάντα τέτυκται.

дневномъ твореніи міра. Такимъ образомъ, подделка со стороны неязычника очевидна. Кѣмъ же или по крайней мѣрѣ когда она сдѣлана? На этотъ вопросъ давались въ наше время два существенно различные отвѣта. По одному изъ нихъ подделка совершена не позднѣе вѣка Аристовула или даже самимъ Аристовуломъ; по другому она относится къ позднѣйшему времени и сдѣлана послѣ втораго вѣка по Р. Х. Оба эти мнѣнія имѣютъ одну общую черту: они ставятъ вопросъ о происхожденіи подложныхъ стихотвореній въ неразрывную связь съ вопросомъ о подлинности того отрывка изъ Аристовулова сочиненія, въ которомъ содержатся эти стихотворенія. Большинство ученыхъ вслѣдъ за Валькенеромъ [1]) признаютъ подлинность Евсевіева отрывка изъ Аристовула, а вмѣстѣ съ тѣмъ они и поддѣлку стихотвореній приписываютъ самому Аристовулу [2]). По другому мнѣнію, представителемъ котораго нужно считать Лёбека [3]), подложныя стихотворенія имѣютъ позднѣйшее происхожденіе, а вслѣдствіе того и самый отрывокъ изъ Аристовула Лёбекомъ отнесенъ къ тому же времени. Каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ свои основанія; но каждое встрѣчаетъ также и серьезныя возраженія. Начнемъ съ послѣдняго мнѣнія.

Орфическое стихотвореніе, самое большое и безспорно важнѣйшее изъ цитируемыхъ Аристовуломъ у Евсевія, мы имѣемъ въ трехъ варіантахъ: 1) какъ оно читается въ Евсевіевомъ отрывкѣ изъ Аристовула, 2) въ передачѣ Юстина мученика, Cohort. p. 18. ed. Rob. Steph., и 3) въ передачѣ Климента Александрійскаго, который начало этого стихотворенія приводитъ въ Cohort. p. 48. ed. Frid. Sylb., а продолженіе его частями въ различныхъ мѣстахъ Stromatum [4]). Эти три варіанта значительно отличны одинъ отъ другаго. У Юстина орфическое стихотвореніе вовсе не содержитъ тѣхъ намековъ на Авраама и Моисея, на которые указали мы выше. У Климента есть лишь первый изъ этихъ намековъ и нѣтъ втораго. Лёбекъ, сравни-

---

[1]) L. C. Valckenaeri Diatribe de Aristobulo Judaeo, philosopho peripatetico Alexandrino. 1806.

[2]) Нѣкоторые, напримѣръ Эвальдъ, относятъ ее даже ко времени ранѣе Аристовула.

[3]) Ср. *Aug. Lobeck* — Aglaophamus 1829. Объ орфическомъ стихотвореніи, находящемся у Аристовула, см. т. I. 438—448.

[4]) Всѣ три варіанта приведены у Lobeck Aglaoph., т. I, 439—445; варіанты Юстиновъ и Евсевіевъ приводятся сполна также у Mullach, Fragm. philosoph. graec. I, 166—167.

вая эти варіанты орфическаго стихотворенія одинъ съ другимъ, пришелъ къ мысли, что каждый изъ нихъ представляетъ особую редакцію: Юстиновъ варіантъ, самый краткій, долженъ представлять орфическое стихотвореніе въ его наиболѣе первоначальномъ видѣ; варіантъ Климента, сравнительно съ Юстиновымъ болѣе пространный, составляетъ позднѣйшее его искаженіе; наконецъ, варіантъ въ Аристовуловомъ отрывкѣ у Евсевія, самый пространный изъ варіантовъ, долженъ быть признанъ и самымъ позднимъ по времени. Отсюда Лёбекъ счелъ необходимымъ сдѣлать тотъ выводъ, что и самый отрывокъ изъ сочиненія Аристовула, въ которомъ приводятся древнія стихотворенія, не принадлежитъ перипатетику Аристовулу, жившему во времена Филометора, а составленъ уже послѣ Климента [1]). Но этотъ выводъ составляетъ весьма слабый пунктъ во взглядѣ Лёбека.

Евсевіевъ отрывокъ изъ Аристовула, какъ заключалъ Лёбекъ, составленъ послѣ Климента. Но кѣмъ же? Іудеемъ или христіаниномъ? Составитель могъ преслѣдовать одну изъ двухъ цѣлей: или подтвердить свидѣтельствомъ Аристовула древность греческаго перевода Библіи, или рѣшительнѣе доказать ту мысль, что древніе греческіе писатели пользовались іудейскою письменностію. Эти именно двѣ мысли рельефно выступаютъ въ Аристовуловыхъ отрывкахъ у Евсевія. И нельзя отрицать, что та и другая цѣль были въ интересахъ не іудеевъ только, но и христіанъ. Христіане приняли отъ іудеевъ и уважали греческій переводъ Библіи, извѣстный подъ именемъ перевода семидесяти. Многіе христіанскіе ученые въ нравственной борьбѣ съ міромъ языческимъ, оспаривая самостоятельность его образованія, стояли на точкѣ зрѣнія, близкой ко взгляду іудейскихъ писателей. Но Климентъ самъ приводитъ (Strom. 1. 342) то мѣсто изъ Аристовула (слѣдовательно подлиннаго, или по крайней мѣрѣ жившаго до Климента), гдѣ говорится о переводѣ Священнаго Писанія на греческій языкъ. Какая же была нужда христіанину послѣ Климента составлять подложное сочиненіе на имя Аристовула, когда нужное свидѣтельство о переводѣ Библіи приводилось уже Климентомъ? Извѣстное сказаніе о переводѣ семидесяти принято было не въ іудейской толь-

[1]) Lobeck. Aglaoph. I, 447—448: In universum igitur sic contendo, Justiniano fragmento omnium brevissimo primigeniam carminis Orphici, qualis quidem illis temporibus fuit, formam repraesentari; novae interpolationis specimen praebere exemplum Clementis, quod Justiniano copiosus est, Aristobuleo adstrictius; novissimae ac gravissimae auctorem esse Aristobulum illum, quem Eusebius introduxit hominem sive Christianum, Clementis certe temporibus posteriorem.

ко, но и въ христіанской церкви (оно соединялось съ именемъ Аристея, современника этому переводу), и въ первые вѣка христіанства никто не думалъ оспаривать достовѣрность этого сказанія. Зачѣмъ же потребовалось бы для подтвержденія древности перевода составлять подложное сочиненіе на имя Аристовула, жившаго много позднѣе времени перевода? У Климента находимъ также почти всѣ тѣ цитаты изъ греческихъ поэтовъ, которые приводятся у Евсевіева Аристовула; и ученый Климентъ цитуетъ ихъ съ полною вѣрою въ ихъ подлинность; не видно и долго послѣ Климента никакихъ слѣдовъ сомнѣнія въ томъ. Значитъ, не могло явиться и нужды искать доказательствъ подлинности этихъ цитатъ. Впрочемъ, еслибы кто нибудь изъ позднѣйшихъ христіанъ заподозрилъ свидѣтельство Климента относительно подлинности встрѣчающихся въ его сочиненіяхъ древнихъ стихотвореній, неужели никто не заподозрилъ бы свидѣтельство іудея Аристовула? Поэтому едвали было бы полезно христіанину составлять подложное сочиненіе на имя Аристовула. И въ самомъ содержаніи Аристовуловыхъ отрывковъ у Евсевія нѣтъ ничего, что указывало бы на происхожденіе ихъ отъ христіанина; напротивъ того, находящееся въ нихъ чрезмѣрное возвеличеніе дня субботняго изобличаетъ писателя іудея; христіанину оно не могло бы придти на мысль, еслибы не было напередъ высказано какимъ-либо іудеемъ. Значитъ, подложное сочиненіе съ именемъ Аристовула могло быть составлено только іудеемъ. Но вѣкъ Климента былъ временемъ, когда блестящая пора для египетскихъ іудеевъ давно уже миновала. Жестокія гоненія отъ правительства, равно какъ и кровавыя столкновенія съ языческимъ населеніемъ Египта, въ конецъ разрушили ихъ прежнее благосостояніе еще до исхода втораго вѣка. Въ лицѣ общества христіанскаго, значительно усилившагося къ этому времени, іудеи пріобрѣли себѣ новыхъ противниковъ, нравственная борьба съ которыми должна была постепенно выступать теперь на первый планъ. Это ли было благопріятное время для появленія такихъ философскихъ комментаріевъ на Библію, направленныхъ противъ ученаго языческаго міра, какимъ является сочиненіе Аристовула? Но есть еще болѣе рѣшительное основаніе, по которому нельзя предположить происхожденіе Аристовулова сочиненія отъ іудея послѣ Климента. Уже Валькенеромъ вполнѣ обстоятельно была доказана связь многихъ мѣстъ изъ сочиненій Климента съ Евсевіевыми отрывками изъ Аристовула. Такъ, отрывокъ, заключающій въ себѣ подложныя стихотворенія, начинается свидѣтельствомъ о древнѣйшемъ переводѣ Библіи, свидѣтельствомъ, кото-

рое, какъ мы уже замѣчали, буквально приводитъ Климентъ изъ извѣстнаго ему Аристовулова сочиненія. Цитуемые у Евсевіева Аристовула стихи о седьмомъ днѣ подъ именами Гомера, Гезіода и Лина всѣ находятся у Климента, Strom. V. 600; и замѣчательно, что у Климента они приводятся даже въ томъ же самомъ порядкѣ какъ и у Аристовула, съ нѣкоторыми не очень значительными измѣненіями въ чтеніи, на которыя укажемъ далѣе. Это обстоятельство мы должны счесть тѣмъ болѣе важнымъ, что всѣхъ этихъ стиховъ у Аристовула десять и только четыре изъ нихъ образуютъ два отдѣльныя двустишія; остальные совершенно отрывочны, такъ что тожество ихъ и одинаковость ихъ порядка въ сочиненіяхъ двухъ различныхъ писателей никакъ не могутъ быть объяснены случайнымъ совпаденіемъ. Значеніе седьмаго дня, о которомъ говорится въ этихъ стихахъ, у Климента и Аристовула иногда характеризуется даже одними и тѣми же словами [1]). Встрѣчающееся въ томъ же Аристовуловомъ отрывкѣ толкованіе выраженій Пиѳагора, Сократа и Платона о голосѣ божественномъ есть также и у Климента въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, съ иною только постройкой періода [2]). Все это безспорно доказываетъ, что изъ двухъ писателей, Климента и Евсевіева Аристовула, одинъ пользовался сочиненіемъ другаго. Кто же именно пользовался? Если писатель Аристовулова сочиненія былъ іудей, то этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только въ одну сторону. Едва ли кто нибудь сочтетъ вѣроятнымъ, чтобы іудей, напримѣръ третьяго вѣка по Р. Х., рѣшившись составить сочиненіе на имя Аристовула, искалъ для него матеріала у христіанскаго писателя, заимствуя у него не только тѣ мѣста, гдѣ прямо цитуется Аристовулъ, но и древніе сти-

[1]) У Климента Strom. V. 600: καθ' ἣν (ἑβδόμην ἡμέραν) ὁ πᾶς κόσμος κυκλεῖται τῶν ζωογονουμένων καὶ φυομένων ἁπάντων. У Аристовула: δι' ἑβδομάδων δὲ καὶ πᾶς ο κόσμος κυκλεῖται τῶν ζωογονουμένων καὶ τῶν φυομὲνων ἁπάντων.

[2]) Clem. Strom. V. 596 chur. Euseb. Praep. Evang. XIII. 12. Другой отрывокъ у Евсевія изъ Аристовула, Praep. Evang. VIII. 10, также передаетъ иногда буквально точно то объясненіе сниществія Бога на Синай, которое Климентъ, Strom. VI. 632, приписываетъ Аристовулу. Если мы примемъ во вниманіе, что подлогъ не могъ быть сдѣланъ, когда еще было цѣло подлинное сочиненіе Аристовула и что Евсевій знаетъ только одно сочиненіе, принадлежащее этому философу, то и сходство этого Евсевіева отрывка изъ Аристовула съ цитатою Климента будетъ доказывать ту же мысль о необходимой связи между сочиненіями Климента и цитуемымъ у Евсевія сочиненіемъ Аристовула. Въ вышеупомянутомъ сочиненіи Валькенера можно найдти и другія сближенія между мыслями Климента и Аристовула.

хи и различныя объясненія Библіи, приводимыя у Климента, вовсе безъ упоминанія объ Аристовулѣ. Отсюда слѣдуетъ, что цитуемое Евсевіемъ сочиненіе Аристовула существовало ранѣе Климента. Такъ падаетъ выводъ Лёбека; а такъ какъ онъ казался неминуемымъ слѣдствіемъ той мысли, что Аристовуловъ варіантъ орфическаго стихотворенія произошелъ позднѣе Климентова варіанта, то была отвергнута и эта мысль.

Между тѣмъ и противоположное мнѣніе, которое слѣдуетъ признать въ настоящее время господствующимъ, встрѣчается съ немаловажными затрудненіями. По этому мнѣнію совершенно справедливо полагается, что цитуемое Евсевіемъ сочиненіе Аристовула есть то самое, которое видѣлъ Климентъ и которое по всей вѣроятности принадлежало перипатетику Аристовулу, жившему во времена Филометора. Но приверженцы этого мнѣнія идутъ далѣе: они выводятъ отсюда древность того варіанта орфическаго стихотворенія, который приводится у Евсевія; по ихъ взгляду онъ долженъ принадлежать самому Аристовулу, такъ что многіе изъ нихъ не затрудняются характеризовать воззрѣнія Аристовула на основаніи разностей этого варіанта сравнительно съ варіантомъ Юстиновымъ. И этотъ-то именно выводъ и влечетъ за собою затрудненія. При оцѣнкѣ его возмемъ за исходную точку тотъ фактъ, что Климентъ видѣлъ сочиненіе Аристовула и пользовался имъ. Если Климентъ читалъ и орфическое стихотвореніе въ томъ видѣ, какъ оно приводится въ Евсевіевомъ отрывкѣ изъ Аристовула, то почему, спрашивается, онъ самъ не приводитъ его въ томъ же видѣ? Климентъ, правда, самъ указываетъ на то, что ему были извѣстны нѣкоторыя разности въ чтеніи орфическаго стихотворенія[1]). Но въ передачѣ другихъ стихотвореній онъ обыкновенно слѣдуетъ Аристовулу, а въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ даже особое побужденіе не отступать отъ него. Климентъ самъ вѣрилъ, что языческіе писатели знали многое, содержащееся въ Священномъ Писаніи, поэтому Аристовуловъ варіантъ несравненно болѣе подходитъ къ его цѣли, чѣмъ тотъ, который встрѣчаемъ у него самого, такъ какъ первый изъ нихъ, кромѣ указанія на Авраама, содержитъ довольно прозрачный намекъ на Моисея. Что же могло побудить его не воспользоваться такимъ намекомъ? Въ позднѣйшее время Целлеръ[2]) старался

---

[1]) Strom. V. 585. Употребивъ въ одномъ изъ стиховъ этого стихотворенія слово τέτυκται Климентъ прибавляетъ ἢ πέφυκεν, γράφεται γὰρ καὶ οὕτως.

[2]) Philosoph. d. Griechen. T. III. Abth. 2. H. 2. v. 219—220. Not. 2. Aufl. 2.

объяснить это какою-либо случайностію, напримѣръ, простымъ просмотромъ со стороны Климента подходящихъ къ его цѣли двухъ стиховъ или даже позднѣйшею ихъ вставкой въ сочиненіе Аристовула. Но и въ послѣднемъ случаѣ за исключеніемъ этихъ двухъ стиховъ орфическое стихотвореніе, по мнѣнію Целлера, должно было содержаться въ сочиненіи Аристовула въ томъ самомъ видѣ, какъ читаемъ его у Евсевія, и въ этомъ видѣ перейдти въ сочиненіе Климента. Однако, на дѣлѣ выходитъ не такъ. Въ связи съ отсутствіемъ у Климента 36-го и 37-го стиховъ, указывающихъ на Моисея и его законъ, стоитъ и отсутствіе у него стиха втораго, говорящаго объ обязательномъ для всѣхъ божественномъ законѣ [1]). Значитъ, пропускъ намека на Моисея не случаенъ, и онъ состоитъ не изъ двухъ только стиховъ. Но различіе между варіантами Климентовымъ и Аристовуловымъ и этимъ не ограничивается. Есть нѣсколько другихъ разностей, правда, не очень значительныхъ по своему содержанію, но замѣчательныхъ въ томъ отношеніи, что, отступая отъ Аристовулова чтенія, Климентъ всегда приближается къ чтенію Юстинову [2]). Очевидно, Климентовъ варіантъ никакъ не можетъ быть признанъ копіей съ Евсевіева за исключеніемъ только двухъ стиховъ. Валькенеръ, de

---

1) 2. Φεύγοντες δικαίων θεσμούς, θείοιο τεθέντος
Πᾶσι νόμου. . . . .

Послѣднія два слова, относящіяся къ третьему стиху, у Климента, какъ и у Юстина, читаются πάντες ὁμῶς и стоятъ по своему смыслу въ связи съ первымъ стихомъ.

2) Напримѣръ, у Аристовула:

10. Εἷς ἔστ' αὐτοτελής, αὐτοῦ δ' ὕπο πάντα τελεῖται,
'Εν δ' αὐτοῖς αὐτὸς περινίσσεται, οὐδέ τις αὐτὸν
Εἰσοράα ψυχῶν θνητῶν, νῷ δ' εἰσοράαται.

У Климента:

Εἷς ἔστ' αὐτογενής, ἑνὸς ἔκγονα πάντα τέτυκται,
'Εν δ' αὐτοῖς αὐτὸς περινίσσεται, οὐδέ τις αὐτὸν
Εἰσοράᾳ θνητῶν, αὐτὸς δέ γε πάντας ὁρᾶται.

У Юстина:

8. Εἷς ἔστ' αὐτογενής, ἑνὸς ἔκγονα πάντα τέτυκται,
'Εν δ'αὐτοῖς αὐτὸς περιγίγνεται (у Mullach. περινίσσεται), οὐδέ τις αὐτὸν
Εἰσοράα θνητῶν, αὐτὸς δέ γε πάντας ὁρᾶται.

Подобное различіе можно найти при сличеніи послѣднихъ двухъ стиховъ изъ приводимыхъ Clem. Strom. V, 607, съ соотвѣтствующими имъ 7 и 8 стихами у Юстина и 8 и 9 у Аристовула, или послѣдніе три стиха изъ приводимыхъ Clem. Strom. V, 585, съ соотвѣтствующими имъ 14—16 у Юстина и 20 — 22 у Аристовула.

Arist. Jud. 13—16, давалъ другое объясненіе различію чтеній орфическаго стихотворенія у Климента и Евсевіева Аристовула. Указаніе на Моисея, думалъ Валькенеръ, казалось Клименту слишкомъ невѣроятнымъ, а потому и было устранено имъ. Но развѣ вѣроятнѣе намеки на шестидневное твореніе міра, которые находятся въ отрывочныхъ стихотвореніяхъ, взятыхъ Климентомъ у того же Аристовула? Чтобы избѣжать такого вопроса, Валькенеру приходится безъ достаточныхъ основаній отрицать подлинность того мѣста въ Климентовыхъ Strom., гдѣ приводятся эти стихотворенія. Но затрудненія этимъ не оканчиваются. Развѣ вѣроятнѣе, можно спросить далѣе, указаніе на Авраама, принятое тѣмъ не менѣе Климентомъ въ его чтеніи самого же орфическаго стихотворенія? И если авторитетъ Аристовула былъ для него достаточнымъ ручательствомъ подлинности этого указанія, почему онъ оказался бы недостаточнымъ для убѣжденія его въ подлинности намека и на Моисея? Мы сказали, что, отступая отъ Аристовула, Климентъ всегда сближается съ варіантомъ Юстиновымъ. Какъ объяснить это? Сказать, что Юстиновъ варіантъ былъ ему извѣстенъ, еще не значитъ объяснить дѣло. Почему тогда онъ прямо не послѣдовалъ ему, если заподозрилъ искаженія у Аристовула? Мы, очевидно, запутаемся въ большія трудности, если примемъ, что Клименту было извѣстно орфическое стихотвореніе въ томъ чтеніи, которое находимъ въ Аристовуловомъ отрывкѣ у Евсевія.

Не трудно замѣтить, что всѣ эти затрудненія вызываются только тѣмъ обстоятельствомъ, что вопросъ о времени происхожденія орфическаго стихотворенія въ томъ видѣ, какъ читается оно у Евсевіева Аристовула, ставятъ въ неразрывную связь съ вопросомъ о подлинности самихъ Аристовуловыхъ фрагментовъ. Но признавать такую связь нѣтъ никакой необходимости. Сочиненіе Аристовула, цитуемое Евсевіемъ, могло быть древнѣе Климента или даже могло принадлежать перипатетику Аристовулу временъ Филометора, но орфическое стихотвореніе первоначально могло читаться въ немъ не такъ, какъ оно теперь читается у Евсевія; оно могло позднѣе подвергнуться искаженіямъ. Если принять такое предположеніе, то всѣ высказанныя затрудненія, очевидно, устранятся сами собою. Евсевіеву варіанту орфическаго стихотворенія, самому искаженному изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ его варіантовъ, мы можемъ тогда приписать и самое позднее происхожденіе, и между тѣмъ не будемъ поставлены въ необходимость отрицать тотъ фактъ, что цитуемое Евсевіемъ сочиненіе Ари-

стовула было извѣстно уже Клименту. Для насъ будетъ тогда совершенно понятно, почему Климентъ приводитъ орфическое стихотвореніе не въ томъ видѣ, какой имѣетъ оно у Евсевія: оно иначе читалось въ томъ экземплярѣ сочиненія Аристовула, какимъ пользовался Климентъ. Всмотримся въ высказанное предположеніе нѣсколько внимательнѣе, чтобы опредѣлить, на сколько вѣроятно оно само по себѣ.

Мы говорили, что Климентъ указываетъ на различіе чтеній орфическаго стихотворенія. Это доказываетъ, что оно уже до Климента находилось въ обращеніи и терпѣло при этомъ измѣненія. Едва-ли кто усумнится, что стихотворенія, содержавшія, подобно этому псевдо-орфическому, высокія мысли о Божествѣ, еще болѣе могли привлекать къ себѣ вниманіе іудейскаго общества въ періодъ особаго увлеченія его греческимъ образованіемъ, а вмѣстѣ и живой борьбы нравственной съ міромъ языческимъ. Конечно, и измѣненій они могли терпѣть тогда болѣе, и ненамѣренныхъ, и намѣренныхъ. Мы не должны забывать, что дѣло идетъ объ обществѣ, въ которомъ подлогъ съ благочестивою цѣлію вовсе не былъ исключеніемъ. Въ этомъ обществѣ возникла извѣстная Аристеева книжка съ разказомъ о переводѣ семидесяти, авторъ которой, позднѣйшій іудей, принимаетъ на себя маску язычника Аристея, современника переводу; здѣсь возникли нѣкоторыя изъ такъ называемыхъ сивиллинскихъ книгъ, въ одной изъ которыхъ Сивилла, напримѣръ, называетъ себя сестрой Изиды, богини египетской; здѣсь же, по всей вѣроятности, возникли и нѣкоторыя изъ приводимыхъ отцами церкви орфическихъ стихотвореній. Неудивительно, что стихотвореніе, обращавшее на себя особое вниманіе, подвергалось здѣсь передѣлкѣ не одинъ разъ. За тѣмъ искаженія постепенно вносились всюду, гдѣ приводилось это стихотвореніе. Аристовулъ могъ цитировать орфическое стихотвореніе въ видѣ, близкомъ къ Юстинову варіанту. Позднѣйшій переписчикъ или даже читатель его сочиненія, встрѣчая въ немъ знакомое стихотвореніе и находя, что здѣсь читается оно иначе, нежели въ какомъ видѣ оно было извѣстно ему самому, не стѣснялся замѣнить прежнюю редакцію новою или потому, что послѣднюю считалъ болѣе вѣрною, или потому, что находилъ ее болѣе отвѣчающею основной мысли Аристовула, или, наконецъ, просто потому, что она казалась ему болѣе желательною. Экземпляръ Аристовулова сочиненія, которымъ пользовался Климентъ, оказался, такимъ образомъ, уже съ искаженнымъ орфическимъ стихотвореніемъ. Еще болѣе искаженій вкралось въ тотъ экземпляръ, какимъ пользовался Евсевій. Но отсюда

нѣтъ никакой необходимости заключать, что послѣднія искаженія сдѣланы были уже послѣ Климента, а тѣмъ болѣе, что они сдѣланы были кѣмъ-либо изъ христіанскихъ писателей, напримѣръ самимъ Евсевіемъ. Ошибочность подобнаго взгляда вполнѣ основательно доказана была уже Валькенеромъ [1]. Всѣ важнѣйшія измѣненія въ орфическомъ стихотвореніи по всей вѣроятности сдѣланы были задолго даже до Климента кѣмъ-либо изъ египетскихъ іудеевъ; но ко времени Климента иныя изъ нихъ или вовсе еще не вошли въ Аристовулово сочиненіе, или не вошли въ тотъ экземпляръ, какимъ пользовался Климентъ.

Не безъ причины, конечно, автора Аристовуловыхъ отрывковъ у Евсевія обыкновенно отожествляютъ съ виновникомъ искаженій въ орфическомъ стихотвореніи. Искаженія стоятъ, повидимому, въ очень тѣсной связи съ содержаніемъ Аристовулова сочиненія. Все это сочиненіе, если судить по существующимъ отрывкамъ изъ него, было проникнуто мыслію, что греческіе писатели многое заимствовали изъ іудейской священной письменности. Искаженныя стихотворенія составляютъ прекрасное доказательство этой мысли: дѣлать намеки на Авраама или Моисея поэты, конечно, не могли, не зная библейскихъ сказаній. Поэтому искаженныя стихотворенія представляются необходимымъ дополненіемъ къ Аристовулову сочиненію. Однако, какъ ни правдоподобнымъ кажется такое мнѣніе, съ нимъ нельзя согласиться, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ орфическому стихотворенію. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что самую мысль о связи содержанія Аристовулова сочиненія съ искаженіями въ орфическомъ стихотвореніи нельзя принять безъ нѣкотораго ограниченія. То вѣрно, что въ сочиненіи Аристовула проводилась извѣстная теорія о заимствованіи греческими писателями лучшихъ своихъ взглядовъ изъ Моисеева закона. Но не менѣе несомнѣнно и то, что орфическое стихотвореніе и слѣдующее тотчасъ за нимъ стихотвореніе Арата приводятся Аристовуломъ не какъ прямое доказательство этой теоріи. Аристовулъ, ссылаясь на нихъ, хочетъ доказать только, что и по мнѣнію языческихъ поэтовъ, все управляется божественною силою. Но для этого былъ бы пригоденъ и Юстиновъ варіантъ, и нѣтъ никакой нужды въ намекахъ на Авраама и Моисея. Предъ цитатами изъ Ор-

[1] De Aristobulo Judaeo 74—75, 79—82; Dähne, Geschichtl. Darstell. d. jüdisch-alexandr. Religions-philos. 11 Abtheil. 90. Not. 46, гдѣ указываются лица, признававшія христіанъ виновниками подлога въ данномъ случаѣ.

фея и Арата онъ говоритъ: Ἔτι δὲ καὶ Ὀρφεὺς, ἐν ποιήμασι τῶν κατὰ τὸν ἱερὸν λόγον αὐτῷ λεγομένων, οὕτως ἐκτίθεται περὶ τοῦ διακρατεῖσθαι θείᾳ δυνάμει τὰ πάντα, καὶ γενητὰ ὑπάρχειν, καὶ ἐπὶ πάντων εἶναι τὸν Θεόν. λέγει δ' οὕτως. Затѣмъ по изложеніи орфическаго и аратовскаго стихотвореній Аристовулъ продолжаетъ: Σαφῶς οἶμαι δεδεῖχθαι, ὅτι διὰ πάντων ἐστὶν ἡ δύναμις τοῦ Θεοῦ. Для философа, который подобно Аристовулу былъ убѣжденъ, что всякія истины религіознаго свойства могли быть получены только чрезъ откровеніе, вѣрныя мысли о силѣ Божіей, встрѣчающіяся у поэтовъ, должны были служить косвеннымъ доказательствомъ знакомства поэтовъ съ книгами Священнаго Писанія. Но тѣмъ не менѣе послѣдняя мысль у Аристовула не выводится непосредственно изъ приведенныхъ стихотвореній. Поэтому, когда признаютъ связь между содержаніемъ Аристовулова отрывка у Евсевія и искаженіями въ орфическомъ стихотвореніи, могутъ имѣть въ виду только то, что намеки на Авраама и Моисея *могли бы* служить прекраснымъ доказательствомъ завѣтной мысли Аристовула, хотя прямо Аристовуломъ они и не приводятся съ такою цѣлію. Но отсюда должно слѣдовать заключеніе, прямо противоположное тому, которое дѣлаютъ лица, приписывающія поддѣлку въ орфическомъ стихотвореніи автору Аристовулова сочиненія. Вѣроятно ли въ самомъ дѣлѣ, чтобы писатель, убѣжденный въ заимствованіи греческими поэтами многихъ мыслей изъ іудейскаго закона, очевидно, старающійся при всякомъ случаѣ провести такой взглядъ, чтобы этотъ писатель, цитируя стихотвореніе древняго поэта, наглядно подтверждающее его мысль, прямо не указалъ на него, какъ на очевидное доказательство своего взгляда, чтобы онъ особо не поставилъ на видъ тѣ мѣста стихотворенія, которыя служатъ рѣшительнымъ его подтвержденіемъ? Климентъ, знавшій орфическое стихотвореніе лишь съ указаніемъ на Авраама, не преминулъ поставить его на видъ, разъясняя при этомъ, что дѣло идетъ объ Авраамѣ или его сынѣ (Strom. V. 607). Аристовулъ, скажутъ можетъ быть, намѣренно не указываетъ прямо на искаженныя мѣста стихотворенія, чтобы не подать повода обличить себя въ подлогѣ или искаженіи. Но для людей, знавшихъ орфическое стихотвореніе въ другомъ видѣ, искаженій скрыть было, безъ сомнѣнія, невозможно. Они были слишкомъ тенденціозны и притомъ слишкомъ прозрачны, чтобы не обратить на себя должнаго вниманія особенно при постоянномъ повтореніи Аристовуломъ мысли о зависимости греческихъ писателей отъ Священнаго Писанія. Да и какой былъ бы смыслъ въ искаженіи стихотворенія, если бы пришлось заботить-

ся о томъ, чтобы на искаженныя мѣста не обратили вниманія, когда вопросъ идетъ именно о тѣхъ взглядахъ, для подтвержденія которыхъ стихотвореніе было искажено? На сколько проще объяснится все это дѣло, если мы примемъ, что Аристовулъ еще не зналъ тѣхъ варіантовъ орфическаго стихотворенія, которые встрѣчаемъ у Климента и Евсевія, а потому цитовалъ его въ подтвержденіе той мысли, которую единственно оно могло доказывать. Впослѣдствіи искаженія внесены были въ его сочиненіе какъ совершенно отвѣчающія его основному взгляду, но при этомъ текстъ рѣчи самого Аристовула остался безъ измѣненія и потому оказывается не гармонирующимъ съ новымъ чтеніемъ стихотворенія.

Сличая менѣе значительныя разности Евсевіева варіанта орфическаго стихотворенія съ Юстиновымъ, указываютъ обыкновенно въ особенности на два измѣненія, допущенныя у Евсевія, которыя, какъ думаютъ, могутъ характеризовать взглядъ Аристовула. Въ восьмомъ стихѣ Евсевіева варіанта Богъ называется Τυπωτὴς κόσμοιο вмѣсто Юстинова Ἄναξ κόσμοιο; и затѣмъ въ двѣнадцатомъ стихѣ о Богѣ говорится, что Онъ νῷ εἰσοράαται, тогда какъ у Юстина вмѣсто этого читается, что самъ Онъ πάντας ὁρᾶται. Въ томъ и другомъ измѣненіи видятъ результатъ вліянія іудейско-александрійской философіи, особенности которой естественно должны были отражаться въ произведеніяхъ философа Аристовула. Но что касается мысли о созерцаніи Бога единственно умомъ, то хотя она у египетскихъ іудеевъ развивалась не безъ вліянія греческой философіи, однако безъ всякаго сомнѣнія могла принадлежать не однимъ лицамъ, отличавшимся особыми философскими стремленіями; поэтому она могла быть внесена въ орфическое стихотвореніе и кѣмъ либо другимъ изъ египетскихъ іудуевъ, особенно изъ жившихъ позднѣе Аристовула, когда новые богословскіе взгляды, развившіеся подъ вліяніемъ философіи, сильно распространились въ египетско-іудейскомъ обществѣ. Важнѣе, повидимому, названіе Бога Τυπωτὴς κόσμοιο. Позднѣйшая іудейско-александрійская философія, говорятъ, склонялась къ мысли, что Богъ есть собственно мірообразователь, а не творецъ міра. Если мы предположимъ теперь, что эта философія была развита уже Аристовуломъ, то названіе Бога Τυπωτὴς κόσμοιο будетъ характеристично для его воззрѣнія. Но самое предположеніе, что Аристовулъ признавалъ матерію вѣчной, и Бога только мірообразователемъ, основывается исключительно на этомъ мѣстѣ орфическаго стихотворенія. Послѣдовательное развитіе іудейско-александрійской философіи мы находимъ у Фи-

лона, александрійскаго іудея, писавшаго въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Но и у него твореніе міра ни въ какомъ случаѣ не отрицается рѣшительно. Филонъ нигдѣ съ полною опредѣленностію не говоритъ о совѣчной Богу матеріи. Наоборотъ, у него находимъ такія, напримѣръ, выраженія, что Богъ не τεχνίτης только, но и πατὴρ τῶν γιγνομένων [1]), не δημιουργὸς только, но и κτίστης, не только все εἰς τοὐμφανὲς ἤγαγεν, но и ἃ πρότερον οὐκ ἦν, ἐποίησε [2]). Едва ли въ такомъ случаѣ слово Τυπωτής въ орфическомъ стихотвореніи мы можемъ толковать въ смыслѣ приписанія Божеству исключительно мірообразовательной дѣятельности. И чѣмъ бо̀льшую древность приписали бы мы искаженіямъ, встрѣчающимся въ этомъ стихотвореніи, тѣмъ менѣе вѣроятно было бы такое толкованіе. Въ текстѣ рѣчи самого Аристовула у Евсевія мы находимъ такую, напримѣръ, фразу: Богъ ἐν ἕξ ἡμέραις ἐποίησε τὸν οὐρανὸν, καὶ τὴν γῆν, καὶ πάντα τὰ ἐν αὐτοῖς. Глаголъ ποιέω можетъ означать не образованіе только, но и твореніе. А поэтому, если приписать самому Аристовулу замѣну слова ἄνακτα словомъ τυπωτήν и именно съ цѣлію указать на ограниченіе дѣятельности Божества мірообразованіемъ, выйдетъ нѣкоторая странность; нужно будетъ признать, что писатель, который оказался на столько ревнивымъ къ мысли о Богѣ какъ только мірообразователѣ, что поспѣшилъ въ чужомъ стихотвореніи безразличное въ этомъ случаѣ ἄνακτα замѣнить болѣе характеристичнымъ τυπωτήν,—этотъ же самый писатель, говоря отъ своего лица и при томъ въ такомъ случаѣ, гдѣ дѣло прямо идетъ о мірообразовательной дѣятельности Божества, употребилъ фразу, которая вполнѣ допускаетъ мысль не согласную съ его убѣжденіемъ. Если же съ словомъ τυπωτής не соединять отрицанія творческой дѣятельности Божества, то оно будетъ означать довольно ходячую въ то время мысль, что собственно мірообразовательная дѣятельность Божества состояла въ дарованіи формы, образа безформенному веществу.

Если принять, что Климентовъ варіантъ орфическаго стихотворенія ближе къ тому, какъ читалось оно у самого Аристовула, чѣмъ Евсевіевъ, то нужно будетъ послѣдовательно допустить также, что и отрывочные стихи о значеніи седьмаго дня, какъ они читаются у Климента, ближе къ древнѣйшей редакціи Аристовулова сочиненія, чѣмъ какъ они читаются въ Евсевіевомъ отрывкѣ изъ него. И такой выводъ дѣйствительно подтверждается сличеніемъ текста рѣчи Евсе-

---

[1]) Philonis Judaei opera ed. Hoeschel. Leg. Alleg. 43—44.

[2]) Ibid. De Somniis, 577.

вія съ текстомъ Климента. Самое существенное различіе между ними при изложеніи стиховъ о седьмомъ днѣ состоитъ въ томъ, что послѣднія два двустишія вмѣстѣ съ однимъ стихомъ, имъ предшествующимъ, у Климента приписываются Каллимаху, а у Евсевія Лину. Оба двустишія у обоихъ остаются безъ всякой перемѣны, но предшествующій имъ стихъ у Евсевія читается нѣскольке иначе, чѣмъ у Климента [1]). Какимъ же образомъ произошла замѣна имени одного поэта именемъ другаго? Объяснить ее простою случайностію едва ли возможно. Имена Лина и Каллимаха слишкомъ отличны одно отъ другаго, чтобы предполагать перемѣну слѣдствіемъ простой случайной ошибки переписчика. Измѣненіе перваго стиха, непосредственно слѣдующаго за именемъ Лина или Каллимаха, также показываетъ, что перемѣна имени поэта не есть дѣло простой случайности, а была слѣдствіемъ предпочтенія свидѣтельства одного поэта свидѣтельству другаго. Но и это предположеніе вызываетъ новое недоумѣніе. Почему же въ такомъ случаѣ два слѣдующія за первымъ стихомъ двустишія приписываются также не одному и тому же поэту, хотя читаются въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаково? Это затрудненіе, едва ли легко устранимое при другихъ предположеніяхъ, разрѣшится само собою, если мы примемъ, что Климентова редакція отрывочныхъ стиховъ о седьмомъ днѣ ближе къ первоначальной Аристовуловой, чѣмъ Евсевіева, и что послѣдняя образовалась изъ первой такимъ же путемъ, какимъ вносились въ Аристовулово сочиненіе искаженія орфическаго стихотворенія; переписчикъ или читатель этого сочиненія, встрѣтивъ въ немъ стихъ Каллимаха, замѣнилъ его другимъ стихомъ, близко подходящимъ къ нему по содержанію, но носившимъ болѣе авторитетное имя Лина; затѣмъ все дальнѣйшее онъ оставилъ безъ измѣненій, не находя въ нихъ нужды и мало заботясь о томъ, что чрезъ такую перемѣну послѣдующія два двустишія относятся къ другому автору. Такое отношеніе къ дѣлу нельзя признать возможнымъ со стороны Климента или Евсевія, но его легко допустить со стороны какого-нибудь іудейскаго переписчика, или читателя Аристовулова со-

---

[1]) У Климента онъ читается такъ:

Ἑβδομάτῃ δ' ἠοῖ καὶ οἱ τετύφοντο ἅπαντα

у Евсевія такъ:

Ἑβδομάτῃ δὴ οἱ τετελεσμένα πάντα τέτυκται.

чиненія [1]). Что у Аристовула стояло имя Каллимаха, а не Лина, объ этомъ можно заключить уже и изъ того мѣста, какое занимаетъ свидѣтельство этого поэта въ его сочиненіи. Когда Аристовулъ, изложивъ свое ученіе о седьмомъ днѣ, хочетъ сослаться на древнихъ поэтовъ, а вмѣстѣ и подтвердить свой взглядъ на зависимость ихъ ученія отъ ученія Моисеева, онъ говоритъ лишь о Гомерѣ и Гезіодѣ; и только уже послѣ того, какъ привелъ цитаты изъ послѣднихъ, упоминаетъ о Линѣ или Каллимахѣ и приводитъ изъ него свидѣтельство. Здѣсь отношеніе между свидѣтельствомъ Гомера и Гезіода, съ одной стороны, и Лина-Каллимаха съ другой—совершенно сходно съ тѣмъ отношеніемъ, въ которомъ поставленъ у него выше Аратъ къ Орфею; для подтвержденія своей мысли Аристовулъ также собственно ссылается на Орфея, и только уже приведши цитату изъ Орфея, прибавляетъ, что „объ этомъ говоритъ и Аратъ слѣдующимъ образомъ". Такое отношеніе свидѣтельствъ Гомера и Гезіода къ свидѣтельству цитуемаго послѣ нихъ поэта будетъ совершенно понятно, если послѣднее принадлежитъ сравнительно позднѣйшему поэту, Каллимаху, современнику Арата, поэту любимому Греками, но не имѣвшему, конечно, такого высокаго авторитета, какимъ пользовались имена Орфея, Гомера, Гезіода. Но какъ можно бы было понять это отношеніе, если бы дѣло шло о Линѣ, который считался однимъ изъ древнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ поэтовъ греческихъ, котораго имя также связано было съ миѳическими сказаніями какъ и имя Орфея?

Такимъ образомъ нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Климентова редакція отрывочныхъ стихотвореній, прославляющихъ седьмой день, ближе къ первоначальной Аристовуловой, чѣмъ Евсевіева. Не слѣдуетъ ли развить это предположеніе и далѣе? Климентовъ варіантъ орфическаго стихотворенія, какъ мы видѣли, есть уже искаженіе болѣе древняго чтенія его, которое встрѣчаемъ у Юстина; не слѣдуетъ ли теперь, соотвѣтственно этому, допустить, что и Климен-

---

[1]) Другое отличіе Климентова текста отъ Евсевіева составляетъ отсутствіе въ послѣднемъ между стихами, приводимыми подъ именемъ Гомера, слѣдующаго краткаго стиха, приводимаго Климентомъ:

Ἑβδόμη ἦν ἱερή,

Но съ одинаковымъ правомъ можно присутствіе его у Климента объяснять позднѣйшею вставкой, какъ и отсутствіе его у Евсевія случайнымъ пропускомъ. А потому отсюда нельзя сдѣлать никакихъ заключеній по занимающему насъ вопросу.

това редакція стихотвореній о седьмомъ днѣ также представляетъ уже результатъ позднѣйшихъ искаженій, и что стихи, которые въ свое время цитовалъ Аристовулъ, можетъ быть, не имѣли такой очевидной печати іудейской поддѣлки, съ какою явились они въ томъ экземплярѣ Аристовулова сочиненія, какимъ пользовался Климентъ? Нельзя сказать, чтобы въ пользу такого взгляда не было возможности представить никакихъ соображеній. Между приводимыми въ Аристовуловомъ отрывкѣ стихами о седьмомъ днѣ есть и такіе, которые вовсе не обличаютъ іудейскаго происхожденія. Таковъ первый стихъ [1]) приписываемый Аристовуломъ Гезіоду и дѣйствительно ему принадлежащій. Послѣднее двустишіе подъ именемъ Лина-Каллимаха [2]) также не содержитъ ничего, что заставляло бы думать о подлогѣ. О происхожденіи нѣкоторыхъ другихъ стиховъ критика еще не сказала своего послѣдняго слова. Защитникъ Аристовула могъ бы сослаться и на то, что доказать подложность того или другаго изъ стихотвореній, даже безспорно существовавшихъ въ сочиненіи Аристовула, еще не значитъ доказать, что оно составлено Аристовуломъ или вообще какимъ-либо іудеемъ. Подлоги выходили и изъ общества языческаго: такъ орфическое стихотвореніе въ Юстиновомъ варіантѣ могло и не принадлежать іудею, но тѣмъ не менѣе оно не принадлежитъ и Орфею и составлено во времена много позднѣйшія. Подобное происхожденіе могли имѣть и нѣкоторыя изъ приводимыхъ у Аристовула отрывочныхъ стихотвореній. Извѣстно важное значеніе, какое приписывали числамъ и въ частности седьмому числу пиѳагорейцы (и позднѣе неопиѳагорейцы); пиѳагорейскіе взгляды на числа могли быть выражаемы и въ стихотворной формѣ; а такіе стихи или самими ихъ авторами или позднѣйшими послѣдователями школы могли приписываться древнимъ поэтамъ. Аристовулу естественно было воспользоваться подобными стихотвореніями. Чего нельзя объяснить этимъ путемъ, то защитникъ Аристовула могъ бы приписать позднѣйшимъ искаженіямъ и вставкамъ. Какъ сравнительно легко искажались въ то время цитуемыя прежними авторами стихотворенія, объ этомъ можно судить уже потому, что приводимыя Аристовуломъ стихотворенія, какъ мы видѣли, рознятся по своему чтенію у Климента и Ев-

---

[1]) Πρῶτον ἔνη, τετράς τε, καὶ ἑβδόμη ἱερὸν ἦμαρ

[2]) ἑπτὰ δὲ πάντα τέτυκται ἐν οὐρανῷ ἀστερόεντι,
'Εν κύκλοισι φανὲντ' ἐπιτελλομένοις ἐνιαυτοῖς

Послѣднія два слова Mullach, I, 157, исправляетъ ἐπιτελλομένων ἐνιαυτῶν.

севія, тогда какъ текстъ рѣчи самого Аристовула (напримѣръ, о греческомъ переводѣ Библіи) передается обоими этими писателями почти безъ всякихъ отличій. Однако большаго значенія всѣмъ подобнымъ соображеніямъ придавать нельзя. Въ отношеніи къ орфическому стихотворенію, мы находимся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ: мы имѣемъ Юстиновъ варіантъ, который представляетъ, очевидно, болѣе первоначальную его форму, чѣмъ Климентовъ; ничего подобнаго мы не имѣемъ въ отношеніи къ ряду стихотвореній, доказывающихъ важность седьмаго дня; а вслѣдствіе этого всякія общія соображенія относительно той формы, въ какой этотъ рядъ стиховъ могъ бы быть приведенъ Аристовуломъ, лишены сколько-нибудь надежной фактической основы. Самый текстъ Аристовуловой рѣчи, при объясненіи значенія седьмаго дня, заставляетъ, повидимому, предполагать ссылку съ его стороны на такіе стихи, которые не могли принадлежать язычнику. Аристовулъ утверждаетъ, что Гомеръ и Гезіодъ признавали седьмой день священнымъ, заимствуя такой взглядъ изъ священныхъ еврейскихъ книгъ [1]); для подтвержденія этой мысли онъ уже самъ долженъ былъ, конечно, приводить тѣ стихи, въ которыхъ седьмой день называется святымъ (хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ читаются они у Климента и Евсевія). Между тѣмъ изъ этихъ стиховъ безспорно подлиннымъ считается одинъ лишь упомянутый стихъ Гезіода [2]). Подлинность остальныхъ очень сомнительна. Одинъ изъ приводимыхъ въ Аристовуловомъ отрывкѣ стиховъ подъ именемъ Гомера [3]) особо комментируется въ самомъ текстѣ отрывка; значитъ, также онъ былъ уже цитированъ самимъ авторомъ отрывка и, если судить по комментарію, въ томъ самомъ видѣ, какъ читаемъ мы его у Евсевія. Но и этотъ стихъ не считается подлиннымъ гомерическимъ, хотя въ его содержаніи нѣтъ ничего, что

[1]) Διασαφεῖ δὲ καὶ Ὅμηρος καὶ Ἡσίοδος, μετειληφότες ἐκ τῶν ἡμετέρων βιβλίων ἱερὰν εἶναι, говоритъ Аристовулъ о седьмомъ днѣ.

[2]) Правда, и въ этомъ спискѣ дѣло идетъ о значеніи не седьмаго дня недѣли, а седьмаго дня мѣсяца, см. Valcken. 113—116, тогда какъ Аристовулъ говоритъ о святости седьмаго дня недѣли, и это уже, повидимому, даетъ основаніе обличать его въ злоупотребленіи цитатами; однако въ защиту Аристовула можно сказать, что онъ имѣлъ право въ данномъ случаѣ сослаться на Гезіода, такъ какъ хочетъ доказать только, что поэты, научившись изъ священныхъ еврейскихъ книгъ, считали седьмой день священнымъ, а не то, что библейское ученіе о седьмомъ днѣ понято и усвоено поэтами совершенно вѣрно.

[3]) Ἑβδομάτῃ δὴ οἱ λίπομεν ῥόον ἐξ Ἀχέροντος.

доказывало бы его именно іудейское происхожденіе. Такимъ образомъ вопросъ о времени происхожденія краткихъ стихотвореній о седьмомъ днѣ съ точностію разрѣшенъ быть не можетъ, хотя іудейская поддѣлка въ нѣкоторыхъ изъ нихъ очевидна [1]).

Изъ стихотвореній, цитуемыхъ Аристовуломъ, мы не останавливались лишь на стихотвореніи Арата. Оно не было очень древнимъ для времени Аристовула, такъ какъ относится къ царствованію Птоломея Филадельфа и было, конечно, хорошо извѣстно современникамъ Филометора. Правда, и въ немъ одно измѣненіе допущено Аристовуломъ: имя Зевса замѣнено именемъ Бога; но Аристовулъ никакъ не скрываетъ этой замѣны и откровенно объясняетъ, что она сдѣлана имъ потому, что стихотвореніе по своему смыслу приложимо къ Богу [2]). Такимъ образомъ ни о какой поддѣлкѣ въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи.

---

[1]) Изъ цитованныхъ выше стиховъ подъ именами Гомера и Лина (Каллимаха) о завершеніи всего въ седьмой день происхожденіе псевдо-гомерическаго стиха прекрасно объяснилъ Валькенеръ, 122, изъ подлиннаго гомерическаго стиха Τέτρατον ἦμαρ ἔην, καὶ τῷ τετέλεστο ἅπαντα. Слово Τέτρατον измѣнено въ ἕβδομον.

[2]) Тотчасъ по изложеніи аратовскаго стихотворенія Аристовулъ говоритъ: Σαφῶς οἶμαι δεδεῖχθαι, ὅτι διὰ πάντων ἐστὶν ἡ δύναμις τοῦ Θεοῦ. Καθὼς δὲ δὴ σεσημάγκαμεν περιαιροῦντες τὸν διὰ τῶν ποιημάτων Δία, καὶ Ζῆνα· τὸ γὰρ τῆς διανοίας αὐτῶν ἐπὶ Θεὸν ἀναπέμπεται διόπερ οὕτως ἡμῖν εἴρηται. Не дается ли этимъ указаніе и на то, что̀ именно измѣнено Аристовуломъ и въ орфическомъ стихотвореніи? Приведенныя слова Аристовула составляютъ общее заключеніе его къ обоимъ стихотвореніямъ, и онъ говоритъ здѣсь о Зевсѣ ποιημάτων а не ποιήματος. Слово Δία встрѣчается въ Юстиновомъ варіантѣ орфическаго стихотворенія, но его уже нѣтъ ни у Климента, ни у Евсевія.

М. Каринскій.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Hor. Ep. I, 20, 19—28.

Едва ли какое другое мѣсто у Горація пользуется такою извѣстностью и цитируется столь часто, какъ находящееся въ концѣ первой книги посланій, изданной въ 20-мъ году до Р. Х., описаніе умственнаго и физическаго состоянія поэта. Вотъ оно:

Cum tibi sol tepidus plures admoverit aures,
Me libertino natum patre et in tenui re
Maiores pinnas nido extendisse loqueris,
Ut quantum generi demas, virtutibus addas;
Me primis urbis belli placuisse domique,
Corporis exigui, praecanum, solibus aptum,
Irasci celerem, tamen ut placabilis essem.
Forte meum siquis te percontabitur aevum:
Me quater undenos sciat implevisse Decembres,
Collegam Lepidum quo dixit Lollius anno.

Сдѣлаемъ прежде всего два небольшихъ замѣчанія относительно этого отрывка.

„Sol tepidus“—ничто иное какъ перифраза „anni“, „tempus“ или „dies“; имя же прилагательное присоединено здѣсь какъ поэтическое украшеніе.

Въ послѣднемъ стихѣ я помѣстилъ очень вѣроятную конъектуру Деринга „dixit“. Въ рукописяхъ же встрѣчается „duxit“. Оба эти слова бываютъ часто смѣшиваемы переписчиками. Изъ исторіи извѣстно, что выборъ консуловъ въ 21 г. до Р. Х. состоялся лишь съ большимъ трудомъ, такъ что М. Лоллій долгое время одинъ исправлялъ

должность консула, и лишь позднѣе К. Лепидъ сдѣлался его товарищемъ. Въ этомъ случаѣ относительно консула, который позднѣе провозглашаетъ избраннаго, употребляется обыкновенно глаголъ „dicere" (одинаковый же смыслъ имѣетъ „edicere"), между тѣмъ какъ „ducere" въ разбираемомъ нами мѣстѣ лишено надлежащаго смысла.

Главное же затрудненіе заключается въ неоднократно возбуждавшихъ пререканія словахъ „solibus aptum". Обычное объясненіе ихъ: „apricationibus gaudentem frigorisque metuentem" справедливо отвергнуто Дёдерлейномъ и Мейнеке, ибо оно не соотвѣтствуетъ значенію имени прилагательнаго „aptus". „Aptus" никоимъ образомъ не есть синонимъ словъ: „amicus" или „assuetus". Дёдерлейнъ полагаетъ, что словами „solibus aptum" означается удобный фокусъ для солнечныхъ лучей, и что Горацій намекаетъ ими на свою плѣшивую голову. И дѣйствительно, плѣшивые, какъ извѣстно, много страдаютъ отъ солнечныхъ лучей.

Но и при этомъ объясненіи встрѣчается много сомнительнаго. Во первыхъ, не изъ чего не видно, чтобы Горацій былъ плѣшивъ; тѣмъ болѣе, что этому предположенію прямо противорѣчитъ предыдущее „praecanum", выражающее преждевременную сѣдину волосъ, а никакъ не отсутствіе ихъ. Другое мѣсто, приводимое съ цѣлью приписать Горацію лысину, Epist. I, 7, 25, 26:

> quodsi me noles usquam discedere, reddes
> forte latus, nigros angusta fronte capillos,

по моему мнѣнію, не подтверждаетъ упомянутаго предположенія. Горацій говоритъ здѣсь только Меценату, чтобы тотъ, вмѣсто сѣдыхъ его волосъ, возвратилъ ему черные лучшихъ его годовъ. Также мало подходитъ къ лысинѣ выраженіе „angusta fronte", ибо извѣстно, что лобъ плѣшивыхъ бываетъ всегда широкъ. Но даже еслибы попытались объяснить „angusta", какъ это возможно: „si tua opera rursus ex lata angusta facta erit", то ясно, что „nigros" было бы излишне. Ни въ какомъ случаѣ нѣтъ безусловной необходимости предполагать, что здѣсь содержится намекъ на лысину.

Кромѣ того, мнѣ вообще кажется, что предполагаемый Дедерлейномъ шутливый оборотъ мало соотвѣтствуетъ, хотя быть можетъ и не патетическому, но все же серьезному тону, которымъ Горацій говоритъ о себѣ въ приведенномъ мѣстѣ.

Мейнеке полагаетъ, что слѣдуетъ писать: „solis amicum" какъ въ Sat. II, 1, 70 вмѣсто „solis amantem" читается „virtutis amicus". Впрочемъ, эта поправка не такъ-то легка. Въ подкрѣпленіе ея нельзя

также слишкомъ ссылаться на мѣсто Carm. II, 6, 9—18, ибо тамъ Горацій говоритъ приглашавшему его съ собой въ дальнія странствованія Септимію, о томъ мѣстопребываніи, котораго онъ желалъ бы для себя не въ настоящее время, а въ старости. На 44-мъ году онъ не могъ, однако, считать себя старикомъ. Вслѣдствіе того, догадка Мейнеке, по моему, также мало соотвѣтствуетъ содержанію цитированнаго мѣста, какъ и догадка Дёдерлейна.

Въ позднѣйшее время два другихъ нѣмецкихъ ученыхъ Гербстъ и Отто Рихтеръ (въ Philolog. Jahrb. 1873 и 1874, стр. 830 и сл., стр. 756) — высказали предположеніе, что слѣдуетъ писать „solibus ustum".

Прежде чѣмъ высказаться объ этой конъектурѣ, я въ короткихъ словахъ хочу выяснить собственное свое объясненіе словъ: „solibus aptum", тѣмъ болѣе, что Флекэйзенъ, ученый издатель журнала Philologische Jahrbücher (см. стр. 814 книги за 1874 годъ), очень любезно упомянувъ о моемъ небольшомъ изданіи Горація, недавно появившемся у Тейбнера, какъ бы ставитъ мнѣ въ упрекъ, что мною не была принята въ текстѣ означенная конъектура.

„Solibus aptum" объяснялъ я себѣ слѣдующимъ образомъ: „eo habitu corporis et animi praeditum, qui aptus est aetati meae (то есть virili)".

То, что „soles" можетъ быть употреблено вмѣсто „anni", не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ Cynegetica Nemesiana 121 говорится слѣдующее: „sit femina, binos quae tulerit soles. Также выше у самого Горація „sol" было употреблено почти въ одинаковомъ значеніи съ „annus". Этому объясненію не противорѣчитъ слѣдующее затѣмъ „irasci celerem", ибо недостатокъ гнѣва, врожденный отъ природы, отнюдь не проходитъ съ юностью. Одно лишь не нравится мнѣ въ моемъ объясненіи. Такъ какъ Горацій сказалъ, что онъ преждевременно посѣдѣлъ, то предполагая, что „solibus aptum" имѣетъ указанный мною смыслъ, слѣдуетъ ожидать послѣ „praecanum" противительную частицу, или по крайней мѣрѣ „alioqui", какъ Sat. I, 6, 66. Безсоюзіе, столь любимое Гораціемъ, здѣсь оказывается довольно неуклюжимъ.

По этой причинѣ, дѣйствительно, я самъ склоняюсь теперь на сторону конъектуры „solibus ustum". Не безъ основанія, въ оправданіе конъектуры этой, ссылаются главнымъ образомъ на то, что схоліастъ Порфирій объясняетъ чтеніе вульгаты посредствомъ: solitum iacere sub sole et chroma facere, т. е. „colorem trahere". Латинскіе схоліасты, какъ извѣстно, любятъ употреблять греческія слова не рѣдко даже

тогда, когда имѣютъ подъ рукой подходящія латинскія. Ясно, что перифраза Порфирія очень подходитъ къ „solibus ustum“ и врядъ ли подходитъ къ „solibus aptum“. Вообще извѣстно, что въ текстѣ писателей, которыми пользовались схоліасты, иногда, хотя и рѣдко, встрѣчались лучшія чтенія, чѣмъ тѣ, которыя сохранились въ нашихъ рукописяхъ. Далѣе опорою для „solibus ustum“ можетъ служить слѣдующее мѣсто Еpод. II, 41: „perusta solibus pernicis uxor Apuli“, ибо вѣдь самъ Горацій говоритъ о себѣ, что онъ: „Lucanus an Apulus anceps“. Не такъ давно Флекэйзенъ на приведенномъ мѣстѣ изъ одного недавно вышедшаго въ свѣтъ сочиненія Грегоровіуса доказывалъ, что Апулійцамъ свойственны смуглыя лица.

Наконецъ ясно, что измѣненіе рукописнаго чтенія произошло довольно легко. Ибо если, вслѣдствіе одинаковаго предшествовавшаго слога, „us“ выпало въ „ustum“, то ради возстановленія стиха и изъ „tum“ могло быть сдѣлано „aptum“, каковыя интерполяціи часто были дѣлаемы переписчиками.

Вслѣдствіе этого я имѣю намѣреніе, въ случаѣ новаго изданія Горація, въ текстѣ поставить „solibus ustum“. Во всякомъ случаѣ конъектура эта одна изъ самыхъ остроумныхъ, которыя когда-либо сдѣланы въ текстѣ Горація.

II.

Mart. Epigr. VI, 19.

Слѣдующая эпиграмма Марціала считается одною изъ лучшихъ и вызываетъ особенныя похвалы:

Non de vi neque caede, nec veneno,
Sed lis est mihi de tribus capellis.
Vicini queror has abesse furto.
Hoc iudex sibi postulat probari:
Tu Cannas Mithridaticumque bellum
Et periuria Punici furoris
Et Sullas Mariosque Muciosque
Magna voce sonas manuque tota.
Iam dic, Postume, de tribus capellis.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ отъ вниманія ученыхъ ускользало въ этомъ стихотвореніи одно не вѣрное чтеніе. А именно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что слово Cannas въ стихѣ 5-мъ должно быть измѣнено, такъ какъ о пуническихъ войнахъ, особенно о второй, наиболѣе опасной для Римлянъ, и преимущественно о самомъ жестокомъ

пораженіи, когда-либо испытанномъ ими, говорится лишь въ стихѣ 6-мъ, въ которомъ особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на слово „*furor*“. Для устраненія этого неудобства, Николай Гейнзіусъ, геніальный голландскій критикъ, измѣнилъ *Cannas* въ *Cinnas*.

Нельзя, однако, считать эту поправку удачною, ибо лишь въ 7-мъ стихѣ упоминается о склонности адвоката Постума, въ самыхъ незначительныхъ процессахъ, распространяться о знаменитыхъ государственныхъ лицахъ и правовѣдахъ Рима (ибо подъ словомъ *Mucios* нужно подразумѣвать не извѣстнаго врага Порсены, а Муціевъ временъ Гракховъ). Вслѣдствіе этого я предлагаю читать *Carras*. Извѣстно, что великое пораженіе, нанесенное при этомъ городѣ Парѳянами тріумвиру Крассу, долго не изглаживалось изъ памяти Римлянъ, и не менѣе того извѣстно, что, наравнѣ съ Карѳагенянами, главными врагами Римлянъ обыкновенно называютъ Парѳянъ.

Относительно этого достаточно указать на Тацита, Germania, стр. 37.

III.

О формахъ „mihi“, „nihil“. „vehemens“ и „prehendo“.

Извѣстно, что если въ латинскомъ языкѣ какое-либо слово оканчивается гласною или согласною „*m*“ и если слѣдующее затѣмъ слово начинается гласною или густымъ придыханіемъ, то древніе Римляне происходящее, такимъ образомъ, зіяніе находили столь неблагозвучнымъ, что старались его устранять или посредствомъ elisio или въ большинствѣ случаевъ посредствомъ слиянія конечной гласной съ слѣдующею начальною гласной, — сліянія, похожаго на синицезисъ.

Подобное, хотя и менѣе непріятное, а вслѣдствіе того не столь послѣдовательно избѣгаемое неблагозвучіе, казалось имъ, возникало также, если двѣ гласныя сталкивались въ срединѣ какого-либо слова.

Здѣсь не мѣсто толковать о всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ и о различныхъ способахъ, которые употребляли Римляне для устраненія такого неблагозвучія. Самый извѣстный изъ этихъ способовъ есть такъ называемый синицезисъ. О послѣднемъ было говорено, по отношенію къ древне-латинскимъ драматикамъ, Ричлемъ въ „Prolegomena Trinummi“, стр. 159—165, а по отношенію къ дактилическимъ поэтамъ, мною, въ книгѣ „De re metrica poetarum latinorum“, стр. 242—266.

Мы будемъ здѣсь разсматривать только тѣ случаи, гдѣ въ одномъ и томъ же словѣ между двумя гласными встрѣчается буква „h“. При

этомъ у дактилическихъ поэтовъ, по крайней мѣрѣ, синицезисъ, за однимъ лишь исключеніемъ, встрѣчается очень рѣдко.

Самымъ непріятнымъ образомъ поражала слухъ Римлянъ та форма зіянія, гдѣ въ серединѣ слова, также какъ и въ концѣ, сталкивались двѣ одинакія гласныя. При этомъ условіи, даже находящееся между гласными „h" не оказывалось достаточно сильнымъ, чтобы противодѣйствовать сліянію обѣихъ гласныхъ. Умалчивая о рѣдко встрѣчаемыхъ формахъ, мы поговоримъ, главнымъ образомъ, о словахъ „mihi", „nihil", „prehendo" и „vehemens", изъ которыхъ посредствомъ синицезиса, выражавшагося въ этомъ случаѣ и въ письмѣ, происходили формы „mi", „nil", „prendo" и „vemens". Нельзя и думать, чтобы болѣе короткія формы были въ то же время и болѣе древнія, какъ это выяснится изъ слѣдующаго.

„Mihi" произошло отъ „mibhi", „mifi", какъ доказываютъ латинскія формы „tibi", „sibi", умбрійское „tefe" и осское „sifei". „Nihil" сокращено изъ „nihilum" вмѣсто „nehilum". „Prehendo" было первоначально „praehendo", гдѣ „hend" соотвѣтствуетъ корню „χαδ" въ глаголѣ „χανδάνω" (ср. Курціуса Grundzüge der griechischen Etymologie, S. 186, III-е изд.). „Vehemens" наконецъ не произошло, какъ то утверждаютъ многіе древніе и нынѣшніе граматики, изъ „ve" и „mens", какъ „vecors", „vesanus" и „vepallidus", но отъ глагола „veho" (ср. Курціуса, стр. 182).

И такъ, если болѣе длинная форма этимологически вѣрнѣе, то это обстоятельство вовсе не доказываетъ еще, чтобы она была употребительнѣе, такъ какъ въ живыхъ языкахъ играетъ важную роль не только этимологія, но и многія другія соображенія, а въ греческомъ и латинскомъ—благозвучіе. Мы, напротивъ того, должны по употребленію писателей заключать, первоначальныя или сокращенныя формы названныхъ четырехъ словъ были употребляемы. Ясно, что при этомъ изслѣдованіи почти исключительно слѣдуетъ обратить вниманіе на поэтовъ, относительно которыхъ, большею частью вслѣдствіе размѣра, не существуетъ никакого сомнѣнія. Что касается до прозаиковъ, то мы не можемъ быть увѣрены въ томъ, самими ли ими употреблены были формы, встрѣчаемыя въ рукописяхъ, или же онѣ произошли отъ произвола переписчиковъ. По большей части болѣе длинныя формы встрѣчаются въ рукописяхъ римскихъ прозаиковъ и именно это-то обстоятельство и возбуждаетъ подозрѣніе. Ибо, какъ мы послѣ увидимъ, несокращенныя формы были въ ходу преимущественно въ послѣдніе вѣка существованія живаго латинскаго языка,

а отсюда перешли въ средневѣковую латынь. Свидѣтельства древнихъ граматиковъ также приносятъ мало пользы, ибо условливаются онѣ невѣрною этимологіею; къ тому же онѣ и неясны, и неполны.

Надписи также не представляютъ вѣрныхъ данныхъ относительно произношенія: не слѣдуетъ забывать, что Римляне часто, сображаясь съ правилами этимологіи, писали иначе, чѣмъ говорили.

Точное изслѣдованіе римскихъ писателей приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ:

Можно считать достовѣрнымъ, что форма „vehemens" встрѣчается лишь во II столѣтіи по Р. Х. въ Hendecasyllabus Phalaecius императора Марка Аврелія, и потомъ въ концѣ IV столѣтія у христіанскаго поэта Пруденція (ср. De re metrica, стр. 253). Потому не задумываясь надъ текстами классиковъ до конца серебряннаго вѣка, можно возстановить форму „vemens". Послѣдняя въ разговорной рѣчи образованнаго общества лучшихъ временъ была, кажется, единственно употребительною.

Формы „prehendo" и „prendo" и ихъ производныя и сложныя у большей части поэтовъ встрѣчаются безразлично. Во всякомъ случаѣ у дактиликовъ болѣе длинная форма часто подкрѣпляется размѣромъ. Труднѣе судить объ употребленіи этихъ формъ древне-латинскими драматиками, ибо тексты ихъ отчасти отрывочны, отчасти же очень испорчены. У Теренція при точномъ разборѣ всѣхъ мѣстъ, гдѣ встрѣчаются „prehendo" и его производныя формы, я считаю кратчайшую форму единственно вѣрною, такъ какъ стихи, въ которыхъ намъ кажется необходимою болѣе длинная форма, легко могутъ быть скандированы иначе, или же исправлены, соображаясь съ чтеніями лучшихъ рукописей.

Касательно Плавта труднѣе рѣшить этотъ вопросъ. Федръ, въ басняхъ своихъ, подобно комикамъ и сатирикамъ прибѣгающій къ обыденной рѣчи, употребляетъ только сокращенную форму, а потому у него въ V, 8, 4 слѣдуетъ писать:

non ipse possit Juppiter reprendere.

Въ изданіяхъ ошибочно стоитъ „reprehendere".

Вслѣдствіе вышеуказанной этимологіи этого слова, часто встрѣчаются формы „prachendo" или „praendo". Отвергать ихъ нельзя; но не слѣдуетъ забывать, что въ трехсложной формѣ первый слогъ постоянно кратокъ.

Форма „mihi" у драматиковъ встрѣчается чаще, чѣмъ „mi".

Ричль въ „Prolegomena Trinummi", стр. 291, склоненъ даже кратчайшую форму у Плавта допустить въ тезисѣ; онъ даже сомнѣвается, не слѣдуетъ ли ее совершенно исключить. Но я не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ и думаю напротивъ, что „mi" безспорно слѣдуетъ удержать тамъ, гдѣ оно подкрѣплено рукописями и допускается размѣромъ. Основаніемъ этого служитъ слѣдующее:

Такъ какъ извѣстно, что для устраненія hiatus'a въ серединѣ слова въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ преимущественно употребляется синицезисъ или сокращеніе, то слѣдуетъ предполагать (въ другихъ случаяхъ это даже несомнѣнно), что поэты наиболѣе подражавшіе разговорному языку, какъ то: комики и сатирики, предпочитали употреблять синицезисы или сокращенія.

Вслѣдствіе этого было бы непонятно, почему Плавтъ такъ старательно избѣгалъ формы „mî", навѣрно преобладавшей въ языкѣ римской plebs. У Теренція, Луцилія, Горація (въ сатирахъ и посланіяхъ), у Федра, Персія, Петронія и Ювенала въ употребленіи этой формы сомнѣваться нельзя.

Что же касается дактиликовъ, то означенная форма со временъ Августа встрѣчается у нихъ очень рѣдко; особенно избѣгали ея эпическіе и лирическіе поэты. У Горація, напримѣръ, въ одахъ и эподахъ, она совсѣмъ не встрѣчается; у Виргилія только въ Энеидѣ, у Овидія лишь въ Метаморфозахъ и притомъ у обоихъ послѣднихъ поэтовъ очень рѣдко (см. De re metrica, стр. 254).

Остается сказать нѣсколько словъ о „nihil", причемъ должно коснуться также „nihilum" и „nihilo".

Форма „nihil" собственно говоря должна бы имѣть послѣдній слогъ долгій, и дѣйствительно мы находимъ „nihil" у Плавта и Овидія какъ ямбъ (см. Лахмана о Лукреціи I, 159). Но гораздо чаще она встрѣчается какъ пиррихій, между прочимъ у Катулла, который употреблялъ (28, 12; 61, 193 въ моемъ изданіи) „nihilo" съ короткимъ вторымъ слогомъ.

Вмѣсто „nihilum" и „nihilo" древнелатинскіе драматики употребляютъ всегда сокращенныя формы „nilum", „nilo", встрѣчающіяся иногда у дактиликовъ и всегда у Лукреція. Впрочемъ слова „nihilum", „nihilo" („nilum", „nilo"), въ языкѣ болѣе возвышенной поэзіи временъ Августа и еще позднѣе, вовсе не употребительны. Уже выше было замѣчено, что Плавтъ употреблялъ иногда „nihil" какъ ямбъ. Трудно сказать, употреблялъ ли онъ иначе двусложное „nihil". У прочихъ древнелатинскихъ драматиковъ, кажется, нельзя найдти несомнѣнныхъ

примѣровъ для „nihil“, но за то есть множество примѣровъ для „nil“.

Что касается остальныхъ поэтовъ, то у Луцилія и Лукреція встрѣчаются лишь сокращенныя формы, также какъ у Федра. Во всѣхъ изданіяхъ Федра, между прочимъ и въ моемъ, въ двухъ мѣстахъ встрѣчается двусложная форма, требуемая размѣромъ, а именно III, 10, 28 и IV, 24, 66; поэтому я и считаю нужнымъ исправить здѣсь означенныя мѣста. Первый стихъ вульгаты гласитъ:

«nihil respiciens, dum dolorem vindicet».

Однако это чтеніе—интерполація Пероттина; codex Pithoeanus и Remensis вмѣсто „nihil“ respiciens dum“ имѣютъ: „nihil in respiciendum“. Нужно писать: „nil introspiciens dum“. „Nil“ слѣдуетъ принять или за винительный падежъ имени существительнаго, или за нарѣчіе, какъ напримѣръ у Тацита „de Oratoribus“ глава XII: „si introspicere altius velis“. Употребленіе „introspicere“ вмѣсто „cum cura inspicere“ извѣстно.

Во второмъ стихѣ читается слѣдующее:

«nihil laboras: ideo, cum opus est, nil habes».

Однако и это чтеніе интерполировано, какъ то доказываетъ Codex Perottinus, въ которомъ стоитъ:

«nihil laboras: ideoque nihil habes».

Такъ какъ „ideoque“ и „et ideo“ вмѣсто обыкновеннаго „ideo“ встрѣчаются рѣдко, то невѣроятно, чтобы здѣсь была интерполація. Вотъ почему слѣдуетъ писать:

«laboras nil: ideoque, cum opus est, nil habes».

Такимъ образомъ, это мѣсто гораздо лучше соотвѣтствуетъ стиху IX, къ которому оно и относится,

«laboro nil, atque optimis rebus fruor».

Изъ этого ясно, что у того же самого поэта въ прологѣ третьей книги, въ стихѣ 48, слѣдуетъ писать:

«huic excusatum me velim nilominus».

Остальные не драматическіе поэты по большей части безразлично употребляютъ „nil“ и „nihil“. Часто трудно рѣшить, какой формѣ они даютъ предпочтеніе.

Результатъ этого изслѣдованія слѣдующій: въ народномъ языкѣ до временъ императоровъ „vemens“, „nil“ и „prehendo“ были самыми употребительными формами; „nihil“ вошло кажется въ упо-

требленіе разговорнаго языка раньше чѣмъ „prehendo“ и „vehemens“.

„Mihi“ и „mi“, на сколько возможно обозрѣть латинскій языкъ, первоначально употреблялись въ разговорномъ языкѣ безразлично; но уже со временъ Августа, если еще не ранѣе, „mi“ стало употребляться какъ будто рѣже. Это объясняется отвращеніемъ Римлянъ къ односложнымъ словамъ, имѣющимъ одну лишь гласную.

Какъ мало при этихъ вопросахъ слѣдуетъ обращать вниманіе на показанія рукописей, доказываетъ то обстоятельство, что въ безчисленныхъ мѣстахъ, гдѣ „nil“, „mi“, prendo“, „vemens“ требуются размѣромъ, въ рукописяхъ все таки употреблены не сокращенныя формы. Впрочемъ, встрѣчается, хотя и рѣдко, противное.

Надписи также мало надежны: это доказывается тѣмъ, что именно древнѣйшія изъ нихъ содержатъ всегда формы „nihil“, а не „nil“.

IV.

Virg. Aen. II, 407—424.

Хотя сохранилось такое множество старинныхъ рукописей Виргилія, какое наврядъ-ли существуетъ для какого-либо другаго древняго автора, тѣмъ не менѣе критика его стихотвореній представляетъ много трудностей, изъ которыхъ далеко не всѣ устранены.

Извѣстно, что Виргилій не самъ издалъ Энеиду. Чувствуя приближеніе смерти, онъ поручилъ обработку и обнародованіе послѣдняго своего труда друзьямъ своимъ Луцію Варію и Плоцію Туккѣ съ тѣмъ, чтобы они выбросили изъ Энеиды все, что имъ заблагоразсудится, но отнюдь ничего не прибавляли бы.

Неизвѣстно, въ какой мѣрѣ добросовѣстно Варій и Тукка исполнили данное имъ порученіе, но можно смѣло утверждать, что эпосъ Виргилія въ отдѣльныхъ мѣстахъ потерпѣлъ множество измѣненій. Въ Энеидѣ встрѣчается именно значительное число стиховъ, которымъ недостаетъ второй половины (это—пробѣлы, которые Варіемъ и Туккой, изъ уваженія къ ихъ другу, не были пополнены), а также первоначально не было недостатка и въ такихъ стихахъ (что доказывается цѣлымъ рядомъ древнихъ достовѣрныхъ варіантовъ въ схоліяхъ), въ серединѣ коихъ была или лишняя стопа, или же вовсе ея не находилось, а это не могло быть допущено издателями. Такъ какъ нѣкоторыя части Энеиды были распространены въ рукописяхъ еще при жизни Виргилія и кромѣ того граматики и критики еще при Августѣ усердно принялись за изученіе этого поэта, такъ какъ чи-

тали его въ школахъ и онъ пользовался большою извѣстностью, то уже очень рано при сомнительныхъ мѣстахъ возникли многочисленные варіанты, между которыми выборъ иногда очень труденъ. Нѣкоторые варіанты, впрочемъ, происходятъ, можетъ быть, отъ самого Виргилія; ибо онъ, по всему вѣроятію, въ стихахъ, не вполнѣ законченныхъ, нерѣдко дѣлалъ различнаго рода поправки.

Воспользовались ли Варій и Тукка съ должною тщательностью первоначальною рукописью Энеиды и удалось ли имъ счастливо угадать мысли поэта тамъ, гдѣ встрѣчались пропуски или непонятныя темныя мѣста? Отвѣчать на этотъ вопросъ не легко, ибо, какъ замѣчено выше, мы имѣемъ слишкомъ мало достовѣрныхъ свѣдѣній о критической дѣятельности ихъ при изданіи Энеиды.

Однако, нѣтъ недостатка въ данныхъ, доказывающихъ, что Варій и Тукка не всегда поступали съ должною осмотрительностью и умѣньемъ. Въ подтвержденіе этой догадки позволю себѣ привести одно мѣсто, которое, безъ всякихъ сохранившихся у древнихъ граматиковъ варіантовъ относительно расположенія стиховъ, все-таки непремѣнно нуждается въ перестановкѣ для того, чтобы возстановить разказъ въ томъ видѣ, въ какомъ намѣревался изложить его Виргилій (Aen. II, 407—424):

non tulit hanc speciem furiata mente Coroebus,
et sese medium iniecit periturus in agmen.
consequimur cuncti et densis incurrimus armis.
hic primum ex alto delubri culmine telis
nostrorum obruimur, oriturque miserrima caedes
armorum facie et Graiarum errore iubarum.
tum Danai gemitu atque ereptae virginis ira
undique collecti invadunt, acerrimus Aiax
et gemini Atridae Dolopumque exercitus omnis;
adversi rupto ceu quondam turbine venti
confligunt, Zephyrusque Notusque et laetus evis
Eurus equis; stridunt silvae saevitque tridenti
spumens atque imo Nereus ciet aequora fundo.
illi etiam, si quos obscura nocte per umbram
fudimus insidiis totaque agitavimus urbe,
apparent; primi clipeos mentitaque tela
adgnoscunt atque ora sono discordia signant.
ilicet obruimur numero.

Описываемая ситуація представляетъ слѣдующее: послѣ счастливыхъ битвъ съ Андрогеосомъ и другими Греками, Троянцы, захвативъ оружіе убитыхъ Грековъ и побуждаемые примѣромъ Кореба, нападаютъ, подъ

предводительствомъ Энея, на новый отрядъ Грековъ, которые увлекали плѣнную Кассандру, невѣсту Кореба; они обращаютъ Грековъ въ бѣгство и освобождаютъ плѣнницу (это, безспорно, ясно изъ стиховъ 413 и 414). Столь благопріятный результатъ былъ достигнутъ не храбростью только Троянцевъ, но также благодаря замѣшательству Грековъ, которые, при видѣ наступающихъ на нихъ мнимыхъ земляковъ своихъ, приписали недоумѣнію нападеніе, которому они подверглись (такія заблужденія вѣдь не рѣдки при ночныхъ сраженіяхъ; ср. стихъ 371). Но потомъ дѣло принимаетъ другой оборотъ. Недоразумѣніе, только что послужившее Троянцамъ въ пользу, дѣлается для нихъ гибельно, ибо теперь собственные ихъ сограждане, принимая ихъ за Грековъ, осыпаютъ ихъ стрѣлами съ высоты храма Минервы. Это послѣднее обстоятельство еще на нѣкоторое время могло поддерживать въ умѣ Аякса и товарищей его ошибочную мысль, будто освободители Кассандры были тѣ же Греки, но въ концѣ концовъ они должны были сознать свою ошибку, а потому очень естественно (что и подтверждается посредствомъ „primi" въ стихѣ 422), что разбитые на первыхъ порахъ Греки, замѣтивъ, что Эней и спутники его завладѣли лишь оружіемъ Грековъ и не суть ихъ соотечественники, убѣдились въ военной хитрости Троянцевъ, освободившихъ Кассандру, и сообщили объ этомъ своимъ землякамъ.

Понявъ, такимъ образомъ, причину нападенія, Греки, подкрѣпленные бѣглецами, а вѣроятно также и другими свѣжими отрядами, дѣлаютъ теперь, подъ предводительствомъ Аякса, общую атаку съ цѣлью отомстить за понесенное ими пораженіе и снова захватить Кассандру. Здѣсь у Виргилія, какъ это часто случается и во второй книгѣ Энеиды, слѣдуетъ сравненіе съ цѣлью смягчить впечатлѣніе, произведенное сценами безпрерывныхъ битвъ и катастрофъ. Далѣе онъ сообщаетъ о результатѣ стычки: „ilicet obruimur numero", гдѣ „numerus" означаетъ превосходныя силы. Если удалось намъ вѣрно изложить ходъ мыслей поэта, то ясно, что стихи 420—423 должны быть помѣщены послѣ 412 стиха. Такимъ образомъ, все въ этомъ мѣстѣ явится въ естественномъ порядкѣ. Предположеніе Риббека, будто вмѣсто „primi", въ стихѣ 422, слѣдуетъ писать „Priami", мало заслуживаетъ вниманія, ибо во 1) врядъ-ли какой-либо древній авторъ обозначалъ Троянцевъ словами „Priami clipei", а во 2) щиты Энея и спутниковъ его, какъ это видно изъ стиховъ 389, 392, 396, были греческіе; наконецъ, устраненіемъ слова „primi" ровно ничего не выигрывается. Все-таки будетъ необходимо предположить, что

Греки, разбитые Троянцами, только тогда обратили вниманіе своихъ соотечественниковъ на прежнее ихъ заблужденіе, когда Аяксъ и воины его уже узнали о военной хитрости Троянцевъ и снова затѣяли съ ними битву. Также ясно, что „undique collecti" нужно считать гораздо болѣе подходящимъ, если принять предложенное нами перемѣщеніе стиховъ.

Выше я замѣтилъ, что приведенные мною стихи, быть можетъ по винѣ Варія и Тукки, находятся не на своемъ мѣстѣ. Мнѣ кажется, Виргилій весь отдѣлъ отъ 402—436 (за этимъ стихомъ, между прочимъ, слѣдуетъ ставить болѣе сильный знакъ препинанія; „vocati" стоитъ вмѣсто „vocati sumus", какъ и въ стихѣ 25 „rati" вмѣсто „rati sumus") обработалъ не окончательно; въ противномъ случаѣ онъ, безъ сомнѣнія, не мимоходомъ бы только описалъ въ стихѣ 413 начальную побѣду и временное освобожденіе Кассандры—одну изъ немногихъ счастливыхъ удачъ Троянцевъ въ ту злополучную ночь, которая была послѣднею ночью Трои.

Что касается стиховъ 420—423, на необходимость перестановки коихъ мы только что указали, то о происхожденіи ихъ и о томъ, почему они попали не на свое мѣсто, мы можемъ замѣтить слѣдующее. Послѣ того какъ поэтъ описалъ гибельное для Энея и спутниковъ его заблужденіе Троянцевъ, находившихся на крышѣ храма Паллады, а потомъ перешелъ къ новому нападенію со стороны сначала разбитыхъ, но вскорѣ опять собравшихся Грековъ, ему само собой должна была явиться мысль, что сцена эта лишь тогда была бы возможна, когда Греки узнали бы настоящій характеръ предполагаемыхъ соотечественниковъ своихъ, а узнать это легче всего было имъ отъ Грековъ, принимавшихъ участіе въ пораженіи Андрогеоса и въ битвахъ, описанныхъ въ стихахъ 396 — 398. Вотъ почему Виргилій и присоединилъ къ этому отдѣлу, или на полѣ, или на отдѣльномъ листкѣ, стихи 420—423, которые, по винѣ издателей его эпоса, были вставлены не тамъ, гдѣ бы слѣдовало.

V.

Разрѣшеніе арзиса у Федра.

Старинная поговорка: „in re grammatica aut nihil magnum est aut nihil parvum" относится также и къ метрикѣ. Пишущій эти строки, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, усердно и почти безпрерывно занимался римскою и греческою метрикой. За исключеніемъ Плавта и Теренція, онъ вполнѣ изслѣдовалъ римскихъ поэтовъ относительно ихъ

метрическихъ особенностей и не упускалъ изъ вида даже такихъ изысканій, которыя касаются мельчайшихъ подробностей. Онъ всегда былъ преисполненъ удивленія къ искусству и точности, примѣняемыми древними авторами въ стихосложеніи; не рѣдко болѣе всѣхъ отличаются въ этомъ отношеніи тѣ писатели, произведенія коихъ, судя по ихъ плавности и легкости, сложились какъ будто безъ малѣйшаго труда. Подобной похвалы преимущественно заслуживаетъ Овидій. Поэтому метрика каждаго сколько-нибудь обширнаго поэтическаго произведенія древности представляетъ почти неисчерпаемый источникъ для открытій. Еще разъ убѣдился я въ этомъ недавно, а именно, когда занимался новымъ изданіемъ Федра и для этой цѣли переложилъ въ стихи нѣсколько басень, сохранившихся только въ прозаической перифразѣ. Онѣ напечатаны въ апрѣльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ. Въ общемъ я соблюдалъ въ своихъ стихахъ метрику Федра; лишь объ одной вольности относительно разрѣшенія арзиса первой стопы у меня еще въ то время, когда печатались упомянутыя басни, возникло сомнѣніе, которое, при возобновленномъ изслѣдованіи Федра, я нашелъ основательнымъ. Постараюсь сообщить здѣсь результаты этихъ изслѣдованій, но прежде сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній по поводу метрики этого, часто читаемаго въ школахъ, автора.

Извѣстно, что Федръ подражаетъ вольности Плавта, Теренція и вообще всѣхъ драматическихъ римскихъ поэтовъ до паденія республики; подражаетъ онъ имъ въ томъ, что допускаетъ вездѣ, за исключеніемъ лишь шестой стопы, спондей или анапестъ. Но у него встрѣчается менѣе спондеевъ, чѣмъ у Плавта и Теренція, а употребленіе анапеста еще ограниченнѣе. Эта стопа наиболѣе встрѣчается на первомъ или пятомъ мѣстѣ: на первомъ мѣстѣ потому, что вообще въ началѣ стиха допускается бóльшая свобода размѣра, на пятомъ же потому, что Федръ, вслѣдствіе необходимости ямба въ концѣ стиха, лишь изрѣдка допускаетъ въ пятой стопѣ ямбъ. Также и въ прочихъ мѣстахъ иногда можно встрѣтить анапестъ, но никогда у Федра не стоятъ два анапеста непосредственно одинъ за другимъ. Разрѣшеніе арзиса попадается по большей части въ словахъ, состоящихъ изъ трехъ или болѣе слоговъ. При этомъ также, какъ и у древнѣйшихъ граматическихъ поэтовъ, строго соблюдается, чтобы для разрѣшенія арзиса не употреблялся предпослѣдній и послѣдній слогъ такихъ словъ, которыя образуютъ трибрахисъ или оканчиваются трибрахисомъ, — напримѣръ, legere, colligere. Иногда двусложное слово

образуетъ разрѣшенный арзисъ—но очень рѣдко односложное слово съ слѣдующимъ словомъ, имѣющимъ болѣе одного слога (см. предисловіе къ моему изданію Федра, Лейпцигъ, у Тейбнера, стр. IX).

Вслѣдствіе разрѣшенія арзиса происходитъ или трибрахисъ или дактиль или же proceleusmaticus, смотря потому, находится въ тезисѣ короткій слогъ или долгій или же два короткихъ. Proceleusmaticus встрѣчается лишь какъ первая стопа, и на этомъ мѣстѣ, я полагаю, употребленіе его не подлежитъ сомнѣнію. Дактиль чаще всего находимъ мы въ первой и третьей стопѣ, но также во второй, четвертой и пятой; трибрахисъ чаще всего на второмъ, третьемъ и четвертомъ мѣстѣ, но онъ не допускается ни на первомъ, ни на пятомъ, какъ обнаружило мнѣ новое изслѣдованіе Федра. Доказательствомъ этому служитъ слѣдующее:

Весьма немного мѣстъ въ рукописяхъ, гдѣ трибрахисъ стоитъ въ первой и въ пятой стопахъ. Иногда онъ появлялся въ текстѣ вслѣдствіе конъектуръ ученыхъ, да и самъ я долженъ признать за собою эту вину. Тѣ мѣста, гдѣ онъ засвидѣтельствованъ рукописями,—если допустить, что отъ вниманія моего не укрылось еще какое-либо другое, — суть слѣдующія:

I, 19, 8—9:

hoc quoque consumpto flagitare validius
cubile coepit.

Но на этомъ мѣстѣ codex Danielis вмѣсто „flagitare“ имѣетъ „flagitari“, что находится также въ Pithoeanus и въ Remensis; уже давно замѣчено, что пропускъ подлежащаго къ глаголу „coepit“ на этомъ мѣстѣ былъ бы крайне неудобенъ и двусмысленъ. Поэтому я склоненъ считать другое чтеніе болѣе правильнымъ, а именно, мнѣ кажется, что по примѣру Бентлея, слѣдовало бы писать „flagitari ut“, а вслѣдъ за этимъ „coepit“ должно стоять вмѣсто „coeptum“. При словѣ „flagitari“ нужно, разумѣется, подразумѣвать „a cane tugurii domina“. Поэтому послѣ „coepit“ слѣдуетъ ставить двоеточіе.

II прологъ 1, 2:

exemplis continetur Aesopi genus,
nec aliud quicquam per fabellas quaeritur.

Трибрахисъ въ началѣ втораго стиха легко можетъ быть устраненъ перестановкой, а именно:

nec per fabellas aliud quicquam quaeritur.

IV, 11, 12, 13:

ita hodie nec lucernam de flamma deum
nec de lucerna fas est accendi sacrum.

Въ рукописяхъ находится „itaque", чего и не слѣдовало бы измѣнять. Въ первой стопѣ стоитъ proceleusmaticus.

IV, 19, 2, 3:

gelu rigentem quidam colubram sustulit
sinuque fovit, contra se ipse misericors.

Здѣсь „ipse" въ граматическомъ отношеніи совершенно безукоризненно, ибо и Цицеронъ часто согласовалъ это мѣстоименіе съ подлежащимъ тамъ, гдѣ слѣдовало относить его къ дополненію. Но при этомъ легко приходитъ на умъ предложенная, на основаніи метрическихъ соображеній, конъектура „ipsum", такъ какъ слѣдующее слово начинается съ буквы *m*.

App. Per. 3, 15—17:

emungere igitur se volens prendit manu
traxitque ad terram nasi longitudinem,
et aliam ridens ipsa ridenda exstitit.

Можно было бы вмѣсто „et aliam" писать „aliamque", но гораздо вѣроятнѣе, что Федръ поставилъ: „sic aliam". Такимъ образомъ басня получаетъ свою epimythium. Не трудно понять почему Пероттъ, почти всегда устранявшій promythia и epimythia въ басняхъ Федра, если онѣ вообще находились въ рукописяхъ его, измѣнилъ „sic" въ „et".

Ibid. 13, 1:

per aliquot annos quaedam dilectum virum.

Еще въ статьѣ, помѣщенной мною въ майской книжкѣ этого журнала за 1874 годъ, указывалъ я, что ради соблюденія смысла слѣдовало бы писать „post aliquot". Эту догадку я подтверждаю теперь метрическими соображеніями.

Ib. 16, 6:

postquam esurire coepit saeva societas.

Въ упомянутой сейчасъ моей статьѣ было замѣчено, что лучше было бы читать „societas coepit fera". Въ рукописяхъ стоитъ „coepit fera societas".

Ib. 2, 10; 5, 6:

magno haec consilio qui negavit hominibus
ostendit hominum sine fine esse miserias.

Въ обоихъ мѣстахъ трибрахисъ въ пятой стопѣ стоитъ безъ рукописнагó свидѣтельства. А именно въ первомъ стихѣ codex Perottinus находимъ: „haec qui negavit magno consilio hominis" (или „homini"), а во второмъ выпущено „esse". Трудно сказать утвердительно,

что́ стояло у Федра, ибо, кажется, у Перотта это мѣсто сильно интерполировано.

Ради краткости, я обойду молчаніемъ нѣкоторые другіе примѣры, гдѣ ученые ввели по конъектурѣ трибрахисъ.

Судя по Федру, стихосложеніе котораго относительно обработки далеко превосходится многими другими, можно видѣть съ какимъ стараніемъ древніе авторы относились даже къ самымъ мелкимъ подробностямъ метрики.

Желательно было бы, чтобы филологи предпринимали чаще подобныя изслѣдованія метрическихъ особенностей и не отступали предъ трудностями, сопряженными съ этою работой; желательно, чтобы съ должнымъ вниманіемъ относились они къ изученію метрики, безъ основательнаго знанія которой греческіе и римскіе поэты не могутъ быть понимаемы вполнѣ.

Пусть припомнятъ они изреченіе величайшаго римскаго поэта, Виргилія:

«In tenui labor, at tenuis non gloria!»

Л. Миллеръ.

НѢСКОЛЬКО КОНЪЕКТУРЪ КЪ СОФОКЛУ.

El. 1030. μακρὸς τὸ κρῖναι ταῦτα χὢ λοιπὸς χρόνος.

Странный смыслъ, представляемый этимъ мѣстомъ, заставляетъ сомнѣваться въ подлинности чтенія μακρός. Если вмѣсто послѣдняго ожидается къ слову χρόνος такое сказуемое, которое заключало бы въ себѣ понятіе ἱκανός или ἀγαθός, то всего скорѣе должно предполагать, что въ словѣ μακρός скрывается подлинное ἄκρος. Передаваемое рукописями чтеніе есть, повидимому, одна изъ тѣхъ конъектуръ, на которыя довольно щедры были переписчики, позволявшіе себѣ какъ отнимать, такъ и прибавлять по своему усмотрѣнію не только отдѣльныя буквы, но и цѣлые слоги. Прилагательное ἄκρος могло быть употреблено здѣсь въ такомъ же значеніи, въ какомъ оно встрѣчается, напримѣръ, въ слѣдующихъ мѣстахъ: ἐγώ σοι μάντις εἰμὶ τῶνδ' ἄκρος El. 1499; εἰσὶ τὰ πολέμια ἄκροι Her. VII, 111 и въ др.

O. C. 92—93. κέρδη μὲν οἰκήσαντα τοῖς δεδεγμένοις,
ἄτην δὲ τοῖς πέμψασιν, οἵ μ' ἀπήλασαν.

Это мѣсто нуждается, какъ я полагаю, въ самой незначительной поправкѣ. Весьма вѣроятно, что μὲν οἰκήσαντα есть не что иное, какъ искаженіе первоначальныхъ μενοινήσαντα: стоило только вообразить въ первыхъ трехъ буквахъ частицу μὲν въ виду послѣдующаго δέ, чтобы изъ остальной части слова образовалось οἰκήσαντα. Едва ли нужно упоминать, что чтеніе μενοινήσαντα даетъ мѣсту вполнѣ соотвѣтственный смыслъ. Что касается употребленія глагола μενοινάω, то оно не чуждо и аттическимъ поэтамъ: Soph. Aj. 341; Eur. Cycl. 447; Ar. Vesp. 1080.

O. C. 117. ὅρα. τίς ἄρ'ἦν; ποῦ ναίει;

Такъ какъ въ послѣдней стопѣ этого стиха долженъ быть creticus, а не molossus, то нѣкоторые, защищая чтеніе рукописей, принимаютъ въ словѣ ναίει сокращеніе предпослѣдняго слога. Но у Софокла нѣтъ ни одного примѣра сокращенія дифтонга αι въ срединѣ слова, да и такое сокращеніе этого дифтонга, будучи вообще крайне рѣдкимъ явленіемъ, у Аттиковъ никогда не встрѣчается въ глаголѣ. Поэтому не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что окончаніе приведеннаго стиха передано не въ подлинномъ видѣ. Если не думать, что оно передѣлано подъ вліяніемъ конечнаго стиха антистрофы (ποῦ μοί ποτε ναίει), то съ наибольшею вѣроятностью можно принимать чтеніе ναίει за небрежно написанное πατεῖ. Ср. ст. 37 ἔχεις γὰρ χῶρον οὐχ ἁγνὸν πατεῖν.

O. R. 1031. τί δ'ἄλγος ἴσχοντ' ἐν κακοῖς με λαμβάνεις;

Чтеніе κακοῖς даютъ всѣ рукописи, за исключеніемъ лучшей (cod. Laur. a), въ которой сохранился варіантъ καιροῖς, безъ сомнѣнія болѣе древній и потому ближе стоящій къ истинѣ, чѣмъ чтеніе вульгаты. Въ этомъ варіантѣ, по моему мнѣнію, должно видѣть слегка испорченное κάπροις. Съ возстановленіемъ этого чтенія получается конечно весьма подходящій смыслъ: Эдипъ, услышавъ о томъ, что, будучи найденъ въ лѣсистыхъ долинахъ Киѳерона, онъ былъ спасенъ, естественно представляетъ себѣ прежде всего опасность, какой подвергался онъ, находясь среди вепрей, коими, какъ и другими дикими звѣрями, изобилуетъ Киѳеронъ.

Phil. 854. μάλα τοι ἄπορα πυκινοῖς ἐνιδεῖν πάθη.

Въ лучшихъ изъ сдѣланныхъ до сихъ поръ попытокъ къ исправленію этого стиха замѣчается нѣкоторая односторонность: онѣ обращены были, по видимому, не столько на возстановленіе въ немъ смысла, сколько на приведеніе его въ размѣръ соотвѣтствующаго стиха строфы. Въ самомъ дѣлѣ, исключаемъ ли мы изъ текста слово ἐνιδεῖν, какъ это дѣлаетъ Диндорфъ, или же устраняемъ слово πυκινοῖς, какъ предлагаетъ Гофманнъ, замѣняя его частицею γε, смыслъ мѣста едва ли сколько нибудь выигрываетъ въ ясности или становится болѣе удовлетворительнымъ. Несоотвѣтствіе метра, при безукоризненности строфическаго стиха какъ по содержанію, такъ и по формѣ, указываетъ именно на то, что въ разбираемомъ нами стихѣ заключается нѣчто лишнее; но если съ устраненіемъ того или другаго сомнительнаго слова не удается возстановить смыслъ, то очевидно должно признать, что означенное мѣсто не только интерполировано, но и иска-

жено. Принимая вмѣстѣ съ Диндорфомъ слово ἐνιδεῖν за позднѣйшую прибавку, я не сомнѣваюсь, что въ словѣ πυκινοῖς кроется порча. Надобно полагать, что стихъ читался первоначально такъ:

μάλα τοι ἄπορ' ἂν κινοῖς πάθη.

Не подозрѣвая присутствія частицы ἄν въ απορανκινοις, переписчикъ тѣмъ болѣе могъ быть склоненъ къ тому, чтобы видѣть въ этомъ чтеніи ἄπορα πυκινοῖς, что, вслѣдствіе сходства буквъ ν и υ, вмѣсто νκινοις, можно было читать υκινοις.

Съ выраженіемъ κινεῖν πάθη ср. ОК. 636 ἴδια κινοῦντες κακά.

Размѣръ стиха въ сопоставленіи съ соотвѣтствующимъ строфическимъ слѣдующій:

◡◡ ◡ ◡◡ | — ◡◡ | — ◡ —

Tr. 110. ἐνθυμίοις εὐναῖς ἀνανδρώτοισι τρύχεσθαι κακόν.

Не подлежитъ сомнѣнію, что невозможное чтеніе ἀνανδρώτοισι произошло вслѣдствіе диттографіи и вызванныхъ ею дальнѣйшихъ искаженій изъ ἀνάνδροισι: сначала является двойное οι, затѣмъ ι между двумя ο принимается за τ [1]) и наконецъ первое ο по требованію метра передѣлывается въ ω; или же по удвоеніи дифтонга мѣсто перваго οι заступаетъ, вслѣдствіе сходства начертанія, ω, и потомъ между ω и οι вставляется τ. Такимъ образомъ въ порчѣ слова ἀνάνδροισι представляются слѣдующія фазы: ανανδροιοισι, ανανδροτοισι, ανανδρωτοισι; или: ανανδροιοισι, ανανδρωοισι, ανανδρωτοισι. По установленіи послѣдняго чтенія писцы или толкователи не забыли сдѣлать соотвѣтственную поправку и въ 100-мъ стихѣ, чтобы дать послѣднему тотъ же размѣръ, какой случайно получилъ 110 стихъ. Сдѣлать это было не трудно: требовалось только удлиннить форму дательнаго падежа въ словѣ διссαῖς (какъ, вѣроятно, читалось оно первоначально), или въ словѣ ἀπείροις. Вмѣсто перваго и даютъ всѣ дошедшія до насъ рукописи чтенія διссαῖσιν, а второе является въ формѣ ἀπείροισιν въ кодексѣ Laur. a.

Итакъ 110 стихъ долженъ быть читаемъ такимъ образомъ:

ἐνθυμίοις εὐναῖς ἀνάνδροισι τρύχεσθαι κακόν

и сообразно съ этимъ 100: ἢ ποντίας αὐλῶνας ἢ δισσαῖς ἀπείροις κλιθείς.

Размѣръ: — — ◡ — | — — ◡ — | — — — — | — ◡ —.

---

[1]) Извѣстно, что въ періодъ времени отъ VII-го до IX-го столѣтія надъ буквою ι обыкновенно ставилось двѣ точки (ϊ) или производилась горизонтальная черта (ῑ), вслѣдствіе чего эта буква очень часто смѣшивалась съ τ.

Боннъ, октябрь 1875 г. **В. Зубковъ.**

NOVUS DEMOSTHENIS ORATIONUM CODEX QUANTUM VALEAT, QUAERITUR.

Magna codicum copia, in quibus Demosthenis orationes usque ad nostram memoriam manent, brevi abhinc tempore novo etiam codice aucta est, qui quum alias multas, tum eam orationem continet, quae περὶ τῆς παραπρεσβείας sive De falsa legatione inscribitur. Haec quidem oratio consilio societatis philologorum Cantabriginae una omnium maxime digna visa est, quae cum eadem oratione ceteris codicibus tradita conferretur. Quo opere illius consilii mandatu suscepto, Palejus (Paley), vir doctus, professor collegii academici Kessingtonensis, primum rationem nonnullam de libro reddidit, quae in Commentariis philologiae (Journal of Philology) [1]) typis descripta est, deinde omnes lectiones varias, quas ipsi quidem oratio XIX in novo codice praebere videbatur, descriptione imagineque litterarum affixa, edidit [2]). Jam ex hoc libello—nam ei et praefatiuncula, ut ita dicam, addita est et appendix adjunctus, in quo tamen nihil aliud nisi illa ipsa ratio a viro docto reddita continetur,—ex eo igitur pauca, quae ad fata atque naturam codicis pertinent, depromam, priusquam judicium, quod Palejus de virtute libri facit, ipsius verbis expono atque si quid hac in re certius afferre possim tento.

Ac primum quidem commemorandum est, novum codicem nunc esse Musei Cantabrigini, quod Britannorum lingua Fitzwilliam-Museum vocatur. Nam huic eum Kerrich quidam, Britannus nobilis, nuper legavit, qui studio rerum antiquarum adductus, ut in Italia aliisque Europae partibus peregrinaretur, quum alia litterarum atque artium opera col-

---

[1]) № 9, Vol. V, p. 28–31.

[2]) Various readings in the speech of Demosthenes De falsa legatione by F. A. Paley M. A. Cambridge. Macmillan and C°. 1874.

legisse, tum hunc etiam librum invenisse atque parasse dicitur. Origo vero hujus codicis, auctore Wrightio, in quo summa rei notitia esse perhibetur, ad saeculum post Christum natum XIV referri debet. Scriptus autem est pluribus, ut videtur, manibus, charta quadrata minore; paginis constat e sexcentis quinquaginta septem, multas habet cetulas miniatulas vel notas marginibus adscriptas. Complectitur denique haud paucas, ut jam dixi, orationes, quae quidem sic inscribuntur: Ὀλυνθιακοί, κατὰ Φιλίππου περὶ εἰρήνης, περὶ Ἀλοννήσου, περὶ τῶν ἐν Χεῤῥονήσῳ, πρὸς τὴν ἐπιστολήν, περὶ συντάξεως, περὶ τῶν συμμοριῶν, περὶ τῆς Ῥοδίων ἐλευθερίας, ὑπὲρ Μεγαλοπολιτῶν, περὶ τῶν πρὸς Ἀλεξάνδρου συνθηκῶν, περὶ τοῦ στεφάνου, περὶ τῆς παραπρεσβείας, πρὸς Λεπτίνην, κατὰ Ἀνδροτίωνος, ἐπιστολὴ Φιλίππου. Quibus inter alia, quae grammaticorum sunt, prooemia argumentaque, ut fit, accedunt, quae Hermogeni, Ulpiano, Libanio auctoribus assignari solent. Atque his quidem ita expositis jam ad scribendi rationem veniamus, in qua indoles codicis quodammodo perspici potest. Qua de re quae Palejo visa sunt, ad verbum latine reddam.

„Scriptus est, inquit, a librario, qui mediocriter videtur graece scivisse: nam menda in verbis formandis perpauca sunt eaque stili vitium potius quam inscientiam videntur indicare, ut διυτχείσας in § 2, ῥηθήσαις in § 63, ὀμνῆναι pro ὀμνύναι in § 49, ἅπατ' pro ἅπαντα in § 167, διωριεῖσθαι pro διωρίσθαι in § 247, οἰκία pro οἰκεῖα in § 83, ἀπολλωλότων in § 88, ἡμαρκότων in § 325, δεδιδαξάμενος in § 333, ἀνειρήκασι in § 340. Frequentissimum autem mendum (quod cum plerisque libris manu scriptis commune est) in eo consistit, quod extremae syllabae, quae in ι et ε exeunt, inter se permutantur. Saepe quoque ἅπαντα, ἅπασι etc. pro πάντα, πᾶσι, rarius ex contrario scriptum invenitur. Praeterea pro αὐτοῦ vel αὐτῷ modo αὐτοῦ etc., modo ἑαυτοῦ, ἑαυτῷ scriptum est. Porro et γίνεται et γίγνεται habemus, sed satis constanter γινώσκει scribitur. Deinde iota, quod subscriptum vocant, semper fere omittitur (id quod in plerisque libris illorum temporum fieri solet) ut in casibus et in conjunctivo, ita plerumque in talibus verbis, ut ῥάδιον, ἤδειν, ὤετο, ὤχετο, περιήρηται, προσήει, ὤκει. Tum indicativus interdum vitiose pro conjunctivo ponitur, ut ποιήσεται pro ποιήσηται in § 87, quod saepius fit, si verbum activi generis ἂν vel ἐὰν particulam sequitur (§§ 88, 104, 135, 334, 367). Accedit, quod ἔμελλον, ἐβουλόμην, ἐδυνάμην codex noster praebere solet, non ἤμελλον etc. Denique interdum η pro ει, vel αι pro ε, vel ε pro αι (§§ 22, 29) scriptum est. Postremo semper fere ταῦτα, non ταῦτ' neque ταῦθ' invenimus, ubi elisio postulatur, saepe ὑμεῖς pro ἡμεῖς legitur et vicissim" (Praef. pag. 6).

Hac in mendorum enumeratione quum aliquid desideretur, non al enum est ea, quae a viro docto vel consilio vel casu praetermissa v deo, commemorare. In quo eos tantummodo locos attingam, quoru lectio et unius novi codicis est et sine dubio mendum continet, quu aut sensu aut grammaticorum praeceptis repugnet. Primum igitu earum litterarum confusionem, quae sunt ο et ω, saepe invenimus, u in § 2 λόγων δοῦναι, § 6 καιρῶν pro καιρόν, § 47 τῶ θηβαίους etc. pr τό etc., § 124 ὡμολογοῦντα, § 139 πρὸς τὸ τὴν Βοιωτίαν — ἔχειν pro τ etc., § 141 συνεπαιόνιζε, § 185 ἀπολλωφάνους, § 186 ἑαλοκότων, § 21 'Αλέξανδρων (sic), § 230 ἀτολμωτάτου, § 250 ἑαυτῶν pro ἑαυτόν, § 29 εἰσελθών pro εἰσελθόν, § 301 ἀπωλολέκεισαν, § 349 ἐκείνω (ubi ω pro ο scriptum est, sicut § 373 διωκισθέντες), § 362 ἐκείνων pro ἐκεῖνον, § 37 ἐφόρμουν, § 381 κοινώτατον. Huc adde ea exempla, in quibus Paleju non litterarum, sed modorum permutationem suspicari maluit. Deind ea littera, quae ν ἐφελκυστικόν dicitur, saepe aut omissa perpera (§§ 131, 165, 195, 238, 253, 254, 261, 266, 275, 340, 345) aut addit est (§§ 130, 204, 324 al.). Tum notandum est illud, quod singulae ve plures litterae, syllabae, voces saepe omittuntur: § 3 δέδοι pro δέδοικο § 9 ἵ εἰθῆτε pro ἵνα etc., ibid. μεταῦθ', § 20 περὶ τῶν τῇ βουλῇ (ubi ἐ praepositio deest), § 23 διδάσκει pro διδάσκειν, § 24 δ ὑμεῖς pro ὅτι etc. § 45 οὐσῖν pro οὔ φησιν, § 65 ἐπηγγέλετο, § 89 τοῦτο pro τούτου, § 9 μέλειν pro μέλλειν, § 121 ἄν τι πεῖν (sic) pro ἀντειπεῖν, § 180 πρὸς ἀρμε νίωνα pro Παρμενίωνα, § 200 πάμπολα, § 242 δεδωρήκασιν (δο inseruit m rec.), § 295 δεδωροδοκότα pro δεδωροδοκηκότα, § 316 ἐκσπόνδους om. § 317 οὐ τό μὲν—ὤρκισαν om. (diverso atramento margini appictum) § 342 ἐπιβευόντων pro ἐπιβουλευόντων, § 378 εἴποτε ἄν pro εἴποιτ' ἄν Cf. §§ 53, 98, 147, 175, 177, 295 al. Fit etiam contrarium. Nam sin gulae vel plures litterae, syllabae, voces falso additae quum aliis, tu his locis inveniuntur: §§ 2, 158, 197, 209, 309, 352, 371, 373, 388 Denique ον et ου syllabae interdum confunduntur: § 78 ἐψευσμένο αὐτοῦ (pro αὐτόν), § 233 οὕτω καὶ λόγου δοῦναι, § 354 αὐτὸν διεπράξατ pro αὐτοῦ. Restat, ut ea menda commemorem, quae in nominibus propriis aliisque verbis scribendis occurrunt, de quibus quidem mentionem supra non feci: § 40 φορσαλίοὐς, § 67 πειρεεῖ, § 192 ἅλης pro 'Αλεῖ § 384 μεγάλα pro Μέγαρα, § 384 ἄλλον pro "Αλον, § 6 ἐψηφίσασθαι. § 21 ἐμφισβήτει, § 44 ἐχαρίσαιτω, § 45 ἠνάγκαμεν ὑμεῖς, § 46 ἐκειδένα pro οὐκ εἰδέναι, § 50 οἶδον (superscr. α), § 131 φῦσεις pro φήσεις, § 265 δεδῖηνται, pro δεδέηνται, § 317 ἐν τοῖς πόλεσιν, § 378 δι οἶτ' ἄν pro δοίητ ἄν, §§ 4, 5, 8, 36, 45, 46, 98, 105, 107, 129, 131, 192, 219, 263.

265, 276, 313, 349, 355, 378 al. Cujusvis tamen generis exempla multo plura afferre poteram, nisi ea modo spectarem, ut jam paullo ante dixi, quae huic codici nullo cum alio communia sunt. Quid multa? Et haec et illa, quae Palejus conspexit, aliqua ex parte demonstrant, librarium si non exiguam omnino graecae linguae scientiam habuisse, at parvam certe curam atque operam ad scribendum contulisse. Sed videamus, quae viro docto de virtute libri placuerint.

„Magna, inquit, parte orationis, quae De falsa legatione inscribitur, perlecta (haec enim scripsit, quum rationem illam redderet), dicere possum hunc codicem eximiae virtutis esse, quum diligentissime accuratissimeque sit scriptus".

Et paullo infra:

„Tam multas varietates, immutato verborum ordine insignes, quae a Beckero non sunt indicatae, inveni, ut dubitare non possim, quin operae pretium sit totum librum perlegere". (Append. pag. 26.)

Huic dicto similia sunt ea, quae in praefatione enunciata sunt.

„Hac in re (id est codice cum ceteris conferendo) et alias lectiones varias studebam observare et eos locos, in quibus nulla elisio invenitur, id quod mirum in modum hujus codicis proprium ac suum est, quamquam librariorum consuetudo hujus rei ratione habita singularis esse solet, nequaquam constans est. Aliud quoque nostro codici peculiare est—vere mirandum—quod saepius immutatum verborum ordinem praebet, qui nullo alio orationum Demosthenis libro comprobetur. Atque quum aliis nonnullis rebus hujus codicis lectiones singulares sint, censendum mihi videtur, nostrum librum ex aliquo petitum esse fonte, e quo ipso nullus de ceteris sumptus esset". (Praef. p. 5.)

Proximum est, ut illa viri docti verba ponam, quae in extrema parte rationis ab ipso redditae scripta sunt:

„Quum, inquit, magno cum labore ac summa diligentia plus dimidiam partem orationis, quae de falsa legatione inscribitur, perlegerim, aliquot lectiones memoraturus sum, in quibus noster codex a ceteris omnibus recedit, quorum quidem in Shilletonis editione, quae praecipue notis criticis abundat, mentio facta est". (App. p. 27 ad fin.)

Sequuntur illi loci memorabiles, qui Paleji judicio imprimis integritatem codicis ostendunt, quum a vulgata lectione dissentire videantur. Haec enim de iis dicit:

1) In pag. 342 (init.) liber noster habet ἄχυρδι πάντων ὑμεῖς ἔσεσθε pro γενήσεσθε; 2) in pag. 343 εὖ οἶδ' ὅτι pro οἶδ' ὅτι et 3) ὁ μέντοι τὸν νόμον τιθεὶς Σόλων, ubi ceteri omnes Solonis nomine carent, quo

fit, ut nostri lectio nihil aliud esse videatur, nisi glossa. In extrema eadem pagina 4) ἔταξεν ἑαυτὸν legitur pro ἑαυτὸν ἔταξεν, sicut in primo orationis exordio 5) ἕκαστος ὑμῶν pro ὑμῶν ἕκαστος; 6) εἶπεν οὗτος pro οὗτος εἶπε in pag. 349; 7) ἐν πύλαις ὁ Φίλιππος pro ὁ Φίλιππος ἐν Πύλαις in pag. 359; atque hujusmodi mutationes verborum ordinis frequentia sua insignes sunt ac saepe ejus, qui legit, animum in se convertunt. 8) In pag. 344 pro πρέσβεις πέμψαι habemus πρέσβεις πέμπειν, quae lectio mihi quidem melior videtur esse. 9) in pag. 349 (init.) pro ἵνα μηδεὶς ὑμῶν, ἐπειδάν τι λέγοντος ἀκούῃ μου τῶν πεπραγμένων καὶ δοκῇ δεινὸν αὐτῷ καὶ ὑπερβάλλον εἶναι notabilem habemus lectionem ἐπειδάν τι λέγοντος ἀκούῃ μου καὶ κατηγοροῦντοσ τῶν πεπραγμένων, δοκῇ δεινόν etc. 10) In pag. 350 pro ὅτι ὄντιν' ἂν ὑμεῖς κατεστήσατε noster habet εἰ καὶ ὀντινοῦν, quam lectionem veram esse judico. 11) In pag. 362 codex noster habet δικαίως ἂν ὑποληφθεῖεν, quod item melius est eo, quod vulgo legitur: δικαίως ὑποληφθεῖεν ἄν. 12) In pag. 366 pro οἱ δ'ὁτιοῦν ἂν ἀργυρίου ποιήσαντες aliam lectionem eamque insignem habemus: οἱ δὲ μηδ' ὁτιοῦν ἄνευ ἀργυρίου ποιήσαντες. Alia bona lectio, quam noster liber praebet, est 13) μετεχομίζεσθε pro κατεχομίζεσθε in pag. 362, aeque ac 14) κατηγορεῖ pro καταμαρτυρεῖ in pag. 377 ad fin. Plura etiam hujusmodi exempla proferre possum; sed puto satis clara a me data esse documenta, quae faciunt, ut maxime intersit hunc librum edisci, ne dicam, ut magnam is habeat gravitatem". (App. p. 28).

Haec igitur Palejus de virtute libri praedicavit. Quae quum explorassem, num vera essent, adductus sum, ut longe aliter atque ille, hac de re sentirem. Tantum enim abest, ut laudibus hunc codicem efferam, ut nullius fere momenti eum esse existimem. Sed hoc ut probetur, primum omnium ii loci perstringendi videntur, quibus potissimum viri docti sententia nititur. Itaque singulos deinceps illuminemus.

1. ἄκυροι πάντων ὑμεῖς ἔσεσθε pro ἄκυροι — γενήσεσθε (§ 2) in solo hoc libro legitur. Concedo. At haec lectio non aliena illa quidem loci sensu, quippe qui idem fere atque integer maneat, sive ἔσεσθε, sive γενήσεσθε legimus, sed ab omnium codicum auctoritate discrepans, num magni aestimanda est? Immo vero equidem hanc ex illa, quae omnibus tradita est, propter librarii errorem exstitisse credo. Fieri enim potest, ut in illo libro, ex quo hic descriptus est, vel duae priores syllabae vel tres certe litterae ejus verbi, quod est γενήσεσθε, in litura fuerint, cujus nullo respectu habito librariolus reliquias reparasse sibi visus sit, quum ἔσεσθε verbum supponeret.

2. εὖ οἶδ' ὅτι (§ 7) vulgatam esse lectionem constat, quum duo tantum codices (S. Y.) [1]) adverbio careant.

3. In verbis ὁ μέντοι τὸν νόμον τιθεὶς Σόλων (§ 7) glossam inesse luce clarius est.

4. ἔταξεν ἑαυτόν (§ 9) atque quod sequitur

5. ἕκαστος ὑμῶν (§ 1) vulgo legi reperio. Aliter enim verba non posita sunt nisi in duobus codicibus (S. Y.).

6. Immutatus verborum ordo, quem εἶπεν οὗτος enunciatio praebet, pro οὗτος εἶπε (§ 31), quod in ceteris libris legitur, non multum valere mihi quidem videtur. Nam quum εἶπε verbum id insequatur, quod est πέπρακται,—totus enim locus his verbis scriptus est: εἰ δὲ πάντα τἀναντία ὧν οὗτος εἶπε πέπρακται etc.—suspicari licet immutationem istam ex eo natam esse, quod librario hic syllabarum concursus pingue quiddam atque confusum sonare videretur. Quod profecto ita fiat, si quis haec verba ne minimo quidem intervallo dicat. Atqui sunt distinguenda, quum alterum ad alteram enunciationem referatur. Quamquam vereor, ne hoc quoque loco, sicut multis aliis, librarius indiligentiae suae monumentum reliquerit, si quidem temere et nullo consilio — quod probabilius est — sic verba scripsit.

7. ἐν πύλαις ὁ Φίλιππος (§ 65) vulgata est lectio. Nam in illis tantum duobus codicibus (S. Y.) alio ordine haec verba scripta sunt: ὁ Φίλιππος ἐν Πύλαις.

8. πρέσβεις πέμπειν (§ 10). Hic quoque nihil novum aut memorabile video. Nam quum plerique codices πέμψαι lectionem habeant, πέμπειν forma praeter hunc in quattuor jam libris (F. Q. t. v.) hoc loco legitur. Quam huc ex iis inculcatam esse puto, quae paullo infra in eadem pagina (§ 12) scripta sunt: τοὺς περὶ τῆς εἰρήνης πρέσβεις πέμπειν ὡς Φίλιππον ἐπείσθητε. Tales autem depravationes non raro in libris manu scriptis inveniri vix commemorandum mihi videtur, nedum exemplis confirmandum, quia res satis nota est atque jam diu a criticis probata. Illo vero loco sicut § 347 (pag. 438), ubi sic legitur: ὁ πείσας ὑμᾶς — πρεσβείας πέμπειν ὡς etc., non πέμψαι quod requiritur, sed πέμπειν dictum esse hiatus effugiendi causa mihi quidem persuasum est. Iam quod Palejus πέμπειν lectionem meliorem esse quam πέμψαι dicit, nihil video, cur ista sit praeferenda. Neque enim dubito, quin Demosthenes effectum ipsum mittendi vel dicam quasi momentaneam quandam actio-

---

[1]) Codices iis litteris significo, quae a Dindorfio adhibitae sunt. Vide praef. editionis Oxoniensis.

nem significare voluerit. Nam Aeschinem dicit Alteniensibus persuasisse, ut passim legatos mitterent idque illius consiliis effectum esse. Intelligitur sane ea legatio, quae anno II Olympiadis CVIII (ante Chr. n. anno 346) missa esse traditur.

9. Quae in novo codice leguntur: ἐπειδάν τι λέγοντος ἀκούῃ μου καὶ κατηγοροῦντος τῶν πεπραγμένων δοκῇ δεινόν (§ 28) per vulgatam esse lectionem compertum habeo. Quare intelligere non possum, quid Palejo admiratione dignum hoc in loco sit visum. Nam unus tantum codex isque optimus (S) καὶ κατηγοροῦντος verbis caret, quum in ceteris omnibus hic locus, ut videtur, ad similitudinem § 27 sit depravatus, ubi sic legitur: λέγοντός τινος ἢ κατηγοροῦντος τῶν πεπραγμένων etc. Quod autem καὶ conjunctio ante δοκῇ verbum omissa est (sicut in codice Aug. 2), hoc, quum ad totum quasi contextum loci minime quadret, nescio an illam ipsam, de qua supra monui, librarii negligentiam ostendat. Constructio enim, quam vocant, haec est: ἵνα μηδεὶς ὑμῶν, ἐπειδάν τι-ἀκούῃ-καὶ δοκῇ—θαυμάζῃ, ut θαυμάζῃ verbum ad ἵνα referendum sit, ἀκούῃ vero καὶ δοκῇ ex ἐπειδάν conjunctione pendeant. Ex quo intelligitur, καί particulam necessario ponendam fuisse.

10. εἰ καὶ ὀντινοῦν etc. Haec quoque vulgo legi virum doctum nescio quo pacto fugit. Quin immo eam lectionem, quae non praebetur nisi duobus (S. Y.) codicibus ὄντιν'ἄν etc. pro vulgata putare se profitetur. Namque in libello, qui Lectiones variae inscribitur, eo loco, ubi illa lectio commemorata est, haec dixit: „sed vulg. lect. γρ. in marg"; et quae in adnotatione addita sunt: „vulgatam ὄντιν' ἄν—κατεστήσατε vertit Shilleto: *whomsoever you might have placed*: sed nullo exemplo defendit. Insignis est hoc in loco nostri codicis discrepantia" [1]). At vero praeter illos codices, quos modo nominavi, in omnibus hic locus haud secus atque in novo legitur, nisi quod duo (O. u) εἰ conjunctionem ante καὶ ὀντινοῦν verba omittunt. Sed illud permirum est quod Palejus hanc lectionem, in qua ei novus codex ab omnibus videtur discrepare, veram esse existimat atque exempla etiam ad illam desiderat defendendam, quam omnes, quod sciam, viri docti, a quibus quidem haec oratio edita est, adsciscunt ac tuentur. Quae quum ita sint, ne pluribus verbis de re certa disseram, totum locum proferam, qui ipse pro se quodammodo dicere mihi quidem videtur. Haec enim verba scripta sunt: δεῖ δὲ μηδένα ὑμῶν, ὦ ἄνδρες δικασταί, εἰς τὸ τῶν πραγμάτων μέγεθος βλέψαντα μείζους τὰς γατηγορίας καὶ τὰς αἰτίας τῆς τού-

[1]) Lectiones variae pag. 10.

του δόξης νομίσαι, ἀλλ' ἐκεῖν' ὁρᾶν, ὅτι ὅντιν' ἂν ὑμεῖς εἰς ταύτην τὴν τάξιν κατεστήσατε καὶ τῶν συμβάντων καιρῶν ἐποιήσατε κύριον, οὗτος, εἴπερ ὥσπερ οὗτος ἐβουλήθη μισθώσας αὐτὸν ἐξαπατᾶν ὑμᾶς καὶ φενακίζειν τῶν ἴσων αἴτιο ἦν ἂν κακῶν, ὅσωνπερ καὶ οὗτος (§§ 32—33). Scite igitur Voemelius: Ne vero quisquam vestrum, judices, magnitudinem rerum respiciens, accusationes et crimina majora esse putet, quam pro istius auctoritate, sed illud spectate, quemcunque vos illi muneri praefecissetis et oblatas occasiones ejus fidei mandassetis, illum, si, ut iste, voluisset opera sua locata hostibus vos decipere et fraude circumvenire eadem, quae et istum, excitare mala potuisse". Hic quum nihil aliud in offensionem Paleji cadere videatur, quam ἂν particula indicativo aoristi in enunciato relativo adjuncta, ad ea maxime virum doctum revoco, quae ab Akenio, Kruegero, Matthiaeo hac de re scripta sunt [1]). Exempla vero indicativi cum ἂν particula conjuncti, quo potentialis quaedam vis in praeterito cogitata significari solet, quique ut in liberis enunciationibus, ita in relativis usurpatur, tam obvia sunt, ut oleum et operam mihi perdere videar, si plura conquiram. Sufficient sane haec praeter illa, quae viri docti contulerunt, quos modo dixi: Dem. 50. 15: δρῶν-οὐδὲ διάδοχον ἥκοντα ἐπὶ τὴν ναῦν, παρ' οὗ ἄν τις ἠξίωσεν ὠφεληθῆναι; Lys. 25, 12: ἐμοὶ οὐ συμφορὰ ἐγένετο, ἀνθ' ἧστινος ἂν ἑτέρων ἐπεθύμουν πραγμάτων; Plat. Apol. Socr. 18. c. ἔπειτά εἰσιν οὗτοι οἱ κατήγοροι πολλοὶ καὶ πολὺν Χρόνον ἤδη κατηγορηκότες, ἔτι δὲ καὶ ἐν ταύτῃ τῇ ἡλικίᾳ λέγοντες πρὸς ὑμᾶς, ἐν ᾗ ἂν μάλιστα ἐπιστεύσατε παῖδες ὄντες etc.

11. δικαίως ἂν ὑποληφθεῖεν (§ 75). In omnibus praeter unum codicem (O), qui particulam omittit, δικαίως ὑποληφθεῖεν ἂν legitur. Utraque lectio quum per se recta sit, illam huic a Palejo praeferri puto (ipse enim nullam affert causam) vel quod major concinnitas illo verborum ordine efficiatur, vel quod maximum sententiae pondus in δικαίως vocabulo ponendum sit, vel etiam quod ἂν particula post adverbium sedem suam occupare atque apte cum eo cohaerere soleat. Sunt ista. At haud scio an omnium codicum testimonium plus valeat. Nec vero quisquam dubitare potest, quin optimi scriptores, ut non dicam de aliis, in hac particula collocanda interdum a communi consuetudine sermonis discesserint; in quibus Plato: μᾶλλον ἀεὶ ἀσπάζοιτο ἂν (De rep. VIII, 549) [2]).

---

[1]) Aken, Grundzüge der Lehre vom Tempus und Modus im Griechischen § 72. Krüger, Griechische Sprachlehre § 54, 14, 2. Matthiae Ausführliche griechische Grammatik § 509 u. Anm.

[2]) Cf. Herm. De particula ἂν pag. 193 sqq.

12. οἱ δὲ μηδ' ὁτιοῦν ἄνευ ἀργυρίου ποιήσαντες (haec quidem forma ποιεῖν verbi in ratione de codice reddita legitur, sed in ipsis lectionibus variis ποιήσοντος invenimus cum hac adnotatione: α superscriptum manu recentiore). Hanc lectionem (§ 91) etsi Palejus notabilem putat, multis tamen codicibus pervulgatam esse certo scio. Nam hi codices eam [1]) praebent: O. r. t. u. v. F. Y. (hi duo correcti) k. (in glossa). Porro futuri participium his in libris legitur: A. Y. k. r. s. F. v. (in his duobus anceps scribendi ratio, sicut in novo invenitur: ποιήσο(α)ντες). In optimo vero codice (S) aeque ac nonnulis in aliis sic scriptum est: οἱ δ' ὁτιοῦν ἄν ἀργυρίου ποιήσαντες etc., quae lectio ab omnibus viris doctis, qui hanc orationem ediderunt, asservatur. Quid tandem notabile hoc in loco Palejus conspexit, nisi forte genetivi casus forma notanda est? At hanc, ut ostendi, celare maluit, si quidem hoc de industria factum est.

13. μετεκομίζεσθε (in lectionibus variis sic scriptum est: μετεκομίζετε (σθε) pro κατεκομίζεσθε (§ 97), quod quum in aliis plurimis, tum in optimo codice (S) legitur. Illam autem lectionem, quam etiam in correcto libro O invenimus (ubi scriptum est κατεκομίζετε) quo pacto Palejus pro bona habeat, suspicione assequi non possum. Enimvero mihi quidem persuasum est, eam prorsus rejiciendam esse, non solum quod omnium codicum auctoritati repugnat, sed quod abhorret a communi more verborum. Nam μετακομίζειν verbum apud posterioris temporis scriptores usitatum vix puto ab ullo optimo auctore esse usurpatum, praeterquam quod Plato in decimo libro eorum, quae de legibus scripsit (pag. 904 d), hoc verbo usus esse traditur [2]). Sed hunc suspicor non μετακομισθεῖσα, verum διακομισθεῖσα scripsisse, quod verbum eadem de re dictum atque in eadem fere verborum constructione positum infra (p. 905) legitur [3]). Depravationem vero facile fieri potuisse ex eo apparet, quod illo in loco plura verba cum μετά praepositione composita inveniuntur. Atque haec hactenus.

14. κατηγορεῖ lectionem novi codicis propriam esse negari non potest, quia ceteri omnes καταμαρτυρεῖ (§ 130) praebent. Illud vero nullo modo concedendum videtur, novam lectionem esse bonam. Equidem ju-

---

[1]) Id est: οἱ δὲ μηδ' ὁτιοῦν ἄνευ ἀργυρίου.

[2]) P. 904. d. μείζω δὲ δὴ ψυχὴ κακίας ἢ ἀρετῆς ὁπόταν μεταλάβῃ διὰ τὴν αὐτῆς βούλησίν τε καὶ ὁμιλίαν γενομένης ἰσχυρὰν ὁπόταν μὲν ἀρετῇ θείᾳ προσμίξασα γίγνηται διαφερόντως τοιαύτη, διαφέροντα καὶ μετέβαλε τόπον ἅγιον ὅλον, μετακομισθεῖσα εἰς ἀμείνω τινὰ τόπον ἕτερον, ὅταν δὲ τἀναντία, ἐπὶ τἀναντία μεθιδρύσασα τὸν αὐτῆς βίον.

[3]) εἰς ἀγριώτερον ἔτι διακομισθεὶς τόπον (p. 905).

dicium viri docti hic de causis non probaverim. Primum ratione sententiarum tale verbum postulatur, quod non accusandi, sed convincendi significationem habeat. Quam rem praeclare scholiasta interpretando explanavit. Haec enim dicit: ἐν βαρύτητι κεῖται οὕτως. ὡς τῆς ἀποδείξεως δὲ τῆς διὰ τῶν πραγμάτων ἐλεγχούσης εἰληφότα ἐν ἤθει τὴν ἀντίθεσιν εἰσήγαγε. καὶ τούτων οὕτω δεικνυμένων φησὶ τολμᾷ λέγειν „καὶ τίς μου καταμαρτυρεῖ δῶρα λαβεῖν"; ἡ λύσις δὲ κατὰ ἀντεξέτασιν τῶν πραγμάτων τε καὶ ῥημάτων. τίνα τούτων ἀξιοπιστότερα; δῆλον ὅτι τὰ πράγματα. Tum dubito an ad hanc constructionem, quae est τίς μου κατηγορεῖ δῶρα λαβεῖν comprobandam nulla, ut graeco verbo utar, ἀναλογία inveniri possit, ex qua efficiatur, κατηγορεῖν verbo genetivum et infinitivum objecti vi positum conjuncte adscisci. Nam sic dici constat: κατηγορέω τινός τι (nomen usurpetur oportet), vel ὅτι, vel ὡς, vel τινός cum participio eodem casu posito, vel quod rarius est τινός τινος. Quae vero apud Herodotum (lib. VII, cap. 205) legimus: σφέων μεγάλως κατηγόρητο μηδίζειν nihil nostrae sententiae repugnare perspicuum est, quum hic κατηγορεῖν verbum passive dictum sit, infinitivus autem subjecti vim ac potestatem habeat, ut substantivi, quod est μηδισμός, partes expleat (Cf. Thuc. 1, 95: κατηγορεῖτο δὲ αὐτοῦ οὐχ ἥκιστα μηδισμός). Ex quo nullo modo concludere licet infinitivum objecti vi positum κατηγορεῖν verbo adjungi posse. Denique, ut supra dixi, novi codicis lectio a ceterorum testimonio dissentit. Quo fit, ut κατηγορεῖ a simili mendo, ne quid dicam gravius, atque ἔσεσθε illud profectum esse videatur.

Hae sunt igitur lectiones illae variae, quibus totum fere, nisi fallor, Paleji judicium continetur, quum eas potissimum elegerit ad virtutem codicis demonstrandam. Quibus ex locis, ut vidimus, novem vel eam lectionem, quae vulgo tradita est, iisdem verbis reddunt, vel talem repetunt, qualem in quibusdam aliis invenimus et quinque tantum incertas adhuc lectiones praebent, quarum aliae nihil omnino valent, aliae autem levi momento aestimandae mihi quidem videntur.

Qui vero tandem factum est, ut Palejo longe alia de his locis viderentur atque ea, quae cuivis placerent necesse erat, modo diligenter rem exploraret, neque ulla opinione praejudicata duceretur? Sed hanc interrogationem ipse jam vir doctus, credo, dissolvit, quum diceret, se hunc codicem cum ceteris omnibus contulisse, quatenus horum lectiones in Shilletonis editione notis criticis abundante essent indicatae. Cur autem hanc editionem ceteris praetulerit, hunc in modum simpliciter atque nativo quodam lepore usus explicat:

„Quum, inquit, pars collationis in margine editionis alterius (II

editionem Shilletonis dicit, at nunc jam IV est, ut ipse alio loco memorat) facta esset, incommodum erat alio exemplari uti". (Praef. p. 7 adn.).

Quam editionem ut cognitam haberem, quia mihi minus contigit, necesse est de abundantia notarum criticarum, qua pollere illa a Palejo dicitur, id mihi videatur, quod ex hujus opere colligi potest. Itaque facere non possum, quin eam non solum iis editionibus, quae a Beckero, Voemelio, Dindorfio adornatae sunt, longe inferiorem esse, sed ad scholarum potius usum, quam ad severa criticorum studia accommodatam existimem. Illis vero editionibus, quas modo dixi, neglectis magnum vir doctus erratum admisit, quod nihil excusationis habere potest. Nam si quamlibet earum, quas bonis apparatibus criticis instructus esse inter omnes constat, sicut par fuit, adhibuisset, nunquam novum codicem tam magni fecisset neque aberrasset ita a vero, ut nunc accidit. Quod autem, ut supra vidimus, Beckerianae editionis, utpote a se adhibitae mentionem facit, vix puto quemquam hoc crediturum esse, cui quidem notum sit eam ubertate nihil fere Dindorfianae cedere.

Atque hac de re satis dictum est; deinceps totam lectionum variarum copiam, quas Palejus in novo codice conquisivit, breviter attingamus atque illustremus. Ab hoc etsi mille septendecim loci proferuntur, tamen plus dimidium ejus numeri tales lectiones efficiunt, quae non hujus solum sunt codicis. Nam circiter triginta in locis vel verba ipsius Demosthenis vel glossae menda corrigentes cum omnium librorum testimonio consentiunt; tum ad centum sexaginta locos invenimus, in quibus hic codex a melioribus discrepans vulgatam lectionem praebet; denique trecentis quinquaginta fere locis ea repetuntur, quae in aliis quibusdam libris legi comperimus. Alteram vero partem eamque minorem totam esse hujus codicis haud facile negaverim. Nam plurimis locis aut elisionem non observatam, aut iota, quod subscriptum vocant, omissum, aut ν, quod ἐφελκυστικόν dicitur, vel omissum temere vel additum, aut accentum aeque ac spiritum non recte usurpatum esse videmus. Multi quoque loci alia menda habent, quae supra commemoravi. Denique haud paucis locis singula verba falso aut omissa aut addita invenimus.

Iam quod Palejus hunc codicem immutato verborum ordine inter omnes excellere dictitat, quattuor et quinquaginta omnino sunt loci, qui alium verborum ordinem praebent, atque is, qui melioribus codicibus est traditus. Quo ex numero octo et quadraginta vel talem im-

mutationem continent, quae, dissentientibus duobus tribusve codicibus, vulgo legitur, vel talem, quae huic codici cum paucis libris communis est. Hic non alienuum est dicere, novum codicem nullo in loco, ubi quidem verborum ordo non idem omnibus libris traditur, cum optimo (s) consentire. Sex tandem loci supersunt, in quibus novus codex quasi suo more verba posita habet. E quibus duo jam supra perstrinximus. Reliqui vero hi sunt:

1) § 42. ὑμεῖς ὕστερον ἔχοιτε	ὕστερον ὑμεῖς ἔχοιτε (ὑμεῖς om. k., in marg. habet A.)
2) § 181. εἴ πάνδεινός τις m. pr. ut videtur, sed post εἴ rasura.	πάνδεινος εἴ τις (omnes)
3) § 187. ἀργύρια ἐχρήσατο	ἔχρησα τἀργύριον (ἐχρήσατο ἀργύρια. F. V. Q. t. u. v.; ἐχρήσατο ἀργύριον x.; ἐχρήσατ' ἀργύριον τ.)
4) § 383. πράξει Φίλιππος	Φίλιππος πράξει (omnes).

1) Hunc verborum ordinem e librarioli negligentia natum esse existimo. Nam quum eadem esset prima littera utriusque verbi, facile potuit accidere, ut alterum alterius loco poneret.

2) Iam rasura satis docet haec verba non accurate esse descripta.

3) Haec lectio ob hiatum ipsum repudianda est; ἐχρήσατο autem formam, quae hic minus apta est, e crasi, quam vocant, male intellecta exstitisse manifestum est.

4) De hac verborum inversione paene supervacaneum est aliquid dicere. Etsi enim haec lectio nihil offensionis habet, nemo tamen est, qui neget, omnium codicum auctoritatem pluris aestimandam esse.

Ubi sunt igitur illae immutationes, quas scriptis suis celebravit Palejus? Equidem mirari satis non queo, qua ratione istam laudem novo codici vir doctus tribuerit.

Iam vero quum tria sint genera codicum, ut jure sensit Dindorfius, videamus, ad quodnam eorum noster liber sit referendus. Qua de re ut paucis dicam—etenim unius tantum orationis respectu habito res haudquaquam potest quaeri subtilius,—demonstrandum videtur, ad quorum maxime codicum similitudinem hic accedat. Sed quum ex toto locorum numero, quos Palejus attulit, sexcenti fere reperiantur, in quibus hic codex cum aliis consentit, longum est tales etiam commemorare lectiones, quae non communes sunt nisi cum iis codicibus, quorum insignem quandam similitudinem noster tanquam prae se fert. Itaque

ea tantum exempla proponam, quae potissimum ad judicium hac de re faciendum pertinere puto:

1) § 27 ὑποκρινομένων (pro ὑποκειμένων) O. t. u.

2) § 70 τί πιστεύσαντες τί ἔπαθον (pro τίνα πιστεύσαντες τί ἔπασχον) F. Q. O. u. u. v.

3) § 91 τῶν ἐπταικότων (pro ἐκπεπτωκότων) u.

4) § 131 εἴποις (pro εἴπῃς) v.

5) § 228 πρὸς τοὺς ὅρκους (pro τοὺς ὄχλους) O. t. u.

6) § 265 ἀλλὰ καὶ τοῦτο (pro ἀλλὰ τοῦτο) O. t.

7) § 272 ὄρνις (pro ὄρνεις) O. r. t. u. v.

8) § 281 παρόντα omittunt O. t. u. v.

9) § 286 ὀμβριμοπάτρῃ O. t. u.

10) § 290 ἡγοῦμαι καὶ βούλομαι (pro ἡγοῦμαι) O. t. v.

11) § 295 παραιτεῖται (pro παραιρεῖται) O. t. u.

12) § 302 ἐφ' οἷς ἔστασαν (pro ἐφ' ἧς etc.) t. u.

13) § 335 μυροκλέα (pro Μοιροκλέα) F. O. t. u.

14) § 368 τοὺς ἀθηναίων ἐξαπατήσοντας (pro τοὺς 'Αθηναίους etc.) u.

15) § 383 ὑμετέρας (pro ὑστέρας) t. u. v.

Haec et talia exempla, quae plurima sunt, efficiunt, ut novus codex ad eos proxime accedere videatur, qui O. t. u. v. litteris significari solent. Hi autem ad secundam classem referuntur, excepto codice o, qui Dindorfii judicio talis est, ut duobus cum aliis (V. P.) medium quendam locum inter primam et alteram classem teneat. Quare non dubitaverim nostrum codicem eodem referre, etsi confiteor eum aliquanto inferiorem esse illis, quos nominavi, quum plurima menda contineat. Huc accedit quod ab optimo libro tam longe abest, ut vix quinque omnino loci inveniri possint, ubi, discrepantibus aliis, cum eo consentiat. Quin etiam haud raro eam lectionem habet, quae non praebetur nisi tertiae classis codicibus. Quodsi nihilo minus novum librum ad secundam classem refero, hoc tamen ita contendo, ut inter omnes hujus classis codices eum tertiae quam proximum esse putem.

Relinquitur, ut pauca dicam de nonnullis Saleji sententiis, quas in libello suo enunciavit. Dicit igitur vir doctus (praef. pag. 7), duobus in locis Dobraei conjecturas nunc primum, hujus scilicet codicis testimonio confirmari. Et vero quae in § 59 leguntnr: κατὰ πάντας τρόπους et unius hujus codicis sunt et cum conjecturis illis consentiunt. Hoc quidem libenter concedo. Sed non idem atque illi de virtute hujus lectionis mihi placet. Nam exemplo, quod Dobraeus, vir praestanti litterarum scientia atque criticus peracutus, attulit: κατὰ πολλοὺς καὶ δει-

νοὺς τρόπους (pag. 411), vix adduci possum, hic quoque articulum omittendum esse. Sed hoc parum est. Veniamus ad alterum locum. Hic (§ 354) jam nihil prorsus invenio, quin ex aliis libris repetatur. Sic enim pro τοὺς τοῦ τοιαῦτα ἠδικηκότος in novo codice scriptum est; τοὺς τοσαῦτα ἠδικηκότας. At vero τοῦ omittunt hi quoque codices: F. V. O. t. u. v.; τοσαῦτα porro in his legitur: V. Q. O. t. u. v.; ἠδικηκότας denique habent: F. O: t. u. v. Quatuor igitur codices (O. t. u. v.) eam ipsam lectionem quam novum praebere nescio quo modo virum doctum fefellit. Quin potius Dobraeo talem conjecturam attribuit, quae huic quidem viro perfecte planeque erudito nunquam, ut opinor, in mentem venire potuisset. Dicit enim aperte Salejus (praef. p. 7 et adn. § 354) hanc lectionem: τοὺς τοσαῦτα ἠδικηκότας a Dobraeo conjectam esse. Hic tamen ipse nihil aliud videtur jubere, quam τοῦ articulum omitti atque pro τοιαῦτα cum aliquot codicibus τοσαῦτα scribi. Ista vero lectio— ἠδικηκότας dico—mirum quantum sensu loci repugnat.

Ac ne illud quidem alienum est commemorare, quod Palejus de hac lectione pronunciavit.

p. 443. § 366. ὅτε γὰρ τὸ πρῶτον ἐκράτησε φωκέας (supra m. rec. ἐκτη τατ (sic), i. e. *sexto loco* ponendum πρῶτον).

Ita sollerter rem simplicem explicavit. Quod credo non factum esset, si, ut debuit, vir doctus compertum habuisset, in tribus codicibus (S. V. O.) pro ἐκράτησε legi ἐκτήσατο.

Scripsi Regimonti Borussorum, Idibus Martiis A. MDCCCLXXV.

W. Subkow.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Принимается подписка на ежемѣсячный историческій журналъ, издаваемый въ Петербургѣ:

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1876 г.

седьмой годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ **1876** году будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ первыя **шесть лѣтъ** изданія (1870—1875 гг.), безъ предварительной цензуры.

Годовое изданіе изъ **двѣнадцати** книгъ составитъ **три тома,** каждый не менѣе 44 листовъ убористой, четкой печати, т. е. всего въ годъ не менѣе 2,200 печатныхъ страницъ.

При изданіи прилагаются: **портреты** достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, **снимки** съ подлинныхъ ихъ писемъ, **рисунки** историческихъ памятниковъ, зданій, генеалогическія **таблицы** замѣчательныхъ русскихъ фамилій, рисунки рѣдкихъ **медалей** и проч.

Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ **ежемѣсячно**, непремѣнно 1-го числа, и одновременно разсылается, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ подписчикамъ.

Цѣна годовому изданію «РУССКОЙ СТАРИНЫ» **1876 г.:**
Съ доставкою на домъ, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ ВОСЬМИ рублямъ за доставку: въ Германію, Бельгію, Францію—два рубля; въ Англію, Швейцарію и Италію—три рубля.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ", въ книжномъ магазинѣ Александра Ѳедоровича **Базунова** (Невскій проспектъ, д. № 30); въ Москвѣ—въ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева** (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева).

☛ Гг. **Иногородныхъ** просятъ обращаться исключительно въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ", въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, № 42, кв. № 12.

Въ „Русской Старинѣ" изд. **1876-го** года будутъ помѣщаемы: I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ, артистовъ и проч.—IV. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстнѣйшихъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—V. Историческіе разсказы: анекдоты, эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч.; листки изъ записной книжки „Русской Старины". — VI. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи духовные.—Пѣсни, заговоры, замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа. — VII. Библіографическій листокъ новыхъ книгъ.

Къ книгамъ „Русской Старины" **1876** г. будутъ, между прочимъ, приложены гравированные **на мѣди** портреты: императрицы **Екатерины II**, княгини Екате-

рины Романовны **Дашковой** (въ молодости), князя **Платона Зубова,** генерала **Михельсона** (побѣдителя Пугачева), **Лжедмитрія I-го** (перваго самозванца), графа **Аракчеева,** Алексѣя Петровича **Ермолова, Шамиля;** гравюры на деревѣ: портретъ **В. Г. Бѣлинскаго** (съ мало извѣстнаго портрета), Мих. Ѳед. **Орлова,** кавказскаго генерала **Клюки-фонъ-Клугенау** и др., а также разные рисунки.

Гравюры на мѣди исполнены академикомъ И. П. Пожалостинымъ и друг.; нѣкоторыя изъ гравюръ отпечатаны въ Парижѣ. Портреты на деревѣ гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

Примѣчаніе. Въ числѣ историческихъ книгъ, отдѣльно изданныхъ редакціей «Русской Старины» и составленныхъ изъ статей и матеріаловъ, непанечатанныхъ въ этомъ журналѣ, имѣется, впрочемъ не въ большомъ количествѣ экземпляровъ, книга: **«Записки князя Якова Петровича Шаховскаго»** полиціймейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генералъ кригсъ-коммисара, затѣмъ генералъ-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екатеринѣ II, 1705—1777 гг. Спб. 350 стр.

Лица, выписывающія «Русскую Старину» въ текущемъ году, при возобновленіи подписки на 1876 г. (до 1-го января), могутъ получить книгу: «Записки князя Я. П. Шаховскаго» выславъ лишь при 8-ми рубляхъ, слѣдуемыхъ за «Русскую Старину» **1876** г., **семь восьмикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ** или 56 коп. на пересылку означенной книги.

При вышедшихъ книгахъ «Русской Старины» приложены и разосланы:

Портреты: Петра Великаго (гравюра на стали, исполненная въ Лондонѣ), герцога Бирона, статсъ-дамы Натальи Ѳедоровны Лопухиной.

Принцевъ Петра и Алексѣя, принцессъ Екатерины и Елисаветы—(дѣти Правительницы Анны Леопольдовны). Д. В. Волкова (тайный секретарь Петра III). Емельяна Пугачева и снимокъ съ его подписи и печати. Князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго (гравюра на мѣди).

А. Т. Болотова—два портрета; Академика Александра Лаврентьевича Витберга, перваго по времени строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

Гр. Аракчеева, атамана войска Донскаго Адріяна Карповича Денисова; дѣятелей въ отечественную войну генераловъ: Булатова и Маевскаго.

А. С. Грибоѣдова, съ портрета, писаннаго профессор. И. Н. Крамскимъ.

Портретъ поэта М. Ю. Лермонтова, снимокъ съ подлинника, писаннаго съ натуры акварелью г. Клиндеромъ въ 1839 г., исполненъ красками въ Парижѣ.

Крестьянина Тараса Рябинина (род. въ 1792 г.), пѣвца древнихъ былинъ.

Василія Назаровича Каразина, основателя Харьковскаго университета.

Архимандрита Новгородскаго Юрьева монастыря Фотія, съ гравюры Дау.

Кавалера д'Эона (мнимая женщина), агента при дворѣ импер. Елисаветы.

Александра Ѳедоровича Воейкова, автора сатиры: «Домъ сумасшедшихъ».

Представители державной власти въ Россіи отъ Петра Великаго до импер. Николая, заглавный рисунокъ профес. Шарлеманя къ изд. «Русской Старины».

Снимки съ весьма рѣдкихъ медалей: императрица Анна Іоанновна, императоръ Іоаннъ Антоновичъ (1741 г.), цесаревна Елисавета Петровна 25-го ноября

1741 г.;—проектъ медали на взятіе Константинополя (1788 г.);—планъ собора въ Херсонѣ съ чертежомъ могилы князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.

Рисунки: Тюрьма брауншвейгской фамиліи близь Холмогоръ; арестъ Бирона (картина профес. Якобія); Ледяной домъ, четыре рисунка (1740 г.); Церковь въ Ивановскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, съ застѣнкомъ—мѣсто заточенія Салтычихи; памятникъ Екатеринѣ II въ Петербургѣ (1873 г.) и памятникъ Екатеринѣ II въ нѣмецкой колоніи Саратовской губерніи; рисунки двухъ памятниковъ князя Кутузова-Смоленскаго. Пятнадцать рисунковъ: Моды въ Россіи въ 1779—1789 и 1791 гг. Проектъ памятника Петра Великаго въ XVIII в. Памятники кн. Потемкину-Таврическому въ г. Херсонѣ и Александру I въ селѣ Поппзовьѣ 1816 г. Храмъ Спасителя въ Москвѣ—проектъ академика А. Витберга.

Домъ въ городѣ Бунцлау, въ которомъ скончался князь Кутузовъ, и памятникъ ему въ томъ же городѣ и пр. и пр., всего болѣе 130 рисунковъ и виньетокъ.

Рисунокъ фресковъ на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора XI-го вѣка.

Большой рисунокъ: ботикъ Петра Великаго: «Дѣдушка русскаго флота».

Подробная родословная таблица владѣтельныхъ предковъ Россійскаго Императорскаго дома (на большомъ листѣ почтовой бумаги).

Снимки съ подлинныхъ писемъ: Петра Великаго, импер. Екатерины II, князя Потемкина-Таврическаго, М. И. Голенищева-Кутузова (два письма 1790—1812 гг.)

Снимки съ подписей: Грибоѣдова, Кюхельбекера, Дельвига, Баратынскаго, Гнѣдича, Жуковскаго, архимандрита Фотія, В. Н. Каразина, гр. Аракчеева и др.

Снимокъ съ предсмертнаго письма композитора Михаила Ивановича Глинки.

Снимокъ съ подписи Фальконета, строителя памятника Петру Великому.

Снимокъ съ двухъ страницъ подлинной рукописи Записокъ Болотова и проч

Такъ какъ требованія на „Русскую Старину“ изданія 1870—1875 г. продолжаютъ поступать, то контора редакціи считаетъ необходимымъ заявить, что „Русская Старина“: 1870 г. (первыя два изданія), 1871 г., 1872 г. (два изданія), 1873 г., 1874 г. и 1875 г. (первая книга два изданія) сполна разошлись по подпискѣ до послѣдняго экземпляра, но нынѣ

отпечатано и поступило въ продажу **новое, третье** изданіе „Русской Старины“ 1870 г. (годъ первый) — всѣ двѣнадцать книгъ въ **трехъ большихъ томахъ**, съ двумя портретами, снимками и 65-ю рисунками и виньетками. Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

Въ третьемъ изданіи «Русской Старины» 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генералъ-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;— Записки исторіографа кн. М. М. **Щербатова** о поврежденіи нра-

вовъ въ Россіи; — сенатора П. С. **Рунича** о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ; — Записки придворнаго бриліанщика **Позье** (1729—1764 гг.);—Записки **Лагарпа** о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей; — Петербургъ въ 1781 г.—замѣтки **Пикара**; — Записки Михаила Александровича **Бестужева** (1824—1842 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.; — Записки композитора Михаила Ивановича **Глинки** (1804—1854 гг.);—Замѣтки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.); — Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г. — разсказъ Я. П. **Бакланова**; — Оборона Камчатки въ 1854 г.—разсказъ контръ-адмирала **Арбузова** и проч.—Болѣе сотни сообщеній, разсказовъ, статей, замѣтокъ, собранія писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи, со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII вѣка, біографическія замѣтки П. Ѳ. **Карабанова**.—Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Николая Полеваго, Вигеля, Якова Ростовцева и друг.

Приложеніе къ **третьему** изданію «Русской Старины» **1870** г. составляетъ **первый** томъ Записокъ **Болотова**, вновь пересмотрѣнный, свѣренный съ подлинникомъ и украшенный болѣе шестидесяти вновь награвированными Академикомъ **Сѣряковымъ** рисунками.

М. Семевскій.

ДЛЯ НАРОДНЫХЪ ШКОЛЪ

и

ДРУГИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

КАРТЫ ГУБЕРНСКІЯ И УѢЗДНЫЯ

ВСЕЙ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Стѣнныя, въ масштабѣ 5 верстъ въ дюймѣ, съ обозначеніемъ городовъ, пригородовъ, слободъ, погостовъ, волостей, рѣкъ, озеръ, лѣсовъ, болотъ и главныхъ дорогъ.

I. Цѣна за карты отдѣльныхъ уѣздовъ:

Не раскрашенныя.

При	выпискѣ	150 и болѣе	штукъ	по 1 р.	— к.	за	экземп.
„	„	отъ 100 до 150	„	„ 1 „	50	„	„
„	„	50 „ 100	„	„ 2 „	—	„	„
„	„	15 „ 50	„	„ 2 „	70	„	„
„	„	10 „ 15	„	„ 3 „	—	„	„
„	„	7 „ 10	„	„ 4 „	—	„	„
„	„	5 „ 6	„	„ 6 „	—	„	„
„	„	3 „ 4	„	„ 9 „	—	„	„
„	„	2	„	13 „	—	„	„
„	„	1	„	26 „	—	„	„

Раскрашенныя каждый экземпляръ дороже на 3 руб.

II. Цѣна за карты губернскія:

Въ 6 разъ больше, чѣмъ за карту уѣздную.

Раскрашенныя каждый экземпляръ дороже на 18 руб.

За наклейку на коленкоръ:

1) Уѣздной карты, ... — р. 40 к.
2) Губернской карты. . . . . 3 „ — „
За сдѣланіе на картѣ раскрашеннаго герба. 2 „ — „

ЗАКАЗЫ ПРИНИМАЮТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ Чертежно-строительномъ бюро М. К. Пріорова, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, № 2.

Тамъ же изготовляются *карты* и въ другихъ масштабахъ и производится увеличеніе, уменьшеніе и копировка всевозможныхъ чертежей, рисунковъ и картъ посредствомъ фотографіи, а также принимаются заказы *на проекты и смѣты*

СЕЛЬСКИХЪ ШКОЛЪ И ДРУГИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗДАНІЙ

съ соблюденіемъ всѣхъ новѣйшихъ гигіеническихъ и педагогическихъ условій, а также и экономіи.

Примѣчанія: 1) Для отвѣтовъ по справкамъ просятъ прилагать марку и 2) За пересылку картъ и чертежей взимается по расчету вѣса и разстоянія.

ОБЪ ИЗДАНІИ „ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ" ВЪ 1876 ГОДУ.

(Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Совѣтомъ Женскихъ Учебныхъ Заведеній и Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній).

Изданіе „Филологическихъ Записокъ" будетъ продолжаться и въ 1876 году по той же программѣ и съ тѣми же задачами, которыя редакція поставила себѣ цѣлью, а именно—сообщать разныя сужденія и изслѣдованія по языку и литературѣ, сравнительному языкознанію, классической древности, миѳологіи, русской старинѣ и народности, славянскимъ нарѣчіямъ и вообще разработывать разные лингвистическіе и грамматическіе вопросы, сообщать отдѣльныя чѣмълибо замѣчательныя лекціи, а по возможности и цѣльные разработанные учебники и пр. и пр.

Живое участіе, какое принимали и принимаютъ въ нашемъ изданіи авторитеты науки и спеціалисты, профессоры университетовъ и преподаватели гимназій, служитъ прямымъ ручательствомъ за состоятельность этого единственнаго филологическаго органа въ Россіи и свидѣтельствомъ нашей скромной дѣятельности. Въ подтвержденіе того, что труды наши обратили на себя вниманіе спеціалистовъ и людей науки, мы приводимъ недавній отзывъ о насъ кн. Вяземскаго (П. П.). Въ своихъ „Замѣчаніяхъ на Слово о Полку Игоревѣ", вышедшихъ въ настоящемъ году, въ предисловіи къ читателю (стр. XIV), говоря о сравнительномъ изученіи народной словесности, почтенный авторъ замѣчаетъ: „Превосходные труды по изслѣдованію народной словесности гг. Аѳанасьева, Буслаева, Веселовскаго, Грота, Миллера, Минаева, Пыпина, Стасова, Тихонравова и издателей и сотрудниковъ „Филологическихъ Записокъ" пролагаютъ и у насъ путь къ живоносному источнику".

Вотъ имена нашихъ почтенныхъ сотрудниковъ—изъ професорской корпораціи:

Н. Я. Аристовъ, Ѳ. И. Буслаевъ, А. Н. Веселовскій, А. Д. Гала-

ховъ, Ак. Я. К. Гротъ, А. И. Кирпичниковъ, М. А. Колосовъ, А. А. Котляревскій, А. А. Кочубинскій, П. А. Лавровскій, Н. А. Лавровскій, О. Ѳ. Миллеръ, И. С. Некрасовъ, И. М. Николичъ, А. Аѳ. Потебня.

Изъ преподавателей гимназій и частныхъ лицъ: В. А. Андреевъ, Н. И. Баталинъ, А. Д. Бемъ, П. А. Гильтебрандтъ, К. Г. Говоровъ, М. Х. Григоревскій, И. М. Желтовъ, Н. П. Задерацкій, Н. И. Карѣевъ, Г. К. Кайзеръ, П. С. Козловскій, Д. А. Лавренко, В. А. Лебедевъ, В. П. Лобановъ, М. П. Лисицынъ, Н. Д. Мизко, С. П. Микуцкій, П. О. Морозовъ, И. Ю. Некрасовъ, М. Ѳ. де-Пуле, П. Е. Понырко, П. А. Стремлеръ, Ю. О. Стовикъ, А. И. Смирновъ, А. Н. Чудиновъ, М. М. Шапиро, Г. А. Янчевецкій, и др. Въ настоящее время, изъявили желаніе принимать участіе: кн. П. П. Вяземскій и И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Ближайшее же и постоянное участіе въ дѣлахъ редакціи, въ качествѣ соредактора, принимаетъ А. Н. Чудиновъ.

Представляя различные самостоятельные труды по исторіи литературы и языка, мы постоянно удѣляли мѣсто въ изданіи и переводнымъ статьямъ. Кромѣ небольшихъ переводныхъ статей, мы представили въ переводѣ цѣльныя капитальныя произведенія, а именно: **Макса Мюлера**, „Наука о языкѣ," 2 выпуска; **Гейзе**, „Система языковѣдѣнія", 2 части; **Ренана**, „О происхожденіи языка"; **Тэна**, „Философія искусства и объ идеалѣ въ искусствѣ, — искусство въ Италіи и Нидерландахъ, — искусство въ Греціи", 3 выпуска. Въ настоящее время, редакціей начаты и будутъ продолжаться переводы образцовыхъ классическихъ иностранныхъ произведеній: Скандинавской поэзіи (коей вышелъ уже I томъ), Романской, Германской, Итальянской Англійской и Славянской. Изданіемъ такихъ произведеній, а равно памятниковъ народнаго творчества, отечественныхъ и европейскихъ, редакція стремится удовлетворить какъ педагогическимъ требованіямъ, такъ и любознательности просвѣщенныхъ лицъ. А потому полагаемъ, что каждый преподаватель словесности и языковъ — отечественнаго, древнихъ и новыхъ, каждый студентъ историко-филологическаго факультета, и ученики высшихъ классовъ учебныхъ заведеній, и школьный учитель, готовящійся къ высшей учительской дѣятельности, и человѣкъ просвѣщенный, интересующійся успѣхами науки, — найдутъ въ нашемъ изданіи обильный матеріалъ для удовлетворенія своей любознательности и пособіе для научныхъ кабинетныхъ занятій.

Потребность въ филологическомъ и классическомъ образованіи въ настоящее время признана настоятельною не въ однихъ лишь классическихъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и семинаріяхъ; реальное образованіе равнымъ образомъ требуетъ основательнаго и отчетливаго изученія отечественнаго языка и литературы, слѣдовательно, тоже не можетъ обойтись безъ филологическихъ требованій относительно изученія старо-славянскаго и родственныхъ ему языковъ. При такомъ положеніи учебнаго дѣла, изданіе особаго филологическаго органа, полагаемъ. нельзя не считать существеннымъ научно-педагогическимъ пособіемъ и для другихъ реальныхъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній, какъ-то — военныхъ гимназій и прогимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій, женскихъ учебныхъ заведеній и уѣздныхъ училищъ. Интересомъ науки связаны не только среднія учебныя заведенія, но и низшія, а потому думаемъ, что наше спеціальное изданіе не чуждо и этимъ послѣднимъ. Наука движется впередъ, слѣдовательно, и учителя уѣздныхъ училищъ должны также слѣдить за успѣхами науки, освѣжать и пополнять свои знанія, а не оставаться на одной точкѣ замерзанія.

Въ заключеніе, мы обращаемся къ начальствамъ тѣхъ изъ учебныхъ заведеній, прежнихъ и вновь открытыхъ, которыя еще не выписывали нашего изданія, и просимъ удостоить оное своимъ вниманіемъ и выпискою, въ виду научныхъ и педагогическихъ цѣлей, для библіотекъ своихъ заведеній. Гг. директоровъ народныхъ училищъ также просимъ оказать содѣйствіе къ распространенію нашего изданія въ подвѣдомственныхъ имъ уѣздныхъ училищахъ.

Въ Редакціи имѣются слѣдующія отдѣльныя изъ Филологическихъ Записокъ изданія:

Э. Ренана. „О происхожденіи языка". Ц. 1 р.

Макса Мюллера. „Наука о языкѣ". Вып. I и II. Ц. 2 р. 50 к. за оба.

Тэна: „Искусство въ Италіи и Нидерландахъ", вып. II и „Искусство въ Греціи", вып. III. Ц. за оба 1 р. 60 к.

„**О юморѣ** въ сравненіи съ сатирой". Цѣна 35 к.

„**Сборникъ** классическихъ иностранныхъ произведеній въ переводахъ русскихъ писателей", подъ редакціей А. П. Чудинова, I томъ котораго составляютъ: „Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи". 1875 г. Сборникъ этотъ удостоенъ высокой чести посвященія Имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны и ре-

комендованъ для пріобрѣтенія въ библіотеки гимназій и ученическія. Цѣна 2 р. за экз.

Желающіе пріобрѣсти полное изданіе „Филологическихъ Записокъ" за прежнее и по настоящее время, могутъ обращаться въ Редакцію съ своими требованіями и при этомъ воспользоваться уступкою, пока еще есть небольшой запасъ экземпляровъ.

„Филологическія Записки" издаются въ **Воронежѣ**; выходятъ безсрочными выпусками, — по 6 выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію **ШЕСТЬ** рублей, съ перес.

Подписка преимущественно принимается въ Редакціи Филологическихъ Записокъ, въ **Воронежѣ**; желающіе могутъ подписываться также въ извѣстныхъ столичныхъ и другихъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель-Редакторъ **А. Хованскій.**

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Редакторъ Е. Өеоктистовъ.

(Вышла 1-го января)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города **тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца.** Сверхъ того желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875-й (послѣдній съ Мартовской книжки) платя за экземпляръ **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки журнала — по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

1876.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CLXXXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, (Большая Садовая, д. № 49—2).
1876.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CLXXXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1876.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

16. (8-го ноября 1875 года). *Объ учрежденіи 4-хъ классного реальнаго училища въ г. Вольскѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта объ учрежденіи въ г. Вольскѣ реальнаго училища въ 4-хъ классномъ составѣ, на счетъ казны, съ пособіемъ отъ земства и городскаго общества, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта

Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Вольскѣ реальнаго училища въ 4-хъ классномъ составѣ, на счетъ казны, съ пособіемъ отъ земства и городскаго общества, согласно съ заключеніемъ тайнаго совѣтника князя Ширинскаго-Шихматова, *мнѣніемъ положилъ*:

1) Учредить въ г. Вольскѣ (Саратовской губерніи), съ 1-го іюля 1876 г., реальное училище, въ составѣ 4-хъ классовъ: IV, V и VI, съ однимъ основнымъ отдѣленіемъ и дополнительнымъ общимъ высшимъ классомъ.

2) Отпускать на содержаніе сего училища, сверхъ 3000 р., жертвуемыхъ вольскими земствомъ и городскимъ обществомъ, еще по

1*

тринадцати тысячъ семисотъ восьмидесяти рублей изъ государственнаго казначейства, а всего по *шестнадцати тысячъ семи сотъ восьмидесяти рублей* въ годъ.

3) Предоставить министру народнаго просвѣщенія ассигнуемыя казною деньги (13.780 р.) вносить, по разчету съ 1-го іюля 1876 г., въ подлежащее подраздѣленіе смѣты того министерства, вмѣстѣ съ суммами, жертвуемыми мѣстными земствомъ и городскимъ обществомъ (3.000), показывая эти послѣднія суммы пособіемъ государственному казначейству.

4) Могущіе произойдти отъ штатныхъ суммъ Вольскаго реальнаго училища остатки, раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую суммѣ, отпускаемой казною, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстныхъ земства и городскаго общества, для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

16. (8-го ноября 1875 года). *Объ устройствѣ приготовительныхъ классовъ при учительскихъ семинаріяхъ.*

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ устройствѣ приготовительныхъ классовъ при учительскихъ семинаріяхъ, *мнѣніемъ положилъ*:

1) Для приготовленія дѣтей сельскихъ сословій къ поступленію въ учительскія семинаріи, предоставить министру народнаго просвѣщенія открывать при сихъ семинаріяхъ особые приготовительные классы на слѣдующихъ основаніяхъ: а) для занятій въ сихъ классахъ назначать отдѣльнаго преподавателя, съ распространеніемъ на него тѣхъ правъ по службѣ и по пенсіи, какія установлены Высочайше утвержденными 17-го марта 1870 г. положеніемъ и штатомъ Молодечнянской учительской семинаріи, примѣненными и къ прочимъ учительскимъ семинаріямъ, для наставниковъ семинарій, и съ тѣмъ, чтобы преподаватель сей, для опредѣленія его на службу, соотвѣтствовалъ условіямъ, постановленнымъ тѣмъ же положеніемъ для учителей семинарій; б) бѣднѣйшимъ ученикамъ, поступающимъ въ приготовительные классы семинарій, кои окажутся наиболѣе способными, производить, во время пребыванія ихъ въ этомъ классѣ, стипендію

въ томъ размѣрѣ, въ которомъ оная будетъ опредѣлена министромъ народнаго просвѣщенія для каждаго приготовительнаго класса особо, съ отнесеніемъ этого расхода на счетъ кредита, ассигнуемаго по смѣтѣ министерства на устройство и содержаніе народныхъ училищъ, и в) установленіе правилъ о времени пребыванія учениковъ въ приготовительномъ классѣ, объ условіяхъ пріема въ оный, о предметахъ и объемѣ преподаванія предоставить попечителю учебнаго округа, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія; самый же порядокъ занятій въ семъ классѣ, равно какъ и всѣ дѣла по оному, предоставить вѣдѣнію педагогическаго совѣта семинаріи, на общемъ основаніи съ дѣлами семинаріи.

2) Расходы по содержанію приготовительныхъ классовъ при семинаріяхъ и вознагражденіе преподавателей оныхъ относить на счетъ штатныхъ суммъ семинарій, назначенныхъ на наемъ для нихъ помѣщеній, а за недостаткомъ сихъ суммъ, на спеціальныя средства семинарій; при чемъ опредѣленіе размѣра содержанія учителямъ приготовительныхъ классовъ предоставить министру народнаго просвѣщенія, но съ тѣмъ, чтобы размѣръ этотъ не превышалъ *одной тысячи двухсотъ* рублей и былъ не менѣе *шестисотъ пятидесяти* рублей въ годъ.

Государь Императоръ такое мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

17. (15-го ноября 1875 года). *Объ увеличеніи суммы на содержаніе Виленскаго Маріинскаго женскаго училища.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи суммы на содержаніе Виленскаго Маріинскаго училища, *мнѣніемъ положилъ*:

1) Отпускать изъ государственнаго казначейства, съ 1-го января 1876 года, въ дополненіе къ суммамъ, ассигнуемымъ по ст. 3 § 16 расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія на содержаніе Виленскаго Маріинскаго женскаго училища, по одиннадцати тысячъ двѣсти двадцати рублей въ годъ, каковую сумму и вносить, на будущее время, въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства; и

2) Предоставить министру народнаго просвѣщенія представить непосредственно на Высочайшее утвержденіе уставъ и штатъ Виленскаго Маріинскаго женскаго училища, по составленіи ихъ примѣнительно къ дѣйствующему положенію о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія и на основаніи послѣдовавшихъ

и имѣющихъ послѣдовать до того времени Высочайшихъ повелѣній объ училищѣ.

Государь Императоръ таковое мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

18. (15-го ноября 1875 года). *О преобразованіи четырехклассной Өеодосійской прогимназіи въ шестиклассную.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о преобразованіи четырехклассной Өеодосійской прогимназіи въ шестиклассную, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Четырехклассную Өеодосійскую мужскую прогимназію преобразовать, съ 1-го іюля 1876 г., въ шестиклассную, съ отпускомъ, съ того же срока, на ея содержаніе, сверхъ ассигнуемыхъ нынѣ изъ казны 6.100 р. и жертвуемыхъ мѣстнымъ земствомъ 3.000 р. и городскимъ обществомъ 5.850 р., еще по *пяти тысячъ семисотъ тридцати пяти* рублей въ годъ изъ государственнаго казначейства, съ тѣмъ: а) чтобы въ 1876 г. была отпущена, по разчету съ 1-го іюля, только половина этой суммы, и б) чтобы ассигнуемыя казною деньги (11.835 р.) вносились въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ суммами, жертвуемыми мѣстными земствомъ и городскимъ обществомъ (8.850 р.); при чемъ эти послѣднія суммы показывались бы пособіемъ государственному казначейству.

2) Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Өеодосійской прогимназіи, по преобразованіи ея, остатки раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую суммѣ, ассигнуемой казною, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстныхъ земства и городскаго общества, для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды прогимназіи.

Государь Императоръ мнѣніе это Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

19. (8-го ноября 1875 года). О *преобразованіи четырехклассной Александровской Старобѣльской прогимназіи въ шестиклассную.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта о преобразованіи четырехклассной Александровской Старобѣльской прогим-

назіи въ шестиклассную, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта

Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о преобразованіи четырехклассной Александровской Старобѣльской прогимназіи въ шестиклассную и соглашаясь съ означеннымъ представленіемъ князя Ширинскаго-Шихматова, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Четырехклассную Александровскую Старобѣльскую (Харьковской губерніи) мужскую прогимназію преобразовать, съ 1-го іюля 1876 г., въ шестиклассную, съ отпускомъ, съ того же срока, на ея содержаніе, сверхъ ассигнуемыхъ нынѣ изъ казны 2.110 р. и жертвуемыхъ мѣстными: земствомъ 11.160 р. и городскимъ обществомъ 2.000 р., еще по *пяти тысячъ пятнадцати рублей* въ годъ изъ государственнаго казначейства, съ тѣмъ: а) чтобы въ 1876 г. была отпущена, по разчету съ 1-го іюля, только половина этой суммы и б) чтобы ассигнуемыя казною деньги (7.125 р.) вносились въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ суммами, жертвуемыми мѣстными земствомъ и городскимъ обществомъ (13.160 р.), при чемъ эти послѣднія суммы показывались бы пособіемъ государственному казначейству.

2) Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Александровской Старобѣльской прогимназіи, по преобразованіи ея, остатки, раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую суммѣ, отпускаемой казною, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстныхъ земства и городскаго общества, для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды прогимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

20. (8-го ноября 1875 года) *Объ учрежденіи реальнаго училища въ г. Скопинѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта объ

учрежденіи въ г. Скопинѣ реальнаго училища на совокупныя средства казны и мѣстныхъ общества и земства Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта

Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Скопинѣ реальнаго училища на совокупныя средства казны и мѣстныхъ общества и земства, согласно съ заключеніемъ тайнаго совѣтника князя Ширинскаго-Шихматова, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Учредить въ г. Скопинѣ, Рязанской губерніи, съ 1-го іюля 1876 г., реальное шестиклассное училище, съ однимъ основнымъ отдѣленіемъ и съ высшимъ дополнительнымъ классомъ съ механико-техническимъ отдѣленіемъ.

2) Отпускать, съ того же срока, на содержаніе сего училища по *двадцать двѣ тысячи восемьсотъ сорока пяти рублей* въ годъ, съ тѣмъ, чтобы *восемь тысячъ восемьсотъ сорокъ пять рублей* были ассигнуемы изъ государственнаго казначейства, въ добавокъ къ *четырнадцати тысячамъ*, жертвуемымъ мѣстными земствомъ и городскимъ обществомъ, при чемъ: а) въ 1876 г. ассигновать изъ казны, по разчету съ 1-го іюля, только половину означенной суммы, и б) отпускаемыя казною деньги (8.845 р.) вносить въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ суммами, жертвуемыми мѣстными земствомъ и городскимъ обществомъ (14.000 р.), показывая эти послѣднія суммы пособіемъ государственному казначейству.

3) Могущіе быть остатки отъ штатныхъ суммъ Скопинскаго реальнаго училища раздѣлять на двѣ части: одну часть, соотвѣтствующую ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи государственному казначейству, а другую — оставлять въ распоряженіи мѣстныхъ земства и городскаго общества, для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

21. (8-го ноября 1875 года). *Объ учрежденіи въ г. Енисейскѣ шестиклассной прогимназіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта объ учрежденіи въ г. Енисейскѣ шестиклассной прогимназіи, на счетъ казны, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта

Константинъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Енисейскѣ шестиклассной прогимназіи, на счетъ казны, и соглашаясь съ означеннымъ представленіемъ князя Ширинскаго-Шихматова, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Учредить въ г. Енисейскѣ, съ 1-го іюля 1876 г., шестиклассную прогимназію, съ отпускомъ на ея содержаніе по *девятнадцати тысячъ сту восьмидесяти пяти рублей* въ годъ изъ государственнаго казначейства.

2) Предоставить министру народнаго просвѣщенія означенный въ п. 1 расходъ (19.185 р.) вносить въ подлежащее подраздѣленіе смѣты того министерства, ограничивъ въ будущемъ 1876 г. ассигнованіе сей суммы полугодовымъ размѣромъ (9.592 р. 50 к.).

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

22. (22-го ноября 1875 года). *Объ учрежденіи въ г. Казани татарской учительской школы.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Казани татарской учительской школы, *мнѣніемъ положилъ*:

1) Учредить въ г. Казани, съ 1-го января 1876 г., татарскую учительскую школу, съ примѣненіемъ къ ней Высочайше утвержденныхъ 27-го марта 1872 г. положенія и штата татарскихъ учительскихъ школъ въ г. Уфѣ и Симферополѣ и съ назначеніемъ особой суммы на наемъ помѣщенія для учреждаемой школы по *три тысячи* руб. въ годъ.

2) На содержаніе упомянутой школы вносить, начиная съ 1-го января 1876 г. въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія по *шестнадцати тысячъ пятисотъ двадцати* руб. въ годъ.

Государь Императоръ такое мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

23. (22-го ноября 1875 года). *Объ учрежденіи въ Сергіевскомъ посадѣ четырехклассной мужской прогимназіи.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ Сергіевскомъ посадѣ четырехклассной прогимназіи, на счетъ казны, съ пособіемъ отъ мѣстнаго городскаго общества и московскаго губернскаго земства, *мнѣніемъ положилъ*:

1) Учредить въ Сергіевскомъ посадѣ, съ 1-го іюля 1876 г., четырехклассную мужскую прогимназію, съ отпускомъ, съ того же времени, на ея содержаніе, сверхъ 5.000 руб., жертвуемыхъ мѣстнымъ городскимъ обществомъ и московскимъ губернскимъ земствомъ, еще по *девяти тысячъ пятисотъ пятидесяти* рублей въ годъ, изъ государственнаго казначейства. съ тѣмъ: а) чтобы въ 1876 г. была отпущена, по разчету съ 1-го іюля, только половина этой суммы и б) чтобы ассигнуемыя казною деньги (9.550 руб.) вносились въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ суммами, жертвуемыми мѣстнымъ обществомъ и московскимъ губернскимъ земствомъ (5.000 руб.), при чемъ эти послѣднія суммы показывались бы пособіемъ государственному казначейству.

2) Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Сергіевской мужской прогимназіи остатки, раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую суммѣ, отпускаемой казною, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстнаго общества и московскаго губернскаго земства, для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды прогимназіи.

Государь Императоръ мнѣніе это Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

24. (22-го ноября 1875 года). *Объ учрежденіи должностей инспекторовъ народныхъ училищъ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства

народнаго просвѣщенія, объ учрежденіи должностей инспекторовъ народныхъ училищъ, съ содержаніемъ отъ земства, внесенное по поводу ходатайства о томъ Елабужскаго уѣзднаго земскаго собранія, *мнѣніемъ положилъ*:

1) Учредить въ Елабужскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, должность инспектора народныхъ училищъ, съ назначеніемъ ему содержанія на счетъ суммъ земства, по *тысячѣ пятисотъ* рублей въ годъ, въ томъ числѣ: 900 руб. жалованья и 600 руб. на наемъ квартиры и на канцелярскія издержки, и съ предоставленіемъ ему отъ земства права безплатнаго разъѣзда по уѣзду по дѣламъ службы.

2) Къ инспектору народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда, въ отношеніи служебныхъ правъ и преимуществъ, въ томъ числѣ и права на пенсію изъ государственнаго казначейства, примѣнить ст. V Высочайше утвержденнаго 25 мая 1874 г. мнѣнія государственнаго совѣта объ управленіи училищами въ губерніяхъ, въ коихъ введены земскія учрежденія; въ порядкѣ же опредѣленія на должность и въ отношеніи служебныхъ обязанностей подчинить сіе лицо дѣйствію упомянутаго закона 25 мая 1874 г., положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ и другихъ узаконеніяхъ, относящихся до инспекторовъ сихъ училищъ.

3) Предоставить министру народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, а также съ главнымъ начальникомъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, учреждать должности инспекторовъ народныхъ училищъ и въ другихъ мѣстахъ, на изложенныхъ выше въ п. п. 1 и 2 основаніяхъ, въ случаѣ ходатайства о томъ подлежащихъ земскихъ собраній.

Государь Императоръ такое мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

25. (1-го декабря 1875 года). *Объ учрежденіи стипендій при Петрозаводской Маріинской женской гимназіи.*

Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, донося министру народнаго просвѣщенія, что попечительница Петрозаводской Маріинской женской гимназіи, супруга олонецкаго губернатора, тайнаго совѣтника Григорьева, Елизавета Владиміровна Григорьева, пожертвовала гимназіи 1,000 р., вырученныхъ отъ устроенной ею въ пользу сего заведенія лотереи, ходатайствовалъ, чтобы на проценты съ этихъ денегъ, по обращеніи ихъ въ государственныя процентныя бумаги,

были учреждены при гимназіи три стипендіи для бѣднѣйшихъ дѣвицъ города Петрозаводска, выборъ которыхъ зависѣлъ бы отъ усмотрѣнія ея, жертвовательницы, доколѣ она будетъ оставаться въ званіи попечительницы названной гимназіи, а послѣ того исключительно отъ усмотрѣнія попечительнаго совѣта гимназіи, съ присвоеніемъ означеннымъ стипендіямъ наименованія „стипендій супруги тайнаго совѣтника Елисаветы Владиміровны Григорьевой".

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на приведеніе изложеннаго ходатайства въ исполненіе.

26. (1-го декабря 1875 года). *Объ учрежденіи стипендій при Минской гимназіи.*

Помѣщикъ Францъ Свѣтликъ духовнымъ завѣщаніемъ, явленнымъ въ Минской палатѣ гражданскаго суда 8-го апрѣля 1859 г., отказалъ капиталъ для учрежденія на проценты съ онаго двухъ стипендій при Минской гимназіи, для воспитанія двухъ мальчиковъ изъ бѣдныхъ дѣтей помѣщиковъ или дворянъ Борисовскаго уѣзда, Хотаевицкаго прихода. Капиталъ этотъ по завѣщанію долженъ былъ составлять 10,000 р.; въ дѣйствительности же поступило въ гимназію 7,636 руб. 23 коп.

Вслѣдствіе донесенія о томъ попечителя Виленскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе капитала въ 7,636 р. 23 коп., такъ и на учрежденіе на проценты съ онаго при названной гимназіи двухъ стипендій, съ наименованіемъ ихъ: „стипендіи покойнаго помѣщика Франца Свѣтлика".

27. (22-го ноября 1875 года). *Объ увеличеніи личнаго состава Николаевской главной астрономической обсерваторіи.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ увеличеніи личнаго состава Николаевской главной астрономической обсерваторіи, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Дополнить штатъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи опредѣленіемъ еще двухъ адъюнктъ-астрономовъ, съ производствомъ имъ содержанія по 1,350 р. каждому.

2) Учредить въ обсерваторіи должность ученаго секретаря, съ окладомъ содержанія и служебными правами адъюнктъ-астрономовъ.

3) Должность письмоводителя обсерваторіи упразднить.

4) На покрытіе требующагося на производство содержанія, по вновь учреждаемымъ должностямъ расхода, по *четыре тысячи пятидесяти* рублей въ годъ, обратить 400 р., остающіеся свободными отъ упраздняемой должности письмоводителя, недостающіе же затѣмъ 3,650 р. ассигновать вновь изъ казны, со внесеніемъ, съ 1876 г. упомянутой полной суммы, 4,050 р., въ подлежащее подраздѣленіе расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ таковое мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

28. (22-го ноября 1875 года). *О распространеніи на Уфимскую губернію Высочайше утвержденныхъ мнѣній государственнаго совѣта: а) 25-го мая 1874 г. о начальныхъ народныхъ училищахъ,—и б) 29-го мая 1869 года о мѣрахъ къ развитію начальнаго народнаго образованія.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о распространеніи на Уфимскую губернію Высочайше утвержденныхъ мнѣній государственнаго совѣта: а) 25-го мая 1874 г. о начальныхъ народныхъ училищахъ,—и б) 29-го мая 1869 года о мѣрахъ къ развитію начальнаго народнаго образованія, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Распространивъ, съ 1-го января 1876 года, на губернію Уфимскую дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ мнѣній государственнаго совѣта: а) 25-го мая 1874 г. о преобразованіи управленія народными училищами, съ положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ,—и б) 29-го мая 1869 г. (ст. II), относительно воспособленія изъ суммъ государственнаго казначейства на расходы по развитію начальнаго народнаго образованія, назначить въ сію губернію одного директора и двухъ инспекторовъ народныхъ училищъ, съ присвоеніемъ имъ правъ службы и окладовъ содержанія, опредѣленныхъ въ помянутомъ мнѣніи государственнаго совѣта 25-го мая 1874 г. и съ подчиненіемъ симъ лицамъ всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній, находящихся нынѣ въ вѣдѣніи Уфимскаго директора училищъ и штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ, а также частныхъ учебныхъ заведеній и лицъ, занимающихся домашнимъ и частнымъ обученіемъ.

2) Званіе губернскаго директора училищъ упразднить, а штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ освободить отъ наблюденія за частными учебными заведеніями и лицами, занимающимися домашнимъ и частнымъ обученіемъ.

3) Ассигновать къ ежегодному отпуску изъ государственнаго казначейства, съ 1-го января 1876 года, по ст. 1 § 11 смѣты министерства народнаго просвѣщенія, *семь тысячъ* руб. на слѣдующіе предметы: а) 2500 руб. на содержаніе директора народныхъ училищъ Уфимской губерніи, въ томъ числѣ: 1,000 руб. жалованья, 800 руб на наемъ квартиры и канцелярскіе расходы и 700 руб. на разъѣзды; б) 4,000 руб. на содержаніе двухъ инспекторовъ народныхъ училищъ, полагая каждому въ годъ по 2,000 руб., въ томъ числѣ 900 руб. жалованья, 600 р. на наемъ квартиры и канцелярскія издержки и 500 руб. на разъѣзды, и в) 500 руб. на канцелярскіе расходы одного губернскаго и шести уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, полагая на каждый совѣтъ по 250 руб. въ дополненіе въ 1250 руб., ассигнуемымъ на такую надобность по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія по остающимся свободными.

4) Предоставить министру народнаго просвѣщенія расходы по народному образованію въ Уфимской губерніи, означенные въ ст. II Высочайшаго повелѣнія 29-го мая 1869 года, покрывать изъ общей суммы, ассигнуемой въ распоряженіе этого министерства по ст. 2 § 11 финансовой смѣты онаго.

Государь Императоръ такое мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

29. (22-го Ноября 1875 года). *Объ учрежденіи въ г. Евпаторіи четырехклассной прогимназіи.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, объ учрежденіи въ г. Евпаторіи четырехклассной прогимназіи, на счетъ казны съ пособіемъ отъ мѣстныхъ земства и городскаго общества, *мнѣніемъ положилъ*:

1) Учредить въ г. Евпаторіи, съ 1-го іюля 1876 г., четырехклассную мужскую прогимназію съ отпускомъ на ея содержаніе, сверхъ 4000 р., жертвуемыхъ Евпаторійскими земствомъ и городскимъ обществомъ, еще по *десяти тысячъ пятисотъ пятидесяти* руб. и кромѣ того, по *тысячъ пятисотъ* руб. на наемъ помѣщенія изъ государ-

ственнаго казначейства, а всего по *шестнадцати тысячъ пятидесяти* руб. въ годъ.

2) Предоставить министру народнаго просвѣщенія ассигнуемыя казною деньги (12,050 р.) вносить, по разчету съ 1-го іюля 1876 г. въ подлежащее подраздѣленіе смѣты того министерства, вмѣстѣ съ суммами, жертвуемыми мѣстнымъ земствомъ и городскимъ обществомъ (4,000 р.,) показывая эти послѣднія суммы пособіемъ государственному казначейству.

3) Могущіе произойдти отъ штатныхъ суммъ Евпаторійской мужской прогимназіи остатки раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую суммѣ, отпускаемой казною, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстныхъ земства и городскаго общества, для употребленія, по ихъ усмотрѣнію, на нужды прогимназіи.

Государь Императоръ мнѣніе это Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

30. (1-го декабря 1875 года). *Объ учрежденіи стипендій при Нѣжинской гимназіи.*

Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 8-й день апрѣля 1869 года, учреждена была при лицеѣ князя Безбородко стипендія на пожертвованные генералъ-лейтенантомъ Рудановскимъ, въ память отца его, Платона Осиповича Рудановскаго, 4.000 руб.

Въ настоящее время, по случаю преобразованія лицея въ историко-филологическій институтъ, гдѣ всѣ воспитанники состоятъ на полномъ казенномъ содержаніи, генералъ-лейтенантъ Рудановскій, въ отзывѣ своемъ къ директору историко-филологическаго института князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи, выразилъ желаніе перевести означенную степендію въ Нѣжинскую гимназію, съ раздѣленіемъ ея на двѣ, по 100 руб. каждая, съ сохраненіемъ за ними названія стипендій Платона Осиповича Рудановскаго и съ тѣмъ, чтобы онѣ переведены были въ гимназію въ настоящемъ учебномъ году.

Вслѣдствіе донесенія о томъ начальства Кіевскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе, на вышеизложенныхъ основаніяхъ, при Нѣжинской гимназіи двухъ стипендій имени Платона Осиповича Рудановскаго.

31. (1-го декабря 1875 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Казанской 1-й гимназіи.*

Бывшій ученикъ Императорской Казанской 1-й гимназіи, землевладѣлецъ-дворянинъ Самарской губерніи Александръ Протопоповъ, доставилъ директору этой гимназіи два 5% билета Государственнаго банка на сумму *шестьсотъ* рублей, для учрежденія, на счетъ процентовъ этого капитала, стипендіи на уплату за ученіе бѣднѣйшаго ученика, который долженъ быть избираемъ по усмотрѣнію педагогическаго совѣта гимназіи.

Вслѣдствіе донесенія о томъ попечителя Казанскаго учебнаго округа и по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе капитала въ 600 руб., такъ и на учрежденіе, на проценты съ онаго, при названной гимназіи одной стипендіи, съ наименованіемъ ея: „стипендія Александра Михайловича Протопопова"; вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть: благодарить жертвователя.

32. (9-го декабря 1875 года). *Объ учрежденіи въ г. Вознесенскѣ четырехклассной мужской прогимназіи.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Вознесенскѣ четырехклассной мужской прогимназіи, на совокупныя средства казны и мѣстныхъ городскаго общества и земства, *мнѣніемъ положилъ*:

1) Учредить въ г. Вознесенскѣ (Херсонской губерніи) съ 1-го іюля 1876 г., четырехклассную мужскую прогимназію, съ отпускомъ, съ того же срока, на ея содержаніе, сверхъ 6.000 руб., жертвуемыхъ мѣстными городскимъ обществомъ и земствомъ, еще по *восьми тысячъ пятисотъ пятидесяти руб.* въ годъ изъ государственнаго казначейства, съ тѣмъ: а) чтобы въ 1876 г. была отпущена, по разчету съ 1-го іюля, только половина этой суммы, и б) чтобы ассигнуемыя казною деньги (8.550 руб.) вносить въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ суммами, жертвуемыми мѣстнымъ городскимъ обществомъ и земствомъ (6.000 руб.), при чемъ эти послѣднія суммы показывались бы пособіемъ государственному казначейству.

2) Могущіе быть отъ штатныхъ суммъ Вознесенской мужской прогимназіи остатки раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую суммѣ,

отпускаемой казною, передавать на общемъ основаніи въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстныхъ городскаго общества и земства, для употребленія, по ихъ усмотрѣнію на нужды прогимназіи.

Государь Императоръ изложенное мнѣніе, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣть исполнить.

33. (9-го декабря 1875 года). *Объ учрежденіи въ Архангельской губерніи должностей директора и инспектора народныхъ училищъ.*

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ Архангельской губерніи должностей директора и инспектора народныхъ училищъ, *мнѣніемъ положилъ*:

1) Учредить въ Архангельской губерніи, съ 1-го января 1876 г., должности директора и инспектора народныхъ училищъ, подчинивъ симъ лицамъ сельскія начальныя училища разныхъ наименованій, городскія приходскія училища, городскія училища, замѣнившія уѣздныя, а также частныя учебныя заведенія и лицъ, занимающихся домашнимъ и частнымъ обученіемъ.

2) Одновременно съ симъ званіе губернскаго директора училищъ и смотрителя приходскихъ училищъ въ названной губерніи упразднить; лицо же, занимающее нынѣ должность означеннаго смотрителя, если оно не получитъ другаго назначенія, оставить за штатомъ, на общемъ основаніи.

3) На содержаніе директора и инспектора народныхъ училищъ въ Архангельской губерніи, ассигновать, съ 1-го января 1876 года, къ ежегодному отпуску изъ государственнаго казначейства по *четыре тысячи семьсотъ* руб., полагая директору 2.500 руб., въ томъ числѣ: на жалованье 1.000 руб., на наемъ квартиры и на канцелярскіе расходы 800 руб. и на разъѣзды 700 руб., и инспектору 2.200 руб., въ томъ числѣ: на жалованье 900 руб., на наемъ квартиры и на канцелярскіе расходы 600 руб. и на разъѣзды 700 руб., со внесеніемъ этихъ денегъ въ ст. 1, § 11 финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

4) Къ означеннымъ директору и инспектору, въ отношеніи служебныхъ правъ и преимуществъ, примѣнить ст. V Высочайше утвержденнаго 25-го мая 1874 года мнѣнія государственнаго совѣта, объ управленіи училищами въ губерніяхъ, въ коихъ введены земскія учреж-

денія, а въ отношеніи къ порядку опредѣленія сихъ лицъ, распространить на нихъ ст. 21 положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 25-го мая 1874 г.

5) Отпускаемые изъ казны по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія слѣдующіе кредиты: а) 1.182 руб. по ст. 1 § 10 сей смѣты на содержаніе упраздняемаго смотрителя приходскихъ училищъ Архангельской губерніи; б) 150 руб. по ст. 2 § 11 той же смѣты на разъѣзды этому смотрителю, и в) 250 руб. по ст. 1 § 7 названной смѣты на разъѣзды губернскому директору училищъ означенной губерніи, всего 1.582 руб., обратить на покрытіе исчисленныхъ въ п. 3 расходовъ по содержанію будущихъ директора и инспектора народныхъ училищъ, назначаемыя же на счетъ казны по ст. 1 § 9 смѣты министерства народнаго просвѣщенія разъѣздныя деньги штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Архангельскаго, Онежскаго и Кемскаго, по 60 руб. каждому, всего 180 руб., какъ зачисленныя, на основаніи Высочайше утвержденнаго, 31-го мая 1872 г., мнѣнія государственнаго совѣта о преобразованіи уѣздныхъ училищъ въ городскія, въ составъ суммъ, потребныхъ на содержаніе сихъ послѣднихъ училищъ, оставить впредь до открытія надобности въ этихъ деньгахъ, въ рессурсахъ государственнаго казначейства.

6) Ближайшее опредѣленіе правъ и обязанностей директора и инспектора по надзору за народными училищами предоставить министру народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ православнымъ духовнымъ вѣдомствомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Государь Императоръ, такое мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

34. (14-го декабря 1875 года). *О передачѣ отдѣленія гипсовыхъ фигуръ и статуй Варшавскаго музея изящныхъ искусствъ въ завѣдываніе тамошняго университета.*

Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, по разсмотрѣніи представленія министерства народнаго просвѣщенія о передачѣ отдѣленія гипсовыхъ фигуръ и статуй Варшавскаго музея изящныхъ искусствъ въ завѣдываніе тамошняго университета, *положилъ*:

1) Отдѣленіе гипсовыхъ фигуръ и статуй, входящихъ въ составъ Варшавскаго музея изящныхъ искусствъ, передать въ завѣдываніе Варшавскаго университета, включивъ въ число учебно-вспомогательныхъ его учрежденій, поименованныхъ въ п. А § 119 устава сего университета; и

2) На содержаніе означеннаго отдѣленія, по передачѣ онаго въ университетъ, употреблять *четыреста семьдесять* рублей изъ кредита по ст. 8 § 17 финансовой смѣты министерства народнаго просвѣщенія, каковую сумму перечислить въ ст. 2 § 5 той же смѣты, опредѣляющую кредитъ на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы Варшавскаго университета.

Государь Императоръ, на журналѣ комитета, соизволилъ написать собственноручно: „*Исполнить*".

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

1-го декабря 1875 года (№ 14). *Производится*: почетный попечитель Елецкой гимназіи, коммерціи совѣтникъ Самуилъ *Поляковъ*— за значительныя пожертвованія на пользу народнаго образованія, въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Менделѣевъ* — съ 15-го декабря 1875 года по 6-е января 1876 года; архитекторъ при управленіи Одесскаго учебнаго округа, коллежскій ассесоръ *Мазировъ*, на два мѣсяца; магистръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Шмальгаузенъ*—на шесть мѣсяцевъ, съ 1-го марта 1876 года; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ* — съ 1-го декабря 1875 года по 1-е октября 1876 года; кандидаты Императорскаго Московскаго университета: *Фортунатовъ*, *Зиловъ*, *Макаровъ*, *Гольцовъ*, *Матвѣевъ* и докторъ медицины *Синицынъ* — на два года.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

14. (27-го ноября 1875 года). *Положеніе о стипендіи тайнаго совѣтника, барона Константина Константиновича Унгернъ-Штернберга при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Служившіе при сооруженіи Харьково-Николаевской желѣзной дороги, желая почтить память бывшаго строителя оной, покойнаго

тайнаго совѣтника барона Константина Константиновича Унгернъ-Штернберга, собрали въ средѣ своей по подпискѣ *шесть тысячъ пятьдесятъ шесть руб. девяносто девять коп.* на учрежденіе въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ по физико-математическому факультету стипендіи имени тайнаго совѣтника, барона Константина Константиновича Унгернъ-Штернберга.

2) Деньги эти, обращенныя въ закладные листы Херсонскаго земскаго банка, а именно: шесть, въ 1000 руб. каждый, 10-й серіи за №№ 7302, 6981, 4759, 6945, 6946 и 6947, одинъ въ 250 руб. 6-й серіи за № 1021 и шесть, въ 100 руб. каждый: 8-й серіи №№ 3192 и 3190, 7-й серіи № 0443, 5-й серіи № 1201, 4-й серіи №№ 2558 и 2551, всѣ съ купонами съ 1-го марта 1876 года, всего на сумму шесть тысячъ восемьсотъ пятьдесятъ руб. даютъ ежегодно процентовъ триста семьдесятъ шесть руб. семьдесятъ пять коп., на которые и учреждается на физико-математическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16 ноября 1875 г., именуется „стипендіею покойнаго тайнаго совѣтника, барона Константина Константиновича Унгернъ-Штернберга".

3) Стипендія назначается достойному по успѣхамъ и поведенію и недостаточнаго состоянія молодому человѣку христіанскаго вѣроисповѣданія.

4) Право избранія, по представленію физико-математическаго факультета, предоставляется совѣту Новороссійскаго университета, который подвергаетъ стипендіата тому же контролю надъ его занятіями, какой установленъ правами университета для казенныхъ стипендіатовъ.

5) Остатки, имѣющіе образоваться отъ неполнаго израсходованія процентовъ съ капитала на стипендію, а равно и отъ билетовъ, вышедшихъ въ тиражъ, обращаются въ процентныя бумаги, доходъ съ которыхъ остается неприкосновеннымъ до тѣхъ поръ, пока отъ этихъ остатковъ и процентовъ на нихъ не образуется сумма, достаточная для учрежденія второй стипендіи имени барона К. К. Унгернъ-Штернберга.

15. (29-го ноября 1875 года). *Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ производства испытаній въ гимназіяхъ лицъ, получившихъ домашнее образованіе.*

Желая предоставить родителямъ, воспитывающимъ своихъ сыно-

вей у себя дома, способы давать имъ сколь можно болѣе правильное гимназическое образованіе и слѣдить за ихъ успѣхами, а съ другой стороны желая поставить получающихъ таковое домашнее образованіе въ условія сколь можно болѣе равныя съ учениками гимназій, я имѣю честь просить ваше превосходительство сдѣлать зависящее отъ васъ распоряженіе по всѣмъ гимназіямъ и прогимназіямъ ввѣреннаго вамъ округа о томъ, чтобы впредь лица домашняго воспитанія, по собственному желанію ихъ родителей, родственниковъ, опекуновъ или попечителей, были допускаемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, наравнѣ и въ одно время съ ихъ учениками, къ испытаніямъ изъ предметовъ прогимназическаго и гимназическаго курсовъ на основаніи утвержденныхъ мною 8 декабря 1872 г. правилъ объ испытаніяхъ, и притомъ съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ правилъ:

1) Лица домашняго воспитанія могутъ, по желанію ихъ родителей, родственниковъ или опекуновъ, подвергаться испытаніямъ, наравнѣ и въ одно время съ учениками гимназій и прогимназій, изъ *всѣхъ* предметовъ, пройденныхъ въ низшихъ четырехъ классахъ этихъ учебныхъ заведеній, и затѣмъ въ случаѣ удовлетворительныхъ результатовъ этого перваго испытанія, могутъ подвергнуться по прошествіи двухъ лѣтъ второму испытанію изъ курсовъ V-го и VI-го классовъ.

2) Къ каждому изъ сихъ испытаній допускаются лица домашняго воспитанія, по достиженіи ими нормальнаго возраста, положеннаго для соотвѣтственныхъ классовъ гимназіи, то-есть, къ первому испытанію допускаются тѣ, коимъ, по меньшей мѣрѣ исполнилось 14 лѣтъ, а ко второму — тѣ, коимъ по меньшей мѣрѣ исполнилось 16 лѣтъ. Впрочемъ, недочетъ въ два или три мѣсяца до означенныхъ возрастовъ не можетъ служить препятствіемъ въ томъ случаѣ, если наружный видъ означенныхъ юношей свидѣтельствуетъ о хорошемъ состояніи ихъ здоровья.

3) О результатахъ испытанія выдается отъ учебнаго заведенія свидѣтельство, съ обозначеніемъ въ немъ, въ случаѣ удовлетворительности испытанія, что свидѣтельство это предоставляетъ всѣ тѣ же права, какія предоставлены, какъ по гражданской службѣ, такъ и по отбыванію воинской повинности, лицамъ, окончившимъ курсъ соотвѣтственныхъ классовъ гимназій или прогимназій.

4) Лица домашняго воспитанія, имѣющія свидѣтельства объ удовлетворительномъ выдержаніи ими перваго и втораго изъ вышеупомянутыхъ испытаній, могутъ, по прошествіи по меньшей мѣрѣ двухъ лѣтъ послѣ втораго испытанія, подвергнуться испытанію зрѣлости

изъ тѣхъ только предметовъ и на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и ученики старшаго класса самихъ гимназій.

5) Лица, желающія, чтобы ихъ дѣти подверглись какому-либо изъ вышеозначенныхъ испытаній, должны подать о томъ прошеніе на имя директора гимназіи или директора и инспектора прогимназіи за мѣсяцъ до наступленія экзаменовъ съ приложеніемъ узаконеннаго свидѣтельства о возрастѣ имѣющаго подвергнуться испытанію и свѣдѣній объ его домашнемъ ученіи и со взносомъ 10 рублей въ пользу экзаменаторовъ, каковой взносъ ни въ какомъ случаѣ не возвращается и распредѣляется между экзаменаторами на основаніи дѣйствующихъ нынѣ правилъ.

Настоящее мое распоряженіе имѣю честь просить ваше превосходительство, сообщивъ къ исполненію начальникамъ гимназій и прогимназій, обнародовать вмѣстѣ съ тѣмъ во всеобщее свѣдѣніе въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ.

16. (29-го ноября 1875 года). *Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ о выдачѣ въ 1876 году свидѣтельствъ зрѣлости лицамъ, получившимъ домашнее образованіе и выдержавшимъ испытаніе зрѣлости по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, но не обучавшимся греческому языку.*

Журналомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія отъ 17-го января 1873 г., № 52, мною утвержденнымъ, постановлено, между прочимъ, чтобы лица домашняго воспитанія, не обучавшіяся греческому языку, но выдержавшія испытаніе зрѣлости по всѣмъ прочимъ предметамъ гимназическаго курса, были принимаемы въ студенты университетовъ лишь до весны 1876 года.

Такъ какъ по полученнымъ нынѣ свѣдѣніямъ оказывается, что въ значительной части и тѣхъ гимназій, въ коихъ греческій языкъ уже преподается въ настоящее время во всѣхъ положенныхъ для того классахъ, есть довольно большое число учащихся въ старшемъ классѣ, которые, отставъ въ какомъ-либо изъ предыдущихъ классовъ отъ своихъ товарищей, не могли однако быть привлечены къ изученію греческаго языка наравнѣ съ новыми своими товарищами и такимъ образомъ достигли старшаго класса, вовсе не обучаясь греческому языку, то я признаю справедливымъ разрѣшить допущеніе въ предстоящемъ 1876 г. къ испытанію зрѣлости какъ этихъ учениковъ гимназій, такъ, для уравненія съ ними, и постороннихъ лицъ домашняго воспитанія, не обучавшихся греческому языку, съ предоставле-

ніемъ имъ права, по выдержаніи испытанія изъ всѣхъ прочихъ предметовъ, получить аттестатъ зрѣлости для поступленія въ университетъ, о чемъ и прошу ваше превосходительство сдѣлать надлежащее распоряженіе по всѣмъ гимназіямъ ввѣреннаго вамъ округа.

Къ сему не излишнимъ считаю присовокупить, что мѣра эта отнюдь не должна распространяться на тѣхъ учениковъ гимназій, которые, обучавшись греческому языку, выбыли бы изъ гимназіи въ тѣхъ видахъ, чтобы въ качествѣ постороннихъ лицъ, избѣжать испытанія въ греческомъ языкѣ.

17. (6-го декабря 1875 года). *Положеніе о стипендіи покойнаго помѣщика Франца Свѣтлика при Минской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи духовнаго завѣщанія помѣщика Франца Свѣтлика, явленнаго въ Минской палатѣ гражданскаго суда 8-го апрѣля 1859 г., учреждаются на проценты съ поступившаго въ вѣдѣніе Минской гимназіи капитала 7.636 руб. 23 коп. (вмѣсто завѣщанныхъ 10.000 руб.) двѣ стипендіи покойнаго помѣщика Франца Свѣтлика, для воспитанія двухъ мальчиковъ изъ бѣдныхъ дѣтей помѣщиковъ или дворянъ Борисовскаго уѣзда, Хотаевицкаго прихода.

2) Стипендіальный капиталъ находится въ завѣдываніи Минской гимназіи и хранится въ Минскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ суммъ помянутой гимназіи, съ обращеніемъ наличныхъ денегъ, причисленныхъ къ основному капиталу, въ государственныя процентныя бумаги.

3) Размѣръ стипендіи, въ силу завѣщанія, опредѣляется по 150 р. на каждаго стипендіата.

4) Число стипендій, соотвѣтственно средствамъ фундуша, можетъ быть увеличено съ разрѣшенія попечителя Виленскаго учебнаго округа.

5) Выборъ стипендіатовъ изъ числа лицъ, указанныхъ въ завѣщаніи Франца Свѣтлика, предоставляется душеприкащику Ѳомѣ Александровичу Реклевскому, а по смерти послѣдняго его наслѣдникамъ, а именно тому, который будетъ жить въ Хотаевицкомъ приходѣ.

6) Стипендіею пользуются бѣдные сыновья помѣщиковъ или дворянъ Борисовскаго уѣзда Хотаевицкаго прихода, утвержденные правительствующимъ сенатомъ въ дворянскомъ достоинствѣ и имѣющіе не менѣе семи и не болѣе двадцати лѣтъ отъ роду.

7) Стипендія выдается Минскою гимназіею впередъ, по полуго-

діямъ, родителямъ или опекунамъ стипендіатовъ по представленію ими свидѣтельства душеприкащика завѣщателя, помѣщика Ѳомы Реклевскаго или его наслѣдниковъ о личности ихъ и стипендіата и о правѣ на полученіе ими стипендіи. Свидѣтельство это должно быть удостовѣрено Борисовскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

8) До поступленія въ казенное учебное заведеніе, или наступленія одиннадцатилѣтняго возраста, стипендіаты могутъ воспитываться и дома при своихъ родителяхъ и опекунахъ.

9) Воспитывающіеся въ учебномъ заведеніи стипендіаты, пробывшіе два года въ одномъ классѣ и неудостоенные перевода въ высшій классъ, лишаются права на стипендію.

10) Стипендіаты неодобрительнаго поведенія лишаются стипендіи.

18. (6-го декабря 1875 г.) *Положеніе о стипендіяхъ Платона Осиповича Рудановскаго въ гимназіи при Историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Въ гимназіи при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко учреждаются двѣ стипендіи изъ дохода съ капитала, пожертвованнаго на вѣчное время лицею князя Безбородко генералъ-лейтенантомъ Леонидомъ Платоновичемъ Рудановскимъ.

2) Стипендіи эти называются, въ память отца учредителя, стипендіями Платона Осиповича Рудановскаго, и пользующіеся ими, во все время этого пользованія, именуются также стипендіатами Платона Осиповича Рудановскаго.

3) Капиталъ, служащій основаніемъ этихъ стипендій, составляетъ сумму въ 4000 руб. сер. и состоитъ изъ пожертвованныхъ генералъ-лейтенантомъ Рудановскимъ выкупнаго свидѣтельства въ три тысячи руб. сер. и 5% билета государственнаго банка въ тысячу руб. сер.

4) Означенный капиталъ долженъ исключительно служить для цѣли учреждаемыхъ стипендій и потому не можетъ быть израсходованъ ни на какія посторонні цѣли. Гимназіи предоставляется, однако, право обратить его впослѣдствіи, на вполнѣ прочныхъ основаніяхъ, въ другія болѣе доходныя кредитныя бумаги.

5) Учреждаемыя стипендіи составляются изъ ежегоднаго процентнаго дохода съ означеннаго капитала, каковой доходъ по 5% равняется 200 руб. сер.

6) Стипендіи эти, въ размѣрѣ 100 руб. въ годъ каждая, присуждаются лучшимъ по успѣхамъ и поведенію и бѣднѣйшимъ воспитан-

никамъ гимназіи, уроженцамъ Черниговской губерніи, и выдаются имъ самимъ или родителямъ ихъ—по третямъ года впередъ до окончанія ими курса наукъ въ гимназіи со дня состоявшагося объ этомъ опредѣленія.

7) Стипендіи эти имѣютъ быть присуждены такимъ воспитанникамъ гимназіи, которые особенно отличаются успѣхами въ наукахъ, нравственностью и имѣютъ совершенно недостаточныя, для продолженія курса наукъ въ гимназіи, средства, въ чемъ таковые воспитанники гимназіи должны представить законныя свидѣтельства.

8) Стипендіаты освобождаются также и отъ платы за ученіе.

9) Право выбора таковыхъ воспитанниковъ гимназіи для присужденія имъ означенныхъ стипендій, принадлежитъ совѣту гимназіи. Учредитель, однако, можетъ рекомендовать совѣту для замѣщенія стипендій воспитанниковъ, лично ему извѣстныхъ.

10) Если стипендіи, одна или обѣ, по какому либо случаю будутъ вакантными, то процентныя деньги, имѣющія остаться по сему случаю, причисляются къ капиталу и должны считаться неприкосновенными, а проценты на нихъ причисляются къ стипендіямъ.

11) Выдача стипендій прекращается въ слѣдующихъ случаяхъ: а) по окончаніи стипендіатами курса наукъ въ гимназіи, b) въ случаѣ выбытія ихъ изъ гимназіи, с) въ случаѣ неодобрительности ихъ поведенія, d) въ томъ случаѣ, когда они остаются на другой годъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности въ наукахъ и е) когда улучшеніе матеріальныхъ средствъ стипендіатовъ даетъ имъ возможность безбѣдно продолжать ученіе безъ помощи стипендій.

12) Учредитель стипендій генералъ-лейтенантъ Рудановскій пользуется правомъ получать отъ гимназіи свѣдѣнія какъ о томъ, а) кто изъ воспитанниковъ пользуется въ данное время этими стипендіями, такъ и b) о всякой вообще перемѣнѣ въ этомъ отношеніи.

19. (8-го декабря 1875 г.) *Положеніе о стипендіи А. М. Протопопова при Императорской Казанской первой гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Въ Императорской Казанской первой гимназіи, съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, послѣдовавшаго 1-го декабря 1875 г., учреждается одна стипендія на счетъ процентовъ съ капитала въ 600 руб., пожертвованнаго землевладѣльцемъ дворяниномъ Самарской губерніи Протопоповымъ, въ знакъ признательности за образованіе, полученное имъ въ сей гимназіи. Стипендія предназна-

чается въ уплату за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ своекоштныхъ учениковъ.

2) Стипендія эта именуется: „стипендіею Александра Михайловича Протопопова" и предоставляется лицамъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій.

3) Деньги, пожертвованныя Протопоповымъ *шестьсотъ* руб. пятипроцентными банковыми билетами 1869 года за №№ 1,222 и 65.288, хранятся въ Казанскомъ губернскомъ казначействѣ въ спеціальныхъ средствахъ Императорской гимназіи.

4) Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ Императорской Казанской первой гимназіи.

20. (13-го декабря 1875 г.) *Положеніе о стипендіяхъ имени Харьковскаго 2-й гильдіи купца Павла Галицкаго, учрежденныхъ при Харьковской мужской прогимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 1-й день іюля 1875 г. при Харьковской мужской прогимназіи учреждаются двѣ стипендіи имени Харьковскаго 2-й гильдіи купца Павла Галицкаго на счетъ процентовъ съ представленнаго душеприкащиками Галицкаго капитала въ *шесть тысячъ* рублей.

2) Размѣръ стипендій, одинаковый для каждой, опредѣляется годовыми процентами съ капитальной суммы, помѣщенной на вѣчныя времена въ Харьковскій городской купеческій банкъ.

3) Стипендіи купца Галицкаго въ указанномъ въ предыдущей статьѣ размѣрѣ выдается, согласно волѣ завѣщателя, дѣтямъ обѣднѣвшихъ купцовъ и мѣщанъ города Харькова, по назначенію харьковской городской управы.

4) Выдача стипендій производится по полугодно впередъ.

5) Остатки, которые могутъ оказаться отъ ежегодныхъ процентовъ съ пожертвованнаго Галицкимъ капитала, должны храниться въ харьковскомъ городскомъ купеческомъ банкѣ, и изъ нихъ долженъ быть образовываемъ особый запасный капиталъ, изъ котораго имѣетъ быть выдаваемо пособіе ученикамъ, пользовавшимся стипендіями и успѣшно окончившимъ курсъ въ прогимназіи. Размѣръ пособія каждый разъ опредѣляется педагогическимъ совѣтомъ прогимназіи.

6) Для полученія и сохраненія стипендіи необходимы удовлетворительные успѣхи въ наукахъ и хорошее поведеніе.

21. (27-го декабря 1875 г.) *Правила о стипендіяхъ имени генералъ-адъютанта, князя Владиміра Андреевича Долгорукова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ 10.000 руб., пожертвованнаго жителями всѣхъ сословій Московской губерніи и служащими по губернскимъ и уѣзднымъ учрежденіямъ по случаю исполнившагося десятилѣтія со дня назначенія генералъ-адъютанта князя Долгорукова московскимъ генералъ-губернаторомъ, учреждаются при Московскомъ университетѣ двѣ стипендіи.

2) Стипендіи эти, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 20-го сентября 1875 года, именуются стипендіями генералъ-адъютанта князя Владиміра Андреевича Долгорукова.

3) Стипендіями этими могутъ пользоваться студенты всѣхъ факультетовъ изъ уроженцевъ Московской губерніи.

4) Стипендіи эти предоставляются студентамъ по назначенію факультетовъ и съ утвержденія совѣта университета.

5) Студентъ, пользующійся одною изъ сихъ стипендій, лишается оной, если не будетъ удостоенъ перевода на высшій курсъ, или будетъ оказывать неодобрительное поведеніе.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: 1) „*Руководство къ изученію русскаго языка съ приложеніемъ церковно-славянскаго текста для перевода* и *сборника статей для чтенія, пересказа и письменныхъ упражненій*, составленное по программѣ, установленной для лицъ, желающихъ поступить на службу вольноопредѣляющимися III разряда, *Н. Я. Максимовымъ*. Спб., 1875 г.— одобрить для приготовленія къ экзамену по русскому языку на пріобрѣтеніе правъ вольноопредѣляющихся 3-го разряда.

2) Что книга: „*Жизнь европейскихъ народовъ. — Географическіе разказы Е. Н. Водовозовой* т. I. *Жители юга*. Съ 25 рисунками В. М. Васнецова. Спб. 1874 г. Цѣна 3 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р. 75 к.“—можетъ быть съ большою пользою пріобрѣтаема какъ для

фундаментальныхъ, такъ и для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній — мужскихъ и женскихъ и служить для чтенія учениковъ и ученицъ старшихъ классовъ гимназій.

3) Книги подъ заглавіями: I. *Племенной составъ контингента Русской арміи и мужскаго населенія Европейской Россіи*. Составилъ генеральнаго штаба полковникъ *А. Ѳ. Риттихъ*. Спб. 1875 года — одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки мужскихъ гимназій.

II. *Учебная книга нѣмецкаго языка*, составленная *К. Бейзертомъ*. Курсъ I. 6-е изданіе, вновь исправленное и дополненное этимологическими правилами и примѣчаніями. Для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Москва. 1867 г.—рекомендовать какъ пособіе при изученіи нѣмецкаго языка во II и III классахъ гимназій и прогимназій и въ I, II и III классахъ реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій и прогимназій.

III. *Изданіе*: *Географическія таблицы*. Составилъ *Г. С. Лыткинъ*. *Обозрѣніе странъ и государствъ внѣевропейскихъ* (Австралія, Азія, Африка и Америка) курсъ II класса. Спб. 1875 г. Цѣна 25 коп. — признать весьма полезнымъ пособіемъ при преподаваніи географіи во II классѣ и пригоднымъ къ употребленію между прочимъ въ видѣ стѣнной карты—таблицы.

4) Книгу подъ заглавіемъ: *Книга о кіевскихъ богатыряхъ*, Составилъ *В. Авенаріусъ*. С.-Пб. 1875 г. — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а равно и для наградъ учащимся.

5) Книгу: *Упражненія на правила синтаксиса и связныя фразы для переводовъ съ русскаго языка на греческій*. Составилъ по Гауппу и Шнеллю *Я. Кремеръ*, преподаватель греческаго языка при 4-й Московской гимназіи. Москва. 1875 г.—одобрить какъ пособіе по греческому языку въ высшихъ классахъ гимназій.

6) Книгу: *Чтеніе для дѣтей пастора Тодда*. Перевелъ съ англійскаго протоіерей *Евгеній Поповъ*. Въ двухъ частяхъ. Изданіе четвертое, Кораблева и Сирякова. С.-Пб. 1875 г. Цѣна 50 коп.—одобрить для библіотекъ всѣхъ народныхъ школъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

7) Книгу подъ заглавіемъ: *Учебный словарь нѣмецко-русскій и русско-нѣмецкій*, составленный *А. Фреемъ*. Лейпцигъ. 1875 г. — одобрить въ видѣ учебнаго пособія для употребленія въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

8) Изданіе: *Историческія сравнительно-конспективныя таблицы, по новой и новѣйшей исторіи* (отъ Вестфальскаго мира до Парижскаго мира 1856 г.). Составилъ *Я. Г. Гуревичъ*. С.-Пб. 1875 г. Цѣна 80 коп.—одобрить какъ полезное пособіе въ высшихъ классахъ всякаго рода среднихъ учебныхъ заведеній.

9) Книгу, подъ заглавіемъ: *Очеркъ теоріи соединеній* (въ объемѣ программы реальныхъ училищъ) составилъ *Р. Н. Гришинъ*. С.-Пб. 1875 г. Цѣна 30 коп.—одобрить какъ руководство для реальныхъ училищъ и включить въ списокъ книгъ для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ гимназій.

10) Книги подъ заглавіями: I. *Иллюстрированная жизнь животныхъ, А. Брэмо*. Народное и школьное изданіе, обработанное *Фридрихомъ Шедлеромъ*, съ 267 рисунками, сдѣланными съ натуры, подъ руководствомъ *Р. Крэтмера*. т. I. Млекопитающія. т. II. Птицы. С.-Пб. 1875 г.—одобрить для ученическихъ библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ и народныхъ школъ, а также для наградъ ученикамъ.

II. *Разсказы и описанія, избранные изъ лучшихъ русскихъ авторовъ для переводовъ съ русскаго языка на французскій, Ивана Флери*, лектора французскаго языка въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Изд. четвертое, исправленное и дополненное; съ словаремъ и примѣчаніями. С.-Пб 1876 г. — одобрить, въ качествѣ учебнаго пособія, для мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

III. *Приготовительный курсъ Всеобщей и Русской географіи*. Составилъ для гимназій и городскихъ училищъ *М. Мостовскій*. Изд. 3, исправленное и дополненное картой Палестины и политипажами. Москва. 1875 г. Цѣна 50 к. — допустить къ употребленію въ видѣ учебнаго руководства въ первомъ классѣ гимназій.

11) Книги подъ заглавіями: I. *Подробный сравнительный обзоръ четвероеванселія, въ хронологическомъ порядкѣ, съ картою Палестины и другими приложеніями, какъ пособіе къ основательному изученію Евангельской исторіи*. Составленъ протоіереемъ *Василіемъ Гречулевичемъ*. Въ 2-хъ частяхъ. С.-Петербургъ 1859—1873 г. (Цѣна за экземпляръ 3 руб., при требованіи же не менѣе 10 экземпляровъ—по 2 руб. 72 коп., на пересылку каждаго экземпляра—за 5 фунтовъ)—рекомендовать какъ весьма полезное пособіе при изученіи соотвѣтствующей части священной исторіи и при объясненіи Евангелія, для пріобрѣтенія въ библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

II. *Чтеніе для дѣтей, издаваемое при духовномъ журналѣ „Стран-*

никъ" на 1863 г. С.-Петербургъ 1863.—Тоже, на 1864 г. С.-Петербургъ 1864 г.—одобрить для ученическихъ библіотекъ какъ среднихъ, такъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

12) Книгу подъ заглавіемъ: *Учебникъ нѣмецкой граматики, изложенной сравнительно съ граматикою русскаго языка; для среднихъ учебныхъ заведеній, въ трехъ концентрическихъ курсахъ.* Составилъ *А. Аллендорфъ.* Москва. 1875 г. Цѣна 1 руб.—одобрить въ видѣ руководства для мужскихъ и женскихъ гимназій и для реальныхъ училищъ.

13) Книгу подъ заглавіемъ „*Русская исторія*". Сочиненіе К. Н. *Бестужева-Рюмина.* — включить въ каталогъ учебныхъ пособій для гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1) Брошюру: книжки для школъ № 108. *Русскія народныя росказни. Писаны Иваномъ Ваненко.* Изд. 3. Общ. распростр. полезныхъ книгъ. М. 1875. ц. 5 к.—одобрить для библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ.

2) Составленную Н. Зюзюкинымъ книгу „*Учебникъ геометріи и землемѣрія для учительскихъ семинарій*", — допустить, за исключеніемъ стереометріи, какъ пособіе при изложеніи геометріи въ учительскихъ семинаріяхъ, если по исправленіи учебника согласно сдѣланнымъ замѣчаніямъ, будетъ напечатано второе изданіе поименованной книги.

3) Книги „*Русская исторія въ разсказахъ*" составилъ А. Андріяшевъ. Кіевъ 1875 г. цѣна 10 коп. и „*Избранныя житія святыхъ Русской церкви*" составилъ А. Муравьевъ первую допустить въ народныя библіотеки, а вторую одобрить для чтенія въ начальныхъ училищахъ.

4) Составленную протоіереемъ Владиславлевымъ книгу подъ заглавіемъ „*Краткое объясненіе богослуженія православной церкви для народныхъ школъ.* Тверь. 1875 г., согласно съ заключеніемъ духовно-учебнаго комитета при святѣйшимъ синодѣ, допустить къ употребленію въ народныхъ школахъ въ качествѣ книги для чтенія.

ОФФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 1-й день текущаго декабря, Высочайше соизволилъ на перечисленіе стипендіи имени графа М. М. Сперанскаго изъ Новинской учительской семинаріи во Владимірскую.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія въ 1-й день декабря 1875 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку портретовъ въ актовыхъ залахъ: гимназіи Императорскаго человѣколюбиваго общества и Виленскихъ прогимназіи и еврейскаго учительскаго института — министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго, Екатеринославскаго реальнаго училища — министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго и попечителя Одесскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника С. П. Голубцова и Виленскихъ гимназіи, прогимназіи, реальнаго училища, городскаго учительскаго института, еврейскаго учительскаго института и Молодечнянской и Поневѣжской учительскихъ семинарій — попечителя Виленскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника И. А. Сергіевскаго.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 27-го декабря 1875 года за № 14044 разрѣшилъ попечителю Одесскаго учебнаго округа — примѣчаніе къ § 4 утвержденнаго 30-го ноября 1872 года положенія о преміи имени Одесскаго негоціанта, греческоподданнаго Ивана Георгіевича Вучины за драматическія произведенія для русскаго народнаго театра, дополнить, послѣ словъ: „изъ поименованныхъ въ § 4-мъ“, — слѣдующимъ: „Но факультету предоставляется право назначать и половинную премію, если ни одно изъ представленныхъ сочиненій не заслуживаетъ полной преміи“.

— Вслѣдствіе представленія попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа и согласно ходатайству совѣта С.-Петербургскаго университета, г. министръ народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 13-го декабря 1875 года разрѣшилъ: 1) включить по факультету восточныхъ языковъ означеннаго университета въ число вторыхъ предметовъ для испытанія на степень магистра армянской словесности, кромѣ предметовъ, означенныхъ въ таблицѣ IV (приложенной къ положенію объ испытаніяхъ на званіе дѣйствительнаго студента и на ученыя степени, утвержденному министерствомъ народнаго просвѣщенія 4-го января 1864 г.), еще санскритскій и зендскій языки и

2) турецко-татарскую словесность, поставленную въ числѣ вторыхъ предметовъ для испытанія на степень магистра грузинской словесности, замѣнить сравнительнымъ языковѣдѣніемъ.

— 10-го минувшаго ноября совершено освященіе зданія Преславльской учительской семинаріи Гоердяпскаго уѣзда, и отслужено молебствіе предъ началомъ ученія въ присутствіи сельскаго общества и стороннихъ посѣтителей; 11-го ноября открыто регулярное ученіе въ семинаріи при полномъ наличномъ составѣ всѣхъ служащихъ при семинаріи лицъ. Просившихся для поступленія въ семинарію было 47 человѣкъ; изъ нихъ 14 не допущено къ экзамену по непредставленію метрическихъ свидѣтельствъ и другихъ документовъ, 1 по крайней слабости зрѣнія, и 2 по неподходящему возрасту. Подвергалось экзамену 30 воспитанниковъ, изъ которыхъ 20 выдержали экзаменъ удовлетворительно и приняты въ число учениковъ семинаріи, а остальнымъ 10-ти отказано въ принятіи по неудовлетворительной сдачѣ экзамена и крайне слабому развитію. Изъ поступившихъ въ семинарію учениковъ приняты казенными стипендіатами 10, стипендіатами на счетъ казны изъ числа стипендій, опредѣленныхъ для болгарскихъ воспитанниковъ 6, стипендіатами на счетъ казны изъ числа 5 стипендій, опредѣленныхъ для воспитанниковъ Бердянскаго земства 3 и 1 своекоштный. До открытія занятій въ Преславльской учительской семинаріи явилось, кромѣ показанныхъ, еще 2 ученика, которые были подвергнуты экзамену и оказались достойными принятія въ семинарію. Такимъ образомъ составъ класса образовался вмѣсто 18 изъ 20 учениковъ.

— 21-го минувшаго декабря послѣдовамо открытіе въ г. Воронежѣ учительской семинаріи въ составѣ низшаго класса: принято всего 30 воспитанниковъ.

— 6-го минувшаго ноября послѣдовало открытіе Владимірской учительской семинаріи въ г. Владимірѣ на Клязьмѣ.

— Въ г. Чердыни, Пермской губерніи, открыто, 31-го октября текущаго года, четырехклассное городское училище, преобразованное изъ уѣзднаго. Въ день открытія въ I классъ училища поступило 35, во II—30 и въ III—16, а всего—81 ученикъ.

Открытіе начальныхъ училищъ.

Открыты слѣдующія начальныя народныя училища, двухклассныя: въ с. Бектышевѣ, Переяславскаго уѣзда (съ 59 мальчиками и 3 дѣ-

вочками), въ с. Мытѣ, Гороховецкаго уѣзда (съ 80 мальчиками и 16 дѣвочками), въ с. Вонляровѣ, Смоленскаго уѣзда (съ 15 мальчиками и 2 дѣвочками), въ с. Лудяно-Ясашномъ, Нолинскаго уѣзда (съ 32 учениками), въ с. Усѣ, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губ., въ с. Озерищахъ, Смоленской губерніи (съ 24 учениками); одноклассныя: въ с. Уніевѣ, Острожскаго уѣзда, въ м. Тетеринѣ, Могилевскаго уѣзда, въ сс. Тереховѣ и Головинцѣ, Гомельскаго уѣзда, въ с. Добромыслѣ, Оршанскаго уѣзда, въ с. Староселье, Мстиславскаго уѣзда, въ с. Быстричалѣ, Ровенскаго уѣзда, въ с. Ковалевкѣ, Васильковскаго уѣзда, въ м. Берестечкѣ, Дубенскаго уѣзда и въ с. Немиранцахъ, Бердичевскаго уѣзда.

ОПЫТЫ ПО ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ ХРИСТІАНСКОЙ ЛЕГЕНДЫ [1].

II.

Берта, Анастасія и Пятница.

(Опытъ миѳологическаго анализа).

I.

Сивилла - Самовила — reine Pédauque: Берта.

Апокрифическое сказаніе о царицѣ Савской нашло въ европейскихъ литературахъ болѣе широкое отраженіе, чѣмъ позволяютъ заключить скудные матеріалы, собранные въ послѣдней главѣ моей книги: Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и т. д. И этотъ эпизодъ соломоновскаго сказанія прошелъ не безслѣдно для европейской фантазіи, оставивъ въ ней нѣсколько именъ и образовъ, изслѣдованіе которыхъ можетъ быть не безъинтересно для характеристики средневѣковой поэзіи.

Фантазія древняго христіанства любила параллелизмъ. Ветхозавѣтныя событія не только приготовили явленіе Спасителя и событія Евангелія, но и символически предвозвѣщали ихъ: между тѣми и другими открывались извѣстныя соотвѣтствія идей и образовъ. Исторія вращалась, такимъ образомъ, въ кругѣ повтореній, которыя послѣдовательно выясняли, приготовляя ихъ, тайны грядущаго откровенія.

Этотъ параллелизмъ кажется мнѣ основною чертой той философіи исторіи, которая развивается на почвѣ христіанства. Легко предста-

---

[1]) Первый этюдъ см. въ мартовской, апрѣльской и майской книжкахъ *Журн. Мин. Народн. Просв.* за 1875 годъ.

вить себѣ, какимъ образомъ должна была отразиться эта точка зрѣнія на пріемахъ легендарнаго творчества. Всякій выдающійся фактъ евангельской исторіи возбуждалъ вопросъ о его прецедентахъ, о явленіяхъ, его прообразовавшихъ; если такія явленія не представлялись сразу, съ чертами, которыя удовлетворяли бы требованіямъ параллелизма, то не надо было большихъ усилій воображенія, чтобы такія черты явились: стоило только истолковать тѣ и другія подробности иносказательно, вложить въ нихъ тайный смыслъ и путемъ субъективнаго символизма возстановить связь настоящаго съ прошлымъ. Такимъ образомъ создались тѣ *генеалогическія*, восходящія легенды, цѣлью которыхъ было—прослѣдить, по намекамъ и при помощи символическихъ сближеній, идеальный генезисъ какого-нибудь евангельскаго факта или событія. Въ числѣ такихъ „legendes des origines" сказаніе о крестномъ древѣ занимаетъ по праву первое мѣсто" [1]).

Почитаніе, которымъ окружалось распятіе, символъ искупленія, выразилось по идеямъ параллелизма стремленіемъ дать ему столь же почтенную генеалогію. Крестное древо не что иное, какъ райское древо, вынесенное изъ эдема въ видѣ вѣтви или зеренъ—легенды разсказываютъ различно; оно пережило весь библейскій періодъ, чтобы въ концѣ его стать орудіемъ крестной смерти Спасителя. Мы получаемъ, такимъ образомъ, остовъ историческаго развитія, обнимающаго тысячелѣтія, отъ паденія первыхъ людей до искупленія человѣческаго рода; и этотъ остовъ—исторія чудеснаго древа, обставленная библейскими эпизодами и именами, подобранными такъ, чтобы служить провозвѣстіемъ славной участи, уготованной дереву. Въ этой вереницѣ именъ и эпизодовъ первое мѣсто отдано легендѣ о Сиѳѣ; Готфридъ изъ Витербо (XII вѣка) въ своемъ Пантеонѣ называетъ вмѣсто него Іоника (Jonicus), или Іонита (Hionitus), сына Ноева [2]). Затѣмъ по-

---

[1]) Литературу этой легенды см. у *Миссафіи*, Sulla leggenda del legno della Croce въ *Sitzungsber. d. philos. hist. Cl. der Kais. Ak. d. W.* XXXXIII B. Jahrg. 1869, Heft I—II, Wien, 1870, pp. 165—216; *Schröder*, Van deme Holte des hilligen Cruzes. Erlangen, 1869. Въ каталогѣ библіотеки St. Martial de Limoges (p. 333) помѣчено, какъ находящееся въ Cronica Gaufredi de Bruil, сказаніе «ex dictis Magistri Franconis de ligno trium foliorum», очевидно, разумѣется крестное древо.

[2]) Онъ ссылается на разказъ Аѳанасія? Кальдеронъ (El arbor del mejor fruto) называетъ Іоника—Jcrico, вѣроятно, вслѣдствіе ошибки писца легенды, которой онъ пользовался. Въ славянскихъ и греческихъ текстахъ слова Меѳодія Патарскаго сынъ Ноя зовется Монитонъ (Моунитъ, Моунтъ), Μονήτων.

очередно испытываютъ чудесную силу древа, или пророчествуютъ о немъ, Авраамъ, Исавъ [1]), Моисей, Елисей [2]) и Давидъ. Дойдя до Соломона, идеальная исторія крестнаго древа достигаетъ своего выс-

---

[1]) Только въ Mystère du vieil testament, XV в., цит. у *Муссафіи* l. c. стр. 190.

[2]) На символическія отношенія библейскаго разказа о Елисеѣ пророкѣ къ крестной легендѣ указывалъ уже Justinus martyr, Dialog. c. Tryph. Jud. c. 86 (Collect. selecta SS. Ecclesiae Patrum, tom I, Lips. 1829): «Ligno Elisaeus in fluvium Jordanem misso, ferrum securis revocavit, quacum profecti fuerant filii prophetarum, ut ligna caederent ad aedificandum domum, in qua legem et mandata Dei praedicare et meditari volebant (2 Reg. 6, 1—6): quemadmodum et nos peccatis gravissimis, quae admisimus, demersos Christus noster tum per lignum, in quo crucifixus est, tum per aquam, qua expiamus, liberavit ac domum precationis et adorationis effecit». Итакъ, опустивъ въ воду топорище, Елисей извлекаетъ изъ нея топоръ, которымъ сыны пророческіе станутъ рубить деревья, потребныя на построеніе храма. Какія деревья? Общая черта крестныхъ легендъ та, что во время Соломона будетъ сдѣлана попытка употребить на построеніе храма древо, послужившее распятію; славянская легенда (у *Тихонравова* Пам. Отреч. Рус. Литер. I, стр. 308 и слѣд.) прибавляетъ къ нему и тѣ деревья, на которыхъ казнены были разбойники, перенося Елисея (на этотъ разъ не пророка) и разказъ о топорѣ во времена Соломона. «Единъ мужь именемь Елисей дрѣво делаше на Іордань, и спаде секыра въ Іордань и въгльбѣ на дрѣво иже потопы Іордань. Приide и повѣда Соломону; и приидоше, изеше дрѣво и познаше его и принесоше въ Іерусалимь и приложише къ церкви и не пріесе» (l. c. стр. 311). Сѣкира Елисея, упавъ въ рѣку, воткнулась въ лежащее тамъ крестное древо, которое и было извлечено изъ Іордана съ цѣлью употребить его на построеніе храма. Можно утверждать, что именно такое видоизмѣненіе библейскаго разказа объ Елисеѣ и позволило привязать его къ легендѣ о крестѣ. Въ западныхъ пересказахъ послѣдней этотъ эпизодъ неизвѣстенъ; въ отрывкѣ одной нѣмецкой крестной легенды XII вѣка, напечатанномъ Кейнцемъ (*Keinz*, Ueber einige Altdeutsche Denkmäler, въ *Sitzungsberichte d. Kön. Baier, Akad. d. Wiss. zu München*, 1869, II, Heft III, 293—295), является пророкъ Елисей, но разказывается о немъ, что въ другихъ крестныхъ легендахъ отнесено съ бо̀льшимъ правомъ на счетъ Моисея, сдѣлавшаго сладкими горькія воды, въ которыя онъ опустилъ стволъ, либо вѣтви чудеснаго дерева. Вотъ нѣмецкій разказъ: Helyseus ein heiligir wissageder chome ê, lange ê got geborn wrde, in eine michel stat, in eine wite gegende. Die lute, die darinne waren, die chlagete ime, daz ir wazzer also suer were unde also hantech, daz lute unde vihe da vone sturben, unde baten in, daz er in hulfe umbe got, daz in diu ungenade ze besserunge verwandelet wrde. Do gie sozehant der heilige man Helyseus, da diu ursprinch waren unde warf dar in salz (?) unde ein wenigez holz in der bezeichenunge des heiligen cruces. Davone wart allez daz wazzer in eine grozze sueze ver wandelt». Въ слѣдующемъ говорится о Виеездѣ и найденномъ тамъ древѣ распятія; аналогія другихъ крестныхъ разказовъ позволяетъ заключить, что въ нашей легендѣ Виеезда предполагалась тождественною съ тѣми водами, которыя Елисей сдѣлалъ питомыми.

шаго развитія: откровеніе совершается изъ устъ царицы Савской. Соломонъ узнаетъ, что на этомъ древѣ распятъ будетъ Спаситель. Послѣ того легенда спѣшитъ прямо къ эпохѣ крестной смерти; иныя редакціи прибавляютъ еще въ концѣ, какимъ образомъ, долгое время спустя, распятіе было найдено св. Еленою. Но это уже послѣсловіе легенды; мы въ области текущей исторіи.

Интересно спросить себя: почему разказы о Соломонѣ получили столь важное значеніе въ легендѣ о крестѣ, почему, не ограничиваясь, подобно многимъ другимъ, ролью эпизода, онѣ пріобрѣли въ ней вершающую силу? Внѣшній поводъ къ тому можно усмотрѣть въ нѣкоторыхъ подробностяхъ того и другаго легендарнаго цикла, символическое истолкованіе которыхъ — въ цѣляхъ параллелизма — повело къ ихъ взаимному сплоченію. Построеніе Соломонова храма и въ Библіи, и въ позднѣе развившихся изъ нея разказахъ играетъ видную роль; крестная легенда пристроилась къ нимъ такимъ образомъ, что о древѣ, назначенномъ для распятія, говорилось, будто и оно было привлечено къ постройкѣ, хотя оказалось для того непригоднымъ. Въ этой связи истолковано было и загадочное появленіе царицы Савской при дворѣ Соломона и мудрые ихъ разговоры; царица вѣщала ему о славномъ назначеніи древа, и въ связи съ нимъ, о грядущемъ явленіи Спасителя, о его новомъ завѣтѣ и крестной смерти, и далѣе, о послѣднихъ судьбахъ міра. По усмотрѣнію позднѣйшихъ редакторовъ крестной легенды, это пророчество, обнимавшее основныя черты христіанской исторіи, могло распространяться и на сюжеты свѣтскаго характера, отвѣчая на вопросы современности. Въ нѣмецкомъ „Пророчествѣ Сивиллы“, изданномъ въ отрывкахъ у Моне [1]), и въ нижнерейнскомъ текстѣ у Шаде [2]), предсказанія царицы обнимаютъ событія нѣмецкой исторіи, отъ Адольфа и Альбрехта I до Карла IV, о которомъ Соломонъ спрашиваетъ:

Sibilla, laiz mich verstain,
Wie wirt it under konink Karl gain? [3])

Я сказалъ, что привлеченіе крестнаго древа къ построенію Соломонова храма было однимъ изъ звеньевъ, сплотившихъ обѣ легенды.

---

[1]) *Mone*, Schauspiele des Mittelalters I, pp. 305 и слѣд.; сл. *Wackernagel*, Die altdeutschen Handschriften der Basler Universitäts-bibliothek, p. 55.

[2]) *Schade*, Geistliche Gedichte des XIV u. XV Jahrhunderts vom Niederrein: Sibillen Boich, p. 293 и слѣд.

[3]) *Schade*, l. c. 310; сличи. *Mone*, l. c. p. 311.

Дерево оказалось негоднымъ для постройки и было оставлено; его забросили, оно суждено было служить мостомъ черезъ потокъ (Силоамскій источникъ, Кедронъ) или водоемъ (Силоамъ, Виѳезда) [1]. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ пересказахъ легенды. Царица Савская, отправляясь къ Соломону, *должна перейдти черезъ этотъ потокъ или водоемъ* и не рѣшается ступить на святое дерево. Этимъ мотивируются ея пророчества о немъ.

Эта черта о переходѣ черезъ потокъ внесена въ крестную легенду изъ апокрифическихъ сказаній о Соломонѣ и царицѣ Савской. По еврейскому разказу [2], когда Беная, сынъ Jehojada'ы, повелъ царицу къ Соломону, послѣдній, предупрежденный о ея посѣщеніи, ожидаетъ ее, сидя въ стеклянной палатѣ. Вступивъ въ нее, она вообразила, что *царь сидитъ въ водѣ, и приподняла платье, чтобы пройдти къ нему.* Увидавъ ея обросшія волосами ноги, Соломонъ сказалъ ей: твоя красота—красота женщины, но волосы мужскіе; мужчинѣ они приличны, въ женщинѣ некрасивы.

Мусульманскія легенды передаютъ этотъ эпизодъ съ такими подробностями. Демоны наговорили Соломону, что у царицы Савской (Балкисъ) нижняя часть тѣла обросла волосами и ноги ослиныя. Желая въ этомъ убѣдиться, онъ велитъ демонамъ устроить хрустальный полъ, подъ которымъ текла бы вода и плавали бы рыбы. Когда Балкисъ вступила въ покой, ей представилось, что передъ нею вода, и она приподняла до колѣнъ платье, чтобы не замочить его. Тогда Соломонъ могъ во очію убѣдиться въ несправедливости демонскихъ навѣтовъ. По другому сказанію, онъ дѣйствительно увидѣлъ тѣло Балкисъ покрытое волосами, но демоны доставили ему вытравляющее средство, помощью котораго царица избавилась отъ этого недостатка [3].

---

[1] *Mussafia*, l. c. p. 192 прим. 62.

[2] *Abbé Lebeuf*, Conjectures sur la reine Pédauque въ Histoire de l'Académie royale des Inscriptions et Belles-Lettres etc., t. XXIII, p. 234. Болѣе точнымъ переводомъ сказанія я обязанъ профессору Хвольсону. Лебефъ парафразируетъ и смягчаетъ; такъ онъ говоритъ лишь о *некрасивыхъ* ногахъ царицы.

[3] Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и т. д. 344—345 и прим. 2 на стр. 345. Къ собраннымъ тамъ сравненіямъ я сообщу еще слѣдующія: въ англійской легендѣ о Виргиліи разказывается, что онъ такимъ образомъ отмстилъ дочери императора: когда она шла по улицѣ, ей внезапно показалось, что она находится въ водѣ, почему она приподняла платье до пояса (*Genthe*, Leben und Fortleben des P. Virgilius Maro als Dichter und Zauberer, стр. 56). Та же

Съ послѣднею редакціей сходенъ почти дословно разказъ славянской Палеи: и здѣсь царица, которой представилось, что царь сидитъ въ водѣ, „воздья порты противу ему"; „тѣло же ей власато бысть яко щеть"; мудрецы Соломона дѣлаютъ ему „скражду со зелиемъ" и мажутъ ея тѣло „на отпаденіе власовъ" [1]). Въ одной нѣмецкой легендѣ, которую я могу привести лишь впослѣдствіи, царица является съ подобнымъ же физическимъ недостаткомъ и также освобождается отъ него. Эти два европейскіе пересказа даютъ поводъ предположить, что долженъ былъ существовать и еврейскій текстъ легенды съ такими же реальными чертами. Еслибъ онѣ были спеціальностью мусульманской редакціи, трудно было бы объяснить себѣ, какимъ образомъ онѣ могли проникнуть въ такіе памятники, какъ Палея и нѣмецкая легенда. Предположеніе, что прототипомъ той и другой былъ талмудійскій разказъ, кажется мнѣ гораздо вѣроятнѣе.

Но я оставлю этотъ вопросъ, чтобы вернуться къ предложенному мною сближенію. Я предположилъ, что разказанный мною эпизодъ Соломоновской саги—о Савской царицѣ въ хрустальныхъ палатахъ Соломона—отразился въ легендахъ о крестѣ разказомъ о переходѣ той же царицы черезъ потокъ. Многимъ это сближеніе должно показаться натянутымъ, если не невѣроятнымъ. Но я еще не привелъ всѣхъ доводовъ и не указалъ на переходные пункты сравненія.

Замѣчу, прежде всего, что *царица Савская* названа въ крестныхъ легендахъ иногда *царицей востока*, часто *Сивиллой*. Всѣ три имени соединены въ слѣдующемъ мѣстѣ Image du monde: La reine *d'Austre* vint de *Sabbe*, qui *Sebile* ot nom [2]). Послѣднее названіе связано съ

черта въ легендѣ о магѣ Геліодорѣ, жившемъ въ VIII вѣкѣ въ Сициліи. Ее можно найдти въ актахъ св. Льва Тауматурга, переведенныхъ съ греческаго. Сл. Acta SS. Feb. III, p. 225 (изъ Vita S. Leonis episcopi catanensis, XX Februar): Cum obviae aliquando factae essent mulieres, astantibus impuris sodalibus ait (Heliodorus): Quid si, amici, facio, ut denudentur istae in oculis omnium? Atque illico nefariam artem adhibens, quasi fluvium praeterlabentem earum sensibus ostendit, ita ut velut aquam ingressurae tunicas genu tenus atollerent.

[1]) Славян. сказан. 347. Сличи. Повѣсть, какъ приходилъ греческій царь Василій подъ Вавилонъ градъ (*Пыпин.*, изд. *Тихонравова*, 1859, кн. II, стр. 162): «И обручилъ за себя (Новуходоносоръ) царевну перскаго царя и повелѣ внити къ себѣ во стекляную палату, а самъ сидитъ на царскомъ мѣстѣ. А царевна къ нему вниде въ полату, а въ той палатѣ мостъ стекляной, и видѣ тотъ мостъ царевна аки вода, ризы свои подняше; царь видѣ тѣло ея и пусти огнь въ полатѣ, и подпали ей нижніе власы, и тое ради вины царевна сама его нарекла Навходоносоромъ, прозва его Насоромъ за то, что нижніе власы подпалилъ».

[2]) *Муссафія*, l. c. 188.

тѣмъ особымъ значеніемъ, которое получило въ христіанствѣ языческое представленіе о сивиллахъ, вѣщихъ женахъ, которыхъ въ древности насчитывали то 4, то 6, то 10, и даже 12. Христіане удержали ученіе о нихъ и ихъ образѣ, но то и другое подчинили своей точкѣ зрѣнія, своему историко-философскому взгляду. Сивиллы остались тѣми же вѣщими женами, но ихъ заставили прорицать среди мрака язычества грядущую побѣду христіанства. Между II и V вѣками христіане и Іудеи работаютъ надъ компиляціей такъ называемыхъ сивиллиныхъ книгъ, исполненныхъ такого рода прорицаній, частью вымышленныхъ, частью заимствованныхъ изъ подобныхъ же собраній, ходившихъ между язычниками. Христіанскіе апологеты пользуются ими для самообличенія язычниковъ, которые отвѣчали на нападеніе насмѣшливымъ названіемъ христіанъ сибиллистами (Sibyllistae). Число сивиллъ и въ христіанскомъ повѣрьи осталось такое же колеблющееся, какъ и въ классическомъ мірѣ: ихъ было то 10, то 12 или даже 13; то говорили объ одной сивиллѣ κατ' ἐξοχὴν [1]). Въ христіанскомъ искусствѣ и въ литературѣ, создавшейся подъ церковнымъ вліяніемъ, онѣ явились провозвѣстницами христіанской истины и потому часто изображаются вмѣстѣ съ пророками и другими лицами ветхаго и новаго завѣта, которыхъ привыкли представлять въ роли предшественниковъ, провозвѣстниковъ Евангелія. Такъ, на вратахъ Фрейбергскаго собора (начала XIII вѣка) три сивиллы изображены въ сообществѣ лицъ ветхаго завѣта; между ними можно признать Іоанна Предтечу и Давида [2]). Въ извѣстномъ послѣдованіи Томмазо изъ Celano (первой половины XIII вѣка) Давидъ и Сивилла выступаютъ рядомъ въ одинаковой пророческой роли:

Dies irae, dies illa
Solvet seclum in favilla
Teste *David* cum *Sibylla*.

Царица Савская, которую крестная легенда заставляла пророчествовать о явленіи Спасителя и судьбахъ христіанства, естественно напрашивалась на роль Сивиллы. Такою она и является. Нѣмецкая народная книга о сивиллахъ причисляетъ къ 12 сивилламъ тринадцатую — царицу Nichaula, которая пророчествовала передъ Соломо-

[1]) *Piper*, Mythologie der christlichen Kunst. 1-er Band, 1-te Abth., p. 472—483. *Schröder*, l. c. 31—33.

[2]) *Piper*, l. c. стр. 491 и далѣе, гдѣ указаны другія изображенія Сивиллъ. Ср. *Буслаева*, Истор. Очерки. II, стр. 361 и далѣе.

номъ о Христѣ и Дѣвѣ Маріи и о многихъ другихъ чудесахъ и событіяхъ до скончанія міра [1]). Отожествленіе явилось, конечно, гораздо раньше народной книги, хотя, можетъ быть, и не всѣ согласятся съ Шрёдеромъ [2]), что поводомъ къ нему было названіе еврейско-вавилонской Сивиллы, приводимое Павзаніемъ: Sabbe, дочь Верова. Въ большомъ числѣ крестныхъ легендъ, царица Востока (regina Austri, australis regina Sibylla, или Савская), бесѣдующая съ Соломономъ, названа прямо *Сивиллой*; иногда говорится просто о Сивиллѣ, безъ означенія титула. Такъ у Готфрида изъ Витербо (XII-го вѣка), въ Des heiligen kriuzes leich Фрауенлоба (XIII-го вѣка), въ Rymbybel Maerlant'ia, въ греческой легендѣ у Гретсера, въ отрывкѣ старофранцузскаго Passion, напечатанномъ Муссафіей [3]), и въ анонимной нѣмецкой поэмѣ, о которой смотри у него же [4]); наконецъ, въ упомянутомъ выше Sibyllen Weissagung, къ которому намъ еще придется возвратиться.— Въ нѣкоторыхъ легендахъ своднаго характера [5]) являются вмѣсто одной—двѣ пророчащія жены. Дѣло въ томъ, что по однимъ разказамъ крестное древо было оставлено въ храмѣ; жена пророчица (царица Савская) садится на него, и пламя охватываетъ ея платье; она начинаетъ прорицать. Въ другой редакціи дерево служитъ мосткомъ черезъ потокъ, и пророчества вѣщей жены привязаны къ тому обстоятельству, что она не рѣшается перейдти черезъ святыню. Когда оба эпизода были связаны въ сводныхъ редакціяхъ, явилась необходимость дать лицамъ, дѣйствующимъ въ томъ и другомъ, различныя имена: оставить въ первомъ эпизодѣ имя Сивиллы, во второмъ—ца-

---

[1]) Zwölf Sibyllen Weissagungen viel wunderbarer Zukunft von Anfang bis zu End der Welt besagende. Der Künginn von Saba Küng Salomeh gethane Propheceien. Frankf. 1531.—4°. Этому расположенію нѣмецкой народной книги отвѣчаетъ подлинникъ гр. Уварова № 459 (Царск. № 314), описанный *Буслаевымъ* l. c., стр. 363—4: «Къ краткой характеристикѣ 12-ти Сивиллъ.... присовокуплена слѣдующая статья о царицѣ Южской или Савской, которая причисляется также къ пророчицамъ: Царица Южская рече: О треблаженное древо, на немъже распятся Христосъ Царь и Господь». Сл. Слово о крестѣ у *Тихонравова*, Пам. Отр. Рус. Литер. т. I стр. 311: тогда сивила рече: ѡ трьклятое дрѣво! Вьси людіе единогласно вьзупише: ѡ трьблаженное дрѣво, на немже распнется Господь (XV в.).

[2]) l. c. 32, 33.

[3]) l. c. 212—8.

[4]) l. c. 187.

[5]) Муссафія сводитъ ихъ въ двѣ группы: C и D. Ихъ характеристику см. l. c. 180—3.

рицы Савской; или во второмъ—царицы востока, Сивиллы, а въ первый ввести новое имя—Максимиллы. Германъ von Fritzlar, нѣмецкій мистикъ XIII вѣка [1]), пошелъ еще дальше въ этомъ направленіи—противопоставивъ Сивиллѣ перваго эпизода какого-то царя востока (сл. regina australis—царица Савская), преклоняющагося передъ святымъ древомъ. Во всемъ этомъ ясна дифференціація одного и того же типа Савской царицы, раздваивавшагося вслѣдствіе искусственнаго свода, которому подвергались различные изводы одной и той же легенды. Можетъ быть, и самое имя Maximilla, или какъ она еще называется: Maxilla, Manilla, Marsobilia (въ италіанской народной поэмѣ) [2]) одолжено своимъ происхожденіемъ тому же процессу: Maximilla, Marsobilia—не есть ли это переиначенное maxima sibilla? Съ христіанской точки зрѣнія, такою должна была представиться совопросница Соломона, царица Савская.

Установивъ тожественность Сивиллы, являющейся въ крестныхъ легендахъ, съ царицей Савскою, я могу теперь передать содержаніе той редакціи этого сказанія, которая находится въ нѣмецкомъ Sibyllen Weissagung или Sibillen Boich. Легенда начинается обычнымъ посланіемъ Сиѳа въ рай; больной Адамъ проситъ сына принести ему плодъ отъ райскаго дерева; онъ поможетъ ему въ его немощи. Вмѣсто плода ангелъ даетъ Сиѳу вѣтку, съ которою онъ и возвращается назадъ; не заставъ отца въ живыхъ, онъ садитъ ее на его могилѣ. Вѣтвь разростается въ большое, красивое дерево, которое въ послѣдствіи срублено на построеніе Соломонова храма. Какъ ни ладили его въ постройку, оно оказывалось непригоднымъ, почему изъ него и сдѣлали мостки — черезъ широкій потокъ (over ein wazer was groz und wit v. 195). Тамъ оно лежало многіе годы и всѣ ходили по немъ. Между тѣмъ слава Соломоновой мудрости и величія разносится далеко кругомъ. Въ это время жила одна мудрая, вѣщая жена (doe levede ein frauwe ein wairsegerinne, v. 209), по имени Сивилла; она читала въ звѣздахъ все, чтò должно было случиться въ мірѣ на тысячи лѣтъ впередъ. Она была красива и богата—но одна нога у нея походила на гусиную:

Sie hadde einen voeiz der stont gelich
Of it ein gensevoeiz were v. 218—19.

Она стыдилась этого недостатка, хотя ходила и стояла этою но-

[1]) l. c. 175.
[2]) *Муссафія* l. c. 187—8.

гой, какъ другіе люди. Слухи о Соломонѣ доходятъ до нея; желая убѣдиться въ ихъ справедливости, она отправляется къ его двору, гдѣ принята съ большими почестями. Соломонъ приглашаетъ её къ столу; когда она идетъ во дворецъ (zo hove 241), у ней на пути потокъ и мостки изъ Адамова дерева (Adams boum v. 243). Сивилла останавливается передъ нимъ, разсматриваетъ его, но познавъ его святость, не рѣшается на него ступить и идетъ прямо черезъ воду. За это уваженіе къ святынѣ ея гусиная нога принимаетъ человѣческій видъ:

Umb die ere van Godes Gewalt
Wart der gensevoiz gestalt
Eines minschen voiz dem andern gelich:
Des erfreude do Sibilla sich (w. 249—52).

Соломонъ спрашиваетъ ее, почему она пошла въ бродъ. Сивилла предсказываетъ ему рожденіе Спасителя; эту тайну она прочла въ звѣздахъ. Такъ мотивируются и вводятся остальныя ея пророчества. [1]).

Шрёдеръ [2]) совершенно справедливо сравниваетъ эпизодъ о чудесномъ исцѣленіи ноги Сивиллы *при переходѣ черезъ воду* съ мусульманскимъ сказаніемъ, приведенномъ выше—о царицѣ Савской, которой показалось, что она вступаетъ *въ воду*, при чемъ обнаруживаются обросшія шерстью ноги; подобно Сивиллѣ, она освобождается отъ этого уродства. Шрёдеръ идетъ далѣе, и подобно намъ заключаетъ, что эти сказанія и дали поводъ ввести въ крестныя легенды— эпизодъ о переходѣ черезъ мостъ.

Является вопросъ, какимъ образомъ и подъ какими вліяніями совершилось превращеніе — ослиныхъ, покрытыхъ шерстью ногъ — еврейско-мусульманской царицы въ гусиную лапу нѣмецкаго сказанія [3]). Была ли тутъ этимологическая обмолвка, или вліяніе ана-

---

[1]) *Schade* l. c. v. 121—272.

[2]) l. c. 34 примѣч. 77.

[3]) Сл. Virgile travesti Скаррона (ed. *Fournel*, Bibl. Gauloise, l. VI p. 223).

Эней «Ce bon seigneur un peu trop prompt
Donna d'estomac et de front
En terre, aux pieds de la Sibylle,
Qui, comme elle étoit fort civile,
Sitôt qu'elle le vit tombé,
Jurant en chartier embourbé,
Lui présenta *sa patte d'oie*.

логіи (вода и вслѣдствіе того образъ гуся)? Симрокъ [1]), игнорирующій предположенное сближеніе и голословно отрицающій восточное вліяніе на образъ Сивиллы—гусиной ноги, видитъ въ немъ отраженіе нѣмецкихъ миѳическихъ идей: на нее, какъ на вѣщую жену, перенесены были признаки нѣмецкой богини, вѣщей лебединой дѣвы—валкиріи. Какъ извѣстно, валкиріи обладаютъ волшебными сорочками, âlptarhamir, надѣвъ которыя становятся лебедями. Но извѣстно также, что эта миѳическая образность не спеціально германская. „Небесныя дѣвы индусовъ, апсарасы, любили смѣшивать свой человѣческій образъ съ формами, заимствованными у лебедей и утокъ. У германо-славянскаго племени представленіе это пустило глубокіе корни и разрослось въ многочисленныя сказанія о лебединыхъ дѣвахъ. Сродство этихъ дѣвъ съ эльбинами несомнѣнно; никсы узнаются по ихъ лебединымъ или гусинымъ лапамъ, которыя онѣ тщательно прячутъ подъ своими длинными платьями; подобно тому сербскія вилы оборачиваются и прилетаютъ лебедями; и у нашихъ русалокъ, по народному повѣрью, пальцы на ногахъ соединены перепонкою, какъ у гуся, что̀ заключаютъ по ихъ слѣдамъ, какіе остаются на мокромъ песку у береговъ рѣкъ и источниковъ... Въ связи съ указанными повѣрьями, кажется, слѣдуетъ поставить и доселѣ-уцѣлѣвшій обычай бросать самодивамъ въ воду кусокъ жаренаго гуся“ [2]).

Послѣдняя подробность едва ли идетъ къ дѣлу; во всякомъ случаѣ она приготовляетъ насъ—географически—къ сообщаемой ниже болгарской легендѣ: *о Сивиллѣ-гусиныхъ ногахъ*.

Легенда эта была сообщена г. Буслаеву г. Дриновымъ изъ рукописнаго сборника XV—XVI-го вѣковъ, находящагося въ училищной библіотекѣ, въ Панагириштѣ, въ сѣверной Ѳракіи. Г. Буслаевъ вкратцѣ сообщилъ ея содержаніе и привелъ отрывокъ въ одной изъ статей, посвященныхъ „Сравнительному изученію народнаго быта и поэзіи“ [3]).

Вся легенда будетъ издана г. Дриновымъ, какъ сообщаетъ мнѣ г. Буслаевъ, любезности котораго я одолженъ моимъ знакомствомъ съ нѣкоторыми другими отрывками сказанія, приводимыми мною далѣе.

Содержаніе ея слѣдующее: Давидъ царь, пророкъ Господенъ, имѣлъ въ себѣ великую похоть, и когда сидѣлъ, то сила (сѣмя) исходила

[1]) *Simrock*, Hand. d. deutsch. Mithol. (1-е Ausg.) p. 421; 4-е изд. стр. 391.
[2]) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззрѣнія III, 188.
[3]) *Русскій Вѣстн.* 1873, стр. 601—2 и прим. на стр. 602.

изъ него и стекала въ сосудъ, который для того подставляли. Однажды одинъ рабъ вытеръ этотъ сосудъ травой, которую бросилъ; траву съѣла гусыня и снесла яйцо, изъ котораго вылупилось дитя женскаго пола — *но съ гусиными ногами*. Когда донесли о томъ Давиду, онъ догадался въ чемъ дѣло, и велѣлъ отнести ее въ мѣста горныя. Ей дали имя Марія, потому что она была прекрасна и мудра паче всѣхъ на свѣтѣ; оттого и прозвали ее *Сивиллой*, мудрѣйшею надо всѣми царями. Она приняла власть надъ странами горными и воцарилась въ Римѣ, прорицая о Христѣ, толкуя слова Господа Давиду: отъ плода чрева твоего посажду на престолѣ твоемъ; примѣняя ихъ къ себѣ, она надѣялась, что отъ нея именно долженъ родиться Христосъ. Съ этою цѣлью она изучила всѣ пророческія рѣчи и хранила свое дѣвство—пока вѣщій сонъ ста судей не раскрылъ ей тщету ея ожиданій: „Тогда Сивилла разумѣ яко нѣсть то, о немъ же надѣяшеся". Содержаніе сна ста судей слѣдующее: они видѣли девять солнцевъ, сіяющихъ на свѣтѣ, изъ которыхъ каждое имѣло свой видъ и свѣтило по своему. Сивилла объясняетъ, что девять солнцевъ — девять человѣческихъ родовъ, и предлагаетъ ихъ короткую историческую характеристику, доходя вмѣстѣ съ послѣднимъ родомъ (Татары) до пророчества о послѣднихъ судьбахъ міра: „та врѣмена прѣвратѧтсѧ дніе и годины, възстанѫтъ воѥ отъ востока".

Послѣдняя, не напечатанная пока часть болгарской легенды (сонъ судей и толкованіе его Сивиллой) позволила мнѣ сблизить ее съ тою особою статьей, которая въ позднѣйшей литературѣ сивиллиныхъ пророчествъ носитъ имя Беды и была принята въ составъ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ лѣтописей [1]). Статья эта начинается перечнемъ девяти сивиллъ, и перейдя къ десятой и послѣдней, подробно останавливается на ея судьбѣ. Она зовется Albunea или Cassandra, странствуетъ по разнымъ областямъ, пророчествуя. Римляне посылаютъ за нею сенаторовъ и съ большими почестями приводятъ въ Римъ. Сто римскихъ сенаторовъ видятъ во снѣ девять солнцевъ, которыя Сивилла пророчески толкуетъ имъ, какъ девять людскихъ поколѣній (generationes), изъ которыхъ послѣднее приводитъ насъ къ кончинѣ міра. Несомнѣнное тожество второй половины болгарскаго сказанія (сонъ ста судей) съ статьею, приписанною Бедѣ, можетъ быть, указы-

---

[1]) См. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды: I. Откровеніе Меѳодія и византійско-германская императорская сага, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1875. Мартъ, стр. 293.

ваетъ на источникъ пророческаго элемента въ легендахъ о крестѣ. Когда въ послѣднихъ царица Савская отожествлена была съ Сивиллой, содержаніе статьи Беды перенесено было на ея разговоры съ Соломономъ: она стала пророчествовать ему въ томъ же стилѣ, въ какомъ прежде римскимъ сенаторамъ. Доказательство этого вліянія, которое могло быть обоюднымъ, слѣдующее: Нѣмецкая Sibyllen Weissagung начинаетъ свой разказъ съ исторіи крестнаго дерева; это, въ сущности, крестная легенда; между тѣмъ въ пророчествахъ Сивиллы Соломону проглядываютъ такія частныя подробности, которыя только и можно объяснить изъ вліянія статьи, приписанной Бедѣ [1]). Съ другой стороны исторія десяти сивиллъ Германа изъ Валансьена (конца XII вѣка) основана, сколько можно судить по извлеченіямъ [2]), на текстѣ псевдо-Беды. За перечнемъ девяти сивиллъ слѣдуетъ, какъ и тамъ, десятая. О ней сообщается, что она бесѣдуетъ съ *Соломономъ*, приходитъ въ Римъ и здѣсь проповѣдуетъ императору и *сенату*. Проповѣдь или пророчество въ Римѣ принадлежатъ псевдо-Бедѣ, Соломонъ относитъ насъ къ эпизодамъ крестныхъ сказаній. Такъ и въ болгарской легендѣ: на источникъ ея второй половины (псевдо-Беда) я уже указалъ. Возвратимся къ ея первому эпизоду и укажемъ на его отношенія къ легендамъ о крестѣ. Въ нихъ царица Савская-Сивилла, приходитъ къ Соломону и пророчествуетъ ему о древѣ, о Спасителѣ и т. д.; болгарская Сивилла также „проричѣше о Христѣ“, о крестномъ древѣ,—но ея отношенія къ Соломону забыты, она

---

[1]) Я имѣю въ виду историческій или, лучше, quasi-историческій отдѣлъ пророчествъ въ статьѣ Беды. Сивилла предсказываетъ, темными намеками, судьбу будущихъ властителей, которые отмѣчены лишь начальными буквами имени. Послѣдніе помѣчены иногда такъ: A (либо F), H, L, C. Сл. отрывокъ Sibillen boich (Schade l. c. 309—10):

it kompt ein *A* und sleit zo dode ein ander *A*
und dae verlast auch ein *H* sin leven,
dem andern wirt mit godes licham vergeven.
Ein *F* und ein *L* werden zweien sich,
si sullen kriegen siben jair umb daz romische rich.
dat *L* doch genesen moiz
wanne in die lande recht rusten viz».

Сивилла объясняетъ, что разумѣются: Albrecht, Adolf, Heinrich, Friderich, Lodewich, за которыми слѣдуетъ Karl (= C въ текстѣ псевдо-Беды).

[2]) См. мои Откровенія Мееодія и т. д. (въ стр. 301 прим. 1). Въ настоящее время, благодаря И. М. Болдакову, я располагаю большимъ количествомъ извлеченій изъ текста Германа, которыя будутъ напечатаны въ приложеніяхъ.

не бесѣдуетъ съ нимъ и не переходитъ черезъ потокъ—эпизодъ, давшій автору Weissagung поводъ вспомнить о ея гусиной ногѣ. Между тѣмъ это признакъ и болгарской Сивиллы, съ тою лишь разницей, что у нея обѣ ноги гусиныя. Видно, что діаскевастъ болгарскаго сказанія зналъ подробности крестной легенды, но пріурочилъ ихъ своеобразно, подъ вліяніемъ мѣстныхъ религіозныхъ и поэтическихъ представленій. Его Сивилла сама надѣется, что отъ нея имѣетъ родиться Христосъ; съ этою цѣлью она и хранитъ свое дѣвство; у псевдо-Беды сказано только, что она жила 200 лѣтъ и до смерти осталась дѣвою. Такъ какъ Христосъ долженъ былъ родиться отъ сѣмени Давида, то надежда Сивиллы получала оправданіе лишь въ томъ случаѣ, если она была изъ Давидова рода. Такъ и представилъ дѣло болгарскій сказатель, сдѣлавъ ее порожденіемъ Давида; въ этой связи становится понятнымъ, почему Сивиллѣ, надѣявшейся, что отъ нея родится Спаситель, дано другое имя—Маріи. Но тотъ же сказатель помнилъ преданіе о гусеногой Сивиллѣ, знакомое намъ изъ Weissagung, и слилъ оба представленія (о Сивиллѣ, рожденной отъ Давида, и Сивиллѣ-гусеногой) въ одинъ образъ, заимствовавъ, быть можетъ, черты соединенія изъ народнаго повѣрья о людяхъ, вылупившихся изъ яйца (Касторъ и Поллуксъ; близнецы венгерской сказки у Штира № 7). Такъ объясняю я себѣ генезисъ болгарскаго сказанія: Сивилла родится отъ сѣмени Давида, съѣденнаго гусыней; Сивилла выходитъ изъ яйца—оттого она и гусеногая. Особое участіе Давида можетъ быть объяснено вліяніемъ мѣстныхъ, иновѣрныхъ взглядовъ на значеніе плодотворной силы; такъ понялъ дѣло г. Буслаевъ, за которымъ я процитую отрывокъ стариннаго слова, приписаннаго Григорію: „Отъ фюфильскихъ же и отъ аравитьскыхъ писаній научьшеся *Бомаре*, отъ срамныхъ удъ истекающую скверну вкушаютъ". Нельзя, во всякомъ случаѣ, не обратить вниманія на слѣдующія легендарныя параллели. Въ Махабхаратѣ (Adi-parva; въ перев. *Fauche*, I, стр. 254—6) Adrikâ обращена, вслѣдствіе божественнаго проклятія, въ рыбу; находясь въ водахъ Ямуны, она съѣдаетъ оброненный ястребомъ листокъ, на который упало сѣмя влюбленнаго царя Упаричары; рыба поймана и вскрыта, Адрика получаетъ свой прежній человѣческій видъ и родитъ сына и дочь: Makuas и Makyâ.—Въ кельтскомъ сказаніи (*Revue celtique*, *II*, *2*: *Whitley Stokes*, Mythological netes № VIII: Cred's pregnaney, pp. 199—200) такъ родится Boethéne: отецъ его Findach увидѣлъ съ дерева царевну Cred, мывшую руки внизу у

источника, virginem concupivit et voluntas corporis ejus упала внизъ на зелье, watercress, которое дѣвушка съѣдаетъ, становится матерью.

Какъ бы то ни было, имя Самовилы, данное въ болгарской легендѣ Савиллѣ-Маріи, обнаруживаетъ мѣстное народное вліяніе, и едва ли кто не согласится со мною послѣ всего сказаннаго, что искаженіе могло пойдти именно отъ Сивиллы къ Самовилѣ, а не наоборотъ.

Изъ предложеннаго пересказа болгарской легенды выяснилось на первый случай, что на славянской почвѣ существовало въ старину представленіе о Сивиллѣ съ гусиною ногой. Мы уже знаемъ, что у Славянъ, равно какъ и у Германцевъ, существовали вѣрованія въ такъ называемыхъ лебединыхъ дѣвъ; можемъ ли мы заключить изъ этого, что указанная выше метаморфоза Сивиллы совершилась у тѣхъ и другихъ самостоятельно, подъ вліяніемъ народно миѳическихъ представленій? Такое предположеніе едва ли допустимо: сходство касается слишкомъ мелочной подробности, привязавшейся въ добавокъ не къ образу народной фантазіи, а къ легендарному типу, привнесенному извнѣ, вмѣстѣ съ церковною культурой. Трудно представить себѣ, чтобъ и въ Болгаріи, и на Рейнѣ этотъ типъ былъ усвоенъ по однимъ и тѣмъ же пріемамъ, и что тамъ и здѣсь народъ досказалъ его себѣ въ такихъ до мелочи сходныхъ чертахъ. Въ такихъ обстоятельствахъ раціональнѣе объяснить сходство либо заимствованіемъ одной легенды изъ другой, либо ихъ общею зависимостью отъ какого-нибудь третьяго сказанія. Первая гипотеза едва ли мыслима въ данномъ случаѣ, и исключается, напримѣръ, для болгарскаго сказанія его своеобразностью и мѣстно-культурнымъ колоритомъ. Всего естественнѣе допустить, что нѣмецкая и болгарская повѣсти вышли изъ одного источника, какого-нибудь апокрифическаго сказанія, въ которомъ образъ Сивиллы-гусиной ноги уже былъ установленъ. Прототипомъ этого сказанія я по прежнему предполагаю мусульманско-еврейскую легенду о Соломонѣ и царицѣ Савской,—легенду, относительно которой европейскія повѣсти очутились бы уже на третьей степени родства.

Вооружась болгарскимъ сказаніемъ и сходными чертами нѣмецкой Sybillen Weissagung, мы можемъ приступить теперь къ вопросу, поставленному еще въ 1751 г. аббатомъ Лебефомъ: что̀ означаетъ встрѣчающееся въ порталяхъ старо-французскихъ церквей изображеніе женщины въ вѣнцѣ и съ гусиною лапой вмѣсто ноги, откуда

ея названіе reine Pédauque, то есть, pede aucae? [1]. Лебефъ, описывая ея изображеніе въ четырехъ французскихъ церквахъ, высказываетъ предположеніе, что оно встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ [2]. Чтобы выяснить себѣ его символическій смыслъ, интересно посмотрѣть, въ какомъ окруженіи оно является. Въ порталѣ церкви (prieuré) St. Pourçain въ Оверни, относимой Лебефомъ къ X вѣку, представлены по правую руку апостолъ Петръ съ ключами и двѣ другія мужскія фигуры, вѣроятно, изображающія апостоловъ, на сколько можно заключить по книгѣ, которую они держатъ въ рукахъ; налѣво три статуи: священника (?), царя и царицы, у которой правая нога имѣетъ форму гусиной лапы. Въ порталѣ церкви St. Benigne въ Дижонѣ (первой половинѣ XI вѣка) [3] изображены съ одной стороны Моисей съ головой, окруженною сіяніемъ, св. Петръ съ ключами и св. Павелъ съ мечемъ; съ другой—статуи трехъ царей и гусеногой царицы. Въ порталѣ Нельскаго (Nesle) аббатства, въ діоцезѣ Troies, такія же символическія изображенія: направо фигура священника въ шапкѣ, въ какой обыкновенно представляется Ааронъ, царица съ гусиною ногой и царь, держащій книгу; налѣво св. Петръ съ ключами, и два царя съ надломленными жезлами въ рукахъ [4]. Къ XII вѣку относятся изображенія царицы Pédauque и двухъ царей въ порталѣ церкви св. Петра въ Неверѣ (Nevers) [5].

Таковы скульптурныя изображенія, на которыхъ опиралось объясненіе Лебефа. Нѣсколько показаній изъ XVI вѣка служили ему подспорьемъ. Интересно, что всѣ они пріурочены къ Тулузѣ, гдѣ, какъ видно, образъ царицы Pédauque былъ особенно популяренъ. Говоря о людяхъ съ широкою ногой, Раблѐ выражается: „elles étaient largement pattées, comme sont les oies et comme jadis à Toulouse les portoit la reine Pédauque". По свидѣтельству Contes d'Eutrapel, изданныхъ въ 1587 г., въ Тулузѣ клялись прялкой (quénouille) царицы Pédauque. Nicolas Bertrand, авторъ латинской исторіи Тулузы, напе-

---

[1] См. (*Lebeuf* abbé), Conjectures sur la reine Pédauque въ Hist. de l'Ac. royale des inscrip. et belles lettres avec les Mém. de Litterat. etc. 1756 t. 23-е pp. 227—35.

[2] *P. Paris*, Li romans de Berte aus grans pies (Paris, 1832), стр. 198 указываетъ на такое же изображеніе въ порталѣ Mans'скаго собора. Срав. Grimm D. M. 258 съ ссылкой на Aw. 3, 47, 48.

[3] Изображеніе см. въ Hist. de Bourgogne f-o.

[4] Сл. *Montfaucon*, Monumens de la monarchie française, I, 192.

[5] Изображеніе см. у *Morellet* Le Nivernois.

чатанной въ 1515 г., разказываетъ басню о Тулузскомъ королѣ Марцеллѣ, сынѣ Thabor'а, и прекрасной дочери Марцелла, столь же благодушной и привѣтливой, на сколько ея отецъ былъ гордъ и жестокъ. Она была язычница; но Господь взыскалъ ее своею милостью, пославъ ей проказу. Въ то время проповѣдывали въ Тулузѣ евангеліе святые Сатурнинъ, Марціалъ и Антонинъ изъ Pamyés. Услыша о нихъ и объ ихъ чудесахъ, царевна призвала ихъ къ себѣ, прося у нихъ исцѣленія во имя страстей Іисуса Христа и обѣщая креститься. Святые обратили ее въ христіанство, и она выздоровѣла. Чтобы свободнѣе предаться новой вѣрѣ и вмѣстѣ избѣжать подозрѣнія отца, царевна упросила его поставить ей дворецъ въ улицѣ, которая называется Peyralada; по великолѣпному мосту черезъ Гаронну туда проведена была вода въ такомъ изобиліи, что устроены были бани, которыя и называли царицыными. Въ этомъ дворцѣ, созданномъ для роскоши и веселья, царевна въ-тайнѣ продолжала поклоняться своему создателю, и только распятіе, найденное послѣ ея смерти, открыло, что она была христіанка[1]). Бертранъ прибавляетъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, она именно и была царица Pedauca: quam reginam aliqui fuisse la regina Pedauca volunt.

Antoine Noguier, въ Исторіи Тулузы, изданной имъ по французски въ 1559 г., воспроизводитъ разказъ Бертрана съ тою новою подробностью, что въ западномъ порталѣ церкви St. Sernin, то есть, св. Сатурнина, находилась въ числѣ другихъ изображеній и фигура царевны, погруженной по поясъ въ воду, будто бы въ память ея крещенія св. Сатурниномъ и св. Марціаломъ[2]). Въ самомъ дѣлѣ: барельефъ, находившійся по правую сторону портала (нынѣ въ Тулузскомъ музеѣ), изображалъ царя на престолѣ и противъ него стоячую фигуру святаго. Со стороны первой фигуры читается:

Judicat Antonius rex servum regis alius;

со стороны второй:

Ecce Saturninus quem miserat ordo latinus,
Cum docet Antonium, non timet exitium.

На другомъ барельефѣ того же портала представлена была жен-

[1]) См. Hist. générale de Languedoc etc. par *Dom Claude de Vic* et *Dom Vaissette* etc. commentée et continuée jusqu'en 1830 etc. par M. le chevalier *Al. Du Mège* I-r v. Additions et notes du livre V, p. 398.

[2]) *Lebeuf*, l. c. 230—1.

щина, погруженная по бедра въ купель, между тѣмъ какъ святые Сатурнинъ и Марціалъ крестятъ ее. По бокамъ и внизу надпись:

Jure novae legis sanatur filia regis,
Cum baptisatur mox mordax lepra fugatur [1]).

Du Mège въ прибавленіяхъ къ Всеобщей исторіи Лангедока говоритъ, что по нѣкоторымъ апокрифическимъ легендамъ, Тулузскій король, при которомъ пострадалъ св. Сатурнинъ, носитъ имя Антонія [2]). Какія это легенды — я не знаю. Если разумѣть подъ этимъ такъ называемую хронику Стефана де-Гано, которою пользовался и Бертранъ, то ея показанія лишь отчасти подтверждаютъ свидѣтельство приведенныхъ выше надписей. Хроника эта, составленная въ первой половинѣ XV вѣка, принадлежитъ къ тому когда-то любимому роду лѣтописныхъ разказовъ, которые наполнялись баснословными повѣствованіями о началѣ царствъ, народовъ и городовъ, возводившихъ свое происхожденіе то къ Троянцамъ, то къ Грекамъ, то къ Библіи—смотря по эрудиціи авторовъ. Если вѣрить Стефану де-Гано, ссылающемуся въ этомъ случаѣ на хронику Родриго, архіепископа Толедо (Dominus Rodericus archiepiscopus quondam Tholetanus, Gestorum in Hyspania Cronicus), то основателемъ Тулузы былъ, во время пророчицы Деборы, Лемозинъ, сынъ Тубала, сына Яфета, сына Ноева. Такимъ образомъ, Тулуза древнѣе Рима. Славная въ періодъ язычества, она не измѣнила своей славѣ и въ христіанскую пору. Ея поэтъ Стацій былъ увѣнчанъ въ Римѣ лавровымъ вѣнкомъ, какъ говоритъ Данте: „Tam clara fuit tunc Tholosa in Statio poeta suo, qui propter elegantiam dicendi translatus fuit ab urbe Tholosana ad urbem Romanam et ibi laureatus sit ut poeta eximius. Ita dicit Dantes de Aldigeriis Florentinus in cantica secunda quae dicitur Purgatorium, capitulo XXI [3])... Quo que admirabilis fuit primo tempore sui paganismi, ante scilicet adventum Beati Saturnini, item secundo tempore christianismi post martirium dicti gloriosi martiris ex sequentibus agnosci potest. Tempore nempe sue gentilitatis instar Urbis Rome, et forte Roma instar Tholose, cum fuerit conditione posterior, habuit Ca-

---

[1]) Hist. génér. de Languedoc l. c. 397—8 и 399.

[2]) Ib. 397.

[3]) Purg. XXI vv. 88—90:

Tanto fu dolce mio vocale spirto
Che Tolosano a sè mi trasse Roma
Dove mertai le tempie ornar di mirto.

pitolium, habuit Senatores, habuit Consules, habuit Presides, habuit Imperatores, habuit templa Deorum; hec trahuntur ex antiqua legenda primi prothopresulis et martiris Tholose, Beati scilicet Saturnini, ubi expresse fit mentio de Capitologio, et expresse nominatim ponuntur duo consules, Decius scilicet et Cratho, et expresse nominatur *senator primus in cathedra senatoria, nomine Agathon, cujus uxor nomine Quiriales erat lepra percussa, quam Beatus Saturninus, in Christi nomine, sanavit atque Christiana fecit*—fit etiam expresse mentio de *imperatore pro tunc temporis Anthonino nomine*, qui Beatum Saturninum ad vocem sacerdotum et pontificum idolorum jussit tauro victimando alligari prout in ejus martirio continetur" [1]).

Въ старой легендѣ св. Сатурнина, на которую ссылается хроника, онъ былъ замученъ при Тулузскомъ императорѣ (?) Антонинѣ, излѣчивъ и сдѣлавъ христіанкой прокаженную Quiriates, жену сенатора Agathon'а. Надпись церкви св. Сатурнина дѣлаетъ ее дочерью царя—можетъ быть, Антонія—Антонина? У Бертрана она тоже царевна, но отецъ ея названъ Марцелломъ. Откуда почерпнуто это свѣдѣніе? Не было ли тутъ безсознательнаго перенесенія именъ? По Бертрану, вмѣстѣ съ св. Сатурниномъ посѣтили тулузскую царевну св. *Марціалъ* и *Антонинъ*.

Если Бертранъ и Ногье въ разказѣ о св. Сатурнинѣ и дочери царя Марцелла сообщаютъ, что нѣкоторые называли ее и Педаукой, то причины отожествленію кажутся намъ слѣдующія. Pedauca не только изображалась въ порталахъ въ окруженіи другихъ личностей, но могла представляться также полупогруженною или переходящею воду, подобно гусеногой Сивиллѣ крестной легенды, переходящей потокъ. Народъ не понималъ, либо пересталъ понимать значеніе ея образа и сразу отнесъ ее на счетъ мѣстной, глубокой древности. Выраженіе: прялка царицы Pédauque, вѣроятно, не болѣе, какъ хронологическое опредѣленіе въ родѣ всѣмъ извѣстнаго: когда Адамъ пахалъ и Евва пряла и т. п. Она представлена была въ водѣ, вѣроятно, окруженная другими изображеніями, смыслъ которыхъ также былъ потерянъ; толкуя ихъ, народная фантазія могла набрести на леген-

---

[1]) Хроника де-Гано, напеч. у *Du Mège* l. c. въ Preuves ajoutées au premier volume de l'Hist. gen. de Languedoc p. 640—45. Въ числѣ достопримѣчательностей Тулузы упоминается, между прочимъ, праздникъ Scientiae gaudiosе in principio madii (Общество de la gaya sciensa съ 1323—4 гг.).

ду о Тулузской царевнѣ, о ея дворцѣ и банѣ и ея крещеніи—и все это сблизило съ изображеніями въ порталѣ св. Сатурнина.

Передавая мнѣніе о тожествѣ царевны съ regina Pedauca, Бертранъ прибавляетъ, что настоящее названіе первой было Austris. Это указаніе и дало поводъ Лебефу признать въ ней царицу Савскую, regina Austri, какъ она часто зовется въ легендахъ, какъ называетъ ее Іисусъ Христосъ въ Евангеліи. Извѣстно, что отцы церкви и древніе толкователи Св. Писанія видѣли въ ней образъ церкви, какъ въ Соломонѣ образъ Спасителя, говоритъ Лебефъ. Этимъ онъ объясняетъ средневѣковой обычай—изображать ее въ церковныхъ порталахъ съ Давидомъ, Вирсавіей и Соломономъ, къ которымъ присоединялись иногда изображенія Моисея, Аарона, Мельхиседека и Самуила и, далѣе, въ духѣ знакомаго намъ параллелизма между ветхимъ и новымъ завѣтомъ—фигуры Спасителя, свв. Петра и Павла [1]). Гусиную ногу царицы Савской (и—прибавимъ отъ себя—изображеніе reine Pédauque, полупогруженной въ воду, въ порталѣ St. Sernin) Лебефъ объясняетъ изъ вышеприведенной талмудической легенды: о пришествіи царицы къ Соломону по хрустальному полу, который представляется ей водою и т. д. Онъ прибавляетъ къ этому (изъ того же втораго халдейскаго парафраста) еврейское повѣрье, по которому царица Савская была великая охотница до купанья, почему ежедневно погружалась въ море—повѣрье, давшее, по мнѣнію Лебефа, поводъ сравнить ее съ животнымъ, также любящимъ воду, а затѣмъ и перенести на нее символическій признакъ: гусиную ногу [2]). Что касается до вопроса, почему фигура царицы Pédauque помѣщается именно въ порталахъ церквей, Лебефъ отвѣчаетъ на него указаніемъ на судебное значеніе порталовъ: здѣсь совершался церковный судъ, произносились приговоры и налагались эпитиміи. Это назначеніе ихъ отразилось въ символизмѣ ихъ скульптурныхъ украшеній. Моисей, напримѣръ, являлся какъ законодатель Евреевъ, Ааронъ—въ роли первосвященника, Мельхиседекъ былъ символомъ соединенія царской и пастырской власти, Соломонъ — представитель судной мудрости, Іисусъ Христосъ, какъ творецъ новаго закона, свв. Петръ и Павелъ, какъ главныя орудія его божественной проповѣди. Этимъ символизмомъ естественно объяснялось и появленіе въ такомъ окруженіи царицы Савской: она славилась мудростью своихъ рѣше-

[1]) *Lebeuf*, l. c. p. 231—2.
[2]) l. c. p. 234—5.

ній; Regina austri sedet in judicio, сказано о ней въ Евангеліи, и аб. Лебефъ предполагаетъ, что именно это изреченіе и указало ей мѣсто въ порталѣ средневѣковой церкви.

Мнѣніе Лебефа, что Pédauque изображаетъ именно царицу Савскую, вполнѣ подтверждается нѣмецкою и болгарскою легендами, содержаніе которыхъ приведено выше. Лебефъ ихъ не зналъ, какъ вообще не зналъ ни одного литературнаго памятника, на которомъ могъ бы опереть свое мнѣніе. Случайное указаніе Вертрана на имя царицы Austris и талмудическій разказъ навели его на точное истолкованіе загадочной фигуры, но не дали ему матеріала для уясненія ея символизма. Очевидно, не прямо изъ еврейской легенды проникъ въ христіанскую церковь образъ гусеногой царицы, а черезъ посредство легенды о крестномъ древѣ, въ которой царица Савская отожествилась съ Сивиллой и уже отмѣчена была характернымъ аттрибутомъ: гусиной лапы. Сивилла или царица Савская приходила къ Соломону пророчествовать о Спасителѣ; такъ въ крестныхъ легендахъ; но и вообще христіанская фантазія любила представлять ее себѣ пророчицей, возвѣщавшею, наравнѣ съ другими ветхозавѣтными пророками, грядущую побѣду христіанства. Оттого она часто сопоставлялась съ другими провозвѣстниками Евангелія; такъ въ мистеріяхъ [1]) и въ изображеніяхъ, описанныхъ Лебефомъ. Въ церквахъ St. Pourçain и Нельской она является рядомъ съ фигурами царя, вѣроятно, Соломона, и священника — можетъ быть, Аарона [2]); въ St. Benigne ее сопровождаютъ *три* царя (въ St. Pierre de Nevers—ихъ два), въ которыхъ я позволяю себѣ видѣть трехъ *царей-маговъ*, пришедшихъ поклониться родившемуся Спасителю, и такимъ образомъ, являвшихся его провозвѣстниками. Кромѣ общихъ отношеній символизма, были еще и другія, объясняющія такое сопоставленіе Сивиллы—царицы Савской и царей маговъ. Укажу здѣсь лишь на одно изъ нихъ, на выраженіе псалма 73, 10: „цари Аравіи и *Савы*

[1]) *Édelestand du Meril*, Orig. lat. du théatre moderne: Mystère des Prophètes du Christ: Moyses, Isaias, Jeremias, Daniel, Habacuc, David, Simeon, Elisabeth, Joh. Baptista, Virgilius, Nabuchodonosor, *Sibylla*; Ib. Mystère de la Nativité du Christ: Daniel, *Sibylla*, Aaron, Balaam и др. Сл. стр. 179—213.—Carmina Burana, стр. 80 и слѣд.: Ludus scenicus de nativitate Domini (Isaias, Daniel, *Sibylla*, Aaron, Balaam etc.). Въ мистеріи XI вѣка о Десяти мудрыхъ и неразумныхъ дѣвахъ (у *Monmerqué* et *Michel*, Théatre. franc. au moyen âge p. 3 — 9), въ Kindheit Jesu у *Mone*, Schausp. d. Mittelalters I, 132—81: то же.

[2]) *Lebeuf*, l. c. 229.

принесутъ тебѣ дары"; оно обычно въ рождественскихъ мистеріяхъ, и можетъ быть, объяснитъ у Германа von Fritzlar замѣну царицы Савской какимъ-то царемъ Востока [1]).

Приведенныхъ указаній достаточно, чтобъ объяснить появленіе фигуры Pédauque среди изображеній церковныхъ порталовъ—не суднымъ значеніемъ послѣднихъ, а символическимъ истолкованіемъ ихъ архитектурной роли. Порталъ былъ преддверіемъ, приготовленіемъ храма; церковь была символомъ наступившаго, осуществившагося христіанства; порталъ также символически велъ къ ней, какъ ветхій завѣтъ прообразовалъ новый, возвѣщая его голосомъ своихъ пророковъ. Оттого символизмъ портала и его скульптурныхъ украшеній—пророческій; въ этой роли являлись тамъ Моисей и Ааронъ, Сивилла—царица Савская и другія лица ветхаго завѣта; параллелизмъ новозавѣтныхъ личностей, обыкновенно противопоставленныхъ имъ на другой сторонѣ портала, многознаменательно указывалъ на ихъ значеніе, раскрывая между ними символическую связь идей чаянія и совершенія, прошедшаго и настоящаго.

Толкованіе, данное Лебефомъ изображенію Pédauca'и, устранило мнѣнія предыдущихъ изслѣдователей, что загадочная фигура представляла какую-нибудь историческую царицу: св. Клотильду, жену Хлодвига I (Мабильонъ), или Рагнахильду, жену Вестготскаго короля Еврика (Chabanel). Но и мнѣніе Лебефа не удержалось въ наукѣ, уступивъ мѣсто другому, выраженному впервые П. Парисомъ [2]) и Я. Гриммомъ [3]) и принятому съ тѣхъ поръ большинствомъ изслѣдователей европейской литературной и миѳологической старины. Они сопоставляютъ фигуру Pedauca'и съ сказочною матерью Карла Великаго Бертой, и скрѣпляютъ это, сближая послѣднюю съ Бертой нѣмецкихъ миѳическихъ повѣрій. Дѣло въ томъ, что въ поэмахъ Кар-

---

[1]) *Hoffmann v. Fallersleben*, Geschich. d. deutsch. Kirchenliedes p. 340—342, №№ 190—192 (Puer natus in Bethlehem): Die küng von Saba komen har etc. Въ одной народной нѣмецкой рождественской драмѣ является всего одинъ магъ: Morenkönig (*Wackernagel*, Weihnachtsp., стр. 121 и слѣд.). Къ указанію на псаломъ 72, 10 слѣдуетъ еще присоединить Ис. 60, 6. По Коместору (Hist. evang. c. 7), которому слѣдуютъ Vincentius Bellovacensis (Spec. hist. c. 91) и Legenda aurea c. 14, маги вышли изъ области пограничной Персамъ и Халдеямъ: venerunt magi de finibus Persarum et Chaldeorum, ubi fluvius est *Saba*, a quo et *Sabea* regio dicitur.

[2]) Li Romans de Berte aus grans pies. Paris. 1832, стр. III, IV, 198.

[3]) D. Myth. 257—8 (3-е изд. 1854 г.; 1-е относится къ 1835 г.).

ловингскаго цикла Берта является съ характеристическимъ признакомъ: у ней *большія ноги* [1]), или *одна нога больше другой*, именно правая [2]). Гастонъ Парисъ [3]) полагаетъ обѣ редакціи одинаково древними; Гриммъ отдалъ преимущество послѣдней [4]). Берта съ одною большой ногой легче отожествилась съ Pédauque, у которой одна нога гусиная. Матеріалъ для дальнѣйшаго сближенія представляли нѣмецкія повѣрья о какой-то Бертѣ, миѳическомъ женскомъ существѣ съ довольно неопредѣленными очертаніями; о ней разказываютъ, между прочимъ, что она ходитъ въ урочное время, наблюдая за лѣнивыми или слишкомъ рьяными пряхами [5]); ея названія Stempe, Trempe, то есть, тяжело выступающая, стучащая, были объяснены въ этой связи: у нея широкая ступня пряхи, плоская отъ постояннаго упражненія надъ прялкой [6]); она и сама явилась пряхой — какъ съ другой стороны, въ Тулузѣ клялись прялкой царицы Pédauque, и существуютъ такія же италіанскія и французскія присловья о Бертѣ: nel tempo ove Berta filava, au tems que la reine Berthe filait [7]). Послѣднія легко объяснить, какъ выше объяснена была пер-

---

[1]) Такъ у *Adenes'a*: Berte aus grans pies, ed. *P. Paris*; во франко-итальянской компиляціи венец. рук. XIII: da li pe grandi; также въ первой редакціи Floire et Blanceflor (*Édelest. du Meril* v. 9) и въ средненидерландскомъ текстѣ того же романа (Grimm l. c. p. 258). Вторая «народная» редакція франц. Floire не упоминаетъ Берты. Связывала ли она ее съ романтическимъ разказомъ о Флорѣ и Blanceflor? Если нѣтъ, то это, быть можетъ, признакъ бóльшей древности сравнительно съ предыдущею рецензіей.

[2]) Французскій прозаическій пересказъ въ рукописи Бернской библіотеки. См. *V. Schmidt*, Ueber die italienischen Helden-Gedichte a. d. Sagen-Kreise Karls d. Grossen, стр. 5 прим.: si non d'un pié que Berthe avoit plus grant que l'autre. Reali di Franza 6, 1: Berta del gran piè, perchè ella aveva un piè un poco maggior del altro, e quello era il piè destro; ib. del grosso piede. Также въ нѣмец. Floire 309; у Готфрида изъ Витербо: grandis pede. См. *Grimm*, l. c.; *Gaston Paris*, Hist. poét. de Charlemagne 224 not. 1.

[3]) l. c.

[4]) l. c.

[5]) *Grimm*, l. c. 252.

[6]) Ib. 256, 258.

[7]) Ib. 257. Уже въ началѣ XIV вѣка эта поговорка была извѣстна въ Италіи и послужила основаніемъ псевдо-историческому анекдоту, помѣщенному въ Liber de generatione aliquorum civium urbis Pataviae (*Rajna*, Le origine delle famigli padovane. Romania XIV 181—2: Jam preteriit tempus, quod Berta filavit). Анекдотъ преставляетъ своеобразную разработку сказочнаго мотива о завладѣніи землею, на сколько хватитъ разрѣзанной полосами кожи и т. д. (См. *R.*

вая: это были выраженія неопредѣленной, хотя глубокой древности, при чемъ прялка и веретено являлись естественными символами женскаго труда. Они, стало быть, не вызываютъ необходимо идею тожественности Pédauca'и и Берты, могли къ тому и другому образу привязаться самостоятельно и по разнымъ частнымъ поводамъ. Слабѣе всего остается главная причина отожествленія, потому что у Берты оказывается лишь большая нога, тогда какъ у Pedauca'и гусиная. Можно предположить въ первомъ случаѣ искаженіе преданія, либо забвеніе его, позднюю стадію котораго представляютъ редакціи, говорящія о *двухъ* большихъ ногахъ Берты. Такъ въ разказѣ франко-италіанской компиляціи, въ Венеціанской рукописи XIII вѣка:

Ela oit li pe asa' plus grant
Qe nulle autre dame qe soit de son convant;
Berta da li pe grant, si l'apella la jant [1]).

Такъ и у Аденеса (ок. 1270 г.); у него, какъ и въ франко-италіанской компиляціи, большія ноги Берты—внѣшній признакъ, по которому она узнается, не болѣе. Служанка, замѣнившая настоящую изгнанную Берту, боится, что обманъ ея будетъ открытъ, и говоритъ матери:

Bien sai que par mes pies conneües serons:
N'ai pas de moitié tes pies ne tes talons
Com ot Berte no dame que nous traïe avons [2]).

По этому признаку она впослѣдствіи и признана [3]). Въ двухъ другихъ мѣстахъ романа „большеногая" — стало просто эпитетомъ Берты, которому не придается никакого другаго значенія. Въ лѣсу, въ хижинѣ Симона:

Se gist Berte as grans pies desous une courtine [4]).

Пипинъ бесѣдуетъ съ Симономъ:

Tous leur parlemens fu de Bertain as grans pies [5]).

Если оригиналъ Аденеса и венеціанскаго пересказа измѣнилъ, мо-

---

Köhler, Sagen v. Landerwerbung durch zerschnittene Häute въ O. u. O. III, 185—7): въ италіанскомъ анекдотѣ—растянутыя нитки.

[1]) Berta de li gran piè въ Romania XI vv. 136—8; сл. v. 76, 234, 436, 461, 488, 1144, 1554, сл. 1458 seqq. и 1547.

[2]) *P. Paris*, l. c. 104.

[3]) Ib. 121.

[4]) Ib. 78.

[5]) Ib. 162.

жеть быть, вслѣдствіе эстетическихъ соображеній, болѣе древней формѣ сказанія, говорившей о *gran-pie*, то не была ли и эта послѣдняя продуктомъ непониманія и произвольнаго истолкованія? *Ganta* у Плинія—родъ бѣлыхъ небольшихъ гусей; Lib. miraculorum S. Genulfi n. 46 даетъ такое же опредѣленіе: anseres agrestes, quas a candore vel sonitu vocis more rustico *gantas* vocant. Дифенбахъ и Дицъ [1]) собрали указанія на средневѣковыя латинскія, романскія, германскія, кельтскія и другія формы этого слова. Въ романскихъ языкахъ оно сохранилось въ формѣ ganta (старопрованс.), gante (новопрованс.), *gante*, gente (старофранц.), къ которымъ Roquefort прибавляетъ еще старофранц. *agns*, *ganse*. Не предположить ли, что первоначальный эпитетъ Берты былъ: gante-pied и т. п. (по типу: chaqueue, merluche и др.), то-есть, гусеногая, откуда позднѣе, при забвеніи первоначальнаго смысла, легко было развиться формѣ: gran-pied, удовлетворявшей требованіямъ историческаго вѣроятія?

Замѣтимъ, что народныя преданія и легенды знаменательно связываютъ имя Берты — съ гусями. Циммерская хроника говоритъ о Бертѣ, женѣ графа Генриха von Eichelberg: „Die het vor etlich hundert jaren bei ihrem Leben vil Wonung zu Boll gehapt, ist ain Dorf im Land zu Würtenberg gelegen, welches auch zu der Grafschaft Aichelberg der zeit mag gehort haben. Im selbigen Dorf haben die *Schneegans* bei ihren Zeiten den armen Leuten vil Schadens in felder an den fruchten gethan, dess sie der grefin, irer frawen vilmals sein zu clag kommen. Dieselbe, nach dem sie ain heilige und andechtige frau gewesen, hat sie iren armen leuten und underthonen umb Gott erworben, dass ihnen hinfüro kain schaden mer von den Schneegensen sol widerfahren; darbei hat sie aine hülzine Gans uf ain pfal schnitzen lassen zu ainem Zaichen, mit dem Bericht, so lang sie das Zaichen bei ihnen haben, werden sie hinfürter von solchem Geflügel unmolestirt bleiben". Пока это изображеніе стояло, гуси не безпокоили жителей. Balthasar Schmidt (Ausführliche Reisebeschreibung des heiligen Landes) зоветъ эту Берту женой Альберта, графа von Ravenstein und Jetzenburg [2]). У Штенгеля (Monasteriologia: Elchingen) она — графиня von Ravenstein, основавшая или обновившая аббатство Elchingen (XII

[1]) *Diefenbach*, Orig. Europeae p. 347 — 9; *Diez*, Etym. Wb. 2-e Ausg. I: ganta.

[2]) *Birlinger*, Aus Schwaben etc. 1-er Band (1874) № 126 съ ссылками на Zimmerische Chronik III, 276 и *Simbrock*, Mythologie 3 Ausg. 375.

вѣка); она почитается въ Баваріи за то, что изгнала дикихъ гусей съ береговъ верхняго Дуная [1]).

Если единство символическихъ признаковъ дѣйствительно сближаетъ Pedauca'у средневѣковыхъ изображеній съ романтическимъ типомъ Берты, то остается еще вопросъ: слѣдуетъ ли остановиться на этомъ сходствѣ, или предполагая тожество, видѣть въ гусеногой царицѣ церковныхъ порталовъ изображеніе сказочной матери Карла Великаго? Предыдущее изслѣдованіе раскрыло, что Pedauca ни что иное, какъ Сивилла крестныхъ легендъ; ея мѣсто въ церкви объясняется ея священнымъ характеромъ; чтобы проникнуть туда и помѣститься въ нишѣ портала, Берта должна была пройдти черезъ Сивиллу, быть можетъ, какъ одно съ нею лицо. Далѣе я предложу нѣсколько соображеній по поводу этого отожествленія. Я даю лишь гипотезы и собираю матеріалы, предоставляя другимъ повѣрить ихъ, можетъ быть, субъективную группировку. Пока замѣчу слѣдующее. Къ пріемамъ средневѣковой романтики принадлежитъ между прочимъ перенесеніе именъ въ одномъ и томъ же династическомъ разказѣ изъ одного поколѣнія въ другое, въ третье и далѣе. Вмѣстѣ съ именемъ переносился иногда и примкнувшій къ нему эпизодическій разказъ, такъ что въ результатѣ получались дублеты именъ и дублеты разказовъ. Такой процессъ можно наблюдать, напримѣръ, въ сказаніяхъ о рыцарѣ-лебедѣ и въ Карловингскомъ циклѣ. *Мать Карла Великаго* зовется *Бертой* (Berte aus grans piés; Berta de li gran piè; Renaud de Montauban; въ циклѣ des Loherains: Hervis de Metz [2]); Floire et Blanchefleur); *Бертой* же названа въ Reali di Francia *сестра его*, во французскихъ текстахъ Gille, мать Роланда (въ Berta de li gran piè Берта, мать Роланда, является дочерью ложной Берты, жены Пипина, сл. v. 946 и sqq. 1635 sqq.): онѣ обѣ несчастны, страдаютъ въ изгнаніи—хотя этими общими чертами и ограничивается сходство разказовъ о той и другой. Другое имя, *Blanchefleur*, проходитъ черезъ четыре поколѣнія карловингской geste; это имя *матери Берты*, жены Пипина (Adenes, Floire et Blanceflor и др.); имя *жены Пипина* (въ Garin le Loherain [3]); Берта = Blanchefleur); *жены Карла*

---

[1]) То же самое чудо приписывается и другимъ святымъ: св. Веребургѣ, св. Фараильдѣ (флам. Sinte Veerle, sente Varilde), св. Мильбургѣ, св. Гильдѣ. Сл. *Cahier*, Caractéristiques des Saints dans l'art populaire (Paris 1867) I стр. 582—4.

[2]) Hist. lit. de la France XXII p. 590. Сл. *Éd. Du Meril*, Floire et Blanceflor p. XVII.

[3]) *P. Paris*, Li romans de Garin le Loherain t. II p. 1—15.

Великаго (въ венец. ркп. XIII и поэмахъ, относящихся къ petite geste de Nanteuil) [1]); наконецъ *жены сына его Людвига* (въ поэмахъ o Guillaume au court nez [2]); въ Hist. de la reyna Sibilla и нидерландской народной книгѣ того же содержанія). Стало быть, дублеты именъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ одномъ случаѣ, повтореніе типовъ: мать Карла Великаго (Berte=Blanchefleur) и жена его (Blanchefleur=Berte) выражають, съ разными подробностями, одинъ и тотъ же излюбленный средними вѣками типъ — невинно преслѣдуемой красавицы, жены. Нѣкоторые разказы (Renaud de Montauban ed. *Michelant*; p. 266, Fierabras; провансальская поэма объ альбигойскихъ войнахъ; Girard d'Amiens; Cronica general de Espana; Gran conquista de Ultramar, Reali; Карлъ Штриккера; Karlmeinet) называють жену Карла Великаго: *Galienne*, *Galiana*, *Galina* (Halia), *Galeana* [3]); другіе — Belissant (венец. ркп. XIII) [4]), третіи — *Сивиллой*, *Sebilia*, *Sibilia*, *Sevilla*, *Sebile* (Albericus Trium Fontium; фрагменты старофранцузскаго романа, напечатанные впервые Рейфенбергомъ, изданные впослѣдствіи Вольфомъ, Гессаромъ и недавно Scheler'омъ въ Bulletins de l'Ac. royale de de Belgique, 2-e s., t. XXXVII n. 4, 1875; старо-французскій прозаическій текстъ, открытый Gautier, Epopées II p. 521—2 прим.; Historia de la reyna Sebilla; нидерландская народная книга; Tristan de Nanteuil, въ *Guessard*, Macaire p. XVII). La gran conquista de Ultramar соединяетъ имена Гальяны и Сивиллы: Сивиллой Гальяна названа была въ крещеніи. Точно также, что̀ разказывается о той и другой, даетъ поводъ соединить ихъ въ общемъ сказочномъ типѣ. Гальяна — дочь эмира Галафра (такъ всюду; только въ Gran conqu. de Ultram. ея

[1]) *G. Paris*, l. c. 395 note 1; 171 — 172: Macaire. Указанія на различныя chansons de geste, упомянутыя здѣсь и далѣе, почерпнуты главнымъ образомъ у *G. Paris*, Hist. poétique de Charlemagne и въ *Gautier*, Epopées françaises.

[2]) Hist. lit, d. l. France XXII p. 515, и Hugues Capet ed. du marquis *de la Grange* (Anciens poètes de la France), préface p. XLII. То же въ Chronique de Philippe Mouskès II v. 12.161—64 и Hugues Capet, p. 25 и passim (Alber. Trium. Fontium у *Guessard*, Macaire p. XII—XIII).

[3]) Съ именемъ Гальяны я не прочь сопоставить имя *Галина*, какое даетъ себѣ Карлъ, попавъ въ плѣнъ къ язычнику Марку. Такъ въ расказѣ Jacopo d'Acqui у *G. Paris*, Hist. poét. d. Charlem. 366.

[4]) У *G. Paris*, l. c. 233 note 2; 169, 414. Какъ въ Karleto венец. компиляціи жена Карла Великаго зовется Belissent, такъ по Karlamagnussaga Belissent—имя его сестры; наконецъ въ Berta de li gran piè той же венец. ркп. Belissant—имя матери Берты (жены Пипина), а въ Amis et Amile и Otinel — имя дочери Карла Великаго (*G. Paris* 403).

отецъ названъ Haxen; Belissent вен. ркп. XIII—тоже дочь Галафра), при дворѣ котораго молодой Карлъ укрывается отъ измѣны, грозившей ему дома. Молодые люди влюбляются другъ въ друга; тайкомъ отъ отца Гальяны они убѣгаютъ, Гальяна становится христіанкой и женой Карла. Романъ о Garin de Monglane разказываетъ о ней, что уже выйдя за Карла, она увлеклась юнымъ Garin и сама открылась въ этой страсти мужу. Но этотъ романъ не имѣетъ традиціоннаго значенія [1]); скорѣе сказать: основныя черты преданія въ немъ исказились и должны служить инымъ цѣлямъ. Въ Karlmeinet Гальяна—не преступная жена, а обвинена въ преступной связи однимъ измѣнникомъ; божій судъ, то-есть, поединокъ, обличаетъ лживые навѣты и доставляетъ торжество невинности. Въ этомъ отношеніи знаменательно соединеніе: Сивиллы-Гальяны въ разказѣ Gran conqu. de Ultram. (c. XLIII in fine). Дѣйствительно, съ именемъ Сивиллы, супруги Карла Великаго, соединились разказы, общее содержаніе которыхъ: судьба невинно преслѣдуемой жены, которая подъ конецъ оправдывается отъ незаслуженнаго обвиненія въ невѣрности. То же, мы видѣли, разказывалось и о Гальянѣ; и на оборотъ прежнія судьбы Гальяны повторялись, вѣроятно, и въ повѣстяхъ о Сивиллѣ, женѣ Карла Великаго, хотя въ сохранившихся разказахъ онѣ отнесены на счетъ другой Сивиллы, жены Baudouin'а, брата Роланда. Она вдова Саксонца Guitalin'а. Такъ въ Renaud de Montauban, въ датскомъ пересказѣ Karlamagnussaga и въ Chanson des Saisnes Боделя, въ компиляціи Давида Aubert'а, въ хроникѣ Филиппа Mousquet и въ Gran conquista de Ultramar [2]). Поводъ къ сближенію этой Сивиллы съ Гальяной даетъ Ramon Feraud въ правансальскомъ житіи а. Гонората [3]). Здѣсь она дочь Aygolant'а, царя Толедскаго (какъ Гальяна — дочь толедскаго эмира Галафра), у котораго молодой Карлъ три года томится въ плѣну (какъ въ повѣстяхъ о Гальянѣ онъ тайно пребываетъ при дворѣ ея отца). Св. Іаковъ является св. Гонорату и повелѣваетъ ему отправиться въ Толедо, чтобъ освободить Карла. Онъ идетъ, сопутствуемый св. Магономъ. У Aygolant'а прекрасная дочь Сивилла (Sibilia, Sebilia):

Sebilia avia nom, reyna de Sancsueyna,
Del comtat d'Ajenes e de tota Guascueyna [4]).

[1]) *G. Paris*, l. c. 387; Hist. litt. d. l. France XXII 441—2.

[2]) *G. Paris*, l. c. 288—9. Сл. Richars li biaus (ed. Förster): v. 21 упоминается, какъ особый разказъ: De Bauduin né de Sebille.

[3]) *G. Paris*, l. c. 496—500 и упоминаемое далѣе изданіе Sardou p. 34—40.

[4]) La vida de Sant Honorat, ed. Sardou, p. 37. Sancsueyna, очевидно, Саксо-

Она одержима злымъ духомъ и такъ бѣснуется, что ее приходится связать. Отецъ кличетъ кличъ, обѣщая большія награды тому, кто исцѣлитъ его дочь. Св. Гоноратъ пользуется этимъ обѣщаніемъ: онъ изгоняетъ злаго духа, терзавшаго Сивиллу, и крестить ее, послѣ чего она выходитъ за Бодуэна (D'aquest s'enamoret Sebilia la plasent, Mant que retray la gesta que pueys fom son espos, De la Sayna Sebilia, Baudouins lo joyos); въ награду за изцѣленіе, Гоноратъ испрашиваетъ освобожденіе Карла и его двѣнадцати паладиновъ. Замѣните въ этомъ разказѣ Бодуэна Карломъ, и получится основная канва приключеній Карла и Гальяны при дворѣ Галафра.

Венеціанская компиляція, въ рукописи XIII в. (Macaire), говоритъ о напрасныхъ обвиненіяхъ и преслѣдованіяхъ супруги Карла Великаго Blanchefleur, что другіе романы разказывали о Сивиллѣ и Гальянѣ.

Предложенныя сближенія присоединяютъ къ полученному выше уравненію: *Berte=Blanchefleur* (имя матери Карла Великаго) еще слѣдующее: *Blanchrfleur=Sybille* (имя его жены). Сходство именъ скрѣпляется сходствомъ разказовъ о той и другой: обѣ онѣ—и мать, и жена Карла Великаго, являются въ роли невинно страдающей жены. Что сказано было выше:—о перемѣщеніи именъ и мотивовъ въ романахъ династическаго содержанія, объяснитъ нашу попытку свести эти имена и мотивы, размѣстившіеся по разнымъ поколѣніямъ циклической chanson de geste, къ единству одного первоначальнаго типа, изъ котораго, процессомъ позднѣйшей дифференціаціи, могла произойдти двойственная редакція повѣстей: о матери и женѣ Карла Великаго, о Сивиллѣ и Бертѣ.

Я предвижу возраженіе, которое хочу оговорить. Перенесеніе эпизодовъ и именъ изъ одного разказа въ другой совершалось случайно, иногда по волѣ пересказчиковъ, иногда по смѣшенію и забвенію; такое перенесеніе чаще всего обличаетъ поздній пересказъ, не имѣющій традиціоннаго значенія и не могущій представить новыя данныя

нія Боделя и др. См. еще l. c.: Et aqui mori Baudoyns Seyners del regne de Sagsueyna. Sardou l. c. p. 37 толкуетъ Sancsueyna=Saintonge! Не въ этой ли связи слѣдуетъ объяснить далѣе эпитетъ Сибиліи: sayna? Пров. saines=Саксонецъ. Въ другомъ мѣстѣ (ed. Sardou p. 29) Рамонъ Феро сравниваетъ красоту Hellenborca'и съ красотой Өсеиріи, Изольды (Ysent?), Тамары, троянской Елены, Юдиөи, Агари,

E la sayna Sebilia, de qui son man chantar.

Одинъ варіантъ замѣняетъ: savia вм. saina. Замѣтимъ въ числѣ чудесъ Гонората разказъ о невинно заподозрѣнной дѣвушкѣ Sebilia, l. c. 146—148.

къ возстановленію первичнаго типа сказанія. Но вопервыхъ, легенды о Гальянѣ, Сивиллѣ и Бертѣ относятся другъ къ другу какъ равноправныя, но какъ взаимно зависимыя; то, что̀ разказывалось объ одной, повторялось и о другой; въ одномъ и томъ же или почти томъ же сюжетѣ смѣнялись лишь имена. Эта смѣна меня и интересуетъ. Если она была случайная, то почему жь она происходила въ одномъ направленіи, не выходя изъ ряда нѣсколькихъ именъ? Я не отрицаю возможности возраженія, которое только что высказалъ самъ, и которое легко опереть, напримѣръ, на разказѣ Рамона Феро̀. Онъ, очевидно, зналъ повѣсть о Сивиллѣ въ редакціи сходной съ тою, которою пользовался Бодель: иначе не назвалъ бы ее и Бодуэна властителями Саксоніи. Онъ могъ помнить, съ другой стороны, разказъ о Сивиллѣ—Гальянѣ въ рецензіи Gran conquista de Ultramar и смѣшать оба разказа въ одно цѣлое, удержавъ обстановку одного (Conquista: плѣнъ Карла; крещеніе Сивиллы—Гальяны) и отношенія другаго (Бодель и др.: Сивилла выходитъ замужъ за Бодуэна). Ограничить ли въ данномъ случаѣ дѣло Феро̀ простымъ механическимъ сплоченіемъ, виновенъ ли онъ въ lapsus memoriae, или же слѣдуетъ предположить, кромѣ того, что у него былъ особый, незнакомый намъ источникъ сказанія — я не знаю; точно также трудно сказать, принадлежитъ ли автору Conquista двойственное наименованіе Сивиллы-Гальяны.

Подойдемъ къ нашему вопросу съ другой стороны. Замѣтимъ въ параллель къ предложеннымъ выше уравненіямъ чередованіе именъ Берты и Сивиллы въ нѣмецкихъ мѣстныхъ преданіяхъ.

Въ Швейцаріи (*Rochholz*, Naturmythen, Neue Schweizersagen, стр. 150) разказывается, что царица *Берта* жила въ Золотурнѣ; такъ какъ моста еще не было, то *она проходила черезъ Aare, какъ по суху*, при чемъ ея прислужница, чтобы достичь другаго берега, принуждена была ступать на спускавшееся сзади покрывало Берты.

У Lonnerstadt въ верхней Франконіи (Oberfranken) находится Eichwald; тамъ въ Wolfsgraben, въ семи моргенахъ отъ Thonbrücke, стоялъ когда-то замокъ мудрой *Сивиллы* (Sibilla weiss): еще теперь указываютъ на слѣды двора и моста и на колодезь родниковой воды. Старики еще разказываютъ, что та Сивилла была знаменитая пророчица, предсказывала войну, падежъ и будущее извращеніе нравовъ, когда женщины начнутъ одѣваться въ мужское платье, а мужчины будутъ носить Stölkelschuh. Все такъ и случилось. Когда, бывало, она отправлялась на Antoniberg, чтобы совершить тамъ молитву, *она*

избирала особый путь: по ложу Weissbach и по долинамъ. Куда она ступила, тамъ до сихъ поръ не садится ни роса, ни иней [1]).

Текская *Сивилла* была матерью трехъ братьевъ, что на Wieland-stein, лучшая и набожнѣйшая женщина въ свѣтѣ. Она жила въ глубокой пещерѣ на Текѣ, которая и до сихъ поръ носитъ названіе Сивиллиной. Она многое предсказала, о чемъ народъ помнитъ до сихъ поръ: кончину міра, великое побоище на Рейнѣ между Нѣмцами и Турками и т. п. Когда кругомъ будетъ война, на три часа вокругъ Тека будетъ тихо. Въ началѣ побѣжденные, Нѣмцы подъ конецъ все-таки побѣдятъ, потому что такъ предсказала Сивилла:

Zu Köln am Rhein
Soll des Türken Untergang sein.

Огорченная враждой своихъ сыновей, Сивилла покинула страну. Никто не знаетъ, куда она удалилась, но всякій годъ, когда начинаютъ зрѣть плоды, можно прослѣдить на разстояніи часа пути, черезъ Lauter у Dettingen, *направленіе ея повозки, на которой она могла переноситься по воздуху*. Тогда можно видѣть на полѣ широкіе слѣды колесъ, двухъ лошадей и собаки, бѣжавшей около повозки удалявшейся Сивиллы. Гдѣ этотъ слѣдъ прошелъ, тамъ зелень остается двумя недѣлями долѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; въ зрѣлости она не желкнетъ, а принимаетъ коричневый цвѣтъ; то же замѣчается на листьяхъ деревьевъ и виноградника. Плодъ съ этихъ мѣстъ превосходнаго вкуса. Этотъ слѣдъ слыветъ въ народѣ *колеей Сивиллы*. Одинъ изъ ея сыновей поселился по близости ея, на Teckberg; говорятъ, что отъ этого перваго герцога ведетъ свое начало королевскій виртембергскій домъ [2]). Циммерская хроника (III, 276) пріурочиваетъ къ Виртембергу и Берту, прогоняющую гусей. Всѣ могли замѣтить, что прохожденіе Берты по Аарѣ и Сивиллы по руслу Вейсбаха или по воздуху—одинъ и тотъ же въ сущности мотивъ, воспроизводящій извѣстный эпизодъ крестной легенды.

Намъ остается теперь обратиться къ свидѣтельству нѣмецкаго народнаго преданія о миѳической Бертѣ, черты которой были однимъ изъ поводовъ отождествить Берту романовъ съ Pedauque — Сивиллой церковнаго портала.

---

[1]) *Panzer*, Baierische Sagen II, 54; сл. ibid. 309, 425 и ссылка на *Schmeller*, Baier. Wb. IV, 181 и Deutsche Myth. 631; Panzer ib. II, 100, 101.

[2]) *Meier*, Deutsche Sagen, Sitten und Gebräuche aus Schwaben, I стр. 22—24; ib. стр. 25: другія сходныя преданія о той же Сивиллѣ. Сличи. *Bechstein*, Deutsches Sagenbuch № 902.

Образъ Берты принадлежитъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, къ циклу тѣхъ миѳическихъ личностей, которыя, возстановленныя миѳологами изъ средневѣковыхъ и современныхъ народныхъ повѣрій, вмѣнены ими древнѣйшему, дохристіанскому вѣрованію Германскаго племени. Но эти повѣрья отразили на себѣ, въ сильной степени, вліянія христіанскихъ представленій, почему бываетъ затруднительно отдѣлить въ нихъ мѣру послѣдняго элемента отъ скрывающейся подъ нимъ, или только предполагаемой, языческой основы. Обыкновенно оба элемента представляются въ смѣшеніи, хотя неравномѣрномъ и при различныхъ условіяхъ, которыя необходимо принять въ разчетъ при критикѣ народно-религіознаго преданія. Часто языческое повѣрье сохранялось цѣликомъ и только видимо принимало христіанскій обликъ, обставляясь именами, заимствованными изъ святцевъ, либо Евангелія. Наоборотъ, могло случиться, что лица евангельской, легендарной исторіи, почему бы то ни было овладѣвали народною фантазіей, не пріурочиваясь къ ея языческому прошлому, но по необходимости подчиняясь миѳическому строю мысли средневѣковаго человѣка. Онъ понималъ ихъ конкретнѣе, приближалъ ихъ къ себѣ, представляя ихъ въ настоящемъ или временномъ общеніи съ собою. Церковь безсознательно вызывала такое пониманіе годичнымъ чередованіемъ своихъ празднествъ, посвященныхъ воспоминанію того или другаго евангельскаго событія, чествованію того или другого святаго. Воспоминаніе преобразилось, по пріемамъ миѳическаго мышленія, въ дѣйствительное повтореніе событій, въ періодическое появленіе на землѣ святыхъ, Іисуса Христа и апостоловъ. О нихъ говорили, что они также являлись людямъ и странствовали между ними въ урочную пору года, какъ, по глухому преданію, странствовали языческіе боги. Между тѣми и другими, христіанскими и языческими „обходами" трудно провести черту раздѣла, опредѣлить ихъ отношенія и мѣру взаимнаго вліянія. Такъ могли совершенно самостоятельно происходить христіанскіе миѳы [1]).

Особенно большую пищу доставляли фантазіи евангельскія событія, ежегодно воспоминаемыя церковью въ періодъ отъ 25-го декабря до 6-го января, отъ навечерья Рождества до Богоявленія-Эпифаніи

1) *Mannhardt*, Weihnachtsblüthen, стр. 99: Noch ist die Untersuchung darüber nicht abgeschlossen in welchem Verhältniss diese christlichen Zwölften zu den Twelf nights des Heidenthums stehen.

или праздника трехъ царей-маговъ, какъ онъ зовется на западѣ [1]). Стоило только перевести эти факты культа въ выраженія миѳической фантазіи, воспоминаніе о событіяхъ замѣнить ихъ повтореніемъ, и миѳъ былъ готовъ. Каждый годъ, въ одну и ту же пору разносилась по землѣ радостная вѣсть, что Спаситель гдѣ-то народился въ скромной долѣ, въ ясляхъ; что ангелы на небѣ воспѣли ему хвалу, пастухи пришли поклониться ему; что необыкновенная звѣзда показалась съ востока, путеводя трехъ царей-маговъ, которые идутъ издалека, чтобы лицезрѣть божественнаго младенца и принести ему символическіе дары. Все это не только проповѣдывалось ежегодно въ церкви, но и представлялось въ конкретныхъ драматическихъ образахъ: въ церкви являлись ясли, въ которыхъ лежалъ родившійся младенецъ, маги шествовали по храму, ведомые звѣздой; они приносили дары и поклоненіе; ангелъ обращался къ нимъ съ рѣчью, пастухи пѣли: миръ на землѣ [2]). Эта образность дѣйствовала на простого человѣка; оттого, выйдя изъ церковныхъ вратъ, рождественская процессія скоро становилась народною, усвоиваясь въ формахъ конкретно-народнаго мышленія; народная драма о трехъ царяхъ-магахъ была въ ходу въ округѣ Констанца уже въ XIV вѣкѣ [3]); далекое отраженіе ея мы и теперь можемъ видѣть въ рождественскихъ играхъ, святочномъ колядованіи, въ мальчикахъ, играющихъ роль царей-маговъ и т. п. [4]). Между литургическою драмой, приросшею къ фор-

---

[1]) Италіанское Epifania (или giorno, festa de ' tre re magi), Befania (тоск.), Beffana (рим.), Piffania (парм.), Pasqua-Pefania (венец.), tufánia (сиц.=theophania), старо-франц. teffaigne, thiefane, tiphayne, tipheyne, tiefane (=theophania); le jour des rois или les rois; исп. dia de reyes, la adoracion de los santos reyes; катал. le festa dels reys; порт. dia de reis, festa dos reis.

[2]) См. *Éd. du Méril*, Origines lat. du théat. moderne p. 151 — 171; Delisle, Les Mystères des rois Mages dans la Cathédrale de Bésancon (Romania XIII, 1—6); El misterio de los Reyes Magos въ Jahrb. f. rom. u. engl. Lit. XII, 1. Сл. *Mannhardt*, l. c. 115, 123 seqq.; *Collin de Plancy*, Legendes du Calendrier 79—80 и описаніе празднества трехъ царей въ Миланѣ (въ 1340 г.) у Gualvano de la Flamma Chron. у *Muratori*.

[3]) *Birlinger*, Aus Schwaben II, p. 28.

[4]) О народн. франц. игрѣ *as roys et as roines* говоритъ въ XIII в. Adam de la Halle. Въ нее играютъ *«as estrines, Entour la veille de Noël»*. Иначе она зовется: à saint Coisne. Одинъ изъ играющихъ представляетъ собою царя (St. Coisne?), его садятъ, а другіе играющіе приносятъ ему дары. Каждый изъ нихъ говоритъ: Tenes, saint Coisne, che present, или che biau don и т. д. Главное

мамъ культа, и нынѣшними святочными играми, утратившими сознаніе о своемъ исконномъ значеніи, совершался постепенно процессъ осложненія и пріуроченія, обратившій христіанскую легенду въ своеобразный *миѳъ*, который мы можемъ назвать *рождественскимъ*. Его циклическій характеръ объясняется не столько памятью объ языческихъ Zwölften, сколько измѣненіями христіанскаго календаря. Извѣстно, что до половины IV вѣка день *Крещенія* (Богоявленія, Эпифаніи) чествовался и какъ день *Рожденія* Спасителя; только послѣ этого времени памятованіе послѣдняго событія отнесено было на двѣнадцать дней раньше, то-есть, на 25-е декабря; названіе *Эпифаніи* распредѣлялось между тѣмъ и другимъ праздникомъ [1]). Вмѣстѣ съ перенесеніемъ церковнаго праздника должно

условіе при этомъ—не смѣяться, иначе царь предъявитъ серьезныя претензіи на предлагаемый ему подарокъ. Huars сулитъ ему двѣ марки:

Li rois: Vous le deves.
Huars: Or tout coi, point ne vous leves
Car encore n'ai je point ris.

Эта рождественская игра, о которой упоминаетъ Раблэ (I, 22: à saint Cosme, je te viens adorer), очевидно, травестія церковной игры, въ которой дѣйствующими лицами былъ родившійся Спаситель и волхвы (св. Козьма 18-го декабря? Al disdoto Jan Cosmo Benedeto. *Bernoni*, Preghiere popol. venez. № 38, p. 28). Замѣтимъ, что и въ Безансонскомъ рождественскомъ ритуалѣ клерикъ, игравшій роль Спасителя, назывался царемъ (rois). Gröber (Altfranzösische Romanzen u. Pastourellen) сравниваетъ съ этимъ показаніемъ Adam de la Halle упоминаніе въ старо-франц. пастуреляхъ игры въ «царя что не лжетъ». Судя по описанію ея, она едва ли имѣетъ что-либо общее съ описанною выше. Сл. p. 19: «Auch anderer Spiele der Schäfer wird in diesen Pastourellen gedacht, Z. B. des Spiels «vom König, der nicht lügt», das auch Adam de la Halle in seinem Pastourellendrama Robin und Marion vorführt und das darin besteht, dass einem zum König erwählten Schäfer allerlei verfängliche Fragen vorgelegt werden, deren wahrhaftsgetreue Beantwortung, die ihm vorgeschrieben ist und die er nur durch besondere Geschicklichkeit umgehen kann, für ihn beschämend ist und die ihm der andern Spott zuzicht». Сл. игру въ *roi qui ne ment* у Jean de Condé, Li sentiers batus (въ Dits et contes de Baudouin de Condé et de son fils Jean de Condé, ed. *Scheler*, t. III: Jean de Condé vv. 24—28):

une roïne fistrent
Pour jouer «au roy qui ne ment»,
Elle s'en savoit finement
Entremettre de commander
Et de demandes demander и т. д.

[1]) См. *Ducange* Glossar. s. v. Подробности см. у *Augusti*, Denkwürdigkeiten aus der christlichen Archäologie I, 212 seqq., особенно 217; у *Paulus Cassel*,

было совершиться и перенесеніе народныхъ обрядовъ: но оно никогда не совершалось вполнѣ: многія обрядности остались за старымъ праздникомъ Рождества (6-го января), другія подѣлились между старымъ и новымъ, наполняя собою 12-ти-дневный промежутокъ, ихъ раздѣлявшій, сообщая ему одинъ общій символическій характеръ. Такимъ образомъ, благодаря календарному смѣшенію, образовался одинъ общій праздничный циклъ, обнимавшій дни отъ 25-го декабря до 6-го января: настоящія христіанскія Zwölften. Такъ было на западѣ, такъ было и у насъ, гдѣ обычай колядованія распространяется на все это время, гдѣ малороссійскія щедривки (наканунѣ новаго года) воспроизводятъ или повторяютъ сюжеты рождественскихъ колядокъ и т. п. Главныя идеи и символы этого народнаго цикла заимствованы изъ содержанія празднества, распредѣлившагося, какъ мы видѣли, между двумя днями; далѣе эти идеи и символы осложнились — по аналогіи параллелизму, подъ вліяніемъ сосѣдства. Событія и святые, чествованіе которыхъ падало на какой-нибудь день между Рождествомъ и Богоявленіемъ (Trois rois), или въ дни ближайшіе къ этимъ праздникамъ, привлечены были къ торжественному шествію волхвовъ и пастуховъ [1]). Такимъ образомъ, св. Стефанъ (7-го января или 26-го декабря), св. Луція (13-го декабря), младенцы, избіенные Иродомъ (28-го декабря, прежде 6-го января), св. Николай (5-го января) и апостолъ Ѳома (26-го декабря), крестившій, по сказаніямъ, трехъ царей-маговъ, и др. вовлекались въ кортежъ, который представлялся шествующимъ по землѣ, возвѣщая людямъ благодать новаго закона, укрѣпляя ихъ въ вѣрѣ, расточая награды вѣрнымъ и честнымъ и грозя карой злымъ и невѣрующимъ. Иногда самъ младенецъ Христосъ являлся дѣйствующимъ лицомъ; образъ божественнаго младенца долженъ былъ издавна сообщить этимъ празднествамъ, помимо ихъ общечеловѣческаго значенія, характеръ спеціально дѣтскаго праздника. Съ ослабленіемъ миѳическаго сознанія въ массѣ, онъ и остался съ такимъ характеромъ, и теперь одни дѣти ждутъ со страхомъ и надеждой посѣщенія св. Николы или Ѳомы и ихъ таинственныхъ спутниковъ.

Weihnachten, Ursprünge, Bräuche und Aberglauben. Berlin 1861, и *Zappert*, Epiphania въ *Sitzungsberichte der phil. hist. Cl. der Kais. Akad. d. W. in Wien*, 21-er B., Jahrg. 1856, Heft. 1—III. Сл. впрочемъ: *Hampson*, Medii aevi Calendarium II: Epiphania.

[1]) Во Франціи дается названіе «les petis Rois» всѣмъ святымъ, чествуемымъ въ періодъ отъ Рождества до Богоявленія. См. *Rochholz*, Naturmythen, 3.

Между этими спутниками мы остановимся на одномъ лицѣ, созданіе котораго исключительно принадлежитъ фантазіи средневѣковаго христіанина: на олицетвореніе праздника, которымъ нынѣ знаменательно заканчивается рождественскій циклъ; прежде это несомнѣнно было олицетвореніе Рождества, или вообще, *святокъ*. Итальянская Befana, какъ извѣстно, ни что иное, какъ Эпифанія, то-есть, Богоявленіе или праздникъ трехъ царей. Она изображается высокою старухой, одѣта въ черномъ, у нея лицо въ сажѣ, потому что въ тотъ часъ, когда *народился* Іисусъ Христосъ, она спускается черезъ трубу, чтобы принести лакомства добрымъ дѣтямъ, а неблагонравныхъ наказать тростью, которую она держитъ въ рукѣ [1]). Въ Брешіи она носитъ названіе bcròla, въ Фріули — Redodese или Aredodese: dar или pagar l'aredodese то же, что въ Тосканѣ и въ Римѣ: dar la befana или far ad alcuno la befana; то и другое говорится о подаркахъ, дѣлаемыхъ дѣтямъ на святкахъ. Таинственное явленіе Бефаны, ея страшный видъ объясняютъ, почему въ Венеціи ее называютъ *la dona bruta*, или *la veccia* (bergam. Ecia) то-есть, старухой [2]); въ Падуѣ: strega, въ Виченцѣ: stria, въ Венеціи также: *marantega* [3]). Во французскомъ Эльзасѣ то же олицетвореніе явилось въ

---

[1]) *Liebrecht*, Otia Imperialia, p. 184 note.

[2]) *V. Düringsfeld*, Volksthümliche Benennungen von Monaten und Tagen bei den Romanen въ *Jahrb. f. rom. und engl. Literat.* V, 375.

[3]) Я одолженъ этими свѣдѣніями рукописнымъ сообщеніямъ Ѳимлія Тедзы, профессора Пизанскаго университета. Они исправляютъ и дополняютъ сказанное въ текстѣ объ итальянскихъ рождественскихъ обрядахъ. «Въ Падуѣ, Виченцѣ и Венеціи», пишетъ онъ мнѣ,—«наканунѣ Ѳпифаніи дѣти вѣшаютъ къ очагу чулокъ; имъ разказываютъ, что ночью спустится по трубѣ la strega (вѣдьма), дающая знать о своемъ прибытіи бряцаніемъ цѣпей; на другое утро чулокъ оказывается полнымъ конфектъ и плодовъ; къ нимъ присоединяютъ иногда, ради шутки, или въ связи съ легендами о загробныхъ хожденіяхъ—кусочки угля и золу. Я, можетъ быть, не ошибусь, сближая *marántega* съ *madre antica* (по венец. mare antiga), хотя различное удареніе и затрудняетъ такое сближеніе.. Помнится, что въ Венеціи о старухѣ говорятъ: «она черна какъ Redodese» (è nera vecchia come la Redodese); я по крайней мѣрѣ не слышалъ, чтобы произносили Aredodese, и не помню выраженій: dar или pagar la Redodese (какъ то утверждаетъ v. Reinsberg-Duringsfeld). Ѳпифанія (Крещеніе) приходится *на 12-й день* по Рождествѣ; сближая *Redodese* съ *dodese* (венец.=двѣнадцать, ит. dodici), я предлагаю, съ нѣкоторымъ страхомъ, этимологію, которая инымъ покажется нѣсколько фантастичною». Въ другомъ своемъ письмѣ, проф. Тедза присоединилъ къ сообщеннымъ выше новыя свѣдѣнія, собранныя имъ по моей просьбѣ. Такъ, по указаніямъ Тирабоски, автора словаря нарѣчія Бергамо, въ

другомъ образѣ: тамъ вѣруютъ въ обходы Dame de Noël, которая является вся въ бѣломъ, подъ покрываломъ, съ золотою короной или вѣнкомъ изъ цвѣтовъ на головѣ [1]). Въ южной Германіи день Эпифаніи зовется Perchtag, Prechtag, Brechentag (въ Цюрихѣ) [2]); уже въ одной старо-верхне-нѣмецкой глоссѣ theophania передана такъ: giperahta nacht, то-есть, *свѣтлая*, отъ небеснаго свѣта, объявившагося пастухамъ во время рожденія Спасителя (въ греч. церкви: τὰ ἅγια φῶτα, ἡμέρα τῶν ἁγίων φώτων=Эпифанія). Средневѣковыя нѣмецкія грамоты помѣчаютъ годы дательнымъ падежемъ отъ Perchtentag, Perchtennacht: zi demo perahtin taga, zi deru Perahtûn nacht и т. п. Впослѣдствіи эти выраженія грамматически были поняты такъ, что говорилось о ночи, днѣ Берты, и Берта явилась такимъ же олицетвореніемъ праздника какъ Befana-Epiphania Италіанцевъ [3]). Такою вступаетъ она и въ нѣмецкій рождественскій кортежъ: то съ этимъ именемъ (Bertha, Berchta въ южной Чехіи; Frau Berch или Perch въ верхней Австріи; Eisenberta въ Mittelfranken, Pertha у Словинцевъ въ Каринтіи; Berchtel въ Швабіи, Perchtel въ Тиролѣ; Buzebercht въ окрестностяхъ Augsburg'а; вообще Berta, Berhta въ Vogtland'ѣ, Ostfranken, Баваріи и Швабіи), то въ мужскомъ образѣ Ruprecht'а [4]), Rubbert'а, Berchtold'а [5]), Bartel'я, тирольскаго Beatrik'а [6]), морав-

округѣ Брешіи—*vècia* зовется кукла изъ тряпокъ, которую носятъ въ ночь на Эпифанію, а въ самый день праздника выставляютъ въ окнахъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ этотъ обрядъ совершается въ половинѣ великаго поста; такъ, въ области Бергамо, гдѣ кукла зовется *vègia*, тогда какъ для тосканской *Befana'ы* (= олицетвореніе Эпифаніи) нѣтъ особаго названія. Въ Gazzaniga и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ провинціи Бергамо дѣтямъ говорятъ, что въ ночь наканунѣ Эпифаніи цари-волхвы являются верхомъ на высокихъ, статныхъ коняхъ и одаряютъ послушныхъ дѣтей, оставляя свои дары въ башмакахъ, которые нарочно для того выставляются на окнахъ.

[1]) *Herts*, Deutsche Sage in Elsass, p. 47.

[2]) Въ сѣверной Швейцаріи «ist Bechtelistag der zweite oder, wenn Neujahr auf Sonnabend fällt, der 3-e Januar». *Grimm*, D. M. 3 A. I, 257. *Rochhols*, Schweizersagen aus der Aargau I, 200, 236, 242.

[3]) *Grimm*, D. M. I, 259, *Schmeller*, Baier. W. 2-e. A.: Berchta.

[4]) Im augsburgischen «'s Jahr ein Mal» v. 1764 heisst es unterm Monat December: «Jo ist auch ein schändlich Spotten—dass des Christkindleins zween Vorbothen,—die *Bercht* und *Ruprecht* seyn — Die sich der Zeit auch stellen ein. См. *Schmeller*, Baier. Wb. n. A.: Berchta.

[5]) См. *Runge*, Der Berchtoldstag in der Schweiz: женская форма имени (въ Швабіи): Brechtöldere.

[6]) См. *Liebrecht* къ *Schneller's* Märchen und Sagen aus Wälschtirol въ *Heidelberg. Jahrb.* 1868, p. 311 (Beatrik=Bertarich).

скаго Šperechta'ы [1]). Иногда вмѣсто Берты является Богородица, согласно со смысломъ празднества, объясняющимъ, между прочимъ, и появленіе въ рождественскихъ обходахъ св. Іосифа; въ Баваріи, нѣмецкой Чехіи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Венгріи, Тироля и Швейцаріи, въ Далмаціи, въ областяхъ Бергамо и Брешіи мѣсто ея заступаетъ святая *Луція* (празднуется 13-го декабря), frau Luz, Lucka [2]), то-есть, *свѣтлая*, совершенно согласно съ этимологическимъ значеніемъ имени Берты=свѣтлой. Это первоначальное значеніе не удержалось за нею: какъ всѣ участники святочнаго цикла, такъ и Берта, и замѣняющія ее лица являются то милостивыми (milde Berta), то карающими, и потому страшными (wilde Berta). Согласно съ этимъ видоизмѣняется и ея образъ, разростаясь иногда до самаго фантастическаго и ужаснаго. Въ Чехіи говорятъ о щеголѣ: chodí jako Perchta; въ округѣ Зальцбурга она показывается въ голубомъ платьѣ съ вѣнкомъ изъ погремушекъ (Schellenkranz): она поетъ и пляшетъ [3]); но она же является пугаломъ, желѣзная, съ длиннымъ носомъ, въ черныхъ лохмотьяхъ и съ зачерненнымъ лицомъ (Buzebercht)—dona bruta венеціанскаго повѣрья: у нея въ рукахъ помело, либо буравъ, или кочерга; въ нѣмецкой Каринтіи вѣрятъ, что она носится по воздуху во главѣ дикой охоты [4]); въ Mölthal'ѣ ее представляютъ себѣ чу-

---

[1]) *Feifalik*, Perahta bei den Slaven въ *Zeitschrift f. d. Myth.* IV, 388—9.

[2]) *Grimm*, D. M. прим. на стр. 1212 къ стр. 251; *Rochholz*, Schweizers. a. d. Aargau II, 182—3; *Schröer*, Mythische Gestalten im Presburger Volksglauben въ *Zeitschr. f. d. M.* II, 425; *J. v. Düringsfeld*, Aus Dalmatien, Prag. 1857, III, 199; *Zingerle*, Sitten, Bräuche und Meinungen d. Tiroler Volkes 2 Aufl. p. 181; *Feifalik*, Perahta bei den Slaven l. c. IV, 388; Ilić. Nar. slav. običaji p. 93: «Narod pripovêda, da onaj, koji na svetu Luciu (13 Prosin.) pričme stolac pravit, i svaki dan po nêsto na njem radi, tako, da ga na badnjak na večer dovêrši; onaj ako bude kod polnoćke na njem u cérkvi sêdio ili stajao, poznat će svaku ženu koja je vêštica i mòra» (связь Луціи съ Рождествомъ).

[3]) См. *Weinhold*, Weinachtsspiele 20. Сл. *Schmeller*, Baier. Wb. n. A. Berchta: «Sicut domina Perchta, quae, cum deberet intrare cubiculum suum et orare deum in die dominica, vadit huc et illuc sicut musca ostendens vultum pictum et pulchra vestimenta, tendens laqueos ad capiendum animas juvenum»; «Domina Perchta in speculo suo contemplatur faciem suam».

[4]) Срав. суевѣрія: «De mulieribus quae cum Diana dicunt se ire de nocte super quasdam bestias» и др. у Schmeller'a l. c. Вмѣсто Діаны является иногда Иродіада: «cum Dyana... vel cum Herodyade»; «cum Diana paganorum dea vel cum Herodiade et Minerva»; «de dea Diana, Herodia vel Minerva»; «qui credunt quod Diana, quae vulgariter dicitur *fraw Percht*, cum exercitu suo solet ambulare per multa spatia terrarum».

довищною, безголовою женщиной, или съ головой, изъ которой выставились два глаза, какъ двѣ большія оконницы. Ей приносятъ въ даръ сало, колбасы, муку и др., окуриваютъ домъ святыми травами и на дверяхъ дѣлаютъ знакъ креста. Когда одинъ крестьянинъ позабылъ эту предосторожность, Berchta унесла его ни вѣсть куда, и на другой день нашли его трупъ съ невиданными цвѣтами на рукахъ и на ногахъ. Въ навечерье Богоявленія ей оставляютъ хлѣбъ и молочную лапшу (gefüllte Nudeln); если Берта пріидетъ и попробуетъ, годъ будетъ урожайный. То же повѣрье въ Vordenberg'ѣ (въ Штиріи): хозяева выставляютъ въ сѣни для Berchtl молоко и хлѣбъ, отъ которыхъ сами пробовали; всѣ внутреннія двери запираются, и пища изчезаетъ къ другому дню [1]). Въ Тиролѣ, въ ночь наканунѣ Эпифаніи также оставляютъ часть ужина для Stampa'ы, Gsanga'и или для Perchtel. Когда всѣ улягутся спать, она пріидетъ со своими дѣтьми и отвѣдаетъ отъ кушанья. Чтобъ она не причинила какого вреда дѣтямъ, надо уложить ихъ спать на полу и поверхъ ихъ поставить колыбель. Perchtel является древнею старухой: она—жена Пилата, осужденная блуждать до страшнаго суда [2]). Когда вмѣсто нея является Богородица съ младенцемъ Христомъ, тогда сосудъ съ молокомъ приготовляется для нея. Кто-то не хотѣлъ вѣрить этому посѣщенію, спрятался въ бочку и готовился подсмотрѣть ее. Около полуночи явилась Богородица съ божественнымъ младенцемъ на рукахъ, окруженная такимъ свѣтомъ, что можно было разглядѣть на полу мелкую монету. По мановенію ея руки, тотъ человѣкъ ослѣпъ и такимъ и остался на всю жизнь [3]).—„Vetula dixit ad pueros suos: quod domina Perchta in curru vehatur maximo strepitu. Exploraturus quidam, an nocte domina Perchta re vera comederet sibi apposita, fascinatus et delirus factus" [4]). Цѣлый рядъ повѣрій объясняетъ цѣль этихъ го-

[1]) *Lexer*, Volksüberlieferungen aus Kärnten und Steiermark въ *Zeitschr. f. deutsche Mythol.* IV, 299 — 300. Другія свидѣтельства объ обычаѣ оставлять Бертѣ пищу въ ночь на ея праздникъ собраны у Шмеллера, Baier. Wb. a v. Berchta. Интересно слѣдующее отождествленіе: «videant qui in certis noctibus, ut epiphaniae *pericht* (Perichti), alias dominae *habundiae* vulgariter *phincsen* (pfintzn) oder *sack semper* ponunt cibos vel potus aut sal, ut sit isto anno huic domui propitia et largiantur satietatem et abundantiam, unde et *Habundia* vel *Sacia* vocatur» ib.

[2]) *Zingerle*, Sitten, Bräuche und Meinungen d. Tiroler Volkes 2-e Aufl. 127—8; 186.

[3]) L. c. 189.

[4]) *Schmiller* l. c. Berchta.

дичныхъ посѣщеній: обходя на святкахъ (Zwölften) людскія жилища, Берта смотритъ, все ли тамъ въ порядкѣ, въ порядкѣ ли пахотный снарядъ, и грозитъ наказаніемъ нерадивому работнику. Особенное вниманіе обращаетъ она на пряжу и пряхъ. Она является въ горницу къ пряхамъ, не соблюдающимъ посвященныхъ ей дней, или бросаетъ имъ въ окна пустыя веретена, съ приказомъ — обмотать ихъ къ извѣстному сроку; стращаетъ женщинъ, чешущихъ (hacheln) и прядущихъ наканунѣ Эпифаніи; отсюда тирольское повѣрье: если къ Рождеству не смотать съ прялокъ до-чиста, то Perchtl будетъ гнѣздиться въ пряжѣ. Или: работа пряхъ должна быть кончена къ масляницѣ (Fastnacht), послѣ чего странствованія Берты прекращаются [1]). Прилежныхъ работницъ она одаряетъ прекраснымъ льномъ; лѣнивымъ оскверняетъ пряжу. Въ Швейцаріи она является на святкахъ въ образѣ охотницы (Jägerin), съ волшебнымъ жезломъ въ рукѣ, грозитъ непослушнымъ дѣтямъ, дому, гдѣ есть не допряденный ленъ, или тѣмъ, что̀ отстали отъ старой простоты нравовъ. По ея приказанію кобольды понукаютъ къ дѣлу лѣнивыхъ работниковъ, стаскиваютъ съ нихъ одѣяло и сбрасываютъ горшокъ молока съ головы дѣвушки, полѣнившейся причесаться. Оттого не чесанныя дѣти зовутся въ тирольскомъ Innthal'ѣ—Bechteln [2]).— Она требуетъ, чтобы люди употребляли въ посвященные ей дни ея любимую *постную* пищу (рыбу и овсяную кашу; knödel — клецки? и сельдей и т. п.); оттуда ея названіе въ Эльзасѣ и Баденѣ: *Frau Faste*, *Fronfastenfrau* [3]); кто оскоромился, тому она распоретъ животъ, вынетъ от-

---

[1]) «Nach Montanus erscheint die Bertha auch zur Fastnacht; er sagt p. 23: Der Festtag ist der Donnerstag vor Fastnacht... Bis zu diesem Tage muss die fleissige Spinnerin allen Flachs vom Rocken gesponnen haben, sonst grollt ihr Berhta, die einherzieht, um die braven und fleissigen zu belohnen und die verkehrten und Trägen zu bestrafen. Finden die Burschen am *Zimbertstage* irgend Flachs auf dem Wocken, so zünden sie den an. Auch gilt dies die ganze Fastnacht hindurch wie in den dreizehn Tagen der Weihnächte». *Kuhn*, Sagen, Gebraüche u. Märchen aus Westphalen, II § 7.

[2]) См. объ этихъ повѣрьяхъ *Runge* l. c. p. 12—14; *Panzer*, Baier. Sagen II, 116; *Zingerle* l. c. 185, 186; *Weinhold*, Weihnachtsp. 11—12, 19 seqq.

[3]) См. между прочимъ *Rochholz*, Naturmythen p. 139. Къ Fraufasten я еще возвращусь. «Nâch wîhen nehten aht tage, den man da heizet ebenwîhe, do man ezzen wolt ze naht, do sprach der wirt ze sîme gesinde: Ir sult *vast ezzen*, daz ist mîn bete, daz iuch Berhte nicht trete». V. d. Hagen Gesammt-Abent. LIV y *Schmeller* l. c.

туда съѣденное, наполнитъ его сѣчкой (льномъ и т. п.) и зашьетъ желѣзною цѣпью вмѣсто нитки, плугомъ вмѣсто иглы [1]). То же разказывается на Моравѣ о Шперехтѣ: онъ вооруженъ буравомъ, которымъ грозитъ распороть животъ непослушнымъ дѣтямъ, либо тѣмъ, которыя поторопились съѣсть лакомства, данныя имъ св. Николаемъ (6-го декабря). Или онъ ходитъ съ ножемъ, отрѣзаетъ непокорнымъ дѣтямъ пятки и натираетъ ихъ солью [2]). Въ Швабіи, гдѣ обходы Berchtel соединены съ обходами св. Николая, она наказываетъ розгою лѣнивыхъ ребятъ и приноситъ лакомства прилежнымъ. То же разказывается въ Чехіи о св. Лучіи (Lucka, d'Lucia) въ навечеріи 13-го декабря: у нея птичій носъ, какъ и Берта изображалась съ длиннымъ желѣзнымъ носомъ [3]). Въ Тиролѣ [4]) она преимущественно одаряетъ дѣвочекъ, какъ св. Николай мальчиковъ. Въ Пресбургскомъ округѣ [5]) она носитъ на головѣ воронкообразное молочное сито и поверхъ него простыню, въ рукѣ метелку изъ перьевъ (Federwisch), которымъ она обметаетъ пыль съ мебели, или веретено. Въ округѣ Будвейса ее представляютъ себѣ страшною видомъ, съ буравомъ въ рукѣ, которымъ она грозитъ тѣмъ, кто не даетъ ей, чего она проситъ [6]). Въ Баваріи [7]) она, подобно Бертѣ, грозитъ распороть животъ дѣтямъ, наѣвшимся на ночь не въ мѣру, и наполнить его камнями (Kieselsteine).

Если отвлечь отъ этихъ сказаній о Бертѣ-Лучіи что̀ привилось къ нимъ случайно или одолжено своимъ происхожденіемъ безцѣль-

---

[1]) *Runge*, l. c. 14: *Panzer*, Baier. Sagen u. Bräuche I, 247. «Nach Kohlbrunners Materialien v. 1782 p. 72 pflegt man in den Gebirgen um Traunstein den Kindern am Vorabend Epiphaniae zu drohen, dass die *Berche* kommen und ihnen den Bauch aufschneiden werde, wenn sie bös sind. An diesem Tage sey es auch gewöhnlich, fette Kuchen zu backen und die Knechte sagen, man müsse sich damit den Bauch schmieren, dann werde die Frau Berche mit dem Messer abglitschen. Cf. *Muchar's* Gastein p. 145». *Schmeller*, Baier Wb.: Berchta. Иначе мотивируется это въ слѣдующемъ преданіи: «ist das obersteirische Haus am Kristabend nicht rein gefegt, so schneidet die Perchtel den faulen Dirnen den Bauch auf und füllt Kehricht hinein; darum hat sie Besen, Nadel und Schere bei sich». Weinhold, Weihnachtsspiele 11.

[2]) *Feifalik*, Perachta etc. 388.

[3]) *v. Düringsfeld* l. c. 377—8; *Schmeller*, Baier. Wb.: Berchta.

[4]) *Zingerle*, l. c. 181.

[5]) *Schröer*, l. c. 425.

[6]) *Feifalik*, Perachta l. c. 389.

[7]) *Rochholz*, Schweizersagen a. d. Aargau II, 182—3.

ному фантастическому развитію (въ смыслѣ усиленія страха и т. п.), то основа ихъ кажется мнѣ слѣдующая. Берта-Лучія является олицетвореніемъ святочныхъ праздниковъ; она смотритъ, чтобы посвященные ей дни наблюдались свято. Въ этомъ главная цѣль ея обходовъ; этимъ опредѣляется ея гнѣвъ или милость. Оттого она требуетъ, чтобы люди употребляли лишь посвященную ей, постную пищу—въ противномъ случаѣ грозится распороть имъ животъ. То же самое представленіе соединяется съ итальянской Бефаной—Эпифаніей: „La sera della Befana le mamme facevano dire ai bambini impauriti:

Befana, Befana, non mi bucare:
Ho mangiato *pane e fave*,
Ho il corpo duro duro
Che mi suona com'un tamburo.

Era la giaculatoria prima d'addormentarsi; e lo facevano, perchè soleva darsi ad intendere a'bambini, che la notte della vigilia della Epifania, a mezza notte in punto, veniva la Befana a bucar la pancia a'bambini cattivi [1]).

Берта требуетъ также, чтобы святость ея дней не нарушалась мірскою работой. Оттого она ходитъ по домамъ и пугаетъ излишне усердныхъ пряхъ, засидѣвшихся за работой: портитъ имъ кудель, задаетъ неисполнимые уроки. Если ея вниманіе обращено преимущественно на пряжу и пряхъ, то это отношеніе объясняется естественными требованіями символизма: какъ женщинѣ, Бертѣ особенно прилично смотрѣть за женскимъ трудомъ. Нѣмецкіе и французскіе народные обычаи указываютъ на почву, на которой сложилось это повѣрье. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи принято на святкахъ (Die Zwölften: отъ 25-го декабря до 6-го января) не предпринимать никакой работы и особенно не прясть; дни эти считаются несчастными: что ни начали бы въ нихъ дѣлать, ничто не удается [2]). Въ эту пору не слѣдуетъ вывозить навозъ изъ стойла и ѣсть мяса: первое вредно для скота, отъ втораго заболѣютъ люди [3]): „Ne pas faire la lessive.... depuis Noël jusqu'aux Rois.... ni les vendredis, de

---

[1]) *Fanfani*, Voci e maniere del parlare fiorentino. Firenze, tipograf. d. Vocabolario 1870: Befana.

[2]) *Runge* l. c. 10; *Kuhn* u. *Schwarz*, Norddeutsche Sagen 406—12; *Meier*, Sagen aus Schwaben 468, 472 слѣд.

[3]) *Panzer* l. c. I, 264.

crainte qu'il n'arrive quelque malheur" [1]). Не слѣдуетъ ни ѣздить въ телѣгахъ, ни возить тачки, ни прясть, ни молотить, ни шить; изъ нитокъ, которыя прядутъ въ эту пору, дьяволъ вьетъ узы, или онѣ спутываются; если пряжу въ это время оставить на прялкѣ, то на слѣдующій годъ на ленъ будетъ неурожай [2]). По англійскому повѣрью дьяволъ разрѣзаетъ пряжу, оставшуюся не смотанною наканунѣ Рождества, почему совѣтуютъ посолить её для предохраненія. Нерадивыя дѣвушки боятся, что такія не смотанныя прялки послѣдують за ними въ церковь въ день свадьбы. Англійское названіе для дня, слѣдующаго за Эпифаніей: Rock day (день прялокъ; также St. Distaff's day=день св. Прялки) показываетъ, что запретъ женскаго труда распространялся и тамъ, какъ въ другихъ странахъ, на всѣ святки: въ этотъ день женщины могли снова приняться за работу, что̀ давало поводъ къ народной игрѣ: мужчины старались поджечь пряжу, женщины отбивались, обливая противниковъ водою. Понедѣльникъ, слѣдующій за Богоявленіемъ, назывался Rock-Monday — также и Plough-Monday (понедѣльникъ плуга) — не потому, вѣроятно, что онъ совпадалъ съ началомъ полевыхъ работъ, а опять же въ смыслѣ прекращенія святочнаго запрета [3]). — Чѣмъ далѣе углубляемся мы въ область святочныхъ суевѣрій, тѣмъ яснѣе становится общая, связывающая ихъ идея: на святкахъ не слѣдуетъ печь дома хлѣба, не мыть бѣлья, особливо постельнаго, не вывѣтривать бѣлья и платья и т. п. [4]). Люди и животныя должны наѣсться досыта въ теченіе трехъ торжественныхъ святочныхъ вечеровъ [5]). Прясть ленъ либо шерсть на рождественской недѣлѣ приноситъ несчастье [6]). О пряхѣ, не успѣвшей къ этому времени смотать пряжу и оставившей её на прялкѣ, говорятъ въ Тиролѣ, что̀ она умретъ въ томъ же году [7]). Пряху, работавшую наканунѣ Рождества, унесъ нечистый; въ память этого чуда поста-

---

[1]) *Liebrecht*, Otia Imperialia: Französischer Aberglaube № 156.

[2]) *Strackerjan*, Aberglaube u. Sagen aus dem Herzogthum Oldenburg II, 28, 29; Сл. *Wolf*, Beiträge. I: Gebräuche u. Aberglauben №№ 352 и 355 (стр. 230).

[3]) *Hampson*, Medii aevi Calendarium I 90—1, 138—9.

[4]) *Köhler*, Volksbrauch, Aberglauben, Sagen und andere Ueberlieferungen im Voigtlande, p. 361.

[5]) *Köhler*, ib; Strackerjan l. c. II, 29.

[6]) *Hocker*, Bauernregeln u. Aberglauben aus der Montagne Noire (Cevennen) въ *Zeitschr. f. deutsche Mythol.* II p. 419.

[7]) *Zingerle*, l. c. 185.

вили ея каменное изображеніе, при которомъ не забыта и прялка [1]). Въ Вестфаліи [2]) запретъ работы простирается на самыя обычныя хозяйственныя предпріятія: не мыть, не шить, не ѣздить и не вывозить навозъ, не молотить, не вбивать гвоздей, не печь хлѣба; кто прядетъ по заходѣ солнца наканунѣ Рождества и дня св. Сильвестра, тому грозятъ Клаусомъ (=св. Николай), который ходитъ въ это время, гремя цѣпью, и велитъ людямъ молиться. Про одного лютеранина разказываютъ, что, презрѣвъ обычай, онъ отправился въ лѣсъ по дрова въ день Рождества: срубленное имъ дерево и щепки обратились въ камень; самъ онъ, вернувшись домой, умеръ отъ ужаса [3]). То же въ Шотландіи, гдѣ пуританскіе проповѣдники, презиравшіе всѣ католическіе праздники, кромѣ воскресенья, заставляли своихъ женъ и служителей прясть и пахать въ день Рождества. Господь наказалъ ихъ за это нечестье: ихъ волы взбѣсились, искалѣчивъ пахарей [4]).

Тѣ же самые святочные обычаи существуютъ и въ Россіи, и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Въ Болгаріи: „отъ Божикь до Водици жены-те не работаетъ, ниператъ (міятъ), ни деца кѫпатъ" [5]). Русскій крестьянинъ считаетъ за грѣхъ прясть и ткать отъ Рождества до Крещенья; въ это время не плетутъ лаптей, не вьютъ веревокъ и не сверлятъ дерева; у Кошубовъ въ теченіе девяти дней, начиная отъ Рождества Христова, женщины не дотрогиваются до иглы и прялки [6]). Въ Малороссіи „отъ Рождества и до Ивана (7-го января) женщины не прядутъ и не шьютъ; въ этотъ день также нельзя ничего дѣлать. Замѣтимъ при этомъ, что на всѣ главные праздники, какъ напримѣръ: Рождество, Новый годъ, Крещеніе — женщинамъ нельзя ходить по воду; всегда эту работу исполняютъ паробки"; „Вечера отъ праздника Рождества и до Богоявленія называются святыми, а потому въ эти вечера позволительно только „пірья дерти" [7]); народъ вѣритъ, что въ эти дни вѣдьмы таскаются по

---

[1]) *Meier*, Deutsche Sagen, Sitten u. Gebräuche aus Schwaben I, p. 163.

[2]) *Kuhn*, Sagen, Gebräuche u. Märchen aus Westfalen II, § 333—361, passim.

[3]) *Birlinger*, Aus Schwaben, Sagen, Legenden, Volksaberglauben I, № 89.

[4]) *Hampson* l. c. I, 115.

[5]) *Миладиновы*, Бѫлгарски народни пѣсни, стр. 522.

[6]) *Аѳанасьева*, Поэт. воззрѣнія III, 131.

[7]) Труды этнограф. статистич. экспедиціи въ западно — русскій край и т. д. Юго-западный отдѣлъ т. III: Народный дневникъ, изд. подъ наблюденіемъ *Костомарова* стр. 5 и 436.

землѣ [1]). — Названіемъ, „Рыжтвяныя святки", обозначаются въ Бѣлоруссіи дни рождественскихъ праздниковъ отъ 25-го декабря до 7-го января включительно. Нужно сказать, что въ этотъ долгій промежутокъ времени нѣкоторые крестьяне, вѣрные дѣдовскимъ „звычаямъ", остаются положительно безъ всякихъ работъ, если не считать работами — дачу корма скоту, исправленіе упряжи, буде она того потребуетъ. Наканунѣ Крещенія постятся: коляда крещенская, постная. День этотъ имѣетъ ту особенность, что въ вечеру, передъ ужиномъ, женщины чешутъ ленъ, для того, чтобы телята водились гладкіе [2]). Это является какъ-бы въ противорѣчіи съ запретомъ работы, пряжи и т. п., распространяющимся, какъ мы видѣли, на всѣ святки. То же противорѣчіе представляетъ и нѣмецкое мѣстное повѣрье, по которому нитки, выпряденныя въ теченіе святокъ, считаются самыми крѣпкими, особенно годными для неводовъ; въ нихъ не заводится моль, онѣ обладаютъ цѣлебною силой [3]). Психологически эти противорѣчія примиряются: Берта—Эпифанія представлялась въ столь тѣсныхъ отношеніяхъ къ пряжѣ и женскому труду, что подъ конецъ идея запрета могла изъ нихъ изчезнуть и даже уступить мѣсто

---

[1]) l. c. 436 Наоборотъ:

Some say that ever' gainst that season comes
Wherein our Saviour's birth is celebrated
. . . .
no spirit dares stir abroad
No fairy takes, nor witch hath pover to charm.
Hamlet act. I sc. 1.

[2]) *Шейнъ*, Бѣлорусскія народныя пѣсни 38—39; 59.

[3]) *Kuhn*, Sagen, Gebräuche u. Märchen a. Westfalen II, § 347; Norddeutsche Gebräuche №№ 156, 157. *Ilič*, Nar. slav. običaji p. 101. Pérvi dan božića kod istočnog nesjedinjenog vèroispovèdanja, neimadu rad, da jim tko u kuću dojde, niti oni komu idu. Uzrok je taj jer žene onda od svakog ženskog posla po malo rade. Tako n. p. tkaju, predu, šiju, vezu, i. t. d.... I to zato do budu cèle godine u poslu naprèdnije.... Pod obèdom na mèsto preslice, uzmu lèskovo dervo, na njeg naviju lana, stanu na stol i predu nèkoliko konacah. Ovi su konci—kako vele—dobri za marvu, kada vodu zamaši... Običaj je takodjer medju božiči lužit, da volovi oruéi, vrat neubiju.... *Каравеловъ*, Пам. Нар. быта Болгаръ I р. 278—9: если передъ святками родится дитя, то женщины соберутся и въ 24 часа соткутъ ему и сошьютъ рубашку и надѣнутъ на него, иначе дитя обратится въ *кара-конче*. Въ *крьклесицѣ* до Богоявленія никто не занимается работой мужскаго платья, потому что мужья ходятъ по горамъ и лѣсамъ, и если имъ случится быть въ платьѣ, сработанномъ въ несчастные дни, то ихъ съѣдятъ волки. Сл. *Милићевић*, Живот Срба словака, въ Гласникѣ V (1867) стр. 128 (Кара-конџула=кара-конче).

другой, противуположной — подъ вліяніемъ общей идеи праздника, какъ чего-то святаго, приносящаго людямъ благо и счастье, окруженнаго вѣщими примѣтами, одареннаго цѣлебными свойствами. Не даромъ весь европейскій людъ гадаетъ на святкахъ о своемъ будущемъ; если въ эту пору кормить куръ горохомъ, то онѣ снесутъ въ году столько же яицъ, сколько было горошинъ [1]).

Таковы повѣрья и обычаи, изъ которыхъ сложилось олицетвореніе святочныхъ празднествъ — образъ Берты. Вмѣстѣ съ нимъ мы возвращаемся къ тѣмъ таинственнымъ „обходамъ", въ которыхъ она является главною участницей. Народное повѣрье представляетъ ее себѣ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ дѣтямъ, она странствуетъ, окруженная ими. Въ латинскихъ мистеріяхъ X—XI вѣковъ за поклоненіемъ волхвовъ слѣдовалъ, внушенный символическимъ соотношеніемъ евангельскаго событія къ Іереміи, гл. 31 ст. 15—17, плачъ праматери Рахили по младенцамъ, избіеннымъ Иродомъ [2]). *День Берты*, Perchtentag, былъ не только *днемъ 3-хъ царей*, но и въ древнее время посвященъ *памяти невинныхъ младенцевъ*; проповѣди на день Богоявленія, какъ уже стихотвореніе Пруденція De Epiphania, особо упоминаютъ это событіе. По словамъ бл. Августина цари-волхвы и избіенныя дѣти были первыми послѣдователями Христа, первыми мучениками за него. Народной фантазіи легко было воспользоваться чертами этого символизма, чтобы перенести на Берту, олицетвореніе Рождества — Epiphania, черты Рахили [3]). И теперь еще разказываютъ въ Германіи о первой, что она показывается въ навечеріе Богоявленія, въ сопровожденіи толпы дѣтей. Говорятъ, это души не крещенныхъ младенцевъ; первоначально разумѣлись, вѣроятно, дѣти, избіенныя Иродомъ.

Тою же совмѣстностью празднованія Берты — Эпифаніи и трехъ царей-маговъ объясняется, по моему мнѣнію, перенесеніе на Берту другаго символическаго признака—гусиныхъ ногъ Сивиллы. Сивилла являлась такою же провозвѣстницей Спасителя, какъ и волхвы. Не-

---

[1]) *Strackerjan* l. c. II, 29.

[2]) Сл. между прочимъ Ordo Rachelis у *Wackernagel*, Weihnachtspiele p. 62 слѣд. Сл. ib 275 прим. Въ Driu liet von der Maget Wernher'a (ed. Feifalik) v. 4334 seqq., Рахиль, плачущая по виѳлеемскимъ младенцамъ, является дѣйствительной современницей этого событія.

[3]) *Augusti*, Denkwärdigkeiten I, 273 и 304 seqq. *Mannhardt*, Weihnachtsblüten 29—30.

даромъ пророчества Сивиллы пѣлись въ старое время въ церквахъ въ день Рождества [1]). Но бо́льшую пищу сближенію могли дать скульптурныя изображенія порталей, гдѣ гусеногая Сивилла представлялась въ обществѣ царей-маговъ. Такимъ образомъ Берта, олицетвореніе Эпифаніи и праздника трехъ царей, очутилась съ символомъ Сивиллы—гусиною ногой.

Дальнѣйшія судьбы этого христіанскаго миѳическаго образа совершаются уже на почвѣ псевдо-историческихъ пріуроченій. Къ историческому образу матери Карла Великаго, Бертѣ, привязалось старое сказаніе о невинно преслѣдуемой женѣ. Разказывали, какъ ея служанка, совершенно похожая на нее, замѣнила ее обманомъ, выдавъ себя за Берту, тогда какъ настоящая Берта осуждена на изгнаніе и т. д. Такъ въ хроникѣ Saintonge, разказъ которой Гастонъ Парисъ считаетъ самымъ древнимъ, по крайней мѣрѣ со стороны формы [2]). О ногѣ, то-есть, о символическомъ признакѣ Берты, еще ничего не говорится. Позднѣе историческую Берту забыли, а фантазія, возбужденная ея приключеніями въ романѣ, работала и спрашивала себя: кто такое эта Берта? Времена Пипина были давнопрошедшія и позволяли отожествленіе: Берта романа отожествилась формально съ гусеногою Бертой христіанскаго миѳа. Она-то и была матерью Карла Великаго.

Когда стало возможнымъ это сліяніе типовъ? Уже во второй половинѣ XII вѣка (Готфридъ изъ Витербо) Берта зовется *большеногою*; представленіе о гусиной ногѣ относится, стало быть, къ болѣе раннему времени.

Развитіе сказочнаго типа Сивиллы—Берты я представляю себѣ такимъ образомъ:

1. Сивилла—Pédauque крестной легенды и порталя.

2. Сивилла—Pédauque—Берта святочнаго цикла.

3. Большеногая Берта, сказочная мать Карла Великаго и мѣстныхъ преданій; Берта, родоначальница знатныхъ родовъ, пріурочен-

---

1) *Jubinal*, Mystéres inédits II, Notes p. 381.

2) *G. Paris*, Hist. poét. de Charlemagne 224—5. Поэма о Ротерѣ, дѣлающая его отцемъ Пипина и дѣдомъ Карла Великаго, ограничивается упоминаніемъ Берты: eine vrouwen vile gût, die sit Karlen getrûc (vv. 4790—1). Eine *vrouwen* vile *gût*—Bonne dame, дочь *Ruopprechta* и мать Карла В. и Пипина (sic) въ нѣмецкой повѣсти, почерпнутой изъ французскаго нынѣ утраченнаго источника? Сл. F. *Wolf*, Ueb. die neuesten Leistungen d. Franzosen etc. p. 73 seqq.

ная къ феодальной сагѣ того или другаго замка (Dame blanche); Текская Сивилла, родоначальница Виртембергскаго дома и т. п.

На другое подобное пріуроченіе указано было выше: барельефъ, изображавшій Сивиллу—Pédauque, переходящую воду потока, истолкованъ былъ какъ фактъ изъ древней исторіи Тулузы, какъ воспоминаніе о крещеніи дочери Тулузскаго царя.

А. Веселовскій.

ИВАНЪ ПОСОШКОВЪ КАКЪ ЭКОНОМИСТЪ[1].

II.

Мысли Посошкова о торговлѣ и промышленности.

О торговлѣ и промышленности Посошковъ говоритъ подробнѣе лишь въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Труды его, писанные до „Отеческаго Завѣщанія", или имѣли содержаніемъ духовныя, церковныя дѣла, какъ, напримѣръ, „Зерцало" и доношенія Стефану Яворскому, или же касались спеціальныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ, о войскѣ или о монетномъ дѣлѣ. Въ „Отеческомъ Завѣщаніи" говорится о будущей карьерѣ сына, который могъ сдѣлаться или архіереемъ, или монахомъ, или солдатомъ, или офицеромъ и пр. О каждомъ родѣ дѣятельности встрѣчаются поэтому нѣкоторыя замѣчанія. Такъ двѣ, впрочемъ весьма краткія статьи въ главѣ „о гражданскомъ житіи" посвящены вопросамъ „о художествѣ" и „о купечествѣ"[2]). Гораздо подробнѣе объ этихъ предметахъ говорится въ сочиненіи „О скудости и богатствѣ", въ которомъ двѣ довольно обширныя главы „о купечествѣ" и „о художествѣ" заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе приведенныя въ систему понятія Посошкова относительно этихъ важныхъ отраслей экономическаго быта Россіи [3]).

Посошковъ обращаетъ особенное вниманіе на внѣшнюю торговлю, на отношенія Россіи къ иностранцамъ. Этимъ путемъ онъ приходитъ къ главнымъ началамъ меркантилизма. Два явленія, какъ намъ кажется, главнымъ образомъ объясняютъ такое направленіе мыслей Посошкова: вопервыхъ, ходъ развитія русской торговли съ половины XVI-го вѣка до эпохи Петра, давшій громадное значеніе иноземцамъ

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за январь 1876 года.

[2]) См. «Отеч. Зав.», стр. 185—192.

[3]) О скуд. и бог., стр. 112—154.

въ внѣшней торговлѣ Россіи; вовторыхъ, то обстоятельство, что Петръ Великій, слѣдуя примѣру другихъ правительствъ, а также согласно съ прочими началами своей политической системы, былъ меркантилистомъ. Посошковъ, совсѣмъ незнакомый съ экономическою литературою запада, въ которой преобладала тогда теорія меркантилизма, находился такимъ образомъ подъ вліяніемъ преданія, господствовавшаго въ среднемъ классѣ русскаго общества, относившагося враждебно къ иностранцамъ, подъ вліяніемъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ Петра, старавшагося развить національную промышленность и этимъ самымъ сдѣлать Россію независимою отъ запада.

Значеніе иностранцевъ въ русской торговлѣ и промышленности.

Примѣры пребыванія въ Россіи купцовъ и ремесленниковъ-иностранцевъ не слишкомъ многочисленны до XV вѣка. При Іоаннѣ III были приглашены изъ Венеціи разные „мастера". Начали пріѣзжать архитекторы, типографщики, рудознатцы, оружейные мастера и другіе ремесленники. Мало по малу множество иностранцевъ стало поступать въ русскую службу. Мы встрѣчаемъ ихъ и въ войскѣ, и въ посольскомъ приказѣ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ производилась торговля, вездѣ, гдѣ можно было устроить какое-либо выгодное промышленное предпріятіе. Часто соперничество, состязаніе иноземцевъ становилось гибельнымъ для Русскихъ, которые не были въ состояніи „стянуть" съ болѣе опытными въ дѣлахъ и многостороннѣе образованными представителями западной цивилизаціи.

Особенно съ тѣхъ поръ, какъ Англичане открыли себѣ путь въ Бѣлое море, съ тѣхъ поръ, какъ въ Англіи была основана *„компанія для торговли съ Россіей, Персіей и сѣверными странами"*, иностранцы не переставали составлять проекты для извлеченія наибольшей пользы изъ коммерческихъ и торговыхъ предпріятій въ Россіи. Уже до этого явился смѣлый путешественникъ, искатель восточнаго пути, генуэзскій капитанъ Павелъ, желавшій при Василіѣ Ивановичѣ устроить торговую связь чрезъ Москву, Астрахань, Астрабадъ съ Индіей. Однако, такъ какъ планъ его не встрѣтилъ поддержки въ Москвѣ, то предположенія его остались безъ исполненія [1]). Англичанинъ Дженкинсонъ при Іоаннѣ Грозномъ предложилъ царю открыть торговую дорогу съ Китаемъ чрезъ Бухарію, а затѣмъ

[1]) *Starczewski* I. P. Jovii de legatione Moscovitica, 3 и 4.

проектъ торговли съ Персіей [1]). При царѣ Михаилѣ явилось множество подобныхъ проектовъ. Англійскій купецъ Джонъ Мерикъ просилъ отъ имени короля Якова I, чтобы государь далъ англійскимъ купцамъ повольную торговлю и открылъ имъ путь въ Персію по Волгѣ. Отказали. Далѣе Англичане надѣялись „Обью рѣкою найдти путь въ Индію“; просили позволенія эксплоатировать желѣзныя и оловянныя руды на рѣкѣ Сухонѣ, устроить земледѣльческія колоніи около Вологды, тамъ же завести фабрики, брать алебастръ, находящійся въ 150 верстахъ отъ Холмогоръ, и пр. [2]). Французскій посланникъ де-Курмененъ просилъ для Французовъ права безпошлинной торговли съ Персіей. Голландцы просили права торговли въ Москвѣ и въ другихъ городахъ и также, какъ Англичане, мечтали-было объ учрежденіи въ Россіи земледѣльческихъ колоній. Датчане требовали дозволенія устройства въ Россіи датскаго консулата и просили дороги датскимъ купцамъ въ Персію. Съ Голштиніей наконецъ заключенъ былъ договоръ на счетъ персидской торговли, хотя и это дѣло впослѣдствіи не имѣло успѣха [3]).

Хотя русское правительство и не соглашалось на всѣ эти требованія иностранцевъ, но все таки мало по малу они получили главное значеніе въ торговлѣ и промышленности Россіи, пріобрѣли множество правъ, завели свои конторы во многихъ городахъ, держали русскихъ работниковъ и захватывали важнѣйшіе торговые пункты въ Россіи.

Въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицахъ иноземцы находили покровителей. Часто они дѣйствовали подкупомъ, посулами. Одинъ изъ завзятыхъ враговъ Англичанъ и благопріятель Нѣмцевъ въ торговлѣ, дьякъ Щелкаловъ, сказалъ, по случаю кончины Іоанна Грознаго, англійскому послу: „Англійскій царь умеръ“ [4]). Англія имѣла обширные виды политическаго преобладанія въ Россіи. Русскіе купцы видя, что иноземцы подчиняютъ ихъ себѣ, и что выгоды ихъ начинаютъ зависѣть отъ чужеземцевъ, роптали. Во время царствованія королевы Елизаветы Англичане сознавались, что ни въ какой другой странѣ торговля не представляла такой важной будущности, какъ въ Россіи. Пользуясь многими правами, обладая свѣдѣніями, отличаясь ловкостью и опытностью, владѣя большими капиталами, дѣйствуя сообща,

[1]) *Костомаровъ*, Оч. Торг. Моск. госуд. 16 и 17.

[2]) *Соловьевъ*, Ист. Росс. IX, 94—95, 122—123, 195.

[3]) Тамъ же, 195—205, 271 и слѣд.

[4]) *Костомаровъ*, Очеркъ торговли, стр. 20.

иноземцы имѣли громадныя выгоды. Русская власть, говоритъ г. Костомаровъ, въ отношеніи къ торговлѣ съ иностранцами, съ одной стороны, нуждаясь сама въ произведеніяхъ заграничныхъ и сознавая, что русскій народъ стоитъ на слишкомъ низкой степени промышленнаго развитія для того, чтобы производить то, что привозили ему иностранцы, давала имъ большія торговыя права, иногда не безопасныя для будущаго, какъ, напримѣръ, привиллегіи Англичанъ; съ другой же стороны, она оказывала недовѣріе къ иностранцамъ, боясь, чтобы не употребили во зло покровительства и гостепріимства, оказываемаго имъ въ Россіи. Иностранцы заслуживали и того, и другого. Они наполнили казну царей и домы знатныхъ особъ предметами изысканной жизни, привозили имъ одежды, украшенія, лакомства; но они постоянно, на каждомъ шагу, не скрывали самаго очевиднаго презрѣнія къ русскому народу, смотрѣли на Россію какъ на страну дикую и необразованную, а потому-то имъ особенно полезную [1]).

Вотъ почему, когда, напримѣръ, Іоаннъ III старался привлечь въ Россію ремесленниковъ, Ревельскій городской совѣтъ, по наущенію Ганзы, задерживалъ иностранныхъ художниковъ и ремесленниковъ, и Нѣмцы преслѣдовали ихъ на морѣ въ качествѣ морскихъ разбойниковъ [2]). Вотъ почему Польскій король Сигизмундъ-Августъ писалъ къ королевѣ Елизаветѣ, что не слѣдуетъ допускать Россію къ достиженію власти и значенія не только чрезъ пріобрѣтеніе иностранныхъ товаровъ, между прочимъ оружія, но также и чрезъ приглашеніе ремесленниковъ и художниковъ [3]). Вотъ почему, когда предпріимчивый русскій купецъ, Лаптевъ, отправился съ русскими товарами въ Амстердамъ, Голландцы ничего у него не купили и заставили его вернуться съ товаромъ въ Россію [4]).

Не мудрено, послѣ этого, что въ Россіи жаловались на алчность иноземцевъ. Укажемъ на нѣкоторые примѣры заявленій такого негодованія. Въ 1646 году, русскіе купцы подали царю жалобу, въ которой говорится, что „англійскіе Нѣмцы“ хотятъ завладѣть „всякимъ торгомъ“, что они, не ограничиваясь торговлею въ Архангельскѣ, распространились по всему государству и вытѣснили русскихъ купцовъ изъ многихъ коммерческихъ предпріятій. „Эти Нѣмцы“, сказано далѣе,—

---

[1]) *Костомаровъ*, I. с. 56.
[2]) *Костомаровъ*, I. с. 35.
[3]) *Ключевскій*, Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, стр. 280.
[4]) А. А Э. IV. № 13.

„не только насъ безъ промысловъ сдѣлали, они все Московское государство оголодили..., они Нѣмцы привозятъ всякіе товары хуже прежняго". И Англичане, и другіе „Нѣмцы" въ этой грамотѣ обвиняются въ неисправномъ платежѣ пошлинъ, въ томъ, что дѣйствуютъ подкупомъ на русскихъ чиновниковъ, что, не довольствуясь оптовою торговлею „торгуютъ врознь". „Отъ того ихъ, Англичанъ, умыслу и заговору", говорятъ русскіе купцы,—„мы ѣздить къ Архангельскому городу перестали, потому что стали въ великихъ убыткахъ... и твоя государева вотчина, городъ Архангельскій и Холмогорскій уѣздъ и все Поморье пустѣетъ... многіе люди обнищали.... Милосердый государь", такъ заключается жалоба русскихъ купцовъ,—„пожалуй насъ холопей и сиротъ своихъ, всего государства торговыхъ людей, воззри на насъ бѣдныхъ и не дай намъ, природнымъ своимъ государевымъ холопамъ и сиротамъ отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и скудости, не вели искони вѣчныхъ нашихъ промыслишковъ у насъ бѣдныхъ отнять" [1]).

Юрій Крижаничъ разсуждалъ объ этомъ предметѣ совершенно согласно съ жалобами русскихъ купцовъ. Между главными причинами упадка государства онъ приводитъ и слѣдующую: „Аще въ договорехъ, въ торгехъ, и въ иныхъ дѣлехъ отъ окольныхъ народовъ нашъ народъ хитростью ся обмаляетъ и нищѣетъ". Подробнѣе объ этомъ говорится у него слѣдующее: „А отъ всего горшій промыселъ и земли разореніе есть инородское торгованіе, то-есть, аще кій краль препуститъ инороднымъ торговцемъ во всей державѣ пребывать или жить, своды и склады держать и вездѣ по землѣ торговать... Неоцѣннымъ тѣлеснымъ и душевнымъ накладомъ, убыткомъ, срамотамъ, тщетамъ тѣ торговцы суть причина. А корысти отъ нихъ нѣсть, опричь нѣкоихъ подарковъ, кое даютъ царю либо болярoмъ. Коихъ подарковъ нѣмаемъ нужи ни во что почитать: або сколько они своего блага намъ подаруютъ, зъ десять тысучь кратъ толико нашего блага изъ нашія земли вонъ извозятъ". Крижаничъ доказываетъ, что Россія стала, такъ сказать, данникомъ иноземцевъ: „И тою хитростію сіе преславно государство творятъ (иноземцы) подбирно имати ясачно своимъ Агличаномъ, Барабанцемъ и Хамбуржаномъ". Обращаясь къ государю: „И во вѣки вѣчные не вѣруй инороднику торговцу: еже бы ти онъ кую корысть принеслъ... право адда пророкуетъ Варухъ: „припусти къ себѣ инородника и разоритъ тя" [2]).

[1]) А. А. Э., № 13.

[2]) *Крижаничъ*, I, стр. III и 3—4.

Впрочемъ, Крижаничъ сознаетъ, что иноземцы способнѣе Русскихъ къ торговымъ дѣламъ: „Русы, Ляхи и весь народъ Словенскій отнюдь не знадутъ далекаго торгованія ни по морю, ни по суху. Инородны торговцы лехво насъ перехитряютъ и обмамляютъ нещадно во всяко время. А тѣмъ наипаче, что вездѣ по Руси пребываютъ, и товары наши наидешевнею цѣною выкупаютъ. Могло бы ся терпѣть, когда бѣху и наши у нихъ жили, и такоже дешево закупали. Али наши у нихъ не живутъ, и отнюдь жить не могутъ, для природнаго своего неспособія и тупа разума, и паче для ради нѣмечскаго завидѣнія и злобы, кого суть многи наши отвѣдали" [1]).

Еслибы, говоритъ Крижаничъ, было запрещено иностранцамъ торговать въ разныхъ городахъ Россіи, имѣть всюду своихъ агентовъ и консуловъ, еслибы „Нѣмцевъ на Руси не было", торговство сего царства бы много въ лучемъ постановленію было. Драже бысмо продавали нашіе товары; дешевле бысмо куповали чужіе" [2]). Крижаничъ на навигаціонный актъ у Англичанъ указываетъ какъ на учрежденіе достойное подражанія. Иностранцевъ-купцовъ онъ сравниваетъ съ саранчей и считаетъ ихъ хуже какой-либо страшной заразы, „Здѣсь на Руси, что ся дѣетъ?" спрашиваетъ Крижаничъ, — „торговцы инородны, Нѣмцы, Греки, Бухары, всего сего кралества благо и приплодъ къ себѣ уграбляютъ", то-есть, они торгуютъ вольно по всему государству, продаютъ Русскимъ „некорыстные драгіе товары", покупаютъ русскіе товары по невыгодной цѣнѣ и обманываютъ всѣхъ и каждаго [3]). Въ сильныхъ выраженіяхъ Крижаничъ ратуетъ противъ сребролюбія иноземцевъ [4]). Договоры, на основаніи которыхъ Русскимъ было дозволено торговать въ Стокгольмѣ, Амстердамѣ и Гамбургѣ, онъ называетъ „pacta ridicula", потому что Рус-

[1]) *Крижаничъ*, I, 8. Исключеніями были, напримѣръ, ярославскій купецъ Лаптевъ, отправившійся въ Амстердамъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (см. А. А. Э., IV, № 13) и знаменитый торговый домъ Соловьева въ Амстердамѣ при Петрѣ Великомъ. За то вообще говоря, договоры о взаимномъ правѣ иностранцевъ торговать въ Россіи, а Русскихъ торговать за границею, какъ напримѣръ, Кардисскій договоръ, или договоръ съ Франціей (см. *Сол.*, Ист. Р. XII, 249) не могли считаться выгодными для Русскихъ вслѣдствіе ихъ неспособности заниматься торговлею такъ, какъ занимались ею въ западной Европѣ. Такъ, напримѣръ, Русскіе въ Стокгольмѣ сдѣлались предметомъ смѣха. См. *Соловьевъ*, Ист. Рос., XVII, стр. 164.

[2]) *Крижаничъ*, I, 24.

[3]) Тамъ же, I, 215.

[4]) Тамъ же, II, 189.

скіе, отправляющіеся за границу, гибнуть тамъ, теряютъ свое состояніе и возвращаются домой со стыдомъ [1]). Такимъ образомъ Крижаничъ требуетъ „гостогонства", то-есть, изгнанія всѣхъ иностранцевъ изъ Россіи и предоставленія всѣхъ отраслей торговли и промышленности исключительно Русскимъ [2]).

Постоянно слышны были жалобы, что „торжишки у насъ стали гораздо худы, потому что всякіе наши торжишки на Москвѣ и въ другихъ городахъ отняли многіе иноземцы" [3]). А правительство весьма часто заботилось гораздо болѣе о своихъ казенныхъ выгодахъ, чѣмъ о благосостояніи народа, давало привиллегіи иностранцамъ за деньги и отдавало на откупъ многія отрасли промышленности и торговли. Ограниченіе правъ Англичанъ, послѣдовавшее въ 1649 году [4]), было исключеніемъ; правиломъ же можно считать распоряженія въ родѣ того, какъ правительство, требуя однажды за иностранные товары двойную пошлину „для пополненія ратныхъ людей", утѣшало иностранцевъ, что они воротятъ свои деньги и возьмутъ ихъ съ Русскихъ же людей, возвысивъ цѣну своимъ товарамъ [5]).

Таковъ былъ характеръ отношеній Русскихъ къ иностранцамъ въ торговыхъ дѣлахъ въ то время, когда родился и воспитывался Посошковъ. Преданіе о неравной борьбѣ Русскихъ съ Нѣмцами не могло не имѣть сильнаго вліянія на образъ мыслей его. Къ тому же должно принять въ соображеніе религіозный антагонизмъ между Россіей и западною Европою. Особенно изъ „Отеческаго Завѣщанія" видно, какова была ненависть Посошкова къ иностраннымъ нравамъ, обычаямъ и воззрѣніямъ. Хуже всего въ его глазахъ были лютеране и кальвинисты, то-есть, именно тѣ народы, которые въ эпоху Посошкова играли главную роль въ внѣшней торговлѣ Россіи, а именно — Англичане, Голландцы, Шведы и Нѣмцы. Множество иностранцевъ находилось въ русской службѣ; иные были подрядчиками, поставщиками; ихъ техническія познанія давали имъ значительный перевѣсъ надъ Русскими, хотя послѣдніе, какъ показываетъ примѣръ самого Посошкова, иногда, какъ механики-самоучки, отличались необыкновенными способностями. Нерѣдко, разумѣется, иностранцы дѣйствова-

---

[1]) *Крижаничъ*, II, 189, 269.

[2]) Тамъ же, I, 325 и II, 73.

[3]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, IX, 304 и 416.

[4]) П. С. З. № 9.

[5]) См. множество указовъ о привиллегіяхъ иностранцевъ въ П. С. З. №№ 80, 278, 409, 410, 539, 596, 1304, 1332, 1410, 1633, 1671, 1911, и пр.

ли недобросовѣстно, нечестно, заботились скорѣе о своихъ выгодахъ, нежели о казенной прибыли и вотъ Посошковъ считалъ своимъ долгомъ явиться обличителемъ такого зла.

Уже въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ сочиненій Посошковъ коснулся этихъ вопросовъ. Въ донесеніи боярину Головину „о ратномъ поведеніи“ онъ пишетъ: „Мнѣ, государь, вельми сумнительно въ иноземцахъ; а праведно ль я сумняюся или блазнюся, про то Богъ вѣсть, только то я совершенно знаю, что они всѣхъ земель торгуютъ торгами и всякими промыслами промышляютъ компанствами единодушно, и во всякихъ дѣлѣхъ себя они и свою братію хранятъ и возносятъ, а насъ ни во что вмѣпяютъ. И тому ихъ торговому содружію примѣняяся, мнѣніе ми приходитъ такое, что диво тако, да не компанствами ли жъ они и войну чинятъ, будто намъ помогаютъ, а все блазнятъ насъ; а самою истинною, чаю, ради тому, чтобъ ихъ однихъ рука высока была, а наши всегда бъ въ поношеніи были, и всегда бъ ихъ за господъ имѣли... Вѣрить имъ вельми опасно: не прямые они намъ доброхоты, того ради и ученью ихъ не вельми надобно вѣрить. Мню, что во всякомъ дѣлѣ насъ обманываютъ и ставятъ насъ въ совершенные дураки. А за благодатію Божіею у великаго государя есть всякихъ людей разумныхъ. Много Нѣмцы насъ умнѣе науками, а наши остротою, по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютънасъ напрасно“ [1]). Затѣмъ Посошковъ указываетъ на образъ дѣйствій иностранныхъ купцовъ, для которыхъ учрежденіе почты [2]) было весьма полезнымъ и выгоднымъ предпріятіемъ: „Да пожаловали они прорубили изъ нашего государства во всѣ свои земли диру, что вся наша государственная и промышленная дѣла ясно зрятъ. Дира жъ есть сія: здѣлали почту, а что въ ней великому государю прибыли, про то Богъ вѣсть, а колько гибели отъ той почты во все царство чинитца, того и исчислить не возможно. Что въ нашемъ государствѣ ни здѣлается, то во всѣ земли рознесетца; однѣ иноземцы отъ нее богатятся, а Русскіе люди нищаютъ. Потому товары, кои у насъ въ Руси готовятца къ городу, а здѣшніе иноземцы въ свои земли непрестанно пишутъ, почему кои товары купятца, и каковы товары, добры или плохи, и коихъ много и коихъ мало. Также пишутъ и о своихъ товарахъ, кои здѣсь по-

---

[1]) Соч. Пос. I, 272—273.

[2]) Объ учрежденіи почты см. монографію *Фабриціуса*, Почта и народное хозяйство въ Россіи въ XVII столѣтіи, С.-Пб. 1864 и множество указовъ и привиллегій, въ П. С. З. №№ 1082, 1402, 1408, 2030 и пр.

добрались и коихъ злишкомъ. И кои ихъ товары подобрались, тѣхъ они и вывезутъ; а коихъ слишкомъ, тѣхъ и не везутъ, и цѣну какову похотятъ, такову и поставятъ. А наши бѣдные къ городу прiѣдутъ съ товарами, и прiѣзжiе иноземцы цѣну ихъ и знаютъ, по чему кои товары куплены и коихъ колько есть; и станутъ у него торговать самою цѣною малою, потому что про цѣну подлинно знаютъ, и много ль коихъ товаровъ пасено, знаютъ же. И почты ради иноземцы торгуютъ издѣваючись, а Русскiе люди жилы изъ себя изрываючи. А если бы почты иноземной не было, то бъ и торгъ ровной былъ: какъ наши Русскiе люди о ихъ товарѣхъ не знаютъ, такожде бы и они о нашихъ товарѣхъ не знали жъ бы, и торгъ былъ бы безъ обиды. Идетъ на годъ отъ почты въ казну по сту рублей, и то почитаютъ великому государю въ прибыль, а въ то мѣсто изъяну чинятъ на многiя тысячи. Наипачежъ того, что, чаю, всякiя вѣсти выносятся на весь свѣтъ, и естли совершенно вѣсти всякiя, кромѣ торговыхъ статей, во всѣ земли разносятца, то не то, что по сту рублевъ, ни по сту тысячъ не доведется за почту брать. Мнѣ, государь, мнитца, что лучши бъ та дира загородить накрѣпко; а крѣпче того нельзя, что почта, буде мочно, то оставить ее вовсе, а не худо, чаю, чтобъ и ѣздокомъ заповѣдь положить крѣпкая, чтобъ грамотокъ въ иныя земли безъ приказнаго свидѣтельства отнюдь не возили. Такъ бы вѣсти никакiя не разносились" [1]).

Почта была основана въ Россiи около того самаго времени, когда родился Посошковъ, то-есть, въ 1664 году. Можно полагать, что иностранцы содѣйствовали этому дѣлу. Организацiя почтоваго вѣдомства была поручена царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Голландцу Ивану фонъ-Сведену. Въ 1667 году была заключена первая почтовая конвенцiя съ Польшею. Послѣ фонъ-Сведена, Петръ Марселисъ завѣдывалъ почтою, затѣмъ Андрей Винiусъ, который первый носилъ офицiальное званiе Царскаго Величества почтмейстера. Онъ имѣлъ неограниченное право заключать почтовые договоры съ сосѣдними государствами [2]).

Значитъ—почта, по крайней мѣрѣ въ первое время своего существованiя, была управляема иностранцами. Какъ кажется, это обстоятельство заставило Посошкова обвинить именно иностранцевъ въ учрежденiи почты, хотя и въ точномъ смыслѣ не „они (иностранцы)

---

[1]) Соч. Пос., I, 273—274.

[2]) См. *Фабрицiусъ*, стр. 3, 58, 61.

прорубили диру во всѣ свои земли", а само русское правительство, сознававшее необходимость болѣе постояннаго и правильнаго сообщенія съ западомъ ради политическихъ и торговыхъ дѣлъ.

Замѣчаніе Посошкова, что почта была особенно выгоднымъ учрежденіемъ для иностранцевъ, какъ иностранцы, а не для Русскихъ, не лишено основанія. Русскіе долгое время не умѣли пользоваться почтой; они не столько нуждались въ письменномъ сообщеніи. Между тѣмъ, напримѣръ, изъ дневника Патрика Гордона можно видѣть, какое громадное значеніе имѣла почта для представителей западно-европейской цивилизаціи. Тутъ встрѣчается множество замѣтокъ о частой корреспонденціи Гордона. Русскіе купцы, которыхъ Крижаничъ обвинялъ въ незнаніи ариѳметики, не скоро могли привыкнуть къ перепискѣ по торговымъ дѣламъ посредствомъ почтоваго сообщенія. Между тѣмъ какъ за границею, благодаря почтѣ, дѣйствительно узнавали всѣ подробности состоянія рынка въ Россіи, русскіе купцы, не бывшіе въ перепискѣ съ заграничными, разумѣется, ничего не знали о томъ, что происходило на западѣ въ области торговли. Значитъ, вся выгода была на сторонѣ иноземцевъ. Съ самаго перваго времени существованія иностранныхъ торговыхъ домовъ въ Россіи, Русскіе почувствовали перевѣсъ иностранцевъ, дѣйствовавшихъ сообща, вмѣстѣ, дружно, бывшихъ въ постоянной перепискѣ между собою. Уже въ XVI столѣтіи агенты англійской компаніи отправляли часто письма съ нарочными, секретныя извѣщенія о мѣрахъ, выгодныхъ для компаніи; эти письма были иногда писаны цифирью [1]). Въ вышеупомянутой грамотѣ русскихъ купцовъ 1646 года сказано: „Да Нѣмцы же, живя въ Москвѣ и въ городахъ, ѣздятъ чрезъ Новгородъ и Псковъ въ свою землю на годъ по пяти, шести и десяти разъ съ вѣстями, что дѣлается въ Московскомъ государствѣ, почемъ какіе товары покупаютъ, и которые товары на Москвѣ дорого покупаютъ, тѣ они станутъ готовить и все дѣлаютъ по частымъ своимъ вѣстѣмъ и по грамоткамъ, сговорясь заодно; а какъ пріѣдутъ торговать на ярмарку къ Архангельскому городу, то про всякіе товары цѣны разкажутъ, заморскіе товары выбравъ лучшіе закупятъ всѣ сами на деньги и на русскіе товары промѣняютъ, и сговорясь между собою заодно, нашихъ товаровъ покупать не велятъ, а заморскимъ товарамъ цѣну держатъ большую, чтобъ намъ у нихъ ничего не купить и впередъ на ярмарку не ѣздить; и мы товаренки свои отъ Архангельскаго города веземъ назадъ, а иной

[1]) *Ключевскій*, l. c., стр. 237.

оставляетъ на другой годъ, а которые должные людишки плачучи отдаютъ товаръ свой за безцѣнокъ, потому что имъ держать его у себя нельзя, люди должные; и отъ того ихъ умыслу и заговору мы ѣздить къ Архангельскому городу перестали, потому что стали въ великихъ убыткахъ“ и пр. [1]). Русскіе все это называли „заговоромъ“ и „хитростью“ и хвалились, что у нихъ самихъ ничего подобнаго не заведено. Если жь и до учрежденія почты сообщеніе между иностранцами было столь невыгодно для русскихъ купцовъ, то съ тѣхъ поръ, какъ учредилась почта, Нѣмцы еще гораздо легче стали узнавать о состояніи цѣнъ въ Россіи и о положеніи каждой отрасли торговли и руководствоваться такими данными для своихъ коммерческихъ разчетовъ и операцій. Вмѣсто того, чтобы стараться дѣйствовать этимъ самымъ оружіемъ, надѣяться на ту же почту и для выгодъ русскихъ купцовъ, Посошковъ сталъ требовать совершеннаго отчужденія Русскихъ отъ чужеземцевъ и настаивалъ на уничтоженіи почты и непропущеніи за границу никакихъ вѣстей о томъ, что происходило въ Россіи. Весьма любопытно, что въ этомъ отношеніи его взгляды вполнѣ согласны съ соображеніями на этотъ счетъ Крижанича, жаловавшагося на то, что „инородные торговцы вездѣ въ дешеву пору нашіе товары выкупають, а иноземцемъ своимъ нарожаномъ всякія нашія тайности проявляютъ, не токмо въ торговыхъ, но и владѣтельскихъ тайныхъ дѣлехъ“ [2]).

Посошковъ видѣлъ въ распространеніи вѣстей о России за границею вообще большой вредъ для государства. На этотъ счетъ, къ счастью, правительство думало иначе. Именно въ продолженіе XVII вѣка правительство само весьма часто давало знать другимъ правительствамъ о томъ, что происходило въ Россіи, о своихъ предпріятіяхъ, намѣреніяхъ. Солидарность Россіи съ западною Европою развивалась. Для этого необходимо было и почтовое сообщеніе.

Впрочемъ, Посошковъ писалъ о почтѣ въ столь рѣзкихъ, не согласныхъ съ взглядами правительства выраженіяхъ въ 1701 году. Тогда онъ менѣе могъ находиться подъ вліяніемъ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, чѣмъ впослѣдствіи, когда писалъ свою „Книгу о скудости и богатствѣ“. За нѣсколько лѣтъ до того онъ даже былъ сторонникомъ тѣхъ элементовъ въ обществѣ,

---

[1]) А. А. Э. № 13.

[2]) *Крижаничъ*, I, стр. 3.

которые были враждебны Петру Великому, а еще раньше былъ раскольникомъ, ненавидѣвшимъ, какъ всѣ староверы, новое, чужое.

Въ какой мѣрѣ Посошковъ ненавидѣлъ тогда иностранцевъ, замѣтно изъ слѣдующихъ его сужденій въ этомъ же донесеніи боярину Головину 1701 года. Онъ не понимаетъ, почему такъ часто и со стороны правительства давалось предпочтеніе иностранцамъ: „У нашихъ", говоритъ онъ,—„Русскихъ людей руки есть такія жъ, что и у иноземцевъ, и отъ непріятелей мочно въ оборонѣ держать, лишь бы ружье было доброе, да и умѣнье твердое. И иноземцы не отъ небеси пришли, но такіе жъ люди, яко и мы: всему тому навычка и добрая расправа" [1]).

Разказывая подробно Головину, что какой-то иноземецъ инженеръ сдѣлалъ по порученію правительства бомбы, Посошковъ говоритъ подробно о совершенной негодности этихъ бомбъ и совѣтуетъ Головину убѣдиться въ справедливости такого показанія опытомъ. Онъ замѣчаетъ: „И въ семъ, государь, вельми нужно поостерещися, нѣтъ ли какой прозяби отъ того инженера. Ей, государь, надобно отъ нихъ опасатися; потому что свой своему по неволѣ другъ, и никогда иноземецъ не сверстаетъ собою русскаго человѣка. Хотя они и разныхъ земель, только не надежно имъ во все ввѣриваться; всегда онъ своеплеменнымъ лучши порадѣетъ, и того ради надобно за ними гораздо смотрѣть". Затѣмъ, говоря о другомъ случаѣ, въ которомъ поставщикъ-Нѣмецъ сдѣлалъ кирки, по мнѣнію Посошкова, также совсѣмъ негодныя, онъ требуетъ слѣдствія надъ этимъ дѣломъ и наказанія иностранца [2]).

Съ негодованіемъ Посошковъ указываетъ на гораздо болѣе выгодное, сравнительно съ русскими, положеніе иностранныхъ мастеровъ и рабочихъ въ Россіи, замѣчая: „Въ россійскихъ нашихъ правителяхъ есть разсужденіе на сіе дѣло самое нездравое: ибо Русскаго человѣка ни во что ставятъ, и накормить его не хощутъ, чтобы онъ доволенъ былъ безъ нужды, и тѣмъ стѣсненіемъ принуждаютъ ихъ къ кражѣ и ко всякой неправдѣ и въ мастерствѣ къ нерадѣнію, но токмо учинятъ ему корму, чтобъ онъ токмо душу свою пропиталъ—дадутъ ему на день по пяти копѣекъ,—и таковымъ кормомъ и себя одного не прокормить, а жену и дѣтей чѣмъ ему кормить, только что по міру ходить, за-

---

[1]) Соч. Пос. I, 282.

[2]) Соч. Пос., I, 284 и 285.

неволю научать воровать и въ мастерствѣ своемъ неправду дѣлать"[1]).

Итакъ, во многихъ отношеніяхъ состязаніе Русскихъ съ иностранцами было неудачно для первыхъ. А потому и ожесточеніе Русскихъ было естественно. Иностранцы часто пользовались особеннымъ расположеніемъ правительства; они дѣйствовали систематически, организовали торговлю въ Россіи для своей выгоды въ ущербъ русскимъ купцамъ. Нужно было, по мнѣнію Посошкова, принять сильныя мѣры противъ такого зла. Иностранцы искусно поддерживали высокую цѣну своихъ и низкую цѣну русскихъ товаровъ. Они придерживали привозимые товары и не пускали ихъ въ продажу, пока отъ недостатка ихъ въ оборотѣ цѣны на нихъ подниMались; тогда только они начинали ихъ продавать и тотчасъ же переставали, когда товары начинали дешевѣть. Такимъ образомъ они, то подымая, то понижая цѣны, наживали огромный процентъ на свои капиталы. Торговля съ Русскими была для иностранцевъ также выгодна, какъ торговля Русскихъ съ сѣверо-восточными инородцами. Въ Нижнемъ Новгородѣ одинъ купецъ, Христофоръ Гудсонъ, продалъ сукно, по его собственному сознанію, стоившее со всѣми издержками втрое менѣе того, за сколько оно было имъ продано[2]). Крижаничъ жалуется на то, что „Нѣмцы, кои межъ нами живутъ, усматряютъ время и мѣсто, гдѣ ся кій нашъ товаръ наидешевле продаетъ, а свои товары намъ привозятъ единожды въ годъ, какову сами хотятъ"[3]).

Посошковъ, какъ купецъ и патріотъ, желалъ, чтобы такъ дѣйствовали и русскіе купцы. Систематическому образу дѣйствій иностранцевъ онъ хотѣлъ противопоставить стройную организацію русской торговли. Уже во введеніи къ книгѣ „О скудости и богатствѣ" Посошковъ жалуется на то, что „купцы въ Россіи между собою союзства ни малаго не имѣютъ, другъ друга ѣдятъ, и тако вси погибаютъ, а въ зарубежныхъ торгахъ компанства между собою не имѣютъ, и у иноземцевъ товары покупаютъ безъ согласія своего товарищества"[4]).

Любопытно, что Петръ Великій еще до 1700 года мечталъ о таковой организаціи русской торговли. Онъ предписалъ купецкимъ людямъ торговать также, какъ торговали иностранные купцы, компа-

[1]) О скуд. и бог., 145—146.
[2]) *Костомаровъ*, I. с. 29.
[3]) *Крижаничъ* I, 24.
[4]) О скуд. и бог., стр. 5.

ніями. Голландцы встревожились, и резидентъ голландскихъ генеральныхъ штатовъ фонъ-деръ-Гульстъ испрашивалъ у своего правительства инструкціи, чтобы просить царя объ отмѣненіи закона о компаніяхъ; но тревога была напрасная: въ маѣ 1700 года фонъ-деръ-Гульстъ писалъ въ Голландію: „Что касается торговли компаніями, то это дѣло пало само собою: Русскіе не знаютъ, какъ приняться и начать такое сложное и трудное дѣло. Я просилъ прежде, чтобы прислана была мнѣ инструкція на этотъ счетъ; но если я получу теперь эту инструкцію, то замедлю ея исполненіемъ, ибо, по вашему требованію, царь уничтожитъ дѣло, котораго невозможность признана" и пр. [1]). Петръ, однако, въ продолженіе своего царствованія часто старался объ устройствѣ торговыхъ компаній между русскими купцами, не достигая, впрочемъ, большаго успѣха въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ онъ не былъ высокаго мнѣнія о способностяхъ своего народа въ организаціи большихъ коммерческихъ предпріятій. Еще въ концѣ своего царствованія, желая учрежденія компаній для торговыхъ сношеній съ Испаніей, онъ говоритъ въ указѣ, относящемся къ этому дѣлу: „Понеже всѣмъ извѣстно, что наши люди ни во что сами не пойдутъ, ежели не приневолены будутъ, того ради коммерцъ-Коллегія для сей новости дирекцію надъ симъ и управленіе должна имѣть, какъ мать надъ дитятемъ во всемъ, пока въ совершенство придетъ" [2]).

Посошковъ, предлагая мѣры для поддержанія интересовъ русскаго купечества, надѣялся, также какъ и Петръ Великій, на полицейскій надзоръ, на строгія наказанія, на обращеніе съ купцами какъ съ несовершеннолѣтними. Такъ, напримѣръ, онъ требовалъ назначенія во всѣхъ „рядахъ" сотскихъ и пятидесятскихъ и десятниковъ, которые надзирали бы надъ образомъ дѣйствій всѣхъ купцовъ и наказывали бы послѣднихъ за неисправность. Купечество, такъ сказать, должно было, по мнѣнію Посошкова, образовать что-то въ родѣ войска, дѣйствовавшаго за одно въ борьбѣ съ иностранцами. Онъ пишетъ: „А со иноземцы пріѣзжими на ярмаркахъ безъ воли главнаго купеческаго правленія коммандира, ни великаго, ни малаго торгу не чинили бы. А буде кто хотя на одинъ рубль дерзнетъ пріѣзжимъ иноземцамъ продать какого-нибудь товару, безъ воли вышняго своего командира, то взять съ него штрафъ сторично, за всякой вза-

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Росс., XV, 85.
[2]) П. С. З. № 4540.

той рубль по сту рублевъ, и наказаніе учинить кнутомъ, колико уложено будетъ ударовъ дать, дабы помнилъ и впредь такъ не дѣлалъ. И съ воли командира своего и по согласію купечества поставя цѣну товару своему, отпускали бы за моря и за прочіе рубежи русскіе товары, какъ богатые, такъ и убогіе, съ воли командира своего по общему согласію компанства, чтобы никому обиды не было... И тако творя, между всѣми купецкими людьми будетъ мирно и согласно, а цѣны никому уронить будетъ нельзя, и почему какому товару цѣну съ общаго согласія наложатъ, то уже иноземцы по той цѣнѣ и не хотя возьмутъ. А буде иноземцы, похотя нашимъ товарамъ цѣну снизить, и товаровъ по наложенной цѣнѣ брать не станутъ, то надлежитъ у маломочныхъ товары всѣ богатымъ за себя снять. А буде купецкіе люди за недостаткомъ денежнымъ не соймутъ, то выдать бы имъ деньги изъ ратуши и отпустить ихъ восвояси, и впредь до указу таковыхъ товаровъ не возили бы хотя годы два-три или больше, донележе со иноземцы торгу не будетъ, промышляли бы инымъ каковымъ промысломъ. И пока иноземцы по наложенной цѣнѣ товаровъ нашихъ пріймать не будутъ, до того времени отнюдь нималаго числа такихъ товаровъ на иноземческіе торги не возили бы. И буде иноземцы, восхотя нашихъ купцовъ принудить къ своему умыслу, ежебы нашихъ Русскихъ товаровъ цѣною не взвысить, а своихъ не снизить, оставя торгъ, поѣдутъ за море безъ нашихъ товаровъ, то и свои они товары съ коими пріѣхали, повезли бы всѣ съ собою назадъ; а въ анбары съ кораблей, не сторговавшись, отнюдь класть имъ не попускать бы, хотя за амбары вдвое или втрое наемныя деньги давать станутъ, или гдѣ въ домѣ похотятъ сложить, отнюдь того имъ не попускать; то когда нашихъ товаровъ не брать, то и своихъ товаровъ оставлять имъ не для чего: какъ привозили, такъ пусть и назадъ повезутъ. А въ другое лѣто буде пріѣдутъ, то надлежитъ намъ на свои русскіе товары ко установленной прошлогодней цѣнѣ приложить на рубль по гривнѣ или по четыре алтына, или какъ о томъ указъ великаго государя состоится, како бы купечеству сличио было, и деньги бы въ томъ товарѣ даромъ не прогуляли. А буде два года иноземцы съ торгомъ не будутъ, то на прежнюю цѣну наложить еще толико же, колико на первый годъ наложено. И такъ колико годовъ ни проволочатъ они упрямствомъ своимъ, то на каждой годъ по толико и тѣ накладки на всякой рубль налагать, не уступая ни малымъ чѣмъ, чтобъ въ купечествѣ деньги въ тѣхъ залежалыхъ товарѣхъ не даромъ лежали, но проценты бы на всякой годъ умно-

жалися. И аще въ тѣхъ процентахъ товарамъ нашимъ возвысится, что коему прежняя цѣна была рубль, а во упорствѣ иноземскомъ возвысится въ два рубля, то такову цѣну впредь за упрямство ихъ держать, не уступая ни малымъ чѣмъ. И аще иноземцы упрямство свое и отложатъ, и станутъ товары свои возить къ намъ по прежнему, и нашихъ товаровъ къ себѣ востребуютъ, а уже цѣны на русскіе товары прибавленныя отнюдь не убавлять, и въ предбудущіе годы по такой же наложенной цѣнѣ продавать, почему въ упорствѣ ихъ иноземской наложилась. И буде двойныя цѣны за наши товары не похотятъ намъ дать, то и ихъ товары передъ ними: мы благословеніемъ Божіимъ можемъ безъ ихъ товаровъ пробыть" [1]).

Мы видимъ, что Посошковъ хотѣлъ устроить что-то въ родѣ международной стачки. Онъ надѣялся на успѣхъ ея на томъ основаніи, что Россія менѣе нуждалась въ западѣ, чѣмъ западъ въ Россіи. Спрашивается только: былъ ли Посошковъ правъ, утверждая, что Россія могла оставаться безъ заграничныхъ товаровъ? За то Посошковъ весьма основательно полагалъ, что торговля съ Россіей была весьма выгоднымъ рынкомъ для иностранцевъ. Въ самомъ дѣлѣ русская торговля приносила Англіи неизчислимыя выгоды и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Англичане сознавались, что ни въ какой другой странѣ торговля не представляла такой великой будущности, какъ въ Россіи. Какъ Россія нуждалась въ произведеніяхъ природы, чуждыхъ ея сѣверному климату, и въ произведеніяхъ искусствъ и ремеслъ, которыя были еще чужды Русскому народу, такъ равно вся западная Европа нуждалась въ произведеніяхъ сѣвера [2]). Вмѣсто того, однако, чтобы видѣть основанное на такихъ взаимныхъ интересахъ сближеніе различныхъ народовъ, мы встрѣчаемъ въ тогдашней Россіи ожесточенную борьбу между русскими и иностранными купцами. Посошковъ проповѣдуетъ войну; онъ требуетъ весьма враждебныхъ мѣръ противъ иностранцевъ; все купечество русское должно, такъ сказать, превратиться въ войско; строжайшая дисциплина, по мнѣнію Посошкова, могла одна спасти Россію отъ перевѣса иностранныхъ купцовъ. Онъ и не думалъ о томъ, что китаизмъ въ предложенныхъ имъ мѣрахъ могъ оказать вредное вліяніе на коммерческій бытъ Россіи. Онъ надѣялся на успѣхъ, на безусловную побѣду. „Обще же я мню", продолжаетъ онъ,—„хотя они и хитры въ купечествѣ и въ иныхъ гражданскихъ расправахъ, а аще

[1]) О скуд. и бог., стр. 119—121.
[2]) *Костомаровъ*, I. с. 27.

увѣдають нашего купечества твердое положеніе о возвышеніи цѣны, то не допустятъ до двойныя цѣны: будутъ торгъ имѣть повсягодно, видя бо наше твердое постоянство, всячески упрямство свое прежнее и гордость свою всю и нехотя отложатъ: нужда пригоняетъ и къ поганой лужѣ. Для насъ хотя они вовсе товаровъ своихъ къ намъ привозить не будутъ, мню, можемъ прожить безъ товаровъ ихъ, а они безъ нашихъ товаровъ и десяти лѣтъ прожить не могутъ. И того ради подобаетъ намъ надъ ними господствовать, а имъ рабствовати предъ нами, и во всемъ упадокъ предъ нами держать, а не гордость. Сіе странное дѣло, что къ намъ пріѣхавъ съ своими бездѣлками, да нашимъ матеріальнымъ товарамъ цѣну уставляютъ низкую, а своимъ цѣну ставятъ двойную, а инымъ товарамъ и выше двойныя цѣны. И не до сего ста, но и деньги нашего великаго государя цѣнятъ, до чего было имъ ни малаго дѣла не надлежало: имъ надлежитъ деньги цѣнить своихъ государей, потому что они власть имутъ надъ своими владѣльцы. А нашъ великій императоръ самъ собою владѣетъ, и въ своемъ государствѣ аще и копѣйку повелитъ за гривну имать, то такъ и можетъ правиться. Мы въ своемъ царствѣ съ воли монарха своего вольны на привезенные ихъ товары цѣну налагать. А буде имъ нелюбо, то на ту цѣну не отдавай,—воленъ онъ и отдать, и не отдать; намъ силою у него не отнять, а въ томъ мы можемъ стоять, не торгованному и негодному на сухомъ берегу мѣста не дать; либо назадъ вези, либо въ кораблѣ держи" [1]).

Мы увидимъ впослѣдствіи, что понятія Посошкова о теоріи денегъ отчасти были несостоятельны. Иностранцы считали себя въ правѣ жаловаться на перемѣны въ монетной системѣ Россіи; такъ, еще въ началѣ царствованія Михаила Θеодоровича встрѣчаются такія жалобы со стороны англійскаго дипломатическаго агента Джона Мерика. Посошковъ не понималъ значенія международнаго курса деньгамъ.

„Время было уже", говоритъ онъ далѣе,—„имъ (иностранцамъ) прежняя своя гордость и отложить; плохо имъ было надъ нами ломаться тогда, когда сами наши монархи въ купеческія дѣла не вступались, но управляли бояре. И пріѣхавъ, они, иноземцы, засунутъ сильнымъ персонамъ подарокъ рублевъ въ сто-другое, то за сто рублевъ сдѣлаютъ они, иноземцы, прибыли себѣ полмилліону, потому что бояре не ставили купечества ни въ яичную скорлупку; бывало на грошъ все купечество промѣняютъ! А нынѣ, слава Богу, монархъ нашъ вся

[1]) О скуд. и бог., 122.

сія разсмотрѣлъ, и подлѣзть имъ уже никакъ, ежебы имъ по прежнему своему хотѣнію уставить и на своемъ поставить".

Достойно вниманія то обстоятельство, что Посошковъ находитъ различіе между прежнимъ „правленіемъ бояръ" и абсолютизмомъ Петра. По его мнѣнію, прежде личные интересы вельможъ, „знатныхъ персонъ", стояли на первомъ планѣ, а при Петрѣ правительство гораздо болѣе заботилось о благѣ народа.

Дѣйствительно, было много случаевъ подкупа сановниковъ иностранцами изъ-за торговыхъ видовъ при царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михаиловичѣ. Такъ, напримѣръ, когда голштинскіе послы въ 1634 году хлопотали о монополіи персидской торговли чрезъ Россію, они, по показанію гостя Шорина, посулили дьяку Назару Чистому 2,000 ефимковъ, и кромѣ того, дали ему въ закладъ запону въ 3,000 ефимковъ. Михаилъ жаловался на голштинскихъ пословъ герцогу Голштинскому, что они „мимо бояръ нашихъ и думныхъ людей промышляли тайно и подкупали нашихъ обычныхъ людей" [1]). Въ жалобѣ русскихъ купцовъ въ 1646 году сказано, что Англичане подкупили думнаго дьяка Петра Третьякова „многими посулами". [2]). Иногда и самимъ царямъ подносимы были подарки отъ иностранныхъ купцовъ, желавшихъ получить разныя привиллегіи. Юлій Крижаничъ видитъ въ этомъ обычаѣ страшное злоупотребленіе. „О честитый государю", говорилъ онъ, обращаясь къ царю Алексѣю,—„ни отнюдь не вѣруй волку, еже бы ти онъ хотѣлъ твое ягнецы створить жирны. И во вѣки вѣчные не вѣруй инороднику-торговцу: еже бы ти онъ кую корысть принеслъ. Незможно бо есть, да онъ твое богатство умножитъ, кій самъ всѣ земли и моря обтичетъ, и весь свой животъ есть отлучилъ на путованіе и на страхоты и погибельности для ради пѣнязь, и кій лакомѣе зіяетъ на сребро, неже волкъ на ягня. Кто въ воду мечетъ вудицу, онъ мыслитъ истягнуть рыбу. Кто въ землю сѣетъ жито, онъ мыслитъ нажать десятеро толико. Инородникъ-торговецъ, аще тебѣ, господарю, либо твоимъ бояромъ дастъ сребренъ стаканъ или кую ли будь иную корысть, безъ сумлѣнія сто кратъ съ толико благо изверкетъ вонъ изъ твоея земли и проѣстъ" [3]). Обычай такихъ подарковъ, однако, не прекращался. Такъ, напримѣръ, армянскіе купцы, при заключеніи ими довольно

---

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, IX, стр. 274 и 275.

[2]) А. А. Э., IV, № 13.

[3]) *Крижаничъ*, I, 4.

выгоднаго для нихъ договора, поднесли царю Алексѣю Михайловичу разные драгоцѣнные подарки [1]); англійскіе купцы подарили Петру Великому часы, хирургическіе инструменты, нѣсколько дюжинъ бутылокъ прекраснаго вина, разныя оружія и пр. [2]). При всемъ томъ, однако, во время правленія Петра, лично заботившагося о всѣхъ дѣлахъ и строго слѣдившаго за образомъ дѣйствій служащихъ, такіе случаи подкупа случались болѣе рѣдко, чѣмъ прежде, и на это обстоятельство надѣялся Посошковъ, предлагая мѣры противъ иностранныхъ купцовъ.

„И если они, иноземцы", Посошковъ продолжаетъ,—„отъ упрямства своего года два-три и пять-шесть торговаться *съ нами не будутъ*, *то купечеству нашему* великая и неизчислимая прибыль будетъ, потому, которые товары покупались у насъ по рублю, то будетъ уже въ покупкѣ по полтинѣ или и меньше, а иноземцамъ меньше уставленныя цѣны за иноземчивое упрямство сбавить отнюдь не можно... И аще нашимъ товарамъ высокая цѣна уставится или не уставится, то въ воли монарха нашего; какъ онъ повелитъ, такъ то и будетъ неизмѣнно. А ихъ заморскіе товары весьма надлежитъ принимать купечеству нашему по разсмотрѣнію и по согласію общему, и съ воли командира своего, а не по прежнему, самовольно, и выбирали бъ, кои товары были прочны и самые были добрые, а плохихъ отнюдь не принимали, и тѣ принятые товары такожде дѣлили между собою по количеству своихъ товаровъ съ общаго совѣта, чтобы никому и малыя обиды не было. А буде же иноземцы на тотъ отборный товаръ еще сверхъ настоящія цѣны наложатъ цѣну излишнюю, то того отборнаго товара съ наложеніемъ прибавочной ихъ цѣны не брать бы у нихъ ничего, но брать по настоящей цѣнѣ, какова до того отбиранія установилась. А буде заупрямятся и давать тѣхъ товаровъ по настоящей цѣнѣ не похотятъ, то отказать имъ: пусть весь свой товаръ повезутъ назадъ, а плохихъ и непотребныхъ товаровъ и на полцѣны отнюдь бы не принимать ни малаго числа для того, чтобы они дураками насъ не называли, и въ товарахъ нашихъ надъ нами не издѣвались бы" [3]). Въ заключеніе своей статьи о торговлѣ Посошковъ говоритъ: „И аще мочно такъ учинить, еже бы въ Санктпетербургѣ и въ Ригѣ, и въ Нарвѣ, и у Архангельскаго города пріѣзжіе иноземцы товаровъ

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, XII, 280.

[2]) *Поссельтъ*, Franz Lefort, II, 22.

[3]) О скуд. и бог., стр. 123—125.

своихъ продавали съ кораблей, аще большими статьями, аще и малыми, обаче съ кораблей бы продавали, а въ амбары и на дворы, не сторговавъ и пошлинъ не заплатя, не выгружали бы, а кои товары ихъ за непотребность или за высокость цѣны не проданы будутъ, то тѣ товары, не вынимая изъ кораблей, назадъ къ себѣ за море повезли бы, а у насъ бы отнюдь не оставляли бы; и аще тако состоится, то иноземцы будутъ къ намъ ласковѣе, а прежнюю свою гордость всю отложатъ. Намъ о томъ весьма крѣпко надобно стоять, чтобы прежнюю ихъ пыху въ конецъ сломить, и привести бы ихъ во смиреніе, и чтобы они за нами гонялись. И аще въ семъ мы можемъ устояти, еже бы товаровъ не запроданныхъ въ амбары наши имъ не складывать, то станутъ они гораздо охотнѣе тѣ свои товары продавать, а пошлина уже будетъ со всего товара взята сполна, а на переводъ по прежнему уже переводить не станутъ" [1]). Такимъ образомъ, предлагая столь крупныя мѣры противъ иностранцевъ, Посошковъ, надѣялся на содѣйствіе правительства. До тѣхъ поръ, какъ мы видѣли, правительство иногда слишкомъ благопріятствовало иностранцамъ. Теперь же Посошковъ считалъ возможнымъ, такъ сказать, оборонительный и наступательный союзъ между обществомъ и государствомъ въ Россіи противъ „гордости" и „хитрости Нѣмцевъ".

Положеніе русскихъ купцовъ дѣйствительно было отчаянное. Ужь и прежде ганзейскіе купцы въ Новгородѣ притѣсняли русскихъ всевозможнымъ образомъ. Въ уставѣ Любской конторы въ Новгородѣ было сказано, между прочимъ: никто изъ нѣмецкихъ купцовъ не имѣетъ права дозволить русскому купцу ночевать у Нѣмца; Русскимъ не должно продавать товаровъ на срокъ или давать товаръ заимообразно; менѣе хорошія кожи могутъ быть предоставлены русскимъ купцамъ, лучшія—Нѣмцамъ; Русскимъ не слѣдуетъ отпускать на домъ образчики товаровъ до заключенія торговой сдѣлки и т. п. [2]). Когда однажды Русскіе въ Архангельскѣ взялись за торговлю шелкомъ, между тѣмъ какъ иностранцы смотрѣли на эту торговлю какъ на свою монополію, Нѣмцы, сговорившись, не купили у Русскихъ ни одного фунта шелку и сказали имъ: „Мы-де учинимъ то, что купцы московскіе гости настоятся въ деньгахъ на правежѣ, да и впредь-де ихъ заставимъ торговать лаптями, и забудутъ-де у насъ перекупаться

[1]) О скуд. и бог., 138—139.

[2]) *Marperger*, Moscovitischer Kaufmann (изд. 1729 г.), стр. 197 и слѣд.

всякими товары" [1]). Изъ нѣкоторыхъ примѣровъ видно, что иностранцы и при Петрѣ всѣми мѣрами старались сохранить монополію въ отношеніи къ нѣкоторымъ отраслямъ торговли. Русскіе, не зная цѣну ревеня, продавали этотъ товаръ иностранцамъ по гривнѣ за пудъ. Одинъ Гамбургскій купецъ предлагалъ царю за исключительное право заниматься торговлею ревенемъ 30.000 рублей и продавалъ затѣмъ пудъ ревеню въ Голландіи по 8 рублей. Петръ, случайно узнавъ объ этомъ чрезъ одного Русскаго, находившагося въ Гамбургѣ, тотчасъ же велѣлъ нагрузить цѣлый корабль ревенемъ и отправилъ его въ Голландію. Гамбургскій купецъ-монополистъ, тотчасъ же послѣ прибытія корабля, отправленнаго Петромъ, понизилъ цѣну своему ревеню на 8 грошей, такъ что ревень, отправленный Петромъ, остался не проданнымъ и испортился совершенно [2]).

Такимъ образомъ національный антагонизмъ въ Россіи въ области торговли вызывалъ съ различныхъ сторонъ многія враждебныя мѣры. Такая борьба происходила впрочемъ, не только между Русскими и иностранцами, но и между представителями различныхъ народовъ, находившимися въ Россіи. Такъ, изъ сочиненія врача царя Алексѣя Михайловича, Самуила Коллинса, мы, между прочимъ, видимъ, въ какой мѣрѣ Англичане были недовольны Голландцами, которыхъ они сравнивали съ саранчею; такъ ганзейскіе купцы не хотѣли допустить, чтобы купцы другихъ націй учились русскому языку; часто иностранные купцы доносили другъ на друга въ поставкѣ недоброкачественнаго товара, въ неплатежѣ указныхъ пошлинъ и пр.; весьма нерѣдко, особенно въ Архангельскѣ, такая національная ненависть доходила до безпорядковъ, дракъ и т. п.

Посошковъ жалуется, что въ прежнее время русское правительство, по его мнѣнію недостаточно энергично защищало національные интересы русской торговли. Дѣйствительно не всегда было возможно исполнять желанія русскихъ купцовъ. Правительство болѣе ясно, чѣмъ публика понимало, въ какой мѣрѣ Россія нуждалась въ произведеніяхъ западно-европейской промышленности. Такъ, напримѣръ, когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Новгородѣ происходили безпорядки по случаю отправленія нѣкотораго количества хлѣба и нѣкоторой суммы денегъ въ Швецію, Новгородцы потребовали отъ царя запрещенія вывоза этихъ предметовъ за границу, а царь отвѣчалъ: „Мы, великій

[1]) А. А. Э. IV. № 13.

[2]) *Weber*, Das veränderte Rusland I. 449.

государь, съ Божіею помощью, вѣдаемъ, какъ намъ государство наше оберегать и править", и доказывалъ, что запретить вывоза хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ нельзя, „потому что между государствами ссылкѣ и всякой торговлѣ какъ не быть? Если съ нашей стороны въ какихъ-нибудь товарахъ заказъ учинить, то Шведы и сами никакихъ товаровъ въ нашу сторону не повезутъ, и въ томъ нашему государству будетъ оскудѣнье" [1]).

Посошковъ, какъ мы видимъ, надѣялся на Петра Великаго, по его мнѣнію, лучше прежнихъ царей умѣвшаго обезпечивать интересы русской торговли. Иностранцы же, напротивъ, видѣли въ Петрѣ защитника ихъ правъ. По выраженію ганноверскаго резидента Вебера, Петръ „намѣревался противъ злости Русскихъ дѣйствовать при помощи Нѣмцевъ", но самъ же Веберъ утверждаетъ, что Русскіе не переставали стремиться къ освобожденію отъ перевѣса Нѣмцевъ [2]). Такъ напримѣръ, при Петрѣ II нѣкоторые русскіе купцы представили государю подробный проектъ совершеннаго исключенія всѣхъ иностранцевъ изъ русской торговли и образованія большой русской коммерческой компаніи, въ рукахъ которой сосредоточивались бы всѣ дѣла и богатство которой доставило бы ей возможность платить двойныя пошлины, учреждать мануфактуры разнаго рода, строить каналы и т. д. [3]) Все это оказалось неудобоосуществимымъ и даже при Екатеринѣ II иностранцы замѣчали, что почти вся торговля въ Россіи находилась въ рукахъ иностранцевъ [4]). Даже въ настоящее время русское купечество не перестаетъ роптать на „крѣпостное право въ торговлѣ, находящейся въ рукахъ иностранцевъ" [5]).

Посошковъ былъ правъ, когда выражалъ надежду на Петра, понимавшаго опасность „жалузіи" Нѣмцевъ. Случилось, что нѣкто Шаблыкинъ, учившійся у одного Нѣмца какому-то ремеслу, успѣлъ научиться разнымъ техническимъ уловкамъ, не смотря на то, что мастеръ старался содержать ихъ въ тайнѣ, и Петръ похвалилъ и наградилъ за то Шаблыкина [6]). Другой разъ, когда Петръ выписалъ овчаровъ и суконныхъ мастеровъ изъ-за границы, въ „цидулѣ" къ этому указу онъ

---

[1]) *Соловьевъ*, X, 179—184.

[2]) *Weber*, Das verändertes Russland I. 27.

[3]) Тамъ же, III, 147.

[4]) *Sabathier de Cabres*, Catherine II, sa cour et la Russie en 1772, стр. 16.

[5]) См. *Биржевыя Вѣдомости* 6-го мая 1862 г. № 93.

[6]) Штелинъ, слышавшій объ этомъ отъ самого Шаблыкина; см. Anecdotes originales de Pierre le Grand, 72.

приписалъ: „Когда тѣхъ мастеровъ станете отправлять въ губерніи, то лучше, чтобъ они отправлены были не чрезъ Москву; только чтобъ не давали имъ ходить въ Нѣмецкую слободу, дабы ихъ тамъ не сбили плуты, или кто изъ Шведовъ не хотя, чтобъ то дѣло въ нашемъ государствѣ было размножено“ [1]).

Такимъ образомъ Посошковъ мыслилъ объ этомъ предметѣ совершенно также, какъ Петръ, хотя послѣдній и не могъ никогда сдѣлаться сторонникомъ національнаго антагонизма въ такой мѣрѣ, какъ Посошковъ. Петръ былъ посредникомъ между цивилизаціей запада и русскимъ народомъ, Посошковъ во многихъ отношеніяхъ оставался на этотъ счетъ старовѣромъ. Петръ умѣлъ цѣнить значеніе чисто политическихъ вопросовъ[2] соединенныхъ нѣкоторымъ образомъ съ вопросами о внѣшней торговлѣ; Посошковъ не имѣлъ понятія о состояніи европейской политической системы и разсуждалъ о торговлѣ не столько въ качествѣ государственнаго человѣка, сколько съ точки зрѣнія русскаго купечества. При всемъ томъ однако, какъ мы увидимъ далѣе, Посошковъ, равно какъ и самъ Петръ, былъ меркантилистомъ и въ своихъ соображеніяхъ о внѣшней торговлѣ раздѣлялъ точь въ точь мнѣнія, господствовавшія въ то время въ западно-европейской литературѣ, относящейся къ торговлѣ.

Понятія о торговлѣ на западѣ.

Наука о хозяйствѣ въ началѣ своего развитія была государственною наукою. Экономическая дѣятельность правительствъ повела къ опредѣленію началъ экономическаго быта вообще. По мѣрѣ того какъ усиливалась государственная власть, правительства считали не только своимъ правомъ, но и своею обязанностью заботиться о всѣхъ отрасляхъ общественнаго быта. Развивалось попеченіе правительствъ объ общественномъ хозяйствѣ, о торговлѣ. Вмѣстѣ съ развитіемъ многостороннихъ задачъ и цѣлей государства должны были развиваться и средства, находившіяся въ распоряженіи казны. Быстрое увеличеніе размѣровъ бюджетовъ принуждало правительства во что бы то ни

---

[1]) П. С. З. № 3017.

[2]) Характеристично предложеніе одного русскаго въ 1724 году отправить его въ Италію для изученія тамъ разныхъ видовъ промышленности, такъ какъ Италія находится въ большомъ отъ Россіи разстояніи и не можетъ имѣть «жалузіи» противъ развитія промышленности въ Россіи. См. *Аѳанасьевъ*, Госуд. хоз. при Петрѣ Великомъ. *Современникъ*, 1847 г., III, 67.

стало содѣйствовать усиленію способности общества платить подати и налоги. Деньги получили значеніе, котораго они до того не имѣли въ политикѣ. „L'argent est le nerf de la guerre", писалъ Карлъ V. „Un prince sans argent n'est rien", сказалъ папа Сикстъ V. „Деньги суть артеріею войны", замѣтилъ Петръ Великій [1]). Поэтому накопленіе денегъ, драгоцѣнныхъ металловъ становится одною изъ главныхъ задачъ государственнаго управленія. Правительства смотрятъ на торговлю какъ на главное средство для достиженія этой цѣли. Такъ какъ деньги считались главнымъ или даже единственнымъ представителемъ богатства, то обогащеніе одного народа было возможно лишь въ ущербъ другому народу. Чтобы привлечь какъ можно болѣе денегъ изъ другихъ странъ, казалось необходимымъ продавать какъ можно болѣе, а покупать какъ можно менѣе. Для достиженія этой цѣли, необходимо искусственное систематическое устройство торговли. Такъ возникла система меркантилизма.

Наблюденіе надъ явленіями экономическаго быта вообще и торговли въ особенности породило кругъ понятій, заключавшихъ въ себѣ зародышъ науки. Главными представителями этихъ понятій являются государственные дѣятели. Отъ нихъ онѣ сообщаются публикѣ. Публицисты приводятъ ихъ въ систему. Меркантилизмъ поэтому не столько былъ результатомъ метафизическаго мышленія, сколько порожденіемъ практической политики.

Созданная такимъ образомъ наука имѣла преимущественно значеніе національное, политическое. Каждый народъ находился въ антагонизмѣ съ другими народами. Хозяйственный бытъ одного народа соперничалъ съ экономическою дѣятельностью другихъ. Наука о хозяйствѣ поэтому получила названіе „*политической* экономіи" или „Nationalökonomie", названія, которыя при нынѣшнемъ состояніи науки сдѣлались односторонними и тѣсными.

Публицисты, разбиравшіе вопросы, которые относились къ торговлѣ, и сдѣлавшіеся извѣстными какъ писатели-меркантилисты, почти всегда говорятъ не о хозяйствѣ вообще, а о хозяйствѣ лишь одного народа. Они не думаютъ о примѣнимости ихъ предложеній во всѣхъ государствахъ. Они не желали создавать общихъ теорій и ограничивались предложеніемъ частныхъ мѣръ и распоряженій въ томъ краѣ, для котораго составлялись такія записки. Ихъ сочиненія скорѣе заслуживаютъ именно названія записокъ, мнѣній, поданныхъ по вопро-

[1]) П. С. З. № 2349.

самъ торговли и ея отношеній въ политикѣ, нежели отвлеченныхъ, теоретическихъ сочиненій. Сочиненія эти всегда состоятъ въ тѣсной связи съ извѣстнымъ положеніемъ какого-либо государства въ данное „время; иногда они могутъ быть сравнимаемы съ инструкціями для органовъ администраціи [1]). Обще-теоретическіе выводы, здѣсь и тамъ встрѣчаемые въ таковыхъ сочиненіяхъ, оказываются односторонними, отчасти ложными. Мѣры, предлагаемыя меркантилистами, не могли считаться безусловно полезными, цѣлесообразными. Признавая значеніе теоріи меркантилистовъ и ея вліяніе на развитіе экономической дѣятельности народовъ, и науки о хозяйствѣ, нельзя не признать, что она относится къ настоящей наукѣ о хозяйствѣ какъ алхимія къ химіи или какъ астрологія въ астрономіи [2]).

Меркантильная система какъ на главную цѣль экономической дѣятельности всего народа указываетъ на выгодный торговый балансъ, то-есть, на перевѣсъ отпуска товаровъ надъ привозомъ. Эта теорія о торговомъ балансѣ основывается на слѣдующихъ началахъ: обогащеніе одного народа возможно лишь въ ущербъ другимъ народамъ, потому что богатство состоитъ въ деньгахъ и драгоцѣнныхъ металлахъ; торговля есть родъ войны международной, въ которой побѣда состоитъ въ выгодномъ балансѣ; государство должно быть главнымъ руководителемъ этой войны, поощряя увеличеніе отпуска товаровъ и ограничивая въ то же время привозъ ихъ [3]). „Странная непослѣдовательность“, замѣчаетъ извѣстный историкъ Гееренъ,—„именно въ то время, когда каждое правительство желало развитія торговли,—всѣ старались содѣйствовать ея уничтоженію“ [4]).

Такимъ образомъ торговля становится дѣломъ политическимъ, получаетъ національное значеніе. Дженовези (Genovesi), въ своихъ Чтеніяхъ о политической экономіи, замѣчаетъ: „Торговля должна служить государству, а не на оборотъ—государство торговлѣ“, или въ другомъ мѣстѣ: „Духъ торговли есть ничто иное какъ духъ завоева-

---

[1]) *Knies*, Die politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode. Braunschweig. 1853, стр. 20 и 174.

[2]) *Kautz*, Theorie und Gesch. d. Nationalökonomie, II. 302.

[3]) Весьма точно выразился Кольберъ относительно этой программы: «Réduire les droits à la sortie sur les denrées et les produits manufacturés du royaume. Diminuer aux entrées les droits sur tout ce qui sert aux fabriques. Repousser par l'élèvation des droits les produits des manufactures étrangères».

[4]) Gesch. d. europ. Staatensystems, стр. 226.

нія", или: „У варваровъ предметомъ завоеванія были люди и земли; у народовъ, занимающихся торговлею,—богатство" [1]).

При такихъ понятіяхъ каждая отрасль экономической дѣятельности должна была стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться національною монополіей. Это направленіе замѣтно съ давнихъ поръ. Жители острова Родоса убивали каждаго иностранца, встрѣчаемаго на ихъ верфяхъ съ намѣреніемъ научиться этому промыслу. Одинъ мореплаватель изъ Кареагена въ открытомъ морѣ нарочно сѣлъ на мель, жертвуя и кораблемъ, и грузомъ, съ тою лишь цѣлью, чтобы продолженіемъ своего плаванія не указать путь слѣдовавшему за нимъ римскому судну; за этотъ патріотическій поступокъ онъ былъ награжденъ въ своемъ отечествѣ, потому что Кареагеняне во что бы то ни стало желали отдалить Римлянъ отъ совмѣстничества въ торговлѣ съ сѣверными странами Европы. Венеціанцы также не допускали иностранцевъ къ участію въ кораблестроеніи на венеціанскихъ верфяхъ и преслѣдовали подосланными убійцами венеціанскихъ ремесленниковъ, оставившихъ свое отечество и занимавшихся своимъ ремесломъ въ другихъ странахъ. Голландцы, сосредоточившіе мушкатный орѣхъ, гвоздику и т. д. на отдѣльныхъ островахъ чрезъ уничтоженіе этихъ растеній на другихъ; навигаціонный актъ въ Англіи во время революціи и диктатуры Кромвелля; дѣйствія Кольбера въ области промышленности съ цѣлью повредить экономическому быту Голландцевъ; континентальная система Наполеона—все это представляетъ намъ примѣры тѣсной связи между политикой и торговлею, стремленіе къ развитію собственной хозяйственной дѣятельности и къ ограниченію богатства другихъ народовъ. Это родъ войны, въ которой оружіемъ служатъ тарифы и привиллегіи, законы, полицейскія распоряженія, административныя мѣры.

Болѣе просвѣщенныя понятія, а именно мысль о томъ, что важнѣйшимъ условіемъ настоящаго процвѣтанія торговли должны быть взаимность и дружескія отношенія между народами, весьма лишь медленно пробиваетъ себѣ дорогу. Еще во второй половинѣ XVIII вѣка директоръ таможеннаго управленія въ Пруссіи де-Лонэ (de Launay) сказалъ: „Когда мы дѣйствуемъ въ ущербъ иностранцамъ, мы этимъ самымъ приносимъ пользу нашему народу". За то знаменитый ораторъ французской революціи, Мирабо, замѣтилъ о такомъ

[1]) *Genovesi*, Lezioni di commercio osia d'economia civile, Bassano 1769. Нѣм. переводъ *Вицмана*, Лейпцигъ, 1776, I, 287, 294.

отзывѣ, что этотъ взглядъ на торговлю соотвѣтствуетъ варварскимъ воззрѣніямъ какого-либо государственнаго человѣка XI вѣка [1]). Къ счастію, являются уже довольно рано сторонники гуманнаго, либеральнаго начала. „Что же мы станемъ продавать Миланцамъ", спрашивалъ венеціанскій дожъ Мочениго, — „коль скоро разоримъ ихъ въ войнѣ?" [2]) „Кто не хочетъ покупать, не будетъ въ состояніи продавать", замѣчаетъ одинъ изъ англійскихъ экономистовъ XVII вѣка. „Въ торговлѣ", говоритъ Нортъ,—весь свѣтъ образуетъ *одно* семейство, котораго членами бываютъ отдѣльные народы" [3]). Кильбургеръ, путешественникъ, находившійся въ Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, замѣчаетъ, что совершенно также, какъ Богъ никогда не одаряетъ одного человѣка всѣми способностями и талантами, онъ распредѣлилъ между различными народами и различные источники богатства; изъ этого различія произведеній каждой страны Кильбургеръ выводитъ необходимость международныхъ торговыхъ сношеній [4]). Монтескье указываетъ на миръ, какъ на главное условіе и главный результатъ торговыхъ сношеній. „Два народа", замѣчаетъ онъ,— „состоящіе между собою въ торговыхъ сношеніяхъ, зависятъ другъ отъ друга; желанію покупать соотвѣтствуетъ желаніе продавать; всѣ союзы основаны на взаимныхъ выгодахъ" [5]). Наконецъ, въ XIX столѣтіи англійскій экономистъ Торренсъ назвалъ торговлю международнымъ раздѣленіемъ труда [6]).

Посошковъ, какъ видно, не раздѣлялъ столь космополитическаго взгляда на торговлю. Онъ былъ чуждъ такого рода обобщеніямъ и теоретическимъ разсужденіямъ и гораздо большее вниманіе обращалъ на практическіе вопросы, относящіеся къ торговлѣ Россіи. Онъ не былъ ученымъ или философомъ; онъ писалъ какъ патріотъ-публицистъ, желая быть полезнымъ своему народу. Поэтому его разсужденія о торговлѣ нельзя сравнить съ произведеніями литературы просвѣщенія на западѣ; за то бросается въ глаза необыкновенное сходство его мыслей съ предположеніями нѣкоторыхъ публицистовъ Англіи и Голландіи въ XVII столѣтіи. Мы позволимъ себѣ вкратцѣ указать

---

[1]) *Roscher*, Gesch. d. Nationalökonomie, стр. 407.

[2]) *Blanqui*, Hist. de l'écon. pol. I. 243.

[3]) *Roscher*, Zur Gesch. d. engl. Volksw., стр. 89.

[4]) *Kilburger,* Kurzer Unterricht über den russ. Handel; *Büschings Magazin*, III, 247.

[5]) Esprit des lois l, XX, ch. 2.

[6]) *Roscher*, Grundlagen der Nationalökonomie, стр. 88.

на содержаніе таковыхъ брошюръ, разумѣется, не извѣстныхъ Посошкову, но и вообще, и даже въ частностяхъ весьма похожихъ на главныя соображенія въ главѣ „о купечествѣ" книги „О скудости и богатствѣ".

Англійская брошюра, приписываемая Ультеру Ралею.

Въ 1653 году въ Англіи явилась брошюра „Замѣчанія о торговлѣ съ Голландцами и другими народами" [1]). Авторомъ ея считался сэръ Уальтеръ Ралей. Безыменный издатель этой книжки сообщаетъ въ предисловіи, что онъ получилъ рукопись отъ одного господина, который по смерти знаменитаго автора, послѣдовавшей въ 1617 году, хранилъ ее у себя.

Содержаніе этой книжки находилось въ тѣсной связи съ понятіями о торговлѣ, господствовавшими тогда въ Англіи. Авторъ указываетъ на значеніе торговли и желаетъ, чтобъ Англія посредствомъ торговли сдѣлалась богатою и могущественною страною. Торговля Нидерландовъ, по его мнѣнію, должна служить образцомъ для Англіи; Голландцы препятствуютъ развитію Англіи, и потому нужно избавиться отъ такого перевѣса Голландіи надъ Англіей. Въ самомъ заглавіи сказано, что въ этой брошюрѣ заключается доказательство, что всѣ источники богатства Англіи служатъ лишь къ обогащенію и усиленію другихъ странъ въ ущербъ интересамъ самой Англіи. Весьма подробно авторъ говоритъ о средствахъ для устраненія такого неудобства.

Уже самое географическое положеніе Англіи указывало ея политикѣ на море какъ на главное поприще ея дѣятельности и ея перевѣса. Венеціанскій посланникъ Буссони писалъ въ началѣ XV вѣка: „Главное правило Англійскаго государства состоитъ въ стремленіи къ перевѣсу на морѣ надъ всѣми сосѣдями". Въ заглавіи сочиненія Зельдена „Mare clausum" встрѣчается замѣчаніе: „Во второй главѣ доказывается, что Великобританскій король царствуетъ надъ моремъ, окружающимъ Англію". Многія событія содѣйствовали развитію значенія Англіи на морѣ: открытіе морскаго пути въ Россію, колонизація въ Америкѣ, учрежденіе Остъиндской и Вестъиндской ком-

[1]) Sir Walter Raleighs Observations touching Trade and Commerce with the Hollander and other Nations, as it was presented to king James, wherein is proved, that our Sea- and Land-Commodities serve to enrich and strenthnen other Countries against our owne. 1653.

паній, побѣда надъ испанскимъ флотомъ и пр. Таково было начало гегемоніи Англіи на морѣ. Съ этимъ началомъ гегемоніи Англіи совпало и начало политической экономіи въ Англіи. Главные англійскіе колонизаторы въ Америкѣ, знаменитѣйшіе адмиралы времени Елизаветы, какъ напримѣръ, Дрэкъ (Drake), Джильбертъ (Gilbert), Фробишеръ и Ралей могутъ считаться первыми представителями этой науки въ Англіи.

Если только Ралей можетъ считаться авторомъ вышеупомянутой брошюры, что̀, впрочемъ, подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію [1]), онъ за-

---

[1]) Издатель брошюры не сомнѣвается въ томъ, что Ралей былъ авторомъ ея. Онъ подробно разказываетъ, что это сочиненіе, имѣвшее форму письма къ королю Якову I, два раза было представляемо сему послѣднему, но оба раза не имѣло успѣха. Многіе извѣстные писатели Англіи не сомнѣвались въ авторствѣ Ралея. Такъ, напримѣръ, Роджеръ Кокъ (*Roger Coke*, Detections of the Court and State of England during the last four reigns, 3-е изд. 1694 г.), такъ и извѣстный авторъ исторіи торговли Андерсонъ называютъ Ралея авторомъ знаменитой брошюры. Когда въ 1829 году были изданы въ Оксфордѣ всѣ сочиненія Уальтера Ралея, то между ними были помѣщены и «Замѣчанія о торговлѣ». Противъ мнѣнія, что Ралей былъ авторомъ этого труда, возстали два авторитета: біографъ Ралея Ольдисъ (*Oldys*, Life of Raleigh, p. 442, въ срединѣ XVIII вѣка) заключаетъ, что въ библіотекахъ англійскаго дворянства находится нѣсколько списковъ этого сочиненія, въ которыхъ авторъ названъ Джономъ Кеймеромъ (Jonn Keymer). Сей послѣдній въ 1601 г. написалъ сочиненіе о рыбной ловлѣ Голландцевъ (Observations made upon the dutch fishery, напечатано въ 1664 г.), и Ольдисъ говоритъ, что тотъ, кто читалъ оба сочиненія «Замѣчанія о рыбной ловлѣ Голландцевъ» и «Замѣчанія о торговлѣ съ Голландцами», не можетъ сомнѣваться въ томъ, что авторъ обоихъ сочиненій одно и то же лицо. Къ тому же въ «Замѣчаніяхъ о торговлѣ» сказано, по случаю предложенія обратить вниманіе на рыбную ловлю, что авторъ самъ занимался этимъ предметомъ. Такое замѣчаніе дѣйствительно скорѣе указываетъ на Кеймера, нежели на Ралея. Главнымъ предметомъ «Замѣчаній о торговлѣ» служитъ рыбная ловля и торговля шерстью. То, что̀ сказано о рыбной ловлѣ, указываетъ на Джона Кеймера, какъ на автора; то же, что̀ сказано о торговлѣ шерстью, указываетъ на другую личность, какъ на автора этой брошюры, а именно на Кокэня (Cockayne). Мнѣніе, что авторомъ этого сочиненія былъ Кокэнь, высказано въ замѣчательномъ сочиненіи Смита «Memoirs of wool, woolen manufacture and trade. London, 1757», стр. 103. Въ анонимной запискѣ о торговлѣ съ Нидерландцами говорится о томъ, что вывозъ шерсти, какъ сыраго матеріала, чрезвычайно убыточенъ для Англіи, и что лучше бы вывозить шерстяные товары или сукно крашеное вмѣсто бѣлой шерсти и бѣлаго сукна. Эти мысли совершенно согласны съ проектомъ Кокэня, получившаго въ 1615 году привиллегію аппретировать и красить сукно. Андерсонъ (Ист. торг., нѣм. перев., IV, стр. 373) говоритъ, что именно сочиненіе Ралея внушало Кокэню мысль о такомъ промышленномъ предпріятіи, которое впрочемъ

нимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между экономистами Англіи того времени. Ралей былъ однимъ изъ важнѣйшихъ представителей главныхъ политическихъ стремленій Англіи въ то время. Его многосторонность доставила ему возможность быть въ одно и то же время и адмираломъ, и виднымъ членомъ въ парламентѣ, и ученымъ, и царедворцемъ, и колонистомъ, и поэтомъ. Онъ принималъ участіе во всемъ, чтó касалось новыхъ открытій и изобрѣтеній, литературы, искусства, и политики. Во Франціи онъ въ молодости воевалъ на сторонѣ гугенотовъ; въ Америкѣ онъ участвовалъ въ учрежденіи колоніи Виргиніи, у береговъ Испаніи онъ не разъ побѣждалъ испанскій флотъ. Въ темницѣ, куда онъ попалъ вслѣдствіе участія въ какомъ-то заговорѣ, онъ написалъ весьма обширное общеисторическое сочиненіе (History of the world) и занимался философіей, богословіемъ, психологіею и медициною. Онъ былъ казненъ въ 1617 году. Какъ горячій патріотъ, мѣткій наблюдатель, экономистъ и политикъ, Ралей не могъ не заняться вопросомъ объ отношеніяхъ Англіи въ Голландіи. Восхваленіе нидерландской торговли было любимымъ предметомъ англійскихъ публицистовъ XVI вѣка. И Роджеръ Кокъ (Roder Coke) писалъ о торговлѣ Голландцевъ, и лордъ Темпль (Temple), и другіе. Ралей нерѣдко разсуждалъ о зависимости Англичанъ отъ Голландцевъ и съ ненавистью говорилъ о перевѣсѣ послѣднихъ надъ первыми. Такъ, напримѣръ, въ своемъ сочиненіи о мореплаваніи (Discourse of shipping) онъ жалуется на то, что иностранцамъ дозволяютъ отнимать хлѣбъ у Англичанъ, вывозить англійскіе товары и

не имѣло успѣха. Смитъ напротивъ замѣчаетъ: «Я не знаю, кто съ большею вѣроятностью можетъ быть названъ авторомъ этой книжки, какъ альдерманъ Кокенъ, или по крайней мѣрѣ лицо, состоявшее съ нимъ въ тѣсной связи». Какъ видно, вопросъ объ авторствѣ не рѣшается этими гипотезами. Самъ Ралей, казалось бы, рѣшаетъ этотъ вопросъ довольно ясно. Упоминая однажды объ этомъ сочиненіи, онъ называетъ автора его «неизвѣстнымъ» (a gentlemen to me unknown); см. его сочиненіе «A discourse of the invention of ships» въ собраніи его сочиненій (Works, VII, p. 333), однако Рошеръ (Zur Geschichte der englischen Volkswirthschaftslehre, стр. 33) считаетъ возможнымъ, что Ралей желалъ остаться анонимнымъ. Какъ бы то ни было, мнѣнія, выраженныя въ этомъ сочиненіи, совершенно совпадаютъ со взглядами Ралея, выраженными имъ какъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ парламентѣ, такъ и въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій. Это сходство мѣстами даже буквальное... Вопросъ: былъ ли Ралей, или Кокэнъ, или Кейнеръ авторомъ записки, для насъ не особенно важенъ. Важнѣе то, что выраженныя въ ней мысли соотвѣтстствовали господствовавшимъ тогда понятіямъ общества.

привозить чужіе; въ парламентѣ онъ однажды говорилъ о томъ, что Голландцы, не занимаясь хлѣбопашествомъ, владѣютъ, чрезъ свою предпріимчивость, хлѣбнымъ рынкомъ и потому могутъ снабжать всѣ народы хлѣбомъ. Почти тѣми же словами эти мысли выражены въ запискѣ, приписываемой Ралею. Поэтому, не смотря на вышепомянутыя сомнѣнія, мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что Ралей былъ авторомъ этой записки.

Характеръ и содержаніе этой записки представляютъ большое сходство съ соотвѣтствующими главами въ сочиненіи Посошкова.

Ралей смотритъ на торговлю какъ на главное условіе политическаго могущества; онъ обращается къ королю, чтобы показать ему, „какимъ образомъ другія государства становятся богатыми и сильными посредствомъ промышленности и торговли". Онъ увѣренъ въ томъ, что вовсе „не трудно привлечь посредствомъ торговли могущество и богатство другихъ странъ въ Англію". Далѣе онъ доказываетъ, что торговля можетъ сдѣлаться источникомъ доходовъ казны, и продолжаетъ: „Ваше величество будете имѣть не только полную казну, но и такое политическое могущество, что всѣ государи сосѣднихъ странъ пожелаютъ союза съ Англіей и будутъ ея бояться". О Голландцахъ Ралей говоритъ на этотъ счетъ: „Ихъ доходы умножаются, потому что торговля дозволяетъ даже и низшимъ слоямъ общества платить значительные налоги и въ то же время пріобрѣтать богатство".

Всѣ эти мысли встрѣчаются и у Посошкова. Послѣдній, какъ мы видѣли, предлагалъ стройную организацію торговли подъ надзоромъ правительства. Совершенно такая же мысль встрѣчается въ сочиненіи, приписываемомъ Ралею, въ которомъ предлагается учрежденіе чего-то въ родѣ министерства торговли (State Merchant). „Этотъ State Merchant", говоритъ авторъ,—„наполнитъ порты вашего величества кораблями, а корабли мореплавателями, ваше королевство купцами, ихъ жилища предметами англійскаго производста, вашу казну деньгами. Народъ вашъ вѣчно будетъ восхвалять царствованіе вашего величества, начало столь благопріятнаго, выгоднаго и похвальнаго предпріятія. Это истинный философскій камень, который сдѣлаетъ ваше величество богатымъ и могущественнымъ, а народъ вашъ счастливымъ". За то все это требуетъ упорной борьбы противъ иностранцевъ. Уже самое заглавіе книги, „въ которой доказывалось, что англійскіе товары служатъ къ обогащенію другихъ странъ въ ущербъ Англіи", обнаруживаетъ образъ мыслей автора. Тутъ высказано убѣж-

деніе, что условія для успѣшнаго экономическаго развитія Англіи весьма благопріятны, что Англія имѣетъ самое выгодное географическое положеніе, и что она богато надѣлена разными продуктами. Желаніе воспользоваться этими выгодами было приведено въ исполненіе посредствомъ „навигаціоннаго акта". Въ этомъ отношеніи достойно вниманія то обстоятельство, что сочиненіе, приписываемое Уальтеру Ралею, явилось въ печати въ 1653 году, между тѣмъ какъ въ октябрѣ 1651 года англійскій парламентъ постановилъ знаменитый законъ о мореплаваніи, который нанесъ сильный ударъ нидерландской торговлѣ и заслужилъ названіе „magna charta maritima" Англіи. Издатель сочиненія „Замѣчаній" жалуется на то, что Ралеевы предложенія не были приведены въ исполненіе въ свое время; примѣненіе ихъ къ практикѣ воспрепятствовало бы обогащенію другихъ странъ и оскудѣнію самой Англіи.

И дѣйствительно, англійская торговля въ прежнее время въ нѣкоторой степени зависѣла отъ иностранцевъ. Такъ, напримѣръ, еще въ началѣ XVI вѣка Ганзейскіе купцы имѣли въ своихъ рукахъ бо̀льшую часть англійской торговли. Въ 1551 году Ганзейскіе купцы вывезли изъ Англіи 44000 штукъ сукна, между тѣмъ какъ сами Англичане вывезли не болѣе 1100 [1]). Затѣмъ Голландцы смотрѣли на Англію какъ на источникъ своего богатства. Они занимались рыбною ловлею въ моряхъ, окружающихъ Англію. Издатель сочиненія, приписываемаго Ралею, замѣчаетъ: „Иностранцы наживаютъ себѣ огромныя суммы рыбною ловлею на нашихъ берегахъ. Рыбу и разные другіе товары они развозятъ по всему свѣту, и такимъ образомъ тѣ, которые собственно не имѣютъ никакихъ товаровъ въ своей странѣ, богатѣютъ. Въ этомъ заключается позоръ (scandall) для нашей націи!" Ралей признаетъ, что Голландцы „подняли свое государство на столь высокую степень развитія, что сдѣлались чудомъ свѣта", но къ этому онъ прибавляетъ въ видѣ упрека: „Всѣмъ они обязаны Англіи: моря и земли вашего величества — вотъ неисчерпаемые источники ихъ богатства. Это мнѣніе раздѣлялось многими государственными людьми и публицистами въ Англіи. Такъ, напримѣръ, Мунъ въ своемъ сочиненіи „Discourse of trade" замѣчаетъ, что величіе Голландіи основано на рыбной ловлѣ въ англійскихъ моряхъ, и что Голландія опаснѣе для Англіи, чѣмъ сосѣдство Испаніи и Франціи [2]).

---

[1]) См. Ист. торговли *Андерсона*, г. 1552.

[2]) *Roscher* Engl. Volksw. стр. 46.

Съ ожесточеніемъ и Ралей обращаетъ вниманіе короля на то, что рыбная ловля Голландцевъ происходитъ на берегахъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, а въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „Торгуя нашими товарами, Голландцы вытѣснили насъ изъ всѣхъ отраслей торговли". Эти жалобы точь въ точь похожи на жалобы русскихъ купцовъ 1696 года, на отзывы Крижанича, на предложенія Посошкова.

Ралей желаетъ успѣшнаго совмѣстничества Англіи съ Голландіей; онъ убѣжденъ въ томъ, что для Англіи вовсе не трудно конкуррировать съ нею, потому что послѣдняя не имѣла своихъ собственныхъ произведеній и торговала почти исключительно товарами другихъ странъ. Сравнивая Англію съ Голландіей, авторъ изчисляетъ количество сельдей, ловимыхъ въ англійскихъ моряхъ и продаваемыхъ Голландцами всѣмъ народамъ, и предлагаетъ подкупить голландскихъ чиновниковъ, служащихъ при рыбной ловлѣ, для полученія вѣрныхъ статистическихъ данныхъ о торговлѣ сельдями [1]). Довольно подробно излагаетъ онъ выгоды, которыми Англія могла бы пользоваться, еслибъ ей удалось забрать въ свои руки этотъ промыслъ. Далѣе Ралей жалуется на хлѣбную торговлю Голландцевъ, между тѣмъ какъ Англія не участвовала въ хлѣбной торговлѣ. Наконецъ, въ его глазахъ то обстоятельтвое, что Голландцы изъ портовъ Балтійскаго моря на 600 корабляхъ вывозили древесные товары, тогда какъ ни одинъ англійскій корабль не употреблялся на эту отрасль торговли, было вопіющимъ фактомъ. Онъ горюетъ о томъ, что Англія вездѣ остается позади, и что Голландцы имѣютъ въ одиннадцать разъ болѣе кораблей, чѣмъ Англія. Устраненіе всѣхъ этихъ неудобствъ автору „Замѣчаній" кажется нетрудною задачею. По его мнѣнію, легко было привлечь богатство и могущество другихъ странъ въ Англію и обратить послѣднюю въ главный всемірный складъ всѣхъ товаровъ.

Упрекая Англичанъ за то, что они содѣйствуютъ обогащенію иностранцевъ, Ралей замѣчаетъ, что Англія не обращаетъ достаточнаго вниманія на свои собственные источники богатства и находится въ зависимости отъ иностранцевъ относительно удовлетворенія многихъ потребностей. Англія, сказано въ запискѣ, получая множество товаровъ изъ-за границы, становится должникомъ Франціи, Голландіи и пр. Съ ожесточеніемъ говоритъ авторъ о большомъ количествѣ денегъ, которое такимъ образомъ уходитъ изъ Англіи. Онъ убѣжденъ

[1]) Достойно вниманія, что Карлъ II въ самомъ дѣлѣ старался получить подробныя свѣдѣнія о торговлѣ сельдями.

въ томъ, что Англія была бы въ состояніи играть совершенно противоположную роль. По его мнѣнію, Англія должна покупать по возможности менѣе товаровъ и предоставить исключительно Англичанамъ продавать произведенія Англіи. Такимъ образомъ Ралей надѣялся привлечь въ Англію значительное количество денегъ, ибо былъ убѣжденъ въ томъ, что Англичане „могли снабжать всѣ народы всѣми товарами и лучше, и дешевле, чѣмъ Голландцы". Онъ совѣтуетъ слѣдовать примѣру Голландцевъ, которые, покупая у всѣхъ народовъ и продавая всѣмъ народамъ, пріобрѣтаютъ громадныя богатства. „Богъ благословилъ Англію множествомъ продуктовъ", сказано далѣе,—„и металлами, и минералами, и растеніями, и хлѣбомъ, и шерстью, и пр. Но Англія не умѣетъ пользоваться этимъ богатствомъ. Каменный уголь, желѣзо и т. п. не добываются у насъ въ достаточномъ количествѣ: Англія чрезвычайно богата матеріаломъ для кораблестроенія и разными товарами для нагрузки множества англійскихъ кораблей, однако Англичане не занимаются столько, сколько могли бы, ни кораблестроеніемъ, ни торговлею, ни мореплаваніемъ. Рыбная ловля можетъ сдѣлаться источникомъ богатства народа и доходовъ казны" [1].

Настоящимъ приверженцемъ маркантилизма Ралей оказывается въ своихъ предложеніяхъ касательно шерсти. Онъ пишетъ: „Мы вывозимъ шерсть и сукно въ необработанномъ видѣ, а въ Нидерландахъ находятся фабрики, въ которыхъ нашъ сырой матеріалъ превращается въ гораздо болѣе цѣнный товаръ. Такимъ образомъ мы доставляемъ 50.000 иностранцамъ средства для существованія, между тѣмъ какъ народъ вашего величества отчасти остается безъ средствъ пропитанія. Вывозомъ сырой шерсти и не обдѣланнаго сукна, Англія лишаетъ себя ежегодно суммы въ 400.000 фунтовъ стерлинговъ, что̀ составляетъ въ продолженіе 55 лѣтъ около 20 милліоновъ ф. ст. Между тѣмъ, какъ другіе народы, а именно Голландцы, наживаютъ себѣ этою промышленностью много денегъ и продаютъ нашу шерсть въ видѣ матеріи, мы лишаемся и прибыли и чести, потому что наши товары даже получаютъ иностранныя названія (какъ, напримѣръ, Flemish Bayre). Все это чрезвычайно прискорбно, особенно если принять въ

[1]) Ралей хвалитъ Генриха VII, учредившаго города на берегахъ Англіи съ тою цѣлью, чтобы жители ихъ могли заниматься рыбною ловлею. И Елизавета принимала мѣры для поощренія рыбной ловли. Рыбная ловля Англичанъ у острова Ньюфоундлендъ оказалась особенно выгодною потому, что здѣсь они не страдали отъ совмѣстничества Голландцевъ. См. *Gülich*, Geschichte des Handels, I, 74.

соображеніе, что ваше величество одарены Богомъ властью поощрять вывозъ только обработанныхъ продуктовъ".

Такого рода жалобы были весьма обыкновеннымъ въ Англіи явленіемъ. Сукно и шерсть были главными предметами англійской торговли: они были основою богатства Англіи. Лица, которыя занимались этою отраслью торговли, довольно часто имѣли случай обращаться къ публикѣ въ политико-экономическихъ брошюрахъ. Такъ, напримѣръ, въ одной брошюрѣ, напечатанной уже въ 1581 году, предлагается запретить вывозъ сырой шерсти [1]); такъ и правительство принимало множество мѣръ для обезпеченія интересовъ англійскаго народа въ отношеніи къ торговлѣ шерстью [2]). Особенно любопытно, что около того самаго времени, когда была писана въ Англіи вышеупомянутая брошюра, въ Россіи одинъ Англичанинъ, купецъ-дипломатъ Джонъ Мерикъ, преподавалъ главныя правила меркантилизма, сообщая о результатахъ таковой торговой политики въ Англіи. Онъ объяснялъ, почему не должно допускать вывоза смолы изъ Россіи: если смолу повезутъ за море, то и пеньку туда же посылать, и царскаго величества людямъ никакой прибыли изъ того не будетъ. „Государи и власти", объяснялъ Мерикъ,—„не позволяютъ товаръ не изготовленный и не исправленный изъ своей земли отпускать и у людей своихъ промыслъ отнимать; изъ Англійской земли въ прежніе годы шерсть баранью вываживали въ другія государства, и отъ того въ Англійской землѣ многіе люди обнищали было; разсудивъ то дѣло поразумнѣе, королевское величество заказалъ шерсть вывозить изъ земли и тѣмъ опять бѣдныхъ людей воскресилъ, сукна въ своей землѣ дѣлать велѣлъ, и теперь лучше этихъ суконъ ни въ которыхъ государствахъ не дѣлаютъ; этимъ иноземцевъ мастеровъ въ Англійскую землю привели, землю и подданныхъ обогатили такъ, что славнѣе и богаче нашего государства нѣтъ между окрестными. И теперь недавно королевское величество заказалъ изъ Англійской земли бѣлыя сукна возить въ другія государства, потому что прежде иноземцы наши

---

[1]) A compendions or brief exemination of certayne ordinary complaints; by *W. S. Рошеръ*, Zur Gesch. d. engl· Volksw., стр. 16, называетъ автора William Stafford. Когда явилось новое изданіе этого сочиненія въ 1751 г., издатель въ заглавіи изъ «W. S.» сдѣлалъ «William Shakespeare».

[2]) Въ 1625 году шерсть составляла 9/10 всего вывоза изъ Англіи, см. *Hume*, History of England, 1625 г. О мѣрахъ Генриха VII, Маріи, Іакова и пр. см. *Gülich*, I, 61, *Андерсона*, 1550, 1564, 1601, 1608 гг., *Smith*, Memoirs of wool, I, 84 и Observations *Ралея*, passim.

сукна красили и справляли, отъ того богатѣли, а теперь это поворотилось къ королевскимъ подданнымъ" [1]).

И въ самой Россіи Англичане руководствовались такими соображеніями при своихъ коммерческихъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. Такъ, напримѣръ, пеньку англійская компанія, по возможности, не вывозила въ необработанномъ видѣ, потому что перевозка ея обходилась компаніи слишкомъ дорого. Они устроили въ Холмогорахъ канатную фабрику [2]), и Джонъ Мерикъ хвалился, что англійскіе люди завели канатное дѣло, и отъ того было кормленіе многимъ Русскимъ бѣднымъ людямъ, которые у нихъ работали и научились у нихъ Русскіе люди канаты дѣлать [3]).

Изъ всего этого видно, что взглядъ Посошкова относительно національнаго значенія торговли вполнѣ согласовался съ понятіями Англичанъ. Мѣры, которыя предлагалъ Посошковъ, отчасти походили на мѣры, принятыя въ Англіи для обезпеченія англійской торговли и промышленности. Россія при Посошковѣ и до него должна была обороняться отъ перевѣса иностранныхъ купцовъ надъ своими совершенно такъ же, какъ Англичане въ XVI и XVII столѣтіяхъ протестовали противъ преобладанія въ Англіи Ганзейскихъ купцовъ и Голландцевъ. И въ Россіи, и въ Англіи стремились къ національной монополіи путемъ меркантилизма. Одинаковыя причины должны были въ обѣихъ странахъ имѣть одинаковыя слѣдствія. Неудобства торговаго быта и здѣсь, и тамъ породили заявленія публицистовъ-патріотовъ. Ралею, Темплю, Смиту и пр. въ Англіи соотвѣтствуютъ въ Россіи Крижаничъ и Посошковъ. Мѣрамъ Елизаветы, Якова и Кромвелля соотвѣтствуетъ законодательная и административная въ отношеніи къ торговлѣ дѣятельность Петра Великаго.

Голландская брошюра Питера де-ла-Кура.

Въ 1659 году было издано въ Голландіи сочиненіе „о благосостояніи города Лейдена" („Het Wilvaeren der Stad Leyden"). Авторомъ этого сочиненія, въ которомъ проповѣдывалась свобода труда, и предлагалась отмѣна монополій, привиллегій, цеховъ, былъ Питеръ

---

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, IX, стр. 124.

[2]) *Ключевскій*. Сказ. иностр. о Моск. госуд., 242

[3]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, IX, стр. 126.

де-ла-Куръ (Pieter de-la-Court), докторъ правъ, сынъ владѣльца суконной фабрики, другъ и сподвижникъ знаменитаго республиканца Жана де-Вита. Второе изданіе этого труда, нѣсколько измѣненное и дополненное, явилось въ 1662 году подъ заглавіемъ: „О причинахъ благосостоянія Голландіи" („Interest van Holland ofte Gronden van Hollands Welvaeren aangeweezen door V. D. H. t'Amsterdam".—V. D. H. значило Van Der Hofe, во французскомъ переводѣ de-la-Court). Третье изданіе, явившееся въ 1669 году, имѣло заглавіе: „Указаніе на политическія правила, полезныя для Голландіи и Вестъ-Фрисландіи". Въ 1709 году явился французскій переводъ подъ заглавіемъ „Mémoires de Jean de Witt". Нѣкоторыя главы, въ которыхъ были помѣщены сильныя нападенія на принцевъ Оранскихъ, дѣйствительно были написаны Жаномъ де-Витомъ [1]).

Въ этомъ сочиненіи заключались разсужденія объ экономическомъ и политическомъ положеніи нидерландскихъ провинцій вообще и Голландіи въ особенности. Чрезвычайно подробно разсматривались въ немъ вопросы о тѣсной связи между политикой и торговлею. Эти вопросы въ Голландіи постоянно находились на первомъ планѣ. Политическое значеніе и величіе этого государства было основано на торговлѣ. Упадокъ Голландіи обусловливался совмѣстничествомъ другихъ странъ и народовъ въ области торговли. Именно такимъ преобладаніемъ коммерческаго духа отличалась и политическая дѣятельность ратспенсіонарія Жана де-Вита, и публицистическое направленіе его друга Питера де-ла-Кура. Послѣдній, писавшій подъ вліяніемъ де-Вита, доказывалъ, что сила и блескъ Нидерландовъ основаны на торговлѣ, и что болѣе широкіе взгляды Оранской партіи на политику Голландіи гибельны для этого государства. Книга эта надѣлала много шуму. Появились многія брошюры въ защиту принцевъ Оранскихъ; Лейденскій синодъ отрѣшилъ Питера де-ла-Кура отъ принятія св. тайнъ; произведено было слѣдствіе; привиллегія, съ которою явилось второе изданіе, была уничтожена. Скоро послѣ этого началась война съ Франціей, во время которой братья де-Витъ сдѣлались жертвами Оранской партіи. Питеръ де-ла-Куръ долженъ былъ бѣжать за границу; возвратившись въ свое отечество—

---

[1]) См. монографію *Ласпейреса* въ *Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft*. Tübingen, 1862, 2-я и 3-я кн., стр. 330—374, а также большой трудъ *Ласпейреса* о политической экономіи въ Голландіи, стр. 17 и пр.

но уже не въ городъ Лейденъ, а въ Амстердамъ, — онъ умеръ въ 1685 году.

Питеръ де-ла-Куръ ясностью и мѣткостью своихъ политико-экономическихъ разсужденій опередилъ своихъ современниковъ и заслужилъ себѣ названіе достойнаго предшественника Адама Смита. Мы встрѣчаемъ у него подробныя свѣдѣнія по исторіи торговли, по теоріи финансоваго управленія и пр. Главное вниманіе онъ обращаетъ на внѣшнюю торговлю. Указывая на нѣкоторыя неудобства коммерческаго быта Нидерландовъ, онъ требуетъ мѣръ для обезпеченія интересовъ торговли. На этотъ счетъ его трудъ сходенъ съ трудами Ралея и Посошкова.

Мы видѣли, сколь высокое мнѣніе о значеніи торговли имѣлъ Уальтеръ Ралей. Еще выше цѣнилъ ее Питеръ де-ла-Куръ. „Голландія", пишетъ онъ,—„существуетъ лишь въ силу торговли, промышленности, рыбной ловли и мореплаванія.... Мореплаваніе, рыбная ловля, промышленность и торговля — четыре столба, на которыхъ основано государство". Дѣйствительно, въ то время замѣчали, что Амстердамская биржа стремилась къ тому значенію въ европейской политикѣ, какое имѣлъ Мадритскій кабинетъ въ XVI столѣтіи. Объ Амстердамѣ говорили, что онъ „построенъ на сельдяхъ", сельди считались „золотымъ рудникомъ" Голландіи. Де-ла-Куръ замѣчаетъ, что рыбная ловля и торговля вмѣстѣ поддерживаютъ промышленность, и что всѣ три вмѣстѣ создаютъ торговлю. Онъ показываетъ, что пятая часть доходовъ Голландіи имѣетъ источникомъ рыбную ловлю, десятая — мореплаваніе, половина — внѣшнюю торговлю. Такимъ образомъ онъ приходитъ къ нѣсколько разъ повторенному заключенію: „l'état des Hollandais est fondé sur le commerce". Питеръ де-ла-Куръ желаетъ отмѣны монополій, цеховъ, стѣсняющихъ, по его мнѣнію, промышленность и торговлю внутри государства. За то онъ желаетъ первенства Голландіи во всемірной торговлѣ. Онъ былъ главнымъ защитникомъ національной монополіи. Исторія Голландіи представляетъ множество примѣровъ національнаго эгоизма. Нидерландцы не были разборчивы въ средствахъ для устраненія конкурренціи другихъ народовъ въ торговлѣ пряностями. Ихъ образъ дѣйствій въ отношеніи къ Англичанамъ на островахъ Азіи вѣчно будетъ пятномъ въ ихъ исторіи. Бѣдствія другихъ странъ были условіемъ выгодъ Голландіи, гдѣ, напримѣръ, съ радостью получались извѣстія о вздорожаніи хлѣба въ другихъ странахъ, потому что въ Голландіи находились на такіе случаи большіе запасы хлѣ-

ба [1]). Съ опасеніемъ смотрѣла Голландія на могущество и богатства другихъ государствъ. Каждая перемѣна въ пошлинномъ тарифѣ Франціи, каждая запретительная мѣра въ Англіи, какое-либо нововведеніе въ любомъ государствѣ въ пользу религіозной терпимости, способное привлечь туда промышленниковъ и купцовъ различныхъ исповѣданій [2]), могли сдѣлаться роковыми для Голландіи, гдѣ всѣ желали, чтобы всѣ страны оставались въ нѣкоторой зависимости отъ голландскихъ купцовъ. „Каждый настоящій Голландецъ", замѣчаетъ Питеръ де-ла-Куръ,—„долженъ желать ослабленія Франціи и Англіи, застоя въ Испаніи". Такой же цинизмъ и національный эгоизмъ мы встрѣчали въ предложеніяхъ Посошкова, желавшаго „привести иностранцевъ въ смиреніе, и чтобъ они за нами гонялись,... чтобы намъ надъ ними господствовать, а имъ рабствовати предъ нами" и пр.

Англія была опаснѣе другихъ странъ для Голландіи. Питеръ де-ла-Куръ горюетъ о томъ, что развитіе промышленности, распространеніе колонизаціи „сдѣлали Англію независимою отъ Нидерландовъ". Но онъ находитъ утѣшеніе въ томъ обстоятельствѣ, что Англія, въ его время, употребляла втрое болѣе голландскихъ товаровъ, нежели Голландія — англійскихъ. Совершенно также Посошковъ радовался тому, что Россія можетъ, по его мнѣнію, „прожить безъ англійскихъ товаровъ, а они безъ нашихъ товаровъ прожить не могутъ". Руководствуясь такимъ національнымъ эгоизмомъ, Питеръ де-ла-Куръ находитъ, что разстройство французскихъ финансовъ должно считаться выгодою для Голландіи. Онъ очень доволенъ расточительностью Англійскаго короля Карла II, потому что не тратя столько денегъ на удовольствія и на придворную роскошь, Карлъ былъ бы въ состояніи нанимать матросовъ, строить флотъ и получить рѣшительный перевѣсъ на морѣ. Сребролюбіе „фаворитовъ и воровъ, окружающихъ Англійскаго короля", заставляетъ Питера де-ла-Кура надѣяться, что на этихъ людей можно дѣйствовать подарками, „чтобы препятствовать враждебнымъ мѣрамъ".

Въ видахъ интересовъ голландской торговли, Питеръ де-ла-Куръ былъ сторонникомъ мира. „Хотя и кошка", пишетъ онъ,—„нѣсколько

---

[1]) «En cas de mauvaises années et d'infertilités dans les autres pays, dont nous pourrions profiter», говоритъ Питеръ де-ла-Куръ.

[2]) См. подобные случаи въ сочиненіи *Трейчке*: Die Republik der vereinigten Niederlande, въ его Historische und politische Aufsätze. Neue Folge; erster Theil. Leipzig, 1870, стр. 567.

походитъ на льва, она всегда остается кошкою: также и мы, голландскіе купцы, никогда не превратимся въ воиновъ". Именно въ этомъ отношеніи политика Жана де-Вита, желавшаго мира, отличалась отъ политики стремившихся къ монархической власти принцевъ Оранскихъ.

Мы видѣли, какъ и Уальтеръ Ралей, и Посошковъ указывали своимъ соотечественникамъ на необходимость осторожнаго потребленія заграничныхъ товаровъ. Точно также и Голландцы старались избѣгать роскоши потребленія предметовъ привоза. Англійскій дипломатъ Темпль въ своемъ сочиненіи о Голландіи преподаетъ то ученіе, что при покупкѣ товаровъ весьма важенъ вопросъ, покупаются ли они для собственнаго потребленія или для вывоза. Въ первомъ случаѣ слѣдствіемъ торговли, по его мнѣнію, должно быть оскудѣніе, во второмъ—обогащеніе. Онъ удивлялся простотѣ нравовъ и отсутствію роскоши въ Нидерландахъ. Онъ замѣчаетъ, что высшіе сановники, какъ напримѣръ, адмиралъ Рейтеръ или Жанъ де-Витъ, въ своей одеждѣ, въ своемъ образѣ жизни нисколько не отличаются отъ простыхъ гражданъ. „Никакая страна", говоритъ онъ,—„не привозитъ столько товаровъ и не употребляетъ столь малаго количества оныхъ. Они покупаютъ лишь съ цѣлью снова продать. Они имѣютъ и пряности Индіи, и шелковыя матеріи Персіи, но между тѣмъ они носятъ шерстяное платье и питаются рыбою и обыкновенными кореньями. Хорошее и дорогое сукно, которое они дѣлаютъ сами, они вывозятъ во Францію, а для себя покупаютъ сукно похуже въ Англіи. Свое лучшее масло они продаютъ во всѣ европейскія государства, а для себя покупаютъ масло подешевле въ Ирландіи или въ сѣверной Англіи и пр.".

И Питеръ де-ла-Куръ убѣжденъ въ томъ, что избѣжаніемъ роскоши и крайнею осторожностью въ потребленіи обусловливается богатство. Онъ даже желаетъ на этотъ счетъ принятія правительствомъ мѣръ для ограниченія потребленія заграничныхъ предметовъ роскоши, а именно высокихъ пошлинъ съ товаровъ, служащихъ не для общихъ потребностей, а для пышности, для удовольствія, для украшенія. „Тогда", замѣчаетъ онъ, —„Голландцы найдутъ для себя гораздо болѣе выгоднымъ ограничиваться потребленіемъ отечественныхъ произведеній". За то Питеръ де-ла-Куръ желаетъ усиленія вывоза и для этой цѣли поощренія промышленности. Религіозную терпимость онъ весьма справедливо считаетъ самымъ удобнымъ средствомъ для привлеченія въ Голландію многихъ предпріимчивыхъ, трудолюбивыхъ и бо-

гатыхъ капиталистовъ-фабрикантовъ [1]). Далѣе онъ предлагаетъ пониженіе или отмѣну пошлинъ на вывозные товары. Существованіе таковыхъ пошлинъ онъ считаетъ непростительною ошибкою администраціи. „Всѣми средствами", продолжаетъ Питеръ де-ла-Куръ,—„мы должны стараться удержать въ нашей странѣ тѣхъ лицъ, которыя могли бы, оставляя Голландію и переселяясь въ другія страны, наживать себѣ тамъ большія состоянія. Своими барышами онѣ доставляютъ средства для существованія многимъ промышленникамъ и самому государству". Въ другомъ мѣстѣ сказано: „Рыбная ловля и судоходство поддерживаютъ мануфактурную промышленность: посредствомъ ихъ мы получаемъ изъ-за границы сырые матеріалы, которые въ обработанномъ видѣ, въ видѣ мануфактурныхъ издѣлій, вывозятся во всѣ государства". Питеръ де-ла-Куръ желаетъ еще большаго развитія шерстяной, шелковой, льняной и пеньковой промышленности. И кораблестроеніе онъ называетъ мануфактурною промышленностью и основою торговли, потому что большая часть большихъ кораблей прочихъ европейскихъ народовъ строилась въ Голландіи, и этимъ поддерживались различныя отрасли промышленности и торговли.

Такія понятія о нѣсколько враждебныхъ международныхъ отношеніяхъ встрѣчаются весьма часто въ политико-экономической литературѣ западной Европы, въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Эразмъ предлагалъ собирать высокія пошлины со всѣхъ иностранныхъ товаровъ, потому что они служатъ лишь для роскоши богачей. Гуттенъ (Hutten) считалъ потребленіе такихъ предметовъ, которые производятся въ чужихъ краяхъ, даже вреднымъ для здоровья; Лютеръ ратовалъ противъ ярмарки Франкфуртской, называя ее дырою, чрезъ которую изчезаетъ множество нѣмецкихъ денегъ за границу, и вообще часто протестовалъ противъ потребленія иностранныхъ товаровъ. Австрійскій экономистъ Бехеръ также находилъ ярмарки вредными, потому что чрезъ нихъ публика все болѣе и болѣе привыкаетъ къ потребленію заграничныхъ товаровъ [2]).

---

[1]) Весьма любопытные на этотъ счетъ замѣчанія встрѣчаются въ сочиненіи Темпля.

[2]) См. *Roscher*, Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland, стр. 40, 44, 63, 167 (Lutherus von Husum), 280 и пр.

А. Брикнеръ.

СНОШЕНІЯ РОССІИ СЪ ИНОСТРАННЫМИ ДЕРЖАВАМИ ПРЕДЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЮ ВОЙНОЮ 1812 ГОДА [1].

VI.

Сношенія съ Австріею.

Въ письмѣ Прусскаго короля къ императору Александру, писанномъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1811 года, онъ указываетъ на политику Австріи, какъ на одно изъ существенныхъ обстоятельствъ, вынудившихъ Пруссію не вступать въ союзъ съ Россіей, къ чему клонились его помышленія. Дѣйствительно, во все продолженіе 1811 г. король и его канцлеръ постоянно указывали нашему двору на двусмысленную политику Вѣнскаго кабинета. Много разъ король поручалъ сообщать графу Ливену, нашему посланнику при Берлинскомъ дворѣ, извѣстія, получаемыя имъ изъ Вѣны отъ своего посланника барона Гумбольдта, расположеннаго въ пользу союза съ Россіей и ненавистника французскаго ига, тяготѣвшаго надъ Германіей. Но наши дипломатическіе дѣятели не придавали значенія извѣстіямъ Гумбольдта, опираясь, конечно, на тѣ свѣдѣнія объ отношеніяхъ къ намъ Вѣнскаго кабинета, которыя сообщало имъ наше правительство, и приписывали личнымъ качествамъ барона тревожный характеръ его сообщеній. Пруссія опасалась Австріи не безъ причины, — у нихъ были старые счеты. Если императоръ Наполеонъ рѣшился уничтожить Пруссію какъ самостоятельное государство, раздѣливъ ея владѣнія между другими государствами, и лишить короны Гогенцоллернскій домъ, въ чемъ не сомнѣвался король и его кабинетъ, то безъ сомнѣнія, Австрія могла принять участіе въ этомъ раздѣлѣ, чтобы возвратить Силезію, отнятую у нея насильственно Фридрихомъ Великимъ. Недовѣріе ли русскаго правительства къ тѣмъ извѣстіямъ, которыя

[1] *Окончаніе.* См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за январь 1876 года.

получала Пруссія отъ своего посланника изъ Вѣны, или вѣрнѣе, ея собственная подозрительность въ отношеніи къ Австріи побуждала ея кабинетъ употреблять всѣ средства, чтобы разузнать дѣйствительные политическіе виды Австріи, такъ ловко скрываемые графомъ Меттернихомъ. Въ ноябрѣ 1811 г. король отправилъ въ Вѣну особаго уполномоченнаго — г. Якоби, стариннаго пріятеля перваго министра Австріи и получилъ отъ него утѣшительное извѣстіе, что императоръ Австрійскій принимаетъ величайшее участіе въ судьбѣ Пруссіи, что онъ искренно желаетъ сохранить ея существованіе и съ цѣлію ея уничтоженія никогда не присоединится къ видамъ Франціи. Но въ то же время онъ заявилъ, что Австрія слишкомъ истощена послѣдними войнами, что она чувствуетъ недостатокъ какъ въ войскахъ, такъ и въ деньгахъ, и потому не можетъ принять участія ни въ какихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Сообщая эти извѣстія нашему посланнику, баронъ Гарденбергъ прибавилъ, что Вѣнскій кабинетъ чрезвычайно недоволенъ С.-Петербургскимъ, который будто бы весьма холодно отнесся къ его предложенію содѣйствовать намъ въ примиреніи съ Турками. Хотя, по словамъ Меттерниха, Россія впослѣдствіи и предлагала Австріи, — „подѣлиться съ нею завоеваніями у Турокъ, но Австрія, замѣчалъ Гарденбергъ, — подозрѣваетъ такіе завоевательные замыслы со стороны Россіи, для которыхъ послѣдняя пожертвуетъ и Пруссіей и Австріей, еслибы на нихъ напала Франція. Вообще, послѣ тильзитскаго договора было довольно распространено въ Германіи мнѣніе, что миръ между Франціей и Россіей состоялся на томъ условіи, что Россія не будетъ препятствовать Франціи властвовать на западѣ Европы, а Франція — Россіи на востокѣ. Это мнѣніе высказывалось иногда и передъ войной 1812 г. „Я забылъ прибавить", писалъ графъ Местръ Сардинскому королю, сообщая объ огромныхъ военныхъ приготовленіяхъ Россіи, — „что послѣдствіемъ всѣхъ этихъ приготовленій можетъ быть миръ. Оба вождя могутъ взаимно напугать одинъ другаго. Съ одной стороны, послѣдуетъ признаніе *Западнаго императора* со всѣми послѣдствіями этого титула, съ другой — что помѣшаетъ этимъ двумъ господамъ раздѣлить между собою Европу. Я вовсе не думаю, чтобы Русскій императоръ былъ томимъ жаждою пріобрѣтеній; но если онъ не можетъ избѣгнуть войны на жизнь и смерть иначе, какъ рѣшившись на пріобрѣтенія, ни достигнуть твердаго мира безъ пріобрѣтеній, въ такомъ случаѣ я ни за что не отвѣчаю и не могу себя увѣрить, чтобы Наполеонъ не могъ сдѣлать ему подобнаго предложенія,

убѣдившись, что его попытка напугать не удалась" [1]). Соглашеніе между двумя императорами въ виду подобной цѣли ультрамонтанское воображеніе графа Местра допускало какъ *дьявольское наважденіе*; а графъ же Меттернихъ хотя и не придавалъ ему вовсе вѣры, но употреблялъ однако какъ средство внушить и такъ уже напуганной всѣми страхами Пруссіи недовѣріе къ Россіи.

Вслѣдъ за Якоби король Прусскій послалъ въ Вѣну, съ большими полномочіями, человѣка, пользовавшагося особеннымъ его довѣріемъ, генерала Шарнгорста, но и эта попытка осталась безъ успѣха. Вѣнскій кабинетъ объявилъ ему, что Австрія питаетъ расположеніе къ Пруссіи, но не вступитъ съ нею ни въ какіе договоры на случай войны Россіи съ Франціей. Вся ея забота будетъ состоять въ томъ, чтобы сохранить строгій нейтралитетъ. „При этомъ заявленія", писалъ графъ Ливенъ,—„Вѣнскій кабинетъ горько жаловался на Россію и далъ понять, что поведеніе нашего кабинета вынуждаетъ его дѣйствовать такимъ образомъ". Графъ Меттернихъ говорилъ, что мы упустили случай заключить миръ съ Турками, а это-де служитъ доказательствомъ, что насъ не исключительно занимаютъ дѣла Европы, и что у насъ имѣются и другіе виды. Австрія предлагала свое участіе въ виду современнаго положенія дѣлъ; но русскій кабинетъ отвѣчалъ ей, что находится въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ Франціи, а между тѣмъ императоръ Наполеонъ постоянно жалуется на Россію, и обѣ имперіи продолжаютъ свои вооруженія.

Сообщая нашему кабинету эти извѣстія о направленіи политики Вѣнскаго кабинета, графъ Ливенъ писалъ, что они произвели сильное впечатлѣніе на короля, и что теперь „можно опасаться, чтобъ онъ не сталъ на сторону Франціи"; но самъ посланникъ не придавалъ имъ должнаго значенія и считалъ преувеличенными [2]). Можетъ быть, такими же считалъ ихъ и нашъ кабинетъ, выслушивая постоянныя увѣренія въ дружбѣ Австріи къ Россіи отъ ея уполномоченнаго министра при нашемъ дворѣ и получая донесенія своихъ посланниковъ изъ Вѣны; но во всякомъ случаѣ онъ не питалъ особеннаго довѣрія къ политикѣ Вѣнскаго кабинета, зная ея дѣйствія противъ насъ въ

---

[1]) Correspond. politique, т. I, стр. 81 и 82; письмо 9/21-го апрѣля, 1812 года: «Mais si cet accord avait lieu, ce serait au moyen de quelque autre accord diabolique».

[2]) Депеши графа Ливена графу Румянцеву 10/22-го ноября, 6/18-го декабря и 23-го декабря 1811 4-го января 1812) г.

Турціи и подозрѣвая въ тайныхъ сношеніяхъ съ Франціей послѣ женитьбы императора Наполеона на австрійской эрцгерцогинѣ.

Еще до этого брака, императоръ Наполеонъ началъ выражать неудовольствіе противъ Россіи за ея недостаточное участіе въ войнѣ съ Австріей; но послѣ заключенія этого брака политика его кабинета постоянно дѣйствовала враждебно по отношенію къ Россіи. Отказъ утвердить конвенцію о Польшѣ, имъ же самимъ предложенную, торжественное непризнаніе 111-й статьи нашего Фридрихсгамскаго договора съ Швеціей и происки въ Константинополѣ явно обличали направленіе этой политики. Но императоръ Наполеонъ избѣгалъ еще разрыва съ Россіей, увѣрялъ въ желаніи сохранить союзъ съ нею и искреннюю дружбу съ императоромъ Александромъ и потому старался убѣдить, что его бракъ съ дочерью Австрійскаго императора имѣетъ значеніе семейнаго союза и нисколько не измѣняетъ его политическихъ отношеній къ другимъ державамъ и даже къ самой Австріи. Въ февралѣ 1810 г. князь Куракинъ писалъ нашему канцлеру, что въ то время, когда онъ лежалъ больной въ постелѣ и собирался отправить нарочнаго въ Петербургъ, къ нему заѣхалъ герцогъ Кадорскій. „Онъ мнѣ сказалъ, что его нарочно прислалъ ко мнѣ императоръ Наполеонъ объявить, что онъ выбралъ уже себѣ невѣсту въ особѣ эрцгерцогини Луизы, старшей дочери Австрійскаго императора. Ему предложили ея руку, и онъ принялъ предложеніе, потому что эта принцесса уже способна къ браку (deja nubile) и ея мать и бабка были весьма плодовиты (fort fécondes), что даетъ ему надежду, что его желаніе имѣть прямыхъ наслѣдниковъ исполнится и обезпечитъ счастіе Франціи; императоръ Наполеонъ надѣется, что этотъ выборъ будетъ пріятенъ и нашему императору, потому что устраняетъ возможность новой войны съ Австріей, и слѣдовательно, способствуетъ къ сохраненію мира на материкѣ Европы, чего такъ желаетъ Россія. Притомъ герцогъ увѣрялъ, что политика не входила въ соображенія при этомъ выборѣ, и что императоръ Наполеонъ по прежнему будетъ поддерживать союзъ съ Россіей“ [1]).

Дѣйствительно, самъ императоръ Наполеонъ при каждомъ случаѣ выражалъ эту мысль. Принимая нашего чрезвычайнаго посланника, князя Алексѣи Борисовича Куракина, пріѣхавшаго съ исключительною цѣлію поздравить его отъ лица Русскаго императора съ брако-

[1]) Депеша князя Куракина графу Румянцеву 28-го января (9-го февраля) 1810 года.

сочетаніемъ, онъ выразилъ удовольствіе именно потому, что только въ этомъ и состояла цѣль его посольства. „Я полагаю", сказалъ онъ,— „что послѣ этого замолчатъ уличные политики, распускающіе слухи, что союзъ мой съ Австріею приведетъ къ холоднымъ отношеніямъ къ Россіи. Я совершенно съ иной точки зрѣнія смотрю на этотъ союзъ. Это семейная связь, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть вліянія на политическіе союзы, требуемые выгодами обѣихъ имперій. Я женился потому, что долженъ былъ это сдѣлать во всякомъ случаѣ; но эта женитьба не можетъ измѣнить моихъ убѣжденій и моихъ обязанностей. Стоя во главѣ народа, я тщательно долженъ охранять его выгоды, не завидуя ни выгодамъ, ни благоденствію Россіи. Отдаленность одной имперія отъ другой не можетъ и не должна служить поводомъ къ разрыву союза, который предполагаютъ. Мои дѣйствія доказали, до какой степени я желалъ заключить союзъ съ Россіей" [1]).

Едва ли и уличные политики, какъ называлъ общественное мнѣніе Наполеонъ, предполагали, что отдаленность одной имперіи отъ другой можетъ служить поводомъ къ разрыву союза между ними. Что же касается до него самого, то это обстоятельство во время Тильзитскихъ переговоровъ онъ считалъ однимъ изъ поводовъ къ прочности союза. Общественное мнѣніе вѣрно угадало разрывъ Франціи съ Россіей именно въ это время, но ошиблось только, приписывая его браку Наполеона съ австрійскою эрцгерцогинею. Это былъ дѣйствительно семейный союзъ, удовлетворявшій гордости Наполеона, но не союзъ политическій. При Эрфуртскомъ свиданіи онъ отклонилъ предложеніе императора Александра принять въ союзъ двухъ имперій и третью, то-есть, Австрію, которая при этомъ условіи изъявляла готовность прекратить свои вооруженія. Не вступить въ союзъ съ Австріей, какъ равный съ равнымъ, желалъ императоръ Наполеонъ, но покорить ее своей власти также, какъ и Пруссію, окруживъ ее со всѣхъ сторонъ своими войсками или войсками своихъ союзниковъ. Этой цѣли онъ достигъ силою; послѣ Шенбрунскаго мира Австрія оказалась почти въ такомъ же положеніи, какъ и Пруссія. Брачнымъ союзомъ Наполеонъ полагалъ, посредствомъ нравственнаго вліянія, придать большую прочность своему господству надъ Австріей. Еслибъ онъ согласился въ Эрфуртѣ на союзъ трехъ имперій, то самъ подписалъ бы отреченіе

[1]) Депеша князя Алексѣя Куракина графу Румянцеву 30-го мая (11-го іюня) 1810 года.

отъ своихъ замысловъ на господство надъ всею Европою, усилилъ бы Россію союзомъ съ Австріей, къ которому въ крайнемъ случаѣ могла присоединиться и Пруссія, и создалъ бы сильный оплотъ противъ своего стремленія къ всемірному владычеству. Но покоривъ Австрію силою оружія и пріобрѣтя возможность нравственнаго на нее вліянія, онъ вполнѣ достигалъ своей цѣли. Ему легко было потомъ принудить ее къ союзу политическому, но это не входило еще въ его виды. Онъ не хотѣлъ возвышать политическое значеніе Австріи въ Европѣ и еще менѣе вызывать разрывъ съ Россіей ранѣе, нежели считалъ для себя выгоднымъ. Поэтому при каждомъ случаѣ онъ повторялъ увѣренія въ дружбѣ къ Русскому императору и желаніе поддержать союзъ между двумя имперіями, а въ то же время стремился къ тому, чтобы возбудить враждебныя чувства Австріи противъ Россіи. Почва для такого образа дѣйствій была подготовлена. Вопросъ о пріобрѣтеніяхъ Россіи отъ Турціи возбуждалъ зависть Вѣнскаго кабинета и желаніе такихъ же пріобрѣтеній на Балканскомъ полуостровѣ.

При прощальномъ свиданіи съ нашимъ чрезвычайнымъ посломъ, императоръ Наполеонъ повторилъ тѣ же увѣренія въ дружбѣ къ Русскому императору и желаніе поддержать союзъ съ Россіей, и между прочимъ, сказалъ: „Я объявилъ уже, что считаю Молдавію и Валахію принадлежащими Россіи, и не перемѣню моего слова, не смотря на то, что это можетъ убавить мое вліяніе въ этихъ странахъ. Вы отняли у Франціи и Австріи тѣ привиллегіи, которыми они пользовались въ этихъ княжествахъ. Австрія совѣтовалась со мною, какъ надо поступать въ этомъ случаѣ, и я отвѣчалъ, что, признавъ ихъ уже собственностію Россіи, я не могу вмѣшиваться въ это дѣло. Я долженъ даже желать, чтобъ эти княжества вамъ принадлежали, вопервыхъ, уже потому, что это утверждаетъ ваши границы на лѣвомъ берегу Дуная, то-есть, на естественной границѣ, которую необходимо вамъ было пріобрѣсть, вовторыхъ, потому, что это пріобрѣтеніе исполняетъ желаніе императора Александра, а для меня всегда пріятно то, что̀ можетъ доставить ему выгоды,— втретьихъ, наконецъ, не скрою отъ васъ, я не противлюсь этому увеличенію вашей имперіи потому, что оно *дѣлаетъ Австрію постояннымъ вашимъ врагомъ*, которая, скажу вамъ, боится васъ столько же, какъ и меня. Что касается до меня, то я не заключаю и не заключу никакого союза съ Австріей. Цѣль пребыванія здѣсь графа Меттерниха состоитъ лишь въ томъ, чтобы выхлопотать нѣкоторыя льготы въ отношеніи къ ихъ внутреннимъ дѣламъ. Переговоры, которые онъ ведетъ, касаются, такъ сказать,

администраціи и не имѣютъ никакого политическаго характера. Я заключилъ родственный союзъ съ Австрійскимъ императоромъ, потому что этотъ бракъ былъ выгоденъ для меня во всѣхъ отношеніяхъ; но тутъ нѣтъ мѣста для политики" [1]).

Конечно, эта послѣдняя причина наиболѣе входила въ разчеты Наполеона, и выражая ее князю Куракину, онъ имѣлъ намѣреніе возбудить подозрѣніе нашего кабинета къ политикѣ Австріи, точно также какъ пользуясь нашими пріобрѣтеніями въ Турціи, на которыя съ постоянною завистью смотрѣла Австрія, онъ возбуждалъ ее противъ насъ. „Онъ старается возбудить зависть Австрійцевъ въ отношеніи къ намъ по случаю нашихъ пріобрѣтеній въ Турціи", писалъ въ то же время флигель-адъютантъ Чернышевъ нашему канцлеру. — „Онъ указываетъ имъ даже на нашъ образъ дѣйствій въ послѣднюю войну и ставитъ намъ въ укоръ, что мы рѣшились взять у Австріи предложенную имъ часть Галиціи". Наполеонъ, сообщалъ Чернышевъ, — говорилъ ему, что рѣшился дать согласіе на то, чтобы Россія пріобрѣла Молдавію и Валахію, только изъ ненависти къ Австріи (par la haine contre Autriche): „Я сказалъ себѣ", говорилъ императоръ Французовъ, — „мои виды исключительно французскіе; если, съ одной стороны, такая обширная держава, какъ Россія, увеличится еще пріобрѣтеніемъ двухъ прекрасныхъ областей, которыя доставятъ ей важныя средства, то съ другой—я пріобрѣтаю ту выгоду, что Австрія становится во враждебныя къ ней отношенія, чего не случилось бы при другихъ обстоятельствахъ. Но это ея дѣло, а не мое; мои виды туда не простираются (mon eau ne va pas jusqu'à là); это австрійскій вопросъ, а не французскій" [2]). Но какъ только измѣнились, послѣ послѣдней войны съ Австріей и брачнаго союза съ ея императорскимъ домомъ, отношенія къ ней Франціи, Наполеонъ счелъ долгомъ указать на этотъ вопросъ Вѣнскому кабинету, извѣстивъ своего посланника, что именно *изъ ненависти* къ Австріи онъ согласился на пріобрѣтеніе Россіей Дунайскихъ княжествъ и далъ понять, что когда мѣсто ненависти заняла уже дружба, скрѣпленная родствомъ, то французская политика въ отношеніи къ этому вопросу можетъ принять иное направленіе [3]). Эти намеки оказали свое дѣйствіе на политику Вѣнскаго кабинета.

---

[1]) Депеша князя Куракина къ графу Румянцеву 8/20 августа 1810 г.

[2]) Exposé dés discours que m'a tenu l'emp. Napoleon le 9/21 et 11/23 Octobre 1810.

[3]) *Bignon*, Hist. de France, 2-me époque, гл. XXVIII; письмо императора Наполеона къ герцогу Кадорскому 25-го февраля н. ст. 1811 г., стр. 387—388.

До заключенія Тильзитскаго мира нашимъ посланникомъ въ Австріи былъ графъ А. К. Разумовскій, вполнѣ раздѣлявшій, не по званію только, которымъ былъ облеченъ, но и по личнымъ убѣжденіямъ, враждебныя чувства своего кабинета къ политикѣ Франціи. По заключеніи этого мира, онъ долженъ былъ оставить свое мѣсто, уступить его князю Куракину, тоже не поклоннику Наполеона, но считавшему союзъ съ нимъ политическою необходимостію и въ этомъ отношеніи болѣе соотвѣтствовавшему тогдашнимъ видамъ Петербургскаго кабинета. Но взгляды графа Разумовскаго на политику того времени проистекали не изъ чувствъ русскаго человѣка, сознанныхъ разумно представителемъ Россіи при одной изъ старѣйшихъ европейскихъ монархій, а сливались съ общимъ взглядомъ всей старой феодальной европейской аристократіи, съ которою, конечно, ничего не имѣло общаго русское дворянство, но съ которою Разумовскій сжился до того, что окончивъ свою службу государству, не счелъ нужнымъ возвратиться въ отечество. Онъ оставался въ Вѣнѣ, гдѣ настроилъ дворцовъ, въ городѣ и за городомъ, и гдѣ его домъ служилъ средоточіемъ, привлекавшимъ все высшее общество столицы Австріи своимъ роскошнымъ гостепріимствомъ, своими пирами, обѣдами и ужинами и умною бесѣдой о современной политикѣ. Дамы разныхъ націй занимали видное мѣсто въ бесѣдахъ, а особенно жена русскаго героя князя Багратіона. Тамъ вертѣлся и Генцъ, главный сотрудникъ графа Меттерниха, подкупной и развратный подспудный политикъ; тамъ, рядомъ съ графомъ Стадіономъ, послѣ Шенбрунскаго мира уступившимъ свое мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ Австріи графу Меттерниху, постоянно присутствовалъ и этотъ послѣдній [1]). Князь Куракинъ, разумѣется, сталъ прирожденнымъ членомъ этого общества. Задача князя Куракина была не слишкомъ трудна; увѣряя Австрію въ желаніи Россіи сохранить ея существованіе въ Европѣ въ качествѣ сильной и самостоятельной державы, необходимой не только для европейскаго равновѣсія политическихъ силъ, но и для огражденія Россіи отъ напора завоевательныхъ стремленій представителя революціонной Франціи, Куракинъ долженъ былъ только останавливать ее отъ наступательныхъ дѣйствій, и совѣтовать не начинать войны съ нимъ при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, когда Россія даже, такъ благорасположенная къ ней, должна будетъ дѣйствовать противъ нея совокупно съ Наполеономъ, въ силу тайныхъ условій. Ку-

---

[1]) *Bignon*, Hist. de France, 2-me époque, гл. XXVIII, стр. 392 и слѣд.

ракинъ полагалъ, и не безъ основанія, что исполнилъ возложенное на него порученіе. Въ то время, когда графъ Румянцевъ находился при императорѣ въ Эрфуртѣ, Куракинъ увѣдомлялъ его, что онъ „льстить себя надеждою, что государь будетъ доволенъ его извѣстіями, что Вѣнскій кабинетъ далъ положительныя увѣренія въ желаніи сохранить миръ. Австрія только и желаетъ мира, и безъ сомнѣнія, не нарушитъ его. Она послѣдуетъ тѣмъ внушеніямъ, которыя получала чрезъ мое посредство. Я считаю себя счастливымъ, что могу вамъ сообщить эти хорошія извѣстія. Вы кстати получите ихъ въ Эрфуртѣ, и они могутъ быть вами приняты во вниманіе при предстоящихъ тамъ важныхъ переговорахъ" [1]).

Но именно эрфуртскіе переговоры разрушили надежды нашего посланника. Австрія, оскорбленная не только непринятіемъ ея въ союзъ съ Россіей и Франціей, но и исключеніемъ отъ всякаго участія въ этихъ переговорахъ, поняла, что императоръ Наполеонъ вызываетъ ее на войну, къ которой она и должна готовиться. Въ это время Куракинъ назначенъ былъ посломъ въ Парижъ, а его мѣсто въ Вѣнѣ, послѣ непродолжительнаго пребыванія тамъ Алопеуса въ качествѣ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, занялъ графъ Штакельбергъ. Онъ точно также, какъ Куракинъ, попалъ въ среду того общества, котораго средоточіемъ былъ домъ графа Разумовскаго. Съ перемѣною политическаго положенія Австріи послѣ войны, оно не измѣнило своихъ взглядовъ и только съ большею раздражительностію относилось къ политикѣ императора Наполеона, которая оскорбляла даже французскаго посланника при Вѣнскомъ дворѣ. Графъ Отто обращалъ на это вниманіе графа Меттерниха, а его секретарь Лагранжъ, пріѣхавъ въ концѣ 1810 г. въ Парижъ, представилъ императору Наполеону особую записку, въ которой взгляды, выражаемые графомъ Разумовскимъ въ Вѣнѣ, представлялъ весьма враждебными Франціи и крайне для нея опасными. Въ его сношеніяхъ съ нашимъ уполномоченнымъ Алопеусомъ Лагранжъ замѣчалъ зародышъ коалиціи противъ Франціи и своими доносами заподозрилъ многихъ изъ жителей Вѣны. Увѣдомляя объ этомъ нашъ кабинетъ, князь Куракинъ писалъ: „императоръ Наполеонъ желаетъ знать со всѣми подробностями обо всемъ, что происходитъ въ иностранныхъ государствахъ, не считая неважнымъ для общаго хода дѣлъ никакого поступка, никакого слова, какъ бы пусто и ничтожно оно ни

---

[1]) Частное письмо князя Куракина къ графу Румянцеву изъ Вѣны $^{9}/_{21}$ сентября 1808 г.

было. Поэтому онъ обращаетъ особенное вниманіе на *анекдотическую* сторону переписки своихъ посланниковъ и уполномоченныхъ при иностранныхъ дворахъ (attache une extrême valeur à la partie anecdotique de la correspondance de ses ministres et agents à l'étranger). Зная вкусы своего повелителя, они наперерывъ другъ передъ другомъ стараются сообщить ему какъ можно болѣе свѣдѣній, которыя большею частію оказываются ложными". Къ числу такихъ сообщеній принадлежала и записка Лагранжа, подавшая однакоже поводъ къ тому, что герцогъ Кадорскій жаловался на графа Разумовскаго нашему посланнику, а императоръ Наполеонъ требовалъ даже отъ графа Меттерниха, чтобъ его выслали изъ Австріи. „Я отвѣчалъ ему", разказывалъ графъ Меттернихъ нашему посланнику въ Парижѣ, „что императоръ мой повелитель никогда не рѣшится на это, и—что графа Разумовскаго чрезвычайно уважаютъ въ Австріи. Онъ ведетъ весьма мирный образъ жизни, какъ частный человѣкъ, проживая свои огромные доходы, и по своему рожденію и званію не можетъ быть высланъ изъ государства". Императоръ Наполеонъ, прибавляетъ князь Куракинъ,—не настаивалъ болѣе на этомъ вопросѣ и намѣренъ обратиться съ своимъ требованіемъ къ нашему правительству; вмѣстѣ съ тѣмъ Куракинъ выражалъ увѣренность, что его попытка не увѣнчается успѣхомъ [1]). Такъ ли отвѣчалъ графъ Меттернихъ императору Наполеону, какъ передавалъ онъ нашему посланнику, или иначе, но съ вѣроятностію можно предполагать, что онъ старался убѣдить его, что то общество, которое онъ самъ посѣщаетъ постоянно, и слѣдовательно, наблюдаетъ за нимъ, которое открыто выражаетъ свои мнѣнія, состоитъ изъ иностранцевъ и людей, не имѣющихъ значенія въ правительствѣ Австріи, не можетъ быть опасно. Дѣйствительно, и притомъ оно было опасно только для новаго нашего посланника, а не для политики Вѣнскаго кабинета, принявшей съ перемѣною обстоятельствъ новое направленіе.

Послѣ Шенбрунскаго мирнаго договора, графъ Меттернихъ, занявъ мѣсто графа Стадіона, круто повернулъ направленіе политики Вѣнскаго двора, но съ такою ловкостію, что на первыхъ порахъ этого не замѣтили ни общество, ни самъ императоръ. Ему удалось вывесть императора Наполеона изъ крайне затруднительнаго положенія въ отношеніи къ нашей императорской семьѣ, устроивъ, при помощи австрійскаго посланника при Тюльерійскомъ дворѣ, графа Швар-

[1]) Депеша князя Куракина графу Румянцеву 5/17-го сентября 1810 г.

ценберга, его бракъ съ австрійскою эрцгерцогинею. Этою удачею въ семейномъ дѣлѣ Меттернихъ желалъ немедленно воспользоваться и въ политическихъ видахъ. Лишь только совершено было бракосочетаніе, онъ обратился съ просьбою къ императору Наполеону дозволить ему пріѣхать въ Парижъ. Еслибъ съ этою просьбою обратился къ нему одинъ изъ членовъ Габсбургскаго дома, то безъ сомнѣнія, Наполеонъ понялъ бы, что она вызвана родственнымъ чувствомъ, участіемъ къ молодой императрицѣ и желаніемъ убѣдиться въ ея счастливой судьбѣ. Но австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, испрашивая это дозволеніе, руководился, конечно, не семейными чувствами, а политическими соображеніями. Поэтому императоръ Наполеонъ поручилъ увѣдомить графа Меттерниха, что дозволяетъ пріѣхать ему въ Парижъ, но безъ особенныхъ порученій отъ Австрійскаго правительства, не въ качествѣ чрезвычайнаго посланника по дѣламъ политики. Отклоняя явныя порученія, онъ допускалъ однакоже тайныя (confidentielles) и велѣлъ объявить, что Меттернихъ будетъ принятъ при Тюльерійскомъ дворѣ также, какъ былъ принятъ графъ Румянцевъ послѣ Эрфуртскаго свиданія [1]).

Поѣздка въ Парижъ перваго министра Австріи, не вызванная никакими явными причинами, возбудила подозрѣнія нашего кабинета. Канцлеръ поручалъ кн. Куракину разузнать о дѣйствіяхъ гр. Меттерниха. Но окружая его всѣми любезностями, Тюльерійскій дворъ хранилъ строгую тайну о своихъ переговорахъ съ нимъ, и нашему посланнику не удалось ничего разузнать. „Я имѣю основаніе предполагать однако же," писалъ онъ гр. Румянцеву,—что не заключено наступательнаго и оборонительнаго союза между Австріей и Франціей; но Тюльерійскій кабинетъ желая возбудить въ насъ подобное подозрѣніе, употребляетъ всѣ средства, чтобы пустить въ ходъ эту мысль, и хочетъ заставить вѣрить, относясь съ необыкновеннымъ вниманіемъ лично къ гр. Меттерниху, что дѣйствительно существуетъ тѣсный политическій союзъ между двумя кабинетами. Это обстоятельство и подало поводъ къ слухамъ, распространившимся во всей Германіи и распущеннымъ газетами. Въ то время, какъ императоръ Наполеонъ дѣйствуетъ въ отношеніи къ намъ такимъ образомъ, чтобы внушить намъ подозрѣніе въ отношеніи къ Австріи, онъ разжигаетъ ея зависть къ намъ, преувеличивая въ ея глазахъ наши виды на Турцію. Такой

[1]) Письмо герцога Кадорскаго къ Коленкуру 18-го мая 1810 г.; донесеніе его же императору Наполеону 24-го марта 1810 г.

образъ дѣйствій не новъ,—онъ послужилъ способомъ для императора Наполеона подчинить своему господству всю Европу, возбуждая постоянно недовѣріе одной державы къ другой и препятствуя согласію между ними, которое такъ для него опасно". Чтобы противодѣйствовать такой политикѣ Наполеона, Куракинъ совѣтовалъ откровенно объясниться съ Вѣнскимъ кабинетомъ [1]). Но ему знакомъ былъ кабинетъ гр. Стадіона, и онъ не могъ предполагать, чтобы послѣ новаго униженія, испытаннаго Австріей отъ Наполеона, ея политика могла такъ круто повернуть свое направленіе въ рукахъ новаго министра. Хотя императоръ Наполеонъ и не заключилъ немедленно союза съ Австріей, считая его преждевременнымъ, но къ ея предложеніямъ отнесся иначе, нежели къ такимъ же предложеніямъ Пруссіи. Даже въ то время, когда онъ рѣшился заключить союзъ съ нею и держалъ ее въ своихъ рукахъ, окруживъ своими военными силами, онъ настоятельно требовалъ, чтобъ она прекратила вооруженіе и не увеличивала бы своихъ войскъ болѣе назначеннаго Тильзитскимъ договоромъ количества. Совершенно иначе онъ отнесся къ Австріи. Послѣдствіемъ поѣздки гр. Меттерниха въ Парижъ было то, что кромѣ нѣкоторыхъ льготъ въ отношеніи къ уплатѣ контрибуціи, условленной Шенбрунскимъ договоромъ, Наполеонъ отказался, изъ личнаго будто бы уваженія къ императору Австрійскому, своему тестю, отъ одной изъ важныхъ статей этого договора, а именно, чтобъ Австрія не увеличивала своихъ войскъ болѣе 150 тысячъ [2]). Дозволяя ему увеличивать по собственнымъ соображеніямъ войска, онъ очевидно не опасался, чтобъ они могли обратиться противъ него, а между тѣмъ Австрія могла вооружить несравненно большія силы, нежели Пруссія. Такъ искренно графъ Меттернихъ, поддерживаемый графомъ Шварценбергомъ выражалъ свою непріязнь къ Россіи, возбуждая Францію разорвать съ нею союзъ и начать военныя дѣйствія [3]).

Если новое направленіе политики Вѣнскаго кабинета оставалось неизвѣстнымъ для князя Куракина, то еще большею тайной оно было для нашего посланника въ Австріи. Возвратившись изъ Парижа, графъ Меттернихъ получилъ большую силу въ своемъ правительствѣ. Не столько выпрошенныя имъ льготы въ уплатѣ контрибуціи, сколько от-

[1]) Депеша князя Куракина къ графу Румянцеву 28-го іюля (9-го августа) 1810 г.

[2]) Ст. 2-я секретнаго договора см. *Bignon*, Hist. de France, гл. XVI, стр. 227.

[3]) *Fain*, Manuscrit de 1813, замѣчанія Наполеона на объявленіе войны Австріей, 12-го августа 1813 г., т. II, стр. 208.

мѣна унизительной для гордости самостоятельнаго монарха статьи, ограничивавшей число его войскъ, пріобрѣли ему расположеніе императора; а разказы чадолюбивому отцу о счастіи его дочери, о блескѣ и величіи, которыми она окружена, ввели его въ близкія отношенія къ его государю. Пріобрѣтя вліяніе на императора, Меттернихъ не заботился уже о мнѣніяхъ и взглядахъ Вѣнскаго общества, по прежнему поддерживалъ съ нимъ дружескія отношенія, по прежнему посѣщалъ домъ графа Разумовскаго и по прежнему увѣрялъ нашего посланника въ неизмѣнной политикѣ Вѣнскаго кабинета, основанной на сохраненіи дружескихъ отношеній между Австріей и Россіей.

Между тѣмъ тучи нашествія Наполеоновыхъ силъ на Россію скоплялись все болѣе и болѣе на западѣ Европы, и всѣ были увѣрены, что онѣ разразятся разрушительною грозою въ 1811 году. Вопросъ о томъ, какое приметъ участіе Австрійская имперія въ этомъ новомъ и рѣшительномъ переворотѣ въ судьбахъ европейскихъ государствъ, пріобрѣталъ все больше и больше значенія въ соображеніяхъ политическихъ дѣятелей. Изъ Парижа князь Куракинъ и Чернышевъ постоянно указывали не необходимость привлечь Австрію къ союзу съ Россіей и для этой цѣли заключить во что бы то ни стало миръ съ Турками. Наслѣдный принцъ Шведскій постоянно разчитывалъ на этотъ союзъ, слушая увѣренія австрійскаго посланника при Стокгольмскомъ дворѣ, генерала Нейперга, принимавшаго дѣятельное участіе въ сближеніи Швеціи съ Россіей. Король Прусскій указывалъ на этотъ союзъ какъ на одно изъ условій и для союза Пруссіи съ Россіей.

Конечно, значеніе Австріи при предстоящемъ переворотѣ понималъ и русскій кабинетъ. Въ началѣ 1811 г. императоръ Александръ собственноручно написалъ инструкцію графу Штакельбергу, въ которой поручалъ ему слѣдующее; „объяснить Вѣнскому двору мои отношенія къ Франціи, завѣряя положительно, что я не желаю войны и употребляю всѣ способы, совмѣстные съ моимъ достоинствомъ, чтобъ отложить ее. Но если на меня нападутъ, то будучи увѣренъ, что Австрія не можетъ быть равнодушна къ сохраненію Россіи, я счелъ полезнымъ сообщить ей свѣдѣнія о тѣхъ значительныхъ силахъ, которыми я могу располагать“. Заявляя нашему посланнику, что онъ лично передалъ о нихъ подробныя свѣдѣнія графу Сенъ-Жюльену, австрійскому посланнику при нашемъ дворѣ, императоръ для соображенія сообщилъ ему также собственноручно написанный списокъ всѣхъ войскъ. Онъ поручилъ ему увѣрить Вѣнскій кабинетъ, что не требуетъ со-

дѣйствія отъ Австріи, зная, какъ она нуждается въ мирѣ и спокойствіи, но считаетъ необходимымъ войдти въ соглашеніе съ нею о такихъ политическихъ событіяхъ, которыя возможно предвидѣть, если только начнется война. „Въ числѣ этихъ событій, какъ самое важное и вѣроятное", писалъ императоръ,—я предвижу — возстановленіе Польши императоромъ Наполеономъ, при чемъ въ составъ ея онъ включитъ и Галицію, отдавъ въ замѣнъ ея Австріи какія-либо другія области. Если ему удастся то, съ цѣлію, конечно, вредить Россіи, то не имѣя возможности прямо воспрепятствовать исполненію его намѣреній, я считаю болѣе благоразумнымъ принять мѣры къ устраненію того зла, которое можетъ изъ того послѣдовать. Въ этомъ случаѣ Россія будетъ вынуждена занять Польшу, употребивъ на то всѣ способы, которыми можетъ располагать, и тогда я предлагаю Австріи Молдавію и Валахію по р. Серетъ въ полную собственность, чтобы доказать ей, съ одной стороны, что я не стремлюсь лишь къ пріобрѣтеніямъ, а съ другой—что виды Россіи клонятся къ тому, чтобъ Австрія оставалась могущественною державой". Императоръ поручалъ также своему посланнику объявить Австрійскому правительству, что въ случаѣ счастливаго исхода для Россіи этой возможной войны, онъ отнесется благопріятно, если Австрія захочетъ вознаградить себя за понесенныя ею потери. Но для личнаго руководства посланника онъ прибавлялъ: „Въ случаѣ неизбѣжнаго уже разрыва между Россіей и Франціей, еслибы вамъ удалось склонить Австрію къ дѣятельному намъ содѣйствію противъ Франціи, то этимъ вы оказали бы мнѣ великую услугу. Но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ показывать, что мы просимъ ее объ этомъ." На тотъ случай, еслибы Вѣнскій дворъ открыто рѣшился дѣйствовать за одно съ Россіей, императоръ поручилъ графу Штакельбергу имѣть въ виду слѣдующія два обстоятельства: 1. Австрія должна начать дѣйствовать въ то время, какъ уже откроется война между Россіей и Франціей, и слѣдуетъ рѣшительно удержать Австрію, еслибъ она рѣшилась начать дѣйствія прежде насъ и тѣмъ избавить Россію отъ непріятности быть вовлеченною ею въ войну, какъ это случилось въ 1805 году. „Я самъ", писалъ императоръ,—„долженъ опредѣлить время моего разрыва съ Франціей". 2. Необходимо, чтобы каждый дѣйствовалъ своими силами съ своей стороны, а не соединяя силъ обѣихъ имперій въ одно войско; но цѣль должна быть общая: „ограничить притязанія Наполеона, а вовсе не вести войну съ Франціей".

Въ случаѣ союза съ Австріей, императоръ не желалъ, чтобъ она относилась враждебно къ Баваріи, чѣмъ могла только скрѣпить ея

союзъ съ Наполеономъ. Напротивъ, онъ желалъ, чтобъ она признала неприкосновенность баварскихъ владѣній, а въ случаѣ счастливаго исхода войны, обѣщалъ свое содѣйствіе возвратить Австріи Тироль отъ Баваріи въ промѣнъ на какія-либо другія области [1]).

„Объ этой инструкціи не знаетъ канцлеръ", писалъ императоръ въ заключеніе графу Штакельбергу, и поручалъ ему всѣ извѣстія о томъ, какъ онъ будетъ сообразно съ нею дѣйствовать, сообщать прямо ему въ собственныя руки, въ Зимній дворецъ, помимо министерства иностранныхъ дѣлъ. Это обстоятельство снова указываетъ на двойное теченіе въ русской политикѣ, хотя и одинаковой въ основныхъ взглядахъ, но различавшихся въ способѣ дѣйствій. Чѣмъ объяснить, что императоръ, питавшій довѣріе къ своему канцлеру, скрываетъ отъ него сношенія съ Австрійскимъ дворомъ по вопросу такой важности? Вѣроятно, графъ Румянцевъ сохранялъ увѣренность, что императоръ Наполеонъ не имѣетъ намѣренія начать войну, но желаетъ только запугать Россію военными приготовленіями, и не терялъ надежды, что въ такомъ случаѣ Наполеонъ обратится вновь къ мирнымъ переговорамъ и сдѣлается сговорчивѣе; поэтому канцлеръ считалъ преждевременнымъ входить въ переговоры о союзахъ и особенно съ Австріей, чтобъ этимъ самымъ не раздражить Наполеона и дѣйствительно не вызвать его на войну. Онъ зналъ, что самъ Наполеонъ не входилъ еще въ переговоры о формальныхъ союзахъ съ этими державами, и можетъ быть, въ этомъ обстоятельствѣ усматривалъ подтвержденіе своей мысли, что онъ не рѣшился еще на войну, и что пререканія между Россіей и Франціей могутъ быть еще улажены путемъ мирныхъ переговоровъ. Но взглядъ императора былъ иной: онъ былъ увѣренъ, что Наполеонъ рѣшился воевать и потому желалъ вывесть изъ двусмысленнаго положенія политику Вѣнскаго двора и убѣдиться, какъ будетъ дѣйствовать Австрія при предстоявшей войнѣ. Но этой цѣли русской политикѣ не удалось достигнуть во все продолженіе 1811 года. Конечно, главнѣйшая причина заключалась въ томъ, что графъ Меттернихъ не могъ обличить своей политики ранѣе, нежели требовали этого виды Тюльерійскаго кабинета. Австрія не колебалась, какъ Пруссія, но прямо стала подручницею Франціи и ожидала только урочнаго часа начать вмѣстѣ съ нею войну противъ Россіи. Но до того времени она, безъ сомнѣнія, должна была скрывать свои намѣренія. Графъ Меттернихъ постоянно увѣрялъ нашего по-

[1]) Instruction secrète pour le c-te de Schtackelberg, 13 fevrier 1811.

сланника, что „единственное желаніе императора, его повелителя, заключается въ томъ, чтобъ обѣ древнѣйшія имперіи шли рука объ руку какъ въ видахъ своихъ взаимныхъ выгодъ, такъ и общихъ европейскихъ дѣлъ". Онъ подробно перечислилъ, какія заслуги Россіи оказывала политика Вѣнскаго кабинета какъ въ отношеніи къ Франціи, такъ и Оттоманской имперіи, увѣряя, что совершенно зависитъ отъ насъ заключить немедленно миръ съ послѣднею и поддерживать дружбу съ первою. Если Вѣнскій кабинетъ не можетъ свободно дѣйствовать въ общихъ видахъ съ русскою политикою, то въ этомъ виновата сама Россія, упорно затягивая войну съ Турками требованіями отъ нихъ значительныхъ территоріальныхъ уступокъ и отказывая въ полномочіяхъ своему посланнику въ Парижѣ, или не посылая особаго посольства для миролюбивыхъ соглашеній съ французскимъ правительствомъ, которое только того и желаетъ. Въ отношеніи къ Пруссіи Меттернихъ выражалъ совершенную холодность и увѣрялъ нашего посланника, что она ведетъ тайные переговоры съ Наполеономъ. Слухи о сближеніи Пруссіи съ Франціей, о ея вступленіи въ Рейнскій союзъ постоянно возобновлялись въ Вѣнѣ въ продолженіе 1811 года. Но рядомъ съ ними возобновлялись слухи о такихъ же переговорахъ Вѣнскаго кабинета и уже въ августѣ мѣсяцѣ говорили, что предварительныя условія соглашенія между Австріей и Франціей подписаны въ Вѣнѣ графомъ Отто и графомъ Меттернихомъ. Сколько довѣрялъ первымъ нашъ посланникъ, столь же мало вѣрилъ онъ послѣднимъ. Онъ постоянно увѣрялъ наше правительство, что Австрія не пріиметъ никакихъ предложеній Франціи и сохранитъ свой „нейтралитетъ, до такой степени благопріятный для нея при настоящемъ положеніи европейскихъ дѣлъ". Что касается до союза съ Россіей, то графъ Штакельбергъ питалъ убѣжденіе, что его нельзя достигнуть. Но во всякомъ случаѣ, желая сообразоваться съ наставленіями, данными ему императоромъ, онъ, по его словамъ, заговаривалъ иногда съ графомъ Меттернихомъ на счетъ замысловъ императора Наполеона возстановить Польшу и тѣхъ опасностей, какими это событіе можетъ угрожать обѣимъ имперіямъ. Графъ Меттернихъ совершенно соглашался съ его мнѣніемъ; но при этомъ замѣчалъ, что сама Россія была къ тому поводомъ, допустивъ такое значительное усиленіе Варшавскаго герцогства въ 1809 году. Затѣмъ, когда нашъ посланникъ заявлялъ, что обѣимъ имперіямъ слѣдуетъ принять мѣры противъ этого зла, и намекалъ на какихъ условіяхъ возможно было бы согласиться между собою въ виду этой цѣли, графъ Меттернихъ отклонилъ всякое объ-

ясненіе и общими словами отвѣчалъ на такіе намеки, что Австрія желаетъ сохранить дружескія отношенія къ Россіи [1]).

Это одно обстоятельство уже должно было бы внушить нашему посланнику нѣкоторое подозрѣніе къ политикѣ австрійскаго двора; но къ нему присоединились еще и другія. Извѣстія о побѣдахъ графа Кутузова надъ Турками произвели такое раздражающее впечатлѣніе на графа Меттерниха, что онъ пересталъ уже скрывать свою вражду къ Россіи. „Государственный министръ", писалъ графъ Штакельбергъ,— „прямо говоритъ, что всякій нашъ миръ съ Турками будетъ чрезвычайно невыгоденъ для Австріи, если онъ не будетъ заключенъ на основаніи status quo ante bellum. Онъ высказалъ свой взглядъ въ этомъ отношеніи передъ многими лицами и такъ рѣзко, что это доказываетъ, что онъ ошибся въ своихъ разчетахъ, преувеличивая силы Турціи и уменьшая наши. Конечно, это ставитъ въ затруднительное положеніе министра иностранныхъ дѣлъ передъ императоромъ, котораго онъ постоянно увѣрялъ, что нашъ миръ съ Турками не будетъ скоро заключенъ. Теперь наши успѣхи надъ Турками могутъ, вопреки его разчетовъ, повлечь за собою скорое заключеніе мира, что можетъ побудить графа Меттерниха склонить своего государя къ союзу съ Франціей. Я столько же опасаюсь оскорбленнаго самолюбія министра, сколько и угрожающаго ущерба выгодамъ Австріи. Она не можетъ равнодушно смотрѣть на наши пріобрѣтенія на востокѣ, единственной странѣ, на которую направлены ея притязанія на пріобрѣтенія, могущія вознаградить ея за потери, понесенныя въ войнахъ противъ Франціи". Нашъ посланникъ, входившій совершенно въ виды австрійской политики, не былъ пораженъ странностію разчетовъ Австріи на пріобрѣтенія со стороны державы, съ которою она находится въ мирѣ, потому только, что Россія, воюя съ Турками и побѣждая ихъ, могла законно присвоить себѣ ту добычу, на которую разчитывалъ Вѣнскій дворъ. Таковы дѣйствительно были виды этого двора. „Графъ Меттернихъ", продолжаетъ нашъ посланникъ,—„вчера говорилъ одному изъ моихъ товарищей съ видомъ оскорбленія, что Россія не приняла прошлою зимою посредничества Австріи въ примиреніи ея съ Оттоманскою Портою, предложеннаго чрезъ посредство Сенъ-Жюльена, что онъ постоянно

[1]) Депеши графа Штакельберга къ графу Румянцеву 18/30-го января, 23-го января (15-го февраля), 8/20-го апрѣля, 5/17-го іюля, 9/21-го іюля и 16/28-го августа 1811 года.

льстилъ себя надеждою, что для установленія искреннихъ отношеній къ Австріи Россія откажется отъ всѣхъ пріобрѣтеній со стороны Турціи. Если же вмѣсто того нашъ миръ съ Турками будетъ заключенъ въ Бухарестѣ на тѣхъ условіяхъ, которыя казались вѣроятными при отъѣздѣ послѣдняго оттуда курьера, то я не отвѣчаю, какія изъ этого могутъ произойдти послѣдствія въ отношеніяхъ къ намъ Вѣнскаго кабинета". Австрія предлагала намъ свои услуги для примиренія съ Турками именно въ тѣхъ видахъ, чтобы какъ возможно ограничить наши пріобрѣтенія отъ Порты и за свое посредничество пріобрѣсть свою долю участія въ нихъ. Мѣсяцъ спустя, нашъ посланникъ сообщалъ графу Румянцеву, что „рѣчи графа Меттерниха о ходѣ дѣлъ въ Россіи становится тревожнѣе, нежели были прежде. Впрочемъ, до тѣхъ поръ, пока мы не заключимъ мира съ Турками, мы ставимъ въ такое же затруднительное положеніе Австрію въ отношеніи къ Франціи, въ какомъ находилась и Пруссія. Сходство между ними не дурно опредѣлилъ графъ Меттернихъ, говоря, что Пруссія есть войско безъ страны, а Австрія—страна безъ войска. Сходство положенія, безпокойство, къ несчастію, возможное, что Россія какъ-нибудь войдетъ въ соглашеніе съ Франціей въ ущербъ Пруссіи и Австріи, сближаютъ ихъ между собою, и впервые съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь нахожусь, сдѣлались часты сношенія Вѣны съ Берлиномъ". Входя совершенно въ виды австрійской политики и забывая свои обязанности какъ представителя русскаго кабинета, графъ Штакельбергъ разсуждалъ о томъ, что несогласіе этихъ дворовъ было постоянною причиною несчастій Европы, и полагалъ, что отъ ихъ соглашенія могутъ произойдти благія послѣдствія, какъ бы не замѣчая, что оно состоялось подъ вліяніемъ Франціи и противъ Россіи, — а между тѣмъ извѣщалъ нашъ кабинетъ, что императоръ Наполеонъ желаетъ, чтобъ Австрія вступила въ союзъ съ Пруссіей и содѣйствуетъ этому всѣми способами [1]).

Конечно, русскій кабинетъ не могъ быть доволенъ дѣйствіями своего представителя при Вѣнскомъ дворѣ. Недовольный ими императоръ, вѣроятно, ввелъ канцлера въ тайны своей политики въ отношеніи къ Австріи, и графъ Румянцевъ, въ началѣ іюня, писалъ графу Штакельбергу: „Императоръ, судя по нѣкоторымъ изъ вашихъ сообщеній, убѣдился, что Вѣнскій кабинетъ твердо рѣшился

---

[1]) Депеши графа Штакельберга $^{3}/_{15}$-го ноября, $^{17}/_{29}$-го декабря и 27-го декабря 1811 года (8-го января 1812 года).

поддерживать нейтралитетъ въ случаѣ разрыва Россіи съ Франціей, и слѣдовательно, мы не должны опасаться, чтобъ Австрія объявила себя противъ насъ. Но безъ сомнѣнія, его величеству было бы пріятнѣе, еслибы два старинные императорскіе двора вступили въ болѣе тѣсныя отношенія между собою, притомъ и болѣе согласныя съ ихъ истинными выгодами". Описывая наши отношенія къ Франціи, Румянцевъ, говорилъ, что хотя Тюльерійскій кабинетъ и постоянно говоритъ о желаніи сохранить миръ съ Россіей, но всѣ его дѣйствія противорѣчатъ словамъ и обличаютъ противуположныя намѣренія. При такомъ положеніи дѣлъ, нашъ канцлеръ выражалъ желаніе получить болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о видахъ Вѣнскаго кабинета. Въ отвѣтъ на это онъ, графъ Штакельбергъ, увѣдомилъ его, что графъ Меттернихъ отклоняетъ всякіе переговоры о союзѣ, увѣряетъ, что Австрія не вступила въ союзъ съ Франціей, но въ то же время не отвѣчаетъ за дальнѣйшія дѣйствія ея политики. Эти сообщенія вызвали новое требованіе канцлера къ нашему посланнику не ограничиваться неопредѣленными заявленіями, но доставить положительныя свѣдѣнія о направленіи, которое принимаетъ политика Австріи въ отношеніи къ нашему двору. На это графъ Штакельбергъ отвѣчалъ: „Мои отношенія къ Вѣнскому двору хороши, даже удивительно хороши, если принять въ соображеніе, что вліяніе на него Франціи будетъ постоянно преобладающимъ до тѣхъ поръ, пока мы не дадимъ твердую точку опоры Австрійскому правительству заключеніемъ мира съ Турками. Что она колеблется между двумя направленіями (nage entre deux eaux), — это зависитъ отъ сущности того положенія, въ которое она поставлена; что у ея министра иностранныхъ дѣлъ два лица,—это опять такое же неизбѣжное зло. Сказать вашему сіятельству, которому я изъ нихъ болѣе придаю довѣрія, я не могу; у васъ болѣе данныхъ, чтобы судить объ этомъ. Въ Вѣнѣ ненавидятъ Французовъ; и дворъ, и городъ совершенно согласны въ этомъ чувствѣ. Мнѣ кажется, что правительство, которое всѣми мѣрами старается поддержать свое достоинство въ сношеніяхъ съ Франціей, съ трудомъ согласится въ тайнѣ трудиться надъ своимъ собственнымъ разрушеніемъ; но законъ необходимости, но обязанность государя дѣлать какъ можно менѣе зла своимъ народамъ, если онъ не можетъ сдѣлать имъ добра,—вотъ передъ чѣмъ, графъ, должна замолчать всякая риторика. Наша политика или лжеполитика, помѣшавшая намъ во что бы то ни стало заключить миръ съ Турками и привлечь на свою сторону Пруссію, приставила ножъ къ горлу Австрій-

скому правительству, а императора поставила на лезвіе бритвы. Можемъ ли мы требовать, хотя съ малѣйшею тѣнью справедливости, чтобы, восхищаясь Невой, онъ допустилъ прогнать себя изъ своей столицы за Дунай. Конечно, я не вполнѣ извиняю этого государя и тѣмъ болѣе его министра, которому—смѣю васъ увѣрить—мнѣ случалось говорить много горькихъ истинъ на счетъ ихъ образа дѣйствій. Но духъ смущенія здѣсь господствуетъ, и въ теперешнемъ положеніи дѣлъ мы сами виноваты еще болѣе ихъ, потому что далѣе находимся отъ пропасти, на краю которой стоитъ уже Вѣнскій дворъ. Чтобы не быть свергнутымъ въ эту пропасть, онъ сдѣлаетъ все, что ни прикажетъ ему французское правительство, пока онъ не убѣдится въ возможности опереться съ увѣренностію на простертую ему сильную руку помощи".

Узнавъ на другой же день послѣ этой депеши, о военныхъ приготовленіяхъ во всѣхъ областяхъ Рейнскаго союза, графъ Штакельбергъ снова писалъ канцлеру: „Ничто не можетъ извинить въ моихъ глазахъ *ложной политики* (l'impolitique), которая помѣшала намъ, на какихъ бы то *ни было* условіяхъ, заключить миръ съ Турками и привлечь къ себѣ Австрію, что теперь уже невозможно по времени года. Ничто не можетъ извинить насъ въ томъ, что мы предоставили Пруссіи дѣйствовать свободно, дозволили ея политикѣ колебаться между Наполеономъ и Александромъ и не обезпечили себя, какими бы то ни было средствами, въ ея содѣйствіи, не заняли Грауденца, который укрѣпленъ, не укрѣпили Мемеля—нашими ли рублями или прусскими руками" [1]).

Въ приведенныхъ словахъ слышится голосъ не представителя русскаго кабинета при Вѣнскомъ дворѣ, но строгаго судьи и порицателя политики нашего двора. Еслибы даже графъ Штакельбергъ и былъ правъ, упрекая Россію за то, что она не заключила до сихъ поръ мира съ Турками въ свой ущербъ и въ выгоду Австріи, что силою не привлекла къ союзу съ собою Пруссію, не заняла Грауденца, не укрѣпила Мемеля,—еслибы даже онъ былъ правъ, выражая образъ мыслей, господствовавшій въ домѣ графа Разумовскаго и порицавшій всю политику Россіи, начавшуюся съ Тильзитскаго мира, то во всякомъ случаѣ онъ былъ виноватъ передъ русскимъ кабинетомъ уже потому,

---

[1]) Отношенія графа Румянцева къ графу Штакельбергу 3-го іюня и 15-го декабря 1811 г.; депеши графа Штакельберга 19-го (31-го) января и 20-го января (1-го февраля) 1812 г.

что вовсе не дѣйствовалъ въ его видахъ, какіе бы они ни были, а сдѣлался орудіемъ враждебныхъ ему направленій. Безъ сомнѣнія, подобныя отношенія посланника къ своему кабинету не могли быть оставлены безъ вниманія, и графъ Штакельбергъ получилъ собственноручное письмо императора съ строгимъ выговоромъ [1]).

Не смотря, однако же, на сообщенія нашего посланника, на которыя нельзя было положиться, нашъ кабинетъ сохранялъ увѣренность, что Австрія не выступитъ враждебно противъ Россіи въ союзѣ съ Франціей, но въ самомъ худшемъ случаѣ, останется нейтральною. Эту увѣренность поддерживалъ въ немъ австрійскій посланникъ при нашемъ дворѣ, графъ Сенъ-Жюльенъ, конечно, руководствуясь наставленіями, получаемыми имъ отъ своего министра иностранныхъ дѣлъ. Его увѣренія подкрѣпляли извѣстія, получаемыя изъ Стокгольма. Наслѣдный принцъ Шведскій сообщалъ барону Сухтелену, конечно, со словъ графа Нейперга, австрійскаго посланника, что императоръ Наполеонъ дѣлалъ „весьма выгодныя предложенія Австріи; но она держится крѣпко и желаетъ оставаться нейтральною. Я поручалъ писать къ эрцгерцогу Карлу", говорилъ Бернадотъ, — чтобы пробудить его отъ его усыпленія, и поручалъ ему сказать, что онъ старѣйшій теперь изъ военачальниковъ, что онъ съ успѣхомъ сражался съ лучшими полководцами, что его долгъ какъ въ отношеніи къ самому себѣ, такъ и его храброй націи, Европѣ и всему человѣчеству,—убѣдить императора, его брата, принять участіе въ войнѣ, которая можетъ открыться, и отъ которой зависитъ рѣшеніе судьбы всей Европы. Если дѣла пойдутъ такъ, какъ слѣдуетъ надѣяться, то прійдется создать новыхъ три или четыре престола, не считая польскаго. Онъ рожденъ для того, чтобы занять одинъ изъ нихъ,—тотъ, который будетъ ему пріятнѣе и приличнѣе его дому. Престолъ Италіи могъ бы обратить на себя его вниманіе. Однимъ словомъ, я старался разшевелить его, но не знаю, что изъ этого послѣдуетъ" [2]).

[1]) Рескриптъ 11-го февраля 1812 года: «Monsieur le conseillier privé actuel comte de Stakelberg! Je ne pu voir sans étonnement le ton qui règne dans vos dernières depêches. Ce n'est pas celui qui convient envers son chef. D'ailleurs toute dépêche qui vous est adressée passant sous mes yeux peut bien motiver des objections de votre part; mais non une critique dans le genre de celle que vous en faites. Je vous invite donc à vous obstenir à l'avenir de me mettre dans le cas de vous faire des observations pareilles et de nuire par la à l'éstime que je vous porte et à la justice que je me plaisais à rendre à votre service. Sur ce je prie Dieu, etc.

[2]) Письмо г. Сухтелена къ императору 18-го (30-го) мая 1812 г., изъ Стокгольма.

Не удивительно, что бывшій маршалъ Наполеона, по примѣру своего властелина, считалъ не только возможнымъ создавать престолы, но и раздавать ихъ по своему усмотрѣнію; но странно то, что онъ не зналъ, какъ мало австрійскіе эрцгерцоги имѣли вліянія на дѣла своего государства и что послѣ Суворовскихъ войнъ именно эрцгерцогъ Карлъ не особенно благоволилъ къ Россіи.

Въ русскомъ обществѣ многіе, однако же, не довѣряли австрійской политикѣ. Зная разстройство и слабость государства, эти лица опасались, что Наполеонъ силою можетъ увлечь его за собою. „Графъ", говаривалъ графу Сенъ-Жюльену бывшій посланникъ Сардинскаго короля, графъ Местръ, — „васъ заставятъ дѣйствовать такъ, какъ захотятъ." „Мы слишкомъ сильны", отвѣчалъ онъ, — „чтобы насъ можно было заставить". Поэтому въ Петербургѣ вниманіе было устремлено именно на Австрію, и всѣ ожидали ея рѣшительнаго шага. „Глаза всѣхъ устремлены на Австрію", писалъ въ это время графъ Местръ Сардинскому королю; — „всѣ спрашиваютъ, что она будетъ дѣлать? Если уже необходимо отвѣчать на этотъ вопросъ, то я скажу, что она сдѣлаетъ то, чего сама не ожидаетъ (elle fera ce qu'elle ne croit pas) [1]). Дѣйствительно, она такъ и поступила, хотя не безсознательно и не случайно, но увлеченная своимъ первымъ министромъ.

Подъ вліяніемъ Наполеона послѣдовало сближеніе вѣчныхъ соперницъ между собою, Пруссіи и Австріи, и послѣдствіемъ этого сближенія было обоюдное съ ихъ стороны предложеніе посредничества между Россіей и Франціей, или точнѣе сказать, просьба, обращенная къ Петербургскому кабинету, войдти въ переговоры съ Наполеономъ. Лишь только баронъ Кнезебекъ пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ нарочно посланный изъ Вѣны баронъ Маршаль привезъ порученіе австрійскому посланнику при нашемъ дворѣ присоединиться къ его заявленіямъ и склонить русскій кабинетъ отправить въ Парижъ особое посольство. Пруссія, или лучше сказать, Прусскій король, можетъ быть, и вѣрилъ въ дѣйствительность предпринятой имъ мѣры; но графъ Меттернихъ, безъ сомнѣнія, не вѣрилъ ей: онъ самъ говорилъ графу Штакельбергу, что, по извѣстіямъ, полученнымъ имъ изъ Парижа отъ графа Шварценберга, императоръ Наполеонъ не придаетъ значенія посольству графа Нессельроде, потому что увѣ-

---

[1]) Corréspondance diplom., т. I, стр. 48 и 83.

ренъ, что послѣдній не будетъ снабженъ достаточными полномочіями [1]).

Между тѣмъ, вслѣдъ за заключеніемъ союзнаго договора Пруссіей съ Франціей, и Австрія заключила такой же 2-го (14) марта въ видѣ двухъ документовъ. Первый былъ почти повтореніемъ такого же договора, какой былъ заключенъ Австріей въ 1756 г., и также, какъ и прусскій, заключалъ въ себѣ статьи оборонительнаго лишь союза, по которому обѣ державы, признавая взаимно неприкосновенность своихъ владѣній, обязывались защищать ихъ отъ всякаго нападенія вооруженною рукою (ст. 1—3). Корпусъ вспомогательныхъ войскъ, который въ этомъ случаѣ одна держава должна была послать на помощь другой, полагался въ 30 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 24 тысячи было пѣхоты и 6 тысячъ конницы, при 60 пушкахъ, и долженъ былъ постоянно находиться на военномъ положеніи, готовымъ выступить въ поле не позднѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ требованія (ст. 4). Этотъ договоръ обѣ державы предполагали содержать въ тайнѣ, конечно—потому, что одною изъ его статей (ст. 6) постановлено было *обезпечить* неприкосновенность Турецкихъ владѣній въ Европѣ, что̀ было уже явнымъ отступленіемъ со стороны императора Наполеона отъ признанія правъ Россіи на Дунайскія княжества.

Во второмъ договорѣ, заключенномъ въ то же время и состоявшемъ изъ отдѣльныхъ тайныхъ статей, прямо выражено, что вспомогательный корпусъ австрійскихъ войскъ не будетъ дѣйствовать ни за Пиренеями, ни противъ Англіи, но только противъ Россіи, при имѣющей открыться войнѣ: „Онъ долженъ немедленно двинуться и сосредоточиться такимъ образомъ, чтобы съ 1-го мая въ 15 дней могъ быть собранъ въ Львовѣ, снабженный двойнымъ продовольствіемъ на 20 дней, артиллеріей и перевозочными средствами". Императоръ Французовъ „къ этому же времени" двинетъ всѣ свои силы противъ Россіи. Хотя австрійскій корпусъ и будетъ составлять отдѣльное цѣлое подъ начальствомъ своего генерала, но дѣйствовать какъ французскій корпусъ — въ общей связи съ войсками императора Французовъ и по непосредственнымъ его показаніямъ. Въ случаѣ, еслибы возстановлено было Польское королевство, Наполеонъ обезпечиваетъ за Австріею спокойное обладаніе Галиціей, если сама она не согласится получить въ замѣнъ ея Иллирійскія провинціи. Въ случаѣ сча-

[1]) Отношеніе графа Румянцева къ графу Штакельбергу 3-го февраля 1812 г.; депеша графа Штакельберга 16/28-го декабря 1811 г.

стливаго исхода войны онъ обѣщаетъ вознаградить Австрію за ея содѣйствіе увеличеніемъ ея владѣній. Въ заключеніе обѣ договаривающіяся стороны обязались привлечь къ этому договору Оттоманскую Порту и содержать его въ тайнѣ [1]).

Эти договоры какъ съ Пруссіей, такъ и съ Австріей, весьма мало походили на международныя обязательства между двумя самостоятельными государствами, въ которыхъ соблюдаются обоюдныя выгоды (bilaterales). Не смотря на то, что союзъ съ этими государствами приносилъ пользу и былъ необходимъ именно для Франціи, и она должна вознаграждать за содѣйствіе своихъ союзниковъ, всѣ условія договора постановлены исключительно въ пользу одной стороны, а именно Франціи. Такой смыслъ договора съ Пруссіей еще можетъ быть объясненъ тѣмъ крайне униженнымъ положеніемъ, въ которомъ она находилась; но что Австрію могли удовольствовать неопредѣленныя обѣщанія увеличить ея владѣнія въ случаѣ успѣшнаго исхода войны,—это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что она сама подстрекала Наполеона начать войну противъ Россіи, обѣщая свою помощь. Первое извѣстіе о заключеніи этого союза пришло въ Петербургъ изъ Швеціи. Наши посланники—ни Вѣнскій, ни Парижскій, ничего о немъ не знали во-время.

Въ половинѣ марта (17-го) генералъ Сухтеленъ узналъ, что графъ Нейпергъ, австрійскій посланникъ, получилъ извѣстіе о заключеніи союза между Австріей и Франціей и порученіе пригласить Швецію присоединиться къ этому союзу. Послѣ того, при первомъ же свиданіи (19-го марта), самъ наслѣдный принцъ сказалъ Сухтелену: „Мы получили весьма непріятное извѣстіе, но оно однако же должно только укрѣпить насъ въ нашихъ намѣреніяхъ"—и объяснилъ ему, что графъ Нейпергъ получилъ депешу отъ австрійскаго посланника при французскомъ дворѣ графа Шварценберга, написанную на другой день по подписаніи имъ союзнаго договора съ Наполеономъ, и въ которой онъ поручалъ ему объявить этотъ договоръ Стокгольмскому кабинету, пригласить Швецію присоединиться къ союзу и обѣщать ей за то возвращеніе Финляндіи. Извѣстіе объ этомъ скверномъ союзѣ, какъ называлъ его Бернадотъ (vilaine alliance), его крайне поразило, и онъ, по словамъ нашего посланника „осыпалъ упреками г. Нейперга за то,

[1]) Traité d'alliance entre la France et l'Autriche du 14 mars 1812. Articles séparés et secrets (*Fain*, Manuscrit до 1812. т. I, прилож. къ 1-й гл., стр. 116—121).

что тотъ постоянно увѣрялъ его, что Австрія останется въ строгомъ нейтралитетѣ, а между тѣмъ теперь явился съ предложеніемъ вступить въ союзъ противъ России. Австрійскій посланникъ извинялся тѣмъ, что его кабинетъ держалъ его въ полной неизвѣстности о томъ, что̀ происходило". Этому я вѣрю, прибавляетъ Сухтеленъ [1],— и это дѣйствительно было вѣрно, не только относительно г. Нейперга, но и Австрійскаго посланника при нашемъ дворѣ графа Сенъ-Жюльена, постоянно увѣрявшаго, что Австрія питаетъ искреннее расположеніе къ Россіи и не вступитъ ни въ какой союзъ противъ нея. Бернадотъ отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ Австріи и списки со всѣхъ бумагъ передалъ Сухтелену, который и сообщилъ ихъ нашему двору.

Извѣстіе о заключеніи союза между Австріей и Франціей поразило неожиданностію и нашъ дворъ, а еще болѣе австрійскаго посланника, который совершенно растерялся и вздумалъ было неудачно отрицать его справедливость. „Онъ человѣкъ легкій", но честный, писалъ о немъ графъ Местръ своему двору,—„и поэтому-то его сюда назначили: честнаго человѣка легче и обмануть, и сдѣлать орудіемъ для обмана другихъ. Очевидно, онъ былъ посланъ сюда, чтобы забавлять русскій дворъ, который вѣроятно даже менѣе обманутъ, нежели онъ самъ" [2]). Немедленно посылая списокъ съ союзнаго договора между Австріей и Франціей графу Штакельбергу, канцлеръ поручалъ ему заявить Вѣнскому двору, что „императоръ пораженъ, узнавъ о поступкѣ государя, на дружбу котораго онъ, казалось, пріобрѣлъ всѣ права, какъ по чувствамъ, проистекающимъ изъ личныхъ связей, такъ и по отношеніямъ почти непрерывнымъ, въ которыхъ въ продолженіе столѣтій находились ихъ древнія монархіи, которыя, не смотря ни на какія политическія бури, все-таки преходящія, не должны терять изъ виду, что само географическое ихъ положеніе вынуждаетъ ихъ не быть безучастными одна къ другой. Его величество не считаетъ нужнымъ скрывать, до какой степени ему непріятно было убѣдиться въ томъ, какое имѣли значеніе тѣ увѣренія въ дружбѣ къ Россіи, которыя постоянно заявлялъ Вѣнскій дворъ чрезъ васъ и своего у нея посланника, графа Сенъ-Жюльена, въ то самое время, когда онъ рѣшился уже дѣйствовать противъ нея враждебно. Не съ тою ли цѣлію употреблялись заманчивые пріемы довѣ-

---

[1]) Депеша Сухтелена къ графу Румянцеву 19/31-го марта 1812 г. *Графъ Местръ*, Correspond. polit., т. I, стр. 82.

[2]) Депеша 9/21-го апрѣля; Corresp. diplom., т. I, стр. 78 и 83.

›ія и дружбы, чтобы скрыть отъ его величества уже данное обѣща-
ıіе воевать съ нею и тѣмъ еще болѣе повредить его имперіи!"

Но императоръ, негодуя на поступокъ Австрійскаго двора, въ о же время былъ такъ увѣренъ въ тожествѣ его видовъ и цѣлей съ ıашими, что не могъ допустить и мысли о свободномъ и доброволь- омъ его дѣйствіи въ этомъ случаѣ и полагалъ, что онъ увлеченъ ылъ силою обстоятельствъ. „Мы все-таки не измѣняемъ своихъ гношеній къ Австріи, остаемся въ сношеніяхъ съ нею", сказано въ ой же нотѣ канцлера,—„и требуемъ, чтобъ она поступила въ отноше- іи насъ также, какъ мы поступили съ нею. Въ то время, когда она отѣла начать войну съ Франціей, мы объявили ей, что связаны тай- ымъ договоромъ съ Наполеономъ, по условіямъ котораго обязаны омогать ему, если Австрія *нападетъ* на него, и послали даже спи- ›къ съ самой статьи". Поэтому барону Штакельбергу предписано ıло требовать объясненій отъ Вѣнскаго двора, въ какой мѣрѣ она ıдетъ помогать Наполеону въ войнѣ противъ насъ [1])?

Этотъ вопросъ объясняется тѣмъ, что нашему кабинету не было звѣстно содержаніе тайнаго договора Австріи съ Франціей, заклю- ıнпаго въ одно и то же время съ явнымъ, и котораго существованіе ıльзя было однакоже не предполагать. Явный договоръ былъ слиш- ›мъ общъ, и его примѣненіе въ виду готовившихся уже произше- вій необходимо должно быть опредѣлено съ большою ясностію. При- ›мъ въ немъ постановлено было стараться привлечь къ союзу Фран- и и Австріи только Турцію; а между тѣмъ австрійскій посланникъ › Стокгольмѣ, по порученію графа Шварценберга, предлагалъ и Шеціи приступить къ этому союзу. Графъ Сенъ-Жюльенъ увѣрялъ ıшъ дворъ, что Вѣнское правительство вовсе не причастно къ это- ' дѣлу, и всю вину сваливалъ на г. Нейперга и Шварценберга. „Австрійское посольство", писалъ графъ Местръ своему правитель- ву,—„негодуетъ на Шварценберга, утверждая, что онъ, по легкомы- ію, позволилъ себѣ послать такую депешу въ Стокгольмъ. Я на- лъ смѣяться, услыхавъ такое объясненіе. „Мы вамъ сейчасъ предста- мъ доказательства". Я прервалъ мудреца: „Вѣроятно, вы скажете ѣ, что самъ Шварценбергъ говоритъ въ своей депешѣ: вслѣдствіе говора, подписаннаго мною *вчера*, а—министръ не долженъ основы- ться на договорѣ, еще не ратификованномъ его государемъ". „*Именно* къ", отвѣчали мнѣ. Итакъ, это-то *именно* и указываетъ на то, что

[1]) Нота канцлера графу Штакельбергу 28-го марта 1812 г.

въ инструкціи министру было сказано: лишь только будетъ подпи санъ договоръ, вы сдѣлаете то-то, не ожидая ратификаціи. Вы м жете приписывать какія угодно качества графу Шварценбергу, кром глупости" [1]).

Нашъ кабинетъ, пославъ нашему посланнику при Вѣнскомъ дв рѣ списокъ съ главнаго договора, заключеннаго Австріей съ Наполе номъ, вслѣдъ затѣмъ увѣдомилъ его о поступкѣ графа Нейперг который предлагалъ Швеціи приступить къ этому договору и пор чалъ ему немедленно истребовать объясненій отъ Вѣнскаго двора [2] Союзъ Австріи съ Наполеономъ имѣлъ особенное значеніе для Ро сіи. Имъ обезпечивалась неприкосновенность турецкихъ владѣній Европѣ, а нашъ миръ съ Оттоманскою Портою еще не былъ закл ченъ. Удалось-ли бы намъ заключить этотъ миръ до начала вой съ Франціей, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, возможность терри ріальныхъ пріобрѣтеній отъ Турціи дѣлалась сомнительною. Австрі соединенно съ французскими войсками, находившимися въ Иллирі скихъ областяхъ, могла уничтожать всѣ надежды, основанныя на п бѣдахъ графа Кутузова. Вовлекла ли бы она въ союзъ съ собою Франціей Оттоманскую Порту, или нѣтъ, достаточно было вражде наго положенія ея войскъ вмѣстѣ съ французскими, чтобы вынуди наши войска, простиравшіяся только до 45 тысячъ, къ отступлен отъ Дуная въ предѣлы имперіи. Такое положеніе дѣлъ естествен возбуждало важный для насъ вопросъ, въ какой мѣрѣ Австрія об залась помогать Наполеону въ войнѣ съ Россіей, и вынуждало на кабинетъ выражать надежду, что Австрія приступила къ союзу Франціей не по доброму желанію, но вынужденная силою обст тельствъ.

Въ то время какъ наше правительство давало такія поручен графу Штакельбергу, союзъ Австріи съ Франціей уже не былъ та ною въ Вѣнѣ. Слухъ о немъ распространился немедленно по пол ченіи самыхъ актовъ, подписанныхъ въ Парижѣ. Онъ поразилъ н ожиданностію Вѣнское общество, которое, слѣдуя увѣреніямъ, постоя но заявляемымъ самимъ графомъ Меттернихомъ, ожидало, что Австр сохранитъ нейтралитетъ при предстоявшей войнѣ; союзъ этотъ возб дилъ сильное негодованіе, особенно когда сдѣлались извѣстными тайн статьи. Эти слухи дошли, конечно, и до нашего посланника, которы

---

[1]) Correspond. diplomatique, т. I, стр. 88.

[2]) Отношеніе графа Румянцева къ графу Штакельбергу 8-го апрѣля 1812

ообщая их канцлеру, писалъ подъ вліяніемъ страха, распространивпагося во всей Германіи, „что военныя приготовленія Франціи огромны. Ложетъ быть, преждевременно и слишкомъ печально, еслибы пришюсь уподобить Пруссію и Австрію этому Варшавскому правительству, которое только въ войнѣ ищетъ своего спасенія; но въ такое чрезычайное время, какого еще не бывало въ исторіи, слѣдуетъ и это обстоятельство имѣть въ виду. Распространяются самыя чудовищныя редположенія. Говорятъ, что императоръ Наполеонъ начинаетъ войну съ Россіей съ тою цѣлію, чтобъ увлечь ее въ предпринимаемый имъ походъ въ Азію, гдѣ въ Индіи онъ намѣревается поразить могуцество Англичанъ. За войсками онъ ведетъ множество всякаго рода ремесленниковъ изъ Франціи, и сверхъ того, набираетъ еще въ Германіи, и на это указываютъ, какъ на доказательство такого предположенія. Что касается до меня, то я болѣе склоненъ предполагать, что онъ намѣревается устроить противъ насъ укрѣпленные лагери и основать колоніи по примѣру Римлянъ. По тому огромному количеству войскъ, которое онъ собралъ, можно предполагать, что эту войну онъ считаетъ послѣднею на материкѣ Европы; она совершенно измѣнитъ положеніе Германіи и Польши, и ея послѣдствіемъ, можетъ быть, будетъ возстановленіе достоинства Западнаго императора. И мы вѣроятно увидимъ, что для достиженія этой-то цѣли будетъ помогать Наполеону Австрія, ничѣмъ не отличаясь отъ государей Рейнкаго союза“ [1]).

Общественное вниманіе было весьма сильно возбуждено не только въ Вѣнѣ, но и во всей почти Австріи. „Союзъ Австріи съ Франціею“, говоритъ современникъ, — „произвелъ странное впечатлѣніе на весь народъ, и особенно на войска. Множество офицеровъ вышло въ отставку, другіе объявили, что подадутъ просьбы объ увольненіи отъ службы, лишь только имъ будетъ объявленъ походъ. Дѣло дошло до того, что для австрійскаго офицера отказаться отъ участія въ войнѣ, что въ прежнее время покрыло бы его позоромъ, сдѣлалось теперь долгомъ чести, которымъ хвалятся, и которое оправдывается самыми строгими военными людьми. Австрійскія войска въ продолженіе двадцати лѣтъ постоянно вели войну съ Французами, въ продолженіе двадцати лѣтъ не переставали внушать къ нимъ ненависть и мщеніе всему народу. Безъ сомнѣнія, нельзя было ожидать, чтобы договоръ,

---

[1]) Депеша графа Штакельберга къ графу Румянцеву $^{3}/_{15}$-го августа и 27-го марта (8-го апрѣля) 1812 г.

внезапно заключенный правительствомъ, могъ съ-разу перевернут всѣ убѣжденія народа и затушить всѣ воспоминанія, особенно когд: неизвѣстны причины, побудившія дворъ къ заключенію такого договора Эта ненависть къ Франціи не утратила своей силы, и Россія встрѣтитъ среди Австрійцевъ враговъ только въ числѣ 30 тысячъ вспомогательнаго Французамъ корпуса, который, безъ сомнѣнія, не будетъ увеличенъ, если императоръ останется вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ въ чемъ едва ли можно сомнѣваться" [1]).

Предполагалъ ли графъ Меттернихъ, что необходимое выраженіе его новой для Австріи политики, *наступательный* союзъ съ Франціеі противъ Россіи, произведетъ такое впечатлѣніе и вызоветъ такія по слѣдствія въ его отечествѣ? Если такое предположеніе входило въ его соображенія, то думалъ ли онъ побѣдить общественное мнѣніе не придавая ему важнаго значенія, рѣшительными дѣйствіями своеі политики и страхомъ, внушаемымъ Наполеономъ всей Германіи? Но это общественное мнѣніе, и особенно военныхъ людей, не могло не имѣть вліянія на императора Франца. Дѣйствуя на его ограниченныя способности, его можно было увѣрить, что онъ жертвуетъ своею дочерью и заключаетъ союзъ съ Наполеономъ для спасенія своихъ государствъ,—но гордый и упрямый Габсбургъ, столько разъ униженный повелителемъ Франціи, не могъ сдѣлаться подручникомъ Наполеона Разчитывалъ ли графъ Меттернихъ своимъ вліяніемъ побѣдить ненависть своего государя къ Французамъ и ошибся ли въ своемъ разчетѣ? Въ настоящее время еще не представляется возможности отвѣчать положительно на эти вопросы, но можно положительно сказать, что графъ Меттернихъ блистательно вывелъ изъ затруднительнаго положенія политику Австріи.

Если въ разчеты Меттерниха входило то впечатлѣніе, которое устроенный имъ союзъ съ Франціей произведетъ на общественное мнѣніе и на императора Франца, то безъ сомнѣнія, онъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, намѣревался дать новый оборотъ австрійской политикѣ. Конечно, это свидѣтельствуетъ о его разчетливой проворливости. Если же это впечатлѣніе не было имъ предусмотрѣно, то во-время понявъ его значеніе и сообразно съ нимъ измѣнивъ свою политику, онъ показалъ необыкновенную ловкость государственнаго человѣка, не разборчиваго,

---

[1]) Observations sur la situation politique et militaire de l'Allemagne par le capitaine de Pfuel au service de l'Autriche. 1-го сентября 1812 г. *Pertz*, Das Leben des Fr. v. Stein, т. III, стр. 626 и слѣд.

конечно, въ средствахъ, но одареннаго высокими способностями. Ему удалось доказать на дѣлѣ возможность самаго невѣроятнаго явленія, что одна держава можетъ быть врагомъ другой, вести войну противъ нея, и въ то же время сохранять съ нею дружескія отношенія.

По полученіи предписаній нашего правительства, графъ Штакельбергъ обратился съ просьбой о свиданіи съ императоромъ Францемъ. Но это свиданіе не могло состояться по случаю нездоровья императора, а его министръ иностранныхъ дѣлъ немедленно (24-го апрѣля) принялъ нашего посланника для переговоровъ. Графъ Штакельбергъ былъ очень доволенъ, что предписаніе канцлера поставило его въ положеніе нѣсколько сносное. Не разрывая связей съ Вѣнскимъ кабинетомъ, что̀ естественно должно бы послѣдовать послѣ заключенія имъ союза съ Франціей, онъ могъ вести переговоры съ нимъ, какъ будто мирныя отношенія между обѣими имперіями еще существовали. Напомнивъ австрійскому министру, какъ поступилъ—передъ войною 1809 года—русскій кабинетъ, предупредившій напередъ Вѣнскій дворъ, что въ силу тайнаго договора съ Наполеономъ онъ вынужденъ будетъ помогать ему въ войнѣ противъ Австріи въ случаѣ наступленія съ ея стороны, и указавъ на заслугу, оказанную ей въ самую войну русскими генералами, не дозволявшими приводить къ присягѣ въ вѣрности Наполеону жителей Галиціи, какъ предписывалъ графъ Понятовскій,—графъ Штакельбергъ требовалъ, чтобы Меттернихъ, сообщилъ ему, въ какой мѣрѣ Австрія обязалась помогать Наполеону. Тогда, не имѣя возможности скрывать далѣе смыслъ договора, сдѣлавшійся уже всѣмъ извѣстнымъ въ Вѣнѣ, графъ Меттернихъ объяснилъ Штакельбергу его содержаніе и прибавилъ, что обѣщанный вспомогательный въ 30 тысячъ человѣкъ корпусъ на дѣлѣ будетъ простираться лишь до 26 тысячъ и что если Россія снисходительно отнесется къ этой жертвѣ, которую Австрія рѣшилась принесть, вынуждаемая крайнею необходимостью, то его кабинетъ готовъ вступить въ тайное соглашеніе съ русскимъ о томъ, что на всѣхъ другихъ границахъ обѣихъ имперій миръ нарушенъ не будетъ.

Это предложеніе, ограничивая опредѣленною мѣстностью военныя дѣйствія Австріи противъ насъ, устраняло опасенія нашего правительства о возможности вторженія австро-французскихъ войскъ въ Дунайскія княжества. Но нашему посланнику не были извѣстны эти опасенія, и онъ не имѣлъ никакихъ наставленій по этому случаю. Онъ понялъ, напротивъ, что Австрія опасается вторженія нашихъ войскъ со стороны Буковины, и, вѣроятно, былъ правъ. Конечно, это

вторженіе могло бы состояться въ томъ лишь случаѣ, еслибы Россія заключила миръ съ Оттоманскою Портою. Но графъ Меттернихъ хорошо зналъ, что Турки готовы немедленно заключить его, послѣ побѣдъ, одержанныхъ графомъ Кутузовымъ, если Россія не только откажется отъ своихъ требованій на территоріальныя пріобрѣтенія, но даже убавитъ ихъ, къ чему, конечно, она была бы вынуждена съ открытія войны съ Наполеономъ. Онъ опасался притомъ, что недовольная Австрійскимъ правительствомъ и сильно волновавшаяся въ это время Венгрія можетъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы возстать противъ него и дѣйствовать совокупно съ Русскими.

Такимъ образомъ, взаимныя опасенія обѣихъ имперій, встрѣтившись одно съ другимъ, привели къ тѣмъ соображеніямъ, которыя и выразилъ графъ Меттернихъ нашему посланнику. Не позволяя себѣ, за неимѣніемъ наставленій своего кабинета, входить въ разсужденія о сущности этихъ соображеній, графъ Штакельбергъ отвѣчалъ: „Но какія же ручательства можетъ представить намъ Австрійское правительство, что оно не будетъ увлечено въ большее участіе въ войнѣ, нежели опредѣлено въ ея договорѣ съ Франціей, какъ это уже случалось? Договоръ 1756 года, по существу совершенно сходный съ этимъ, повелъ однако къ тому, что въ 1758 году она заключила новый, по которому какъ Австрія, такъ и Франція, обязывались помогать одна другой *всѣми* своими силами, а не однимъ только вспомогательнымъ корпусомъ *въ опредѣленномъ* количествѣ войскъ".

„Этими ручательствами", отвѣчалъ графъ Меттернихъ, оскорбленный недовѣріемъ къ своей политикѣ,—„могутъ служить выгоды самой Австрійской монархіи, если не принимать въ разсчетъ честное слово ея государя",—отъ имени котораго онъ говорилъ съ нашимъ посланникомъ.

„Но выгоды Австріи", замѣтилъ графъ Штакельбергъ,—„должны были остановить и заключеніе настоящаго договора съ Франціей, который, покоряясь *роковой необходимости* (funeste necessité), она однакоже заключила. Мнѣ кажется, легче было уклониться отъ перваго шага, нежели, сдѣлавъ его, не быть, въ силу той же необходимости, принужденною рѣшиться на слѣдующій, второй".

„Отъ этой опасности совершенно обезпеченъ Австрійскій императоръ", отвѣчалъ графъ Меттернихъ.—„Въ продолженіе войны на сѣверѣ онъ имѣетъ возможность развить свои военныя силы до такой степени, что они могутъ дѣйствовать съ пользою какъ вообще для европейскихъ дѣлъ, такъ и для Россіи, когда начнутся переговоры

о мирѣ, которые, конечно, будутъ послѣдствіемъ и этой *ужасной войны*" (terrible lutte).

На это графъ Штакельбергъ замѣтилъ, что еслибы только половина тѣхъ силъ, которыя предполагаетъ теперь собрать Австрія, была собрана въ 1811 г., то ихъ было бы совершенно достаточно для того, чтобъ отклонить заключеніе союза съ Франціей, между тѣмъ какъ собраніе и устройство войскъ во время войны представляетъ большія затрудненія. Къ справедливому замѣчанію нашего посланника надо прибавить: для воюющей державы"; но Австрія не намѣревалась воевать съ нами; она приносила въ жертву войнѣ только 30-тысячный корпусъ графа Шварценберга, сохраняя за собою свободу дѣйствій нейтральной или даже мирной державы. Поэтому весьма справедливо разсуждалъ графъ Меттернихъ, отвѣчая нашему посланнику слѣдующее:

„Напротивъ, во время войны для Австріи гораздо удобнѣе увеличивать и устроивать войска. Въ военное время она гораздо болѣе можетъ потребовать войскъ отъ Венгріи, чего не имѣла бы права сдѣлать во время мира. Вооруженныя силы въ Трансильваніи", прибавилъ Меттернихъ,—„простираются до 20 тысячъ. Онѣ приведены въ военное положеніе на средства этой области; послѣ выхода изъ Галиціи корпуса графа Шварценберга въ нее вступятъ 30 тысячъ войска. Все это, вмѣстѣ съ резервами, составитъ отъ 80 до 100 тысячъ войска и будетъ уже достаточная сила для того, чтобъ обезпечить *разумный нейтралитетъ Австріи*", говорилъ, по словамъ нашего посланника, графъ Меттернихъ.

Посылая дѣйствовать противъ насъ 30 тысячъ войска, Австрійское правительство предоставляло намъ право смотрѣть на нихъ, какъ на Баварцевъ или какъ на вспомогательныя войска другихъ государей Рейнскаго союза; оно считало ихъ потерянными для нея, съ того времени какъ они выступятъ за ея границы и поступятъ въ полное распоряженіе императора Наполеона (des enfants perdues pour l'Autriche). „Впрочемъ", сказалъ графъ Меттернихъ, оканчивая разговоръ съ нашимъ посланникомъ,—„Россія имѣетъ вѣрное средство предотвратить австрійскую диверсію на Дунаѣ, ей стоитъ только заключить миръ съ Турками". „На условіи, конечно", замѣчалъ графъ Штакельбергъ въ своемъ отчетѣ правительству,—„status quo ante bellum".

Поступокъ генерала Нейперга былъ точно также предметомъ переговоровъ между нашимъ посланникомъ и австрійскимъ министромъ

иностранныхъ дѣлъ. Въ тотъ же день, какъ былъ подписанъ союзный договоръ въ Парижѣ, императоръ Наполеонъ поручилъ графу Шварценбергу сообщить списокъ съ него австрійскому посланнику при Стокгольмскомъ дворѣ, и пригласить Шведское правительство присоединиться къ этому союзу. Графъ Шварценбергъ исполнилъ порученіе Французскаго императора, безъ сомнѣнія, полагая, что дѣйствуетъ въ видахъ своего правительства, и не разчитывая на то, чтобы наслѣдный принцъ Шведскій, бывшій маршалъ Франціи, могъ поступить такъ рѣшительно, немедленно объявивъ объ этой попыткѣ Русскому правительству. Когда нашъ посланникъ попросилъ у графа Меттерниха объясненій по этому дѣлу, онъ крайне смутился. „Я позволилъ себѣ замѣтить", писалъ графъ Штакельбергъ нашему правительству,—„что такимъ поведеніемъ австрійскій посланникъ при Тюльерійскомъ дворѣ приравнялъ своего государя къ кліентамъ Наполеона, членамъ Рейнскаго союза. Графъ Меттернихъ смутился до крайности и выражалъ мнѣ сожалѣнія какъ съ своей стороны, такъ и отъ лица императора. Онъ увѣрялъ, что это случилось не только безъ его вѣдома, но и прямо противъ его желанія. Министръ иностранныхъ дѣлъ желалъ это доказать, прочитавъ мнѣ отпуски съ предписаній графу Нейпергу. Донесеніе графа Шварценберга изъ Парижа, отъ 3-го марта, то-есть, за одиннадцать дней до подписанія союзнаго договора, дало уже поводъ графу Меттерниху опасаться, что этотъ посланникъ можетъ подчиниться непосредственнымъ приказаніямъ императора Наполеона, котораго цѣль заключалась въ томъ, чтобы заподозрить Австрію въ глазахъ Россіи. Это донесеніе пришло въ Вѣну 10-го марта и на другой же день министръ иностранныхъ дѣлъ сдѣлалъ предписаніе Нейпергу выѣхать изъ Стокгольма, подъ предлогомъ отпуска, полученнаго имъ для устройства своихъ частныхъ дѣлъ въ Швабіи, а между тѣмъ, остановиться въ Берлинѣ до полученія новаго предписанія. „Къ несчастію, случилось такъ", говорилъ графъ Меттернихъ,—„что это предписаніе генералъ Нейпергъ получилъ 2-го апрѣля, тогда какъ депешу графа Шварценберга онъ получилъ уже 28-го марта, хотя она была написана и отправлена изъ Парижа 14-го марта, въ самый день подписанія союзнаго договора. Но зло уже было сдѣлано; впрочемъ, генералъ Нейпергъ выѣхалъ изъ Стокгольма и находится теперь въ Германіи, что̀ можетъ служить доказательствомъ, что его поступокъ не одобренъ Вѣнскимъ кабинетомъ". „Графъ Меттернихъ", продолжаетъ въ своей депешѣ графъ Штакельбергъ, — „кажется, не ошибался въ томъ, какое впечатлѣніе

должно было произвести въ Петербургѣ извѣстіе, сообщенное генераломъ Сухтеленомъ, и прочитавъ мнѣ свое предписаніе къ генералу Нейпергу отъ 11-го марта и его отвѣты, убѣдилъ меня совершенно, что онъ не принималъ участія въ дѣлѣ, въ которомъ обвиняетъ болѣе Флоре, нежели графа Шварценберга".

Нельзя не повѣрить нашему посланнику, что графъ Меттернихъ былъ смущенъ, давая объясненія о поступкѣ графа Шварценберга и Нейперга, потому что самыя его объясненія служатъ тому доказательствомъ. Не будучи смущенъ, Меттернихъ едва ли проговорился бы о депешѣ графа Шварценберга отъ 3-го марта, которая обличала, что послѣдній дѣйствовалъ съ вѣдома своего правительства, и представилъ бы какія-нибудь объясненія, почему депеши, отправленныя 11-го марта изъ Вѣны въ Стокгольмъ, пришли гораздо позднѣе той, которая туда же была отправлена изъ Парижа тремя днями позднѣе. Чтобы доказать нашему посланнику, что австрійская политика постоянно клонилась къ тому, чтобы поддержать дружескія отношенія къ Россіи, Меттернихъ прочелъ ему записку, которую онъ будто бы написалъ для императора въ 1812 году, то-есть, въ то время, когда наиболѣе трудился о заключеніи союза съ Франціей, и въ которой изложены начала политики, совершенно согласной съ видами нашего кабинета. Хотя австрійскій министръ и убѣдилъ нашего посланника въ своей невинности въ этомъ случаѣ, но едва-ли полагалъ, что также легко убѣдить и нашъ кабинетъ, а потому часто потомъ обращался къ этому вопросу, сообщая графу Штакельбергу новыя объясненія. Такъ онъ сказалъ, между прочимъ, что это „несчастное произшествіе заставило возобновить старинное предписаніе министерства графа Кауница, которымъ запрещалось посланникамъ Вѣнскаго двора при иностранныхъ государствахъ непосредственно переписываться между собою". Графа Меттерниха смутило неожиданное для него произшествіе: онъ, очевидно, не думалъ, чтобы бывшій французскій маршалъ Бернадотъ рѣшился вывести наружу и заявить Русскому двору эту продѣлку Вѣнскаго кабинета.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ свиданія съ графомъ Меттернихомъ, нашъ посланникъ допущенъ былъ до свиданія съ Австрійскимъ императоромъ (6-го мая). Также какъ и его министръ, онъ выразилъ полнѣйшее неодобреніе поступка его представителей при Французскомъ и Шведскомъ дворахъ и поручилъ графу Штакельбергу донести императору Александру, что это произшествіе было для него чрезвычайно непріятно потому, что могло ему представить въ ложномъ видѣ какъ начала его политики, такъ и личныя его къ нему чувства. Императоръ

Францъ подтвердилъ показанія своего министра, что ничего подобнаго не могло бы случиться, еслибъ графъ Шварценбергъ предварительно снесся съ своимъ правительствомъ.

„На это я позволилъ себѣ замѣтить", говоритъ графъ Штакельбергъ,— „что такая политика (ce piège tendu à son ambassadeur à Paris par *le chef du gouvernement* français) въ отношеніи къ его посланнику со стороны главы Французскаго правительства, однако можетъ служить признакомъ искренности вновь возникшихъ отношеній между двумя дворами. Императоръ, не отвѣчая прямо на мое замѣчаніе, началъ говорить о союзномъ договорѣ".

Императоръ и не могъ отвѣчать прямо на неумѣстное и несогласное съ дипломатическими приличіями замѣчаніе графа Штакельберга: *глава* французскаго правительства былъ зять Австрійскаго императора и коронованный папою *императоръ* Франціи. Императоръ Францъ сказалъ графу Штакельбергу, что онъ очень хорошо помнитъ тѣ увѣренія, которыя выражалъ ему годъ тому назадъ, что новыя его соглашенія съ Франціей не противорѣчатъ имъ, потому что онѣ вынуждены необходимостью, о которой онъ и тогда говорилъ. „Если я вынужденъ былъ заключить семейный союзъ для того, чтобы спасти существованіе моей имперіи, то точно такія же причины вынудили меня заключить и этотъ новый союзъ". Императоръ указалъ нашему посланнику на продолжительное время, протекшее между бракомъ его дочери съ императоромъ Наполеономъ и союзнымъ договоромъ, который Австрія рѣшилась съ нимъ заключить, свидѣтельствуя этимъ обстоятельствомъ о своемъ нежеланіи входить въ политическія соглашенія съ Франціей. Императоръ выразилъ сожалѣніе объ этомъ требованіи государственной необходимости и искренное желаніе, чтобы Русскій императоръ, къ которому онъ не перестаетъ питать глубокую преданность, былъ увѣренъ, что въ тайнѣ онъ сохраняетъ надежду на самый искренній союзъ между двумя имперіями. Онъ поручалъ нашему посланнику непремѣнно заявить, что онъ не считаетъ себя непосредственнымъ участникомъ въ этой несчастной сѣверной войнѣ, если она возгорится. Исключая 30-тысячный корпусъ, въ которомъ онъ не могъ отказать императору Наполеону, и который никогда не будетъ увеличенъ, между двумя правительствами можетъ господствовать доброе согласіе и миръ на всѣхъ другихъ границахъ имперій. „Императоръ", сообщаетъ графъ Штакельбергъ нашему двору,— „говорилъ съ большимъ одушевленіемъ, выражая желаніе, чтобы нашъ императоръ согласился на предлагаемый намъ способъ отношеній между двумя

имперіми и не доводилъ бы дѣлъ до крайности. Въ противномъ случаѣ императоръ Францъ было бы вынужденъ, къ величайшему его сожалѣнію, противупоставить намъ 200 тысячъ войска, которыя могли послужить съ пользою для Россіи, какъ угроза для Франціи при будущихъ мирныхъ переговорахъ". Такимъ образомъ, дальновидная политика Австріи устраивала себѣ выгодное положеніе въ будущемъ, какъ посредницы между воюющими державами. Когда война истощитъ ихъ силы, она, обладая свѣжимъ 200-тысячнымъ войскомъ, хотѣла положить свой мечъ на вѣсы и устроить мирныя соглашенія, конечно, не забывъ и своихъ выгодъ. Графъ Меттернихъ постоянно указывалъ нашему посланнику на то, какую пользу въ этомъ случаѣ Австрія можетъ принесть Россіи. „Я долженъ засвидѣтельствовать", доносилъ нашъ посланникъ, — „что въ продолженіе этого разговора, тянувшагося до полутора часа, императоръ выражалъ начала самой здравой политики и самое доброжелательное къ намъ расположеніе, на сколько возможно при настоящемъ положеніи дѣлъ. Нѣсколько разъ онъ поручалъ мнѣ засвидѣтельствовать о его личныхъ чувствахъ дружбы къ нашему государю, которыя онъ сохранитъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Ни малѣйшаго упрека, ни малѣйшей жалобы не сорвалось съ его языка, если не принимать въ разчетъ намека на то уединенное положеніе, въ которомъ держала себя наша политика (notre système d'isolement), и на отказъ съ нашей стороны принять посредничество Вѣнскаго двора въ примиреніи насъ съ Оттоманскою Портою. Мнѣ было извѣстно, что объ этомъ важномъ дѣлѣ находилась особая статья въ тайномъ договорѣ, по которой Австрія и Франція обезпечивали неприкосновеность владѣній Турціи; воспользовавшись этимъ указаніемъ императора, я спросилъ его объ этой статьѣ. Онъ безъ всякаго затрудненія отвѣчалъ мнѣ, что дѣйствительно существуетъ такая статья, но что она обезпечиваетъ только владѣнія Турціи въ Европѣ и не относится до ея азіятскихъ земель" [1]).

Упрекъ, что политика Россіи со временъ Тильзитскаго мира находилась въ *уединенномъ положеніи* (système d'isolement), былъ постоянно на языкѣ у лицъ той партіи, которая стояла за строй средневѣковой государственной жизни и старыя династіи и одинаково ненави-

---

[1]) Депеши графа Штакельберга къ графу Румянцеву и графу Салтыкову, управлявшему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ по отъѣздѣ канцлера въ Вильну вмѣстѣ съ императоромъ, $^{16}/_{28}$-го апрѣля и 29-го апрѣля (11-го мая) 1812 года.

дѣла и начала Французской революціи, и деспотизмъ Наполеона. Она состояла изъ лицъ высшихъ обществъ всѣхъ старыхъ Европейскихъ государствъ и сосредоточивалась въ это время по преимуществу въ Петербургѣ и Вѣнѣ. Въ этой послѣдней столицѣ, какъ мы уже знаемъ, домъ графа Разумовскаго служилъ мѣстомъ ихъ постоянныхъ собраній. Изъ ихъ бесѣдъ нашъ посланникъ почерпнулъ свои воззрѣнія на политику нашего кабинета и выражалъ ихъ въ отношеніяхъ къ нашему канцлеру—сначала въ видѣ строгихъ осужденій, а потомъ—въ формѣ тонкихъ намековъ. *Уединенное* положеніе нашей политики, *система изолированія* видовъ Россія, конечно—отъ двухъ германскихъ державъ, еще сохранившихъ нѣкоторый образъ самостоятельныхъ государствъ, и не входившихъ въ составъ Рейнскаго союза, въ переводѣ на обыденный языкъ означало *союзъ Россіи съ Франціей*. Но этотъ упрекъ всего менѣе слѣдовало выражать Австріи, потому что этотъ союзъ былъ заключенъ Россіей въ то время, когда Австрія, изъ недоброжелательства къ Пруссіи, отказалась отъ участія въ общей борьбѣ противъ Наполеона и это обстоятельство *болѣе* всего должно было бы обращать на себя вниманіе нашего посланника.

Постояное соперничество между собою двухъ первенствовавшихъ германскихъ державъ, постоянная измѣна одной противъ другой въ обстоятельствахъ крайнихъ, давали Наполеону возможность одерживать постоянные успѣхи въ военныхъ дѣйствіяхъ, выводили его изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и возлагали всю тяжесть войны на одну Россію. Такъ было въ 1805 и 1807 годахъ; передъ войною 1812 года обѣ эти державы, увѣряя Россію въ своей дружбѣ, должны были воевать съ нею, потому что, выдавая постоянно одна другую и взаимно не довѣряя одна другой, онѣ не могли согласиться между собою дѣйствовать за одно.

Если въ такомъ положеніи находились Пруссія и Австрія, то едва ли можетъ быть и рѣчь о другихъ германскихъ государствахъ, не способныхъ по своей слабости дѣйствовать самостоятельно, входившихъ въ составъ Рейнскаго союза и покорявшихся безусловно повелѣніямъ императора Наполеона. Что же касается до Германскаго народа, тяготившагося чужеземнымъ игомъ и раззореннаго военными поборами и континентальною системою, то такое бѣдственное положеніе вещей дѣйствительно существовало и не въ одной Германіи, особенно сѣверной, но и въ Италіи, и даже въ самой Франціи. Нѣмецкіе патріоты говорили о немъ очень много и въ то время и разсчитывали на возможность народнаго возстанія въ Германіи. Но народ-

ное возстаніе только тамъ можетъ получить важное значеніе, гдѣ могутъ найдтись для него точки опоры, какъ напримѣръ, въ Испаніи — временное правительство, располагавшее и нѣкоторыми военными силами и англійскія войска. Ничего подобнаго не было въ Германіи, гдѣ правительства повиновались волѣ Наполеона и отдавали свои войска въ его распоряженіе. Народное возстаніе, и то почти въ одной лишь Пруссіи, дѣйствительно выразилось, но лишь впослѣдствіи, когда, въ началѣ 1813 года, вошли въ нее русскія войска.

Въ такомъ положеніи находилось политика Европейскихъ государствъ передъ началомъ Отечественной войны. Съ одной стороны, Наполеонъ, державшій подъ желѣзною рукою всю континентальную Европу, исключая Испаніи, которая съ помощью Англіи вела борьбу съ нимъ на жизнь и смерть, съ другой—Россія, которая не безъ осторожности могла разчитывать только на союзъ съ Швеціей и нейтралитетъ Турціи и впереди — на помощь Англіи.

А. Поповъ.

ИНДѢЙСКІЯ СКАЗКИ [1]).

11.

XVI. 1. 1. *Tesakunajātakam.* Въ древности царь Brahmadatta въ Бенаресѣ не имѣлъ потомства. Разъ, гуляя въ своемъ саду, онъ заснулъ подъ однимъ деревомъ и проснувшись увидалъ на деревѣ гнѣздо птицъ, къ которымъ въ ту же минуту почувствовалъ нѣжность и приказалъ взять изъ гнѣзда яйца. Изъ гнѣзда достали три яйца, трёхъ различныхъ птицъ. Царь усыновляетъ ихъ: „Да будутъ они моими дѣтьми", говоритъ онъ министрамъ,—„вы смотрите за ними хорошенько; когда же птенцы выйдутъ изъ скорлупы, доложите мнѣ о томъ". По прошествіи нѣкотораго времени вышелъ на свѣтъ птенецъ (самецъ); царь назвалъ его *Vessantaro*; затѣмъ явилась самка, которую назвали *Kundali*, и наконецъ, послѣднимъ явился птенецъ-самецъ, названный *Jambuko*. Царь о птенцахъ иначе не говорилъ, какъ мой сынъ или моя дочь. Министры стали надъ нимъ посмѣиваться. Царь испытываетъ мудрость своихъ птенцовъ. Предлагаетъ вопросы о томъ, какъ слѣдуетъ царствовать—старшему. Птенецъ отвѣчаетъ съ великою разумностью; царь награждаетъ его званіемъ военачальника (mahāsenagutta); за симъ царь призываетъ птенца-дочь и ей предлагаетъ тотъже вопросъ, и послѣ ея разумныхъ отвѣтовъ, назначилъ её казнохранителемъ (bhandāgārika). Тотъ же вопросъ царь предложилъ и третьему птенцу, который разрѣшилъ его также удачно и сталъ военачальникомъ (senāpati). Три птенца послѣ этого исполняли царскія дѣла, и когда умеръ царь, народъ хотѣлъ выбрать Жамбука въ цари, но онъ, написавъ законы на золотой таблицѣ, удалился въ лѣсъ.

M. hai пр.—л. hah об.—

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за ноябрь 1874 года.

12.

XVI. 1, 2. *Sarabhangajātakam.* Въ vatthn разказывается о хожденіи ставиры Moggallonā по небу и аду и объ убіеніи его враждебными сектантами.

Въ древности, во время царствованія Brahmadatta въ Венаресѣ, у его пурогита родился сынъ; въ день его рожденія, во всемъ царствѣ, всѣ орудія заблистали. Мальчику дали имя *jotipālo*. На шестнадцатомъ году онъ отправился учиться въ *takkasila*; въ семь дней усвоилъ всѣ свѣдѣнія, и учитель поставилъ его вмѣсто себя учить другихъ учениковъ. По возвращеніи на родину, отецъ представилъ *jotipāl'a* царю, который сдѣлалъ его своимъ приближеннымъ. Другіе близкіе къ царю стали роптать и потребовали, чтобы *jotipālo* показалъ свое искусство. Царь сзываетъ всѣхъ стрѣлковъ своего царства. Сошлось шестьдесятъ тысячъ стрѣлковъ, и началось испытаніе. *Jotipālo* выходитъ въ обыкновенномъ одѣяніи, спрятавъ подъ него вооруженія, полученныя въ *Takkasila*, отъ учителя. И когда царь приказалъ ему показать свое искусство, онъ быстро предсталъ предъ нимъ во всеоружіи, точно юноша-змѣй, разукрашенный. Народъ возликовалъ. Затѣмъ *Jotipālo* выходитъ одинъ противъ четверыхъ и съ-разу отвращаетъ четыре стрѣлы, пущенныя въ него. Такъ онъ показалъ искусство отвращать стрѣлы. Этого искусства, кромѣ его, никто не зналъ въ Jambudhunt. Затѣмъ онъ показываетъ искусство съ разу попадать въ четыре цѣли и т. д. до двѣнадцати различныхъ искусствъ. Царь сдѣлалъ его своимъ военачальникомъ. *Jotipālo*, хотя и принялъ это назначеніе, но въ ту же ночь, сознавъ зло своего искусства, бѣжитъ въ лѣсъ и поселяется около рѣки godhavari, въ обители, построенной для него богомъ Индрою. Тамъ его открылъ одинъ охотникъ и извѣстилъ о томъ его родителей. Царь съ его отцомъ и матерью и множествомъ народа приходитъ къ нему въ обитель, и выслушавъ его наставленія, вмѣстѣ со всею свитою дѣлается отшельникомъ. Слушать его наставленія приходили изо всей Jambudhunt'ы.

У *Jotipāl'a* было семь главныхъ учениковъ: sālissaro, mendissaro, pabbato, kālodevalo, kisavaccho, anusisso, nārado. Съ теченіемъ времени обитель его такъ переполнилась, что потребовались выселенія. *Sālissaro* отправился во владѣнія царя Candapojjota, и поселился въ селеніи lambacūlakā. Затѣмъ, Mendissāro отправился въ страну suràttha, къ рѣкѣ Sotodikā. Pabbato отправился въ великій лѣсъ (mahā-atari)

и сталъ жить у горы *anjana*. Kālodevala отправился въ *dakkhinapatha*, въ страну *avanti* и сталъ жить у горы *Ghanascla*. Kisavaccho сталъ жить во владѣніяхъ царя *Dandaki*, въ городѣ *Kumbhavati*, въ саду военачальника. Nārado, отправившись въ срединную страну, сталъ жить у горы *aranjaragiri*. Одинъ *anusisso* остался при учителѣ.

Въ то время царь *Dandaki* лишилъ милостей одну гетеру (ganikā). Расхаживая по саду, она увидѣла подвижника *Kisavaccho*, и считая его за олицетвореніе своего несчастія, на немъ хотѣла провести *несчастную кость:* (kali—игральная кость). Пожевала зубочистку и плюнула подвижнику на косы, бросила туда же зубочистку, омыла голову и ушла. Царь вспомнилъ о ней и вернулъ ей прежнее положеніе. Чрезъ недолгое время царь лишилъ мѣста своего пурогиту. Пурогита отправился къ гетерѣ и спросилъ ее, какимъ образомъ она достигла прежнихъ милостей; та разказала ему свой образъ дѣйствій, пурогита послѣдовалъ ея примѣру, и вслѣдъ за этимъ царь вернулъ ему его званіе. У того и другаго образовалось убѣжденіе, что этимъ дѣйствіемъ они отвратили несчастіе. Вскорѣ послѣ того царь, отправляясь усмирять отдаленныя страны, по совѣту пурогиты, въ отвращеніе пораженія дѣлаетъ то же самое и заставляетъ все войско повторить то же самое. Послѣ ухода царя, къ подвижнику пришелъ военачальникъ, вынулъ изъ косъ зубочистки, омылъ его и предложилъ вопросъ о томъ, что ожидаетъ царя. Подвижникъ говоритъ ему, что боги разгнѣвались на царя, и черезъ семь дней вся страна сдѣлается безлюдною; онъ приказываетъ ему поскорѣе удалиться отсюда, что̀ и исполняетъ военачальникъ, предупредивъ сначала царя, который его не послушался. Самого подвижника удаляетъ изъ страны учитель Sarabhaṅgo (= Jotipālo). Когда царь вернулся изъ похода, пошелъ дождь, и потокомъ водъ мертвыя тѣла выступили наружу; шелъ затѣмъ дождь цвѣтовъ, дождь драгоцѣнностей, и наконецъ, дождь оружій, перерубившій всѣхъ жителей; нападали угли и мелкій песокъ, и вся страна пришла въ запустѣніе. Погибель этой страны стала извѣстна во всей Jambudhunt'ѣ.

Три царя: Kaliṅgo, Aṭṭhako, Bhīmaratho приходятъ къ Sarabhaṅgo узнать о судьбѣ погибшаго царя. Въ то же время является Индра за разрѣшеніемъ семи вопросовъ.

Учитель разрѣшаетъ всѣ вопросы и показываетъ, какъ мучатся въ аду грѣшные цари, истязавшіе подвижниковъ.

л. haḥ об. — ḥu. об.

13.

XIX. 1. 1. Kusa jatakam. Въ древности въ странѣ Malla, въ столицѣ *Kusāvatī* добродѣтельно царствовалъ *Okkāko*; изъ шестнадцати тысячъ женъ, одна по имени *Sīlavatī* была старшею женою; она не рождала ни сына, ни дочери. Горожане и жители страны собрались у входа во дворецъ и стали кричать: „Гибнетъ страна, погибаетъ страна“! Царь, открывъ окно, спросилъ ихъ: „Въ мое царствованіе беззаконіе не свершалось, о чемъ же вы кричите“?

— Справедливо, о царь! въ твое царствованіе беззаконіе не свершалось.

— Такъ о чемъ же вы кричите?

— Справедливо, о царь! въ твое царствованіе беззаконіе не свершалось; но нѣтъ оберегателя рода; нѣтъ у тебя сына. Чужой овладѣетъ царствомъ, и погубитъ страну, а потому желай сына способнаго царствовать!

— Желая сына, что̀ мнѣ нужно дѣлать?

— Вопервыхъ, взявъ (cullanāṭakā) младшую наложницу, и сдѣлавъ изъ нее (dhamma naṭakā) въ теченіе семи дней законную наложницу, отпусти ее; если родитъ сына, то хорошо, если же нѣтъ, то возьми среднюю наложницу; затѣмъ старшую; изъ столькихъ женщинъ, одна чистая непремѣнно родитъ сына.

По ихъ словамъ царь такъ и сдѣлалъ; каждый седьмой день, онъ спрашивалъ возвращавшихся послѣ наслажденій: „Зачали-ли сына?“ Всѣ отвѣчали: „Нѣтъ, о царь!“ Царь сталъ скорбѣть о томъ, что не родится у него сынъ.

Опять стали горожане кричать.

— О чемъ вы кричите? спросилъ царь;—„по вашимъ словамъ поступая, отправлялъ наложницъ, ни одна не родила сына, что̀ мнѣ теперь дѣлать?“

Горожане посовѣтовали выпустить такимъ же образомъ царицу Sīlavatī, сдѣлавъ изъ нее dhamma naṭakā.

Богъ Индра узналъ, что время явиться Бодhисатвѣ въ міръ людей, родиться отъ царицы Sīlavatī; но, для того однакоже, чтобы никто не лишилъ царицы нравственности, принялъ видъ стараго брāhмана и предсталъ предъ вратами дворца.

Народъ, вымытый и разряженный, собрался у вратъ дворца. „Я возьму царицу, я возьму царицу“, кричалъ народъ. Когда же люди увидѣли бога Индру, то смѣясь спрашивали: „Ты зачѣмъ пришелъ?“

— За что вы меня осуждаете? отвѣчалъ Индра;—„старо мое тѣло но страсть не старѣетъ; я пришелъ, чтобы взять Sîlavatî и вмѣстѣ съ нею уйдти!"

И въ силу своего могущества сталъ впереди всѣхъ; вслѣдствіе его блеска никто не могъ стоять передъ нимъ. Какъ только царица выступила изъ дворца, онъ взялъ ее, разряженную, за руку и ушелъ.

— Смотрите, бранился народъ, тутъ стоявшій,—„идетъ престарѣлый браhманъ съ такою красавицею-царицею; не знаетъ онъ, что ему прилично!"

Индра привелъ царицу за городъ, въ хижину; отъ прикосновенія его руки царица теряетъ сознаніе и переносится на небо *târattimsa* На седьмой день она пробуждается и узнаетъ, что старецъ, уведшій ее, былъ богъ Индра. Она проситъ у него сына. Индра обѣщаетъ ей двухъ: *разумнаго* некрасиваго и красиваго. Царица пожелала чтобы сперва родился разумный. Индра подарилъ ей: траву *kusa* небесное одѣяніе, небесную мазь (candana), цвѣтокъ *pâricchattaka* (Erythrina indica) и лютню кокапада (лотусъ), привелъ ее въ опочивальню царю, положилъ на царское ложе, коснулся пальцемъ ея пупа и въ тоже время Бодhисатва пріялъ зачатіе. Пробудившійся царь не вѣритъ словамъ царицы, что богъ Индра ее повелъ и привелъ назадъ; онъ убѣдился только послѣ того, какъ она показала ему траву *kusa* и небесныя одѣянія. По прошествіи извѣстнаго времени родился первый сынъ, котораго назвали *Kusa*; когда же онъ сталъ ходить, родился второй, котораго назвали *Jayampati*. Первый *Kusa* былъ очень разуменъ. Когда ему было шестнадцать лѣтъ, царь хотѣлъ его женить и посадить на престолъ. Но *Kusa*, сознавая свое безобразіе, не хотѣлъ жениться. По смерти отца и матери онъ хотѣлъ жить отшельникомъ. Три раза онъ отклонялъ предложеніе женитьбы. Когда же отецъ предложилъ ему то же въ четвертый разъ, то онъ придумалъ слѣдующее средство. Сдѣлалъ онъ изъ золота красивую фигуру и объявилъ матери, что женится на такой красавицѣ. Фигуру эту посылаютъ по всей Индіи, чтобъ отыскать ей подобную царскую дочь. Нашлась ей подобная царская дочь въ городѣ *Sagala*, въ странѣ *Madda*. У царя было семь дочерей, старшая изъ нихъ Pabhavatî была самая красивая. Въ эту страну и пришли министры съ фигурой. Въ тотъ вечеръ, горбатая нянька, накормивъ царскую дочь вмѣстѣ съ осьмью служанками, взявъ восемь сосудовъ, пошла за водою мыть ей голову; по дорогѣ къ спуску рѣки нянька увидала стоящую фигуру, и подумала, что то Pabhavatî; разсердилась нянька: шалунья

послала насъ за водою, чтобы мыть голову, а сама пришла прежде и стоитъ по дорогѣ къ спуску рѣки.

„Ахъ ты, семью срамящая“, обратилась къ фигурѣ нянька,— „предупредивъ насъ стоишь здѣсь; если царь узнаетъ, то погубитъ насъ“. И рукою ударила фигуру по щекѣ; ладонь какъ бы разбилась; тогда нянька, узнавъ, что то золотая фигура, смѣясь подошла къ рабынямъ и сказала:

— Посмотрите на мое дѣло; думая, что то моя дочь, я ударила (фигуру); но эта фигура ничего не стоитъ въ сравненіи съ моею дочерью; рука только болитъ отъ нея.

Царскіе посланцы (съ фигурой) пристали къ ней:

— Что это значитъ: моя дочь красивѣе?

— Эта фигура въ шестнадцать разъ хуже Pabhavatî, дочери царя *Madda*.

Посланники идутъ къ царю *Madda*, сватаютъ дочь Pabhavatî за принца *Kusa* и дарятъ царю золотую фигуру. Устроивается свадьба; царица Sîlavatî объявляетъ царю Madda, что въ ихъ семьѣ есть обычай не видѣть мужа, послѣ первой ночи, проведенной съ нимъ на одномъ ложѣ. И царь Madda, и его дочь соглашаются на это условіе. Kusa становится царемъ, а Pabhavatî его старшею женою. Царствуетъ онъ съ великимъ блескомъ. Днемъ онъ не видалъ жены, и она не видала его днемъ; свиданіе ихъ происходило по ночамъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, Kusa захотѣлъ увидѣть жену днемъ и сказалъ объ этомъ матери.

Мать стала отказывать: „Не желай (свиданія); подожди пока родитъ сына.“

Но сынъ сталъ упрашивать. Мать отвѣчала:

— Ступай въ конюшню слоновъ, одѣнься погонщикомъ слоновъ, и стой тамъ; туда я приведу жену! Насыть свои глаза ею, но не давай себя узнать.

Сынъ согласился и пошелъ въ конюшню.

Мать приводитъ Pabhavatî въ конюшню; Kusa не выдержалъ и ударилъ жену по спинѣ кускомъ слоновыхъ изверженій; разсердилась Pabhavatî и сказала:

— Скажу царю, чтобъ онъ тебѣ руки отрѣзалъ.

Затѣмъ мать еще разъ показываетъ сыну его жену въ конской конюшнѣ; тамъ случилось то же самое. Захотѣлось и Pabhavatî посмотрѣть на мужа и мать, какъ ни отговаривала ее, должна была согласиться и въ одно празднество показываетъ ей втораго сына Jayampati,

одѣвъ его въ царскій нарядъ. Kusa, сидѣвшій въ это время на слонѣ. за братомъ, въ одеждѣ погоньщика слоновъ, при взглядѣ на Pabhavati сталъ дѣлать ей знаки.

Мать спросила Pabhavati:

— Видѣла, милая, мужа?

— Видѣла, матушка; но погоньщикъ, сидѣвшій за царемъ, очень наглъ; онъ мнѣ дѣлалъ знаки руками и пр. Зачѣмъ посадила за царемъ такого безобразнаго?

У ней является подозрѣніе, что, можетъ быть, безобразный есть ея мужъ. И шепнула она своей нянькѣ горбатой:

— Ступай, милая, узнай, кто царь, сидѣвшій ли на первомъ мѣстѣ или на заднемъ?

— Какъ же я узнаю это? отвѣчала та.

— Тотъ, кто царь, тотъ сперва сойдетъ со слона; по этому признаку узнаешь царя!

Пошла нянька, стала въ сторонѣ и увидѣла, какъ *Kusa* первый сошелъ со слона, затѣмъ *Jayampati*. *Kusa*, оглядываясь во всѣ стороны, увидалъ няньку и тотчасъ же узналъ, зачѣмъ она пришла. Позвалъ ее къ себѣ и сказалъ:

— Не разказывай этого!

Нянька пошла и обманула Pabhavati.

Опять захотѣлось мужу посмотрѣть на жену. Происходитъ свиданіе въ саду; *Kusa* спрятался въ прудъ и закрылся лотусомъ; мать привела Pabhavati въ садъ. Женѣ вздумалось купаться именно въ этомъ пруду, гдѣ спрятался *Kusa*.

Спустилась вмѣстѣ съ служанками въ прудъ и стала играть. Увидавъ лотусъ (за которымъ спрятался Kusa), протянула руку, чтобы взять его. Царь *Kusa*, отведя листья лотуса, схватилъ ее за руку и сказалъ:

— Я царь *Kusa!*

Посмотрѣла она ему въ лицо, крикнула: „Yakkha меня хватаетъ!" И тутъ же упала безъ памяти. *Kusa* выпустилъ ея руку.

Прійдя въ себя, Pabhavati сказала: „Царь *Kusa* бралъ меня за руку; онъ же меня кускомъ изверженій ударилъ въ конюшнѣ слоновъ, и въ конской конюшнѣ: онъ же мнѣ дѣлалъ знаки, сидя на слонѣ, за царемъ. Не хочу я такого безобразнаго мужа. Покуда жива, найду и другаго мужа!

Послѣ этого Pabhavati уходитъ отъ мужа, назадъ къ отцу.

Послѣ ухода жены, *Kusa* впалъ въ скорбь. Онъ рѣшается идти за

нею. Поручаетъ царство матери, и взявъ необходимое для дороги, вмѣстѣ съ лютнею *Кокопада* отправляется въ городъ Sāgala, куда приходитъ въ одинъ день. Идетъ на царскую конюшню слоновъ.

— Позвольте мнѣ здѣсь жить, говоритъ онъ конюхамъ,—стану вамъ за это играть.

Конюхи позволили ему жить. Заигралъ онъ на лютнѣ и запѣлъ; звуки донеслись до Pabhavatī; узнала она, что пришелъ царь *Kusa*. Но Kusa на другой же день узналъ, что живя тутъ, онъ не увидитъ жены, а потому отправился къ царскому горшечнику; дѣлается его ученикомъ и изготовляетъ сосуды для Pabhavatī. Горшечникъ относитъ сосуды къ царю.

Сосуды нравятся царю, и онъ заказываетъ таковые сосуды для своихъ дочерей. Увидала Pabhavatī сосудъ, сдѣланный для нея, на которомъ было ея изображеніе, образы няньки Khujjā и Бодhисатвы; узнавъ же, кто дѣлалъ ея изображенія, она не приняла царскаго подарка.

И отсюда уходитъ *Kusa*, потому что убѣдился, что живя здѣсь, онъ не увидитъ Pabhāvatī. Дѣлается (nālakāra) корзинщикомъ и изготовляетъ для *Pabhāvatī* вѣеръ, на которомъ изобразилъ себя и ее. Не приняла и этого царица. Сталъ *Kusa* плести вѣнки и изготовилъ для Pabhavatī вѣнокъ. И этого она не приняла, разсердилась и бросила на землю. Затѣмъ *Kusa* дѣлается поваромъ; царю понравилось его искусство, и онъ приказываетъ *Kus*'ѣ готовить для царскихъ дочерей.

Обрадовался Kusa: „Теперь мое желаніе достигло вершины; теперь увижу я *Pabhāvatī*“, думалъ онъ и на другой день отправился съ обѣдомъ къ ней, во дворецъ. Pabhavatī же, еще до его прихода, рѣшилась въ тотъ же день прогнать его. Полуотворила дверь и сказала: „Днемъ и ночью (страдавъ), не безкорыстно ты несешь (чашу) великую! Ступай скорѣе назадъ въ свой городъ; не хочу я безобразнаго“.

Обрадовался Kusa, что услыхалъ рѣчь отъ Pabhāvatī, и сказалъ три стиха:

— Не уйду я назадъ отсюда; очарованный твоею красотою, подлѣ тебя стану наслаждаться; нѣтъ для меня радостей внѣ этой страны. Я счастливъ, смотря на тебя.

— Очарованъ твоею красотою, отъ тебя обезумѣвъ, брожу по землѣ, не узнаю я странъ свѣта, и откуда пришелъ я, не знаю. Отъ

тебя я опьянѣлъ, отъ тебя, красавицы съ взоромъ робкимъ антилопы.

— Тебя люблю, въ златой одеждѣ, съ серебрянымъ поясомъ, тебя съ прекрасными бёдрами. Не желаю я царства!

Послѣ этого Pabhavatî перестала ѣсть обѣдъ, изготовляемый царемъ *Kusa*; отдавала его горбатой, а её заставляла готовить себѣ обѣдъ, запретивъ ей въ то же время говорить кому-либо о приходѣ царя *Kusa*.

Вздумалось Кусѣ испытать, любитъ ли его царица *Pabhâvatî*; разъ неся обѣдъ царскимъ дочерямъ, онъ умышленно упалъ въ обморокъ передъ ея дочерьми. Открыла дверь Pabhavatî, и видя его простертымъ, полюбопытствовала узнать, живъ ли онъ или нѣтъ; вытянула шею и стала смотрѣть ему въ лицо. Kusa плюнулъ на нее; Pabhavatî стала его ругать; взошла къ себѣ въ покой и полуотворивъ сказала:

— Тому нѣтъ счастья, кто желаетъ, безотвѣтное то его желаніе: не любящее, о царь, ты любишь; не милый ты милое хочешь.

Онъ влюбленный, хотя и былъ ругаемъ и поносимъ, не показывая ненависти, отвѣчалъ стихомъ:

— Безъ любви ли, съ любовью ли овладѣлъ человѣкъ милымъ, мы хвалимъ тутъ за то, что онъ овладѣлъ; не овладѣй онъ, вотъ что тутъ дурно!

Pabhavatî, не снисходя къ его словамъ, назвала его упрямымъ, и желая его прогнать, сказала такой стихъ:

— Изъ камня сокъ извлечь полѣномъ дерева kanikara (Pterospermum Acerifolium), сѣтью вѣтеръ связать тотъ хочетъ, кто желаетъ;— безотвѣтное па его желанія:

Ей въ отвѣтъ *Kusa* сказалъ три стиха.

— Въ сердцѣ твоемъ положенъ камень, видомъ нѣжная; чрезъ всю страну прошелъ я, и отъ тебя не вижу радости.

— Какъ взглянетъ на меня царевна, сдвинувъ брови, становлюсь поваромъ въ домѣ царя Madda.

— Улыбнется ли царица, глядя на меня, перестаю быть поваромъ и сдѣлаюсь царемъ *Kusa*.

Слыша его слово, Pabhavatî стала думать, что говоритъ Куса такъ, потому что очень привязанъ и рѣшилась, солгавъ ему, хитростью прогнать его:

— Если рѣчь гадателей справедлива, не станешь ты моимъ супругомъ; пусть лучше разрубятъ меня на семь частей!

Въ отвѣтъ ей Kusa сталъ отрицать это: „Милая, и я спрашивалъ гадателей въ моей странѣ; они мнѣ предсказали, что я буду твоимъ супругомъ, не другой кто. И я говорю такъ еще потому, что самъ знаю". Такъ сказавъ, онъ прибавилъ стихъ:

— Если рѣчь гадателей справедлива, не будетъ у тебя другаго супруга, какъ царь Куса, съ львинымъ голосомъ.

Убѣдившись послѣ этого, что нѣтъ возможности прогнать или пристыдить царя *Куса*, Pabhâvatî скрылась. Не видя ея, царь *Kusa* пытается устроить свиданіе чрезъ горбатую, обѣщаетъ подарить ей золотое ожерелье и сдѣлать ее не горбатою:

— Взглянетъ ли на меня Pabhâvatî, дамъ тебѣ, горбатая, пріидя домой, золотое ожерелье.

— Молвитъ ли она мнѣ слово, дамъ тебѣ, горбатая, пріидя домой, золотое ожерелье.

— Усмѣхнется ли она мнѣ, дамъ тебѣ, горбатая, пріидя домой золотое ожерелье.

— Засмѣется ли она мнѣ, дамъ тебѣ, горбатая, пріидя домой, золотое ожерелье.

— Обниметъ ли она меня, дамъ тебѣ, горбатая, пріидя домой, золотое ожерелье.

Горбатая пытается устроитъ это дѣло. Разъ, чистя голову царевны, начинаетъ восхвалять царя Куса. Ея слова приводятъ царевну въ неистовый гнѣвъ, и она прогоняетъ горбатую. *Куса*, не видя возлюбленной, приходитъ въ отчаяніе и хочетъ вернуться къ отцу и матери. Индра выступаетъ ему на помощь. Отъ имени царя Madda онъ посылаетъ семи царямъ посланцовъ съ предложеніемъ невѣсты, Pabhâvatî. Цари являются, осаждаютъ городъ, и каждый требуетъ Pabhâvatî. Царь не знаетъ, что̀ ему дѣлать; министры совѣтуютъ отдать Pabhâvatî, и слѣдуя ихъ совѣту, онъ рѣшается разрубить дочь на семь частей и по одной части послать каждому изъ осаждающихъ.

Его рѣшеніе дошло до царевны Pabhâvatî. Страшась смерти, она ищетъ убѣжища у матери, жалуется ей на свою судьбу и заканчиваетъ свою рѣчь такъ:

Если издали пришедшіе воины возьмутъ мое мясо, кости выпроси у нихъ и сожги ихъ, мать, на большой дорогѣ.

Приготовь тамъ поле, и посади дерево Kanikâro; когда послѣ зимы оно зацвѣтетъ, вспомни, мать, обо мнѣ: такъ цвѣла Pabhâvatî.

Между тѣмъ царь призываетъ палача. Слова матери не заставляютъ его перемѣнить своего рѣшенія.

Убѣдившись въ неуспѣшности своихъ попытокъ, мать идетъ къ Pabhavatî; упрекаетъ ее въ томъ, что она, отвергнувъ царя *Куса*, сама навлекла на себя такое горе и заканчиваетъ свою рѣчь такъ:

— Гдѣ нашъ укротитель враговъ, чужихъ странъ разоритель? Гдѣ Kusa, многоразумный? Онъ могъ бы насъ освободить отъ скорби.

На что дочь отвѣчала такъ:

— Здѣсь нашъ укротитель враговъ, чужихъ странъ разоритель, Куса многоразумный. Онъ всѣхъ насъ перебьетъ? Мать не вѣритъ ея словамъ; тогда Pabhavatî показываетъ ей царя Kusa, моющаго сосуды. Мать и тутъ не вѣритъ; упрекаетъ дочь, что она выбрала въ супруги раба. Убѣдившись въ томъ, что поваромъ былъ царь *Kusa*, она идетъ къ мужу. Царь тотчасъ же отправляется самъ за поваромъ, приводитъ его во дворецъ и посылаетъ за Pabhavatî, приказываетъ ей просить прощенія у царя *Kusa*; дочь падаетъ къ его ногамъ и говоритъ:

— Винюсь въ тѣхъ ночахъ, что безъ тебя прошли, головою припадаю къ твоимъ ногамъ; не гнѣвайся, герой!

— Истину говорю тебѣ, великій царь; выслушай меня: не сдѣлаю вновь тебѣ непріятнаго.

— Если не внемлешь словамъ молящей и не исполнишь ихъ: убьютъ меня и отдадутъ воинамъ!

Куса отвѣчалъ ей стихами:

— Могу ли не исполнить милѣйшей слова? Я твой не гнѣвный, прекрасная, не бойся, Pabhavatî.

— Истину говорю тебѣ, царевна; выслушай меня: не сдѣлаю вновь тебѣ непріятнаго.

— Изъ любви къ тебѣ я вынесъ много скорби и способенъ, убивъ многихъ здѣсь, увести тебя, Pabhavatî.

Весь городъ узнаетъ о прибытіи царя *Kusa*. Онъ садится на слона и вмѣстѣ съ Pabhavatî выходитъ за городъ: осаждающіе бѣгутъ. Индра даритъ *Кусѣ* перлъ *verocana*; онъ беретъ въ плѣнъ семь царей, женитъ ихъ на сестрахъ своей жены. Возвращается съ Pabhavatî въ свой городъ и дѣлается, въ силу камня *verocana*, красавцемъ.

л. pa. *kh*i пр.—л. pa. *kho*. пр.

14.

XIX. 1, 2. *Sonanandajātakam*. Въ древности, въ городѣ *Brahmavaddhana*, царствовалъ царь *Manojo*. Въ томъ же городѣ жилъ одинъ

богатый браһманъ, у котораго были два сына: *Sono* и *Nanda*. Когда они выросли, родители хотѣли женить сперва старшаго сына, но онъ отказался, ибо былъ намѣренъ послѣ ихъ смерти сдѣлаться отшельникомъ. Предложили жениться младшему, но и тотъ отказался, желая слѣдовать примѣру старшаго брата; тогда родители предложили отправиться къ Гималаю и жить отшельниками всѣмъ вмѣстѣ. Съ разрѣшенія царя они такъ и сдѣлали. Живя тамъ, сыновья ежедневно уходили собирать плоды. Старшій Sono, боясь, чтобы младшій братъ *Nanda* не накормилъ родителей вредными плодами, приказалъ ему до его возвращенія не кормить родителей. Но Nando не послушался брата, а потому Sona удалилъ его изъ общей обители. Живя вдали отъ брата, Nanda захотѣлъ примириться съ Sona, и чтобъ умилостивить его, вздумалъ привести въ обитель брата царя Manoja: такимъ образомъ слава о достоинствахъ старшаго брата распространилась бы по всей Индіи. Nanda отправляется къ царю Manoja, говоритъ ему, что знаетъ средство овладѣть цѣлою Индіей, не проливая крови и не тратя денегъ, и что для этого нужно немедля выйдти изъ города. Царь послушался и вышелъ, окруженный войскомъ. Если войску становилось жарко, мудрый Nanda своею чудотворною силою издавалъ тѣнь. Когда шелъ дождь, онъ не давалъ падать ему на войско; отвращалъ отъ войска жаркій вѣтеръ, сравнивалъ путь, и разославъ на воздухѣ кожу, сидя на ней поджавъ ноги, двигался передъ войскомъ. По дорогѣ забираютъ царей странъ: Kosala, A*n*ga, Magadha и т. д. Забравъ такимъ образомъ всѣхъ царей въ свою власть, Manoja семь дней пируетъ; въ продолженіе этого времени *Nanda* отправляется въ *Uttarakuru*. По прошествіи этого времени, *Nanda* опять является къ царю. Царь спрашиваетъ его, кто онъ, и желая отблагодарить, предлагаетъ разныя блага, даже полцарства. *Nanda* разказываетъ ему, кто онъ, и что произошло между ними съ братомъ. Онъ проситъ царя отправиться съ нимъ въ обитель къ брату. Царь отправляется; по дорогѣ они встрѣчаютъ старшаго брата, по воздуху отправлявшагося за водою къ озеру Anotatta; онъ проводитъ ихъ въ обитель, гдѣ послѣ нѣкоторыхъ преній и проповѣди старшаго брата, братья примиряются.

л. ра. kho пр.—л. ра. *ga* пр.

14.

XX. 1, 1. Cullahamsajātakam.—vatthu разказываетъ попытку Девадатты убить Sâkjamuni.

Въ древности въ странѣ *Mahisa*, въ городѣ *Sakula*, царствовалъ царь *Sakula*. Недалеко отъ города, въ одной деревнѣ (nesādagāma) жилъ птицеловъ (nesāda), снискивая себѣ пропитаніе ловлею и продажею птицъ; близъ этихъ мѣстъ находилось большое озеро, называемое *Mānusiyo*, гдѣ жило многое множество птицъ; въ этихъ мѣстахъ птицеловъ охотился; въ то же время царь гусей Dhataraṭṭha, жилъ у горы Cittakuṭa, въ золотой пещерѣ; у этого царя былъ военачальникъ, по имени *Sumukho*. Однажды нѣсколько золотыхъ гусей, побывавъ у озера *Mānusiyo*, пришли къ царю *Dhataraṭṭha*, стали восхвалять то озеро и приглашали отправиться туда. Послѣ усиленныхъ просьбъ царь согласился на ихъ предложеніе. Отправились гуси къ озеру; спускаясь на землю, Dhataraṭṭha попался въ силки, разставленные охотникомъ. Вырываясь изъ нихъ, онъ поранилъ ногу до крови, но не кричалъ, не желая пугать своихъ родичей; когда же гуси наѣлись, царь подалъ голосъ; услыхавъ его голосъ, гуси улетѣли домой; остался одинъ *Sumukho*, военачальникъ. Онъ рѣшается спасти царя, и дѣйствительно, его преданность заставляетъ охотника освободить царя. *Sumukho* предлагаетъ своему царю отблагодарить охотника. Охотникъ, повинуясь ихъ приказанію, беретъ обоихъ гусей и идетъ къ царю *Sacula* въ городъ; представъ предъ царемъ, охотникъ разказываетъ ему, какъ онъ поймалъ силкомъ царя гусей, и какъ самоотверженіе и наставленія военачальника *Sumukho* заставили его освободить плѣнника.

Царь умиляется и видомъ, и разумными рѣчами двухъ гусей, награждаетъ охотника, гусей же отправляетъ къ себѣ.

л. ра. gā. пр.—л. ра. gr. об.

15.

XX. 1, 2. *Mahāhaṃsajātakam*. Въ древности у царя *Seyya* въ Бенаресѣ была супруга, по имени *Khema*; въ то время Bodhisatva былъ царемъ гусей, и окруженный огромнымъ стадомъ гусей, жилъ на горѣ Cittakuṭa. Однажды царица видѣла сонъ: ей приснилось, что золотые гуси прилетѣли, и сѣвъ на царскій престолъ, стали проповѣдывать законъ; проповѣди она не могла довольно наслушаться. Кончивъ проповѣдь, гуси полетѣли; она быстро послѣдовала за ними, крича: „ловите, ловите“, и простирая руки. Съ этимъ вмѣстѣ она проснулась. Царица притворяется больною и говоритъ царю, что выздоровѣетъ не иначе, какъ увидавъ и услыхавъ золотыхъ гусей. Царь успокоилъ ее. „Если только таковые гуси водятся въ мірѣ, ты получишь ихъ“,

сказалъ онъ. Царь начинаетъ узнавать, есть ли таковые гуси; спрашиваетъ объ этомъ у министровъ; тѣ отвѣчаютъ, что не слыхивали и не видывали таковыхъ; обращается царь къ брâhманамъ, тѣ отвѣчаютъ, что въ ихъ мантрахъ золотыми называются рыбы, раки, черепахи, антилопы, павлины, гуси; эти золотые гуси принадлежатъ къ семьѣ царя Dhataraṭṭha, они разумны и свѣдущи; гдѣ же тѣ гуси живутъ, того брâhманы не знали. „Знаютъ то охотники, сказали брâhманы. Собралъ царь всѣхъ охотниковъ; охотники сказали ему, что золотые гуси живутъ на горѣ *Cittakuta*, но средства ловить ихъ они не знаютъ. Царь собралъ разумныхъ брâhмановъ и сталъ совѣщаться съ ними о томъ, какъ бы изловить золотыхъ гусей. Мудрецы посовѣтовали ему вырыть озеро, на сѣверъ отъ города; къ этому озеру, окруженному злаками съ лотусами, не должны были подходить люди; туда станутъ собираться птицы; услыхавъ объ этомъ озерѣ, туда же прилетятъ и золотые гуси, тамъ ихъ и поймать. Царь послѣдовалъ совѣту мудрецовъ; вырылъ озеро, приставилъ къ нему караульщика. Къ озеру начали слетаться различныя птицы и различные гуси. Вѣсть объ озерѣ дошла чрезъ гусей (pâkahaṃsa) до золотыхъ гусей, стали золотые гуси проситься у своего царя на то озеро. Sumukho донесъ объ этомъ царю гусей; но Dhataraṭṭha узналъ тотчасъ же, что озеро вырыто съ умысломъ, для поимки золотыхъ гусей, и потому согласился идти туда только послѣ третьей просьбы. Прилетѣли гуси на озеро, караульщикъ тотчасъ же донесъ объ этомъ царю. На седьмой день караульщикъ поймалъ силкомъ царя золотыхъ гусей; выбиваясь, онъ сильно поранилъ себя, но не кричалъ, не желая пугать родичей; когда же тѣ наѣлись, онъ подалъ голосъ; гуси улетѣли; остался одинъ *Sumukho*. Онъ успокоиваетъ царя. Между тѣмъ караульщикъ подходитъ къ нимъ съ палкою. *Sumukho* становится впереди, желая спасти царя. Вступаетъ въ разговоръ съ караульщикомъ и сообщаетъ ему, что въ его силки пойманъ царь золотыхъ гусей, вмѣсто котораго предлагаетъ себя и требуетъ освобожденія царя; вся эта рѣчь до того поразила караульщика, что онъ, сложивъ руки на головѣ, какъ бы молясь солнцу, сталъ восхвалять *Sumukho* и освободилъ царя гусей. Какъ въ предыдущемъ разсказѣ, Dhataraṭṭha и здѣсь желаетъ отблагодарить караульщика; узнавъ отъ него все дѣло, начиная отъ сна царицы, гуси добровольно отдаются ему; онъ несетъ ихъ къ царю. По дорогѣ туда Dhataraṭṭha вспоминаетъ о своей супругѣ и начинаетъ скорбѣть. Sumukho утѣшаетъ его, выставляя

на видъ дурныя качества женщинъ. Окончаніе подобно разказу XX. 1. 1.

л. ра gr. об.—л. ра. gau. об.

17.

XX. 1, 3. *Sudhābhojanajātakam*. Въ древности, во время царствованія Brahmadatt'ы въ Бенаресѣ, жилъ тамъ одинъ цѣховой начальникъ (setthi), очень богатый и щедрый; онъ выстроилъ въ городѣ шесть домовъ подаянія (dānasāla) и ежедневно раздавалъ великія подаянія; такимъ же былъ его сынъ, внукъ, правнукъ до шестаго колѣна. Въ шестомъ колѣнѣ отъ него родился *Kosiyo*, по природѣ жадный; онъ разрушилъ домы подаянія и сжегъ ихъ; отъ дверей дома его просители отгонялись. Сохраняя свое богатство, онъ и самъ имъ не пользовался. Однажды, отправляясь къ царю, зашелъ за своимъ помощникомъ (anusetthi); тотъ въ это время, окруженный дѣтьми, сидѣлъ за ѣдой; у *Kosiy*'а при видѣ ихъ ѣды разгорѣлся аппетитъ; но когда его пригласили вкусить, онъ сталъ думать: „Если я поѣмъ, то долженъ буду отплатить угощеніемъ, когда ко мнѣ прійдутъ въ домъ; а оттого мое богатство погибнетъ; не стану ѣсть". Такимъ образомъ онъ просидѣлъ весь обѣдъ, и хотя его угощали, онъ не ѣлъ; послѣ обѣда они пошли къ царю; оттуда Kosiyo вернулся домой и все мучился желаніемъ поѣсть такую похлёбку, какую онъ видѣлъ у своего помощника, и въ то же время боялся расходовъ. Желаніе это измучило его до того, что онъ поблѣднѣлъ и сталъ больнымъ. Жена вывѣдала отъ него причину его болѣзни. „Милая", сказалъ онъ ей,— „однажды прійдя къ своему помощнику, я увидалъ, какъ онъ ѣстъ похлёбку изъ кислаго молока, меду, сахару, и начиная съ тѣхъ поръ, хочу я поѣсть такой похлёбки". Жена предлагаетъ ему изготовить такую похлёбку; онъ соглашается, но съ тѣмъ, чтобы похлёбки хватило для него одного, и чтобы была изготовлена въ лѣсу. Забравъ необходимые матеріалы, онъ отправляется въ лѣсъ; ставитъ слугу караулить, а самъ, углубившись въ лѣсъ, начинаетъ готовить яство. Въ это время Индра, любуясь на свое великолѣпіе, сталъ раздумывать о томъ, какимъ образомъ онъ достигъ его; и вспомнилъ онъ, что былъ сыномъ щедраго цѣховаго начальника, и самъ былъ щедръ, и потомство его было щедро, за исключеніемъ одного *Kosiyo*. Призвалъ онъ свое потомство: cando suriyo, mā tali pañca sikha, и пошелъ въ міръ увѣщать жаднаго *Kosiyo*. Предъ Kosiyo предстаетъ въ видѣ стараго брāhмана богъ Индра, и проситъ у него яствъ.

Затѣмъ одинъ за другимъ приходятъ и остальные; каждый проситъ. Когда похлёбка изготовилась, Kosiyo соглашается удѣлить отъ нея brâhmанамъ; тѣ протягиваютъ листы Mâluva; Kosiyo отказывается наполнять и требуетъ, чтобъ они взяли листы Khadira; brâhmаны взяли такіе листы, но и тѣ стали очень велики; наполнилъ онъ ихъ, а похлёбка все-таки не уменьшалась. Въ это время Pañca sikha принялъ видъ собаки, побѣжалъ, роняя изверженія, и замаралъ руку *Kosiy*'а; онъ проситъ воды; brâhmаны совѣтуютъ ему идти къ рѣкѣ омыться; въ то время, какъ онъ находился у рѣки, собака приблизилась къ сосуду съ похлёбкой и стала наполнять его изверженіями. Kosiyo схватилъ палку и бросился за нею. Собака принимаетъ различные цвѣта, то кажется ему черною, то бѣлою, то золотою, то пестрою и начинаетъ гоняться за нимъ; испуганный Kosiyo приближается къ brâhmанамъ, которые въ тотъ же мигъ поднимаются на воздухъ. Brâhmаны объявляютъ ему, кто они и зачѣмъ пришли. Слова ихъ не остаются безъ дѣйствія на скупаго; онъ возвращается въ городъ, раздаетъ свое богатство и съ позволенія царя становится отшельникомъ; живетъ у Гималая.

Тогда у бога Индры были четыре дочери: A*s*â, *Saddh*â, *Sir*i, Hiri; разъ онѣ отправились къ озеру *Anotatta* забавляться; въ это время подвижникъ *Nârada* пришелъ, на день, въ небо Tâvatti*m*sa, гдѣ онъ взялъ цвѣтокъ paricchattaka вмѣсто зонтика; увидавъ у него этотъ цвѣтокъ, богини стали выпрашивать его у подвижника. Nârada отвѣчаетъ, что цвѣтокъ ему не нуженъ, но пусть украсится имъ лучшая изъ нихъ.

Взглянулъ на просящихъ Nârada и сказалъ: „Зачѣмъ мнѣ возбуждать споръ? Цвѣтокъ мнѣ не нуженъ; да украсится имъ лучшая изъ васъ".

Богини отвѣчали:

— Ты выше насъ, о мудрецъ; взгляни на насъ, и кому пожелаешь, той и вручи цвѣтокъ. Та, которую ты наградишь, Nârada, та будетъ считаться лучшею изъ насъ.

Nârada отвѣчалъ:

— Ваша рѣчь не красна, стройныя; не brâhmану возбуждать споръ; если не знаете, кто лучше, кто хуже, ступайте и вопросите о томъ владыку существъ!

Разгнѣванныя мудрецомъ и имъ побуждаемыя, богини въ опьянѣніи своею красотою пошли къ Тысячеокому и вопросили: „О владыка существъ, кто лучшая изъ насъ?"

Посмотрѣлъ богъ Индра на вождѣлѣющихъ и молящихся и сказалъ: „Всѣ вы одинаково стройны, кто возбуждаетъ между вами споръ?

— Тотъ, кто по всему міру ходитъ, великій мудрецъ, въ законѣ пребывающій, Narada, за истину боецъ, тотъ намъ сказалъ: ступайте въ лучшую гору Gandhamadana, и если сами не знаете, кто лучше, кто хуже, вопросите объ этомъ владыку существъ!

Индра не хочетъ разрѣшать этого дѣла и отсылаетъ дочерей къ *Kosiyo*; онъ посылаетъ ему чистую пищу (sudhabhojana*m*); та, которая получитъ отъ мудреца эту пищу, та должна быть высшею. Вслѣдъ за этимъ Индра посылаетъ Matal*i* туда же.

Matal*i* отправляется по назначенію, и утромъ, когда Kosiyo молится солнцу, невидимый кладетъ ему въ руку амброзію (sudhabhojana*m*) и приглашаетъ его вкусить этой пищи. *Kosiyo* отказывается, потому что онъ далъ обѣтъ не вкушать пищи, не раздѣливъ ее съ кѣмъ нибудь.

Услыхавъ эти слова, Matal*i* показался и въ то же время предстали четыре богини.

— Отпущенныя и посланныя великимъ богомъ четыре дѣвы, златокожія: âsâ (надежда), *saddh*â (вѣра), *sir*i (счастье), *hir*i (стыдливость) пришли въ обитель, гдѣ былъ Kosiyo.

Увидалъ ихъ и возликовалъ мудрецъ. „Ясны какъ пламень огня четыре дѣвы, по четыремъ сторонамъ". Такъ сказалъ онъ, обращаясь къ Matal*i*.

— Кто ты свѣтишь на востокѣ, разукрашенная богиня? Ты лучшая изъ звѣздъ, луна! Тебя, златотѣлая, я вопрошаю; скажи мнѣ кто ты, богиня?

— Я счастье (Sir*i*), богиня, въ людяхъ чтимая: къ безгрѣшнымъ я всегда прихожу; изъ за спора объ амврозіи, я пришла къ тебѣ. Надѣли меня амврозіей, лучшій изъ мудрыхъ.

— Кому я счастья пожелаю, мудрѣйшій изъ мудрыхъ, тотъ наслаждается во всѣхъ своихъ желаніяхъ; узнай меня: я счастье (sir*i*), ты высшій изъ огнепоклонниковъ; меня ты надѣли амврозіей, мудрѣйшій изъ мудрыхъ!

Мудрецъ ей въ отвѣтъ сказалъ:

— Если люди искусные, знающіе, нравственные, съ умомъ и по дѣламъ высокодобродѣтельные тобою оставляются и не получаютъ ничего; не хорошо то, что̀ тобою сдѣлано.

— Я вижу, о счастье, лѣнивца, алчнаго, изъ дурнаго рода, безо-

бразнаго. Но если онъ тобою охраняется, то счастливъ и доволенъ, словно рабомъ распоряжается родовитымъ.

— Все то не истинно; знаю я тебя, безразлично ухаживающую, разумныхъ обижающую, одуряющую; не таковая достойна принять сѣдалище и воду; не для нея амврозія. Иди, ты мнѣ не нравишься!

И скрылась Siri тутъ же. Мудрецъ вступилъ въ разговоръ съ Аsâ (надежда):

„Съ блестящими зубами, съ привѣшанными серьгами, въ разнообразныхъ браслетахъ, сіяющимъ златомъ разукрашенная, облачившись въ одѣянія цвѣта воды и съ красными цвѣтками въ ушахъ, кто ты сіяешь, какъ пламень горящей травы *Kusa?*

— Какъ звѣрь, ловцемъ пораженный, медленно ты озираешься, кто съ тобою, тихоокая? Ужели ты не страшишься одиночества, въ пустынномъ лѣсу?

Аsâ отвѣчала:

— Я одна здѣсь, Kosiyo, богиня Аsâ (надежда), родомъ изъ града Индры (masakkasâra) и пришла къ тебѣ за амврозіей; надѣли меня ею, лучшій изъ мудрыхъ.

Мудрецъ ей отвѣчалъ:

— Съ надеждой идутъ купцы; ища богатства, садятся на корабли, плывутъ за море, и тонутъ тамъ; а тѣ, кто разъ пріобрѣлъ богатство, уходятъ, лишившись его.

— Съ надеждой пахарь пашетъ поле, сѣетъ сѣмя и искусно завершаетъ дѣло; отъ невзгодъ же, отъ бездождья, онъ не получаетъ ничего.

— На владыкъ возложивъ надежду, дѣлаютъ дѣло люди, ищущіе счастья; мучатся ради владыкъ и гибнутъ, утративъ надежду и не получивъ ничего.

— Оставивъ запасы, деньги и родныхъ, ищущіе блаженства съ надеждою помышляютъ о небѣ; трудный подвигъ свершаютъ долгое время, но вступивъ на ложный путь, грядутъ къ погибели.

— И считаются они обманутыми надеждой.

— Прогони въ себѣ, о Аsâ, надежду на амврозію. Не такой предлагается сѣдалище и вода; и не для нея амврозія. Гряди, ты мнѣ не нравишься!

Отвергнутая мудрецомъ Аsâ скрылась.

Мудрецъ вступилъ въ разговоръ съ Saddha (вѣра):

— Свѣтишь и блестишь въ странѣ, долгимъ именемъ парицаемой

(на западѣ). Тебя я вопрошаю, златотѣлая; скажи мнѣ, кто ты богиня?

— Я богиня Saddha (вѣра), въ людяхъ чтимая; къ безгрѣшнымъ я прихожу всегда; изъ-за спора объ амврозіи къ тебѣ пришла; надѣли меня амврозіей, о лучшій изъ мудрецовъ!

— Повѣривъ твоимъ словамъ, отвѣчалъ ей Kosiyo,—люди то и то дѣлаютъ, и кромѣ должнаго, еще болѣе дѣлаютъ недолжнаго, и все то твои дѣла.

Сказавъ такъ, онъ прибавилъ стихъ:

— Съ вѣрою свершаютъ дѣянія, чувства укрощаютъ, свершаютъ съ вѣрою самоотверженія и смиряются, но тѣ, кого ты однажды оставила, лгутъ и воруютъ, обманываютъ и клевещутъ.

— Человѣкъ вождѣлѣющій, охладѣвъ страстью къ женѣ себѣ ровнѣ, нравственной и вѣрной, чрезъ сводню вселяетъ вѣру въ благородной дѣвѣ.

— Отъ тебя, вѣра, чужихъ женъ любятъ; ты грѣхъ дѣлаешь и добро уничтожаешь. Не такой предлагаютъ воду и сѣдалище и не для нея амврозія. Гряди, ты мнѣ не правишься!

И скрылась Saddha.

Обращаясь къ Hiri, стоящей на сѣверѣ, *Kosiyo* сказалъ:

— За долгою ночью, какъ солнце взойдетъ, предстаетъ востокъ, сіяя чудными образами. Такою и ты мнѣ являешься, о богиня! Скажи мнѣ, какая ты нимфа (apsaras)?

— Вѣтромъ колеблемая, увитая гирляндами красныхъ листьевъ, какъ первый всходъ жаромъ опаленный, кто ты, робко озираясь и беззвучно стоишь, словно сказать что хочешь?

— Я богиня Hiri (стыдъ), въ людяхъ чтимая, къ безгрѣшнымъ приходящая. Изъ за спора объ амврозіи къ тебѣ пришла. И попросить не смѣю; безстыдна та, кто проситъ!

Ей въ отвѣтъ Kosiyo сказалъ два стиха:

— За добродѣтель, за умѣніе, красавица, ты получишь (амврозію); вотъ законъ: амврозію нельзя выпросить. Тебя непросящую угощу амврозіею. Чтò пожелаешь, то дамъ тебѣ.

— Самъ тебя сегодня приглашаю въ мою обитель. Тебя, о златотѣлая, мнѣ слѣдуетъ почтить всѣми лакомствами; и почтивъ тебя, самому вкусить амврозіи.

Hiri отправляется вслѣдъ за Kosiyo въ его обитель, гдѣ и вкушаетъ амврозіи. Отправляется затѣмъ на небо, гдѣ Индра и боги чтутъ ее.

Индра посылаетъ опять Matali къ Kosiyo узнать, почему прочія богини не получили амврозіи.

Kosiyo разрѣшаетъ этотъ вопросъ стихомъ:

— Слѣпою мнѣ кажется богиня счастья (Siri), о Matali; невѣчна вѣра (Saddha), о возница боговъ; съ разочарованіемъ связана надежда (āsā); святыми качествами одарена богиня стыдливости (Hiri).

Kosiyo вмѣстѣ съ Matali идетъ на небо Индры, гдѣ женится на богинѣ Hiri.

л. ра gau об. — л.ра ghu. об.

18.

XX. 1. 4. *Kunālajātakam.* Vatthu разказываетъ о спорѣ изъ-за воды, возникшемъ между жителями города Kapilavatthu и Kaliyanagara; изъ этого спора возникла война между родомъ *Sakiya* и родомъ *Koliyo.* Будда въ это время пребывалъ въ *Sāvatthi.* Онъ является между воюющими. Происходитъ примиреніе между враждующими. Будда проповѣдуетъ пять жатакъ: phandanajatakam, daddabhajatakam, latukijātakam, rukkhadhammajātakam, vattakajātakam и кромѣ того attadanda suttam. Изъ обоихъ городовъ пятьсотъ человѣкъ принимаютъ посвященіе. Новопосвященные стали испытывать недовольство, Будда ведетъ ихъ въ Гималайскія страны. Называетъ горы, озера, рѣки Гималая. Духовные видятъ какъ двѣ птицы *citrakokila*, посадивъ на палку супруга, взяли ее за оба конца и летятъ; восемь такихъ же птицъ летятъ впереди, восемь сзади; по восьми съ каждой стороны, сверху и снизу; духовные спрашиваютъ, что это за птицы. Будда разказываетъ, что птица Kunāla, окруженная своими женами и живущая въ лѣсу Sabbasadha dharanidhara. Увидали духовные двухъ черныхъ kokila, летящихъ такимъ же образомъ съ супругомъ. То былъ Punnamukho, самецъ *kokila.* Обѣ птицы сходятся, но Kunālo прогоняетъ Punnamukho. Вскорѣ послѣ этого Punnamukho заболѣлъ, Kunālo излечиваетъ его, и между ними возникаетъ дружба. Kunalo разказываетъ другу свои наблюденія надъ женщинами.

1. Касійскій царь Брахмадатта напалъ на страну Косала, убилъ царя и взялъ въ плѣнъ его беременную жену. Возвратившись въ Баранаси онъ сдѣлалъ ее своею старшею женою. Чрезъ нѣкоторое время царица родила дочь. Обрадовался царь, потому что у него самого не было ни сына, ни дочери.

— Милая, сказалъ онъ, — выбирай себѣ даръ!

Царица приняла предложеніе, но отложила исполненіе обѣщанія. Дѣвочки дали имя *Kanha*. Когда она выросла, мать сказала ей: „Дочка, отецъ предложилъ мнѣ даръ; я приняла предложеніе, но отложила исполненіе; выбирай себѣ даръ по желанію".

— Доставь мнѣ случай выбрать супруга (то-есть, устрой sayam vara) другого не желаю, отвѣчала матери дочь, отъ сильной страстности лишившись стыдливости.

Мать доложила объ этомъ желаніи отцу.

—Да выберетъ мужа по желанію, сказалъ царь и возвѣстилъ sa yam vara.

Собрались въ царскій дворецъ разукрашенные и разряженные люди. Kanha съ корзинкою цвѣтовъ стояла и обозрѣвала изъ высокаго окна. Никто ей не нравился. Въ это время пять царевичей: *ajjuno*, *nakulo*, *bhima seno*, *yudhitthilo*, *sahadevo*, окончивъ образованіе у лучшаго учителя, въ Takkasila съ тѣмъ, чтобы узнать обычай различныхъ странъ, путешествовали и пришли въ Bârânasi; услыхавъ волненіе, они спросили, въ чемъ дѣло, и рѣшили: „Пойдемъ и мы!" Пошли въ царскій дворецъ пять царевичей, красивые какъ золотыя фигуры. Пришли и стали по порядку. Увидала ихъ Kanha и влюбилась въ пятерыхъ; всѣмъ пяти бросила на голову гирлянды и цвѣты.

— Матушка, выбираю этихъ пятерыхъ!

Мать извѣстила объ этомъ царя. Царь хотя и былъ недоволенъ, но не сказалъ, что дочь не получитъ пятерыхъ мужей, такъ какъ онъ обѣщалъ даръ. Разспрашивая, какого они роду, чьи сыновья, царь узналъ, что то были сыновья царя *Panda*; оказалъ имъ почтеніе и отдалъ имъ дочь въ жены.

Живя въ семиэтажномъ дворцѣ, Kanha страстью удовлетворяла пять мужей. Былъ у нея одинъ слуга горбатый. Удовлетворивъ страстью пять царевичей, въ то время, когда они отлучались Kanha, палимая страстью, воспользовавшись случаемъ, творила грѣхъ съ горбатымъ. Разговаривая съ нимъ, она увѣряла: „Такого милаго, какъ ты, у меня нѣтъ; убью царевичей и кровью ихъ гортаней омою твои ноги".

Когда-жь изъ пяти братьевъ лежала съ старшимъ, то говорила ему: „Ты мнѣ милѣе остальныхъ четверыхъ; тебѣ и жизнью я пожертвую; когда отецъ мой умретъ, тебѣ я царство доставлю".

Возлежа съ каждымъ изъ остальныхъ, она повторяла то же самое; и были они очень довольны ею, думая: „Меня она любитъ, чрезъ нея получу господство". Однажды *Kanha* сдѣлалась больна; мужья окружили ее; одинъ сидѣлъ, поглаживая голову, остальные сидѣли, держа

за руки и за ноги. Горбатый сидѣлъ въ ногахъ. Тому, который сидѣлъ, поглаживая голову, старшему брату *Ajjun*'ѣ, Kanha подала знакъ головою: „Нѣтъ у меня милѣе тебя; для тебя только живу: умретъ отецъ, тебѣ доставлю царство", и такимъ образомъ овладѣла имъ. Каждому изъ остальныхъ подала знакъ рукою и ногою. Горбатому же подала знакъ языкомъ: „Ты мнѣ милѣе всѣхъ, для тебя только живу". Всѣ они поняли смыслъ знака, по предварительному соглашенію. Всѣ поняли свой знакъ, Ajjuno же, увидавъ знаки, данные руками, ногами, языкомъ, подумалъ: „Какъ мнѣ, такъ и другимъ она подаетъ знаки; между ею и горбатымъ есть такъ же соглашеніе". Позвалъ братьевъ и вышелъ съ ними: „Видѣли ли вы", спросилъ онъ братьевъ,—„какъ пятимужница подала мнѣ знакъ?"

— Да, видѣли, отвѣчали братья.

— А смыслъ его знаете ли?

— Нѣтъ, не знаемъ!

— Такой-то смыслъ. Знаете ли смыслъ знаковъ, поданныхъ вамъ руками и ногами?"

— И намъ подала знакъ руками и ногами съ такимъ-то смысломъ!

— Знаете ли, съ какимъ смысломъ подала знакъ языкомъ горбатому?

— Нѣтъ, не знаемъ!

И разсказалъ имъ, что ихъ жена сотворила грѣхъ съ горбатымъ. Когда же братья не вѣрили, Ajjuno позвалъ горбатаго и спросилъ его; тотъ разказалъ свое приключеніе. Услыхавъ его рѣчь, братья охладѣли къ ней и сказали: „Жена грѣшна и безнравственна; оставивъ намъ подобныхъ родовитыхъ и красивыхъ, сотворила грѣхъ съ такимъ безобразнымъ, презрѣннымъ, противнымъ горбатымъ!"

— Братья оставляютъ жену и становятся отшельниками.

2. Я видѣлъ, о Punna mukha, какъ на кладбищѣ жила подвижница; четыре дня она не обѣдала и сотворила грѣхъ съ мастеромъ золотыхъ дѣлъ.

Въ древности въ Баранаси была подвижница по имени *Saccatapac*і; выстроила она хижину на кладбищѣ; живя тамъ, она ѣла, пропустивъ четыре обѣда; и стала она извѣстна въ цѣломъ городѣ какъ луна или солнце; когда жители чихали или спотыкались, то приговаривали: „почтеніе Saccatapacі." Однажды, въ праздничный день, золотыхъ дѣлъ мастера, собравшись толпою, выстроили въ одномъ мѣстѣ павильонъ; снесли туда: рыбы, мяса, вина, благоуханій, гирляндъ и проч.

и стали пьянствовать. Одинъ изъ нихъ, бросивъ кубокъ съ виномъ, проговорилъ:

— Почтеніе Saccatapaci!

— О темный человѣкъ! сказалъ ему присутствовавшій мудрецъ;— вѣтреную женщину чтишь. О дуракъ!

— Милый, не говори такъ, не дѣлай дѣла, ведущаго въ адъ!

— Молчи, глупый, отвѣчалъ тотъ;—побейся о закладъ въ тысячу: чрезъ семь дней приведу тебѣ Saccatapaci разряженную, и сидя здѣсь, заставлю ее взять кубокъ и пить вино: твердо нравственныхъ женщинъ нѣтъ!

— Не можешь сдѣлать этого, отвѣчалъ первый и побился о закладъ въ тысячу.

Мудрый разказалъ объ этомъ другимъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ и на другой день, облекшись въ одѣяніе подвижника, взошелъ на кладбище и сталъ не вдали жилища подвижницы, какъ бы молясь солнцу. Идя за пищею, Saccatapaci увидѣла его.

— Этотъ подвижникъ, сказала она,—„должно быть великій чудотворецъ; я живу на сторонѣ кладбища—онъ въ срединѣ; съ нимъ слѣдуетъ быть въ общеніи; поклонюсь ему, по закону благочестивыхъ!"

Подошла и поклонилась ему; онъ же не взглянулъ и ничего не сказалъ ей. На другой день сдѣлалъ то же самое; на третій пришелъ, склонивъ голову. На четвертый спросилъ: „Не нуждаешься ли въ пищѣ?"

— Заговорилъ со мною! обрадовалась она и ушла.

На пятый день, поговоривъ побольше и посидѣвъ немного, она ушла. На шестой день, когда она пришла и поклонившись сѣла, онъ сказалъ.

— Сестрица, почему сегодня въ Баранаси слышится великое пѣніе и музыка?

— Достойный, развѣ ты не знаешь, что сегодня въ городѣ возвѣщенъ праздникъ? То звуки играющихъ.

— Такъ вотъ какіе это звуки, сказалъ онъ, притворившись незнающимъ.

— Сестрица, ты сколько обѣдовъ пропускаешь? спросилъ онъ опять.

— Четыре; а ты, достойный, сколько?

— Семь, сестрица! солгалъ онъ, ибо ежедневно по ночамъ ѣлъ.

— Сколько лѣтъ ты подвизаешься сестрица? спросилъ онъ вновь.

— Двѣнадцать, отвѣчала та,—а ты сколько?

— Шестой годъ, сестрица!

— Превзошла ли ты, сестрица, законъ благочестивыхъ?

— А ты, достойный, превзошелъ его?

— Я не превзошелъ его! отвѣчалъ онъ и прибавилъ: „Нѣтъ для насъ наслажденія въ страстяхъ, сестрица, и не наслаждаемся мы самоотреченіемъ; что намъ изъ того, что въ аду жарко; станемъ дѣлать, что люди дѣлаютъ: я сдѣлаюсь міряниномъ; у матери моей есть богатство; не могу я выносить скорби!“

Она же по вѣтренности влюбилась въ него:

— Достойный, и я полна вожделѣній; если ты меня не бросишь, и я сдѣлаюсь мірянкою.

— Пойдемъ, не брошу, ты станешь моею женою.

Взошелъ съ нею въ городъ и поселилъ у себя. Пошелъ затѣмъ въ павильонъ, заставилъ подвижницу взять кубокъ и выпить вина.

Соперникъ проигралъ тысячу. Подвижница же прижила съ нимъ и сыновей, и дочерей.

4. Браhмадатта, убивъ царя Косала, взялъ въ плѣнъ его беременную жену и сдѣлалъ её старшею женою; когда настало время, она родила ему сына, подобнаго золотой фигурѣ. И стала думать мать: „Когда выростетъ мальчикъ, Вāрāнасійскій царь скажетъ: врага моего сынъ, что мнѣ въ немъ? и убьетъ его; да не гибнетъ мой сынъ отъ чужой руки!“ Призвала кормилицу и приказала ей отнести мальчика на кладбище. Убитый отецъ сталъ божествомъ-хранителемъ мальчика: въ томъ мѣстѣ паслись овцы: сперва мальчика питаетъ овца, затѣмъ онъ найденъ пастухомъ. Пастухъ отдаетъ мальчика женѣ; жена его была бездѣтна и не имѣла грудей; стали его поить овечьимъ молокомъ, отъ чего ежедневно погибали по двѣ, по три овцы. Пастухъ кладетъ мальчика въ глиняный сосудъ, закрываетъ его другимъ, замазываетъ отверстія и пускаетъ въ рѣку. Мальчикъ попадается въ руки одному чандала; жена этого человѣка полюбила мальчика какъ сына и стала его воспитывать. Мужъ и жена занимались чинкою стараго во дворцѣ и водили туда же мальчика.

Начиная съ шестнадцати лѣтъ, мальчикъ туда часто ходилъ и работалъ. У царя отъ старшей жены была дочь красавица, *Kuranġarî* по имени; какъ увидѣла она юношу, такъ и влюбилась въ него; ни въ чемъ не находила утѣшенія и ходила къ нему, въ мастерскую. И свершили они, съ-разу другъ въ друга влюбившіеся, грѣхъ въ царскомъ домѣ, въ скрытомъ мѣстѣ. По прошествіи нѣкотораго времени, донесли служанки объ этомъ царю. Разсердился царь и созвалъ министровъ:

— Знаете ли вы, что Чандалъ сдѣлалъ съ моею дочерью? „спросилъ онъ“.

— Великое преступленіе, отвѣчали министры, — „надлежитъ его, помучивъ разнообразно, умертвить!“

Въ это время отецъ юноши, его божество-хранитель, вселился въ царицу. Царица идетъ къ царю и разказываетъ ему, кто тотъ Чандалъ; царь производитъ слѣдствіе и убѣждается въ справедливости словъ царицы.

Обрадовался царь, что юноша родовитый, приказалъ его вымыть и нарядить и отдалъ ему дочь. Оттого, что онъ существовалъ убіеніемъ овецъ, дали ему имя *Elakamāro* (убійца овецъ). Далъ ему царь войска и колесницъ, и приказалъ: „Иди овладѣй царствомъ отца своего!“ Elakamāro, взявъ жену, пошелъ и овладѣлъ царствомъ.

Бāрāнасійскій царь сталъ думать: „Не наученъ мой зять!“ и послалъ ему учителемъ юношу *Jalangu*, для наученія въ искусствахъ. Почитая этого же учителя, Elakamāro далъ ему мѣсто военачальника. Спустя нѣкоторое время, Kurangarī свершила съ нимъ грѣхъ. У военачальника былъ слуга Dhananterāsī; съ нимъ онъ послалъ царицѣ наряды и украшенія, и съ слугою Kurangari совершила грѣхъ.

5. Въ древности царь Koçala овладѣлъ царствомъ Бāрāнаси; взялъ въ плѣнъ беременную царицу, сдѣлалъ её старшею женой и увелъ въ свой городъ; она родила ему сына; царь былъ бездѣтенъ и сталъ воспитывать новорожденнаго, какъ сына; научилъ его всѣмъ искусствамъ, и когда тотъ пришелъ въ возрастъ, послалъ его овладѣть царствомъ отца. Юноша пошелъ туда и сталъ царствовать.

— Хочу сына посмотрѣть! стала проситься у царя мать, и окруженная великою свитою, пошла въ Бāрāнаси.

По дорогѣ между двухъ царствъ царица остановилась въ одной деревнѣ, гдѣ жилъ красавецъ юноша брāhманъ, Pancālacando по имени; онъ поднесъ ей (pannakāra) письмо. Царица, взглянувъ на юношу, влюбилась въ него и свершила съ нимъ грѣхъ. Пробывъ тамъ нѣсколько дней, пошла въ Бāрāнаси, посмотрѣла на сына, быстро вернулась и опять провела въ той деревнѣ нѣсколько дней, творя грѣхъ съ брāhманомъ. Затѣмъ отправилась домой. Начиная съ этого времени, чрезъ недѣлю, сказавъ какой-нибудь предлогъ, царица просилась у царя посмотрѣть на сына, и идя къ сыну и возвращаясь, проводила по полмѣсяца въ деревнѣ, творя съ брāhманомъ грѣхъ.

6. Въ древности, въ Бāрāнаси былъ царь *Kandarī*, очень красивый; ежедневно министры приносили ему тысячу благоухающихъ ящи-

ковъ: ящики эти употреблялись на дрова, для изготовленія кушанія У царя была красавица жена, *Kinnarā* по имени, и разумный пурогита *Pancālocando* по имени. У дворца росло древо *jambo*, на вѣтвяхъ котораго жилъ хромой прета (живой мертвецъ, миѳическое существо). Однажды царица, смотря изъ окна, увидала этого прета и влюбилась въ него. Ночью, удовлетворивъ царя страстью, какъ только онъ заснетъ, въ тотъ же мигъ царица встанетъ, наложитъ въ золотую корзину разнообразныхъ на вкусъ кушаньевъ, спустится изъ окна по связаннымъ одѣяніямъ, взлѣзетъ на дерево jambu, накормитъ горба таго, сотворитъ съ нимъ грѣхъ и тою же дорогою возвратится во дворецъ. Омоетъ тѣло благоуханіями и возляжетъ съ царемъ. Такимъ образомъ безъ помѣхи творила съ нимъ грѣхъ, и царь не зналъ того. Однажды царь, объѣзжая городъ, возвращался домой и увидѣлъ жалкаго горбатаго, лежащаго подъ тѣнью дерева жамбо.

— Посмотри, сказалъ онъ пурогитѣ, на этого прету.

— Вижу, царь! отвѣчалъ тотъ.

— Неужели, милый, къ такому противному приближается какаянибудь женщина со страстью?

Услыхавъ эту рѣчь, горбатый возгордился: „Что̀ этотъ царь говоритъ? Полагаю, что не знаетъ онъ, какъ ко мнѣ приходитъ его царица!“ Сложилъ почтительно руки и сказалъ:

— Исключая божества, живущаго на этотъ деревѣ, того никто не знаетъ!

Увидавъ его поступокъ, пурогита подумалъ: „Царица приходитъ къ дереву жамбу и творитъ грѣхъ съ нимъ!“.

— Великій царь, спросилъ пурогита,—по ночамъ, каково на ощупь тѣло царицы?

— Милый, отвѣчалъ царь, знаю только, что въ полночь тѣло ея холодно.

— Такъ знай же, царь, не иная женщина, какъ твоя старшая жена, царица Kinnarā, творитъ съ этимъ грѣхъ!

— Что ты говоришь, милый? Такая красивая и кокетливая станетъ наслаждаться съ такимъ противнымъ?

— Такъ поймай ее, царь!

Царь согласился. Ночью, поужинавъ, онъ возлегъ съ царицею и сталъ думать: „Поймаю ее!“ Въ обыкновенное время засыпанія, онъ притворился спящимъ. Царица встала и стала дѣлать обыкновенное. Царь пошелъ вслѣдъ и остановился подъ тѣнью дерева жамбу.

Горбатый съ гнѣвомъ говорилъ: „Долго ты не приходишь!“ и ударилъ царицу по щекѣ.

— Не гнѣвайся, господинъ, отвѣчала ему царица;—я поджидала, пока царь не заснетъ!“

И стала она какъ бы служанка въ его домѣ. Отъ его удара выскочила изъ уха серьга съ львиною мордой и упала къ ногамъ царя.

Сотворивъ грѣхъ, жена по прежнему вернулась домой; на другой день царь приказываетъ женѣ одѣться во всѣ наряды, подаренные имъ ей. Царица исполняетъ только по второму приказанію и является къ царю съ одною серьгою. „Другая“, говоритъ она, „отдана золотыхъ дѣлъ мастеру“. Призванный мастеръ отрицаетъ показаніе царицы, и ея преступленіе обнаруживается. Разгнѣванный царь хочетъ ее казнить; пурогита отсовѣтываетъ ему, говоря, что всѣ женщины таковы, и чтобъ убѣдиться въ томъ, предлагаетъ царю странствовать. Царь согласился.

Поручилъ царство матери и пошелъ съ пурогитою странствовать. Прошли они одну јожаку и сѣли на большой дорогѣ.

Нѣкій домохозяинъ праздновалъ свадьбу сына; посадивъ дѣвушку въ закрытую колесницу, онъ проѣзжалъ съ великою свитою. Увидавъ его, пурогита сказалъ:

— Если желаешь, я могутъ заставить эту дѣвушку сотворить съ тобою грѣхъ!“

— Что ты говоришь? Такая большая свита, не сможешь, милый!

— Ну, смотри, царь! отвѣчалъ пурогита; устроилъ не вдали по дорогѣ палатку, посадилъ туда царя, а самъ сѣлъ въ сторонѣ и плакалъ.

— Милый, спросилъ, увидавъ его, домохозяинъ,—„о чемъ ты плачешь?“

— Жена моя тяжела, я пошелъ, господинъ, отвести ее домой; по дорогѣ чрево ея заколебалось. Вотъ она мучится въ палаткѣ. Около нея нѣтъ ни одной женщины; самъ я не могу идти туда. Не знаю, что будетъ! Нужно было бы достать женщину.

— Не плачь, много женщинъ: одна пойдетъ!

— Такъ пусть пойдетъ эта дѣвушка, для нея то будетъ къ благополучію.

— Истину онъ говоритъ, подумалъ домохозяинъ,—„то будетъ къ благополучію для моей снохи; вслѣдствіе этого будетъ она изобиловать сыновьями и дочерями!“

Послалъ домохозяинъ дѣвушку. Взойдя туда, увидавъ царя, она

влюбилась въ него и сотворила съ нимъ грѣхъ. Царь подарилъ ей перстень.

Когда, покончивъ дѣло, дѣвушка вышла, стали ее спрашивать, что родилось? „Златоцвѣтный мальчикъ!" отвѣчала она.

Забралъ домохозяинъ дѣвушку и пошелъ дальше; пурогита же пошелъ къ царю.

— Видѣлъ ли ты, царь, такую грѣшную дѣвушку? спросилъ онъ его.—„Не далъ ли ты ей чего-либо?"

— Подарилъ я ей перстень!

— Не отдамъ его ей, сказалъ пурогита и быстро погнался за колесницею.

— Что тебѣ нужно? спросили его.

— Эта дѣвушка, взявъ перстень, положенный въ головахъ моей жены, ушла! Отдай, милая, перстень!

— Бери, воръ! сказала дѣвушка, и отдавая перстень, поранила ногтями руку пурогиты.

Послѣ этого пурогита показалъ царю еще нѣсколько случаевъ женской безнравственности. Царь выгналъ царицу *Kinnarâ*, взялъ себѣ новую жену; прогналъ хромаго прету и обрубилъ вѣтви дерева джамбу.

7. Въ древности, въ Баранаси царствовалъ *Bako*; въ то время, у восточныхъ воротъ города, у одного бѣдняги была дочь по имени *Раńсарāра* (съ пятью грѣхами).

Въ первомъ перерожденіи она была также дочерью бѣдняка, и разъ истеревъ кирпичи, мазала стѣну. Къ ней подошелъ одинъ пратскабудда (будда для себя, а не для спасенія рода человѣческаго), съ цѣлью попросить кирпичей. Она посмотрѣла на него съ гнѣвомъ и дала кусокъ кирпича. За подаяніе она родилась съ тѣломъ, одареннымъ чудесною ощупью, за то-же, что она гнѣвно посмотрѣла на него, имѣла безобразныя руки, ноги, ротъ и глаза.

Однажды Баранасійскій царь, переодѣвшись, обходилъ городъ и пришелъ въ то мѣсто, гдѣ Раńсарāра играла съ подругами. По незнанію она взяла царя за руку. Царь влюбился въ нее и женился на ней; Раńсарāра жила однакоже съ родителями и не знала, кто ея мужъ, приходящій къ ней по ночамъ. Случилось, что ея отецъ заболѣлъ кровавымъ теченіемъ; ему совѣтуютъ принимать питье изъ молока, масла, меду и сахара. По наставленію матери, дочь проситъ у мужа этого дорогого лѣкарства. Царь между тѣмъ давно хотѣлъ поселить жену во дворцѣ, но боялся только насмѣшекъ горожанъ.

Такъ какъ горожане не знали ощупи ея тѣла, то увидавъ ея безобр: зіе, станутъ говорить: „Нашъ царь привелъ съ собою jakkhinī". Чтоб избѣгнуть этихъ насмѣшекъ, онъ придумалъ заставить горожан испытать ея ощупь. На другой день царь приноситъ къ женѣ дв сосуда съ питьемъ, въ одинъ же кладетъ драгоцѣнный камень свое діадемы. Прійдя во дворецъ, онъ спрашиваетъ свой драгоцѣнный ка мень, и когда его не нашли, то приказываетъ искать его по всем городу и за городомъ, всюду начиная отъ сосудовъ съ обѣдомъ. Дра гоцѣнный камень находятъ у Paṅcapāра; она объясняетъ, какъ он попалъ къ ней, но вора не можетъ назвать, обѣщается однакож угадать по ощупи. Въ царскомъ дворцѣ, ее ставятъ подъ покров туда, въ отверстіе, каждый житель долженъ протягивать руку. Вор не нашлось, но всѣ отъ прикосновенія какъ бы съ ума сошли. Про тягиваетъ туда же руку царь. Paṅcapāpā узнаетъ его. Послѣ то царь дѣлаетъ ее старшею женою.

Однажды *Paṅcapāpā* видитъ сонъ, въ которомъ возвѣщается, чт она будетъ старшею женою двоихъ. Она разказываетъ объ этомъ царн царь призываетъ снотолкователей; подкупленные другими женам снотолкователи толкуютъ такъ: царица сидитъ на бѣломъ слон это смерть тебѣ; она касается луны—это тѣнь, врагъ сдѣлается ц ремъ. Убивать царицу они не совѣтуютъ, но совѣтуютъ положить е на судно и пустить по рѣкѣ. Царь такъ и дѣлаетъ. Судно, несомо водою, попадаетъ на глаза царю *Pāvāriya*. Увидавъ судно, военя чальникъ этого царя сказалъ: „Мое судно". Царь же объявилъ при тязаніе на товаръ въ суднѣ. *Paṅcapāpā* разказываетъ свое приклю ченіе. Pāvāriya хочетъ сдѣлать ее старшею женою, но *Baka* является съ войскомъ и предъявляетъ свои прежнія права. Они мирятся н одномъ условіи: Paṅcapāpā должна быть поочередно женою каждаг въ продолженіе семи дней. Они выстраиваютъ два города на берег рѣки: во дворцѣ одного она живетъ семь дней, и во дворцѣ другог также семь дней. Переплывая изъ одного дома въ другой, она тво ритъ грѣхъ со старымъ, хромымъ рыбакомъ.

8. Разказъ о Piṅgiyānī, женѣ царя Брахмадатты: мужъ поймал ее въ то время, какъ ночью она спускалась изъ окна творить блуд съ конюхомъ. Царь прогоняетъ ее и беретъ новую жену.

Жатака заканчивается изреченіями о женщинахъ.

л. ра ghu об. — л. ра nu. об.

19.

XX. 1. 5. *Mahāsutasomajātakam*. Въ странѣ *Kuru*, въ городѣ *ndapatta*, добродѣтельно царствовалъ царь *Koravyo;* у него былъ ынъ *Sutasomo* по имени. Когда сынъ выросъ, отецъ послалъ его въ 'akkasilā, къ извѣстному учителю. Въ это же время въ Бāрāнаси у аря Brahmadatta былъ сынъ, *Brahmadatta-kumaro*, и его также тецъ послалъ въ *Takkasilā* къ извѣстному учителю. Они встрѣтились на дорогѣ и подружились. Въ это время у того же учителя чилось множество царскихъ сыновей. Старшимъ надъ ними былъ Sutasomo. По окончаніи ученія, когда они расходились, *Sutasomo* авѣщалъ имъ соблюдать *uposath*'у и въ то же время, читая по приѣтамъ, угадалъ, что въ будущемъ много страху будетъ отъ *Brahadatt*'ы. Бāрāнасійскій царь не могъ обѣдать безъ мяса; однажды, о неосторожности повара, мясо поѣли собаки. Вмѣсто обыкновеннаго мяса поваръ приготовляетъ обѣдъ изъ человѣческаго, добытаго ь кладбища. Такъ какъ царь въ предыдущихъ перерожденіяхъ былъ akkha, то мясо ему очень понравилось, и онъ не хотѣлъ ѣсть другого мяса, какъ человѣческаго. Сперва онъ поѣлъ всѣхъ преступниовъ, затѣмъ по его приказанію поваръ сталъ убивать горожанъ. На омъ дѣлѣ поваръ былъ пойманъ. Горожане требуютъ, чтобы царь тказался отъ такихъ обѣдовъ; воевода поучаетъ его нѣсколькими римѣрами:

1. Разказываетъ о царѣ рыбѣ *Ā*nanda, который, нечаянно съѣвъ ыбу, сталъ пожирать своихъ подданныхъ; подданные бѣжали и скрыись на горѣ, гору онъ окружаетъ своимъ хвостомъ, и принявъ его онецъ за рыбу, сталъ его грызть; на запахъ крови сбѣжались рыбы съѣли царя.

Въ отвѣтъ на этотъ разказъ, царь разказываетъ о *Sujāt*'ѣ, одномъ омохозяинѣ; въ Himavant'ѣ мудрецы дали его сыну плодъ—*jambuesi*; вкусивъ отъ него, сынъ не хотѣлъ ѣсть другихъ плодовъ и умеръ олодною смертью.

Военачальникъ разказываетъ еще нѣсколько примѣровъ:

2. Въ древности, въ Бāрāнаси была нравственная семья брāhмановъ; ъ этой семьѣ былъ сынъ; товарищи опаиваютъ его виномъ, которое азвали лотусовымъ медомъ. Юноша пристрастился къ вину. Отецъ, идя, что убѣжденія не помогаютъ, лишаетъ его наслѣдства, и сынъ мираетъ въ бѣдности.

3. Sujāto увидалъ бога Индру съ апсарасами, пришедшими чтить

подвижниковъ, влюбился въ небесныхъ нимфъ и умеръ, требуя их

4. Въ древности на горѣ *Cittakuta*, въ золотой пещерѣ, жили ты сячи золотыхъ гусей; въ сезонъ дождей, въ продолженіе четырехъ мѣся цевъ, гуси не выходили; еслибъ они вышли, то вслѣдствіе того, чт крылья мокли, гуси не могли бы летать и падали бы въ море; поэтом они не выходили. Когда же приближалось дождливое время, то набрав съ озера самороднаго рису, наполнивъ имъ пещеру, жили, пожира рисъ. Когда они вступали въ пещеру, нѣкій паукъ, съ шерстью н брюхѣ и великій какъ колесо колесницы, ежемѣсячно ткалъ при вход сѣть; каждая нить была величиною въ веревку для привязи коровъ Для того, чтобы разбить эту сѣть, гуси давали одному молодому гус двѣ порціи. Онъ, когда прояснялось небо, впереди всѣхъ разбивал сѣть, и за нимъ выходили всѣ тою же дорогою. Разъ по недостатк пищи гуси поѣли сперва свои яйца, затѣмъ птенцовъ и престарѣ лыхъ; вслѣдствіе этого силы ихъ уменьшились, и когда нужно был разбивать сѣть, они не смогли этого и сдѣлались добычею паука.

Эти увѣщанія военачальника остались безплодны, царь изгоняетс изъ города; онъ уходитъ съ мечемъ и поваромъ въ лѣсъ. Ловит путниковъ и поѣдаетъ ихъ; затѣмъ пожираетъ самого повара. И сталъ онъ извѣстенъ во всей Жамбудвипѣ.

Однажды онъ поймалъ брāhмана, но преслѣдуемый свитою послѣд няго, зашибъ ногу и долженъ былъ выпустить свою добычу. Божеств дерева, которое его исцѣляетъ, онъ обѣщалъ великую жертву из царей. Одинъ Yakkha, съ которымъ онъ былъ товарищемъ въ первомъ перерожденіи, научаетъ людоѣда заговору, дарующему силу и быстроту. Съ помощію заговора въ продолженіе семи дней онъ набралъ сотню царей и притащилъ ихъ къ тому дереву, гдѣ самъ жилъ, и жило божество дерева. Божество хочетъ предовратить избіеніе царей и отправляется къ богамъ Catummahārājikā; боги говорятъ, что они не въ силахъ сдѣлать того. Божество идетъ къ Индрѣ, но и тотъ объявляетъ, что не можетъ того сдѣлать, но указываетъ на *Sutasoma*, какъ могущаго предотвратить эту жертву.

Въ одѣяніи отшельника божество дерева предстаетъ людоѣду и говоритъ ему, что *Sutasoma* также долженъ быть въ числѣ жертвъ.

Людоѣдъ отправляется за Бāрāнасійскимъ царемъ. Въ это время *Sutasoma* отправляется купаться, но по дорогѣ встрѣчаетъ брāhмана, который предлагаетъ царю выслушать четыре стиха; царь обѣщаетъ ему выслушать его, по окончаніи купанія; но когда царь вышелъ изъ воды, его подхватилъ людоѣдъ и потащилъ въ свое жилище. Царь

по дорогѣ просится у людоѣда на свободу, обѣщая, что по исполненіи обѣщанія, даннаго брâhману, онъ добровольно вернется. Людоѣдъ отпускаетъ царя. Царь, выслушавъ стихи брâhмана, награждаетъ его по тысячѣ за каждый стихъ. Вѣсть объ этой щедрости доходитъ до отца съ матерью; отецъ призываетъ сына и выражаетъ ему свое недовольство. Sutasoma объясняетъ ему свое поведеніе и объявляетъ, что долженъ вернуться къ людоѣду. Его рѣшеніе повергаетъ всю семью и весь городъ въ скорбь; Sutasoma, не смотря на это, идетъ къ людоѣду и излагаетъ ему выслушанные отъ брâhмана стихи. Людоѣду эти стихи такъ понравились, что онъ предлагаетъ царю четыре дара. *Sutasoma* требуетъ, чтобы людоѣдъ отказался отъ людоѣдства. Послѣ нѣкотораго колебанія, людоѣдъ даетъ обѣщаніе и отпускаетъ плѣненныхъ царей.

Sutasoma ведетъ людоѣда въ Бâранаси, сажаетъ его на царство и возвращается къ себѣ.

л. ра — *п*u об. — л. ра — *сі* об.

19.

XXI. 1. 1. *Mugapakkhaj*â*takam*. Въ древности въ Бâранаси добродѣтельно царствовалъ царь Kâsirâjâ; всѣ его шестнадцать тысячъ жёнъ были бездѣтны. По внушенію горожанъ, царь прибѣгаетъ къ средству, описанному въ XIX. 1,1. Старшая царица Candâdev*i*, дочь царя Madda, рождаетъ ему сына *Temiya* (бодhисатва). Когда ему былъ одинъ мѣсяцъ, онъ, сидя на колѣнахъ у отца, слышалъ, какъ тотъ распорядился казнить четверыхъ воровъ; мальчикъ сталъ бояться ада. Въ другой разъ, заснувъ подъ бѣлымъ зонтикомъ, онъ пробудился, и увидавъ великолѣпіе, окружавшее его, сталъ вспоминать свои первыя перерожденія и вслѣдствіе того еще болѣе исполнился страха ада. Божество, пребывавшее подъ этимъ зонтикомъ, посовѣтовало ему притвориться глухимъ, разслабленнымъ, нѣмымъ, дабы избавиться отъ перерожденія въ аду. Temiya такъ сдѣлалъ.

Отецъ подвергаетъ сына различнымъ испытаніямъ. Но *Temiya* пребываетъ твёрдъ и окончательно прослываетъ нѣмымъ, глухимъ и разслабленнымъ.

Когда ему исполнилось шестнадцать лѣтъ, царь спрашиваетъ гадателей, что ему дѣлать съ сыномъ; тѣ объявляютъ, что если *Temiya* будетъ жить въ домѣ, то отъ этого возникнетъ опасность для жизни царя, для царства и для жены, а потому его слѣдуетъ зарыть на кладбищѣ.

Царь приказываетъ возницѣ Sunanda отвести сына на кладбище и тамъ его зарыть.

На кладбищѣ Temiya начинаетъ говорить, пробовать силу и объявляетъ возницѣ, что онъ покидаетъ царство, чтобы вести жизнь отшельника.

Объ этомъ обстоятельствѣ узнаетъ царь отъ вернувшагося *Sunanda*.

Царь, царица и весь дворъ идутъ въ то мѣсто, гдѣ остался Temiya, и гдѣ Индра выстроилъ ему обитель. Тамъ всѣ они принимаютъ одинаковое рѣшеніе съ Temiya. За царемъ идутъ и всѣ горожане. Бāранаси опустѣла.

Городомъ овладѣвали послѣдовательно три царя; но и они бросали царства и приходили къ Temiya, вести жизнь отшельниковъ.

л. ра. си. пр.—л. ра со.

20.

XXI. 1. 2. *Mahājanakajātakam.* Въ древности въ городѣ *Mithilā*, въ странѣ *Videha*, царствовалъ *Mahājanaka*; у него было два сына *Aritthajanaka* и *Polojânakà.* Старшаго отецъ сдѣлалъ вице-царемъ, младшему далъ мѣсто военачальника; когда же Mahājanaka умеръ, Aritthajanaka сдѣлался царемъ, брата же сдѣлалъ вице-царемъ. Нѣкій царедворецъ пришелъ къ царю и сталъ ему говорить: „Царь, вице-царь хочетъ тебя убить". Царь, слыша нѣсколько разъ его слова, повѣрилъ и заключилъ брата въ темницу. Polojanaka бѣжитъ изъ темницы, набираетъ войско и осаждаетъ городъ *Mithilā*. Aritthajanaka вышелъ сражаться съ братомъ и былъ убитъ его воинами.

Беременная жена убитаго царя тайно убѣгаетъ въ городъ Campa (или Kālacampa) Богъ Индра, преобразившись въ стараго путника благополучно доставляетъ её въ городъ *Campa*. Тамъ нѣкій брахманъ принялъ её, какъ сестру, въ свой домъ; вскорѣ послѣ того она родила сына, которому дали имя дѣда: *Mahājanaka*.

Когда онъ росъ, то играя съ мальчиками, оттого, что родился въ безупречной семьѣ Кшатріевъ, оттого что былъ силенъ и гордъ, если кто его обижалъ, онъ крѣпко билъ. Прибитые начинали плакать и когда ихъ спрашивали: „кто васъ прибилъ?" отвѣчали: „вдовій сынъ!"

Мальчикъ сталъ думать: „Меня постоянно называютъ вдовій сынъ! Спрошу объ этомъ мать". Однажды онъ спросилъ мать: „Матушка, кто мой отецъ".

— Милый, брахманъ—твой отецъ, обманула она его.

Въ другой разъ, когда онъ подрался и когда его назвали вдовьимъ сыномъ, онъ сказалъ: „Мой отецъ брāhманъ".

— Брāhманъ тебѣ не родня! отвѣчали ему.

— Браhманъ тебѣ не родня, говорятъ мнѣ, сталъ думать юноша;— „мать не сказала мнѣ истину изъ гордости; она не говоритъ, заставлю её разказать".

Разъ, когда онъ сосалъ грудь, онъ укусилъ материнскую грудь.

— Скажи, кто мой отецъ, проговорилъ онъ, — „не то разкушу грудь".

Мать разсказала ему все прошедшее. На шестнадцатомъ году онъ отправляется добывать царство отца. Ѣдетъ сперва въ Suvannabhûmi; въ тотъ же день Palajanaka заболѣлъ. На морѣ юноша претерпѣваетъ кораблекрушеніе. Богиня моря *Mekhale* спасаетъ его — благополучно доставляетъ въ Бāрāнаси. Тамъ жители по смерти Polajanak'и искали царя. Божій судъ указалъ на пришедшаго *Mahâjanak'у*. Передъ нимъ остановилась торжественная колесница, выпущенная найдти царя; по завѣщанію покойнаго царя, новый царь долженъ былъ разрѣшить нѣсколько загадокъ и затѣмъ жениться на его дочери.

И сталъ онъ называться царемъ Mahājanaka. Сѣлъ на лучшую колесницу, взошелъ съ великолѣпіемъ въ городъ и вступилъ во дворецъ. Узнавъ, кто какія мѣста занимаетъ, онъ сошелъ внизъ, разрѣшаетъ загадки, заданныя покойнымъ царемъ, и затѣмъ призываетъ изъ города Kāla campa, мать и брâhмана.

Царица Sivali родила ему сына, котораго назвали Dighuvu; когда сынъ подросъ, Mahājanaka сдѣлалъ его вице-царемъ. Однажды, посѣщая садъ, Mahājanaka замѣтилъ два дерева amba; изъ нихъ одно было безъ плодовъ, другое съ плодами. Царь вкусилъ отъ этихъ плодовъ и они ему очень понравились; послѣ царя отъ тѣхъ плодовъ стали ѣсть и другіе; плодовитое дерево стало не только безъ плодовъ, но и безъ листьевъ, безплодное же разрослось. Увидавъ эти дерева въ томъ видѣ, Mahājanaka сравнилъ плодоносное дерево съ царствомъ, безплодное же съ „выступленіемъ на путь" (pahbojja) и принялъ рѣшеніе уединиться. Поручаетъ царство министрамъ, и живя во дворцѣ, дѣлается невидимымъ для всѣхъ. По прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, царь рѣшается удалиться совсѣмъ изъ города. Царица является со всѣми женами упрашивать его остаться, но тщетны ея просьбы; тогда царица приказываетъ поджечь старые домы и, указывая на нихъ, проситъ царя подождать прекращенія пожара; но царь, отвѣтивъ стихомъ: „Блаженно живутъ тѣ, у кого ничего нѣтъ;

въ пожарѣ города у меня ничего не сгоритъ",—выходитъ за городъ. Царица приказываетъ подставнымъ ворамъ сдѣлать видъ, какъ будто они разоряютъ страну и убиваютъ людей. И это не помогаетъ; царь все-таки уходитъ; за нимъ, однако же, двинулся народъ; царь проводитъ посохомъ черту, за которую запрещаетъ переступать. За черту переступаетъ царица, а за нею и весь народъ. Идя далѣе, царь встрѣчается, вопервыхъ, съ мудрецомъ *Nārada*, затѣмъ съ мудрецомъ *Migājina*; тотъ и другой наставляютъ его въ законѣ и затѣмъ уходятъ. Къ нему приступаетъ опять Sivali, требуя, чтобъ онъ помазалъ сперва сына на царство, и за тѣмъ уже сдѣлался отшельникомъ. Mahājanaka отказывается отъ этого, говоря, что у него нѣтъ сына, что сынъ принадлежитъ странѣ.

Жена доходитъ съ нимъ до города *Thuna* и разстается только при входѣ въ лѣсъ. Она возвращается въ Mithilā, помазываетъ сына на царство и сама ведетъ жизнь отшельницы въ лѣсу.

л. ра. со. об.—л. ра. chl. пр.

22.

XXI. 1. 3. *Samajātakam*. Въ древности, не въ дали отъ Бāрāнаси, на берегу рѣки, были двѣ деревни охотниковъ; старшины этихъ деревень были друзья; у одного былъ сынъ по имени *Dukula*, у другаго дочь, по имени *Pārikā*. Родители хотѣли женить *Dukula* на Pārikā; но онъ отказывался отъ женитьбы; также точно и Pārikā не хотѣла выходить замужъ. Ихъ оженили, однако же, противъ желанія; но они жили какъ два брāhмана, и по прошествіи нѣкотораго времени, съ разрѣшенія родителей, удалились къ рѣкѣ Migasammatā, вытекающей изъ Гималая и впадающей въ Гангъ, и тамъ стали жить отшельниками.

Богъ Индра, предвидя, что *Dukula* и Pārikā должны ослѣпнуть, является къ отшельнику и приказываетъ ему прижить съ женою сына. *Dukula* отказывается; Индра приказываетъ ему въ извѣстное время коснуться рукою чрева жены; отъ этого у нихъ рождается сынъ *Sāmo*, котораго воспитываютъ киннары. Когда сыну было шестнадцать лѣтъ, разъ отецъ и мать отправились собирать плоды и ослѣпли отъ змѣинаго яду и не могли вернуться домой; сынъ идетъ имъ на помощь и при видѣ ихъ плачетъ и смѣется; плачетъ о ихъ слѣпотѣ, а радуется, что настало время ухаживать за родителями. Ежедневно сынъ, окруженный звѣрями и киннарами, ходитъ собирать плоды.

Въ это время въ Бāрāнаси царствовалъ *Piliyakkha*; онъ, поручивъ

царство матери, отправился въ Himavant и достигъ рѣки *Migasammatā*, повстрѣчалъ юношу *Sāma* въ то время, какъ онъ отправлялс за водой. Изъ любопытства, чтобы рѣшить, что это за существо, царь стрѣляетъ въ него и ранитъ его въ лѣвое плечо. Нѣжныя жалобы юноши трогаютъ царя, онъ берется ухаживать за родителями раненаго.

Юноша теряетъ сознаніе. Является богиня *Rahusodarī* и говоритъ царю, какъ ему слѣдуетъ загладить свой грѣхъ. Слѣдуя ея внушеніямъ, царь идетъ въ обитель слѣпыхъ. Объявляетъ слѣпымъ родителямъ, что убилъ ихъ сына и выражаетъ желаніе замѣнить его. Слѣпые отвергаютъ его предложеніе: „Не приличпо это намъ", говорятъ они,—„ты царь, и мы преклоняемся къ твоимъ стопамъ"—и просятъ, чтобъ онъ привелъ ихъ къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ *Sāma*. Уступая ихъ просьбамъ, царь ведетъ ихъ туда.

Ихъ истинныя рѣчи и рѣчь богини оживляютъ убитаго юношу. Родители прозрѣваютъ.

Выслушавъ наставленіе въ законѣ, царь возвращается къ себѣ, гдѣ добродѣтельно царствуетъ.

л. pa. chl. пр.—л. pa. chah.

И. Минаевъ.

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ ПОСТУПЛЕНІЯ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАЖДАНСКУЮ СЛУЖБУ ВЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

По желанію г. министра народнаго просвѣщенія, я занялся, во время моего путешествія за границу въ 1875 г., изученіемъ условій образованія и воспитанія, обязательныхъ въ европейскихъ государствахъ для лицъ, поступающихъ на государственную гражданскую службу. Собранныя мною по этому предмету, какъ лично, такъ и черезъ посредство компетентныхъ лицъ [1]), свѣдѣнія будутъ мною ниже изложены. Хотя эти свѣдѣнія заключаютъ въ себѣ пока нѣсколько пробѣловъ [2]), но общая ихъ совокупность уже даетъ достаточное понятіе о постановкѣ этого дѣла во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы; впослѣдствіи, когда всѣ ожидаемыя мною изъ заграницы

---

[1]) Всѣ лица, которыя оказали мнѣ содѣйствіе по этому вопросу, или своими собственными объ немъ свѣдѣніями или собраніемъ ихъ черезъ своихъ соотечественниковъ, пользуются высокимъ авторитетомъ въ ученомъ и государственномъ мірѣ, и потому на сообщенныя ими данныя, а также и на выраженныя нѣкоторыми изъ нихъ и приводимыя ниже мнѣнія, можно вполнѣ положиться. Эти лица слѣдующія: въ Великобританіи—*Вестлекъ*, совѣтникъ королевы (коронный адвокатъ) и старшій членъ экзаменаціонныхъ коммисій *Гидсгекъ*; во Франціи—*Эрнестъ Ренанъ* членъ Института; въ Италіи—*Дегубернатисъ*, профессоръ Флорентинской школы высшихъ наукъ (университета); въ Голландіи — *Ассеръ*, совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, адвокатъ и профессоръ Амстердамскаго университета; въ Бельгіи—*Ривье*, ректоръ Брюссельскаго университета; въ Вюртембергѣ и Баденѣ — *Блунчли*, профессоръ Гейдельбергскаго университета; въ Австріи — *Лоренцъ Штейнъ*, профессоръ Вѣнскаго университета.

[2]) Самый замѣтный пробѣлъ относится къ Пруссіи, откуда мнѣ еще не доставлено вовсе отвѣтовъ на мои вопросы членомъ Германскаго рейхстага и профессоромъ *Марквардзеномъ*. Но общій порядокъ, существующій въ Пруссіи по занимающему насъ предмету, слишкомъ извѣстенъ и ниже изложенъ; мнѣ собственно недостаетъ только отзывовъ компетентныхъ лицъ о замѣчаемыхъ неудобствахъ этого порядка и о предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ немъ.

данныя и разъясненія по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ будутъ мною получены, тогда я пополню подробности, недостающія пока въ нижеизлагаемыхъ фактахъ и постановленіяхъ.

Для возможно болѣе систематическаго обозрѣнія предмета, я поставилъ рядъ вопросовъ, которые обнимаютъ его съ разныхъ сторонъ и которые находятся въ тѣсной зависимости между собою и не разрѣшаются вполнѣ одинъ безъ другаго. Эти вопросы слѣдующіе:

1) *Какія существуютъ* (въ данной странѣ) *общія начала или правила для поступленія на государственную гражданскую службу?*

Очевидно, этотъ вопросъ коренной, которымъ обусловлены всѣ остальные.

2) *Нѣтъ ли особенныхъ правилъ для допущенія на службу въ министерствахъ и вообще въ центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ?*

Этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе теперь, когда, по примѣру Великобританіи, вездѣ развивается мѣстное самоуправленіе, личный составъ котораго поставленъ въ положеніе болѣе или менѣе независимое отъ центральнаго государственнаго управленія и отъ мѣстныхъ бюрократическихъ его органовъ, а между тѣмъ этотъ личный составъ (по назначенію или по выбору) *исполнительныхъ* (не представительныхъ и не совѣщательныхъ) органовъ самоуправленія не можетъ не быть признаваемъ, если не всегда по буквѣ закона, то по принципу, частью общаго состава государственныхъ должностныхъ лицъ.

3) *Какими особенными правами пользуются университеты и стоящія наравнѣ съ ними высшія гражданскія учебныя заведенія относительно поступленія на службу лицъ, окончившихъ въ нихъ курсъ наукъ?*

4) *Какими правами пользуются молодые люди, получившіе воспитаніе въ военныхъ школахъ, въ случаѣ поступленія ихъ на гражданскую службу и освобожденія ихъ отъ военной, по какимъ либо особымъ причинамъ* (болѣзни, малоспособности къ военной службѣ, выслуженія въ ней узаконенныхъ сроковъ послѣ школы и проч.)?

Этотъ вопросъ не могъ не быть поставленъ въ силу слѣдующихъ соображеній.

Во всѣхъ безъ изъятія европейскихъ государствахъ существуютъ спеціальныя военныя школы, для научной и воспитательной подготовки молодыхъ людей къ военной службѣ; поэтому тотъ или другой исключительный и привиллегированный, сравнительно съ общими

правилами поступленія на гражданскую службу, порядокъ допущенія къ ней этихъ молодыхъ людей, при какихъ бы то ни было, хотя бы и совсѣмъ исключительныхъ (упомянутыхъ выше) обстоятельствахъ, не можетъ не видоизмѣнять дѣйствіе этихъ общихъ правилъ и не нарушать ихъ общаго духа. Очевидно, что значеніе всѣхъ правъ по образованію для поступленія на гражданскую службу должно быть различно въ государствѣ, обществѣ и особенно въ понятіяхъ молодого поколѣнія, воспитывающагося для пріобрѣтенія этихъ правъ, если изъ нихъ допускаются изъятія въ пользу иныхъ условій образованія или же если такія изъятія вовсе не допускаются. Вмѣстѣ съ тѣмъ и весь строй и личный составъ гражданской службы не могутъ не быть различны въ томъ или другомъ случаѣ. Всякая привиллегія въ пользу военныхъ школъ, какъ бы рѣдко ни допускалось пользованіе ею, не можетъ не ослаблять правъ общеобразовательныхъ заведеній по подготовленію къ гражданской службѣ, и потому ее необходимо было имѣть въ виду при изученіи установленнаго въ данной странѣ общаго порядка пріема на гражданскую службу и системы правъ на нее, получаемыхъ въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ.

Всѣ эти соображенія, побудившія къ постановкѣ настоящаго вопроса, усиливаются нынѣ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что спеціальныя научныя требованія какъ по гражданской, такъ и по военной службѣ всюду чрезвычайно возрастаютъ и условія умственнаго образованія и воспитанія, нужныя для той и другой, все болѣе и болѣе дѣлаются между собою несходны. Само собою разумѣется, что мы при этомъ имѣемъ въ виду не краткосрочную военную службу, несомую въ силу обязательной военной повинности, и также не общую строевую службу; для такой военной службы научныхъ свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ въ общеобразовательныхъ гражданскихъ заведеніяхъ, слишкомъ достаточно, какъ это нынѣ вездѣ и признано. Но спеціальныя военныя школы имѣютъ своимъ призваніемъ давать образованіе молодымъ людямъ, желающимъ посвятить себя исключительно военному дѣлу и даже преимущественно ученымъ его частямъ и спеціальнымъ оружіямъ, которыя требуютъ сверхъ общаго образованія, получаемаго въ гражданскихъ школахъ, еще особаго изученія военныхъ наукъ, нынѣ получившихъ такое обширное и сложное развитіе.

Точно также нужно оговорить, что въ вышесказанномъ мы не имѣли въ виду низшихъ разрядовъ гражданскихъ должностныхъ лицъ, числящихся или нечислящихся на государственной службѣ (состоящихъ на должности большею частью по найму, какъ напримѣръ писцевъ); эти

лица бываютъ вообще называемы служителями (Amtsdiener) въ отличіе отъ всѣхъ категорій дѣйствительныхъ должностныхъ лицъ государства или чиновниковъ (Staatsbeamte) въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова [1]).

Только эти послѣднія категоріи должностнаго состава государства имѣютъ характеръ дѣйствительныхъ его органовъ. Эти категоріи чрезвычайно многочисленны и разнообразны, но всѣ онѣ имѣютъ то между собою общее, что умственная дѣятельность господствуетъ въ нихъ надъ физическою (въ противуположность всѣмъ разрядамъ служителей), что всѣ онѣ предполагаютъ бо́льшую или меньшую возможность и во всякомъ случаѣ *право* восхожденія служащихъ съ самыхъ низшихъ степеней государственной дѣятельности и власти до самыхъ высшихъ, и что, наконецъ, вслѣдствіе всего этого для нихъ требуется высшее научное (такъ называемое академическое или университетское) образованіе. Условія собственно этого рода гражданской службы составляютъ предметъ всѣхъ нашихъ изысканій и всего нижеслѣдующаго изложенія. Для этихъ категорій должностныхъ лицъ признается недостаточнымъ образованіе, пріобрѣтаемое въ военныхъ школахъ и всюду требуется высшее гражданское образованіе.

5) *Какія существуютъ правила и условія перехода вообще изъ военной службы въ гражданскую?*

Всѣ вышеприведенныя, по поводу четвертаго вопроса, соображенія еще съ бо́льшею силою относятся къ этому пятому и послѣднему вопросу и объясняютъ необходимость его постановки въ нашей программѣ.

По этой программѣ собиралъ я всѣ данныя, и получаю отвѣты изъ разныхъ странъ. Въ послѣдовательномъ порядкѣ этой же программы будутъ изложены и всѣ нижеслѣдующія свѣдѣнія.

Отвѣты на первые три вопроса (объ общихъ условіяхъ поступленія на государственную гражданскую службу вообще, и въ министерства въ особенности, и о правахъ по отношенію къ нимъ университетовъ или высшихъ учебныхъ заведеній), хотя и отличны одинъ отъ другаго, но такъ какъ самые вопросы слишкомъ тѣсно между собою связаны, то и они могутъ быть, для удобства изложенія, соединены въ одно цѣлое.

---

[1]) См. между прочимъ Deutsches Staatsworterbuch von Bluntschli u. Brater (Staatsdiener von *Pötzl*).

Для устраненія всякихъ недоразумѣній при сравненіи нынѣшняго положенія этихъ вопросовъ въ другихъ государствахъ Европы и въ Россіи, необходимо здѣсь же сдѣлать оговорку, объясняющую весьма важное различіе въ самомъ существѣ этихъ вопросовъ и въ практическихъ послѣдствіяхъ того или другаго ихъ разрѣшенія въ Россіи и въ остальной Европѣ. Это различіе заключается, *вопервыхъ*, главнѣйше въ одномъ изъ фундаментальныхъ различій въ государственномъ строѣ Россіи и всѣхъ прочихъ европейскихъ государствъ. Во всѣхъ безъ изъятія иностранныхъ государствахъ не существуетъ нынѣ болѣе государственныхъ сословій или *государственно-сословнаго расчлененія общества*, т. е. никакихъ *закономъ опредѣленныхъ правъ и преимуществъ* различныхъ классовъ общества, сохраняющихъ до сихъ поръ свою силу и значеніе въ Россіи. Поэтому во всей Европѣ, кромѣ Россіи, не можетъ быть теперь и рѣчи о какихъ-либо правахъ состоянія, ни наслѣдственныхъ, ни личныхъ, пріобрѣтенныхъ по государственной службѣ. Если гдѣ и жалуются на какіе-либо титулы княжескіе, графскіе, рыцарскіе, дворянскіе [1]) и прочее, то они не имѣютъ никакого инаго значенія кромѣ почетныхъ титуловъ (подобныхъ нашимъ княжескимъ и графскимъ).

Отсюда возникаетъ весьма существенное различіе въ дѣйствіи самыхъ правъ и условій поступленія на государственную службу, прохожденія ея и назначенія на ту или другую въ ней должность, въ Россіи и въ остальной Европѣ, такъ какъ пріемъ на службу, время прохожденія ея и исполненіе той или другой должности имѣютъ для служащихъ лицъ совсѣмъ различныя практическія послѣдствія у насъ (при пріобрѣтеніи черезъ все это извѣстныхъ правъ состоянія) и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Точно также отношенія университетовъ и учебныхъ заведеній въ правахъ по поступленію на государственную службу совсѣмъ не одинаковы, когда тотъ или другой учебный курсъ служитъ только путемъ къ образованію, къ высшимъ профессіямъ въ государствѣ и къ положенію въ обществѣ (въ средѣ его интеллигенціи) или когда онъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ (и даже пре-

[1]) Если еще въ нѣкоторыхъ странахъ (какъ въ Англіи и Германіи) сохранилось въ обществѣ понятіе о дворянскомъ или благородномъ сословіи, то *только какъ понятіе*, которое не связано ни съ какимъ конституированнымъ (корпоративнымъ) сословіемъ и ни съ какими законными различіями *на почвѣ гражданскаго права*. Слѣды сословій сохранились въ нѣкоторыхъ государствахъ только на почвѣ *политическихъ правъ* въ представительныхъ учрежденіяхъ (палаты лордовъ въ Великобританіи, палаты господъ въ Германіи).

имущественно) къ пріобрѣтенію болѣе или менѣе привиллегированныхъ (сословныхъ) гражданскихъ правъ и опредѣленнаго мѣста въ сословной организаціи государства.

Затѣмъ, не должно забывать другаго существеннаго различія Россіи со всѣми западно-европейскими государствами не только въ устройствѣ государственной гражданской службы, но и во всемъ государственно-общественномъ строѣ, это—отсутствіе во всей остальной Европѣ *чиновъ*, права на которые составляютъ одно изъ важнѣйшихъ правъ, пріобрѣтаемыхъ у насъ на службѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ главную государственную привиллегію всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеній. Если гдѣ (въ Германіи, отчасти въ Великобританіи) еще и остались въ иностранныхъ государствахъ *чины*, то они имѣютъ тамъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ у насъ: они вообще сохраняютъ тамъ исключительный характеръ *званія*, или бывъ неразрывно связаны съ должностью и безъ нея отпадая (напримѣръ, Regierungsrath въ Пруссіи) или же служа только почетнымъ титуломъ (безъ всякихъ правъ служебныхъ, и гражданскихъ). У насъ чины имѣютъ гораздо болѣе значенія, и между прочимъ они имѣютъ особенное значеніе въ связи съ сословною организаціею, доставляя тѣ или другія права состоянія. Очевидно, что и въ этомъ отношеніи условія пріема на государственную службу и отношенія къ нимъ учебныхъ заведеній могутъ быть различны (а когда они одинаковы, то влекутъ за собой совсѣмъ различныя послѣдствія): очевидно, что не все равно—даетъ ли извѣстное мѣсто право на извѣстный чинъ или нѣтъ, не все равно, при существованіи чиновъ въ государствѣ или ихъ отсутствіи, даетъ ли право на чинъ ученая университетская степень или не даетъ, и т. д.

Всѣ эти историческія различія нашего государственно-общественнаго строя и нашей организаціи государственной службы со всею западною Европою нужно было оговорить передъ изложеніемъ порядка пріема на службу и правъ на нее по образованію, существующихъ въ иностранныхъ государствахъ.

Самыя обширныя и самыя интересныя изъ собранныхъ мною по этому предмету свѣдѣній принадлежатъ Великобританіи. Кромѣ многихъ другихъ причинъ назидательной пользы, извлекаемой изъ изученія Великобританскихъ учрежденій, которыхъ неотъемлемое превосходство всегда заключается въ *исторической самобытности* и въ выработкѣ даже тождественныхъ съ другими государствами началъ *сообразно мѣстнымъ и историческимъ обстоятельствамъ Ве-*

ликобритании, — кромѣ всего этого, порядокъ пріема на государственную службу въ этой странѣ очень любопытенъ потому, что онъ установленъ весьма недавно и едва ли не составляетъ въ настоящее время самый новый правительственный опытъ по этой части во всей образованной Европѣ.

Прежде всего нужно различать въ личномъ составѣ гражданской службы въ Великобританіи двѣ категоріи чиновниковъ: 1) находящихся въ распоряженіи мѣстныхъ властей, и 2) принадлежащихъ къ центральному управленію (въ числѣ ихъ должно разумѣть и должностныхъ лицъ, служащихъ прямыми агентами центральнаго управленія въ провинціи).

Всѣ должностныя лица, входящія прямо въ составъ мѣстнаго управленія (устроеннаго въ Великобританіи на началахъ самоуправленія), опредѣляются, безъ всякаго на то вліянія центральныхъ государственныхъ властей, различными мѣстными учрежденіями: старшими должностными лицами въ городахъ и графствахъ, разными ихъ совѣтами, коллегіями и корпораціями, собраніями избирателей (vestries), и проч. Способы опредѣленія весьма различны: по назначенію и исключительному усмотрѣнію начальственнаго лица, или по совѣщанію съ коллегіями, или по выбору (то-есть голосованію) въ средѣ корпорацій и собраній, и проч. Никакого общаго и единообразнаго порядка, установленнаго закономъ, нѣтъ и органы центральнаго государственнаго управленія не имѣютъ никакого контроля надъ опредѣленіемъ всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ [1]).

Нынѣ дѣйствующій [2]) въ Великобританіи порядокъ опредѣленія всѣхъ должностныхъ лицъ [3]) (какъ вновь вступающихъ на службу, такъ и переводимыхъ съ одного мѣста на другое) по всѣмъ важнѣйшимъ учрежденіямъ и частямъ центральнаго государственнаго управ-

---

[1]) При этомъ не должно терять изъ виду, что должностныя лица, принадлежащія къ системѣ мѣстнаго самоуправленія, не пріобрѣтаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ (какъ вездѣ) никакихъ правъ на движеніе въ составѣ государственнаго центральнаго управленія или на переходъ въ него. Это обыкновенно иначе и не случается какъ развѣ путемъ парламентской дѣятельности.

[2]) Испытанія на государственную службу начались въ Великобританіи уже съ 1855 г. и принципъ испытаній былъ признанъ въ законодательствѣ парламентскимъ актомъ въ 1859 г.

[3]) Этому порядку подчинено опредѣленіе только чиновниковъ въ настоящемъ смыслѣ слова (clerks), а не писцевъ (writers) и низшаго разряда служащихъ (staff officers), не имѣющихъ права на повышеніе и на пенсію.

ленія [1]) (то-есть, коронной или въ полномъ смыслѣ слова государственной, а не государственно-общественной, муниципальной и земской службы) установленъ королевскимъ повелѣніемъ въ тайномъ совѣтѣ 4-го іюня 1870 года [2]).

Буквальный текстъ этого повелѣнія слѣдующій:

„Ниже установляются постоянныя правила (нѣсколько измѣняющія досслѣ бывшій порядокъ) для опредѣленія ко всякимъ должностямъ постояннымъ или временнымъ, ко всякимъ занятіямъ или мѣстамъ, во всѣхъ гражданскихъ установленіяхъ ея величества (за исключеніемъ особо нижепоименованныхъ):

I. Ея величество, согласно мнѣнію своего тайнаго совѣта, повелѣваетъ, чтобы серъ Эдуардъ Ріанъ и Джоржъ Веббе Десентъ, докторъ гражданскаго права (или другія лица, которыя могутъ быть назначаемы ея величествомъ въ случаѣ надобности для замѣщенія вышеназванныхъ) были членами *коммисіи гражданской службы* (civile service commission) для испытанія кандидатовъ на всѣ должности по гражданской службѣ; имъ же предоставляется право (съ согласія, всякій разъ, коммисіи государственнаго казначейства) [3]) приглашать экзаменаторовъ и другихъ лицъ для содѣйствія имъ въ исполненіи своихъ обязанностей.

II. За исключеніями нижепоименованными, всѣ безъ изъятія лица, опредѣляемыя къ какимъ бы то ни было должностямъ и занятіямъ, должны быть, до своего опредѣленія, подвергаемы испытанію лично упомянутыми выше лицами или подъ ихъ руководствомъ; ни одинъ кандидатъ не можетъ быть опредѣленъ ни къ какой должности (кромѣ изъятій ниже указанныхъ), если онъ не будетъ признанъ достойнымъ этими лицами послѣ испытанія на эту должность.

---

[1]) Къ нижеизложенному королевскому повелѣнію приложены списки частей, учрежденій и мѣстъ, на которыя оно распространяется и также должностей изъятыхъ отъ его дѣйствія. Изъятія немногочисленны и можно сказать вообще, что въ кругъ дѣйствія нижеизложеннаго порядка опредѣленія на службу входятъ всѣ министерства со всѣми своими отдѣльными учрежденіями. Должности изъятыя могутъ быть отъ времени до времени включаемы въ общій порядокъ и наоборотъ.

[2]) Королевскія повелѣнія, отданныя въ тайномъ совѣтѣ (Order of the Queen in council) имѣютъ силу закона въ кругу дѣлъ, на которыя распространяется право издавать такія повелѣнія (безъ разсмотрѣнія въ парламентѣ).

[3]) Окончательное утвержденіе въ должности по всему гражданскому вѣдомству подчинено въ Англіи государственному казначейству, то-есть министерству финансовъ.

III. Ни одинъ кандидатъ на должность не можетъ быть опредѣленъ на нее, если онъ не будетъ признанъ членами коммисіи, учреждаемой настоящимъ повелѣніемъ, что онъ удовлетворяетъ слѣдующимъ условіямъ:

1) что онъ имѣетъ возрастъ, установленный для должности, которую желаетъ занять;

2) что онъ не имѣетъ болѣзни и физическихъ недостатковъ, препятствующихъ исполненію этой должности;

3) что его характеръ соотвѣтствуетъ дѣятельности, связанной съ этою должностью;

4) *что онъ имѣетъ свѣдѣнія и способности, требуемыя для этой должности.*

IV. Для исполненія и примѣненія каждаго изъ четырехъ выше начертанныхъ пунктовъ (предыдущей III статьи) по каждому вѣдомству (министерству) будутъ установлены особыя подробныя правила вышеназванными членами коммисіи, по соглашенію ихъ съ высшимъ начальствомъ каждаго вѣдомства и съ одобренія коммисіи государственнаго казначейства.

V. Всѣ вышеуказанныя испытанія на должности будутъ производимы съ *конкурсомъ* кандидатовъ, по правиламъ, установленнымъ упомянутыми членами коммисіи и одобреннымъ коммисіей государственнаго казначейства; этотъ конкурсъ будетъ открытъ для всѣхъ лицъ, которыя желаютъ получить мѣсто, уплатятъ пошлины на расходы экзаменовъ (установляемыя коммисіей), удовлетворяютъ условіямъ вышеизложеннымъ (относительно возраста, здоровья и характера) и также опредѣленнымъ въ упомянутыхъ правилахъ, изданныхъ для конкурсовъ. Сроки экзаменовъ и должности, на которыя они производятся, или на цѣлые разряды (группы) должностей, по одному или нѣсколькимъ вѣдомствамъ, назначаются отъ времени до времени коммисіей гражданской службы. При этомъ принимаются въ соображеніе вакансіи на мѣста, какъ уже открывшіяся ко времени экзаменовъ, такъ и имѣющія открыться послѣ нихъ, но не позже какъ въ теченіе шести мѣсяцевъ (съ открытія экзаменовъ); объ этомъ коммисія войдетъ въ соглашеніе съ главными начальствами различныхъ вѣдомствъ и съ государственнымъ казначействомъ.

VI. Послѣ того, какъ вышеозначеннымъ порядкомъ, по рекомендаціи коммисіи, кандидатъ будетъ назначенъ на должность, онъ подвергается на ней по распоряженію начальства вѣдомства, испытанію какъ относительно своего поведенія, такъ и способностей. Долѣе шести

мѣсяцевъ это испытаніе не можетъ продолжаться, и по истеченіи ихъ никакой кандидатъ не можетъ быть оставляемъ на службѣ, если главному начальнику вѣдомства (департамента и всякой отдѣльной части управленія) не будутъ представлены ближайшимъ начальствомъ удовлетворительныя доказательства годности кандидата къ исправленію должности и не будетъ также выданъ ему аттестатъ коммисіей гражданской службы. Формальный и подробный отчетъ о результатахъ испытанія каждаго кандидата (на должность), подписанный начальникомъ вѣдомства, будетъ доставляемъ въ коммисію, въ которой такіе отчеты будутъ храниться; только послѣ этого, и если отчетъ вполнѣ удовлетворителенъ, выдаетъ коммисія свой аттестатъ о способностяхъ кандидата къ службѣ. Не прежде, какъ по выдачѣ этого аттестата, каждый кандидатъ можетъ быть утверждаемъ въ должности по усмотрѣнію главнаго начальника вѣдомства.

VII. Если главный начальникъ отдѣльнаго вѣдомства и лорды казначейства признаютъ, что познанія и способности, нужныя для какой-либо должности по этому вѣдомству, имѣютъ вполнѣ или отчасти профессіональный (спеціальный или техническій) характеръ, или вообще въ какомъ-либо отношеніи отличительны отъ обыкновенныхъ познаній и способностей, требуемыхъ для гражданской службы и на ней пріобрѣтаемыхъ, и если главный начальникъ этого вѣдомства предложитъ опредѣлить на эту должность лицо, достаточно для нея подготовленное (хотя бы и не на государственной службѣ), или же главный начальникъ вѣдомства и лорды казначейства признаютъ, что вслѣдствіе недостатка кандидатовъ на эту должность и излишества ихъ на другую или по какой другой причинѣ, государственная польза не требуетъ всѣхъ экзаменовъ для какой-либо должности, тогда коммисія можетъ освободить отъ нихъ кандидата и выдать ему аттестатъ, на основаніи другихъ, представляющихся ей удовлетворительными, доказательствъ его познаній и способностей, удостовѣрившись въ его возрастѣ, здоровьѣ и характерѣ.

VIII. Наконецъ, должности, обозначенныя въ прилагаемомъ при семъ спискѣ, вовсе изъемлются изъ установленнаго въ настоящемъ повелѣніи порядка опредѣленія на службу. Главнымъ начальникамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ предоставляется, по соглашеніи съ лордами казначейства, отъ времени до времени, какъ включать, такъ и исключать нѣкоторыя должности въ разрядъ тѣхъ, на которыя распространяются настоящія правила; объ этомъ должно быть всякій разъ публиковано для всеобщаго свѣдѣнія (затѣмъ слѣдуютъ два списка

учрежденій и должностей: 1) тѣхъ, на которыя распространяется дѣйствіе этихъ правилъ, и 2) тѣхъ, которыя изъяты отъ нихъ, согласно ст. VIII).

Съ тѣхъ поръ, какъ было издано это королевское повелѣніе, установленная имъ система опредѣленія къ должностямъ въ Великобританіи осталась въ своемъ дѣйствіи до сихъ поръ, безъ всякаго измѣненія въ своемъ существѣ. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ послѣдовали только перемѣны относительно должностей, изъятыхъ отъ дѣйствія этой системы. Къ этимъ изъятіямъ принадлежатъ всѣ вообще старшіе чины и высшія мѣста по управленію во всѣхъ министерствахъ, каковы директоры департаментовъ или вообще самостоятельные начальники отдѣльныхъ частей и учрежденій, непосредственно подчиненные только министрамъ, или равнымъ имъ по своему политическому значенію статсъ-секретарямъ и членамъ кабинета (представляющимъ правительство въ парламентѣ). Изъята также вся дипломатическая служба. Сверхъ того, изъяты вообще всякія должности, предполагающія спеціальный характеръ. Для нѣкоторыхъ должностей дѣйствуетъ ограниченный порядокъ дѣйствія вышеизложенныхъ правилъ: главные начальники частей сами назначаютъ по своему усмотрѣнію кандидатовъ, которые затѣмъ подвергаются испытанію и которые одни и допускаются къ конкурсу.

Въ 1874 году великобританское правительство произвело изслѣдованіе результатовъ дѣйствія этихъ правилѣ и предполагаетъ въ скоромъ времени сдѣлать нѣкоторыя въ нихъ преобразованія. Прежде того двѣ парламентскія коммисіи, учрежденныя палатою общинъ, занимались обсужденіемъ различныхъ вопросовъ объ условіяхъ пріема на гражданскую службу. Эти вопросы сосредоточили на себѣ особенное вниманіе нынѣшняго правительства. Вообще задуманныя имъ преобразованія клонятся главнѣйше къ тому, чтобы *ограничить элементъ конкуренціи* (между кандидатами) при опредѣленіи на мѣста или поставить опредѣленіе на нихъ въ менѣе прямую зависимость исключительно отъ послѣдствій конкурса на испытаніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако нынѣшнее великобританское правительство желаетъ, чтобы возможно болѣе развивался принципъ назначенія на мѣста и опредѣленія на службу соотвѣтственно достоинствамъ кандидатовъ, ими доказаннымъ на испытаніяхъ теоретическихъ и практическихъ, и чтобы возможно болѣе устранялись протекція и личный произволъ, противъ которыхъ и усиливалось дѣйствовать законодательство Ве-

ликобританіи съ 1870 года [1]). Въ этомъ направленіи отвѣчала коммисія, производившая упомянутое изслѣдованіе. Она указываетъ на пользу введенія такого порядка, чтобы молодые люди, выдержавшіе экзамены, были заносимы въ списки кандидатовъ, изъ числа которыхъ главнымъ начальникамъ (министерствъ и прочихъ равныхъ имъ учрежденій) было бы предоставлено право назначать на мѣста по своему собственному усмотрѣнію.

Представленный въ 1875 году отчетъ упомянутой выше коммисіи (подъ предсѣдательствомъ Л. Плейфера), учрежденной по распоряженію министра финансовъ Стафорда Норткота (члена нынѣшняго министерства г. Дизраели) для изслѣдованія практическихъ результатовъ дѣйствія правилъ 1870 года, любопытенъ въ высшей степени подобно всѣмъ такимъ правительственнымъ работамъ въ Англіи. Этотъ отчетъ былъ препровожденъ въ 1875 году на разсмотрѣніе всѣхъ министровъ и начальниковъ отдѣльныхъ частей, и совокупно съ ихъ отзывами долженъ послужить основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ преобразованій по этому предмету.

Изъ этого весьма обширнаго документа, освѣщающаго предметъ фактическими данными со всѣхъ сторонъ, мы извлечемъ здѣсь нѣкоторыя самыя краткія и наиболѣе интересныя для насъ свѣдѣнія. Безусловное опредѣленіе на каждую должность по конкурсу, установленное королевскимъ повелѣніемъ 1874 года, имѣетъ свои неудобства: испытанія и конкурсъ по необходимости устраиваются для нѣсколькихъ и многихъ должностей, а каждая изъ нихъ имѣетъ свои особенности, требующія личныхъ качествъ, которыя нельзя окончательно опредѣлить только одними общими испытаніями и экзаменами. Производить экзамены особые для каждаго мѣста невозможно. Можно вообще сомнѣваться, чтобы какіе бы то ни было экзамены могли опредѣлить *всѣ безъ изъятія* личныя качества, нужныя для практической службы и чтобы потому вообще можно было ограничиться одними экзаменами для опредѣленія на службу. Сверхъ того, по многимъ родамъ дѣятельности оказывается также необходимымъ дать нѣкоторое участіе личному выбору начальства при опредѣленіи на службу, для усиленія его отвѣтственности за подчиненныхъ и также личной зависимости отъ него послѣднихъ. Еще бóльшія неудобства (чѣмъ при опредѣленіи вновь на службу) сопряжены съ возвышеніемъ

[1]) См. въ нижеупоминаемомъ отчетѣ коммисіи письмо ея предсѣдателя къ министру финансовъ.

на старшія мѣста по однимъ экзаменамъ. Таковы, между прочимъ, соображенія, излагаемыя коммисіей. Хотя нынѣ существуетъ въ Англіи два разряда экзаменовъ: для самыхъ низшихъ должностей, на которыхъ достаточно лишь самыхъ элементарныхъ познаній (грамотность и первоначальное образованіе), и для высшихъ должностей, требующихъ высшаго образованія; но этотъ послѣдній высшій разрядъ обнимаетъ слишкомъ много разнородныхъ должностей, для которыхъ нужны научныя свѣдѣнія весьма неодинаковой степени; поэтому коммисія предлагаетъ установить еще новые разряды экзаменовъ, для болѣе вѣрной классификаціи службы по разнымъ разрядамъ образованія. Для этого она предлагаетъ установить одинъ общій экзаменъ для всѣхъ молодыхъ людей, вступающихъ на службу (этотъ экзаменъ равнялся бы приблизительно полному курсу нашихъ уѣздныхъ училищъ) и потомъ производить другіе экзамены, которымъ подвергались бы лица, предназначающія себя къ службѣ на высшихъ должностяхъ и для выдержанія которыхъ требовалось бы успѣшное окончаніе курса въ университетахъ или въ равныхъ имъ частнымъ высшихъ школахъ.

Университетамъ и прочимъ учебнымъ заведеніямъ не присвоено въ Великобританіи никакихъ по закону правъ на опредѣленіе на службу лицъ, окончившихъ въ нихъ курсъ. Но государственные экзамены, установленные для службы въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и министерствахъ, требуютъ познаній, пріобрѣтаемыхъ только въ университетахъ и имъ равныхъ училищахъ; при этомъ производятся экзамены не только въ университетскихъ наукахъ вообще смѣшаннаго характера (принадлежащихъ отчасти къ нашимъ юридическимъ, отчасти филологическимъ факультетамъ), но также и въ гимназическихъ предметахъ (классическихъ языкахъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ лица, окончившія курсъ въ знаменитыхъ университетахъ (каковы Кембриджскій и Оксфордскій), всегда могутъ надѣяться на болѣе успѣшное движеніе по службѣ, такъ какъ они предпочтительно передъ другими имѣются въ виду для высшихъ должностей. Для нѣкоторыхъ особенныхъ и спеціальныхъ отраслей службы производятся еще особые экзамены изъ спеціальныхъ наукъ.

Во всемъ сказанномъ объ Великобританіи, мы не касались судебнаго вѣдомства, которое какъ тамъ, такъ и во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ, подчинено совсѣмъ исключительнымъ условіямъ опредѣленія и передвиженія на мѣста, сравнительно съ общею гражданскою службою. Поэтому судебное вѣдомство мы вообще исключаемъ изъ всего нашего изложенія условій поступленія на службу въ Европѣ.

Франція есть единственная европейская страна, въ которой опредѣленіе на государственную службу (кромѣ судебнаго вѣдомства) не подчинено никакимъ законамъ и правиламъ; все зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія и произвола начальниковъ, которымъ предоставлено назначеніе на ту или другую должность, и которые могутъ назначать на самыя низшія, какъ на самыя высшія мѣста, безъ всякаго соображенія съ образованіемъ кандидатовъ. Исключенія изъ этого составляютъ только техническія отрасли службы. Университеты и всѣ прочія учебныя заведенія не пользуются въ этомъ отношеніи никакими преимуществами ни de jure (какъ въ Германіи), ни de facto (какъ въ Англіи), за исключеніемъ нѣкоторыхъ немногихъ должностей, для которыхъ (въ видѣ изъятія) требуется факультетскій дипломъ. Отсутствіе какой-либо законной системы поступленія на службу и правъ на нее въ силу образованія сопровождалось во Франціи весьма печальными послѣдствіями и давало поводъ неоднократно къ жалобамъ; общій умственный уровень французскаго чиновничества весьма низокъ, въ особенности сравнительно съ Германіей; въ немъ господствуетъ канцелярская рутина и владычествуетъ фаворитизмъ въ бюрократическихъ карьерахъ. „Все это открываетъ широкія двери произволу", пишетъ Э. Ренанъ [1],—„и товарищество (camaraderie) злоупотребляетъ этимъ до крайности; но до сихъ поръ были тщетны всѣ усилія создать административную школу (то-есть, права университетскаго образованія по этой части), которая открывала бы путь къ преимуществамъ по гражданской службѣ, подобнымъ Политехнической школѣ, Горному училищу и т. д. (эти заведенія даютъ своимъ ученикамъ исключительныя права на службу по нѣкоторымъ техническимъ отраслямъ). Молодой человѣкъ, окончившій куръ въ Политехнической школѣ, въ Горномъ училищѣ, въ Нормальной школѣ (подготовляющей къ педагогической дѣятельности), или въ школѣ путей сообщенія имѣетъ преимущественное право на мѣсто (въ вѣдомствахъ, относящихся къ спеціальностямъ этихъ заведеній) и въ случаѣ неимѣнія вакансіи получаетъ казенное пособіе (?). Ничего подобнаго не существуетъ для общей администраціи (или для не технической гражданской службы). Министръ назначаетъ на мѣста безусловно кого онъ хочетъ. Даже аттестаты успѣшнаго образованія средняго и высшаго принимаются въ соображеніе только на самыхъ низшихъ

[1]) Въ письмѣ (изъ Парижа, 9-го ноября 1875 г.), въ которомъ Э. Ренанъ отвѣчаетъ на поставленные мною вопросы.

степеняхъ іерархіи. На высшія должности назначаются люди по личному довѣрію и въ смѣнѣ всѣхъ должностныхъ лицъ та же у насъ шаткость, какая преобладаетъ въ смѣнѣ самихъ министровъ".

Государственный строй *Бельгіи* имѣетъ много сходства съ Франціей; потому въ Бельгіи занимающіе насъ вопросы находятся совершенно въ томъ же положеніи, какъ и во Франціи. Единственное закономъ установленное условіе для поступленія на государственную службу это—рожденіе или натурализація какъ бельгійскаго подданнаго (за исключеніемъ ученой и учебной службы).

Въ Италіи установленъ слѣдующій порядокъ. Всѣ министерства назначаютъ кандидатовъ на зависящія отъ нихъ *низшія* мѣста не иначе, какъ по конкурсу, который такимъ образомъ есть необходимое условіе для поступленія на службу; для конкурса производятся экзамены словесные и письменные (изъ государственнаго и административнаго права, исторіи, статистики, географіи, древнихъ языковъ, математики). Эти государственные экзамены замѣнили нынѣ прежній порядокъ, въ которомъ допускались на гражданскую службу въ Италіи только лица, окончившія курсъ въ лицеяхъ (равныхъ нашимъ и германскимъ высшимъ гимназическимъ классамъ). Вслѣдствіе установленія этихъ экзаменовъ, университетамъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ не присвоено никакихъ исключительныхъ и прямыхъ привиллегій по службѣ (хотя высшее университетское образованіе необходимо для выдержанія государственнаго экзамена. Но при равныхъ правахъ кандидатовъ по конкурсамъ, предпочтеніе для опредѣленія на службу отдается кандидатамъ, имѣющимъ докторскую университетскую степень (приблизительно одинаковую съ кандидатскою нашихъ университетовъ). Въ видѣ изъятія для нѣкоторыхъ отраслей государственной службы (сверхъ судебной, медицинской и педагогической) [1]) обязателенъ докторскій дипломъ (независимо отъ государственныхъ экзаменовъ): такъ, напримѣръ, для должности консуловъ. Для всѣхъ техническихъ отраслей, напримѣръ, инженерныхъ, нужно окончаніе курса въ спеціальныхъ училищахъ.

Въ Голландіи установлены государственные экзамены не для всѣхъ, а только для нѣкоторыхъ отраслей службы. Университетскіе дипломы

---

[1]) Судебную часть, мы исключаемъ изъ нашего обозрѣнія также какъ медицинскую и всю педагогическую (всѣ званія профессоровъ и учителей); эти части всюду подчинены особымъ правиламъ и для нихъ всюду обязательно окончаніе курса въ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и университетахъ.

обязательны только для нѣкоторыхъ родовъ службы (напримѣръ, дипломатіи). Вообще въ Голландіи нѣтъ общаго порядка пріема на государственную службу, а узаконены условія образованія различныя для разныхъ вѣдомствъ.

Въ Австріи дѣйствуетъ обязательно (хотя и не установленъ буквою закона) такой порядокъ, что на службу въ министерствахъ не принимаются лица безъ университетскихъ аттестатовъ для замѣщенія должностей, допускающихъ дальнѣйшее движеніе по государственной службѣ къ высшимъ мѣстамъ [1]). Университетскіе аттестаты, требуемые для этого, могутъ быть двоякіе: 1) въ выдержаніи государственнаго экзамена (вообще по главнымъ юридическимъ и государственнымъ наукамъ), и 2) въ выдержаніи докторскаго (сходнаго съ нашимъ кандидатскимъ) экзамена, который требуетъ, *сверхъ* наукъ назначенныхъ для государственнаго экзамена, еще испытанія въ другихъ знаніяхъ (смотря по факультету). Для пріема на службу тѣ или другіе аттестаты достаточны, за исключеніемъ судебнаго вѣдомства, для котораго требуется дипломъ доктора правъ. Для нѣкоторыхъ должностей и родовъ службы (почты, телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, таможень) по министерствамъ торговли и сельскаго хозяйства упомянутые аттестаты университетскаго образованія необязательны, „хотя объ этомъ нельзя не сожалѣть, и въ просвѣщенныхъ политическихъ и ученыхъ кругахъ постоянно выражается желаніе, чтобы даже и для этой службы университетское образованіе было обязательно" (пишетъ Л. Штейнъ) [2]). Впрочемъ лица, находящіяся безъ университетскаго образованія на вышеупомянутыхъ должностяхъ, имѣющихъ преимущественно техническій характеръ, никогда не возвышаются до мѣстъ, связанныхъ съ высшею государственною и административною дѣятельностью. Для нѣкоторыхъ спеціальныхъ административныхъ частей (горной, лѣсной, путей сообщенія и пр.) аттестаты высшихъ спеціальныхъ училищъ, относящихся къ этимъ частямъ, замѣняютъ университетскіе аттестаты.

Не мѣшаетъ упомянуть, что для подготовленія къ замѣщенію тѣхъ мѣстъ по счетной части въ Австріи, въ австрійскихъ университетахъ преподается, какъ особая наука, государственное счетовод-

[1]) Этотъ разрядъ должностей въ отличіе отъ низшихъ (писарей, канцелярскихъ служителей и проч.) носитъ въ Австріи особое названіе *concepts-stellen*.

[2]) Въ недавнемъ письмѣ къ намъ изъ Вѣны (излагая отвѣты на наши вопросы).

ство; только при выдержаніи испытанія въ этой наукѣ, можно дости гать высшихъ должностей по счетной части во всѣхъ государстве ныхъ учрежденіяхъ Австріи.

Сверхъ всѣхъ вышеупомянутыхъ условій опредѣленія на госуда ственную службу въ Австріи, установлены еще особые экзамены в самыхъ вѣдомствахъ для поступленія на нѣкоторыя должности (п телеграфной части, таможенной и проч.), требующія спеціальных свѣдѣній. Эти испытанія на должность (Amtsprüfung) не имѣютъ ни чего общаго съ университетскими (какъ государственными, такъ и уч ными университетскими) экзаменами, хотя съ этимъ испытаніемъ бываютъ связаны нѣкоторыя общія научныя требованія. Въ мини стерствѣ иностранныхъ дѣлъ, независимо отъ университетскихъ ат тестатовъ, производятся дипломатическіе экзамены при назначені на дипломатическія мѣста, могущія вести къ высшимъ дипломатич скимъ постамъ. Также и для занятія консульскихъ должностей тр буются спеціальныя испытанія.

Въ *Германіи* (въ томъ числѣ въ Пруссіи) [1]) дѣйствуютъ слѣдую щія общія начала поступленія на государственную службу; эти об щія начала только весьма незначительно, въ нѣкоторыхъ подробно стяхъ, видоизмѣняются въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ. Дл государственной службы въ Германіи требуется, за немногими искл ченіями, какъ непремѣнное условіе—гимназическое и университетско образованіе, и нигдѣ это основное начало, болѣе или менѣе повсюд признанное, не поставлено такъ рѣшительно въ законѣ и не обстав лено такими строгими требованіями какъ въ Германіи. Поэтому, ко нечно, личный должностной составъ Германіи превосходитъ вс страны Европы, какъ это теперь общепризнано. Испытанія въ Ге маніи большею частью двоякія: сперва въ самихъ университетах *государственные* экзамены, производимые профессорами съ участіем государственныхъ чиновниковъ (правительственныхъ коммисаровъ после этого поступившіе на службу подвергаются еще вторичном экзамену въ самыхъ вѣдомствахъ и учрежденіяхъ, по истеченіи опре дѣленныхъ сроковъ ихъ службы; эти вторичные экзамены называютс *практическими* и хотя не чужды научныхъ свѣдѣній, но заклю

[1]) Для Пруссіи, какъ сказано выше, я еще ожидаю болѣе подробныя допол нительныя свѣдѣнія. Для сдѣланнаго мною здѣсь очерка, кромѣ мнѣ лично извѣст ныхъ данныхъ, я руководствовался преимущественно статьей *Пёцля* «Staatsdie ner» въ Bluntschli und Brater Deutsches Staatswörterbuch.

іаются преимущественно въ приложеніи общихъ началъ наукъ (особенно юридическихъ) къ той специальной административной отрасли, гдѣ находится лицо, подвергаемое испытанію. Въ Пруссіи установлены три рода испытаній для лицъ желающихъ достигать высшихъ мѣстъ: сперва, по окончаніи университетскаго курса, чисто теоретичекій государственный экзаменъ въ университетахъ (Auscultatorsprüfung); потомъ, послѣ 18-мѣсячной дѣйствительной службы, практичекій экзаменъ (Refendarprüfung), черезъ членовъ судебныхъ учрежденій, и наконецъ, послѣ всего этого, еще третій экзаменъ, различный для двухъ группъ кандидатовъ, предназначающихъ себя къ удебной и къ общеадминистративной службѣ. Для той и другой руппы учреждены въ Берлинѣ особыя коммиссіи: одна изъ членовъ удебнаго вѣдомства и другая изъ членовъ отъ административныхъ ѣдомствъ. Независимо отъ всего этого, лица, выдержавшія всѣ эти спытанія, должны еще оставаться нѣкоторое время въ вѣдомствахъ, дѣ они желаютъ продолжать свою службу, на испытаніи, какъ нештатные чиновники. По разнымъ спеціальнымъ частямъ (горной, ѣсной, медицинской и проч.) установлены особыя испытанія.

Благодаря сообщенію Гейдельбергскаго профессора Блунчли, я огу присовокупить здѣсь къ сказанному вообще о Германіи боѣе подробныя свѣдѣнія относительно условій поступленія на госуарственную службу въ великомъ герцогствѣ *Баденскомъ*. Правила о этому предмету вновь установлены закономъ въ 1868 году. Для ріема на службу обязательны двоякія испытанія. Сперва производятся кзамены, по истеченіи minimum $3^1/_2$ лѣтъ слушанія университетскихъ урсовъ (7 семестровъ); коммиссія, производящая эти экзамены, сооитъ изъ членовъ, назначенныхъ министрами юстиціи и внутренихъ дѣлъ. Въ эту коммисію *могутъ* быть приглашаемы и универтетскіе профессоры, но *это не обязательно* для правительства. Обязательное участіе профессоровъ въ экзаменаціонной коммисіи, ишетъ Блунчли, было бы лучше, чѣмъ факультативное, хотя наши офессоры находятъ эту обязанность непріятною для себя и всячеи ей противятся". Упомянутые экзамены обнимаютъ собою главныя расли юридическихъ и государственныхъ наукъ. Другое практичеое испытаніе молодыхъ людей (преимущественно въ знаніи отечественго государственнаго права и администраціи) производится по истеніи нѣкотораго времени ихъ службы, по крайней мѣрѣ двухъ лѣтъ, званіи рефендаря (то-есть, докладчика) или просто причисленаго для актическихъ занятій къ судебному или административному учрежде-

нію. Успѣшное выдержаніе обоихъ этихъ испытаній обязательно д
молодыхъ людей, желающихъ продолжать государственную службу
достигать высшихъ на ней должностей. Никакихъ болѣе экзаменовъ
эти должности нѣтъ. Требованія втораго практическаго испытанія н
сколько видоизмѣняются смотря по спеціальности вѣдомствъ, для к
торыхъ предназначаютъ себя молодые люди; для техническихъ отра
лей администраціи требуется подготовка въ спеціальныхъ училищах

Перехожу теперь къ двумъ остальнымъ вопросамъ вышеизложе
ной програмы: о поступленіи на гражданскую службу изъ вое
ныхъ школъ и о переходѣ на нее вообще лицъ, состоящихъ на в
енной службѣ. Отвѣты на эти вопросы истекаютъ почти сами собо
изъ всего вышесказаннаго. Хотя во всѣхъ европейскихъ государства
существуютъ спеціальныя школы для подготовки къ военной служ
и къ различнымъ спеціальнымъ ея частямъ и оружіямъ и хотя мног
изъ этихъ школъ даютъ превосходное научное образованіе, но нигд
молодые люди, въ нихъ воспитывавшіеся, не поступаютъ на гражда
скую службу, ни въ какихъ даже исключительныхъ случаяхъ,—ни то
часъ послѣ окончанія курса въ военной школѣ, ни впослѣдстві
Поступленіе на гражданскую службу лицъ, получившихъ только вое
ное воспитаніе и образованіе, и вообще переходъ въ нее изъ военн
службы дѣлается нынѣ всюду менѣе и менѣе возможнымъ, пото
что требованія научнаго общегосударственнаго образованія на всѣх
поприщахъ гражданской службы безпрерывно возрастаютъ и чре
вычайно усилились во всѣхъ европейскихъ государствахъ въ п
слѣдніе годы. Конечно, изъ всего этого должно исключить нѣко
рыя особенныя и техническія отрасли гражданской администраці
для которыхъ военное воспитаніе и образованіе и практическая вое
ная служба могутъ служить наилучшею подготовкою; на должнос
по такимъ административнымъ отраслямъ (напримѣръ, по всѣмъ и
женернымъ, желѣзно-дорожной, лѣсной и проч.) поступаютъ вое
ные люди.

Въ общемъ этомъ смыслѣ я получилъ отвсюду отвѣты на уп
мянутые два вопроса. Эти отвѣты мало чѣмъ разнятся между собою
отдѣльнымъ странамъ.

Изъ *Англіи* намъ сообщаютъ, что воспитанники военныхъ шко
и лица, состоящія на военной службѣ, еслибъ захотѣли поступать
гражданскія должности, то должны были бы подчиниться всѣмъ в
шеописаннымъ правиламъ и государственнымъ испытаніямъ; од
только исключеніе изъ этихъ правилъ сдѣлано въ Англіи въ поль

военныхъ: на нихъ не распространяется обязательность возраста, установленная тамъ для каждой должности и потому военные, желающіе поступить въ число кандидатовъ на гражданскія мѣста, могутъ быть нѣсколько старше или моложе прочихъ кандидатовъ. Никакого исключительнаго порядка для нормальнаго перехода изъ военной службы на какія бы то ни было гражданскія должности не существуетъ въ Великобританіи; при этомъ нужно замѣтить, что независимо отъ правъ, присвоенныхъ воспитанникамъ военныхъ школъ на военную службу, въ Англіи установлены и для полученія военныхъ должностей государственныя испытанія, отчасти подобныя испытаніямъ на гражданской службѣ.

Хотя *во Франціи*, какъ было сказано, нѣтъ никакихъ установленныхъ закономъ условій образованія для опредѣленія на гражданскія должности, но однако переходовъ изъ военной службы на гражданскую тамъ всего менѣе бываетъ и они случаются развѣ въ видѣ какихъ-либо чрезвычайныхъ исключеній. Извѣстно, что нигдѣ войско не отдѣляется такъ рѣзко отъ общества, какъ во Франціи и нигдѣ такъ рѣзко не разграничены между собою военная дѣятельность и гражданская. Въ этомъ отношеніи такъ исключительны и крайни (почти до предразсудочности) понятія французскаго общества, что „переходъ военнаго какого бы то ни было чина на должность префекта, члена государственнаго совѣта и проч. возбудилъ бы противъ себя неудовольствіе въ арміи и положеніе на гражданской службѣ такого лица, покинувшаго ряды арміи, было бы очень странно и затруднительно“, пишетъ Э. Ренанъ. При этомъ нужно имѣть въ виду ту особенность французской націи, что военная служба считается ею до сихъ поръ самою почетною и войско окружено уваженіемъ и популярностью сравнительно со всѣми безъ изъятія другими общественными классами, какъ ни въ одной другой европейской странѣ. Офицеры, вышедшіе въ отставку и не совсѣмъ еще престарѣлые, обыкновенно посвящаютъ себя частнымъ занятіямъ и разнымъ отраслямъ частной (не государственной) дѣятельности. Выслужившихъ сроки службы унтеръ-офицеровъ и солдатъ правительство помѣщаетъ обыкновенно, для доставленія имъ способовъ существованія, на разныя служительскія должности (швейцаровъ, сторожей, разсыльныхъ и проч.) въ казенныхъ учрежденіяхъ; но и на это отставные военные не имѣютъ никакихъ по закону правъ. Всѣ должности (канцелярскаго и гражданскаго характера) въ военномъ министерствѣ и подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ и вообще админи-

стративныя мѣста въ войскѣ замѣщаются военными чинами; эти должности и мѣста предоставляются именно всѣмъ лицамъ, находящимся на военной службѣ и почему-либо не способнымъ нести строевую службу.

Въ Италіи, еслибы лица, обучавшіяся въ военныхъ коллегіяхъ (среднихъ военныхъ школахъ) и въ военныхъ академіяхъ и всѣ вообще военно-служащіе пожелали поступить на гражданскую службу, то они обязаны были бы подвергнуться государственнымъ экзаменамъ, наравнѣ со всѣми прочими кандидатами. По рекомендаціи военнаго министерства бываютъ обыкновенно опредѣляемы на таможенную службу отставные офицеры и унтеръ-офицеры. Вообще же переходы изъ военной службы въ гражданскую очень рѣдки. Военнымъ чинамъ не только не присвоено никакихъ особыхъ правъ для поступленія на гражданскія должности, но военнымъ, получившимъ пенсію при отставкѣ, даже не позволяется опредѣляться на штатныя гражданскія мѣста; они могутъ только быть по найму сверхштатными канцелярскими служителями и писцами, которые не числятся на государственной службѣ.

Въ Австріи учебные курсы въ военныхъ училищахъ сосредоточены исключительно на военныхъ наукахъ, и поэтому лица, получившіе образованія *только въ этихъ училищахъ* (если они сверхъ того не занимались университетскими науками), не могутъ удовлетворять довольно строгимъ научнымъ требованіямъ, связаннымъ тамъ съ гражданскими должностями и вообще на нихъ не допускаются. Въ недавнее время возникло въ Австріи совершенно новое предположеніе относительно преобразованія военно-учебной части. Предполагается ввести всѣ спеціальныя военныя школы въ общую систему политехническаго образованія и привести ихъ въ связь съ техническими и профессіональными училищами, такъ чтобы воспитывающіеся въ военныхъ школахъ получали общее подготовительное техническое образованіе, нужное для разныхъ техническихъ должностей, для которыхъ не требуется университетскаго образованія. Относительно перехода военныхъ чиновъ въ гражданскую службу въ Австріи было издано особое императорское повелѣніе 2-го августа 1869 года; въ этомъ повелѣніи опредѣлены разныя условія (порядокъ увольненія изъ военной службы, полученіе пенсіи и проч.) для такого перехода и не сдѣлано никакого изъятія относительно условій образованія. Поэтому военные подчинены тѣмъ же требованіямъ (представленію университетскихъ аттестатовъ, какъ выше было объяснено), наравнѣ со вся-

кими другими кандидатами. Конечно, бываютъ случаи исключительныхъ назначеній военныхъ на гражданскія должности (безъ соблюденія всѣхъ этихъ условій) по личному усмотрѣнію императора.

Въ Германіи, государственные экзамены выработались всего болѣе и требованія систематическаго университетскаго образованія отъ поступающихъ на всѣ должности гражданской службы, допускающія дальнѣйшее повышеніе, весьма строги въ этой странѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ при общеобязательной воинской повинности и краткосрочности службы, въ германскомъ войскѣ постоянно находится много лицъ, получившихъ самое высшее общее (университетское) образованіе.

Въ заключеніе этого очерка отношеній военной службы къ гражданской въ западно-европейскихъ государствахъ необходимо сдѣлать и по этому предмету нѣкоторыя оговорки, подобныя тѣмъ, которыя были высказаны выше относительно гражданской службы, для предупрежденія недоразумѣній и ошибочныхъ выводовъ при сравненіи иностранныхъ порядковъ съ нашими русскими. Хотя въ организаціи военной службы военнаго управленія и всѣхъ вообще военныхъ учрежденіяхъ гораздо больше сходства между Россіей и остальной Европою (въ особенности послѣ введенія общеобязательной воинской повинности), чѣмъ въ организаціи гражданской службы, гражданскаго управленія и вообще гражданскихъ государственныхъ учрежденій, тѣмъ не менѣе и въ условіяхъ военной службы у насъ и во всей остальной Европѣ остаются существенныя различія; ихъ необходимо имѣть въ виду, чтобы не впасть въ весьма существенныя заблужденія. относительно причинъ различія во всѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ службы военной и гражданской и въ особенности въ условіяхъ перехода изъ первой во вторую, а также заблужденій относительно способовъ, нужныхъ для устраненія этого различія у насъ сравнительно съ другими европейскими государствами. Не говоря о множествѣ всякихъ другихъ причинъ различія условій и всего общегосударственнаго значенія военной службы въ Россіи и въ другихъ европейскихъ государствахъ, мы упомянемъ здѣсь только о тѣхъ отличительныхъ свойствахъ нашей военной организаціи, которыя ближе всего относятся къ нашему предмету и которыя истекаютъ изъ указанныхъ нами коренныхъ особенностей всего нашего государственно-общественнаго строя, налагающихъ свои особенныя типическія условія на нашу военную службу, однородныя съ гражданскою службою. Эти особенности заключаются въ нашемъ *сословномъ устройствѣ* и въ тѣсно съ нимъ связанномъ законодательствѣ *о чинахъ*. Военная служба также точно, какъ и гражданская, влечетъ

у насъ за собою сословныя права, и эти права обусловлены военнымъ чиномъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, при значеніи чина для правъ состоянія, не можетъ не быть единства въ организаціи чиновъ военныхъ и гражданскихъ. Тѣ и другіе не могутъ не составлять одной системы; поэтому *табель о рангахъ*, введенная Петромъ Великимъ, одинаково распространяется и на гражданскую и на военную службу; она столько же учрежденіе гражданское какъ и военное. Отсюда происходитъ необходимость приравненія правъ по чинамъ и мѣстамъ между военною и гражданскою службою и отсюда происходятъ многія столь близкія и сложныя у насъ связи между обоими родами гражданской службы— и между личнымъ составомъ той и другой. Этимъ, безъсомнѣнія, объясняется одна изъ существенныхъ причинъ несуществованія у насъ той рѣзкой грани, какая господствуетъ вездѣ въ Европѣ между военнымъ должностнымъ составомъ и гражданскимъ; уже одна эта причина,—чтобы не говорить о многихъ другихъ,—не позволяетъ смотрѣть у насъ на переходъ изъ военной службы въ гражданскую съ тѣхъ же самыхъ точекъ зрѣнія, съ какихъ смотрятъ на нихъ въ Западной Европѣ.

В. Безобразовъ.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Первыя Славянскія монархіи на сѣверо-западѣ. Соч. *Ѳ. Успенскаго.* С.-Пб. 1872 [1]).

Возникновеніе науки славянской исторіи совпадаетъ съ первыми моментами серьезнаго возбужденія мысли о славянской взаимности, въ эпоху проявленія сильныхъ національныхъ движеній между Славянами, въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Идея о славянскомъ единствѣ и взаимности, вращавшаяся сначала въ публицистикѣ и вообще бывшая въ ходу въ тогдашнихъ славянофильскихъ кружкахъ, не замедлила вскорѣ найдти болѣе или менѣе сильные и сочувственные отголоски и на научной почвѣ. Ученые слависты того времени стали искать подтвержденія своей любимой мысли путемъ изученія давнопрошедшей жизни Славянскихъ народовъ. Въ это-то время начала впервые формулироваться теорія славистовъ о „міровыхъ миссіяхъ" и задачахъ германства и славянства, преслѣдуемыхъ обѣими народностями съ первыхъ же историческихъ эпохъ и до настоящаго времени,—теорія, которая затѣмъ надолго упрочилась въ наукѣ и въ настоящее время обратилась чуть ли не въ простое ходячее мнѣніе, въ безспорную аксіому. Эта теорія цѣликомъ положена и въ основу сочиненія г. Успенскаго. По его словамъ, съ первыхъ же эпохъ появленія на сцену исторіи романо-германскихъ и славянскихъ народовъ завязывается между ними національная борьба на жизнь и смерть. У Германцевъ развивается глубокое сознаніе ихъ міровой задачи—поглощенія Славянъ, обращенія ихъ въ политическое рабство расы Романо-Герман-

[1]) Печатая на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* эту замѣчательную статью Ѳ. И. Леонтовича о первомъ ученомъ трудѣ г. Успенскаго, редакція считаетъ однако умѣстнымъ заявить, что она не становится ни на сторону почтеннаго критика, ни на сторону молодого автора. Г. Успенскій, своимъ позднѣйшимъ сочиненіемъ о Никитѣ Хонскомъ (С.-Пб. 1874) вполнѣ доказалъ несомнѣнный историческій талантъ и замѣчательныя познанія.

ской. Отсюда неудержимое стремленіе Нѣмецкаго племени на востокъ, поставившее роковой для Славянъ вопросъ, который поглотилъ всю ихъ историческую дѣятельность, — вопросъ о сохраненіи свободы, національности, вѣры и родной земли. Этимъ опредѣлилась миссія Славянскаго племени — задержать движеніе Нѣмцевъ къ востоку, дать отпоръ притязаніямъ ихъ на политическую свободу и независимость Славянъ. На первыхъ же историческихъ порахъ Славяне выработываютъ тѣ средства, которыхъ имъ недоставало для успѣшной борьбы, — Славянскіе князья, путемъ централизаторской дѣятельности, собираютъ Славянскія племена подъ своею верховною властію, соединяютъ разрозненные элементы въ тѣсно сплоченное *государственное* тѣло, утверждаютъ *единодержавіе*, образуютъ сильныя Славянскія *монархіи*. Первое движеніе въ этомъ направленіи является въ VII вѣкѣ, когда образуется первая сильная славянская держава Само, съ ея центральнымъ пунктомъ — Чехіей; но это государство держалось не долго. Новое объединительное движеніе началось со второй половины VIII вѣка, въ Великой Моравіи, въ которой являются славянскіе централизаторы — Мойміръ и въ особенности Ростиславъ и Святополкъ. Съ конца IX вѣка образуется новый центральный пунктъ славянства — Чешское государство Премысловичей. Наконецъ, съ конца X вѣка организація славянской идеи, подъ напоромъ германства, отодвигается въ глубь славянскаго міра — въ Ляшскую землю. Здѣсь дѣйствуютъ новые поборники славянской идеи — Пястовичи, особенно Болеславъ Храбрый, образовавшій изъ Западныхъ Славянъ одно государство подъ главенствомъ Польши и затормозившій распространеніе нѣмецкаго господства къ востоку. Всѣ явленія начальной исторіи западныхъ Славянъ VII—XI вѣка сводятся такимъ образомъ къ двумъ главнымъ вопросамъ: съ одной стороны, идетъ внутренняя работа — организаторская дѣятельность земскихъ князей, сознавшихъ миссію славянства, проводившихъ идею *національно-государственнаго* объединенія Славянъ; съ другой — ведется внѣшняя, неустанная борьба Славянъ съ врагами ихъ національной свободы и самобытности. Проникнутые идеей всемірной императорской власти, вожди германскіе образуютъ изъ подчиненныхъ имъ племенъ сильное государство, на первыхъ же порахъ обнаруживаютъ завоевательные инстинкты и стремленія, разрушительно дѣйствующіе на весь бытъ Славянъ. Міровая миссія Германцевъ, состоявшая въ подчиненіи имъ Славянъ, осуществлялась на дѣлѣ различными путями и средствами. Нашъ авторъ, вслѣдъ за большинствомъ славянскихъ историковъ, отно-

ситъ сюда, кромѣ военныхъ предпріятій и завоеванія Славянскихъ земель, также распространеніе латинскаго христіанства, территоріальное развитіе идеи католической церкви, всегда принимавшейся неразрывно съ идеей всемірной императорской власти. Авторъ въ особенности напираетъ на мысль о господствѣ между Западными Славянами раздѣлительной политики Нѣмцевъ. Онъ думаетъ, опять-таки вслѣдъ за большинствомъ славянскихъ историковъ, что главною идеей нѣмецкой политики было развивать между Славянами внутреннюю рознь и раздоры, чтобъ ослабить ихъ и истощить въ междоусобныхъ войнахъ. Отсюда стремленіе Нѣмцевъ къ возбужденію между славянскими племенами „братской" распри, къ привлеченію славянскихъ князей къ союзу съ собою, къ впутыванію ихъ въ нѣмецкую политику, къ пользованію собственными силами Славянъ противъ нихъ же самихъ, — отсюда нѣмецкія интриги и увлеченіе передовыхъ людей у Славянъ идеей о родовомъ аристократизмѣ, блескомъ императорской власти, чиновничествомъ и пр. Словомъ, нашъ авторъ горячо отстаиваетъ мысль о томъ, что разъединенность, ползучесть и враждебность Славянъ объясняются раздѣлительною политикой Нѣмцевъ, подъ вліяніемъ которой князья и цѣлые союзы славянскіе теряли идею національности, являлись измѣнниками славянскому дѣлу, принимали въ себя чуждые принципы.

Такова теорія, изложенная нашимъ авторомъ; какъ мы уже сказали, она не имъ впервые высказана: давно уже другіе историки развивали и доказывали ее въ цѣломъ рядѣ обширныхъ изслѣдованій и монографій. Сочиненіе г. Успенскаго есть сводъ выводовъ и воззрѣній другихъ ученыхъ, написанный, впрочемъ, очень бойко. Мы разсмотримъ главныя положенія г. Успенскаго, не столько ради достоинствъ его сочиненія, сколько въ видахъ общей оцѣнки направленія и основныхъ понятій, господствовавшихъ въ наукѣ славянской исторіи до послѣдняго времени.

Посмотримъ прежде всего, на сколько вѣрна мысль о томъ, что уже въ VII, а тѣмъ болѣе въ IX и X вѣкахъ, образовались у Славянъ сильныя *государства*, съ полною централизаціей государственной власти въ лицѣ земскихъ князей. Дѣло въ томъ, что нельзя считать новою мысль объ образованіи на первыхъ же историческихъ порахъ государствъ романо-германскихъ и славянскихъ. Западно-европейскіе историки до 30-хъ и даже 40-хъ годовъ находили государство у Германцевъ чуть ли еще не въ эпоху народныхъ переселеній, по крайней мѣрѣ допускали уже вполнѣ сложившійся и окрѣпшій

государственный бытъ у Германцевъ VII и слѣдующихъ вѣковъ. Поворотъ къ новымъ идеямъ начался въ исторической наукѣ со времени развитія органическихъ теорій родоваго, а за тѣмъ общинно-волостнаго устройства (Mark- und Gauverfassung) древнихъ Германцевъ. Исходя изъ общей мысли о господствѣ въ исторіи человѣческихъ обществъ такихъ же органическихъ законовъ, какъ и въ мірѣ физическихъ явленій, теоріи эти доказали органическую постепенность въ развитіи и воспитаніи государственныхъ элементовъ въ быту Германцевъ въ теченіе нѣсколькихъ историческихъ эпохъ, пока наконецъ, сложилось у нихъ государство въ истинномъ смыслѣ этого слова. Съ 40-хъ годовъ воззрѣнія органической теоріи пріобрѣтаютъ право гражданства и въ наукѣ русской исторіи, въ которой до того времени господствовала государственная теорія Шлецеровской и Карамзинской школы, съ ея ученіемъ объ основаніи Рюрикомъ Русскаго „государства". Большинство историковъ приходитъ теперь къ убѣжденію въ томъ, что въ быту Русскаго народа государственные порядки возникаютъ и упрочиваются не раньше конца XV вѣка. Не то мы видимъ въ дѣлѣ разработки исторіи другихъ Славянскихъ народовъ: тенденціозное направленіе первыхъ изслѣдователей, внесшихъ въ науку ученіе о древне-славянскихъ государствахъ, образовавшихся ради отпора стремленію Нѣмцевъ къ востоку, не дало здѣсь возможности вполнѣ развиться воззрѣніямъ органической теоріи. Славянскіе историки доселѣ держатся мысли о существованіи западно-славянскихъ государствъ, начиная съ VII и особенно VIII вѣка. Та же самая мысль положена и въ основу сочиненія г. Успенскаго. Авторъ считаетъ неоспоримою аксіомой фактъ существованія „государствъ" у Западныхъ Славянъ VII—X вѣковъ, полагаетъ совершенно излишнимъ доискиваться, дѣйствительно ли это были государства, или иныя политическія формы; для него это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію и спору. Онъ поэтому обращаетъ вниманіе не столько на положительныя условія внутренняго развитія такихъ государствъ, сколько на условія отрицательныя, — на то, что̀ задерживало ихъ развитіе, главнымъ образомъ, на борьбу Славянъ съ Нѣмцами въ сферѣ военно-политическихъ и церковныхъ отношеній. Трудъ г. Успенскаго носитъ характеръ эпопеи о смертельной борьбѣ славянской національности съ германскою; но отсюда еще мало видно, какъ и при какихъ дѣйствительныхъ условіяхъ образовались славянскія державы. Вопросы внутренняго быта, которые должны были бы составлять главную задачу автора, взявшагося объяснить образованіе первыхъ

славянскихъ „монархій", рѣшены авторомъ недостаточно критически. Немногія мѣста о родахъ и жупахъ Славянъ въ существѣ дѣла ничего не доказываютъ; о вѣчевомъ устройствѣ, о вліяніи его на политическій бытъ народа и пр. нѣтъ нигдѣ ни слова; вездѣ и во всемъ фигурируютъ лишь князья да Нѣмцы (съ ихъ политикой и интригами), бывшіе въ глазахъ автора главными общественными двигателями въ жизни Западныхъ Славянъ.

Вотъ главныя мысли автора о внутреннемъ бытѣ Славянъ Западныхъ въ VII—X вѣкахъ. Онъ принимаетъ основною чертою древняго общественнаго быта Славянъ—родовое устройство. Единство рода выражалось въ выборномъ представителѣ и въ общинномъ безраздѣльномъ владѣніи „дѣдиной", недвижимымъ имуществомъ рода. Когда съ теченіемъ времени забывалась родовая связь, изъ рода образовалась община; но община была *тѣмъ же* родомъ, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, представляла, подобно роду, какъ бы одно цѣлое, владѣвшее извѣстною собственностію, имѣвшее своего представителя. Таковы были славянскія жупы, слагавшіяся въ отдѣльныя колѣна, каждое съ своимъ колѣннымъ старшиной, княземъ. Каждое славянское государство образовалось изъ такихъ мелкихъ частей — родовъ, общинъ, колѣнъ, которыя, сливаясь, образуютъ одно государство, одинъ народъ, съ своимъ земскимъ княземъ, объединяющимъ въ своемъ лицѣ роды и общины, съ перенесеніемъ на него власти родовыхъ и общинныхъ старшинъ (стр. 35, 106 и слѣд.).

Остановимся прежде всего на общихъ понятіяхъ, какія предлагаетъ авторъ по вопросу о значеніи славянскаго рода, общины и государства. У него всѣ эти общественныя формы имѣютъ лишь количественныя различія: община — тотъ же родъ, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ; такими же количественными признаками отличается государство, — оно есть простое, механическое скопленіе родовъ, общинъ и колѣнъ, не больше. Здѣсь кроется очевидная путаница понятій; можно, конечно, спорить, какая общественная форма преобладала у древнихъ Славянъ, но никоимъ образомъ не слѣдуетъ смѣшивать формы родовыя, общинныя и государственныя, различающіяся одна отъ другой не только по внѣшнему комплексу, но и по своимъ внутреннимъ принципамъ. Главный моментъ въ понятіи рода — физіологическое начало кровнаго происхожденія; основа родовой организаціи кроется не въ общественномъ обладаніи „дѣдиной" (какъ думаетъ авторъ), а по совершенно вѣрному и остроумному наблю-

денію одного изъ нашихъ юристовъ [1]), въ военно-кочевомъ устройствѣ родоваго быта. Лучшее подтвержденіе такого понятія рода первичныхъ эпохъ даетъ самъ же авторъ, рисуя на первыхъ же страницахъ своего изслѣдованія родовой бытъ Аваровъ — кочевыхъ хищниковъ, бывшихъ по своей военной силѣ страшной грозой для осѣдлыхъ народовъ современной Европы. Понятіе дѣдины съ строгимъ юридическимъ комплексомъ впервые выясняется на почвѣ общиннаго быта. Территоріальность отношеній—вотъ отличительная черта общины, разграничивающая ее отъ рода, съ его чисто физіологическими отношеніями. Родъ и община — принципіально несходныя политическія формаціи, никогда не сливающіяся, напротивъ — исключающія одна другую: гдѣ община, тамъ нѣтъ рода, и на оборотъ. Они представляютъ основныя клѣточки двухъ различныхъ политическихъ организмовъ. Въ жизни всѣхъ первичныхъ народовъ родъ являлся подвижною, растительною, физіологическою клѣточкой кочующихъ племенъ; съ переходомъ кочевниковъ въ осѣдлый бытъ роды разлагаются; родовая организація не передается позднѣйшей общинѣ, но безслѣдно вымираетъ. Колонизаціонныя условія вызываютъ новыя формы быта, не имѣющія ничего общаго съ родовымъ устройствомъ кочевниковъ. Такъ было у Славянъ; то же видимъ у Германцевъ и у другихъ историческихъ народовъ. Далѣе, какъ нельзя утверждать, что община есть тотъ же родъ, такъ и государству нельзя давать родовой или общинный характеръ, нельзя смотрѣть на него, какъ на механическое сліяніе родовъ и общинъ. Государство возникаетъ не путемъ простаго скопленія общинъ, но въ силу внутренней ихъ реорганизаціи въ самой ихъ сущности. Простое сліяніе общинъ, безъ переработки внутренняго ихъ существа, не создаетъ еще государства. Если у даннаго народа, стоящаго на ступени общинной культуры, общины механически сводятся въ одинъ составъ, подчиняются наряду одной власти (будетъ ли это князь или городъ, община), то это еще не значитъ, что тотчасъ является и государство; результатомъ такого подчиненія будетъ только общинная или волостная федерація, не больше. Для образованія государства нужно, чтобы общины органически претворились въ него, а это возможно не по прихоти князей, хотя бы и обладавшихъ политическимъ могуществомъ и вполнѣ сознававшихъ государственную идею, но именно составляетъ

[1]) *П. Цитовичъ*, Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдства, стр. 126 и слѣд.

капитальную и тяжелую задачу всего народнаго быта. Задача такая осуществляется народомъ медленно, не рѣдко въ теченіе многихъ вѣковъ; на разрѣшеніе ея идутъ со стороны народа громадныя, вѣковыя жертвы, какъ это и показываетъ исторія всѣхъ Славянъ, у которыхъ вообще такъ медленно и съ такимъ трудомъ и гнетомъ развивались государственныя формы жизни. Иначе представляется дѣло у нашего автора. Его изслѣдованіе показываетъ, что уже въ VII—X вѣкахъ возникаютъ славянскія монархіи, и притомъ не въ силу народнаго сознанія, а точно по мановенію волшебника: захотѣлъ какойнибудь Мойміръ или Болеславъ подчинить или вовсе отмѣнить племенныхъ князей, съ цѣлью созданія обширной монархіи, — и „бысть тако“. Болѣе строгое изученіе дѣла, напротивъ, свидѣтельствуетъ, что корни всѣхъ явленій славянской исторіи нужно искать не въ дѣятельности князей, а во внутреннихъ основахъ народнаго быта,— не княжескія, а народныя (общинныя) начала были главными общественными двигателями въ жизни всѣхъ средневѣковыхъ Славянъ.

Причина ошибки г. Успенскаго—въ томъ, что онъ не обратилъ должнаго вниманія на изслѣдованіе древне-славянской общины, несомнѣнно составлявшей главное ядро, около котораго все вертѣлось въ политической жизни Славянъ VIII и слѣдующихъ вѣковъ. Мы намѣтимъ болѣе крупныя явленія, характеризующія тогдашній ихъ бытъ. Всѣ факты, собранные авторомъ, говорятъ ясно о томъ, что у Славянъ того времени не была нисколько сознана идея національно-государственнаго единства, что возникавшіе у нихъ по временамъ обширные союзы держались на началѣ федеративности, но лишь въ смыслѣ территоріальномъ, общинно-волостномъ, а не государственномъ. Въ жизни средневѣковыхъ народовъ рѣшались вопросы не государственнаго [...]га, а только вопросы территоріальной колонизаціи, выработывались одни элементы позже развившейся государственной жизни. Прочная колонизація общинъ и земель — вотъ вопросъ жизни и смерти, из-за котораго собственно и шла вся эта борьба Славянъ, какъ между собою, такъ и съ Нѣмцами и другими сосѣдними народами. Колонизаціонная, а не государственная дѣятельность и связанные съ [...] интересы лежали въ основѣ всѣхъ средневѣковыхъ политическихъ [...]ерацій — большихъ и малыхъ, славянскихъ и нѣмецкихъ. Союзы [...]ули другъ къ другу и расходились, боролись между собою, но не [въ с]илу государственныхъ началъ и интересовъ, не въ силу національ[ны]ъ симпатій и антипатій, а лишь подъ гнетомъ территоріальнаго [нач]ала общинно-волостной колонизаціи. Принципъ давности поселе-

нія, территоріальнаго укорененія и могущества общинныхъ союзов налагалъ типическія черты на все внутреннее устройство средневѣковыхъ федерацій, развивалъ и поддерживалъ іерархическія отношенія между составными частями мелкихъ общинъ и цѣлыхъ волостныхъ и земельныхъ федерацій. Этотъ общій законъ политическаго быта средневѣковыхъ Славянъ и Германцевъ весьма мѣтко формулированъ русскимъ лѣтописцемъ: „на чемъ старѣйшіе сдумаютъ, на томъ пригороды станутъ". Силой и условіями колонизаціоннаго движенія намѣчались центры тяготѣнія союзовъ, сила и могущество цѣлой федераціи отражались прежде всего въ могуществѣ ея центральнаго, или лучше сказать, старѣйшаго (по времени колонизаціи) пункта — главнаго города съ ея представителемъ—княземъ. Къ этому центру такъ или иначе тянутъ всѣ части федераціи. Центры тяготѣній одинаково обозначаются у насъ и у Славянъ Западныхъ. Послѣдовательное развитіе западно-славянскихъ федерацій, съ различными центрами усиленной колонизаціонной дѣятельности, сначала въ Моравіи и Чехіи, потомъ въ Польшѣ, представляетъ явленіе, вполнѣ аналогичное съ постепеннымъ развитіемъ центральныхъ пунктовъ колонизаціи у Восточныхъ Славянъ, сперва на сѣверѣ (въ Новгородѣ), потомъ на югѣ (въ Кіевѣ), и наконецъ, сѣверо-востокѣ (Владимірѣ и затѣмъ Москвѣ). Съ другой стороны, изъ того явленія средневѣковаго быта, что центры тяготѣній опредѣлялись не національнымъ, а лишь территоріальнымъ началомъ, объясняется, почему, напримѣръ, древнерусскія земли, колонизовавшіяся на окраинахъ племенной территоріи, и слѣдовательно, болѣе или менѣе удаленныя отъ центральныхъ пунктовъ общинной колонизаціи народа, жили особнякомъ, не входя ни въ какіе союзы съ другими землями русскими или же тянули не столько къ своимъ племеннымъ центрамъ, какъ слѣдовало бы по національному началу, сколько подчинялись силѣ ближайшихъ, мѣстныхъ тяготѣній, тянули къ центрамъ литовскимъ, польскимъ, угорскимъ и пр. То же явленіе замѣчаемъ и у Западныхъ Славянъ. Вынужденныя или добровольныя федераціи ихъ съ Нѣмцами и другими сосѣдними народами были естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ колонизаціонныхъ условій, безъ мысли объ общенаціональныхъ интересахъ, вовсе не входившихъ въ сознаніе средневѣковыхъ общинъ. Вся средневѣковая Европа покрывалась федераціями общинъ и волостей съ самымъ разношерстнымъ племеннымъ населеніемъ, — союзами франко- или саксо-славянскими, славяно-угорскими и пр. Отсюда же ясно, почему, напримѣръ, Сербо-Лужицкіе Славяне

всегда больше и охотнѣе тянули къ Нѣмцамъ, чѣмъ къ своимъ единоплеменнымъ волостямъ,—почему нѣкоторыя славянскія волости, въ союзѣ съ Нѣмцами, ведутъ борьбу съ другими славянскими или нѣмецкими волостями. Это не было „измѣной" славянскому или нѣмецкому дѣлу; ползучесть и разъединенность средневѣковыхъ общинъ нельзя ставить въ вину ни Славянамъ, ни Германцамъ. Все это было самымъ нормальнымъ явленіемъ средневѣковаго быта, когда центры тяготѣній различныхъ народныхъ частей нисколько не совпадали, а напротивъ, нерѣдко въ корнѣ расходились съ племенными центрами. Тяготѣнія средневѣковыхъ волостей направлялись туда, гдѣ ближе и сильнѣе дѣйствовала колонизаціонная организація, гдѣ въ данное время, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, скоплялась территоріальная сила и могущество федерацій большихъ и малыхъ. Борьба „націй" является въ быту европейскихъ народовъ не въ VII—X вѣкахъ, а въ позднѣйшія эпохи государственности, когда выяснились въ народномъ сознаніи идеи національно-государственныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ развились и установились государственныя формы политическаго быта отдѣльныхъ національностей. Тогда дѣйствительно началось „поглощеніе" націй и государствъ, завязалась борьба не изъ-за мѣстныхъ, колонизаціонныхъ интересовъ, какъ было въ средніе вѣка, но изъ-за интересовъ національныхъ, государственныхъ и общечеловѣческихъ. Такимъ образомъ, изъ сказаннаго мы въ правѣ, кажется, заключать, что средновѣковой бытъ Славянъ и Германцевъ складывался по свойственнымъ ему одному типамъ, и что въ его основѣ лежали начала не національныя или государственныя, а лишь территоріально-колонизаціонныя. Не было „государственныхъ націй", но только общинно-волостныя федераціи въ самыхъ разношерстныхъ комплексахъ. Отсюда естественно требовать, чтобъ и историки изучали средневѣковую жизнь не столько по націямъ и государствамъ, какъ это дѣлаетъ большинство изслѣдователей, сколько по общинно-волостнымъ федераціямъ, составлявшимъ въ средніе вѣка нормальную и единственно возможную тогда форму политическаго быта Романо-Германскихъ и Славянскихъ народовъ.

Перейдемъ теперь къ отдѣльнымъ вопросамъ, о которыхъ трактуетъ изслѣдованіе нашего автора. Правду ли онъ говоритъ, что Западные Славяне создавали въ VII—X вѣкахъ государства ради отпора противъ вражескихъ нападеній Франковъ, Саксовъ и другихъ западныхъ сосѣдей? Изъ фактовъ, сообщаемыхъ авторомъ, видно только, что Славяне, подобно Германцамъ, вступали между собою въ оборо-

нительные и наступательные союзы; но отъ такихъ союзовъ еще далеко было до образованія „государствъ". Все дѣло въ томъ, что опасность вражескихъ набѣговъ возбуждаетъ въ народѣ, какъ и въ отдѣльныхъ лицахъ, лишь инстинктъ самозащиты и самоохраны (круговой поруки), но нисколько не можетъ, сама собою, служить мотивомъ образованія государствъ, не можетъ возбуждать въ народѣ національное или государственное сознаніе. Военныя предпріятія, наступательныя или оборонительныя, могутъ поддерживать только общую мысль о племенномъ единствѣ,—такія предпріятія развивали и поддерживали болѣе или менѣе долго родовое сознаніе кочевниковъ; но отсюда еще далеко было до сознанія о государственномъ единствѣ. Напомнимъ военныя предпріятія нашего Олега или Святослава, съ которыми шли чуть ли не всѣ племена Русскія, Финскія и пр.; сообща же Русскіе отражали набѣги сосѣднихъ кочевниковъ—Половцевъ, Печенѣговъ и другихъ племенъ; но все это нисколько не даетъ намъ права утверждать о существованіи Русскаго государства во времена Олега или Святослава. Необходимость наступательныхъ или оборонительныхъ военныхъ предпріятій условливаетъ лишь болѣе или менѣе сильную военно-дружинную организацію племени, но и только. Военное устройство не есть еще критерій государственнаго порядка; оно по преимуществу характеризуетъ родовой бытъ кочевниковъ, можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ пріобрѣсти нѣкоторое значеніе и въ жизни осѣдлыхъ федерацій, но само собою никогда и нигдѣ не давало начала государственному порядку.

Можно ли, далѣе, согласиться съ положеніемъ нашего автора о томъ, что „въ первую же эпоху исторической жизни Славянъ были смѣлые и рѣшительные дѣятели, умѣвшіе соединить разрозненные элементы", сознавшіе необходимость единодержавія, создавшіе сильныя славянскія державы, государства и даже монархіи? Авторъ нисколько не сомнѣвается въ научной справедливости своего положенія и смотритъ на князей, какъ на могучихъ централизаторовъ Славянскихъ земель. Онъ, напримѣръ, считаетъ Мойміра однимъ изъ главныхъ моравскихъ властелиновъ-централизаторовъ половины IX вѣка и ставитъ его въ параллель съ Московскими князьями XV вѣка, „которые, не ознаменовавъ себя военными подвигами, тихо и кропотливо шли къ одной цѣли—усиленію своей власти, предоставляя преемникамъ пользоваться скопленными ими силами" (стр. 35). Главный импульсъ централизаторской дѣятельности Славянскихъ князей авторъ видитъ въ національныхъ идеалахъ князей, поставленныхъ въ необходимость бороться

съ нѣмецкимъ Drang nach Osten; а между тѣмъ тутъ же рядомъ прорываются у автора противоположные выводы, въ корнѣ уничтожающіе его основное воззрѣніе на характеръ и направленіе дѣятельности князей. Такъ, ставя Святополка Моравскаго вообще въ рядъ князей-объединителей, бывшихъ поборниками общеславянской идеи, авторъ тѣмъ не менѣе, въ виду неоспоримыхъ фактовъ, прямо сознается въ одномъ мѣстѣ, что Святополка „не одушевляла великая идея борьбы за свободу народа, свою власть онъ ставилъ выше общаго дѣла“ (стр. 73). Такіе же отзывы можно встрѣтить у автора и касательно другихъ князей-объединителей; въ измѣнѣ славянскому дѣлу онъ уличаетъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 195) даже Болеслава Польскаго, пользующагося вообще особеннымъ сочувствіемъ нашего автора. Но допустимъ, что дѣйствительно князья глубоко сознавали національную и государственную идею; тѣмъ не менѣе остается совершенно открытымъ вопросъ о томъ, что сознаніе такое, само по себѣ, помимо народнаго сознанія (а его не было, по словамъ самого же автора), было въ силахъ создать государственный порядокъ. Дѣйствительно ли князья являлись собирателями земли, вводили единодержавіе, основывали „монархію“, со всѣми ея аттрибутами? Авторъ даетъ отвѣтъ утвердительный, доказываетъ, что князья и короли западно-славянскіе заправляли всѣми общественными дѣлами, какъ неограниченные властители, не знавшіе рядомъ съ собою никакой другой самобытной власти (см., напримѣръ, стр. 141—145). Но такъ ли было на дѣлѣ? Намъ кажется, что, при болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу, авторъ не пришелъ бы къ такимъ поспѣшнымъ выводамъ и заключеніямъ. Строже изучая факты, онъ пришелъ бы къ убѣжденію, что отмѣна мѣстныхъ, или какъ онъ выражается, колѣнныхъ князей была прямымъ актомъ собиранія Славянскихъ земель въ смыслѣ государственномъ. Вѣдь и у насъ народные князья постепенно уступали мѣсто Рюриковичамъ (послѣдній народный князь, Ходота Вятскій, какъ извѣстно, побѣжденъ уже Владиміромъ Мономахомъ); но никто не докажетъ, что здѣсь шла рѣчь о государственномъ объединеніи Русской земли. Если изчезали народные князья, то ихъ мѣсто заняли волостные князья одного рода Рюриковичей. Идея политической особности и самобытности земель не только не изчезала послѣ отмѣны народныхъ князей, но именно достигла полнаго развитія подъ вліяніемъ удѣльной системы, бывшей результатомъ не столько княжескихъ распорядковъ, сколько изстаринной розни общинныхъ союзовъ. Тѣ же самыя явленія повторяются и въ исторіи Сла-

вянъ Западныхъ. Уничтоженіе колѣнныхъ князей ничего не значило, старая рознь поддерживалась удѣльной системою, развивавшеюся у Западныхъ Славянъ по тѣмъ же самымъ причинамъ и въ такихъ же формахъ, какъ и у восточныхъ ихъ соплеменниковъ. При такихъ порядкахъ, очевидно, не могло быть и рѣчи о „единодержавіи" князей,— при порядкахъ, которые въ корнѣ уничтожаютъ положеніе нашего автора хоть о томъ, что чешскій Болеславъ I „является въ своей странѣ такимъ же самостоятельнымъ и полноправнымъ *государемъ*, каковы были князья Моравскіе Ростиславъ и Святополкъ" (стр. 145). Эти князья дѣйствительно являлись, подобно нашимъ Олегамъ и Владимірамъ, властелинами съ большою политическою силой и могуществомъ; но эта сила и могущество не имѣютъ ничего общаго съ единодержавіемъ Московскихъ государей XV и XVI вѣковъ. Могущество старыхъ князей было лишь проявленіемъ могущества вѣчеваго наряда общинъ. По вѣрному замѣчанію г. Бестужева-Рюмина, у старыхъ Славянъ власть князя являлась не ограниченною, пока князь находится въ согласіи съ народомъ, пока народъ цѣнитъ и любитъ своего князя (Русская Исторія I, 49). Главнымъ условіемъ проявленія власти князей было не личное ихъ достоинство, какъ думаетъ г. Успенскій а единеніе, солидарность ихъ съ народомъ,—пока князь былъ „любъ" народу, до тѣхъ поръ онъ былъ и силенъ. Подобно Русскимъ князьямъ X вѣка, Олегу или Владиміру, бывшимъ сильными своимъ единеніемъ съ землей, Святополкъ, „дикій и грубый" князь Моравскій, сохранилъ въ народѣ добрую память о себѣ, величался у лѣтописцевъ царскимъ титуломъ, какъ и Болеславъ Польскій являлся народнымъ „царемъ-батюшкой", пользовался популярностью, какъ справедливый и безпристрастный судья, щедрый питатель и кормилецъ народа. Вѣрна мысль г. Успенскаго о сходствѣ и параллели между народнымъ идеаломъ русскаго Владиміра и идеаломъ польскаго Болеслава. Но дѣло въ томъ, что эта совершенно вѣрная параллель идетъ въ положительный разрѣзъ съ основнымъ воззрѣніемъ автора на Болеслава, какъ на государя-централизатора съ одинодержавною властью. Народныя преданія и лѣтописныя извѣстія одинаково рисуютъ типъ старыхъ славянскихъ князей, не какъ государей, а лишь какъ простыхъ дружинниковъ-колонизаторовъ, стоявшихъ во главѣ колонизаціоннаго движенія общинъ. Въ дѣятельности западно-славянскихъ князей поэтому дѣйствительно можно подмѣтить много родственныхъ чертъ съ древними русскими князьями. У насъ и на западѣ князья постоянно, напримѣръ, мѣняютъ центры своего колонизаціоннаго наряда. Подобно

русскому Святославу, ушедшему на Дунай („не любо ми есть въ Кіевѣ быти, хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть середа въ земли моей"), Болеславъ Польскій нѣсколько разъ переноситъ свой дворъ съ мѣста на мѣсто. Понравилась ему „Златая" Прага, и онъ задумалъ основать свою столицу въ центрѣ Чешской земли; очень понравилась ему новая столица—Кіевъ, и онъ не считаетъ себя гостемъ въ немъ, но задумываетъ оставить кіевскій столъ за Пястовичами. Князья Русскіе и Западно-Славянскіе на одинаковыхъ основаніяхъ ведутъ нарядъ въ своихъ земляхъ; но это не даетъ еще права выводить отсюда заключеніе (какъ дѣлаетъ нашъ авторъ) о томъ, что князья были единственными нарядниками и двигателями общественной жизни старыхъ Славянъ. Рядомъ съ князьями и независимо отъ нихъ дѣйствовали иные могучіе нарядники—народныя вѣча, эти дѣйствительные властители, безъ которыхъ сами князья не имѣли никакого значенія. Вина нашего автора—въ томъ, что онъ не обратился къ изученію вѣчеваго устройства древнихъ Славянъ: оставивъ этотъ капитальный вопросъ безъ вниманія, онъ нарисовалъ такую картину быта западныхъ Славянъ, которая далеко не напоминаетъ дѣйствительности. Благо не было бы матеріала, а то вѣдь вопросъ о вѣчевомъ бытѣ древнихъ Славянъ разработанъ теперь съ достаточною полнотой; кромѣ общихъ изслѣдованій Мацѣевскаго, Иречка, Дудика и др., есть спеціальныя монографіи, напримѣръ, хоть о чешскихъ снемахъ—Томка, Челяковскаго, Томана и пр.

Невѣрно опредѣливъ значеніе старославянскихъ князей, сущность ихъ власти и отношеній между собою и къ народу, авторъ съ неменьшею односторонностію трактуетъ шляхетство и другія сословія Западныхъ Славянъ. Говоря о шляхетствѣ, автору слѣдовало бы прежде всего остановиться на военно-дружинномъ началѣ, сильно вліявшемъ на организацію этого сословія, показать связь его съ древнею дружиной и боярствомъ, встрѣчавшимися въ одинаковыхъ формахъ у всѣхъ старыхъ Славянъ. Вмѣсто того, авторъ трактуетъ лишь о какихъ-то нѣмецкихъ вліяніяхъ, которыя если и были, то все-таки могли имѣть одно формальное значеніе. Дѣло въ томъ, что военная дружина у Славянъ и Германцевъ возникла изъ однихъ и тѣхъ же условій народнаго быта, являлась главнымъ охранительнымъ началомъ колонизаціоннаго наряда общинъ и волостей. У Славянъ Восточныхъ и Южныхъ колонизація двигалась болѣе мирнымъ путемъ; поэтому у нихъ дружинное начало остановилось на ступени лишь военныхъ и административно-служебныхъ сервитутовъ,

не достигло той огромной политической роли, съ какою оно являлось у другихъ европейскихъ народовъ. Бытъ Западныхъ Славянъ слагался подъ вліяніемъ усиленной колонизаціонной борьбы нѣсколькихъ племенныхъ федерацій большихъ и малыхъ; охраненіе колонизаціоннаго наряда требовало здѣсь уже болѣе сложной организаціи, — „роды" шляхетскіе и панскіе уже на первыхъ историческихъ порахъ являются у Чеховъ, Моравовъ и другихъ Западно-Славянскихъ племенъ передовыми дружинами, съ болѣе или менѣе замѣтнымъ политическимъ значеніемъ. Полной силы достигаетъ дружинное начало на почвѣ романо-германской колонизаціи. Оно охватываетъ тамъ весь народный бытъ, установляетъ сложную систему политическихъ сервитутовъ,— систему, легшую въ основаніе феодальнаго устройства средневѣковыхъ Германскихъ народовъ. Всѣ эти явленія коренятся въ условіяхъ народнаго быта. Нашъ авторъ поэтому совершенно основательно полагаетъ (согласно съ другими историками, въ особенности Репелемъ), что военное устройство Польши временъ Болеслава Храбраго было славянскимъ учрежденіемъ, возникло изъ круговой поруки; но онъ невѣрно смотритъ на характеръ его развитія, въ особенности на назначеніе военнаго шляхетства. Не смотря на иноземную (рыцарскую) форму, оно при Болеславѣ еще не имѣло позже привившагося къ нему характера status in statu, а являлось почти съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и русская дружина временъ Олега или Владиміра.

Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и о воззрѣніяхъ г. Успенскаго относительно міровой миссіи Германцевъ VII — X вѣковъ въ отношеніи къ Славянамъ, относительно нѣмецкой раздѣлительной политики и пр. По видимому, факты говорятъ въ пользу такой гипотезы историковъ: Нѣмцы поглощаютъ Балтійскихъ Славянъ, подчиняютъ болѣе или менѣе строгому господству другія Славянскія племена и пр. Но вглядѣвшись ближе въ дѣло, а главное—отрѣшившись отъ всякихъ тенденціозныхъ идей, мы убѣдимся, что славянскіе историки, а вмѣстѣ съ ними и нашъ авторъ, окрашиваютъ всѣ историческія явленія въ такія краски, какія для нихъ желательны, по ихъ личнымъ симпатіямъ. Какія данныя мы имѣемъ для того, чтобы смѣло и рѣшительно приписывать славянскимъ князьямъ или Германскимъ королямъ сознаніе разныхъ міровыхъ миссій славянства и германства? Выше мы старались показать всю неосновательность и шаткость воззрѣнія историковъ о Славянской національной идеѣ VII — X вѣковъ. То же нужно сказать и о германской идеѣ. Старые Германцы, подобно другимъ средневѣковымъ

народамъ, не знали вовсе никакихъ міровыхъ общенаціональныхъ задачъ; идея національнаго единства не входила въ сознаніе Германцевъ VII и слѣдующихъ вѣковъ. У нихъ, какъ и у Славянъ, все шло въ разбивку; вездѣ и во всемъ господствовали разъединенность, ползучесть, раздѣленность интересовъ мѣстныхъ, территоріальныхъ и пр. Тяготѣнія у Германцевъ имѣли тотъ же характеръ, что̀ и у Славянъ; они, подобно послѣднимъ, ширились во всѣ стороны подъ гнетущемъ давленіемъ колонизаціонныхъ инстинктовъ и побужденій. У нихъ, какъ и у Славянъ, велась колонизаціонная борьба внутренняя—между одноплеменными германскими федераціями, и внѣшняя—съ сосѣдними племенами Славянскими и другими. Германцы выигрывали, брали перевѣсъ,—но потому что у нихъ больше оказалось колонизующей и организаторской силы, по неизбѣжному ходу вещей всегда и вездѣ притягивавшей къ себѣ, а нерѣдко и просто поглощавшей слабѣйшія политическія организаціи. Утверждая свое владычество надъ Славянами Балтійскими, Сербо-Лужицкими и пр., Германцы собственно только упреждали Чеховъ или Поляковъ, боровшихся съ Нѣмцами, между прочимъ, и за господство надъ Поморьемъ и другими мелкими славянскими федераціями. Для Поморянина Нѣмецъ и свой братъ-Славянинъ были одинаково опасными и страшными врагами,—съ тѣмъ и другимъ ему приходилось въ равной степени считаться, вести борьбу на жизнь и смерть.

Не вникнувъ достаточно въ общій типъ и характеръ политическаго быта старыхъ Германцевъ, авторъ высказалъ невѣрныя воззрѣнія и по отдѣльнымъ вопросамъ политическаго ихъ устройства. У него выходитъ, что Германцы временъ Карла Великаго или Оттона I уже вполнѣ усвоили идею національнаго и государственнаго единства, пропагандировали принципъ всемірной императорской власти путемъ завоеванія и порабощенія Славянъ и другихъ сосѣднихъ племенъ. Такъ ли это было на дѣлѣ? Есть ли что общее между политическимъ сознаніемъ Германца IX вѣка и сознаніемъ Европейца позднѣйшаго времени, хоть напримѣръ, эпохи Людовика XI; могъ ли сказать о себѣ Карлъ Великій то, что̀ съ полнымъ основаніемъ говорилъ въ свое время Людовикъ XIV. L'état c'est moi"? Можно ли утверждать, что у Франковъ, съ принятіемъ ихъ королями императорскаго достоинства, въ корнѣ измѣнялся политическій бытъ народа, являлась монархія со всѣми ея аттрибутами и порядками? Не ближе ли будетъ къ правдѣ, если скажемъ, что ничего подобнаго не могло быть у Германцевъ VIII или IX в., еще близко стоявшихъ къ эпохѣ первичныхъ народ-

ныхъ переселеній? Нужно помнить, что и кочевникъ можетъ имѣть своихъ владыкъ и государей, своихъ Аттилъ и Чингисхановъ, обладавшихъ грознымъ политическимъ могуществомъ; но мы не скажемъ, что дикарь-кочевникъ обладалъ государственнымъ сознаніемъ, созидалъ государства. Помыслы о всемірной власти и господствѣ заявлялись и нерѣдко приводились въ исполненіе грозными вождями кочевниковъ, территоріально не привязанныхъ ни къ какому мѣсту, смотрѣвшихъ на весь міръ, какъ на свое родовое достояніе. Тѣмъ не менѣе всѣ такіе помыслы безмѣрно далеки, не имѣютъ ничего общаго съ государственнымъ сознаніемъ позднѣйшихъ цивилизацій, которое одно зиждетъ государственный бытъ. Всмотрѣвшись ближе въ дѣло, безпристрастный историкъ увидитъ, что древніе Германцы вступали въ борьбу съ Славянами не изъ-за пропаганды чуждой имъ государственной или національной идеи,—ихъ побуждала къ тому не жажда распространенія всемірной императорской власти, но тотъ же самый колонизаціонный инстинктъ, который съ такимъ гнетомъ проявляется вообще въ быту всѣхъ новыхъ средневѣковыхъ народовъ. Съ другой стороны, безпристрастный историкъ увидитъ, что если съ формальной стороны и была разница между властію Славянскаго князя и властію Германскаго короля или императора, то по внутренней ихъ сущности, они принадлежатъ къ рѣшительно тожественнымъ явленіямъ. Въ сферѣ политическаго міросозерцанія старые Германцы и Славяне нисколько не расходились между собою; политическіе идеалы были одинаковы на всемъ средневѣковомъ западѣ германскомъ и славянскомъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что у Германцевъ была больше развита внѣшняя норма, формула. Германская идея королевской или императорской власти, Königsbann, bannus, если совлечь съ нея чуждыя (римскія) формы, окажется, по своей внутренней сущности и направленію, весьма близкою и родственною не съ римскою или византійскою идеей imperium, но съ старо-славянской идеей „володенья, наряда" общинно-волостныхъ старѣйшинъ. Германскихъ королей и императоровъ IX и X вѣковъ нужно ставить рядомъ не съ государями и владыками Римскими или Византійскими, а со Славянскими князьями, простыми дружинниками-колонизаторами, стоявшими во главѣ общинныхъ и волостныхъ федерацій. Блескъ императорскаго двора и всей обстановки власти у Германцевъ, чему нашъ авторъ придаетъ такую важность въ отношеніи къ славянскому вопросу, въ дѣйствительности не имѣетъ никакого существеннаго значенія.

Съ такою же тенденціозною односторонностію трактуетъ авторъ и вопросъ объ отношеніи латинскаго христіанства къ западнымъ Славянамъ VIII—X вѣковъ. Онъ проводитъ рѣзкую грань между политическими воззрѣніями и дѣятельностію духовенства латинскаго и византійскаго, а между тѣмъ именно политическіе идеалы того и другаго были одинаковы. Разница могла быть въ пріемахъ ученія, въ способѣ пропаганды; но суть самаго ученія была одна—верховенство князей и безусловное подданство народа предержащей власти. Весь вопросъ собственно во времени, когда началась у Славянъ политическая пропаганда латинскаго духовенства. Его проповѣдь IX—X вв. не есть еще религіозно-политическая пропаганда послѣдующихъ эпохъ. Это время было эпохой борьбы христіанства съ славянскимъ язычествомъ, — латинскому христіанству было не до помысловъ объ осуществленіи своихъ политическихъ идеаловъ; оно должно было еще долго бороться за собственное существованіе. То же явленіе повторяется въ русской исторіи. Духовенство заносило къ намъ политическіе идеалы по типамъ византійскимъ; но эти идеалы начинаютъ у насъ прививаться къ жизни не раньше татарской эпохи. Невѣрно опредѣляя характеръ и направленіе латинской пропаганды у Западныхъ Славянъ въ VIII—X вѣкахъ, авторъ, естественно, не могъ установить надлежащаго взгляда и на роль отдѣльныхъ дѣятелей. По его мнѣнію, епископъ Войтѣхъ—„первый *западникъ* въ славянскомъ мірѣ, всего болѣе хлопотавшій о распространеніи въ Чехіи латинскаго христіанства, не оставилъ по себѣ доброй памяти, ни у Чеховъ, ни у другихъ Славянъ" (стр. 159—160), прежде всего, конечно, какъ поборникъ религіозно-политической пропаганды Нѣмцевъ. Но посмотрите, на сколько подтверждается взглядъ автора фактами, приводимыми въ его же изслѣдованіи. Изъ жизнеописанія Войтѣха, изложеннаго авторомъ очень подробно, видно, что этотъ дѣятель вообще чуждался политической арены, былъ не политическимъ агитаторомъ, а честнымъ и искреннимъ проповѣдникомъ Христова ученія. Его не любили въ Чехіи, но главнымъ образомъ по той причинѣ, что онъ, при своемъ княжескомъ происхожденіи, могъ стоять на дорогѣ Чешскихъ князей. У другихъ Славянскихъ племенъ, ратовавшихъ за свое старое язычество, его тоже не могли долюбливать, и онъ погибъ, какъ мученикъ—за идею христіанскую, а не нѣмецкую или латинскую. А весь этотъ почетъ по его смерти со стороны князей и народа, о чемъ такъ подробно распространяется авторъ, неужели не означаетъ „доброй памяти" о Войтѣхѣ, какъ о

дѣйствительно замѣчательнѣйшемъ дѣятелѣ, во многомъ напоминающемъ первоучителей славянскихъ?

Наконецъ, авторъ совершенно напрасно усиливается доказать, что такое безотрадное явленіе, какъ разъединенность и враждебность Славянъ, объясняется раздѣлительною политикой и интригами Нѣмцевъ. Какъ будто и въ самомъ дѣлѣ, не будь Нѣмцевъ, Славяне зажили бы мирно и согласно. Выше мы показали, что рознь и ползучесть есть одно изъ главныхъ явленій средневѣковаго быта, не только у Славянъ, но и у Германцевъ. Да и самъ авторъ, въ противорѣчіе своей основной мысли, намекаетъ на то же самое, говоря въ одномъ мѣстѣ, что существенною особенностію первоначальной внутренней исторіи Чеховъ, между прочимъ, было то, что ея части стремились къ самостоятельности и независимости (стр. 105).

Мы указали на шаткость и невыработанность основныхъ выводовъ и положеній нашего автора и на противорѣчіе ихъ нерѣдко съ тѣми самыми историческими данными, которыя собраны авторомъ. По нашему мнѣнію, главный недостатокъ, которымъ страдаетъ сочиненіе г. Успенскаго, есть именно тенденціозное его направленіе.

На скользкую дорогу тенденціозныхъ изслѣдованій онъ былъ увлеченъ—быть можетъ, помимо своей воли—самою постановкой задачи, предложенной нашей учащейся молодежи для рѣшенія славянскимъ комитетомъ [1]). Во всякомъ случаѣ, не можемъ не сказать, что подобная тенденціозность неумѣстна и нежелательна.

[1]) Работа г. Успенскаго заключаетъ въ себѣ разрѣшеніе задачи (о первыхъ трехъ попыткахъ государственнаго объединенія Западныхъ Славянъ), предложенной Петербургскимъ отдѣломъ славянскаго благотворительнаго комитета, къ соисканію преміи, которая назначена комитетомъ спеціально для поощренія учащейся въ университетахъ и духовныхъ академіяхъ молодежи къ занятіямъ славянскою наукой. Въ 1871 г. сочиненіе г. Успенскаго, было комитетомъ удостоено первой кирилловской преміи.

Ѳ. Леонтовичъ.

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ А. Н. Веселовскаго: «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды» вкрались слѣдующія важныя опечатки, которыя спѣшимъ исправить.

Страница 242:

	Напечатано:	Читай:
прим., строка 2-я сверху:	XXXXIII	LXIII.
строка 4-я снизу:	Makuas	Matsyas
	Makyâ	Matsyâ
» 3-я »	netes	notes
» 2-я »	pregnaney	pregnancy
	Boethéne	Boetíne

ПО ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ВЪ ПРУССІИ.

Изъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ за границей лишь немногіе имѣли до сихъ поръ достаточно досуга или охоты, чтобы слѣдить за тѣмъ, что̀ происходитъ въ мѣстахъ ихъ пребыванія по части образованія юношества, и сообщать объ этомъ русскому правительству. Къ числу этихъ немногихъ прежде всего принадлежитъ нашъ генеральный консулъ въ Генуѣ д. с. с. фонъ-Вахерахтъ, которому министерство народнаго просвѣщенія обязано многими и весьма интересными сообщеніями о томъ, что дѣлается по этой части въ Италіи. Затѣмъ, въ самое послѣднее время Россійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Веймарѣ, графъ Толль, препроводилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, отъ 29-го декабря 1875 г. (10-го января 1876 г.), въ рукописи лекцію, которую держалъ предъ довольно многочисленною публикой директоръ Веймарской гимназіи д-ръ Рассовъ, пользующійся заслуженною извѣстностью благодаря и своей учености, и своей обширной опытности во всемъ, что касается воспитанія и обученія юношества,—лекцію, посвященную весьма важному современному вопросу о реформѣ среднихъ учебныхъ заведеній въ Германіи. Благодаря въ высшей степени обязательному доставленію этой рукописи его сіятельству г. министру народнаго просвѣщенія его свѣтлостью г. государственнымъ канцлеромъ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* поставленъ въ возможность ознакомить своихъ читателей съ содержаніемъ этого дѣйствительно замѣчательнаго труда г. Рассова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ современнымъ положеніемъ вопроса о преобразованіи среднихъ учебныхъ заведеній въ Германіи.

Учебная реформа признается нынѣ всѣми въ Германіи неотложно необходимою, и въ виду предстоящаго внесенія въ прусскій пар-

ламентъ проекта учебнаго закона, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе въ такой мѣрѣ, что г. Рассовъ счелъ не безполезнымъ сдѣлать этотъ вопросъ предметомъ своего публичнаго чтенія. „Тогда какъ относительно народныхъ училищъ,—говоритъ г. Рассовъ,—дѣло идетъ преимущественно о разрѣшеніи запутаннаго вопроса объ ихъ содержаніи и о приспособленіи къ этому дѣлу новаго окружнаго и провинціальнаго положенія, относительно среднихъ учебныхъ заведеній представляются затрудненія педагогическаго свойства, которыя замедляютъ появленіе новаго учебнаго закона. Здѣсь спрашивается именно, соотвѣтствуютъ ли результаты, достигаемые средними учебными заведеніями при нынѣшней ихъ организаціи, тѣмъ значительнымъ средствамъ, которыми надѣлили ихъ въ самоотверженномъ соревнованіи другъ съ другомъ государство и общины, не отвращаются ли гимназіи,—число коихъ возрасло почти до излишества,—въ своей привязанности къ любезной старинѣ отъ удовлетворенія справедливымъ и настоятельнымъ требованіямъ времени и *прежде всего* не уклонилась ли мало по малу многообразная и съ трудомъ обозрѣваемая система реальнаго образованія на путь, который далеко отстоитъ отъ первоначальной цѣли, вызвавшей учрежденіе реальныхъ училищъ, и который дѣлаетъ болѣе чѣмъ сомнительною пользу этихъ училищъ для того слоя населенія, для котораго они прежде всего учреждены". Представители всѣхъ возможныхъ направленій, замѣчаетъ г. Рассовъ, сходятся между собою въ сознаніи необходимости реформы реальныхъ училищъ, и вопросу объ этой реформѣ почтенный директоръ Веймарской гимназіи посвящаетъ значительно большую часть своего чтенія.

Еще въ прошломъ столѣтіи,—говоритъ онъ,—была признана потребность особыхъ школъ для сыновей среднихъ классовъ городскаго населенія, которые для предстоящаго имъ поприща нуждаются въ болѣе обширномъ образованіи, чѣмъ то, которое могутъ давать народныя училища, и которые однако же свое вступленіе на поприще практической дѣятельности не могутъ откладывать далѣе своего 15-ти или 16-ти лѣтняго возраста. Дальнѣйшему развитію этихъ школъ, предназначенныхъ для образованія горожанъ, должны были содѣйствовать вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшіе успѣхи естественныхъ наукъ, перерожденіе географіи изъ сухой статистики въ науку, развивающую умственныя силы учащихся, успѣхи отечественнаго бытописанія, которое нашло себѣ многихъ превосходныхъ представителей и, можетъ быть, всего болѣе возникновеніе въ концѣ прошлаго столѣ-

тія національной поэтической литературы, „которая, не уступая иностраннымъ литературамъ, содержитъ въ себѣ неистощимый источникъ поученія и облагороженія для юношества". Такимъ образомъ, явилась возможность учрежденія особыхъ школъ для городскихъ классовъ общества, а вскорѣ затѣмъ усилилась и ихъ необходимость, „съ тѣхъ поръ, какъ бюрократія абсолютной монархіи уступила мѣсто конституціонной системѣ. Чѣмъ болѣе въ настоящее время государство привлекаетъ и обязываетъ гражданъ къ участію въ многочисленныхъ общественныхъ дѣлахъ, чѣмъ болѣе для него важно, чтобы граждане относились къ государственнымъ задачамъ съ свободнымъ и самостоятельнымъ пониманіемъ, тѣмъ болѣе государство обязано заботиться объ учебныхъ заведеніяхъ, которыя были бы вполнѣ разчитаны на потребности образованія городскихъ населеній".

Потребностямъ этимъ прусское правительство предполагало удовлетворить своимъ положеніемъ о реальныхъ и высшихъ городскихъ училищахъ отъ 6-го октября 1859 г. Во главѣ этого положенія значится, что всѣ эти училища имѣютъ общею своею цѣлью давать общую научную подготовку къ тѣмъ поприщамъ, для коихъ нѣтъ надобности въ предварительныхъ университетскихъ занятіяхъ. „Вступленіе это подаетъ надежду, что многочисленная и важная часть населенія, которую принято называть городскимъ населеніемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, найдетъ себѣ здѣсь удовлетвореніе"; но надежда эта, по внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, оказывается совершенно обманчивою. Въ прусскомъ положеніи отъ 6-го октября 1859 года на первомъ планѣ стоятъ реальныя училища 1-го разряда. „Это, какъ извѣстно,—школы съ 9-лѣтнимъ курсомъ, въ которыхъ кромѣ реальныхъ дисциплинъ преподаются еще три иностранные языка, и въ томъ числѣ латинскій при такомъ же почти числѣ уроковъ, какое назначено на французскій и англійскій языки вмѣстѣ. Этихъ однихъ данныхъ уже достаточно, чтобъ убѣдить насъ,—продолжаетъ г. Рассовъ, — что въ реальныхъ училищахъ перваго разряда мы не должны видѣть учебныхъ заведеній, удовлетворяющихъ потребностямъ среднихъ классовъ городскаго населенія, ибо эти классы, не говоря уже ни очемъ другомъ, рѣдко бываютъ въ состояніи обучать своихъ сыновей до 19-лѣтняго ихъ возраста". За тѣмъ слѣдуютъ реальныя училища 2-го разряда, которыя имѣютъ курсъ семилѣтній и для которыхъ латинскій языкъ не обязателенъ. Казалось бы на первый взглядъ, что эти училища соотвѣтствуютъ цѣли; но, вопервыхъ, положеніе 6-го октября 1859 года только ихъ терпитъ, нисколько не

поощряя къ ихъ учрежденію, ибо объявляетъ, что это учебныя заведенія недостаточныя, которыя не могутъ достигнуть цѣли, предположенной для реальныхъ училищъ, а вовторыхъ, этимъ училищамъ не было даровано никакихъ существенныхъ правъ, и каждой изъ этихъ причинъ порознь было достаточно для того, чтобы городскіе магистраты повсюду спѣшили обращать реальныя училища 2-го разряда въ реальныя училища 1-го разряда. Наконецъ, третью и послѣднюю категорію училищъ, на которыя простирается положеніе 6-го октября 1859 года, составляютъ такъ-называемыя высшія городскія училища. „Здѣсь уже самое имя подаетъ надежду, что интересы городскихъ сословій приняты вполнѣ во вниманіе; однакоже, разочарованіе оказывается полнымъ. Прусское положеніе отъ 6-го октября 1859 г. до такой степени проникнуто мыслію о совершенствѣ реальныхъ училищъ 1-го разряда, что ихъ организація служитъ для него неизмѣннымъ канономъ, съ которымъ должны сообразоваться всѣ прочія учебныя заведенія. Высшее городское училище (die höhere Bürgerschule) есть именно не что другое какъ реальное училище 1-го разряда, но безъ примы,—туловище безъ головы. Это, можетъ быть, самая неудачная изъ всѣхъ формъ учебныхъ заведеній, если только можно считать ее за особую форму".

Такимъ образомъ г. Рассовъ приходитъ къ заключенію, что, не смотря на существованіе высшихъ городскихъ и реальныхъ училищъ 1-го и 2-го разрядовъ, „ни для одной части населенія Пруссіи не сдѣлано такъ мало со стороны государства и городскихъ общинъ (значительно бо́льшая часть реальныхъ и городскихъ училищъ Пруссіи учреждены городами), какъ именно для среднихъ классовъ городскаго населенія, и однако же, — прибавляетъ онъ, — мнѣ думается, что отъ дѣльности и упора этихъ классовъ населенія главнѣйше зависитъ, удастся ли или нѣтъ соціальной и церковной" (римско-католической) „агитаціи существенно повредить здравому развитію нашего государственнаго быта".

Тѣмъ большую справедливость отдаетъ г. Рассовъ попыткѣ бывшаго Берлинскаго шульрата, нынѣ директора одной изъ Берлинскихъ гимназій, г. Гофмана, создать типъ приспособленной къ потребностямъ среднихъ классовъ городскаго населенія школы, такъ-называемой средней школы (Mittelschule). Съ этими средними школами читатели наши могутъ ближе ознакомиться изъ отчета члена совѣта министра народнаго просвѣщенія А. И. Георгіевскаго: „О реальномъ образованіи въ Пруссіи, Саксоніи, Австріи, Баваріи и Швейцаріи", въ кото-

ромъ подробно изложенъ и учебный для нихъ планъ г. Гофмана, и описанъ ходъ учебнаго дѣла въ одной изъ осмотрѣнныхъ авторомъ въ Бреславлѣ среднихъ школъ [1]). Эти среднія школы, какъ и наши реальныя училища по уставу, Высочайше утвержденному 15-го мая 1872 г., имѣютъ только 6 основныхъ классовъ съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ изъ нихъ; въ нихъ такъ же, какъ и въ нашихъ реальныхъ училищахъ, не введено вовсе преподаваніе латинскаго языка, а изъ новыхъ иностранныхъ языковъ, по плану г. Гофмана, обязателенъ только одинъ, преимущественно французскій, а затѣмъ дано надлежащее развитіе преподаванію языка отечественнаго, географіи, исторіи, математики и естествовѣдѣнія. Наши реальныя училища, сообразно съ существенными потребностями страны и особенно городскихъ ея классовъ, отличаются отъ среднихъ школъ Германіи преимущественно тѣмъ, что въ нихъ дано большее развитіе черченію и рисованію, что параллельно съ V-мъ и VI-мъ классами основнаго отдѣленія могутъ быть учреждаемы соотвѣтственные классы отдѣленія коммерческаго, а сверхъ того еще и дополнительный классъ съ отдѣленіями механико-техническимъ, химико-техническимъ и общимъ, или вмѣстѣ, или же и порознь. Въ такого рода полезныхъ въ практическомъ отношеніи приспособленіяхъ въ Германіи нѣтъ надобности по множеству существующихъ тамъ коммерческихъ, промышленныхъ и другихъ среднихъ техническихъ училищъ, а потому и среднія школы остаются тамъ безъ этихъ практическихъ приспособленій.

Въ этихъ-то среднихъ школахъ г. Рассовъ усматриваетъ наилучшее средство къ удовлетворенію потребностей образованія городскихъ классовъ населенія, и ими, повидимому, желалъ бы онъ замѣнить нынѣшнія высшія городскія и реальныя училища какъ перваго, такъ и втораго разряда, совершенная несостоятельность которыхъ изложена большею частью его же словами выше. Но, къ сожалѣнію, говоритъ онъ, надеждамъ Гофмана, что ученикамъ среднихъ школъ, успѣшно прошедшимъ полный ихъ курсъ и выдержавшимъ изъ него испытаніе, будетъ предоставлена льгота одногодичной службы при выполненіи воинской повинности вольноопредѣляющимися, не было суждено осуществиться: военное управленіе только въ знаніи двухъ иностранныхъ языковъ, въ томъ числѣ особенно латинскаго, усматриваетъ достаточную гарантію въ томъ, что требуемая отъ одногодниковъ сте-

---

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за декабрь 1871 г., стр. 103—113.

пень образованія дѣйствительно достигнута. „Если бы при этомъ преимущественно принимались во вниманіе будущіе офицеры запаса арміи, то при доброй волѣ дѣло можно было бы еще уладить: стоило бы только, какъ то и предлагаетъ Гартманнъ, отдѣлить условія для пріобрѣтенія права на одногодичную службу отъ условій для достиженія офицерскаго чина въ запасѣ арміи, и первую льготу предоставить ученикамъ среднихъ школъ, а вторую—ученикамъ, окончившимъ полный курсъ гимназіи; но на такого рода уступку мало надежды, такъ какъ и новый воинскій законъ твердо держится принципа, что въ составъ испытанія вольноопредѣляющихся одногодниковъ должны входить по меньшей мѣрѣ два иностранные языка". Требованіемъ этимъ задерживается размноженіе и правильное развитіе среднихъ школъ въ Германіи, а вмѣстѣ отдаляется и надежда на устраненіе того вопіющаго недостатка, которымъ, по общему признанію, страдаютъ въ Германіи среднія учебныя заведенія высшаго порядка, а именно на устраненіе загроможденія низшихъ и среднихъ ихъ классовъ учениками, которые не имѣютъ ни намѣренія, ни средствъ, ни способностей пройдти полный ихъ курсъ, и которые въ нихъ высиживаютъ только льготу на одногодичную военную службу, высиживаютъ нерѣдко до 19-лѣтняго возраста лишь потому, что имъ не представляется иначе никакого инаго способа пріобрѣсти себѣ эту льготу. Особенно страдаютъ накопленіемъ такого рода учениковъ низшіе и средніе классы реальныхъ училищъ 1-го разряда, тогда какъ высшіе ихъ классы почти пусты; но и въ гимназіяхъ подобнаго же рода балластъ даетъ себя сильно чувствовать до унтеръ-секунды включительно, все болѣе и болѣе понижая уровень и преподаванія, и успѣшности другихъ учениковъ, и размѣры самихъ уроковъ.

И въ этомъ отношеніи постановка среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи благопріятнѣе чѣмъ въ Германіи, ибо для пріобрѣтенія соотвѣтственной льготѣ германскихъ одногодниковъ льготы вольноопредѣляющихся 2-го разряда нѣтъ необходимости поступать непремѣнно въ гимназіи или изучать непремѣнно два иностранные языка, а достаточно пройдти курсъ шести классовъ нашихъ среднихъ школъ— реальныхъ училищъ, и притомъ по какому бы то ни было изъ ихъ отдѣленій. При этомъ министерствомъ народнаго просвѣщенія имѣлось въ виду не привлекать искусственно въ гимназіи тѣхъ, кто не имѣетъ ни средствъ, ни способности, ни охоты пройдти полный ихъ курсъ, а ищетъ только самой цѣнной изъ льготъ по воинской повинности, и кто, какъ показываетъ опытъ Германіи, можетъ быть

только балластомъ для этихъ ученыхъ школъ. И тѣмъ не менѣе, не смотря на чрезвычайное размноженіе реальныхъ училищъ, число которыхъ съ 15-го мая 1872 г. по 1-е января 1876 г. возрасло съ 7-и до 40, приливъ учениковъ въ гимназіи и прогимназіи съ каждымъ годомъ увеличивается и осенью 1875 г. дошелъ до 15.274, изъ коихъ могли быть дѣйствительно приняты 10.645 человѣкъ.

Въ необходимости отвратить отъ среднихъ учебныхъ заведеній Германіи,—продолжаетъ г. Рассовъ,—неудобства, испытываемыя ими отъ искусственнаго привлеченія искателей воинской льготы, всѣ между собою согласны; что же касается до дальнѣйшаго ихъ преобразованія, то тутъ, можно сказать вмѣстѣ съ Теренціемъ, quot capita, tot sententiae. Тѣмъ не менѣе, однако же, можно различить два главныя, господствующія направленія. Приверженцы одного изъ нихъ желали бы сохранить нынѣшнее раздвоеніе среднихъ учебныхъ заведеній Германіи на гимназіи и реальныя училища, подвергнувъ и тѣ и другія сообразнымъ съ потребностями времени реформамъ. Приверженцы же другаго направленія въ самомъ этомъ раздвоеніи усматриваютъ роковую, пагубную ошибку и полагаютъ, что еще есть время исправить эту ошибку, слившъ обѣ категоріи этихъ учебныхъ заведеній въ одну. Съ наибольшею энергіей и талантомъ проводится это послѣднее мнѣніе въ появившихся прошлымъ лѣтомъ сочиненіяхъ *Гартмана* (извѣстнаго автора Philosophie des Unbewussten), и *Лааса*, профессора вновь учрежденнаго германскаго университета въ Страсбургѣ.

Только *одну* цѣль, говоритъ Гартманъ, можно имѣть въ виду при реформѣ среднихъ учебныхъ заведеній—достиженіе необходимаго общаго образованія; только *одно* имѣется средство достигнуть этой цѣли: это—упростить учебный матеріалъ, исключивъ изъ него все то что́ внесено въ него не въ видахъ достиженія общаго умственнаго образованія, а въ видахъ предварительнаго приспособленія къ какому-либо житейскому поприщу. Гимназіи, въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ въ Германіи, погрѣшаютъ въ этомъ отношеніи тѣмъ, что слишкомъ имѣютъ въ виду потребности будущихъ филологовъ, богослововъ, юристовъ и историковъ по части древней исторіи; но еще болѣе погрѣшаютъ въ этомъ отношеніи реальныя училища, „которыя въ теперешнемъ своемъ видѣ представляютъ собою самымъ превратнымъ образомъ организованную школу, какую только имѣетъ Прусское государство“. Припомнимъ, что именно эта „самымъ превратнымъ образомъ организованная школа, какую только имѣетъ Пруссія“, усиленно

рекомендовалась нашему министерству народнаго просвѣщенія, какъ образецъ реальныхъ училищъ; но, по счастію, оно остановилось на томъ типѣ, который ближе всего подходитъ къ такъ-называемымъ среднимъ школамъ Германіи, и самая плохая изъ прусскихъ школъ не была пересажена на русскую почву.

Какъ только, — продолжаетъ Гартманъ, — было бы исключено все то, что́ не вызывается интересами общаго образованія, а интересами предполагаемаго будущаго практическаго поприща, тотчасъ же исчезло бы всякое основаніе для существованія болѣе чѣмъ одного рода среднихъ учебныхъ заведеній, и ихъ раздвоеніе, возникшее вмѣстѣ съ учрежденіемъ реальныхъ училищъ, было бы устранено само собою.

Съ той же точки зрѣнія смотритъ на дѣло и профессоръ Лаасъ. Онъ глубоко оплакиваетъ, что учрежденіемъ реальныхъ училищъ внесенъ разладъ въ образованіе высшихъ классовъ общества, „разладъ, который все болѣе будетъ увеличиваться, чѣмъ болѣе реальное училище будетъ сопоставляемо съ гимназіей и чѣмъ болѣе оно будетъ надѣляемо цѣнными правами“ (ein Riss, der sich erweitern werde, je mehr man die Realschule dem Gymnasium coordinire u. sie mit werthvollen Berechtigungen ausstatte): вмѣсто учрежденія этихъ реальныхъ училищъ слѣдовало бы, по его мнѣнію, позаботиться о своевременномъ обновленіи гимназій и объ учрежденіи городскихъ школъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

При одинаковости основныхъ воззрѣній, Гартманъ и Лаасъ естественнымъ образомъ сходятся между собою и во многихъ отдѣльныхъ пунктахъ. „Оба безъ малѣйшаго колебанія стоятъ на томъ, что учебныя заведенія, въ коихъ не преподается греческій языкъ, не въ состояніи давать общее образованіе, необходимое для высшихъ классовъ населенія. Такія школы, по словамъ Лааса, отвергая общеніе съ даровитѣйшимъ народомъ,—въ которомъ въ удивительной гармоніи сочетались между собой естественность и изящество, свобода и законность, какъ нигдѣ ни прежде, ни послѣ,—вмѣстѣ съ тѣмъ лишаютъ своихъ питомцевъ и той пользы, которая заключается въ облагораживающемъ и цивилизующемъ вліяніи высшаго и лучшаго общества“. Въ видахъ усиленія преподаванія греческаго языка, а также естествовѣдѣнія и математики, которыя, какъ извѣстно, во многихъ гимназіяхъ Германіи поставлены весьма неблагопріятно[1]), Гартманъ и Лаасъ склоняются даже къ уменьшенію числа уроковъ по латинскому языку, первый до 71, а второй до 72 въ недѣлю во всѣхъ 9-ти классахъ гимназіи, и

[1]) См. Журн. Мин. Нар. Пр. за декабрь 1871 г., стр. 192-194.

оба ограничиваютъ число обязательныхъ по всѣмъ предметамъ уроковъ въ недѣлю 30-ью въ каждомъ классѣ, то-есть, тою нормой, которой ни въ одномъ классѣ нашихъ гимназій не достигаетъ число уроковъ даже для обучающихся двумъ новымъ иностраннымъ языкамъ.

Но, къ сожалѣнію, продолжаетъ Рассовъ, судя по тому, въ какомъ положеніи находится дѣло, мало надежды, чтобъ этотъ планъ сліянія обоихъ борющихся между собою видовъ среднихъ учебныхъ заведеній осуществился въ ближайшемъ будущемъ, а между тѣмъ прискорбный антагонизмъ между ними все болѣе усиливается, и отъ сліянія ихъ, и по собственному, давнишнему убѣжденію г. Рассова, всѣ заинтересованныя стороны наиболѣе выиграли бы. И прежде всего сами ученики. Изъ тѣхъ, кто пріобрѣлъ себѣ основное общее образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, одни поступаютъ въ университеты, другіе — въ высшія техническія училища, третьи—прямо на какое-либо поприще практической дѣятельности, при чемъ въ послѣдніе годы число такихъ абитуріентовъ гимназій значительно увеличилось. Что эта послѣдняя категорія учениковъ много выиграла бы, еслибы полученное ею образованіе было равно чуждо какъ гуманистической, такъ и реалистической односторонности, это ясно само собою; но также ясно и то, что не были бы въ убыткѣ и тѣ, которые поступаютъ въ университетъ, еслибы они приносили съ собою болѣе равномѣрную подготовку ко всѣмъ его факультетамъ. „Хотя никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что обученіе языкамъ должно составлять основу всякаго школьнаго обученія и что ему должно быть предоставлено столько времени и мѣста, сколько необходимо для основательнаго знакомства учениковъ съ лучшими и благороднѣйшими произведеніями древней литературы; но это нисколько не мѣшаетъ урѣзать то или другое, что́ болѣе пригодно для спеціальнаго филологическаго образованія, нежели для подготовки ко всѣмъ вообще факультетамъ“ Наконецъ, что касается до поступающихъ въ высшія техническія училища, то достаточно сказать, что и теперь, по статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ извѣстномъ сочиненіи Визе, гимназіи даютъ этимъ училищамъ не менѣе слушателей, чѣмъ и реальныя училища, „и не слышно, чтобы бывшіе питомцы гимназій стояли въ какомъ бы то ни было отношеніи ниже своихъ сотоварищей-реалистовъ“.

Затѣмъ въ пользу сліянія гимназій и реальныхъ училищъ говорятъ интересы университетовъ. „Связь, соединяющая отдѣльные фа-

культеты, и безъ того уже не очень крѣпкая нынѣ, становится все болѣе слабою, чѣмъ неравномѣрнѣе образованіе, получаемое въ подготовительныхъ къ университету школахъ. Можетъ ли, напримѣръ, преподаваніе философіи выполнить свою задачу, еслибъ оно въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ студентовъ принуждено было предполагать незнаніе греческаго языка?" И однако же философія особенно способна противодѣйствовать центробѣжнымъ стремленіямъ спеціальныхъ наукъ, какъ наука, имѣющая предметомъ своего изслѣдованія начала и методы, общія всѣмъ областямъ знанія. Поэтому-то, когда прусское министерство народнаго просвѣщенія обратилось съ вопросомъ о возможности допущенія абитуріентовъ реальныхъ училищъ къ факультетскимъ занятіямъ, всѣ университеты почти безъ исключенія отвѣчали на этотъ вопросъ отрицательно, и понятно: дѣло шло для нихъ о жизни и смерти. Такъ, между прочимъ, мнѣніе Берлинскаго университета, которое было изложено превосходнымъ естествоиспытателемъ, гласитъ: „Ректоръ и сенатъ отрицаютъ предложенную на ихъ обсужденіе возможность, ибо они не желаютъ, чтобы студенты какого-либо факультета, хоть бы медицинскаго, представляли собою смѣшеніе двоякаго рода слушателей: получившихъ и не получившихъ ученое образованіе; они не желаютъ никакого различія въ условіяхъ допущенія на различные факультеты, ибо съ тѣмъ вмѣстѣ была бы уничтожена самая сущность университета и состоялся бы приговоръ въ пользу распаденія ихъ на спеціальныя школы". Прусское министерство народнаго просвѣщенія не вняло желаніямъ университетовъ и пошло на пути предоставленія правъ такъ далеко, что предоставило абитуріентамъ реальныхъ училищъ 1-го разряда, желающимъ посвятить себя изученію математики, естественныхъ наукъ и новыхъ языковъ, не посѣщеніе университетовъ, къ чему и прежде не было препятствій, а доступъ къ государственнымъ испытаніямъ на званіе учителей по этимъ предметамъ, правда, только въ реальныхъ же и въ высшихъ городскихъ училищахъ.

„Отъ такого рода полумѣръ,—продолжаетъ г. Рассовъ,—которыми ни одна изъ сторонъ не осталась довольна, и менѣе всего сами реальныя училища, прусское министерство народнаго просвѣщенія было бы предохранено, еслибъ оно учрежденіемъ реальныхъ училищъ не внесло пагубнаго дуализма въ наше среднее образованіе" (hätte sie nicht durch Schöpfung der Realschule einen verderblichen Dualismus in unsere höhere Bildung gebracht).

Наконецъ, въ пользу возстановленія единства среднихъ учебныхъ

заведеній посредствомъ сліянія гимназій и реальныхъ училищъ говорить и экономическій интересъ государства и городскихъ общинъ: во многихъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ рядомъ другъ съ другомъ гимназія и реальное училище, достаточно было бы имѣть одну гимназію лишь съ параллельными отдѣленіями въ низшихъ и среднихъ классахъ.

„Но такую рѣшительную реформу, какъ можно изъ многаго заключить, не предполагается произвести, хотя ее и находятъ желательною. Даже самъ Визе, настоящій творецъ новѣйшей системы реальныхъ училищъ, заявилъ въ созванной въ октябрѣ 1873 г. прусскимъ министромъ народнаго просвѣщенія конференціи, что и онъ считаетъ за лучшее единство научно-подготовительной школы, но что при постоянно возрастающемъ учебномъ матеріалѣ онъ не считаетъ возможнымъ возстановленіе этого единства въ настоящее время". Мнѣніе это, какъ полагаетъ г. Рассовъ, повидимому раздѣляетъ и самъ министръ народнаго просвѣщенія, и потому планамъ „унитаріевъ" едва-ли суждено осуществиться въ ближайшемъ будущемъ.

Что же касается до предстоящихъ измѣненій въ учебномъ планѣ самихъ гимназій и реальныхъ училищъ, то измѣненія эти, по свѣдѣніямъ г. Рассова, повидимому будутъ незначительны. Въ гимназіяхъ, какъ кажется, будетъ нѣсколько расширено преподаваніе физики и естественной исторіи, а въ реальныхъ училищахъ 1-го разряда, какъ предлагалъ на конференціи и самъ Визе, сохраненіе латинскаго языка въ учебномъ планѣ будетъ объявлено необязательнымъ.

Самъ г. Рассовъ по отношенію къ гимназіямъ склоняется къ тому, чтобы латинскій языкъ сохранилъ свое преобладающее значеніе въ низшихъ и среднихъ классахъ, но чтобы на высшей ступени обученія, въ примѣ, онъ уступилъ свое первенство греческому языку, и чтеніе греческихъ авторовъ было усилено на счетъ чтенія латинскихъ авторовъ, которые по своему содержанію никакъ не могутъ быть поставлены на одинъ уровень съ греческими, и чтобы упражненія въ писаніи латинскихъ сочиненій были замѣнены переводами съ отечественнаго языка на латинскій, какъ то установлено и въ нашихъ русскихъ гимназіяхъ, гдѣ и греческій языкъ сравнительно съ латинскимъ поставленъ лучше, чѣмъ въ Прусскихъ гимназіяхъ, а именно у насъ число уроковъ по греческому языку составляетъ безъ малаго 17% общаго числа уроковъ и 41,66% числа уроковъ по обоимъ древнимъ языкамъ, а въ Пруссіи 15,67 и 32,71%.

Что же касается до реальныхъ училищъ, то мѣру, которую предложилъ Визе, г. Рассовъ находитъ совершенно недѣйствительною, ибо предположенною возможностью исключать латинскій языкъ изъ учебнаго плана реальныхъ училищъ 1-го разряда не воспользуются ни городскія общины, которыя ихъ содержатъ, ни педагогическіе совѣты самихъ училищъ,—не воспользуются, потому что большая часть правъ, доселѣ предоставленныхъ этимъ училищамъ, связана съ преподаваніемъ въ нихъ латинскаго языка, и вопросъ о преподаваніи въ нихъ латинскаго языка представляется для нихъ вопросомъ не педагогическаго свойства, а о самомъ ихъ существованіи: и безъ того мало посѣщаемые высшіе классы этихъ училищъ совсѣмъ опустѣли бы съ исключеніямъ этого предмета изъ ихъ учебнаго плана. Прусскія реальныя училища 1-го разряда держатся только латинскимъ языкомъ, а латинскій языкъ держится въ нихъ не какими-либо педагогическими или дидактическими соображеніями, которыя всѣ противъ недостаточнаго преподаванія латинскаго языка и притомъ отдѣльно отъ языка греческаго, а только правами, которыя предоставлены только за изученіе латинскаго языка. Въ какой мѣрѣ вѣрно послѣднее, видно, между прочимъ, изъ предписанія прусскаго министра народнаго просвѣщенія отъ 13-го апрѣля 1874 года провинціальнымъ училищнымъ совѣтамъ, въ которомъ сказано, что согласно съ заявленіями министровъ торговли и промышленности, финансовъ и военнаго и впредь пріемъ въ королевскую строительную академію въ видахъ поступленія потомъ на государственную службу, пріемъ въ королевскую лѣсную академію, допущеніе къ приготовительному для государственной службы образованію по горной части, къ испытанію на портупей-юнкера, на званіе морскаго офицера, на службу въ военномъ интендантствѣ, на болѣе высокія должности по почтовому вѣдомству, къ фармацевтическимъ испытаніямъ и къ изученію ветеринарныхъ наукъ, поставляются въ зависимость отъ доказаннаго предварительно знанія латинскаго языка. Если принять еще во вниманіе, что и вновь предоставленное министромъ народнаго просвѣщенія право относительно изученія математики, естественныхъ наукъ и новыхъ языковъ прекратилось бы съ прекращеніемъ преподаванія латинскаго языка, то понятно, почему ни одинъ вопросъ не порождаетъ такой тревоги въ сферахъ заинтересованныхъ реальными училищами, какъ вопросъ о будущей въ нихъ судьбѣ латинскаго языка. „Еслибы“, говоритъ г. Рассовъ,—„по чисто-педагогическимъ соображеніямъ было рѣшено исключить изъ учебнаго плана реальныхъ училищъ латинскій языкъ, тогда

большое число городскихъ общинъ, которыя теперь несутъ большіе расходы на содержаніе реальныхъ училищъ 1-го разряда, нашли бы болѣе выгоднымъ преобразовать эти училища въ высшія городскія школы и изъ 80 реальныхъ училищъ 1-го разряда, которыя нынѣ насчитываются въ Пруссіи, едва ли бы уцѣлѣло 20 въ качествѣ подготовительныхъ школъ къ политехническимъ институтамъ и къ торговымъ и промышленнымъ поприщамъ. Но какое бы ни вышло рѣшеніе, во всякомъ случаѣ нельзя не требовать, чтобъ изъ-за немногихъ сотенъ людей, которые оканчиваютъ полный курсъ реальныхъ училищъ съ цѣлью поступить на государственную службу, не приносились въ жертву интересы тысячъ тѣхъ, которые по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ вынуждены выходить уже изъ среднихъ классовъ реальныхъ училищъ и которымъ не представляется никакой возможности пріобрѣсти достаточное для будущаго ихъ поприща образованіе".

Г. Рассовъ началъ свое чтеніе такими словами: „Между тѣмъ какъ прусская система средняго образованія все еще пользуется большимъ уваженіемъ за границей, въ самой Пруссіи поколебалась уже увѣренность въ томъ, что она можетъ почитаться образцовою, и все сильнѣе и сильнѣе раздаются голоса о ея преобразованіи согласно потребностямъ времени". Изъ всего дальнѣйшаго его изложенія, переданнаго выше явствуетъ, что собственно больное мѣсто въ прусской системѣ средняго образованія составляютъ реальныя училища 1-го разряда: ими внесено пагубное раздвоеніе въ образованіе высшихъ классовъ населенія; ими введено въ составъ учащагося въ университетахъ юношества довольно значительное число лицъ, не получившихъ надлежащей ученой подготовки; они, требуя отъ городовъ весьма значительныхъ издержекъ и не удовлетворяя въ то же время потребностямъ среднихъ классовъ городскаго населенія, помѣшали городамъ позаботиться о лучшемъ удовлетвореніи этихъ потребностей.

Наше министерство народнаго просвѣщенія, соображаясь въ предпринятой имъ пять лѣтъ тому назадъ реформѣ съ учебными порядками и во всѣхъ другихъ странахъ Европы и отдавая должную справедливость прусской учебной системѣ, тѣмъ не менѣе тогда же усмотрѣло эту слабую ея сторону, это больное ея мѣсто, и не смотря на многія настоянія, въ свое время употребило всѣ усилія, чтобы эта „наиболѣе превратнымъ образомъ организованная въ Пруссіи школа" не была пересажена на нашу почву. Усилія эти увѣнчались успѣхомъ, и вмѣсто прусскихъ реальныхъ училищъ 1-го разряда, сопоставляемыхъ и противополагаемыхъ гимназіямъ и вносящихъ смуту

и разладъ въ прусскую систему образованія, Россія получила скромныя реальныя училища, разчитанныя на удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей страны и ближайшимъ образомъ городскихъ ея сословій, а для высшаго университетскаго образованія былъ въ то же почти время указанъ самымъ рѣшительнымъ образомъ одинъ подготовительный путь,—путь полнаго гимназическаго образованія.

Точно также и при распредѣленіи льготъ по воинской повинности были избѣгнуты недостатки прусской системы, и не было принято никакихъ мѣръ для искусственнаго привлеченія къ гимназіямъ тѣхъ, кто не имѣетъ ни намѣренія, ни способностей окончить полный въ нихъ курсъ.

Наконецъ, и при установленіи учебнаго плана гимназій, хотя и имѣлись въ виду какъ прусскіе, такъ и другіе иностранные образцы, но тѣмъ не менѣе въ этомъ учебномъ планѣ было уже пять лѣтъ тому назадъ исполнено то, къ чему еще стремятся въ Пруссіи, а именно была дана лучшая постановка какъ греческому языку, такъ и отчасти предметамъ физико-математическимъ: тогда какъ въ Пруссіи число уроковъ по математикѣ, естественной исторіи и физикѣ не составляетъ и полныхъ 16% всего числа уроковъ въ недѣлю, у насъ на эти предметы назначено до 18% общаго числа уроковъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ Г. ПОПЕЧИТЕЛЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА ОБЪ ОСМОТРѢННЫХЪ ИМЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

Въ теченіе 1875 года въ подробности осмотрѣны были мною слѣдующія учебныя заведенія внѣ города Варшавы.

1. Въ Петроковской губерніи:

а) Петроковская мужская гимназія,

б) Петроковская женская четырехклассная прогимназія,

в) Ченстоховская мужская четырехклассная прогимназія,

г) Лодзинское высшее ремесленное училище,

д) тринадцать городскихъ начальныхъ училищъ, изъ нихъ четыре въ Петроковѣ, пять—въ Ченстоховѣ и четыре—въ Лодзи, въ томъ числѣ Лодзинское двухклассное мужское, главнымъ образомъ предназначенное для приготовленія учащихся къ поступленію въ 1-й классъ высшаго ремесленнаго училища,

е) три частныхъ мужскихъ училища съ курсомъ, соотвѣтствующимъ программѣ четырехъ низшихъ классовъ гимназіи: одно въ Петроковѣ, содержимое г. Поповскимъ, другое—въ Ченстоховѣ (содержатель г. Осуховскій) и третье — въ Лодзи (содержатель г. Зейдль),

ж) двухклассное частное женское училище, содержимое въ городѣ Лодзи г-жею Берлахъ, съ курсомъ, соотвѣтствующимъ программѣ двухъ низшихъ классовъ женской гимназіи, и частное одноклассное начальное женское училище въ Петроковѣ, преимущественно предназначенное для приготовленія дѣтей къ поступленію въ 1-й классъ Петроковской женской прогимназіи.

2. Въ Варшавской губерніи:

а) Влоцлавское шестиклассное реальное училище,

б) Ловичское такое же реальное училище,

в) Ловичская трехклассная женская прогимназія, и

г) десять начальныхъ училищъ, изъ нихъ шесть въ городѣ Влоцлавскѣ и четыре въ Ловичѣ.

3. Въ Сувалкской губерніи:

Вейверская учительская семинарія съ образцовымъ при оной училищемъ.

I. Въ Петроковской губерніи.

а) *Петроковская мужская гимназія.*

Въ гимназіи этой, независимо отъ 8-ми основныхъ классовъ и приготовительнаго, состоятъ еще два параллельныхъ при первомъ и второмъ классахъ. Въ этихъ классахъ 378 учащихся распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

въ приготовительномъ классѣ	.	58
„ I классѣ пар. отд. *а.*	.	34
„ I „ „ „ *б.*	.	32
„ II „ „ „ *а.*	.	40
„ II „ „ „ *б.*	.	40
„ III „		43
„ IV „		43
„ V „		36
„ VI „		23
„ VII „		15
„ VIII „		14
Всѣхъ	. . .	378 уч.

Хотя при ревизіи я обращалъ преимущественно вниманіе на главные предметы гимназическаго курса, но въ виду значительнаго числа классовъ въ Петроковской гимназіи потребовалось три дня, чтобы составить себѣ приблизительно вѣрное понятіе объ успѣхахъ учащихся и трудолюбіи и педагогическихъ способностяхъ преподавателей. Независимо отъ сего, я разсматривалъ по вечерамъ на дому письменныя упражненія и работы учащихся преимущественно старшихъ классовъ по русскому и древнимъ языкамъ и отчасти также

по математикѣ. Впечатлѣнія, которыя я вынесъ изъ посѣщенія уроковъ этой гимназіи, могу назвать вообще утѣшительными. Учащіеся пріучены къ должной внимательности на урокахъ, готовятся къ нимъ аккуратно и подаютъ въ установленные сроки письменныя работы. Отношенія учащихся къ своимъ наставникамъ почтительны и въ этомъ отношеніи директоръ и инспекторъ дали мнѣ вполнѣ успокоительные отзывы, а г. начальникъ губерніи, съ которымъ я неоднократно бесѣдовалъ о направленіи учащихся и поведеніи ихъ внѣ стѣнъ гимназіи, отозвался мнѣ въ этомъ отношеніи вполнѣ одобрительно.

Въ приготовительномъ классѣ Петроковской гимназіи провѣренные мною успѣхи по русскому языку и ариѳметикѣ найдены вообще удовлетворительными. Нѣкоторые отвѣты учениковъ старшаго отдѣленія по главнымъ предметамъ курса приготовительнаго класса были даже весьма хороши и свидѣтельствовали о вполнѣ сознательномъ усвоеніи ими началъ русскаго языка и ариѳметики. Тетради большей части учащихся найдены въ порядкѣ, и при осмотрѣ ихъ на дому я удостовѣрился, что классныя упражненія дѣтей тщательно просматриваются и исправляются учителемъ. Но между хорошими и вполнѣ сознательными отвѣтами встрѣчались у другихъ учениковъ и слабые, на что я не могъ не обратить вниманія присутствовавшаго при испытаніи директора гимназіи, прося сего послѣдняго, при пріемѣ учащихся въ будущемъ учебномъ году, соблюсти бо́льшую строгость, дабы избѣгнуть замѣченнаго мною слишкомъ большаго различія въ подготовкѣ учениковъ приготовительнаго класса. Г. директоръ Мигулинъ, бывъ назначенъ на эту должность только въ началѣ нынѣшняго учебнаго года, нашелъ уже приготовительный классъ сформированнымъ при вступленіи своемъ въ управленіе гимназіею. Я тѣмъ болѣе находилъ необходимымъ быть разборчивѣе при пріемѣ дѣтей въ приготовительный классъ гимназіи, что въ Петроковѣ есть нѣсколько хорошихъ начальныхъ училищъ, въ которыхъ желающіе поступить въ приготовительный классъ могутъ получить вполнѣ соотвѣтственную подготовку.

Познанія учениковъ другихъ классовъ гимназіи по русскому языку были найдены соотвѣтствующими требованіямъ учебнаго плана и, за единичными исключеніями болѣе слабыхъ и по нѣкоторымъ другимъ предметамъ учениковъ, удовлетворительными. Русское чтеніе, письмо подъ диктовку, разборъ логическій и граматическій, знакомство съ граматическими формами языка, умѣніе составлять изъ коренныхъ

словъ производныя, различать виды глагольные—все это произвело на меня пріятное впечатлѣніе и свидѣтельствуетъ объ усердіи и умѣньѣ учителей и о внимательности и трудолюбіи большинства учащихся. Письменныя упражненія учениковъ пяти первыхъ классовъ также свидѣтельствуютъ о домашнемъ прилежаніи учениковъ; между ними было не мало такихъ работъ, которыя доказываютъ, что вполнѣ свойственные русскому языку обороты и выраженія вѣрно усвоены учащимися. Самостоятельныя письменныя работы многихъ изъ учениковъ трехъ старшихъ классовъ ((VI, VII и VIII) меня менѣе удовлетворили. Правда, и между ними есть нѣсколько толково и грамотно написанныхъ сочиненій, но большинство ихъ свидѣтельствуетъ о незрѣлости сужденія и бѣдности мысли; замѣтилъ я также погрѣшности противъ правилъ синтаксиса и даже ороографическія ошибки. Удостовѣрившись, что преподаватели съ особенною тщательностью просматриваютъ сочиненія и не только указываютъ на погрѣшности и невѣрные обороты, но даютъ себѣ трудъ подробно письменно ихъ разъяснять и замѣнять соотвѣтствующими правильными выраженіями, 'замѣтивъ также, что исправленныя преподавателями погрѣшности повторяются иногда въ послѣдующихъ сочиненіяхъ тѣхъ же учениковъ, я не могъ не отнести этихъ важныхъ недостатковъ къ небрежности и невнимательности учащихся, что меня побудило, по окончаніи ревизіи, собравъ учениковъ трехъ высшихъ классовъ въ гимназическій залъ, сдѣлать имъ строгое замѣчаніе за такое непростительное легкое ихъ отношеніе къ письменнымъ работамъ по русскому языку, при чемъ имъ указано было на важность и рѣшающее значеніе русскихъ сочиненій при испытаніяхъ зрѣлости и на требуемую правилами министерства строгую оцѣнку оныхъ. Я надѣюсь, что сдѣланное ученикамъ внушеніе не останется безъ надлежащихъ послѣдствій и побудитъ ихъ къ болѣе серьезному, внимательному и усердному отношенію къ письменнымъ работамъ по русскому языку.

Успѣхи учащихся по древнимъ языкамъ найдены вообще удовлетворительными. Въ низшихъ классахъ ученики надлежащимъ образомъ усвоили этимологическія формы и примѣняютъ ихъ сознательно при переводахъ съ русскаго на латинскій и греческій языки соотвѣтствующихъ предложеній. Въ классахъ, въ которыхъ проходятъ правила синтаксиса, также получались въ большинствѣ удовлетворительные отвѣты, и я имѣлъ случай удостовѣриться при переводахъ съ древнихъ языковъ на русскій, что главныя правила синтаксиса уча-

щимися сознательно усвоены. При повѣркѣ познаній учениковъ изъ синтаксиса, я требовалъ на каждое правило примѣровъ, и при этомъ не довольствовался примѣрами, помѣщенными въ руководствѣ. Отвѣты нѣкоторыхъ учениковъ при этихъ упражненіяхъ были вполнѣ удовлетворительны, по другимъ отвѣтамъ требовалось нѣкоторое руководство преподавателя для поясненія и безошибочнаго примѣненія правила. Во всѣхъ классахъ, рядомъ съ устными упражненіями по древнимъ языкамъ, идутъ и письменныя, которыя регулярно просматриваются и тщательно исправляются преподавателями, какъ я въ этомъ удостовѣрился при разсмотрѣніи ученическихъ тетрадей, взятыхъ мною на домъ. Въ VIII классѣ по латинскому языку ученики читали посланія Горація. Проскандировавъ ихъ правильно и плавно, они приступили къ переводу. Вызванные мною по списку ученики исполнили эту задачу отчетливо и давали на вопросы мои относительно встрѣчавшагося въ текстѣ примѣненія синтаксическихъ правилъ хорошіе отвѣты. При этомъ преподаватель, пользуясь случаемъ, обращался къ учащимся по поводу разбираемаго посланія съ вопросами, относившимися къ римской миѳологіи и археологіи, и въ этомъ большинство учащихся отвѣчали правильно и съ надлежащею отчетливостію. На повѣрку познаній учениковъ VIII класса по латинскому языку я употребилъ два часа. Въ заключеніе, нѣкоторые ученики VIII класса прочитали мнѣ наизусть оду Горація „ad populum romanum". Они скандировали ее правильно и плавно и давали отчетъ о каждой мысли автора, на которой я считалъ нужнымъ ихъ останавливать. Въ VII классѣ у того же преподавателя г. Гаевскаго я выслушалъ урокъ по греческому языку. На этомъ урокѣ читали 5-ую книгу Иліады. Ко дню моей ревизіи ученики успѣли прочесть 667 стиховъ, и я предложилъ имъ перевести стихи, которые они за $1^1/_2$ мѣсяца проходили въ классѣ. Бо́льшая половина класса исполнила весьма хорошо и отчетливо эту задачу; болѣе слабые воспитанники нуждались въ нѣкоторой помощи и наводящихъ вопросахъ со стороны преподавателя, но и ихъ отвѣты могли быть признаны болѣе или менѣе удовлетворительными. Вопросы относившіеся къ этимологіи и синтаксису, разрѣшались хорошо, и чтеніе стиховъ было вполнѣ правильное. Изъ V книги Иліады всѣ ученики знали наизусть 45 стиховъ.

Въ томъ же классѣ я былъ и на урокѣ латинскаго языка у преподавателя Беньковскаго, на которомъ излагались нѣкоторыя правила, относящіяся къ oratio obliqua. Вызванные мною по списку уче-

ники, въ томъ числѣ нѣкоторые изъ лучшихъ, среднихъ и болѣе слабыхъ, отвѣчали вообще удовлетворительно. Въ VI классѣ, у того же учителя Беньковскаго, я слушалъ переводъ учащимися Одиссеи. Въ первомъ полугодіи ученики успѣли перевести 320 стиховъ, изъ которыхъ я избралъ для испытанія стихи, пройденные за двѣ, передъ ревизіею, недѣли. Переводъ шелъ хорошо и познанія учащихся въ греческой грамматикѣ оказались также удовлетворительными. Учитель г. Беньковскій, бывшій воспитанникъ Варшавскаго университета, по отзыву директора, трудится весьма добросовѣстно и преданъ своему дѣлу. Не взирая на кратковременность его учебной службы, онъ усвоилъ себѣ вѣрные педагогическіе пріемы при преподаваніи древнихъ языковъ. Въ V классѣ я былъ на урокѣ греческаго языка у учителя Фабіани, также бывшаго воспитанника Варшавскаго университета. И этотъ мололой преподаватель ведетъ дѣло правильно и съ должнымъ усердіемъ. Ученики переводили Ксенофонта Анабазисъ, и какъ переводъ вызванныхъ мною по списку учениковъ, такъ и отвѣты ихъ по граматикѣ были весьма удовлетворительны.

Успѣхи учащихся по математическимъ предметамъ, преподаваемымъ учителями гг. Васильковскимъ и Канскимъ, найдены очень удовлетворительными, особенно въ старшихъ классахъ, въ которыхъ преподаетъ г. Канскій, весьма даровитый и опытный педагогъ. Присутствуя въ двухъ низшихъ классахъ на урокахъ ариѳметики, я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что г. Васильковскій настойчиво требуетъ отъ учениковъ надлежащей отчетливости въ отвѣтахъ и обращаетъ при выкладкахъ, дѣлаемыхъ учениками на классной доскѣ, должное вниманіе и на то, чтобы при этомъ менѣе сложныя вычисленія дѣлались въ умѣ; вслѣдствіе такого требованія учителя установился у учащихся уже нѣкоторый навыкъ къ такого рода вычисленіямъ безъ помощи мела и доски. На урокѣ алгебры въ VI классѣ г. Канскій проходилъ о прогрессіи разностной и кратной. Выслушавъ изложеніе учителя, я заставилъ повторить урокъ одного изъ учениковъ, который отвѣчалъ весьма отчетливо. Затѣмъ учитель приступилъ къ рѣшенію задачъ, относившихся къ пройденной теоріи. Я самъ вызывалъ учениковъ, которымъ предлагались на рѣшеніе задачи, и изъ вызванныхъ къ доскѣ, въ числѣ которыхъ были и такіе, которые въ общемъ классномъ спискѣ стояли довольно низко, ни одинъ не затруднялся рѣшеніемъ задачи.

Отвѣты учениковъ III класса по Закону Божію православнаго ис-

повѣданія у законоучителя, священника Рышкова, были весьма удовлетворительны. Я просилъ законоучителя не ограничиваться только заданнымъ къ уроку, но сдѣлать повтореніе всего пройденнаго курса. Ученики при этой репетиціи доказали, что все пройденное усвоено ими хорошо, такъ какъ ни одинъ изъ вопросовъ преподавателя не оставался безъ точнаго и сознательнаго отвѣта.

По Закону Божію римско-католическаго исповѣданія я присутствовалъ въ параллельномъ отдѣленіи б, 2-го класса на урокѣ священника Войцѣховскаго, преподающаго этотъ предметъ на польскомъ языкѣ. На вопросы изъ ветхозавѣтной св. исторіи ученики отвѣчали весьма удовлетворительно, и когда я сталъ ихъ спрашивать изъ пройденнаго въ 1-мъ полугодіи курса по русски, то отвѣты дѣтей были не менѣе отчетливы и ясны.

По нѣмецкому языку я проэкзаменовалъ учениковъ параллельнаго отдѣленія *а* того же 2-го класса. Они переводили по учебнику легкія предложенія съ русскаго на нѣмецкій языкъ довольно правильно и умѣли спрягать вспомогательные глаголы. Пройденное въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ текущаго полугодія усвоено большинствомъ учащихся довольно твердо и сознательно. Обученіе чистописанію ведется правильно и не безъ надлежащаго успѣха, въ чемъ я, независимо отъ присутствованія на урокѣ чистописанія въ одномъ изъ низшихъ классовъ, убѣдился при просмотрѣ на дому ученическихъ тетрадей по каллиграфіи.

Успѣхи въ хоровомъ пѣніи весьма замѣтны. Пѣвчіе, по окончаніи ревизіи, были собраны въ гимназическомъ залѣ, гдѣ они подъ руководствомъ учителя весьма отчетливо исполнили: народный гимнъ, „коль славенъ нашъ Господь“ и „славься, славься“.

б) *Петроковская женская четырехклассная прогимназія.*

Въ этой прогимназіи 113 учепицъ, которыя слѣдующимъ образомъ распредѣляются по классамъ:

въ I классѣ	35 уч.
во II классѣ	31 „
въ III классѣ	23 „
въ IV классѣ	24 „
всѣхъ. . .	113 уч.

Успѣхи ученицъ прогимназіи и при нынѣшней ревизіи найдены большею частью удовлетворительными. По русскому языку въ I клас-

сѣ дѣти читаютъ довольно плавно и правильно, но не безъ погрѣшностей противъ удареній, когда имъ приходится читать статью въ первый разъ. При чтеніи же отдѣловъ по руководству уже прежде читанныхъ почти вовсе не встрѣчается ошибокъ въ удареніяхъ. Прочитанное передаютъ своими словами свободно и довольно правильно, умѣютъ склонять согласованныя между собою существительныя и прилагательныя и распознавать главныя части предложенія. Каждая изъ ученицъ этого класса знаетъ наизусть нѣсколько басень и небольшихъ стихотвореній, которыя онѣ декламируютъ правильно и безъ погрѣшностей противъ удареній, понимая слова и выраженія, встрѣчающіяся въ баснѣ или стихотвореніи. Подъ диктовку пишутъ легкій разказъ, доступный дѣтскому пониманію, довольно правильно, хотя еще медленно, по русски выражаются безъ трудности, хотя не всегда правильными оборотами. Во II классѣ познанія ученицъ въ русскомъ языкѣ значительно подвинулись впередъ. Здѣсь онѣ читаютъ гораздо плавнѣе, съ точнымъ соблюденіемъ знаковъ препинанія; чтеніе довольно выразительно и ошибки противъ удареній, только изрѣдка встрѣчаются, даже при чтеніи статей имъ незнакомыхъ. Въ граматикѣ познанія расширились и болѣе утвердились; ученицы дѣлаютъ разборъ предложеній, хорошо склоняютъ существительныя съ неправильными падежными окончаніями и ознакомлены съ спряженіями глаголовъ. Устная передача читанныхъ при мнѣ статеекъ гораздо полнѣе и правильнѣе, и самое изложеніе плавнѣе. Подъ диктовку пишутъ довольно скоро и правильно. И въ этомъ классѣ каждая ученица заучила по нѣскольку стихотвореній, которыя многія изъ нихъ декламировали довольно бойко и выразительно. Въ III классѣ чтеніе и письмо подъ диктовку очень удовлетворительны; ученицы довольно хорошо и сознательно усвоили русскіе глагольные виды и умѣютъ ихъ примѣнять въ предложеніяхъ, которыя сами при моихъ указаніяхъ составляли. Ученицы разбираютъ сложныя предложенія и уже знакомятся съ правилами о знакахъ препинанія, которыя многія изъ нихъ, вызванныя мною къ классной доскѣ, безошибочно выставили въ написанномъ ими подъ мою диктовку небольшомъ разказѣ. Въ IV классѣ ученицы читаютъ очень плавно и почти вовсе безъ погрѣшностей противъ удареній, безошибочно различаютъ виды и въ состояніи указать на рядъ словъ производимыхъ отъ кореннаго слова; многія изъ спрошенныхъ мною ученицъ съумѣли оттѣнять различіе въ значеніи родственныхъ между собою производныхъ словъ. Изъ курса русской исторіи я спрашивалъ о важ-

пѣйшихъ событіяхъ въ царствованіе Ивана III и Ивана Грознаго и получалъ почти отъ всѣхъ правильные отвѣты. О смутномъ времени онѣ разказали мнѣ довольно подробно и закончили свой разказъ избраніемъ Михаила Θеодоровича на царство. Изъ географіи Россіи свѣдѣнія ученицъ этого класса также весьма удовлетворительны. Ученицы пріучены къ географическому черченію.

Хорошими успѣхами ученицъ по русскому языку прогимназія обязана усердію и умѣнію преподавателя г. Лучицкаго, который, подъ ближайшимъ руководствомъ начальника Лодзинской учебной дирекціи г. Худзинскаго, также завѣдуетъ учебною частію въ этомъ заведеніи. По ариѳметикѣ успѣхи оказались довольно удовлетворительными. Въ четвертомъ классѣ нѣсколько задачъ по тройному правилу, въ которыхъ встрѣчались и дробныя количества, были рѣшены безошибочно, при не значительныхъ только указаніяхъ съ моей стороны. При испытаніи изъ ариѳметики я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что преподаватели обращаютъ постоянно вниманіе на рѣшеніе менѣе сложныхъ вычисленій въ умѣ, и что вслѣдствіе сего ученицы съ легкостію рѣшаютъ умственно задачи, взятыя изъ обыденной жизни, если онѣ не отличаются особенною сложностію. По всеобщей географіи въ III классѣ, гдѣ проходилась орографія и гидрографія Азіи, я только слышалъ весьма хорошіе и вполнѣ отчетливые отвѣты. Ученицы показали мнѣ свои географическія тетрадки, въ которыхъ я встрѣтилъ весьма правильные чертежи, съ обозначеніемъ на оныхъ горныхъ цѣпей, плоскихъ возвышенностей, рѣкъ и озеръ Азіятскаго материка. Въ этомъ классѣ обучаетъ всеобщей географіи преподавательница г. Водопьянова, которая по умѣнью интересно излагать свой предметъ и вѣрно ставить вопросы, сдѣлала на меня впечатлѣніе даровитой учительницы. По Закону Божію православнаго исповѣданія въ IV классѣ законоучитель священникъ Рышковъ переспросилъ при мнѣ всѣхъ ученицъ этого класса. Объясненія, которыя давали онѣ о символѣ вѣры, были вполнѣ точны и опредѣленны и свидѣтельствовали о прилежаніи ихъ и педагогическихъ способностяхъ преподавателя. Послѣ этого я выслушалъ во II классѣ урокъ Закона Божія римско-католическаго исповѣданія, излагавшійся по польски. Когда законоучитель сталъ спрашивать по моему предложенію ученицъ изъ пройденнаго въ текущемъ семестрѣ, то отвѣты были удовлетворительны, равно какъ и тогда когда я самъ предложилъ нѣсколько вопросовъ по русски изъ новозавѣтной священной исторіи.

По французскому языку во II классѣ ученицы переводили по ру-

ководству Марго съ русскаго на французскій языкъ. Упражненія эти идутъ успѣшно, при чемъ преподавательница, г-жа надзирательница Маркевичъ, пріучаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтей объясняться на урокахъ по французски. Послѣ этого я заставилъ учениць читать по французски не трудную статейку изъ того же руководства. Большинство ихъ читали плавно и съ довольно правильнымъ произношеніемъ. Въ этомъ классѣ преподавательница знакомитъ ихъ также съ началами французской граматики: дѣти правильно спрягаютъ вспомогательные глаголы и съумѣли проспрягать и другіе глаголы, избранные мною для этого упражненія. Работы учениць по рукодѣлію идутъ довольно успѣшно и соображены съ потребностями повседневнаго домашняго быта; только хорошо успѣвшія въ такихъ необходимыхъ работахъ обучаются, кромѣ того, вышиванію на канвѣ и другимъ, болѣе изящнымъ.

Петроковская прогимназія по успѣхамъ большинства обучающихся въ оной дѣвицъ сдѣлала на меня и при этомъ осмотрѣ отрадное впечатлѣніе, но внѣшняя обстановка ея представилась мнѣ въ крайне жалкомъ видѣ. Старое монастырское зданіе, въ которомъ помѣщается прогимназія, не только безобразно съ виду, но нуждается въ капитальной перестройкѣ, на которую потребуется приблизительно до 6.000 рублей. Два класса крайне тѣсны, все помѣщеніе неудобно, а отчасти страдаетъ и сыростью. Корридоры непомѣрно узки, и такъ какъ они въ добавокъ весьма холодны, то въ зимнюю пору постоянно простужаются дѣти и служащія при прогимназіи лица; на капитальную же перестройку и на надлежащее приспособленіе зданія въ смѣтѣ 1876 года не предвидится никакихъ источниковъ, такъ какъ ожидаемая къ отпуску на строительныя надобности округа сумма 45.000 рублей почти вся потребна на имѣющія продолжаться въ будущемъ году строительныя работы, уже начатыя въ предшествовавшіе годы.

Въ бытность мою въ Петроковѣ явилась ко мнѣ депутація отъ городскихъ жителей съ усиленнымъ ходатайствомъ о преобразованіи Петроковской женской прогимназіи въ шестиклассную гимназію, и когда я указывалъ на затрудненія удовлетворить этому ходатайству посредствомъ ассигновки изъ средствъ казны потребнаго для этого ежегоднаго кредита въ 4.725 рублей, то, депутація выразила готовность ежегодно вносить по 1.200 рублей на этотъ предметъ, въ надеждѣ, что казна приметъ на свой счетъ остальные 3.525 рублей. Офиціальный протоколъ о принятіи горожанами на свой счетъ еже-

годнаго расхода въ 1.200 рублей однако доселѣ еще не полученъ въ округѣ. Въ такомъ же положеніи, какъ городъ Петроковъ, находятся еще два другихъ губернскихъ города здѣшняго края: Кѣльце и Ломжа. И тамъ нѣтъ шестиклассныхъ женскихъ гимназій, но только четырехклассныя прогимназіи, и какъ губернаторы, такъ и мѣстные жители этихъ двухъ городовъ постоянно ходатайствуютъ объ испрошеніи средствъ на преобразованіе этихъ прогимназій въ полныя женскія гимназіи, дабы доставить дочерямъ русскихъ чиновниковъ, служащихъ въ здѣшнемъ краѣ, и мѣстныхъ обывателей возможность получать законченное общее образованіе.

в) *Ченстоховская мужская четырехклассная прогимназія.*

Въ этой прогимназіи, независимо отъ четырехъ основныхъ классовъ и приготовительнаго, есть еще параллельный при первомъ. Въ этихъ классахъ всѣхъ учащихся 201, которые распредѣляются такъ по классамъ:

въ приготовительномъ классѣ	36
„ I основномъ	39
„ I параллельномъ	29
„ II классѣ	40
„ III классѣ	28
„ IV классѣ	29
всѣхъ	201 уч.

Въ приготовительномъ классѣ Ченстоховской прогимназіи я также нашелъ неравность въ познаніяхъ обучающихся въономъ дѣтей по русскому языку и ариѳметикѣ. Нѣкоторые ученики прочли весьма порядочно по русски, умѣли разказать содержаніе прочитанной статейки, различить главныя части простаго предложенія и склоняли довольно правильно имена существительныя, между тѣмъ какъ рядомъ съ ними сидѣли дѣти, затруднявшіяся постоянно въ чтеніи, и притомъ читавшія съ ошибками противъ удареній. Такое же разнообразіе замѣчено въ успѣхахъ учениковъ по ариѳметикѣ. Иные знали твердо нумерацію, рѣшали на классной доскѣ задачи на сложеніе и вычитаніе и были пріучены къ умственному счисленію въ предѣлахъ двухзначныхъ чиселъ; другіе же сбивались при нумераціи и затруднялись рѣшеніемъ самыхъ легкихъ задачъ въ умѣ. Такое поразительное различіе въ познаніяхъ учениковъ приготовительнаго класса тѣмъ болѣе меня удивило, что учи-

тель онаго г. Рутскій мнѣ лично извѣстенъ какъ усердный и опытный преподаватель, что подтвердилъ и присутствовавшій при испытаніи инспекторъ прогимназіи. Входя ближе въ причины такого ненормальнаго явленія, я долженъ приписать оное излишней снисходительности при пріемѣ дѣтей въ приготовительный классъ, что я и поставилъ на видъ инспектору прогимназіи и учителю г. Рутскому, предложивъ обоимъ въ будущемъ учебномъ году отнестись къ этому съ надлежащею серьезностью и осмотрительностью и указавъ имъ на вредное вліяніе, какое подобная излишняя снисходительность должна оказывать на уровень познаній и умственнаго развитія учащихся и въ другихъ классахъ прогимназіи. Такая снисходительность тѣмъ менѣе умѣстна, что въ городѣ Ченстоховѣ есть нѣсколько начальныхъ училищъ, которыя въ состояніи хорошо подготовить дѣтей къ поступленію въ приготовительный классъ прогимназіи. Въ приготовительномъ классѣ заведены у учениковъ тетрадки по русскому языку и ариѳметикѣ, которыя, какъ я убѣдился при просмотрѣ ихъ на дому, тщательно просматриваются учителемъ. Почеркъ у большинства дѣтей еще не сформировался, но упражненія въ чистописаніи ведутся правильно и тетради содержатся вообще въ порядкѣ.

Присутствуя на урокѣ Закона Божія римско-католическаго исповѣданія въ I классѣ, я остался вообще доволенъ отвѣтами учениковъ. Предметъ этотъ въ Ченстоховской прогимназіи (какъ бывшей смѣшанной) съ 1867 года излагается по русски. Дѣти давали отчетъ о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ событіяхъ ветхозаветной священной исторіи. Изложеніе на русскомъ языкѣ ихъ ни мало не стѣсняло; разказъ шелъ довольно плавно и большинство учащихся отвѣчали удовлетворительно на вопросы мои и законоучителя изъ пройденнаго въ началѣ учебнаго года курса. Въ трехъ первыхъ классахъ прогимназіи по русскому и церковно-славянскому языкамъ, преподаваемымъ учителемъ Нарушевичемъ, познанія учениковъ я нашелъ удовлетворительными. Письменныя упражненія задаются своевременно и внимательно исправляются преподавателемъ. Русское чтеніе въ этихъ классахъ идетъ хорошо, но болѣе слабые ученики, въ особенности въ I и II классахъ, иногда еще, хотя и довольно рѣдко, грѣшатъ противъ удареній. Диктовка идетъ весьма удовлетворительно; нѣкоторые ученики III класса написали диктантъ безъ ошибокъ, и вѣрно разставили знаки препинанія. Въ граматикѣ русской и славянской успѣхи удовлетворительны. Еще во второмъ классѣ ученики хорошо усвоили склоненія и спряженія, уклоняющіяся

отъ правилъ. Въ III классѣ вызванные мною по списку ученики почти всѣ проспрягали вѣрно въ дѣйствительномъ и страдательномъ залогахъ глаголы, представлявшіе нѣкоторыя неправильности. Съ видами въ этомъ классѣ учащіеся освоились хорошо, и легко умѣли образовывать виды несовершенный и совершенный посредствомъ приставокъ. Я остался особенно доволенъ успѣхами учениковъ IV класса въ русскомъ языкѣ. Въ этомъ классѣ учитъ самъ инспекторъ прогимназіи г. Любарскій, весьма даровитый, усердный и опытный преподаватель. Я заставилъ учениковъ этого класса читать по хрестоматіи Галахова статью, доселѣ еще ими не читанную. Вызванные мною по списку ученики читали не только плавно и безъ малѣйшей погрѣшности противъ удареній, но и такъ выразительно, какъ едва ли лучше прочитали бы коренные русскіе ученики IV класса любой прогимназіи имперіи. Когда приступлено было къ логическому и этимологическому разбору предложеній изъ прочитанной статьи, то я былъ пораженъ мѣткостью, сознательностью и точностью отвѣтовъ на всѣ мои и преподавателя вопросы. Желая удостовѣриться, на сколько ученики этого класса усвоили производство словъ, я предложилъ имъ нѣсколько коренныхъ словъ съ тѣмъ, чтобы они поименовали всѣ извѣстныя имъ производныя изъ данныхъ корней. Они легко исполнили эту задачу, и почти всѣ съумѣли надлежащимъ образомъ оттѣнить значеніе каждаго изъ производныхъ словъ. Подъ диктовку ученики пишутъ безошибочно, съ надлежащимъ соблюденіемъ знаковъ препинанія и съ объясненіемъ, почему употребленъ такой, а не другой знакъ. Письменныя упражненія у г. Любарскаго въ нынѣшнемъ полугодіи, главнымъ образомъ, сосредоточивались на образованіи сложныхъ предложеній и періодовъ. Въ будущемъ полугодіи г. Любарскій намѣренъ приступить къ упражненію учениковъ въ составленіи сочиненій въ повѣствовательномъ родѣ. Класныя и домашнія упражненія учениковъ съ особенною тщательностью провѣряются инспекторомъ и исправленія разъясняются въ классѣ.

По древнимъ языкамъ успѣхи учениковъ вообще удовлетворительны; но при этомъ я замѣтилъ, что греческій языкъ относительно идетъ лучше латинскаго. Въ особенности хороши и тверды познанія учениковъ IV класса, въ которомъ преподаетъ греческій языкъ самъ инспекторъ. Ученики переводили при мнѣ легкія русскія предложенія; переводъ былъ вполнѣ отчетливъ и сознателенъ. Формы склоненій и спряженій ученики усвоили твердо, и потому вѣрно прилагаютъ ихъ

къ дѣлу. Успѣхами по латинскому языку въ I и II классахъ я остался вообще доволенъ; но въ III и IV классахъ попадались ученики, которые сбивались при указаніи главныхъ временъ въ глаголахъ, допускающихъ нѣкоторыя уклоненія, какъ напримѣръ: *vivere*, *vincere*, *cadere*, *caedere* и *cedere* и т. п. Хотя вообще переводъ изъ Цезаря въ IV классѣ шелъ удовлетворительно, но два ученика не умѣли надлежащимъ образомъ разрѣшить ablativus absolutus.

По ариѳметикѣ успѣхи найдены твердыми и сознательными. Преподаватель г. Крживицкій придаетъ надлежащее значеніе умственному счисленію и ученики II класса порадовали меня быстрымъ и отчетливымъ рѣшеніемъ нѣкоторыхъ довольно сложныхъ задачъ съ цѣлыми и дробными количествами.

Чистописаніе вообще идетъ хорошо и каллиграфическія тетради учениковъ содержатся въ надлежащемъ порядкѣ и опрятности.

г) *Лодзинское высшее ремесленное училище.*

Давно уже не выносилъ я изъ осмотра учебныхъ заведеній ввѣреннаго мнѣ округа такого отраднаго впечатлѣнія, какое оставила во мнѣ трехдневная подробная ревизія Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища. Хотя и при предшествовавшихъ осмотрахъ этого заведенія я имѣлъ полное основаніе оставаться довольнымъ результатами, добытыми совокупными дружными усиліями начальника училища, магистра химіи Добровольскаго, и его ближайшихъ сотрудниковъ-преподавателей, но результаты эти однако уступали тому во всѣхъ отношеніяхъ образцовому состоянію, въ которомъ представилось мнѣ это заведеніе при происходившемъ въ ноябрѣ прошлаго года осмотрѣ его. Шестилѣтній опытъ указываетъ правда, на неотлагательную необходимость сдѣлать нѣкоторыя существенныя измѣненія въ устройствѣ училища, съ цѣлью, съ одной стороны, болѣе спеціализировать въ двухъ высшихъ классахъ онаго, въ V и VI, занятія механическою и химическою технологіею посредствомъ раздѣленія этихъ двухъ классовъ на 2 отдѣленія: механическое и химическое, дабы доставить ученикамъ болѣе основательную и обширную подготовку по каждой изъ этихъ двухъ отраслей науки, и съ другой — дать ученикамъ четырехъ низшихъ классовъ возможность болѣе сосредоточиваться на изученіи общихъ предметовъ; не взирая на это, равно какъ и на то обстоятельство, что средства, назначаемыя нынѣшнимъ штатомъ училища на учебныя пособія, на образцы и модели по ткацкому искусству и техническому черченію

и рисованію, на химическую лабораторію, при которой не положено даже и лаборанта (что въ высшей степени затрудняетъ преподавателя при практическихъ работахъ съ учениками по химіи), не достаточны, училище, благодаря замѣчательной энергіи инспектора Добровольскаго, отличной его научной подготовкѣ, педагогическому таланту и въ особенности умѣнью воодушевлять собственнымъ примѣромъ своихъ сотрудниковъ-преподавателей къ такой же неутомимой работѣ, достигло въ настоящее время той степени совершенства, каковая только возможна при нынѣшней его организаціи.

Въ Лодзинскомъ высшемъ ремесленномъ училищѣ, независимо отъ шести нормальныхъ классовъ, при первомъ классѣ онаго состоитъ еще параллельный, содержимый на ежегодный взносъ въ количествѣ 1.500 рублей отъ города. Въ этихъ классахъ 238 учащихся распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Въ I-мъ основномъ	40
„ I-мъ параллельномъ	40
Во II-мъ	51
„ III-мъ	38
„ IV-мъ	34
„ V-мъ	18
„ VI-мъ	17
Всѣхъ	238 уч.

Имѣя въ виду спеціальное назначеніе Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, я призналъ нужнымъ главнымъ образомъ сосредоточиться на повѣркѣ успѣховъ учащихся по математикѣ, механикѣ, физикѣ, химіи и техническому черченію и рисованію. Всѣ эти предметы идутъ вполнѣ успѣшно, и мнѣ трудно даже рѣшить, кому изъ преподавателей оныхъ, по умѣнью излагать свой предметъ, по добросовѣстности, которую каждый изъ нихъ вноситъ въ дѣло преподаванія, и по достигаемымъ въ классахъ результатамъ, слѣдуетъ отдать первенство. Въ особенности порадовался я тому обстоятельству, что ни въ одномъ классѣ училища я не замѣчалъ видимо отстававшихъ отъ товарищей учениковъ, составляющихъ баластъ класса и тормозящихъ его успѣхи. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ о педагогическомъ тактѣ преподавателей и надлежащей строгости ихъ какъ при пріемномъ, такъ и при переводныхъ испытаніяхъ.

На урокахъ ариѳметики въ двухъ первыхъ классахъ (въ I-мъ на-

раллельномъ и во II-мъ) у учителя г. Маркевича (онъ же и помощникъ инспектора училища) я удостовѣрился не только въ хорошихъ познаніяхъ учениковъ въ пройденномъ съ начала нынѣшняго учебнаго года курсѣ, но и въ полной сознательности усвоеннаго ими учебнаго матеріала. Задачи на умноженіе и дѣленіе дробныхъ количествъ рѣшались быстро на доскѣ, а менѣе сложныя — въ умѣ, съ надлежащимъ поясненіемъ производимыхъ ими дѣйствій. Вызывались ученики къ отвѣтамъ не преподавателемъ, а мною по классному списку, при чемъ я, соображаясь съ отмѣтками за первую четверть учебнаго года, просилъ преподавателя предлагать задачи ученикамъ трехъ группъ, отличнымъ, хорошимъ и посредственнымъ по успѣхамъ. Въ V-мъ классѣ я былъ на урокѣ тригонометріи у преподавателя фонъ-Грофе. Преподаваніе его отличается особенною ясностью и точностью; ученики слѣдили за изложеніемъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и когда я просилъ г. Грофе предложить имъ вопросы изъ пройденнаго съ ними въ нынѣшнемъ полугодіи курса тригонометріи, то былъ порадованъ особенно отчетливыми и полными отвѣтами учащихся. Тутъ не было мѣста ни недомолвкамъ, ни сбивчивости, ни неопредѣленности въ выраженіяхъ и терминахъ; чертежи на классной доскѣ были дѣлаемы тщательно, выкладки отличались четкостью и отчетливостью, такъ что новѣрить ихъ было легко въ любой моментъ исполненія задачи. Не менѣе отрадными показались мнѣ успѣхи учениковъ VI-го класса въ механикѣ, преподаваемой учителемъ Аноповымъ, весьма даровитымъ преподавателемъ, окончившимъ курсъ въ Технологическомъ институтѣ съ званіемъ инженеръ-технолога. Я уже въ предшествовавшія ревизіи имѣлъ случай замѣтить педагогическія дарованія г. Анопова, а нынѣшній осмотръ училища меня окончательно убѣдилъ, что только горячему усердію и отличнымъ дарованіямъ его училище обязано хорошими успѣхами учащихся въ механикѣ, ибо надлежащее усвоеніе этого труднаго предмета, въ виду кратковременности училищнаго курса, дѣйствительно представляетъ какъ для преподавателя, такъ и для воспитанниковъ не маловажныя затрудненія. Изъ урока физики учителя г. Плутенко въ V классѣ я также вынесъ весьма отрадное впечатлѣніе: ясное и вполнѣ систематическое изложеніе ученія о звукѣ сопровождалось соотвѣтствующими опытами, производившимися при содѣйствіи одного изъ учениковъ, весьма отчетливо и съ надлежащимъ спокойствіемъ. Торопливости, которою нерѣдко страдаютъ молодые преподаватели при производимыхъ ими опытахъ, вовсе не замѣчалось

г. Плутенко. Когда, по окончаніи урока, который намѣревался онъ задать къ слѣдующему разу, г. Плутенко, по моему предложенію, сталъ спрашивать изъ курса пройденнаго съ начала учебнаго года, то ученики отвѣчали весьма удовлетворительно и замѣтно было, какъ ясное изложеніе преподавателя отражалось и на точныхъ и опредѣленныхъ отвѣтахъ воспитанниковъ. Успѣхами по неорганической химіи, преподаваемой г. Карповымъ въ IV-мъ классѣ училища, я остался также очень доволенъ. Сперва г. Карповъ изложилъ свой урокъ, и я съ удовольствіемъ замѣтилъ, какъ преподаватель старался сдѣлать это изложеніе доступнымъ для слушателей IV-го класса, примѣняясь къ степени ихъ умственнаго развитія и постоянно при томъ имѣя въ виду не устрашать ихъ любознательности излишне строгою научностью формы. Преподаваніе его сопровождалось постоянными демонстраціями на препаратахъ, заранѣе имъ самимъ, за неимѣніемъ особаго лаборанта, заготовленныхъ въ училищной лабораторіи. Живое, плавное изложеніе г. Карпова, подтверждаемое соотвѣтствующими опытами, видимо интересовало учениковъ, и когда онъ, по окончаніи своего изложенія сталъ спрашивать изъ пройденнаго въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ курса химіи, то ученики одинъ предъ другимъ соперничествовали въ отвѣтахъ на вопросы преподавателя. Отвѣты эти въ большинствѣ были весьма удовлетворительны и доказывали, что пройденный учебный матеріалъ усвоенъ учащимися вполнѣ сознательно. Другой часъ во время моей ревизіи я посвятилъ на ознакомленіе съ практическими работами учениковъ VI класса въ лабораторіи. Всѣ 17 учениковъ этого класса работали подъ руководствомъ г. Карпова, и каждый изъ нихъ имѣлъ предъ собою изложенную на письмѣ задачу. Тутъ я могъ еще болѣе убѣдиться въ педагогическихъ способностяхъ преподавателя; одному ученику разъяснялъ онъ пріемы, которыхъ слѣдуетъ держаться при предложенномъ ему анализѣ, другаго поощрялъ идти по пути, имъ начатому къ достиженію предлежавшей цѣли: словомъ, работа въ лабораторіи шла весьма оживленно и душою всего былъ преподаватель, пользующійся, какъ мнѣ извѣстно, вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ у своихъ слушателей. Г. Карповъ окончилъ, какъ и товарищъ его г. Аноповъ, курсъ Технологическаго института съ званіемъ инженеръ-технолога.

Успѣхи учениковъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища по техническому черченію и рисованію нельзя не признать отличными. Обученіе этимъ искусствамъ распредѣлено между двумя одинаково добросовѣстными, усердными и талантливыми учителями гг. Олене-

вымъ и Ефимовымъ, бывшими воспитанниками Строгановскаго училища техническаго рисованія. Работы учениковъ Лодзинскаго Училища по этимъ двумъ искусствамъ происходятъ въ особой для нихъ предназначенной просторной и свѣтлой залѣ, гдѣ ученики работаютъ за столами, приспособленными для таковыхъ занятій. Черченіе происходитъ по моделямъ и по образцамъ. Нѣкоторыя работы воспитанниковъ старшихъ классовъ по техническому черченію достигаютъ совершенства, а работы по рисованію—дѣйствительнаго изящества. Трудно даже вообразить, какъ ученики, поступающіе въ первый классъ училища безъ всякой подготовки въ этихъ искусствахъ, могутъ въ теченіе пяти, шести, лѣтъ дойдти до такихъ замѣчательныхъ результатовъ. Конечно, главная заслуга въ этомъ принадлежитъ тому горячему усердію и настойчивости, съ которыми учители этихъ предметовъ преслѣдуютъ предначертанную имъ цѣль, и также энергіи начальника заведенія, умѣющаго своимъ авторитетомъ поощрять и поддерживать ревность преподавателей и прилежаніе учащихся.

Въ чистописаніи и въ такъ-называемой каллиграфіи, которымъ обучаютъ гг. Оленевъ и Ефимовъ, ученики очень хорошо успѣваютъ, судя по ихъ тетрадямъ и нѣкоторымъ каллиграфическимъ работамъ.

Познанія учениковъ по зоологіи во II классѣ, преподаваемой учителемъ г. Беленковымъ, найдены удовлетворительными, и отвѣты нѣкоторыхъ учениковъ по этому предмету даже весьма хорошими. Тѣ же результаты я замѣтилъ и по всеобщей географіи, преподаваніе которой раздѣлили между собою гг. Плутенковъ и Бѣленковъ. При преподаваніи зоологіи учитель постоянно пользуется имѣющимся въ училищѣ весьма полнымъ зоологическимъ атласомъ, каковый наглядный способъ конечно много содѣйствуетъ отчетливому усвоенію учащимися строенія животныхъ и отличительныхъ ихъ признаковъ. При преподаваніи географіи соблюдается такой же демонстративный методъ на глобусѣ и на картѣ; ученики, начиная съ низшихъ классовъ, пріучаются къ географическому черченію, которое въ этомъ училищѣ, гдѣ обращено особенное вниманіе на развитіе графическаго искусства, идетъ весьма успѣшно.

По Закону Божію римско-католическаго исповѣданія, преподаваемому по русски священникомъ Орловскимъ, я выслушалъ урокъ въ I основномъ классѣ. Преподаватель объясняется свободно и почти совершенно правильно по русски; изложеніе у него живое и методъ преподаванія раціональнѣе чѣмъ у большинства ксендзовъ-законоучителей учебныхъ заведеній здѣшняго края. На вопросы изъ ветхозавѣтной

священной исторіи вызванные мною по списку ученики отвѣчали хорошо. Успѣхи учениковъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища по русскому языку и географіи Россіи найдены удовлетворительными у обоихъ преподавателей: Ониксевича и Голунскаго. Ученики объясняются свободно по русски и не затрудняются ни по одному предмету училищнаго курса въ пріисканіи соотвѣтствующихъ выраженій для изложенія своихъ свѣдѣній. Въ произношеніи изрѣдка слышатся погрѣшности противъ удареній, что̀ отчасти объясняется составомъ учащихся, изъ которыхъ многіе принадлежатъ къ нѣмецкой національности, и обстоятельствомъ общимъ для всѣхъ учениковъ Лодзинскаго училища, что въ городѣ Лодзи, внѣ стѣнъ заведенія, ученики постоянно слышатъ только нѣмецкую рѣчь, и никогда почти не слышатъ русскаго говора. Познанія учениковъ въ русской граматикѣ вообще хороши, равно какъ хороши и письменныя ихъ упражненія, диктантъ въ низшихъ, и сочиненія по предметамъ, предварительно разъясненнымъ преподавателемъ въ классѣ, въ трехъ высшихъ. За тѣмъ, чтобы ученики во время нахожденія въ училищѣ постоянно говорили между собою по русски, строго наблюдаютъ инспекторъ и его помощникъ, встрѣчающіе дружное себѣ содѣйствіе въ преподавателяхъ, большею частью коренныхъ Русскихъ.

Во II классѣ я былъ на урокѣ нѣмецкаго языка. Ученики переводили небольшой разказъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ. Переводъ шелъ вообще хорошо и на вопросы мои и преподавателя г. Шмидта по этимологіи получались почти отъ всѣхъ учениковъ удовлетворительные отвѣты. Ученики этого класса умѣли склонять имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія и хорошо спрягали глаголы, въ томъ числѣ и нѣкоторые съ неправильными формами. Нѣсколько изъ лучшихъ учениковъ II класса могли передать своими словами по нѣмецки содержаніе басни, которую двое изъ товарищей продекламировали на томъ же языкѣ.

Изъ учениковъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища составленъ хоръ пѣвчихъ, который весьма согласно и выразительно, подъ руководствомъ учителя, исполнилъ, кромѣ народнаго гимна, еще хоръ изъ оперы Глинки „Жизнь за Царя“ и псаломъ „Коль славенъ нашъ Господь.“

Для практическаго ознакомленія учениковъ двухъ высшихъ классовъ съ фабричнымъ производствомъ, воспитанники подъ руководствомъ инспектора училища или преподавателей механической и хи-

мической технологіи Гг. Анопова и Карпова, посѣщають мѣстныя фабрики и заводы.

Сначала, когда училище еще не пользовалось довѣріемъ мѣстныхъ фабрикантовъ и вообще горожанъ, согласіе на осмотръ фабрикъ и заводовъ учениками совмѣстно съ ихъ наставниками давалось не совсѣмъ охотно, но нынѣ, когда предубѣжденіе противъ училища, въ виду достигаемыхъ онымъ весьма отрадныхъ результатовъ, давно уже превратилось въ полное къ нему сочувствіе, такія посѣщенія фабрикъ не только не встрѣчають болѣе затрудненій, но сопровождаются полнымъ радушіемъ и предупредительностью со стороны фабрикантовъ. Въ доказательство возрастающаго съ каждымъ годомъ довѣрія къ училищу служить взносъ 1500 рублей отъ города на содержаніе параллельнаго отдѣленія при I классѣ. Въ будущемъ году непремѣнно нужно будетъ открыть и при II классѣ параллельное отдѣленіе, и городское общество питаетъ надежду, что на осуществленіе этой необходимой по нынѣшнему числу учениковъ въ двухъ отдѣленіяхъ I класса мѣры министерство не откажетъ въ расходахъ.

По окончаніи ревизіи училища, я осматривалъ работы учениковъ по химіи, красильному и ткацкому искусству, по начертательной геометріи, техническому черченію и рисованію за послѣдніе три года. Я былъ пораженъ количествомъ работъ, исполненныхъ учениками по химическому анализу подъ руководствомъ преподавателя г. Карпова и инспектора г. Добровольскаго и отчетливымъ, строго математическимъ исполненіемъ чертежей по начертательной геометріи подъ руководствомъ г. Антонова. Всѣ столы въ актовой залѣ были покрыты трудами учащихся по техническому черченію и рисованію, исполненными подъ руководствомъ гг. Оленева и Ефимова. Въ числѣ ихъ были работы, удостоенныя медалей и похвальныхъ отзывовъ отъ Императорской Академіи художествъ. Не удивительно, что жители города Лодзи, въ виду такихъ результатовъ, достигаемыхъ училищемъ по главнымъ предметамъ курса, стали относиться какъ къ училищу, такъ и къ достойному инспектору онаго и къ его сотрудникамъ, съ надлежащимъ уваженіемъ. Въ подтвержденіе такого постоянно возрастающаго въ городскомъ обществѣ довѣрія къ училищу, не могу не упомянуть что въ числѣ учениковъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища есть сыновья нѣкоторыхъ весьма крупныхъ мѣстныхъ промышленниковъ-фабрикантовъ.

Стараніями инспектора г. Добровольскаго, при дружномъ ему со-

дѣйствіи учителей техническаго черченія и рисованія, на средства, пожертвованныя отъ города, устроены при училищѣ воскресные классы черченія и рисованія для рабочихъ на мѣстныхъ фабрикахъ и для городскихъ ремесленниковъ. Городское общество отнеслось къ училищному начальству съ особенною признательностью за такую заботливость о развитіи графическихъ способностей мѣстнаго рабочаго люда, и результаты, достигаемые воскресными рисовальными классами, дѣйствительно поразительны, судя по кратковременности устройства этихъ классовъ (не болѣе 2-хъ лѣтъ), и по работамъ, исполненнымъ нѣкоторыми изъ учениковъ и выставленнымъ въ актовой залѣ.

д) *Тринадцать городскихъ начальныхъ училищъ Петроковской губерніи.*

Изъ этихъ тринадцати начальныхъ училищъ (4 въ Петроковѣ, 5 въ Ченстоховѣ и 4 въ Лодзи) несомнѣнно, по раціональности пріемовъ элементарнаго обученія и по успѣхамъ во всѣхъ предметахъ начальнаго курса, особенно по русскому языку и ариѳметикѣ, первенство принадлежитъ Лодзинскому двухклассному начальному, главнымъ образомъ предназначенному для приготовленія учащихся къ поступленію въ 1-й классъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища. Училище это дѣлится на два класса. Уже въ младшемъ (учитель Швабъ) дѣти читаютъ по русски бѣгло, довольно правильно соблюдая ударенія. Легкій разказъ по грамотѣ Грушецкаго, предварительно читанный при мнѣ, нѣкоторые ученики передавали удовлетворительно. По ариѳметикѣ они хорошо знаютъ нумерацію, рѣшаютъ задачи на сложеніе и вычитаніе на доскѣ и въ умѣ. Почеркъ у многихъ учениковъ довольно твердый, и тетрадки чистописанія въ большомъ порядкѣ. Во II-мъ классѣ, у учителя г. Ельца, успѣхи по русскому языку весьма удовлетворительны. Ученики читаютъ свободно, съ соблюденіемъ удареній и знаковъ препинанія, разказываютъ содержаніе прочитанной статьи своими словами толково. По русской граматикѣ свѣдѣнія учащихся весьма удовлетворительны: они дѣлаютъ хорошо разборъ логическій и этимологическій; склоняютъ имена прилагательныя, числительныя и мѣстоименія и спрягаютъ хорошо глаголы по формѣ дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ; ознакомлены также съ спряженіемъ нѣкоторыхъ неправильныхъ глаголовъ. Ученики пишутъ почти безъ ошибокъ подъ диктовку и довольно тверды въ умѣніи употреблять знаки препинанія. Въ ариѳметикѣ они прошли уже сложеніе, вычитаніе и умноженіе дробей и хорошо рѣшали задачи по этимъ правиламъ на доскѣ. Къ умствен-

ному счисленію они достаточно пріучены, и два ученика, вызванные мною по списку, рѣшили быстро задачи на вычитаніе дробей съ надлежащимъ поясненіемъ. Изъ географіи Россіи ученики старшаго отдѣленія 2-го класса знаютъ границы Европейской Россіи, моря, озера, главныя рѣки съ ихъ важнѣйшими притоками, горныя цѣпи и въ состояніи были указать мнѣ на картѣ, кромѣ столицъ, важнѣйшіе города Европейской Россіи, съ поясненіемъ ихъ торговаго или промышленнаго значенія. Ученики умѣютъ чертить карту Европейской Россіи съ обозначеніемъ теченія главнѣйшихъ рѣкъ и направленія горныхъ хребтовъ; кромѣ того они хорошо успѣли въ чистописаніи и въ черченіи геометрическихъ фигуръ. Желая поставить это двухклассное начальное училище, по учебной по крайней мѣрѣ части, еще въ болѣе близкія отношенія къ Лодзинскому высшему ремесленному училищу, я просилъ начальника дирекціи г. Худзинскаго назначить инспектора Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища смотрителемъ этой двухклассной школы. Во время моей ревизіи обучалось здѣсь 120 мальчиковъ, изъ которыхъ 52 приходилось на младшій, а 68 на старшій классъ.

По удовлетворительности успѣховъ въ русскомъ языкѣ и ариѳметикѣ изъ остальныхъ 12-ти начальныхъ училищъ Петроковской губерніи, мною въ подробности осмотрѣнныхъ въ нынѣшнюю ревизію, всего ближе подходятъ къ описанному Лодзинскому двухклассному начальному училищу въ нижеуказанномъ порядкѣ слѣдующія одиннадцать: 1) одноклассное общее для дѣтей обоего пола № 2 въ г. Петроковѣ (блюститель и законоучитель православнаго исповѣданія священникъ Рышковъ и учительница г-жа Ливеровская); учащихся 32; 2) одноклассное общее № 1 училище въ г. Ченстоховѣ (блюститель и законоучитель, настоятель Ченстоховскаго православнаго прихода, священникъ Соколовъ, учительница г-жа Ольга Эггертъ), учащихся 27; 3) одноклассное общее въ г. Лодзи № 2; учитель Владиміръ Бужко, учащихся 80; 4) одноклассное общее въ г. Лодзи № 6, учитель Людовикъ Брейтигамъ, учащихся 172; 5) одноклассное мужское въ г. Петроковѣ съ двумя отдѣленіями; учителя гг. Нейманъ и Марцинкевичъ; учениковъ 111; 6) одноклассное мужское въ г. Ченстоховѣ № 1, учитель Тиль, учениковъ 107; 7) одноклассное еврейское мужское въ городѣ Лодзи, учитель Фамиліеръ, 86 учениковъ; 8) одноклассное женское въ г. Петроковѣ, учительница г-жа Псарская, 80 учеництъ; 9) одноклассное общее въ городѣ Петроковѣ № 1, учитель Вейссъ, 37 учащихся; 10) одноклассное женское въ городѣ Ченстоховѣ № 2, учительница г-жа Севастья-

нова, учениц 40, и 11) одноклассное общее въ городѣ Ченстоховѣ № 2, учитель Модерау, учащихся 33. Во всѣхъ этихъ одиннадцати школахъ учащіеся правильно распредѣлены по отдѣленіямъ, и успѣхи въ каждомъ изъ нихъ найдены вообще удовлетворительными. Въ старшемъ отдѣленіи дѣти читаютъ довольно плавно даже статьи прежде ими еще не читанныя, могутъ не рѣдко передавать содержаніе прочитаннаго разказа своими словами, безъ посторонней помощи. Учащіеся въ старшемъ отдѣленіи пишутъ подъ диктовку довольно скоро и притомъ безъ крупныхъ орѳографическихъ ошибокъ; умѣютъ различать главныя части предложенія, ознакомлены съ правильными склоненіями именъ существительныхъ и прилагательныхъ и съ спряженіями правильныхъ глаголовъ. Въ большей части поименованныхъ училищъ дѣти старшаго отдѣленія могутъ указать на картѣ границы Европейской Россіи, важнѣйшія въ оной озера, рѣки и горы и особенно замѣчательные города. На чистописаніе также обращено надлежащее вниманіе и тетради содержатся вообще въ порядкѣ и опрятности.

Въ менѣе удовлетворительномъ состояніи представилось мнѣ Ченстоховское еврейское начальное училище съ двумя отдѣленіями для мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ мужскомъ отдѣленіи, правда, успѣхи въ русскомъ языкѣ не уступаютъ ни мало успѣхамъ, найденнымъ по этому языку въ 11-ти вышепоименованныхъ училищахъ, благодаря старательности и опытности въ элементарномъ обученіи одного изъ учителей этой школы, г. Шапочника, бывшаго воспитанника Житомирскаго Раввинскаго училища, но за то познанія мальчиковъ въ ариѳметикѣ, которую преподаетъ другой учитель, оказались слабыми и сбивчивыми. Въ женскомъ отдѣленіи успѣхи большей части учениц были слабы какъ по русскому языку, такъ и по ариѳметикѣ, и только въ нѣмецкомъ языкѣ, который, по просьбѣ еврейскаго общества, входитъ въ курсъ этого начальнаго училища, ученицы очень хорошо успѣли и не уступаютъ познаніямъ учениц 2-го класса любой женской гимназіи, благодаря усердію и умѣнью учительницы г-жи Бреслауеръ. Я просилъ присутствовавшаго при ревизіи начальника Лодзинской учебной дирекціи г. Худзинскаго обратить вниманіе на указанные недостатки.

е) *Три частныхъ мужскихъ училища съ курсомъ соотвѣтствующимъ программѣ четырехъ низшихъ классовъ гимназіи:* одно въ Петроковѣ, содержимое г-мъ Поповскимъ, другое въ Ченстоховѣ (содержатель г. Осуховскій) и третье въ Лодзи (содержатель г. Зейдель).

Изъ этихъ трехъ частныхъ учебныхъ заведеній по правильности устройства въ нихъ учебной части и успѣхамъ, достигаемымъ преподаваніемъ, безспорно стоитъ гораздо выше остальныхъ двухъ училище, содержимое г. Поповскимъ въ Петроковѣ. Содержатель этого училища окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата и вполнѣ освоился съ требованіями современной педагогіи, прослуживъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ въ одной изъ гимназій ввѣреннаго мнѣ округа. Онъ не щадитъ ни силъ, ни денежныхъ средствъ, чтобы поставить свое заведеніе въ условія, которыя могли бы по возможности дать тѣ же результаты, какіе достигаются въ четырехъ низшихъ классахъ гимназіи. Для этой цѣли онъ пригласилъ нѣкоторыхъ учителей мѣстной гимназіи къ преподаванію въ руководимомъ имъ заведеніи, и строго придерживается учебнаго плана и программъ, предписанныхъ министерствомъ для гимназій. При осмотрѣ этого училища, при которомъ состоитъ также приготовительный классъ, я обращалъ особенное вниманіе на познанія учащихся въ главныхъ предметахъ гимназическаго образованія, на русскій и древніе языки и на математику. Успѣхи во всѣхъ классахъ училища по этимъ предметамъ найдены вообще удовлетворительными и почти не уступающими свѣдѣніямъ соотвѣтственныхъ классовъ Петроковской гимназіи. Изъ училища г-на Поповскаго многіе ученики поступаютъ въ мѣстную гимназію хорошо подготовленными и въ достаточной мѣрѣ освоившимися съ порядками, установленными въ гимназіяхъ, такъ какъ содержатель училища въ дѣлѣ воспитанія и обученія строго сообразуется съ требованіями гимназическаго устава. Въ уровнѣ познаній учениковъ всѣхъ классовъ замѣчается надлежащая равномѣрность, которая такъ рѣдко достигается въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, вслѣдствіе излишней уступчивости содержателей оныхъ по отношенію къ просьбамъ родителей о пріемѣ ихъ дѣтей въ классы, программамъ которыхъ они по познаніямъ своимъ еще не вполнѣ соотвѣтствуютъ. Не взирая на соблюдаемую въ этомъ отношеніи г-мъ Поповскимъ строгость и неуступчивость, заведеніе его пользуется довѣріемъ общества, такъ какъ, во время моего осмотра, въ четырехъ его классахъ и въ приготовительномъ, обучалось 109 мальчиковъ.

Въ училищахъ г. Осуховскаго въ Ченстоховѣ и г. Зейделя въ Лодзи, хотя и разрѣшенныхъ по представленію начальника Лодзинской учебной дирекціи въ 4-хъ классномъ составѣ, за недавностію

такого разрѣшенія, ко времени моей ревизіи были пока только открыты два низшихъ класса и приготовительный.

Въ училищѣ г. Зейделя въ Лодзи обучается 74 мальчика, изъ коихъ въ приготовительномъ классѣ 35, въ I — 24 и въ II — 15 учениковъ. Успѣхи по русскому и латинскому языкамъ и ариѳметикѣ у большей части учащихся могутъ быть названы довольно удовлетворительными, хотя замѣчается нѣкоторая неравномѣрность въ познаніяхъ учениковъ одного и того же класса, что содержатель приписываетъ разновременности поступленія учащихся. Во II классѣ бóльшая часть учениковъ читаетъ довольно плавно по русски, хотя еще съ нѣкоторыми погрѣшностями противъ ударeній, умѣетъ передавать своими словами прочитанный разказъ, различаетъ части предложенія, склоняетъ и спрягаетъ довольно твердо. Диктантъ также удовлетворителенъ; грубыхъ ошибокъ орѳографическихъ вовсе не было, и нѣкоторые ученики довольно правильно разставили знаки препинанія. Съ латинскими склоненіями и спряженіями ученики хорошо ознакомлены и довольно твердо примѣняютъ изученныя ими формы къ переводу съ русскаго на латинскій языкъ. По ариѳметикѣ ученики II класса прошли сложеніе и вычитаніе дробей и пріучены также къ умственному счисленію.

Несравненно слабѣе успѣхи учениковъ въ училищѣ, содержимомъ г. Осуховскимъ въ Ченстоховѣ, и неравномѣрность познаній учениковъ въ одномъ и томъ же классѣ поразительна. Видно, что содержатель, при пріемѣ учениковъ, не соображается съ программою, установленною для соотвѣтствующихъ классовъ гимназіи, и слишкомъ податливъ на просьбы родителей о помѣщеніи дѣтей въ классъ, для котораго они еще достаточно не подготовлены. Я поставилъ г. Осуховскому на видъ такой непедагогическій образъ дѣйствій, указавъ ему на вредное вліяніе, которое неминуемо должна оказать на успѣхи учениковъ такая снисходительность, а вслѣдствіе сего, конечно, и на довѣріе въ будущемъ родителей къ руководимому имъ учебному заведенію. Въ день осмотра мною этого училища было въ немъ 59 учащихся: 11 въ приготовительномъ классѣ; 20 въ I-мъ и 28 во II-мъ.

ж) *Двуклассное частное женское училище, содержимое въ городѣ Лодзи г-жею Берлахъ* съ курсомъ, соотвѣтствующимъ программѣ двухъ низшихъ классовъ женской гимназіи и *частное одноклассное начальное женское училище въ городѣ Петроковѣ*, преимущественно

предназначенное для приготовленія дѣтей къ поступленію въ 1-й классъ Петроковской женской прогимназіи.

Подробный осмотръ этихъ двухъ учебныхъ заведеній доставилъ мнѣ истинное удовольствіе. При первомъ изъ этихъ училищъ устроенъ приготовительный классъ, въ которомъ дѣти отъ 7 до 8 лѣтъ обучаются съ видимымъ успѣхомъ для ихъ умственнаго развитія по системѣ Фребеля. Програму 1-го и 2-го классовъ училища г-жа Берлахъ строго сообразила съ курсомъ низшихъ классовъ женской гимназіи. Русское чтеніе идетъ хорошо и только изрѣдка слышались неправильности въ удареніяхъ; ученицы объясняются плавно и довольно правильно по русски и пишутъ подъ диктовку удовлетворительно. Во II классѣ уже проходится граматика: ученицы умѣютъ разбирать предложенія, съ указаніемъ не только главныхъ, но и второстепенныхъ частей оныхъ; склоняютъ имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія и спрягаютъ также хорошо правильные глаголы въ дѣйствительномъ и страдательномъ залогахъ. Граматическія занятія въ классѣ сопровождаются соотвѣтствующими письменными упражненіями, задаваемыми на домъ, и нѣкоторыя тетрадки, разсмотрѣнныя мною, свидѣтельствуютъ о стараніяхъ дѣтей и тщательномъ исправленіи погрѣшностей учителемъ. По ариѳметикѣ успѣхи ученицъ въ обоихъ классахъ также довольно удовлетворительны и дѣти пріучены къ рѣшенію задачъ въ умѣ. Въ высшемъ классѣ ученицы хорошо ознакомлены съ Европейскою Россіею и пріучены къ географическому черченію. На вопросы мои о границахъ Россіи, о ея моряхъ, заливахъ, озерахъ, рѣкахъ и горахъ я получалъ почти отъ всѣхъ ученицъ отчетливые отвѣты. Училище снабжено всѣми необходимыми учебными пособіями по обученію географіи и естественной исторіи. Училище имѣетъ прекрасное, свѣтлое и просторное помѣщеніе, и вообще г-жа Берлахъ не щадитъ ни расходовъ, ни труда, чтобы все въ заведеніи ея соотвѣтствовало условіямъ правильной школьной организаціи. Въ виду такой преданности г-жи Берлахъ принятымъ на себя педагогическимъ обязанностямъ, неудивительно, что руководимое ею училище пользуется довѣріемъ мѣстнаго городскаго общества, о чемъ свидѣтельствуетъ и значительное число обучающихся въ этомъ заведеніи дѣтей. Всѣхъ дѣвочекъ 118; изъ нихъ въ приготовительномъ классѣ 46; въ I-мъ 39 и во II-мъ 33. Желательно было бы расширить это училище до четырехкласснаго состава, о чемъ, сколько мнѣ извѣстно, предполагаетъ къ началу будущаго учебнаго $18^{76}/_{77}$ года ходатайствовать г-жа Берлахъ.

Въ Петроковскомъ одноклассномъ начальномъ женскомъ училищѣ обучается 30 дѣвочекъ 8-ми и 9-ти лѣтняго возраста. Дѣти эти читали весьма порядочно и съ должнымъ пониманіемъ по русски по грамотѣ Грушецкаго. Въ удареніяхъ они ошибаются весьма рѣдко, произносятъ слова внятно и правильно. Легкій разказъ, прочитанный при мнѣ по книгѣ, вызванныя мною въ учебномъ заведеніи передали мнѣ довольно правильно своими словами. Въ этомъ училищѣ примѣняется раціонально звуковый методъ, чему я и приписываю внятное и вообще правильное по удареніямъ чтеніе. И въ счисленіи ученицы успѣли хорошо, ознакомлены съ нумераціею въ предѣлахъ сотни и рѣшаютъ въ умѣ задачи на сложеніе и вычитаніе. Наилучше приготовленныя для I класса Петроковской прогимназіи дѣти обучались въ этомъ училищѣ. Начальникъ учебной дирекціи обращаетъ особенное вниманіе на ходъ въ немъ учебнаго дѣла, видя въ немъ пользующееся особеннымъ довѣріемъ мѣстнаго общества приготовительное заведеніе для подвѣдомственной ему женской прогимназіи. Учительница отличается рѣдкимъ усердіемъ и умѣньемъ привлекать дѣтей къ школѣ и съ надлежащимъ вниманіемъ относится ко всѣмъ совѣтамъ и указаніямъ училищнаго начальства.

Въ заключеніе моего отчета объ осмотрѣнныхъ въ предѣлахъ Петроковской губерніи учебныхъ заведеніяхъ, считаю долгомъ свидѣтельствовать о горячемъ въ продолженіе десяти лѣтъ, участіи Петроковскаго губернатора генералъ-маіора Каханова къ успѣхамъ учебнаго дѣла вообще, и въ особенности начальнаго образованія среди городскаго и сельскаго населенія ввѣренной ему губерніи. Всѣ начинанія учебнаго начальства, клонящіяся къ поднятію уровня начальнаго образованія въ Петроковской губерніи, постоянно встрѣчали и встрѣчаютъ самую энергическую поддержку въ губернаторѣ, что̀ не могло остаться безъ видимаго вліянія на поощреніе уѣздныхъ начальниковъ къ дѣйствіямъ въ томъ же духѣ и направленіи въ предѣлахъ управляемыхъ ими уѣздовъ.

II. Въ Варшавской губерніи.

а) *Влоцлавское шестиклассное реальное училище.*

Въ Влоцлавскомъ реальномъ училищѣ во время моей ревизіи, происходившей въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1875 года, обучалось 220 учениковъ, которые распредѣлялись по классамъ слѣдующимъ образомъ:

въ I классѣ	. .	40	уч.
„ II „	. .	40	„
„ III „	. .	42	„
„ IV „	. .	40	„
„ V „	. .	37	„
„ VI „	. .	21	„
всѣхъ	.	220	уч.

Независимо отъ означенныхъ шести нормальныхъ классовъ, согласно уставу реальныхъ училищъ 1872 года, при этомъ заведеніи состоитъ VII классъ, въ которомъ ученики бывшей Влоцлавской реальной гимназіи, преобразованной къ началу 1874—75 учебнаго года въ шестиклассное реальное училище, оканчиваютъ свой прежній курсъ на основаніяхъ устава реальныхъ гимназій Варшавскаго учебнаго округа отъ 5-го января 1866 года. Послѣ того Влоцлавское реальное училище войдетъ въ нормальное свое положеніе, согласно уставу 1872 года.

Произведенная мною въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года ревизія Влоцлавскаго реальнаго училища была первая послѣ совершившагося въ августѣ 1874 года преобразованія онаго; вслѣдствіе чего я призналъ нужнымъ подвергнуть это заведеніе на сей разъ особенно внимательному во всѣхъ отношеніяхъ осмотру.

По русскому языку я нашелъ успѣхи учащихся вообще удовлетворительными. Ученики во всѣхъ классахъ объясняются свободно и вообще правильно, хотя изрѣдка еще слышатся обороты, не вполнѣ свойственные складу русской рѣчи. Во всѣхъ классахъ, не исключая и двухъ низшихъ, ученики читаютъ плавно, съ соблюденіемъ знаковъ препинанія, хотя иногда, но весьма рѣдко, приходилось останавливать читающаго, вслѣдствіе употребленія имъ невѣрнаго ударенія, но въ этихъ случаяхъ читающій большею частью былъ въ состояніи самъ исправить погрѣшность, или же исправлялъ ее кто-либо изъ его товарищей. Познанія въ русской граматикѣ найдены вообще удовлетворительными и достаточно твердыми. Этимологическія формы усвоены хорошо, а въ среднихъ и въ высшихъ классахъ получались мною удовлетворительные отвѣты на вопросы изъ синтаксиса. Во всѣхъ классахъ, не исключая даже и перваго, вмѣстѣ съ теоретическими занятіями по русскому языку, идутъ практическія письменныя упражненія какъ въ классѣ, такъ и задаваемыя на домъ. По моему распоряженію были мнѣ доставлены на домъ письменныя работы учениковъ I, III,

V и VI классовъ. Письменныя работы задаются довольно часто и исправляются преподавателями съ надлежащею акуратностью. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго одобренія директоръ училища Лебедевъ и преподаватель Сладкопѣвцевъ, съ большимъ вниманіемъ относящіеся къ этой важной для успѣха дѣла, но не легкой обязанности. Успѣхи учениковъ по славянскому языку въ IV классѣ могли быть признаны вообще удовлетворительными только по вниманію къ тому, что учащіеся лишь со времени преобразованія училища въ августѣ мѣсяцѣ 1874 года начали учиться этому языку. При мнѣ читали евангеліе и переводили его на русскій языкъ. На вопросы изъ славянской граматики нѣкоторые ученики отвѣчали твердо, но другіе еще сбивались при склоненіи именъ существительныхъ и спряженіи глаголовъ. По географіи Россіи и русской исторіи ученики хорошо успѣли. Изложеніе событій отечественной исторіи шло довольно плавно и фактическая сторона достаточно усвоена. По географіи отвѣты были еще лучше; ученики очень хорошо ознакомлены съ картою Европейской и Азіятской Россіи и пріучены къ географическому черченію, которое производится въ этомъ заведеніи съ особенною тщательностью и отчетливостью.

По математическимъ предметамъ успѣхи во всѣхъ классахъ училища оказались удовлетворительными, а въ высшихъ двухъ классахъ весьма хорошими. Въ VI классѣ я былъ на урокахъ начертательной геометріи у учителя Вильчковскаго и механики у учителя Коссовскаго. Предложивъ преподавателю сперва спросить заданное на урокъ, я самъ вызывалъ учениковъ къ доскѣ по классному списку, а за тѣмъ уже просилъ преподавателя спрашивать изъ курса, пройденнаго съ начала учебнаго года. Отвѣты большинства учащихся по начертательной геометріи отличались ясностью и твердостью, и чертежи на доскѣ дѣлались учениками весьма отчетливо. Правда, нѣкоторые ученики, имѣвшіе менѣе хорошія отмѣтки въ вѣдомости за первую четверть учебнаго года, нуждались, при рѣшеніи предложенныхъ имъ г. Вильчковскимъ задачъ, въ нѣкоторомъ со стороны его руководствѣ и напоминаніи, тѣмъ не менѣе отвѣты ихъ не могли не быть признаны удовлетворительными. При повѣркѣ познаній учениковъ VI класса по механикѣ, преподаваемой г. Коссовскимъ, я просилъ его держаться того же порядка, въ которомъ спрашивались ученики этого класса у учителя Вильчковскаго по начертательной геометріи. Результаты этой повѣрки по механикѣ оказались почти столько же удовлетворительными, какъ и по начертательной геометріи. Два ученика

VI класса отвѣчали очень отчетливо и съ рѣдкою ясностью и положительностью, другіе были относительно нѣсколько слабѣе, чѣмъ по начертательной геометріи. Оба преподавателя гг. Вильчковскій и Коссовскій уже по предшествовавшимъ ревизіямъ бывшей Влоцлавской реальной гимназіи были мнѣ извѣстны какъ вполнѣ добросовѣстные и усердные педагоги, что подтвердила и нынѣшняя повѣрка познаній и успѣховъ учениковъ VI класса. Въ VII классѣ бывшей реальной гимназіи я слушалъ урокъ г. Вильчковскаго по аналитической геометріи. Точность и ясность его изложенія вызывали въ слушателяхъ видимое вниманіе, и когда я вызвалъ одного изъ нихъ, прося повторить сдѣланное учителемъ на доскѣ и разъясненное имъ весьма сложное вычисленіе, то это было исполнено весьма отчетливо и не потребовало ни одной поправки со стороны преподавателя. Правда, ученикъ этотъ, какъ оказалось при справкѣ съ вѣдомостью объ успѣхахъ за первую четверть 1875 — 76 учебнаго года, принадлежалъ къ числу хорошихъ, но за то и отвѣты его были вполнѣ безукоризненны. Гг. Вильчковскій и Коссовскій не ограничиваются рѣшеніемъ задачъ учениками въ классѣ, но задаютъ таковыя и на домъ, какъ видно изъ математическихъ тетрадей въ VI нормальномъ классѣ реальнаго училища и въ VII бывшей реальной гимназіи. На урокѣ минералогіи у г. Матушевскаго въ VI классѣ бо́льшая часть учениковъ также отвѣчали весьма удовлетворительно. Преподаватель принесъ въ классъ до 30 минераловъ, и учащіеся должны были сами ихъ опредѣлить съ надлежащимъ разъясненіемъ. Въ V классѣ г. Матушевскій при мнѣ излагалъ урокъ по зоологіи. Его плавное и отчетливое изложеніе сопровождалось постоянно демонстраціею на зоологическомъ атласѣ и отчасти на чучелахъ, и когда, по моему предложенію, приступлено было къ повторенію курса зоологіи, пройденнаго въ послѣдніе предъ ревизіею мѣсяцы, то почти всѣ изъ вызванныхъ мною по классному журналу учениковъ давали удовлетворительные, а нѣкоторые и весьма хорошіе отвѣты. Въ техническомъ черченіи и рисованіи большинство учащихся сдѣлали весьма хорошіе успѣхи, благодаря усердію учителя г. Бушара, отличной его методѣ и умѣнью пріохочивать учащихся къ этимъ искусствамъ. Нѣкоторыя изъ работъ по черченію и рисованію исполнены съ рѣдкою тщательностью и даже съ изяществомъ и удостоены похвальныхъ—отзывовъ отъ Императорской Академіи художествъ, а одна изъ нихъ даже медали. По тѣснотѣ училищнаго помѣщенія нѣтъ возможности устроить особый залъ для работъ по черченію и рисо-

ванію, что несколько стѣсняетъ учителя, но директоръ училища г. Лебедевъ устроилъ классные столы такъ, что, не представляя неудобства ученикамъ при ихъ учебныхъ занятіяхъ по другимъ предметамъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ облегчаютъ въ значительной мѣрѣ производство работъ по графическимъ искусствамъ. На урокѣ закона Божія римско-католическаго исповѣданія я былъ въ III классѣ. Выслушавъ отвѣты шести учениковъ, вызывавшихся мною по классному журналу, я просилъ законоучителя сдѣлать репетицію изъ пройденнаго съ начала учебнаго года курса катехизиса и новозавѣтной священной исторіи. Большинство учащихся отвѣчали по польски удовлетворительно. Въ заключеніе я предложилъ имъ нѣсколько вопросовъ изъ новозавѣтной священной исторіи по русски, и очень порадовался когда и на этомъ языкѣ они отвѣчали съ не меньшимъ успѣхомъ.

По французскому и нѣмецкому языкамъ успѣхи учащихся также удовлетворительны. Въ IV классѣ переводили они по руководству Марго съ русскаго на французскій языкъ. Переводъ по заданному уроку шелъ хорошо, и когда я заставилъ ихъ переводить небольшія статьи, переведенныя въ классѣ нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, то и тутъ я могъ остаться вообще доволенъ результатами своей повѣрки. Въ этомъ классѣ ученики читаютъ плавно по французски, но у многихъ выговоръ не хорошъ. Въ граматическихъ формахъ французскаго языка они оказались твердыми, спрягали хорошо правильные глаголы и достаточно усвоили также спряженіе нѣкоторыхъ неправильныхъ. По нѣмецкому языку я выслушалъ урокъ въ V-мъ классѣ. Тутъ шелъ переводъ историческаго разказа о крестовыхъ походахъ. Вызванные мною по классному списку ученики переводили довольно хорошо, и давали по большей части правильные отвѣты изъ этимологіи и синтаксиса. Читаютъ они по нѣмецки бѣгло и пишутъ безъ грубыхъ ошибокъ подъ диктовку.

Упражненія въ чистописаніи идутъ успѣшно, и разсматривая тетради учениковъ я нерѣдко замѣчалъ въ нихъ твердый и красивый почеркъ. Нѣкоторыя работы по такъ-называемой каллиграфіи (Schönschreiben) исполнены съ большою тщательностью и изяществомъ.

По окончаніи осмотра училища, хоръ воспитанниковъ исполнилъ довольно удачно нѣкоторые русскіе напѣвы, затѣмъ они пропѣли „Коль славенъ" и наконецъ народный гимнъ.

Воспитанники Влоцлавскаго реальнаго училища сдѣлали на меня пріятное впечатлѣніе по внимательности въ классахъ и по домашнему ихъ прилежанію, о чемъ свидѣтельствовали письменныя ихъ

упражненія по русскому языку и математическимъ предметамъ, которыя мною разсматривались на дому.

Стараніями директора училища, Лебедева, устроено въ Влоцлавскѣ нѣсколько ученическихъ квартиръ, которыя весьма часто осматриваются имъ, инспекторомъ, классными наставниками и ихъ помощниками. Въ бытность мою въ Влоцлавскѣ я посѣтилъ нѣсколько такихъ квартиръ и порадовался порядку и опрятности, въ которыхъ онѣ содержатся. Въ каждой изъ такихъ квартиръ воспитанники болѣе или менѣе сортированы по классамъ, въ которыхъ они обучаются, и непосредственный надзоръ за квартирою порученъ одному изъ лучшихъ учениковъ старшаго класса, по выбору педагогическаго совѣта, съ утвержденія директора.

б) *Ловичское шестиклассное реальное училище.*

Въ этомъ училищѣ, преобразованномъ къ началу 18⁷⁴/₇₅ учебнаго года изъ реальной четырехклассной прогимназіи, существовавшей до этого времени на основаніяхъ устава 5-го января 1866 года, во время моего осмотра обучалось 227 учениковъ, которые такъ распредѣлялись по классамъ:

Въ I классѣ	. .	46 уч.
Во II	„ . .	44 „
Въ III	„ . .	45 „
„ IV	„ . .	39 „
„ V	„ . .	41 „
„ VI	„ . .	12 „
	Всѣхъ .	227 уч.

Ловичское реальное училище, не взирая на недавнее его существованіе въ преобразованномъ видѣ, представилось мнѣ при нынѣшнемъ осмотрѣ во всѣхъ отношеніяхъ въ удовлетворительномъ состояніи. Познанія учениковъ по русскому языку, по математическимъ предметамъ, химіи, зоологіи, черченію и рисованію вообще весьма удовлетворительны и ни мало не уступаютъ успѣхамъ учениковъ Влоцлавскаго реальнаго училища, а по нѣкоторымъ предметамъ оказались еще отчетливѣе. Въ VI-мъ классѣ я былъ на урокахъ инспектора Покровскаго по механикѣ, преподавателя Яворскаго по химіи и преподавателя Балаховскаго по русскому языку. Урокъ химіи происходилъ въ училищной лабораторіи; изложеніе преподавателя сопровождалось опытами, и я не могъ не замѣтить, съ какимъ интересомъ ученики

слѣдили за преподаваніемъ. Одинъ изъ учениковъ помогалъ преподавателю при опытахъ, которые были произведены удачно. Отвѣты изъ пройденнаго съ начала нынѣшняго учебнаго полугодія курса были удовлетворительны и доказывали, что предметъ учащимися усвоенъ съ надлежащею твердостью и сознательностью. Въ первыхъ четырехъ классахъ успѣхи по ариѳметикѣ, алгебрѣ и геометріи удовлетворительны. Преподаватель въ этихъ классахъ г. Гирд очень усерденъ, относится, по отзыву директора, съ особеннымъ вниманіемъ къ своимъ обязанностямъ и обращаетъ надлежащее вниманіе въ низшихъ классахъ на умственное счисленіе и на классныя письменныя упражненія, равно какъ на задачи, рѣшаемыя учащимися на дому. Г. Гирд воспитанникъ Варшавскаго университета, хорошо рекомендованный мнѣ гг. профессорами за его трудолюбіе и способности. Познанія учениковъ въ новыхъ языкахъ, нѣмецкомъ и французскомъ, я также могъ признать удовлетворительными. Оба учителя трудолюбивы и усердны въ исполненіи своихъ обязанностей, и ученики III-го и IV-го классовъ переводили съ русскаго на нѣмецкій и французскій языки вообще хорошо и оказались достаточно твердыми въ усвоеніи этимологическихъ формъ того и другаго языка. Въ чистописаніи и каллиграфіи ученики оказали весьма хорошіе успѣхи, благодаря особому усердію и правильнымъ пріемамъ при обученіи учителя Алексѣева, бывшаго воспитанника Строгановскаго училища технического рисованія. По окончаніи ревизіи, я выслушалъ пѣніе многочисленнаго хора, составленнаго изъ воспитанниковъ всѣхъ классовъ, при чемъ остался вполнѣ доволенъ ихъ успѣхами въ этомъ искусствѣ. При мнѣ были пропѣты вполнѣ согласно нѣсколько русскихъ народныхъ пѣсень, два хора изъ оперы „Жизнь за царя“ и народный гимнъ.

По недавности преобразованія бывшей Ловичской реальной прогимназіи въ шестиклассное реальное училище, въ учебныхъ пособіяхъ, коллекціяхъ по естественнымъ наукамъ и физическихъ инструментахъ замѣчаются еще нѣкоторые пробѣлы, которые мало по малу пополняются частью изъ штатныхъ суммъ, частью изъ остатковъ суммъ на содержаніе личнаго состава.

в) *Ловичская трехклассная женская прогимназія.*

Въ этой прогимназіи, во время происходившаго въ ноябрѣ мѣсяцѣ сего года осмотра, обучалось 70 дѣтей, которыя распредѣлялись по классамъ:

Въ I классѣ	29	ученицъ.
Во II „	27	„
Въ III „	14	„
Всѣхъ	70	ученицъ.

Со времени послѣдней моей ревизіи, прогимназія эта по отношенію къ успѣхамъ ученицъ сдѣлала видимый шагъ впередъ, чему, конечно, много содѣйствовало порученіе директору Ловичскаго реальнаго училища г. Попову завѣдыванія учебною частью въ этомъ заведеніи. Г. Поповъ взялъ на себя также преподаваніе ариѳметики, стараясь при этомъ въ особенности вліять на развитіе мыслительной способности дѣтей. Надзирательница прогимназіи г-жа Каменцова очень усердна въ исполненіи своихъ обязанностей и вполнѣ сообразжается съ указаніями г. Попова относительно веденія учебнаго дѣла. Вслѣдствіе сего, число ученицъ въ послѣдніе полтора года видимо увеличилось, и довѣріе мѣстнаго общества къ прогимназіи все болѣе и болѣе утверждается. При осмотрѣ этого заведенія присутствовалъ и начальникъ Варшавской учебной дирекціи г. Щебальскій, въ вѣдѣніи котораго состоитъ Ловичская прогимназія. Повѣрка познаній ученицъ по русскому языку, ариѳметикѣ, географіи и исторіи Россіи, закону Божію римско-католическаго вѣроисповѣданія и французскому языку дала вообще весьма удовлетворительные результаты. Въ III классѣ ученицы читаютъ плавно по русски; ошибки противъ удареній встрѣчаются весьма рѣдко, разборъ предложеній идетъ успѣшно и ученицы твердо усвоили составъ предложенія простаго и сложнаго. Онѣ склоняли правильно согласованныя между собою указательныя мѣстоименія, прилагательныя и существительныя, спрягали глаголы въ дѣйствительномъ и страдательномъ залогахъ и хорошо различали глагольные виды. Подъ диктовку пишутъ онѣ довольно скоро и безъ крупныхъ ошибокъ, разказываютъ хорошо содержаніе прочитанной статьи и очень удачно декламируютъ заученныя басни и небольшія стихотворенія. По географіи Россіи отвѣты ученицъ III-го класса были также тверды и отчетливы; онѣ хорошо знаютъ границы Россіи, ея моря, озера, главныя рѣки съ притоками, горныя цѣпи и болѣе замѣчательные города. Изъ исторіи Россіи ученицы прошли важнѣйшія событія до Іоанна Калиты и давали о нихъ отчетъ правильнымъ русскимъ языкомъ.

По ариѳметикѣ ученицы прошли четыре дѣйствія съ дробями. Отвѣты почти всѣхъ дѣтей по ариѳметикѣ были тверды и сознатель-

ны. Г. Поповъ обращаетъ особенное вниманіе на упражненіе учениць въ умственномъ счисленіи и достигаетъ въ этомъ хорошихъ результатовъ. Изъ закона Божія дѣти отвѣчали удовлетворительно не только на обращенные къ нимъ законоучителемъ вопросы по польски, но и тогда, когда я и г. Щебальскій стали экзаменовать ихъ по русски. Французскому языку въ III-мъ классѣ обучаетъ надзирательница Каменцова. Руководствомъ при этомъ служитъ книга Маргб, по которой дѣти переводятъ съ русскаго на французскій языкъ нетрудныя предложенія. Когда нѣкоторымъ ученицамъ задалъ я проспрягать правильные глаголы, то это было исполнено ими порядочно, съ указаніемъ на соотвѣтствующую русскую глагольную форму. Въ чистописаніи и въ рукодѣліи успѣхи также хороши, судя по тетрадямъ и по рукодѣльнымъ работамъ, которыя въ день моего осмотра были выставлены въ классѣ.

И въ другихъ классахъ прогимназіи успѣхи дѣтей по главнымъ предметамъ курса были найдены относительно столько же удовлетворительными, какъ и въ III-мъ, чему, по отзыву завѣдывающаго учебною частію г, Попова, и начальника Варшавской учебной дирекціи г. Щебальскаго, много содѣйствуютъ и классныя дамы прогимназіи, которыя во внѣклассное время усердно занимаются съ дѣтьми, ввѣренными ихъ руководству.

г) *Десять начальныхъ училищъ, изъ коихъ шесть въ городѣ Влоцлавскѣ и четыре въ городѣ Ловичѣ.*

Изъ этихъ десяти училищъ одно — Ловичское общее начальное для дѣтей обоего пола № 1 (учитель Фрасункевичъ) — найдено во всѣхъ отношеніяхъ въ весьма удовлетворительномъ, *восемь* въ удовлетворительномъ и одно Ловичское общее начальное училище для дѣтей обоего пола № 3 (бывшее евангелическое) — въ неудовлетворительномъ состояніи.

Въ первомъ изъ этихъ училищъ успѣхи учащихся по всѣмъ предметамъ элементарнаго курса заслуживаютъ полнаго одобренія. Кромѣ того я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что въ познаніяхъ дѣтей въ каждомъ изъ трехъ отдѣленій училища нѣтъ того разнообразія въ уровнѣ, которымъ часто страдаютъ наши начальныя школы. Распредѣленіе учащихся по отдѣленіямъ сдѣлано вполнѣ правильно; занятія по отдѣленіямъ ведутся учителемъ одновременно, звуковой методъ примѣняется раціонально, равно какъ и способъ Груббе при обученіи счисленію. Дѣти въ старшемъ отдѣленіи читаютъ плавно, внятно, съ соблюденіемъ удареній и знаковъ препинанія. Содержаніе

прочитанной при мнѣ статьи учащіеся передавали съ надлежащею полнотою и почти совершенно правильнымъ языкомъ. Подъ диктовку пишутъ они скоро, четко и почти вовсе безъ ороографическихъ ошибокъ. Два мальчика въ диктовкѣ (8 строкъ печатныхъ) не сдѣлали ни одной ошибки и даже вѣрно разставили знаки препинанія. Одинъ изъ нихъ готовится къ поступленію въ учительскую семинарію и получаетъ стипендію изъ суммъ министерства. Упражненія по объяснительному чтенію учитель Фрасункевичъ ведетъ толково и съ хорошимъ успѣхомъ; дѣти могли при мнѣ удовлетворительно разъяснить нѣсколько довольно трудныхъ выраженій и встрѣчавшихся въ текстѣ чисто русскихъ оборотовъ. По ариѳметикѣ успѣхи очень хороши. Учащіеся съ легкостію рѣшали предложенныя мною и начальникомъ учебной дирекціи г. Щебальскимъ задачи на умноженіе и дѣленіе съ именованными числами. Рѣшеніе болѣе легкихъ задачъ въ умѣ идетъ не менѣе успѣшно. Дѣти пріучены также къ счисленію на счетахъ. Изъ географіи Россіи ученики 3-го отдѣленія были въ состояніи указать на картѣ теченіе рѣкъ Волги, Западной Двины, Вислы, Днѣпра и Дона съ поименованіемъ ихъ притоковъ. Успѣхи по чистописанію очень хороши и тетради содержатся въ отличномъ порядкѣ. Въ двухъ младшихъ отдѣленіяхъ я нашелъ относительно такіе же хорошіе успѣхи. Учитель Фрасункевичъ, хотя ему уже за 50 лѣтъ, необыкновенно бодръ, трудолюбивъ и любознателенъ, о чемъ, независимо отъ хорошихъ успѣховъ, достигаемыхъ имъ въ училищѣ, свидѣтельствуетъ и его участіе на съѣздахъ при Сѣнницкой учительской семинаріи, каковому участію онъ, между прочимъ, обязанъ правильнымъ примѣненіемъ въ завѣдываемой имъ школѣ лучшихъ способовъ начальнаго обученія по русскому языку и ариѳметикѣ.

Изъ *восьми* другихъ осмотрѣнныхъ мною начальныхъ училищъ, всего болѣе приближаются къ Ловичскому общему начальному слѣдующія: 1) Ловичское общее начальное училище № 2; 2) Влоцлавское двуклассное мужское; 3) Влоцлавское одноклассное мужское; 4) Влоцлавское общее начальное № 2 (бывшее евангелическое); 5) Влоцлавское общее начальное училище № 1 (бывшее православное); 6) Ловичское общее начальное № 4 (бывшее православное); 7) Влоцлавское еврейское общее для дѣтей обоего пола 8) Влоцлавское женское начальное училище.

Одно только Ловичское общее для дѣтей обоего пола училище № 3 (бывшее евангелическое) представилось мнѣ въ неудовлетворительномъ состояніи. Дѣти читали по русски хотя и довольно скоро,

но постоянно ошибались въ удареніяхъ и плохо понимали содержаніе читаемой статейки. Къ диктовкѣ ученики даже старшаго отдѣленія почти вовсе не пріучены, пишутъ медленно и съ грубыми ошибками. Въ счисленіи успѣхи оказались также весьма слабыми. Сдѣлавъ выговоръ учителю за такую небрежность къ его обязанностямъ, я поручилъ блюстителю училища имѣть постоянный бдительный надзоръ за ходомъ обученія, съ цѣлію поднять уровень познаній учащихся.

Въ осмотрѣнныхъ мною въ городахъ Влоцлавскѣ и Ловичѣ десяти начальныхъ училищахъ число учащихся, въ каждомъ изъ нихъ, колеблется отъ 26 до 123. Наименьшее число, а именно 26, въ Влоцлавскомъ общемъ начальномъ училищѣ № 1 (бывшее православное), а наибольшее 123 — въ Влоцлавскомъ еврейскомъ, общемъ для дѣтей обоего пола.

III. Въ Сувалкской губерніи.

Вейверская учительская семинарія съ образцовымъ при оной училищемъ.

Осмотръ ея снова меня убѣдилъ, что она можетъ служить образцомъ для остальныхъ семинарій ввѣреннаго мнѣ округа. Вполнѣ удовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ состояніе, въ которомъ найдено это учебное заведеніе, я прежде всего отношу къ тому горячему усердію, съ которымъ инспекторъ семинаріи г. Юркевичъ-Пузановскій исполняетъ лежащія на немъ обязанности наставника и руководителя ввѣренныхъ ему воспитанниковъ.

Въ Вейверской учительской семинаріи во время моего осмотра было 80 воспитанниковъ; изъ нихъ

въ I курсѣ	25
во II курсѣ	30
въ III курсѣ	25
всѣхъ .	80

Въ образцовомъ при семинаріи училищѣ было 65 учениковъ.

Въ Вейверскомъ гминномъ училищѣ, также предназначенномъ для упражненія семинаристовъ старшаго курса въ педагогической практикѣ, было 60 учащихся (мальчиковъ и дѣвочекъ).

Въ I курсѣ семинаріи повѣрка успѣховъ учениковъ произведена была мною по слѣдующимъ предметамъ:

По русскому языку (преподаватель г. Мироновичъ). Воспитанники читали указанную мною въ хрестоматіи Галахова статью историческаго содержанія плавно, съ совершенно правильнымъ соблюденіемъ удареній и съ надлежащею выразительностью. Послѣ чтенія я заставилъ учениковъ объяснять болѣе трудныя слова и выраженія и разъяснить связь между мыслями, изложенными въ статьѣ. Отвѣтами я остался вполнѣ доволенъ. Затѣмъ я предложилъ одному изъ учениковъ передать всю прочитанную статью въ связномъ разказѣ, не придерживаясь строго выраженій текста. Ученикъ исполнилъ эту задачу весьма удовлетворительно, объясняясь при этомъ свободно и правильно.

По русской исторіи, которую преподаетъ инспекторъ семинаріи Юркевичъ-Пузановскій, отвѣты учениковъ изъ пройденнаго въ теченіе года курса были очень отчетливы и толковы. Я спрашивалъ ихъ о важнѣйшихъ событіяхъ въ княженіе Ярослава Мудраго, Ивана Калиты, Дмитрія Донскаго и Ивана III. Воспитанники очень хорошо ознакомлены съ хронологіею и умѣли показать на картѣ мѣстности, о которыхъ упоминали въ своихъ разказахъ. Изложеніе было плавное и правильное.

По ариѳметикѣ, преподаваемой учителемъ Жилинскимъ, успѣхи найдены также очень хорошими. Воспитанники рѣшали задачи на доскѣ и въ умѣ на дѣленіе дробныхъ количествъ. Отвѣты ихъ были отчетливы и ясны, и они объясняли толково весь ходъ производимыхъ ими вычисленій.

Во II курсѣ были провѣрены познанія учениковъ по педагогикѣ, русскому языку, географіи Россіи, физикѣ и естествознанію.

По педагогикѣ, излагаемой инспекторомъ семинаріи г. Юркевичемъ-Пузановскимъ, ученики давали отчетъ о примѣненіи общегигіеническихъ требованій къ сельской начальной школѣ съ самыми умѣренными матеріальными средствами, о правилахъ для поведенія учащихся въ школѣ, объ отношеніи учениковъ къ школѣ, къ семьѣ и между собою; о значеніи учебныхъ пособій въ дѣлѣ элементарнаго обученія и т. п. Потомъ я предложилъ имъ объяснить значеніе анализа, синтеза и катехитической формы уроковъ. Отвѣты вызванныхъ мною по классному журналу воспитанниковъ по всѣмъ этимъ предметамъ убѣдили меня въ сознательномъ усвоеніи ими учебнаго матеріала.

По русскому языку (преподаватель Мироновичъ) ученикамъ продиктовано было 10 печатныхъ строкъ. По разсмотрѣніи диктовки.

оказалось, что изъ 30 воспитанниковъ 10 написали безъ ошибки, 16 сдѣлали отъ 2—4 ошибокъ, а 4 отъ 5—7. При граматическомъ разборѣ я предлагалъ воспитанникамъ вопросы о сложномъ предложеніи, соединеніи предложеній независимыхъ другъ отъ друга, о соединеніи предложеній зависимаго съ независимымъ, о союзахъ, нарѣчіяхъ и о составѣ нѣкоторыхъ нарѣчій. Въ заключеніе я заставилъ учениковъ образовать изъ простыхъ глаголовъ посредствомъ приставокъ виды несовершенный и совершенный. Отвѣты по граматикѣ оказались также твердыми и сознательными.

По географіи Россіи, которую преподаетъ инспекторъ, успѣхи оказались вполнѣ удовлетворительными. Ученики начертили карту Европейской Россіи и по моему предложенію провели на ней линіи главнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ и указали водяныя сообщенія. При этомъ я спрашивалъ учениковъ о выдающихся въ Россіи промышленныхъ и торговыхъ пунктахъ, и получалъ также точные и полные отвѣты.

По физикѣ и естествознанію преподаватель Жилинскій спрашивалъ о рычагахъ, насосахъ, свѣтѣ и углеродѣ. Отвѣты большинства учениковъ были ясны и отчетливы.

Въ III курсѣ производилась повѣрка познаній воспитанниковъ по закону Божію, русскому языку и геометріи.

По закону Божію римско-католическаго исповѣданія, излагаемому порусски, законоучитель спрашивалъ о значеніи вселенскихъ соборовъ и о важнѣйшихъ постановленіяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Отвѣты воспитанниковъ были удовлетворительны, при чемъ они объяснялись плавно и привильно по русски. Четыре воспитаника Вейверской семинаріи православнаго исповѣданія обучаются закону Божію у инспектора Юркевича, съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, во вниманіе къ тому, что г. Юркевичъ окончилъ полный курсъ духовной семинаріи. Отвѣты ихъ по закону Божію были совершенно удовлетворительны.

По русскому языку ученики отвѣчали весьма толково о темѣ для сочиненія, о планѣ сочиненія и расположеніи въ немъ матеріала. Въ заключеніе, по моему предложенію, нѣсколько воспитанниковъ прочитали наизусть заученныя ими стихотворенія и разобрали ихъ построеніе.

По математикѣ (штатный учитель Жилинскій) ученики, послѣ отчетливаго рѣшенія нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ на классной доскѣ, рѣшали довольно сложныя ариѳметическія задачи въ умѣ

съ объясненіемъ употребленныхъ при этомъ способовъ и пріемовъ. Послѣ этого учитель спрашивалъ о значеніи пантометра и о его практическомъ примѣненіи при рѣшеніи задачъ въ полѣ. Отвѣты большинства учениковъ были весьма удовлетворительны.

Изъ доставленныхъ мнѣ инспекторомъ письменныхъ упражненій учениковъ семинаріи многія сдѣланы съ большою тщательностью. Письменныя работы задаются учителями регулярно и исправляются съ надлежащею аккуратностью.

При разсмотрѣніи рисунковъ и чертежей я убѣдился, что семинарское начальство обращаетъ должное вниманіе на эти предметы. Чистописаніе идетъ также очень успѣшно.

Благодаря стараніямъ инспектора г. Юркевича и учителя музыки Бойновскаго, изъ учениковъ семинаріи въ 1872 году образованъ инструментальный оркестръ. Независимо отъ того, въ семинаріи есть хоръ пѣвчихъ. Оркестръ, состоящій изъ 30 учениковъ, сыгралъ при мнѣ чрезвычайно стройно и согласно нѣсколько отрывковъ изъ оперы „Жизнь за Царя", изъ „Севильскаго цырюльника" и „Эрнани", а также нѣсколько маршей и танцевъ. Хоръ пѣвчихъ, въ которомъ принимали участіе 35 воспитанниковъ, исполнилъ очень хорошо нѣсколько народныхъ русскихъ пѣсень, а потомъ псаломъ „Коль славенъ" и народный гимнъ „Боже Царя храни".

Инспекторъ г. Юркевичъ, поощряя воспитанниковъ къ занятіямъ музыкою и пѣніемъ, кромѣ спеціальной цѣли приготовленія будущихъ народныхъ учителей къ обученію пѣнію дѣтей въ начальной школѣ, имѣетъ еще при этомъ въ виду развить въ семинаристахъ музыкальное чувство и такимъ образомъ дать имъ здоровое развлеченіе въ самой семинаріи и по выходѣ изъ оной оградить ихъ отъ грубыхъ развлеченій, свойственныхъ той пока еще необразованной средѣ, въ которой народному учителю приходится жить и дѣйствовать. Каждый семинаристъ Вейверской семинаріи обучается игрѣ на скрипкѣ и настолько въ этотъ успѣваетъ, что можетъ пользоваться скрипкою при обученіи дѣтей въ начальной школѣ пѣнію.

Ни въ одной изъ семинарій округа успѣхи учениковъ по гимнастикѣ не достигаютъ такихъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, какъ именно въ Вейверской. Гимнастикѣ обучаетъ учитель чистописанія, рисованія и черченія Кайрукштисъ, бывшій воспитанникъ Вейверской семинаріи, окончившій въ оной курсъ съ отличіемъ. Болѣе часа присутствовалъ я съ особеннымъ удовольствіемъ на этихъ гимнастическихъ упражненіяхъ, которыя исполнялись воспитанниками

съ замѣчательною тщательностью и ловкостью, и видимо всѣхъ ихъ очень интересовали. Занятія воспитанниковъ по садоводству привели, особенно со времени завѣдыванія г. Юркевичемъ семинаріею, къ отличнымъ результатамъ. Пространство земли въ одну десятину, переданное во владѣніе семинаріи при открытіи оной въ 1866 году, представляло еще лѣтъ шесть тому назадъ пустырь, а нынѣ, благодаря постояннымъ заботамъ семинарскаго начальства, превратилось частью въ прекрасный садъ, частью же въ хорошо устроенный огородъ. Всѣ работы по устройству сада и огорода исполнены самими учениками по указаніямъ опытнаго садовника. Въ семинарскомъ саду до 700 плодовыхъ деревьевъ; нѣкоторыя изъ нихъ даютъ уже плоды. Кромѣ того, въ семинарскомъ саду находится до 2000 совсѣмъ молодыхъ деревьевъ, предназначенныхъ для раздачи тѣмъ училищамъ, которыя имѣютъ собственную землю, отчасти же для распространенія среди поселянъ. Предъ зданіемъ семинаріи воспитанниками устроенъ прекрасный цвѣтникъ.

При Вейверской семинаріи нѣтъ пансіона; воспитанники размѣщены въ сосѣдней деревнѣ, населенной исключительно Литвинами. Хозяйство ихъ устроено на артельныхъ началахъ. Инспекторъ и всѣ наставники семинаріи раздѣляютъ между собою трудъ возможно частаго посѣщенія ученическихъ квартиръ. Какъ въ стѣнахъ семинаріи, такъ и на квартирахъ, ученики, по отзыву инспектора и другихъ наставниковъ семинаріи, говорятъ между собою не иначе какъ по русски, чему я также приписываю замѣченное мною у всѣхъ этихъ молодыхъ людей умѣнье свободно, плавно и почти совершенно правильно объясняться по русски. Русская рѣчь обратилась у нихъ въ привычку. Результатъ этотъ достигнутъ безъ принудительныхъ мѣръ со стороны семинарскаго начальства.

Поведеніе учениковъ, по отзыву ихъ наставниковъ, безукоризнено. О внимательности ихъ въ классѣ и почтительныхъ ихъ отношеніяхъ къ учителямъ я могу лично свидѣтельствовать, на основаніи собственныхъ моихъ наблюденій.

По окончаніи ревизіи въ семинаріи, я пожелалъ удостовѣриться: на сколько воспитанники III курса успѣли въ педагогической практикѣ. Для этой цѣли ученики образцоваго училища и Вейверской гминной школы были собраны вмѣстѣ. Въ обоихъ училищахъ учащіеся раздѣлены на 4 группы или отдѣленія, и пробные уроки были даны выпускными воспитанниками по моему назначенію и безъ предварительнаго приготовленія во II и IV отдѣленіяхъ образцоваго и въ I и III отдѣле-

ніяхъ гминнаго училища. Изъ практикантовъ-семинаристовъ особенно хорошо выполнили пробный урокъ воспитанники III курса Кубилисъ и Ястржембскій. Первый изъ нихъ задалъ въ IV отдѣленіи образцоваго училища довольно сложную задачу на умноженіе и дѣленіе и успѣлъ эвристическимъ методомъ довести учениковъ до правильнаго рѣшенія оной съ надлежащимъ объясненіемъ способа рѣшенія. Практикантъ Ястржембскій занимался съ учениками 3-го отдѣленія Вейверскаго гминнаго училища по русскому языку. Прочитавъ съ учениками небольшое стихотвореніе и объяснивъ имъ нѣкоторыя выраженія и обороты, которые онъ считалъ болѣе трудными для сознательнаго уразумѣнія ихъ дѣтьми безъ посторонней помощи, онъ нѣкоторыми весьма удачно подобранными вопросами старался вполнѣ раскрыть заключавшіяся въ стихотвореніи мысли и такимъ образомъ довелъ учащихся до плавнаго и правильнаго разказа содержанія онаго.

По окончаніи пробныхъ уроковъ, я перешелъ къ повѣркѣ познаній учащихся въ образцовой и гминной школѣ. Повѣрка эта доставила мнѣ истинное удовольствіе. Въ старшихъ отдѣленіяхъ учащіеся читаютъ бѣгло, съ точнымъ соблюденіемъ удареній и знаковъ препинанія, пишутъ весьма порядочно подъ диктовку и уже ознакомлены съ русскими склоненіями и спряженіями. Каждый изъ учащихся въ этомъ отдѣленіи знаетъ по нѣскольку басень и стихотвореній наизусть, хорошо декламируетъ ихъ и можетъ передать своими словами содержаніе выученной статьи. По ариѳметикѣ успѣхи весьма хороши. Рѣшеніе задачъ на доскѣ и въ умѣ не составляетъ для учащихся ни малѣйшаго затрудненія, и они толково разъясняютъ употребляемые ими при рѣшеніи способы. Всѣ ученики старшей группы умѣютъ чертить карту Россіи, съ обозначеніемъ на оной озеръ, главныхъ рѣкъ съ притоками, горныхъ цѣпей и важнѣйшихъ городовъ.

Успѣхи въ трехъ младшихъ отдѣленіяхъ обоихъ начальныхъ училищъ: образцоваго и гминнаго, найдены мною относительно не менѣе удовлетворительными.

Чистописанію обучаютъ по такту, и учителя достигаютъ хорошихъ результатовъ. Въ большей части ученическихъ тетрадей я встрѣчалъ твердый и довольно красивый почеркъ. Въ числѣ учениковъ 4-го отдѣленія образцоваго училища есть 10 кандидатовъ, стипендіатовъ министерства, готовящихся къ поступленію въ младшій курсъ Вейверской семинаріи. Я ихъ всѣхъ проэкзаменовалъ, кого по русскому языку, кого по ариѳметикѣ или географіи. Между ними оказалось

нѣсколько весьма способныхъ мальчиковъ, оказывающихъ очень хорошіе успѣхи. По отзыву инспектора семинаріи г. Юркевича, принимающаго особенно живое участіе въ образованіи и направленіи стипендіатовъ, и другіе, хотя и менѣе способные, трудятся прилежно и порядочно успѣваютъ. Поведеніе всѣхъ 10-и стипендіатовъ министерства вполнѣ одобряется начальствомъ семинаріи. Для нихъ нанята особая квартира въ деревнѣ Вейверахъ. Надзоръ за ихъ домашними приготовленіями къ урокамъ и за ихъ поведеніемъ порученъ лучшему воспитаннику 3-го курса семинаріи. Они ходятъ на уроки въ IV отдѣленіе образцоваго училища, а по вечерамъ съ ними еще отдѣльно занимаются учителя образцоваго и Вейверскаго гминнаго училищъ по плану, составленному инспекторомъ семинаріи, и подъ его главнымъ руководствомъ.

Домъ, въ которомъ помѣщается Вейверская учительская семинарія, оказывается крайне тѣснымъ для 80-ти воспитанниковъ и потому весьма желательно было бы расширить его пристройкою флигеля. Въ настоящемъ учебномъ году число семинаристовъ увеличилось до 90. Инспекторъ, донося объ этомъ, заявилъ, что онъ никакъ не рѣшился отказать въ пріемѣ десяти хорошо приготовленнымъ для поступленія въ первый курсъ молодымъ людямъ. Вейверская семинарія главнымъ образомъ снабжаетъ начальныя училища Сувалкской губерніи хорошо подготовленными учителями, но также предоставляетъ ежегодно отъ 8 до 10-ти воспитанниковъ, окончившихъ полный семинарскій курсъ другимъ дирекціямъ округа, преимущественно сосѣдней — Ломжинской.

О ЧИСЛѢ ОКОНЧИВШИХЪ КУРСЪ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ И О ЧИСЛѢ ПОСТУПИВШИХЪ ВЪ УНИВЕРСИТЕТЫ ВЪ 1875 Г. СРАВНИТЕЛЬНО СЪ 1874 Г.

За неимѣніемъ пока еще возможности представить полный отчетъ объ испытаніяхъ зрѣлости, происходившихъ въ 1875 г., признается не излишнимъ сообщить на первый разъ лишь вѣдомость объ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ въ 1875 г. сравнительно съ 1874 г. по всѣмъ учебнымъ округамъ, за исключеніемъ, однакоже, Дерптскаго, на который, впрочемъ, и не простиралась учебная реформа 1871 г. Вѣдомость эта можетъ быть представлена въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Учебные округи.	Окончили курсъ гимназій.		Число окончившихъ курсъ увеличилось (+) или уменьшилось (—) въ 1875 г. противъ 1874 г.	
	Въ 1874 г.	Въ 1875 г.	Абсолютно на	Въ % на
С.-Петербургскій . .	96	105	+ 9 чел.	+ 9,3
Московскій	128	158	+ 30 „	+ 23,4
Казанскій	76	85	+ 9 „	+ 11,8
Оренбургскій	37	24	— 13 „	— 35,1
Западная Сибирь .	20	22	+ 2 „	+ 10
Восточная Сибирь .	11	15	+ 4 „	+ 36,3
Харьковскій . . .	100	139	+ 39 „	+ 39
Одесскій	50	121	+ 71 „	+ 142
Кіевскій	105	158	+ 53 „	+ 50,4
Виленскій	54	85	+ 31 „	+ 57,4
Варшавскій	26	99	+ 73 „	+ 280,7
Всего . .	703	1011	+ 308 „	+ 43,8

Изъ этой таблицы усматривается, что лишь въ одномъ, вновь открытомъ, округѣ Оренбургскомъ послѣдовало уменьшеніе числа

окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, во всѣхъ же прочихъ округахъ число это болѣе или менѣе значительно увеличилось. Возрастаніе это особенно замѣчается въ южной и западной частяхъ Россіи, то-есть, въ округахъ Харьковскомъ, Одесскомъ, Кіевскомъ, Виленскомъ и Варшавскомъ, гдѣ окончившихъ курсъ въ 1875 г. было на 267 человѣкъ болѣе противъ 1874 г., тогда какъ во всѣхъ прочихъ округахъ число это увеличилось лишь на 41. И по абсолютному увеличенію числа окончившихъ курсъ, и по величинѣ процента, какой представляетъ собою это увеличеніе противъ числа окончившихъ курсъ въ 1874 г., первое мѣсто принадлежитъ учебнымъ округамъ Варшавскому, гдѣ въ 1874 г. почти не было выпуска, и Одесскому, гдѣ въ 1875 г. число окончившихъ курсъ впервые достигло почти нормальнаго своего размѣра. Затѣмъ по абсолютному увеличенію числа окончившихъ курсъ въ 1875 г. сравнительно съ 1874 г. учебные округи слѣдуютъ другъ за другомъ въ такомъ нисходящемъ порядкѣ: Кіевскій, Харьковскій, Виленскій, Московскій, Казанскій, С.-Петербургскій, Восточная и Западная Сибирь, а по процентному отношенію этого увеличенія къ числу окончившихъ курсъ въ 1874 г. учебные округи располагаются въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: Виленскій, Кіевскій, Харьковскій, Восточная Сибирь, Московскій, Казанскій, Западная Сибирь и С.-Петербургскій округъ. Несомнѣнно, что во всѣхъ учебныхъ округахъ, за исключеніемъ лишь Оренбургскаго, число оканчивающихъ полный курсъ гимназій обнаруживаетъ наклонность къ постепенному изъ года въ годъ возрастанію, такъ что въ непродолжительномъ времени можно уже ожидать, что число это достигнетъ прежняго размѣра, и такимъ образомъ результатомъ учебной реформы 1871 г. и всѣхъ мѣръ, принятыхъ въ ея развитіе, будетъ возвышеніе лишь уровня образованія, достигаемаго учениками гимназій, безъ всякаго уменьшенія числа лицъ, получающихъ право на поступленіе въ университетъ и способныхъ стать со временемъ истинно полезными для своей страны спеціалистами.

Благопріятный результатъ этотъ, уже такъ явно обнаружившійся и въ 1875 г., достигнутъ отнюдь не какимъ-либо пониженіемъ требованій на испытаніяхъ зрѣлости 1875 г., — пониженіемъ, которое отнюдь не могло бы быть терпимо ни начальствами учебныхъ округовъ, ни министерствомъ народнаго просвѣщенія, — а дѣйствительно увеличившеюся успѣшностью ученія въ гимназіяхъ и все болѣе вкореняющимся въ ученикахъ гимназій сознаніемъ, что безъ постояннаго и неослабнаго прилежанія въ теченіе цѣлаго ряда учебныхъ

годовъ нельзя достигать, при нынѣшнихъ гимназическихъ порядкахъ, ни перевода изъ класса въ классъ, ни успѣшнаго окончанія полнаго гимназическаго курса. Всѣ отзывы, поступающіе въ министерство, согласно сиідѣтельствуютъ о томъ, что воспитанники гимназій и въ бытность свою въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ занимаются гораздо лучше прежняго, и по поступленіи своемъ въ университеты оказываются гораздо болѣе подготовленными къ высшему научному образованію, чѣмъ было до сихъ поръ.

Но студенты нашихъ университетовъ состоятъ не изъ однихъ бывшихъ воспитанниковъ гимназій. Если лица домашняго воспитанія составляютъ лишь незначительную и съ каждымъ годомъ все уменьшающуюся долю въ общемъ числѣ университетскихъ студентовъ и если, сверхъ того, они могутъ вступить въ университетъ не иначе, какъ выдержавъ одинаковое съ учениками гимназій испытаніе зрѣлости, то никакъ нельзя сказать того же самаго о другой составной части студенчества, о бывшихъ семинаристахъ, которые и весьма многочисленны въ нашихъ университетахъ и которые, къ сожалѣнію, и по своему воспитанію и по своему образованію, стоятъ много ниже воспитанниковъ нынѣшнихъ гимназій.

Какъ многочисленны семинаристы въ нашихъ университетахъ, можно видѣть отчасти и изъ слѣдующихъ данныхъ, относящихся къ С.-Петербургскому университету. Всѣхъ студентовъ этого университета въ началѣ декабря 1875 г. было 1.169 человѣкъ, и изъ нихъ бывшихъ семинаристовъ 342 или 29,2%, — процентъ весьма значительный, если принять во вниманіе, что въ С.-Петербургскомъ университетѣ нѣтъ медицинскаго факультета, который преимущественно предъ всѣми другими привлекаетъ къ себѣ семинаристовъ. По факультетамъ эти 342 семинариста распредѣлялись такъ, что почти 1/3 всего ихъ числа (33%) или 113 человѣкъ приходились на долю юридическаго отдѣленія юридическаго факультета, гдѣ въ общей массѣ студентовъ, простиравшейся до 521 человѣка, они составляли болѣе 1/5 части (21,6%); затѣмъ 108 человѣкъ (или 31,5% всего числа бывшихъ семинаристовъ, продолжающихъ свое ученіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ) состояли на отдѣленіи естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета, составляя въ общемъ числѣ студентовъ этого отдѣленія (236) 45,7%; 80 бывшихъ семинаристовъ (или 23,3% всего ихъ числа въ С.-Петербургскомъ университетѣ) состояли на историко-филологическомъ факультетѣ, гдѣ въ общемъ числѣ студеитовъ (141) они составляли большинство (56,7%).

Напротивъ, на отдѣленіи математическихъ наукъ физико-математическаго факультета было всего 22 бывшихъ семинариста (6,4% общаго ихъ числа), что̀ составляетъ лишь 11,5% всего числа студентовъ этого отдѣленія (191); на факультетѣ восточныхъ языковъ 15 (4,3% всего числа семинаристовъ и 34,7% всего числа студентовъ этого факультета, доходящаго лишь до 43 человѣкъ), и наконецъ, на административномъ отдѣленіи юридическаго факультета, гдѣ всего 37 студентовъ, было 3 бывшихъ семинариста (8,1% всего числа студентовъ этого отдѣленія). Такимъ образомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ наиболѣе привлекаютъ къ себѣ семинаристовъ юридическое отдѣленіе юридическаго факультета и отдѣленіе естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета, затѣмъ — историко-филологическій факультетъ, а наименѣе — отдѣленіе математическихъ наукъ, факультетъ восточныхъ языковъ и административное отдѣленіе юридическаго факультета.

Отъ этихъ подробностей, которыя показались не лишенными значенія, обратимся къ вѣдомости о числѣ поступившихъ въ наши университеты въ 1875 г. изъ всѣхъ вообще учебныхъ заведеній, при чемъ сравненіе этой вѣдомости съ предыдущею въ свою очередь дастъ приблизительно вѣрное понятіе о значительности контингента, даваемаго университетамъ нашими духовными семинаріями, и можетъ повести и къ нѣкоторымъ другимъ, не лишеннымъ интереса выводамъ. Вотъ эта вѣдомость о числѣ поступившихъ въ университеты въ 1874 и 1875 гг.

Въ университеты	Поступили.		Число поступившихъ въ 1875 г. увеличилось (+) или уменьшилось (—) противъ числа поступившихъ въ 1874 г.	
	Въ 1874 г.	Въ 1875 г.	Абсолютно на	Въ % на
С.-Петербургскій . .	282	419	+ 137 чел.	+ 48,5
Московскій	301	399	+ 98 „	+ 32,5
Казанскій	149	135	— 14 „	— 9,3
Харьковскій . . .	131	228	+ 97 „	+ 74
Новороссійскій . .	72	153	+ 81 „	+ 112,5
Св. Владиміра . .	93	190	+ 97 „	+ 104,3
Варшавскій	49	89	+ 40 „	+ 81,6
Всего . .	1.077	1.613	+ 536 „	+ 49,7%

Такимъ образомъ по всѣмъ университетамъ, за исключеніемъ лишь Казанскаго, замѣчается болѣе или менѣе значительное увеличеніе

числа вновь поступившихъ студентовъ, и только въ Казанскомъ университетѣ оказалось незначительное уменьшеніе на 14 человѣкъ противъ 1874 г. По абсолютному возрастанію числа поступившихъ въ 1875 г., университеты располагаются въ нижеслѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: С.-Петербургскій, Московскій, Харьковскій и св. Владиміра, затѣмъ Новороссійскій и Варшавскій, а по процентному отношенію этой прибыли къ общему числу поступившихъ въ университеты въ 1874 г. первое мѣсто будетъ принадлежать университетамъ Новороссійскому и св. Владиміра, слѣдующее за тѣмъ—Варшавскому и Харьковскому, то-есть, четыремъ университетамъ южной и западной Россіи, а послѣднее мѣсто — С.-Петербургскому и Московскому. Вообще же по всѣмъ семи университетамъ число вновь поступившихъ въ студенты увеличилось противъ 1874 г. почти въ полтора раза. Этимъ, какъ кажется, вполнѣ устраняются заявлявшіяся по разнымъ поводамъ опасенія, что наши университеты съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе будутъ пустѣть: числовыя данныя за 1875 годъ, по крайней мѣрѣ, нисколько не оправдываютъ подобныхъ опасеній, и остается желать не столько увеличенія числа вновь поступающихъ въ университеты, сколько большей успѣшности въ занятіяхъ тѣхъ молодыхъ людей, которые однажды уже поступили въ нихъ.

По абсолютному числу вновь поступившихъ въ студенты, въ 1874 г. первое мѣсто занималъ университетъ Московскій, а второе С.-Петербургскій; въ истекшемъ же году они помѣнялись между собою мѣстами, что́ составляетъ явленіе довольно замѣчательное, если принять во вниманіе, что въ С.-Петербургскомъ университетѣ нѣтъ медицинскаго факультета.

Въ какой мѣрѣ С.-Петербургскій университетъ привлекаетъ къ себѣ студентовъ со всѣхъ концевъ Имперіи, это можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ: изъ 1.169-и студентовъ, обучающихся теперь въ этомъ университетѣ, только 400 или съ небольшимъ $^1/_3$ ($34,_3$%) поступили въ него изъ учебныхъ заведеній, находящихся въ предѣлахъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, а 769 человѣкъ или $65,_7$% изъ учебныхъ заведеній, находящихся въ предѣлахъ другихъ учебныхъ округовъ, въ томъ числѣ 209 изъ учебныхъ заведеній Московскаго учебнаго округа и 100 изъ заведеній Казанскаго и Оренбургскаго округовъ, при чемъ одна Пермская духовная семинарія доставила двумъ первымъ курсамъ отдѣленія естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета 19 студентовъ изъ числа бывшихъ своихъ питомцевъ.

Прочіе университеты, по числу поступившихъ въ нихъ въ 1874 г., располагаются въ нижеслѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: Казанскій, Харьковскій, св. Владиміра, Новороссійскій и Варшавскій, а по числу поступившихъ въ 1875 г. — Харьковскій, св. Владиміра, Новороссійскій, Казанскій и Варшавскій. Такимъ образомъ порядокъ этотъ не измѣнился для Варшавскаго университета, но Казанскій университетъ, занимавшій въ этомъ отношеніи въ 1874 г. первое мѣсто между провинціальными университетами, оказался на предпослѣднемъ въ 1875 г., послѣдовательность же другъ за другомъ остальныхъ трехъ провинціальныхъ университетовъ не измѣнилась.

Судя по даннымъ за 1873-й и 74-й годы, изъ числа оканчивающихъ курсъ въ гимназіяхъ около 85% поступаютъ въ университеты, и въ 1874 г. въ университеты поступило, не считая Дерптскаго округа, 657 лицъ съ аттестатами или свидѣтельствами зрѣлости отъ гимназій, а въ 1875 г., принимая за основаніе разчета тотъ же процентъ, около 860 лицъ. Между тѣмъ всѣхъ поступившихъ въ университеты было: въ 1874г.—1.077 человѣкъ, а въ 1875 г.—1.613. Оказывается такимъ образомъ, что окончившіе курсъ въ гимназіяхъ составляли въ 1874 г. 61% общаго числа поступившихъ въ университеты, а въ 1875 г. 53,3%, недостающіе же затѣмъ 39 и 46,7% были доставлены университетамъ главнѣйше духовными семинаріями. Число поступившихъ изъ гимназій въ университеты увеличилось въ 1875 г. противъ 1874 г. почти на 16% (съ 657 до 860), число же поступившихъ не изъ гимназій, а преимущественно изъ семинарій, возрасло слишкомъ на 79% (съ 420 до 753).

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ 1874 ГОДУ.

а) Ветеринарные институты въ Казани и Дерптѣ.

Казанскій ветеринарный институтъ, учрежденный по Высочайшем повелѣнію 31-го мая 1873 года съ присвоеніемъ оному положенія Харьковскомъ и Дерптскомъ ветеринарныхъ институтахъ, существу етъ съ начала 1874 года, но курсъ преподаванія открытъ только в началѣ $18^{74}/_{75}$ академическаго года, и съ того же времени открыт состоящая при институтѣ школа ветеринарно-фельдшерскихъ учени ковъ. Въ теченіе 1874 года, когда имѣлся лишь 1-й курсъ слушате лей, состояло преподавателей: ординарныхъ профессоровъ, въ том числѣ и директоръ института—2, экстраординарный профессоръ—1 помощникъ прозектора, ассистентъ клиники, законоучитель ветери нарно-фельдшерской школы и преподаватель русскаго языка, послѣд ній по найму. Общее число преподавательскихъ вакансій было—9.

Совѣтъ института имѣлъ въ 1874 году 34 засѣданія. Совѣтом были разсмотрѣны и утверждены представленныя преподавателям програмы предметовъ преподаванія и общая программа преподава нія ученикамъ фельдшерской школы на весь трехгодичный курсъ. В видахъ поощренія студентовъ къ научнымъ занятіямъ, тѣ изъ них которые по бѣдности имѣли право на освобожденіе отъ взноса плат за ученіе или на полученіе пособія, были допущены въ октябрѣ мѣ сяцѣ къ испытанію по отдѣламъ наукъ, изложенныхъ по это врем въ концѣ же перваго полугодія $18^{74}/_{75}$ академическаго года, имен во второй половинѣ декабря, не только желавшіе получить пособі но и всѣ студенты, а также ученики ветеринарно-фельдшерско школы были подвергнуты полугодичному испытанію, произведенном по правиламъ, составленнымъ совѣтомъ и утвержденнымъ попечит лемъ учебнаго округа. Къ мѣрамъ поощренія учащихся слѣдует отнести наблюденіе за занятіями студентовъ, подъ руководствомъ с

отвѣтственныхъ преподавателей, практическими работами по зоологіи и гистологіи, а равно наблюденіе за акуратнымъ посѣщеніемъ учащимися лекцій и уроковъ, чтò было возложено на инспектора студентовъ, который руководствуется въ семъ случаѣ данною ему, утвержденною попечителемъ округа, инструкціею.

Преподаватели института издали слѣдующіе учено-литературные труды: профессоръ и директоръ *Зейфманъ*—кромѣ сочиненія объ эпизоотическихъ болѣзняхъ, изданнаго въ Варшавѣ, напечаталъ брошюру подъ названіемъ „Объ открытіи Казанскаго ветеринарнаго института"; экстраординарный профессоръ *Ланге* — „О сибирской язвѣ" въ Протоколахъ общества врачей г. Казани, „Отчетъ по изслѣдованію сибирской язвы" въ Архивѣ ветеринарныхъ наукъ и „О заразительности сибирской язвы" тамъ же.

Въ теченіе 1874 года въ институтѣ никто не подвергался испытанію на степень магистра ветеринарныхъ наукъ и не было разсматриваемо диссертацій ни на степени, ни pro venia legendi. Для приготовленія къ профессорскому званію по зоофизіологіи и сроднымъ съ нею наукамъ, отправленъ былъ за границу, на счетъ суммъ института, докторъ медицины *Наваликинъ*.

По финансовой смѣтѣ на содержаніе института отпущено изъ суммъ государственнаго казначейства: на содержаніе личнаго состава—23.091 руб., на содержаніе, отопленіе, освѣщеніе и другіе хозяйственные расходы—2.450 руб., на библіотеку и кабинеты—2.300 руб., на вознагражденіе библіотекаря изъ преподавателей — 150 руб., на клинику съ ветеринарной аптекой—1.400 руб., на содержаніе служителей и въ томъ числѣ педеля—1.600 руб., на кузницу — 100 руб., на канцелярскіе припасы—150 руб., на печатаніе сочиненій отъ института—400 руб., на изготовленіе медалей — 100 руб., на поѣздки съ ученою цѣлію—550 руб., на стипендіи—3.000 руб., на наемъ помѣщенія для института—5.000 руб., всего—40.291 руб. Изъ этой суммы израсходовано въ 1874 году — 31.781 руб.; затѣмъ къ 1-му января 1875 года осталось — 8.510 руб. Спеціальныя средства состояли изъ сбора за слушаніе лекцій, котораго въ приходѣ было — 1.160 руб., израсходовано — 500 руб., въ остаткѣ къ 1875 году — 660 руб. Доходовъ по другимъ статьямъ, именно за леченіе животныхъ въ клиникахъ, за отпускъ лекарствъ изъ институтской аптеки не было, такъ какъ учрежденія эти не были еще открыты.

Въ 1874 году поступило студентовъ 102, въ томъ числѣ изъ гимназій—59, изъ духовныхъ семинарій — 43; въ теченіе того же года вы-

было—17, затѣмъ къ 1-му января 1875 года оставалось на лицо—85. Учениковъ ветеринарно-фельдшерской школы къ 1-му января 1875 года состояло—9. Освобождено было отъ платы—28, что составляетъ $27^1/_2$% общаго числа студентовъ въ теченіе года (102). Пособія въ 1874 году выданы были 41 студенту на 1.760 руб. Высшій размѣръ пособій—75 руб., меньшій—20 руб. Стипендіями отъ земствъ пользовались: три студента института, всего на 600 руб., и два ученика ветеринарно-фельдшерской школы — на 300 руб.; стипендій же отъ института назначаемо не было, по неизвѣстности достоинствъ студентовъ и кратковременности пребыванія ихъ въ заведеніи.

Учебно-вспомогательныя учрежденія института находились въ слѣдующемъ положеніи: въ гистологическомъ кабинетѣ съ лабораторіею было—122 нумера въ 395 экземплярахъ на 1.903 руб. $10^1/_4$ коп; въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіею — 106 нумеровъ въ 252 экземплярахъ на 1.496 руб. $96^3/_4$ коп. Въ зоотомическомъ театрѣ, подъ руководствомъ профессора и при содѣйствіи помощника прозектора, студенты занимались практически препаровкою, а нѣкоторые и изготовленіемъ препаратовъ для кабинета. Равнымъ образомъ занимались практически же, подъ руководствомъ профессора, микроскопическими работами по гистологіи. Занятія эти происходили въ послѣобѣденные и вечерніе часы по нѣскольку разъ въ недѣлю по каждому предмету, при чемъ студенты, въ виду ихъ многочисленности, были раздѣлены на нѣсколько группъ, занимавшихся поочередно. Для практическихъ занятій по анатоміи употреблены цѣлые трупы и различныя части домашнихъ животныхъ, а также и человѣка, въ виду того, что при преподаваніи зоотоміи профессоромъ обращено было вниманіе и па взаимное соотношеніе въ устройствѣ тѣла домашнихъ животныхъ и человѣка. Для указанной цѣли употреблено 29 различныхъ животныхъ, пріобрѣтенныхъ живыми, 12 животныхъ труповъ и 1 трупъ человѣка, независимо отъ различныхъ отдѣльныхъ частей животныхъ и человѣка. Ветеринарно-фельдшерскіе ученики занимались практически подъ руководствомъ помощника прозектора и, сверхъ того, подъ руководствомъ помощника кузнеца, въ назначенные для того часы, посѣщали институтскую кузницу для практическихъ упражненій въ ковкѣ. Благодаря трудамъ профессора Стржедзинскаго, при содѣйствіи помощника прозектора Гришина и нѣкоторыхъ студентовъ института, зоотомическій театръ обогатился препаратами по пищевому, дыхательному, мочевому, половому, сосудистому и нервному аппаратамъ и нѣкоторыми эмбріологическими, стоимость каковыхъ

препаратовъ опредѣляется приблизительно въ 1.000 руб. Въ физіологическомъ кабинетѣ было — 7 нумеровъ въ 16 экземплярахъ на сумму 73 руб. 85 коп.; въ кабинетѣ сельскаго хозяйства—1 нумеръ на 30 руб., въ патологическомъ кабинетѣ—5 нумеровъ въ 45 экземплярахъ на 648 руб. 95 коп., въ клиникѣ — 55 нумеровъ въ 129 экземплярахъ на 781 руб. 54 коп., въ кузницѣ — 108 нумеровъ въ 231 экземплярѣ на 621 руб. 86½ коп.; въ библіотекѣ: книгъ русскихъ и иностранныхъ—487 сочиненій въ 553 томахъ и тетрадяхъ на 1.103 руб. 93 коп., періодическихъ изданій русскихъ и иностранныхъ — 19 названій въ 70 томахъ и 62 тетрадяхъ на 146 руб. 23 коп., книгъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей—91 листъ на 57 руб. 55 коп., мебели и другихъ предметовъ—2 нумера въ 7 экземплярахъ на 157 руб.

Въ Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ по штату положено 9 преподавателей, именно: ординарныхъ профессоровъ, въ томъ числѣ директоръ—3, экстраординарный—1, доцентовъ—4, прозекторъ—1. Къ 1-му января 1875 года всѣ преподавательскія должности были замѣщены. Сверхъ названныхъ 9-ти лицъ, имѣлись: 1 помощникъ прозектора, 1 ученый кузнецъ, 1 помощникъ ученаго кузнеца, 2 ассистента клиники и 1 лаборантъ фармаціи.

Въ теченіе 1874 года совѣтъ института имѣлъ 43 засѣданія. Мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ заключались въ назначеніи лучшимъ изъ нихъ стипендій и пособій изъ штатныхъ и спеціальныхъ суммъ института. На заданную на 1874 годъ тему разсужденій представлено не было. На 1875 годъ предложена совѣтомъ слѣдующая задача: „Ist das Contaginen der Perlsucht resp. Tuberculose der Rinder im Blute und in der Milch enthalten und kann die Krankheit durch jene Flüssigkeiten von Thier auf Thier übertragen werden?“

Преподаватели и другіе служащіе въ институтѣ лица издали слѣдующіе ученые и другаго рода труды: директоръ и профессоръ *Унтербергеръ*—„Извлеченіе изъ годоваго отчета Дерптскаго ветеринарнаго института за 1873 годъ“, въ Журналѣ Коннозаводства и въ Военно-медицинскомъ журналѣ: „О чумѣ рогатаго скота и о мѣрахъ къ предохраненію и пресѣченію оной“, „Наставленіе для очищенія отъ заразъ (desinfectio) послѣ повальныхъ и прилипчивыхъ болѣзней домашняго скота“, „Zur Frage über Nutzen und Nachtheil der Rinderpestimpflungen“, „Нуждается ли Россія, для огражденія общества отъ обмана въ торговлѣ животными вообще и лошадьми въ частно-

сти, въ законѣ объ очисткѣ, и въ какомъ именно?"; профессоръ *Іессенъ*—„Veterinairwissenschaft, Reih und Fahrkunst, in ihren gegenssitigen Beziehungen" въ Wochenschrift für Thierheilkunde und Viehzucht, въ Baltische Wochenschrift и на русскомъ языкѣ въ журналѣ Коннозаводства, „Смерть жеребца Андовера" въ журналѣ Коннозаводства, „Общія правила относительно узаконеній противъ болѣзней скота" въ Архивѣ ветеринарныхъ наукъ, „Ueberfütterungs-Koliken bei Pferden" въ Wochenschrift für Thierheilkunde und Viehzucht, „Thierschützung im Conflikt mit Thiernützung" въ Baltische Wochenschrift, „Ueber die Impfug der Rinderpest" тамъ же, „Zur Frage über den Nutzen der Porcellirungen in Heerden, die von der Rinderpest ergriffen sind" тамъ же, „Die Rinderpest im Kasanschen Gouvernemenf", Rinderpest im Orenburgschen „Gouvernement" и „Remontirungsfrage in Dänemark, всѣ три въ Baltische Wochenschrift; доцентъ *Земмеръ*—„Ueber die Bedeutung der farblosen Blutkörperchen für die Blutbildung und den Stoffwechsel", „Zur Pathologie des Blutes", „Ueber die Beziehungen der pathologisch-anatomischen Erscheinungen der contagiösen Krankheiten zu den Contagion" и „Ueber eine Schweinesenche in Dorpat und Umgebung" всѣ четыре труда—въ вѣнскомъ изданіи Müller und Röllo Vierteljahresschirft, „Wehl kahdi wahrdi par lohpu flimibadm" въ латышской газетѣ Baltijas Wehstnesis.

Студентовъ въ институтѣ было къ 1-му января 1874 года—30, въ 1874 году поступило—6, въ томъ числѣ: изъ гимназій—3, изъ раввинскихъ училищъ — 1, изъ уѣздныхъ училищъ — 1; выбыло въ тотъ же періодъ: до окончанія курса—2, по окончаніи курса—8; затѣмъ къ 1-му января 1875 года осталось—26. Изъ числа бывшихъ въ 1874 году 36 студентовъ освобождены отъ платы за ученіе 26, то есть 72% общаго числа. Стипендій, по 150 руб. каждая, выдано 25 студентамъ изъ штатной стипендіальной суммы; добавочныя стипендіи, по 100 руб. каждая, выданы 12 казеннокоштнымъ стипендіатамъ изъ общаго остатка отъ содержанія института, а семи казеннымъ стипендіатамъ выданы пособія изъ спеціальныхъ средствъ института, въ томъ числѣ: пяти—по 100 руб., а двумъ—по 50 рублей каждому. Въ 1874 году утверждены въ степени ветеринара—9 лицъ.

Финансовыя средства института въ 1874 году находились въ слѣдующемъ положеніи: штатныхъ суммъ поступило—35.291 рублей, израсходовано—35.242 руб., осталось къ 1-му января 1875 года вмѣстѣ съ остаткомъ отъ 1873 года—1.565 руб.; сбора за слушаніе лекцій поступило—96 руб., израсходовано—82 руб., поступленій изъ кли-

ники и аптеки въ приходѣ—1.240 руб. 71 коп., въ расходѣ—524 р. 71 коп.; пожертвованныхъ поступило 500 руб., израсходовано—200 рублей.

Учебно-вспомогательныя учрежденія находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ было: книгъ и періодическихъ изданій — 4.507 названій, эстамповъ, гравюръ и чертежей—8.984 названій, всего на 24.576 руб. 17½ коп.; въ физическомъ кабинетѣ — 493 нумера инструментовъ, снарядовъ и проч. на 6.035 руб. 63 коп.; въ химическомъ кабинетѣ—220 нумеровъ на 1.292 руб. 48 коп., въ фармакогностическомъ кабинетѣ—686 нумеровъ на 259 руб. 57 коп.; въ минералогическомъ кабинетѣ—3.079 нумеровъ на 1.272 руб.; въ зоологическомъ собраніи — 430 нумеровъ на 67 руб. 1 коп.; въ музеѣ анатомическаго театра: въ физіолого-анатомическомъ отдѣленіи —1.010 нумеровъ на 232 руб. 88½ коп.; въ патологическо-анатомическомъ— 1.165 нумеровъ на 266 руб. 47 коп.; сверхъ того въ обоихъ отдѣленіяхъ—590 нумеровъ аппаратовъ, инструментовъ и проч. на 8.223 р. 56 коп., въ кабинетѣ чертежей и рисунковъ—186 нумеровъ на 179 р. 32 коп., въ кабинетѣ моделей различныхъ домашнихъ животныхъ— 94 нумера на 387 руб. 83 коп., въ кузницѣ — 77 нумеровъ инструментовъ и другихъ предметовъ на 551 руб. 28¼ коп.; въ сельско-техническомъ кабинетѣ—19 нумеровъ на 645 руб. 53 коп.; въ физіологическо-химическомъ кабинетѣ — 50 нумеровъ на 691 руб. 47 коп., въ аптекѣ: медикаментовъ — 275 нумеровъ на 327 руб. 30 коп., посуды—на 31 руб. 77 коп.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и копытъ 375 нумеровъ на 304 руб. 97 коп.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ—142 нумера на 78 руб. 90 коп.; въ собраніи зоохирургическихъ инструментовъ—236 нумеровъ на 961 руб 80 коп., въ клиникѣ—317 нумеровъ инструментовъ и другихъ предметовъ на 2.547 р. 60½ коп. Больныхъ въ клиникѣ оставалось къ 1-му января 1874 года—20, въ теченіе года прибыло—3.412, изъ коихъ было пользовано: въ клиникахъ—341, амбулантно—1.727 и внѣ института—1.364; въ теченіе года выздоровѣло—3.077, пало—68, предано смерти для анатомическо-патологическихъ и ветеринарныхъ судебныхъ изслѣдованій—11, страдавшихъ неизлечимыми болѣзнями—87, исходъ болѣзни остался неизвѣстенъ у 170. Въ патологическомъ отдѣленіи вскрыто труповъ: павшихъ въ клиникѣ животныхъ—68, преданныхъ смерти—11, поступившихъ извнѣ—53, всего—132. Операцій было произведено: менѣе важныхъ—310, болѣе значительныхъ—122.

б) Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

По штату института положено имѣть 16 преподавателей, именно 5 профессоровъ, 8 доцентовъ и 3 учителя; на лицо состояло — 16, въ томъ числѣ: 3 профессора, 8 штатныхъ доцентовъ, 2 сверхштатныхъ, занимающихъ профессорскія каѳедры, и 3 учителя. Штатныхъ преподавательскихъ вакансій не имѣлось, такъ какъ изъ двухъ вакантныхъ профессорскихъ окладовъ производилось жалованья по 1.200 руб. двумъ доцентамъ; имѣлась же сверхштатная вакансія доцента лѣсоводства, образовавшаяся отъ упраздненія механическаго заведенія и должности механика.

Преподаватели и другія служащія въ институтѣ лица издали или приготовили къ печати нижеслѣдующіе ученые труды: директоръ института *Тютчевъ* прочиталъ въ Варшавѣ публичную лекцію „О значеніи Либиха для сельскаго хозяйства" и участвовалъ въ „Вѣстникѣ Императорскаго Россійскаго общества садоводства"; профессоръ *Зелинскій*—напечаталъ въ журналѣ „Gazeta rolnicza" статьи: „Нѣсколько замѣчаній о плугахъ вообще и объ испытаніи плуговъ и другихъ земледѣльческихъ орудій" и „Начала, на которыхъ основывается устройство плуговъ его конструкціи"; профессоръ *Карпинскій* — напечаталъ статьи въ журналѣ „Gazeta rolnicza" двѣ статьи: „Объ искусственномъ размноженіи рыбъ" и „О ночницахъ, водящихся на озимыхъ хлѣбахъ"; доцентъ *Шишкинъ* — напечаталъ статьи: въ „Журналѣ Министерства государственныхъ имуществъ" — „Сельско-хозяйственные очерки Новороссіи", „Сельско-хозяйственные очерки центральной черноземной полосы Россіи" и „Нѣсколько словъ объ устраненіи засухъ на югѣ" и въ „Земледѣльческой Газетѣ"—„О примѣнимости у насъ въ Россіи искусственныхъ удобреній".

Совѣтъ института имѣлъ въ 1874 году 27 засѣданій. Для соисканія премій въ 1875 году назначены совѣтомъ двѣ задачи: 1) „Произвести частное изслѣдованіе почвы какой-либо мѣстности Привислянскаго края, въ отношеніи происхожденія, механическаго состава и физическихъ свойствъ; при этомъ предоставляется желанію соискателя сдѣлать изслѣдованіе въ отношеніи химическаго состава и поглотительной способности", и 2) „О лѣсоразведеніи посадкою". Для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ оставлены при институтѣ окончившіе въ ономъ курсъ Грабовецкій и Мендркевичъ. Подвергались испытанію и выдерживали оное удовлетворительно: на должность надлѣсничаго—2, на званіе лѣсничаго—3.

Студентовъ въ институтѣ къ 1-му января 1874 года состояло — 52, въ теченіе 1874 года прибыло—30, въ томъ числѣ: изъ университетовъ—2, изъ гимназій — 13, изъ другихъ учебныхъ заведеній — 15; выбыло: до окончанія курса — 14, по окончаніи курса — 10, затѣмъ къ 1-му января 1875 года оставалось—58, изъ коихъ было на хозяйственномъ отдѣленіи—38, на лѣсномъ—20. Допущено было къ слушанію лекцій — 6, что составляетъ 10% общаго числа студентовъ. Стипендію получалъ одинъ студентъ по частной записи Лѣсневскаго въ размѣрѣ 120 руб. въ годъ.

Финансовыя средства института въ 1874 году заключались въ слѣдующемъ: штатныхъ изъ государственнаго казначейства суммъ ассигновано было—47.038 руб. 17 коп., израсходовано—45.632 руб. 18 коп.; сбора за слушаніе лекцій поступило — 2.275 руб., израсходовано — 1.585 руб. 51 коп.; дохода съ институтскихъ имѣній получено — 20.114 руб. 55 коп., израсходовано — 19.369 руб. 44 коп.; партикулярныхъ суммъ въ приходѣ — 1.374 руб. 30 коп., въ расходѣ — 1.006 руб. Къ 1-му января 1875 года оставалось: штатной суммы— 4.412 руб. 95½ коп., сбора за слушаніе лекцій—1.404 руб. 15 коп., доходовъ съ институтскихъ имѣній—1.358 руб. 92 коп., партикулярныхъ суммъ — 1.287 руб. 26 коп., общій остатокъ составлялъ — 8.463 руб. 28½ коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія института къ 1-му января 1875 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ было—6.682 названій въ 10.586 томахъ на сумму 24.340 руб. 25 коп. Въ физическомъ кабинетѣ—424 прибора на 7.962 руб. 22 коп. Метеорологическія наблюденія производились помощію 9 приборовъ стоимостію 273 руб. 63 коп. Въ кабинетѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій — 844 нумера на 2.475 руб. 8 коп.; въ кабинетѣ лѣсоводства—620 нумеровъ на 484 руб.; въ кабинетѣ сельско-хозяйственной технологіи—794 нумера на 5.877 руб. 72 коп.; въ собраніи земледѣльческихъ инструментовъ и орудій—207 нумеровъ на 2.390 р. 27 коп.; въ зоологической коллекціи, пчельникѣ и шелководнѣ — 52 нумера на 157 руб. 50 коп.; въ гербаріи — 2.710 нумеровъ на 844 руб. 50 коп.; въ ботаническомъ отдѣленіи — 12.574 экземпляра растеній и дичковъ на 2.230 руб. 9 коп.; въ минералогическомъ кабинетѣ—12.963 минераловъ, горныхъ породъ, окаменѣлостей, моделей, приборовъ, мебели и принадлежностей на 2.682 руб. 56 коп.; въ собраніи ветеринарныхъ инструментовъ и зоотомическихъ препаратовъ —420 экземпляровъ на 1.992 руб. 19 коп.; въ ветеринарной

клиникѣ—198 штукъ на 336 руб. 50 коп. Изъ животныхъ, принадлежащихъ институту, пользовано было 8 лошадей, 10 штукъ рогатаго скота и 61 овецъ. Посторонними лицами представлено было въ поликлинику для леченія 35 лошадей, 6 штукъ рогатаго скота, 6 свиней и 10 собакъ. Всего пользованныхъ животныхъ было 136. Въ химической лабораторіи было 1.418 нумеровъ на 4.278 руб. 67 коп. и разной химической посуды и матеріаловъ на 678 руб. 9 коп. Въ химической мастерской—разныхъ орудій и матеріаловъ на 8.054 руб. 98½ коп. При опытной фермѣ, занимающей 326 морговъ 215 рутовъ, и поле для сельско-хозяйственныхъ опытовъ пространствомъ 2½ морга, — находилось: лошадей и рогатаго скота — 61 штука, земледѣльческихъ орудій, машинъ и другихъ предметовъ — 313 штукъ на 4.122 руб. 72½ коп. Въ принадлежащихъ институту двухъ фольваркахъ, Конскоболѣ и Пожогѣ, земли—1.290 морговъ 191 рута, въ общей стоимости 37.812 руб. 10 коп.; скота въ этихъ фольваркахъ было на лицо 943 штуки на сумму 8.353 руб., мертваго инвентаря—на 5.066 руб. 19 коп.

О состояніи и дѣятельности Николаевской Царскосельской гимназіи за $18^{74}/_{75}$ учебный годъ.

Николаевская Царскосельская гимназія, открытая 8-го сентября 1870 года въ составѣ приготовительнаго и 3-хъ низшихъ классовъ для однихъ приходящихъ учениковъ, въ $18^{74}/_{75}$ учебномъ году состояла изъ 8-ми классовъ нормальныхъ гимназическихъ и приготовительнаго класса съ 2-мя отдѣленіями.

Учащихъ состояло—17, въ томъ числѣ: законоучителей—3, преподавателей наукъ и языковъ—17, учителей искусствъ—3, преподаватель приготовительнаго класса—1. Изъ числа преподавателей получали оклады: 1-го разряда въ 750 руб. въ годъ за 12 уроковъ—7; 2-го разряда въ 900 руб. въ годъ—2; 3-го разряда въ 1.250 руб. въ годъ—1; заслуженныхъ преподавателей, коимъ назначается высшій окладъ, по 1.500 руб. въ годъ, не имѣлось.

Учащихся въ гимназіи состояло—172, которые распредѣлялись: а) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго—133, римско-католическаго—9, евангелическо-лютеранскаго—23, еврейскаго—7; б) по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ—94, духовнаго званія—9, городскаго состоянія—49, сельскаго состоянія—4, иностранцевъ—16. Изъ общаго числа учениковъ освобождены были отъ платы за обученіе—12;

стипендіи выданы были 4-мъ; получали пособія учебными предметами—8.

Ученіе началось съ 19-го августа и продолжалось по 10-е іюня. Учебныхъ дней было 210. Уроковъ дано: въ приготовительномъ классѣ: предметныхъ—497, искусствъ—290, въ низшихъ 4-хъ классахъ: предметныхъ—3.430, искусствъ—390, въ высшихъ 3-хъ классахъ: предметныхъ—2.848, искусствъ—80. Новымъ иностраннымъ языкамъ обучались: обоимъ—75, 61%, одному французскому—20, 73%, одному нѣмецкому—3, 66%. Рисованію и черченію обучались всѣ ученики гимназическихъ классовъ безъ изъятія; ученики приготовительнаго класса особыхъ уроковъ по этимъ искусствамъ не имѣли, но первоначальные пріемы черченія отъ руки показываемы имъ были на урокахъ чистописанія. Изъ числа учениковъ, обучавшихся рисованію и черченію, пятеро представляли свои классныя работы для конкурса въ Императорскую академію художествъ, и изъ нихъ одинъ удостоенъ серебряной поощрительной медали и двое похвалы. Гимнастикою занимались—70, 83%, пѣніемъ—55, 95%. Число пропущенныхъ уроковъ составляетъ: а) преподавателями—2,44 на 100 данныхъ уроковъ; б) учениками: приготовительнаго класса—8,58, низшихъ 4-хъ классовъ—2,09, высшихъ 3-хъ классовъ—5,12 на каждаго ученика изъ 100 данныхъ уроковъ. Изъ пропущенныхъ учениками уроковъ не имѣли оправданія 10,27%. Случаевъ невнимательности учениковъ въ классахъ, замѣченныхъ преподавателями, приходится по 0,03 на каждаго ученика въ 100 уроковъ. Случаевъ неприготовленія уроковъ, записанныхъ преподавателями,—по 0,04 на каждаго ученика въ 100 уроковъ.

Въ видахъ пользы ученія и усиленія успѣшности приняты были слѣдующія мѣры: а) ежедневно каждый изъ преподавателей устраивалъ особыя, по окончаніи класснаго времени, занятія съ неуспѣвающими и малоуспѣвающими учениками по предмету, имъ преподаваемому. б) Для облегченія и закрѣпленія въ памяти преподаннаго, а также ясности и полноты представленія, предлагаемо было ученикамъ, въ свободное отъ классныхъ занятій время, наглядное изображеніе нѣкоторыхъ предметовъ изъ математической и физической географіи, а также изъ классическихъ древностей, помощію волшебнаго фонаря для туманныхъ картинъ. Въ объясненіи картинъ принимали участіе какъ преподаватели, къ предметамъ которыхъ относились картины, такъ и ученики старшихъ классовъ. в) Устроены были провѣрочныя годичныя репетиціи въ послѣднюю недѣлю предъ зимнею вакаціею.

Репетиціи производились въ присутствіи директора и состояли въ устной и письменной провѣркѣ всего пройденнаго по основнымъ предметамъ гимназическаго курса въ теченіе учебнаго полугодія, причемъ обыкновенный ходъ ежедневныхъ занятій не прекращался и ни въ чемъ не измѣнялся противъ установленнаго порядка. г) Для предоставленія всѣмъ учащимся въ гимназіи возможности обучаться рисованію и черченію, исходатайствовано разрѣшеніе объ освобожденіи учащихся отъ особой платы за уроки этихъ искусствъ, которая полагается независимо отъ взноса общей годовой платы за ученіе въ гимназіи, съ отнесеніемъ вознагражденія учителя рисованія и черченія сполна на спеціальныя средства гимназіи. д) Въ видахъ сближенія заведенія съ родителями, назначены были особые дни и часы для личныхъ объясненій директора и классныхъ наставниковъ съ родителями по вопросамъ, касающимся ученія и поведенія дѣтей ихъ. Независимо отъ того, сообщаемо было родителямъ письменно, или чрезъ приглашеніе ихъ въ гимназію, объ обстоятельствахъ, требующихъ принятія мѣръ, для оказанія помощи ослабѣвающихъ ученикамъ или для усугубленія домашняго надзора за нерадивыми.

Результатъ ученія за $18^{74}/_{75}$ учебный годъ выражается въ слѣдующихъ данныхъ: а) успѣвшихъ по отдѣльнымъ предметамъ своего класса, по среднему выводу изъ четырехъ срочныхъ вѣдомостей за годъ и по экзаменаціонной отмѣткѣ: по закону Божію: приготовительный классъ—84,63%, низшіе 4 класса—98%, высшіе 3—100%; по русскому языку съ церковно-славянскимъ: приготовительный классъ—60,98%, низшіе классы—76,19%: по русской словесности: высшіе классы—100%; по латинскому языку: низшіе классы—68,29%, высшіе—85,72%; по греческому языку: низшіе класы—75%, высшіе—90,48%; по математикѣ: приготовительный классъ—80,49%, низшіе—75,40%, высшіе—81,40%; по физикѣ: высшіе 3 класса—100%; по исторіи: низшіе 4 класса—86,21%, высшіе—85,72%; по географіи: низшіе классы—76,19%, высшіе—100%; по нѣмецкому языку: низшіе классы—83,80%, высшіе—94,95%; по французскому языку: низшіе классы—36,67%, высшіе—88,89%; по чистописанію: приготовительный классъ—65,86%, низшіе классы—98,55%. б) Успѣвшихъ по всѣмъ научнымъ предметамъ своего класса и удостоенныхъ перевода въ слѣдующіе классы: въ приготовительномъ классѣ—58%, въ низшихъ 4-хъ классахъ—69,07, въ высшихъ 3-хъ—76,14%. в) Не успѣвшихъ въ первый годъ пребыванія въ классѣ, и потому оставленныхъ въ томъ же классѣ на второй годъ—32%. г) Неуспѣвшихъ

въ продолженіе двухлѣтняго пребыванія въ одномъ и томъ же классѣ, и потому выбывшихъ изъ гимназіи—1,69°/o. д) Удостоенныхъ при переводѣ въ слѣдующіе классы наградъ (не включая приготовительнаго класса): 1-й степени (похвальнаго листа и книги)—1,72°/o, 2-й степени (похвальнаго листа)—3,44°/o, 3-й степени (похвальнаго отзыва)—9,48°/o.

Къ переводнымъ испытаніямъ не явилось 8 человѣкъ, всѣ по болѣзни, удостовѣренной медицинскими свидѣтельствами. Одинъ изъ заболѣвшихъ, на основаніи гимназическихъ правилъ, переведенъ былъ въ слѣдующій классъ безъ экзамена; остальнымъ 7-ми разрѣшено было дополнительное испытаніе послѣ лѣтней вакаціи; изъ нихъ одинъ на дополнительное испытаніе не явился и выбылъ изъ гимназіи, одинъ отказался отъ испытанія и остался въ томъ же классѣ; затѣмъ пятеро выдержали назначенное имъ дополнительное испытаніе и переведены въ слѣдующіе классы.

Вакаціонныя работы предшествовавшаго $18^{73}/_{74}$ учебнаго года поданы были 87,40°/o; не поданы по уважительнымъ причинамъ—8,23°/o, по неуважительнымъ причинамъ—4,36. Изъ поданныхъ работъ исполнены удовлетворительно—74,50°/o, неудовлетворительно — 25,50°/o. По сравненію этихъ данныхъ съ таковыми же предпрошедшаго $18^{72}/_{73}$ учебнаго года оказывается, что въ $18^{73}/_{74}$ учебномъ году, который былъ вторымъ годомъ по введеніи распоряженія о каникулярныхъ работахъ, дѣло пошло исправнѣе и успѣшнѣе. Замѣченное въ $18^{72}/_{73}$ учебномъ году списываніе учениками заданныхъ работъ другъ у друга, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, повторилось только въ двухъ классахъ: въ одномъ—по русскому языку, въ другомъ—по латинскому.

Проступковъ, свидѣльствующихъ о дурныхъ наклонностяхъ, настроеніи и направленіи, не было. Случаевъ же нарушенія ученическихъ правилъ, повлекшихъ за собою внесеніе имени провинившагося въ штрафной журналъ, было—17 (1,01°/o).

Учебно-воспитательныя пособія гимназіи находились въ слѣдующемъ состояніи: въ основной библіотекѣ—книгъ 704 названія 1.351 томъ; въ ученической библіотекѣ—книгъ 296 названій 476 томовъ; въ физическомъ кабинетѣ—152 нумера; въ кабинетѣ естественныхъ наукъ—220 коллекцій и предметовъ; прочихъ учебныхъ пособій по исторіи, географіи, рисованію, черченію и пѣнію—869 нумеровъ; гимнастическихъ снарядовъ и принадлежностей—29 нумеровъ.

Педагогическій совѣтъ имѣлъ въ учебномъ году 45 засѣданій, изъ нихъ 22 посвящены были обсужденію вопросовъ объ устройствѣ учебной и воспитательной части въ гимназіи, остальные 23 заняты были производствомъ испытаній постороннимъ лицамъ. Изъ постороннихъ лицъ подвергались въ гимназіи испытаніямъ—20, изъ коихъ выдержали испытаніе и удостоены: званія домашнихъ учительницъ—2, званія учителей и учительницъ начальнаго училища—6, аптекарскаго помощника—1, права на классный чинъ—2, вольноопредѣляющагося 3-го разряда—1.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

8/20-го января 1876.

I.

Католическій университетъ въ Парижѣ обогатился недавно новымъ факультетомъ:—математическихъ и естественныхъ наукъ, что, вмѣстѣ съ факультетами словеснымъ и юридическимъ, составило въ буквальномъ смыслѣ „университетъ". Парижскій архіепископъ нашелъ, что теперь настала благопріятная минута торжественно освятить новое учрежденіе. Это освященіе совершилось, впрочемъ, безъ особой пышности, въ часовнѣ кармелитскаго монастыря. Архіепископъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой выставилъ преимущества возникшаго учебнаго заведенія; нельзя не замѣтить, что рѣчь эта отличалась полнымъ уваженіемъ къ преподаванію въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. По мнѣнію архіепископа, новое учрежденіе не достигло еще желаемой высоты: онъ разослалъ недавно циркуляръ къ членамъ духовенства, приглашая ихъ дѣлать вездѣ сборы въ пользу католическаго преподаванія и побуждая къ значительнымъ на него пожертвованіямъ. Онъ обѣщаетъ духовную награду благочестивымъ жертвователямъ, которые выкажутъ особую щедрость. Кто пожертвуетъ 1.000 франковъ получитъ званіе благотворителя; 10.000 фр.—почетнаго благотворителя; пожертвованіе въ 100.000 фр. даетъ званіе учредителя. Каждое такое пожертвованіе будетъ употребляемо исключительно на учрежденіе новыхъ каѳедръ; при этомъ содержаніе профессоровъ ограничено довольно скромными размѣрами, а именно 5.000 фр. въ годъ. Надо замѣтить, впрочемъ, что профессорами католическихъ университетовъ бываютъ по большей части лица духовныя, обреченныя на безбрачіе.

Министерство народнаго просвѣщенія, чтобы противодѣйствовать угрожающей ему конкурренціи, сдѣлало нѣсколько измѣненій въ воз-

награжденіи своихъ профессоровъ. До сихъ поръ состояло это вознагражденіе изъ двухъ частей: содержанія опредѣленнаго и случайнаго, составлявшагося изъ сбора за слушаніе лекцій и за экзамены. Теперь постановлено, что оба эти дохода должны слиться на будущее время въ одинъ, въ видѣ вознагражденія за двойной трудъ, то-есть, лекціи и экзамены, дѣлаемый отнынѣ обязательнымъ.

Вслѣдствіе этой мѣры, содержаніе профессоровъ устанавливается въ слѣдующихъ размѣрахъ: въ факультетахъ католическаго богословія профессоръ получаетъ въ Парижѣ отъ 5.500 до 6.500 фр.; въ департаментахъ отъ 3.500 до 5.500 фр.; въ факультетахъ протестантскаго богословія — въ департаментахъ отъ 4.500 до 6.500 фр.; на юридическихъ факультетахъ профессоръ получаетъ въ Парижѣ 15.000 фр., въ департаментахъ отъ 6.000 до 11.000 фр., адъюнктъ-профессоръ—въ Парижѣ 7.000., въ департаментахъ—отъ 3.000 до 3.500 фр., на медицинскихъ факультетахъ: профессоръ—въ Парижѣ 13.000 фр., въ департаментахъ отъ 6.000 до 10.000 фр., адъюнктъ—въ Парижѣ 4.000 фр., въ департаментахъ отъ 3.000 до 3.500 фр., на факультетахъ естественныхъ наукъ профессоръ — въ Парижѣ 13.000 фр., въ департаментахъ отъ 6.000 до 10.000 фр., адъюнктъ—въ Парижѣ и въ департаментахъ 2.000 фр., на словесныхъ факультетахъ профессоръ — въ Парижѣ 15.000 фр., въ департаментахъ отъ 6.000 до 11.000 фр., адъюнктъ-профессоръ въ Парижѣ и въ департаментахъ 2.000 фр. Въ высшихъ фармацевтическихъ школахъ: профессоръ—въ Парижѣ отъ 8.000 до 10.000 фр., въ департаментахъ отъ 6.000 до 8.000 фр., адъюнктъ-профессоръ—въ Парижѣ 4.000 фр., въ департаментахъ отъ 3.000 до 3.500 фр.

Разница между содержаніемъ профессоровъ юридическихъ наукъ и медицинскихъ обусловливается не безъ основанія тѣмъ соображеніемъ, что послѣдніе имѣютъ возможность увеличить свои доходы, занимаясь практикой.

Вопросъ о высшемъ преподаваніи все еще стоитъ у насъ на очереди. Недавно вышла брошюра, подъ заглавіемъ: *De la possibilité d'une réforme de l'enseignement superieur* (о возможности реформы въ высшемъ преподаваніи) профессора Ecole des Hautes études Габріеля Моно. Появленіе этой брошюры вызвано послѣдними мѣрами относительно высшаго преподаванія, о которыхъ я уже сообщалъ вамъ: учрежденіемъ адъюнктъ-професорскихъ должностей и приватъ-доцентуры. Г. Моно относится не слишкомъ сочувственно къ первому изъ этихъ распоряженій:

„Возобновленіе адъюнктъ-профессорскихъ должностей при факультетахъ словесныхъ и естественныхъ наукъ, говоритъ онъ, не можетъ дать благопріятныхъ результатовъ. Отъ являющихся на экзаменъ требуютъ докторскаго диплома, но не слѣдуетъ забывать, что во Франціи существуютъ двѣ категоріи докторовъ: получившіе докторскую степень въ Парижѣ и получившіе таковую въ провинціи. Первые удостоиваются ея только послѣ представленія диссертаціи, въ большинствѣ случаевъ замѣчательнаго труда, плода нѣсколькихъ лѣтъ работы и изслѣдованій. Парижскіе профессоры почти исключительно вербуются изъ среды подобнаго рода ученыхъ. Докторской же степени, полученной въ провинціи, придаютъ обыкновенно очень мало значенія — и не безъ основанія, ибо заручившись дипломомъ лиценціата, очень не трудно получить ее, не тратя для этого ни много времени, ни много труда. Доктора парижскіе, много занимавшіеся спеціальными науками и имѣющіе полную возможность достигнуть каѳедры благодаря собственнымъ заслугамъ (вслѣдствіе сильно ощущаемаго недостатка въ профессорахъ), не пожелаютъ снова готовиться къ общему, поверхностному экзамену, который отвлечетъ ихъ отъ любимыхъ занятій. Напротивъ того, доктора провинціальные, которыхъ въ настоящее время факультеты принимаютъ весьма рѣдко, переставъ бояться конкурренціи, явятся единственными кандидатами на адъюнктъ-профессорскія должности. И, такъ какъ испытаніе это ничто иное какъ конкурсъ, то придется по необходимости принять ихъ столько, сколько окажется свободныхъ вакансій. Такимъ образомъ, они будутъ пользоваться содержаніемъ въ 2.000 фр., присвоеннымъ ихъ званію, и частью платы за экзамены; когда-же, по прошествіи девяти лѣтъ, срокъ ихъ службы въ должности адъюнктъ-профессора придетъ къ концу, правительство будетъ нравственно обязано дать имъ каѳедры и вмѣстѣ съ тѣмъ высшее положеніе чѣмъ то, которымъ пользуются доктора парижскіе, хотя первые стоятъ несравненно ниже послѣднихъ“.

Эта оцѣнка учрежденія адъюнктъ-профессорскихъ должностей почти совпадаетъ со сдѣланною мною въ одномъ изъ моихъ писемъ. Что касается до практическихъ мѣръ къ улучшенію преподаванія въ факультетахъ, г. Моно предлагаетъ, чтобы всѣ готовящіеся къ высшему преподаванію или къ занятію административныхъ должностей, обязаны были прослушать трехгодичный курсъ на факультетахъ. Такимъ образомъ профессоры словесныхъ и физико-естественныхъ

факультетовъ получили бы возможность читать лекціи студентамъ, а не простымъ слушателямъ.

Вопросъ о высшемъ преподаваніи сталъ занимать и духовенство съ тѣхъ поръ, какъ оно допущено къ участію въ этомъ преподаваніи. Извѣстное духовное лице, доминиканецъ о. Дидонъ, издалъ недавно книгу подъ заглавіемъ: *L'enseignement supérieur et les universités catholiques* (высшее преподаваніе и католическіе университеты), которая не даетъ. впрочемъ, такъ много, какъ обѣщаетъ ея заглавіе. Орденъ доминиканцевъ, къ которому принадлежитъ о. Дидонъ, былъ всегда орденомъ проповѣдниковъ и богослововъ, въ противоположность бенидиктинцамъ, ордену ученыхъ по преимуществу. Вниманіе о. Дидона обращено болѣе всего на средства поднять и расширить въ новыхъ университетахъ преподаваніе католическаго богословія, безъ котораго онъ не допускаетъ существованія другихъ наукъ. Однакоже, въ нѣкоторыхъ пунктахъ о. Дидонъ сходится относительно необходимыхъ реформъ съ наиболѣе извѣстными свѣтскими писателями. Подобно имъ онъ хочетъ замѣнить вольнослушателей студентами и требуетъ, чтобы профессоры дѣйствительно оказывали умственное вліяніе на слушателей. „Необходимо, говоритъ онъ, чтобы ученикъ принималъ участіе въ трудахъ своего учителя, въ его предположеніяхъ и открытіяхъ; необходимо, чтобы онъ разбиралъ вмѣстѣ съ нимъ старинныя рукописи, если онъ историкъ; чтобы сопровождалъ его въ лабораторію, если онъ физикъ или химикъ; принималъ участіе въ его философскихъ или богословскихъ трудахъ, если онъ посвятилъ себя высшимъ отраслямъ человѣческаго знанія. Тогда студентъ, благодаря вліянію профессора, долгимъ и близкимъ съ нимъ сношеніямъ, получитъ возможность сдѣлаться преподавателямъ въ свою очередь... Необходимо отказаться отъ тѣхъ блестящихъ курсовъ, въ которыхъ форма преобладаетъ надъ сущностью; гдѣ обращаются не столько къ присутствующимъ слушателямъ, сколько къ условной, воображаемой публикѣ, которой стараются льстить, чтобы пріобрѣсти пустую популярность. Необходимо замѣнить курсы классами въ истинномъ значеніи этого слова... Вновь учрежденные католическіе университеты не должны забывать ошибокъ, отмѣченныхъ серьезными критиками въ высшемъ официальномъ преподаваніи... Мы завоевали свободу преподаванія; но она не послужитъ ни къ чему, если впадемъ въ тѣ же ошибки, которыя мы сами такъ жестоко клеймили“...

Въ другомъ мѣстѣ о. Дидонъ старается отстранить возраженія, которыя дѣлаемы были противъ учрежденія католическихъ универси-

тетовъ и вызванныя ими опасенія. Онъ не соглашается, чтобы въ этомъ учрежденіи выражалось усиленіе клерикальнаго направленія. „Что хотятъ сказать, спрашиваетъ онъ, тѣ, которые кричатъ объ усиленіи клерикализма? Развѣ клерикализмъ—поставить на прежнюю высоту въ умѣ Французовъ богословскія науки, пришедшія въ столь прискорбный упадокъ? Развѣ клерикализмъ — возстановить въ общественномъ сознаніи науку о Богѣ, основанную Платономъ и Аристотелемъ? Развѣ клерикализмъ — образовать христіанъ, вооруженныхъ могучею доктриной на защиту своей вѣры? Развѣ клерикализмъ—не быть рабомъ своего вѣка и не хотѣть подчиняться его антирелигіознымъ предразсудкамъ и матеріалистическимъ стремленіямъ?" Надо сознаться, что о. Дидонъ—человѣкъ весьма либеральный; онъ утверждаетъ, будто такъ-называемая клерикальная партія не есть партія политическая. Съ неменьшею энергіей возражаетъ онъ тѣмъ, которые опасаются, что французская молодежь раздѣлится отнынѣ на два враждебные другъ другу лагеря. По словамъ его, подобный антагонизмъ существовалъ уже задолго до учрежденія католическихъ университетовъ и долженъ нынѣ неминуемо изчезнуть: „Католики, оставшись побѣдителями, говоритъ онъ, водворятъ господство мира; не намъ сомнѣваться, хотя бы на одну минуту, что поле битвы останется за нашею религіей... Отечество можетъ быть совершенно спокойно, если у него нѣтъ болѣе опасныхъ враговъ, чѣмъ мы; оно должно радоваться этому. Неужели представители духовенства,—которое играло столь великую роль въ постепенномъ ростѣ страны, учреждало первыя ея школы,—неужели они разрушатъ то, что такъ успѣшно воздвигнуто было собственными ихъ руками?" Не буду продолжать выписокъ: вся книга о. Дидона есть не столько педагогическій трактатъ, сколько въ полномъ смыслѣ слова oratio pro domo sua. До сихъ поръ духовенство составляло во Франціи единственную силу, которая могла воспользоваться свободой высшаго преподаванія. Внѣ его не возникло ни одного серьезнаго учрежденія, кромѣ Ecole libre des sciences politiques, о которой мнѣ уже не разъ приходилось бесѣдовать съ вашими читателями. Нѣкоторые ученые предпринимаютъ единичныя попытки основать тѣ или другіе курсы, но оцѣнить значеніе этихъ попытокъ еще нельзя. Такъ, напримѣръ, Франція, страна по преимуществу кельтскаго происхожденія, не имѣла до сихъ поръ курса кельтской исторіи и филологіи. Извѣстный ученый г. Анри Гедо (Henri Gaidoz) объявилъ на дняхъ, что онъ прочтетъ рядъ лекцій по этому предмету; программа ихъ слѣдующая: обзоръ изслѣдо-

ваній о Кельтахъ во Франціи и за границей; памятники, извѣстные подъ названіемъ кельтскихъ или друидскихъ; Галлы, ихъ языкъ, цивилизація, миѳологія и литература въ средніе вѣка; древняя Ирландія и ея обращеніе въ христіанство; ирландская средневѣковая литература; Оссіанъ и различныя изслѣдованія о немъ; національный театръ въ нижней Бретани; Кельты въ XIX вѣкѣ.

Весьма желательно, чтобы попытка эта увѣнчалась успѣхомъ. Еслибы г. Гедо удалось заинтересовать публику и заслужить одобреніе ученыхъ, то это лишь подкрѣпило бы давнишнее требованіе, чтобы учреждена была каѳедра кельтскихъ древностей въ Collège de France или въ Ecole des hautes études. По этому отдѣлу существуетъ у насъ много весьма прискорбныхъ пробѣловъ, которые желательно было бы пополнить.

II.

Время наступленія новаго года невыгодно для научныхъ изданій. Изъ числа множества сочиненій, выходящихъ къ этому сроку, очень немногія принадлежатъ къ области моей корреспонденціи. Я долженъ упомянуть, однако, о новомъ изданіи „Іоанны Д'Аркъ" г. Валлона. Краснорѣчивый историкъ и ревностный католикъ г. Валлонъ болѣе чѣмъ кто-нибудь могъ написать исторію Дѣвственницы съ точки зрѣнія мистической и патріотической въ одно и то же время. Книга его, вызванная глубокимъ и искреннимъ чувствомъ, можетъ считаться памятникомъ, воздвигнутымъ нашей національной героинѣ. Съ научной точки зрѣнія она заключаетъ въ себѣ много новаго: описаніе оружія и военной одежды XV вѣка съ пояснительными рисунками, карту феодальной Франціи той же эпохи, изслѣдованіе о воздаваемомъ Іоаннѣ д'Аркъ во французской и заграничной литературѣ поклоненіи, *fac-simile* писемъ Іоанны д'Аркъ и т. п. Книга иллюстрирована слишкомъ 150-ю хромолитографіями и гравюрами. Всѣ эти гравюры заслуживаютъ особаго вниманія по своей безукоризненной вѣрности и чрезвычайно важны для изученія одного изъ самыхъ драматическихъ періодовъ нашей исторіи. Извѣстно, что со времени послѣднихъ нашихъ неудачъ, историческій образъ Іоанны д'Аркъ пріобрѣлъ чрезвычайную популярность во Франціи. Не далѣе какъ въ настоящую минуту, епископъ города Орлеана, когда-то освобожденнаго Іоанной, монсиньоръ Дюпанлу находится въ Римѣ, гдѣ онъ ходатайствуетъ у папы о канонизаціи Іоанны. Римская курія занялась изслѣдованіемъ этого дѣла и г. Валлонъ былъ недавно выслушанъ въ качествѣ свидѣтеля.

Тотъ же книгопродавецъ Ф. Дидо, которому принадлежитъ изданіе упомянутой сейчасъ монографіи, выпустилъ недавно другое сочиненіе, также относящееся къ среднимъ вѣкамъ и возбуждающее не менѣе патріотическій интересъ, а именно „La guerre de Metz en 1324", поэму XIV вѣка, изданную Е. Бутилье съ предисловіемъ Леона Готье, ученаго издателя Chanson de Roland. Поэма. которою занялся теперь г. Готье, ни по значенію своему, ни по литературнымъ достоинствамъ не можетъ сравниться съ Пѣснью о Роландѣ; но тѣмъ не менѣе она интересна во многихъ отношеніяхъ. Послѣ паденія имперіи Карла Великаго, Мецъ сталъ свободнымъ имперскимъ городомъ, въ сущности же независимою республикой. Процвѣтаніе этой республики не разъ возбуждало зависть ея могущественныхъ сосѣдей. Вслѣдствіе того, въ началѣ XIV вѣка принцы Люксембургскій, Трирскій, Лотарингскій и Барскій заключили между собою союзъ противъ города Меца и тщетно осаждали его два года сряду. Жители съ успѣхомъ выдержали осаду, но затѣмъ произошло явленіе, страннымъ образомъ совпадающее съ тѣмъ, которому мы были свидѣтелями въ недавнее время и доказывающее, что природа человѣческая всегда одинакова: низшіе классы попытались воспользоваться безпорядками, чтобы отнять власть у буржуазіи; возникла коммуна и захватила въ свои руки неограниченную власть. Буржуазія покинула Мецъ или, вѣрнѣе сказать, была изъ него изгнана и принялась осаждать мятежный городъ, точно также какъ впослѣдствіи г. Тьеръ осаждалъ Парижъ. Коммуна сопротивлялась въ теченіе цѣлаго года, послѣ чего воюющіе заключили сдѣлку, снова возвратившую городу миръ. Одинъ изъ очевидцевъ этихъ событій написалъ по ихъ поводу рифмованную хронику, въ которой излагаетъ ихъ съ величайшею точностью. Эта хроника, сохранившаяся только въ двухъ рукописяхъ (одна въ Мецѣ, другая въ Парижѣ), исполнена любопытныхъ подробностей о нравахъ того времени. Книга украшена значительнымъ числомъ рисунковъ, изображающихъ печати и монеты города Меца, и не лишена значенія какъ для ученыхъ, такъ и для библіофиловъ.

Г. Гизо скончался не окончивъ „Histoire de France racontée à mes petits enfants"—своего послѣдняго произведенія. Онъ не успѣлъ самъ издать царствованія Людовика XV и Людовика XVI, но оставилъ множество замѣтокъ, по которымъ его дочь, г-жа де-Виттъ, рѣшилась продолжить его трудъ. Послѣдній томъ упомянутаго сочиненія принадлежитъ слѣдовательно ей. Г-жа де-Виттъ, уже раньше составившая себѣ извѣстность прекрасными сочиненіями о воспита-

ніи, съумѣла какъ нельзя лучше выполнить трудную задачу, выпавшую на ея долю. Новый томъ достойнымъ образомъ заканчиваетъ произведеніе великаго историка. Къ нему приложенъ алфавитный указатель всего сочиненія.

Изъ новогоднихъ изданій фирмы Гашеттъ, я считаю заслуживающимъ особаго вниманія только любопытный опытъ историческаго и географическаго романа „Приключенія капитана Магона или финикійская экспедиція за 1000 лѣтъ до Р. Х.“ г. Леона Кагена, извѣстнаго оріенталиста. Еврей по происхожденію, знатокъ библейскихъ и финикійскихъ древностей, онъ попытался собрать въ рамкѣ вымышленнаго путешествія всѣ наиболѣе вѣроятныя предположенія о цивилизаціи бассейна Средиземнаго моря въ X вѣкѣ до Р. Х. Героемъ автора является финикійскій морякъ, ведущій дневникъ своихъ путешествій по берегамъ Африки, Греціи, Атлантическаго и Индійскаго океановъ. Все это изложено въ формѣ романа съ приключеніями, чрезвычайно занимательными для юношества. Книга написана талантливо, живымъ и увлекательнымъ слогомъ.

На ряду съ упомянутыми выше, я долженъ указать также на замѣчательную книгу, принадлежащую къ области педагогической литературы: „Etudes litteraires sur les classiques français de la rhétorique [1]) et du Baccalauréat es lettres“ г. Густава Мерле (1 томъ въ 12-ю долю, 500 стр.). Г. Мерле—весьма свѣдущій преподаватель въ одномъ изъ нашихъ лицеевъ. Уже прежде указывалъ я, какъ на одну изъ лучшихъ французскихъ хрестоматій, на его шесть томовъ „Extraits des classiques français“, имѣвшіе большой успѣхъ въ публикѣ и недавно удостоившіеся преміи Французской Академіи. Вышедшимъ нынѣ сочиненіемъ авторъ заканчиваетъ и дополняетъ свой прекрасный сборникъ. Произведенія, которыя у насъ изучаютъ въ классѣ реторики, или для полученія аттестата зрѣлости, составляютъ, такъ сказать, цвѣтъ французской литературы XVII и XVIII вѣковъ: сюда принадлежатъ лучшія творенія Корнеля, Расина, Вольтера, Лафонтена, Мольера, Боссюета, Фенелона и др.; но молодые люди по большей части изучаютъ ихъ чисто механически. Г. Мерле задался цѣлью сдѣлать для нихъ понятнымъ все литературное значеніе, всю прелесть этихъ несравненныхъ образцовъ. Тонкое пониманіе соединяется у него съ обширными историческими свѣдѣніями о великомъ вѣкѣ

[1]) Rhetorique—2-й классъ въ лицеяхъ. Baccalauréat es lettres—экзаменъ на полученіе аттестата зрѣлости.

нашей литературы. Его книга написана не только для воспитанниковъ лицеевъ, но и для публики. Она составляетъ драгоцѣнное руководство для всѣхъ изучающихъ или преподающихъ французскую литературу.

Я упоминалъ о предстоящемъ изданіи двухъ новыхъ обозрѣній: *Revue historique* подъ редакціей г. Габріеля Моно и *Revue philosophique*—г. Ш. Рибо. Оба эти обозрѣнія вышли, какъ было обѣщано, 1-го января 1876 г. Первое изъ нихъ, подобно извѣстному нѣмецкому журналу Зибеля, будетъ состоять изъ трехмѣсячнаго сборника, выходящаго книжками въ 300 стр. in 8° (цѣна 30 фр. въ годъ, 9 фр. за номеръ), а *Revue philosophique* должно выходить ежемѣсячно въ форматѣ отъ 6-ти до 7-ми листовъ (цѣна также 30 фр. въ годъ). *Revue philosophique*—изданіе совершенно новое; по части исторіи у насъ существовало уже *Revue des questions historiques*, отличавшееся большими достоинствами, но проникнутое исключительно католическими воззрѣніями. *Revue historique* поставило себѣ цѣлью быть чисто научнымъ изданіемъ: „Мы желали бы, говоритъ г. Моно въ предисловіи, издавать обозрѣніе всеобщей исторіи для возможно бо́льшаго круга читателей, но прилагая къ различнымъ вопросамъ тотъ же строгій методъ, то же безпристрастіе, какими отличаются *Revue archéologique* или *Bibliothèque de l'Ecole des Chartes*. Мы желали бы открыть общую арену труда всѣмъ тѣмъ, которые, каковы бы ни были ихъ личныя стремленія, любятъ исторію для нея самой, а не смотрятъ на нее какъ на орудіе для защиты своихъ религіозныхъ или политическихъ убѣжденій. И потому, оставляя за нашими сотрудниками свободу и отвѣтственность ихъ личныхъ взглядовъ, мы будемъ требовать, чтобы они избѣгали современныхъ споровъ и относились къ своимъ историческимъ изслѣдованіямъ съ тою строгостью метода, съ тѣмъ отсутствіемъ предвзятой мысли, которыхъ требуетъ наука, и не искали въ предметахъ изслѣдованій подтвержденія или опроверженія доктринъ, не имѣющихъ къ нимъ прямаго отношенія. Наше изданіе не будетъ имѣть ни полемическаго, ни слишкомъ общедоступнаго характера, хотя его нельзя назвать и исключительно ученымъ. Оно будетъ допускать на свои страницы только оригинальныя сочиненія изъ первыхъ рукъ, составляющія дѣйствительное пріобрѣтеніе для науки... Но требуя отъ нашихъ сотрудниковъ строго научнаго способа изложенія, мы сохранимъ за *Revue historique* тотъ литературный характеръ, который такъ высоко цѣнится французскими читателями“.

Появившійся номеръ *Revue* вполнѣ соотвѣтствуетъ изложенной выше программѣ. На первомъ планѣ стоитъ обширный трудъ г. Моно „Sur le progrès des études historiques en France depuis le XVI siècle (Объ успѣхахъ историческихъ изслѣдованій во Франціи, начиная съ XVI вѣка); затѣмъ слѣдуютъ замѣтки бывшаго министра г. Дюрюи о городскомъ управленіи въ Римской имперіи въ первые два вѣка нашей эры (sur le régime municipal de l'empire romain etc.), изслѣдованія г. Тюро (профессора Института) объ историкахъ крестовыхъ походовъ, изслѣдованіе г. Шерюеля о Сенъ-Симонѣ и г. Дежардена объ 11-ти италіанскихъ провинціяхъ въ царствованіе Августа, нѣсколько неизданныхъ еще документовъ, хроники французскія, нѣмецкія и англійскія, различныя свѣдѣнія по части критики и библіографія и пр. Всѣ эти статьи даютъ „Обозрѣнію" возможность съ успѣхомъ соперничать съ лучшими сборниками подобнаго рода. Оно избрало эпиграфомъ изреченіе Цицерона: Ne quid falsi audeat, ne quid veri non audeat historia.

Revue philosophique de la France et de l'étranger преслѣдуетъ тѣ же цѣли, что и *Revue philosophique*. Оно не желаетъ быть органомъ какой-либо партіи или школы, а намѣрено представлять полную и безпристрастную картину современнаго философскаго движенія, не исключая никакихъ школъ. *Revue philosophique* открываетъ свои столбцы всякому серьезному изслѣдованію въ области психологіи, морали, естественныхъ наукъ, метафизики и исторіи различныхъ доктринъ. Такъ, напримѣръ, въ первой книжкѣ напечатаны: статья позитивиста г. Рена (Raine) „О происхожденіи языка у дѣтей и народовъ" и статья г. Жане, одного изъ главныхъ представителей спиритуалистской школы „Sur les causes finales" (О конечныхъ причинахъ). Въ томъ же номерѣ напечатана статья г. Герберта Спенсера „Очеркъ психологіи человѣка" и много отчетовъ о новыхъ книгахъ во Франціи и за границей. Г. Рибо, издатель *Revue philosophique*, уже обратилъ на себя вниманіе двумя сочиненіями „Sur l'Hérédité" (О наслѣдственности) и „La Psychologie anglaise contemporaine" (Современная психологія въ Англіи). Ему обѣщали свое сотрудничество многіе изъ теперешнихъ философовъ.

Другое „Обозрѣніе", о которомъ я уже упоминалъ вамъ, *Revue critique d'histoire et de littérature*, недавно перемѣнило издателя. Оно перешло изъ рукъ книгопродавца Франка, который до сихъ поръ издавалъ его, въ руки книгопродавца Леру, желающаго повидимому сосредоточить въ своихъ рукахъ бо́льшую часть нашихъ большихъ

научныхъ изданій. При этомъ случаѣ новые редакторы, гг. Бреаль, Моно и Гастонъ Пари, напечатали небольшое воззваніе къ читателямъ, объявляя объ улучшеніяхъ, которыя они разчитываютъ ввести въ своемъ журналѣ. Улучшенія эти должны главнымъ образомъ состоять въ расширеніи отчетовъ о выходящихъ заграницею сочиненіяхъ и періодическихъ изданіяхъ. „Обозрѣніе" будетъ стремиться достигнуть возможной полноты и приблизиться къ подобнымъ же заграничнымъ сборникамъ, какъ, напримѣръ, Academy, Athenaeum и Litterarisches Centralblatt.

Collège de France лишился недавно одного изъ извѣстнѣйшихъ своихъ преподавателей, г. Жюля де-Моля (de Mohl), профессора персидскаго языка, члена Академіи Надписей и изящной словесности. Г. Моль не былъ Французомъ по происхожденію: онъ родился въ 1800 г. въ Штутгартѣ, въ семьѣ, давшей Германіи нѣсколько другихъ, не менѣе замѣчательныхъ ученыхъ. Въ 1823 г. прибылъ онъ въ Парижъ для изученія восточныхъ языковъ подъ руководствомъ Сильвестра де-Саси и Абеля Ремюза. Ознакомившись съ китайскимъ языкомъ, онъ посвятилъ себя спеціально языку персидскому. Главнымъ его трудомъ былъ переводъ Шахъ-Наме, изданный имъ съ большою роскошью. Г. Моль, труды коего встрѣчали во Франціи самый сочувственный пріемъ, принялъ французское подданство и занялъ въ Академіи надписей и изящной словесности мѣсто Бюрнуфа-отца. Въ 1843 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ персидскаго языка въ Collège de France и исполнялъ эту обязанность до самой своей смерти. Кромѣ того, онъ былъ инспекторомъ восточнаго отдѣла національной типографіи, которой оказалъ весьма важныя услуги. Будучи секретаремъ Азіатскаго Общества, онъ первый возымѣлъ мысль представлять названному обществу ежегодные отчеты объ успѣхахъ изслѣдованій въ Азіи. Это прекрасное нововведеніе продолжается нынѣ съ успѣхомъ г. Ренаномъ, заступившимъ его мѣсто. Г. Моль пользовался большимъ уваженіемъ въ парижскомъ обществѣ; онъ былъ женатъ на женщинѣ изъ высшаго круга и его салонъ пользовался значительнымъ успѣхомъ въ столицѣ. Въ числѣ вѣроятныхъ кандидатовъ на каѳедру персидскаго языка указываютъ на гг. Барбье де-Мейнара (въ настоящее время профессора турецкаго языка въ Школѣ восточныхъ языковъ), Казимірскаго и Станислава Гюйяра. Въ Институтѣ покойнаго замѣнитъ, вѣроятно, г. Гастонъ Пари, успѣхъ котораго, какъ кажется, не подлежитъ сомнѣнію.

Въ Collège de France происходили недавно совѣщанія о назначеніи профессора южно-европейскихъ языковъ и литературъ на мѣсто г. Эдгара Кине. Кандидатомъ явился г. Поль Мейеръ, извѣстный своими трудами по романской филологіи и провансальскому нарѣчію.

Л. Л—ръ.

ОТДѢЛЪ

КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

САТИРЫ ЮВЕНАЛА.

Книга первая.

Сатира II[1]).

1. Между всѣми произведеніями Ювенала, его *вторая* сатира принадлежитъ къ числу наименѣе привлекательныхъ по содержанію и арактеру. Хотя на основаніи общаго свойства Ювеналовыхъ сатиръ, тличающихся безпощаднымъ преслѣдованіемъ современныхъ поэту ороковъ и страстей, и нельзя было разчитывать на умѣренный тонъ, гривость и прелесть образовъ Горація, но все-таки трудно было редположить, чтобы въ произведеніи, состоящемъ почти изъ двухотъ стиховъ, нигдѣ не встрѣтишь того юмора и шутливости, котоая хотя изрѣдка оживляетъ сатиры нашего поэта. Во второй сатирѣ)веналъ какъ будто излилъ весь запасъ своего гнѣва и раздраженія, которое затаивалъ въ душѣ своей въ тотъ вѣкъ рабства, „когда озыски, по словамъ Тацита (Vit. Agric., cap. II), отняли возможость говорить и слушать". Сквозь житейскую тину, охватившую изнь, изображаемую сатирикомъ, нигдѣ не просвѣчиваетъ необхоимое условіе художественной поэзіи—идеалъ, и душа читателя погоянно смущается мрачными картинами ужаснѣйшихъ сценъ. Ря)мъ съ лицемѣрами, отъ которыхъ, по словамъ сатирика (ст. 1—2), ıужно уходить на край свѣта", представлена жизнь мужчинъ, от)ыто предающихся самымъ необузданнымъ и неестественнымъ порыıмъ страстей. Изображая эти „vitia ultima" (ст. 34), Ювеналъ даетъ ›лную свободу своему гнѣву; онъ самъ является свидѣтелемъ, обвиıтелемъ и судьею жизни своихъ современниковъ. Негодованіе сатиıка особенно усиливается, когда ему приходится говорить о рим-

[1]) О первой сатирѣ см. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за мартъ 1875 года.

скихъ цезаряхъ, жизнь и поступки которыхъ всегда имѣли большо вліяніе на нравственное развитіе тогдашняго общества. Приведенны Ювеналомъ факты изъ жизни Оттона и Домиціана (ст. 29—3! 99—107) кажутся столь неестественными, дышатъ такою злобно! ироніею, что еслибы ихъ не подтверждали неоспоримыя свидѣтельств Светонія, Тацита и Діона-Кассія, то мы считали бы нужнымъ с большою осмотрительностью отнестись къ сообщеніямъ сатирика.

2. Не смотря на однообразіе колорита, замѣтную во многих мѣстахъ неясность мыслей и изложенія, вторая сатирая имѣетъ вал ное значеніе не только для оцѣнки нравственнаго состоянія о(щества во времена цезарей, но и какъ памятникъ, при чтеніи кот(раго мы знакомимся со многими сторонами общественной и частно жизни Римлянъ. Поэтъ вводитъ насъ и въ жилище философа-л цемѣра и въ тайныя собранія жрецовъ Цибеллы; мы встрѣчаемс съ обманчивою наружностью циниковъ и стоиковъ и присутствуем при пляскѣ Саліевъ; мы знакомимся съ тогдашнею свадьбою, съ одез дою невѣсты, съ обрядами жертвоприношеній Доброй Богинѣ, съ к(стюмомъ женственныхъ жрецовъ и мужчинъ и съ принадлежностям туалета римскаго щеголя. Рядомъ съ этимъ узнаемъ законы о нра! ственности, встрѣчаемъ знаменитыя имена изъ временъ республик и знакомимся съ нѣкоторыми фактами изъ исторіи Рима въ эпох цезарей.

3. Въ изслѣдуемой сатирѣ мы впервые встрѣчаемъ слова, хара! теризующія религіозныя убѣжденія Ювенала. Здѣсь онъ является в(обще не слишкомъ набожнымъ, легко относится къ богамъ и вѣр(ваніямъ, нѣкогда находившимся въ большомъ уваженіи. Изрѣдка толь обнаруживаетъ онъ благочестіе, но оно не должно обманывать нас Онъ, конечно, станетъ доказывать, что римскіе нравы испортилис съ тѣхъ поръ, какъ потрясена была сама религія; онъ будетъ во хвалять наивное смиреніе древнихъ и родныхъ боговъ временъ Л: ціума; онъ даже докажетъ, что старая честность была привязана к древнему культу, и что она исчезла вмѣстѣ съ послѣднимъ. Но э только политическія сожалѣнія, жалобы гражданина, превозносяща! прошлое время, но не религіозная исповѣдь (см. *Martha*, Les mor: listes sous l'empire Romain, 2-e édit. Paris, 1866, p. 312). Очень ч: сто, при удобномъ случаѣ, Ювеналъ высказывается вполнѣ невѣрую щимъ; по устамъ его пробѣгаетъ презрительная улыбка, когда он говоритъ объ отжившемъ культѣ, превратившемся въ предразсудки обезьянство, оставленномъ безъ всякой поддержки въ нравахъ н:

юда. Такъ, напримѣръ, въ XIII сат. (ст. 38—52) онъ представляетъ амъ пародію Олимпа развязнымъ тономъ человѣка, обращающаося къ читателямъ, столь же мало вѣрующимъ, какъ и онъ самъ :м. мою статью „О. Риббекъ, декламаторскія сатиры Ювенала вообще XIV въ особенности", *Журн. Мин. Народн. Просв.* май, 1872 г.,стр. 2—53). Точно также и въ разбираемомъ произведеніи онъ съ невѣіемъ отзывается о загробной жизни и царствѣ Плутона (ст. 149—151), ткрыто заявляя, что въ его время въ подобнаго рода миѳологичесія сказки вѣрятъ только „маленькія дѣти" (ст. 152). Столь же роническимъ тономъ запечатлѣно, въ другомъ мѣстѣ (ст. 128—133), обращеніе къ покровителю Рима, Марсу, котораго Ювеналъ суэво упрекаетъ въ нерадѣніи къ римскимъ дѣламъ и предлагаетъ іу оставить городъ.

4. Какъ бы въ противоположность этому отрицанію древне-рим:ихъ вѣрованій, нашъ писатель съ сочувствіемъ обращается къ стаіннымъ, почти миѳическимъ временамъ республики. Преслѣдуя поки римской жизни, обвиняя своихъ согражданъ въ чрезмѣрномъ военіи и подражаніи иностраннымъ нравамъ и обычаямъ, Ювеналъ рѣдко находитъ случай обратиться къ прежней умѣренности римаго гражданина, къ доблестямъ и честности древнихъ мужей и геевъ (сравн. статью „О. Риббекъ" etc. стр. 46—47). Упомянувъ во орой сатирѣ о появленіи на площади адвоката Кретика въ проачной одеждѣ гетеры (ст. 66—71), онъ обращается къ „древнимъ ителямъ Лаціума" и призываетъ ихъ въ судьи и свидѣтели позорго поступка римскаго гражданина (ст. 73—74). Въ другомъ мѣстѣ . 153—155), поэтъ вызываетъ тѣни Курія, Сципіоновъ, Фабриція, милла, доблестныхъ героевъ Кремеры и Каннъ, и заставляетъ ихъ ужасомъ взирать на гибель и нравственное растлѣніе потомковъ. ого рода обращенія, свидѣтельствующія о патріотизмѣ автора, асти разнообразятъ характеръ произведенія, перенося читателя въ зно минувшія времена гражданскихъ доблестей и славы, столь личныя отъ эпохи общаго упадка и разложенія современнаго Ювеіу общества.

5. Относительно времени составленія второй сатиры слѣдуетъ іѣтить, что она принадлежитъ къ числу первыхъ произведеній, на:анныхъ Ювеналомъ. Безъ сомнѣнія, ея полное сложеніе послѣдою уже въ царствованіе Домиціана, на эпоху котораго указываютъ только отношенія этого цезаря къ своей племянницѣ Юліи (см. эпч. 1 §) и завоеваніе Агриколою Оркадскихъ острововъ (ст. 159—

161), но вообще, какъ доказалъ Свеннербергъ (De temporibus vita carminumque Juvenalis rite constituendis, Helsingforsiae, 1866, p. 59—62), характеръ и содержаніе всего произведенія. Появленіе же сатиры въ свѣтъ, вмѣстѣ съ другими, послѣдовало приблизительн между 101 и 115 г. См. введ. къ I сатирѣ, § 6.

6. Изъ спеціальныхъ изслѣдованій, относящихся ко II сатирѣ можемъ указать на *Бека*, Obss. phil. in Satt. Juven. Altorf. 173 (въ изд. Ювенала О. Яна, на стр. 13), также на изслѣдованіе *Моро* приведенное въ моемъ введеніи къ I сат. § 7. Нѣсколько интерес ныхъ замѣчаній о второй сатирѣ помѣщено у *Гейнриха*, въ его „Novum specimen commentationis in Juvenal. satiras, Kiliae, 1810", а такж у *Шольте* въ „Observationes criticae in satir. Juvenalis". Trajecti a Rhenum, 1873.

II.

Ultra Sauromatas fugere hinc libet et glacialem
Oceanum, quotiens aliquid de moribus audent
Qui Curios simulant et Bacchanalia vivunt.
Indocti primum; quamquam plena omnia gypso
Chrysippi invenias; nam perfectissimus horum est,
Si quis Aristotelem similem vel Pittacon emit,
Et jubet archetypos pluteum servare Cleanthas.
Frontis nulla fides; quis enim non vicus abundat
Tristibus obscoenis? castigas turpia, quum sis
Inter Socraticos notissima fossa cinaedos.
Hispida membra quidem et durae per brachia setae
Promittunt atrocem animum; sed podice levi
Caeduntur tumidae medico ridente mariscae.
Rarus sermo illis et magna libido tacendi
Atque supercilio brevior coma. Verius ergo
Et magis ingenue Peribomius; hunc ego fatis
Imputo, qui vultu morbum incessuque fatetur.
Horum simplicitas miserabilis, his furor ipse
Dat veniam; sed pejores, qui talia verbis
Herculis invadunt et de virtute locuti
Clunem agitant. „Ego te ceventem, Sexte, verebor?

Pot. variet. lect. 1, hic; glaciale. 5, invenies. 6, picta conemit. 7, cloanthas 8, fronti. 12, podicae. 16, Peribomus, Peribonius. 17, vultum. 23, Ethiopem. 2

Infamis Varillus ait „quo deterior te?"
Loripedem rectus derideat, Aethiopem albus:
Quis tulerit Gracchos de seditione querentes?
Quis coelum terris non misceat et mare coelo,
Si fur displiceat Verri, homicida Miloni,
Clodius accuset moechos, Catilina Cethegum,
In tabulam Sullae si dicant discipuli tres?
Qualis erat nuper tragico pollutus adulter
Concubitu, qui tunc leges revocabat amaras
Omnibus atque ipsis Veneri Martique timendas,
Quum tot abortivis fecundam Julia vulvam
Solveret et patruo similes effunderet offas.
Nonne igitur jure ac merito vitia ultima fictos
Contemnunt Scauros et castigata remordent?
    Non tulit ex illis torvum Laronia quendam
Clamantem toties: „ubi nunc lex Julia? dormis"?
Atque ita subridens: „Felicia tempora, quae te
Moribus opponunt! habeat jam Roma pudorem;
Tertius e coelo cecidit Cato! sed tamen unde
Haec emis, hirsuto spirant opobalsama collo
Quae tibi? ne pudeat dominum monstrare tabernae.
Quodsi vexantur leges, at jure citari
Ante omnes debet Scantinia; respice primum
Et scrutare viros: faciunt hi plura, sed illos
Defendit numerus junctaeque umbone phalanges.
Magna inter molles concordia; non erit ullum
Exemplum in nostro tam detestabile sexu.
Taedia non lambit Cluviam nec Flora Catullam:
Hispo subit juvenes et morbo pallet utroque.
Numquid nos agimus causas, civilia jura
Novimus, aut ullo strepitu fora vestra movemus?
Luctantur paucae, comedunt colyphia paucae:
Vos lanam trahitis calathisque peracta refertis
Vellera, vos tenui praegnatem stamine fusum
Penelope melius, levius torquetis Arachne,

Graccos. 26, si homicida. 27, Claudius. 29, tragico nuper. 30, revocarat. 31, ipsi. 36, Lauronia. 38, ad quem. 43, ac jure; ac jura. 44, Scatinia; respicere. 49, Media; Mevia. 50, Hippo. 53, coliphia. 54, calatisque. 55, praegnantem. 56, Paenelope. 57,

Horrida quale facit residens in codice pellex.
Notum est, cur solo tabulas impleverit Hister
Liberto, dederit vivus cur multa puellae.
Dives erit, magno quae dormit tertia lecto.
Tu nube atque tace: donant arcana cylindros.
De nobis post haec tristis sententia fertur;
Dat veniam corvis, vexat censura columbas".
    Fugerunt trepidi vera ac manifesta canentem
Stoicidae: quid enim falsi Laronia? sed quid
Non facient alii, quum tu multicia sumas,
Cretice, et hanc vestem populo miraute perores
In Proculas et Pollittas? est moecha Fabulla:
Damnetur, si vis, etiam Carfinia: talem
Non sumet damnata togam. „Sed Julius ardet,
Aestuo". Nudus agas: minus est infamia turpis!
En habitum, quo te leges ac jura ferentem
Vulneribus crudis populus modo victor et illud
Montanum positis audiret vulgus aratris.
Quid non proclames, in corpore judicis ista
Si videas? quaero, an deceant multicia testem?
Acer et indomitus libertatisque magister,
Cretice, pelluces! Dedit hanc contagio labem
Et dabit in plures; sicut grex totus in agris
Unius scabie cadit et porrigine porci,
Uvaque confecta livorem ducit ab uva.
Foedius hoc aliquid quandoque audebis amictu:
Nemo repente fuit turpissimus; accipient te
Paulatim, qui longa domi redimicula sumunt
Frontibus et toto posuere monilia collo,
Atque Bonam tenerae placant abdomine porcae
Et magno cratere Deam; sed more sinistro
Exagitata procul non intrat femina limen;
Solis ara deae maribus patet. Ite profanae!
Clamatur; nullo gemit hic tibicina cornu.
Talia secreta coluerunt orgia taeda

---

cortice; paelex, pelex. 60, Tertia. 68, Pollucas, Polliucas, Pollinas; Lubulla. 69, Carphinia. 71, insania. 80, prorigine, prurigine. 81, conspecta, contacta. 82, audebit. 83, venit. 86, tenere. 92, Ceropiam; Cotyton, Cocyton. 93, tinctum. 97, cerulea, scutula

Cecropiam soliti Baptae lassare Cotytto.
Ille supercilium madida fuligine tactum
Obliqua producit acu pingitque trementes
Attolens oculos: vitreo bibit ille priapo,
Reticulumque comis auratum ingentibus implet,
Caerulea indutus scutulata aut galbina rasa,
Et per Junonem domini jurante ministro.
Ille tenet speculum, pathici gestamen Othonis,
Actoris Aurunci spolium, quo se ille videbat
Armatum, quum jam tolli vexilla juberet.
Res memoranda novis annalibus atque recenti
Historia, speculum civilis sarcina belli!
Nimirum summi ducis est occidere Galbam
Et curare cutem; summi constantia civis,
Bebriaci campo spolium affectare Palati
Et pressum in facie digitis extendere panem:
Quod nec in Assyrio pharetrata Semiramis orbe,
Maesta nec Actiaca fecit Cleopatra carina.
Hic nullus verbis pudor aut reverentia mensae;
Hic turpis Cybeles et fracta voce loquendi
Libertas, et crine senex fanaticus albo
Sacrorum antistes, rarum ac memorabile magni
Gutturis exemplum conducendusque magister.
Quid tamen exspectant, Phrygio quos tempus erat jam
More supervacuam cultris abrumpere carnem?
Quadringenta dedit Gracchus sestertia dotem
Cornicini, sive hic recto cantaverat aere:
Signatae tabulae; dictum feliciter! ingens
Coena sedet; gremio jacuit nova nupta mariti.
O proceres, censore opus est an haruspice nobis?
Scilicet horreres majoraque monstra putares,
Si mulier vitulum, vel si bos ederet agnum?
Segmenta et longos habitus et flammea sumit,
Arcano qui sacra ferens nutantia loro
Sudavit clipeis ancilibus. O pater Urbis,

---

aut; galbana. 100, Arunci. 106. Bebriaci in campo, Bebriacis campis. 107, in faciem. 108, Sameramit. 111, Cybele est et. 116, abscindere. 117, quadraginta; Graccus. 118, cantaverit. 124. flamea. 126, clypeis; et pater. 130, nec tempora cuspide. 131,

Unde nefas tantum Latiis pastoribus? unde
Haec tetigit, Gradive, tuos urtica nepotes?
Traditur ecce viro clarus genere atque opibus vir:
Nec galeam quassas, nec terram cuspide pulsas,
Nec quereris patri? vade ergo et cede severi
Iugeribus campi, quem neglegis.—„Officium cras
Primo sole mihi peragendum in valle Quirini"
Quae causa officii? „quid quaeris? nubit amicus,
Nec multos adhibet".—Liceat modo vivere: fient,
Fient ista palam, cupient et in acta referri.
Interea tormentum ingens nubentibus haeret,
Quod nequeant parere et partu retinere maritos;
Sed melius, quod nil animis in corpora juris
Natura indulget: steriles morientur, et illis
Turgida non prodest condita pyxide Lyde,
Nec prodest agili palmas praebere luperco.
(Vicit et hoc monstrum tunicati fuscina Gracchi,
Lustravitque fuga mediam gladiator arenam,
Et Capitolinis generosior et Marcellis
Et Catuli Paulique minoribus et Fabiis et
Omnibus ad podium spectantibus, his licet ipsum
Admoveas, cujus tunc munere retia misit).
　　Esse aliquos manes et subterranea regna
Et contum et Stygio ranas in gurgite nigras,
Atque una transire vadum tot milia cumba,
Nec pueri credunt, nisi qui nondum aere lavantur.
Sed tu vera puta: Curius quid sentit et ambo
Scipiadae, quid Fabricius manesque Camilli,
Quid Cremerae legio et Cannis consumpta juventus,
Tot bellorum animae, quoties hinc talis ad illos
Umbra venit? cuperent lustrari, si qua darentur
Sulfura cum taedis, et si foret humida laurus
Illic. Heu, miseri traducimur! Arma quidem ultra
Litora Jubernae promovimus et modo captas

---

quaereris. 133, in valle colle Quirini. 138, nequeunt. 139, di melius. 140, moriuntur. 141, in pyxide condita lide; eondita in pyxide lide. 146, Catulis Paulisque. 147, at. 148, munera retia pulsant. 149, aliquid. 150, Cocytum et pontum. 151, cimba. 158, sulpura; umida. 159, illuc heu miseri traducimur; quid. 160, Juvernae. 161, et 164,

Orcadas ac minima contentos nocte Britannos;
Sed quae nunc populi fiunt victoris in urbe,
Non faciunt illi, quos vicimus. Et tamen unus
Armenius Lalaces cunctis narratur ephebis
Mollior ardenti sese indulsisse tribuno.
Aspice, quid faciant commercia! venerat obses;
Hic fiunt homines. Nam si mora longior urbem
Indulsit, pueris non umquam deerit amator;
Mittentur braccae, cultelli, frena, flagellum:
Sic praetextatos referunt Artaxata mores.

Примѣчанія ко II сатирѣ.

Ст. 1—3. Начинаетъ Ювеналъ выраженіемъ негодованія противъ лицемѣрныхъ философовъ, „которые, притворяясь строго-нравственными, на самомъ дѣлѣ ведутъ распутную и невоздержную жизнь" (ст. 3). *Sauromatae* или *Sarmatae*—дикій славянскій народъ, обитавшій возлѣ сѣверо-западнаго берега Азовскаго моря. См. Essai de concordance entre les opinions contradictoires relatives à la Scythie d'Hérodote et aux contrées limitrophes, par Brunn. S.-Pétersb. 1873, p. 98—100. Въ XV сат. ст. 125 они называются truces. За ихъ предѣлами, по понятію Ювенала, долженъ находиться Ледовитый океанъ, *Oceanus glacialis*, иначе называемый septentrionalis или mare pigrum. По мнѣнію Гейнриха и Вейднера, при *aliquid audent* не слѣдуетъ подразумѣвать неопредѣленнаго наклоненія, такъ какъ глаголъ *audeo* часто сочетается съ однимъ винительнымъ средняго рода мѣстоименій. Но въ такомъ случаѣ не будетъ ясно, откуда зависитъ *de moribus*, такъ какъ этихъ словъ нельзя соединять ни съ *audent*, ни съ *aliquid*. Слѣдовательно, при *audent*, какъ уже замѣтилъ Британникъ, необходимо подразумѣвать неопредѣленныя disputare или praecipere. *Curios*, то есть, людей подобныхъ *Манлію Курію Дентату*, извѣстному побѣдителю Сабинянъ, Самнитовъ и Пирра. Простота и строгость его нравовъ вошла у Римлянъ въ пословицу. О „frugalitas" Курія говоритъ подробнѣе Ювеналъ въ XI сат. ст. 78 и слѣд. *Simulant*, sc. imitantur. Ritter, ad Horat. Satir. p. 232. *Bacchanalia* были *празднества въ честь Вакха*, во время которыхъ уча-

Lelaces, Lelates, Lalates; ephoebis. 166, commertia; hospes. 167, sic. 168, nonnunquam.

ствовавшіе мужчины и женщины предавались столь возмутительному разврату, что сенатъ счелъ нужнымъ запретить въ 186 г. до Р. Х. совершеніе этихъ празднествъ особымъ опредѣленіемъ или senatus consultum. Оно было вырѣзано на мѣдной доскѣ и теперь составляетъ драгоцѣннѣйшій памятникъ древности, сохранившійся въ цѣлости до настоящаго времени. Онъ находится въ Вѣнѣ. Дракенборгъ напечаталъ его въ своемъ изданіи Ливія, VII, стр. 197—218. Главное мѣсто о вакханаліяхъ въ XXXIX кн. Ливія, гл. 8—18. Сравн. также Forbiger, Hellas und Rom, Leipzig, 1872, I Abth. 2 Bd. p. 150—151. Относительно выраженія *Bacchanalia vivere* слѣдуетъ замѣтить, что оно составлено по образцу vitam vivere, ζῆν βίον, и имѣетъ смыслъ: vivere more Bacchanalium, vivere vitam tanquam in Bacchanalibus. Подобное сочетаніе глагола *vivere* встрѣчаемъ еще въ XII сат. ст. 128: „vivat—vel Nestora totum". Сравн. мою статью О. Риббекъ, etc., стр. 67.

Ст. 4 — 15. Въ этихъ стихахъ поэтъ изображаетъ лицемѣровъ, которые, окруживъ себя бюстами и статуями философовъ и учителей древности, притворно стараются выказаться учеными. По справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ новѣйшихъ комментаторовъ, Ювеналъ имѣетъ здѣсь въ виду осмѣять не только лицемѣрныхъ циниковъ и стоиковъ, но вообще знатныхъ лицъ (сравн. ст. 21), которые, подъ маскою учености, притворно кажутся скромными и добродѣтельными, на самомъ же дѣлѣ ведутъ распутную и невоздержную жизнь. *Plena omnia*, то есть, не только въ библіотекахъ, обыкновенно украшаемыхъ бюстами ученыхъ мужей, но и въ другихъ частяхъ дома, въ виллахъ, садахъ и т. д. По справедливому замѣчанію Гекермана, Ювеналъ, словомъ *gypso* (=ex gypso, imagine gypsea) указываетъ на дешевую обстановку притворныхъ философовъ, которые украшали свои жилища преимущественно *гипсовыми* изображеніями, стоющими несравненно дешевле мраморныхъ статуй. *Хризиппъ*, родомъ изъ Соли, въ Киликіи, ученикъ Зенона, знаменитый философъ секты стоиковъ. Ritter, ad Horat. Satir., p. 46. Въ слѣдующихъ затѣмъ стихахъ (5—7), Ювеналъ говоритъ, что „совершеннѣйшимъ", *perfectissimus*, лицемѣромъ считается тотъ, кто обставилъ себя не дешевыми гипсовыми бюстами Хризиппа, но драгоцѣнными изображеніями и „*оригинальными статуями*", *archetypos*, извѣстнѣйшихъ мудрецовъ древности, какъ-то: *Аристотеля*, знаменитаго основателя школы перипатетиковъ, учителя Александра Македонскаго; *Питтака*, одного изъ семи мудрецовъ, и *Клеанѳа*, извѣстнаго представителя стоиче-

ской философіи, преемника Зенона и учителя упомянутаго выше (ст. 5) Хризиппа. Точное значеніе слова *pluteus* или *pluteum* опредѣлить очень трудно. Видно только, что здѣсь оно означаетъ родъ „придѣлки, пблки“, которая, какъ свидѣтельствуетъ цитата изъ Дигесты (XXIX, 1. 17), приведенная Гейнрихомъ, находилась „circa parietes“. На ней можно было ставить бюсты и небольшія статуи. Объяснять *pluteum* чрезъ „armarium“ (шкапъ), какъ дѣлаютъ схоліастъ и Руперти, врядъ ли возможно. Другое значеніе, чѣмъ въ нашемъ мѣстѣ, имѣетъ *pluteum* въ I сатирѣ Персія, ст. 106. См. сюда относящееся объясненіе Н. М. Благовѣщенскаго. О *pluteum* въ военномъ дѣлѣ сравн. Forbiger, o. c. I Abth. 3 Bd. p. 289. Слово *frons*, въ 8 ст., употреблено не въ собственномъ значеніи, но вмѣсто facies, externa species, какъ, напримѣръ, у Федра (IV, 1): „decipit frons prima multos“. *Tristibus*, въ смыслѣ „строгихъ, суровыхъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ испорченныхъ до мозга костей, развратныхъ, *obscoenis*. Гейнрихъ такъ переводитъ это мѣсто: „unnatürliche Laster finsterer (σκύθρωποι) Capuzinergesichter“. Затѣмъ мы встрѣчаемъ переходъ ко второму лицу, *castigas*, который нерѣдко употребляется Ювеналомъ для бóльшаго воодушевленія рѣчи и возбужденія вниманія читателя. См. Sat., VIII, 200. То же значеніе имѣютъ ниже (ст. 44, 61, 166) повелительныя: *aspice*, *nube*, *tace*, *respice*. См. мою статью О. Риббекъ etc., стр. 41. Въ выраженіи *Socraticos cinaedos* Ювеналъ соединяетъ два противоположныя понятія, какъ выше, ст. 9, въ словахъ tristibus obscoenis. Онъ разумѣетъ лицемѣрныхъ философовъ, разсуждающихъ о нравственности „more Socratis“ (Socratici), но ведущихъ самую распутную жизнь (cinaedi). Сравн. прим. къ 3 ст. *Fossa* означаетъ то же, что cunnus или vesica, здѣсь вмѣсто cinaedus, κίναιδος. См. статью О. Риббекъ, стр. 21. Въ 11 и 12 ст. Ювеналъ указываетъ на обычай, въ силу котораго лицемѣрные философы, подражая римскимъ нѣженкамъ и развратникамъ, заботились о ростѣ волосъ на головѣ, плечахъ, груди, голеняхъ (Mart., Ep. VI, 56. 1), уничтожая ихъ въ то же время въ разныхъ сокровенныхъ частяхъ своего тѣла. Сравн. прим. Н. М. Благовѣщенскаго къ IV сатирѣ Персія, стр. 223. *Hispida membra*, „мохнатые члены“, и *durae per brachia setae*, „покрытыя жесткимъ волосомъ плечи“, служили признакомъ крѣпости и мужества. Сравн. „nares pilosae“ въ XIV сат. ст. 194 и „pectora setis horrida“ Марціала, II, 36. 5. *Promittunt*, какъ spondent, Sat. VII, 134. *Atrox* въ смыслѣ „непреклонный, не поддающійся порокамъ“, напримѣръ, Катонъ, душѣ котораго Горацій (Од., I. 2. 24) придаетъ тотъ

же эпитетъ. Замѣтимъ далѣе, что *levis* вполнѣ правильно объясняетъ Британникъ чрезъ „depilatus", лишенный волосъ, общипанный, въ противоположность предыдущимъ выраженіямъ „hospida membra и durae per brachia setae". Древніе уничтожали волосы чаще всего клещами, forcipe adunca (Pers., IV, 40) или смолою, resina (Plin., Hist. Nat. XXIX. 1, 8). Здѣсь же можно вспомнить и ироническое выраженіе Ювенала „resinata juventus", Sat., VIII, 114. Подъ *marisca* (σῦκα) разумѣется венерическій вередъ, который у Марціала (Ep. I, 66) иронически называется ficus. Его разрѣзываетъ медикъ-хирургъ, *caeduntur medico*, который улыбается, *ridente*, при производствѣ операціи, зная причину болѣзни. Желая выказаться аскетиками, лицемѣрные философы „говорятъ рѣдко", *rarus sermo illis*, „и выказываютъ сильную страсть къ молчаливости", *magna libido tacendi*. Далѣе Ювеналъ говоритъ о волосахъ, которые „короче бровей", *supercilio brevior coma*, такъ какъ короткіе волосы служили у древнихъ признакомъ аскетизма и суровой жизни (cf. Pers. III, 54), что сохранилось до сихъ поръ у чернаго католическаго духовенства, которое носитъ волосы подъ гребенку и выбриваетъ на головѣ плѣшину. Лучшимъ комментаріемъ къ этому стиху Ювенала можетъ служить слѣдующее мѣсто Цицерона (Rosc. Com. 20), приведенное новѣйшимъ издателемъ Ювенала, Вейднеромъ: „nonne ipsum caput et supercilia illa penitus abrasa olere malitiam et clamitare calliditatem videntur"?

Ст. 16—21. Представивъ въ предыдущемъ характеристику лицемѣровъ, Ювеналъ приводитъ примѣръ явнаго развратника, который, заявляя открыто о своихъ страстяхъ, заслуживаетъ, въ глазахъ поэта, не только снисхожденія, но даже сожалѣнія. *Verius ergo et magis ingenue Peribomius*, sc. apertius et rectius agit Peribomius, qui morbum ex intemperantia contractum ipse confitetur ultro. Относительно имени *Peribomius* существуютъ два мнѣнія. Одни, напримѣръ, Гекерманъ, Веберъ, считаютъ его вымышленнымъ, какъ ниже ст. 22 Varillus. Другіе, напримѣръ, Бергъ, Вейднеръ, основываясь на производствѣ слова изъ греческаго περιβώμιος (=qui circa aram versatur) и на замѣчаніи схоліаста, полагаютъ, что Ювеналъ, подъ этимъ словомъ, разумѣетъ главнаго жреца (ἀρχιερεύς) Цибеллы или такъ называемаго Archigallus. Сами же жрецы, составлявшіе collegium, именовались Galli, отъ фригійской рѣки Gallus, откуда культъ Цибеллы перешелъ въ Италію (Berg, ad Juv. p. 107. Forbiger, o. c. I, 2. p. 146). Въ Римѣ они были извѣстны своею безнравственностью и развратомъ, которому открыто предавались во время совершенія празд-

ествъ въ честь Цибеллы. Подробнѣе объ этомъ у Форбигера, o. c. l. l. p. 145 sq. Желая далѣе оправдать поведеніе Перибомія, Ювеналъ прибавляетъ: „эту болѣзнь, которая проявляется, *fatetur*, въ его лицѣ и походкѣ, *vultu incessuque*, я приписываю, *imputo*, его судьбѣ". Подъ *morbus* разумѣется операція, которой подвергался верховный жрецъ Цибеллы вмѣстѣ съ своими товарищами. См. Sat. VI, 513—514: semivir... mollia qui rapta secuit genitalia testa". Cf. Forbiger, l. c. p. 147. 179. Ювеналъ говоритъ *fatis*, i. e. diis *imputo*, такъ какъ въ глазахъ толпы жрецъ считался отвергнутымъ богами, θεοβλαβής, не имѣющимъ собственной воли, а потому въ проявленіяхъ необузданной страсти заслуживающимъ снисхожденія. *Horum*, то есть, Перибомія и подобныхъ ему, которыхъ откровенность, *simplicitas*, достойна состраданія, *miserabilis*. *Furor* это—состояніе θεοβλαβής, θεοβλάβεια, во власти которой находятся отвергнутые богами, какъ будто одержимые злымъ духомъ. Выраженіе *verbis Herculis*, мы, слѣдуя Гейнриху, принимаемъ въ собственномъ значеніи, такъ какъ Геркулесъ считался у стоиковъ образцомъ и идеаломъ нравственныхъ качествъ. Иначе объясняетъ это мѣсто Вейднеръ. *Clunem agitare* имѣетъ одинаковое значеніе съ слѣдующимъ непосредственно *cevere*. Сравн. также Sat., IX, 40. Mart., III, 95. 13.

Ст. 21—28. „Я тебя стану опасаться, развратный Секстъ", говоритъ безнравственный Вариллъ; „чѣмъ я хуже тебя? Пускай прямоходящій смѣется надъ кривоногимъ, бѣлый — надъ Эѳіопійцемъ. Но кто могъ бы вынести Гракховъ, жалующихся на возмущеніе? Кто не сталъ бы смѣшивать неба съ землей и моря съ небомъ, если бы воръ сталъ возбуждать неудовольствіе въ Верресѣ, убійца въ Милонѣ, если бы Клодій сталъ преслѣдовать судомъ прелюбодѣевъ, а Катилина — Цетега, если бы противъ проскрипцій Суллы стали говорить три его подражателя?" Смыслъ переведеннаго отрывка тотъ, что никто не станетъ переносить лицемѣровъ, которыхъ поступки не согласны съ словами. О значеніи слова *ceventem* мы говорили въ концѣ предыдущаго отрывка. Врядъ ли можно согласиться съ мнѣніемъ схоліаста, что подъ *Секстомъ* надо разумѣть опредѣленное лицо, именно какого-то сенатора; скорѣе, какъ полагаютъ почти всѣ новѣйшіе комментаторы, это имя вымышлено, какъ и слѣдующее затѣмъ *Вариллъ*. Слово *loripes* (ἱμαντόπους), встрѣчающееся еще въ X сатирѣ (ст. 308), употребляется для обозначенія того „qui pedes habet et crura distorta in modum lori", Forcellini, s. v. *Aethiops*, отъ αἴθω, жгу и ὤψ, лицо, противополагается albus. Въ слѣдующихъ затѣмъ стихахъ (24 — 28)

встрѣчается нѣсколько именъ изъ временъ римской республики, къ исторіи которой Ювеналъ нерѣдко любитъ обращаться въ своихъ произведеніяхъ (см. статью о Риббекѣ etc., гл. VII). Такъ какъ приведенныя сатирикомъ лица весьма извѣстны, чтобы о нихъ говорить подробно, то мы ограничимся только нѣкоторыми замѣчаніями. Кай Гракхъ, кромѣ своихъ замѣчательныхъ экономическихъ и политическихъ реформъ, которыми онъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Тиберіемъ, стремился удержать римскую республику отъ паденія, извѣстенъ также какъ самый видный ораторъ до-цицероновской эпохи. Самъ Цицеронъ говоритъ (Brut. 33), что „отъ его преждевременной смерти понесли потерю и римское государство, и латинская литература". Его ораторская дѣятельность подробно изложена въ извѣстномъ сборникѣ Мейера „Oratorum Romanorum fragmenta", стр. 224 и слѣд.; политическая—во II томѣ исторіи Моммзена. Изъ объясняемаго стиха можно заключить, что Ювеналъ считалъ Гракховъ самыми ярыми революціонерами. Ст. 25-я заключаетъ въ себѣ образное выраженіе, заимствованное отъ бури и употребляемое для выраженія сильнаго негодованія, въ смыслѣ: „quis non vehementer stomachetur et exclamet". Forcellini, s. v. miscere. Сравн. Sat. VI, 283: „clames licet et mare coelo confundas". Здѣсь же можно указать и на слѣдующее мѣсто Ливія (IV, 3, § 6): „quid tandem est cur coelum ac terras misceant, cur in me inpetus modo paene in senatu sit factus". *Верресъ* представленъ, какъ „воръ", *fur*, par excellence, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности во время своего управленія Галліею, Киликіею и Сициліею. Такъ его нерѣдко называетъ и Цицеронъ въ своихъ Verrinae (напр. въ III, § 161), которыя служатъ лучшею характеристикою этого человѣка. См. также введенія въ изданіяхъ Цицерона Гальма и Рихтера. *Милонъ* пріобрѣлъ себѣ извѣстность не только своимъ соперничествомъ съ Клодіемъ, но и какъ главный виновникъ возвращенія Цицерона изъ изгнанія. Отзывы послѣдняго о Милонѣ, какъ о человѣкѣ „insigni magnitudine animi praeditum" (pro Sest. § 85), слишкомъ пристрастны, чтобы опровергнуть мнѣніе, существовавшее уже въ древности, что другъ и кліентъ великаго оратора—человѣкъ безнравственный, который не пугается никакого средства и, наконецъ, приказываетъ хладнокровно заколоть своего ранедаго противника. Того же мнѣнія о Милонѣ былъ и нашъ сатирикъ, который не стѣснился представить его какъ „убійцу", *homicida*, κατ᾽ἐξοχήν. О Милонѣ и его отношеніяхъ къ Клодію подробно говоритъ Фелькель въ своемъ введеніи къ рѣчи Цицерона pro Milone (изд.

въ Москвѣ, 1869). Слова 27 стиха *Clodius accuset moechos* объясняются тѣмъ, что Клодій велъ не только самую безнравственную жизнь (Фелькель, о. с., § 24 введ.), но и учинилъ поруганіе религіи, пробравшись ночью, въ одеждѣ цитаристки, psaltria (Sat. VI, 337. Cic. pro Sest. § 116), на совершаемое женщинами празднество Bonae Deae, во время котораго не долженъ былъ присутствовать ни одинъ мужщина. Сравн. Фелькель, о. с. § 3. Drumann, Gesch. Roms, II, 204. *Кай Цетегъ* былъ столь же знатнаго происхожденія (изъ gens Cornelia), какъ и самъ *Катилина* (изъ gens Sergia), которому онъ служилъ самымъ дѣятельнымъ помощникомъ. См. Catilina, von Hagen, Königsberg, 1854. Halm, proefat. ad Cic. Catil. p. 20. Оба имена встрѣчаются вмѣстѣ еще въ VIII сат., ст. 231 и въ X, ст. 287. Подъ упомянутыми въ 28 ст. *тремя подражателями Суллы* разумѣются тріумвиры Октавіанъ, Лепидъ и Антоній, которые столь усердно придерживались образа дѣйствій своего учителя, что возобновленныя ими опалы, proscriptiones, получили названіе „Sullanae". Сравн. выраженіе Флора, IV, 6: „Redit Sullana proscriptio". При *tabulam* надо подразумѣвать proscriptionis. *In*, въ смыслѣ „противъ".

Ст. 29—35. Отъ минувшихъ временъ сатирикъ обращается къ позднѣйшимъ. Онъ говоритъ объ отношеніяхъ Домиціана къ его племянницѣ Юліи, которую римскій цезарь еще при жизни ея отца (Тита) и мужа (Флавія Сабина) обольстилъ и впослѣдствіи, когда она сдѣлалась вдовою, по словамъ Светонія (Dom. 22), „ardentissime palamque dilexit"; наконецъ, въ предупрежденіе, чтобы она не сдѣлалась матерью, заставилъ ее принять *abortivum* (ст. 32), отъ котораго умерла несчастная. Suet., l. c. Plin., Ep. IV, 11 § 6. Imhof, o. c. p. 128—129. *Qualis*, таковымъ былъ, то-есть, подобный примѣръ противорѣчія въ своихъ поступкахъ представлялъ Домиціанъ, котораго Ювеналъ съ пренебреженіемъ обзываетъ словомъ *adulter*. Сожитіе, *concubitus*, его съ племянницею онъ называетъ „трагическимъ, имѣвшимъ печальный исходъ", *tragicus*, потому что Юлія, по словамъ Плинія (l. c.) „abortu periit". Сравнивать поступокъ Домиціана съ поступкомъ Эдипа, какъ дѣлаютъ Гейнрихъ и нѣкоторые другіе комментаторы, нельзя, такъ какъ сожительство Іокасты съ Эдипомъ было „contra jus gentium", у Римлянъ же, со временъ императора Клавдія до эпохи Нервы, даже гражданское право не препятствовало дядямъ вступать въ бракъ съ племянницами. Сравн. Mohr, Spicil. etc. p. 37. Поэтому, если бы Домиціанъ женился на Юліи до выхода ея замужъ, какъ ему, по свидѣтельству Светонія, было предложено (Suet. Dom.

22), то онъ былъ бы свободенъ отъ всякаго упрека. Проступокъ Домиціана заключался въ томъ, что, обольстивъ замужнюю женщину, онъ совершилъ съ нею, при жизни своей законной супруги Домиціи, sacra nuptialia, и, наконецъ, былъ причиною ея смерти. Не смотря на свою распутную жизнь, эпизодъ которой представилъ нашъ авторъ, Домиціанъ, однако, какъ censor perpetuus (διὰ βίου, Dio-Cass. LXVII, 4), не совѣстился „возобновлять", *revocare*, законы, касавшіеся общественной нравственности. Одинъ изъ этихъ *leges*, именно „lex Julia de adulteriis et stupris" наказывалъ ссылкою уличенныхъ въ нарушеніи супружеской вѣрности и существовалъ уже при Августѣ (Бергъ, Зибольдъ). Другой, „lex Scantinia" (cf. vr. 44), имѣлъ цѣлью обуздать безнравственность мущинъ и существовалъ тоже задолго до Домиціана (Веберъ). Предполагать, слѣдуя Зибольду и Бергу, что вмѣсто lex Scantinia Домиціанъ возобновилъ старинный lex Papia Poppaea „de maritandis ordinibus"—нельзя, уже по одному смыслу 31 ст., въ которомъ явно поэтъ имѣлъ въ виду законы „de adulteriis", равно какъ и вслѣдствіе того, что на возобновленіе Домиціаномъ упомянутаго lex Papia Poppaea нигдѣ нѣтъ прямаго указанія. Замѣтимъ далѣе, что Гекерманъ неправильно читаетъ *revocarat*, вмѣсто общепринятаго *revocabat*, такъ какъ нарѣчіе *tunc* указываетъ на одновременныя дѣйствія, выраженныя въ 29 и 30 стихахъ, смыслъ которыхъ слѣдующій: eo ipso tempore quo Domitianus leges illas amaras revocabat, i. e. revocare studebat, ipse tragicus adulter erat. „Scholte, Observat. critic." p. 9. Объ извѣстныхъ отношеніяхъ между Марсомъ и Венерою говоритъ и Гомеръ, Odyss., VIII, 266 sq. При *abortivis* надо подразумѣвать medicamentis, какъ въ VI сат. ст. 368. *Tot* сильнѣе, нежели multis, какъ въ 37 ст. toties, вм. saepe. *Offas*, sc. fetus immaturos, informes, s. embryones. Подъ *patruus* разумѣется Домиціанъ, см. объясн. 29 ст. „И такъ, заключаетъ Ювеналъ (34—35), не имѣютъ ли права самые порочные люди, *vitia ultima*, презирать этихъ ложныхъ, *fictos*, Скавровъ, и, въ свою очередь, укорять ихъ въ томъ, въ чемъ сами были порицаемы". Въ выраженіи *vitia ultima* употреблено abstractum pro concreto, вмѣсто homines vitiosissimi. Сравн. мое объясненіе выраженія summus honor въ I сат., *Журн. М. Нар. Просв.* 1875 г., № 3, отд. класс. филол., стр. 37. Подъ *Scauros* разумѣются люди, столь же честные и прямые, какъ знаменитый Маркъ Эмилій Скавръ, консулъ въ 115 г. до Р. Х., котораго Валерій Максимъ (V, 8. 4) называетъ „lumen ac decus patriae", а Цицеронъ (pro Murena § 36) „hominem gravissimum, egregium civem". Мнѣніе о немъ Руперти слишкомъ

односторонно. Поэтому *ficti Scauri*, это лицемѣры, принявшіе на себя личину людей честныхъ и откровенныхъ. Конъектура голландскаго филолога Скриверія: victos condemnant Scauros, менѣе вѣроятна. Scholte, p. 9. При *castigata* нужно подразумѣвать изъ предыдущаго стиха — *vitia ultima*, при *remordent* — censores suos.

Ст. 36—42. Слѣдующіе стихи, до 63, имѣютъ характеръ діалога. Поэтъ выводитъ на сцену весьма бойкую женщину „Ларонію", которая, слушая одного изъ лицемѣровъ, требующаго возстановленія, направленнаго преимущественно противъ безнравственности женщинъ, Юліева закона, доказываетъ, что мущины испорчены болѣе женщинъ. Слово *torvus* употреблено въ смыслѣ „severus, tetricus", суровый, строгій, который постоянно проповѣдуетъ воздержаніе и добродѣтель. Руперти бездоказательно называетъ *Ларонію* „mulier impudica. У Марціала (Ep. II, 30) она является какъ богатая, бездѣтная (orba) матрона, вдова и старуха. Если принять во вниманіе, что между Ювеналомъ и Марціаломъ существуетъ большое согласіе не только въ употребленіи именъ (см. мои объясненія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ началѣ I сат., стр. 15 и слѣд.), но въ мысляхъ и отзывахъ о современномъ имъ вѣкѣ (ср. напримѣръ, показанія Марціала о кліентахъ, въ моихъ примѣчаніяхъ къ I сат., стр. 86 и слѣд.),—то нѣтъ сомнѣнія, что встрѣчающееся у обоихъ авторовъ имя Ларонія указываетъ на одно и то же лицо. Чтеніе Лауронія, по объясненю Гейнриха, менѣе вѣроятно. О *законѣ Юлія* „de adulteriis et stupris" мы говорили въ примѣчаніи къ 30 ст. Здѣсь только замѣтимъ, что, во времена Ювенала, онъ существовалъ въ полной силѣ. Такъ Плиній, въ одномъ изъ своихъ писемъ (VI, 31 § 3) сообщаетъ, что одинъ центуріонъ и жена какого-то трибуна, уличенные въ любовныхъ сношеніяхъ, подверглись наказанію, опредѣленному закономъ Юлія, то-есть, ссылкѣ. Глаголъ *dormio* употребленъ въ смыслѣ „находиться въ забвеніи, не имѣть силы, значенія", какъ часто у поэтовъ (Гекерманъ). *Atque ita subridens*, какъ у Вергилія (X, 742), гдѣ впрочемъ вмѣсто *atque* стоитъ ad quem, принятое нѣкоторыми издателями Ювенала, вопреки чтенію лучшихъ кодексовъ. При *moribus* нужно подразумѣвать pravis. Слова *habeat—Cato* имѣютъ ироническій смыслъ: „Да возродится, говоритъ Ювеналъ устами Ларопіи, скромная, честная жизнь въ Римѣ, такъ какъ съ неба намъ ниспосланъ Катонъ, извѣстный своею строгостію и чистотою нравовъ". Поэтъ εἰρωνικῶς называетъ этого Катона *третьимъ*, между тѣмъ какъ только два Катона, Censorius и Uticensis, были извѣстны своею строгостію и безупречностію жизни. Въ томъ

же тонѣ Горацій въ своей 3 сат. II кн. (ст. 296) называетъ нѣкоего Стертинія „sapientum octavus". *Opobalsamum*, ὀποβάλσαμον, сокъ, изъ произраставшаго въ то время только въ Іудеѣ бальсамоваго дерева (amyris opobalsamum Линнея), цѣнимый Римлянами какъ духи высшаго сорта; „suavitatis eximiae, principatum inter unguenta obtinens", говоритъ Плиній, передавшій намъ подробности объ этомъ растенія и его продуктахъ. См. Hist. Nat. XII, 54. 1, а также примѣчаніе Фосса къ Георгикамъ Вергилія, II, 118. О покрытой волосами шеѣ, *collum hirsutum*, сравн. примѣч. къ ст. 11 и слѣд. Подъ *dominus* разумѣется продавецъ благовоній, хозяинъ parfumerie, *taberna unguentaria*.

Ст. 43—50. Ларонія продолжаетъ защищать своихъ согражданокъ и приводитъ факты, доказывающіе, что мущины испорчены болѣе женщинъ. Слово *vexari* „быть потревоженнымъ" имѣетъ усиленное значеніе слѣдующаго непосредственно затѣмъ глагола *citari*, и употреблено въ противоположность выраженію 37 ст. *dormis*. Сравн. также 126 ст. изъ I сат.: „Noli vexari quiescit". Законъ *Скантинія* „de nefanda Venere", о которомъ было упомянуто въ примѣчаніи къ 30 ст., назначалъ денежный штрафъ за stuprum cum masculo. Такъ, у Квинтиліана (IV, 2, 69): „decem milia, quae poena stupratori constituta est, dabit". О немъ упоминаетъ два раза Цицеронъ, см. Ind. leg. Cic. in. edit. Nobbe № 157. Императоръ Домиціанъ примѣнилъ его къ нѣкоторымъ сенаторамъ и всадникамъ (Suet. Dom., 8). *Scrutari*, собственно „шарить, обыскивать", здѣсь въ смыслѣ „изслѣдовать, узнавать", какъ, напримѣръ, у Плинія, Epist., IV, 30 extr.: scrutari causas, также у Корнелія Непота, Datam. XI, § 2. Первоначальное значеніе *umbo*—выпуклость щита, здѣсь же вмѣсто самаго щита, какъ часто у Вергилія (напримѣръ Aen. IX, 810); поэтому *junctae umbone phalanges* значитъ „щиты сомкнутой фаланги" когда солдатъ столь плотно примыкаетъ къ своему товарищу, что щиты ихъ соприкасаются одинъ съ другимъ. Сравн. выраженіе Силія, IV, 354: „junctis umbonibus" и толкованіе часто встрѣчаемаго выраженія у Цезаря, Bell. Gall., phalange facta. Смыслъ объясненнаго мѣста тотъ, что мущины соединенными силами защищаются отъ преслѣдованія законовъ, подобно тому какъ солдаты сомкнутымъ строемъ отъ нападенія непріятеля. *Magna inter molles concordia* соотвѣтственно извѣстной пословицѣ: simile simili gaudet. Того же мнѣнія былъ и Марціалъ, сочиняя свою эпиграмму „in pessimos conjuges" (VIII, 35):

Quum sitis similes, paresque vita
Uxor pessima, pessimus maritus;
Miror non bene convenire vobis.

Molles обыкновенное выраженіе вм. pathici vel cinaedi. *Lambere*, собственно „лизать“, здѣсь sensu obscoeno, какъ у Авзонія, Epigr. 120. *Taedia* (другое чтеніе Media), *Cluvia*, *Flora*—имена безнравственныхъ женщинъ, не встрѣчающіяся у другихъ авторовъ. *Catulla*, подобно Ларонін, одно лицо съ Катуллою Марціала (сравн. прим. къ 36 ст.), названною имъ „vilissima“, Epigr. VIII, 53. 2. *Hispo*, какъ въ лучшихъ кодексахъ вм. *Hippo*, типъ развратника, который выставленъ Ювеналомъ какъ pathicus и paedicator, отсюда *subit juvenes* и *pallet morbo utroque*. *Pallet* въ томъ же значеніи какъ въ I сат. ст. 43. См. мой переводъ на стр. 20.

Ст. 51—57. „Мы ли ведемъ, *agimus*, процессы, продолжаетъ Ларонія, мы ли знаемъ гражданскіе законы, или тревожимъ, *movemus*, какимъ либо шумомъ ваши площади? Только немногія изъ насъ состязаются, *luctantur*, въ борьбѣ, только немногія кушаютъ, *comedunt*, хлѣбъ атлетовъ, *colyphia*. Вы же прядете шерсть и оконченныя мотушки, *peracta vellera*, складываете въ корзинкахъ, *calathis*. Вы толстѣющее, *praegnatem*, отъ тонкой пряжи, *stamine*, веретено вращаете искуснѣе Пенелопы и проворнѣе, *levius*, Арахны, подобно грубой наложницѣ, *paelex*, прикованной къ своей колодкѣ, *in codice*“. Хотя въ 51 и 52 ст. Ларонія говоритъ, что женщины не затѣваютъ процессовъ, но ея мнѣніе опровергается VI сатирою, по словамъ которой (ст. 242—243) женщины нерѣдко имѣли привычку возбуждать споры и судебныя дѣла. О появленіи женщинъ на аренѣ амфитеатра (ст. 53 luctantur sc. in arena) поэтъ упоминаетъ въ I сат. ст. 22—23. См. мое объясненіе, стр. 16. Хотя извѣстно, что *colyphium* составляло пищу атлетовъ и бойцовъ на аренахъ цирка и амфитеатра, но нельзя съ точностію опредѣлить, изъ чего состояло это кушаніе. Древнія схоліи нашего автора разумѣютъ подъ этимъ словомъ составъ изъ безкваснаго хлѣба и свѣжаго сыра. Схоліастъ О. Яна объясняетъ colyphium чрезъ pulpamentum, подъ которымъ можно разумѣть не только пищу изъ мяса, но также изъ зелени. Но если принять во вниманіе, что для подкрѣпленія силъ атлеты, по свидѣтельству Плинія (Hist. Nat. XXIII, 63. 4), преимущественно питались мясомъ, то можно положительно утверждать, что и ежедневно употребляемое ими colyphium принадлежало также къ мяснымъ кушаніямъ. Самъ Плиній (l. c.) полагаетъ, что „colyphia esse pultes ex

assis et concisis carnibus confectae, suillis maxime et bubulis". Изъ Марціала (Ep. VII, 66. 12) можно заключить, что это были опредѣленныя порціи, пайки, которыхъ можно было съѣсть до двадцати въ день. Наконецъ и самое производство слова, отъ κωλήκια, заднія части скота (pernac), указываетъ, что подъ нимъ нужно разумѣть мясную, сытную пищу. Производство Гейнрихомъ colyphium отъ colis, membrum virile, и переводъ этого слова Дюнцеромъ чрезъ „Schwanzstück des Ochsen" скорѣе остроумно чѣмъ правдоподобно. Сравн. Mohr, p. 39. *Lanam trahere*, вм. ducere, какъ у Овидія, Met., IV. 34. Подъ *calathus*, κάλαθος, разумѣлась корзинка, обыкновенно плетенная изъ гибкихъ прутьевъ, vimina; туда преимущественно клали свернутыя, оконченныя мотушки, клубки пряжи, *peracta vellera*, также цвѣты и т. п. Сравн. Ovid., Fast. IV, 435: haec implet (floribus) lento calathos e vimine textos". *Praegnatem* не въ томъ смыслѣ какъ въ I сат. ст. 122, но по отношенію къ веретену, *fusum*, „cujus media pars involuto circum filo intumescit" (Ювенцій). *Пенелопа*, извѣстная жена Улисса, считалась столь же знаменитою ткачихою (Odyss., § 97) какъ и *Арахна*, которая дерзнула состязаться съ Минервою въ искусствѣ ткать и вышивать узорами одежды, за что была превращена послѣднею въ соименное ей насѣкомое, въ паука, ἀράχνη, aranca. Овидій, посвятившій этому преданію начало VI книги своихъ Метаморфозъ (ст. 5—145), говоритъ, что Арахна levi teretem versabat pollice fusum (ib., v. 22). Ст. 57 довольно точно объясняетъ схоліастъ О. Яна: magno odio habetur apud uxorem ea quae domino miscetur. Ergo hanc insequens gravioribus poenis domina catena vinctam infigit *codici* atque ita jubet facere pensa". Къ этому объясненію слѣдуетъ прибавить, что *codex* или *caudex* былъ родъ бруса, колодки, къ которой приковывали провинившихся рабовъ и рабынь. Сравн. Propert. IV, 7. 44: „codicis immundi vincula sentit anus". *Horrida* комментаторы объясняютъ чрезъ inculta, какъ serva. Въ другомъ значеніи это слово въ I сат. ст. 93. *Paelex*, вслѣдствіе своихъ отношеній къ хозяину дома.

Ст. 58—63. Въ этихъ стихахъ поэтъ, устами Ларонія, говоритъ о скандальной исторіи нѣкоего *Гистера* (быть можетъ Hister Pacuvius, упомянутый въ XII сат. ст. 111), который, находясь въ нескромныхъ отношеніяхъ къ какому-то вольноотпущеннику, *libertus*, дѣлаетъ его своимъ единственнымъ наслѣдникомъ, *solo liberto tabulas implevit*; его же молодую жену, или любовницу, *puella*, сохранившую въ тайнѣ эти отношенія, Гистеръ щедро одаряетъ, *dederit multa*. *Quae tertia*, sc. cum marito et pathico. О переходѣ во второму лицу

въ выраженіи *tu nube atque tace* сравн. прим. къ слову castigas, ст. 9. Подъ *arcana* разумѣются тайныя отношенія между мужчинами, намекъ на которыя заключается также въ словахъ *dormit tertia lecto.* Подъ *cylindri* резумѣются драгоцѣнные камни, обдѣланные въ формѣ цилиндровъ. Преимущественно въ этомъ видѣ продавались бериллы. Сравн. Plin., Hist. Nat. XXXVII, 20. 30: Cylindros ex beryllis facere malunt, quam gemmas, quoniam est summa commendatio in longitudine. Бэттигеръ (Sabina, II, 154) и Маркварть (V, 2. 293) относятъ сюда и жемчугъ, имѣющій цилиндрическую форму. Свою защитительную рѣчь Ларонія оканчиваетъ слѣдующими словами (62—63): „И послѣ всего этого надъ нами ли произносить строгій приговоръ, *tristia sententia*; да, критика, *censura*, щадитъ вороновъ (мужчинъ), а порицаетъ голубей (женщинъ)". Съ послѣднимъ стихомъ этого отрывка, который вошелъ въ пословицу, весьма удачно можно сравнить слѣдующіе стихи Теренція, Phorm. II, 2. 16:

Quia non rete accipitri tenditur neque milvo,
Qui male faciunt nobis: illis, qui nil faciunt, tenditur.

Ст. 64—71. Послѣ Ларонiи начинаетъ говорить самъ Ювеналъ, въ тонѣ своей предшественницы. Поэтому его рѣчь сохраняетъ характеръ діалога. Въ ней онъ касается роскоши и изнѣженности тѣхъ Римлянъ, которые даже при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, не стыдились надѣвать прозрачную одежду. *Canentem*, такъ какъ Ларонія говоритъ съ нѣкоторымъ вдохновеніемъ, подобно Сибиллѣ и Кассандрѣ (Вейднеръ). Подъ *Stoicidae* разумѣются тѣ лицемѣрные философы, о которыхъ Ювеналъ говорилъ выше, см. прим. къ 15 ст. и слѣд. Слово это образовано по аналогіи съ греческими patronymica на δης, подобно Aeacides и др. Въ этомъ же родѣ у Грековъ Στώακες или Στόακες вмѣсто Στωϊκοί. См. Athenae. XIII, 15, p. 563 (T. V. p. 34 ed. Schweigh.). Подобное странное окончаніе словъ встрѣчается и у Плавта, напримѣръ, rapacidae, Aulul. II, 7. 8. Послѣ *quid enim falsi Laronia* пропущено dixerat. Подобный ellipsis часто встрѣчается metri causa и въ другихъ сатирахъ, напримѣръ, VI, 641. VII, 177. 207. Словами 66 ст. *sed quid non facient alii* (сравн. Sat. 119 quid facient comites), Ювеналъ переходитъ къ изображенію лицемѣровъ, которые, проповѣдуя чистоту нравовъ, сами нарушаютъ ее, являясь передъ народомъ въ одеждѣ особаго рода, *multicia.* Она принадлежала къ разряду такъ называемыхъ vestes sericae и bombycinae, которыя, при императорахъ, были въ большомъ употребленіи среди

богатыхъ Римлянъ. Подъ первыми разумѣли шелковыя одежды, которыхъ было два рода: изъ чистаго шелка, holosericae, и полушелковыя, subsericae. Подъ bombycines разумѣются не только шелковыя, но вообще одежды изъ тонкой шерстяной или хлопчатобумажной матеріи. См. Salmas., ad Salin. p. 209. Forbiger, o. c. I, 1. p. 162. Къ какому же изъ упомянутыхъ двухъ родовъ надо отнести *multicia* Ювенала? Если обратить вниманіе на указаніе Тацита (Ann. II, 33), по которому Тиберій запретилъ мужчинамъ носить шелковыя платья, то врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что multicia означало другой родъ одежды, тѣмъ болѣе, что и послѣ Тиберія vestes sericae были въ употребленіи, Dio—Cass. LIX, 26; LXXII, 17. Притомъ, если принять во вниманіе, что въ тѣ времена шелкъ цѣнился на вѣсъ золота (Flav. Vopisc., Aurel. 45), то надо полагать, что multicia были дѣлаемы скорѣе изъ полушелковой, чѣмъ изъ шелковой матеріи. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что по свидѣтельству Лампридія императоръ Геліогобалъ первый сталъ носить платье, сдѣланное исключительно изъ шелка, vestis holoserica (Heliog. 26). Наконецъ, изъ выраженія 78 ст. *perluces* можно заключить, что multicia, по своей тонкости и прозрачности, не уступали кисейнымъ и газовымъ платьямъ. Относительно производства самого слова существуютъ два мнѣнія. Одни, какъ напримѣръ, де-Витъ (Lexic. Forcell. s. v.) производятъ его отъ multus и licium (нитка), per syncopen a multiliciis (греч. πολύμιτος). Но это объясненіе отчасти противорѣчитъ понятію о multicia, какъ одеждѣ прозрачной (infra vr. 78), такъ какъ плотно сотканная матерія, хотя бы изъ тонкихъ нитокъ, не можетъ достаточно пропускать свѣтъ. Столь же мало вѣроятно и производство Сальмазія, принятое Гейнрихомъ, что multicia составилось изъ multum и icio. Cp. Mohr, o. c. p. 40. Быть можетъ, какъ уже предполагалъ Моръ (l. c.), слово это чужестраннаго происхожденія и усвоено было Римлянами вмѣстѣ съ перенесеніемъ въ Италію изъ Азіи шелковыхъ одеждъ. Слово *Cretice* употреблено или вообще для обозначенія знатнаго, испорченнаго человѣка, какъ напримѣръ, въ VIII сат. ст. 38, или, какъ уже предполагалъ схоліастъ, Ювеналъ здѣсь имѣлъ въ виду Юлія Кретика, извѣстнаго адвоката временъ императоровъ. Неправильность чтенія Critice доказалъ уже Британникъ. *Perores*, не въ томъ смыслѣ, какъ напримѣръ у Цицерона (in Verr., lib. II, 5, § 3), но въ значеніи „являться адвокатомъ или обвинителемъ передъ судомъ". Сравн. слова Светонія о Калигулѣ, гл. 53: „si perorandum in aliquem esset, irato et verba et sententiae suppetebant".

Выраженіе *populo mirante* можетъ быть объяснено двояко: или народъ удивлялся краснорѣчію адвоката, или его газовой одеждѣ, vestis perlucida, которую преимущественно носили тогдашнія куртизанки (Веберъ). Послѣднее объясненіе, какъ соотвѣтствующее болѣе смыслу приведеннаго отрывка, заслуживаетъ предпочтенія. Вейднеръ безъ всякой нужды полагаетъ, что въ словѣ *Proculas* Ювеналъ намекаетъ на жену убогаго поэта Кодра. Мы скорѣе согласны съ мнѣніемъ большинства комментаторовъ, что подъ *Proculas* и *Pollitas* разумѣются *moechae*, подобныя *Фабуллѣ* (Mart., Epigr. XII, 94). Къ нимъ же относятся и *Карфинія*. Куртизанкамъ запрещено было носить костюмъ римскихъ матронъ, состоящій изъ stola и tunica съ обшивкою, instita (Forbiger, I, 1. 109); ихъ одеждою была *toga*, на что намекаетъ нашъ авторъ въ 70 ст., изъ котораго можно заключить, что и женщины, уличенныя въ вѣроломствѣ, лишались права пользоваться одеждою матроны. Смыслъ этого мѣста вѣрно передаетъ Гейнрихъ: „Lass diese oder jene verurtheilt werden; vielleicht trägt sie dann die Toga; aber auch so wird sie noch züchtiger erscheinen als du". Слѣдующія затѣмъ слова *sed Julius ardet, Aestuo*, говоритъ Кретикъ въ въ свое оправданіе. На это возражаетъ сатирикъ: *Nudus agas, minus est infamia turpis*. Мѣсяцъ іюль одинъ изъ самыхъ жаркихъ въ Римѣ, сравн. Mart., Epigr. X, 62. 7: „Tostamque fervens Julius coquit messem". Слово *nudus* употреблено не въ смыслѣ „голый, обнаженный", но, какъ справедливо замѣтилъ Гейнике, въ значеніи „одѣтый въ тунику" (tunicatus), которую безъ тоги носилъ только бѣдный народъ; сравн. Horat. Epist., I, 7. 65: „Vilia vendentem tunicato scruta popello". Для римскаго же гражданина являться въ подобномъ костюмѣ въ общественномъ мѣстѣ считалось унизительнымъ. Такъ Светоній сообщаетъ, что императоръ „negotium aedilibus dedit, ne quem posthac paterentur in foro circove, nisi positis lacernis, togatum consistere" (Aug. cap. 40). Сюда же относятся и слова нашего автора: *minus est infamia turpis*, смыслъ которыхъ тотъ, что хотя безчестно (infamia est) говорить предъ народомъ въ одной туникѣ, но все-таки это менѣе унизительно, чѣмъ надѣть на себя легкую прозрачную одежду. Чтеніе *insania*, сохраненное нѣкоторыми кодексами, менѣе вѣроятно. См. объясненіе Гейнриха.

Ст. 72—81. Въ этомъ отрывкѣ поэтъ сначала (72—76) продолжаетъ изливать свое негодованіе противъ „multicia", затѣмъ (77—81) слѣдуетъ ироническое обращеніе къ Кретику, въ которомъ выражается удивленіе по поводу того, что строгій блюститель древней

умѣренности и чистоты нравовъ, какимъ выказывалъ себя Кретикъ, не постыдился явиться всенародно въ одеждѣ куртизанки. *En*, чаще съ именительнымъ, чѣмъ съ винительнымъ, который, какъ и въ нашемъ мѣстѣ (также Sat. VI, 531), объясняется подразумѣваемымъ глаголомъ. Сравн. примѣч. Сервія къ IV кн. Энеиды, ст. 597. *Habitum*= multicia, vr. 66. 76. Въ словахъ *populus modo victor* заключается удачное изображеніе древнихъ Римлянъ, которые, возвратившись послѣ побѣды домой, немедленно приступаютъ къ исполненію своихъ гражданскихъ обязанностей и спѣшатъ въ народное собраніе (Гейнрихъ). Въ 74 ст. говорится о мирныхъ занятіяхъ поселянина. Слово *illud* указываетъ на древнее время. Вейднеръ ошибочно объясняетъ, что *montanum vulgus* употреблено „überhaupt von dem römischen Volk der Urzeit", такъ какъ предыдущее слово *populus* скорѣе имѣетъ это значеніе. *Montanum vulgus* вмѣсто in septem montibus habitans, durum et agreste, какъ можно заключить изъ словъ Цицерона (Agrar., II, 35), приведенныхъ Гейнрихомъ: „Ligures, montani, duri atque agrestes". Сравн. также выраженіе въ VI сат. ст. 5: „montana uxor". О другихъ значеніяхъ слова *montanus* говоритъ Моммзенъ, Röm. Gesch. I, p. 54. 111. Выраженіе *positis aratris* комментаторы удачно сравниваютъ съ стихомъ Овидія (Fast. I, 207), относящимся къ древнимъ временамъ Рима: „Jura dabat populis posito modo consul aratro". Такъ какъ у Ювенала весьма часто встрѣчаются краткіе, отрывочные вопросы (Sat. I, 1), то нѣтъ сомнѣнія, что и послѣ quid долженъ стоять вопросительный знакъ, тѣмъ болѣе, что глаголъ *proclames* нерѣдко встрѣчается безъ объекта, напримѣръ, у Цицерона, Verr. lib. II, 5, § 108: „Adsunt, defendunt, proclamant: fidem tuam implorant". Слово *judex* употреблено не въ смыслѣ „судья", но обозначаетъ вообще должностное, оффиціальное лицо, въ противоположность частному, напримѣръ, свидѣтелю, *testis*, ст. 76. *Ista* sc. multicia, сравн. 72 ст. „habitus". Смыслъ слова *quaero—testem* тотъ, что прозрачная одежда постыдна не только для должностнаго лица, но даже для частнаго человѣка, *testem*. Въ 78 ст. поэтъ обращается къ *Кретику* (ст. 67) и εἰρωνικῶς называетъ его „суровымъ и непреклоннымъ", *acer et indomitus*, подобно Катону (сравн. ст. 40 „tertius Cato"), а также „главою", *magister*, „нравственной свободы", *libertatis*, проповѣдуемой стоиками и называемой ими ἐξουσία αὐτοπραγίας (Diog. Laert., VII, 121 у Гекермана). *Perluces*, veste parlucida indutus, сравн. прим. къ 66 ст. и Овидія, Met., IV, 313. Цитата изъ Марціала, приведенная Гекерманомъ, сюда не относится. *Dedit hanc*

labem sc. attulit hunc morbum, hoc vitium, вообще испорченность нравовъ. О различіи между *scabies* (парши) и *porrigo* (шёлуди) говоритъ Цельзій (V, 28; VI, 2). *Porci*, такъ какъ упомянутыя болѣзни свойственны преимущественно этимъ животнымъ. Изъ двухъ варіантовъ, относящихся къ 81 ст., мы приняли *confecta*, которое имѣетъ то преимущество предъ *conspecta*, что вполнѣ соотвѣтствуетъ мыслямъ, высказаннымъ въ предшествовавшихъ стихахъ (78—80). Ювеналъ говоритъ, что примѣръ Кретика дѣйствуетъ зловредно на другихъ; онъ заразилъ и заразитъ многихъ, подобно тому, какъ шелудивая свинья заражаетъ цѣлое стадо. Слѣдовательно, если поэтъ сравниваетъ распространяющуюся въ средѣ людей порчу нравовъ съ болѣзнью, свирѣпствующею въ стадѣ животныхъ, то ясно, что и сравненіе съ міромъ растительнымъ должно относиться къ порчѣ, возникшей отъ одного гнилаго, испорченнаго (confectus) плода. Мнѣніе Вейднера, что *uva* заимствуетъ свой цвѣтъ отъ „выдающейся на виноградной лозѣ ягоды", *uva conspecta*, неправильно, уже потому, что виноградныя ягоды постепенно окрашиваются въ одинъ цвѣтъ не вслѣдствіе прикосновенія, сосѣдства между собою, на что указываетъ Ювеналъ въ выраженіи *ab uva*, но подъ вліяніемъ солнца. Кромѣ того, весьма сомнительно, чтобы сатирикъ имѣлъ въ виду указать, въ разбираемомъ стихѣ, на порчу нравовъ, возникающую, какъ объясняетъ упомянутый нѣмецкій комментаторъ, „von den an der Spitze stehenden Männern", такъ какъ Кретикъ не былъ слишкомъ вліятельнымъ и выдающимся лицомъ (см. прим. къ 67 ст.). Поэтому смыслъ стиха будетъ слѣдующій: одна *испорченная* ягода винограда передаетъ свой цвѣтъ остальнымъ, то-есть, портитъ остальныя. Чтеніе *contacta* (cf. vr. contagio), которое весьма остроумно оправдываетъ Гейнрихъ, хотя не многимъ измѣняетъ смыслъ этого мѣста, но не подтверждается лучшими списками.

Ст. 82—90. Сдѣлавъ намекъ на то, что Кретикъ со временемъ „отважится" на поступокъ, который болѣе его обезчеститъ, чѣмъ появленіе въ одеждѣ куртизанки, ст. 82, Ювеналъ, вслѣдъ затѣмъ, дѣлаетъ краткую характеристику празднества въ честь Bonae Deae, ст. 86. Оно совершаемо было ежегодно весталками и знатными женщинами (matronae) въ жилищѣ верховнаго жреца, подобно Θεσμοφόρια въ Аѳинахъ. Во время самаго празднества приносилась, при таинственныхъ обрядахъ, ночная жертва за благо народа, при совершеніи которой не долженъ былъ присутствовать ни одинъ мущина, ни даже сановникъ, въ домѣ котораго происходило жертвоприношеніе. Послѣд-

нее состояло изъ свиньи, *porca*, ст. 86, какъ символа плодородія, и изъ полной чаши, *crater*, ст. 87, какъ символа воздержности, причемъ слово вино запрещено было произносить, самъ же crater называли медовою чашею, mellarium. Празднество оглашалось звуками особаго рода флейты или дудки, называемой tibia Phrygia, или *cornu*, ст. 90. Долгое время культъ Доброй Богини былъ соблюдаемъ во всей чистотѣ и строгости, пока, при всеобщей порчѣ нравовъ, не принялъ характера безнравственныхъ оргій, во всей наготѣ описанныхъ Ювеналомъ въ его знаменитой VI сатирѣ (ст. 314—346). Здѣсь поэтъ говоритъ объ обществѣ, составившемся изъ безнравственныхъ мущинъ, которые, въ костюмѣ и украшеніяхъ женщинъ, устраивали празднества въ честь Доброй Богини. Подробнѣе о культѣ ея см. у Гартунга, Relig. d. Röm. 2 Bd. p. 195, также у Крейцера, Mythol. II. p. 488 и въ примѣч. къ VI сат. ст. 314 и слѣд. Обращаясь затѣмъ къ частностямъ, замѣтимъ, что при *accipient te* нужно подразумѣвать in consortium „тебя примутъ въ свое общество тѣ, которые" и т. д, Подъ *redimicula* разумѣются употребляемыя женщинами головныя ленты, повязки „taenia", съ висячими концами, отсюда *longa*. Сравн. Ovid., Met. X, 264: redimicula pectore pendent. *Monile* тоже женское украшеніе, „ожерелье" изъ жемчуга или драгоцѣнныхъ камней (Forbiger, I, 1. p. 326); употребленіе его мущинами считалось непристойнымъ, сравн. Quint. XI, 1. 2: „*Monilibus* et margaritis, ac veste longa, quae sunt ornamenta feminarum, deformantur viri". Изображенія *monile* см. въ Illustrirtes Wörterbuch d. Römisch. Alterthümer, von A. Rich, aus dem Englisch. von C. Müller, Paris u. Leipzig, 1862, p. 402. *Bonam* нужно соединить съ словомъ слѣдующаго стиха *Deam*. *More sinistro* въ смыслѣ „по превратному, противному прежнему, обычаю", слѣдуя которому участіе въ празднествахъ Доброй Богини принимали только женщины. *Ite profanae*, формула при богослуженіи, которою удалялись всѣ „непосвященные", profani, βέβηλοι; въ нашемъ мѣстѣ женщины. *Gemit*, усиленное выраженіе вм. canit, въ томъ же смыслѣ еще въ VII сат. ст. 71; остальныя цитаты, приводимыя Гекерманомъ, сюда не относятся. *Tibicina*, не въ значеніи обыкновенной флейщицы, но вообще „музыкантши", играющей на особаго рода изогнутой флейтѣ или дудкѣ, *cornu*.

Ст. 91—98. Въ двухъ первыхъ стихахъ этого отрывка Ювеналъ сравниваетъ празднества Bonae Deae съ оргіями, имѣвшими мѣсто въ Аѳинахъ. Затѣмъ (93—98) онъ возвращается къ участникамъ въ празднествахъ Доброй Богини и описываетъ ихъ одежду и грими-

ровку. Sacra Cotyttia, въ честь богини сладострастія, *Cotytto*, перешли въ Грецію изъ Ѳракіи и праздновались исключительно въ Аѳинахъ. Отсюда *Cecropiam Cotytto*. Онѣ отличались столь же непристойнымъ характеромъ какъ, въ позднѣйшее время, и sacra Bonae Deae. Оргіи, *orgia*, имѣли мѣсто ночью, отсюда *secreta taeda*. *Baptae*, Βάπται, то-есть крестители, жрецы богини Котитто, обязанностью которыхъ было совершать обрядъ омовенія надъ новопоступающими членами ихъ общества. Безъ сомнѣнія, названіе это употреблено столь-же иронически, какъ и въ комедіи Эвпола, Βάπται, въ которой, по словамъ схоліаста, были выведены Аѳиняне, танцующіе на подобіе женщинъ. Поэтъ говоритъ *lassare Cotytto*, такъ какъ празднующіе предавались такимъ неистовствамъ, что ими какъ будто были въ состояніи „привести въ изнеможеніе" даже богиню Котитто. Подробнѣе о ней и о Ваптахъ у Бутмана, въ его Mythologus, 2 Bd. Berol. 1859, p. 159 „Ueber die Cotyttia und die Baptae", также у Лобека, De Cotytt. Dissert. Regimont. 1828. Возвращаясь къ членамъ общества Доброй Богини, Ювеналъ сначала выводитъ нѣженку, который искусственнымъ образомъ старается придать своимъ глазамъ круглый женственный видъ. Онъ, чтобы увеличить выпуклость бровей, намазываетъ ихъ, съ помощью „загнутой иголки", *obliqua acu*, „влажною сажею", *madida fuligine*, и въ то же время подымая, *attollens*, вѣко дрожащаго глаза, смачиваетъ его краскою. Другой льетъ изъ стекляннаго Пріапа, *vitreo priapo* (cf. Mart., XIV, 69: priapus siligineus) и волосы свои собираетъ въ сѣтку, переплетенную золотистыми нитями, *auratum*; одежду носитъ или темно-голубую, клѣтчатую, *caerulea indutus scutulata* (sc. veste) или гладкую, блѣдно-зеленаго цвѣта, *galbana rasa*, и имѣетъ раба, который, подобно своему господину, клянется Юноной. Обращаясь къ частностямъ замѣтимъ, что *fuligo* иронически употреблено вм. *stibium*, свинцоваго блеска, которымъ Римляне придавали черный цвѣтъ бровямъ (Böttig., Sabina, I, 26. 55). Подъ *acus obliqua* нельзя разумѣть, какъ полагаютъ нѣкоторые, acus crinalis (см. Forbig., I, 1. p. 325), но особый родъ загнутой, кривой иголки, съ помощью которой подкрашивали брови и глаза (Böttig., l. c. p. 56). Волосы въ сѣткѣ, *reticulum*, часто носили Римлянки (Forb. l. c. p. 280). При *auratum* можно вспомнить слѣдующій стихъ Вергилія: crines nodantur in aurum, Aen. IV, 138 ibiq. Serv. Подъ *ingentes crines* надо разумѣть поддѣльныя косы, которыя, подобно нашимъ шиньонамъ, были употребляемы римскими щеголихами (Bött., p. 267). О *scutulata vestis* упоминаютъ еще Плиній (Hist. Nat., VIII, 48 § 191) и Пру-

донцій (Hamart., 289). Названіе ея одни производятъ отъ *scutulum*, щитикъ, другіе отъ *scutula*, небольшое, почти четыреугольное блюдо. Оба производства указываютъ на то, что узоръ одежды былъ клѣтчатый, ромбическій, такъ какъ и scutula не былъ вполнѣ, какъ ложно переводитъ Гейнрихъ, „runde Schüssel". Сравн. lex. Schell., s. v. Подражаніе женщинамъ, заключаетъ Ювеналъ, ст. 98, идетъ столь далеко, что даже рабы-прислужники, которые имѣли обыкновеніе клясться богомъ или геніемъ своего господина, *domini*, теперь, при клятвахъ, призываютъ, подобно своему владѣтелю, Юнону, *per Junonem*. Послѣдняя, какъ извѣстно, была богинею родовъ, покровительницею свадебъ (отсюда у Вергилія, Aen. IV, 166, она названа „pronuba", сваха) и защитницею римскихъ матронъ и хозяекъ. Поэтому и домашнія рабыни, при клятвахъ, обыкновенно произносили ея имя.

Ст. 99 — 109. Упомянувъ о новомъ образчикѣ женственнаго мущины, который смотрится въ зеркало, Ювеналъ находитъ здѣсь случай злобно намекнуть на императора Оттона, извѣстнаго противоположными свойствами своего характера и поступковъ. *Ille*, въ смыслѣ „третій наконецъ"; сравн. переводъ этого слова въ ст. 93 и 95. Подъ *speculum* разумѣется ручное зеркало, состоящее изъ металлической, полированной доски, часто покрытой золотомъ или серебромъ; форма его была круглая, внизу придѣлывалась ручка. Подобныя зеркала употребляли только женщины. Изображеніе см. въ Illustr. Wörterb. von Rich (перев. Мюллера), стр. 577. Кромѣ ручныхъ, Римлянамъ были извѣстны еще стѣнныя зеркала, для которыхъ употребляли не только металлическія доски, но и стекло. Подробнѣе о зеркалахъ говоритъ Бекманъ въ своей Geschichte d. Erfind., III, p. 467 sq. Срав. также Forbiger, I, 1, p. 227. О женственности и изнѣженности Оттона, на котораго указываетъ Ювеналъ въ выраженіи *pathicus*, говоритъ и Светоній, Oth., 12: „(fuisse) munditiarum vero paene muliebrium". Объясненное выраженіе 99 ст. *speculum, pathici gestamen Othonis*, комментаторы считаютъ составленнымъ въ подражаніе стиху Вергилія, Aen., III, 268: „Clipeus magni gestamen Abantis". Слѣдующія затѣмъ слова *Actoris Aurunci spolium*, иронически указывающія на зеркало, дословно заимствованы изъ полустишія Энеиды (lib. XII, vr. 94), относящагося къ описанію вооруженія Турна, который, готовясь въ бой съ Энеемъ,

.....validam vi corripit hastam,
Actoris Aurunci spolium, quassatque trementem
Vociferans...

Смыслъ словъ Ювенала тотъ, что Оттонъ на столько цѣнилъ зеркало, на сколько Турнъ копье, которое онъ когда-то отнялъ у знаменитаго Аврунка, Актора. Турнъ предъ битвою не могъ обойтись безъ копья, Оттонъ—безъ зеркала. Съ выраженіемъ *tolli vexilla* сравн. Caes. B. Gallic., II, 20: „vexillum proponendum, quod erat insigne, quum ad arma concurri oporteret". Стихи 102 и 103 новѣйшій критикъ О. Риббекъ, на томъ основаніи, что „die Zusammenstellung der „neuen Jahrbücher (novi annales) und der frischen Historie" (recens historia)—ist sehr tautologisch", считаетъ подложными. См. O. Ribbeck, der echte und der unechte Juvenal, Berlin, 1865, p. 118. Но въ такомъ случаѣ, слѣдуя мнѣнію нѣмецкаго критика, необходимо, напр., 26 ст. III сат. и другіе, которые Риббекъ, однако, считаетъ Ювеналовыми (они приведены въ моемъ изслѣдованіи о Риббекѣ и XVI-й сатирѣ, стр. 16), признать подложными (сравн. мое примѣч. къ I сат. стр. 41). Кромѣ того, приведенные стихи не заключаютъ въ себѣ полной тавтологіи, такъ какъ разница между „анналами" и „исторіею" весьма значительна. Вотъ что говоритъ по этому случаю древній комментаторъ нашего автора, Британникъ: „Inter annales et historiam hoc interest, quod annales, quantum colligere potuimus ex verbis Gellii (lib. V, cap. 18), sunt libri continentes res gestas plurium annorum, observato cujusque anni ordine, unde nomen accepere; nudi autem sunt et simplices, velutique commentarii, qui breviter rem complectentes materiam praebeant volentibus scribere historiam; neque enim affectus movent, neque alacriores ad rem publicam defendendam, neque segniores ad rem perpere faciendam annales commovere possunt. Historia vero est rerum gestarum narratio vel demonstratio, dicta ab ἱστορέω, quod est idem quod narro.... Ergo annales id omnino sunt, quod historiae; sed historiae non omnino id, quod annales sunt, tamquam alterum sit speciale nomen, alterum generale". См. J. Britannicus, edit. Juvenalis, Mediolani, 1514, fol. XVII. Объ этихъ стихахъ разсуждаетъ также Дэчъ, Vindiciae Juvenalianae, Monaster. Guestf. 1870, p. 13. Ювеналъ иронически называетъ зеркало багажемъ, *sarcina*, такъ какъ этотъ туалетный приборъ, въ случаѣ надобности, могъ быть уложенъ въ особый ящикъ, cista, Forbig., I, 1. p. 207. Подъ *bellum civile* разумѣется война между Оттономъ и Вителліемъ, о которой подробнѣе другихъ говоритъ Тацитъ, Histor., II, 14 — 62. Сравн. Zeller, les Empéreurs romains, 3 édit. Paris, 1869, p. 152 sq. *Nimirum*, иронически (также VII, 78), какъ ниже, ст. 121 *scilicet* и наше „конечно". Въ томъ же тонѣ и слѣдующія затѣмъ слова *summi — Galbam*, такъ

какъ побѣду надъ дряхлымъ и беззащитнымъ старикомъ нельзя назвать замѣчательнымъ подвигомъ. Объ убіеніи Гальбы, послѣдовавшемъ 15-го января 69 года, подробно сообщаютъ Тацитъ (Hist. I, 41 sq.) и Светоній (Galb., 19 sq.). См. также Peter, Geschichte Roms, III Bd. 2 Abth. Halle, 1869, p. 16. *Curare cutem*, холить, заботиться о своемъ тѣлѣ. Здѣсь же можно вспомнить и слѣдующій стихъ Горація, изъ посланія къ императору Августу (кн. II, 4. 15): „Me pinguem et bene curata cute vises". См. также Epist., I, 2. 20; Sat. II, 5. 38. *Summi civis*-imperatoris. *Bebriacum* небольшое мѣстечко между Вероною и Кремоною, при которомъ Оттонъ былъ разбитъ Вителліемъ. Tac. Hist., II, 23. Peter, o. c. p. 27 sq. *Spolium affectare Palati* въ смыслѣ стремиться, добиваться верховной власти, ad summum imperium adspirare; ибо, хотя Оттонъ и завладѣлъ правленіемъ, но въ то же время германская армія присягнула Вителлію, и на поляхъ Бебріака должно было рѣшить мечомъ, кому изъ соперниковъ сѣсть на Палатинѣ и завладѣть дворцомъ Августа (Руперти). *Spolium Palati* δεινῶς, по отношенію къ верховной власти, которую Гальба, Оттонъ и Вителлій силою вырывали другъ у друга. Лучшимъ комментаріемъ къ 107 ст. служатъ слова Светонія объ Оттонѣ, гл. 12: „quin et faciem quotidie rasitare, ac pane madido linere consuetum". Поэтому *panis pressus* Ювенала тоже, что у Светонія panis madidus, размоченный въ ослиномъ молокѣ, который, какъ полагали Римляне, уничтожалъ морщины и придавалъ свѣжій цвѣтъ лицу. Подробнѣе объ этомъ въ примѣч. къ VI сат. ст. 461 и слѣд.; см. также Forbig., I, 1. p. 319. Смыслъ 108 и 109 ст. тотъ, что даже извѣстныя своими прихотями женщины менѣе заботились въ трудныя и рѣшительныя минуты о своемъ лицѣ и туалетѣ, чѣмъ Оттонъ. *Ассирійская Семирамида*, знаменитая своею изнѣженностью и мужественною рѣшительностью, является у Римлянъ какъ типъ Азіатки, преданной роскоши и нѣгѣ. Такъ, Цицеронъ въ насмѣшку называетъ (de prov. § 9) Габинія Semiramis (Вейднеръ). Въ разбираемомъ мѣстѣ поэтъ выводитъ ее „съ колчаномъ на плечахъ", *pharetrata*, для обозначенія ея воинственныхъ стремленій. Подобный эпитетъ придаетъ Вергилій (Aen. XI, 649) амазонкѣ Камиллѣ. Другая женщина, съ которою сравнивается Оттонъ, это Клеопатра, извѣстная любовница тріумвира Антонія. Хотя эпитетъ *maesta*, печальная, Гейнрихъ признаетъ неумѣстно употребленнымъ по отношенію къ Клеопатрѣ, но, на нашъ взглядъ, онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ смыслу разбираемаго отрывка. Желая еще болѣе въ дурномъ свѣтѣ выставить женственность и изнѣженность Оттона, Ювеналъ сравниваетъ его

образъ дѣйствій съ поступками Семирамиды и Клеопатры. Называя ассирійскую царицу *pharetrata*, вооруженною, готовою къ походу, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что думая о завоеваніяхъ, о покореніи Индіи и Эѳіопіи, она, будучи изнѣженною Азіаткою, пренебрегала, при подобной обстановкѣ, своимъ туалетомъ: *quod nec pharetrata Semiramis fecit*. Точно также и Клеопатра, типъ страстной и прихотливой женщины, огорченная пораженіемъ при Акціумѣ, не заботилась о своемъ костюмѣ: *maesta nec Actiaca fecit Cleopatra carina*. Слѣдовательно, обѣ женщины поступали сообразно съ своимъ положеніемъ, пренебрегая, въ важныя минуты жизни, прихотями туалета. Это имѣлъ въ виду указать Ювеналъ, чтобы тѣмъ болѣе въ дурномъ свѣтѣ выставить Оттона, который, предъ началомъ битвы, смотрѣлся въ зеркало, болѣе заботясь о своемъ тѣлѣ, чѣмъ о предстоящей участи. Поэтому эпитетъ *maesta*, а также *pharetrata*, приведены для указанія однородности положенія Семирамиды и Клеопатры съ положеніемъ преемника Гальбы. Смыслъ этихъ словъ будетъ вполнѣ понятенъ, если ихъ замѣнить цѣлыми предложеніями „quum pharetrata esset, quum maesta esset", подобно тому, какъ въ 101 ст. поэтъ выражается объ Оттонѣ: quum juberet. Слѣдовательно, въ конъектурѣ Гейнриха *moecha*, вм. *maesta*, не подтверждаемой ни однимъ кодексомъ, нѣтъ надобности. Ее, между прочимъ, опровергаетъ и Веберъ въ Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik, von Seebode, 1841, XXXII, 2. p. 123. Несостоятельность мнѣнія Риббека (o. c. p. 119, см. примѣч. къ 102 ст.) о подложности 108 и 109 стиховъ вполнѣ доказалъ Дэчъ, Vindiciae Juvenal. p. 14. Наконецъ замѣтимъ, что весь объясненный отрывокъ, имѣя мало отношенія къ остальнымъ частямъ сатиры, составленъ съ цѣлью не только уязвить изнѣженность и женственность Оттона, но вмѣстѣ съ тѣмъ указать, что безнравственность, которою страдало современное Ювеналу общество, проникала въ него подъ вліяніемъ испорченности римскаго двора и его членовъ. См. Juvenal, ein Sittenrichter seiner Zeit, von P. Doetsch, Leipzig, 1874, cap. II, § 4 „Beispiel des kaiserlichen Hofes", Siebold, Einleitung z. II Sat., p. 23, annot. 3.

Ст. 110 — 116. Этими стихами поэтъ оканчиваетъ начатую имъ съ 84 ст. характеристику жрецовъ Доброй Богини. *Mensa*, столъ, на которомъ находились жертвенныя принадлежности, „abdomen porcae, crater, см. выше, ст. 86, 87. Культъ матери боговъ *Кибелы*, которую отожествляли съ римскою „Opo", былъ перенесенъ изъ Фригіи въ 204 г. до Р. Х. Празднества или ludi Megalenses, совершаемыя

въ честь этой богини, приняли, во времена императоровъ, крайне безобразный и циническій характеръ, отсюда *turpis Cybeles.* Подробнѣе объ этомъ вопросѣ у Форбигера, I, 2. p. 145 sq. Такъ какъ жрецы Кибелы были эвнухи, то поэтому ихъ голосъ былъ *fracta*, i. e. mollis, effeminata. Сравн. примѣч. Бурмана къ Петронію, 128. Къ *libertas* нужно отнести *Cybeles* и *loquendi. Fanaticus*, i. e. insanicus, numine afflatus, слово произведенное отъ „fanum", капище, храмъ, гдѣ восторженные жрецы обыкновенно предсказывали будущее (Ювенцій). *Gutturis* вм. gulae, какъ въ I сат. ст. 140. *Conducendus magister*, котораго слѣдуетъ избрать въ наставники обжорства. Въ этомъ значеніи *conducere* встрѣчается у Плинія, Ep. IV, 13, 7: parentibus solis jus conducendi (praeceptoris) relinquatur. *Exspectant*, въ смыслѣ „dubitant, cunctantur", какъ у Овидія, Ep. Her., III, 83. *Phrygio more* „по обычаю жрецовъ Кибелы", называемыхъ тоже Phryges, сравн. прим. къ III ст. Послѣдователи культа Доброй Богини, заключаетъ Ювеналъ, должны во всемъ подражать *Галламъ*, то-есть жрецамъ Кибелы, и по обычаю ихъ, кастрировать себя. *Caro supervacua*, genitalia, quibus non opus est pathicis, ut per omnia gallis mulicribusque similes sint (Руперти). *Abrumpere*, сильнѣе чѣмъ abscindere, такъ какъ операція производилась обыкновенно не ножемъ, но черепкомъ, см. Sat., VI, 514.

Ст. 117—123. Здѣсь Ювеналъ разсказываетъ о бракѣ нѣкоего „Гракха", *Gracchus*, съ музыкантомъ на рогѣ или трубачомъ, *cornicini sive hic recto cantaverat aere.* Съ предыдущимъ эта исторія не имѣетъ никакой связи. Сатирикъ имѣлъ въ виду изобразить нравственную испорченность своего времени и противоестественность тѣлесныхъ страстей. И здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ (сравн. оконч. примѣчаній къ ст. 99—109), примѣръ подавали римскіе цезари. Извѣстно, что Неронъ всенародно вступилъ въ 67 году въ бракъ съ своимъ любимцемъ Спором, котораго онъ „exsectis testibus etiam in muliebrem naturam transfigurare conatus cum dote et flammeo persolenni nuptiarum celeberrimo officio deductum ad se pro uxore habuit" (Suet, Dom. cap. 28). Это сообщеніе историка двѣнадцати римскихъ цезарей подтверждаютъ Тацитъ (Ann. XV, 37) и Діонъ-Кассій (LXIII, 13 и 22), который, между прочимъ, прибавляетъ, что Неронъ, послѣ свадьбы, далъ Спору имя Сабины. Подобную свадьбу римскій цезарь устроилъ еще разъ съ вольноотпущенникомъ Дарифоромъ (Suet., ib. 29). Нѣкоторые относятъ сюда и слова I сат. ст. 78 „sponsae turpes". *Gracchus*, личность не извѣстная, быть мо-

жетъ, съ намекомъ на Семпронія Гракха, который, за вѣроломство своей женѣ Юліи, дочери Августа, былъ изгнанъ. *Quadringenta*, sc. sestertia, какъ I, 106 и др., см. статью О. Риббекъ, стр. 72. Эту сумму Гракхъ, какъ „невѣста", далъ въ приданое своему мужу, музыканту, *dedit dotem cornicini* etc. *Aes rectum*=tuba. Съ 109 ст. Ювеналъ исчисляетъ брачные обряды, которые имѣли мѣсто и на обыкновенныхъ свадьбахъ. *Tabulae*, обыкновенно называемыя nuptiales, также matrimoniales, dotales, это „условія брака, контрактъ", скрѣпленный печатью и подписанный десятью свидѣтелями, отсюда *Signatae*. Словомъ *feliciter* присутствующіе поздравляли новобрачныхъ послѣ совершенія свадебныхъ жертвоприношеній. Затѣмъ упоминается о *coena* (sc. nuptialis), которую обыкновенно справлялъ отецъ невѣсты. Подробнѣе о римскихъ свадьбахъ у Форбигера, отд. I, ч. 1, стр. 280 и слѣд. *Sedet* правильно сказано по отношенію къ *coena*, употребленной метанимически вм. всего застольнаго общества. Примѣры метанимій въ произведеніяхъ Ювенала приведены въ моемъ изслѣдованіи „о Риббекѣ и XIV сатирѣ", стр. 20—22. Сравн. примѣчаніе къ 10 ст. Далѣе замѣтимъ, что *sedere* употреблено для указанія изнѣженности присутствующихъ, такъ какъ только женщины имѣли обыкновеніе сидѣть за столомъ, мущины же возлежали, „accumbebant", Forb., l. c. p, 59. Упомянувъ о неприличной позѣ, принятой новобрачною во время пира, *gremio jacuit nova nupta mariti*, Ювеналъ заключаетъ (121—123): „о знатные, нужно ли намъ цензора или гадателя? Ты не взиралъ бы съ бо́льшимъ ужасомъ (horreres), тебѣ не казалось бы болѣе чудовищнымъ (majora monstra putares), если бы женщина произвела на свѣтъ теля, а корова ягненка". Обращеніе къ знатнымъ, *proceres*, объясняется тѣмъ, что нападки второй сатиры преимущественно обращены противъ этого класса римскаго общества. Сравн. примѣч. къ ст. 4—15. Кромѣ того и самъ Гракхъ, какъ говоритъ ниже (ст. 129) Ювеналъ, былъ *clarus genere atque opibus*. *Censor*, какъ каратель безнравственности (въ эпоху Ювенала должность эту исполняли императоры, Forbiger, I, 3, p. 142); *haruspex*, какъ умилостивитель гнѣва боговъ, допустившихъ столь возмутительный проступокъ. *Scilicet*, иронически, какъ выше, ст. 1, nimirum. Подъ *monstra* разумѣется вообще все противоестественное и чудовищное. Сравн. ниже ст. 143 и Sat., IV, 45, 115; VI, 286, 645.

Ст. 124—132. Упомянувъ, въ первомъ стихѣ этого отрывка, о костюмѣ новобрачной, то-есть Гракха, Ювеналъ, въ 125 и 126 сти-

хахъ, говоритъ о его должности и происхожденіи, чтобы тѣмъ болѣе въ дурномъ свѣтѣ выставить безнравственность самого поступка. Исполненный негодованія поэтъ вслѣдъ затѣмъ обращается къ защитнику города, Марсу, и упрекаетъ его за равнодушіе, съ которымъ онъ взираетъ на совершеніе столь возмутительныхъ поступковъ. Подъ *segmenta* разумѣются тонкія полоски, пластинки золота, прикрѣпляемыя къ женской одеждѣ. Forbiger, I, 1. p. 110, 162. Бергъ относитъ сюда и latum aurum въ VI сат. 482. Вмѣстѣ съ *habitus*, segmenta образуютъ фигуру Hendiadys (=segmentatos habitus, Sat. VI, 80), свойственную сатирамъ нашего автора (О. Риббекъ etc. стр. 15). *Longos*, такъ какъ говорится о tunica talaris, удлиненной вслѣдствіе придѣланной внизу обшивки, institа. Ritter, ad Hor. Sat., p. 19. *Flammea*, genus amicti, quo se cooperiunt mulieres die nuptiarum; est enim sanguineum, propter pudorem custodiendum". Schol. Jahn., ad Sat. VI, 225. Forbiger, p. 281. Въ словахъ *arcano—ancilibus* заключается краткое описаніе *жрецовъ Саліевъ*, то-есть скакуновъ. Они получили свое имя отъ способа исполненія своей религіозной обязанности, скаканія, „salire". Первоначально подъ Саліями разумѣли всѣхъ жрецовъ, которые должны были пѣть и плясать. Но Нума учредилъ особый классъ жрецовъ Марса Градива, которые тоже были названы Саліями и избирались исключительно изъ патриціевъ. Ихъ святилище было на Палатинскомъ холмѣ, Salii Palatini. Одежда состояла изъ пестрой туники, съ шлемообразнымъ колпакомъ, apex, на головѣ; вооруженіе — изъ меча, копья и продолговато-круглаго щита, *ancile* (изображ. въ ликсик. Рича стр. 31), который они носили, съ помощью ремня, *loro*, на лѣвой рукѣ. Ежегодно, въ первый день марта, они совершали процессіи по улицамъ Рима, прискакивая и ударяя копьемъ о щиты, причемъ послѣдніе естественно приводились въ движеніе, *nutantia*, и самъ жрецъ, вслѣдствіе пляски, нерѣдко обливался потомъ, *sudavit*. Подробнѣе о Саліяхъ см. въ изслѣдованіи В. И. Модестова, Римская письменность въ періодъ царей, Казань, 1868, стр. 130 и слѣд.; также у Форбигера, I, 2 стр. 88—90. Далѣе замѣтимъ, что подъ *sacra* разумѣются scuta ancilia или *clypei anciles*, какъ ниже, ст. 125, они обозначены Ювеналомъ. Ремень, *lorum*, названъ спрятаннымъ, скрытымъ, *arcanum*, такъ какъ его покрывала окружность щита. Въ слѣдующемъ затѣмъ обращеніи къ Марсу нельзя не замѣтить ироническаго тона, съ которымъ Ювеналъ, какъ деистъ язычества, нерѣдко относился къ богамъ и миѳологическимъ разказамъ. См. введ. § 3. Подъ *pater Urbis*, мы не разумѣемъ, слѣ-

дуя Вейднеру, Квирина, но Марса, который нерѣдко называется отцомъ Ромула и Рема. См. Liv., I, 6; VIII, 9. Ovid., Fast., III, 59; Trist., III, 7, 52; Met. XIV, 798. Cato, R. R., 141: „Mars pater". Чтобы сильнѣе указать на тогдашнюю испорченность, *nefas tantum*, Ювеналъ εἰρωνικῶς называетъ своихъ современниковъ *Latii pastores* (сравн. прим. къ 73 и 74 ст. и Sat. VIII, 275), съ которыми неразрывно была соединена простота и скромность нравовъ. Сравн. введ. § 4. *Gradivus*, древній, почетный эпитетъ Марса, весьма часто встрѣчающійся у эпическихъ писателей. *Urtica* (XI, 168) метафорически вм. libido. *Traditur*, такъ какъ женщина, послѣ совершенія всѣхъ формальностей обряда (ст. 119 и слѣд.), поступала въ полное распоряженіе мущины. *Galeam quassas*, описаніе разсерженнаго Марса: по понятію древнихъ, въ гнѣвѣ обыкновенно потрясаютъ головою, а слѣдовательно и шлемомъ. Ladewig, ad Verg. Aen., VII, 292. Отсюда у Гомера, Ἄρης κορυθαίολος, Il. XX, 38. Въ выраженіи *nec terram cuspide pulsas*, Гейнрихъ *terram* измѣняетъ на *gerram* (плетенка изъ прутьевъ), и, съ большимъ остроуміемъ и эрудиціею, старается оправдать свою догадку. Такъ какъ неосновательность этой поправки уже давно доказали Веберъ ((Neue Jahrb. für Phil. u. Pädag. v. Seebode, 1841, Bd. XXXII, p. 123) и преимущественно О. Янъ (Hall. Lit. Zeit., 1842, p. 196), то не считая нужнымъ подробно опровергать нѣмецкаго комментатора, я ограничусь указаніемъ на главныя, слабыя стороны его доводовъ. Первое, что побудило Гейнриха съ недовѣріемъ отнестись къ слову *terram*, это то обстоятельство, что боги войны и вообще воины не имѣли обыкновенія въ гнѣвѣ ударять копьемъ въ землю. Но если у древнихъ существовалъ обычай въ разсерженномъ состояніи ударять палкою въ землю (Моръ, стр. 43), то можно ли удивляться, что Марсъ, который не носитъ палки, поражаетъ землю нижнимъ концомъ копья? Далѣе, *cuspis* обозначаетъ не только остріе копья, какъ думаетъ Гейнрихъ, но употребляется вмѣсто цѣлаго копья и его нижней части, древка, см. Sil. Ital., VI, 79 и примѣч. Ладевига къ Энеидѣ, XII, 386. Кромѣ того слово γέρρον (но не γέρρα, какъ пишетъ Гейнрихъ) встрѣчается только въ греческомъ языкѣ; въ латинскомъ же существуетъ *gerrae*, но только какъ plural. tantum. Fest. ap. Paul. Diac., p. 94 Müll. Наконецъ, слово *terra* встрѣчается безъ всякихъ варіантовъ во всѣхъ манускриптахъ, если не считать чтенія „tempora", найденнаго Липсіемъ въ какомъ-то спискѣ. Оно столь же мало соотвѣтствуетъ смыслу нашего мѣста, какъ и конъектуры „cetra, parma", предложенныя нѣкоторыми

новѣйшими критиками. См. объясненіе 130 ст. у Вейднера, а также Observat. critic. Scholte, p. 14. *Patri* sc. Jovi; такъ называетъ Марс Юпитера и въ Иліадѣ, V, 872. *Severi*, по отношенію къ Марсовому полю, *campi*, (sc. Martii), гдѣ Римляне, подъ охраною Марса, который теперь не заботится о посвященномъ ему мѣстѣ, *quem negligis*. съ древнею строгостію слѣдили за развитіемъ общественной и государственной жизни.

Ст. 132—142. Здѣсь Ювеналъ приводитъ новый примѣръ описаннаго выше (ст. 117 и слѣд.) супружества, причемъ, для живости начало разказа облекаетъ въ діалогическую форму. „Завтра, съ восходомъ солнца, заявляетъ сатирикъ (132 — 135), одно дѣло призываетъ меня въ Квиринальскую долину".—„Какое дѣло"? — „И ты спрашиваешь? мой другъ выходитъ за-мужъ и приглашаетъ только не многихъ". Со временемъ, замѣчаетъ Ювеналъ (135—136), мы доживемъ до того, что подобные браки, *ista*, будутъ совершаться открыто *palam*, и даже найдутся желающіе заносить ихъ въ ежедневные городскіе листки. Затѣмъ (137—142) говорится о послѣдствіяхъ подобныхъ противоестественныхъ поступковъ. Слово *officium* (III, 126 употреблено въ римскомъ значеніи „важное дѣло, обязанность", на примѣръ присутствовать при составленіи завѣщанія, во время свадьбы и т. п. Klussman, ad Plin. Epist., p. 16. *In valle Quirini*, у подошвы Квиринальскаго холма. *Nubit*, какъ невѣста, ст. 117—120. При *multos* подразумѣвается *testes*, необходимые при совершеніи брачныхъ обрядовъ. Сравн. прим. къ 119 ст. и слѣд. Слова *nec multos adhibet* свидѣтельствующія о вѣжливости друга, желавшаго, въ кругу немногихъ, отпраздновать свою свадьбу, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на опасеніе огласки. Поэтому, вслѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ предсказаніе что въ виду снисхожденія, съ которымъ относятся къ подобнымъ поступкамъ, послѣдніе вскорѣ найдутъ себѣ многихъ подражателей и будутъ совершаемы на глазахъ всѣхъ, *fient ista palam*. Смыслъ словъ *liceat modo vivere*, слѣдующій: если будемъ жить, то увидимъ, что... Хотя Римляне и не знали газетъ въ собственномъ смыслѣ, но мѣсто ихъ заступали такъ называемыя *acta diurna publica* или *urbana* впервые введенныя Юліемъ Цезаремъ. Въ эти ежедневныя хроники входили не только всѣ новые законы, постановленія сената, придворныя извѣстія и т. п., но также, какъ и въ нашихъ ежедневныхъ листкахъ, объявленія и извѣстія всякаго рода о рожденіяхъ, смертныхъ случаяхъ, бракосочетаніяхъ и т. п. Все это писалось на таблицахъ и выставлялось въ нѣсколькихъ мѣстахъ для удобства пуб

лики. Римскіе писатели часто упоминаютъ объ этихъ хроникахъ. См. Forbiger, I, 1 p. 140. *Interea*, въ смыслѣ „но при всемъ томъ“; *tormentum—haeret* „вступившіе въ бракъ сильно печалятся“. *Partu retinere maritos*, такъ какъ безплодіе часто служило у Римлянъ поводомъ къ разводу, Sat. VI, 142 sq. Forbiger, l. c. p. 279. Такъ какъ послѣ будущаго нерѣдко у Ювенала слѣдуетъ настоящее (сравн. мое примѣч. къ I сат., стр. 45), то и чтеніе *morientur* (вм. moriuntur), сохраненное многими кодексами, весьма вѣроятно, тѣмъ болѣе, что будущаго требуетъ и смыслъ самаго мѣста: они умрутъ безплодными, такъ какъ имъ не помогаетъ, *nec prodest* etc. *Lyde* — Лидіянка, ремесло которой состояло въ чарахъ и волшебствахъ. Схоліастъ Яна правильно замѣчаетъ къ этому мѣсту: „de Lydia unde Arachne fuit conversa in araneam, haec inclusa in pyxide araneam texit, quae permixta potui fecundam mulierem de sterilitate facit“. *Turgida*, въ собственномъ значеніи „толстая, разжирѣвшая“, какъ у Овидія, A. Am., II, 661. *Pyxis*, ящичекъ, коробочка, въ которой хранились не только мелкія принадлежности дамскаго туалета, но также мази, лекарства и ядъ, отсюда въ XIII сат. ст. 25: partos gladio vel pyxide nummos (вм. veneno), и въ нашемъ мѣстѣ *condita pyxide* вм. „condimentis referta“, наполненная составами, лекарствами, предотвращавшими безплодіе. Изображеніе *pyxis* въ лексиконѣ Рича, стр. 508. Въ 142 ст. Ювеналъ намекаетъ на праздникъ *Lupercalia*, который ежегодно, 15-го февраля, праздновался въ Римѣ въ честь бога пастуховъ Пана или Фавна. Въ это время его жрецы, называвшіеся *Luperci*, обнаженные, съ перепоясанными бедрами (отсюда nudi, Verg. Aen., VIII, 663) бѣгали по улицамъ города (отсюда въ нашемъ мѣстѣ „*agilis*“, проворный, быстрый) и ударяли встрѣчныхъ козлиными ремнями. У римскихъ женщинъ было повѣріе, что удары по рукамъ жреца Пана предотвращаютъ безплодіе и облегчаютъ роды; поэтому *palmas praebere luperco*. Подробнѣе объ этомъ у Форбигера, I, 2, стр. 94, 142.

Ст. 143 — 148. Изъ всѣхъ замѣчаній Риббека, относящихся ко II-й сатирѣ, кажется, справедливѣе другихъ его подозрѣнія касательно приведенныхъ стиховъ (Ribbeck, o. c. p. 104). Дѣйствительно, врядъ ли возможно считать „появленіе Гракха на аренѣ“ болѣе унизительнымъ и позорнымъ, чѣмъ его скандалезную свадьбу (ст. 124 и слѣд.), такъ какъ извѣстно, что со временъ Цезаря и Августа, преимущественно же при Неронѣ, римскіе вельможи, всадники и даже сенаторы нерѣдко выступали въ роли бойцовъ и гладіаторовъ. См. примѣч. къ 192 ст. и слѣд. VIII сат. и Дюнцера Римскіе сатирики,

стр. 261—262. Далѣе, нельзя не замѣтить, что образцомъ при составленіи этого отрывка служили стихи VIII сатиры (199 — 210), сходные съ нимъ по языку и содержанію. Наконецъ, и повтореніе имени Гракха, какъ справедливо замѣтилъ Вейднеръ, не свойственно Ювеналу. Другаго мнѣнія о приведенномъ отрывкѣ Дэчъ, см. его Vindic. Juvenalianae, p. 14—17. Упомянутый въ 143 ст. *Гракхъ* принялъ на себя роль „retiarius", то-есть, бойца, который, находящуюся въ рукахъ сѣтку, *rete* (ст. 148) старался набросить на своего противника, такъ называемаго mirmillo или secutor, чтобы вслѣдъ затѣмъ пронзить его трезубцемъ, *fuscina*. Такъ какъ это Гракху не удалось, то онъ стремительно обратился въ бѣгство, *lustravit fuga harenam*, преслѣдуемый своимъ противникомъ. Объ этой борьбѣ см. въ VIII сат. ст. 200—210, также у Форбигера, I, 1. 358. 395 и изображеніе сражающихся въ лексик. Рича, s. v. fuscina. О *tunicatus* см. примѣч. къ слову 71 ст. undus. Въ ст. 145—147 Ювеналъ говоритъ о происхожденіи Гракха и сравниваетъ его родъ съ потомками, *minoribus* (Sat. I, 148), извѣстнѣйшихъ римскихъ фамилій, напримѣръ, Капитолиновъ, изъ рода Манлія Капитолійскаго, Фабіевъ и Марцелловъ, предки которыхъ отличились во второй пунической войнѣ. Квинтъ Катуллъ былъ извѣстенъ окончаніемъ первой пунической войны, Павелъ Эмилій—какъ побѣдитель Македонскаго царя Персея. *Podium*, низкая стѣна, окружавшая арену цирка и амфитеатра. Возлѣ нея, *ad podium*, находилось возвышеніе, предназначенное для сенаторовъ, иностранныхъ пословъ, весталокъ, учредителей зрѣлища и другихъ почетныхъ гостей. Тамъ же было и сѣдалище для императора. За *podium* ярусами находились мѣста для народа. Подробнѣе объ этомъ см. Lipsius, de amphith., cap. XI. Изображеніе „*podium*" у Рича, стр. 27, на рисункѣ амфитеатра въ Полѣ. Подъ *ipsum* разумѣется учредитель зрѣлища, editor muneris, быть можетъ, Неронъ или Домиціанъ, нерѣдко забавлявшіе подобными увеселеніями праздную чернь. Впрочемъ, подъ этимъ словомъ можно столь же легко разумѣть какого-нибудь богача или должностное лицо, такъ какъ со временъ Тиберія, учрежденіе зрѣлищъ запрещалось только не имѣвшимъ всадническаго ценза, то-есть, 400 тысячъ сестерцій. Tacit. Ann. IV, 62 и 63. *Retia misit*, такъ какъ Гракхъ принялъ на себя роль retiarius. Сравн. прим. къ 143 ст.

Ст. 149—158. „Басни о преисподней, о тѣняхъ, которыя тамъ пребываютъ, давно осмѣяны и въ нихъ вѣрятъ только малолѣтніе дѣти. Но если допустимъ, что все это справедливо, то какъ ужа-

снутся души великихъ мужей древности, жертвовавшихъ собою для блага Отечества, когда увидятъ нисходящую къ нимъ тѣнь человѣка, подобнаго Гракху". Здѣсь ясно сказываются жалобы поэта на господствующее невѣріе, къ которому однако, какъ можно заключить изъ ироническаго тона, сатирикъ относился вполнѣ сочувственно. См. введ. § 3. *Esse aliquos manes*, εἰρωνικῶς, какъ, напримѣръ, у Горація, Од. I, 4. 16 „fabulae Manes". Иначе о загробной жизни думалъ Проперцій, IV, 7. 1: „Sunt aliquid Manes, letum non omnia finit". Изъ нѣсколькихъ варіантовъ 150 стиха, кажется, чтеніе *contum* (шестъ, родъ длиннаго весла) болѣе другихъ вѣроятно; оно иронически употреблено Ювеналомъ вмѣсто самаго перевощика, то-есть, Харона, быть можетъ съ намекомъ на стихъ Вергилія, Aen. VI, 302: „Ipse (sc. Charon) ratem conto subigit". Въ томъ же тонѣ и слова *Stygio ranas in gurgite nigras*, въ подражаніе Аристофану, который, въ своихъ „Лягушкахъ" (Act. I, sc. 4), осмѣиваетъ Стиксъ и преисподнюю. *Una cymba*, въ противоположность *tot milia*. Ср: Verg., l. c. 305 sq. *Nec* вм. nequidem, какъ въ I сат. ст. 145. Слова, *qui nondum aere lavantur* заключаютъ въ себѣ описаніе, вмѣсто: „infantes, quia pueri non dant balneaticum" (Schol.). Взрослые платили въ Римѣ за баню весьма немного, именно $^1/_4$ асса, или „quadrans". Отсюда въ VI сат. ст. 447 „quadrante lavari". См. также Forbiger, p. 31. 85. *Puta*, какъ въ V сат. ст. 7. Въ 154 и 155 стихахъ встрѣчается нѣсколько именъ изъ древней исторіи Рима, къ которой Ювеналъ нерѣдко обращался въ своихъ сатирахъ. См. статью О. Риббекъ, etc. гл. VII. *Curius*, см. примѣч. къ 3 ст. *Ambo Scipiadae*, какъ у Вергилія, Aen. VI, 843: gemini, duo fulmina belli, Scipiadae, clades Libyae. Подъ ними разумѣютъ или отца и дядю Сципіона Африканскаго старшаго, или же обоихъ Африканскихъ. *Фабрицій* и *Камиллъ* тоже встрѣчаются у Вергилія, Aen. VI, 826. 844. Первый прославился покореніемъ Самнитовъ, а также своею неподкупною честностью во время сношеній съ Пирромъ. Второй извѣстенъ побѣдою надъ Галлами, и какъ первый консулъ изъ плебеевъ. *Кремера*, небольшая рѣчка въ Этруріи, при которой 306 Фабіевъ, *legio*, были уничтожены Вейентами. Вмѣсто предложенія съ причастіемъ, *Cannis consumpta juventus*, Ювеналъ могъ бы, соотвѣтственно предыдущему выраженію *Cremerae legio*, сказать Cannarum juventus. *Tot bellorum animae*, то-есть, души павшихъ въ разныхъ сраженіяхъ. Словами *cuperent lustrari* сатирикъ отвѣчаетъ на предыдущій вопросъ, оканчивающійся словомъ *venit*. Зажженная сѣра, *sulfura*, факелъ, *taeda* и

влажный лавръ, *humida laurus*, какъ необходимые аттрибуты очищенія, встрѣчаются у Плинія (H. Nat., XXXV, 15) и Овидія (Fast. V, 677 sq.). *Illic* = in inferis.

Ст. 159—170. Какая польза изъ того, заключаетъ Ювеналъ, что государство наше заканчивается предѣлами міра, если въ безнравственности мы превзошли побѣжденныхъ нами варваровъ, которые, посѣтивъ нашу столицу, сами заражаются господствующею у насъ испорченностью и заносятъ ее въ свое отечество? Глаголъ *traducimur* нѣкоторые (напримѣръ, Гекерманъ) соединяютъ съ предшествующимъ словомъ *illuc* (вм. illic) и объясняютъ: туда, то-есть, въ преисподнюю, и намъ, о несчастные, прійдется низойти. Но большинство комментаторовъ (напримѣръ, Руперти, О. Янъ, Мадвигъ, Вейднеръ и др.) принимаютъ чтеніе *illic* (тамъ), которое и на нашъ взглядъ заслуживаетъ предпочтенія, такъ какъ глаголъ *traducere* употребленъ не въ обыкновенномъ смыслѣ, но метафорически, вм. derisui exponere, diffamare, ignominia publica afficere. Въ приведенномъ значеніи это слово встрѣчается не только у Ювенала (Sat. VIII; 17), но и у другихъ писателей. Scholte, Observat. critic. p. 16. Поэтому, смыслъ нашего мѣста будетъ слѣдующій: мы, Римляне, сами выставляемъ себя на посмѣшище въ глазахъ побѣжденныхъ нами народовъ, которые не живутъ подобно намъ. Сравн. ст. 160—163. *Juverna*, теперешняя Ирландія, у Тацита (Agr. 24) и Цезаря (B. G. V, 13) Hibernia. *Оркадскіе острова* (Orkney Iles), лежащіе на сѣверѣ Шотландіи, были открыты и покорены Агриколою между 78 и 84 годомъ, но завоеваніе Ирландіи не было довершено, такъ какъ знаменитый покоритель Британіи былъ отозванъ Домиціаномъ въ 85 году. См. Synnerberg, De temporibus vitae carminumque Juvenalis, Helsingforsiae, 1866, p. 62. Поэтому выраженіе *arma ultra* etc. употреблено гиперболически. О краткости ночей въ Британніи, *minima nocte contentos Britannos*, говоритъ Тацитъ, Agric. 12: „nox clara et extrema parte Britanniae brevis, ut finem atque initium lucis exiguo discrimine internoscas". Упомянувъ въ 162 и 163 ст. о томъ, что побѣжденные не подражаютъ испорченной жизни своихъ побѣдителей, Ювеналъ вслѣдъ затѣмъ приводитъ, какъ исключеніе, *et tamen*, примѣръ какого-то *Армянина Залядія*, который не устоялъ противъ всеобщаго соблазна. Безъ сомнѣнія, поэтъ здѣсь имѣлъ въ виду дѣйствительный фактъ, такъ какъ со временъ Августа сношенія съ востокомъ значительно усилились и посольства отъ азіатскихъ государей случались нерѣдко. Поэтому, весьма вѣроятно, что однимъ изъ

такихъ посольствъ былъ оставленъ въ Римѣ и этотъ Армянинъ въ качествѣ заложника, *obses*. Чтеніе *hospes*, встрѣчающееся въ одномъ гамбургскомъ кодексѣ, менѣе вѣроятно. Weber, N. Jahrb. f. Philol. u. Päd., l. c. p. 124. *Ephebus*, ἔφηβος, по Цензорину (de die natal. 14), 16-ти лѣтній юноша, adolescens. По замѣчанію Гекермана, слово это употреблено съ ироническимъ оттѣнкомъ, въ родѣ французскаго petit-maitre. Слѣдующее затѣмъ *ardenti—tribuno* нѣкоторые изъ комментаторовъ относятъ къ Калигулѣ, который, по свидѣтельству Светонія (Calig. 36): „quosdam obsides dilexisse fertur commercio mutui stupri". Это предположеніе весьма правдоподобно, такъ какъ и въ I сатирѣ поэтъ нашелъ случай намекнуть на эпоху этого цезаря. См. объясн. 41 ст. стр. 21. Слово *tribuno* нисколько не препятствуетъ подразумѣвать подъ нимъ преемника Тиберія, такъ какъ извѣстно, что со временъ Августа званіе трибуна сдѣлалось пожизненнымъ достояніемъ римскихъ императоровъ. *Indulsisse*=tradidisse ad foedum obsequium. Объ *aspice* см. примѣч. къ слову castigas, ст. 9. Смыслъ выраженія *hic fiunt homines*, которое Вейднеръ называетъ „unklar", будетъ понятенъ, если обратить вниманіе на то, что Заляцій прибылъ въ Римъ молодымъ и незнакомымъ съ тамошними нравами и жизнью. Поэтому столица римскаго государства служила для него какъ бы школою, пройдя которую, варваръ-чужестранецъ дѣлался человѣкомъ по римскимъ понятіямъ. Слѣдовательно, *fiunt* употреблено здѣсь въ смыслѣ instituuntur, formantur, и саркастически, такъ какъ окружавшая среда испортила воспитаніе юноши. Подъ *pueri* разумѣется иностранная молодежь. *Mittentur*, не въ смыслѣ dimittentur, какъ объясняютъ Руперти и другіе, но въ обыкновенномъ значеніи, какъ, напримѣръ, въ III сат. ст. 45. Широкіе штаны, *braccae*, были національною одеждою жителей востока. У Римлянъ они вошли въ моду только въ концѣ II вѣка по Р. Хр. Forbiger, p. 157. *Артаксата*, столица великой Арменіи на рѣкѣ Араксѣ, разрушенная въ 58 году по Р. Х. кн. Домиціемъ Корбулономъ. Tacit. Ann. XIII, 41. *Mores praetextatos*, вм. mores juventutis praetextatae, i. e. Romanae. См. статью О. Риббекъ, etc., стр. 20.

Д. Нагуевскій.

DE PUBLILII OPTATIANI PORFYRII CARMINIBUS.

Inter omnia antiquitatis monumenta vix ullum exstat magis mirificum, licet paene incognitum sit vulgo, quam Publilii Porfyrii Optatiani, auctoris Constantino Magno aequalis, carminum sylloge, quorum maxima pars est conscripta ad vicennalia huius imperatoris celebranda. De eorum artificiis, in quibus tantum curae collocavit Porfyrius, ut labores Herculis aequasse videatur vel superasse, quaedam proponere est consilium mihi, breviter tamen et succincte, probe scilicet recordato Martialis illud „turpest difficiles habere nugas, et stultus labor est ineptiarum". Et adeo in ipso nomine poetae quandam insolentiam apparet notandam.

Nempe in verbis, quae leguntur inserta carmini XI (utor editione ea, quae expressa ad exemplum Velserianae prodiit J. P. Mignii patrologiae Latinae ser. prim. tom. XIX) „Publilius Optatianus Porfirius haec lusi", cum quinta nominis „Porfirius" littera sit secunda eadem vocabuli „Pythoia", apparet esso reponendum potius: „Porfyrius", quae scriptura etiam codicis longe optimi testimonio confirmatur in titulo operis.

Nec inusitatas fuisse similes corruptelas nominum Graecorum frequentibus inscriptionum Latinarum docemur exemplis. Ceterum quanta cum neglegentia sit tractatus ab hominibus doctis hic poeta, vel ea re apparet, quod etiam in recentissima Mignii editione non vocatur vero nomine sed ita: „Publius Optatianus Porphyrius".

De vita et casibus auctoris huius, ne nimis augeatur opusculi nostri circuitus, disserere nunc non est in animo, cum praesertim de eadem re plene disputaturus sim in editione carminum Porfyrii, quam aliquot abhinc annis incohatam post tempus haud ita longum sum publicaturus. Itaque satis erit dixisse, Porfyrium, cum iam ante multum insudasset pangendis carminibus artificiosissimis, calamitate subita, quae

statum rerum ejus antea florentissimum everteret, adductum esse, ut etiam magis solito ingenium suum ad similes applicaret praestigias. Nempe cum a Constantino imperatore incertis de causis esset affectus exilii poena (sicut olim ab Augusto Ovidius), ut veniam impetraret delicti, statuit ad celebranda huius imperatoris vicennalia, quae is primum (et adeo ante tempus legitimum) Nicaeae, deinde Nicomediae, postremo Romae egit, componere panegyricum, diversissimis isdemque difficillimis artificiis insignem. Quorum rationes ne laterent Caesarem, ad figuras carminum et ad acrosticha et telesticha, vel si qua alia huius generis versibus essent interposita, ipsis oculis indicanda usus est litteris rubro colore pictis. Neque frustra fuit tanti operis labor. Constat quippe Hieronymi Chronicorum testimonio eum ab exilio revocatum. Neque tamen epistula Constantini, quae in editionibus plerisque legitur praeposita panegyrico, pertinet ad hunc ipsum, sed ad syllogen quandam similium carminum antea conscriptam a Porfyrio et eidem oblatam imperatori, ad quem saepius iam se carmina dedisse testatur poeta in praefatione panegyrici elegiaco metro conscripta.

Ceterum iam apud ipsos Graecos, et adeo temporibus satis antiquis, praeter solitas metrorum et numerorum observantias in carminibus non fuisse inusitata artificia aliena ab arte versuum legitima satis constat. Indulsit iam talibus ipse Simonides Ceus, poeta celeberrimus, qui cum hexametrum hunc:

Μοῦσά μοι Ἀλκμήνης καλλιφύρου υἱὸν ἄειδε

mutasset ita in speciem tetrametri trochaici:

υἱὸν Ἀλκμήνης ἄειδε Μοῦσάμοι καλλιοφύρου.

Timocreon Rhodius, perpetuus Simonidis obtrectator, sic ei rescripsit:

Κηΐα με προσῆλθε φλυαρία οὐκ ἐθέλοντα,
Οὐκ ἐθέλοντά με προσῆλθε Κηΐα φλυαρία.

Praeterea Lasos Hermionensis qui Pindaro artis musicae fuit praeceptor carmina scripsit ἄσιγμα, quae littera „s", ut male sonante, plane carerent (cf. Bergk, poet. lyr. Graec. III, 1109 ed. III).

Deinde multo magis tales lusus ab Alexandrinis esse factitatos satis constat. Romani, qui plurimum hos duces habuerunt poesis, quod similibus ab antiquo inde tempore indulserunt artificiis, non poterit esse mirum. Et adeo iam Ennium, qui primus versum heroicum Graecorum latina lingua imitari est ausus, composuisse quaedam carmina, quae in acrostichide haberent „Q. Ennius fecit", refert Cicero de divin. II, 5, 111. Talium autem praestigiarum amor continuo est auctus ac-

tate Caesarum, cuius poetae saepe argumenti tenuitatem arte carminis omnem fidem superante compensare studebant. Jam cum vel maxime ultimorum imperii Romani saeculorum homines delectarentur carminibus artificiosis, non poterit esse mirum Porfyrii scripta, quantumvis mirifica, ne dicam absona, esse videantur nobis, valde placuisse aequalibus Constantini et Theodosii. Neque minore fuerunt fama medio aevo, quod plurimos et ex parte minime spernendos auctores habuit versuum Latinorum. Scio equidem de studiis Latinis huius temporis plerumque iudicari satis inique, sed minime ut probandam existimem opinionem talem. Enimvero admiratione potius dignum aio, quod auctores isti, qui plerumque paucorum et parum bonorum atque adeo graviter corruptorum librorum instructi essent copiis, ad tantam sunt provecti sermonis Latini peritiam tantumque usum, cum nostrorum temporum homines docti, quamvis abundantibus cuiusvis generis subsidiis, saepe linguae eiusdem idonea destituantur scientia. Ostenderunt nimirum illi exemplo sane imitando, omnia, ut Vergili verbis utar, vinci labore improbo.

Quod cum ita sit, non potest esse mirum, quod ne Porfyrii quidem artificia operosissima imitandi destituit eius audacia. Cuius rei exemplum luculentissimum praebent Hrabani Mauri carmina de sancta cruce. Praeterea videnda sunt, quae de Abbone Floriacensi, saeculi IX scriptore, refert Polycarpus Leyserus in historia poëtarum et poëmatum medii aevi pagina 301. Etiam ipse in codice antiquissimo Bernensi carminum Optatiani inveni quaedam Carolingici aevi auctorum carmina similibus Porfyrianorum artificiis insignia necdum edita.

Verum enim vero a sexto decimo inde saeculo, circa cuius finem Porfyrii carmina primum sunt expressa typis Petri Pithoei opera et deinde Pauli Velseri, poëtae huius admiratio plane desiit, ut adeo paucissimi legisse illa sint existimandi. Lectores certe plures fuit habiturus, nisi a Velseri inde tempore carmina eius essent expressa litteris capitalibus et plerumque nullo interstitio separatis, omissa etiam interpunctione omni. Cuius instituti pravitas, etsi hactenus potest excusari, quod aliter versuum et literarum artificia multiformia non licuit indicari oculis, apparet tamen ita valde esse auctam molestiam legendi carmina per se saepe obscurissima et difficillima. Quod cum ita esset, ne historici quidem in Constantini rebus enarrandis satis curaverunt Porfyrium et multo minus philologi, ut non sit mirum, ab eis qui historiam Latinarum enarrarunt, et paucissima referri de poëta et saepe falsissima. Paullo plures sui studiosos invenerunt carmina ea,

quae organi et arae et fistulae referunt speciem, cum praesertim ea satis commode sint expressa in Wernsdorfii poëtis Latinis minoribus. Ego, ne rursus oblivione premantur Porfyrii carmina, cum tantum insudarit eis conscribendis, ea bis exprimenda curabo typis, et quadratis litteris et minutis, ut simul et artificia eorum facile possint deprehendi et commoda sint ipsa ad legendum.

Ceterum initio medii aevi, ut videtur, litteratus quidam, cuius de nomine non constat, addidit carminibus hisce scholia, quibus praestigiae eorum multiformes illustrarentur, apte plerumque et commode, interdum tamen minus recto usus iudicio.

Jam ut stem promisso, quod initio huius dissertationis dedi, Porfyrii poëmatum quorundam artificia breviter explicabo, servato fere eo ordine, qui in optimis fertur codicibus.

In carmine praefationi proximo (VI, ed. Velser.), ut pleraque omnia hexametris dactylicis constante, quod incipit a versu:

Sancte tui vatis Caesar miserere serenus,

habes versus XXXV, tricenarum quinarum litterarum, ut quadrati species oriatur, qua etiam alias interdum est usus Porfyrius. Quadrati omnia latera, item versus octavus decimus, nec minus litterae, quae a medio versu primo descendunt ad imum, eundem, qui supra est propositus, reddunt versum. Deinde a sexti versus nec minus a vicesimi tertii litteris per eas, quae ab initio sunt nonae et a fine decimae, decurrit versus quater octonarum litterarum:

Aurea sic mundo disponas saecula toto.

In carmine vicesimo, quod habet versus triginta sex litterarum tricenarum septenarum habes palmae speciem, cuius truncus a littera nonadecima primi versus tendens ad eandem extremi efficit versum:

Reddat ut intextus Musarum carmine versus.

Rami a primis litteris versuum primi, decimi, nonidecimi tendentes ad octavas decimas noni, octavi decimi, vicesimi septimi, ultimi et per horum binas sequentes rursum ascendentes ad ultimas eorum versuum, unde orti sunt, aequatis prorsus ubique intervallis, quattuor referunt hexametros tricenis septenis constantes litteris:

Castalides versu docili concludite palmam.
Constantine, fave, te nunc in carmina Phoebum
Mens vocat, ausa novas metris indicere leges.
Limite sub parili crescentis undique ramos.

Apparet ultimum versum iungendum esse cum eo, qui trunco palmae redditur: „Reddat ut intextus Musarum carmine versus". Ceterum, quia primus ramus ut litterarum denarum non poterat implere versum, adsumptae sunt ad eum conficiendum primi versus et ab initio et a fine novem litterae.

In carmine XIX, quod triginta quinque versibus tricenarum quinarum constat litterarum, ut quadrati etiam reddat figuram, lateribus quattuor efficitur versus hic:

Alme tuas laurus aetas sustollet in astra.

Diagonali utraque decurrunt versus:

Aurea victorem pietas sonat ubere lingua.
Aonios latices pietas iuvat armaque diva.

Versu octavo decimo et eo, qui efficitur linea, quae a primi versus littera octava decima descendit ad eandem ultimi, exhibentur haec:

Aucta Deo virtus Musas magis ornat aperta.
Aurea lux vatum silvae mihi praemia serva.

Apparet simul ita quadratum in duo dividi orthogona.

Praeterea quadrato interpositum est alterum quadratum, a prima medii versus littera ad primi et ultimi medias et ultimam medii ascendens vel descendens, quo repraesentantur versus:

Augusti florem pietas iuvat arma tropaea.
Aonii frutices, pietas iuvat ubere glaeba.

Sunt etiam alii lusus Porfyrii in quadratis vel orthogonis constantes; quorum tamen pars, quia difficilius potest percipi non additis ipsis carminibus, ut chartae parcam, talium facetiarum studiosos ad editionem meam, quam proximo anno spero prodituram, remitto.

Acrosticha autem et similis generis lusus non solum Latina, sed etiam Graeca inseruit carminibus suis Porfyrius. Qua in re, cum haud paucae litterae alphabeti Graeci differant forma a Latini, hoc usus est modo poëta, ut litteras Graecas redderet Latinis, quae non quidem sono, sed forma essent pares aut similes. Itaque pro η (vix autem oportet moneri, ut omnino libros veterum, ita etiam Porfyrii carmina litteris capitalibus fuisse exarata) ponitur *h*, pro λ — a, pro ρ — p, pro χ — x, denique pro σ — c. Notum est apud Graecos duplicem sibilantis litterae fuisse formam, et Σ et C, quae quidem in Russorum recepta est alphabetum.

Praeterea ubicunque in acrostichis Graecis opus esset k littera,

adhibuit idem Porfyrius primam litteram verborum a *ca* incipientium, secutus nimirum quorundam grammaticorum praeceptum, qui non modo „Carthaginem" et „Calendas", sed omnia vocabula quae haberent *c* sequente *a*, per *ka* scribenda esse existimarent.

Similiter etiam alii auctores Latini, qui Graecis uterentur acrostichis, rem egere, veluti auctores hymnorum alphabeticorum et is qui vaticinium Pseudosybillae de Christo versibus Latinis reddidit.

Ut versuum Graecorum, qui occurrunt apud Porfyrium, exemplum proponam unum, legitur interpositus carmini XIV, quod quidem non pertinet ad panegyricum Constantini, hexameter hic:

Μάρκε, τεὴν ἄλοχον, τὴν Υμνίδα Νεῖλος ἐλαύνει.

Sic enim ibi est scribendum, etsi in vulgatis libris pro vocabulo antepaenultimo legitur monstrum verbi „χμνιδα".

Denique enarraturus sum alia quaedam Porfyrii artificia, quae facile possint introspici.

Carmen tertium decimum, constans ea parte trimetri iambici, quae efficitur caesura penthemimeri, (ut tamen initio semper ponatur spondeus) et metro Anacreonteo in hunc modum:

— — ◡ — ◡ ◡ ◡ — ◡ — ◡ — — ,

habet acrostichidem:

Pius Augustus

telestichidem:

Constantinus.

Idem carmen etiam hac re est insigne, quod metrum manet integrum sive ab initio ad finem sive a fine ad initium singulos versus legeris. Exempli causa ponam primum:

Princeps beate placido sub axe iam nunc.

Hunc si retro legeris, idem habebis metrum:

Jam nunc sub axe placido beate princeps.

Nempe apparet „iam nunc" unius verbi instar esse, nec minus praepositionem „sub" cum „axe" coire in unum.

Satis lepidum est carmen tertium, ut adeo haud indignum sit, quod totum describatur, tale quidem, quale in optimis legitur codicibus.

Alme, decus mundi summum, rector pius orbis,
Auguste, invicta populos virtute gubernans,
iustitia imperii nationum Constantine
effrenatarum moderamine pacificator,
Quem divus genuit Constantius induperator,

aurea Romanis propagans saecula nato,
heu! nimis ad caelum properans, ni linqueret ille
aeternum auxilium invictum iustumque piumque,
alme pater patriae, nobis te, maxime Caesar,
Ausoniae decus o! lux pia Romulidum!
est placitum superis tunc haec in gaudia mundi
perpetuis bene sic partiri munera saeclis.
sidera dant patri et patris imperium,
sancte, tibi magnae data tu lux aurea Romae.
ista canit ruris tibi vates ardua metra.

In his primus versus binarum, secundus ternarum, tertius quaternarum, quartus quinarum syllabarum constat vocabulis.

Notandum tamen est, in tertio versu Porfyrium exemplo parum probando, sed minime insolito apud auctores aetatis deterioris corripuisse syllabam primam in „nationum", quia sequebatur *ti* cum vocali. Huius licentiae multa congesta sunt a me exempla in libro de re metrica poëtarum Latinorum pag. 359.

Quintus est rhopalicus, hoc est verba eius deinceps a primo ad quintum singulis augentur syllabis, ut rhopali in speciem accrescere videatur. Talem versiculum iam in Homeri carminibus agnoscere sibi visi sunt grammatistae Graeci hunc:

ὦ μάκαρ 'Ατρείδη, μοιρηγενὲς, ὀλβιόδαιμον.

Sed fefellit eos opinio; nam satis iam constat inter doctos finalem „ειδης" in patronymicis apud Homerum semper esse efferendam diductis diphthongi „ει" vocalibus, quam etiam rationem secutus est in editione Odysseae, quae prodiit nuperrime, Augustus Nauckius.

Omnino tenendum est multos errores metricos multaque artificia, quibus usi sunt poëtae Graeci et Latini, provenisse ex interpretatione perversa metricae artis Homeri vel Hesiodi. Veluti quod et Callimachus semel (in epigrammate 43) et aliquoties poëtae Latini hexametros admiserunt hypermetros, i. e. tales quorum ultima syllaba deberet in vocali sequentis versus prima elidi, hanc licentiam, alienam omnino a metro heroico, admisere nulla alia usi excusatione, quam quod ter apud Homerum, semel apud Hesiodum legitur in fine hexametri sequente in proximi initio vocali: εὐρυόπα Ζῆν; ubi tamen minime Ζῆν pro Ζῆνα positum, sed a nominativo, qui est Ζῆς, repetendam esse formam heterocliticam pridem intellexerunt homines docti. Et simili licentia vel adeo majore Ζεῦν eodem casu dictum ab Aeschrione testatur Athenaeus VIII, 335 ed. Casaub.; cf. Bergkii poet. lyr. graec. II, 803

ed. III. Neque video cur Athenaei testimonio fidem denegarit Bergkius. Nec vero potest esse mirum, quod grammatici veteres et poëtae saepe sunt lapsi in Homericis carminibus explicandis, cum iam dramaticorum Atticorum tempore multa ex eis non intellegerentur. Monuit de hac re saepe Cobetus, philologorum huius temporis Nederlandicorum clarissimus.

In sexto versu carminis Porfyrianii manente voce extrema, reliquae possunt mutari in hunc modum:

Aurea propagans Romanis saecula nato
Saecula propagans Romanis aurea nato
Saecula Romanis propagans aurea nato.

Similiter in carmine XXVI:

Ardua componunt felices carmina Musae,
Dissona conectunt diversis vincula metris,
Scrupea pangentes torquentes pectora vatis.
Undique confusis constabunt singula verbis

manentibus partibus versuum extremis ubique possunt transponi primae et quartae, secundae et tertiae, ut ex his quattuor versibus oriantur versus septuaginta duo vel adeo plures.

Septimus omnes continet octo orationis partes, ut vetus ille monachalis:

Vae tibi ridenti, quia mox post gaudia flebis.

In octavo tantum sunt nomina adiectiva sive substantiva. Nam enclitica „que" non numeratur.

Nonus, si a fine legitur ad initium, etiam est hexameter, minus quidem elegans:

Caesar maxime, te nobis, patriae pater alme.

Item decimus et undecimus, quando retrorsum leguntur, fiunt pentametri:

Romulidum pia lux! o decus Ausoniae!
Mundi gaudia in haec tunc superis placitum est.

Duodecimus et tertius decimus, retro lecti, etiam efficiunt distichon:

Imperium patris et patri dant sidera, saeclis
Munera partiri sic bene perpetuis.

Denique ultimi versus eodem artificio fiunt sotadici, quod metrum mirificum admodum placuit poetis Latinis:

Romae aurea lux tu data magnae. Tibí, sancte,
Metra ardua vates tibi ruris canit ista.

Satis usitati videntur fuisse Romanis lusus tales, quibus ex versu, qui retro legatur, oritur alter: certe iam Quintilianus institut. orat. IX, 4, 90 talium exempla affert.

Ceterum ultimo versu carmina ruralia a se composita respicere Porfyrium apparet, ut in carmine XIX verbis illis: aurea lux vatum, silvae mihi praemia dona.

Finem panegyrici, ut opinor, efficiebat carmen XXIV cum XXV, quibus organi figura redditur, quod genus instrumenti musici admodum fuit acceptum ultimorum imperii Romani saeculorum hominibus.

Utrumque carmen constat versibus viginti sex, prius dimetris iambicis catalecticis, quarum prima syllaba semper est longa, litterarum octonarum denarum, alterum hexametris dactylicis, qui singulis increscunt litteris, ut primus habeat viginti quinque, ultimus quinquaginta. Ut regulam organi designet, interpositus est versus hic:

Augusto victore iuvat rata reddere vota.

Similiter carmen XII, quod non ad panegyricum pertinet, hexametris dactylicis quindecim refert fistulae speciem, ita quidem, ut singuli singulis litteris decrescant. Itaque cum primus habeat litteras 42, ultimi sunt 28.

Denique secundo carmine, quod etiam a panegyrico est alienum, habes expressam trimetris iambicis viginti quattuor arae speciem. Quae, ut apte repraesentetur, primi duo versus sunt litterarum vicenarum senarum, sequuntur quattuor litterarum 36, 34, 32, 30, succedunt duodecim litterarum vicenarum octonarum, tres litterarum 30, 32, 34; agmen claudunt tres litterarum tricenarum senarum.

Mirificum poterit videri nonnullis, quod in hoc carmine Apollinem compellat Porfyrius, cum alibi idem Christi veneratione teneri se profiteatur. Sed enim omnia huius hominis scripta declarant eum non magis, quam Ausonium poëtam eiusdem saeculi et sequentis Sidonium Apollinarem aliosque eiusdem aetatis viros haud paucos uni certae fuisse addictum religioni, sed pro arbitrio, aut ut expediret, modo christianorum cultum esse amplexum, modo paganorum. Multo etiam magis res mira in Sidonio, quem constat episcopi munere esse functum.

Ceterum similes Porfyrianis lusus feruntur in anthologia Graeca Simmiae et Dosiadae et Besantini et adeo Theocriti, quibus arae et alarum amoris et ovi et securis et fistulae redduntur formae (anthologiae lyricae a Bergkio Lipsiae a. 1868 editae pgg. 510—518). Sed haec carmina ut minore arte, ita genere dicendi etiam magis obscuro sunt quam Porfyriana.

In editione Porfyrii opusculorum mihi contigit partim librorum manuscriptorum subsidiis adiuto, partim inventis propriis pleraque obscura aut difficilia expedire; omnia restituere non licuit. Neque id mirum; nam videtur Porfyrius modo artificia ista operosa et haud raro inepta talia, qualia voluerat, sibi constarent interdum parum curasse sensuum integritatem ac sanitatem. Vel sic tamen confido fore, ut ex recensione mea possint homines docti percipere imaginem ingenii prorsus singularis et mirifici illius poetae.

Ceterum ad vincendas difficultates propositi hic illic in rebus metricis aliquid sibi sumpsit licentiae Porfyrius.

Qui tamen hactenus valde est laudandus, quod in rebus orthographicis tantum non semper videtur servasse cum cura usum scribendi optimum. Jam cum acrostichorum et similium artificiorum usus multi sint et varii in eius carminibus, id utique commodi percipimus ex eorum lectione, ut videamus, quo sint modo scribi solita vocabula plurima a doctis aetatis Constantini hominibus. Nam apparet a lusibus istis ambiguitatem scripturae omnem fere esse exclusam. Est in animo, quidquid rerum notabilium ad orthographiam Latinam sive grammaticam pertinentium occurrit in carminibus Porfyrii, in editionis meae indice exhibere. Interim satis erit affirmasse, scripturas verborum a Porfyrio adhibitas paene semper congruere cum eis, quae codicum antiquissimorum vel inscriptionum optimarum asseruntur testimoniis, ut et Porfyrii usu haec, et his Porfyrii usus confirmetur.

Lucianus Mueller.

О ГОДѢ ССЫЛКИ ОВИДІЯ.

Новѣйщія жизнеописанія Овидія не могутъ не поразить всякаго разногласіемъ о томъ, въ которомъ году Овидій былъ сосланъ въ Томы. Г. Модестовъ (Лекціи по Исторіи Римской Литературы, курсъ второй, стр. 239), чтобы начать съ русскихъ писателей, говоритъ: „Осенью 9 года по Р. Х., 762 отъ осн. Рима, послѣдовало неожиданное распоряженіе Августа, вслѣдствіе котораго Овидій долженъ былъ безъ дальнихъ разговоровъ отправиться въ ссылку", — и ниже, стр. 243: „Какъ бы то ни было, Овидій въ позднюю осень 9 года по Р. Х., 762, въ самое опасное для морскаго плаванія время года, долженъ былъ по именному распоряженію Августа, послѣдовавшему внезапно, ночью, отправиться въ изгнаніе".—Бернгарди (*Grundriss der Römischen Litteratur* 2-ое изданіе, стр. 442), говоритъ: „Талантъ его развивался быстро, все богаче и богаче, и пріобрѣталъ ему общую извѣстность, какъ вдругъ несчастный случай, приведшій его, безъ намѣренія, въ прикосновеніе съ прелюбодѣйствующею Юліею, сталъ поводомъ къ тому, что рѣшеніе императора, U. l. 761, разлучая его съ женою и дочерью, на всю жизнь изгнало его въ Томы". Тейффель (*Geschichte der Römischen Litteratur*, 2-ое изд. стр. 503) того мнѣнія, что „отъѣздъ Овидія послѣдовалъ въ позднюю осень; въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ былъ уже на Адріатическомъ морѣ, Tr. 1, 11, 3, 762 года=9-го по Р. Х., см. Pont. IV, 13, 43, по которому зима 767-го и слѣдующаго года какъ sexta bruma relegatum videt."—У Ризе (Ovidii carmina ed. A. Riese. Vol. I. praefat. pag. VIII) находимъ слѣдующее: Tunc vero raptim et improviso in Nasonis caput summum malum incidit, cum decem lustris peractis, Trist. IV, 10, 95. sq. IV, 8, 33. Ibid. v. 1.) anno p. Ch. n. 7, u. c. 760, ab Augusto imperatore Tomas relegaretur, Tr. III, 9, 33. IV, 10, 97,—и вслѣдъ за тѣмъ: mense Decembri per mare Hadriaticum vectus (Tr. I, 11, 3) est, et quidem, ut videtur, anno tandem,

762, p. Ch. g; cfr. ex. Pont. IV, 6, 5. 13, 40. Петеръ (Ovidii fastorum libri sex, стр. 6) представляетъ такое исчисленіе: „Овидію минуло тогда 50 лѣтъ, Tr. IV, 8, 33, сл. ib. 1, сл., и слѣдовательно изгнаніе его падаетъ на 8 годъ по Р. X; въ декабрѣ мѣсяцѣ этого года онъ находился на Адріатическомъ морѣ, Tr. I, 11, 3, гдѣ перенесъ сильную бурю, такъ что корабль даже долженъ былъ вновь войдти въ италійскую гавань, и послѣ очень затруднительнаго путешествія, см. 107, сл., которымъ однако онъ не спѣшилъ, зимою между 9-мъ и 10-мъ годами по Р. X. Овидій прибылъ въ Томы". — Выходитъ, что ученые колеблятся между 7-мъ, 8-мъ, и 9-мъ годами по Р. X. Кто же изъ нихъ правъ?

Исходною точкою должны служить тѣ мѣста, въ которыхъ Овидій самъ говоритъ о времени своего изгнанія. Trist. IV, 10, 95. 55. Postque meos ortus Pisaea vinctus oliva Abstulerat decies praemia victor equus, cum maris Euxini positos ad laeva Tomitas Quaerere me laesi principis ira iubet. IV, 8, 33. Iamque decem lustris omni sine labe peractis Parte premor vitae deteriore meae. Ib. rn. Tempus adhoc, lustris iam bis mihi quinque peractis Omne fuit Musae carmen inerme meae. Въ этихъ мѣстахъ Овидій заявляетъ, что онъ родился 20-го марта 43 года до Р. X., Trist. IV, 10, 5. ss. Fast. III, 809. 56, что онъ былъ сосланъ въ 8 году по Р. X., то-есть, въ 761 году послѣ основанія Рима. Правда, можно было бы искать тутъ указаніе на круглое число, и нѣкоторые дѣйствительно его искали, но едвали позволительно предполагать, чтобы Овидій три раза называлъ только круглое число, тѣмъ болѣе, что онъ въ Фастахъ достаточно доказалъ, какимъ былъ мастеромъ на точное обозначеніе времени. По крайней мѣрѣ отступить отъ его прямаго опредѣленія времени можно будетъ только въ томъ случаѣ, если окажется, что съ этимъ временемъ нельзя согласить другія данныя. Посмотримъ, такъ ли это.

Ep. ex Pont. IV, 6, 5. 5. Овидій говоритъ: In Scythia nobis quinquennis Olympias acta est. Iam tempus lustri transit in alterius. Тамъ же, 13, 16, 5. Coeperat Augustus deceptae ignoscere culpae; Spem nostram terras deseruitque simul. Если Октавіанъ умеръ въ августѣ (Suet. Octav. 100. Obiit decimo quarto Kalendas Septembres), 14-го года по Р. X. и если предположить, что Овидій только послѣ нѣкотораго промежутка получилъ извѣстіе о смерти императора (Ep. ex Pont. III, 4,59 b Dum venit huc rumor properataque carmina fiunt Factaque eunt ad vos, annus abisse potest), если онъ наконецъ отнюдь не обнаруживаетъ, что былъ пораженъ неожиданнымъ извѣстіемъ о

смерти императора: то мы едвали ошибемся, отнеся эту элегію къ 15-му году по Р. Х., тѣмъ болѣе, что предыдущая элегія, обращенная къ консулу Сексту Помпею, написана въ 14-мъ году, а девятая, посвященная Грэцину, относится къ 16-му году[1]), ибо въ порядкѣ элегій замѣтна отчасти послѣдовательность. Если же это такъ, то выходитъ, что 15-й годъ по Р. Х. былъ для Овидія пятымъ и шестымъ пребыванія его въ Томахъ, слѣдовательно онъ въ 10-мъ году по Р. Х. прибылъ въ Томы. Съ этимъ опредѣленіемъ времени легко согласить остальныя мѣста, гдѣ поэтъ говоритъ о своей ссылкѣ[1]). За шестое лѣто, проведенное въ Томахъ, о которомъ говорится въ Ер. е Р. IV, 10, п. Haec mihi Cimmerio bis tertia ducitur aestas Litore, признаемъ мы лѣто 15-го года, зиму же этого года за ту, которая упоминается Ep. ex P. IV, 13,39 s. sed me iam, Care, nivali Sexta relegatum bruma sub axe videt. Ep. ex P. I, 8,27. s. Ut careo vobis Stygias detrusus in oras Quattuor anctumnos Pleias orta facit, отнесемъ къ осени 13-го года. Trist. V, 10, in. Ut sumus in Ponto, ter frigore constitit Ister къ зимѣ 12-го года; Trist. IV, 7, in. Bis me sol adiit gelidae post frigora brumae къ веснѣ 12-го года. Trist IV, 6, 19. s. Ut patria careo, bis frugibus area trita est, dissiluit nudo pressa bis uva pede, примемъ за обозначеніе осени 11-го года, хотя собственно это была третья осень, проведенная Овидіемъ внѣ Рима, потому что Овидій и въ другихъ мѣстахъ считаетъ только то время, которое онъ проводилъ въ Томахъ, а путешествія не принимаетъ въ разсчетъ. Trist III, 13 in. Ecce supervacuus, quid enim fuit utile, gigni Ad sua natalis tempora noster adest,

---

[1]) Такъ какъ нѣтъ у меня подъ рукою никакихъ консульскихъ фастовъ, на которые могъ бы я сослаться въ доказательство того, что Грэцинъ былъ консуломъ, или по крайней мѣрѣ consul designatus въ 16-мъ году по Р. Х. и слѣдовательно означенная элегія написана въ томъ же году, то я долженъ ссылку замѣнить комбинаціею. Изъ ст. 57 слѣд. Altera laetitiae nec cedens causa priori Successor tanti frater honoris erit. Nam tibi finitum summo, Graecine, Decembri Imperium Iani suscipit ille die, видимъ, что братъ Грэцина долженъ былъ, въ слѣдующемъ году, быть консуломъ, и притомъ вступить въ должность перваго января consul ἐπώνυμος; изъ ст. 69. сл. Indiciis igitur liceat Flaccoque tibique Talibus Augusti tempus in omne frui видимъ, что прозвище этого брата Flaccus; далѣе въ то время, которое здѣсь одно можно принять въ разсчетъ, былъ только одинъ Flaccus consul ἐπώνυμος, именно въ 17-мъ году по Р. Х., L. Pomponius Flaccus, Tac. Ann. II, 41: слѣдовательно Грэцинъ былъ братъ Луція Помпонія Флакка и былъ консуломъ, хотя и не ἐπώνυμος, въ 16-мъ году. Этой комбинаціи не противорѣчитъ разница въ прозвищахъ Graccinus и Flaccus, потому что въ то время не рѣдко различались между собою прозвища братьевъ. *Marquardt*, *Römische Privatalterthümer* I, стр. 25.

отнесемъ къ 20-му марта 11-го года, Trist III, 12, in. Frigora iam Zephyri minuunt tandemque peracta Longior intepuit visa Tomitis hiems къ веснѣ того же года, и выведемъ изъ этихъ двухъ мѣстъ, что Овидій прибылъ въ Томы послѣ 20-го марта 10-го года.

Но если такъ, то чѣмъ объяснить, что Овидій сосланъ былъ уже въ 8-мъ году по Р. X., а прибылъ въ назначенное мѣсто только послѣ продолжительнаго промежутка? Можно ли полагать, что онъ на это путешествіе употребилъ болѣе года, тогда какъ въ Ер. ex P. IV, 5,5 ss., обращаясь къ своимъ стихамъ, онъ говоритъ: Cum gelidam Thracen et opertum nubibus Haemon Et maris Ionii transieritis aquas, Luce minus decima dominam venietis in Urbem, Ut festinatum non feciatis iter? Здѣсь, дѣйствительно, есть затрудненіе, и оно-то, кажется, побудило нѣкоторыхъ авторовъ изгнаніе Овидія изъ Рима отнести къ осени 9-го года по Р. X., хотя они не объясняютъ почему именно остановились на этомъ годѣ. Прослѣдимъ внимательно за путешествіемъ поэта насколько это намъ позволяютъ его собственныя показанія. Въ 11-ой элегіи 1-ой книги Tristium онъ положительно заявляетъ, что на первомъ кораблѣ (слѣдовательно въ началѣ своего путешествія) находился на Адріатическомъ морѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ 3. 5: Aut hanc me, gelidi tremerem cum mense Decembris, Scribentem mediis Hadria vidit aquis, и что была зима подъ конецъ этого путешествія, когда онъ писалъ одиннадцатую элегію, 33, Cumque sit hibernis agitatum fluctibus aequor—41 Improba pugnat hiems indignaturque quod ausim Scribere se rigidas incutiente minas, но не рѣшаетъ, пришлись ли начало и конецъ путешествія въ одну зиму или въ двѣ зимы. Правда, нѣкоторыя указанія содержатъ стихи 13—16: Saepe ego nimbosis dubius iactabar ab Haedis, Saepe minax Steropes sidere pontus erat, Fuscabatque diem custos Erymanthidos Ursae, aut Hyadas saevis auxerat Auster aquis), но такъ какъ нельзя утверждать, что въ упоминаніи объ этихъ созвѣздіяхъ соблюдается ихъ послѣдовательность въ дѣйствительности, и нигдѣ не замѣчено, имѣется въ виду восходъ или заходъ и какой именно, утренній или вечерній, то равнымъ образомъ возможно упомянутое указаніе отнести къ одной зимѣ, а также распредѣлить его на двѣ зимы и на протекшее между ними лѣто. Однако, есть другое мѣсто, заключающее въ себѣ опредѣленіе времени. Въ Trist. I, 4. in. сказано: Tingitur Oceano custos Erymanthidos Ursae Aequoreasque suo sidere turbat aquas: Nos tamen Ionium non nostra findimus aequor Sponte. Тутъ глаголъ tingere означаетъ захожденіе Арктура или Боота, какъ и въ Fast. VI, 7. 17 этотъ глаголъ употреб-

ленъ для означенія захода солнца. At pater Heliadum radios ubi tinxerit undis Et cinget geminos stella serena polos — или у Вергилія Aen. XI, 913. Ni roseus fessos iam gurgite Phoebus Hibero Tinguat equos noctemque die labente reducat, а относительно Медвѣдицы Овидій самъ говоритъ, Metamorph. II, 171. Tum primum radiis gelidi caluere Triones Ft vetito frustra tentarunt aequore tingi. Арктуръ заходилъ вечеромъ съ 29-го октября, а утромъ съ 22-го мая (ср. Forbiger къ Verg. Georg. I, 204), но что здѣсь рѣчь идетъ объ утреннемъ захожденіи его, можемъ вывести изъ того, что въ означенное время Овидій находился еще на Іоническомъ морѣ. Такъ какъ это море граничитъ съ Адріатическимъ, на которомъ Овидій плавалъ съ декабря мѣсяца, то надо полагать, что онъ былъ на Іоническомъ морѣ не слишкомъ долго спустя послѣ декабря, а нѣкоторое замедленіе очень понятно судя потому, что Овидій разказываетъ о буряхъ и другихъ препятствіяхъ. Ср. особенно I, 2, 92. Ausonios fines cur mea vela vident? и 4, 19, s. Nam procul Illyriis laeva de parte relictis Interdicta mihi cernitur Italia. И такъ, выходитъ, что Овидій въ концѣ мая былъ еще на Іоническомъ морѣ, а этимъ самымъ вопросъ рѣшенъ. Чтобы Овидій въ 4-й эллегіи ошибся подобно тому, какъ онъ дѣйствительно ошибся въ Fast. III, 405, гдѣ о вечернемъ восходѣ Арктура говоритъ будто объ утреннемъ заходѣ (Sive est Arctophylax sive est piger ille Bootes, Mergetur visus effugietque tuos), это очень не вѣроятно, ибо эта элегія написана въ то самое время, о которомъ упоминается въ ней, и Овидій собственными глазами долженъ былъ видѣть, въ какомъ положеніи находился Арктуръ. Но, допустивъ это, окажется, что Овидій былъ на Іоническомъ морѣ въ началѣ марта, слѣдовательно опять не зимою, и въ главномъ результатѣ ничто не будетъ измѣнено. Конечно, такимъ образомъ остается еще много времени для остальнаго путешествія, но и это перестанетъ казаться удивительнымъ, если примемъ во вниманіе, во-первыхъ, что отъ Іоническаго моря до Томовъ гораздо дальше, чѣмъ отъ Рима до Іоническаго моря, во-вторыхъ, что Овидій на пути подвергался многимъ и чрезвычайнымъ препятствіямъ и бѣдствіямъ (ср. Trist. IV, 1, 57, ss. Vere prius flores, aestu numerabis aristas, Poma per auctumnum frigoribusque nives, Quam mala quae toto patior iactatus in orbe, Dum miser Euxini litora saeva peto); въ третьихъ, что онъ поѣхалъ въ Томы не прямо, но дѣлалъ большіе круги, при которыхъ не обходилось безъ разныхъ остановокъ. Если онъ подъ конецъ мая еще находился въ Іоническомъ морѣ, и то близь Италіи и при очень не

благопріятныхъ обстоятельствахъ, то когда же онъ могъ доѣхать до перешейка и до гавани Коринѳа, гдѣ пересѣлъ на другой корабль? Ср. Trist. I, 10, 9. Illa (navis) Corinthiacis primum mihi cognita Cenchreis Fida manet trepidae duxque comesque viae — и 11, 3, s, aut postquam bimarem cursu superavimus Isthmen Alteraque est nostrae sumta carina fugae. Едва ли можно предполагать, что этотъ другой корабль стоялъ уже готовымъ. Безъ сомнѣнія, пришлось выжидать удобнаго случая, который, можетъ быть, представился только послѣ продолжительнаго времени. Затѣмъ, хотя о началѣ путешествія на новомъ корабѣ ничего положительнаго неизвѣстно, но что оно было сопряжено съ немалыми затрудненіями, видно изъ Trist. I, 10, 11, s. Perque tot eventus et iniquis concita ventis Aequora Palladio numine tuta fuit. А еще послѣ того сколько странствованій! Отъ Трои и Геллеспонта на перешеекъ, съ Имброса на Самоѳракію, а тамъ новая остановка. См. l. l. 15, ss. Quae simul Aeoliae mare me deduxit in Helles Et longum tenui limite fecit iter, Fleximus in laevum Cursus et ab Hectoris urbe Venimus ad portus, Imbria terra, tuos. Inde levi vento Zerynthia litora nacta Threiciam tetigit fessa carina Samon. Saltus ab hac terra brevis est Tempyra petenti. Hac dominum tenus est illa secuta suum. Nam mihi Bistonios placuit pede carpere campos. Если, наконецъ, Овидій исполнилъ упомянутое въ послѣднихъ стихахъ предположеніе, то ему не только пришлось нѣсколько времени останавливаться въ Самоѳракіи, выжидая снаряженія новаго корабля (l. l. 48, parat scindere Bistonias altera puppis aquas), но предстояло ему сдѣлать очень порядочный конецъ отъ Темпиры до Томовъ, особенно сухимъ путемъ и зимою. Вѣдь онъ писалъ 11-ю элегію на кораблѣ, на пути отъ Самоѳракіи къ Темпирѣ, а что эта элегія написана зимою, заявляется въ выше приведенныхъ стихахъ ея, 33 и 41. Если же это предположеніе не было исполнено, то, должно быть, вслѣдствіе новыхъ затрудненій, которыя опять не могли не отнимать много времени. Въ томъ и другомъ случаѣ понятно, что Овидій не скоро доѣхалъ до мѣста своего назначенія, и въ результатѣ выходитъ, что нѣтъ причины прибытіе его въ Томы, послѣ 20-го марта 10 года, считать слишкомъ позднимъ.

Ричардъ Фохтъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

объ изданіи альбома Е. В. ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица соизволила разрѣшить изданіе альбома, лично Ея Величеству принадлежащаго, въ пользу лазаретнаго дамскаго комитета Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ. Альбомъ Ея Величества составлялся въ продолженіи долгаго времени изъ акварельныхъ снимковъ съ лучшихъ произведеній знаменитыхъ живописцевъ, находящихся въ различныхъ картинныхъ галлереяхъ Европы, а равно изъ рисунковъ съ натуры наиболѣе важныхъ памятниковъ древняго зодчества. Рисунки были заказываемы извѣстнѣйшимъ современнымъ акварелистамъ и представляютъ по своему характеру, въ настоящую минуту, единственное въ Европѣ собраніе болѣе нежели въ 150 листовъ.

Изданіе такого цѣннаго собранія, порученное картографическому заведенію А. Ильина, кромѣ своей благотворительной цѣли, представляетъ собою капитальный вкладъ въ небогатый отдѣлъ художественныхъ произведеній, издаваемыхъ въ Россіи,—вкладъ только потому оказавшійся возможнымъ, что чрезвычайно дорогіе акварельные рисунки, служащіе изданію оригиналами, составляютъ собственность Ея Величества.

Чтобы исполнить и другую цѣль, поставленную задачею при разрѣшеніи изданія — сдѣлать его доступнымъ большинству публики, оно будетъ появляться выпусками, отъ двухъ до трехъ въ годъ, по два рисунка въ каждомъ выпускѣ; цѣна 5 руб. сер. за выпускъ.

Подписка принимается: въ Музеѣ прикладныхъ знаній, въ Соляномъ городкѣ, у комисіонера музея г. Фену; въ дамскомъ лазаретномъ комитетѣ (на Пескахъ въ Рождественской больницѣ), въ географическомъ магазинѣ Главнаго Штаба (на Дворцовой площади), въ картографическомъ заведеніи А. Ильина (Екатерингофскій проспектъ, домъ № 11 — 43) и въ магазинѣ эстамповъ Беггрова (на Невскомъ просп.).

При этомъ выдается 1-й выпускъ, состоящій изъ двухъ рисунковъ:

1. Портретъ молодаго человѣка, съ картины Франческо Франчіа, находящейся въ картинной галлереѣ Лувра въ Парижѣ.

2. Портретъ Рембрандта, снимокъ съ портрета имъ самимъ написаннаго, находящагося въ картинной галлереѣ Бельведера въ Вѣнѣ.

О выходѣ 2-го выпуска будетъ объявлено въ газетахъ своевременно.

За пересылку и упаковку слѣдуетъ прилагать за 8 фунтовъ по разстоянію за выпускъ.

Подписчики будутъ получать выпуски первыми, и если останутся лишніе экземпляры, то они будутъ продаваться въ мѣстахъ подписки.

Каждый выпускъ высылается по адресу по полученіи отъ подписчика назначенной платы за выпускъ. Подписчикъ, не взявшій выпускъ въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ по объявленіи о выходѣ его, считается не желающимъ продолжать полученіе.

Изданія государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Въ Московскомъ Главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ (на углу Воздвиженки и Моховой), и у книгопродавца *А. А. Васильева*, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ графа Мусина-Пушкина, а въ С.-Петербургѣ у книгопродавца *И. Г. Мартынова*, 15, Вознесенскій проспектъ, продаются изданія существующей при Архивѣ Коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, по слѣдующимъ, значительно сбавленнымъ противъ прежнихъ, цѣнамъ:

1) *Собраніе государственныхъ грамотъ* и *договоровъ,* 4 т. изд. 1813—1828 г., съ гравированными изображеніями многихъ печатей, палеографическими снимками нѣсколькихъ грамотъ XIII—XVIII вѣка, и fac-simile обоихъ Лже-Дмитріевъ, Марины Мнишекъ, Богдана Хмельницкаго и т. п. Каждый томъ по 3 руб.

2) *Законы великаго князя Іоанна III Васильевича* и *Судебникъ царя Іоанна IV Васильевича*, съ дополнительными указами, съ предисловіемъ Калайдовича и Строева и со снимкомъ двухъ заглавныхъ листовъ; въ концѣ напечатана выпись о наблюденіи за благопристойнымъ поведеніемъ духовенства, 1819 г. По 1 руб.

3) *Изслѣдованія*, служащія къ объясненію древней русской исторіи, *А. Х. Лерберга*, съ приложеніемъ карты Югорской земли. Изд. на нѣмецкомъ языкѣ, по опредѣленію Имп. С.-Петерб. Академіи Наукъ, Ф. Кругомъ; перев. Д. Языкова, 1818 г. По 1 руб. 50 коп.

4) *Рустринія*, первоначальное отечество великаго князя Рюрика и братьевъ его. Историч. опытъ Г. Ф. Голлмана. Пер. И. Снегирева, 1819 г. По 30 коп.

5) *Исторія Льва Діакона Калойскаго* и другія сочиненія византійскихъ писателей, изд. въ первый разъ съ рукописей Королевской парижской библіотеки К. Б. Гаазе. Перев. Д. Попова, 1820 г. По 1 руб.

6) *Софійскій Временникъ,* или русская лѣтопись съ 862 по 1534 годъ. 2 части. Изд. въ 1820 — 1821 г. П. Строевымъ съ приложеніемъ трехъ снимковъ съ списковъ Софійскаго Временника; каждая часть по 2 руб.

7) *Записки* о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ *Средней Азіи*. Ф. Назарова, Отдѣльнаго сибирскаго корпуса переводчика, посланнаго въ Коканъ въ 1813—1814 г. Изд. въ 1821 г. По 40 коп.

8) *Памятники россійской словесности XII вѣка*, изд., съ объясненіями, варіантами и образцами почерковъ, К. Калайдовичемъ въ 1821 г. По 2 руб.

9) Историческій и хронологическій опытъ о *Посадникахъ Новгородскихъ*; изъ древнихъ русскихъ лѣтописей, изд. 1821 г. По 1 руб. 50 коп.

10) *Бѣлорусскій Архивъ* древнихъ грамотъ съ 1463—1768 г.; при многихъ приложены снимки съ разныхъ собственноручныхъ подписей, изд. 1824 г. По 1 руб.

11) *Іоаннъ Экзархъ Болгарскій*. Изслѣдованіе, объясняющее исторію словенскаго языка и литературы IX и X столѣтій, К. Калайдовича, изд. въ 1824 г. По 3 руб.

12) *Кириллъ и Меѳодій*, словенскіе первоучители. Историко-критическое изслѣдованіе І. Добровскаго. Пер. съ нѣмецкаго М. Погодина, изд. 1825 г. По 1 руб.

13) *Письма русскихъ государей* и другихъ особъ царскаго семейства, 4 вып., изд. 1861—1862 г.; каждый выпускъ по 65 коп.

Высылку сихъ изданій по почтѣ Архивъ на себя не беретъ; а потому гг. иногородные благоволятъ, съ подобными требованіями, обращаться *исключительно* къ гг. книгопродавцамъ: Васильеву (въ Москвѣ) и Мартынову (въ С.-Петербургѣ).

Кромѣ поименованныхъ выше изданій, въ *Архивѣ* продаются:

1) *Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи* съ западными державами европейскими, отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814 г. до конгресса въ Веронѣ въ 1822 г., изд. министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, С.-Петерб. 1823 — 1825 г. 2 т. По 10 руб. 50 коп.

2) *О вооруженномъ морскомъ нейтралитетѣ*, составлено по документамъ Московскаго Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, изд. 1859 г. По 75 коп.

3) *Описаніе Знаменскаго монастыря и палатъ бояръ Романовыхъ*, соч. архимандрита Сергія, изд. 1866 г. По 3 руб.

4) *Закладка и освященіе* тѣхъ же палатъ. По 10 коп.

КНИГА О КІЕВСКИХЪ БОГАТЫРЯХЪ.

Сводъ 24 избранныхъ былинъ древне-кіевскаго эпоса. Составилъ В. Авенаріусъ.

Г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія утверждено опредѣленіе ученаго комитета этого министерства, которымъ постановлено: составленную г. *Авенаріусомъ* „*Книгу о кіевскихъ богатыряхъ*. С.-Пб. 1875 г.", рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а равно и для наградъ учащимся.

Вышеприведенное опредѣленіе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія объ изданіи подъ заглавіемъ: „*Книга о кіевскихъ богатыряхъ. Сводъ 24 избранныхъ былинъ древне-кіевскаго эпоса. Сост. В. П. Авенаріусомъ*", послѣдовало 17-го ноября 1875 года согласно слѣдующему мнѣнію о ней:

„Предметъ этой книги и ея назначеніе объяснены самимъ составителемъ. „Хотя народныхъ былинъ и собрано до двадцати томовъ", говоритъ онъ, „но изъ существующихъ десятковъ неполныхъ и часто значительно искаженныхъ варіантовъ отдѣльныхъ былинъ до настоящаго времени не составлено общаго свода, такъ что русское юношество, для практическаго изученія нашей древней народной поэзіи, не имѣетъ въ дѣствительности ни одной книги, ибо сборники ученыхъ собирателей не приспособлены для этой цѣли. Чтобы дать юношеству возможность получить совершенно законченное понятіе о древне-кіевскомъ былевомъ эпосѣ, мною сдѣлано сличеніе по стихамъ всѣхъ извѣстныхъ варіантовъ кіевскихъ былинъ и составленъ изъ лучшихъ стиховъ сводъ 24 избранныхъ былинъ, слагающихся въ одну послѣдовательную эпическую хронику". Въ этотъ сводъ входятъ былины о старшихъ и младшихъ богатыряхъ: Вольгѣ Всеславьевичѣ, Микулѣ Селяниновичѣ, Святогорѣ, Дунаѣ Ивановичѣ, Добрынѣ Никитичѣ, Алешѣ Поповичѣ, Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Будиміровичѣ, Ставрѣ Годиновичѣ, Чурилѣ Пленковичѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Михайлѣ Потокѣ. Значеніе важнѣйшихъ анахронизмовъ, какъ и вообще встрѣчающихся въ былинахъ фактовъ, личностей и предметовъ, требующихъ поясненія, указано въ приложенныхъ въ концѣ книги „примѣчаніяхъ". За примѣчаніями слѣдуетъ „алфавитный указатель" собственныхъ именъ и необычныхъ предметовъ, которые безъ объясненій затруднили бы

читателя или и вовсе остались бы для него непонятными. Кромѣ того, половина былинъ снабжена оригинальными рисунками, въ которыхъ, по словамъ составителя, соблюдена возможная вѣрность въ нарядахъ и архитектурѣ древнѣйшаго періода русской исторіи. Наконецъ во введеніи къ былинамъ изложены существенныя понятія о народномъ эпосѣ, о пѣвцахъ (или сказателяхъ), поющихъ былины, и о стихотворномъ размѣрѣ.

„Трудъ г. Авенаріуса, отличающійся прекраснымъ изданіемъ, вполнѣ заслуживаетъ вниманія учащихъ и учащихся, почему и можетъ быть *рекомендованъ для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, и для наградъ учащимся*".

Учебныя заведенія, выписывающія книгу у ея составителя (3-я рота Измайловскаго полка, домъ № 8, кв. 28) платятъ: въ бумажкѣ 1 р. 60 коп., въ папкѣ 1 р. 75 коп., въ переплетѣ съ золотыми тисненіями 2 р. 10 коп., прилагая за пересылку каждаго экземпляра вѣсовые за 3 фунта.

РУССКІЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

издаваемый

ПРОФЕССОРОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА И. БЕРЕЗИНЫМЪ,

посвященный

Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Выпускъ IX, тетрадь 1.

Въ этой тетради между прочимъ помѣщены: Воздухъ, проф. Д. И. Менделѣева; Воспаленіе, проф. Е. В. Павлова; Востоковъ, проф. И. И. Срезневскаго; Выстрѣлъ, проф. В. А. Пашкевича, и др.

Подписка принимается въ конторѣ изданія (Офицерская, 60). Цѣна за первый годъ (3 тома) 13 руб., за второй годъ (3 тома) 13 руб., за третій годъ (4 тома) 16 руб.

Заслуженный профессоръ **И. Березинъ.**

Въ „Русской Старинѣ“ изд. **1876-го** года будутъ помѣщаемы: I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ, артистовъ и проч.—IV. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстнѣйшихъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—V. Историческіе разсказы: анекдоты, эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и XIX вв.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч.; листки изъ записной книжки „Русской Старины“. — VI. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи духовные.—Пѣсни, заговоры, замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа. — VII. Библіографическій листокъ новыхъ книгъ.

Къ книгамъ „Русской Старины“ **1876** г. будутъ, между прочимъ, приложены гравированные **на мѣди** портреты: императрицы **Екатерины II**, княгини Екатерины Романовны **Дашковой** (въ молодости), князя **Платона Зубова**, генерала **Михельсона** (побѣдителя Пугачева), **Лжедимитрія I-го** (перваго самозванца), графа **Аракчеева**, Алексѣя Петровича **Ермолова**, **Шамиля**; гравюры на деревѣ: портретъ **В. Г. Бѣлинскаго** (съ мало извѣстнаго портрета), Мих. Өед. **Орлова**, кавказскаго генерала **Клюки-фонъ-Клугенау** и др., а также разные рисунки.

Гравюры на мѣди исполнены академикомъ **И. П. Пожалостинымъ** и друг.; нѣкоторыя изъ гравюръ отпечатаны въ Парижѣ. Портреты на деревѣ гравировалъ академикъ **Л. А. Сѣряковъ**.

Примѣчаніе. Въ числѣ историческихъ книгъ, отдѣльно изданныхъ редакціей «Русской Старины» и составленныхъ изъ статей и матеріаловъ, ненапечатанныхъ въ этомъ журналѣ, имѣется, впрочемъ не въ большомъ количествѣ экземпляровъ, книга: **«Записки князя Якова Петровича Шаховскаго»** полиціймейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генералъ кригсъ-коммисара, затѣмъ генералъ-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екатеринѣ II, 1705—1777 гг. Спб. 350 стр.

Лица, выписывающія «Русскую Старину» въ текущемъ году, при возобновленіи подписки на 1876 г. (до 1-го января), могутъ получить книгу: «Записки

князя Я. П. Шаховскаго» выславъ лишь при 8-ми рубляхъ, слѣдуемыхъ за «Русскую Старину» **1876** г., семь восьмикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ или 56 коп. на пересылку означенной книги.

При вышедшихъ книгахъ «Русской Старины» приложены и разосланы:

Портреты: Петра Великаго (гравюра на стали, исполненная въ Лондонѣ), герцога Бирона, статсъ-дамы Натальи Өедоровны Лопухиной

Принцевъ Петра и Алексѣя, принцессъ Екатерины и Елисаветы—(дѣти Правительницы Анны Леопольдовны). Д. В. Волкова (тайный секретарь Петра III). Емельяна Пугачева и снимокъ съ его подписи и печати. Князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго (гравюра на мѣди).

А. Т. Болотова—два портрета; Академика Александра Лаврентьевича. Витберга, перваго по времени строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

Гр. Аракчеева, атамана войска Донскаго Адріяна Карповича Денисова; дѣятелей въ отечественную войну генераловъ: Булатова и Маевскаго.

А. С. Грибоѣдова, съ портрета, писаннаго профессор. И. Н. Крамскимъ.

Портретъ поэта М. Ю. Лермонтова, снимокъ съ подлинника, писаннаго съ натуры акварелью г. Клиндеромъ въ 1839 г., исполненъ красками въ Парижѣ.

Крестьянина Тараса Рябинина (род. въ 1792 г.), пѣвца древнихъ былинъ.

Василія Назаровича Каразина, основателя Харьковскаго университета.

Архимандрита Новгородскаго Юрьева монастыря Фотія, съ гравюры Дау.

Кавалера д'Эона (мнимая женщина), агента при дворѣ импер. Елисаветы.

Александра Өедоровича Воейкова, автора сатиры: «Домъ сумасшедшихъ».

Представители державной власти въ Россіи отъ Петра Великаго до импер. Николая, заглавный рисунокъ профес. Шарлеманя къ изд. «Русской Старины»

Снимки съ весьма рѣдкихъ медалей: императрица Анна Іоанновна, императоръ Іоаннъ Антоновичъ (1741 г.), цесаревна Елисавета Петровна 25-го ноября 1741 г.;—проектъ медали на взятіе Константинополя (1788 г.);—планъ собора въ Херсонѣ съ чертежомъ могилы князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.

Рисунки: Тюрьма брауншвейгской фамиліи близь Холмогоръ; арестъ Бирона (картина профес. Якобія); Ледяной домъ, четыре рисунка (1740 г.); Церковь въ Ивановскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, съ застѣнкомъ—мѣсто заточенія Салтычихи; памятникъ Екатеринѣ II въ Петербургѣ (1873 г.) и памятникъ Екатеринѣ II въ нѣмецкой колоніи Саратовской губерніи; рисунки двухъ памятниковъ князя Кутузова-Смоленскаго. Пятнадцать рисунковъ: Моды въ Россіи въ 1779—1789 и 1791 гг. Проектъ памятника Петра Великаго въ XVIII в. Памятники кн. Потемкину-Таврическому въ г. Херсонѣ и Александру I въ селѣ Понизовьѣ 1816 г. Храмъ Спасителя въ Москвѣ—проектъ академика А. Витберга.

Домъ въ городѣ Бунцлау, въ которомъ скончался князь Кутузовъ, и памятникъ ему въ томъ же городѣ и пр. и пр., всего болѣе 130 рисунковъ и виньетокъ.

Рисунокъ фресковъ на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора XI-го вѣка.

Большой рисунокъ: ботикъ Петра Великаго: «Дѣдушка русскаго флота».

Подробная родословная таблица владѣтельныхъ предковъ Россійскаго Императорскаго дома (на большомъ листѣ почтовой бумаги).

Снимки съ подлинныхъ писемъ: Петра Великаго, импер. Екатерины II, князя Потемкина-Таврическаго, М. И. Голенищева-Кутузова (два письма 1790—1812 гг.)

Снимки съ подписей: Грибоѣдова, Кюхельбекера, Дельвига, Баратынскаго, Гнѣдича, Жуковскаго, архимандрита Фотія, В. Н. Каразина, гр. Аракчеева и др.

Снимокъ съ предсмертнаго письма композитора Михаила Ивановича Глинки
Снимокъ съ подписи Фальконета, строителя памятника Петру Великому.
Снимокъ съ двухъ страницъ подлинной рукописи Записокъ Болотова и проч.

Такъ какъ требованія на „Русскую Старину" изданія 1870—1875 г. продолжаютъ поступать, то контора редакціи считаетъ необходимымъ заявить, что „Русская Старина": 1870 г. (первыя два изданія), 1871 г., 1872 г. (два изданія), 1873 г., 1874 г. и 1875 г. (первая книга два изданія) сполна разошлись по подпискѣ до послѣдняго экземпляра, но нынѣ

отпечатано и поступило въ продажу **новое, третье** изданіе „Русской Старины" 1870 г. (годъ первый) — всѣ двѣнадцать книгъ въ **трехъ большихъ томахъ**, съ двумя портретами, снимками и 65-ю рисунками и виньетками. Цѣна **8** руб. съ пересылкою.

Въ **третьемъ** изданіи «Русской Старины» 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генералъ-фельдмаршала кн. Н. Ю. **Трубецкаго**;— Записки исторіографа кн. М. М. **Щербатова** о поврежденіи нравовъ въ Россіи; — сенатора П. С. **Рунича** о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ; — Записки придворнаго брилліанщика **Позье** (1729—1764 гг.);—Записки **Лагарпа** о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей; — Петербургъ въ 1781 г.— замѣтки **Пикара**; — Записки Михаила Александровича **Бестужева** (1824—1842 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.; — Записки композитора Михаила Ивановича **Глинки** (1804—1854 гг.);—Замѣтки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.); — Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г. — разсказъ Я. П. **Бакланова**; — Оборона Камчатки въ 1854 г.—разсказъ контръ-адмирала **Арбузова** и проч.—Болѣе сотни сообщеній, разсказовъ, статей, замѣтокъ, собранія писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи, со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII вѣка, біографическія замѣтки П. Ѳ. **Карабанова**.— Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Николая Полеваго, Вигеля, Якова Ростовцева и друг.

Приложеніе къ **третьему** изданію «Русской Старины» **1870** г. составляетъ **первый** томъ Записокъ **Болотова**, вновь пересмотрѣнный, свѣренный съ подлинникомъ и украшенный болѣе шестидесяти вновь награвированными Академикомъ **Сѣряковымъ** рисунками.

М. Семевскій.

СОДЕРЖАНІЕ

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

Приказъ министра народнаго просвѣщенія.

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1994